3

III

3

ТРУДЫ

Я. К. ГРОТА.

III.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(1848—1893).

БІОГРАФІИ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изданы подъ редакц. проф. К. Я. ГРОТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Настоящій томъ вмѣщаетъ въ себѣ III-ій отдѣлъ „Трудовъ" Я. К. Грота, а именно извлеченныя изъ журналовъ и академическихъ изданій изслѣдованія, очерки и замѣтки его по *исторіи русской литературы*, за исключеніемъ самыхъ большихъ и капитальныхъ работъ его въ этой области—по изданію и объясненію Державина, составляющихъ совершенно особое цѣлое и остающихся, по плану нашего изданія, внѣ его рамокъ. Конечно, съ пропускомъ многочисленныхъ статей академика изъ болѣе ранней эпохи (1845—1867) о Державинѣ, его сочиненіяхъ и жизни [1]), оказывается довольно существенный пробѣлъ въ собранныхъ здѣсь итогахъ историко-литературныхъ его разысканій. Но этотъ пробѣлъ достаточно оправдывается тѣмъ, что всѣ эти статьи были, какъ извѣстно, болѣе или менѣе исчерпаны авторомъ въ его монументальномъ академическомъ изданіи „Сочиненій Державина" и въ его „Жизни Державина" (т. VIII „Сочиненій"), и что онѣ, какъ подготовительные очерки и матеріалы, послѣ своей окончательной обработки въ этихъ изданіяхъ, не могли не утратить нынѣ своего первоначальнаго интереса и значенія [2]).

Къ статьямъ и изслѣдованіямъ этого отдѣла я позволилъ себѣ присоединить статьи покойнаго академика объ Академіи Наукъ и Второмъ ея Отдѣленіи—въ виду той тѣсной и живой связи, какая

---

[1]) См. ниже, стр. 508.

[2]) Впрочемъ то, что изъ этихъ матеріаловъ и статей не было исчерпано въ академическомъ изданіи и еще не утратило историко-литературной цѣнности,—предполагается помѣстить въ видѣ „Приложеній" къ будущему новому изданію „Жизни Державина", когда въ таковомъ окажется надобность.

существуетъ между Академіей Наукъ, ея жизнью и исторіей и судьбами русскаго просвѣщенія и русской литературы.

Статьи о Пушкинѣ, объединенныя авторомъ еще при жизни подъ заглавіемъ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники" (1-е изд. 1887 г. въ Сборникѣ отд. русск. яз. и сл. И. А. Н., т. 42 и отдѣльно), помѣщены здѣсь особымъ отдѣломъ въ концѣ тома. Въ настоящемъ обновленномъ видѣ онѣ вышли недавно (къ 100-лѣтнему юбилею Пушкина) и особой книгой [1]).

Въ заключеніе не могу не помянуть здѣсь съ благодарнымъ чувствомъ столь преждевременно похищеннаго у русской науки покойнаго Л. Н. Майкова. Незабвенны для меня то живое сочувствіе, съ какимъ онъ все время относился къ настоящему изданію, и его всегдашняя готовность служить своими богатыми свѣдѣніями и большою опытностью, чѣмъ не разъ я имѣлъ случай пользоваться, особенно при изданіи отдѣла о Пушкинѣ въ этомъ томѣ.

К. Г.

Окт. 1900 г.

---

[1]) См. *Предисловіе* къ ней, гдѣ между прочимъ я выражаю искреннюю признательность извѣстному нашему библіографу С. И. Пономареву за сообщеніе нѣсколькихъ дополненій къ статьѣ „Хронологическая канва".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА [1]).

1865.

„Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство... Если генiй и дарованiя ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россiя должна Ломоносову монументомъ.“ *Карамзинъ.*

„Ломоносовъ былъ великiй человѣкъ... Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятiя, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенiя.“ *Пушкинъ.*

„Всякое прикосновенiе къ любезной сердцу его Россiи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сiяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной.“ *Гоголь.*

То, что въ эти дни совершается по всей Россiи въ память родоначальника нашей литературы, есть празднество мысли, какого еще не бывало у насъ; это — общественное празднество русскаго просвѣщенiя.

Въ такую эпоху, когда давно-признанныя заслуги подвергаются строжайшему пересмотру, выраженiе всеобщаго сочувствiя къ Ломоносову есть явленiе и отрадное и знаменательное.

Оно отрадно, потому что въ идеѣ его — признанiи духовнаго превосходства — соединяются люди всѣхъ категорiй, примиряются разнородные и даже противоположные взгляды.

Оно знаменательно какъ несомнѣнный признакъ усиленiя въ нашемъ обществѣ умственныхъ интересовъ, оживленiя въ немъ нацiональнаго чувства и любви къ родному слову. Въ Ломоносовѣ мы чествуемъ могущество природнаго ума, который, въ борьбѣ съ враждебною судь-

---

[1]) Читанный въ торжественномъ собранiи Императорской Академiи Наукъ 6-го апрѣля 1865 года. Напечат. въ VII т. Записокъ Имп. Академiи Наукъ.

бой, завоевалъ знаніе и проложилъ себѣ широкій путь въ жизни; но мы чествуемъ и науку, давшую ему значеніе и славу; мы чествуемъ въ Ломоносовѣ сочетаніе пылкаго генія съ ненасытною пытливостью и неутомимымъ трудолюбіемъ.

Въ сто лѣтъ, протекшія со смерти Ломоносова, отношеніе его къ русской литературѣ уже значительно измѣнилось. Въ первыя 50 лѣтъ онъ считался законодателемъ въ поэзіи, въ краснорѣчіи, въ языкѣ; поэты и ораторы видѣли въ немъ свой образецъ и старались только о томъ, какъ бы сравняться съ нимъ. Впослѣдствіи вліяніе его ослабѣло, русская поэзія и проза приняли новыя формы, но слава его осталась неприкосновенною. Въ настоящее время происходитъ новый поворотъ въ исторіи его значенія для потомства. Съ развитіемъ нашей гражданской жизни и народности въ литературѣ, на первый планъ въ оцѣнкѣ Ломоносова выступаетъ его общественная дѣятельность, его національное значеніе; онъ является передовымъ борцомъ русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признаніе драгоцѣннѣйшихъ духовныхъ сокровищъ націи.

Съ славою Ломоносова, съ удивленіемъ, которое къ нему питали современники и сохраняетъ потомство, въ рѣзкомъ противорѣчіи скудость того, что сдѣлано во сто лѣтъ для его изученія. По смерти его осталось довольно большое число неизданныхъ сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи были напечатаны, но значительная часть не дошла до насъ; неизвѣстно даже, куда дѣвались рукописи. Гдѣ остались его Ораторія и Поэзія, двѣ книги, составлявшія продолженіе его Риторики? Гдѣ его „мысли, простиравшіяся къ приращенію общей пользы", изложенныя въ запискахъ, изъ которыхъ только одна — „о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа" намъ извѣстна? Не много сдѣлано до сихъ поръ и для критической оцѣнки заслугъ Ломоносова. Правда, количество отдѣльныхъ статей, напечатанныхъ о немъ въ этотъ періодъ, очень велико; многочисленны разбросанные въ періодическихъ изданіяхъ матеріалы для его біографіи; но слишкомъ мало было трудовъ, которые бы имѣли цѣлью, на основаніи строгаго научнаго анализа, установить вѣрный взглядъ на значеніе Ломоносова въ той или другой сферѣ дѣятельности. Даже языкъ его еще не былъ подвергнутъ подробному изслѣдованію. Имѣющіяся до сихъ поръ изданія его сочиненій не полны и неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ согласить такое невниманіе къ трудамъ Ломоносова съ признаніемъ его великаго историческаго значенія?

Это противорѣчіе объясняется прежнимъ состояніемъ нашего общества и нашей литературы. Оттого такъ долго оставались подъ спудомъ и матеріалы для біографіи Ломоносова, появляющіеся нынѣ въ первый разъ, благодаря пробудившейся въ обществѣ потребности подобныхъ изданій, благодаря духу времени, который все извлекаетъ изъ праха

забвенія, все разыскиваетъ и подвергаетъ изслѣдованію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти матеріалы составятъ эпоху въ изученіи Ломоносова, дадутъ новую жизнь исторіи нашей литературы 18-го столѣтія. Славѣ Ломоносова они не повредятъ: если тутъ или тамъ его недостатки выступаютъ теперь въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, за то и достоинства его являются въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Но скрывать или искажать факты, когда рѣчь идетъ о немъ, было бы недостойно его величія. Не онъ ли всю свою жизнь искалъ истины, любя выше всего науку? Если мы хотимъ, чтобъ наша дань его достоинствамъ имѣла цѣну, мы должны открыто сознавать и его недостатки. Иначе наше слово было бы не чествованіемъ, а оскорбленіемъ его памяти, потому что оно оскорбило бы истину и науку.

Но если Ломоносовъ не всегда отвѣчаетъ нашимъ понятіямъ о приличіи, о безпристрастіи и великодушіи, если онъ иногда является намъ слишкомъ раздражительнымъ или мнительнымъ, то, во-первыхъ, мы не должны забывать, что къ людямъ геніальнымъ вообще нельзя безусловно прилагать установленной мѣрки житейскихъ требованій; во-вторыхъ, необходимо имѣть въ виду не только состояніе русскаго общества во время Ломоносова, но и обстоятельства, среди которыхъ онъ росъ и развивался отъ дѣтства до поступленія въ Академію; надобно вспомнить нравы нашего 18-го столѣтія и среди ихъ цѣлый рядъ дѣятелей, представляющихъ черты однородныя, рядъ, во главѣ котораго стоитъ самъ Петръ Великій съ его вспыльчивымъ, крутымъ и жесткимъ нравомъ. Въ Россіи еще не было общаго уровня образованія; природныя свойства гораздо сильнѣе и рѣшительнѣе заявляли свои права; оттого тогдашніе люди являются вообще съ болѣе рѣзкими и выразительными физіономіями. Ломоносовъ ни въ Заиконоспасскомъ училищѣ, ни въ нѣмецкомъ университетѣ не могъ научиться правиламъ общежитія; безпорядочный образъ жизни тогдашнихъ германскихъ студентовъ не могъ остаться безъ вліянія на молодого русскаго съ пылкими страстями, и мы не должны слишкомъ строго судить его за слабости и пороки, привитые къ нему обществомъ, среди котораго онъ провелъ свою молодость.

Біографія Ломоносова находилась до сихъ поръ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи.

Нѣтъ, можетъ быть, ни одного писателя, жизнь котораго была бы, повидимому, столь хорошо извѣстна, но въ сущности была бы такъ мало разъяснена. Внѣшнія обстоятельства жизни Ломоносова такъ поразительны, что съ ними всякій русскій знакомился уже съ дѣтства, но на этомъ дѣло, по большей части, и останавливалось. Внутреннихъ сторонъ его біографіи никто не изучалъ надлежащимъ образомъ уже потому, что для этого недоставало положительныхъ данныхъ. Да притомъ и внѣшніе факты его жизни извѣстны были только въ общихъ

чертахъ; знакомство съ ними основывалось, бо̀льшею частію, на преданіяхъ, на разсказахъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ Ломоносова, а не на подлинныхъ документахъ. Тутъ первоначальными источниками служили немногія сообщенія самого Ломоносова въ письмахъ его, особенно къ Шувалову, разсказы Штелина, Новикова и біографія Ломоносова при изданіи его сочиненій Академіею Наукъ, также извѣстія академика Лепехина, который сообщилъ преданія о Ломоносовѣ, сохранившіяся на мѣстахъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство; наконецъ свѣдѣнія, собранныя Свиньинымъ.

Всѣ эти источники не только скудны, отрывочны, неполны, но и не совсѣмъ достовѣрны, особенно въ отношеніи къ хронологическимъ даннымъ, которыя иногда оказываются въ нихъ просто ошибочными.

Такіе недостатки никогда уже не могутъ быть отстранены вполнѣ въ разсужденіи первой половины біографіи Ломоносова. Тѣмъ не менѣе и эта часть ея въ значительной мѣрѣ пополняется и исправляется издаваемыми нынѣ документами. Сюда относятся особенно тѣ изъ нихъ, которые напечатаны г. Куникомъ. Они объясняютъ подробно поводъ къ посылкѣ Ломоносова въ Германію, его положеніе, жизнь и занятія во время пребыванія за границею, а также и тогдашнія отношенія его къ Академіи. Эти свѣдѣнія дополняются нѣсколькими важными бумагами, отысканными г. Пекарскимъ. Въ свою очередь, обильные матеріалы, собранные г. Билярскимъ, обнимаютъ всю академическую дѣятельность Ломоносова. Изъ краткой автобіографической записки его открывается несомнѣнно, что онъ въ московскія Спасскія школы записался не прежде 15-го января 1731 года. А такъ какъ онъ передъ тѣмъ былъ короткое время въ Навигацкой школѣ, на переходъ же изъ родины въ Москву употребилъ до трехъ недѣль, то выходитъ, что онъ покинулъ свою деревню въ началѣ декабря или еще въ ноябрѣ 1730 года. На основаніи того же документа, рожденіе его можетъ быть отнесено къ 1712 году [1]): въ этой запискѣ, составленной очевидно въ началѣ 1754 г., сказано, что ему было тогда 42 года. Чрезвычайно замѣчательно также, въ біографическомъ отношеніи, нѣмецкое письмо къ библіотекарю Академіи Шумахеру, писанное Ломоносовымъ въ послѣднее время пребыванія его въ Марбургѣ, именно 16-го ноября 1740 года [2]). Письмо это бросаетъ сомнѣніе на точность всѣмъ извѣстнаго разсказа объ обстоятельствахъ бѣгства Ломоносова изъ Марбурга въ Голландію. Письмо написано въ оправданіе произвольнаго отъѣзда его изъ Фрейберга и почти все наполнено

---

[1]) По Штелину, онъ родился въ 1711 г., а по разсказу, слышанному Лепехинымъ, въ 1709 г. Возможно, что Ломоносовъ и самъ въ точности не зналъ года своего рожденія.

[2]) См. *Сборникъ* г. Куника, стр. 167.

жалобами на бергфизика Генкеля, къ которому Ломоносовъ съ товарищами ѣздилъ изъ Марбурга учиться горному дѣлу. Будучи въ крайнемъ затрудненіи отъ безденежья и считая дальнѣйшее пребываніе въ Фрейбергѣ для себя безполезнымъ, онъ въ маѣ 1740 г. отправился сперва въ Лейпцигъ, а потомъ въ Кассель, для личнаго объясненія съ бывшимъ президентомъ Академіи Кейзерлингомъ, который теперь былъ посломъ нашимъ при саксонскомъ дворѣ и по слухамъ находился въ этихъ городахъ. Не заставъ его тамъ, Ломоносовъ рѣшился ѣхать черезъ Голландію въ Петербургъ, но прежде захотѣлъ побывать въ Марбургѣ, чтобы снарядиться въ путь съ помощію друзей. Изъ Марбурга онъ пустился во Франкфуртъ-на-Майнѣ, а оттуда водою до Роттердама. Здѣсь русскій посланникъ гр. Головкинъ отказалъ ему въ помощи и объявилъ, что вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло. Ломоносовъ поѣхалъ въ Амстердамъ и нашелъ тутъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые отсовѣтовали ему возвращаться въ Россію безъ особаго вызова. Тогда онъ отправился опять въ Германію и на этомъ-то пути „вынесъ много опасностей и нужды, которыя какъ онъ говоритъ, было бы слишкомъ долго описывать“.

Эти слова заставляютъ насъ предполагать, что испытанныя имъ приключенія относятся къ обратному его путешествію изъ Голландіи, а не къ окончательному бѣгству его изъ Марбурга [1]), гдѣ онъ послѣ того жилъ нѣсколько времени инкогнито и занимался алгеброй.

Это письмо Ломоносова любопытно, между прочимъ, и какъ свидѣтельство его быстрыхъ успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи, данной ему при отправленіи за границу, предписывалъ: „стараться ему о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ онъ ими свободно говорить и писать могъ“. Рядомъ съ этимъ стояло еще другое предписаніе: „присылать всегда по прошествіи полугода въ Академію Наукъ извѣстіе, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается, также нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія“. Этими-то пунктами инструкціи объясняется, почему Ломоносовъ, осенью 1738 года, желая загладить передъ Академіею свое долгое молчаніе, прислалъ разомъ: донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ, ученое сочиненіе на латинскомъ и русскій переводъ въ стихахъ французской оды (Фенелона). Такова же была причина присылки въ началѣ 1740 г. знаменитой оды на взятіе Хотина и относящагося къ ней письма о правилахъ россійскаго стихотворства. Всѣмъ извѣстно, что въ этой одѣ Ломоносову служилъ образцомъ Гюнтеръ. Но въ чемъ именно состояло подражаніе, и почему онъ обратилъ такое вниманіе на этого поэта?

---

[1]) Согласное съ этимъ свѣдѣніе есть и въ бумагахъ Штелина. Москвит. 1853 г., № 3.

Гюнтеръ, умершій въ 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо пользовался тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта: уже вышло нѣсколько, хотя еще и не полныхъ, изданій его сочиненій, и незадолго передъ паденіемъ Хотина появилась первая біографія покойнаго. Похвалы Гюнтеру вызвали противъ него и порицанія; противниками его были особенно послѣдователи рутиниста Готшеда. Но понятно, что въ томъ кругу, гдѣ обращался Ломоносовъ, талантъ Гюнтера былъ уважаемъ, особенно если вспомнить, что главнымъ покровителемъ покойнаго при жизни его, и первымъ его цѣнителемъ по смерти, былъ знаменитый лейпцигскій профессоръ Менке, бывшій въ сношеніяхъ съ наставникомъ Ломоносова Вольфомъ. Молодость несчастнаго Гюнтера, далѣе которой не продлилась его жизнь, представляетъ сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ, силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдуя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ заставить его учиться медицинѣ, тогда какъ сынъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели: не смотря на его глубокое раскаяніе впослѣдствіи, жестокій отецъ не согласился простить его и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они, вѣроятно, были распространены между студентами. Изумительно-плодовитый талантъ его проявился болѣе всего въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть его стихотвореній, написаны на разные случаи вседневной жизни. По духу того времени, высшимъ родомъ такого стихотворства *на случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода были и самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать передъ всякимъ домашнимъ праздникомъ, или по поводу радостнаго случая, стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ пріобрѣтала ода на общее вниманіе. Вотъ почему, независимо отъ своего внутренняго достоинства, заняла такое видное мѣсто ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ Пассаровицѣ 1718 года. Написать ее побудилъ Гюнтера названный мною Менке, желая воспользоваться случаемъ доставить обезпеченное положеніе поэту, отъ котораго онъ такъ много ожидалъ. Гюнтеръ, вообще не любившій лести и хвалебнаго стихотворства, уступалъ однако-же не разъ требованіямъ своей эпохи. Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ

замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціею подаютъ ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риѳмъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода. Не останавливаясь на подробностяхъ для подкрѣпленія этого замѣчанія, прибавлю только, что Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ неровностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства.

Пробывъ въ Германіи четыре года съ половиной, Ломоносовъ возвратился въ Петербургъ 8-го іюня 1741 года, въ кратковременное царствованіе Іоанна Брауншвейгскаго.

Чтобы получить вѣрное понятіе о положеніи Ломоносова въ Академіи, надобно знать устройство и состояніе ея въ то время. Она распадалась на нѣсколько отдѣловъ, или департаментовъ, которые не всѣ были соединены въ одномъ зданіи. Таковы были, напримѣръ, профессорское собраніе, русское собраніе, географическій департаментъ, гимназія и университетъ. Администрація всей Академіи сосредоточивалась въ канцеляріи, которою завѣдывалъ совѣтникъ ея и вмѣстѣ библіотекарь Шумахеръ. Это лицо играетъ особенно важную роль во весь первый періодъ исторіи Академіи, продолжавшійся лѣтъ 30, отъ основанія ея до послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы [1]. Часто, отсутствіе первыхъ президентовъ, начиная отъ Блументроста, и малое участіе, какое они вообще принимали въ дѣлахъ Академіи, вотъ что помогло Шумахеру захватить въ свои руки все ея управленіе. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы видимъ человѣка хитраго, ловкаго, властолюбиваго; не должно однакоже забывать, что его дѣятельность въ средѣ русскаго общества не была явленіемъ одинокимъ или исключительнымъ, а находилась въ связи со всею администраціею Россіи того времени. Устраняя академиковъ или, по тогдашнему, профессоровъ Академіи отъ всякаго вліянія на дѣла ея, онъ распоряжался самовластно даже всею ученою частью, тратилъ безотчетно суммы

[1] Онъ род. 5 сентября 1690 г. въ Эльзасѣ, ум. 3 іюля 1761 г. въ Петербургѣ.

Академіи, которыя простирались до 25.000 въ годъ, выписывалъ изъ-за границы ученыхъ и завелъ при Академіи множество ремесленниковъ и художниковъ. Для поддержанія своей власти Шумахеръ, по словамъ Ломоносова, слѣдовалъ Махіавелеву правилу, ссоря молодыхъ академиковъ съ старыми. Между тѣмъ его поступки съ самаго начала возбуждали общее неудовольствіе въ Академіи, и мы видимъ въ дѣлахъ, съ самыхъ первыхъ годовъ ея существованія, цѣлый рядъ коллективныхъ жалобъ, подававшихся на него то президенту, то въ Сенатъ, то на Высочайшее имя. Не смотря на то, Шумахеръ, благодаря своей изворотливости и покровительству при дворѣ, умѣлъ выходить невредимымъ изъ всѣхъ затрудненій, и послѣ каждой невзгоды еще тверже держалъ въ рукахъ бразды академическаго правленія. Будущему историку нашей Академіи предлежитъ между прочимъ задача точнѣе опредѣлить характеръ и побужденія этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго лица.

Сколько можно судить по имѣющимся у насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, Шумахеръ принялъ Ломоносова хорошо [1]): назначилъ ему денежное пособіе, отвелъ казенную квартиру въ ботаническомъ саду, во 2-й линіи, возлѣ нынѣшней Римско-католической Академіи [2]), далъ ему на первое время занятія, состоявшія по большей части въ переводахъ, и тѣмъ доставилъ возможность трудиться для полученія при Академіи каѳедры. Представивъ уже въ августѣ двѣ ученыя работы, Ломоносовъ настойчиво требовалъ, чтобъ его опредѣлили. Но такъ какъ разсмотрѣніе ихъ замедлилось, не взирая на напоминанія Шумахера, то Ломоносовъ въ январѣ 1742 года подалъ въ академическую канцелярію прошеніе, въ которомъ напомнилъ свои успѣхи въ физикѣ, химіи и горнозаводствѣ и, выставляя, что онъ можетъ учить другихъ этимъ наукамъ, а также писать относящіяся къ нимъ сочиненія „съ новыми инвенціями", — жаловался, что просьбы его объ опредѣленіи остаются безъ исполненія. Это прошеніе было уважено, и уже черезъ нѣсколько дней Ломоносовъ назначенъ адъюнктомъ по физическому классу, съ жалованьемъ по 360 руб. въ годъ.

Спеціальнымъ предметомъ его должности сдѣлалась химія; но въ Академіи была еще и учебная часть: въ гимназіи и университетѣ, остававшемся впрочемъ почти безъ студентовъ, Ломоносову поручено было преподавать, кромѣ химіи, физическую географію, минералогію, „стихотворство и штиль россійскаго языка".

Академія не имѣла еще химической лабораторіи. Чувствуя, что

---

[1]) Президентомъ Академіи, послѣ выбывшаго въ 1740 году барона Корфа, былъ въ это время, но только по имени, фонъ-Бреверпъ; уже въ слѣдующемъ году и онъ оставилъ Академію для дипломатической должности въ чужихъ краяхъ.

[2]) А домъ Державина, у Измайловскаго моста, занятъ нынѣ Римскою Коллегіею.

безъ нея химикъ почти никакой пользы принести не можетъ, Ломоносовъ съ самаго начала сталъ настаивать на устраненіи этого недостатка и представилъ проектъ учрежденія лабораторіи. Сочлены его сознавали всю справедливость такого требованія, но средства Академіи не позволяли исполнить его; наконецъ Ломоносову поручено было составить смѣту расходовъ на этотъ предметъ, и по ходатайству барона Черкасова, потребная сумма была отнесена на счетъ Кабинета Ея Величества: въ теченіе лѣта 1748 г. химическая лабораторія построена подъ надзоромъ и руководствомъ Ломоносова, на ботаническомъ дворѣ, гдѣ находилась и квартира его.

Обширныя познанія и энергическая дѣятельность новаго адъюнкта не уберегли его въ первое время отъ послѣдствій невоздержности и порывовъ необузданной заносчивости, доводившихъ его до забвенія всякихъ приличій. Устраненный сперва отъ посѣщенія профессорскихъ засѣданій, онъ подпалъ потомъ за свои „продерзости" подъ слѣдствіе и былъ посаженъ подъ арестъ, продолжавшійся цѣлые полгода (вторая половина 1743 года). Къ счастію, онъ не лишился при этомъ возможности заниматься; напротивъ, мы видимъ, что въ это время онъ требуетъ себѣ книгъ, подаетъ проектъ химической лабораторіи, пишетъ и даже печатаетъ. При его освобожденіи изъ-подъ ареста, по сенатскому указу, замѣчательна показанная тому причина, выраженная словами: „для его довольнаго обученія", то-есть ради его учености. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, ему вмѣнено въ обязанность просить прощенія у оскорбленныхъ имъ профессоровъ, а за то, что онъ при допросахъ въ слѣдственной комиссіи „показалъ противность и неучтивость, кричалъ и смѣялся", онъ долженъ былъ въ теченіе года получать только половинное жалованье. Но и это лишеніе, благодаря обстоятельствамъ, продолжалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ: 15-го іюля 1744 г. состоялся, по случаю окончанія шведской войны, милостивый манифестъ, и Ломоносовъ подошелъ подъ 1-й пунктъ его, освобождавшій отъ дальнѣйшаго взысканія служащихъ всякаго рода, сужденныхъ за непорядочные по должности поступки.

Относительнымъ снисхожденіемъ, испытаннымъ въ этомъ дѣлѣ, Ломоносовъ былъ, конечно, обязанъ своимъ талантамъ и сочиненіямъ, доставившимъ ему съ самаго возвращенія изъ-за границы почетную извѣстность и покровительство при дворѣ. Въ то же время въ кругу ученыхъ болѣе и болѣе признавались его способности и быстрый ростъ въ наукѣ.

Въ 1745 г. онъ потребовалъ и, по единодушному опредѣленію академиковъ, получилъ званіе профессора, при чемъ Гмелинъ, до тѣхъ поръ занимавшій каѳедру химіи, но сбиравшійся оставить Россію, уступилъ ему свою профессію въ полное распоряженіе. Вскорѣ послѣ того академическая канцелярія имѣла случай высказать свое доброе мнѣніе

о Ломоносовѣ. Поводомъ къ тому послужила просьба его о доплатѣ ему слѣдовавшихъ еще за время пребыванія въ Германіи денегъ (около 300 руб.). Съ самаго пріѣзда оттуда онъ находился въ крайне тѣсныхъ обстоятельствахъ. Къ прежнимъ заграничнымъ долгамъ присоединились новые, такъ какъ скудное академическое жалованье задерживалось по нѣскольку мѣсяцевъ, и онъ, какъ самъ говорилъ, „не только не могъ покупать инструментовъ, но съ великою нуждою имѣлъ пропитаніе". Еще труднѣе сдѣлалось его положеніе, когда изъ Германіи, гдѣ онъ женился, пріѣхала молодая жена его съ дочерью. Окладъ въ 660 р., который онъ сталъ получать по званію профессора, не могъ вполнѣ устроить его, и тогда-то онъ потребовалъ недоплаченной суммы. Какъ въ это время часто дѣлалось, Академія уплатила ему свой долгъ книгами, которыя приходилось продавать ниже дѣйствительной цѣны ихъ. Но при этомъ случаѣ, въ опредѣленіи канцеляріи выставлены были его „ревностные передъ прочими товарищами труды и особливые къ пользѣ государственной успѣхи въ наукахъ, а также разныя оказанныя въ Россіи къ пользѣ и чести Академіи услуги". Но Ломоносову должны были еще болѣе льстить начавшіеся въ это же время отзывы о немъ славнаго математика Эйлера, который, будучи членомъ нашей Академіи, съ воцаренія Елисаветы Петровны жилъ въ Берлинѣ. Петербургская Академія сохраняла съ нимъ сношенія и посылала ему все, что появлялось въ ней замѣчательнаго. Послѣ опредѣленія Ломоносова въ профессоры, отправлены были Шумахеромъ диссертаціи его къ Эйлеру. Пораженный достоинствами этихъ трудовъ, великій математикъ отвѣчалъ: „Всѣ записки его по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ вѣрности его объясненій. При этомъ случаѣ я готовъ отдать г. Ломоносову справедливость, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытія физическихъ и химическихъ явленій, и желательно было бы, чтобъ всѣ прочія Академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ".

Въ другой разъ въ 1748 году, Эйлеръ пишетъ новому президенту Академіи, графу Разумовскому: „Позвольте мнѣ приложить на ваше же имя отвѣтъ г. Ломоносову по одному весьма трудному предмету физики: я никого не знаю, кто бы въ состояніи былъ такъ хорошо разъяснить столь запутанный вопросъ, какъ этотъ даровитый человѣкъ, который своими познаніями приноситъ столько же чести Академіи, сколько и всей націи". Подобныхъ мнѣній Эйлера можно бы представить множество. Но онъ цѣнилъ не одни ученые труды Ломоносова. Получивъ акты торжественнаго собранія Академіи, на которомъ между прочимъ прочитано было похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ

Петровнѣ, Эйлеръ такъ выражался въ письмѣ къ Шумахеру: „Я былъ въ восхищеніи, узнавъ, какъ блистательно было послѣднее публичное собраніе Академіи: прочитанныя тутъ рѣчи заслужатъ одобреніе всѣхъ ученыхъ; особливо же панегирикъ г. Ломоносова кажется мнѣ мастерскимъ въ своемъ родѣ произведеніемъ“. Но намъ понадобилось бы слишкомъ много времени, чтобы сообщить хотя въ извлеченіи всѣ любопытныя сужденія, высказанныя Эйлеромъ о Ломоносовѣ, и вообще прослѣдить ихъ взаимныя отношенія. Нѣсколько сохранившихся писемъ Ломоносова къ Эйлеру (на латинскомъ языкѣ) служатъ свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ довѣрія и признательности, съ какими русскій ученый обращался къ славному германцу, удовлетворяя сердечной потребности давать ему по временамъ отчетъ въ своихъ предпріятіяхъ и успѣхахъ. Во всемъ этомъ отрадно видѣть безпристрастіе геніальнаго математика въ оцѣнкѣ Ломоносова съ первыхъ его шаговъ на академическомъ поприщѣ и то взаимное сочувствіе, которое упрочилось между ними, какъ естественное отношеніе между двумя столь высокими умами. Не одинъ Эйлеръ, впрочемъ, такъ смотрѣлъ на Ломоносова: есть подобные о немъ отзывы и другихъ извѣстныхъ ученыхъ того времени, напр. Вольфа, Кондамина, Гейнзіуса, Формея, Шлецера и Крафта, который называлъ его un génie supérieur.

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ мною обстоятельствъ уже показываютъ, что господствовавшія до сихъ поръ понятія о положеніи Ломоносова въ Академіи требуютъ повѣрки. Обыкновенно думаютъ, что онъ оставался непризнаннымъ и былъ предметомъ всякаго противодѣйствія, даже преслѣдованія со стороны своихъ иноплеменныхъ сочленовъ. Но ближайшее знакомство съ изданными теперь матеріалами удостовѣряетъ, что препятствія и неудачи, которыя Ломоносовъ встрѣчалъ въ своей дѣятельности, происходили по большей части отъ общаго неустройства Академіи, отъ скудости ея средствъ, отъ исключительнаго преобладанія канцеляріи, или лучше, одного въ ней человѣка. Мы уже видѣли, что отъ Шумахера равно страдали, на него равно негодовали всѣ профессора. Ломоносовъ, вскорѣ испытавъ на себѣ всю тягость его деспотизма, говорилъ о немъ: „онъ всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и *всѣхъ профессоровъ* гонитель“. Академики доказали во многихъ случаяхъ уваженіе и безпристрастіе къ Ломоносову. Требованія его исполнялись ими, насколько это отъ нихъ зависѣло. Мы видимъ даже, что однажды количество отпущенныхъ на лабораторію хозяйственныхъ матеріаловъ превышало то, что Ломоносовъ назначилъ. Самъ онъ съ бо́льшею частью академиковъ оставался въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Если онъ ссорился съ иноплеменниками—Миллеромъ, Шлецеромъ, Гришовомъ, Эпинусомъ, то имѣлъ подобныя неудоволь-

ствія и съ соотечественниками своими — Сумароковымъ, Тредьяковскимъ, Тепловымъ и Румовскимъ. Какъ человѣкъ высокаго ума, какъ пламенный патріотъ, Ломоносовъ не могъ не желать, чтобы русская Академія со временемъ пополняла свои ряди изъ собственныхъ сыновъ Россіи; онъ не могъ не гордиться тѣмъ, что самъ, нисколько не уступая никому изъ своихъ сочленовъ въ дарованіяхъ, въ учености и трудолюбіи, былъ природный русскій; но Ломоносовъ уважалъ германскую науку и благодарно сознавалъ все, чѣмъ былъ ей обязанъ. Дружба его съ Гмелиномъ, Рихманомъ, Штелиномъ, Брауномъ, Эйлеромъ и другими доказываетъ, что онъ былъ выше племенныхъ предразсудковъ, несовмѣстныхъ ни съ обширнымъ умомъ, ни съ истиннымъ образованіемъ.

Положеніе Ломоносова въ Академіи много обусловливалось его отношеніями внѣ ея. Обстоятельства сами благопріятствовали сближенію Ломоносова съ дворомъ. Академія, въ первое время своего существованія, несла между прочимъ обязанность поставлять стихи на торжественныя при дворѣ событія. Естественно, что авторъ оды на взятіе Хотина долженъ былъ сдѣлаться какъ бы академическимъ поэтомъ-лауреатомъ. Его оды подносились иногда отъ имени Академіи и слѣдовательно писались по должности. Стихи же на иллюминаціи были всегда сочиняемы по требованіямъ статсъ-конторы, которая присылала въ Академію описаніе иллюминаціи или поручала ей составить и самое описаніе. Но Ломоносовъ и самъ не упускалъ случаевъ поддерживать свои связи посвященіемъ своихъ сочиненій высокимъ лицамъ. Въ такое время, когда блескъ недавняго царствованія Людовика XIV вызывалъ всѣ европейскіе дворы на подражаніе этому государю, появленіе въ Россіи человѣка, подобнаго Ломоносову, не могло не способствовать и у насъ къ сильному развитію меценатства. Кажется, первымъ доброжелателемъ Ломоносова сдѣлался баронъ Черкасовъ, который, пострадавъ отъ Бирона и бывъ возвращенъ изъ ссылки при Елисаветѣ Петровнѣ, не могъ оставаться равнодушенъ къ произведеніямъ новаго поэта. Вскорѣ Ломоносовъ нашелъ сильнаго покровителя въ вице-канцлерѣ графѣ Михаилѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, посвятивъ этому вельможѣ свой переводъ „Экспериментальной физики“ Вольфа, напечатанный 1746 года.

Въ этомъ же году Академія, наконецъ, получила опять президента: это былъ 18-тилѣтній графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, впослѣдствіи ясновельможный гетманъ Малороссіи. Въ то самое время Ломоносовъ готовился начать въ университетѣ, на русскомъ языкѣ, публичныя лекціи экспериментальной физики. Новый президентъ изъявилъ желаніе присутствовать при открытіи этихъ лекцій, которыя потому и были отложены до возвращенія его въ столицу. Тогда въ Академіи было рѣшено разослать русскія объявленія о нихъ ко двору, въ кол-

легіи и въ шляхетный сухопутный корпусъ, „такъ какъ, вѣроятно", прибавлено въ опредѣленіи, „многіе любопытные захотятъ послушать этихъ лекцій". Для угожденія слушателямъ Шумахеръ предложилъ, чтобы профессоръ Рихманъ, присоединилъ къ лекціямъ опыты электричества, которымъ много занимались тогда любители экспериментальной физики. На эту лекцію президентъ дѣйствительно пріѣхалъ со многими другими почетными лицами.

Сношенія Ломоносова съ Разумовскимъ сохраняли всегда офиціальный характеръ. По всему видно однакожъ, что молодой президентъ высоко цѣнилъ его дарованія. Еще въ 1748 году онъ испросилъ ему награду въ 2.000 руб. при поднесеніи оды на день восшествія Елисаветы на престолъ. Въ то время важнѣйшіе царскіе дни праздновались въ Академіи торжественными собраніями, которыхъ бывало по меньшей мѣрѣ два въ годъ. По случаю смерти профессора Рихмана, убитаго молніей, осеннее собраніе 1753 года было отложено; но Ломоносовъ, приготовившій къ этому дню рѣчь объ электричествѣ настаивалъ, чтобъ ему позволено было прочесть ее публично еще въ томъ же году, пока она не утратила новизны, и Разумовскій вслѣдствіе того предписываетъ канцеляріи устроить актъ въ день восшествія на престолъ, „дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими произведеніями между учеными въ Европѣ людьми не опоздалъ и чрезъ то трудъ бы его въ учиненныхъ до сего времени электрическихъ опытахъ не пропалъ". Это замѣчательное разсужденіе памятно тѣмъ, что оно при предварительномъ чтеніи въ профессорскомъ собраніи вызвало разныя мнѣнія, отчасти несогласныя съ теоріей Ломоносова; напечатанное послѣ, оно было разослано на обсужденіе ко многимъ иностраннымъ ученымъ, которые въ отзывахъ своихъ, оспаривая гипотезы автора, тѣмъ не менѣе отдавали справедливость его генію.

Хотя Разумовскому и не нравилось, что Ломоносовъ иногда обращался прямо къ нему, помимо канцеляріи, или въ Сенатъ, помимо президента, хотя онъ и не всегда доволенъ былъ формою представленій Ломоносова, однакожъ уважалъ его взгляды, возлагалъ на него важныя порученія и наконецъ, какъ увидимъ, далъ ему исключительное положеніе въ Академіи. Но гораздо болѣе президента помогалъ Ломоносову, даже въ академическихъ дѣлахъ, другой молодой вельможа.

Одновременно съ распространеніемъ славы Ломоносова, при дворѣ Елисаветы сталъ возвышаться молодой человѣкъ пылкой души и свѣтлаго ума. Любовь къ просвѣщенію, страсть къ литературѣ и къ искусствамъ, рѣдкое человѣколюбіе и простосердечіе, соединявшіяся въ И. И. Шуваловѣ съ пламеннымъ патріотизмомъ, не могли остаться безъ важнаго значенія для перваго русскаго писателя той эпохи. Исторія сближенія этихъ двухъ замѣчательныхъ двигателей русскаго

образованія неизвѣстна. Въ дѣлахъ Академіи имена ихъ въ первый разъ являются вмѣстѣ по обстоятельству, хотя и ничтожному, но довольно любопытному. Въ сентябрѣ 1749 года камеръ-пажъ Иванъ Шуваловъ былъ удостоенъ званія камеръ-юнкера. При объявленіи о томъ въ академическихъ вѣдомостяхъ новопожалованный былъ названъ безъ отчества; такъ какъ это было противно принятымъ тогда формамъ газетныхъ извѣщеній о придворныхъ производстахъ, то на Академію возстала буря со стороны ея президента, графа Разумовскаго.

Шумахеръ получилъ отъ Теплова грозную бумагу, начинавшуюся словами: „Его сіятельству безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смотрятъ на свою должность и отправляютъ дѣла свои съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью"; затѣмъ слѣдовало приказаніе отъ имени президента сдѣлать виновнымъ пристойный выговоръ въ канцеляріи, съ угрозою штрафа за ослушаніе командѣ, въ случаѣ повторенія подобнаго проступка. Главнымъ виновникомъ оказался Ломоносовъ, какъ имѣвшій надзоръ за вѣдомостной экспедиціей. На письменное сообщеніе Шумахера онъ отвѣчалъ ему, между прочимъ: „По данной мнѣ отъ академической канцеляріи инструкціи, долженъ я разсматривать только одинъ переводъ россійскій, а до россійскихъ артикуловъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла. Ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію и такъ какъ есть печатаются: затѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнять не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ, а особливо что въ данной мнѣ инструкціи предписано отъ всякихъ умствованій удерживаться". Состоявшіе при редакціи газетъ переводчикъ Лебедевъ и корректоръ Барсовъ, въ свою очередь, отозвались, что они объ отчествѣ Шувалова спрашивали у многихъ, но никто имъ того объявить не могъ. Вся тревога произошла отъ того, что въ указѣ, присланномъ въ Академію Тепловымъ, Шуваловъ былъ названъ только Иваномъ, и что въ вѣдомостяхъ это сообщеніе было перепечатано не какъ указъ, а какъ газетное извѣстіе. Шувалову было тогда только 22 года, но знакомство его съ Ломоносовымъ началось, вѣроятно, ранѣе. По крайней мѣрѣ, по тону посланія, писаннаго въ августѣ 1750 г. и составляющаго первый слѣдъ ихъ взаимныхъ отношеній, можно заключить, что они тогда успѣли уже сблизиться коротко: тутъ Ломоносовъ уже говоритъ запросто: *любезный мой Шуваловъ*. Въ одномъ письмѣ 1753 г. онъ выражаетъ радость о „снисходительствѣ", которымъ пользуется уже *много лѣтъ*.

У потомковъ Шувалова сохранилась драгоцѣнная, неизвѣстная доселѣ рукопись, съ которою мнѣ позволено было ознакомиться [1]): это черновая настольная книга въ листъ, куда молодой Шуваловъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ записывалъ свои мысли, извлеченія изъ

---

[1]) Она принадлежитъ г. флигель-адъютанту Иларіону Николаевичу Толстому.

разныхъ писателей, особенно французскихъ, также свои собственные опыты въ стихотворныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Эти поэтическіе опыты любопытны только какъ подтвержденіе преданія, что Шуваловъ писалъ стихи, и вмѣстѣ какъ доказательство, что онъ былъ лишенъ всякой способности къ поэзіи, и даже никогда не могъ овладѣть механизмомъ стиха. Между тѣмъ тутъ же является свидѣтельство, что онъ прибѣгалъ въ этомъ дѣлѣ къ наставленіямъ нашего всеобъемлющаго академика. Вверху самой первой страницы рукой Ломоносова написанъ стихъ изъ появившейся незадолго передъ тѣмъ первой трагедіи его, съ раздѣленіемъ на стопы и съ означеніемъ долгихъ и краткихъ слоговъ. Это было въ 1752 году, какъ видно изъ помѣты Шувалова подъ слѣдующимъ, уже имъ самимъ написаннымъ въ день своего рожденія четырестишіемъ, которое выражаетъ всю сущность его благородныхъ стремленій. Съ поправками Ломоносова оно читается такъ:

„О Боже мой Господь, Создатель всего свѣта!
Сей день Твоею волей я сталъ быть человѣкъ:
Если жизнь моя полезна, продолжай ты мои лѣта;
Если жъ та идетъ превратно, сократи скорѣй мой вѣкъ“.

Особенно любопытны далѣе двѣ страницы, на которыхъ рукой Шувалова написанъ конспектъ всей Риторики Ломоносова. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что любознательный вельможа на 26-мъ году учится у своего друга-академика стихосложенію и риторикѣ. Къ сожалѣнію, изъ переписки этихъ двухъ замѣчательныхъ людей намъ извѣстны только письма Ломоносова. Но и изъ нихъ ясно, какое плодотворное участіе въ судьбѣ и дѣятельности его принималъ Шуваловъ.

До самой кончины Елисаветы, Ломоносовъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ обращался къ Шувалову; ему повѣрялъ онъ самыя задушевныя мысли свои, планы, желанія и надежды. За то и Шуваловъ требовалъ часто его мнѣній и совѣтовъ въ важныхъ вопросахъ. Участіе Ломоносова въ великомъ государственномъ и народномъ дѣлѣ основанія московскаго университета несомнѣнно; но, къ сожалѣнію, новые наши матеріалы не доставляютъ по этому предмету никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній.

По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины Ломоносовъ пріобрѣлъ ходатая въ князѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, который, по смерти его, опечаталъ и взялъ къ себѣ всѣ его бумаги; но о бывшихъ между ними сношеніяхъ мало извѣстно.

Въ тѣсной связи съ отношеніями Ломоносова ко двору находится предпріятіе, которое въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни составляло одинъ изъ главныхъ интересовъ ея. Это было мозаическое искусство. Чтобы понять страстное увлеченіе, съ какимъ Ломоносовъ предался этому дѣлу, мы должны прежде всего вспомнить, что онъ, во время пребыванія за границею, обязанъ былъ между прочимъ „учиться прилежно рисо-

ванію" и усвоилъ себѣ это искусство съ обычною своею легкостью, какъ показываетъ рисунокъ, присланный имъ изъ Марбурга въ 1737 г. при письмѣ къ президенту. Живопись не вполнѣ удовлетворяла его по непрочности своихъ красокъ: онъ предпочиталъ ей мозаику. По словамъ его, химія употребила для нея главное орудіе своего искусства и, соединивъ твердые минералы со стекломъ въ великомъ жару, произвела вещества, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ сохраняютъ всю свѣжесть своихъ цвѣтовъ и красоту. Такимъ образомъ мозаика, употребленіемъ стекла вмѣсто камней, стала въ зависимость отъ химіи.

Эта связь искусства съ наукою, возможность примѣнить свою любимую химію къ практической пользѣ общества вдругъ воспламенили Ломоносова къ новой дѣятельности. Геній его, сочувствуя всему великому и несокрушимому, видѣлъ въ мозаикѣ орудіе къ украшенію монументальныхъ созданій зодчества вѣковѣчными изображеніями великихъ дѣятелей отечества. Сверхъ того онъ имѣлъ въ виду, распространеніемъ въ Россіи этого искусства, вызвать новую отрасль промышленности и торговли, новый важный источникъ приращенія государственныхъ доходовъ. Первая мысль заняться приготовленіемъ разноцвѣтныхъ стеколъ для этого рода живописи была внушена ему Воронцовымъ, который, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ провелъ 1745 и 1746 годы, показалъ Ломоносову привезенныя имъ изъ Италіи мозаическія работы, въ томъ числѣ подаренное ему папой изображеніе апостола Петра, и совѣтовалъ приняться за это искусство.

Надобно прибавить, что въ началѣ 18-го столѣтія въ Римѣ возникла мозаическая школа, которая, облегчивъ эту отрасль живописи введеніемъ стеклянныхъ составовъ, много способствовала къ ея усовершенствованію и къ возвышенію ея въ понятіяхъ вѣка.

Въ 1750 году Ломоносовъ началъ готовить въ своей лабораторіи разноцвѣтныя стекла. Академія, какъ видно изъ протоколовъ, не отказывала ему въ своемъ содѣйствіи по этому дѣлу; но при тогдашнемъ порядкѣ ея управленія и необходимости искать на каждомъ шагу разрѣшенія канцеляріи, онъ не могъ не встрѣчать докучныхъ замедленій въ ходѣ своихъ работъ, и сюда-то относится его жалоба Шувалову: „За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я право весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ какъ вы патроновъ." Между тѣмъ дѣло однакожъ подвигалось. Воронцовъ взялся показать императрицѣ пробы его мозаическихъ составовъ, а вскорѣ послѣ того, наканунѣ дня ангела Елисаветы, Ломоносовъ удостоился лично поднести ей сдѣланный имъ съ итальянскаго оригинала образъ Богоматери. Сначала онъ думалъ только склонить правительство къ приготовленію на казенныхъ заводахъ мозаическихъ стеколъ и предлагалъ свои услуги для обученія тому мастеровъ. Но видя, что дѣло это не обѣщаетъ успѣха,

онъ рѣшился самъ присоединить къ своимъ трудамъ обширное промышленное предпріятіе. При помощи Шувалова и Воронцова ему разрѣшено было учредить, какъ сказано въ бумагѣ: „фабрику разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще понынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но провозятъ изъ за моря великое количество на многія тысячи, а онъ, Ломоносовъ, съ помощію Божіею, можетъ на своей фабрикѣ, когда она учредится, дѣлать помянутыхъ товаровъ не только требуемое здѣсь количество, но и со временемъ такъ размножить, что и за море оные отпускать можно будетъ.“

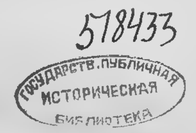
Но безъ особыхъ пособій Ломоносовъ не могъ бы осуществить своей мысли, и вотъ ему назначено въ ссуду, на 5 лѣтъ безъ процентовъ, 4,000 руб., фабрика его освобождена на 10 лѣтъ отъ платежа пошлинъ, и ему, „какъ первому въ Россіи тѣхъ вещей секрета сыскателю“, дана привилегія на 30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ никто другой не могъ завести такой же фабрики. Но самою важною милостью для Ломоносова было то, что императрица пожаловала ему нѣсколько дачъ съ 211 душъ крестьянъ, для производства фабричныхъ работъ. Эти дачи, между которыми главныя были мызы *Коровалдай* (въ грамотѣ *Горья Валдай*) и деревня *Устърудицы*, находятся за Ораніебаумомъ, верстахъ въ 70 отъ Петербурга, въ прежнемъ Копорскомъ уѣздѣ, и принадлежатъ до сихъ поръ потомкамъ Ломоносова по женской линіи [1]). Онъ получилъ эти имѣнія въ 1753 году, и тогда же приступилъ къ постройкѣ фабрики, на которой вскорѣ и начались работы.

Довольствуясь сначала частными заказами, дѣлая портреты для Шуваловыхъ и другихъ знатныхъ особъ, онъ вскорѣ увидѣлъ необходимость казенныхъ работъ и возымѣлъ мысль дать своей мозаикѣ значеніе государственное украшеніемъ, съ ея помощью, церквей и другихъ публичныхъ зданій; для первыхъ онъ предлагалъ дѣлать образа, для послѣднихъ — портреты государей, особливо Петра Великаго; а также вызывался изобразить восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы. Вслѣдствіе поданной имъ объ этомъ просьбы, повелѣно было разсмотрѣть его мозаическія работы, и Академія Художествъ одобрила ихъ самымъ лестнымъ для Ломоносова свидѣтельствомъ, въ которомъ она съ удивленіемъ признаетъ, что первые опыты мозаики, безъ настоящихъ мастеровъ и безъ наставленія, въ такое малое время такъ далеко доведены, и поздравляетъ Россію съ быстрыми успѣхами этого искусства.

На основаніи такого отзыва приказано было давать Ломоносову учениковъ по его выбору, и вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ вѣдомствамъ

---

[1]) Николаю Михайловичу Орлову и гг. Раевскимъ.

предписано призывать Ломоносова для украшенія мозаикой публичныхъ зданій. Почти одновременно (въ февралѣ 1758) возникъ, по его старанію, проектъ художественнаго произведенія, который обѣщалъ ему обширное приложеніе его искусства и долженъ былъ тѣмъ болѣе занимать его, что дѣло шло о прославленіи любимаго его героя. Это была первая идея памятника Петру Великому. Предполагалось воздвигнуть ему монументъ надъ самою его гробницею въ Петропавловскомъ соборѣ, и по докладу графа Петра Ивановича Шувалова Ломоносову поручалось сдѣлать къ этому монументу на стѣнахъ мозаическія картины. Число всѣхъ этихъ картинъ съ изображеніемъ подвиговъ Петра Великаго должно было простираться до 8; но Ломоносовъ успѣлъ окончить только одну изъ нихъ, изображающую Петра Великаго на конѣ въ Полтавскомъ бою, а также Шереметева Меншикова и Голицына. Слѣдующая затѣмъ картина должна была представлять взятіе Азова; но онъ только началъ ее. Первая же, имѣющая весьма обширные размѣры (3 саж. ширины и $2^1/_2$ вышины), сохранилась, хотя и не вполнѣ невредимо, въ Академіи Художествъ.

Въ связи съ предпріятіями Ломоносова по мозаикѣ находился его планъ послать отъ Академіи въ старинные русскіе города живописца, который бы во всѣхъ церквахъ, гдѣ есть на стѣнахъ или на гробницахъ изображенія царственныхъ лицъ, снялъ съ нихъ водяными красками копіи, для составленія по возможности полнаго собранія портретовъ русскихъ государей. По представленію объ этомъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ, Святѣйшій Синодъ въ началѣ 1761 года сдѣлалъ согласное съ тѣмъ распоряженіе по указаннымъ Ломоносовымъ епархіямъ; однакожъ, сколько извѣстно, дѣло не получило дальнѣйшаго хода.

До какой степени мозаика занимала Ломоносова, выражается во многихъ сочиненіяхъ его. Сюда относятся особенно его рѣчь о пользѣ химіи и посланіе о пользѣ стекла. Въ первой онъ показываетъ родство мозаики съ химіей, которая, по словамъ его, „широко распростираетъ руки свои въ дѣла человѣческія"; въ посланіи къ Шувалову онъ дополняетъ то, что въ рѣчи не досказано о разнообразномъ употребленіи стекла. Это посланіе имѣетъ, очевидно, полемическое значеніе. Анекдотъ, будто оно написано по тому поводу, что однажды на обѣдѣ у Шувалова кто-то издѣвался надъ стеклянными пуговицами на фракѣ Ломоносова, едва ли объясняетъ происхожденіе этихъ стиховъ. Шутка надъ его одеждой не могла такъ сильно задѣть его, какъ толки лицъ, которыя вообще старались уронить его новую дѣятельность, и о которыхъ онъ въ самомъ началѣ посланія говоритъ:

„Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ".

Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и Тредьяковскій, который позже, въ небольшой статьѣ своей о мозаикѣ [1]), называетъ стекло „вещью подлою и дешевою для предивныхъ работъ“ и показываетъ невозможность воспроизводить „камешками и стеклышками“ всѣ красоты, изображаемыя кистью.

Такія порицанія не могли ослабить дѣятельности Ломоносова. Особенную цѣну, въ глазахъ его, придавали стеклу новыя открытія относительно электрической силы въ воздушныхъ явленіяхъ и возможности отвращать удары молніи громовымъ отводомъ. Въ концѣ посланія онъ говоритъ:

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что та же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ,
Что, зная правила изысканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ...
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, слѣдуя за ней, съ парнасскихъ горъ схожу:
На время ко стеклу всю силу приложу.

Гораздо существеннѣе непріязненныхъ толковъ были для Ломоносова, въ его предпріятіи, тѣ матеріальныя трудности, съ которыми онъ принужденъ былъ бороться при скудныхъ денежныхъ средствахъ, при безпрестанномъ недостаткѣ мастеровыхъ и работниковъ, при множествѣ другихъ разнородныхъ обязанностей и занятій. Съ 1760 года, когда рѣшено было сооруженіе монумента Петру Великому, Ломоносову выдавалось 13.460 руб. въ годъ; но такъ какъ онъ, почти совершенно оставивъ собственно-фабричныя производства для мозаическаго дѣла, вошелъ въ долги, простиравшіеся до такой же суммы, то ему позволено было часть ассигнованныхъ денегъ употреблять на уплату этихъ долговъ. Это объясняетъ намъ тѣ жалобы на препятствія, на разореніе и т. п., которыя такъ часто встрѣчаются въ письмахъ Ломоносова, когда рѣчь идетъ о его фабрикѣ.

Мозаическія занятія Ломоносова примыкаютъ къ его трудамъ по химіи, физикѣ и металлургіи.

Важнѣйшія изъ ученыхъ произведеній его изложены въ формѣ рѣчей, читанныхъ имъ въ публичныхъ собраніяхъ Академіи. Не только въ нихъ, но и въ другихъ научныхъ трудахъ, Ломоносовъ, по самой природѣ своей, по живости своего ума и сочувствію къ практической сторонѣ всякаго знанія, является совершенно своеобразнымъ въ изло-

---

[1]) Въ первый разъ напечатанной въ *Трудолюбивой пчелѣ*, Сумарокова, Ч. I, стр. 353.

женіи. Посреди самыхъ высокихъ предметовъ и глубокихъ соображеній науки онъ облекаетъ свои мысли въ образы, прибѣгаетъ къ примѣрамъ изъ вседневнаго быта, иногда не пренебрегаетъ даже шуткою и заимствуетъ выраженія изъ простонародной рѣчи. Потому его труды въ этомъ родѣ, независимо отъ своего значенія для исторіи науки, важны также какъ памятники литературы и языка.

Со стороны ихъ внутренняго содержанія, насъ прежде всего поражаетъ изумительная дѣятельность духа Ломоносова. Его опыты и наблюденія безчисленны, его пытливый умъ не знаетъ отдыха. О томъ же свидѣтельствуютъ и протоколы Академіи, въ которыхъ безпрестанно упоминается объ изобрѣтенныхъ имъ новыхъ машинахъ и снарядахъ, о заказахъ, дѣлаемыхъ по его требованіямъ то механику, то столяру, то оптику. Всѣ вопросы естествовѣдѣнія, волнующіе современный ему міръ, проходятъ чрезъ его сознаніе, рѣшаются имъ самостоятельно, оригинально и нерѣдко съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Само собою разумѣется, что и онъ, какъ всякій дѣятель, ограниченъ предѣлами своего вѣка, стѣсненъ современнымъ состояніемъ науки. Особенно химія находилась тогда еще на низкой степени развитія. Естественно поэтому, что Ломоносовъ не всегда былъ счастливъ въ своихъ гипотезахъ; но, сравнивая его догадки со множествомъ другихъ, которыя безпрестанно возникали въ этотъ вѣкъ гипотезъ, мы невольно изумляемся проницательности и могучей логикѣ Ломоносова. Его теоріи волнообразнаго теченія свѣта и образованія цвѣтовъ посредствомъ совмѣщенія частицъ не оправдались; но за то, какъ замѣчательно все сказанное имъ о происхожденіи электричества въ воздухѣ, о молніи и зарницѣ, о развитіи тепла посредствомъ вращательнаго движенія частицъ, о происхожденіи горъ отъ подъема земли силою огня, объ образованіи мѣсторожденій металловъ отъ землетрясеній, о возможности опредѣлять законы измѣненія погоды, и какъ близко къ истинѣ подошелъ онъ въ объясненіи сѣвернаго сіянія, въ которомъ онъ видѣлъ также явленіе электричества! Какой свѣтлый и глубокій умъ отражается въ его географическихъ воззрѣніяхъ! Для разбирающаго ученые труды Ломоносова важенъ особенно тотъ путь, которому онъ слѣдовалъ, говоря: „изъ наблюденій установлять теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія есть лучшій изъ всѣхъ способовъ изъясненія природы“.

Самый правдивый приговоръ о подобныхъ трудахъ Ломоносова, приговоръ, который, кажется, можно подписать еще и теперь, произнесъ опять Эйлеръ. Ознакомясь съ рѣчью Ломоносова о явленіяхъ воздушныхъ, онъ писалъ: „Сочиненіе г. Ломоносова по этому предмету прочиталъ я съ величайшимъ удовольствіемъ. Способъ, какимъ онъ объясняетъ столь внезапно наступившій холодъ, приписывая его нисхожденію верхняго воздуха въ атмосферу, считаю я совершенно

вѣрнымъ, и я недавно самъ ясно доказалъ справедливость подобныхъ доводовъ, изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія его предположенія столько же остроумны, какъ и правдоподобны, и обличаютъ въ авторѣ счастливое умѣнье расширять предѣлы истиннаго познанія природы, чему онъ уже и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ представилъ прекрасные образцы. Нынче такіе геніи весьма рѣдки; по большей части останавливаются на однихъ опытахъ и не хотятъ даже разсуждать о нихъ, или впадаютъ въ такія нелѣпыя разсужденія, которыя противорѣчатъ всѣмъ началамъ здраваго естествоученія. Его предположенія имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, что они придуманы удачно и правдоподобны; дѣло не въ томъ, чтобы всѣ они были вполнѣ доказаны, ибо дальнѣйшее изслѣдованіе, согласны ли они съ истиною, или нѣтъ, именно и ведетъ къ желаемой цѣли. Все, что мы теперь достовѣрно знаемъ изъ физики, было прежде облечено въ догадки, и если бъ никогда не допускались догадки, даже и ошибочныя, то мы бы не добыли ни одной истины."

Ученые труды Ломоносова доставили ему европейскую извѣстность; но онъ не избѣгъ общей участи всѣхъ, выступающихъ на арену публичности: къ похваламъ примѣшивались иногда строгія обвиненія. Особенно извѣстна статья, напечатанная противъ него въ 1754 году въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ. Это — разборъ нѣкоторыхъ физическихъ разсужденій его, помѣщенныхъ въ Новыхъ Комментаріяхъ Академіи Наукъ. На эту критику впечатлительный Ломоносовъ жаловался Эйлеру, который, вслѣдствіе того, отозвался въ Академію: „Ломоносовъ писалъ ко мнѣ по поводу нелѣпаго разбора его сочиненій; меня это дѣло не удивляетъ: я уже привыкъ къ тому, что всѣ мои сочиненія и изданія Берлинской академіи жестоко отдѣлываются лейпцигскими и гамбургскими рецензентами. Волноваться изъ-за этихъ людей значило бы терять по-пустому время, тѣмъ болѣе, что они еще чванятся, когда видятъ, что на нихъ досадуютъ." Вскорѣ послѣ того, Ломоносовъ и самъ получилъ по этому предмету письмо отъ Эйлера. „Несправедливость и тонъ нѣмецкихъ газетчиковъ", такъ выражается знаменитый математикъ, „мнѣ очень хорошо извѣстны и нисколько меня не трогаютъ. Я смѣюсь, видя, какъ они бранятся и унижаютъ прекраснѣйшія сочиненія. Безъ сомнѣнія, они думаютъ прославиться, становясь судьями, или по крайней мѣрѣ надѣются обмануть незнающихъ, и, говоря рѣшительнымъ тономъ о предметахъ вовсе имъ неизвѣстныхъ, хотятъ блеснуть мнимою ученостью. Они не разъ называли пустяками самыя серьезныя вещи. По моему мнѣнію, надобно презирать подобныя статьи; такимъ жалкимъ писакамъ было бы слишкомъ много чести, если бъ они увидѣли, что ихъ неправдами оскорбляются."

Ломоносовъ напечаталъ это письмо безъ вѣдома Эйлера, который выразилъ на то свое неудовольствіе. Но Ломоносовъ этимъ не

ограничился: онъ написалъ по-латыни возраженіе на лейпцигскую рецензію и послалъ свою антикритику въ Амстердамъ къ Формею, который и напечаталъ ее, во французскомъ переводѣ, въ своемъ журналѣ „Nouvelle Bibliothèque germanique". Въ перечнѣ своихъ занятій за 1755 годъ Ломоносовъ, между прочимъ, показалъ „диссертацію *о должности журналистовъ*, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ его диссертаціи, а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ" и пр. Главную часть этой до сихъ поръ неизвѣстной статьи составляетъ опроверженіе мнѣній нѣмецкаго критика; но для насъ гораздо любопытнѣе введеніе ея, по которому и дано ей заглавіе: „Dissertation sur les devoirs des journalistes" и проч. Здѣсь чрезвычайно интересенъ взглядъ Ломоносова на однородную, по его мнѣнію, задачу академій и журналовъ противодѣйствовать распространенію ложныхъ свѣдѣній писателями, которые въ авторствѣ видятъ только ремесло и средство къ пропитанію. „Академіи, прежде изданія сочиненій своихъ членовъ", говоритъ Ломоносовъ, „подвергаютъ ихъ строгому разсмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы никто не выдавалъ простыхъ гипотезъ за доказанныя истины или стараго за новое". Что касается до журналовъ, то они обязаны представлять отчетливыя и вѣрныя *сокращенія* появляющихся трудовъ, присоединяя къ тому иногда безпристрастное сужденіе либо о самой сущности предмета ихъ, либо о какихъ нибудь обстоятельствахъ, относящихся къ исполненію; цѣль и польза такихъ извлеченій состоитъ въ быстрѣйшемъ распространеніи въ литературѣ свѣдѣній о новыхъ книгахъ.

Очень замѣчателенъ этотъ взглядъ Ломоносова на назначеніе журналовъ. Имъ объясняется и идея изданія, которое съ 1748 года нѣсколько лѣтъ выходило при нашей Академіи, подъ заглавіемъ: *Содержаніе ученыхъ разсужденій*. Окончимъ нашу выписку изъ статьи Ломоносова о должности журналистовъ: „Излишне было бы показывать здѣсь, какъ много услугъ оказали Академіи своими прилежными трудами и учеными мемуарами; какъ усилился и распространился свѣтъ истины съ тѣхъ поръ, какъ возникли эти полезныя учрежденія. Журналы также могли бы много способствовать къ приращенію человѣческихъ знаній, если бъ издатели были въ состояніи выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Способность и воля — вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Способность нужна для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля — чтобъ, не имѣя въ виду ничего иного, кромѣ истины, нисколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ. Тѣ, которые присвоили себѣ званіе журналистовъ безъ такого дарованія и расположенія, не сдѣлали бы этого, если бъ, какъ

было ужъ замѣчено, ихъ не подстрекнулъ къ тому голодъ и не заставилъ ихъ судить и толковать о томъ, чего они не разумѣютъ. Дѣло дошло до того, что нѣтъ столь дурнаго сочиненія, котораго бы не расхвалилъ и не превознесъ какой нибудь журналъ, и наоборотъ, какъ бы превосходенъ ни былъ трудъ, его непремѣнно очернитъ и растерзаетъ какой нибудь ничего не знающій или несправедливый критикъ. Послѣ того, количество журналовъ до того умножилось, что уже некогда было бы читать книги полезныя и нужныя или самому думать и трудиться, если бъ кто захотѣлъ собирать у себя и только перелистывать Эфемериды, Ученыя газеты, Литературныя записки, Библіотеки, Комментаріи и другія періодическія изданія этого рода. Потому разсудительные читатели и держатся только такихъ журналовъ, которые признаны за лучшіе, и оставляютъ въ сторонѣ тѣ жалкія компиляціи, которыя только переписываютъ или искажаютъ сказанное другими, и которыхъ вся заслуга въ томъ, что они, не стѣсняясь ничѣмъ, расточаютъ желчь и ядъ. Журналистъ ученый, проницательный, справедливый и скромный — это что-то въ родѣ феникса". Послѣ этого вступленія слѣдуютъ очень рѣзкія возраженія критику; статья кончается наставленіемъ въ 7-ми пунктахъ, которые Ломоносовъ совѣтуетъ затвердить какъ лейпцигскому журналисту, такъ и всѣмъ его собратьямъ.

Великихъ результатовъ для науки ожидалъ Эйлеръ отъ Ломоносова, и, по геніальнымъ способностямъ нашего академика, эти ожиданія могли бы исполниться несравненно въ бо́льшей мѣрѣ, если бъ онъ, по положенію своему, не былъ поставленъ въ необходимость раздроблять свою дѣятельность, занимаясь одновременно множествомъ разнородныхъ предметовъ. Съ самаго возвращенія въ Россію онъ по должности сдѣлался придворнымъ поэтомъ; по должности преподавателя, онъ составилъ Риторику и Грамматику. Одной мозаикѣ онъ предался совершенно свободно, хотя и вслѣдствіе тѣсной связи ея съ химіей.

Въ концѣ сентября 1750 года, въ канцелярію Академіи Наукъ пришла слѣдующая бумага отъ президента: „Ея Императорское Величество изустнымъ своимъ именнымъ указомъ изволила мнѣ повелѣть, чтобы профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи и о томъ имъ объявить въ канцеляріи." Отсюда видно, что до сихъ поръ ошибочно думали, будто Ломоносовъ вступилъ на драматическое поприще единственно изъ соперничества съ Сумароковымъ. Послѣдній сдѣлался невиннымъ поводомъ къ порученію императрицы: незадолго передъ тѣмъ возникъ съ его помощію русскій придворный театръ; нужно было увеличить репертуаръ новой сцены, и къ кому же было обратиться за этимъ, какъ не къ двумъ русскимъ академикамъ-писателямъ, изъ которыхъ одинъ особенно считался мастеромъ на всѣ

руки? И Ломоносовъ исполнилъ приказаніе съ удивительною быстротою: ровно черезъ мѣсяцъ заказаны виньеты для трагедіи *Тамира* и *Селимъ;* въ началѣ ноября рѣчь идетъ уже объ отдачѣ ея въ переплетъ, а въ 1751 году она поставлена на сцену. Осенью слѣдующаго года въ академической типографіи печатается день и ночь вторая трагедія Ломоносова *Демофонтъ.* Около того же времени, по волѣ императрицы и настоянію Шувалова, онъ долженъ былъ заняться составленіемъ Россійской Исторіи. Химикъ, поэтъ, ораторъ, филологъ и драматургъ долженъ былъ вдругъ сдѣлаться еще и историкомъ. Нельзя отвергать, что всѣ эти разнообразные труды Ломоносова имѣли свое значеніе для возникавшей литературы; но понятно, какъ они должны были отвлекать его отъ науки. И онъ самъ это чувствовалъ: въ рѣчи о происхожденіи свѣта, произнесенной въ 1756 году, изложивъ свою теорію цвѣтовъ, онъ говоритъ: „Къ ясному всего истолкованію необходимо нужно предложить всю мою систему физической химіи, которую совершить и сообщить ученому свѣту препятствуетъ мнѣ любовь къ россійскому слову, къ прославленію россійскихъ героевъ и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества". Такъ же точно онъ, года за два передъ тѣмъ, въ письмѣ къ Эйлеру, извиняясь, что давно не писалъ къ нему, говорилъ: „Я принужденъ играть здѣсь роль не только поэта, оратора, химика и физика, но теперь почти совершенно превращаюсь въ историка." И затѣмъ онъ исчисляетъ начатыя имъ физическія изслѣдованія, отъ которыхъ русскія древности его отвлекаютъ.

Ученымъ занятіямъ Ломоносова нанесенъ былъ еще большій ударъ, когда въ началѣ 1757 года гр. Разумовскій, уѣзжая въ Малороссію, назначилъ его, вмѣстѣ съ Таубертомъ, членомъ канцеляріи въ помощь одряхлѣвшему Шумахеру, а черезъ годъ поручилъ ему надзоръ за всею ученою и учебною частью въ Академіи — за профессорскимъ собраніемъ, за географическимъ департаментомъ, также за университетомъ и гимназіею. По всѣмъ ввѣреннымъ ему отдѣламъ Ломоносовъ принялся дѣйствовать съ свойственною ему энергіей; но особенныя заботы посвятилъ онъ университету и гимназіи, которые находились въ жалкомъ положеніи. Ломоносовъ немедленно началъ въ нихъ преобразованія. Онъ испросилъ сумму на расходы по учебной части, написалъ инструкцію для учащихся, увеличилъ ихъ число и улучшилъ содержаніе, завелъ регулярные экзамены, требовалъ отъ каждаго профессора краткой программы его науки, составилъ новый регламентъ и штатъ для университета и гимназіи и настоялъ на покупкѣ особаго дома для помѣщенія ихъ. Успѣхъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ такъ дѣйствителенъ и очевиденъ, что въ началѣ 1760 года оба заведенія были отданы ему въ полное завѣдываніе безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Любопытно видѣть крутыя мѣры, которыя онъ иногда принималъ для наказанія или удаленія негодныхъ учениковъ или преподавателей.

Одно изъ главныхъ средствъ къ возвышенію академическаго универ-ситета Ломоносовъ видѣлъ въ томъ, чтобы открыть его *торжественною инавгураціей* и издать его *привилегію*, давъ ему устройство европей-скихъ университетовъ, съ ректоромъ въ главѣ его, съ раздѣленіемъ на факультеты, съ производствомъ въ степени. Словомъ, онъ хотѣлъ поставить университетъ петербургской Академіи на одну ногу съ московскимъ.

Менѣе успѣшны были старанія Ломоносова по географическому департаменту. Всего болѣе помышлялъ онъ объ изданіи новаго, исправ-нѣйшаго атласа Россіи и предлагалъ для этого рядъ мѣръ, доказы-вающихъ глубокое пониманіе дѣла и практическій взглядъ, которымъ Ломоносовъ опережалъ свое время. Вслѣдствіе его предложенія были разосланы географическіе вопросы, для вѣрнѣйшаго отличенія боль-шихъ селеній отъ малыхъ истребовано показаніе числа душъ въ каждой деревнѣ, также истребованы свѣдѣнія о всѣхъ церквахъ и монасты-ряхъ, и такимъ образомъ составлено до 10 спеціальныхъ картъ не-сравненно полнѣе и исправнѣе прежнихъ. Особенно важнымъ считалъ Ломоносовъ отправленіе географическихъ экспедицій въ разныя мѣст-ности Россіи, для опредѣленія градусовъ, и усердно дѣйствовалъ къ осуществленію этого плана; но вслѣдствіе разныхъ препятствій, осо-бенно равнодушія „недоброхотовъ россійскихъ наукъ", онъ остался безъ исполненія, такъ же какъ и многіе другіе замѣчательные проекты его, какъ-то: изданіе ученыхъ вѣдомостей, изданіе внутреннихъ рус-скихъ вѣдомостей, собираніе минераловъ, составленіе экономическаго словаря, учрежденіе государственной коллегіи земскаго домостройства и пр. Счастливѣе былъ только одинъ составленный имъ проектъ экспе-диціи въ Ледовитый океанъ, для открытія сѣверо-восточнаго пути: этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе, вскорѣ послѣ его смерти, двукратнымъ плаваніемъ Чичагова, не имѣвшимъ впрочемъ никакихъ результатовъ.

Но всего болѣе вниманія Ломоносовъ обращалъ на самый близкій для него предметъ — на устройство и управленіе самой Академіи. Онъ уже скоро послѣ опредѣленія своего началъ высказывать свои мысли о необходимыхъ въ Петербургской Академіи преобразованіяхъ и, будучи знакомъ съ подробностями организаціи заграничныхъ ака-демій, не переставалъ до самой смерти своей дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Впослѣдствіи ему не разъ поручаемо было излагать свои предположенія на письмѣ, и наконецъ онъ вмѣстѣ съ Таубертомъ получилъ приказаніе президента составить проектъ новаго регламента Академіи. То, что Ломоносовъ въ разное время написалъ по этому предмету, составляетъ цѣлую массу бумагъ, важныхъ и какъ суще-ственный матеріалъ для исторіи Академіи и какъ собраніе замѣчатель-ныхъ взглядовъ его на этотъ предметъ. Какъ судья въ собственномъ

дѣлѣ, Ломоносовъ, при своей раздражительной и пылкой натурѣ, является, конечно, не всегда безпристрастнымъ, и сообщенія его требуютъ осторожной критики; но тѣмъ не менѣе вездѣ отражается печать той же проницательности, того же всеобъемлющаго ума, какіе мы привыкли видѣть во всѣхъ произведеніяхъ Ломоносова. Тутъ предугаданы многія потребности Академіи, впослѣдствіи ясно сознанныя и принятыя правительствомъ во вниманіе. Вотъ какъ онъ, напримѣръ, понималъ роль Россіи въ отношеніи къ изученію восточныхъ языковъ: „Въ европейскихъ государствахъ, которыя ради отдаленія отъ Азіи меньше сообщенія съ оріентальными народами имѣютъ нежели Россія по сосѣдству, всегда бываютъ при университетахъ профессоры оріентальныхъ языковъ. Въ академическомъ статѣ о томъ не упоминается затѣмъ, что тогда профессора оріентальныхъ языковъ не было, хотя по сосѣдству не токмо профессору, но и цѣлой оріентальной академіи быть полезно.“ Въ извлеченіи изъ статьи Ломоносова о должности журналистовъ мы уже видѣли, въ чемъ онъ отчасти полагалъ назначеніе академій. Его взглядъ на нихъ выразился еще яснѣе въ одной изъ упомянутыхъ записокъ. „Учрежденіе Императорской Академіи Наукъ, говоритъ онъ, простирается не токмо къ пріумноженію пользы и славы цѣлаго государства, но и къ приращенію благополучія всего человѣческаго рода, которое отъ новыхъ изобрѣтеній происходитъ и по всему свѣту расширяется, о чемъ внѣшнія академіи довольно свидѣтельствуютъ.“ Любопытно также, какъ онъ смотрѣлъ на званіе академика: „Академики, пишетъ онъ, не суть художники, но государственные люди и въ политическихъ народахъ имѣютъ засѣданія по коллегіямъ и другимъ мѣстамъ присутственнымъ, отчего въ дѣлахъ вящщее послѣдуетъ просвѣщеніе“.

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ проектовъ Ломоносова относятся также и разныя предположенія его, высказанныя при письмѣ къ И. И. Шувалову — въ запискѣ „о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“. Содержаніе этой записки исполнено величайшей важности для Россіи. Почти все, что здѣсь изложено, сохраняетъ до сихъ поръ значеніе глубокихъ истинъ, потому что это плодъ короткаго знакомства съ бытомъ народа и съ его нуждами, и вмѣстѣ плодъ великаго ума. Понимая, что одно изъ главныхъ условій величія, могущества и богатства государствъ заключается въ обильномъ народонаселеніи, онъ придумываетъ средства противъ зла „тщетной обширности“ Россіи. Приступая къ тому, онъ проситъ Шувалова извинить его, что онъ касается такихъ важныхъ вопросовъ изъ усердія, „которое не позволяетъ ему ничего полезнаго обществу оставить подъ спудомъ.“

Затѣмъ онъ указываетъ на браки въ слишкомъ молодые годы или безъ взаимнаго согласія, на постриженіе слишкомъ молодыхъ вдовыхъ священниковъ въ монахи, на разные обычаи, происходящіе отъ суе-

вѣрія, на слишкомъ крутые переходы отъ постной пищи къ скоромной и наоборотъ, на недостатокъ медиковъ и аптекъ въ народѣ и войскѣ, на общую безпечность русскаго народа. Между предлагаемыми имъ средствами къ пріумноженію населенія особеннаго вниманія заслуживаютъ: учрежденіе богадѣленныхъ домовъ для подкидываемыхъ младенцевъ, изданіе и продажа при всѣхъ церквахъ книжекъ съ наставленіями о народномъ здравіи, далѣе межеваніе и основаніе колоній. Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ исчисленныхъ здѣсь мѣръ были осуществлены вскорѣ послѣ этого письма, относящагося къ 1-му ноября 1761 г., и не невозможно, что дѣйствія правительства въ этомъ случаѣ были въ нѣкоторой связи съ мыслями Ломоносова.

Какъ ни многочисленны упомянутые мною труды Ломоносова, какъ ни много уже сказано мною о немъ, но я не успѣлъ еще и коснуться самой ощутительной и прочной его заслуги — образованія русской письменной рѣчи. Онъ первый опредѣлилъ грамматическій строй и лексическій составъ языка. Мало того: онъ же первый заговорилъ тою стихотворною рѣчью, которая одна отвѣчала духу языка и по тому самому, съ перваго же стиха Ломоносова, сдѣлалась вѣчно-живущею формою русской поэзіи. Какъ всякій реформаторъ, Ломоносовъ приступилъ къ своему дѣлу тогда, когда уже въ жизни ощущалась потребность обновленія письменнаго слова, когда мысль о томъ занимала уже многихъ. Кантемиръ чувствовалъ возможность мѣрнаго стиха, Тредьяковскій понималъ его необходимость; но на что у Кантемира не стало предпріимчивости, а у Тредьяковскаго—таланта, то совершилъ смѣлый мастеръ слова, едва взялъ перо въ руки. Какъ рѣдокъ филологическій даръ, которымъ онъ обладалъ, видно лучше всего изъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей: передъ ними были уже образцы; казалось бы, стоило только пользоваться этими образцами — и что же? Не только современные, но и жившіе послѣ него писатели выражались и въ стихахъ и въ прозѣ гораздо хуже Ломоносова, который руководствовался однимъ собственнымъ смысломъ и тактомъ. Не говоря уже о Тредьяковскомъ и Сумароковѣ, съ намѣреніемъ шедшихъ *своимъ* путемъ и только доказавшихъ этимъ свое неумѣніе, другіе, признававшіе Ломоносова своимъ учителемъ, все-таки не могли сравняться съ нимъ, и не прежде какъ лѣтъ черезъ 20-ть послѣ его смерти русскій письменный языкъ пошелъ замѣтнымъ образомъ впередъ. Въ наукѣ русскаго слова, въ письменномъ его употребленіи, въ созданіи русскаго стиха — подвигъ Ломоносова живетъ до сихъ поръ и никогда не умретъ. Всѣ трудившіеся послѣ на томъ же поприщѣ, всѣ дальнѣйшіе преобразователи языка, не исключая Карамзина и Пушкина, только продолжали дѣло Ломоносова. Въ его трудахъ можно уже отыскать начатки почти всѣхъ направленій разработки языка: въ нихъ есть уже элементы и сравнительной грамма-

тики, и общаго словаря славянскихъ нарѣчій, и изученія областныхъ говоровъ. Правда, что всѣ эти стороны изслѣдованія языка едва только обозначены у Ломоносова; мы находимъ у него только предчувствіе, а не сознаніе ихъ; но если вспомнимъ время, когда жилъ Ломоносовъ, и общее состояніе тогдашней филологіи, то не будемъ вправѣ отказать въ нашемъ удивленіи человѣку, для котораго языкъ никогда не составлялъ предмета исключительныхъ занятій.

Такова была неистощимость этого богатыря мысли и знанія. Изумляясь разностороннему развитію Ломоноса, невольно спрашиваешь себя: какими путями онъ могъ достигнуть его? Для будущаго значенія его было глубоко знаменательно то обстоятельство, что онъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія такой мѣстности, гдѣ населеніе сохранило во всей неприкосновенности могучія силы русскаго народа, гдѣ оно и теперь стоитъ по образованію впереди всѣхъ другихъ частей нашего обширнаго отечества. Вопреки обыкновеннымъ теоріямъ воспитанія, геніальной натурѣ Ломоносова не повредило позднее начало книжнаго ученія. Въ первую молодость ему важнѣе были другія двѣ книги, о которыхъ онъ говоритъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій: „Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой — свою волю: первая — видимый сей міръ, Имъ созданный, вторая — священное писаніе“. Передъ Ломоносовымъ, отъ ранняго дѣтства его, эти двѣ книги были раскрыты: природа и церковь были первыми его наставницами. Природа неизгладимыми чертами напечатлѣла въ душѣ его образъ своего величія; церковь зажгла въ этой избранной душѣ свѣтильникъ, сопровождавшій Ломоносова до конца жизни въ царствѣ науки, въ которой онъ видѣлъ родную сестру вѣры; но церковь же просвѣтила умъ его первыми познаніями, церковь пѣснопѣніями Давида воспламенила духъ его къ поэзіи, наконецъ церковь же, путемъ Московскаго училища, ввела его въ преддверіе науки. Къ счастію Ломоносова, классическое ученіе Спасскихъ школъ поставило его на твердую почву европейской цивилизаціи: оно положило свою печать на всю его умственную дѣятельность, отразилось на его ясномъ и правильномъ мышленіи, на оконченности всѣхъ трудовъ его. Наконецъ, высшій университетскій курсъ изъ области естествовѣдѣнія довершилъ его образованіе. Рожденный въ самую горячую эпоху реформъ Петра Великаго, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, онъ явился какъ будто для того, чтобы доказать собою, къ чему способенъ русскій, обогощенный плодами европейской науки. Не онъ ли былъ живымъ отрицаніемъ ненавистныхъ Петру Великому *недорослей?* Не онъ ли блистательнѣйшимъ образомъ осуществилъ любимую мысль Петра Великаго объ отправленіи молодыхъ русскихъ за море для окончанія наукъ? Ломоносовъ былъ полнѣйшимъ воплощеніемъ идеи Петра Великаго объ образованномъ русскомъ человѣкѣ: понятно по-

этому его благоговѣніе къ Царю-преобразователю. И подобно Петру Великому, Ломоносовъ, на всѣхъ путяхъ своего подвижничества, завѣщалъ своимъ соотечественникамъ назидательный примѣръ той неутомимой дѣятельности и энергіи, того упорства въ трудѣ и преслѣдованіи цѣлей, безъ которыхъ ни одна нація, какъ и ни одинъ отдѣльный человѣкъ, не можетъ достигнуть истиннаго величія въ области духа.

Двѣ имѣлъ онъ въ виду святыя цѣли, къ которымъ были направлены всѣ его усилія: Науку и Россію; имъ посвятилъ онъ весь трудъ, всю борьбу своей жизни; ради ихъ только и во имя ихъ искалъ онъ для самого себя успѣха и независимаго положенія. Не однимъ геніемъ и творчествомъ былъ великъ Ломоносовъ; онъ былъ также великъ своею безграничною любовью къ Россіи, любовью столь горячею, что ей, и только ей одной, уступала даже его любовь къ наукѣ.

Продолжатель Петра Великаго въ дѣлѣ просвѣщенія еще дожилъ до счастливаго вѣка Екатерины II. Она озарила новымъ блескомъ послѣдніе дни Ломоносова: какъ не помянуть великой жены въ годовщину его смерти?

Зная Екатерину, ея любовь къ литературѣ и къ русскому языку, въ которомъ адъюнктъ Адодуровъ былъ ея наставникомъ, можно быть увѣреннымъ, что съ самаго пріѣзда въ Россію она обратила благосклонное вниманіе на Ломоносова. Его оды и похвальныя слова, его учебныя книги и нѣкоторыя академическія рѣчи были конечно прочитаны ею. Есть слѣды того, что Екатерина, еще бывши великой княгиней, удостоивала его и личныхъ сношеній. 15-го мая 1761 г. записано въ протоколѣ: „Ломоносовъ въ присутствіи канцеляріи объявилъ, что по соизволенію великой княгини Екатерины Алексѣевны ему велѣно быть въ тотъ день въ Ораніенбаумъ“. По вступленіи ея на престолъ, Ломоносовъ привѣтствовалъ новую Монархиню одою.

Не прошло года, какъ Екатерина взыскала Ломоносова особенною милостью; неизвѣстно по чьему ходатайству (можетъ быть, Дашковой), она возымѣла мысль дать ему пенсію, какъ показываютъ слѣдующія строки къ Ольсуфьеву, замѣчательныя столько же по своему лаконизму, какъ и по великодушной заботливости, въ нихъ выражающейся:

„Адамъ Васильевичъ! Я чаю, Ломоносовъ бѣденъ; сговоритесь съ гетманомъ, не можно ли ему пенсію дать, и скажи мнѣ отвѣтъ“.

Лебединая пѣснь Ломоносова, его послѣдняя ода, которою онъ встрѣтилъ 1764 годъ, опять посвящена Екатеринѣ. Страдая съ давнихъ поръ болѣзнью ногъ, которая часто упоминается въ протоколахъ Академіи, какъ причина его неприсутствія въ засѣданіяхъ, онъ уже предчувствуетъ близкій конецъ, говоритъ о „преклонности своего вѣка, о гонящемъ въ гробъ недугѣ“. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствуетъ и величіе новаго царствованія:

На тронъ взошла Екатерина
Не токмо, чтобъ себя спасти,
Но чтобъ Россіянъ вознести...

24-го мая того же года записано въ протоколѣ: „Разсуждаемо было о публичномъ собраніи (по случаю дня восшествія на престолъ, 28-го іюня), и Ломоносовъ выразилъ увѣренность, что императрица, такъ же какъ и въ прошломъ году, удостоитъ собраніе Академіи своимъ присутствіемъ, почему никто не долженъ говорить при этомъ случаѣ по-латыни, но по-русски, по-нѣмецки и по-французски.“ Собраніе это не состоялось по причинѣ скораго отъѣзда Екатерины въ Эстляндію и Лифляндію, но недѣли за двѣ до того Ломоносовъ имѣлъ счастіе принять Государыню у себя. Онъ жилъ, уже нѣсколько лѣтъ, въ собственномъ домѣ, построенномъ на мѣстѣ, которое было пожаловано ему въ 1756 году [1]). Императрица пріѣхала къ нему 7-го іюня въ 4-мъ часу, съ княгиней Дашковой и нѣкоторыми другими изъ своихъ приближенныхъ. Въ извѣстіи о томъ, напечатанномъ тогда же въ вѣдомостяхъ, сказано, что государыня смотрѣла мозаическія картины, приготовляемыя имъ для монумента Петра Великаго, также новоизобрѣтенныя имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты. Посѣщеніе продолжалось около $1^1/_2$ часа; оно было не неожиданно, судя по тому, что Ломоносовъ, при отъѣздѣ своей августѣйшей гостьи, поднесъ ей стихи, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру вослѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.

Екатерина въ кабинетѣ Ломоносова — предметъ достойный кисти художника. То была одна изъ ихъ послѣднихъ встрѣчъ: вѣкъ его закатился, когда только что всходила звѣзда ея славы. Ему не суждено было видѣть блистательнѣйшихъ дѣлъ ея. Надъ его могилой прогремѣла слава Екатерины вмѣстѣ съ пѣснями ея могучаго пѣвца... Но надъ его могилой прошло уже и много поколѣній. Счастливы мы, что можемъ въ сознаніи своемъ прослѣдить цѣлое столѣтіе, пережитое этой могилой, и сказать, что, еслибъ духъ сокрытаго подъ ней могъ откликаться на событія нашего міра, то, можетъ быть, ни одна эпоха этого столѣтія не была бы имъ встрѣчена съ такимъ сочувствіемъ, какъ настоящая. Сбылись, сбываются и еще сбудутся многія задушевныя мысли Ломоносова, и еслибъ нынѣ привѣтственные клики по-

---

[1]) На правой сторонѣ Мойки, у нынѣшняго Пѣшеходнаго моста, возлѣ полицейскаго дома; теперь на томъ мѣстѣ одно изъ зданій, принадлежащихъ почтамту. Домъ Ломоносова, говорятъ, былъ еще цѣлъ въ 1830-хъ годахъ. Онъ принадлежалъ тогда Раевскимъ.

томковъ могли на одну минуту воззвать его къ жизни, то онъ, конечно, благословилъ бы новый путь, на который вступила Россія, благословилъ бы съ восторгомъ Правнука Екатерины на продолженіе подъятыхъ во славу отечества подвиговъ.

ПИСЬМА ЛОМОНОСОВА И СУМАРОКОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБРАЗОВАНІЯ [1]).

1862.

Занимаясь біографіею Державина и доискиваясь слѣдовъ сношеній его съ И. И. Шуваловымъ, я узналъ отъ Петра Ивановича Бартенева, описавшаго жизнь этого вельможи, что оставшіяся послѣ него бумаги находятся въ рукахъ князя Александра Ѳедоровича Голицына, родного внука сестры Шувалова, Прасковьи Ивановны [2]). Чрезъ благосклонное посредство г. президента Академіи Наукъ получилъ я на просмотръ изъ домашняго архива князя три тетради писемъ отъ разныхъ лицъ какъ къ И. И. Шувалову, такъ и къ племяннику его князю Ѳедору Николаевичу Голицыну, бывшему въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія кураторомъ Московскаго Университета.

Письма къ И. И. Шувалову писаны: графами Бестужевыми-Рюмиными (отцомъ Петромъ Алексѣевичемъ и сыномъ Михаиломъ Алексѣевичемъ), графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, Ломоносовымъ, Сумароковымъ, графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ и графами Иваномъ Григорьевичемъ и Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевыми. Почти всѣ эти письма относятся ко времени царствованія Елизаветы Петровны и къ краткому за тѣмъ періоду до выѣзда Шувалова изъ Россіи и продолжительнаго пребыванія его за границею отъ апрѣля 1763 до сентября 1777 года [3]).

Письма и записки къ князю Ѳ. Н. Голицыну, писанныя по большей части во время его кураторства, принадлежатъ: кн. Алексѣю Борисовичу Куракину, О. П. Козадавлеву, кн. Я. И. Лобанову-Ростовскому, М. И. Коваленскому, Михаилу Измайлову, Захару Хитрово, кн. Александру Голицыну, кн. А. А. Безбородко, кн. Никитѣ Урусову, кн.

---

[1]) Приложеніе къ I тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ.

[2]) Г. Бартеневъ узналъ объ этихъ бумагахъ уже послѣ напечатанія своего превосходнаго труда въ Русск. Бесѣдѣ 1857, № 1, и не пользовался ими.

[3]) Только письма графа Воронцова, число которыхъ доходитъ до 52-хъ, продолжаются до 1766 года; одно письмо Ломоносова относится къ 1764.

Н. В. Репнину, М. Ѳ. Соймонову, Ѳ. М. Колокольцову, гр. А. С. Строгонову, Н. А. Львову, Державину и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Письма къ Шувалову вообще очень любопытны и могутъ служить къ пополненію нашихъ свѣдѣній какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ лицахъ, игравшихъ роль при Елизаветинскомъ дворѣ, объ отношеніяхъ между ними и разныхъ обстоятельствахъ того времени [1]). Особенная преданность къ Шувалову выражается въ письмахъ графа Воронцова, который черезъ него получалъ отъ императрицы ссуды и другія милости, и графовъ Чернышевыхъ: оба брата пишутъ почти всегда по-французски; Иванъ называетъ Шувалова своимъ благодѣтелемъ и постоянно подписывается Pylade; Захаръ пишетъ между прочимъ съ театра семилѣтней войны. Однажды онъ отдаетъ Шувалову отчетъ въ употребленіи денегъ, присланныхъ имъ изъ собственныхъ средствъ для раздачи раненымъ офицерамъ; въ другой разъ, послѣ кончины Елизаветы, онъ утѣшаетъ Шувалова въ понесенной имъ утратѣ и убѣждаетъ умѣрить печаль и отчаяніе, выраженныя въ полученномъ отъ него письмѣ.

Особенное вниманіе обратилъ я, разумѣется, на письма, относящіяся къ исторіи литературы. Пріобщивъ письма Державина къ остальнымъ матеріаламъ для біографіи его, и помѣщая ниже въ приложеніи семь писемъ Ломоносова, я остановлюсь здѣсь только на письмахъ Сумарокова, какъ представляющихъ нѣсколько новыхъ біографическихъ данныхъ, особливо относительно его дѣятельности при возникшемъ тогда Русскомъ театрѣ, о которой до сихъ поръ мы почти ничего не знали. Самый фактъ сношеній Сумарокова съ Шуваловымъ не былъ достаточно извѣстенъ; отсутствіе матеріаловъ по этому предмету заставляло біографовъ ихъ предполагать, что просвѣщенный вельможа покровительствовалъ одному Ломоносову.

Всѣхъ писемъ Сумарокова къ И. И. Шувалову въ доставленныхъ мнѣ тетрадяхъ двадцать одно: они относятся ко времени отъ 1757 до 1761 года и проникнуты тѣмъ же саркастическимъ тономъ, раздражительнымъ самолюбіемъ и хвастовствомъ, какими дышитъ все, что ни выходило изъ-подъ пера Сумарокова. Почти всѣ писаны собственной его рукой, почеркомъ довольно четкимъ, хотя небрежнымъ и неопрятнымъ, съ сокращеніемъ словъ, помарками и вставками между строкъ. Видно, что онъ, по праву литературной знаменитости и нужнаго человѣка, позволялъ себѣ разныя вольности въ обращеніи съ меценатомъ, напр., начиналъ письма словами Милостивый Государь,

---

[1]) Въ Москвитянинѣ 1845 года № XI было уже напечатано нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ И. И. Шувалову изъ другого сборника, принадлежащаго графинѣ Прасковьѣ Николаевнѣ Фредро, которая, по матери своей графинѣ Головиной, родная внука сестры Шувалова, княгини Голицыной. См. составленную г. Бартеневымъ біографію И. И. Шувалова, въ Русской Бесѣдѣ 1857 года, № 1-й.

безъ имени и отчества, и подписывался иногда только начальными буквами своего имени, а иногда и вовсе не подписывался [1]). Нѣкоторыя письма испещрены цѣлыми рядами французскихъ строкъ, а три написаны, отъ начала до конца, исключительно по-французски. Тѣ и другія доказываютъ, какъ плохо онъ владѣлъ этимъ языкомъ, на пристрастіе къ которому написалъ впослѣдствіи сатиру, проученный можетъ-быть насмѣшками, какія долженъ былъ навлекать на себя своими дѣйствительно забавными промахами, напр. je dois quitter ma quartière (квартиру), или: la rivière est prête de chasser la glace. Такіе варваризмы въ чужомъ языкѣ были бы очень простительны, еслибъ не соединялись съ охотою французить.

Шуваловъ доказалъ большую мягкость характера и снисходительность, продолжая такъ долго покровительствовать человѣку, который своимъ задорнымъ высокомѣріемъ безпрестанно приходилъ въ непріятныя столкновенія съ другими. Въ запискѣ (№ 1, безъ года и числа) онъ оправдывается противъ чьего-то очень характеристическаго замѣчанія: „мы по волѣ Ея Величества ѣздимъ въ русскій театръ, а впрочемъ несносно терпѣть отъ Сумарокова“ [2]). За то и ему случалось слышать такія любезности, которыя порядочному человѣку переварить трудно и однакожъ Сумароковъ ихъ переваривалъ. Такъ цѣлое 10-е письмо наполнено смѣшными выходками гнѣва и досады на то, что гр. Чернышевъ [3]) во дворцѣ, у Шувалова, назвалъ Сумарокова воромъ и грозилъ поколотить его. И въ чемъ же главная защита оскорбленнаго? „Я не графъ, а дворянинъ, я не камергеръ, однако офицеръ и служу безъ порока двадцать семь лѣтъ“. „А что я стерпѣлъ“, объясняетъ онъ въ концѣ письма, „тому причиною дворецъ и ваши комнаты... впрочемъ вѣрьте, что Его Сіятельство графъ Чернышевъ можетъ меня убить до смерти, а не побить“ и проч.

Всѣ письма Сумарокова наполнены жалобами на его несчастныя обстоятельства, почему онъ и въ подписи своей, называя себя покорнѣйшимъ слугою, иногда присоединяетъ къ тому еще и эпитетъ:

---

[1]) Ломоносовъ въ своихъ письмахъ къ Шувалову титулуетъ его съ 1760 года высокопревосходительнымъ, тогда какъ Сумароковъ всегда говоритъ ему: ваше превосходительство.

[2]) Императрица Елизавета требовала, чтобъ всѣ придворные и вообще служащіе посѣщали театръ: должностныя лица обязывались подпискою быть на всѣхъ представленіяхъ, и однажды, когда на французскую комедію явилось мало зрителей, въ тотъже вечеръ были разосланы ѣздовые къ болѣе значительнымъ людямъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь за непріѣздъ полиція будетъ каждый разъ взыскивать по 50 рублей штрафа. Донесеніе Функа въ 1754 г. Herrmann, Gesch. d. russ. Staat. V, 197.

[3]) Конечно, Иванъ Григорьевичъ, потому что графъ Захаръ Григорьевичъ въ то время участвовалъ въ семилѣтней войнѣ. Не въ литературномъ ли воровствѣ графъ Чернышевъ упрекалъ Сумарокова?

несчастнѣйшій или *отчаянный*. Особенно недоволенъ онъ своимъ положеніемъ въ должности директора Русскаго театра со дня учрежденія его, 30 августа 1756 года: по этой должности онъ, сверхъ бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ, получалъ 1000 рублей жалованья въ годъ, но домогался 1200, тѣмъ болѣе, что ему не шло квартирныхъ денегъ [1]). Высоко цѣня свою авторскую и директорскую дѣятельность, онъ говорилъ (№ 15): „мои упражненія ни со придворными, ни со штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради того я ни у кого не стою въ дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели словесныя науки на свѣтѣ пользою называются". Поэтому онъ не могъ не чувствовать себя обиженнымъ, сравнивая свое жалованье съ тѣмъ, какое получали въ то же время бывшіе въ Петербургѣ иностранные артисты. „Я", продолжалъ онъ, „Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги нежели французскіе актеры и итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю [2]). Что беретъ одинъ Тордо съ женою! А и моя жена служила [3]). Гельфердингъ [4]) сверхъ большаго жалованья отъ двора и квартеру и экипажъ имѣетъ; не покупая ни дровъ ни овса и сѣна, и не имѣя ни дѣтей ни жены, съ довольствіемъ пользуется службою своею", и т. д.

Еще до учрежденія Русскаго театра Сумароковъ, какъ видно, завѣдывалъ не только самыми Русскими представленіями, но и всею хозяйственною ихъ частію: это можно заключить изъ его требованія, чтобы ему уплачены были всѣ издержанныя имъ „по точному повелѣнію" деньги, и изъ жалобы что Василій Ивановичъ Чулковъ не платитъ ему этой суммы, составлявшей около 400 р. Въ іюлѣ 1757 г. (№ 12, ср. 8) онъ проситъ Шувалова доложить о томъ императрицѣ, приводя, что въ семь лѣтъ [5]) подалъ Чулкову болѣе сорока счетовъ, но только рѣдко получалъ отъ него отвѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сумароковъ сокрушается, что седьмой мѣсяцъ ему не выдаютъ жалованья,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. XIV, № 10, 599.

[2]) Досада Сумарокова на такую несправедливость вылилась и въ эпиграммѣ, напечатанной въ Трудолюбивой Пчелѣ:

Танцовщикъ ты богатъ, профессоръ ты убогъ;
Конечно голова въ почтеньи меньше ногъ.

[3]) Тогда, вѣроятно, еще жива была первая жена Сумарокова, Іоанна Христіановна, пріѣхавшая изъ Германіи, въ качествѣ камеръ-юнгферы, съ великой княжной Екатериной Алексѣевной. Но, по словамъ Екатерины II (Mémoires, стр. 38), за Сумарокова вышла русская ея камеръ-юнгфера Балкова.

[4]) Балетмейстеръ Вѣнскаго двора, пріѣхавшій въ Петербургъ около этого времени. Сокращ. извѣстія Штелина о русскихъ танцахъ и проч. въ СПб. Вѣстникѣ 1779, окт., стр. 252.

[5]) т.-е. съ 1750 г., когда Русскія представленія изъ кадетскаго корпуса были перенесены во дворецъ. Основаніе Русскаго театра, соч. Карабанова Спб. 1849.

въ которомъ заключается почти весь его доходъ. Вѣроятно, Шуваловъ не оставилъ этихъ просьбъ безъ вниманія; но и его старанія не помогли: черезъ два мѣсяца Сумароковъ обратился уже прямо къ императрицѣ съ прошеніемъ, недавно напечатаннымъ [1]). Надо думать, что это прошеніе имѣло успѣхъ, потому что послѣ того Сумароковъ уже не упоминаетъ о слѣдующихъ ему 400 руб.

Жалованье производилось ему изъ суммы въ 5000 рублей, которая была назначена вообще на содержаніе Русскаго театра и должна была отпускаться, по особому въ началѣ каждаго года указу изъ штатсъ-конторы. Изъ этой же суммы шло жалованье актерамъ и эконому; два опредѣленные при театрѣ кописта содержались чуть-ли не изъ тогоже источника. Съ 1757 года Сумарокову разрѣшено было, въ дополненіе къ этой, слишкомъ незначительной суммѣ, собирать въ пользу актеровъ деньги, платимыя публикою за представленія; но этотъ доходъ оказывался недостаточнымъ: въ четыре слишкомъ мѣсяца собрано было менѣе 500 рублей, тогда какъ на костюмы, съ учрежденія театра, истрачено болѣе 2000 (№ 3). Актеры забирали впередъ часть назначеннаго имъ жалованья и не возвращали этихъ денегъ (№ 6). По этому поводу между ними и Сумароковымъ происходили ссоры, и они при всякомъ неудовольствіи грозили отойти; новыхъ же актеровъ, по его словамъ, не возможно было пріискать безъ указу. Уже въ апрѣлѣ 1757 года онъ писалъ (№ 3): „лѣто настаетъ, а деньги въ театральной казнѣ исчезаютъ“.

Собираніе платы съ представленій для раздачи актерамъ предоставлено было самому директору; но это тяготило его не только потому, что отнимало у него много времени, мѣшая заниматься должностью и писать для театра, но и потому, что онъ находилъ это унизительнымъ для дворянскаго званія и бригадирскаго чина, а притомъ считалъ себя неспособнымъ къ такой должности, сознаваясь, что онъ „и о своихъ собственныхъ приходахъ и расходахъ большаго попеченія, а паче любя стихотворство и театръ, не имѣетъ“ (№ 5). Выставляя, что онъ „не антрепренеръ, дворянинъ и офицеръ и стихотворецъ сверхъ того“, онъ проситъ за себя и за всѣхъ комедіянтовъ исходатайствовать у императрицы, чтобы этотъ сборъ былъ отмѣненъ и чтобы вмѣсто того увеличено было жалованье какъ актерамъ, такъ и самому директору; установленный же сборъ, по его словамъ, не только не приноситъ прибыли, но не возвращаетъ и пятой доли издержанныхъ денегъ, а иногда и день не окупается. „Три представленія“, писалъ онъ въ маѣ 1758 года (№ 8), „не только не окупились, но еще и убытокъ театру принесли“.

Большое затрудненіе составлялъ недостатокъ костюмовъ, продол-

---

[1]) Библіограф. Записки 1861, № 17.

жавшійся не смотря на то, что на этотъ предметъ издержано было въ полтора года, какъ мы видѣли, до 2000 руб. Въ 1757 году по этой причинѣ не было Русскихъ представленій на масляницѣ (№ 3); еще и въ февралѣ слѣдующаго года представленіе какой-то оперы остановилось за тѣмъ, что для восьми пѣвцовъ не было платья: chose très petite, mais très nécessaire, замѣчалъ Сумароковъ. Въ маѣ 1758 (№ 9) онъ извѣщаетъ Шувалова, что въ четвергъ представленія не будетъ, потому что „у Трувора платья нѣтъ никакого".

Для Русскихъ представленій не было особаго театра. Сначала для нихъ назначенъ былъ на Васильевскомъ острову Головкинскій каменный домъ (на мѣстѣ нынѣшней Академіи Художествъ) [1]), гдѣ отведены были и квартиры актерамъ. Но уже въ 1757 году найдено было неудобнымъ давать тамъ представленія, вѣроятно, по отдаленности мѣста отъ болѣе населенныхъ частей города, и русскіе актеры стали играть тамъ же, гдѣ играли иностранныя труппы.

Тогда были въ Петербургѣ двѣ такія труппы. Французская пріѣхала въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, изъ Касселя. Съ директоромъ ея Сереньи заключенъ былъ контрактъ, по которому она получала 25.000 руб. въ годъ, и дворъ снабжалъ ее музыкантами, декораціями и свѣчами; одни костюмы оставались на собственномъ ея попеченіи. Она играла на придворномъ театрѣ, сперва въ бывшемъ манежѣ герцога Курляндскаго, во флигелѣ зимняго дворца; потомъ, когда это помѣщеніе оказалось слишкомъ тѣснымъ, — въ другомъ манежѣ, близъ Казанской церкви, и наконецъ, послѣ пожара, уничтожившаго это строеніе въ 1749 году, — во вновь построенномъ деревянномъ театрѣ у лѣтняго дворца при каналѣ (впослѣдствіи домъ Коссиковскаго, нынѣ Елисѣева).

Другая труппа, итальянская, съ директоромъ Локателли, состояла изъ сюжетовъ для оперы буффы и для балета, и явилась въ Петербургѣ въ 1757 году. Ей отведенъ былъ для представленій старый придворный театръ близъ лѣтняго сада. Здѣсь давались оперы и балеты, стоявшіе наряду съ лучшими, какіе тогда можно было видѣть даже въ Парижѣ и Италіи. Въ первый годъ императрица подарила Локателли 5000 руб.; за входъ бралъ онъ съ человѣка по рублю; абонированная ложа стоила до 300 руб. въ годъ. Богатые люди на собственный счетъ обивали свои ложи шелковыми матеріями и убирали ихъ зеркалами. Двѣ лучшія танцовщицы, Сакки и Белюцци, раздѣляли предпочтеніе публики и произвели между зрителями двѣ партіи. Тогда хлопали

---

[1]) Въ указѣ сказано только, что этотъ домъ находился близъ кадетскаго корпуса, но г. Карабановъ, въ своемъ „Основаніи Русскаго театра", указываетъ именно на мѣсто, гдѣ нынѣ Академія Художествъ, и это подтверждается жалобою Сумарокова на то, что этотъ домъ впослѣдствіи отнимали у театра для Академіи. Самъ онъ нанималъ себѣ квартиру по близости (№ 17).

такъ усердно, что однѣхъ рукъ на это недоставало и многіе привозили въ театръ на помощь имъ двѣ деревянныя дощечки, связанныя лентами; на нихъ написано было имя одной изъ любимыхъ актрисъ [1].

Актеры Сумарокова играли то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты своими труппами, обыкновенно по четвергамъ. Странно, что по праздникамъ не было спектакля. 2-го января 1758 (№ 5) Сумароковъ писалъ: „нѣсколько праздниковъ было по четвергамъ, и для того я въ тѣ дни играть не могъ, а нынѣ на которомъ театрѣ мнѣ играть, я не вѣдаю: тамъ Локателли, а здѣсь французы, а я, не имѣя особливаго театра, не могу назначить дня безъ сношенія съ ними, да имъ иногда знать нельзя; что мнѣ въ такомъ обстоятельствѣ дѣлать?“ Это затрудненіе еще увеличивалось тѣмъ, что для каждаго представленія нужно было особое разрѣшеніе гофмаршала, а это разрѣшеніе часто приходило только наканунѣ, уже послѣ полудня. Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда присылалось увѣдомленіе, что музыки отъ двора не будетъ, потому что музыканты наканунѣ играли въ маскарадѣ и устали. Тогда Сумароковъ долженъ былъ самъ пріискивать другихъ музыкантовъ и, разумѣется, находилъ срокъ для приготовленія спектакля слишкомъ короткимъ: „я все бы исправилъ“, пишетъ онъ Шувалову 20 мая 1758 г. (№ 8), „ежели бы была возможность, а сегодня послѣ обѣда зачавъ, до завтра я не знаю какъ передѣлать“. Любопытно далѣе исчисленіе всего, что еще остается сдѣлать, именно: 1) нанимать музыкантовъ; 2) покупать и разливать воскъ [2]; 3) дѣлать публикаціи по всѣмъ вѣдомствамъ; 4) дѣлать репетицію; 5) посылать за фигурантами; 6) посылать къ машинисту; 7) дѣлать распоряженія о раздачѣ мѣстъ въ театрѣ; 8) посылать за карауломъ.

Жалобы на недостатокъ времени для приготовленій къ представленіямъ повторялись очень часто въ письмахъ Сумарокова къ Шувалову, и онъ съ искреннимъ отчаяніемъ описывалъ всѣ неудобства своего положенія, хлопоты и тревоги; „отъ начала театра“, говорилъ онъ въ маѣ 1759, „ни одного представленія еще не было, которое бы миновалося безъ превеликихъ трудностей, не приносящихъ никому плода, кромѣ приключаемыхъ мнѣ мученій и превеликихъ замѣшательствъ“. При этомъ онъ намекаетъ на козни какихъ-то враговъ Русскаго театра и даетъ почувствовать, что было бы гораздо лучше, еслибъ исполнили поданный имъ проектъ учрежденія театра. Въ чемъ состоялъ этотъ проектъ, мы не знаемъ, но по выраженію „сто бы разъ лучше было,

---

[1] Названная статья Штелина и его же Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ въ СПб. Вѣстникѣ 1779, авг. и сент.

[2] Нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ Сумароковъ напоминалъ, что употреблять на театрѣ сальныя свѣчи и плошки ему не позволено, а восковая иллюминація обходится ему слишкомъ дорого.

еслибъ однажды всему театру положено было основаніе", можно заключить, что Сумароковъ предлагалъ дать Русскому театру совершенно отдѣльное самостоятельное существованье, такъ, чтобъ онъ имѣлъ свой собственный оркестръ, костюмы и всѣ другія принадлежности отъ казны, а также и особое зданіе для русскихъ представленій, въ которомъ могли бы помѣщаться и всѣ лица, принадлежащія къ управленію театра, и самая труппа.

На обязанности директора лежало не только управлять театромъ, но вмѣстѣ и поставлять пьесы своего сочиненія, а эти два дѣла не возможно было соединить съ успѣхомъ. Сумароковъ понималъ это и сѣтовалъ, что хлопоты по театру отнимали у него все время, лишали его спокойствія и „поэтическихъ мыслей", истощали его силы. „Удивительно ли будетъ ваше превосходительство", писалъ онъ однажды (№ 3), „что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются?"

Ненависть Сумарокова къ подъячимъ находила пищу и при театрѣ. Подъячіе, жаловался онъ, пользуются прибылью, которая слѣдуетъ труппѣ, „собирая за мои трагедіи по два рубли и по рублю съ человѣка, а я сижу не имѣя платья актерамъ, будто бы театра не было". По своему управленію онъ не имѣлъ иныхъ помощниковъ, кромѣ двухъ копистовъ. Жалуясь, что некого разсылать наканунѣ представленій, онъ говорилъ (№ 8): „они копеисты, они разсыльщики, они портіеры" [1]). Къ этимъ-то двумъ лицамъ конечно относится статья Сумарокова *О копистахъ*, напечатанная имъ въ Трудолюбивой Пчелѣ и въ которой онъ между прочимъ помѣстилъ слѣдующій скромный отзывъ о самомъ себѣ: „что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры

---

[1]) Какъ звали этихъ двухъ копистовъ, неизвѣстно. По указу объ учрежденіи Русскаго театра, для надзора за домомъ опредѣленъ былъ изъ копистовъ лейбъ-компаніи, съ пожалованіемъ въ подпоручики и съ содержаніемъ по 250 р. въ годъ, какой-то Алексѣй Дьяконовъ. Это-то лицо мы позволили себѣ выше назвать экономомъ. Нельзя предполагать, чтобъ Дьяконовъ и при театрѣ исполнялъ должность писца, потому что онъ, какъ подпоручикъ, не могъ лишиться шпаги, чему подверглись кописты Сумарокова. Не былъ ли однимъ изъ этихъ театральныхъ писцовъ Аблесимовъ, который съ молоду былъ принятъ въ домъ Сумарокова и, по словарю митрополита Евгенія, служилъ при немъ въ лейбъ-компанской канцеляріи? Къ сожалѣнію, и единственная болѣе подробная статья объ Аблесимовѣ (статья Макарова, въ Репертуарѣ русск. театра, 1841 г.) не даетъ намъ возможности рѣшить этотъ вопросъ положительно. Впрочемъ Сумароковъ вездѣ говоритъ о своихъ копистахъ какъ о людяхъ малограмотныхъ, нуждающихся въ его руководствѣ.

вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно, а я далѣ еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами апостола Павла: Дадеся мнѣ пакостникъ ангелъ сатанинъ, который мнѣ пакости дѣлаетъ: да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подъяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подъячаго и самаго скареднаго крючкотворца".

Но кого же Сумароковъ разумѣетъ здѣсь подъ этимъ подъячимъ, который, какъ онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, претворился въ клопа, „всползъ на Геликонъ, ввернулся подъ одежду Мельпомены и грызетъ прекрасное тѣло ея?" Далѣе видно, что этотъ *подъячій*, съ 6 янв. 1759, „отправлялъ при Русскомъ театрѣ прокурорскую должность", обязанъ былъ наблюдать за правильнымъ ходомъ всего учрежденія и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься цензурою пьесъ, и что онъ отнялъ у театральныхъ копистовъ право носить шпаги, которымъ они отличались отъ всѣхъ другихъ приказныхъ служителей. Это распоряженіе Сумароковъ принялъ за личное себѣ оскорбленіе и самъ сознается, въ той-же статьѣ, что „оное ему смертно досадно" было. Онъ предсказываетъ, что вслѣдствіе такой обиды, ужъ никто не пойдетъ по стопамъ его или, по крайней мѣрѣ, никто не захочетъ списывать его сочиненія.

„Ежели", продолжаетъ онъ, „и сіе ободреніе отнять у обучаемыхъ отъ меня людей, такъ никогда путнаго кописта я не увижу; ибо всякій писецъ лучше захочетъ быти безграмотнымъ регистраторомъ и грабить, нежели обучаться правописанію и таскаться безъ шпаги" и проч. Въ своемъ озлобленіи Сумароковъ поклялся, что пока это опредѣленіе не отмѣнится, онъ „больше ничего драматическаго писать не станетъ".

Письма Сумарокова позволяютъ намъ съ нѣкоторою достовѣрностію догадываться, противъ кого были направлены эти выходки. Статья о копистахъ была напечатана въ декабрѣ 1759 г.; къ сожалѣнію, за весь этотъ годъ вовсе не сохранилось писемъ Сумарокова къ Шувалову; въ слѣдующемъ году также нѣтъ писемъ до декабря; но въ этомъ мѣсяцѣ Сумароковъ пишетъ (№ 16): „при театрѣ я больше подъ гофмаршаломъ ради десяти тысячъ жалованья быть нехочу... ибо нападенія его несносны мнѣ стали, и сдѣлать при немъ театру добраго ничего нельзя... Помилуйте меня и освободите отъ графа Сиверса и проч." Эти жалобы повторяются и въ 1761 году. Онѣ бросаютъ нѣко-

торый свѣтъ и на статьи Сумарокова: *Сонъ* и *Блохи*, напечатанныя въ журналѣ „Праздное время“ въ 1760 году. Тутъ подъ иноплеменниками онъ разумѣетъ конечно не однихъ академиковъ, но и врага своего по театру, графа Сиверса [1]). Жалуясь на него, Сумароковъ проситъ защиты Шувалова, говоря, что гофмаршалъ его всякую минуту мучитъ и выживаетъ изъ театра.

Если предположить, что въ журнальной статьѣ Сумароковъ не могъ позволить себѣ такихъ рѣзкихъ выходокъ противъ лица, занимавшаго высокое мѣсто при дворѣ, то можно принять, что онѣ относились еще прямѣе къ какому-нибудь служившему при Сиверсѣ чиновнику, имѣвшему сильное на него вліяніе. Эта догадка подтверждается замѣчаніемъ въ одномъ изъ послѣднихъ его писемъ, что Сиверсъ самъ „о немногомъ по театру знаетъ, а правятъ театромъ подъячіе“. Притомъ нѣсколькими годами позже, въ своихъ замѣткахъ *о путешествіяхъ* (т. IX, стр. 331), онъ жалуется, что здоровье его, за труды по театру, совсѣмъ испорчено „священной римской имперіи графомъ К. Е. С. [2]) и его сіятельства регистраторомъ“. Но главнымъ виновникомъ своихъ непріятностей по этой службѣ Сумароковъ все-таки считалъ самого Сиверса и черезъ много лѣтъ еще помнилъ ихъ живо. Изъ записокъ Порошина (стр. 5) мы знаемъ, что обѣдая разъ въ концѣ 1764 г. у молодого великаго князя, Сумароковъ очень забавлялъ его разсказомъ „о бывшихъ своихъ побранкахъ съ оберъ-маршаломъ Сиверсомъ“.

До начала 1761 года Сумароковъ жилъ на Васильевскомъ островѣ близъ дома Головкина, гдѣ помѣщались актеры; но теперь этотъ домъ понадобился Шувалову для Академіи Художествъ, и такъ какъ жительство актеровъ на островѣ представляло большое неудобство (снятіе моста два раза въ годъ прерывало представленія), то стали пріискивать для труппы другую квартиру на той сторонѣ Невы. Сумароковъ предвидѣлъ, что вслѣдъ за актерами и ему придется переѣхать въ такую часть города, гдѣ квартиры гораздо дороже, и потому сталъ хлопотать, чтобъ ему дали помѣщеніе въ одномъ домѣ съ актерами. Кажется, Сумароковъ чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе Сиверса и долженъ былъ писать ему оправдательное письмо, но отговаривался недосугомъ и нездоровьемъ. Къ этимъ-то обстоятельствамъ относится все 17 письмо (26 февраля 1761 года). Здѣсь онъ опять намекаетъ на какихъ-то подъячихъ, замаравшихъ его, и объявляетъ, что въ угодность имъ не хочетъ покинуть театра. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова проситъ не давать графу Сиверсу мучить его и доказываетъ, что не прилично удалить его отъ театра безъ всякаго осно-

---

[1]) Во второй изъ названныхъ статей являются между прочимъ *финскія* или *чухонскія блохи.* Эта острота объясняется тѣмъ, что гр. Сиверсъ родился въ Финляндіи.

[2]) Карломъ Ефимовичемъ Сиверсомъ.

ванія и безъ указу, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что онъ вовсе не желаетъ оставаться при театрѣ: „я объ этомъ больше не пекуся, мнѣ все равно, когда мои старанія такое воздаяніе заслужили“.

12 марта (№ 20) онъ уже пишетъ, что если онъ заслужилъ быть отрѣшеннымъ отъ театра, то проситъ, чтобы это сдѣлалось безотлагательно, но подать просьбу о своемъ увольненіи не соглашается. Волкова думали назначить директоромъ на его мѣсто, а Сумарокову предлагали остаться при театрѣ въ качествѣ драматическаго писателя, т. е. поставщика пьесъ. Отсюда же видно, что Сиверсъ удалялъ его за какую-то вину: кажется, на честность Сумарокова была наброшена тѣнь врагами его, чиновниками Сиверса. Сумароковъ при этомъ повторяетъ клятву, что онъ больше не будетъ писать для театра, „а если буду сочинять, скажите всему свѣту, что я, какъ безчестный человѣкъ, преступилъ мою клятву“. Но перспектива отставки и нужды заставляетъ Сумарокова вдругъ измѣнить свой тонъ въ отношеніи къ Сиверсу: отличая его отъ людей, которые старались ихъ поссорить, Сумароковъ изъявляетъ готовность просить прощенія у Сиверса. „А его сіятельство умилостивляти мнѣ не стыдно и злобы въ моемъ сердцѣ противъ его особы нѣтъ, и ежели столько же въ его сердцѣ противъ меня, такъ я не вѣдаю, что препятствуетъ возвращенію моего спокойства“. Въ своемъ лихорадочномъ волненіи Сумароковъ не замѣчаетъ, какъ у него самонадѣянная похвальба постоянно смѣняется съ униженіемъ. „Я готовъ отрѣшеніе отъ театра терпѣть, все потомство о моей прослугѣ знать будетъ, вѣдь я сколько Россіи театромъ услугъ сдѣлалъ“. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ, онъ жалуется на новую обиду отъ Сиверса, или вѣрнѣе, отъ его чиновниковъ и тутъ уже самъ проситъ Шувалова о своемъ увольненіи. Прежде онъ напоминалъ, что уже шесть лѣтъ состоитъ бригадиромъ (слѣдовательно съ 1755 г.) и что при отставкѣ дается слѣдующій чинъ; теперь онъ объявляетъ, что не хочетъ статскаго чина: „ибо я носилъ во весь вѣкъ мой мундиръ и сапоги, башмаки носить не скоро выучуся; да яжъ иду въ отставку, а не къ штатскимъ дѣламъ и лучше пойду въ капитаны нежели съ произвожденіемъ въ штатскій чинъ“[1]). Въ заключеніе онъ говоритъ, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ главнымъ злодѣемъ своимъ, Сиверсомъ.

Такимъ образомъ можно принять за достовѣрное, что отъ должности директора театра Сумароковъ былъ удаленъ по неудовольствіямъ съ гофмаршаломъ графомъ Сиверсомъ, что Шуваловъ долго поддерживалъ его, не смотря на эти неудовольствія, но что наконецъ и онъ долженъ былъ согласиться на увольненіе Сумарокова. Показаніе Ште-

---

[1]) Въ указѣ объ учрежденіи театра между прочимъ было постановлено: „бригадира Сумарокова изъ армейскаго списка не выключать“.

лина, будто причиною удаленія Сумарокова отъ театра были ссоры его съ актрисами, можетъ быть справедливо только отчасти: онъ ссорился съ труппою такъ же какъ и съ копистами своими, и съ чиновниками Сиверса. Характеристична послѣдняя фраза переписки его съ Шуваловымъ: „моя отставка не безполезная отставка будетъ, но полезная служба весьма отечеству моему".

Увольненіе Сумарокова послѣдовало вскорѣ послѣ письма, оканчивающагося этими словами и писаннаго 24 апрѣля 1761 года. Что около середины этого года онъ уже не былъ директоромъ театра, о томъ есть и другое свидѣтельство, именно письмо отца его Петра Панкратьевича, который отъ 12 іюля изъ Москвы увѣдомлялъ сына, что получилъ письмо его съ извѣстіемъ о томъ [1]).

Письмо Сумарокова къ императрицѣ Екатеринѣ II отъ 3 мая 1764 г. показываетъ, что онъ, бывъ уволенъ отъ управленія театромъ, все еще нѣсколько принадлежалъ къ нему по званію драматическаго писателя и продолжалъ ссорится съ Сиверсомъ, который теперь самъ завѣдывалъ дирекціею [2]).

Настоящія письма доставляютъ намъ и нѣсколько другихъ свѣдѣній для біографіи Сумарокова. Изъ 15-го письма мы узнаемъ въ точности время рожденія его — 14-ое ноября 1717 года, а не 1718, какъ до сихъ поръ принимали. „Вчера, писалъ онъ 15-го ноября 1759, исполнилось мнѣ 42 года". Нѣсколько далѣе онъ говоритъ, что служитъ и носитъ военный мундиръ уже 28 лѣтъ: слѣдовательно онъ службу свою считалъ съ 1732 года, когда ему было всего 14 лѣтъ; тогда онъ поступилъ въ новоучрежденный корпусъ и за успѣхи произведенъ былъ въ капралы [3]). Въ 1761 году 24 апр. онъ пишетъ: „20 лѣтъ взавтрѣ исполнится какъ я служу Ея Величеству"; слѣдовательно онъ считалъ, что въ службѣ императрицы находился съ 25 апрѣля 1741 года; но здѣсь онъ, кажется, самъ ошибался, потому что въ апрѣлѣ 1741 г. Елизавета еще не царствовала: она вступила на престолъ только 25 ноября; въ показаніи Сумарокова должно, вѣроятно, разумѣть 1742-й годъ; 25 апрѣля было днемъ ея коронованія. Въ этотъ день Сумароковъ могъ поступить въ лейбъ-компанію, подъ начальство графа А. Г. Разумовскаго, при которомъ черезъ 10 лѣтъ, можетъ быть, получилъ должность адъютанта, ибо онъ въ одномъ письмѣ говоритъ, что отъ графа поступилъ въ директоры театра. Вышедши изъ корпуса 14 апрѣля 1740 года, онъ, по однимъ свѣдѣ-

---

[1]) Отрывки изъ переписки Сумарокова въ Отеч. Зап. 1858, февр., стр. 580.

[2]) Русс. Бесѣда 1860, II, Науки, стр. 232.

[3]) Въ одной изъ своихъ статей онъ говоритъ, что уже 12-ти лѣтъ отъ роду былъ кадетомъ, Соч. Сумар. т. VI, стр. 358 и 362, но это невозможно, потому что кадетскій корпусъ возникъ только въ 1731 или собственно даже 32-мъ г., когда онъ былъ открытъ (17 февр.). См. Крат. ист. корп., соч. Висковатова и статью Сѣв. Пч. 1833, № 72.

ніямъ, былъ оставленъ на службѣ при этомъ заведеніи, а по другимъ сдѣлался чьимъ-то адъютантомъ: „при графѣ“ [1]), говоритъ онъ, „правивъ канцеляріею лейбъ-компаніи десять лѣтъ, основалъ порядокъ тамо по канцеляріи. Лейбъ-компанія была 18 тыс. должна, а я собралъ съ полтораста тысячей“. Любопытно, что онъ, говоря потомъ о своихъ будущихъ сочиненіяхъ и закаиваясь писать драмы, пока Сиверсъ будетъ управлять театромъ, прибавляетъ: „да и всего времени къ сочиненію осталось мнѣ 4 года“; слѣдовательно послѣднимъ предѣломъ своей авторской дѣятельности онъ полагалъ 48-й годъ жизни. Почему? неизвѣстно; но подобную мысль о скоромъ окончаніи своего литературнаго поприща онъ высказываетъ гдѣ-то и въ другомъ мѣстѣ. Забавны и пошлы повторенія одного и того же, которыя безпрестранно встрѣчаются въ письмахъ Сумарокова.

Любопытную сторону этой переписки составляютъ частыя выходки его противъ Ломоносова и Академіи Наукъ. Извѣстно, что въ Академической типографіи печатались какъ драматическія сочиненія Сумарокова, такъ и Трудолюбивая Пчела его. Ему не нравились ни счеты, которые онъ по этому предмету получалъ изъ Академіи, ни цензурныя поправки, которымъ тамъ подвергались его сочиненія. По извѣстіямъ Штелина, онъ ссорился съ факторомъ типографіи и обвинялъ академическую Канцелярію въ неуспѣхѣ Трудолюбивой Пчелы, существовавшей одинъ только годъ (1759) [2]).

Въ 8-мъ письмѣ онъ говоритъ: „жалованья за неимѣніемъ денегъ и по волѣ Ломоносова не даютъ, въ Академіи съ меня не христіанскою выкладкою за работу трагедій правятъ“. Здѣсь вина Ломоносова состояла въ томъ, что по его требованіямъ вычитались изъ театральнаго жалованья Сумарокова деньги, которыя онъ обязался платить по третямъ за печатаніе своихъ изданій.

Въ слѣдующемъ письмѣ (19 мая 1758) онъ замѣчаетъ, что еслибы имѣлъ болѣе досуга, то „могъ бы отвращать Ломоносова противъ себя толкованія съ употребленіемъ имени вашего и тѣхъ придворныхъ кавалеровъ. Ему, деревни, домъ и хорошіе доходы имѣющему, жить легко, а мнѣ со всѣмъ моимъ домомъ лишаему быть на цѣлую треть моего пропитанія, трудновато. Когда Ломоносовъ пьетъ и во пьянствѣ подписываетъ промеморіи, долженъ ли я въ чужомъ пиру имѣть похмѣлье? Онъ опивается, а я чувствую похмѣлье.“ [3]) 27 іюля 1758 (№ 12) онъ писалъ: „члены Академической канцеляріи имѣютъ способъ получать

---

[1]) А. Г. Разумовскомъ.

[2]) Москвитянинъ 1851, II.

[3]) Ср. Доношеніе Сумарокова въ штатсъ-контору (изъ бумагъ С. Н. Глинки), въ Лит. Газетѣ бар. Дельвига 1830, № 28, и въ сочиненіи г. Булича, стр. 58. — Это доношеніе было написано вслѣдствіе промеморіи Ломоносова о вычетѣ изъ жалованья Сумарокова.

жалованье, а прочіе академики, будучи въ подобномъ состояніи мнѣ, прибѣгаютъ къ своему президенту, больше думая о хлѣбѣ нежели о наукахъ, а я, не имѣя инова президента кромѣ васъ, къ вамъ въ моихъ злоключеніяхъ прибѣгаю".

Въ началѣ 14-го письма онъ говоритъ о своемъ опроверженіи похвальной надписи Ломоносову, что если не напечаталъ его, то не изъ страха отвѣта отъ Поповскаго и „всѣхъ въ Московскомъ университетѣ трждающихся", а только изъ уваженія къ совѣтамъ Шувалова, которые онъ всегда принимаетъ какъ приказанія. Кажется, можно опредѣлить, о какихъ стихахъ тутъ рѣчь идетъ. Извѣстно, что въ 1757 году въ новоучрежденной типографіи Московскаго университета напечатаны сочиненія Ломоносова съ гравированнымъ его портретомъ. По желанію Шувалова, подъ этимъ портретомъ помѣщены были стихи, сочиненные Поповскимъ. Какъ ни гордился Ломоносовъ своими успѣхами, однакожъ въ этомъ случаѣ обнаружилъ большую скромность. „Ваше Превосходительство", писалъ онъ къ Шувалову, посылая ему пять оттисковъ этой гравюры (№ V), „изволили говорить чтобъ подъ помянутый портретъ подписать какіе нибудь стихи. Но того, милостивый государь, отнюдь не желаю; и стыжусь, что я нагрыдорованъ". Протестъ Ломоносова не былъ принятъ Шуваловымъ, и портретъ явился съ слѣдующими стихами:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ, Ломоносовъ.

Какъ похвалы, которыя Елагинъ воздавалъ Сумарокову, не понравились Ломоносову, такъ и стихи въ честь послѣдняго возбудили неудовольствіе Сумарокова, и онъ написалъ опроверженіе ихъ. Между мелкими его стихотвореніями мы находимъ эпитафію, гдѣ подъ именемъ Гомера очевидно осмѣянъ Ломоносовъ, воспѣвающій Петра Великаго. Эта пьеса написана тѣмъ же размѣромъ, какъ приведенные стихи Поповскаго, и первоначально состояла также изъ шести стиховъ: потому можно полагать, что это именно то опроверженіе, о которомъ говоритъ Сумароковъ въ письмѣ своемъ. Изъ печатаемыхъ нынѣ писемъ Ломоносова (№ III) видно, что поэма Петръ Великій была начата имъ еще въ 1757 году. Слѣдовательно Сумароковъ спустя годъ могъ уже знать о предпріятіи своего соперника и осмѣять его въ своихъ стихахъ. Привожу ихъ такъ, какъ они сохранились въ тетрадяхъ Державина по поводу, о которомъ сейчасъ будетъ упомянуто.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Фирсъ Фирсовичъ [1]) Гомеръ,
Который, вознесясь ученьемъ выше мѣръ,
Великаго воспѣть монарха устремился;
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ и осрамился:
Дѣла онъ обѣщалъ воспѣть велика мужа;
Онъ къ морю велъ чтеца, а вылилася лужа [2]).

Черезъ 10 лѣтъ послѣ того, какъ написаны были эти стихи, когда уже Ломоносова не было въ живыхъ, за него вступился молодой, еще неизвѣстный и очень незрѣлый въ то время поэтъ, именно Державинъ, который, хотя безсознательно и подражалъ иногда Сумарокову, однако живо чувствовалъ смѣшныя стороны Сѣвернаго Расина.

Въ 1768 году онъ написалъ на приведенное надгробіе Ломоносову пародію, также въ шести александрійскихъ стихахъ, на тѣ же риѳмы, гдѣ назвалъ Сумарокова, по имени славнаго римскаго комика, Терентіемъ. Эпиграмму эту онъ озаглавилъ *Вывѣской*, въ подражаніе „Вывѣскѣ" Сумарокова на писаря Саву. Вотъ пародія Державина.

Терентій здѣсь живетъ Облаевичъ Церберъ,
Который обругалъ подъячихъ выше мѣръ;
Кощунствовать своимъ Опекуномъ стремился [3]),
Отважился, дерзнулъ, зѣвнулъ и подавился:
Хулилъ онъ наконецъ дѣла почтенна мужа,
Чтобъ сей изъ моря сталъ ему подобна лужа.

Сумароковъ завидовалъ не только литературной славѣ Ломоносова, но и тому, что онъ былъ членомъ Академіи, чести, которой самъ онъ напрасно домогался, обвиняя въ своемъ неуспѣхѣ Ломоносова. Съ такою же досадой смотрѣлъ онъ на Поповскаго, который принадлежалъ къ Московскому Университету, тогда какъ самъ онъ не могъ попасть ни въ какое Русское учебное общество. „Писатели Русскіе", говоритъ онъ (№ 14), „привязаны или къ Академіи или къ Университету, а я по недостоинству моему ни къ чему, и будучи Русскимъ, не имѣю чести членомъ быть никакого въ Россіи ученаго мѣста, да и нельзя, ибо г. Ломоносовъ меня до сообщества академическаго не допускаетъ, а въ Университетѣ словесныхъ наукъ собранія вамъ уставить еще не благоволилось".

Мы уже видѣли, какъ онъ въ другой разъ сердился на Ломоносова за то, что по его милости не получалъ жалованья. Наконецъ, Ломо-

---

[1]) т. е. Ѳерситъ, извѣстное лицо въ Иліадѣ.

[2]) Ср. эпитафію 17 въ соч. Сумарокова (т. IX, стр. 139), гдѣ она нѣсколько передѣлана и распространена.

[3]) Здѣсь Державинъ конечно разумѣлъ нѣкоторыя рѣчи Чужехвата и Пасквина въ комедіи Опекунъ, напр. то, что онъ говоритъ въ явленіяхъ IV (стр. 13 и 14), X (стр. 23), XI (стр. 26), XII (стр. 27) и XIV (стр. 36).

носовъ же, по его словамъ, не давалъ хода его сочиненіямъ, которыя печатались въ Академіи и подвергались ея цензурѣ. Письмо, гдѣ онъ жалуется на это (№ 15), было писано въ концѣ 1759 года, когда Сумароковъ еще издавалъ Трудолюбивую Пчелу. Слѣдовательно онъ былъ недоволенъ вмѣшательствомъ Ломоносова въ его дѣла и по этому изданію. Когда онъ, за годъ передъ тѣмъ, испрашивалъ у Академіи позволенія печатать свой журналъ въ ея типографіи, съ тѣмъ, чтобы съ него взыскивались деньги по истеченіи каждой трети, то онъ предоставлялъ Академіи цензуру этого изданія и только просилъ не трогать его слога и „избавить его отъ помѣшательства и затрудненій въ печатаніи“ [1]). Въ сказанномъ письмѣ, называя Ломоносова крайнимъ своимъ злодѣемъ, онъ уже говоритъ: „избраны ценсоры, не знаю для чего, чему и президентъ дивится, а что они подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ канцеляріи останавливаетъ, а я печатаю не по указу и плачу деньги!“

Вслѣдъ за этимъ Сумароковъ чрезвычайно наивно обнаруживаетъ опять главную причину своей досады на Ломоносова, именно то, что и онъ, Сумароковъ, не членъ Академіи. Упоминая рядомъ съ Ломоносовымъ Тауберта и Штелина, онъ спрашиваетъ: „или русскому стихотворцу пристойнѣе членомъ быть ученаго собранія въ Нѣмецкой землѣ, а въ Россіи нѣмцамъ? Мнѣ кажется, что я не хуже аптекаря Моделя, хотя и не шарлатанствую: не хуже Штеллина, хотя и русской стихотворецъ и не хуже Ломоносова, хотя и бисера не дѣлаю“.

Затѣмъ Сумароковъ, оставляя уже въ сторонѣ всякія околичности, положительно объявляетъ, что если его сдѣлаютъ академикомъ, то онъ еще нѣсколько лѣтъ будетъ писать, а въ противномъ случаѣ грозитъ, по окончаніи года (1759), во всю жизнь ничего болѣе не издавать.

Кажется, эти и подобныя имъ жалобы и угрозы имѣли нѣкоторое дѣйствіе, ибо спустя годъ послѣ того (№ 16) Сумароковъ пишетъ Шувалову: „вы мнѣ изволили предлагать объ академическомъ мѣстѣ, которое, кажется мнѣ, и принадлежитъ нѣсколько мнѣ.“

Усиливаясь такимъ образомъ попасть въ академики, Сумароковъ въ то же время не разъ выражалъ желаніе получить генеральскій чинъ, представляя, что онъ уже шесть лѣтъ старшимъ бригадиромъ, что его обходятъ, что многіе изъ прежнихъ его сверстниковъ давно опередили его по службѣ.

Смѣхъ, отъ котораго трудно удержаться при чтеніи писемъ Сумарокова, превращается въ чувство грусти, когда мы поглубже вникнемъ въ ихъ смыслъ. Управляя театромъ, онъ былъ дѣйствительно несчастенъ. Конечно, большая доля его страданій происходила отъ его личныхъ

---

[1]) Ученыя Записки А. Н., Т. I, стр. LXXXII.

свойствъ: безмѣрнаго самолюбія и раздражительнаго характера, соединенныхъ съ недостаточнымъ образованіемъ и внезапнымъ возвышеніемъ въ литературѣ вслѣдствіе особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

Но несчастіе Сумарокова въ значительной степени зависѣло и отъ состоянія тогдашняго нашего общества, отъ внѣшнихъ условій, посреди которыхъ этой живой натурѣ пришлось дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать директоръ вновь созданнаго театра съ пятью тысячами руб. въ годъ на содержаніе не только труппы, но и театральныхъ служителей [1] и на покрытіе всѣхъ издержекъ по представленіямъ? Правда, вслѣдстіе жалобъ Сумарокова на недостаточность этой суммы, въ пользу актеровъ предоставленъ былъ и сборъ съ публики; но число посѣтителей театра, какъ по всему видно, не могло быть велико, и притомъ явились злоупотребленія: вмѣсто актеровъ деньгами съ представленій стали пользоваться чиновники штатсъ-конторы. Самъ Сумароковъ цѣлые мѣсяцы не могъ добиться жалованья: любопытенъ разсказъ его о хлопотахъ, которымъ онъ подвергался въ подобныхъ случаяхъ (начало № 18). Окончательное рѣшеніе Сумарокова оставить театръ было, кажется, слѣдствіемъ такой же непріятности (№ 21).

Нельзя сомнѣваться, что онъ по управленію театромъ дѣйствительно много терпѣлъ отъ подъячихъ, въ рукахъ которыхъ былъ Сиверсъ. Бѣдность Сумарокова не была выдумкою съ его стороны. Нельзя безъ жалости читать то, что онъ объ этомъ писалъ какъ Шувалову (№ 15), такъ и самой императрицѣ. Въ письмѣ къ Елисаветѣ Петровнѣ онъ говорилъ: „Какъ я, такъ и жена моя, почти всѣ уже свои вещи заложили, не имѣя кромѣ жалованья никакого дохода; ибо я деревень не имѣю и долженъ жить только тѣмъ, что я своимъ чиномъ и трудами имѣю, трудясь, сколько силъ моихъ есть, по стихотворству и театру, а въ такихъ упражненіяхъ не имѣю ни минуты подумать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Дѣти мои должны пребывать въ невѣжествѣ отъ недостатковъ моихъ, а я терять время напрасно“ [2].

Однажды нужда заставила Сумарокова прибѣгнуть къ помощи Шувалова и случилось по этому поводу недоразумѣніе. Шуваловъ подумалъ, что стихотворецъ проситъ у него милостыни и далъ это почувствовать Сумарокову, который вслѣдствіе того (№ 11) оправдывается передъ нимъ, увѣряя, что и не думалъ просить подарка, что въ словахъ его не было никакой политики, что онъ просилъ *взаймы* — и то не для своихъ нуждъ, а для театра — 200 руб. на два мѣсяца, и теперь повторяетъ просьбу о ссудѣ, но уже 500 руб. хоть на четыре недѣли.

---

[1] Сумароковъ опредѣлилъ при театрѣ еще и доктора, которому платилъ по 100 руб. въ годъ. См. № 12 и 13.

[2] Библіогр. Зап. 1861, № 17.

Несомнѣнны также безпрерывныя задержки, затрудненія и хлопоты, которыя онъ встрѣчалъ передъ каждымъ представленіемъ, не зная даже напередъ, въ какой день одинъ изъ театровъ будетъ свободенъ. Когда онъ жаловался, ему говорили, что вѣдь русскій театръ „партикулярный" (№ 8), а это тѣмъ болѣе его огорчало, что самъ онъ считалъ свой театръ исключительно придворнымъ и однажды писалъ (№ 11): „мнѣ думается, что не для чего быть представленію, когда двора не будетъ." Но особенно чувствительны были ему притѣсненія чиновниковъ. Въ одной изъ статей, напечатанныхъ имъ подъ заглавіемъ „Сонъ" въ „Праздномъ Времени" 1760 г. (соч. Сумар. Т. IX, стр. 280), онъ разсказываетъ, какъ одинъ подъячій взялъ у его безграмотнаго и негоднаго кописта серебряныя чарки и подносъ и послѣ того учинилъ кописта грамотнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, „а меня, говоритъ Сумароковъ, безграмотнымъ и отвратилъ меня отъ Мельпомены, а по просту отъ сочиненія трагедій." Этотъ разсказъ, обнаруживая съ одной стороны, что Сумароковъ ссорился и съ театральными копистами, съ другой — указываетъ, какъ разбирались эти ссоры подъячимъ, который, по словамъ Сумарокова, былъ такъ безграмотенъ, что вмѣсто *извѣстій* требовалъ у него *известu*.

Такимъ образомъ, какъ ни смѣшны формы, въ которыхъ выливаются жалобы Сумарокова, мы не можемъ не признать ихъ основательными, не можемъ отказать ему въ состраданіи къ его жалкой судьбѣ. Притомъ, сознавая смѣшную сторону его личности, мы не должны забыть, что въ ея источникѣ — раздражительности и задорности его характера — кроется вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ условій его замѣчательнаго сатирическаго таланта. Вообще, если мы примемъ въ соображеніе скудное воспитаніе Сумарокова въ кадетскомъ корпусѣ и то, что онъ, какъ самъ сознавалъ, всѣмъ своимъ образованіемъ былъ обязанъ себѣ, то должны будемъ очень смягчить строгость нашего суда объ этомъ писателѣ. Не забудемъ, что онъ первый, благопріятствуемый связями при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, явился въ литературѣ съ смѣлымъ и рѣзкимъ протестомъ противъ существующаго порядка. Онъ всегда былъ на сторонѣ движенія, прогресса. Кто бы имѣлъ терпѣніе прочесть всѣ его сочиненія, увидѣлъ бы съ изумленіемъ, какъ много онъ высказалъ новыхъ для своей эпохи идей, какихъ важныхъ преобразованій требовалъ. Не говоря уже о желчныхъ нападеніяхъ его на подъячихъ и откупщиковъ, вспомнимъ, что еще за сто лѣтъ до нашего времени онъ говорилъ: „Каждый человѣкъ есть человѣкъ, и всѣ преимущества только въ различіи нашихъ качествъ состоятъ... Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ... Много

оставитъ онъ дѣтямъ своимъ, но и у крестьянъ его есть дѣти. [1]) т. д. Еще прежде того онъ писалъ въ Трудолюбивой Пчелѣ: [2]) „ударилъ Юпитеръ, повалились подъячіе... Обрадовалась истина, но въ какое смятеніе пришла она, когда увидѣла, что самые главные злодѣи изъ приказныхъ служителей остались цѣлы. Что ты сдѣлалъ, о Юпитеръ; главныхъ ты пощадилъ грабителей! вскричала она. И когда она на нихъ указывала, Юпитеръ извинялся невѣдѣніемъ и говорилъ ей: кто могъ подумать что это подъячіе! Я сихъ богатыхъ и великолѣпныхъ людей почелъ изъ знатнѣйшихъ людьми родовъ“ и т. д. Сумароковъ же доказывалъ необходимость и возможность отмѣнить различіе стараго и новаго стиля [3]), предлагалъ учредить ученое общество для разработки отечественнаго языка и литературы [4]), осуждалъ иноземное направленіе русскаго воспитанія [5]), излишнее употребленіе французскаго языка въ обществѣ [6]), нѣмецкій складъ рѣчи, введенный Ломоносовымъ въ нашей прозѣ [7]) и проч.

Письма Сумарокова, знакомя насъ съ состояніемъ первоначальнаго русскаго театра, въ то же время открываютъ участіе, которое Шуваловъ принималъ и въ этой отрасли русскаго образованія. Почти одновременно съ учрежденіемъ Московскаго Университета и Академіи Художествъ, онъ же вѣроятно содѣйствовалъ основанію русскаго театра, и подавая одну руку Ломоносову, другою поддерживалъ Сумарокова, который директоромъ театра назначенъ былъ по предстательству Шувалова и тогдашняго своего начальника графа А. Г. Разумовскаго. Извѣстно, какъ Шуваловъ пытался примирить обоихъ литературныхъ враговъ. Много дѣлаетъ ему чести, что онъ, слыша безпрестанно наговоры ихъ другъ на друга, не уступилъ ни тому, ни другому сопернику и, сохраняя благородное безпристрастіе, умѣлъ каждому изъ нихъ отдавать справедливость и пользовался обоими для своихъ высокихъ цѣлей.

---

[1]) Соч. Сум. Т.X. стр. 159 и 160 Сумароковъ не могъ однакожъ вполнѣ отрѣшиться отъ эгоистическихъ взглядовъ тогдашняго общества и отстаивалъ предъ Екатериною крѣпостное право. Русс. Вѣст. 1861, окт., Соловьева Разсказы изъ Русск. ист., стр. 321.
[2]) Ч. II, стр. 633.
[3]) Соч. Сумар. Т. IX, стр. 325.
[4]) Тамъ же, стр. 286.
[5]) Зап. Порошина, стр. 436.
[6]) Сатира о французскомъ языкѣ, соч. Сум. Т. VII, стр. 368.
[7]) Трудол. Пч., Ч. II, стр. 767 и въ другихъ мѣстахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПИСЬМА ЛОМОНОСОВА [1]).

I.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь.

Не могу преминуть, чтобъ Вашему Превосходительству неприслать Волтеровой музы новаго исчадія, которое объявляетъ, что онъ и его Гдрь безбожникъ, и то ему въ похвалу приписать не стыдится передъ всѣмъ свѣтомъ [2]). Приличнѣе примѣра натти во всѣхъ волтеровыхъ сочиненіяхъ не возможно, гдѣбъ виднѣе было его полоумное остроуміе, бессовестная честность и ругательная хвала; какъ въ сей панегирической пасквилѣ, которую на ваше проницательное рассужденіе отдая, съ глубокимъ почитаніемъ непремѣнно пребываю Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

СПБ.
Октября 3 дня
1752 года.

II [3]).

Симъ подобныхъ высокихъ мыслей наполнены всѣ великіе стихотворцы, такъ что изъ нихъ можно составить не одну великую книгу. Того ради я весьма тому радъ, что имѣю общую часть съ толь великими людьми; и за ве-

---

[1]) Печатаются, какъ ниже и письма Сумарокова, съ соблюденіемъ во всей точности, орѳографіи и пунктуаціи подлинниковъ.

[2]) Съ 1750 до 1753 г. Вольтеръ жилъ въ Берлинѣ. Ломоносовъ разумѣетъ вѣроятно слѣдующіе стихи, написанные въ 1751 къ Фридриху II:

Au Roi de Prusse.

On dit que tout prédicateur
Dément assez souvent ce qu'il annonce en chaire:
Grand Roi, soit dit sans vous déplaire,
Vous êtes de la même humeur.
Vous nous annoncez avec zèle
Une importante vérité;
Et vous allez pourtant à l'immortalité
En nous prêchant l'ame mortelle.

(*Oeuvres de Voltaire*, *édition Beuchot T. XIV*, *p. 416*).

Впрочемъ возможно также, что Ломоносовъ говоритъ о стихахъ, написанныхъ Вольтеромъ въ томъ же году въ отвѣтъ на записку, въ которой Фридрихъ II увѣдомлялъ поэта, что онъ разрѣшился шестью близнецами, т. е. поэмою „L'art de la guerre" въ 6 пѣсняхъ (*T. XII*, *p. 532*).

[3]) Это — окончаніе письма, котораго первая половина напечатана въ Смирдинскомъ изданіи соч. Ломоносова, 1847 года, т. I, стр. 684 и 685. Сохранившаяся въ подлинникѣ часть этого письма начинается со словъ: „Высокопарныя мысли, похвальныя во всѣ вѣки"; но такъ какъ слѣдующее за тѣмъ мѣсто и приложенные къ нему стихи совершенно согласны съ напечатаннымъ уже текстомъ, то здѣсь и помѣщается только окончаніе письма, идущее за стихами.

ликую честь почитаю съ ними быть опороченъ неправо; напротивъ того за великое несчастіе, ежели Зоилъ меня похвалитъ. Я весма не удивляюсь что онъ въ моихъ одахъ ни Пиндара ни Малгебра не находитъ: для того что онъ ихъ не знаетъ и говорить съ ними не умѣетъ не разумѣя ни Погречески ни Пофранцусски. Не къ поношенію его говорю, но хотя ему доброе совѣтовать за его ко мнѣ усердіе, чтобы хотя одному поучился. Заключая сіе, увѣряю Ваше Превосходительство что я съ Перфильевичемъ [1]) переписываться никогда намѣренъ не былъ; и нынѣ, равно какъ прежде сего Пародію его на Тамиру, всѣ противъ меня намѣренія и движенія пропустилъ бы я беспристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія, какъ похвалу отъ его учителя [2]) безъ честолюбиваго услажденія; естьли бы я неопасался произвести въ васъ неудовольствіе ослушаніемъ. Но и еще притомъ прошу, ежели возможно, удовольстоваться тѣмъ, что сочинилъ Гд̃нъ Поповской, почетшій за свою должность посправедливости, что Перфильевичь себѣ несправедливо присвояетъ. Данной мнѣ отъ него титулъ никогда бы я не оставилъ въ его стихахъ естьли бы я хвастовствомъ моихъ завистниковъ непринужденъ былъ рассудить, что тѣмъ именемъ нынѣ ученику меня назвать можно, которымъ меня за дватцать лѣтъ учители мои называли. Всепокорнѣйше прошу извинить тѣсноту строкъ съ усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ пребывая вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга Михайло Ломоносовъ.

Изъ СП.бурга
Октября 16
1753 года.

III.

Милостивый Гдр̃ь Иванъ Ивановичь.

Вашему Превосходительству всепокорнѣйше доношу, что дѣло мое съ Тепловымъ по Канцеляріи произведено писменно (какъ я теперь увѣдомился) и мнѣ будетъ читать Секретарь неправедной приговоръ или выговоръ писменной! Возможно ли стерпѣть, стоявъ за правду? за Высочайшее повелѣніе Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, которымъ указано всѣ права, не взирая и на подписанныя Монаршескими руками, къ лутшему переправить. Тепловъ ищетъ, чтобъ Академической регламентъ (которой сочиненъ имъ безъ согласія и безъ вѣдома Академиковъ по его прихотямъ; и которымъ онъ нетокмо многихъ знатныхъ персонъ обманулъ; но и подкрался подъ святость Высочайшаго повелѣнія Ея Императорскаго Величества) не былъ рассматриванъ. Затѣмъ, что онъ знаетъ, сколь много найдено будетъ его пронырства. Того ради началъ онъ отводить указъ Ея Величества изъ Правительствующаго Сената; якобы онъ до Академическаго регламента не надлежалъ. Чему я противился. Споръ и шумъ воспослѣдовалъ. Я осужденъ! Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватой оправленъ, правой обвиненъ. Коварникъ надѣется, что онъ и со мною такъ поступитъ, какъ съ другими прежде. Делиля, Гмелина, Сигезбека, Крузіуса, Гебештрейта профессоровъ изъ Россіи выгналъ; Вейдебрехта крутымъ отъ службы отказомъ уморилъ; другими многими какъ хотѣлъ поворачивалъ. Президентъ нашъ добрый человѣкъ, только ввѣрился въ Коварника. Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только не Теплова. И такъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ Ваше Превосходительство всепокорнѣйше

[1]) Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, задѣвшимъ Ломоносова въ своей сатирѣ „на петиметра и кокетокъ".

[2]) т. е. Сумарокова, котораго Елагинъ въ своей сатирѣ называетъ: „Благій учитель мой".

прошу, чтобъ меня отъ такого поношенія и неправеднаго поруганія избавить; дабы чрезъ ваше отческое предстательство Всемилостивѣйшая Государыня принять меня въ Высочайшее Свое Собственное покровительство и отъ Теплова ига избавить непрезрила, и отъ такихъ нападковъ по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрезъ Вашего Превосходительства ходатайство отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ вскорѣ спасенъ быть ожидаю.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Марта 10 д.
1755 года.

IV.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь.

По приказанію Вашего Превосходительства прилагаю при семь росписаніе разныхъ цѣнъ мусіи по разнымъ сортамъ. Портреты обыкновенной величины посоставляются изъ третьяго и четвертаго сорта, которыя пополамъ считая придетъ каждой квадратной футъ отъ 50 до 60 рублевъ, или короче сказать, сколько въ немъ кусковъ, столько копѣекъ, выключая матерію и излишные лики. Для скораго исполненія намѣренія Вашего Превосходительства желалъ бы я знать мѣру величины желаемаго портрета, дабы заблаговременно отковать мѣдную доску и наложить грунтъ мастичной. Чтожъ до портрета надлежитъ, съ котораго дѣлать; то я думаю чтобы наперво хотя одинъ ликъ скопировать съ самаго лутчаго приказать Федору. Ожидая милостиваго Вашего соизволенія, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Сентября 27 дня
1757 года.

V.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь.

По милостивому Вашего Превосходительства любленію и доброжелательству къ наукамъ нагрыдорованнаго моего портрета нѣсколько листовъ отпечатано, какъ вы приказать изволили, изъ которыхъ пять при семъ приложены. Мастеръ Вортманъ, уповаю что скоро исправитъ извѣстныя въ немъ погрѣшности. Ваше Превосходительство изволили говорить, чтобъ подъ помянутой портретъ подписать какіе нибудь стихи. Но того, Милостивый Гдрь, отнюдь нежелаю; и стыжусь, что я нагрыдорованъ. Я прошу только того, что мнѣ надлежитъ по справедливости, чѣмъ всемилостивѣйшая Государыня усердныхъ рабовъ своихъ обыкновенно жаловать изволитъ, что по моей службѣ и дорогѣ слѣдуетъ и что больше отечеству, нежели мнѣ нужно и полезно. Для того прошу всеуниженно прежнее мое письмо еще прочитать однажды и отдать справедливость моему законному прошенію. Вашего Превосходительства ко мнѣ благодѣянія хотя многи и велики; однако желаемое будетъ всѣхъ больше не тѣмъ что я о томъ прошу больше трехъ лѣтъ, но для того что оно соединено съ общею пользою и что онымъ новая кровь въ жилы мои вольется къ совершенію начатаго герои-

ческаго описанія трудовъ Петровыхъ, которыхъ окончаніе выше всѣхъ благополучій въ жизни моей почитаю.

Милостивый Гдрь
Вашего Превосходительства
всеуниженный слуга
Михайло Ломоносовъ.

Ноября 23 дня
1757 года.

VI.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь.

Для приведенія въ порядокъ сокращенія описанія Камчатки, которое по частямъ переписывано и переводится [1]), присылаю Вашему Высокопревосходительству оное въ оригиналѣ, чтобы французское потому расположить можно было. Присемъ принимаю смѣлость, Милостивый Гдрь, о моемъ всеуниженномъ прошеніи, для общей пользы наукъ въ отечествѣ, докучать, чтобы вашимъ сильнымъ ходатайствомъ по представленію Милостиваго Гдря Графа Кирила Григорьевича изъ высокой Конференціи данъ былъ формуляръ университетской привилегіи для ускоренія инавгураціи и порядочнаго теченія ученій. Сіе будетъ конецъ моего попеченія о успѣхахъ въ наукахъ сыновъ Россійскихъ; и начало особливаго раченія къ приведенію въ исполненіе старанія моего въ словесныхъ наукахъ. Дѣло весма вамъ не трудное и только стоитъ Вашего слова, которымъ многіе наукъ рачители обрадованы будутъ и купно я съ ними истинной и непреложной почитатель

Вашего Высокопревосходительства
всеуниженный и всеусердный слуга
Михайло Ломоносовъ.

Апрѣля 20 дня
1760 года.

VII.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичь.

Долговременное умедленіе отвѣтомъ на мл̃тивое писмо Вашего Высокопревосходительства стараясь извинить, нигдѣ не нахожу способа, какъ только въ Вашемъ великодушіи, о которомъ многократными опытами совершенно удостовѣренъ. Правда что ожиданіе выходу изъ печати моихъ сочиненій, кои при семъ Вамъ Мл̃стивый Гдрь переслать честь имѣю, не послѣднею было сего укоснѣнія причиною, и мои недоброхоты не перестая дѣлать мнѣ препятствій въ добронамѣренныхъ трудахъ моихъ нерѣдко отнимаютъ у меня ко всему усердную охоту. По отъѣздѣ Вашемъ употребя мою тяжкую и долговременную болѣзнь и отсутствіе отсюда двора привели было меня къ крайному презрѣнію и низриновенію, естьли бы меня второй мой Меценатъ Мл̃тивый Гдрь Графъ Григорей Григорьвичъ [2]) не оградилъ своимъ мл̃тивымъ предстательствомъ, и купно Мл̃тивый Гдрь и древней мой благодѣтель графъ Михайло Ларіоновичь [3]), ко-

---

[1]) Модрахомъ. См. письмо отъ 8-го іюля 1759 въ Смирдинскомъ изданіи, т. I, стр. 680.

[2]) Орловъ.

[3]) Воронцовъ, который въ письмѣ къ Шувалову отъ 30 окт. (10 ноября) 1764 г. изъ Берлина въ Парижъ писалъ между прочимъ: „При семъ посылаю для любопытства Вашего копію съ стиховъ общаго нашего друга Г. Ломоносова, вѣдая сколь много Вы его любите, и съ пріятностію читаете его сочиненія“.

торой и внѣ отечества отмѣнною своею млстію меня незабываетъ, коего представленіемъ удостоенъ я недавно членомъ Бононской академіи; и Его же Сіятельства попеченіемъ извѣстно учинено учоному свѣту о успѣхахъ моего мозаичнаго дѣла. Что описано въ учоныхъ флорентинскихъ вѣдомостяхъ. О семъ могу увѣрить васъ Млтиваго Гдря, что окончанная наборомъ въ Мартѣ мцѣ великая картина полтавской побѣды выходитъ изъ точенія весма хорошо. Ваше Высокопревосходительство вѣдаете сколько благополучія могъ бы я получить, когда бы прежнія ваши предстательства не приведены были въ закоснѣніе происками моихъ недоброжелателей; нынѣ жъ, Млтивый Государь имѣете случай наградить оной уронъ равномѣрнымъ благодѣяніемъ. Въ Парижской Академіи наукъ есть порожжее мѣсто иностраннаго почетнаго Члена. А какъ не сомнѣваюсь что Ваше Высокопревосходительство у тамошняго Двора знатныхъ пріятелей имѣете; для того униженно прошу рекомендовать меня на оное мѣсто. Тамошняя Академія о моихъ учоныхъ дѣлахъ довольно извѣстна. Ейже весьма пристойно и надобно имѣть въ здѣшной Академіи Члена, особливожъ природнаго Россіянина. Сіе избраніе послужить можетъ нетокмо къ моей похвалѣ, но и къ подлинной славѣ нашего Отечества, которыя васъ истиннымъ рачителемъ почитаютъ всѣ знающіе ваше попеченіе о наукахъ и художествахъ. Въ упованіи милостиваго вашего благоизволенія, а паче скораго ожидая въ любезное отечество возвращенія въ полномъ здравіи и удовольствіи, съ непремѣннымъ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

Вашего Высокопревосходительства

Изъ Санктпетербурга всеуниженный и всеусердный слуга
Іюля 11 дня
1764 года. Михайло Ломоносовъ.

ПИСЬМА СУМАРОКОВА.

I.

Я не вѣдаю кто ето могъ сказать мы де по волѣ Ея Величества ѣздимъ въ русской театръ а впротчемъ несносноде терпѣть отъ Сумарокова, я ни съ кѣмъ не говорю въ ето время и всегда почти на театрѣ, сказать легко все а доказать трудно, въ день представленія я только о томъ и думаю и сколько я ни горячь однако ни одному смотрителю нималѣйшей неучтивости не здѣлалъ а ежели я дѣлалъ длячего мнѣ ето терпится. Что обо мнѣ говорятъ неистинну я етому не удивляюся, тому только дивлюся длячево я обвиняюсь безъ изслѣдованія, а я такъ щастливъ былъ по сей день что не только на меня жаловаться кто притчину имѣлъ но ниже я ни на ково.—а кто поддерживаетъ Локателли [1]) у ваш: превосх: и меня злословитъ я ето знаю. c'est le... je me tais.

2.

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичъ!

Заговѣнье будетъ Февраля 9:го дня до котораго дни осталося времени очень мало, а вмѣсто моей труппы нынѣ интересуются [2]) подъячія собирая за

---

[1]) О Локателли (Locatelli) см. выше. Онъ оставался въ Россіи еще и при Екатеринѣ II, и въ 1777 написалъ итальянсьую кантату на рожденіе Александра Павловича (Bacmeister, Russ. B. V, 217).

[2]) т. е. получаютъ прибыль.

мои трагедіи по два рубля и по рублю съ человѣка, а я сижу не имѣя платья актерамъ будто бы театра не было. Здѣлайте милость Милостивый Гдр҃ь оканчайте ваше предстательство; ибо я безъ онаго дирекцію имѣть надъ театромъ почту себѣ въ нещастіе. Обѣщанную мною комедію надобно мнѣ здѣлать въ свободныхъ мысляхъ, которыхъ я не имѣю, и ежели бы мнѣ не было остановки тобъ я давно оную окончалъ а въ такихъ обстоятельствахъ въ какихъ я теперь получить хорошихъ мыслѣй никакъ неудобно. времени осталось столько мало что никакъ на вольную комедію надѣяться нельзя, въ апрелѣ по неспособности реки а потомъ за неимѣніемъ моста представленію быть нельзя а лѣтомъ представлять очень трудно. Помилуйте меня и здѣлайте конецъ милостивый Гдр҃ь или постарайтесь меня отъ моего мѣста освободить а я всегда

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга А: С:

5; Генв: 757.

3.

Милостивый Гдр҃ь!

Я не однократно дерзалъ утруждать ваше Превосх: о повелѣніи чтобы на франц: театр: моимъ актерамъ было позволено играть въ тѣ дни въ которыя отъ Серини [1]) не представляются драммы, и по необходимости или паче въ разсужденіи вашей ко мнѣ отмѣнной милости еще васъ утрудить дерзаю. Лѣто настаетъ а деньги въ театральной казнѣ изчезаютъ а я тысячьми препятствій не только въ представленіяхъ лишенъ всего одобренія но къ лютѣйшимъ моимъ вображеніямъ и чувствію въ моихъ хлопотныхъ и всѣмъ безполезныхъ обстоятельствахъ лишенъ всѣхъ поетическихъ мыслей и не могу ни чево зачать къ удовольствію двора и публики. Ни кто не можетъ требовать чтобы русской театръ основался, ежели толикія трудности не пресѣкутся, которыя не только отъемлютъ у меня поетическія чувствія но все мое здоровье и разумъ, что еще я и больше всѣхъ на свѣтѣ почитаю благополучій. Удивительно ли будетъ ваш: превосх: что я отъ моихъ горѣстей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются? Я опасаюся ваше превосход: много утруждать и когда говорю съ вами, всегда бѣрегусь чтобы вамъ не наскучить и не здѣлаться противнымъ, а обстоятельства русскаго театра весьма всему свѣту могутъ показаться удивительны. Кто можетъ повѣрить въ Парижѣ когда я нѣкоторымъ образомъ не дѣлаю безчестія моему отечеству симъ самымъ мучусь, имѣя еще милостивца, любителя наукъ и художествъ. Сколько я васъ люблю тому свидѣтель весь свѣтъ, а на совѣсть свою я посылаться не могу; ибо льстецы и бездѣльники ее себѣ во лжесвидѣтельство употребляютъ. Карневалъ до послѣднихъ дней масленицы прошелъ безъ представленія отъ русскаго Театра, за не имѣніемъ платья. Май настаетъ, время къ удовольствію воздушныхъ приятностей увеселенія а я вмѣсто сочиненій и представленій стражду и все что ни есть на свѣтѣ теряю, здоровье, умъ, веселости, надежду, славу; но можно ли мнѣ изъяснить мое бѣдное отъ драмматическаго стихотворства состояніе! вы можете мнѣ отвѣтствовать: страдай и что хочешь дѣлай. Однако я отъ васъ сего отвѣта не ожидаю, и измѣряю ваши милости моимъ къ вамъ усердіемъ, съ которымъ ожидая милостиваго предстательства о театрѣ и о людяхъ къ тому потребныхъ, есмь и буду до смерти моей не яко іуда но яко честной человѣкъ

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Александръ Сумароковъ.

29 апр: 757
С:П:Б

[1]) См. выше.

4.

Милостивый Гдрь!

Апрель мѣсяцъ, оставшій ото всей зимы для собранія на комедію денегъ прошелъ, майская погода установляется и вся чаятельная казна минуется, а я, что паче всево! докуками и безпокойствами приведенъ въ такое лютое состояніе изъ котораго я во всякое готовъ; ибо моево хуже нѣтъ; я время провожу вмѣсто сочиненія драммъ, Милостивый Гдрь, въ однихъ только безполезныхъ двору и обществу безпокойств: и теряю всѣ стихотворныя мысли, или паче и разумъ безъ чево стихотворцу обойтиться не очень легко, а особливо драмматическому; ибо драммы разсѣянными мыслями не только сочинить но ниже расположить неудобно. Что мнѣ наконецъ дѣлать, милостивый гдрь, съ актерами? денегъ скоро больше не будетъ, дохода зборомъ безъ театра имѣть не можно, а до сентября еще не близко. Но что мнѣ какъ ни жестоко, всево жесточе то, что я долженъ упражняться вмѣсто стихотворства въ докукахъ ни мало нраву моему несходныхъ и отъ самаго моево къ театру опредѣленія ни какова не здѣлать дѣла и быть во всегдашнемъ упражненіи и цѣлой годъ хлопотать и ни чего не выхлопотать.

Demain, demain, dit on va combler tous nos vœux,
Demain vient, et nous laisse encor plus malheureux.

Я впротчемъ имѣю честь и милость называться и дѣйствительно быть
вашего превосходительства
Милостиваго Гдря,
всепокорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою
Александръ Сумароковъ.

Маія 1: дня
757.

5.

Милостивый Гдрь!

Нѣсколько праздниковъ было по четвѣрткамъ и для того я въ тѣ дни играть не могъ а нынѣ на которомъ театрѣ мнѣ играть я не вѣдаю, тамъ Локателли а здѣсь Французы, а я не имѣя особливаго театра не могу назначить дня безъ сношенія съ ними да и имъ иногда знать нельзя; что мнѣ въ такомъ обстоятельствѣ дѣлать?—Театральной въ Россіи годъ начинается съ осени и продолжается до великаго поста, восемь недѣль осталось только, въ которыя всегда ли актеры будутъ здоровы не извѣстно, а пятой мѣсяцъ наступилъ россійскихъ театральныхъ представленій а всево прибытка нѣтъ пяти сотъ рублевъ, не считая что отъ начала театра на платье больше двухъ тысячъ истрачено: словомъ сказать милостивый гдрь мнѣ збирать деньги вмѣсто дирекціи надъ актерами и сочиненія и неприбыльно и непристойно толь и паче что я и актеры обретаемся въ службѣ и въ жалованьи Ея Величества, да и съ чиномъ моимъ милостивый гдрь быть зборщикомъ не гораздо сходно а я и о своихъ собственныхъ приходахъ и расходахъ большова попеченія а паче любя стихотворство и театръ не имѣю, это мѣсто для меня всѣхъ лутче ежели бы только до сочиненія и представленія касалось а зборы толь противны мнѣ и несродственны, что я самъ себя стыжусь, я не антрепренеръ; дворянинъ и офицеръ и стихотворецъ сверхъ того, и я и всѣ комедіянты припадая къ стопамъ Ея Величества всенижайше просимъ чтобы русскія комедіи играть безденежно и умножить имъ жалованье, а збора чтобы содержать Театръ быть не можетъ и все ето униженіе отъ имени вольнаго театра не только не приноситъ прибыли но ниже пятой доли издержанныхъ денегъ не возвращаетъ а очень часто и день не

окупается, а мнѣ всегдашнія хлопоты и теряніе времени, ваш: превосх: всегдашняя докука. Одно Римское платье а особенно женское меня довольно мучило и мучитъ, то еще хорошо что отъ Великой Княгини пожаловано.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нещастнѣйшій слуга
9 Генв: 758. А. Сумароковъ.

6.

Милостивый Гдрь!

Другой годъ, то есть другая зима проходитъ отъ зачатія россійскаго театра, докукамъ отъ меня къ вамъ, и моимъ несноснымъ безпокойствамъ, числа нѣтъ. Нѣтъ ни однаго дня комедіи въ который не только человѣкъ не былъ возмущенъ въ такихъ обстоятельствахъ, ангелъ бы поколебался. Гофмаршалъ изволилъ ко мнѣ прислать часъ по полудни что къ завтрему театръ для Русскихъ комед: готовъ только де не будетъ отъ маскарадовъ музыки. а мнѣ севодни не только искáть музыкант: но нижé публикаціи здѣлать ужé не коли ни о томъ что будетъ представленіе ни о томъ что не будетъ. а Алексѣй Аноф: который дирижировалъ русскимъ оркестр: опредѣл: играть въ маскарадахъ. Музыкант: де послѣ маскарадовъ будутъ уставать, ето правда; однако что маскарады будутъ по Середамъ я етова не зналъ, а мнѣ хотя русскія играютъ хотя нѣтъ все равно, жаль только тово что ни я ни они не можемъ работать да и акторовъ ни актрисъ сыскать безъ указу нельзя а которыя и опредѣлены да еще и по имѣнному указу, отходомъ мнѣ стращаютъ, на меня жалуяся лгутъ а свѣрьхъ того еще въ малую опредѣленную сумму забранныхъ не платятъ денегъ да и жаловаться на нихъ или паче представлять не знаю гдѣ. Я вашему превосходительству скучаю ето правда, да что мнѣ дѣлать, ежели бы мое представленіе и весь прожектъ былъ апробованъ ни малѣйшей бы отъ меня докуки не было никому. Я больше докуки дѣлать не буду только прошу чтобы невозможности не причесть моему упрямству, въ которомъ случаѣ я могу быть нещастенъ а не виненъ, что я представляю это ясная правда.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Генв: 758. Александръ Сумароковъ.

7.

Monseigneur!

je suis mortifié de facher V: E: et de vous dire qu'il y a un grand obstacle de representer la piece, tout est pret, j'ai parlée avec le maréchal de la cour, avec Marck Fed: de meme tout a bonne traine, mais pour les huit chantres il n'est point des habits, chose très petite mais trés necessaire. Je ne sçai que faire, le reste du Temps est un seul jour, ordonnés moi tout qui est possible et dispensés moi pour repondre après tous mes soins sur les choses impossibles, Dieu lui même ne peut les faire et moi encore moins si c'est meme par le supreme ordre, l'impossibilité est excusée. J'ai l'honneur d'etre

Monseigneur
de vôtre Excelence
le plus humble et le plus soumis serviteur
Le 24 Fevrier 758. A. Soumarocoff.

(Вверху страницы, приписано на поляхъ косыми строками такъ что для прочтенія нужно перевернуть листъ):

NB: il faut faire des preuves [1])
NB: il faut faire de Billets et publier, combien rest'il du Temps.

8.

Милостивый Гдрь!

Три представленія не только не окупилися но еще и убытокъ театру принесли, свѣчь сальныхъ не позволяютъ имѣть ни плошекъ, а восковой иллюминаціи на малой сборъ содержать никакъ нельзя, я доносилъ съ прописаніемъ да и въ короткое время силъ моихъ исправлять всѣ потребности недостаетъ, все надобно заблаговременно исправлять, да и посылать мнѣ милост: Г: некаво зане имѣя кромѣ двухъ копистовъ никакихъ театральныхъ служителей.—Я затрудненій напрасныхъ неимѣю притчины дѣлать и что доношу о томъ утверждая моею честностью говорю что то истинна. Я все бы исправилъ ежели бы была возможность а севодни послѣ обѣда зачавъ я не знаю какъ передѣлать.—ежели я виноватъ и отъ меня происходятъ затрудненія такъ я признаваю себя неспособнымъ и отдаю на разсмотрѣніе всего свѣта такое ли ето дѣло поезія и театръ чтобы исправленіе могло быть въ такое короткое время.—Я вижу что всѣ мои милост: Г: предложенія не пріемлются и тянулъ сколько можно.—Я доношу что мнѣ восковой иллюминаціи имѣть нельзя и когда буду пропустивъ время подъ самой конецъ зачинать исправленіе то не можетъ быть порядку а что Симоновъ поѣхалъ спустя лѣто въ лѣсъ по малину и не зачалъ исполнять того что ему приказано заблаговременно ето милост: Г: не моя вина. Подумайте Милост: Гдрь сколько теперь еще дѣла:

Нанимать музыкантовъ.
Покупать и разливать приказать воскъ.
Дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ.
Дѣлать репетиціи и протч.
Посылать къ Рамб: по статистовъ.
Посылать къ машинисту.
Дѣлать распорядокъ о пропускѣ.
Посылать по караулъ.

а людей только два копеиста, они копеисты, они разсыльщики, они портіеры.

Я наконецъ доношу что три представленія ужé неокупилися, денегъ нѣтъ, занимать негдѣ, своихъ у меня нѣтъ, жалованья за неимѣніемъ денегъ и по волѣ Ломоносова недаютъ, моихъ денегъ издержанныхъ Г: Чулковъ семь лѣтъ не даетъ, въ Академію съ меня нехристіанскою выкладкою за работы трагедій правятъ. Богъ моей молитвы за грѣхи мои не пріемлетъ и къ кому я не адресуюсь всѣ говорятъ что де русской театръ партикулярной, ежели партикулярной такъ лутче ничего не представлять, мнѣ въ етомъ Милост: Г: нужды нѣтъ никакой и лутче всего разрушить театръ а меня отпустить куда нибудь на воеводство или посадить въ какую коллегію я грабить родъ человѣческой научиться легко могу а профессоровъ этой науки довольно ибо ни одинъ еще не... лутче быть подьячимъ нежели стихотворцемъ.

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. С.

20 Маія 758.

---

[1]) Пробы.

9 (подлинное писано рукой писца).

Милостивый Государь!

Я у вашего Превосходительства ради того давно не былъ, что не имѣя на адмиралтейской сторонѣ ни кареты ни лошадей за слабостію моего здоровья въ такъ холодную погоду бояся простуды пѣшкомъ ходить опасаюся. Ваше Превосходительство изволили приказывать неоднократно что вы намѣрены мнѣ сдѣлать милость и переговорить со мною о театрѣ: я подлинно грудью очень немогу, погода продолжается очень худая, а что меня слабость моего здоровья допускаетъ еще переѣзжать по четвергамъ въ театръ; такъ я пріѣзжаю въ присылаемыхъ къ намъ конюшенныхъ каретахъ, а иногда и туда ѣзжу удивляяся самъ себѣ какъ я силы собираю преодолевать несносной боль, который меня простудою въ представленіе Мещанина въ дворянствѣ [1]) такъ мучилъ что описать невозможно. Вы сами Милостивый Государь сей жестокой болезни подчинены и собственнымъ чувствіемъ больше нежели изъясненіемъ страдающева оную понимаете. Севодни я черезъ силу къ Вашему Превосходительству выѣхать хотѣлъ въ разсужденіи надобностей касающихся до наступающаго представленія; однако жестокая погода того меня лишила. Окончавъ мои извиненія дерзаю Ваше Превосходительство утрудить и донести что въ четвергъ представленію на россійскомъ театрѣ быть нельзя ради того что у Трувора платья нѣтъ никакова, къ Симонову я посылалъ только онъ въ Петергофѣ и сказали его домашнія что онъ будетъ севодни къ ночи. А другой драммы твердя Синава и Трувора не вытвержено. О музыкѣ я больше не говорю когда судьбина не защищаетъ меня отъ нападѣнія Господина Сивирса: Un Allemand en vangeant les comediens françois poursuit un auteur russien aumilieu de sa patrie. а объ иллюминаціи нижайше прошу ежели вы меня жаловать изволите представить Ея Величеству что я восковой иллюминаціи содержать не въ состояніи а сальной мнѣ имѣть не позволяется. Восковая иллюминація употребляется не для меня и не для порученнаго мнѣ театра. Я Вашему Превосходительству много докучаю да и обойтися мнѣ нельзя; ибо отъ начала учрежденія театра ни одного представленія еще не было которое бы миновалося безъ превеликихъ трудностей не приносящихъ никому плода кромѣ приключаемаго мнѣ мученія и превеликихъ замѣшательствъ. Ежелибъ Ваше Превосходительство изволили когда обстоятельно выслушать о неудобствахъ театра и отвратили бы слухъ свой отъ моихъ недоброжелателей или паче отъ ненавистниковъ россійскаго театра, Вы бы удивилися сколько я по театру трудностей преодолѣваю; Вы бы сами обо мнѣ сожалели. Сто бы разъ для всево легче было ежели бы однажды всему театру положено было основаніе; я бы имѣлъ къ театральному сочиненію и къ управленію больше способнаго времени, мысли бы мои были ясняе и силы бы мои безполезно не умалялись, а время бы оставшее употребилъ я себѣ на отдохновеніе которое стихотворцу весьма потребно и не лишался бы такъ часто Вашего дражайшаго мнѣ присутствія а между тѣмъ могъ бы я отвращать Ломоносова противъ себя толкованія съ употребленіемъ имени Вашего и тѣхъ придворныхъ кавалеровъ. Ему деревни, домъ и хорошія доходы имѣющему жить лѣгко а мнѣ со всемъ моимъ домомъ лишаему быть на цѣлую треть моего пропитанія трудновато. Когда Ломоносовъ пьетъ и въ пьянствѣ подписываетъ промеморіи, долженъ ли я въ чужомъ пиру имѣть похмѣлье? онъ опивается а я чувствую похмѣлье. Оставивъ то: представленія въ четвергъ быть не можетъ какъ я ужѐ донесъ; ибо у Трувора платья нѣтъ а осталося для ре-

---

[1]) Комедіи Мольера, переведенной Свистуновымъ. Карабановъ, Основаніе русскаго театра, стр. 14.

пстиціи какъ драммы такъ и музыки, для публикаціи и для всево до театра касающагося времени только одинъ день. Я нижайше прошу меня остеречь и извинить предъ Ея Величествомъ что всевысочайше повелѣніе не отъ упрямства моего но отъ невозможности неисполнится.

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя

всепокорнейшій и нижайшій слуга

Александръ Сумароковъ.

Мая 19 дня
1758 году.

10.

Не будьте Милос: Г: на одну минуту другомъ Графу Чернышеву и безпристрастно выслушайте представленіе мое. — мнѣ сорокъ ужѐ лѣтъ, я никогда не думалъ чтобы я когда нибудь а особливо во дворцѣ въ комнатахъ тово человѣка которой столько по достоинству его жалуемъ Государынею сколько мною почитаемъ и любимъ, въ мѣстѣ которое казалося мнѣ убѣжищемъ хлопотъ и какъ оно для всѣхъ кромѣ меня и есть, буду выбраненъ такою бранью отъ человѣка которому я ни малѣйшей притчины не только не подалъ но нижѐ подать хотѣлъ. Что зляе сказать? *ты воръ.* Я не Графъ однако дворенинъ, я не Камеръгеръ однако офицеръ и служу безъ порока двадцать семь лѣтъ. Я говорилъ пускай ето мнѣ кто скажетъ, виноватъ ли я въ томъ? Кто думалъ что ето мнѣ кто скажетъ когда нибудь потому только что онъ больше моего чину и больше меня поступи по своему щастью имѣетъ. Что онъ меня всемъ лутче какъ онъ сказывалъ, я ему въ томъ уступаю хотя я клянуся что я етова не думаю; однако de traiter les honnettes gens d'un tel façon и говорить: ты воръ—ce peut allarmer tout le genre humain и всѣхъ qui n'ont pas le bonheur d'etre les grands Seigneurs comme Son Excellence Mr. le Comte Tchern: qui m'a donnée le titre d'un voleur, titre très honorable pour un Brigadier et encore plus pour un auteur des Tragedies, apresent je voi Monseigneur que ce peu que d'être Poete gentilhomme et officier. J'ai ne pas dormi toutela nuit et j'ai pleurée comme un Enfant, не зная что зачать. Je ne sçai monseigneur comment après ce coup mon histoire se finira. Что я ему здѣлалъ и давно ли ето что я говорилъ пускай ето мнѣ кто скажетъ, я не думалъ что ето сказать можно. — Я для того много вытерпѣлъ что ваше Превосх: изволили на меня прогнѣваться исчисляя всѣхъ которыхъ я обидилъ хотя я никово не обижалъ да и силы къ тому не имѣю и обнесенъ я безвинно, а впротчемъ Гр: Чернышевъ напрасно меня побить хвалился, ежели это будетъ я хочу быть не только изъ числа честныхъ людей выключенъ но изъ числа рода человѣческаго. Monseigneur suis-je esclave que d'etre traitée ainsi? Suis-je son domestique? и что я укралъ? стихотворцемъ я называюся потому что я стихи сочиняю а воромъ почему Его Сіятельству меня нарѣчь благоволилося? для чево? ежели для тово что я говорилъ то что меня воромъ назвать нельзя никому, я такъ и думалъ. Теперь вижу что можно. Я подвергаюся всякому нещастью только совѣтую чтобы никто въ комъ есть хоть капля честной крови нападеній не терпѣлъ а что я стерпѣлъ тому притчиною дворецъ и ваши комнаты. Впротчемъ вѣрьте что Ево Сіят: Гр: Черн: можетъ меня убить до смерти а не побить ежели мнѣ рукъ не свяжутъ, я въ томъ честью моею вамъ Милост: Гдрь клянусь да и никакова доброва дворенина или офицера. — а что я остался еще будто спокоенъ après ce grand coup, я остался par

embarras et je n'avais point tant de presence d'esprit чтобы вздумать что дѣлать а притомъ боялся прогнѣвать васъ, toute ma vie est changée et il ne me reste plus qu'a mourir.

вашего Превосходительства

Милост: Гдрь

всепокорнѣйшій нижайшій и нещастнѣйшій слуга

А: С:

23 Маія 1758.

С: П: Б:

Что меня всево больше смущаетъ ето состоитъ въ томъ что я будучи обруганъ не могу до исправленія моево дѣла вступить въ комнаты моево милостивца.

11.

Милостивый Гдрь!

Мнѣ думается что не для чево быть представленію когда двора не будетъ, я не намѣренъ для ради того трагедіи представлять до другова времени. — Чтожъ касается милост: Г: до употребленныхъ терминовъ L'avare et Dissipateur [1]), повѣрьте милост: Г: что я истинно не подарка просилъ чево я никогда не дѣлалъ и не дѣлаю а требовалъ отъ комнатъ вашихъ въ займы для театра и моей политики никакой тутъ не было, я лутче по миру пойду и всякому подвергнусь нещастью нежели быть въ числѣ тѣхъ которыя ищутъ патроновъ для того чтобы поживиться. Jugés mieux monseigneur de mon characteur et si je suis digne de votre protection ne m'imputés pas cette politique, je suis sincere et desinteressée а осмѣлился вамъ докуку здѣлать par la raison que votre Excellence m'a donnée la permission meme dans mes propres choses qui sont de cette espece m'adresser à vous mais je n'ai jamais fait cela. — je suis véritablement au desespoir de donner l'occasion à votre Éxcellence чтобъ вы изволили употребить при прошеніи моёмъ имена сихъ двухъ комедій въ которыхъ моя ролля истинно не но сложенію моихъ Милост: Г: мыслей. J'ai prié tout de bon pour deux mois le deux cents R. sçachant bien que ce ne sera point autre chose qu'une grace pour moi a чтобы подарено было я хочу нечестнымъ человѣкомъ остаться ежели мнѣ въ умъ приходило да и прийти не могло, — Je suis par malheur très sincere que de mendier d'une telle façon et je m'etonne bien que vous monseigneur me prenés pour une telle creature, si je serais telle je serais selon la justice indigne de vôtre grace. — C'est n'est pas pour moi que j'ai priée, et je vous prie encore si j'ose parce que autrement je ne sçaurai que faire, le valet de chambre de vôtre Excell: a dit a mon ecrivain qu'il vient pour prendre l'argent trois au quatre jours après, ces jours etant passée j'envoyée mon Ecrivain et je ne pas crus monseigneur que cela pouvait me faire quelque chagrin, j'obeis a vos gracieux ordres sans vouloir prendre plus d'hardiesse que je dois, je suis très malheureux si vôtre Excell: aura de moi une mauvaise opinion. — Я буду избавленъ великаго безпокойства ежели въ такомъ мнѣніи я могу получить деньги въ какомъ я прошу, а подарковъ толь наипаче на театръ просить непристойно я истинно етова не думалъ а уповалъ и уповаю на ваше снисхожденіе выпросить когда не можно до Сентября то хотя на четырѣ недѣли пять сотъ рублевъ которыя для театра теперь мнѣ

---

[1]) Двѣ извѣстныя комедіи: первая — Мольера, вторая — Детуша.

потребны доколь покрайней мѣрѣ мнѣ не выдастся жалованье на ету треть и которого за неимѣніемъ денегъ мнѣ не выдано еще. Ежели изволите одолжить меня я буду за милость почитать. Я впротчемъ есмь

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
А. Сумароковъ.

10 Іюня 758.

NB: ежели расписка надобна милостив: Гдр̃ь такъ ее послалъ en cas de besoin a vôtre valet de chambre.

12.

Милостивый Гдр̃ь!

Я перемогалъ себя сколько можно было не утруждать ваше Превосх: необходимости на конецъ принудили меня: Прошу всепокорно со вниманіемъ и съ милостью прочесть сіи мои строки.

Я не имѣя доступа кромѣ какъ только чрезъ васъ къ Ея Величеству о издержанныхъ по точному повелѣнію деньгахъ съ четыреста рублевъ безъ мала о чемъ Вас: Ив: Чулкову очень извѣстно и подано отъ меня къ нему въ семь лѣтъ больше сорока щетовъ на что я отъ нево едва иногда отвѣты получалъ: доложите о томъ милостивый Гдр̃ь, я тогда никакой дирекціи надъ актерами не имѣлъ и деньги свои заплатилъ въ несумненной надеждѣ по первомъ получить щетѣ, а нынѣ въ деньгахъ больше нужды нежели когда бывало ибо я седьмой месяцъ жалованья не получаю потому что штатскантора денегъ не имѣетъ а я кромѣ жалованья никакова не имѣя дохода семи месяцовъ далѣ съ моею фамиліею принужденъ буду вмѣсто сочиненія драммъ не имѣя хлѣба итти по миру: les beaux arts veulent être nourri, autrement le genie s'eteint. истинна ли ето что я пишу? члены академической Канцеляріи имѣютъ способъ получать жалованье а протчія академики будучи въ подобномъ состояніи мнѣ прибѣгаютъ къ своему президенту больше думая о хлѣбѣ нежели о наукахъ, а не имѣя инова президента кромѣ васъ къ вамъ въ моихъ злоключеніяхъ прибѣгаю. L'Europe n'est pas renversée mais je n'ai rien a manger. Когда ваше превосх: постараетесь отвратить остановку жалованья а особливо въ наукахъ и въ художествахъ упражняющимся, я ручаюся что вы народную любовь которую вы уже заслужили весьма умножите.

Милостивый Гдр̃ь! теперь другое прошеніе о вспоможеніи вашемъ есть. Ne soyés pas fachée monseigneur qui je vous incommode tant, selon mes sentiments les grands seigneurs sont fait pour être incommodée et pour faire de bien. — et bes diables sont fait pour n'etre jamais incommodée et pour faire du mal, les beles sauvages de meme et les betes aprivoisée sont fait ni pour l'un ni pour l'autre. — Je badine avec vous sans crainte parce que je connois vôtre coeuv et vôtre Esprit.

Къ дѣлу: доктора, лѣкаря и лѣкарствъ россійской театръ не имѣетъ а комедіянты больны бываютъ какъ и протчія люди. Я договорился съ весьма хорошимъ лѣкаремъ и которымъ театръ былъ доволѣнъ платя ему отъ театра съ лишкомъ по сту рублевъ. Ево Превосх. Кондонди о томъ вѣдалъ, потомъ командировалъ ево на корабли въ море, я ево письменно съ такою покорностію просилъ съ каковою васъ никогда ни о чемъ не прашивалъ чтобъ то отмѣнить, онъ это здѣлалъ, я будучи въ Петергофѣ ево еще съ большею покорностію благодарилъ преступивъ правила стихотворцевъ которыя неохотно медикамъ покаряются, и здѣлалъ ему въ Петровъ день въ ево именины превиликой дворъ хотя я въ Архитектурѣ и не гораздо знающъ, меня затащилъ съ собою П: Спиридоновичь; онъ такъ же ему дворъ строилъ. однако Ево Превосх: Кондоиди

чрезъ двѣ недѣли въ другое мѣсто откомандировалъ. Здѣлайте милость et dites lui dans le stile laconique чтобъ онъ помогъ театру и отмѣнилъ бы свою ко мнѣ немилость. молвите ему только: *Пожалуй отмѣни ето для меня.* а я симъ вашимъ словомъ остануся со умноженіемъ благодарности моево серца тому котораго я всемъ моимъ серцемъ люблю и почитаю,

всепокорнѣйшимъ слугою

Александръ Сумароковъ.

Іюля 27 дня 758
С: П: Б:

13.

Monseigneur!

Parlés avec mons. Condoidi, vôtre Excellence m'obligera infiniment si elle m'aidera dans l'affaire touchante je chirurgien, je ne veux vous incommoder par une lettre long sçachant que votre Excellence est assés affairée et incommodée par des maladies et vôtre santé m'est chere abandonnés monseigneur vôtre hypochondrie elle ne vous convient pas c'est n'est pas a vous de se soumettre a des pareilles choses. Quand je vous verrai je ferai tout mon possible pour chasser vôtre hyppochondrie je suis un bon medecin et je connois cette maladie parfaitement, il faut la deraciner ou diminuer: vos sinceres amis feront cela mieux que tous les medecins avec toute leurs galimatias et les charlataneries, c'est aux poetes des chasser les pareilles maladies et non pas aux medecins quoique que les poetes sont incapables de se guerir eux memes commes les cloches qui invitent tout le monde dans l'eglise et eux memes ne vient jamais.

Monseigneur
de vôtre Excellence
le plus humble etc. A: S:

le 5-me d'Aout 758.

14.

Милостивый Гдрь!

Я не опасаяся отвѣта и отплаты отъ Поповскова и ото всѣхъ въ московскомъ университетѣ труждающихся въ словесныхъ наукахъ стиховъ къ опроверженію подписи похвальной Г: Ломоносову не предалъ печати; Поповской и протчія тамо обретающіяся опровергнуть честь мою по стихотворству не въ силахъ еще, въ чемъ думается мнѣ, ваше Превосходительство довольно увѣрены, и я бы смешонъ былъ, ежели бы ихъ отплаты боялся, довольно будучи извѣстенъ и о нихъ и о себѣ. Коротко сказать: они еще малы, и возвысить и умѣншить честь мою. Я стиховъ тѣхъ не отдалъ печатать по вашему совѣту который я приемлю всегда повелѣніемъ, а чтобы я пренебрегъ справедливое мое честолюбіе, я знаю, что ваше Превосходительство отъ меня не потребуете. Писатели стиховъ русскихъ привязаны или къ академіи или къ университету а я по недостоинству моему ни къ чему и будучи Русскимъ не имѣю чести члѣномъ быть ни какова въ Россіи учонова мѣста, да и нельзя ибо Г: Ломоносовъ меня до сообщества академическаго не допускаетъ, а въ университетѣ словесныхъ наукъ собранія вамъ уставить еще не благоволилось. И такъ не позволяется мнѣ и тогда прекословить когда оныя господа, отнимая честь мою потомкамъ неправду объявляютъ. я посылаю къ вашему Превосх: свое защищеніе, въ которомъ Поповской укрываяся именемъ университета не тронутъ а Ломоносовъ еще сколько истинна допускаетъ возвышенъ. Противъ истинны

я невооружаюся а неправды нести къ безславію не хочется. Я нижайше прошу меня хотя одною строкою увѣдомить, могу ли я ето напечатать.

вашего Превосходительства
нижайшій и всепокорнѣйшій слуга
А: Сумароковъ.

Ноября 7: дня 758
С: П: Б:

Обратно прошу ко мнѣ мое сообщеніе приказать отослать.

15 (подлинное писано рукой писца).

Милостивый Гдрь.

Вчера исполнилося мнѣ сорокъ два года, и миновался послѣдній срокъ моего терпѣнія; того ради въ послѣдній разъ приемлю дерзновеніе Вашему Превосходительству мою нижайшую принести просьбу и послѣднюю докуку сдѣлать и изъясниться сколько можно короче не изображая тмы моихъ неудовольствій, которыя мнѣ мое во Словесныхъ Наукахъ принесло упражненіе. Въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Инженерномъ, въ Артиллеріи, въ Иностранной Коллегіи и по другимъ коммандамъ произвожденіе есть и многія произведены даже до Барона Чуди, который изъ ничево пожалованъ въ Полковники. Я на войнѣ не бывалъ и можетъ быть и не буду, и столько же тружуся и въ мирное время, сколько въ военное, а меня обходятъ. Мои упражненія ни со Придворными ни со Штатскими ни малѣйшаго сходства не имѣютъ; и ради тово я ни у ково не стою въ дорогѣ, а труды мои ни чьихъ не меньше, и нѣкоторую пользу приносятъ, ежели Словесныя Науки на свѣтѣ пользою называются. Я въ службѣ уже дватцать восемь лѣтъ, и ежели бы я вмѣсто Театра изъ Графскаго Штата пошелъ и въ отставку; чинъ бы мнѣ дать надлежало; ибо при отставкѣ всѣмъ чины даются. Что я сверьхъ Бригадирскаго жалованья тысячу рублевъ получаю за установленіе Театра, за надзираніе онаго и за многія мои труды къ чести нашего языка; такъ Генерал-маіоры еще и побольше меня получаютъ; такъ я отъ тѣхъ которыя меня обошли и въ чинѣ и въ жалованьи остался. Я Россіи по Театру больше здѣлалъ услуги нежели Французскія актеры и Италіянскія танцовщики, и меньше ихъ получаю. Что беретъ одинъ Тордо съ женою! А и моя жена служила. Гельфердингъ сверьхъ большова жалованья отъ Двора и квартеру и екипажь имѣетъ не покупая ни дровъ ни овса и сѣна, и не имѣя ни дѣтей ни жены съ довольствіемъ пользуется службою своею, а я не только не могу воспитать дѣтей своихъ, но при нынѣшней не сносной дороговизнѣ, и вмѣсто домосмотренія во Словесныхъ Наукахъ и въ трудахъ Театральныхъ упражняяся, вседневныя претерпѣваю нужды и никогда въ надлежащее время еще и положеннаго своего жалованья не получаю, и вмѣсто другой работы на оставшія вѣщи закладывая ихъ и платя великія росты лихоимцамъ, сыскиваю себѣ пищу, и многими хлопотами выхаживаю опредѣленное мнѣ жалованье. Сочиненій мнѣ никакихъ больше въ народъ пускать невозможно; ибо Ломоносовъ останавливаетъ у меня ихъ и принуждаетъ имѣти непрестанныя хлопоты, а онъ и истецъ и судья, а мнѣ, опасаяся чтобъ я всему миру не открылъ ево крайняго во Словесныхъ Наукахъ невѣжества, крайній злодѣй; А ево почти всѣ при Академіи боятся и ему противу воли угождаютъ. Сихъ ради причинъ нельзя мнѣ ни чево сочинять; ибо ни чево безо множества хлопотъ, напечатать не удобно. Избраны ценсоры не знаю для чево, чему и президентъ дивится, а что они подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая Корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ Канцеляріи остонавливаетъ а я печатаю не по указу и плачу

деньги. Для чево, Милостивый Гдрь, и мнѣ не быть такимъ же члѣномъ здѣшней Академіи, какой онъ, и какой Г. Таубертъ и Г. Штеллинъ; мнѣ мнится что я ето не менше ихъ заслужилъ, да изъ нихъ же двое Нѣмцовъ, а я Русской. Или Русскому Стихотворцу пристойняе членомъ быть Ученаго Собранія въ Нѣмецкой землѣ, а въ Россіи Нѣмцамъ. Мнѣ кажется, что я не хуже Аптекаря Моделя, хотя и не шарлатанствую: не хуже Штеллина хотя и Русской Стихотворецъ и не хуже Ломоносова хотя и бисера не дѣлаю. Я Штатскаго чина не хочу; ибо я старшій Бригадиръ, да и Мундира добровольно которой я дватцать восемь лѣтъ ношу скинуть не намѣренъ, а въ Академической Канцеляріи и въ Конференціи мнѣ ни что быть непрепятствуетъ. Я бы могъ тѣмъ нѣкоторую показать услугу и могъ бы безохлопотно издавати въ народъ мои труды. Ежели, Милостивый Гдрь, будетъ ваше мнѣ въ моихъ исканіяхъ воспоможеніе и столько милости, сколько я вамъ докукъ нанесъ, и сколько получалъ надежды; такъ я еще нѣсколько лѣтъ писать потружуся, ежели жъ мои послѣднія вамъ докуки такой же получатъ успѣхъ какъ и прежнія; а особливо ежели я по всей справедливости не буду въ Академіи, такъ я больше утруждать ваше Превосходительство не стану, и оставивъ бесполезныя прошенія по окончаніи сего года во всю жизнь мою ничево издавать на свѣтъ не буду, тѣмъ только утѣшаяся, что я награжденія и безпрепятствія былъ достоинъ; хотя и не былъ достоинъ, Вашего Превосходительства, милости и предстательства.

Вашего Превосходительства
Нижайшій и всепокорнѣйшій слуга
Александръ Сумароковъ.

Ноября 15 дня, 1759.

16.

Милостивый Гдрь!

Я сіи дни смертно былъ болѣнъ и насилу пишу хотя мнѣ и легче. Взавтрѣ праздникъ а отчаяніе мое на самомъ верьху своей мѣры. Вы мнѣ изволили предлагать объ Академическомъ мѣстѣ, которое кажется мнѣ, и принадлежитъ нѣсколько мнѣ. При Театрѣ[1]) я больше подъ Гафмаршаломъ ради десяти тысячей жалованья быть не хочу. Ежели я въ какую нибудь службу гожуся столько хотя какъ Ген: Маіоръ Протасовъ постарайтеся о мнѣ, а я при Театрѣ у Гр: Ѳонъ Сиверса быть не хочу; ибо нападенія ево несносны мнѣ стали, а дѣлать при немъ Театру доброва ни чево нельзя. Ежели жъ я ни куда негожуся такъ прошу исходательствовати мнѣ отпускъ на нѣсколько времени изъ Государства искать хлеба, а я ево сыщу. Помилуйте меня. Пускай Ломоносовъ обладаетъ всѣми науками. Помилуйте меня и освободите отъ Гр: Сиверса и отъ комманды Тауберта Штеллина Миллера и Ломоносова по печатанію книгъ. Помилуйте меня. А сверьхъ тово и чина я не получаю.

всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
А. Сумароковъ.

7 Декаб: 760.

17.

Мнѣ того письма, о которомъ говорено въ оправданіе себѣ изготовить было некогда; я болѣнъ и всякую минуту (*отъ*) Гофмаршала мучимъ. — Преизрядное воздаяніе мнѣ отъ нево что я завелъ, уставилъ и основалъ Театръ: ето мнѣ неожидаемыя здоры, чево мнѣ никогда и не снилося. Voila les fruits de ma muse.

---

[1]) Такая орѳографія слова *театръ* начинается только съ этого письма и въ первое время непостоянна.

Voila Melpomene, le Theatre, les belles lettres et la langue par moi epurée. — Однако теперь о томъ только, что точно до Особы вашего Превосх: касается. — Дворъ нанятъ: ежели Актеры какъ можетъ быть учреждено переѣдутъ мнѣ на васильевскомъ острову жить нельзя и вмѣсто малой цѣны, должно мнѣ платить большую, а денегъ негдѣ взять, на той сторонѣ дома менше пяти сотъ рублевъ нанять не можно. — Ежели мнѣ не будетъ мѣста гдѣ актеры жить будутъ; такъ надобно мнѣ въ воду броситься. — Я о квартерныхъ деньгахъ никогда вашему Превосх: не докучалъ, а требовалъ отъ Театра тысячи двухъ сотъ рублевъ, да квартерныхъ же денегъ мнѣ и не даютъ. Сжальтеся вы надо мною, и когда угодно вашему Превосх: Головк: домъ взять; такъ подумайте куда мнѣ дѣваться: мнѣ сносняе терпѣть отъ Гр: Сиверса, а ваше Превосх: мой Милостивецъ: на котораго я имѣю надежду. — въ томъ же домѣ Церковь и пріѣзжаютъ въ нее всѣ кто хочетъ; ето спокойство [1]) а церковь, когда хозяина нѣтъ, надобно вывесть или по крайней мѣрѣ запереть; ибо Богъ не хочетъ того, чтобы именемъ Ево люди отягощалися, а въ церквахъ безъ хозяевъ службы и въ Архіерейскихъ домахъ не бываетъ. — Ежели я достоинъ милости вашей при етомъ наймѣ двора; такъ кажется и мнѣ тутъ жить надобно а когда недостанетъ комнатъ; такъ ради нѣкоторыхъ Актеровъ можно нанять еще небольшой домикъ, а отъ Театра я отброшенъ быть не заслужилъ, и въ угодность подъячимъ вымаравшимъ меня у Г: Марш: которой меня мараетъ даляе, я Мельпомену покинуть не хочу, когда я за нее ото всѣхъ военныхъ и штатскихъ съ однимъ Воейковымъ только какъ ракъ на мели остался, и когда Профессоръ картежной игры Юшковъ носитъ на себѣ знакъ отмѣнной чести. — Все сіе меня умерщвляетъ; сохраните мою жизнь.

Вашего Превосх:
нижайшій всепокорнѣйшій и отчаянный слуга
А. Сумароковъ.

Февр: 23: дня.

18.

Милостивый Гдрь!

Препятствіе моему жалованью по Придворной Канторѣ такое: я посылалъ ко Секретарю Ивану Алекс: онъ сказалъ пошли къ Гофмарш: я посылалъ къ Гофмарш: онъ сказалъ: коли есть мнѣ какое дѣло; такъ я бы послалъ къ Асессору опредѣленному изъ Секр: Сунгурову. Сунгуровъ сказалъ, чтобы я послалъ къ Ивану Алекс: ето по Русски такъ (оттолева было до селева, а оттолева было до селева [2]) а мнѣ между тѣмъ, нечево ѣсть [3]). — Статскантора по чину моему даетъ мнѣ Асигнацію; однако я долженъ Университету [4]) по моей Асигнаціи триста рублевъ; прикажите до будущей трети съ меня не взыскивать. — А со мною здѣлайте резолюцію вашимъ предстательствомъ какую ни есть, и не давайте меня за услуги обществу и за пользу учиненную мною по Россійскому языку, графу Сиверсу мучить. Здѣлайте мнѣ вашимъ предстательствомъ либо то, либо сьо, и удержите мою гиблющую (sic) жизнь доколе можно. А отъ Театра меня безо всякаго основанія и безъ указу бросить непристойно; ето худое ободреніе впредки таковымъ людямъ которыя служити захотятъ Музамъ.

---

[1]) Здѣсь пропущено одно неразобранное въ рукописи слово.

[2]) Тутъ конечно описка и должно читать: „а отселева было дотолева".

[3]) Ср. стихи Сум: *Жалоба* (т. IX, стр. 213). оканчивающіеся такъ:

На что писателя отличнаго мнѣ честь,
Коль нечего ни пить, ни ѣсть?

[4]) Вѣроятно здѣсь подъ университетомъ должно разумѣть академію.

Не думайте что мнѣ очень хочется быти при Театрѣ, я объ етомъ больше не пѣкуся, мнѣ все равно, когда мои стaранія такое воздаяніе заслужили. Помнится мнѣ что при отставкѣ даются чины всѣмъ, хотя бы кто годъ только въ чину своемъ былъ настоящемъ, а я шесть лѣтъ старшій Бригадиръ и нещастнейшій человѣкъ, и только то мнѣ осталося что я называюся

вашего Превосх:

всепокорнѣйшимъ слугою

А. Сумароковъ.

Марта 30 дня 761.

19.

Monseigneur!

Voila la lettre ma derniere ressource pour les belles lettres et particulierement pour le Theatre. — Je suis au desespoir a present le Temps presse, je dois quitter ma quartière, un miserable secretaire a acheté la maison ou il veut acheter on me chasse, la maison de Goloffkin est pris par votre ordre, je ne sçai ou je dois entrer n'ayant pas ni le Temps ni l'argent. — J'ai vous ai prié, je n'ai point de reponse. La reviere est prete de chasser la glace: sans la glace on ne peut point vivre pendant l'été.—Faut-il Monseigneur que Melpomene et les beaux arts m'ordonnent de soufrir et encor plus faut-il que Votre Academie me fasse le malheur. — Tout le Monde avance dans l'estat de guerre et dans l'etat civile et moi je vis sans honneur, sans argent, sans repos et desesperé.

Нижайшій слуга А: С: 10 Марта: 761.

20.

Милостивый Гдрь!

Я писалъ долгое письмо къ вашему Превосх: всѣ мои мнѣнія объявляя. — Я прошу только о томъ что ежели я заслужилъ быть отброшенъ отъ театра, такъ по крайней мѣрѣ, чтобы безъ продолженія ето здѣлано было, а при театрѣ стихотворцемъ остаться я не желаю и работать когда я лишуся моей должности, истинно я по Театру не буду, повѣрьте мнѣ я клянуся въ етомъ честію моею, хотя съ моею фамиліею по миру пойду, за мои по Театру труды, которыя кажется мнѣ больше нежели то что Волковъ шишаки здѣлалъ, и у Волкова въ командѣ быти мнѣ нельзя, а просити чтобы я отрѣшенъ былъ отъ Театра я не буду прежде покамѣстъ не сойду съ ума. Ево Сіятельство гнѣвается на меня напрасно, а извиниться я не могу, ради того что Ево Сіятельство никакихъ оправданій не приемлетъ отъ меня. Ежели я заслужилъ наказаніе, я подвергаюся наказанію, а отошедъ отъ Гр: А: Григорьевича, я опредѣленъ Именнымъ Указомъ въ Директоры Театра, а не въ подлое званіе театральнова стихотворца, каковъ былъ Бонеки [1]). Будто ето возможно, что бы я имѣлъ охоту сочинять драммы послѣ отброшенія! Не думайте никогда чтобы я предпочтилъ животъ мой моей чести. Я не отставленъ, а противъ воли отставляютъ людей за негодство, ето я понимаю и опредѣленъ я не Бонекіемъ къ Театру по директоромъ и отъ Волкова и Ильи Афанасьева зависать не могу. — Что жъ касается до особы Ево Сіятельства; я не подалъ ни малейшей причины ко гнѣву, а ежели я виненъ предъ нимъ, хотя и подлинно не виненъ, я просити и

---

[1]) Бонеки, итальянецъ, придворный поэтъ, бывшій при петербургской оперѣ до окт: 1752 г. Онъ написалъ между прочимъ двѣ оперы, напечатанныя въ русскомъ переводѣ: Евдокія вѣнчанная или Ѳеодосій второй (1751) и Беллерофонтъ (1757). Первая занесена въ Смирдинскую роспись, вторая, по свидѣтельству Карабанова, находилась въ Румянцовскомъ музеѣ.

прощеніе готовъ; иное дѣло Ево Сіят: а иное тѣ гадкія люди которыя для своей бестіяльской пользы старалися меня съ Ево Сіят: смутить, хотя Ево Сіятельство о моей честности и увѣренъ былъ много лѣтъ. — Здѣлайте мнѣ милость и скончайте посредствомъ вашимъ мое безпокойство, а ежели я достоинъ наказанія такъ постарайтеся чтобы я брошенъ былъ. — Я лишенъ будучи жалованья лишаюся квартеры, рѣка худа, а я о себѣ не знаю гдѣ я буду. Провизіи мнѣ больше имѣть едва можно и жить должно безольду. А того чтобы я сочинялъ драммы на едакомъ основаніи не думайте, а ежели буду сочинять; скажите всему свѣту что я какъ безчестной человѣкъ преступилъ мою клятву. — А Ево Сіят: умилостивляти мнѣ не стыдно, и злобы въ моемъ сердцѣ противъ Ево особы нѣтъ, и ежели столько же и въ Ево сердцѣ противъ меня, такъ я невѣдаю что препятствуетъ возвращенію моево спокойства. — Я готовъ отброшеніе отъ Театра терпѣть; все потомство о моей прослугѣ знать будетъ вѣдая сколько я Россіи театромъ услуги здѣлалъ. — Я хочу лишь того чтобы было здѣлано со мною либо то, либо сьо. А театральнымъ Поетомъ Бонекіемъ изъ директоровъ театра я не буду, хотя бы мнѣ ето живота стоило.

нижайшій и покорнѣйшій слуга

А. Сумароковъ.

Марта 12 дня
761.

21.

Милостивый Гдрь!

Для Имени Божіяго помилуйте меня и не позабудьте моей прозьбы. — Помилуйте меня, я служилъ ровно тритцать лѣтъ, и дватцать лѣтъ взавтрѣ исполнится, какъ я служу Ея Величеству. — Чести нѣсколько я моему Отечеству здѣлалъ, а особливо въ такомъ родѣ, въ которомъ отъ Россіянъ Европа не ожидала. Мнѣ севодни Сиверсъ новое озлобленіе здѣлалъ противу всѣхъ на свѣтѣ правъ, или паче здѣлали по жалованью моему Ево подъячія; ибо Ево Сіятельство о немногомъ по Театру знаетъ, а правятъ Театромъ подъячія. Помилуйте меня и избавьте отъ Сиверса, избавьте меня и здѣлайте мнѣ отставку. Я только не хочу Штатскаго чина; ибо я нося во весь вѣкъ мой мундиръ и сапоги, башмаки носить не скоро выучуся, да я жъ иду въ отставку, а не къ Штатскимъ дѣламъ и лутче пойду въ Капитаны нежели съ произвожденіемъ во Штатской чинъ. Я жду взавтрѣ или помилованія или жесточайшей болезни. А дватцать лѣтъ Ея Величеству во службѣ и тритцать лѣтъ всево службы моей безъ отпусковъ прошло. Я былъ при Графѣ, правивъ Канц: Лейбкомпаніи десять лѣтъ, основалъ порядокъ тамо по Канцеляріи. Лейбкомп: была осьмнатцать тысячей должна а я собралъ сполтораста тысячей: Графъ свидѣтель. Я уставилъ Театръ. Я сочиненіями своими Россіи безчестія не здѣлалъ, и еще сочинять буду многое кромѣ Драммъ, покамѣстъ Театръ зависати будетъ отъ Сиверса, и отъ приказныхъ служителей, да и всево времени къ сочиненію осталося мнѣ четыре года. Помилуйте меня и не лишите меня оставшаго моево здоровья и оставшаго моево времени. — Оставьте меня предстательствомъ своимъ. — Помилуйте меня а при Театрѣ я Стихотворцемъ изъ Директоровъ быть не хочу, да и никакъ, а особливо съ моимъ злодѣемъ главнымъ Сиверсомъ я никакова дѣла имѣть не хочу. Помилуйте меня. — Взавтрѣ дватцать лѣтъ какъ я служу Ея Величеству, а всей моей службы тритцать лѣтъ уже прошло. — Покорнѣй: с. А. С. Апр: 24, 761.

Притчи мои когда не посланы а достойны печати; такъ прошу послать.

Моя отставка, не безполезная отставка будетъ, но полезная служба весьма отечеству моему.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ГРАФѢ СИВЕРСѢ.[1])

По вліянію, которое Сумароковъ приписываетъ Сиверсу на судьбу свою, и по множеству намековъ на это лицо, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ, для насъ любопытно ознакомиться нѣсколько съ обстоятельствами жизни и свойствами графа.

Это былъ дядя того болѣе извѣстнаго Сиверса, который былъ новгородскимъ губернаторомъ при Екатеринѣ II и пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Родъ Сиверсовъ происходилъ изъ Голштиніи. Одинъ изъ нихъ, въ XVII столѣтіи, перешелъ изъ датской службы въ шведскую и сражался подъ знаменами Густава Адольфа, въ тридцатилѣтнюю войну. Внукъ его капитанъ Іоакимъ Іоаннъ Сиверсъ получилъ за женою небольшое имѣніе Сацо въ Эстляндіи на берегу моря. Въ 1702 г., во время опустошенія этой области русскими, онъ искалъ спасенія въ Финляндіи, гдѣ ему, какъ офицеру шведской службы, отведено было кормовое помѣстье Питтисъ при устьѣ Кюмени. Здѣсь родился въ 1710 г. младшій сынъ его *Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ*, бывшій впослѣдствіи гофмаршаломъ при дворѣ Елисаветы Петровны. У этого Карла было еще два старшихъ брата; Новгородскій губернаторъ *Яковъ Сиверсъ* (род. 1731 г.) былъ сынъ того изъ нихъ, который содержалъ въ арендѣ лифляндскія имѣнія графа Румянцова и послѣ купилъ часть ихъ, между прочимъ Бауэнгофъ, гдѣ и поселился.

Карлъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, 23-хъ лѣтъ, поступилъ на службу къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Пріятная наружность, ловкость, природный умъ доставили ему блестящее положеніе при ея дворѣ, особливо по вступленіи ея на престолъ. Когда рѣшенъ былъ переѣздъ племянника императрицы, голштинскаго герцога (впослѣдствіи Петра III) въ Петербургъ, въ 1741 г., Сиверсъ посланъ былъ на встрѣчу его въ Мемель, а потомъ назначенъ къ великому князю камеръ-юнкеромъ, съ чиномъ полковника. Въ другой разъ, въ 1742 г., онъ ѣздилъ къ Фридриху II для передачи ему андреевской звѣзды и получилъ отъ короля портретъ его съ бриллiантами и тысячу червонцевъ. Съ этой поѣздкой соединялась еще другая важнѣйшая цѣль: ему было поручено стараться узнать покороче ангальтъ-цербтскую принцессу, впослѣдствіи Екатерину II, которая въ то время

---

[1]) Собраны мною изъ разныхъ мѣстъ книги, относящейся собственно къ племяннику гофмаршала и изданной въ 1857 г. въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Ein russischer Staatsmann etc. von K. L. Blum. Сверхъ того я пользовался сочиненіемъ Бюшинга: Geschichte der evang. lutherischen Gemeinen im russischen Reich, ч. 1, стр. 164—169.

находилась при родственномъ Берлинскомъ дворѣ, и привезти портретъ ея, что онъ и исполнилъ.

По заключеніи съ Швеціею Абоскаго мира, Сиверсъ отправленъ былъ въ Эстляндію и Лифляндію для торжественнаго объявленія его тамошнимъ жителямъ. При этомъ случаѣ онъ посѣтилъ своего брата въ Бауэнгофѣ и взялъ молодого Якова съ собой въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ онъ какъ родной отецъ имѣлъ попеченіе о своемъ племянникѣ, опредѣлилъ его на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, доставилъ ему мѣсто при посольствѣ, сперва въ Копенгагенѣ, потомъ въ Лондонѣ, руководилъ его своими совѣтами, снабжалъ деньгами, и велъ съ нимъ постоянную переписку, въ которой выражается много любви, благочестія и житейскаго благоразумія. Яковъ Сиверсъ во всю жизнь помнилъ благодѣянія своего дяди.

Въ 1745 г., почти 35-ти лѣтъ отъ роду, Карлъ женился на дѣвицѣ Крузе, тетка которой, Елисавета Францинъ, была избрана самимъ Петромъ Великимъ въ воспитательницы великой княжны Елисаветы Петровны. Это семейство происходило, какъ и родъ Сиверсовъ, изъ Голштиніи. Въ томъ же году Карлъ возведенъ былъ въ званіе барона Римской имперіи.

Въ 1751 году 1-го августа онъ получилъ камергерскій ключъ въ одинъ день съ И. И. Шуваловымъ, а черезъ нѣсколько недѣль орденъ Александра Невскаго. По случаю рожденія вел. князя Павла Петровича, въ 1754 г., Сиверсъ посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ въ Вѣну; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ подготовить союзъ съ нѣмецкой имперіей противъ прусскаго короля.

Проѣхавъ изъ Вѣны въ Римъ и въ Неаполь, посѣтивъ Парижъ, Брюссель, Гагу и Амстердамъ, Сиверсъ чрезъ Германію возвратился въ Петербургъ.

Въ 1757 г. 21 сентября онъ былъ пожалованъ въ гофмаршалы съ чиномъ генералъ-лейтенанта, а въ слѣдующемъ году возведенъ въ графы Римской имперіи. Наконецъ въ 1762 г., при коронаціи Екатерины II, онъ получилъ званіе оберъ-гофмаршала, которое ему предназначала еще Елисавета, незадолго передъ своею кончиной. Въ началѣ 1767 г. онъ оставилъ службу и удалился отъ двора. Умеръ онъ 10 января 1775 г. шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, оставивъ трехъ сыновей, которые очень озабочивали его своею расточительностію, такъ что онъ для обезпеченія ихъ будущности хотѣлъ учредить три маіората. Дочь его Елизавета, вскорѣ послѣ его отставки, вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Якова Сиверса, который давно любилъ ее.

Біографъ послѣдняго разсказываетъ, что о Карлѣ Сиверсѣ въ молодости его ходили разныя сплетни, выдуманныя французами за то, что онъ дѣйствовалъ противъ интересовъ Франціи. Сплетни эти касались его происхожденія и прежней судьбы: говорили, что онъ вышелъ

въ люди изъ лакеевъ и т. п. Въ опроверженіе этихъ слуховъ г. Блумъ приводитъ, что въ 1752 лифляндское дворянство включило его, со всѣмъ его потомствомъ, въ число своихъ членовъ. Но это обстоятельство едва ли можетъ служить опроверженіемъ сказанныхъ слуховъ. Они отчасти подтвержаются печатнымъ свидѣтельствомъ человѣка, который лично зналъ и очень уважалъ Сиверса [1]). По его разсказу, Сиверсъ, переѣхавъ изъ своей родины въ Эстляндію, пошелъ въ камердинеры къ богатому землевладѣльцу, ландрату фонъ-Тизенгаузену, но, по своему рожденію и образованію, пользовался особеннымъ его благорасположеніемъ и исключительными правами. Потомъ, попавъ въ Петербургъ, онъ поселился въ домѣ, гдѣ собирались веселиться слуги великой княжны Елисаветы Петровны. Играя на скрипкѣ, онъ сдѣлался ихъ музыкантомъ. Своими добрыми качествами — услужливостью, скромностью и благоразуміемъ — онъ снискалъ любовь всѣхъ своихъ знакомыхъ и вскорѣ былъ представленъ великой княжнѣ, которая и взяла его къ себѣ въ службу, но безъ жалованья, потому что сама не имѣла большихъ доходовъ: онъ былъ у нея сначала форейторомъ, потомъ кафешенкомъ. Видя въ немъ надежнаго человѣка, Елисавета черезъ нѣсколько времени отправила его въ Эстляндію занять для нея денегъ у зажиточныхъ дворянъ этого края. Кажется, однакожъ, попытка эта не имѣла большого успѣха. Тѣмъ не менѣе, по вступленіи Елисаветы Петровны на престолъ, Сиверсъ былъ возвышенъ вмѣстѣ съ другими преданными ей лицами. По поводу его смерти г. Блумъ говоритъ: „Одаренный большою проницательностью, онъ благоразумно и дѣятельно успѣлъ пользоваться счастливыми обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ. Враги его, французы, распространили о немъ, какъ мы видѣли, дурную молву, которая, странно сказать, держалась именно въ остзейскихъ провинціяхъ; напротивъ, его чрезвычайно хвалитъ знаменитый Бюшингъ, человѣкъ вполнѣ добросовѣстный, который много лѣтъ былъ близокъ къ графу, какъ патрону нѣмецкаго Петропавловскаго прихода въ Петербургѣ. Эти похвалы подтверждаются отношеніями Сиверса къ брату его, и особенно къ племяннику, котораго онъ взялъ на свое попеченіе какъ сына и воспиталъ лучше нежели собственныхъ своихъ дѣтей“. Бюшингъ говоритъ между прочимъ о Сиверсѣ, что онъ былъ въ высшей степени доступенъ и привѣтливъ, и что по образованію, которымъ онъ былъ обязанъ самому себѣ, его можно было принять за человѣка знатнаго происхожденія и отлично воспитаннаго [2]).

Въ неудовольствіяхъ Сиверса съ Сумароковымъ виноваты были

---

[1]) Fr. Chr. Jetze, Statistische, politische und galante Anekdoten etc. Liegnitz, 1788, рѣдкая книжка, указаніемъ и сообщеніемъ которой я обязанъ А. А. Шифнеру.

[2]) См. Бюшинга, Eigene Lebensgeschichte, Halle, 1789, стр. 372.

вѣроятно, обѣ стороны: Сиверсъ, какъ придворный и иностранецъ, мало интересовался русскимъ театромъ и предоставлялъ заботы о немъ своимъ подчиненнымъ; а Сумароковъ, какъ человѣкъ въ высшей степени не практическій, не умѣвшій, какъ самъ сознавался, вести и собственныхъ своихъ экономическихъ дѣлъ, конечно не годился въ директоры театра и долженъ былъ, странностями своими и заносчивостью, безпрестанно колоть глаза всякому начальнику. Удивительно ли, что приказные служители, которые разбирали ссоры Сумарокова съ его копистами и брали съ нихъ взятки, успѣли внушить Сиверсу сомнѣніе въ его честности?

Еще въ 1764 г. Сумароковъ, уже принадлежа къ театру только какъ драматическій писатель, обвинялъ Сиверса передъ Императрицей Екатериной: 1) въ недостаткѣ познаній, нужныхъ для управленія театромъ; 2) въ томъ, что во время представленій зрителямъ позволялось шумѣть и вести себя неприлично; 3) что Сиверсъ не увѣдомлялъ его заранѣе, когда будутъ даваться пьесы его сочиненія, и 4) держалъ въ суфлерахъ бывшаго театральнаго кописта, который укралъ у Сумарокова какія-то письма и за то былъ заявленъ имъ въ полиціи. Не соглашаясь, чтобъ этотъ суфлеръ исполнялъ свою должность при представленіи пьесы Димизы, онъ опять грозилъ ничего не писать для театра, пока воръ-копистъ не будетъ уволенъ [1]).

---

[1]) Русс. Бесѣда, 1860, кн. II.

СНИМОКЪ СЪ ПОЧЕРКА СУМАРОКОВА.

(См. письма его № 1.)

[illegible]

СНИМОКЪ СЪ ПОЧЕРКА ЛОМОНОСОВА.

(См. письма его № V.)

Милостивый Гдрь Иванъ Ивановичъ

По милостивому вашего Превосходительства люблению и доброжелательству ко мнѣ награвированнаго моего портрета нѣсколько листовъ отпечатано, какъ вы приказать изволили, изъ которыхъ пять при семъ приложены. Мастеръ Вортманъ, уповаетъ что скоро исправитъ извѣстныя въ немъ погрѣшности. Ваше Превосходительство изволили говорить, чтобъ подъ помянутой портретъ подписать какие нибудь стихи. Но того, Милостивый Гдрь, отнюдь нежелаю; и стыжусь, что я награвированъ.

ФОНВИЗИНЪ.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО [1]).

1848.

Книга князя Вяземскаго восемнадцать лѣтъ была въ дорогѣ отъ кабинета автора до книжной лавки. Зато и мѣсто, которое она заняла въ русской литературѣ, упрочено за нею надолго, и говорить о ней никогда не будетъ поздно. Тѣмъ болѣе теперь, когда появленіе этой книги еще такъ свѣжо и когда критика въ отзывахъ о ней, по большой части, показала какую-то особенную нерѣшительность, не считаемъ мы неумѣстнымъ разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностію трудъ князя Вяземскаго.

Годъ кончины Фонвизина былъ годомъ рожденія его біографа. Кромѣ этого случайнаго сближенія, между обоими писателями найдутся и другія черты сходства. Они родились и воспитывались въ Москвѣ и для обоихъ литература не была главнымъ поприщемъ. Остроуміе и сатирическое направленіе составляютъ блестящую сторону въ талантѣ того и другого, и, подобно Фонвизину, князь Вяземскій по крайней мѣрѣ въ настоящее время, даетъ поводъ сожалѣть, что его производительность слишкомъ несоразмѣрна съ его дарованіемъ.

Отношеніе князя Вяземскаго къ современному обществу и къ вѣку Екатерины, въ лѣтописяхъ котораго это имя всегда сохранитъ принадлежащее ему мѣсто, ставили его, какъ біографа Фонвизина, въ положеніе чрезвычайно выгодное для исполненія избраннаго имъ предпріятія. Онъ могъ пользоваться изъ первыхъ рукъ живыми указаніями лицъ, знавшихъ, если не самого Фонвизина, по крайней мѣрѣ многихъ изъ тѣхъ, съ которыми авторъ „Недоросля" былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Ему открыты были сверхъ того многіе письменные источники, до которыхъ не легко было бы добраться другому. Для полной оцѣнки Фонвизина необходимо было чтобы его біографъ могъ съ надлежащей точки зрѣнія смотрѣть на обѣ главныя стороны его дѣятельности: не довольно было для этого стоять въ рядахъ литераторовъ. Но особенно важно было, чтобы онъ, соединяя въ себѣ оба званія, къ которымъ принадлежалъ фонъ-Визинъ, вполнѣ понималъ достоинство и значеніе каждаго изъ нихъ. Въ какой степени авторъ разсматриваемой книги въ состояніи былъ удовлетворить

---

[1]) Санктпетербургскія Вѣдомости 1848 года, №№ 281, 282 и 283. Фельетонъ Критика. Срв. „Переписка Грота съ Плетневымъ", т. III, стр. 350—355, 360—365, 371, 373, 737. *Ред.*

и этому условію, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ его: „Пріятность службы для человѣка благомыслящаго, съ видами возвышеннаго честолюбія, измѣряется не годовыми итогами полученныхъ награжденій. Занятія, доставляющія пищу дѣятельности ума, открытая сфера для дѣйствій, согласныхъ со склонностями и совѣстью, отрада, или, лучше сказать, необходимая потребность имѣть въ начальникѣ человѣка, котораго уважаешь и которымъ ты самъ уваженъ, вотъ что можно почитать счастіемъ въ службѣ. Въ этомъ отношеніи Фонвизинъ счастливо служилъ. Можно предположить, что безъ сего счастія онъ и служить бы не могъ". Такъ князь Вяземскій разсуждаетъ о службѣ. Писателей же называетъ онъ „передовыми стражами общаго мнѣнія, безкорыстными, безплатными, вспомогательными сподвижниками благонамѣреннаго правительства", а въ другомъ мѣстѣ — „людьми, которые составляютъ лучшее и нетлѣнное отдѣленіе общества и остаются на вершинахъ столѣтій, когда падаютъ и исчезаютъ цѣлыя поколѣнія". Такимъ образомъ князь Вяземскій въ этомъ отношеніи совершенно сходится съ своимъ авторомъ.

Предыдущія замѣчанія наши достаточно показываютъ, что Фонвизину трудно было найти біографа, который бы болѣе князя Вяземскаго представлялъ ручательствъ въ удачномъ выполненіи своей задачи. Какъ онъ успѣлъ въ томъ? Рѣшеніе этого вопроса должно быть результатомъ нашего разсмотрѣнія.

Что авторъ прекрасно понялъ свою задачу, видно не только изъ предисловія его, но и изъ объясненій, встрѣчающихся въ самой книгѣ. Готовый обозрѣть жизнь и труды Фонвизина, „я хотѣлъ — говоритъ онъ — вникнуть въ свой предметъ, обойти его со всѣхъ сторонъ и коснуться до предѣловъ, ему соприкосновенныхъ". — „Обязанность русскаго біографа, сказано въ началѣ IX главы, не затруднительна, если онъ осудитъ себя обойти одинъ очеркъ, такъ сказать, обведенный тѣнью лица, которое онъ описываетъ: но какъ стѣснить себя подобнымъ ограниченіемъ? какъ осудить себя на должность слуги, который только слѣдуетъ за господиномъ своимъ, проводитъ его до дверей, но самъ не входитъ во внутренность покоевъ? а входя съ нимъ, какъ сосредоточить взоры свои на него одного и не раздѣлить вниманія своего между нимъ и обществомъ, въ которомъ онъ находится?" Такому взгляду обязаны мы тѣмъ, что авторъ, занимаясь преимущественно однимъ писателемъ, представилъ намъ, хотя не въ правильномъ очеркѣ, но въ рѣзкихъ чертахъ, всю литературную у насъ жизнь Россіи отъ Ломоносова до настоящаго времени. Портретъ Фонвизина обставилъ онъ силуэтами всѣхъ главныхъ представителей русской литературы въ прошлое столѣтіе. Новѣйшую литературу характеризуетъ онъ только въ общемъ ея направленіи, останавливаясь особенно на одномъ Карамзинѣ, да еще на Грибоѣдовѣ, какъ первомъ преемникѣ Фон-

визина въ области драмы. Но изъ государственныхъ мужей царствованія Екатерины многіе подъ перомъ кн. Вяземскаго помѣстились вокругъ Фонвизина и выдались очень явственно изъ общаго изображенія эпохи. Удѣливъ значительную часть книги на извлеченія изъ переписки главнаго лица и на другія выписки, составляющія драгоцѣнное дополненіе къ біографіи, авторъ ея посвятилъ изложенію своихъ собственныхъ мыслей не болѣе 220 страницъ; но какъ много свѣтлыхъ и оригинальныхъ идей умѣлъ онъ высказать и при этомъ маломъ объемѣ своего сочиненія! Системы искать у него и не должно: тѣ, которыхъ бы поразилъ недостатокъ ея въ этой книгѣ, найдутъ въ самомъ текстѣ объясненіе, предупреждающее упрекъ ихъ. Но кто обратилъ вниманіе на характеръ изложенія кн. Вяземскаго, пойметъ, что строгая систематическая послѣдовательность стѣснила бы движенія этого бойкаго ума, который въ быстромъ переходѣ отъ одного предмета къ другому почерпаетъ новую силу и новое оживленіе.

Обратимся прежде къ собственно-біографической части разбираемаго труда. Въ рукахъ автора были нѣкоторыя семейныя бумаги Фонвизина; однакожъ онъ въ нихъ не нашелъ всѣхъ нужныхъ пособій для своего предмета и не разъ жалуется на скудость письменныхъ слѣдовъ общественной и домашней жизни русскихъ. По его мнѣнію, Фонвизинъ родился не въ 1745 году, какъ до сихъ поръ полагали, а годомъ ранѣе; жаль, что не приведены тѣ указанія и соображенія, на которыя онъ при этомъ ссылается. Вопросъ легче было бы рѣшить, если бъ отыскалось точное свѣдѣніе, въ которомъ году Потемкинъ вмѣстѣ съ будущимъ авторомъ Бригадира посланъ былъ изъ Московскаго университета въ Петербургъ для представленія куратору. По словарю Митрополита Евгенія это было въ 1759 году, а Фонвизину, какъ самъ онъ пишетъ, было тогда не болѣе 14 лѣтъ. Но отсюда все еще нельзя вывести несомнѣннаго заключенія о годѣ рожденія нашего писателя. Касательно службы его князь Вяземскій не успѣлъ собрать вполнѣ удовлетворительныхъ извѣстій: мы не знаемъ заподлинно времени перехода изъ одной должности въ другую; не знаемъ навѣрное даже и того, когда онъ вышелъ въ отставку. Біографъ его говоритъ только, что „по кончинѣ министра, графа Панина, Фонвизинъ, *кажется,* уже не находился въ службѣ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительной“. Зато мы пріобрѣли много любопытныхъ подробностей о знакомствахъ Фонвизина, о его женитьбѣ, и вообще о частной его жизни. Замѣтимъ, однакожъ, что авторъ не воспользовался всѣми средствами для начертанія передъ нами живого образа Фонвизина. Въ такомъ человѣкѣ всякая черта замѣчательна, и изъ писемъ его легко было бы заимствовать многія указанія, которыя дорисовали бы передъ нами его физіономію. Можно бы было остановиться съ бóльшимъ вниманіемъ на его любезномъ характерѣ,

который между прочимъ выражался такъ прекрасно въ его нѣжныхъ отношеніяхъ къ роднымъ, особенно къ сестрѣ, въ письмахъ называемой имъ почти всегда *матушкой*. Въ первые годы службы ему трудно было привыкнуть къ петербургской жизни въ чужомъ городѣ, гдѣ онъ чувствовалъ какое-то сиротство и откуда сердце его безпрестанно стремилось къ родимой Москвѣ. Слово „*знакомство*, такъ писалъ онъ тогда къ своимъ, можетъ быть, вы не такъ понимаете какъ я. Я хочу, чтобъ оно было основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour, однако этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже тѣни къ исполненію его не имѣю. Разсудите же, не скучно ли такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце....... Я знаю, прибавляетъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, что ты мнѣ другъ и, можетъ быть, одного только и имѣть буду, котораго бы я столь много любилъ и почиталъ“...... а въ другомъ письмѣ: „Теперь сижу я одинъ въ моей комнатѣ и говоря съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя, говорю мысленно съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго ли“. Впрочемъ, приводя эти мѣста, надобно прибавить, что мы князю же Вяземскому обязаны письмами, откуда они извлечены. Какъ трогательны также слѣдующія строки, написанныя Фонвизинымъ къ зятю его: „Иногда я думалъ, что ты боленъ; иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался ли ты противъ меня холоденъ безъ малѣйшей тому съ моей стороны причины. Знай, что ты и сестрица столь мнѣ любезны, что я для однихъ васъ и жить хочу; но за то требую отъ васъ въ вознагражденіе, чтобы вы вашею спокойною жизнію меня утѣшали“. Въ „Признаніи“ своемъ Фонвизинъ упоминаетъ о своей вспыльчивости. Въ одномъ письмѣ его изъ Рима онъ разсказываетъ, какъ однажды его разсердили почталіоны: „если бъ не жена, которая на тотъ часъ меня собою связала, я всеконечно потерялъ бы терпѣніе, и кого нибудь застрѣлилъ бы. Здѣсь застрѣлить почталіона или собаку все равно. Я обязанъ женѣ, что не сдѣлался убійцею“. Нѣкоторые разсказы его даютъ намъ понятіе о его смѣшливости; нѣсколько разъ жалуется онъ на свою близорукость, которая даже мѣшала ему различать разставленныя на столѣ блюда: „Часто подлѣ меня стоитъ такое кушанье, котораго ѣсть не хочу, а попросить съ другаго края не могу, потому что слѣпъ, и чего просить не вижу“. Далѣе узнаемъ изъ прежде напечатанныхъ писемъ его, что онъ игралъ въ карты и что уже съ 25-лѣтняго возраста носилъ онъ парикъ, потерявъ волосы, вѣроятно, вслѣдствіе безпрестанной головной боли. Касательно щегольства Фонвизина, князь Вяземскій основываетъ свое сужденіе на оставшейся послѣ него памятной запискѣ. Можно прибавить, что то же видно изъ писемъ его, напримѣръ, изъ того, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ въ Мон-

пелье соболій сюртукъ его съ золотыми петлями и кистями заставлялъ всѣхъ восклицать: „Il a une fortune immense. C'est un Sénateur de Russie! Quel grand Seigneur!...... Горностаева муфта моя, говоритъ онъ далѣе, прибавила мнѣ много консидераціи. Beau blanc! всѣ кричатъ единогласно". По одному выраженію въ письмѣ его къ сестрѣ надобно заключить, что онъ нѣсколько занимался музыкою; въ 1764 году пишетъ онъ: „я играю на своей скрипкѣ пречуднымъ образомъ. Ныньче попалась мнѣ на языкъ русская пѣсня, которая съ ума нейдетъ, *изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго*; натвердилъ ее у Елагиныхъ". Веселость его вездѣ пробивается, но въ глубинѣ его характера скрывалось меланхолическое чувство, которое часто легко отличить и сквозь смѣхъ его. По слабости, понятной въ счастливомъ авторѣ, онъ не пропускалъ случая напоминать о лицахъ своихъ комедій. Такъ, въ одномъ письмѣ, говоря о нечистотѣ трактира, онъ сравниваетъ его съ хлѣвами „своего Скотинина", а въ отрывкѣ изъ путевого журнала замѣчаетъ о своемъ хозяинѣ: „онъ съ женою своею суть подлинные Простаковы изъ комедіи моей Недоросль". Другою слабостью его было хвастать своимъ искусствомъ передразнивать: „талантъ мой дразнить людей, писалъ онъ къ сестрѣ изъ Монпелье, находитъ здѣсь универсальную апробацію, а особливо дамы полюбили меня за дразненье. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова". Къ изданію сочиненій Фонвизина, напечатанному въ 1838 году въ Москвѣ, приложенъ портретъ его, первоначально писанный въ Римѣ. Жаль, что въ книгѣ князя Вяземскаго нѣтъ свѣдѣній, по которымъ можно бы повѣрить, похожъ ли этотъ портретъ: тамъ ничего не сообщено о наружности Фонвизина, кромѣ того, что лицо у него было значительное и что глаза его до конца отличались особенною яркостью или, какъ авторъ выразился, знойностію. А для полноты изображенія не мѣшало бы передать потомству и внѣшнюю физіономію этого замѣчательнаго человѣка, да оно, кажется, и не представляло затрудненія: подробное описаніе наружности Фонвизина можно было услышать хоть отъ Клостермана. Кн. Вяземскій знакомитъ же насъ мимоходомъ съ фигурою А. И. Приклонской, предмета склонности Фонвизина: еще интереснѣе было бы узнать, каковъ самъ онъ былъ на видъ въ лучшемъ своемъ возрастѣ. Впрочемъ, помянутый портретъ носитъ на себѣ всѣ признаки сходства, и тутъ нельзя не вспомнить мысли князя Вяземскаго, что можно угадывать сходство портрета, и не зная чей онъ. Всѣми этими болѣе или менѣе маловажными замѣчаніями хотѣли мы только показать, что въ чисто-біографическомъ отношеніи разсматриваемая книга представляетъ нѣсколько пропусковъ, изъ которыхъ однакожъ главные, повидимому, зависѣли не отъ автора, а отъ недостатка способовъ къ пополненію ихъ.

Впрочемъ, терпѣливое изслѣдованіе, кажется, не есть въ сущности

дѣло князя Вяземскаго, хотя видно, что и этого рода дѣятельность не чужда ему. Гораздо съ бо́льшимъ блескомъ талантъ его является въ той критикѣ, которая требуетъ проницательности и быстроты ума. Сужденія его замѣчательны не только поражающею вѣрностью взглядовъ, но и эпиграматическимъ способомъ выраженія ихъ; приговоры его всегда мѣтки и новы. Сколько яркихъ истинъ сказалъ онъ о жизни русскаго общества, о нашемъ театрѣ, о нашей литературѣ, объ императрицѣ Екатеринѣ II, о которой замѣчено имъ, что „*Собесѣдникъ* былъ Ея *Саандамъ*". Разборы „Бригадира" и „Недоросля" могутъ быть названы образцовыми. Можетъ быть, при разсмотрѣніи „Бригадира" авторъ „Фонвизина" еще не довольно рѣзко выставилъ карикатурный характеръ этой комедіи, въ лицахъ которой уродливость часто переступаетъ даже границы карикатурнаго безобразія, имѣющаго свои законы и своего рода правильность. Лица въ „Бригадирѣ" довольно безцвѣтны и такъ похожи одно на другое, что если бъ надъ словами каждаго не стояло имени, то трудно бы иногда и распознать, кто что говоритъ. Французскія фразы сына довольно неумѣстны и какъ-то не вяжутся съ остальными рѣчами его. Не надобно забывать, что Фонвизину не было и 20 лѣтъ, когда онъ написалъ эту комедію. Жаль, что время перваго ея представленія нигдѣ въ современныхъ свидѣтельствахъ не отмѣчено. По языку своему и истинно русской веселости, на которую князь Вяземскій справедливо обратилъ вниманіе, она должна была произвести на зрителей дѣйствіе, подобное тому, какое произвела первая ода Ломоносова на Дворъ Анны Іоанновны. Почти 20 лѣтъ протекло между появленіемъ „Бригадира" и первымъ представленіемъ „Недоросля", которое, какъ означено въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*, дано было 24 сентября 1782 года. Такое же огромное разстояніе отдѣляетъ эти двѣ комедіи и въ литературномъ ихъ достоинствѣ: различіе ихъ въ этомъ отношеніи превосходно схвачено княземъ Вяземскимъ. Вотъ оно въ немногихъ словахъ: въ обѣихъ комедіяхъ осмѣиваются недостатки воспитанія; но изъ бригадирскаго сына дурное воспитаніе сдѣлало только смѣшного глупца, а изъ недоросля оно сдѣлало изверга, какова его мать Простакова: въ послѣдней комедіи критикъ мастерски указалъ трагическое основаніе и въ анализѣ характера Простаковой совершенно выяснилъ намѣреніе автора. Только и здѣсь не излишне было бы поискать въ жизни Фонвизина причинъ такого превосходства второй его комедіи надъ первою. Князь Вяземскій, разсматривая произведенія его, вообще не довольно смотритъ на хронологическій порядокъ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что отсутствіе системы есть неудобство. Въ одномъ мѣстѣ книги его сказано, что Фонвизинъ, кажется, принадлежалъ къ разряду тѣхъ умовъ, которые, бывъ перенесены въ климатъ имъ чуждый, „не заимствуютъ ничего изъ но-

выхъ источниковъ, раскрывающихся передъ ними, не обогащаются новыми пособіями, не развиваются" и т. д. Къ этому замѣчанію подало поводъ предубѣжденіе, съ какимъ Фонвизинъ судилъ объ иностранцахъ, когда былъ за-границею. Трудно вполнѣ согласиться съ критикомъ: путешественникъ нашъ, не смотря на свои рѣзкіе приговоры чужеземнымъ нравамъ, кажется, извлекъ изъ своихъ странствованій, какъ всякій умный человѣкъ, не малую пользу для своего образованія и таланта. Кн. Вяземскій самъ говоритъ, что онъ велъ во Франціи жизнь образованнаго человѣка и пользовался пособіями, которыя открывало ему просвѣщеніе: „онъ бралъ уроки, слушалъ лекціи, посѣщалъ ученыя общества и восхищался парижскимъ театромъ". — „Комедія, писалъ онъ къ графу П. И. Панину, возведена на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забыться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ". Почти такъ же выражался онъ около того же времени (въ 1778 году) въ письмѣ къ сестрѣ. Слова эти, сами по себѣ, не важны и всякій не совсѣмъ глупый человѣкъ сказалъ бы то же; но важны впечатлѣнія, какія французскій театръ доставилъ такому таланту, каковъ былъ Фонвизинъ, и этихъ впечатлѣній не должно выпускать изъ виду, когда дѣло идетъ объ успѣхахъ его въ драматическомъ искусствѣ. Въ „Недорослѣ" достигъ онъ высшей степени зрѣлости, какъ писатель: ничего лучшаго онъ уже не произвелъ. Послѣ „Недоросля", онъ, какъ замѣчаетъ князь Вяземскій, не писалъ болѣе для театра. Правда, что комедія „Выборъ Гувернера" написана не задолго до кончины Фонвизина, но она никогда на театрѣ представлена не была. „Читая ее, говоритъ критикъ, можно подумать, что она служила основаніемъ „Недорослю"; но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ". Въ самомъ дѣлѣ, это подтверждается словами Сеума, относящимися къ французской революціи, да и въ предсмертный вечеръ автора, комедія „Выборъ гувернера" была читана у Державина какъ новость [1]). Между тѣмъ стоитъ замѣтить, что имя одного изъ главныхъ лицъ этой комедіи, Нельстецова, подписано подъ челобитною русскихъ писателей, напечатанною въ первый разъ въ Собесѣдникѣ. „Странно, продолжаетъ князь Вяземскій, говоря о послѣдней комедіи Фонвизина, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо". По нашему мнѣнію, ничего не могло быть естественнѣе этого. Въ исторіи литературы множество примѣровъ тому,

---

[1]) Впрочемъ, спрашивается: не должно ли въ запискахъ Дмитріева разумѣть подъ именемъ комедіи „Гофмейстеръ" ту, изъ которой въ бумагахъ Фонвизина нашлись двѣ первыя сцены подъ заглавіемъ: „Добрый Наставникъ?" Не затерялся ли другой списокъ, содержавшій въ себѣ продолженіе этихъ сценъ?

что писатель, обольщенный однимъ какимъ-нибудь блистательнымъ успѣхомъ, долго преслѣдуетъ мысль, которой былъ обязанъ имъ, и по большей части не находитъ уже прежней удачи. Такъ и Державинъ, ухватившись за счастливую идею, внушившую ему созданіе „Фелицы", нерѣдко подражалъ самому себѣ, но второй „Фелицы" уже не могъ произвесть. У Фонвизина такое явленіе будетъ еще понятнѣе, когда примемъ въ соображеніе разстройство его силъ въ послѣдніе годы жизни.

Разбирая письма его изъ-за границы, критикъ обнаруживаетъ особенную строгость и возводитъ на автора ихъ двѣ важныя вины: присвоеніе чужой собственности (плагіатъ) и непростительное образованному человѣку предубѣжденіе противъ просвѣщенныхъ странъ, которыя онъ посѣщалъ, особливо противъ французскихъ писателей. Что касается до перваго обвиненія, то какъ оно ни справедливо, сила его, можетъ быть, нѣсколько смягчается образомъ мыслей того времени, которое въ дѣлахъ подобнаго рода не было такъ совѣстливо и взыскательно, какъ наше. Тѣнь, которую бросаетъ на Фонвизина обвиненіе князя Вяземскаго, облеченное довольно жесткими словами, къ счастію, совершенно поглощается свѣтомъ, въ какомъ онъ съ истиннымъ сочувствіемъ представилъ всю личность изображаемаго имъ писателя, и потому не будемъ сѣтовать на біографа за то, что онъ не принялъ на себя труда согласить такую тѣнь съ такимъ свѣтомъ. Во всякомъ случаѣ критика должна быть очень благодарна ему за достовѣрное указаніе источниковъ, откуда Фонвизинъ почерпнулъ часть мыслей, брошенныхъ имъ на родную почву. Мы бы желали еще найти въ біографіи нѣсколько словъ касательно показанія, помѣщеннаго въ „Словарѣ свѣтскихъ писателей", будто разговоръ Правдина съ Стародумомъ въ „Недорослѣ" заимствованъ отчасти изъ Дюфрена (?). Говоря объ этихъ заимствованіяхъ нельзя не пожалѣть, что Фонвизинъ не довелъ своей „Исповѣди" до конца. Кто знаетъ: не покаялся ли бы онъ въ литературномъ нарушеніи восьмой заповѣди? Нѣтъ, мы несогласны съ княземъ Вяземскимъ, чтобы недописанная, хоть и меньшая половина „Исповѣди" не составила важнаго пріобрѣтенія для біографіи автора; въ одномъ словѣ современника, а тѣмъ болѣе изображающаго себя самого, можетъ иногда заключаться смыслъ, до котораго потомокъ собственными силами не доберется, не смотря ни на какія старанія.

Перейдемъ ко второму обвиненію. Прекрасно разсуждаетъ князь Вяземскій объ истинной любви къ просвѣщенію и обязанности всякаго писателя защищать его противъ нападеній невѣжества. Нельзя оправдать слишкомъ рѣзкихъ приговоровъ Фонвизина французамъ, итальянцамъ и нѣмцамъ, но мы можемъ также, вмѣстѣ съ его біографомъ, сказать рѣшительно, что никакъ не раздѣляемъ уваженія, которымъ

его письма изъ-за границы у насъ пользуются. Если бъ Фонвизинъ писалъ для публики, то онъ, конечно, былъ бы осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ, но по всему видно, что онъ вовсе не готовилъ своихъ писемъ для печати. Предубѣжденія его критикъ справедливо объясняетъ отчасти самымъ свойствомъ ума Фонвизина, который не легко могъ уживаться на чуждой почвѣ (стр. 116), отчасти любовью его къ домашней жизни и къ тѣсному кругу близкихъ знакомыхъ (стр. 228). Къ этому, какъ мы думаемъ, надобно присоединить еще нѣкоторыя соображенія. При сатирическомъ направленіи ума своего, онъ охотно отыскивалъ во всемъ дурную и смѣшную сторону, и съ наслажденіемъ останавливался на ней: тутъ разыгрывалось перо его и было чѣмъ потѣшить себя и другихъ: на склонность его охуждать чужое, имѣли много вліянія непріятныя впечатлѣнія, неожиданно встрѣтившія его за границею. Онъ выѣхалъ изъ Россіи съ невѣрными понятіями о другихъ странахъ, въ чемъ самъ сознается: „Я думалъ сперва, что Франція, по разсказамъ, *земной рай*; но *ошибся жестоко*. Все люди, и славны бубны за горами!“ Удивительно ли, что эта земля разочаровала его, когда онъ отправлялся туда съ такими мечтами? Онъ вовсе не былъ созданъ для путешествій: трудности и хлопоты, неразлучныя съ переѣздами или съ пребываньемъ вдали отъ родины, отравляли для него все наслажденіе, находимое другими въ такомъ образѣ жизни. Отъ того, доѣхавъ до Лейпцига на пути въ Италію, онъ уже мечталъ о возвращеніи домой. Отъ того же онъ, живя въ Римѣ, говорилъ: „Не знаю, какъ впередъ пойдетъ наше путешествіе, но доселѣ непріятности и безпокойства превышаютъ неизмѣримо удовольствіе. Рады мы, что Италію увидѣли; но можно искренно признаться, что если бъ мы дома могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то конечно бы не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ“. Однакожъ и наслажденіе искусствами не вознаграждало его за отсутствіе домашняго спокойствія и родныхъ: разсказывая, что онъ живетъ только съ картинами и статуями и прибавляя: „боюсь, чтобы самому не превратиться въ бюстъ“, онъ тутъ же говоритъ: „болѣе всего надоѣдаетъ намъ скука... Здѣсь истинно отъ людей отвыкнешь“. Никто не испыталъ такъ, какъ Фонвизинъ, силу поговорки: „вездѣ хорошо, а дома лучше“. Впрочемъ должно замѣтить, что какъ ни преувеличиваетъ онъ недостатки французовъ; однакожъ иногда судитъ объ этой націи очень справедливо и не разъ называетъ ее *просвѣщенною, чувствительною, человѣколюбивою*. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „не могу не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много хорошаго и подражанія достойнаго“. Есть у него по этому предмету очень интересныя сужденія, напримѣръ; „Вообще сказать, что между двумя наці-

ми (т. е. русскими и французами) есть превеликое сходство не только въ лицахъ, но въ обычаяхъ и ухваткахъ. По улицамъ (въ Монпелье) кричатъ точно такъ, какъ у насъ, и одежда женская одинакова. Вотъ ужъ нѣмцы, такъ тѣ, кромѣ на самихъ себя, ни на кого не походятъ". Или: „У насъ въ Россіи любятъ вѣсти, а здѣсь можно ихъ назвать пищею французовъ. Они бъ дня не прожили, если бъ запретили имъ выдумывать и лгать. Поистиннѣ сказать, нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними". Тутъ слышишь потомка ливонскихъ рыцарей. Отзываясь безпощадно о французскихъ писателяхъ, онъ готовъ былъ допустить изъятіе въ пользу одного Руссо. Но судьба не дала ему загладить свою неумолимую строгость къ нимъ большею умѣренностью суда хоть объ одномъ изъ ихъ собратьевъ. Уже назначенъ былъ день для свиданія Фонвизина съ Руссо, когда распространилась вѣсть, что автора Новой Элоизы не стало. Увѣдомляя сестру свою о его кончинѣ, путешественникъ говоритъ: „И такъ судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо! Твоя, однакожъ, правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ, безкорыстіе его было строжайшее". Описывая французскихъ литераторовъ слишкомъ черными красками, Фонвизинъ увлекался болѣе своею склонностью къ карикатурѣ, нежели дѣйствительнымъ ожесточеніемъ. Бесѣдуя непринужденно съ уважаемымъ или любимымъ человѣкомъ, а не съ публикою и не съ потомствомъ, онъ не взвѣшивалъ слишкомъ внимательно своихъ выраженій и чтожъ мудренаго, что ему иногда случалось пересолить въ приговорахъ, которые въ основаніи своемъ, конечно, заключали и нѣкоторую истину? Князь Вяземскій самъ съ справедливымъ негодованіемъ осуждаетъ извѣстныя явленія нашей современной литературы. Богъ знаетъ, не было ли въ тогдашней литературѣ французской чего-нибудь подобнаго или еще похуже; если такъ, то естественно, что представитель образованія, еще юнаго и не зараженнаго порчею, неизбѣжною въ періодъ дальнѣйшаго развитія, сильно былъ пораженъ тѣмъ, что видѣлъ, и въ отзывахъ своихъ не умѣлъ защититься отъ крайностей. Тѣмъ не менѣе негодованіе его нѣсколько сродни тому, которое иногда овладѣваетъ перомъ его біографа, и въ общемъ источникѣ ихъ строгости мы находимъ ихъ примиреніе.

По замѣчанію князя Вяземскаго, небрежности въ слогѣ и въ языкѣ, встрѣчающіяся въ дорожныхъ письмахъ Фонвизина, оправдываются тѣмъ, что эти письма не назначались для печати. Мы полагаемъ, что небрежность, съ какою они писаны, составляетъ въ нихъ великое достоинство, потому, что обнажаетъ передъ нами вседневный или, такъ сказать, *домашній* языкъ того времени. Видимъ, что люди

образованные тогда *говорили* почти точно такъ же, какъ нынче, но такъ *писать* никто не умѣлъ, кромѣ Фонвизина. Извѣстно, напримѣръ, какъ владѣлъ языкомъ Державинъ въ частной перепискѣ: до насъ дошли образчики слога его писемъ. Такимъ же образомъ, съ немногими особенностями писали и другіе: стóитъ пробѣжать нѣкоторые изъ русскихъ писемъ, которыя Фонвизинъ получалъ отъ своихъ корреспондентовъ. Да и въ собственныхъ его письмахъ языкъ не вездѣ одинаковый: къ сестрѣ своей писалъ онъ гораздо проще, нежели къ графу Панину. Чрезвычайно любопытно сравнить его разсказы объ однихъ и тѣхъ же предметахъ въ двоякомъ видѣ; въ бесѣдахъ съ сестрою болѣе свободы и живости, нежели въ другихъ; тутъ онъ даже предупредилъ современныхъ намъ гонителей *сего* и *онаго*, часто употребляя мѣстоименіе *этотъ* и почти никогда не прибѣгая къ *оному*: „кажется довольно познакомился я съ Парижемъ, и узналъ *его* столько, что въ другой разъ охотою, конечно, *въ него* не поѣду",— „мнѣ обѣщали показать *этого* урода (Руссó). Вольтèръ также здѣсь: *этого* чудотворца на той недѣлѣ увижу". Впрочемъ не избѣгалъ онъ и мѣстоименія *сей*, потому что не чувствовалъ въ томъ надобности. Языкъ его представляетъ три различные оттѣнка: въ Словѣ на выздоровленіе Великаго Князя такъ называемый высокій (т. е. надутый) слогъ испещренъ славянизмами, глаголы часто оканчиваются на *ти* вмѣсто *ть*; тутъ встрѣчаются слова: *колико, хотяй, сумнись* и т. п.; рѣчь идетъ всегда о *Россіянахъ* и о *Россахъ*, никогда о русскихъ. Гораздо болѣе простоты и естественности въ письмахъ къ графу Панину, но все еще тутъ являются *Россіяне*; въ полномъ же блескѣ эти качества развиваются въ письмахъ Фонвизина къ роднымъ и въ его комедіяхъ: тутъ уже передъ нами не Россы, и не Россіяне, а *Русскіе*. Мы назвали только главныя произведенія по каждому роду языка, къ нимъ во всѣхъ трехъ отдѣлахъ примыкаютъ и другія. У Фонвизина въ языкѣ часто менѣе искусственности, нежели у Карамзина. Отъ чего же не ему предоставлено было преобразовать русскую прозу? Князь Вяземскій говоритъ: „можетъ быть и отъ того, что онъ не былъ человѣкъ кабинетный, писалъ урывками, между дѣломъ и обязанностями службы дѣятельной и прямо государственной; но какъ бы ни было, а не смотря на блистательные литературные успѣхи, онъ никогда не могъ быть образцомъ и не былъ главою новой школы". По нашему мнѣнію, дѣло объясняется легко. Изъ сочиненій Фонвизина, отличающихся новостью языка, при жизни его сдѣлались особенно извѣстны только двѣ комедіи; но критика была въ то время еще такъ слаба, что не умѣла ни замѣтить, ни указать ихъ великаго достоинства въ этомъ отношеніи. При томъ на сценѣ являлись и другія піесы, въ которыхъ языкъ былъ довольно близокъ къ истинно разговорному: для примѣра назовемъ комедію: „О время!" Но тогда никому еще не

приходила идея, что языкъ комедіи долженъ перейти въ другіе роды сочиненія; драма только въ половину принадлежитъ къ области книжной литературы: не удивительно, что она въ развитіи языка опередила прочія отрасли словесности; но время распространенія и на нихъ этого преобразованія еще не наступило. Переводы Фонвизина также читались много, но въ нихъ языкъ еще носитъ отпечатокъ старины, мелкія сочиненія его не выходили изъ круга читателей „Собесѣдника“ и по самой особенности своего содержанія не могли служить образцами слога; критика дремала; общее вниманіе еще не было обращено на потребность живого языка въ литературѣ. Остальныя сочиненія Фонвизина: часть его заграничныхъ писемъ, Исповѣдь, письмо къ Козодавлеву, размышленіе на смерть Потемкина, въ первый разъ напечатаны были не прежде, какъ когда Карамзинъ уже началъ свой великій подвигъ, и такъ заслуги Фонвизина могли быть вполнѣ признаны только потомствомъ его. Ясно, что и вліяніе его на литературу не могло пріобрѣсти силы при его жизни; когда же онъ могъ вступить въ права свои, тогда Карамзинъ уже дѣйствовалъ своимъ блистательнымъ примѣромъ. Могущество Карамзина объясняется отчасти его производительностію, отчасти родомъ его сочиненій: его путевыя письма и повѣсти, какъ чтеніе всѣмъ доступное и для всѣхъ увлекательное, произвели то, чего никакъ не могли сдѣлать рѣдкія вспышки таланта Фонвизина. Такимъ же образомъ и Крыловъ, котораго языкъ еще въ сатирическомъ журналѣ Почта Духовъ (1789 г.), рѣзко отличался отъ общаго языка современной литературы, не нашелъ тогда подражателей. Переходъ отъ Ломоносовской прозы къ новѣйшей не могъ совершиться внезапно; Фонвизинъ и Крыловъ начали, сами того не подозрѣвая, важное дѣло усовершенствованія письменнаго языка, но въ свое время остались незамѣченными и не оцѣненными на этомъ поприщѣ. При наблюденіи развитія нашей литературы нельзя пропустить безъ вниманія одного факта: реформа письменнаго языка начата была у насъ сатирическими писателями. Первымъ между ними былъ Кантеміръ; но несчастный размѣръ его стиховъ не далъ почувствовать превосходства ихъ автора передъ Ломоносовымъ по естественности, простотѣ и даже нѣкоторой народности языка. Примѣръ Кантеміра остался потеряннымъ для послѣдующихъ писателей, и когда Фонвизинъ и Крыловъ заговорили подобнымъ же образомъ, они, конечно, не имѣли въ виду своего предшественника, а безотчетно повиновались требованію своего таланта. Но языкъ, который безсознательно угадали наши три сатирика, долженъ былъ окончательно развиться и пріобрѣсти всеобщее одобреніе въ *повѣсти*, какъ въ такомъ родѣ литературы, въ которомъ, по связи его съ жизнію, дарованіе и искусство автора могутъ дѣйствовать на самый обширный кругъ читателей.

Сдѣланное нами замѣчаніе, что у Фонвизина встрѣчаются три различные языка, приводитъ насъ къ другому: князь Вяземскій не совсѣмъ правъ, разсуждая вообще о слогѣ Фонвизина и приписывая ему безъ оговорки, неумѣстную пестроту галлицизмовъ и славянизмовъ: въ письмахъ его, особливо въ письмахъ къ сестрѣ, въ комедіяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ едва ли можно найти славянизмы, за исключеніемъ сказанныхъ умышленно, напримѣръ, въ роли Кутейкина. Галлицизмы встрѣчаются болѣе въ переводахъ и отчасти въ письмахъ Фонвизина; впрочемъ они состоятъ преимущественно въ словахъ, а не въ оборотахъ. При всемъ томъ справедливо, что у него вездѣ попадаются какъ устарѣлыя конструкціи, такъ и слова, теперь уже вышедшія изъ употребленія, но въ его время еще бывшія въ ходу и не считавшіяся славянизмами. Вотъ почему неоспоримо и то, что его уже нельзя „изучать въ отношеніи искусства какъ писателя образцоваго“.

Говоря о языкѣ Фонвизина, можно пожалѣть, что нѣкоторыя простонародныя слова, встрѣчающіяся въ его комедіяхъ, не внесены еще ни въ одинъ изъ изданныхъ до сихъ поръ Словарей русскаго языка. Таковы слова: *шпетить*, *скосырь*, *пронозить*. Для полноты нашихъ Словарей необходимо, чтобы въ нихъ находились *всѣ* слова, заключающіяся въ твореніяхъ замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ писателей; между тѣмъ у самыхъ извѣстныхъ представителей нашей литературы 18-го вѣка, напримѣръ, даже у Державина, легко указать такія слова, которыхъ не отыщешь ни въ какомъ лексиконѣ. Такъ какъ мы разговорились о языкѣ, то кстати будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о самомъ авторѣ „Фонвизина“ въ отношеніи къ формѣ, въ какой выливаются его мысли. Не многіе русскіе писатели владѣютъ языкомъ такъ, какъ онъ; у него рѣчь блестящая, живая, исполненная красокъ и столько же оригинальная, какъ его идеи. Въ образѣ выраженія его замѣчается иногда какая-то нарядная замысловатость которая нисколько не въ противорѣчіи съ естественностью. Будучи совершенно чуждъ холодной безжизненности строгихъ грамотѣевъ, онъ однакоже вообще слагаетъ свои періоды очень правильно. Изрѣдка попадаются небрежности, напримѣръ: „театровъ по губернскимъ городамъ, домашнихъ театровъ, тогда, если и было, то весьма немного“. Нельзя сказать: если и было *театровъ*. На стр. 27 выраженіе: *участіе въ дѣлахъ общественныхъ* подаетъ поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію, потому что здѣсь слово *участіе* должно означать не дѣйствіе, а только расположеніе (intérêt, Theilnahme, a не Antheil); жаль, что въ послѣднемъ смыслѣ, для отличія, нельзя сказать: *участіе къ дѣламъ*. „До Княжнина не было у насъ комедіи въ стихахъ: едва ли было (?) и послѣ“. На 25-й стр. читаемъ: *умолчено*, вмѣсто *умолчано*. Можетъ быть, это и опечатка, но въ наше время подобныя ошибки такъ обык-

новенны, что мы считаемъ важнымъ указывать ихъ. Нѣтъ глагола *умолчить*, слѣдовательно нѣтъ и причастія *умолченъ*. Обличеніе грамматическихъ обмолвокъ не можетъ быть излишнимъ, когда даже русскіе ученые пишутъ: о *Василіѣ*, къ *Маріѣ*. Спросить бы ихъ, отъ чего же они не напишутъ также: въ *Россіѣ*? Князь Вяземскій любитъ мѣстоименіе *сей*. Когда онъ писалъ свою книгу, словечко это еще мирно жило подъ покровомъ своего ничтожества и не думало не гадало, что ему готовится ожесточенное гоненіе, но зато и громкая слава — слава наполнить собою міръ и потомъ навсегда возвратиться въ свое ничтожество. Если бы „Фонвизинъ" вышелъ въ свѣтъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ написанъ, то за одно это словечко на него посыпались бы стрѣлы изъ непріятельскаго стана. Но какъ не рѣшительна была война, веденная безъ пощады противъ *сего* и *онаго*, лучше всего доказывается тѣмъ, что теперь, по истеченіи лѣтъ 13 послѣ нея, смѣло является книга, написанная до начала знаменитаго спора, и никто не думаетъ серьёзно ставить ей въ укоръ употребленіе слова, по мнѣнію многихъ, устарѣлаго. Къ *оному* авторъ прибѣгнулъ, кажется, только однажды и показалъ, что всякое слово хорошо на своемъ мѣстѣ: „Если внѣшнія обстоятельства, слившіяся со внутренними препятствіями, и не дали созрѣть сей великой мысли Законодательницы нашей, то не менѣе имена призванныхъ Ею участвовать въ исполненіи *оной*, и въ особенности имя удостоеннаго довѣренностію народа и Государыни, принадлежатъ исторіи".

Мы уже видѣли, что Фонвизинъ, по словамъ его біографа, „не былъ человѣкъ кабинетный, писалъ урывками, между дѣломъ и обязанностями службы дѣятельной и прямо государственной". Если прибавимъ, что онъ наслѣдовалъ отъ матери головную боль, отъ которой страдалъ частехонько, что онъ болѣе по своему положенію, нежели по охотѣ — много пользовался свѣтскими развлеченіями, что онъ четыре раза былъ за границею и три раза жилъ тамъ долго, что лѣтъ за восемь до кончины онъ подвергся первому удару паралича, котораго послѣдствія заставляли его безпрерывно прибѣгать къ врачебному искусству, и что наконецъ онъ не достигъ и 50-лѣтняго возраста, то поймемъ почему литературное наслѣдіе, оставленное Фонвизинымъ, такъ незначительно по своему объему. Какъ онъ иногда былъ занятъ не только по службѣ, но и по перепискѣ съ графомъ П. И. Панинымъ, о томъ свидѣтельствуютъ сообщаемые княземъ Вяземскимъ документы. Герой Бендеръ, подобно многимъ замѣчательнымъ русскимъ того времени, знакомъ былъ съ нѣмецкимъ языкомъ, но не зналъ французскаго. Поэтому Фонвизинъ, доставляя ему всѣ важнѣйшія дипломатическія бумаги, самъ переводилъ ихъ. Увѣдомляя его о конвенціи, заключенной съ Вѣнскимъ Дворомъ касательно раздѣленія Польши, секретарь Министра говоритъ: негоці-

ація по этому дѣлу „занимала насъ сряду дни и ночи цѣлую недѣлю", и потомъ прибавляетъ: „Черезъ недѣлю надѣюсь я успѣть переводомъ всѣхъ новыхъ піесъ, до сей негоціяціи касающихся, кои, можно сказать, цѣлую книгу составляютъ". Въ слѣдующемъ году онъ писалъ къ Булгакову, что ни одной минуты не могъ считать своею собственною и тутъ же объяснялъ: „Богъ и честные люди тому свидѣтели, что я веду жизнь въ нѣкоторомъ отношеніи хуже каторжныхъ, ибо для сихъ послѣднихъ назначены по крайней мѣрѣ въ календарѣ дни, въ кои отъ публичныхъ работъ дается имъ свобода". Благодаря князю Вяземскому, теперь открываются нѣкоторые новые плоды скудныхъ досуговъ Фонвизина, и будущія изданія его сочиненій могутъ нѣсколько увеличиться въ объемѣ. Правда, эти дополненія ничего не прибавятъ къ славѣ писателя, и для изящной литературы они не составляютъ пріобрѣтенія, но при помощи ихъ образъ Фонвизина представляется намъ съ большею ясностью и полнотою; они любопытны и драгоцѣнны какъ матеріалы не только для *его* біографіи, но и для характеристики лицъ, бывшихъ съ нимъ въ сношеніяхъ, для ближайшаго знакомства съ вѣкомъ. Со временемъ сочиненія Фонвизина будутъ, вѣроятно, издаваемы вмѣстѣ съ трудомъ князя Вяземскаго и съ приложенными къ этой книгѣ письмами разныхъ лицъ къ автору „Бригадира" и „Недоросля". Изъ бумагъ, писанныхъ собственно Фонвизинымъ, при біографіи его напечатаны слѣдущія:

Письма къ сестрѣ изъ Петербурга, 1764 года.

Два письма къ отцу изъ Вѣны, 1785 года.

Письма къ сестрѣ изъ Вѣны, 1787; выписки журнала пребыванія въ Карлсбадѣ, того же года.

Выписки изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву, 1789 года.

Письма къ графу П. И. Панину, съ приложеніями, изъ Петербурга, *Сарскаго* села и Петергофа, 1771 и 1772.

Двѣ сцены изъ двухъ комедій: одной безыменной, а другой подъ заглавіемъ „Добрый Наставникъ".

Начало „Посланія къ Ямщикову".

Нѣкоторыя письма помѣщены какъ въ приложеніяхъ, такъ и въ самомъ текстѣ книги. Любитель историческихъ подробностей найдетъ въ приложеніяхъ обширное поле для своихъ разысканій. Тутъ интересны, между прочимъ, свѣдѣнія, относящіяся къ Вольтеровой Исторіи Петра Великаго. Въ октябрѣ 1759 года отправлена была изъ Женевы въ Петербургъ рукопись этой Исторіи; въ дорогѣ кто-то перехватилъ ее, съ тѣмъ чтобы издать въ свою пользу, но похитителя задержали въ Нюрнбергѣ, и Вольтеръ написалъ въ Гамбургъ, чтобы всѣ экземпляры, какіе напечатаются, были немедленно скупле-

ны. По этому случаю, въ апрѣлѣ слѣдующаго года, посланъ былъ другой списокъ въ Петербургъ къ И. И. Шувалову съ просьбою скорѣе разрѣшить печатаніе книги, чтобы предупредить похитителя прежней рукописи. Въ Женевѣ Борисъ Салтыковъ *) былъ посредникомъ между Вольтеромъ и Шуваловымъ, котораго этотъ литературный властитель называлъ Protecteur des muses russiennes. Какъ скоро готово было великолѣпное изданіе Исторіи Петра, съ портретомъ Государя, медалью Императрицы Елисаветы Петровны и виньетами, то Шуваловъ отправилъ экземпляръ этой книги къ графу К. Г. Разумовскому. Графъ нашелъ изданіе недостойнымъ предмета и стараній правительства: благодаря Шувалова за присылку новаго сочиненія, онъ въ письмѣ своемъ осуждаетъ работу гравюръ, печать бумагу и форматъ книги, напечатанной въ Амстердамѣ. На его глаза удался только портретъ Петра, сдѣланный въ Петербургѣ, почему онъ и совѣтуетъ вновь издать здѣсь же всю книгу: „пускай бы все уже было Россійское!“ Самаго текста онъ еще не успѣлъ прочесть, однако жъ, пробѣгая нѣкоторыя страницы, замѣтилъ уже ошибки въ именахъ и указаніяхъ мѣстъ. Эти подробности извлечены нами изъ писемъ Салтыкова и Разумовскаго къ Шувалову; Салтыковъ писалъ по-французски.

Письма Сальдерна, Штакельберга и другихъ къ Фонвизину любопытны во многихъ отношеніяхъ: въ нихъ слышатся отголоски тогдашнихъ дѣлъ Европы, въ нихъ обнажается сердце человѣческое, они лучше всего даютъ намъ понятіе о положеніи Фонвизина при графѣ П. И. Панинѣ. По письмамъ Сальдерна нельзя бы догадаться, что это тотъ самый человѣкъ, который въ Берлинѣ, по словамъ Фридриха II, хотѣлъ играть роль *Римскаго диктатора* и который вообще отличался самовластіемъ, когда могъ безопасно слѣдовать внушеніямъ своего нрава. Письма Штакельберга дышатъ какою то особенною довѣрчивою преданностью; въ искренности ея нельзя сомнѣваться — и однакожъ наблюдатель иногда задумается надъ нѣкоторыми мѣстами этихъ писемъ! Бибиковъ, Зиновьевъ, Рѣпнинъ и др. пишутъ по-русски: тутъ замѣчаешь какую-то добродушную веселость, юморъ стараго времени, а между прочимъ и забавное смѣшеніе, иногда почти въ одной и той же строкѣ, мѣстоименій: *ты* и *вы*, названій: *государь мой* и *другъ мой*; это было въ нравахъ тогдашней аристократіи.

Но мы долго не кончили бы, если бы захотѣли указать все, что есть замѣчательнаго въ приложеніяхъ къ разсматриваемой книгѣ. Остановимся однакожъ мимоходомъ на одномъ помѣщенномъ въ

[1]) Этотъ Салтыковъ послѣ служилъ при Григоріи Николаевичѣ Тепловѣ, который, какъ сказано въ Запискахъ Порошина, „отъ себя его отбросилъ за дурнымъ его поведеніемъ“.

нихъ свѣдѣніи, которое многихъ можетъ привести въ недоумѣніе. Въ краткой запискѣ о службѣ Фонвизина сказано, что онъ *сперва* находился въ Московскомъ университетѣ студентомъ, а *потомъ, въ 1755 году,* вступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Какъ это понять, когда извѣстно, что университетъ Московскій учрежденъ былъ въ 1755 году и что черезъ нѣсколько лѣтъ Фонвизинъ, еще будучи студентомъ, отправленъ былъ въ Петербургъ для представленія куратору? Поспѣшимъ возвратиться къ самому сочиненію кн. Вяземскаго.

Мы уже разсмотрѣли, въ главныхъ чертахъ, тѣ части книги, которыя относятся къ біографіи Фонвизина и къ критической оцѣнкѣ его, какъ писателя. Мы видѣли, что въ первомъ отношеніи авторъ, какъ самъ онъ сознается, не успѣлъ представить что либо полное, по недостатку матеріаловъ. Это, конечно, было одною изъ причинъ, почему онъ не могъ бы, если бъ и хотѣлъ, обработать свой предметъ систематически: тогда бы на каждомъ шагу чувствуемъ былъ пропускъ. Нерѣшенными остались многіе любопытные вопросы касательно жизни и дѣятельности нашего комика; не опредѣлена между прочимъ и степень его вліянія на ходъ дипломатическихъ сношеній Петербургскаго кабинета того времени. При всемъ томъ автору удалось изобразить Фонвизина, какъ человѣка и гражданина, довольно характеристическими чертами. Мы узнаемъ въ немъ добраго семьянина, прекраснаго сына и брата; подчиненнаго, пользующагося уваженіемъ и довѣренностью своего начальника; должностное лицо, находящееся въ самыхъ лучшихъ сношеніяхъ со всѣми людьми, имѣющими до него надобность, и всегда готовое дѣлать добро, гдѣ можно. Въ Фонвизинѣ, какъ свѣтскомъ человѣкѣ, является собесѣдникъ хотя остроумный и часто колкій, но все таки любимый въ кругу своихъ знакомыхъ. „Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонвизинѣ, говоритъ князь Вяземскій, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живого и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный". Какъ писатель, онъ очерченъ критикомъ еще съ большею опредѣлительностію. Постараемся вывести главные результаты изъ сужденій князя Вяземскаго по этому отдѣлу его труда. Въ своей литературной дѣятельности Фонвизинъ вообще отличался практическимъ направленіемъ, желаніемъ исправлять образъ мыслей общества, участвовать въ рѣшеніи вопросовъ, занимавшихъ лучшіе умы того времени. „Онъ былъ преимущественно писатель драматическій и сатирическій, слѣдовательно живописецъ и поучитель нравовъ". Въ *комедіяхъ* своихъ изливалъ онъ свое негодованіе на образъ воспитанія въ извѣстныхъ слояхъ общества. „Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя заслуги Фонвизина въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ его". Недостатки въ

нихъ общіе всѣмъ комедіямъ того времени, т. е. отсутствіе дѣйствія и бѣдность интриги. „Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе". *Письма* Фонвизина изъ-за границы, по мнѣнію князя Вяземскаго, недостойны его ума и характера. „*Переводы* его нынѣ могутъ быть любопытны для изслѣдованія языка, для изученія переворотовъ, послѣдовавшихъ въ исторіи русскаго слога". „Онъ не былъ рожденъ *поэтомъ*, ни даже искуснымъ стихотворцемъ, хотя и оставилъ нѣсколько хорошихъ сатирическихъ стиховъ въ „Посланіи къ слугамъ" и въ баснѣ „Лисица-кознодѣй". Фонвизинъ началъ *въ нашей прозѣ переворотъ*, но „не въ слѣдствіе обдуманнаго изученія предмета своего, а просто, можно сказать, безъ сознанія, по одной счастливой оригинальности таланта".

Вотъ основныя положенія князя Вяземскаго о значеніи Фонвизина въ русской литературѣ. Выше представили мы наше мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ нихъ: впрочемъ, наше разногласіе съ авторомъ, вообще, заключается болѣе въ оттѣнкахъ сужденій, нежели въ самой сущности ихъ, или происходитъ отъ различной точки зрѣнія на предметы. Разборъ замѣчаній его о другихъ писателяхъ, замѣчаній, дополняющихъ у него изображеніе главнаго лица, завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Особенно новыми показались намъ сужденія его о Сумароковѣ и Княжнинѣ. Онъ отчасти возстановилъ честь Сумарокова, котораго заслуги давно уже отвергаются слишкомъ безусловно. Въ подробностяхъ, касающихся до прежней литературы нашей, встрѣчается неточность, правда не слишкомъ важная, но все таки требующая исправленія. О Яковѣ Ивановичѣ Булгаковѣ, какъ чрезвычайно дѣятельномъ переводчикѣ, сказано, что онъ въ Семибашенномъ за́мкѣ, гдѣ просидѣлъ 27 мѣсяцевъ, „перевелъ огромное сочиненіе аббата де-ла-Порта: „*Всемірный путешественникъ*", состоящее въ 27 томахъ, *по одному тому на мѣсяцъ*". Когда Я. И. Булгаковъ отправился посломъ въ Константинополь, нѣсколько томовъ этого сочиненія было уже не только переведено имъ, но и напечатано. Въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ, издававшемся въ 1778 и 79 годахъ, можно найти извѣстія о постепенномъ выходѣ въ свѣтъ первыхъ четырехъ частей *Всемірнаго путешествователя*: каждые полгода являлось по одному тому. Если принять въ соображеніе, что Булгаковъ поѣхалъ въ Турцію въ 1781 году, что онъ свободы лишился въ 1787, а переводъ его напечатанъ былъ вполнѣ не прежде 1794 года, то о занятіяхъ Булгакова въ Семибашенномъ за̀мкѣ можно будетъ только сказать, что онъ и въ заточеніи продолжалъ трудиться надъ своимъ переводомъ. Изготовлять по цѣлому тому въ мѣсяцъ (и еще по *какому!*) не было ему никакой воз-

можности. Князь Вяземскій, вѣроятно, былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь литературнымъ преданіемъ, котораго начало легко объяснить [1]).

Наконецъ мы должны обратить вниманіе на нѣкоторые отзывы автора о современной литературѣ, о ея духѣ и направленіи. Не надобно забывать, что они произнесены были слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ, что слѣдовательно и тутъ дѣло идетъ о прошедшемъ, но о прошедшемъ правда, еще довольно свѣжемъ. Не скажемъ, чтобы во всѣхъ этихъ отзывахъ видно было спокойствіе духа, свойственное судьѣ холодному, но знаемъ, что жаръ негодованія, которымъ проникнуты нѣкоторыя изъ нихъ, не былъ плодомъ неосновательнаго пристрастія или предубѣжденія. Пусть иногда въ хулѣ критики чувствуется легкій оттѣнокъ преувеличенья; но отнеся этотъ оттѣнокъ на счетъ понятнаго увлеченья, мы въ словахъ автора еще найдемъ довольно истины для сочувствованія ему. Сильна въ рукахъ его острая сатира, которою онъ казнитъ надменное и самодовольное заблужденіе. Кого не поразятъ „эти скороходы въ мишурномъ нарядѣ и въ разноцвѣтныхъ перьяхъ на головѣ, которые, стоя на запяткахъ, болѣе всѣхъ кричатъ о успѣхахъ времени, болѣе всѣхъ суетятся и вертятся на посылкахъ у него, то за тѣмъ требованіемъ, то за другимъ, а сами не единою мыслью, ни единымъ шагомъ не подвигаютъ правильнаго хода его?“ Можно спросить, не лучше ли было бы, еслибъ книга князя Вяземскаго вышла въ свѣтъ вскорѣ послѣ того, какъ была написана? Кажется, нѣтъ. Тогда отрицательное направленіе нашей литературы, какъ еще новое, было въ сильномъ развитіи; толпа поддалась обаянію ложной учености и шутовской критики. Рѣзкія истины, высказанныя въ „Фонвизинѣ“ ожесточили бы противъ автора тѣхъ, до кого онѣ касались, и самовластный судъ, которому съ подобострастіемъ внимало большинство публики, могъ бы временно повредить успѣху книги. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось къ лучшему. Хотя въ литературѣ еще господствуетъ тотъ же духъ, но публика успѣла приглядѣться къ тактикѣ нѣкоторыхъ журналовъ и поняла ее, а съ тѣмъ вмѣстѣ и довѣренность къ приговорамъ критики поколебалась. Вотъ чѣмъ мы себѣ объясняемъ, что журнальный судъ, не смотря на свое вообще враждебное отношеніе къ кн. Вяземскому, не посмѣлъ произнести приговора, рѣшительно не выгоднаго для его книги. При всей видимой неохотѣ признать ея достоинство, онъ долженъ былъ въ своихъ порицаніяхъ ограничиться только нѣкоторыми частностями. Но вотъ любопытный вопросъ: какъ этотъ ареопагъ принялъ обвиненія, взводимыя княземъ Вяземскимъ на новѣйшую литературу? Всего благора-

---

[1]) Вотъ еще двѣ маленькія неточности, о которыхъ мы не хотимъ и упоминать въ текстѣ нашей статьи. Сочиненіе Кларка о бытіи Божіемъ не было *переведено* Фонвизинымъ, онъ сдѣлалъ изъ этой книги только *извлеченіе*. У Академіи Наукъ въ старину не было ни предсѣдателя, ни предсѣдательницы, а былъ *директоръ*.

зумнѣе со стороны судей было бы сохранить по этому предмету молчаніе, потому что нападеніе ихъ на критика за строгость его могло бы подать видъ, будто „на ворѣ шапка горитъ“. Послѣдовали ли они совѣту благоразумія? спроситъ потомокъ и развернетъ какой нибудь современный журналъ. Мы отсылаемъ читателей къ рѣшенію потомка. Впрочемъ, нѣкоторые журналы простерли свое благоразуміе до того, что вовсе умолчали о появленіи этой важной книги, какъ будто бы ея и на свѣтѣ не было. Глубокая политика!

Трудъ князя Вяземскаго, конечно будетъ жить, пока жить будетъ русская литература. Онъ на это имѣетъ двоякое право: въ значеніи Фонвизина и въ своемъ собственномъ значеніи. Прежде окончательнаго отзыва о послѣднемъ предложимъ еще вопросъ: не выиграла ли бы книга, если бъ авторъ при изданіи ея сдѣлалъ въ ней перемѣны и дополненія, которыхъ время, повидимому, требовало? Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ литература наша ознаменовалась нѣкоторыми замѣчательными явленіями; вопреки мнѣнію князя Вяземскаго одна изъ сторонъ нашего быта, именно жизнь служебная, сдѣлалась источникомъ, откуда писатели наши охотно почерпаютъ предметы для испытанія своихъ силъ въ искусствѣ; можно даже сказать, что почти опровергнуто на дѣлѣ замѣчаніе біографа, будто Фонвизинъ остался безъ вліянія на новѣйшую литературу и безъ послѣдователей... И такъ, не долженъ ли былъ князь Вяземскій принять все это въ соображеніе, когда наконецъ собрался издать свою книгу? — Конечно, книга его пріобрѣла бы отъ того еще болѣе цѣны и подвинулась бы почти на пятнадцать лѣтъ впередъ, но ничего подобнаго мы не вправѣ требовать отъ автора: онъ выдаетъ ее за то, что она есть, и въ этомъ видѣ подвергаетъ ее суду читающаго міра.

Онъ самъ справедливо назвалъ свой трудъ первою у насъ попыткой въ родѣ біографической литературы. Но надобно пойти еще далѣе: надобно въ этомъ сочиненіи признать первый важный приступъ къ обработкѣ новой исторіи отечественной словесности. До сихъ поръ у насъ не было книги въ которой было бы брошено такъ много вѣрныхъ и глубокихъ взглядовъ на умственную жизнь русскихъ въ прошломъ, а отчасти и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Были болѣе или менѣе основательныя сужденія о томъ, или другомъ писателѣ, но такого общаго обзора нашей свѣтской литературы никто еще не представлялъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою свѣтлою, проницательною мыслію! Значеніе этой книги, какъ намъ кажется, велико въ трехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она должна подвинуть русское общество въ самосознаніи; во-вторыхъ, она не только облегчитъ изученіе русской литературы, но и окрылитъ его, возбуждая въ каждомъ мыслящемъ читателѣ охоту ближе ознакомиться съ исторіею образованія въ отечествѣ; въ-третьихъ, она всегда сохранитъ характеръ правдиваго и важнаго свидѣтельства о современной намъ литературѣ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ХЕМНИЦЕРЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

по новымъ рукописнымъ источникамъ [1]).

1873.

Въ русской литературѣ 18-го столѣтія имя Хемницера занимаетъ довольно видное мѣсто. Онъ прожилъ менѣе 40 лѣтъ, пріобрѣлъ извѣстность только небольшимъ сборникомъ басенъ, и однакожъ его право на вниманіе потомства признается безспорнымъ. Недалеко еще то время, когда басни его безпрестанно вновь издавались то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, и въ самомъ дѣлѣ, при всей безыскусственности своей формы и простотѣ построенія, онѣ обличаютъ столько ума, здраваго смысла и знанія свѣта, что невольно располагаютъ читателя въ пользу автора.

Все, что мы до сихъ поръ знали о Хемницерѣ, умершемъ въ 1784 году, основывалось на краткихъ очеркахъ его біографіи. Достовѣрнѣйшій изъ нихъ напечатанъ при первомъ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера (1799), вѣроятно другомъ его Николаемъ Александровичемъ Львовымъ; другой, пополненный немногими лишь свѣдѣніями, — при позднѣйшемъ изданіи тѣхъ же басенъ (1838) извѣстнымъ археологомъ Сахаровымъ, и третій — въ Словарѣ Бантышъ-Каменскаго (1847), который большею частью повторяетъ не всегда вѣрныя извѣстія Сахарова [2]), а иногда прибавляетъ и новыя: здѣсь, между прочимъ, въ первый разъ названъ М. Ѳ. Соймоновъ, какъ начальникъ Хемницера по горному вѣдомству и какъ лицо, съ которымъ онъ путешествовалъ по Европѣ.

Эти три очерка знакомятъ насъ только съ общимъ ходомъ службы Хемницера и съ нѣкоторыми чертами его природы, отличавшейся крайнимъ простодушіемъ и разсѣянностію. Въ недавнее время, изъ рукописей Державина выяснились, болѣе прежняго, близкія отношенія Хемницера къ литературному кружку, въ которомъ рядомъ съ знаменитымъ лирикомъ стояли Львовъ и Капнистъ [3]). Скудость современ-

---

[1]) Изъ академ. изданія: „Сочиненія и письма Хемницера“, СПб. 1873. (Въ первонач. видѣ въ „Русской Старинѣ“, т. V, 1872).

[2]) Такъ Бантышъ-Каменскій, со словъ Сахарова (см. ниже), увѣряетъ, будто отецъ Хемницера умеръ задолго до сына, тогда какъ онъ пережилъ послѣдняго.

[3]) Біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ см. въ *Сочиненіяхъ Державина* по Указателямъ, приложеннымъ къ IV, V и VI томамъ академическаго изданія.

ныхъ біографическихъ извѣстій о нашемъ баснописцѣ происходила, конечно, не отъ недостатка свѣдѣній, какими располагалъ Львовъ, а отъ понятій эпохи, когда у насъ еще рѣдко кто дорожилъ точностью фактовъ и подробностями, составляющими основу литературной и общественной исторіи. Другою причиною была близость времени, къ которому принадлежалъ Хемницеръ: казалось неудобнымъ называть нѣкоторыя лица и передавать частности изъ ихъ жизни. Такъ въ помѣщаемомъ ниже первоначальномъ очеркѣ не поименованы ни Безбородко, ни Бакунинъ, несмотря на ихъ значеніе въ судьбѣ баснописца. Впрочемъ, впослѣдствіи Капнистъ задумалъ-было написать болѣе обстоятельную біографію Хемницера, и для того взялъ у Львова собранные съ этою цѣлію матеріалы; но намѣреніе это осталось неисполненнымъ. Недавно одинъ изъ внуковъ автора *Ябеды*, Иванъ Семеновичъ Капнистъ, передалъ въ распоряженіе наше подлинныя рукописи Хемницера и нѣкоторыя другія, относящіяся къ нему бумаги. Хотя онѣ по всей вѣроятности сохранились не совсѣмъ въ полномъ видѣ и хотя разрѣшаютъ далеко не всѣ вопросы, возникающіе при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе онѣ проливаютъ новый свѣтъ на его жизнь и характеръ. Къ нимъ присоединилась впослѣдствіи еще записная книжка Хемницера, отыскавшаяся у внучатной племянницы его Натальи Петровны Никитиной и сообщенная намъ Григ. Прокоф. Надхинымъ: главное содержаніе этого важнаго документа составляютъ собственноручныя дорожныя замѣтки, писанныя Хемницеромъ во время двукратнаго пребыванія его внѣ Россіи.

Извѣстно, что отецъ Хемницера выѣхалъ изъ Саксоніи и былъ напослѣдокъ инспекторомъ петербургскаго сухопутнаго госпиталя [1]). Мы узнаемъ теперь, что онъ занималъ передъ тѣмъ должность военнаго штабъ-лѣкаря. По желанію друзей своего сына, онъ, послѣ смерти его, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ біографическую о немъ записку, въ которой особенно драгоцѣнны извѣстія о дѣтствѣ и воспитаніи талантливаго баснописца. Эта рукопись дошла до насъ въ подлинникѣ; она писана неразборчивымъ, нетвердымъ почеркомъ и притомъ очень неправильно. Изъ нея прежде всего оказывается, что Хемницеръ родился не въ Петербургѣ, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскій, и не

---

[1]) При миніатюрномъ изданіи басенъ Хемницера, которое Сахаровъ напечаталъ въ своей типографіи, въ самомъ началѣ біографическаго очерка сказано слѣдующее: „Въ царствованіе Петра Великаго переселился въ Петербургъ саксонскій уроженецъ Іоганнъ Хемницеръ. Русскіе радушно приняли заѣзжаго гостя, полюбили его какъ врача и знатока въ горнозаводскихъ дѣлахъ и опредѣлили на службу. Хемницеръ служилъ намъ вѣрою и правдою, жилъ скромно и утѣшался двумя дочерьми“. Къ сожалѣнію, Сахаровымъ не указано, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія. Вообще же очеркъ его, какъ и напечатанный позднѣе Бантышъ-Каменскимъ, носитъ большею частью характеръ произвольнаго распространенія и украшенія извѣстныхъ прежде обстоятельствъ, не прибавляя къ нимъ почти ничего существеннаго.

въ 1744 году, какъ думали до сихъ поръ, а въ Астраханской губерніи 5 января 1745. Мѣсторожденіемъ его была Енотаевская крѣпость (нынѣ уѣздный городъ Енотаевскъ), основанная за три передъ тѣмъ года на Волгѣ, въ 141 верстѣ отъ Астрахани. Уже на 3-мъ мѣсяцѣ отъ рожденія пришлось ему странствовать съ родителями по степямъ и побывать въ Кизлярѣ; однакожъ лѣтомъ того же года они поселились въ Астрахани. Только что ребенокъ началъ говорить, мать и отецъ стали играя знакомить его съ азбукой, и онъ непримѣтно выучился читать и писать. Игрушекъ онъ никогда не любилъ, ломалъ и бросалъ ихъ; но его занимало набивать горшки землею и садить въ нихъ растенія; другою забавой его было пускать бумажные змѣи. До лакомствъ онъ также былъ неохотникъ, и предпочиталъ имъ черный хлѣбъ. Замѣчая въ немъ большую любознательность при тихомъ, меланхолическомъ нравѣ, отецъ принялся давать ему уроки въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, и выучилъ его первымъ правиламъ ариѳметики; а потомъ отдалъ его къ жившему въ Астрахани пастору Нейбауэру, который скоро оцѣнилъ его способности и сознавался, что Хемницеръ, на шестомъ году попавъ уже въ синтаксическій классъ, опередилъ собственнаго его девятилѣтняго сына. На публичныхъ дѣтскихъ упражненіяхъ отецъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ онъ бойко отвѣчалъ и отыскивалъ въ книгахъ пройденныя мѣста. Желая съ пользою употребить и остальные свободные часы его, отецъ пріискалъ человѣка, который бы выучилъ его читать и писать по-русски; вскорѣ послѣ того знакомый инженерный офицеръ вызвался преподавать ему ариѳметику и геометрію; но, прибавляетъ біографъ своего сына, я замѣтилъ, что на этихъ урокахъ многое упускалось, кромѣ того, что́ самъ ученикъ непремѣнно старался узнать. Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ еще не было учебныхъ заведеній; мальчикъ по собственной охотѣ читалъ или рисовалъ. Не знаю, какимъ образомъ онъ дошелъ до того, что послѣ прусской кампаніи могъ копировать планы“.... На досугѣ онъ давалъ уроки своимъ маленькимъ сестрамъ.

Въ 1755 году отецъ рѣшился оставить постылый для него край. Мать съ тремя дѣтьми предприняла далекое путешествіе въ Петербургъ. Сыну шелъ тогда 11-й годъ. Въ дорогѣ разъ ночью онъ чуть не пропалъ: въ темнотѣ, отошедши отъ повозки, онъ заблудился-было въ степи; калмыцкій конвой потерялъ его, и насилу ужъ потомъ онъ какъ-то отыскался. Поселясь въ Петербургѣ, мать отдала его опять къ школьному учителю; отецъ, по прибытіи туда на другой годъ, помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ [1]); у этого же преподавателя молодой Хемницеръ учился исторіи

---

[1]) При военномъ госпиталѣ, учрежденномъ Петромъ Великимъ, возникло мало-помалу врачебное училище, первое начало основаннаго въ 1783 г. медико-хирургиче-

и географіи. Здѣсь онъ по собственному влеченію сблизился съ самыми дѣльными и свѣдущими товарищами и узналъ отъ нихъ всю остеологію, такъ что въ подробности могъ описать человѣческій остовъ. Такова была подготовка, полученная Хемницеромъ къ медицинскому поприщу, къ которому отецъ назначалъ его. Но къ прискорбію старика случилось, что уже на 13-мъ году отъ роду сынъ, послушавшись какихъ-то постороннихъ людей, вздумалъ искать счастія въ военной службѣ: онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго Нотебургскаго полка [1]. „Можно представить себѣ, говоритъ отецъ, каково было положеніе юноши при такомъ суровомъ образѣ жизни, безъ покровительства и помощи, при большой чувствительности и благородствѣ души. Офицеръ, который сулилъ ему золотыя горы, оказался обманщикомъ и злодѣемъ. Но зато, продолжаетъ біографъ: полковникъ, вовсе не знакомый мнѣ человѣкъ, полюбилъ парня, принялъ въ немъ участіе и сталъ его повышать, хотя названный гонитель и тутъ старался вредить ему“.

Въ томъ же 1757 году, по случаю семилѣтней войны, отцу пришлось, въ званіи штабъ-лѣкаря, отправиться съ арміею въ Пруссію, и онъ совершенно потерялъ сына изъ виду. Долгое время онъ тщетно справлялся о немъ; наконецъ, въ 1759, находясь въ Эльбингѣ при раненыхъ, онъ узналъ, что Нотебургскій полкъ стоитъ въ Кёнигсбергѣ. Тогда онъ написалъ къ полковнику Большвангу, прося отпустить къ нему молодого Хемницера, который вскорѣ и обрадовалъ отца своимъ пріѣздомъ. „Я долженъ, говоритъ отецъ, искренно похвалить его скромность въ отношеніи къ его гонителю, о поступкахъ котораго я имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ офицеровъ. Когда я заводилъ о томъ рѣчь, онъ только отвѣчалъ: „И, батюшка, слава Богу, что я опять съ вами!“ —Полковникъ, напротивъ того, не могъ нахвалиться имъ“... Этими словами, къ сожалѣнію, кончается біографическая записка отца, которая, при всемъ своемъ неискусномъ изложеніи, дышитъ любовью къ сыну. „Поистинѣ, приписано на поляхъ, я не припомню, чтобы онъ въ дѣтствѣ поведеніемъ своимъ когда-нибудь прогнѣвилъ насъ. За одно только я часто на него сердился“... За этимъ разсказанъ какой-то часто повторявшійся случай смѣшливости Хемницера; но по неразборчивости рукописи трудно понять, въ чемъ именно состояло дѣло.

скаго института. (Въ 1720 г. учреждена была медицинская канцелярія; позднѣе совѣтъ изъ докторовъ; въ 1754 г. были вызваны изъ духовныхъ семинарій студенты для обученія медицинѣ и хирургіи въ казенныхъ госпиталяхъ. *П. С. З.* VI, 3.811; VIII, 5.620; XIV, 10.196). Ср. Собр. Росс. Закон. о медиц. управленіи, Е. Петрова, Спб. 1826—28 и статью Хмырова, о коей упомянуто въ Р. В. 1870, I, въ статьѣ Бюлера.

[1] Нотебургъ или, вѣрнѣе, Нётеборгъ (Nöteborg)—шведское названіе Орѣховца, переименованнаго Петромъ В. въ Шлюссельбургъ.

О родителяхъ и вообще о родныхъ баснописца намъ извѣстно теперь слѣдующее. Отецъ его, Johann Adam Chemnitzer, родомъ изъ Фрейберга, умеръ въ апрѣлѣ 1789 года въ Петербургѣ, проживъ 73 года 9 мѣсяцевъ и 17 дней (погребенъ 25-го апрѣля); слѣдовательно, онъ родился въ первой половинѣ іюля 1715 года. Жена его, Софья, родилась въ Кенигсбергѣ въ 1721 году, а умерла въ Петербургѣ 68-ти лѣтъ 23-го сентября 1789; за Іоанна Адама Хемнитцера вышла она въ 1742 году и имѣла отъ него трехъ сыновей и четырехъ дочерей, изъ которыхъ, ко времени смерти матери, въ живыхъ оставалась только одна, Марья Ивановна. Эта послѣдняя родилась въ 1749 году и была замужемъ за докторомъ Егоромъ Карловичемъ Валеріаномъ, д. ст. сов., членомъ медицинскаго совѣта, главнымъ врачемъ с.-петербургскаго адмиралтейскаго госпиталя и врачебнымъ инспекторомъ спб. порта; она умерла въ декабрѣ 1819 года, проживъ 70 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ (погребена 21 декабря) [1]).

Возвратимся къ извѣстіямъ объ И. И. Хемницерѣ. Въ военной службѣ пробылъ онъ двѣнадцать лѣтъ; о внѣшнемъ ходѣ ея даетъ намъ понятіе сохранившійся въ подлинникѣ аттестатъ, выданный ему 18 сентября 1769 года, когда онъ былъ поручикомъ Копорскаго пѣхотнаго полка. Въ этой бумагѣ, подписанной полковникомъ Кокошкинымъ, показано ему 27 лѣтъ, т. е. тремя годами болѣе чѣмъ сколько было ему на самомъ дѣлѣ: это объясняется раннимъ поступленіемъ его въ дѣйствительную военную службу, когда, вѣроятно, сочтено было нужнымъ скрыть его настоящій возрастъ. Изъ аттестата видно, что онъ зачисленъ въ армію 27-го іюня 1757 года, 12-ти лѣтъ отъ роду. Затѣмъ начинается быстрое его производство, благодаря доброму расположенію полковника: въ томъ же году, 24 августа, онъ повышенъ въ капралы; 14 сентября, въ подпрапорщики; 12 ноября, въ сержанты. Незадолго до воцаренія Екатерины II, именно 12 мая 1762 года, онъ назначенъ въ адъютанты къ генералъ-майору Остерману, а въ 1766-мъ 1-го января произведенъ въ поручики. Въ графѣ: „Гдѣ былъ въ походѣ и у дѣла противъ непріятеля на какое время" отмѣчено: „Въ 1759 году въ Помераніи, Бранденбургіи, Шлезіи и Саксоніи, а на баталіи не бывалъ". (Слѣдовательно, извѣстіе, что онъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ, оказывается невѣрнымъ). Далѣе означено, что онъ „нынѣ (т. е. 1769) находится при главнокомандующемъ арміею генералъ-аншефѣ князѣ Александрѣ Михайловичѣ Го-

---

[1]) За эти свѣдѣнія обязанъ я П. Н. Петрову, выписавшему ихъ изъ архива здѣшней лютеранской церкви св. Анны. Въ церковной книгѣ отецъ Хемницера названъ штабсъ-хирургомъ при сухопутномъ госпиталѣ. О немъ вовсе не упомянуто въ сочиненіи Рихтера *Исторія медицины въ Россіи*. Замѣтимъ, что и баснописецъ нашъ долго писалъ свою фамилію *Хемнитцеръ*. Отецъ его въ одной собственноручной замѣткѣ называетъ своего зятя Jegor Karlowitsch Wallerian.

лицынѣ для случающихся курьерскихъ посылокъ". Наконецъ, послѣдняя графа гласитъ: „Въ посылаемыхъ по командѣ спискахъ показывался въ должности званія своего прилеженъ и никакихъ пороковъ не имѣетъ, почему въ силѣ указа государственной военной коллегіи прошлаго 1756 года, къ повышенію чина достоинъ".

Къ сожалѣнію, за все время пребыванія его въ военной службѣ мы не имѣемъ никакихъ другихъ біографическихъ о немъ свѣдѣній; знаемъ только, что эта служба такъ же мало удовлетворяла его, какъ и занятія медицинскими науками, и что онъ послѣ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Аттестатъ 1769 г., откуда мы заимствовали приведенныя подробности, былъ выданъ ему вѣроятно по случаю оставленія военной службы. Вскорѣ мы видимъ его *гиттенфервальтеромъ* горнаго вѣдомства. Для полученія этой должности нужны были конечно два условія, именно: хотя нѣкоторая спеціальная подготовка, и потомъ, вниманіе начальника горной части. Можно догадываться, что по происхожденію отца его изъ саксонскаго города Фрейберга, любовь къ минералогіи была наслѣдственною въ родѣ Хемницера. Горнымъ вѣдомствомъ завѣдывалъ тогда Мих. Ѳед. Соймоновъ, сынъ столь извѣстнаго петровскаго адмирала и впослѣдствіи сибирскаго губернатора. Съ Соймоновымъ былъ въ родствѣ Н. А. Львовъ [1]), который повидимому и участвовалъ въ доставленіи новой службы своему другу. Въ свѣдѣніяхъ Сахарова есть указаніе, что Соймоновъ былъ благодѣтелемъ отца Хемницера.

Изъ арміи нашъ баснописецъ поступилъ прямо въ горное вѣдомство. О новой его дѣятельности я тщетно надѣялся найти какія-либо данныя въ архивахъ горнаго департамента и горнаго института. Ни въ томъ, ни въ другомъ за это время не оказалось никакихъ свѣдѣній. Таково, къ прискорбію изслѣдователей, состояніе большей части нашихъ архивовъ. Въ 1830 году издано было составленное Д. Соколовымъ „Историческое и статистическое описаніе горнаго кадетскаго корпуса"; но и здѣсь о Хемницерѣ упомянуто лишь мимоходомъ. Изъ этого описанія, какъ и изъ Полнаго собранія законовъ, мы узнаемъ только, что горное училище возникло вслѣдствіе просьбы башкирскихъ рудопромышленниковъ учредить при бергъ-коллегіи заведеніе для воспитанія горнозаводчиковъ, при чемъ просители предлагали небольшое пожертвованіе процентовъ съ добываемой ими руды [2]). Это было около 1771 года. Между тѣмъ управленіе бергъ-коллегіею поручено было оберъ-прокурору сената Соймонову (который вслѣдъ за тѣмъ назначенъ сенаторомъ), и по его-то плану въ 1773 г.

---

[1]) См. біографію Львова въ *Москвитянинѣ* 1855, № 6, стр. 181, гдѣ М. Ѳ. Соймоновъ названъ его ближнимъ родственникомъ.

[2]) П. С. З. XIX, 14.048, окт. 21-го 1773 г.

основано было горное училище. Онъ сдѣлался первымъ директоромъ новаго заведенія, помѣщавшагося въ зданіяхъ нынѣшняго горнаго института, купленныхъ у графа Петра Бор. Шереметева. Этотъ Соймоновъ, Мих. Ѳед., котораго не надо смѣшивать съ двоюроднымъ братомъ его, Петромъ Александровичемъ [1]), былъ впослѣдствіи главнымъ попечителемъ опекунскаго совѣта въ Москвѣ и умеръ тамъ въ 1804 году. Въ немъ Хемницеръ нашелъ не только добраго начальника, но и покровителя. Съ учрежденіемъ въ 1774 году *ученаго собранія* при училищѣ, въ числѣ членовъ этой коллегіи является и *маркшейдеръ Хемницеръ.* Черезъ два года (въ концѣ 1776 г.) Соймоновъ, для поправленія здоровья, предпринимаетъ путешествіе за границу и беретъ съ собою Хемницера. Они употребили около года на посѣщеніе Германіи, Голландіи и Франціи. Съ ними вмѣстѣ отправился въ чужіе края и Н. А. Львовъ, который жилъ въ домѣ Соймонова [2]). Въ упомянутой выше записной книжкѣ Хемницера сохранился между прочимъ дорожный дневникъ, веденный имъ за границею. Этотъ поденный журналъ, въ которомъ нашъ авторъ отмѣчалъ все, что онъ видѣлъ, будетъ напечатанъ нами особо; здѣсь же скажемъ только, что проѣхавъ довольно быстро Германію, черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ на Майнѣ и Кёльнъ, путешественники прибыли въ голландскій городъ Нимвегенъ. Побывавъ потомъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Роттердамѣ, Антверпенѣ и Брюсселѣ, они направились во Францію и пріѣхали въ Парижъ 19 февраля н. с. 1777 года. Тамъ они прожили около трехъ мѣсяцевъ, осматривали всѣ примѣчательности какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ, были угощаемы русскимъ посланникомъ княземъ Ив. Серг. Барятинскимъ и И. И. Шуваловымъ; Хемницеръ съ Львовымъ особенно усердно посѣщали концерты, и театры, восхищаясь произведеніями Корнеля, Расина, Вольтера и игрою Лекена, Ларива, мадамъ Вестрисъ и др. Въ серединѣ мая путешественники опять поѣхали въ Голландію, откуда черезъ Аахенъ 11-го іюня прибыли въ Спа. Здѣсь Соймоновъ остановился надолго для пользованія минеральными водами, и журналъ Хемницера на это время прерывается. Львовъ изъ Спа отправился одинъ въ Россію; Хемницеръ же съ Соймоновымъ пробыли тутъ до 10-го сентября. Остальной ихъ путь шелъ черезъ Дюссельдорфъ, Кёльнъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Эрфуртъ, Лейпцигъ, Берлинъ, Кёнигсбергъ и Мемель; 9-е октября ст. ст. 1777 было днемъ ихъ возвращенія въ Петербургъ. Дневникъ переѣздовъ по Гер-

---

[1]) Позднѣе (1784—1792) П. А. Соймоновъ былъ также директоромъ горнаго училища, а въ 1794 г. въ эту должность вступилъ вторично Михаилъ Ѳедоровичъ и оставался въ ней, кажется, до 1800 (*Историч. опис.* Соколова, стр. 20—23).

[2]) П. Н. Петровъ нашелъ въ сенатскихъ указахъ свѣдѣніе, что Хемницеръ въ этотъ отпускъ былъ уволенъ съ Соймоновымъ 26 октября 1776 г. (Сен. Арх., кн. 139, высоч. пов. л. 377).

маніи былъ веденъ Хемницеромъ коротко на нѣмецкомъ языкѣ; замѣтки же о Франціи и Голландіи, иногда очень подробныя, писаны по-русски и любопытны между прочимъ какъ образчикъ тогдашней письменной рѣчи. Къ сожалѣнію, онѣ мало говорятъ о личныхъ впечатлѣніяхъ пишущаго, о его встрѣчахъ, сношеніяхъ и т. п.

Имя Львова такъ тѣсно связано съ біографіею Хемницера, что мы должны остановиться на этомъ лицѣ. Хотя Львовъ и не пріобрѣлъ большой извѣстности какъ писатель, однакожъ онъ игралъ значительную роль въ тогдашней литературѣ, не только по своему положенію въ свѣтѣ, которое давало ему возможность поддерживать своихъ друзей-писателей, но и по вліянію на эстетическую сторону ихъ трудовъ. Львовъ началъ свою службу очень скромно въ Измайловскомъ полку; но, благодаря своимъ дарованіямъ и связямъ, онъ по возвращеніи изъ-за границы занялъ мало-по-малу видное мѣсто въ иностранной коллегіи, или точнѣе, въ почтовомъ управленіи, которое тогда входило въ составъ ея. Этимъ онъ былъ обязанъ своему сближенію съ Бакунинымъ, а потомъ и съ Безбородкой. Петръ Васильевичъ Бакунинъ пріобрѣлъ большой вѣсъ еще въ то время, когда дипломатическими дѣлами завѣдывалъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, а вице-канцлеромъ былъ графъ Остерманъ, человѣкъ весьма честный, но безъ особеннаго вліянія. Бакунинъ пользовался расположеніемъ Панина, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Потемкину и къ кабинетнымъ секретарямъ императрицы, снискалъ милость и довѣріе самой Екатерины II. Онъ былъ даровитъ, предпріимчивъ и трудолюбивъ; иностранныя посольства наперерывъ старались привлечь его на свою сторону, но это посчастливилось особенно англичанину Гаррису (Мальмсбёри) [1]. Значеніе Бакунина еще усилилось при Безбородкѣ, у котораго онъ былъ правою рукою. Львовъ жилъ сперва у Бакунина, а потомъ, переселясь къ Безбородкѣ, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ подлинныя письма къ нему знаменитаго министра, писанныя въ самомъ дружескомъ тонѣ. Пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ изъ нихъ, — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ, Львовъ, въ этотъ вѣкъ изысканной роскоши и прихоти, былъ человѣкомъ особенно сподручнымъ для вельможи, неистощимаго въ заботахъ о возможно-великолѣпной и изящной обстановкѣ своего дома. По своимъ познаніямъ и опытности онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ловкимъ исполнителемъ служебныхъ порученій своего начальника. Составляя планы общественныхъ зданій, онъ обратилъ на себя вни-

---

[1]) E. Herrmann. Geschichte des Russs. Staates. Ergänz. Band, стр. 612 (Донесеніе саксонскаго посланника Сакена). Бакунинъ умеръ въ маѣ 1786 (*Соч. Держ.* т. V, стр. 494).

маніе Екатерины II. Въ то же время Львовъ писалъ стихи, издавалъ лѣтописи и пѣсни, и принадлежалъ къ кругу лучшихъ литераторовъ того времени; сблизившись съ Капнистомъ, какъ кажется, еще въ Измайловской школѣ, гдѣ оба они учились, онъ черезъ него, вѣроятно, сошелся и съ Державинымъ, а черезъ Державина съ сослуживцами его по сенату, Храповицкимъ и Александромъ Семеновичемъ Хвостовымъ, который извѣстенъ своимъ сатирическимъ талантомъ. Въ этомъ даровитомъ кругу Львовъ былъ опять общимъ совѣтникомъ; друзья-писатели показывали ему свои новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго Шапелля, какъ его иногда называли. Онъ выражалъ весьма своеобразные для того времени литературные взгляды, указывалъ на недостатки у Ломоносова [1]), выше всего ставилъ простоту и естественность, понималъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій для поэзіи. Такое расположеніе должно было установить особенную симпатію между нимъ и Хемницеромъ. Можно кажется навѣрное полагать, что знакомство ихъ началось вскорѣ послѣ 1770 года, когда было напечатано первое извѣстное стихотвореніе Хемницера, весьма плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи [2]). Въ 1774 году онъ напечаталъ стихотворный переводъ героиды Дора́ „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы“ [3]) и уже посвятилъ этотъ трудъ Львову, котораго тутъ же называетъ „любезнымъ другомъ“.

По возвращеніи изъ путешествія по Европѣ Хемницеръ какъ будто переродился, полюбилъ общество и съ новымъ жаромъ предался литературнымъ занятіямъ. Державинъ свидѣтельствуетъ, что ему, отчасти, онъ былъ обязанъ за разумные совѣты, съ помощію которыхъ могъ около 1779 года вступить на путь самостоятельнаго творчества. Все показываетъ, какъ неутомимо Хемницеръ работалъ надъ самимъ собою. Ученое собраніе при горномъ училищѣ, считавшее его въ числѣ своихъ членовъ, начало свою дѣятельность еще въ 1774 году. Къ сожалѣнію, оно не просуществовало и пяти лѣтъ, но участіе Хемницера въ трудахъ его не оставалось безслѣднымъ. Въ 1778 напечаталъ онъ свой переводъ, или, по словамъ Львова, передѣлку минералогическаго сочи-

---

[1]) Въ своей *Богатырской пѣсни Добрыня* онъ говоритъ объ „увѣчьяхъ“, которыя Ломоносовъ наносилъ языку; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ Львовъ называетъ его „богатыремъ русской словесности“, „сыномъ усилія, который трудности пересиливалъ дарованіемъ сверхъестественнымъ“ (*Другъ Просвѣщенія* 1804 г., ч. III, стр. 201)

[2]) По Словарю Новикова, еще въ 1769 году была напечатана другая ода Хемницера, но она неизвѣстна; то же должно сказать и о приписываемой ему Новиковымъ неизданной трагедіи въ трехъ дѣйствіяхъ *Бланка*.

[3]) Библіографическая рѣдкость, которой не оказалось ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ. Н. С. Тихонравовъ обязательно доставилъ мнѣ принадлежащій ему экземпляръ ея.

ненія нашего академика Лемана, подъ заглавіемъ „Кобальтословіе или описаніе красильнаго кобальта“; а вслѣдъ за тѣмъ появились два переводные труда, по той же наукѣ, другихъ лицъ, предварительно просмотрѣнные и исправленные Хемницеромъ, который въ это время носилъ уже званіе *оберъ-бергмейстера*. Въ одной изъ названныхъ книгъ упомянуто о принадлежавшей ему коллекціи минераловъ. — Стараясь такимъ образомъ распространять въ Россіи горныя свѣдѣнія, ученое собраніе предприняло съ этою же цѣлью и составленіе горнаго словаря, котораго, по показанію Соколова, уже написано было семь книгъ. Къ этому-то труду, безъ сомнѣнія, относится найденная въ бумагахъ Хемницера черновая замѣтка его, въ которой онъ говоритъ о необходимости перелагать иностранные научные термины на русскій языкъ, хотя бы новыя наименованія сначала и принимались неохотно.

„Если бы, говоритъ онъ, сіе несчастное предразсужденіе оставалось всегда господствующимъ, то никакой языкъ не былъ бы вычищенъ и не дошелъ бы до совершенства... Россійскій языкъ, надо всѣми прочими языками возвышающійся основаніемъ своимъ, всѣ къ сооруженію превосходнѣйшаго зданія части содержитъ и требуетъ только, чтобы таковыя собрать, и тогда сооруженіе совершится такое, которое конечно красотою своею состязаться можетъ съ другими. Учрежденное при горномъ училищѣ собраніе, трудящееся о переложеніи иностранныхъ горныхъ названій на россійскій языкъ, будетъ если не производить новыя слова, то по крайней мѣрѣ пріискивать дѣйствительно пребывающія [1]), но кои по несчастію, все еще будучи разсѣяны, странствуютъ въ неизвѣстности, собирать ихъ и ставить на мѣсто иностранныхъ“.

Но Хемницеръ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ литературнымъ связямъ, ни наконецъ по роду своихъ способностей, не могъ ограничиться одною ученою дѣятельностью. Вскорѣ послѣ его минералогическаго труда появилось въ Петербургѣ первое собраніе его басенъ, небольшая книжка подъ заглавіемъ „Басни и сказки NN“, безъ означенія года изданія. Сахаровъ, а съ его словъ и Бантышъ-Каменскій, разсказываютъ, что до напечатанія этихъ басенъ Львовъ первый узналъ о нихъ и вмѣстѣ съ Капнистомъ долго уговаривалъ автора не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Хемницеръ возражалъ, что слишкомъ явные въ нихъ намеки на современность могутъ повредить его службѣ, и что надобно прежде многое передѣлать. Наконецъ однакожъ онъ согласился и издалъ свои басни (какъ самъ онъ показываетъ, въ 1779 году [2]), только

---

[1]) Т. е. вновь образуемыя въ разныхъ мѣстахъ вслѣдствіе потребности.

[2]) А не въ 1778, какъ до сихъ поръ показывали всѣ біографы Хемницера и какъ означалось во всѣхъ библіографическихъ пособіяхъ.

не выставляя своего имени и взявъ съ друзей обѣщаніе не выдавать его.

Между тѣмъ въ управленіи горнаго училища, готовились перемѣны. По учрежденію о губерніяхъ бергъ-коллегія упразднялась, а училище поступало въ вѣдѣніе казенной палаты. Вѣроятно, предстоявшія преобразованія и побудили Соймонова еще въ 1781 г. отказаться, подъ предлогомъ болѣзни, отъ своей должности, а вслѣдъ за нимъ вышелъ въ отставку и Хемницеръ. Но не имѣя никакого состоянія, онъ вынужденъ былъ въ скоромъ времени искать новой службы. Есть довольно распространенное преданіе (въ первый разъ напечатанное Сахаровымъ и повторенное Бантышъ-Каменскимъ), будто княгиня Дашкова доставила ему мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ; для насъ теперь несомнѣнно, что онъ обязанъ былъ этимъ назначеніемъ другу своему Львову, которому очень легко было заинтересовать въ пользу его графа Безбородко. Въ началѣ іюня 1782 года Хемницеръ выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ года полтора въ Смирнѣ, а въ мартѣ 1784-го умеръ въ далекомъ азіатскомъ городѣ, жертвою унынія и тѣлесныхъ недуговъ. Объ этой послѣдней и самой печальной эпохѣ жизни бѣднаго писателя мы получаемъ теперь самыя обстоятельныя свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: во-первыхъ, изъ записной его книжки, а во-вторыхъ, изъ сохранившагося собранія писемъ его къ Львову, писанныхъ частью съ дороги, частью изъ самой Смирны. Въ нихъ веселость непринужденной пріятельской бесѣды часто смѣняется тяжелою грустью при обращеніи мыслей къ новому, уединенному положенію на чужбинѣ. Хотя эти письма и помѣщаются цѣликомъ въ настоящемъ изданіи, считаю нелишнимъ, для характеристики автора, теперь же познакомить читателя съ нѣкоторыми сторонами ихъ содержанія.

Чтобы вполнѣ понять ихъ необходимо напередъ точнѣе обозначить отношенія между обоими переписывавшимися. Почти въ каждомъ письмѣ Хемницеръ съ особеннымъ участіемъ говоритъ о какомъ-то неназываемомъ имъ другѣ Львова. Онъ посылаетъ этому лицу поклоны, ждетъ отъ него отвѣтовъ, получаетъ подарки. Въ позднѣйшихъ письмахъ становится яснымъ, что этотъ другъ — женщина. Кто же именно? Это была та самая Марья Алексѣевна Дьякова, которой Хемницеръ посвятилъ свои басни и которая, прочитавъ ихъ, отвѣчала стихами же

По языку и мыслямъ я узнала,
Кто басни новыя и сказки сочинялъ:
Ихъ Истина располагала,
Природа разсказала,
Хемницеръ написалъ [1]).

---

[1]) Напечатано, съ пропускомъ имени Хемницера, подъ заглавіемъ *Епиграмма*, безъ подписи, въ *Спб. Вѣстникѣ* за ноябрь 1779 г., стр. 360.

На Вас. островѣ, въ 3-й линіи, жилъ въ своемъ домѣ сенатскій оберъ-прокуроръ Алексѣй Ѳеан. Дьяковъ. У него были три дочери-красавицы, которыя впослѣдствіи вышли замужъ за трехъ друзей-литераторовъ, Львова, Капниста и Державина. Старшая изъ нихъ, сдѣлавшаяся женою Капниста, получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ; другія двѣ воспитывались дома. Дьяковъ былъ вхожъ во многіе знатные дома, и дочери его блистали на самыхъ аристократическихъ петербургскихъ вечерахъ, напримѣръ, у Льва Ал. Нарышкина. Доступность этого круга Дьякову объясняется тѣмъ, что онъ находился въ свойствѣ съ Бакуниными: онъ былъ женатъ на княжнѣ Мышецкой, родная сестра которой была замужемъ за Мих. Вас. Бакунинымъ, братомъ уже извѣстнаго намъ дипломата. Львовъ, пользовавшійся расположеніемъ послѣдняго, познакомился съ Дьяковыми, влюбился въ одну изъ сестеръ, Марью Алексѣевну, и около 1780 года обвѣнчался съ нею тайно, противъ воли своихъ и ея родителей [1]). Тотчасъ послѣ свадьбы молодая возвратилась въ отцовскій домъ, и бракъ ихъ долго оставался непризнаннымъ. Въ это время, если вѣрить одному преданію, и Хемницеръ, не зная тайны своего друга, сдѣлалъ будто бы предложеніе Марьѣ Алексѣевнѣ [2]). Несмотря на то, его отношенія къ обоимъ супругамъ остались самыя дружескія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Львову онъ говоритъ: „Письмо отъ твоего друга, которое ко мнѣ писано было, я еще не получилъ. Попроси его пожалуйста, чтобъ онъ меня не забывалъ: онъ тебя послушается. Вспомни ему обѣщаніе его, которое онъ мнѣ далъ, ходя по Васильевскому мосту, который на Петербугскую сторону, когда онъ говорилъ что письмами своими (*воз*)награждать будетъ тѣ, которыя я за твоими недосугами получать отъ тебя иногда не буду, чего бы однакожъ я также не желалъ. Говоря съ вами объ васъ, мнѣ веселѣе стало“ и т. д. Въ другой разъ Хемницеръ, въ особой припискѣ, благодаритъ Марью Ал. за присланную ему на шляпу петлицу, которую онъ собирается обновить на свадьбѣ шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ. Наконецъ, незадолго передъ смертью онъ радуется, узнавъ, что другъ Николая Александровича уже можетъ безъ страха подписываться *Львовою*.

Первое письмо писано изъ Херсона, на пути въ Константинополь. Отправясь изъ Петербурга въ ночь съ 6-го на 7-е іюня, Хемницеръ прожилъ въ Москвѣ нѣсколько дней у М. Ѳ. Соймонова; 18-го числа поѣхалъ онъ черезъ Серпуховъ на Тулу, Курскъ и Сорочинцы, потомъ заѣзжалъ въ деревню Капниста Обуховку (Миргородскаго уѣзда), куда

---

[1]) Она род. 1753 г., ум. 1807; Львовъ род. 1751, ум. 1803.

[2]) Въ экземпл. автора приписано его рукой: „Это я слышалъ отъ Ел. Ник. Львовой. Тогда Львовъ уже былъ женатъ“. *Ред.*

его давно приглашали, и провелъ тамъ нѣсколько дней съ братомъ поэта Петромъ Вас., а отъѣзжая, получилъ для прислуги двороваго мальчика, — помощь, которую онъ принялъ съ большою благодарностью. Самъ поэтъ находился въ то время въ Петербургѣ, гдѣ искалъ себѣ мѣста, и вскорѣ, благодаря Львову, былъ опредѣленъ контролеромъ при почтамтѣ. Херсонъ былъ основанъ Потемкинымъ только за три года передъ тѣмъ, и нашъ путешественникъ не можетъ надивиться быстрому возрастанію и украшенію города. Здѣсь онъ принужденъ былъ пробыть болѣе двухъ недѣль въ ожиданіи яхты, назначенной для доставленія его въ Константинополь, той самой, которая незадолго до того отвозила туда и новаго русскаго посланника, Булгакова. Съ грустью и тягостными предчувствіями сѣлъ на нее литераторъ-консулъ: „Представляю себѣ, пишетъ онъ, что скоро не увижу я берега моего отечества, — и всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ жизнь пріятною дѣлали, долженъ буду воображать какъ будто не на одномъ уже мірѣ со мною". Въ Константинополѣ онъ нашелъ письмо отъ Львова, несказанно его обрадовавшее. Тяжелъ былъ переѣздъ изъ Херсона: „Мнѣ дало знать Черное море! Еще и теперь ноги на силу поддерживаютъ. Съ 21 іюля по 5 августа все качало, и послѣдніе соки изъ хрипучаго дерева выкачало". Къ Булгакову новый его подчиненный явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Державина, который такъ отзывался о Хемницерѣ: „Хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ несомнѣнно пріобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: Се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣтъ" [1]). Посланникъ принялъ Хемницера дружелюбно, перевелъ его съ яхты къ себѣ на житье и сказалъ, что „все, чего онъ ни пожелаетъ, къ его услугамъ". Въ Константинополѣ былъ тогда постъ *рамазанъ*, и надо было дождаться его окончанія, т. е. прожить весь августъ, чтобы получить отъ Порты указъ о новоназначенномъ въ Смирну консулѣ.

Константинополь своимъ мѣстоположеніемъ и южною природою сильно поразилъ воображеніе впечатлительнаго Хемницера. „Каналъ цареградскій! восклицаетъ онъ: что это за видъ! Домъ Якова Ивановича, или лучше сказать садъ, что за садъ! Считаютъ его первымъ мѣстомъ здѣсь, гдѣ каждое мѣсто первымъ почесться можетъ" (п. III). Большая часть слѣдующаго письма наполнена описаніемъ турецкой столицы. Нашъ путешественникъ поѣхалъ осматривать ее вечеромъ, чтобы увидѣть хваленое освѣщеніе по случаю рамазана. Онъ отправился изъ Буюкъ-дере водой съ двумя спутни-

---

[1]) *Сочиненія Державина*, Т. V, стр. 838 — Изреченіе, употребленное Державинымъ, заимствовано изъ словъ Спасителя къ Наѳанаилу. „Се воистину Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть" (Іоан. I, 47).

ками, знавшими турецкій языкъ. Азіятская иллюминація показалась однакожъ очень бѣдною петербургскому жителю временъ Екатерины. Въ 10-мъ часу вечера они высадились на берегъ и зашли въ кофейню, гдѣ очутились посреди многочисленной толпы турокъ, потому что весь день отъ восхода до заката солнца магометане, въ рамазанъ, не пьютъ и не ѣдятъ. Тутъ Хемницеръ вспоминаетъ парижскій café du Palais royal, такъ какъ онъ и вообще часто обращается къ воспоминаніямъ своего заграничнаго путешествія. На другой день онъ осматривалъ между прочимъ Софійскую церковь, откуда турецкіе сторожа, несмотря на взятыя деньги, старались поскорѣе выпроводить любопытныхъ гяуровъ. Описывая достопримѣчательности города и его страшную нечистоту, валяющуюся по узкимъ улицамъ падаль и сотни живыхъ кошекъ, которыя собираются на заборахъ, гдѣ ихъ кормятъ потрохами, Хемницеръ замѣчаетъ, что ходя по Константинополю цѣлый день, онъ былъ болѣе всего пораженъ, когда „двое турокъ, разсуждая о чемъ-то, отъ искренняго сердца разсмѣялись; и вотъ, прибавляетъ онъ, первый смѣхъ или первая наружная веселость души, которую я, видѣвъ не одну тысячу людей, по лицу и по подобію такъ называемыхъ, встрѣтить случай имѣлъ". Во время пребыванія его въ Константинополѣ пожаръ истребилъ большую часть города. Народъ приписалъ его русскимъ, которые этимъ способомъ будто бы хотѣли отвлечь вниманіе Турціи отъ Крыма. Замѣтимъ, что въ то самое время усиліями Потемкина и Булгакова подготовлялось присоединеніе Таврическаго полуострова къ Россіи. Порученіе Хемницеру важнаго поста на востокѣ въ такую критическую минуту служитъ явнымъ доказательствомъ довѣрія, какимъ онъ пользовался.

Въ Константинополѣ, какъ уже и въ Херсонѣ, его сильно тревожили двѣ заботы: съ одной стороны, онъ по разсказамъ о Смирнѣ убѣдился, что ему тамъ придется играть роль высшаго дипломатическаго чиновника, къ которой онъ ни по своимъ привычкамъ, ни по характеру не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія; съ другой стороны, вопросъ о размѣрѣ будущаго его содержанія еще не былъ рѣшенъ, и онъ не зналъ, отъ кого будетъ получать свое жалованье. „Всѣ говорятъ, замѣчаетъ онъ, что мѣсто прекрасное, только всѣ говорятъ также, что моего званія люди живутъ совершенно на ногѣ цареградскихъ министровъ, если не пышнѣе. Признаюсь тебѣ, что это мнѣ мало покою даетъ... Знаешь ли ты, что я уже самъ примѣчаю, что я на себя не похожу... Нѣтъ, ужъ не написалъ бы ты теперь такого письма, въ которомъ бы ты меня небеснымъ Иваномъ назвалъ.— Предчувствую, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, что по разнымъ обстоятельствамъ разсуждая, житье мое тамъ не продолжится, самъ знаешь для чего". О своемъ матеріальномъ положеніи въ Смирнѣ надѣялся онъ узнать отъ Булгакова; но посолъ отозвался, что жало-

ванья дать ему не можетъ и что оно будетъ итти чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго [1]). „Неужели, спрашиваетъ Хемницеръ, его сіятельство не соблаговолитъ мнѣ его доставлять безъ всякаго моего претерпѣнія?... я право думалъ, что корпусъ дипломатическій отъ своего алтаря питается“ (п. II, III, и IV).

Наконецъ, 20 сентября 1782 года Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну. По тогдашнему значенію Россіи, возвеличенной недавними побѣдами и миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, прибытіе русскаго консула было здѣсь событіемъ. Когда онъ въ первый разъ съѣхалъ съ яхты на берегъ, вся набережная была покрыта народомъ, собравшимся смотрѣть его. „Согрѣшилъ я тутъ, пишетъ онъ, что вспомнилъ о собственныхъ стихахъ:

По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа.

„Мой пріѣздъ сюда всю тревогу здѣшняго народа о предстоящей, по мнѣнію ихъ, войнѣ въ ничто обратилъ, и сколько до меня слухи доходятъ, то и прочіе консулы будто бы подъ моею подпорою жить здѣсь нынѣ думаютъ надежнѣе. Какова Россія!“ (п. VI). Въ другой разъ такъ охарактеризовано политическое величіе Екатерининской монархіи: „Многіе, въ нашемъ отечествѣ живучи, не чувствуютъ своего блаженства столько, сколько чувствовать должны. Здѣсь-то прямо видѣть можно, что́ мы есть, видя зависть, кипящую безпрестанно въ толпѣ иноплеменныхъ“ (п. VII).

Проведя 8 дней на яхтѣ, Хемницеръ поселился въ домѣ, нанятомъ имъ за 750 піастровъ ежегодно, съ платою впередъ. По комиссіи изъ Константинополя, ему заказано было въ гостиницѣ нѣсколько комнатъ, но онъ, по званію своему, счелъ неприличнымъ жить „въ трактирѣ“. Теперь начались для него мелочныя хозяйственныя хлопоты: надобно было обзаводиться всѣмъ домашнимъ скарбомъ до послѣдней бездѣлицы и часто платить дороже обыкновеннаго, удовлетворяя жадности продавцовъ. Между тѣмъ ему не присылали суммы въ 600 руб., назначенной ему на наемъ дома, на янычаръ и канцелярію, а доставили только скудную часть содержанія. Жалуясь на это и прося Львова поправить дѣло, Хемницеръ ужасается сдѣланныхъ имъ уже и еще предстоящихъ расходовъ: „Ты же знаешь, что я не расточителенъ. Подарки, янычары и вся визитная исторія изъ моихъ родныхъ денежекъ шло. Что то впредь будетъ, а теперь радости право немного“.

Скоро мы видимъ его уже посреди должностныхъ занятій. „Кон-

---

[1]) Въ записной книжкѣ Хемницера находимъ слѣдующую отмѣтку: „Жалованья въ треть за вычетомъ на гошпиталь доводится мнѣ 659 р. 99 $^3/_4$ коп., а полнаго 666 р. 66$^3/_4$ коп.“ Что эта отмѣтка относится къ консульской должности его, можно заключить изъ другой за нею слѣдующей: „Ближайшая дорога въ Херсонъ изъ Курска на Суржу, Сумы, Миргородъ, Гадечь, Сорочинцы, Херсонъ“.

сульскія (дѣла), разсказываетъ онъ, по маленьку идутъ да идутъ; книги заведены, проѣзжающія и отъѣзжающія суда съ ихъ экипажами и манифестами вписываются безъ запущенія.... Ссоры да споры судимы и разрѣшаемы безъ волокитства и пр. и пр.". Въ то же время, его тревожитъ одно сомнѣніе, разрѣшить которое было бы важно для его благосостоянія: „Всѣ консулы, сколько ихъ ни есть, на жалованьи и не на жалованьи, берутъ консульскія деньги, по 3 со ста съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ... и вотъ доходъ, который ихъ жить здѣсь заставляетъ и позволяетъ. Мнѣ, въ инструкціи, о томъ ни отказано, ни приказано, и я право не знаю, что́ мнѣ дѣлать... Спроси объ этомъ пожалуй П. В. (Бакунина) или А. А. (Безбородко) и дай мнѣ коли можно съ первою почтою знать. Если для переду на что надѣяться можно, такъ это вотъ на что, а иначе будетъ vivre du jour à la journée и то съ превеликою нуждою".—Съ хлопотами по должности являются и непріятности и затрудненія, неизбѣжныя при разноплеменномъ и разнохарактерномъ населеніи края. „Издавна водворилось здѣсь своевольство всякой такой сволочи" (т. е. безпаспортныхъ матросовъ на судахъ), „чему больше всего виною здѣшнихъ судей правосудіе, состоящее въ удовлетвореніи смотря по деньгамъ, и потому почти всякой день Франки рѣжутъ Турокъ, а Турки Франковъ, а иногда и Франки между собой рѣжутся, и всѣ откупаются, кто можетъ и хочетъ" (п. VII). Или: „Турки мои теперь кажется присмирѣли. Впрочемъ однако здѣсь вообще не такъ смирно, какъ ты думаешь. Рѣжутъ и рѣжутся всякій день, и всякій почти день весь корпусъ драгомановъ предстоитъ здѣшнему кадію съ воплемъ на таковое его худое здѣшнимъ городомъ управленіе... передъ моимъ сюда пріѣздомъ Рагузейцы съ Славянами перерѣзались; мщеніе за мщеніе, и наконецъ сдѣлавшись война общею, славяне всѣ бросились было къ Рагузейскому консулу въ домъ, который по счастью успѣлъ спастись въ домѣ голландскаго консула, гдѣ высидѣлъ 2 недѣли карантину, пока все утихло, а то быть на ножахъ. Между моими такой генеральной баталіи кажется быть не уповательно, приказаніе дано строгое навсегда къ предупрежденію подобнаго" (п. IX). По поводу одного разбоя, въ которомъ участвовалъ русскій подданный, Хемницеръ принялъ законныя мѣры взысканія; но между тѣмъ русскаго безъ суда повѣсили, а прочіе трое, венеціанцы, по взятіи съ нихъ выкупа были освобождены. Нашъ консулъ немедленно донесъ о такомъ беззаконіи министерству. Онъ является энергическимъ заступникомъ русскихъ интересовъ, отвращаетъ всякія несправедливости въ отношеніи къ православнымъ, заботится о построеніи греческой и русской церкви, собираетъ свѣдѣнія о цѣнахъ товаровъ, служащихъ предметомъ ввоза и вывоза.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ (п. XI), что сначала турки пробовали поступать съ нимъ такъ же нагло, какъ съ другими кон

сулами, хотѣли „сдѣлать его оброчнымъ крестьяниномъ“, но это имъ не удалось. „Теперь, прибавляетъ онъ, мой кади другимъ тономъ говоритъ. Когда нашего матроса вѣшать сбирался, говорилъ драгоманамъ: приходите сюда съ карманами, набитыми венеціанскими цекинами, а теперь своимъ Туркамъ говоритъ: читайте указы отъ Порты присланные о Русскихъ и у васъ сердце выскочитъ... Нѣтъ, послѣ принужденія заставить ихъ подписать миръ на барабанѣ, не кстати было бы умаливать ихъ... Нѣтъ, нѣтъ, думалъ я, а этому не бывать: первая брань лучше послѣдней; эта брань однако изъ крупныхъ была. Теперь, что называется, и торгъ даже нашъ происходитъ почти безданно, безпошлинно. Вотъ каковъ характеръ здѣшнихъ людей: отъ одной крайности въ другую... Только и твердятъ, что *Московъ*, т. е. Русскихъ, трогать не надобно“. За повѣшеннаго русскаго матроса смирнскій губернаторъ былъ вызванъ въ Константинополь на слѣдствіе, и визирь обѣщалъ Булгакову сдѣлать Россіи удовлетвореніе. „Если, заключаетъ Хемницеръ, случится, что губернатору либо голову отрубятъ, или его задавятъ, то хоть верхомъ на здѣшнихъ Турокъ садись“. Разсказавъ еще другой случай, въ которомъ по жалобѣ русскаго консула на обиду, причиненную нашему матросу, по всѣмъ улицамъ были поставлены янычарскіе пикеты, Хемницеръ замѣчаетъ: „Такимъ образомъ имя Россійское защитою служитъ теперь и прочимъ“. Кади, желая задобрить строгаго консула, прислалъ ему въ подарокъ ковры и платки, вышитые женщинами, но получилъ ихъ обратно съ благодарностью какъ бы за доставленіе случая подивиться прекрасной работѣ.

Читая въ письмахъ Хемницера эти извѣстія о его дѣятельности въ Смирнѣ, мы не узнаемъ того простодушнаго и разсѣяннаго человѣка, какимъ его описываютъ намъ во время петербургской его жизни и заграничнаго путешествія. Такъ Львовъ разсказываетъ, что при представленіи Вольтерова „Танкреда“ въ Парижѣ, когда на сцену вышелъ знаменитый актеръ Лекенъ (Lekain), Хемницеръ, сидя въ партерѣ, до того забылся, что всталъ и низко поклонился, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе всего театра. „Высокій ростъ его, замѣчаетъ при этомъ Львовъ, мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ“. На счетъ его наружности прибавлю, что, по семейному преданію Львовыхъ, онъ былъ очень дуренъ собою. Въ доказательство тому служитъ сохранившееся у Вѣры Ник. Воейковой (дочери Львова) изящное бюро, на которомъ означенъ 1776 годъ, съ силуэтомъ Хемницера: передъ изображеніемъ пирамиды представлено три амура; одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ силуэтъ, подаетъ его другому; этотъ, увидѣвъ образину, падаетъ отъ испуга, а третій сбирается бѣжать.

Тонъ смирнскихъ писемъ показываетъ совершенную непринужденность въ отношеніяхъ обоихъ друзей; видно, что между ними смѣхъ,

шутки, остроты были дѣломъ обыкновеннымъ; въ письмахъ мѣстами встрѣчаются такія выходки, которыя, не бывъ предназначены для печати, могутъ конечно не удовлетворять нашему вкусу и чувству изящнаго, но драгоцѣнны какъ невольный отпечатокъ души изучаемаго человѣка. Иногда пріятели побуждаютъ другъ друга къ добру и благоразумію. Желаніе, чтобъ Львовъ всегда остался тѣмъ же, заставляетъ Хемницера однажды сказать: „Объ одномъ тебя прошу: Бога ради не теряй, если когда и въ высшемъ степени министра будешь, ту привѣтливость и развязность души, которую ты имѣешь. Тебѣ сказывать нечего, сколь полезно это для себя, и для людей пріятно. Куда какъ скверно быть букою!“ (п. IV). Хемницеръ благодаритъ Львова за доставленіе его басенъ въ парижскую королевскую библіотеку и за присылку медали на открытіе памятника Петру Великому. Вообще Львовъ является добрымъ геніемъ скромнаго баснописца, и въ письмахъ послѣдняго постоянно звучитъ струна чистосердечной и почтительной благодарности къ вліятельному, хотя и младшему другу. Его посредству Хемницеръ былъ обязанъ и вниманіемъ обоихъ высшихъ представителей министерства иностранныхъ дѣлъ; не разъ онъ радуется извѣстію, что донесенія и письма его приняты благосклонно Безбородкой и Бакунинымъ. Въ одной французской припискѣ онъ говоритъ: Que l'on m'aime, qu'on me salue, voilà une des plus grandes consolations pour moi, outre celle que vous me donnez, vous“ (п. VII). Львовъ однажды спрашивалъ его, зачѣмъ онъ въ письмахъ къ графу Воронцову и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ иногда не позволитъ себѣ одной изъ тѣхъ забавныхъ шутокъ, въ которыхъ онъ считался мастеромъ. „Другъ мой, отвѣчалъ Хемницеръ, ты знаешь, что я только Я съ друзьями быть могу; а гдѣ не друзья мои, тамъ ужъ отъ меня толку не жди: гдѣ каждое слово на вѣски класть надобно, тутъ, самъ ты знаешь, шутить неловко: да ничего и на умъ не припадетъ. Вотъ къ Петру Васильевичу да и къ Александру Андреевичу пишучи, можетъ быть и вздумаю пошутить или, лучше сказать, буду писать какъ думаю, т. е. просто. П. В. тебя и меня знаетъ коротко, а Ал. Анд. тебя одного знаетъ коротко, а что тебя коротко знаетъ, мнѣ и легче“ (п. X). Въ другомъ письмѣ (XV) онъ такъ обрисовываетъ ту же сторону характера своего: „Несчастіе мое (если это несчастіемъ назвать можно), что я податься на знакомства никакъ не могу, если поводовъ къ заключенію дружбы не предвижу. А здѣсь (т. е. въ Смирнѣ) головы, сердца и души что говорить!“ — Послѣ этихъ сердечныхъ признаній будемъ ли по нынѣшнему судить Хемницера за то, что онъ, слѣдуя нравамъ своего времени, посылалъ гостинцы не только Львову, но и тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло его положеніе, и всячески старался имъ угождать. Такъ онъ, проѣзжая черезъ Тверь, отыскалъ домъ сестры и зятя

новаго своего начальника, Булгакова, былъ у нихъ, привезъ ему отъ нихъ письма; въ Москвѣ былъ у отца его, отъ котораго также привезъ письма и посылки. Во всѣхъ такихъ угожденіяхъ онъ былъ вѣроятно лишь исполнителемъ совѣтовъ Львова, которому писалъ въ другой разъ: „Къ графу Александру Романовичу послалъ бы что нибудь, да не знаю что, кромѣ развѣ вина какого, другаго путнаго ничего нѣтъ“ (п. X). „Къ Петру Вас. и Ал. Ан. послалъ я каждому по боченку смирнскаго мушкату: только и нашелъ путнаго“ (п. VI).

Въ отношеніи къ различнымъ народностямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ Смирнѣ, онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Туркамъ передъ Греками и Армянами: „Турокъ, по крайней мѣрѣ, что́ сказалъ, то и сдѣлалъ, разумѣется Турокъ не франкизованный. Греки же сегодня придутъ тебѣ сказать то, а завтра другое: только безпрестанныя попытки, не удастся ли обмануть: когда увидятъ что нѣтъ, ничего и не дѣлаютъ. Словомъ тебѣ сказать, что каждое ихъ дыханіе обманъ и весь воздухъ зараженъ обманомъ“ (п. VI—VIII). Съ такимъ же презрѣніемъ отзывается онъ о французахъ, которые въ Средиземномъ морѣ старались сманивать русскихъ матросовъ на свои суда. Неблагопріятное мнѣніе о французахъ не мѣшало однакожъ Хемницеру любить ихъ языкъ, который онъ, кажется, усвоилъ себѣ самоучкою, такъ же какъ и итальянскій: на томъ и другомъ въ письмахъ его попадаются цѣлыя тирады, написанныя довольно правильно, и въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ свою радость, что путешествіе доставляетъ ему случай усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что литературная производительность его въ новой, хлопотливой должности почти совсѣмъ прекратилась. На просьбу Львова прислать новыхъ басенъ онъ восклицаетъ: „Кто въ Туречинѣ басни пишетъ?“ однакожъ сознается, что „есть малая толика ихъ, но ни одной еще не удалось отдѣлать, да и духу не было“. Замѣтимъ, что 2-е изданіе басенъ Хемницера было отпечатано незадолго передъ отъѣздомъ его изъ Петербурга.

Между тѣмъ житье въ Смирнѣ становилось ему все болѣе и болѣе невыносимо. Одиночество страшно тяготило его и онъ часто вспоминалъ, что́ писалъ ему Капнистъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Смирну: „Да подумалъ ли ты хорошенько, что́ ты сдѣлалъ! Да ты таки безъ друзей тамъ съ ума сойдешь!“ Нельзя безъ грустнаго чувства читать жалобъ Хемницера на свое положеніе: „Надобно вообразить, говоритъ онъ еще въ ноябрѣ 1783 г., (каково) скрыть въ себѣ самомъ все что думаешь. Одинъ дома, одинъ внѣ дома, одинъ вездѣ“ (п. VII). Въ началѣ слѣдующаго года онъ пишепъ опять: „Представь... когда изъ христіанской, т. е. нравственной земли, оставя друзей, родныхъ, отечество, вдругъ увидитъ себя человѣкъ посреди неизвѣстной ему земли, обитаемой — говорятъ — людьми, которыхъ не находитъ,

одинъ безъ друга, безъ родного. Долженъ вступить въ новую и никогда ему извѣстной не бывшую перспективу должности и дѣлъ. Скажешь не разъ: гдѣ я? что я? скажите мнѣ, кто нибудь! Никто не отвѣчаетъ. А если какой нибудь голосъ гдѣ и отдастся, такъ этотъ голосъ такой, отъ котораго больше съ дороги сбиться, нежели настоящій путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнувъ ни разу, кажется, и ты не потребуешь, даромъ что ты на бумагѣ превеликій моралистъ стоикъ" (п. X).

Послѣднее письмо писано Хемницеромъ 29 февраля, ровно за три недѣли передъ смертью его. Разсказывая о вынесенной имъ тяжкой болѣзни, онъ сознается, что жизнь смирнская ему „не въ сутерпъ" и что кромѣ отечества и самаго Петербурга для него нѣтъ спасенія. „Представь себѣ, прибавляетъ онъ, только это одно положеніе для человѣка, который чувствуетъ и можетъ быть больше нежели бы хотѣлъ, что бы его безпрестаннымъ сего рода огнемъ не сожигало; проглотить все то чего бы, въ разсужденіи нынѣшнихъ для России радостныхъ дней, русской же душѣ сообщено было и каждой бы разъ новое въ твоей душѣ восхищеніе произвело и ее бы радовало. — Вмѣсто того зри и виждь: вотъ зміи шипящіе, а ты молчи: глотай, все глотай" (п. XV).

Наконецъ онъ мечтаетъ объ отставкѣ, о пенсіи: „Вотъ тебѣ, другъ мой, что на душѣ у меня. Теперь потяну еще, пока сможется. Хлѣбъ мой насущной, я знаю, будетъ очень маленькими ломтями рѣзанъ, да была бы только душа сытѣе. Ну, полно. Прости". Таковы были послѣднія слова, посланныя имъ другу изъ добровольнаго, далекаго изгнанія. Онъ умеръ 19 марта 1784 года, не сдѣлавъ многаго, что̀ конечно могъ бы сдѣлать при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Незадолго передъ смертію, именно 24 февраля, онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, останки Хемницера были перевезены въ Россію и преданы землѣ въ Николаевѣ; но достовѣрность этого извѣстія сомнительна, такъ какъ Николаевъ началъ возникать только въ 1788 году, послѣ взятія Очакова, а городомъ сдѣлался еще двумя годами позже. Впрочемъ, по свѣдѣнію, доставленному намъ М. Ѳ. Шугуровымъ изъ Николаева, мѣстные старожилы слышали, что Хемницеръ былъ погребенъ тамъ на общемъ кладбищѣ [1]). Въ первомъ посмертномъ изданіи его басенъ изображенъ надгробный его памятникъ и подъ рисункомъ читается

---

[1]) Къ этому авторъ позже приложилъ справку изъ замѣтки бар. Ѳ. Бюлера (см. Моск. Вѣд. 1884, № 47) о томъ, что Х. скончался на дачѣ близъ Смирны, куда тѣло его было перевезено и погребено на тамошнемъ городскомъ кладбищѣ 20 числа, и что вопросъ о перевезеніи тѣла въ Россію и погребеніи въ Николаевѣ рѣшается отрицательно. *Ред.*

эпитафія, написанная Хемницеромъ самому себѣ, которая, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, была вырѣзана на гробницѣ:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Въ ранней кончинѣ Хемницера мы видимъ печальный примѣръ суетности человѣческихъ расчетовъ. Онъ оставлялъ Россію съ мыслію обезпечить себѣ честнымъ образомъ безбѣдное состояніе. Онъ мечталъ, какъ будетъ употреблять нажитыя деньги на пользу общества, и шутя говорилъ: „если кто-нибудь захочетъ подрядить Хвостова [1]) писать пасквили на хорошихъ писателей, напр. на Фонвизина, я заплачу ему вдвое, чтобъ онъ этого не дѣлалъ“.

Замѣтка такого содержанія написана имъ сперва по-французски, а потомъ переложена въ русскіе стихи. Довольно многочисленные автографы его представляютъ любопытное дополненіе къ его баснямъ. Мы можемъ прослѣдить здѣсь процессъ ихъ сочиненія. У Хемницера водились записныя тетрадки, куда онъ постепенно вносилъ зарождавшіеся у него планы басенъ, излагая ихъ сначала прозою въ самой краткой формѣ. Многіе изъ такихъ плановъ впослѣдствіи имъ выполнены, другіе остались только въ первоначальномъ видѣ. Далѣе, онъ записывалъ являвшіяся ему отдѣльныя мысли, то въ прозѣ, то въ стихахъ, отмѣчая при нихъ, что онѣ могутъ пригодиться для такой-то басни или сатиры. Такъ напр. къ извѣстной баснѣ его *Метафизикъ* сначала было придумано такое заключеніе, отдѣльно занесенное: „Не знаю, вовсе ли его отецъ тамъ оставилъ, да думаю что нѣтъ, А только еслибы такихъ вралей всѣхъ засадить въ ямы, то много бы ямъ надобно было“. Иногда попадаются одинъ или нѣсколько стиховъ, предназначенныхъ для какой-нибудь басни. Для варіантовъ къ баснямъ эти рукописи могутъ дать обильные матеріалы. Есть тутъ и нѣсколько ненапечатанныхъ еще басенъ, можетъ-быть писанныхъ въ Смирнѣ; онѣ любопытны, но имъ недостаетъ окончательной отдѣлки. Иногда записывались мысли практическаго значенія, напр. слѣдующее „правило главное въ сочиненіи:

„Нужнѣй всего, чтобы прежде нежели писать о чемъ-нибудь начнешь, расположеніе твое сдѣлано было хорошее. Расположеніе въ сочиненіи подобно первому начертанію живописной картины: естьли первое начертаніе лица дурно, то сколько бы живописецъ послѣ чертъ хорошихъ ни положилъ, лицо все будетъ не то, которому быть должно: стихи или частныя мысли сами собою сколь прекрасны ни будь, при худомъ расположеніи все будутъ дурны“.

---

[1]) Александра Семеновича, написавшаго извѣстное *Посланіе творцу посланія* (Фонвизину, какъ автору „посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“). См. князя Вяземскаго *Фонъ-Визинъ*, Приложенія, стр. 330.

Въ числѣ сохранившихся тетрадей Хемницера одна, писанная его же рукой, носитъ заглавіе: „Выписка изъ писемъ Эйлеровыхъ о разныхъ физическихъ и философическихъ матеріяхъ". Это перечень содержанія 1-й части извѣстной книги Эйлера, изданной въ русскомъ переводѣ Румовскаго отъ 1768 до 1774 года: свидѣтельство любознательности нашего писателя и того вниманія, съ какимъ онъ пополнялъ свое образованіе чтеніемъ.

Кромѣ указанныхъ уже стиховъ, противъ Ал. Хвостова направлено нѣсколько рукописныхъ эпиграммъ Хемницера, обвиняющихъ его въ двоедушіи и въ томъ, что онъ сталъ бранить стихи Львова, когда не имѣлъ въ немъ болѣе надобности. Предметомъ насмѣшекъ служитъ также плохой писатель, Рубанъ, прославившійся своими стихами на памятникъ Петру Великому. Есть и другія эпиграммы, въ которыхъ мишенью служатъ особенно корыстолюбіе и взяточничество.

Изъ остальныхъ ненапечатанныхъ опытовъ Хемницера въ стихахъ нельзя умолчать о двухъ довольно обширныхъ сатирахъ, написанныхъ на худыхъ *судей* и на *подъячихъ*. Очевидно, что къ этому роду сочиненій увлекъ Хемницера примѣръ не только предшественника его, Сумарокова, но и современника, Капниста, котораго сатира, напечатанная въ *Спб. Вѣстникѣ* 1780 года, имѣла большой успѣхъ, хотя и накликала ему вражду осмѣянныхъ имъ литературныхъ посредственностей. Сатиры Хемницера, къ сожалѣнію, вовсе не отдѣланы; это не болѣе, какъ черновыя редакціи, любопытныя между прочимъ тѣмъ, что знакомятъ насъ съ пріемами его при сочиненіи стиховъ. Тѣ стихи, которыми онъ не былъ доволенъ, писались по нѣскольку разъ сряду, разумѣется каждый разъ съ измѣненіями, и такимъ образомъ авторъ предоставлялъ себѣ при дальнѣйшей отдѣлкѣ выборъ того или другого варіанта.

Вопросъ, почему онъ посвятилъ себя преимущественно баснѣ, разрѣшается очень просто, съ одной стороны характеромъ его ума, наблюдательнаго, обогащеннаго опытами жизни, склоннаго къ положительнымъ выводамъ; а съ другой тѣмъ, что именно въ то время басня раздѣляла съ одой господство въ мірѣ поэзіи; благодаря блестящему успѣху Лафонтена и своей обманчивой легкости, басня пустила корни во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и рѣдкій стихотворецъ не былъ хотя отчасти баснописцемъ. Впрочемъ и Хемницеръ сперва заплатилъ дань общему лирическому увлеченію эпохи, и въ то время, когда его ровесникъ Державинъ еще только настраивалъ свою громозвучную лиру, въ 1770 году, Хемницеръ напечаталъ оду на побѣду надъ турками при Журжѣ, слабое подражаніе Ломоносову, любопытное между прочимъ и по недостаткамъ языка, надъ трудностями котораго авторъ впослѣдствіи такъ мастерски восторжествовалъ. Это тѣмъ болѣе удивительно въ Хемницерѣ, что въ семействѣ своемъ онъ съ дѣтства

могъ слышать только нѣмецкій языкъ и до позднѣйшаго времени не переставалъ писать и на немъ стихи; они сохранились въ его тетрадяхъ, но не представляютъ ничего замѣчательнаго. Между тѣмъ одно изъ главныхъ достоинствъ его русскихъ басенъ составляетъ именно языкъ, поразительный по своей чистотѣ и народному складу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи военная служба Хемницера, сблизившая его съ народомъ, а потомъ общество литераторовъ — друзей его, Капниста, Державина и особенно Львова, имѣли рѣшительное на него вліяніе. Очарованный образцами художественной басни у Лафонтена и Геллерта, онъ первый въ русской литературѣ понялъ, какое существенное значеніе въ этомъ родѣ поэзіи принадлежитъ простотѣ и естественности разсказа. Надобно вспомнить, что онъ съ своими баснями въ первый разъ (1779 г.) выступилъ за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина и когда еще не было ни Душеньки Богдановича, ни Недоросля Фонвизина. Правда, что уже и прежде языкъ просторѣчія считался принадлежностью басни, но на практикѣ никто не умѣлъ употреблять его надлежащимъ образомъ. Первая книга басенъ Хемницера явилась года черезъ два послѣ смерти Сумарокова, котораго притчи могутъ служить образцомъ безвкусія. Лучше были басни Майкова, опередившія Хемницеровы годами 12-ю, но по достоинству языка послѣднія оставили и ихъ далеко за собою. То же можно сказать о басняхъ Леонтьева и Хераскова, изданныхъ въ 1760-хъ годахъ [1].

Было бы слишкомъ много требовать, чтобы Хемницеръ, побѣдивъ трудности языка, въ то же время достигъ и окончательнаго совершенства въ отдѣлкѣ стиха. По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ риѳмѣ онъ облегчилъ себѣ трудъ стихосложенія тѣмъ, что большую часть стиховъ заканчивалъ глаголами. Зато у него нигдѣ не видно ни малѣйшей натяжки: теченіе рѣчи совершенно естественно; стихъ ложится подъ перомъ его непринужденно, не подвергаясь искусственной передѣлкѣ. Однообразіе наглагольныхъ риѳмъ, вотъ главный упрекъ, какого заслуживаетъ Хемницеръ со стороны механизма стиховъ. Только изрѣдка появляются у него устарѣлыя формы языка, поэтическія вольности, ошибочныя ударенія и неправильности въ составѣ стиха. Но онъ уже понимаетъ важность народности, и не только выражается народнымъ языкомъ, но любитъ употреблять поговорки и пословицы. Часто встрѣчаются у него, напримѣръ, выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

Они и пуще привяжися (*Посвященіе*):
Они никакъ не отставать (*тамъ же*).

---

[1]) *Нравоучительныя басни* Хераскова изданы въ 1764 году, а *Басни* Николая Леонтьева, посвященныя императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1766. Леонтьевъ напоминаетъ Хемницера обиліемъ наглагольныхъ риѳмъ, но этимъ и ограничивается сходство между обоими баснописцами.

Старикъ еще ихъ унимать (*Старикъ и ребята своевольные*).
Такую кашу заварили (*Два сосѣда*).

или стихи, составленные изъ пословицъ:

Лиха бѣда начало (*Строитель*).
Худой миръ лучше доброй ссоры (*Два сосѣда*).
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать (*Дворовая собака*).
И отъ добра добра не ищутъ (*тамъ же*).

Было время, когда нѣкоторые счастливые стихи изъ басенъ Хемницера сами повторялись въ видѣ пословицъ.

Надобно согласиться, что въ отношеніи народности онъ не могъ остаться безъ вліянія на Крылова, который уже нашелъ у него готовый типъ настоящей русской басни и отдѣльныя черты того, чему самъ умѣлъ впослѣдствіи дать такое полное развитіе. Отсюда понятно, почему лѣтъ 30 тому назадъ басни Хемницера попали въ число книгъ, развозимыхъ по ярмаркамъ, и сдѣлались предметомъ спекуляціи для досужихъ издателей.

Что касается до содержанія басенъ Хемницера, то прежде всего надобно раздѣлить ихъ на переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни его 5 басенъ переведено имъ изъ Лафонтена, 18 изъ Геллерта[1]) и по одной изъ Вольтера, Дора́ и Ножана, всего 26 или, положимъ, даже около 30 басенъ переводныхъ. Остальныя 60, слѣдовательно $^2/_3$ всего количества, оригинальныя. Переводы его вообще довольно близки къ подлинникамъ: правда, онъ не всегда дорожитъ подробностями, жертвуетъ ими для чистоты языка и легкости стиха; но въ общемъ ходѣ разсказа онъ строго держится подлинника.

Въ оригинальныхъ басняхъ Хемницера есть конечно много соотношеній съ современностью; но если уже и въ басняхъ Крылова часто потерянъ ключъ для разъясненія связи ихъ съ дѣйствительностью, то тѣмъ менѣе возможно разгадать тайный смыслъ Хемницеровыхъ. Мѣстами однакожъ можно подмѣтить и въ нихъ намеки на современныя обстоятельства и лица: мы укажемъ при самыхъ басняхъ на нѣкоторые намеки этого рода.

Въ концѣ басенъ Хемницера, начиная съ самаго 1-го ихъ изданія, печатались двѣ подъ общимъ заглавіемъ *Чужія басни*. Всѣ повѣрили, что онѣ написаны не имъ, и одинъ изъ позднѣйшихъ издателей Хемницера, Сахаровъ, даже исключилъ ихъ поэтому изъ собранія басенъ его [2]). Мы напротивъ убѣждены, что онѣ названы *чужими* только потому, что ихъ примѣненіе было слишкомъ ясно для современниковъ и что авторъ хотѣлъ отклонить отъ себя всякую въ томъ отвѣтствен-

[1]) При цифрахъ 5 и 18 въ ручномъ экземплярѣ автора на поляхъ стоитъ знакъ вопроса. *Ред.*

[2]) Сахаровъ же несправедливо утверждаетъ, будто „Чужія басни" въ первый разъ напечатаны въ изданіи 1799 года.

ность. Въ первоначальномъ изданіи онѣ названы „чужими“ только въ оглавленіи, а не въ текстѣ, да и по своему складу и языку онѣ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ басенъ собранія. Смыслъ одной изъ этихъ *чужихъ* басенъ не подлежитъ сомнѣнію: подъ мартышкою, обойденною при производствѣ, и оберъ-шутомъ, упомянутымъ въ послѣднемъ стихѣ, надобно разумѣть Л. А. Нарышкина. Не такъ ясенъ намекъ, скрывающійся въ другой баснѣ, *Львиный указъ*, заимствованной изъ Лафонтена и разсказывающей про зайца, который, при ссылкѣ всѣхъ рогатыхъ изъ львинаго царства, счелъ нужнымъ также удалиться, опасаясь, чтобы его ушей не приняли за рога. Въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ басенъ замѣтна полемическая подкладка: такова особенно басня *Черви*, направленная противъ плохихъ писателей, раздраженныхъ сатирою Капниста и вооружившихся противъ него за это нападеніе. Къ подтвержденію нашей мысли служитъ то, что эта басня первоначально была напечатана въ *Спб. Вѣстникѣ* 1780 года (сент.), гдѣ, нѣсколько ранѣе, появилась и сатира Капниста. Мы нашли въ бумагахъ Хемницера эту сатиру, его рукой переписанную. Неудивительно, что и самыя выраженныя въ ней мысли иногда отражаются въ басняхъ Хемницера. Капнистъ говоритъ, напримѣръ:

.... „тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ“.

или:

„Но сколько тягостно быть честнымъ, каждый знаетъ“.

Эта мысль послужила Хемницеру темой для оригинальной басни *Гадатель*; она же развита въ переводѣ изъ Геллерта *Умирающій отецъ*.

Но большая часть мыслей, положенныхъ въ основу басенъ Хемницера, несомнѣнно выработаны имъ самостоятельно среди тяжкихъ опытовъ жизни, доставившихъ ему глубокое пониманіе людей и свѣта. Подъ самой простой, невидной оболочкой мы иногда встрѣчаемъ у него важныя истины, относящіяся не только къ судьбѣ частнаго человѣка, но и къ общественному или государственному быту; таковы басни: *Волчье разсужденье*, *Привязанная собака*, *Лѣстница*, *Лѣнивые и ретивые кони*. Сюда же относятся и нѣкоторыя изъ неизвѣстныхъ доселѣ басенъ его, между прочимъ притча *Добрый царь*, недавно нами въ первый разъ напечатанная [1]).

Вопреки мнѣнію, до сихъ поръ повторявшемуся во всѣхъ его біографіяхъ, современники оцѣнили талантъ Хемницера. Изъ рукописныхъ замѣтокъ его мы узнаемъ, что уже и первое изданіе его басенъ, напечатанное безъ имени автора, нашло въ публикѣ хорошій пріемъ. Это подтверждается и тѣмъ, что черезъ три года понадобилось второе ихъ изданіе; оно было умножено цѣлою книгою новыхъ басенъ, кото-

---

[1]) *Русская Старина* 1872 г., книжка 2-я.

рыя онъ едва ли бы написалъ, еслибъ не встрѣтилъ ободренія въ обществѣ. Послѣ смерти Хемницера, въ бумагахъ его нашлось еще собраніе неизданныхъ басенъ; вмѣстѣ съ прежними онѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, были роскошно напечатаны въ 1799 г. по распоряженію друзей его. Изданіе это украшено виньетами работы Оленина и съ силуэтомъ автора, сдѣланнымъ вѣроятно первою женою Державина [1]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ. Но въ 50-хъ годахъ они прекращаются, и нынѣ мы тщетно стали бы искать ихъ въ книжной торговлѣ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности рѣшилось восполнить этотъ недостатокъ новымъ изданіемъ ихъ съ извлеченіями изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи рукописей. Хемницеръ достоинъ жить въ памяти потомства уже и однѣми своими баснями; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ пріобрѣтаетъ на это еще болѣе права теперь, когда образъ его, какъ человѣка и писателя, яснѣе и полнѣе прежняго возстановляется передъ нами изъ подлинныхъ его бумагъ и переписки.

Онъ является въ нихъ лицомъ замѣчательнымъ и по необыкновеннымъ обстоятельствамъ своей жизни, и по высокой человѣчности, и по горячей любви къ Россіи. Все это въ немъ тѣмъ поразительнѣе, что при полученномъ имъ въ молодости недостаточномъ воспитаніи онъ позднѣйшимъ развитіемъ своимъ былъ обязанъ, какъ и многіе знаменитые дѣятели той эпохи, самому себѣ. Съ оттѣнкомъ спеціальнаго образованія въ такіе годы, когда другіе лишь начинаютъ серьезно учиться, Хемницеръ поступаетъ въ армію рядовымъ и скоро отправляется въ походъ за границу; послѣ того, 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ вдругъ становится ученымъ дѣятелемъ горнаго вѣдомства и издателемъ минералогическихъ трудовъ. Затѣмъ, напечатавъ собраніе басенъ, онъ печально умираетъ въ другой части свѣта, но оставляетъ по себѣ имя въ исторіи русской литературы. Ясно сознавая глубокія язвы современнаго общества, онъ иногда удачно затрогиваетъ ихъ въ простодушныхъ повидимому разсказахъ; но ни это горькое сознаніе, ни иностранное происхожденіе не мѣшаетъ ему быть преданнымъ и благодарнымъ сыномъ своего отечества. Можно по всей справедливости назвать Хемницера однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ писа-

[1]) Екатерина Яковлевна, рожденная Бастидонъ, извѣстна была, въ кругу друзей своихъ, искусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Кажется, рѣчь идетъ именно о посмертномъ силуэтѣ Хемницера въ письмѣ Львова къ Державинымъ отъ 20 окт. 1786: „Утѣшь тебя такъ сила небесная и земная; премилая наша губернаторша, какъ ты меня силуэтами. Марья Алексѣевна и Иванъ Ивановичъ больше меня обрадовали, нежели Петръ Вас. (*т. е. Бакунинъ, въ то время также ужъ умершій*), которой совсѣмъ не похожъ“. (*Соч. Держ.* Т. V, стр. 607 и 608).

телей Екатерининскаго вѣка, или, если угодно, выражаясь по нынѣшнему, — однимъ изъ „передовыхъ людей“ этой эпохи [1]).

[1]) Свое изданіе „Сочиненій и писемъ Хемницера“, къ которому эта статья служитъ вводной, Я. К. Гротъ снабдилъ слѣдующимъ предисловіемъ:

„Басни Хемницера, нѣкогда перепечатывавшіяся по нѣскольку разъ въ годъ, давно уже исчезли изъ книжной торговли. Неожиданная находка рукописей знаменитаго баснописца, вызванныхъ на свѣтъ академическимъ изданіемъ Державина, подала поводъ предпринять и изданіе сочиненій Хемницера.

Въ рукописяхъ, доставленныхъ намъ И. С. Капнистомъ и Г. П. Надхинымъ, баснописецъ является новымъ человѣкомъ, чрезвычайно живымъ, чуткимъ и просвѣщеннымъ; мы видимъ Хемницера посреди его вседневной жизни, въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу, непринужденно высказывающимъ все, что у него на душѣ; мы узнаемъ его помышленія, планы и надежды. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ рукописей обнаружилось, что его басни, при посмертномъ ихъ изданіи, были произвольно передѣланы его друзьями. Поэтому одною изъ главныхъ заботъ нашихъ было возстановить подлинный ихъ текстъ, и въ басняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Хемницера, дать потомству самого Хемницера, а не друзей его и первыхъ издателей. Въ его рукописяхъ мы могли прослѣдить весь ходъ постепеннаго развитія почти каждой пьесы, и такимъ образомъ пріобрѣли довольно полный матеріалъ для исторіи большей части замѣчательныхъ, хотя и не многочисленныхъ, трудовъ его; а извѣстно, что въ отношеніи къ нашимъ стариннымъ писателямъ такое историческое изученіе ихъ произведеній возможно только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Кромѣ того мы нашли въ автографахъ Хемницера нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ сочиненій его, которыя хотя по художественному достоинству ничего не прибавляютъ къ его славѣ, но имѣютъ значеніе для характеристики времени и для ближайшаго знакомства съ личностью самого автора. Эти труды нынѣ въ первый разъ являются въ нашемъ изданіи, куда вошли также когда-то напечатанные, но потомъ забытые опыты Хемницера, любопытные, при всей слабости ихъ, для историка литературы.

Принося здѣсь глубокую признательность нашу лицамъ, сообщившимъ намъ рукописные источники для этого изданія, мы въ то же время считаемъ пріятнымъ долгомъ заявить, что первымъ указаніемъ на записную книжку Хемницера мы обязаны М. П. Погодину, къ отысканію же ея и полученію оказали намъ любезное содѣйствіе В. А. Бильбасовъ и М. И. Семевскій.

Наконецъ, не можемъ умолчать и о радушной помощи, какую мы, при собираніи разныхъ свѣдѣній и библіографическихъ матеріаловъ, встрѣтили со стороны Н. С. Тихонравова, М. Н. Лонгинова, П. Н. Петрова и Г. Н. Геннади.

Наше изданіе знаменательно совпадаетъ съ *столѣтнимъ юбилеемъ Горнаго Института*. И. И. Хемницеръ, какъ и отецъ его, отличался свѣдѣніями въ минералогіи, и въ первое время существованія Горнаго училища былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ учрежденнаго при немъ ученаго собранія, трудился надъ переводомъ минералогическихъ сочиненій и надъ составленіемъ горнаго словаря. Главный участникъ въ основаніи Горнаго училища, Соймоновъ, высоко цѣнилъ даровитаго сослуживца и любилъ его, какъ самаго близкаго человѣка. Считаемъ за особенную честь привѣтствовать настоящимъ изданіемъ отъ имени Академіи Наукъ вступленіе дорогого Хемницеру учрежденія во второе столѣтіе своей достославной дѣятельности, и приводимъ, въ заключеніе, слова этого писателя изъ посвятительнаго письма его къ Сомойнову: „Лестно для патріота видѣть счастливые успѣхи, коими награждены труды ваши стремящіеся къ доведенію въ совершенство горнаго въ Россіи производства, такой части, которая составляетъ вещественнѣйшее каждаго государства богатство и первыя онаго силы въ войнѣ и мирѣ“.

12 октября. 1873.

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ КАРАМЗИНА *).

1866.

„Не вѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ націй перемѣняется со временами; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть — вѣчность".

(Письма Русскаго путешественника, Лейпцигъ, 15 іюля 1789: изъ біографіи Геллерта).

Увлекаемые неотразимой силой современныхъ интересовъ и быстро смѣняющихся впечатлѣній, мы невольно забываемъ прошлое и рѣдко къ нему возвращаемся. Но бываютъ минуты, когда тотъ или другой изъ прежнихъ дѣятелей нашихъ мощно привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе, и мы открываемъ въ жизни его много отраднаго и поучительнаго. Поблѣднѣвшіе отъ времени образы встаютъ передъ нами во всей яркости своихъ первоначальныхъ красокъ; подъ волшебнымъ жезломъ исторіи воскресаютъ мертвые со всею житейскою ихъ обстановкой; изъ мрака забвенія возникаютъ дѣла и событія, и мы съ удивленіемъ видимъ, что многое, еще и теперь желательное, уже совершалось въ минувшемъ или, по-крайней мѣрѣ, было также предметомъ желаній нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Таково, между прочимъ, значеніе нынѣшняго торжества.

Въ исторіи русскаго образованія Карамзинъ есть лицо не только необыкновенное, но въ своемъ родѣ единственное. Онъ былъ первымъ у насъ писателемъ, который всю свою жизнь нераздѣльно посвятилъ литературѣ и ею одной создалъ себѣ независимое и блестящее положеніе. Онъ представляетъ разительный примѣръ великаго значенія характера въ дѣятельности писателя. Въ страстномъ Ломоносовѣ намъ понятно необоримое упорство стремленій; но въ кроткомъ Карамзинѣ насъ особенно поражаетъ энергія воли, съ какою онъ неуклонно и неутомимо идетъ къ одной, разъ избранной имъ цѣли. Такая сила характера объясняется только силой внутренняго призванія и таланта. На ихъ сознаніи основывалось то твердое убѣжденіе въ необходимости сохранить свою независимость, которое заставляло Карамзина отвергать неоднократныя предложенія почетныхъ мѣстъ по ученой или государственной службѣ [1]. Но къ идеѣ характера принадлежитъ также твердость правилъ и достоинство въ образѣ дѣйствій: все, лично

*) Составленный академикомъ Я. К. Гротомъ къ торжественному собранію Академіи Наукъ 1-го декабря 1866 года.—Примѣчанія къ этой статьѣ помѣщены въ концѣ ея.—Напеч. въ „Сборникѣ Отд. р. яз. и сл.", 1867, т. I.

знавшіе исторіографа, согласны въ томъ, что какъ ни высоко стоялъ Карамзинъ-писатель, еще выше былъ Карамзинъ-человѣкъ [2]. Русская критика послѣдняго десятилѣтія представила намъ одно очень неотрадное явленіе. Разбирая нашихъ прежнихъ писателей, она съ стоическою строгостію выискивала и выставляла ихъ человѣческія слабости, не обращая вниманія на духъ и нравы времени, которые могли служить имъ нѣкоторымъ извиненіемъ. Но та же критика не хотѣла останавливаться на ихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ: она такъ же сурово относилась къ Карамзину [3], какъ напримѣръ къ Державину, хотя въ жизни перваго трудно отыскать тѣни, подобныя тѣмъ, въ которыхъ упрекаютъ послѣдняго. Тѣмъ многозначительнѣе и глубже было дѣйствіе, какое Карамзинъ производилъ на современниковъ: онъ не только усиливалъ въ нихъ любовь къ чтенію, не только распространялъ литературное и историческое образованіе; но также возбуждалъ въ массѣ читателей религіозное и нравственное чувство, утверждалъ въ нихъ благородный и честный образъ мыслей, воспламенялъ патріотизмъ. Поколѣніе, къ которому принадлежалъ Карамзинъ, такъ далеко отъ нашего, что многіе могутъ видѣть въ немъ явленіе, для насъ чуждое. Но если станемъ ближе всматриваться въ него, то найдемъ, что онъ, по своему образованію, по духу своей дѣятельности, даже по многимъ изъ своихъ взглядовъ и стремленій, принадлежалъ болѣе нашей эпохѣ, нежели своей. Самый первый шагъ его въ литературѣ, — усовершенствованіе письменной рѣчи, единогласно одобренное и принятое всѣмъ послѣдующимъ поколѣніемъ, былъ шагомъ человѣка, идущаго впереди своихъ современниковъ. Такъ шелъ онъ и послѣ: чѣмъ глубже будемъ изучать Карамзина, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться въ томъ.

Жизнь Карамзина, продолжавшаяся 60 лѣтъ, знаменательно совпадаетъ съ пространствомъ времени отъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II до кончины императора Александра Павловича, котораго онъ пережилъ только немногими мѣсяцами. Это шестидесятилѣтіе раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна вся принадлежитъ вѣку Екатерины, а другая, самою значительною частію, вѣку Александра. Въ первой Карамзинъ былъ поэтомъ и литераторомъ, въ послѣдней почти исключительно историкомъ. Въ кратковременное правленіе императора Павла, когда, по выраженію Карамзина, музы закрыли свои лица чернымъ покрываломъ [4], онъ готовился къ переходу отъ изящной литературы къ строгой наукѣ. Обѣ эпохи вмѣстѣ составляютъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ періодовъ въ европейской литературѣ, начавшійся во второй половинѣ прошлаго вѣка послѣ того, какъ слава многихъ мыслителей и поэтовъ придала литературѣ высокое значеніе въ глазахъ общества и правительствъ. Вездѣ государи не только стали оказывать ей особенное покровительство,

но и сами охотно вступали въ ряды писателей: Фридрихъ Великій, Екатерина II и Густавъ III старались заслужить лавры безсмертія не одними государственными дѣлами, но и перомъ. Въ Германіи, въ Англіи, во Франціи явилось множество талантовъ съ европейскою славою.

Въ такую-то пору развивался на берегахъ Волги юноша, которому суждено было стать въ уровень со многими изъ этихъ знаменитостей и начать новый литературный періодъ въ своемъ отечествѣ. Онъ былъ рожденъ съ пылкою душой, съ тонкимъ, созерцательнымъ умомъ, съ сердцемъ мягкимъ и наклоннымъ ко всему доброму и прекрасному. Характеръ времени, къ которому относилось его воспитаніе, вполнѣ согласовался съ природою для образованія его писателемъ. Къ тому присоединились благопріятныя обстоятельства собственной его жизни. Такимъ образомъ счастливая звѣзда Карамзина направила къ одной цѣли всѣ три главные элемента, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе человѣка. Любопытно было бы прослѣдить, какъ совокупное ихъ дѣйствіе могло въ Россіи XVIII вѣка образовать личность, такъ страстно преданную умственнымъ и нравственнымъ интересамъ. Карамзинъ сдѣлался высшимъ проявленіемъ гуманнаго настроенія вѣка Екатерины II, какъ бы плодомъ ея человѣколюбиваго правленія, ея непрерывныхъ заботъ о просвѣщеніи своего народа. Его молодость согрѣвалась благотворными впечатлѣніями, которыя отвсюду проникали въ жизнь: учрежденія Екатерины, ея Наказъ, дѣятельность Новикова и многія явленія тогдашней литературы бросили въ нѣжную душу молодого человѣка сѣмена, которыя должны были взойти въ ней обильною жатвой [5].

Какъ ни скудны положительныя свѣдѣнія о дѣтствѣ и воспитаніи Карамзина, мы однакожъ знаемъ довольно, чтобы опредѣлить основныя черты и главные моменты его духовнаго развитія. Мы знаемъ, что однимъ изъ самыхъ раннихъ источниковъ его образованія было чтеніе нравоучительныхъ романовъ и что онъ впослѣдствіи приписывалъ имъ значительное вліяніе на развитіе въ немъ нравственнаго чувства, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ вредное ихъ дѣйствіе, говоря, что ихъ можно назвать теплицею для юной души, которая отъ такого чтенія зрѣетъ преждевременно [6]. Этимъ объяснялъ онъ въ себѣ излишество юношеской мечтательности. Въ дѣтствѣ онъ мечталъ особенно о воинской славѣ; 9-ти лѣтъ отъ роду, читая Римскую Исторію, онъ воображалъ себя маленькимъ Сципіономъ и высоко поднималъ голову [7]. Готовя себя такимъ образомъ, не только по тогдашнему обычаю, но и по охотѣ, для военной службы, Карамзинъ не могъ получить ученаго образованія въ пансіонѣ Шадена. Этотъ замѣчательный педагогъ, который самъ писалъ о воспитаніи дворянъ [8], конечно сообразовался, въ урокахъ Карамзину, съ будущимъ его назначеніемъ и не училъ его, напримѣръ, древнимъ языкамъ. Впрочемъ,

съ французскимъ и нѣмецкимъ Карамзимъ у Шадена также ознакомился недостаточно, и только впослѣдствіи, особенно во время своего путешествія, усовершенствовался въ этихъ двухъ языкахъ [9]. Учебникъ реторики, составленный Шаденомъ, содержитъ въ себѣ одну мысль, замѣчательную по отношенію къ Карамзину: это та мысль, что всякая реторика безплодна безъ *чтенія лучшихъ писателей* и частыхъ *упражненій въ сочиненіи*, что наставникъ долженъ удѣлять болѣе времени на чтеніе и объясненіе писателей, на упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели на теоретическія правила [10]. Такому убѣжденію въ воспитателѣ Карамзина нельзя не придавать особенной важности: мы можемъ отсюда вывести заключеніе, что Карамзинъ еще въ пансіонѣ Шадена пріобрѣлъ навыкъ въ письменномъ изложеніи мыслей и охоту къ литературнымъ занятіямъ. Отсюда же намъ становится понятна необыкновенная начитанность его, основаніе которой было положено имъ еще въ дѣтствѣ. Мы видимъ вообще, что онъ въ молодости болѣе читалъ, нежели учился, и образованіемъ своимъ былъ обязанъ преимущественно самому себѣ, своей любознательной и дѣятельной природѣ. Страсть, ранѣе всѣхъ другихъ пробудившаяся въ душѣ его и не покидавшая его во всю жизнь, была любовь къ литературѣ. Корнемъ и основаніемъ этой любви онъ самъ считалъ чувствительность, которою отличался въ высокой степени. Въ чувствительной душѣ, по его убѣжденію, любовь къ изящному всегда сопровождается съ одной стороны стремленіемъ къ славѣ, съ другой благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ [11]. „Одни чувствительные", говорилъ онъ, „приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нуженъ всегда *небольшой примѣсь безразсудности*, un peu de folie; они-то блистаютъ талантами воображенія и творческаго ума: поэзія и краснорѣчіе есть дарованіе ихъ" [12]. Употребимъ вмѣсто *чувствительности* другое, болѣе обширное въ своемъ значеніи слово: *воспріимчивость* или *впечатлительность*, и мы признаемъ мысль Карамзина вполнѣ справедливою. Но обстоятельства его воспитанія, которое началось чтеніемъ романовъ и долго оставалось въ женскихъ рукахъ [13], а при томъ и господствовавшее въ тогдашней литературѣ настроеніе дали его чувствительности нѣсколько болѣзненный характеръ. Сентиментальность была однимъ изъ повѣтрій умственной жизни XVIII столѣтія; ей заплатили дань многіе замѣчательные таланты западной Европы, между которыми назовемъ только любимыхъ Карамзинымъ писателей: Ричардсона, Юнга, Стерна, и Геснера: „Новая Элоиза" Руссо и „Вертеръ" Гёте также не чужды этого оттѣнка. Удивительно ли, что нѣжноорганизованная душа Карамзина поддалась почти общему недугу вѣка и что его не уберегъ отъ этого вліянія даже Шекспиръ, котораго онъ такъ вѣрно оцѣнилъ уже въ молодости, вопреки авторитету Вольтера

и всей ложноклассической французской школѣ. Такимъ-то образомъ то же настроеніе проходитъ и черезъ всѣ сочиненія Карамзина, начиная отъ „Писемъ русскаго путешественника" до „Исторіи Государства Россійскаго". Но впадая въ эту крайность, онъ былъ совершенно искрененъ, онъ удовлетворялъ властительной потребности всего существа своего, тогда какъ многіе другіе изъ современныхъ ему писателей и особенно его послѣдователи были сентиментальны изъ подражанія. Противъ „притворной слезливости" возставалъ самъ онъ, совѣтуя молодымъ авторамъ „не говорить безпрестанно о слезахъ" и прибавляя, что „сей способъ трогать очень ненадеженъ [14]. Глубина истиннаго чувства, проникавшаго душу Карамзина, доходила до меланхоліи, которая во всю жизнь его часто выражалась въ немъ неодолимою грустью [15]. Требуя, чтобы писатель былъ проникнутъ *страстью къ добру* и *желаніемъ всеобщаго блага*, онъ только выражалъ то, что сознавалъ въ самомъ себѣ, и не могъ вообразить, чтобы дурной человѣкъ могъ быть хорошимъ авторомъ [16]. Наше поколѣніе строго судило Карамзина за ненормальное преобладаніе въ немъ чувства [17]; но мы не должны забывать, что если такова была болѣзнь его вѣка, то и на оборотъ, бываютъ эпохи, страдающія противоположнымъ недугомъ, эпохи, когда и въ литературѣ сердечная теплота, энтузіазмъ къ прекрасному и благоволеніе къ людямъ уступаютъ мѣсто нѣкоторой жесткости и равнодушію.

Наблюденіе, что потребность въ дружбѣ всегда сопровождаетъ любовь къ литературѣ, Карамзинъ извлекъ также изъ собственной своей жизни. Онъ нашелъ въ молодости двухъ друзей: Дмитріева и Петрова, изъ которыхъ перваго сохранилъ навсегда, а второго лишился рано.

Не смотря на свою кратковременность, дружба съ Петровымъ составляетъ, по собственному сознанію Карамзина, *важнѣйшій періодъ* въ его жизни [18]. Нельзя говорить о юности нашего исторіографа, не коснувшись лучшаго друга его. Дошедшія до насъ письма Петрова къ Карамзину представляютъ литературный памятникъ, съ которымъ немногіе могутъ сравниться въ занимательности [19]. Къ сожалѣнію, письма Карамзина къ Петрову не сохранились [20], но за потерю ихъ нѣсколько вознаграждаютъ горячія строки, которыми онъ оплакалъ своего Агатона. Письма Петрова, исполненныя юношескаго юмора, рисуютъ намъ живого, талантливаго человѣка съ умомъ строгимъ и критическимъ, съ основательными познаніями, который имѣлъ сильное вліяніе на взгляды, вкусъ и занятія Карамзина.

Въ характерѣ, въ существѣ обоихъ было много несходнаго, даже противоположнаго, на что указываетъ самъ Карамзинъ, говоря: „Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался, огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность;

я былъ *мечтатель*, онъ былъ дѣятельный философъ. Часто въ меланхолическихъ припадкахъ свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ *чувствителенъ* какъ младенецъ, онъ былъ твердъ какъ мужъ; но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество". Послушаемъ, какъ Петровъ, въ свою очередь, говорилъ съ Карамзинымъ, какъ смотрѣлъ онъ на своего друга. Получивъ отъ него изъ Симбирска письмо, въ которомъ Карамзинъ отдавалъ ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ, Петровъ отвѣчалъ: „Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, и дальніе края озарившему! Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній!), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи или Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ моей учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ; я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою передъ тобою, хотя ты по-латыни и не учился". Эти строки тѣмъ любопытнѣе, что онѣ показываютъ намъ, какъ Карамзинъ, оставивъ военную службу, проводилъ время въ Симбирскѣ. Вопреки установившемуся мнѣнію, онъ тамъ не оставался празднымъ, не велъ слишкомъ разсѣянную жизнь, и заслуга Тургенева, который взялъ его съ собою въ Москву, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ доставилъ ему болѣе обширный кругъ дѣятельности.

Съ землякомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ онъ сблизился особенно въ Петербургѣ, на службѣ въ гвардіи и, если вѣрить Дмитріеву, сталъ по его примѣру заниматься переводами и печатать ихъ. Съ нимъ, еще гораздо болѣе нежели съ Петровымъ, Карамзинъ былъ несходенъ во многомъ; отъ Петрова онъ отличался наиболѣе темпераментомъ, но съ Дмитріевымъ, кромѣ того, расходился въ склонностяхъ и взглядахъ. Карамзинъ былъ энтузіастъ, и хотя въ зрѣломъ возрастѣ подчинилъ свою пылкость благоразумію, однакожъ всегда жилъ столько же сердцемъ какъ и умомъ, всегда оставался вѣренъ своему юношескому равнодушію къ приманкамъ властолюбія и почестямъ. Дмитріевъ, напротивъ, былъ человѣкъ, если не холодный, то по крайней мѣрѣ очень расчетливый, любившій свѣтъ и его суету; для него литература никогда не составляла главнаго интереса. Тѣмъ болѣе замѣчательно постоянство дружбы между этими двумя писателями; въ исторіи литературы, какъ и человѣческаго сердца вообще, конечно не-

много примѣровъ дружеской переписки, которая, съ незначительными перерывами, продолжалась бы сорокъ лѣтъ и всегда бы не только сохраняла тотъ же характеръ задушевности и теплоты, но съ каждымъ годомъ становилась бы еще нѣжнѣе и сердечнѣе. Таковы по крайней мѣрѣ, письма Карамзина; письма Дмитріева до насъ не дошли [21]. Видя во всемъ свидѣтельства любящей души и горячаго, привязчиваго сердца Карамзина, не можемъ не приписывать ему главной заслуги въ продолжительности этой переписки, для которой сверхъ того почти постоянная разлука друзей была особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ. Ни изъ чего не видно, чтобы Дмитріевъ, хотя онъ былъ пятью годами старше Карамзина, имѣлъ значительное вліяніе на его развитіе; напротивъ, онъ самъ былъ много обязанъ примѣру и совѣтамъ Карамзина въ литературномъ дѣлѣ.

Извѣстно, что Карамзинъ, переселившись изъ Симбирска въ Москву, былъ введенъ въ новиковское общество масоновъ. Вопросъ о степени и родѣ вліянія этого общества на дѣятельность Карамзина еще недостаточно разработанъ. Изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ его современниковъ оказывается, что самъ онъ отзывался о новиковскомъ обществѣ несочувственно; по своему отвращенію отъ всякаго мистицизма, по нерасположенію ко всему неопредѣленному и неясному, онъ не могъ долго оставаться въ кругу масоновъ и скоро отсталъ отъ нихъ, потому, что не удовлетворялся мистическою стороною ихъ ученія [22]. Но въ воззрѣніяхъ ихъ была еще другая сторона: духъ религіознаго благочестія, патріотизма, благоволенія къ человѣчеству и братской любви къ ближнему. Этотъ самый духъ распространенъ въ сочиненіяхъ Карамзина и былъ конечно, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, плодомъ пребыванія его въ масонскомъ обществѣ. Оно же должно было окончательно привязать его къ литературѣ.

Авторская жизнь Карамзина представляетъ три очень явственно разграниченные періода. Написанное имъ до путешествія по Европѣ — почти исключительно переводы — можетъ быть названо его ученическими опытами. По возвращеніи въ Россію, 25-ти лѣтъ отъ роду, подъ конецъ царствованія Екатерины II, онъ вдругъ является мастеромъ своего дѣла, журналистомъ и писателемъ съ самостоятельнымъ взглядомъ на языкъ и литературу; начинаетъ писать такъ, какъ еще никто не писалъ, и увлекаетъ за собой большинство общества. Въ избыткѣ молодыхъ силъ онъ переходитъ отъ одного предпріятія къ другому: сперва издаетъ „Московскій журналъ“, потомъ литературный сборникъ „Аглаю“; далѣе первый русскій альманахъ „Аониды“, затѣмъ „Пантеонъ иностранной словесности“ и наконецъ „Вѣстникъ Европы“. Но эта разнообразная и нѣсколько суетливая дѣятельность не удовлетворяетъ его созрѣвшаго таланта; онъ чувствуетъ потребность предпринять такой трудъ, который бы наполнялъ всю его жизнь,

создать что-нибудь цѣлое, монументальное: онъ берется за русскую исторію и неутомимо работаетъ надъ нею 23 года, до самой смерти своей.

Періодъ полнаго развитія литературной дѣятельности Карамзина — двѣнадцать лѣтъ отъ возвращенія его изъ чужихъ краевъ (1790 г.) до назначенія его исторіографомъ (1803) — представляетъ особенную занимательность не только по разнообразію и достоинству тогдашнихъ произведеній его, но и по дѣйствію, какое они производили на современное общество. Притомъ этотъ періодъ еще далеко не вполнѣ изученъ, и при внимательномъ разсмотрѣніи журнальныхъ трудовъ Карамзина, въ нихъ открываются новыя, еще никѣмъ не тронутыя стороны.

Обращаясь къ этому періоду, необходимо прежде всего остановиться на путешествіи Карамзина по Европѣ въ 1789 и 1790 г., такъ какъ оно имѣло великое значеніе для всей послѣдующей его дѣятельности. Пламенное желаніе побывать въ чужихъ краяхъ естественно проистекало изъ его обширной начитанности. Онъ жаждалъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ идей и познаній; но особенно хотѣлось ему видѣть писателей, *которые были ему уже извѣстны и дороги по своимъ сочиненіямъ* [23]. Такимъ образомъ, непосредственное, живое знакомство съ иностранными литературами составляло главную задачу его путешествія. Полтора года, проведенные имъ за границей, должны были неизмѣримо подвинуть его во всемъ духовномъ его развитіи. Сколько новыхъ идей долженъ онъ былъ почерпнуть изъ однѣхъ бесѣдъ съ лучшими умами Европы! Все видѣнное и слышанное онъ усвоивалъ себѣ тѣмъ прочнѣе, что отдавалъ соотечественникамъ подробный отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и умственныхъ пріобрѣтеніяхъ. Путевые разсказы его, писанные серебрянымъ перомъ (это не фигура, а фактъ, имъ самимъ отмѣченный) [24], не могли остаться безъ великой пользы для него самого. Обстоятельство, что первымъ значительнымъ трудомъ его были пріятельскія письма, безъ сомнѣнія много способствовало къ уясненію его взгляда на русскую прозу. Они установили его слогъ, они довершили его отчужденіе отъ тяжелаго книжнаго языка бо́льшей части его предшественниковъ. „Письма русскаго путешественника“ можно назвать явленіемъ неожиданнымъ въ тогдашней нашей литературѣ. Они, въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, вдругъ представили свѣту молодого русскаго съ европейскимъ образованіемъ съ мыслью зрѣлою, съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, съ такимъ знаніемъ новѣйшихъ языковъ и литературъ, которое даже и въ западной Европѣ было бы необыкновенно. И этотъ молодой человѣкъ писалъ уже языкомъ, какимъ теперь пишемъ всѣ мы но который тогда съ удивленіемъ услышали въ первый разъ. Всѣ разсказы его о чужихъ краяхъ были такъ разнообразны, увлекательны,

дѣльны, что ихъ еще и доселѣ можно читать съ наслажденіемъ. Понятно, какую массу свѣдѣній эти письма вдругъ распространили въ русскомъ обществѣ, сколько они возбудили любознательности, желанія ближе ознакомиться съ выведенными передъ читателемъ литературными знаменитостями и ихъ произведеніями. Наши критики 1840-хъ и 50-хъ годовъ не разъ упрекали Карамзина въ томъ, что онъ, путешествуя по Европѣ, не довольно обращалъ вниманія на ея политическое состояніе, слишкомъ мало интересовался общественными вопросами. Но чтобы понять всю неосновательность такого упрека довольно вспомнить его собственное свидѣтельство (въ объявленіи о „Моск. журналѣ"), что онъ въ чужихъ краяхъ „вниманіе свое посвящалъ натурѣ и человѣку преимущественно предъ всѣмъ прочимъ": ему было тогда не болѣе 24-хъ лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ человѣкъ рѣдко бываетъ политикомъ; къ тому же въ тогдашнемъ, и особенно русскомъ обществѣ, политическій интересъ не былъ еще такъ возбужденъ, какъ впослѣдствіи. Неподдѣльный юношескій жаръ, энтузіазмъ къ красотамъ природы и искусства, ко всему чисто-человѣческому проникаютъ „Письма русскаго путешественника" и были конечно одною изъ главныхъ причинъ ихъ необыкновеннаго успѣха. Все это, вмѣстѣ съ выдающеюся въ нихъ занимательною личностью самого автора, вдругъ поставило его высоко въ общественномъ мнѣніи, дало ему извѣстность и славу.

Въ первый разъ эти письма читались въ „Московскомъ журналѣ", гдѣ Карамзинъ печаталъ ихъ постоянно въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. во все продолженіе этого изданія. „Московскій журналъ" былъ задуманъ имъ при самомъ возвращеніи его въ Россію. „Журналъ выдавать не шутка", говорилъ онъ: „однакожъ чего не дѣлаетъ наука и прилежность?" Прежде всего онъ обратился къ извѣстнѣйшимъ русскимъ писателямъ съ просьбою принять участіе въ его изданіи. Въ бумагахъ Державина сохранилось письмо, писанное къ нему съ этою цѣлью Карамзинымъ, который съ нимъ только что познакомился чрезъ посредство Дмитріева, въ Петербургѣ, возвращаясь изъ Лондона въ Москву. Въ объявленіи о своемъ журналѣ онъ назвалъ Державина, и только его, какъ главнаго своего сотрудника: „Первый нашъ поэтъ (было тутъ сказано)—нужно ли именовать его?—обѣщалъ украшать листы мои плодами вдохновенной своей музы. Кто не узнаетъ пѣвца мудрой Фелицы?" [25].

Дѣйствительно, Державинъ, вмѣстѣ съ Дмитріевымъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ усердныхъ вкладчиковъ въ „Московскій журналъ", по отдѣлу поэзіи, въ которомъ сверхъ того стали являться стихи Хераскова, Нелединскаго-Мелецкаго, Львовыхъ, Капниста и др. Не такъ легко было найти помощниковъ по другимъ частямъ журнала, и Карамзину пришлось почти одному наполнять всѣ его книжки, что требовало не мало труда, хотя каждая изъ нихъ заключала въ себѣ

всего страницъ 100 небольшого формата. Въ выполненіи своей задачи Карамзинъ показалъ много искусства, такта, пониманія потребностей современной публики; главнымъ правиломъ поставилъ онъ себѣ занимательность и разнообразіе содержанія [26]. Значительную долю журнала занимали переводы изъ извѣстнѣйшихъ въ то время писателей французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ: изъ Мармонтеля, Флоріана, Гарве, Морица, Стерна. Сверхъ того Карамзинъ познакомилъ русскую публику съ Оссіаномъ, пѣсни котораго въ нѣмецкомъ переводѣ пріобрѣлъ онъ въ Лейпцигѣ, также съ индѣйскою драмой Саконталой и съ мнѣніемъ о ней Гёте. Большую цѣну придавалъ онъ біографіи славныхъ новыхъ писателей и напечаталъ между прочимъ статьи о любимыхъ имъ поэтахъ: Клопштокѣ, Виландѣ и Геснерѣ. Собственно говоря, въ „Московскомъ журналѣ" не было такъ называемыхъ нынѣ отдѣловъ: статьи, по большей части, коротенькія, слѣдовали одна за другой безъ всякаго строгаго порядка; однакожъ, согласно съ своей программой, журналъ начинался обыкновенно стихами, потомъ шла изящная проза, далѣе—смѣсь, т. е. анекдоты, выбранные изъ иностранныхъ журналовъ; въ концѣ же помѣщались разборы театральныхъ представленій въ Москвѣ и въ Парижѣ и рецензіи новыхъ книгъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Приписываемая Карамзину уклончивость въ критикѣ относится собственно къ позднѣйшему періоду его журнальной дѣятельности. Въ „Московскомъ журналѣ" онъ, не смотря на свой миролюбивый характеръ, постоянно помѣщалъ критическія статьи, въ которыхъ безъ околичностей высказывалъ правду. Уже въ объявленіи объ этомъ изданіи было сказано: „Хорошее и худое замѣчаемо будетъ безпристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма немногія книги были у насъ надлежащимъ образомъ критикованы?" И дѣйствительно въ „Московскомъ журналѣ" Карамзинъ обнаружилъ большую критическую способность. Тутъ между прочимъ разобраны: *Кадмъ и Гармонія* Хераскова, *Энеида*, вывороченная на изнанку Осиповымъ, также переводы: *Естественной исторіи* Бюффона — трудъ академиковъ Румовскаго и Лепехина, *Утопіи* Томаса Моруса, *Генріады* Вольтера, *Неистоваго Роланда* Аріоста, *Путешествія Анахарсиса* Бартельми и *Клариссы* Ричардсона. Въ отдѣлѣ, посвященномъ обзору театральныхъ представленій, разсмотрѣны между прочимъ *Эмилія Галотти* Лессинга, переведенная самимъ Карамзинымъ, и *Ненависть къ людямъ* Коцебу [27].

Почти всѣ эти рецензіи отличаются не только чрезвычайно мѣткими сужденіями, но и ироніей, впослѣдствіи столь чуждою характеру Карамзина. Такъ, въ разборѣ перевода англійской книги: „Опытъ нынѣшняго состоянія Швейцаріи", упрекая переводчика за то, что онъ пользовался не послѣднимъ изданіемъ подлинника и не передалъ примѣчаній французскаго переводчика, Карамзинъ замѣчаетъ: „Надле-

жало бы примолвить, съ какого языка *переведено* сіе сочиненіе. Можно, кажется, безъ ошибки сказать, что оно переведено съ французскаго; но на что заставлять читателей угадывать? — Нѣкоторые изъ нашихъ писцовъ, или писателей, или переводчиковъ — или какъ кому угодно будетъ назвать ихъ — поступаютъ еще непростительнѣйшимъ образомъ. Даря публику разными піесами, не сказываютъ они, что сіи піесы переведены съ иностранныхъ языковъ. Добродушный читатель принимаетъ ихъ за русскія сочиненія и часто дивится, какъ авторъ, умѣющій такъ хорошо мыслить, такъ худо и неправильно изъясняется. Самая гражданская честность обязываетъ насъ не присвоивать себѣ ничего чужого: ни дѣлами, ни словами, ни молчаніемъ“ [28]. Въ другой книжкѣ, разбирая появившуюся на русскомъ языкѣ 1-ю часть *Клариссы* Ричардсона, Карамзинъ говоритъ: „Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ; но какая трудность устрашитъ Русскаго! Онъ берется за чудотворное перо свое, и первая часть *Клариссы* готова!“ Указавъ потомъ на разныя погрѣшности въ языкѣ перевода, онъ прибавляетъ: „Иакія ошибки совсѣмъ непростительны; и кто такъ переводитъ, тотъ портитъ и безобразитъ книги, и недостоинъ никакой пощады со стороны критики. Признаюсь читателю“, продолжаетъ рецензентъ, „что я на семъ мѣстѣ остановился и отослалъ книгу назадъ въ лавку съ желаніемъ, чтобы слѣдующія части совсѣмъ не выходили или гораздо, гораздо лучше переведены были“ [29]. Рецензіи Карамзина любопытны еще и тѣмъ, что въ нихъ онъ высказалъ теоретически нѣкоторые взгляды свои на языкъ и слогъ. Между прочимъ тутъ попадаются выходки противъ *славянщизны* или *славяномудрія* [30].

Въ концѣ перваго года „Московскаго журнала“ (ноябрь 1791) разобрана съ большою строгостію комедія Николева *Баловень*, которая, по словамъ Карамзина, состоитъ болѣе изъ разговоровъ нежели изъ дѣйствія. Приводя изъ нея нѣкоторыя „новости въ мысляхъ и выраженіяхъ“, критикъ послѣ каждаго указаннаго мѣста повторяетъ: „но поэтъ пишетъ какъ ему угодно“. Далѣе замѣчено, что въ пьесѣ „есть *удивительныя* шутки на счетъ бѣдной грамматики: и глаголамъ и падежамъ и мѣстоименіямъ — однимъ словомъ, всему досталось“. Разборъ кончается ироніею: „Пожелаемъ, чтобы сія піеса была часто играема на московскомъ театрѣ къ радости всѣхъ любителей россійской Таліи“. Изъ писемъ Карамзина къ Дмитріеву (стр. 24) мы узнаемъ, что Николевъ оскорбился этой рецензіей и сбирался отвѣчать на нее.

Это былъ не единственный случай неудовольствія, возбужденнаго критикой „Московскаго журнала“. Въ январской книжкѣ 1792 года Подшиваловъ разсмотрѣлъ изданный Ѳ. Туманскимъ переводъ грече-

скаго писателя *Палефата* (объясненія разныхъ древнихъ сказаній). Обиженный переводчикъ прислалъ антикритику, на которую послѣдовало опять возраженіе Подшивалова. Въ этой полемикѣ для насъ особенно любопытны подстрочныя примѣчанія самого издателя, изъ которыхъ ясно виденъ его тогдашній взглядъ на критику. Такъ слова Туманскаго: „Не судите, да не судимы будете", даютъ Карамзину поводъ замѣтить: „Неужели вы хотите, чтобы совсѣмъ не было критики? Что была нѣмецкая критика за тридцать лѣтъ передъ симъ, и что она теперь? и не строгая ли критика произвела отчасти то, что Нѣмцы начали такъ хорошо писать?" [31]. Мы увидимъ, что впослѣдствіи Карамзинъ совершенно иначе смотрѣлъ на критику въ отношеніи къ русской литературѣ.

Въ „Московскомъ журналѣ" онъ явился также поэтомъ и нувеллистомъ. Естественно, что въ молодости все вниманіе его было устремлено на такъ называемую изящную литературу: по своей впечатлительной природѣ, по всѣмъ своимъ стремленіямъ и вкусамъ, наконецъ по связи съ Дмитріевымъ онъ не могъ не пристраститься къ стихотворству. Нельзя сказать, чтобы у него не было поэтическаго таланта, но ему не доставало воображенія и вымысла. Стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко-искренняго человѣка; замѣчательно, что всякій разъ, когда онъ выражаетъ завѣтныя мысли свои, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія. Онъ самъ, въ позднѣйшую эпоху, сказалъ однажды:

„Мнѣ сердце было Аполлономъ" [32],

и этими словами можно охарактеризовать всю его поэзію, согрѣтую чувствомъ, но лишенную блеска и силы фантазіи. Обыкновенныя темы ея — любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ.

Еще до своего путешествія Карамзинъ испытывалъ свои силы и въ повѣстяхъ; мы знаемъ, изъ „Писемъ русскаго путешественника", что онъ между прочимъ началъ когда-то писать романъ, который, по господствовавшему тогда обычаю, долженъ былъ вести читателя изъ одной страны въ другую: „я хотѣлъ", говоритъ онъ, „въ воображеніи объѣздить тѣ земли, по которымъ теперь ѣхалъ" [33]. Въ „Московскомъ журналѣ" повѣсти его начинаются особенно со второго года въ серединѣ котораго явилась *Бѣдная Лиза*, а позднѣе *Наталья, боярская дочь* [34]. Историческое значеніе этихъ повѣстей и степень ихъ достоинства по отношенію къ нынѣшнимъ требованіямъ искусства уже достаточно оцѣнены. Во всѣхъ ихъ вымыслъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, нѣтъ ни характеровъ, ни національнаго колорита. Дара художественнаго творчества у Карамзина не было; но онъ обладалъ

въ высшей степени даромъ пластическаго употребленія языка, что въ соединеніи съ живою воспріимчивостью и сердечною теплотою, съ образованнымъ умомъ и большою начитанностью доставило его повѣстямъ небывалый успѣхъ.

Съ „Московскимъ журналомъ" только начиналась извѣстность Карамзина, и потому неудивительно, что въ первый годъ число подписчиковъ его не превышало 300 [35], такъ что ими едва оплачивались типографскія издержки; на сколько эта цифра возрасла во второй годъ, неизвѣстно; вѣроятно однакоже, что приращеніе было незначительно. Между тѣмъ срочность многообразной и сложной работы тяготила Карамзина, и онъ рѣшился оставить журналъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто его исподволь выпускать небольшіе литературные сборники. Въ 1794 году вышла „Аглая", книжка, которая опять почти вся состояла изъ собственныхъ трудовъ его, но тѣмъ особенно отличалась, что въ ней не было переводовъ. Вторая ея книжка (1795) была посвящена Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, уже и прежде не разъ являвшейся въ мелкихъ сочиненіяхъ Карамзина подъ именемъ Аглаи [36]. Давнишняя дружба соединяла его съ домомъ Плещеевыхъ. Къ нимъ писалъ онъ и свои письма изъ-за границы. Въ „Аглаѣ" видны плоды его тогдашнихъ размышленій и чтеній. Его занимала въ то время судьба человѣческихъ обществъ, вопросъ о счастіи человѣка, о пользѣ образованія, о значеніи знанія и искусства. Замѣчая, что просвѣщенію, вслѣдствіе политическихъ неустройствъ на западѣ, угрожаетъ опасность въ Россіи, онъ опровергаетъ ученіе Руссо о вредѣ наукъ, доказываетъ ихъ необходимость и безусловно-благотворное дѣйствіе. Онъ сѣтуетъ о событіяхъ французской революціи, объ обманчивости успѣховъ 18-го вѣка и выражаетъ твердую надежду на лучшія времена, на 19-е столѣтіе.

Тогда же онъ рѣшился издать отдѣльною книжкой свои мелкія сочиненія, напечатанныя въ „Московскомъ журналѣ". Они явились въ 1794 году подъ заглавіемъ *Мои бездѣлки*, и съ этого-то времени началась настоящая слава Карамзина. Есть еще люди, помнящіе, съ какимъ восторгомъ была принята эта книжка не только въ столицахъ, но и въ провинціи. Отъ нея повѣяло какъ будто новымъ воздухомъ въ умственной жизни русскихъ. Карамзинъ открылъ имъ новый миръ понятій, ощущеній и духовныхъ потребностей, указалъ имъ новый источникъ наслажденій въ созерцаніи природы, въ чтеніи, въ умственныхъ занятіяхъ. Молодые люди твердили наизусть отрывки изъ его повѣстей; по свидѣтельству Ѳ. Н. Глинки, питомцы сухопутнаго кадетскаго корпуса мечтали, какъ бы пойти пѣшкомъ въ Москву поклониться очаровавшему ихъ писателю.

Не малую долю въ этомъ необыкновенномъ дѣйствіи имѣлъ поражавшій всѣхъ языкъ его сочиненій. Хотя уже и прежде Карамзина

русская письменная рѣчь постепенно очищалась, но писавшіе до него не отдавали себѣ въ томъ отчета и безсознательно слѣдовали только за успѣхами времени. Карамзинъ первый разрабатывалъ литературный языкъ съ полнымъ сознаніемъ того, къ чему стремился. У другихъ, еще и въ его время, языкъ представляетъ хаотическую смѣсь разныхъ элементовъ; прежніе писатели, не исключая и Фонвизина, держались еще теоріи Ломоносова и позволяли себѣ простой или низкій слогъ развѣ только въ комедіяхъ, дружескихъ письмахъ и „описаніяхъ обыкновенныхъ дѣлъ". Карамзинъ смолоду понялъ, что простота и естественность рѣчи составляютъ первое условіе всѣхъ родовъ сочиненій. Еще до своего путешествія онъ былъ недоволенъ господствовавшимъ тогда литературнымъ языкомъ; это можно заключить уже изъ писемъ Петрова, въ которыхъ есть насмѣшки надъ „русско-славянскимъ языкомъ и долгосложно-протяжно-парящими словами" (1785 г.). Впослѣдствіи Карамзинъ называлъ Петрова своимъ учителемъ въ знаніи русскаго языка, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній дѣйствительно имѣлъ участіе въ установленіи понятій своего друга по этому предмету. Изъ позднѣйшихъ словъ самого Карамзина мы знаемъ, что онъ въ письменномъ употребленіи языка главною задачею считалъ „пріятность слога"[37]. Въ „Московскомъ журналѣ", давая совѣты дурнымъ писателямъ, исправляя ихъ обороты, онъ осуждалъ ихъ любовь къ *славяномудрію*. При изданіи же „Аглаи" онъ сказалъ: „Я желалъ бы писать не такъ, какъ у насъ по большей части пишутъ". Все это показываетъ, что Карамзинъ вполнѣ сознавалъ, что̀ дѣлалъ когда сталъ писать по-своему. Что касается до началъ, которыхъ онъ при этомъ держался, то къ уразумѣнію ихъ намъ опять даютъ ключъ собственныя слова его: „Русскій кандидатъ авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-французски... Чтожъ остается дѣлать автору? *выдумывать, сочинять выраженія*; угадывать *лучшій выборъ* словъ; давать старымъ нѣкоторый *новый смыслъ*, предлагать ихъ въ *новой связи*, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженій"[38]. Эти строки отчасти объясняютъ намъ тайну искусства, съ которымъ Карамзинъ очаровывалъ современниковъ своею рѣчью. По этому можно судить, какого труда стоило ему выработать свою прозу и съ какимъ тактомъ онъ угадывалъ духъ языка, вводя слова[39] и выраженія, которыя незамѣтно входили въ литературный языкъ. Прибавлю, что вопреки довольно общему взгляду, уже въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина, по возвращеніи его изъ-за границы, почти вовсе нѣтъ галлицизмовъ; то, что онъ писалъ тогда, мало устарѣло до сихъ поръ и, за исключеніемъ весьма немногихъ словъ и формъ языка, могло бы быть на-

писано еще и теперь. Такъ глубоко понималъ онъ русскій языкъ, такъ сознавалъ его требованія въ расположеніи словъ, которое, какъ онъ говорилъ, имѣетъ свои законы [40]: смѣло можно сказать, что послѣ Ломоносова у насъ не было писателя, который бы зналъ языкъ въ такомъ совершенствѣ, какъ Карамзинъ. Слабую сторону его прозы составляетъ только нѣкоторая искусственность въ строеніи періодовъ, особливо въ первыхъ томахъ его Исторіи; но это уже недостатокъ слога, а не языка.

Отказываясь отъ „Московскаго журнала", Карамзинъ въ прощаніи съ публикою выразилъ между прочимъ важное намѣреніе. „Въ тишинѣ уединенія", сказалъ онъ, „стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны какъ новыя; буду пользоваться сокровищами древности, чтобы приняться за такой трудъ, который бы могъ остаться памятникомъ души и сердца моего". Древніе языки издавна привлекали Карамзина: незадолго до своего путешествія онъ приступилъ было къ изученію греческаго, пробовалъ переводить греческихъ поэтовъ и писать стихи древнимъ размѣромъ. Но ему не суждено было восполнить недостатокъ классическаго образованія, пользу котораго онъ ясно сознавалъ, которое, можетъ быть, предохранило бы его отъ излишняго перевѣса чувствительности и было бы особенно важно для его исторической задачи. „Пантеонъ иностранной словесности", изданный имъ въ царствованіе императора Павла, былъ, какъ кажется, въ связи съ заявленнымъ планомъ Карамзина изучать древнихъ. Это изданіе представляетъ, дѣйствительно, нѣсколько отрывковъ изъ римскихъ и греческихъ писателей,—Цицерона, Тацита, Платона; но это, повидимому, переводы не съ подлинниковъ; притомъ дальнѣйшимъ заимствованіямъ его изъ древнихъ мѣшала цензура, крайне боязливая при императорѣ Павлѣ, такъ что Карамзинъ въ это время не разъ выражалъ намѣреніе совершенно оставить литературу [41].

Вообще въ продолженіе осьми лѣтъ отъ прекращенія „Московскаго журнала" до конца столѣтія онъ сравнительно писалъ немного, отвлекаемый отъ этой дѣятельности не одною цензурною строгостью, но также разсѣянною жизнью, слабымъ здоровьемъ и сердечными дѣлами, сильно волновавшими его пылкую душу [42]. Между тѣмъ однакожъ онъ въ 1797 году страстно предался изученію итальянскаго языка и по просьбѣ Державина напечаталъ томъ его сочиненій. Замѣчательно, что послѣ этого онъ думалъ-было написать два похвальныя слова: одно Петру Великому, а другое Ломоносову, но не нашелъ времени для приготовительныхъ къ тому занятій, въ числѣ которыхъ считалъ особенно нужнымъ прочитать многотомный сборникъ Голикова. Въ 1799 году, издавъ послѣднюю книжку своего альманаха „Аонидъ", онъ почувствовалъ охоту писать болѣе прозою „чтобы не загрубѣть

умомъ", какъ выразился въ письмахъ къ Дмитріеву (стр. 111). Въ то же время умножилъ онъ свою библіотеку философскими и историческими сочиненіями и пристально занялся русскими лѣтописями. „Я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ" (тамъ же, стр. 116). Тогда же обратился онъ къ исторіи русской литературы, взявшись составить текстъ къ предпринятому Бекетовымъ изданію портретовъ писателей [43]. Такъ совершался мало-по-малу переходъ его къ тому серіозному направленію, которое вскорѣ обнаружилось въ „Вѣстникѣ Европы" и наконецъ привело его къ громадному предпріятію. XVIII столѣтіе кончилось; пришелъ, говоря словами поэта, „вѣкъ новый, Царь младой, прекрасный!" [44] и для Карамзина настала самая многозначительная эпоха его дѣятельности. Окрыленный пробудившимся внезапно новымъ духомъ государственнаго бытія Россіи, онъ понялъ, какъ полезенъ можетъ быть журналъ, который будетъ выражать взгляды и потребности лучшихъ умовъ тогдашняго общества. Къ этому присоединилось еще и другое побужденіе. Женившись въ 1801 г., онъ видѣлъ въ изданіи журнала средство обезпечить матеріальное существованіе своей семьи. Какъ выросъ Карамзинъ со времени перваго своего предпріятія въ этомъ родѣ! Самое названіе, придуманное имъ для новаго журнала, показываетъ, какъ широко понималъ онъ свою задачу: чрезъ его посредство русскіе должны были знакомиться съ европейской литературой и политикой. Съ этимъ намѣреніемъ онъ выписалъ двѣнадцать англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ журналовъ: „лучшіе авторы Европы", говорилъ онъ, „должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками* для удовольствія русской публики"; но вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ желалъ, чтобы оригинальныя сочиненія „могли безъ стыда для нашей литературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ авторовъ" [45].

Съ начала 1802 г. „Вѣстникъ Европы" сталъ появляться двумя книжками въ мѣсяцъ, и въ каждой было постоянно два отдѣла: литературный и политическій. Послѣдній подраздѣлялся на общее обозрѣніе и на извѣстія и замѣчанія. Въ обозрѣніяхъ Карамзинъ часто излагалъ собственныя свои соображенія о тогдашнихъ событіяхъ, основанныя на внимательномъ изученіи современной политики, особливо по англійскимъ органамъ ея. Вторая часть политическаго отдѣла содержала извѣстія объ особыхъ происшествіяхъ и случаяхъ, анекдоты и т. п. и соотвѣтствовала тому, что въ литературномъ отдѣлѣ помѣщалось подъ названіемъ смѣси.

Настоящими перлами „Вѣстника Европы" были оригинальныя статьи самого издателя: въ каждой книжкѣ являлась по крайней мѣрѣ одна капитальная статья его, нерѣдко и болѣе; но онъ любилъ скрывать имя автора ихъ, подписываясь обыкновенно, какъ онъ дѣлалъ

уже и въ „Московскомъ журналѣ“, разными загадочными буквами, напр. Б. Ф., Ф. Ц., О. О. Статьи Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ такъ многочисленны и по своему содержанію такъ важны, что подробный разборъ ихъ потребовалъ бы отдѣльнаго труда. Мы можемъ обозрѣть ихъ только по главнымъ выраженнымъ въ нихъ идеямъ.

Характеромъ своимъ большая часть ихъ напоминаетъ нынѣшнія такъ-называемыя передовыя статьи. Въ нихъ Карамзинъ является горячимъ, просвѣщеннымъ патріотомъ и затрогиваетъ важнѣйшіе общественные вопросы, задачи внутренней и внѣшней политики, преобразованія императора Александра I и отношенія Россіи къ Наполеону.

Предметы, особенно обращавшіе на себя вниманіе Карамзина были: воспитаніе юношества и вообще просвѣщеніе русскаго народа возвышеніе національной гордости, пробужденіе самостоятельности въ общественной жизни. Посмотримъ, какія идеи болѣе всего занимали его, какіе, — выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, — онъ проводилъ взгляды. Но, зная возвышенный образъ мыслей Карамзина, его любовь къ человѣчеству и къ своему народу, мы, на самомъ первомъ шагу знакомства съ его воззрѣніями, можемъ впасть въ недоумѣніе передъ взглядомъ его на крѣпостное состояніе. Подобно многимъ лучшимъ людямъ того времени, онъ считалъ освобожденіе крестьянъ мѣрою преждевременною и опасною. Въ „Письмѣ сельскаго жителя“ [46] онъ представляетъ молодого человѣка, который, отдавъ всю свою землю крестьянамъ, довольствовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, предоставилъ имъ самимъ выбрать себѣ начальника, — и что же? Воля обратилась для нихъ въ величайшее зло, т. е. въ волю лѣниться и предаваться гнусному пороку пьянства. По мнѣнію Карамзина, помѣщикъ обязанъ удалять отъ крестьянъ всякое искушеніе этого порока; почему онъ возстаетъ особенно противъ заведенія питейныхъ домовъ и винокуренныхъ заводовъ, указывая въ русской исторіи на административныя мѣры для ограниченія пьянства. Рядомъ съ трезвостью онъ считаетъ важнымъ средствомъ улучшить положеніе крестьянъ возбужденіе въ нихъ трудолюбія или, какъ онъ выражается, *работливости*. „Иностранцы, замѣчаетъ онъ, напрасно приписываютъ рабству лѣность русскихъ земледѣльцевъ [47]: они лѣнивы отъ природы, отъ привычки, отъ незнанія выгодъ трудолюбія“. Самыя существенныя условія благосостоянія крестьянъ онъ видитъ въ добрыхъ помѣщикахъ, въ христіанскомъ обращеніи съ народомъ, въ образованіи: „просвѣщеніе, по его словамъ, истребляетъ злоупотребленія господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная“ [48]. Впрочемъ, Карамзинъ не отвергалъ безусловно благодѣтельныхъ послѣдствій свободы крестьянъ: онъ предусматривалъ печальныя плоды ея только въ ближайшемъ будущемъ и

говорилъ: „Не знаю, что̀ вышло бы черезъ 50 или 100 лѣтъ: время, конечно, имѣетъ благотворныя дѣйствія; но первые годы, безъ сомнѣнія, поколебали бы систему мудрыхъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ головъ“ [49]. Впослѣдствіи Карамзинъ еще опредѣленнѣе выразилъ свой взглядъ на возможное въ будущемъ освобожденіе крестьянъ; но для этой мѣры онъ находилъ необходимымъ приготовленіе народа въ нравственномъ отношеніи и опасался послѣдствій ея при существованіи откуповъ и недобросовѣстности судей [50]. Читая мнѣнія, высказанныя Карамзинымъ по этому предмету въ „Вѣстникѣ Европы“, мы не должны забывать, что онъ произносилъ ихъ за 60 слишкомъ лѣтъ тому назадъ; было ли бы тогда своевременно великое дѣло, совершившееся на нашихъ глазахъ, вопросъ, который дѣйствительно рѣшить не легко. „Время“, прибавлялъ Карамзинъ, „подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его“. Извѣстно, что на отмѣну крѣпостного права точно такъ же смотрѣли графъ Ростопчинъ, И. В. Лопухинъ, Державинъ, Мордвиновъ и другіе. Да и сама Екатерина II, по крайней мѣрѣ въ концѣ своего царствованія, находила, что лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“ [51].

Изъ приведенныхъ замѣчаній Карамзина можно уже заключить, какъ онъ долженъ былъ сочувствовать мѣрамъ Александра I для народнаго образованія. Дѣйствительно, онъ встрѣтилъ ихъ съ восторгомъ, и Александръ предсталъ ему идеаломъ монарха. Нравственное образованіе, по понятіямъ Карамзина, есть корень государственнаго величія; въ этомъ убѣжденіи произнесъ онъ незабвенныя слова: „Въ XIX вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества“ [52]. Вотъ почему въ изданномъ при Александрѣ всеобщемъ планѣ народнаго образованія Карамзинъ увидѣлъ зарю новой для Россіи эпохи. Онъ любилъ утверждать, что истинное просвѣщеніе не несовмѣстно съ скромными трудами земледѣльца, и въ доказательство того приводилъ крестьянъ англійскихъ, швейцарскихъ и нѣмецкихъ, у которыхъ самъ онъ видѣлъ библіотеки, но которые однакожъ пашутъ землю и трудами рукъ своихъ богатѣютъ [53]. „Учрежденіе сельскихъ школъ“, восклицаетъ Карамзинъ, „несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными“ объяснялъ онъ далѣе, „гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ“ [54]. Это убѣжденіе въ безусловной пользѣ грамотности онъ сохранилъ во всю жизнь и еще въ старости спорилъ съ Шишковымъ, который доказывалъ, что обу-

чать весь народъ опасно. Одобряя мысль соединить съ сельскимъ обученіемъ грамотѣ начала простой и ясной морали, Карамзинъ совѣтовалъ составить для приходскихъ училищъ нравственный катехизисъ, въ которомъ объяснялись бы обязанности поселянина, необходимыя для его счастья. Соглашаясь также съ предположеніемъ поручить должность сельскихъ учителей духовнымъ пастырямъ, онъ считалъ нужнымъ прибѣгнуть вначалѣ къ мѣрамъ кроткаго понужденія, которыя, какъ онъ надѣялся, со временемъ уступятъ дѣйствію искренней охоты. Существенную важность въ дѣлѣ народнаго образованія придавалъ онъ сельской проповѣди, мечтая о дружескомъ сближеніи помѣщиковъ съ священниками, о частыхъ между ними бесѣдахъ въ гостепріимномъ барскомъ домѣ, о томъ, чтобы духовныя лица обладали, между прочимъ, познаніями въ естественныхъ наукахъ, — въ физикѣ, въ ботаникѣ, и особенно въ медицинѣ [55].

Что касается до воспитанія русскихъ дворянъ, то Карамзинъ скорбѣлъ, что они учась не доучиваются и по большей части учатся только до 15 лѣтъ, а тамъ спѣшатъ въ службу искать чиновъ; что въ Россіи дворяне чуждаются ученаго поприща и не вступаютъ на профессорскія каѳедры [56]. Радуясь правамъ, дарованнымъ новыми постановленіями университетскому совѣту, онъ, съ другой стороны, старался поднять, въ глазахъ всѣхъ сословій, значеніе народнаго учителя. Въ особенности заботила его мысль, что большую часть наставниковъ въ Россіи составляютъ иностранцы, и онъ не разъ предлагалъ свои соображенія о замѣнѣ ихъ природными русскими: „Екатерина“, говорилъ онъ, „уже думала о томъ и хотѣла, чтобы въ кадетскомъ корпусѣ нарочно для сего званія воспитывались дѣти мѣщанъ: нельзя ли возобновить мысль ея, нельзя ли сравнять выгоды учительскаго званія съ выгодами чиновъ? или нельзя ли завести особенной педагогической школы, для которой россійское дворянство въ нынѣшнія счастливыя времена не пожалѣло бы денегъ?... У насъ не будетъ совершеннаго моральнаго воспитанія, пока не будетъ русскихъ хорошихъ учителей... Никогда иностранецъ не пойметъ нашего народнаго характера и слѣдственно не можетъ сообразоваться съ нимъ въ воспитаніи. Иностранцы весьма рѣдко отдаютъ намъ справедливость: мы ихъ ласкаемъ, награждаемъ, а они, выѣхавъ за курляндскій шлагбаумъ, смѣются надъ нами или бранятъ насъ... и печатаютъ нелѣпости о Русскихъ“ [57].

Въ приведенныхъ предложеніяхъ Карамзина мы видимъ первыя черты идей, послужившихъ основаніемъ тѣхъ мѣръ, которыя впослѣдствіи были приняты правительствомъ.

Позднѣе онъ подавалъ мысль имѣть въ каждомъ учебномъ округѣ отъ 300 до 500 воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, для замѣщенія достойнѣйшими изъ нихъ учительскихъ

должностей; въ особенности совѣтовалъ онъ примѣнить такой порядокъ къ московской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзинъ возбуждалъ дворянъ къ пожертвованіямъ на этотъ предметъ, выражая желаніе, чтобы каждый богатый человѣкъ воспитывалъ на свой счетъ при университетѣ отъ 10 до 20-ти молодыхъ людей, полагая на каждаго по 150 рублей [58].

Стараясь устранить иноземцевъ изъ русскаго воспитанія, Карамзинъ энергически настаивалъ на непосредственномъ и дѣятельномъ участіи самихъ родителей въ образованіи дѣтей [59] и сильно вооружался противъ отправленія послѣднихъ, для обученія, въ чужіе краи: всякій долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ русскимъ [60]. При этомъ онъ не отвергалъ, однакожъ, надобности учиться иностраннымъ языкамъ, но находилъ, что ихъ можно достаточно узнать, не выѣзжая изъ Россіи: „можно ли сравнять выгоду хорошаго французскаго произношенія съ униженіемъ народной гордости? ибо народъ унижается, когда для воспитанія имѣетъ нужду въ чужомъ разумѣ“ [61]. Впрочемъ, Карамзинъ признавалъ пользу отправленія за границу молодого человѣка, уже основательно подготовленнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ узнать европейскіе народы и почувствовать даже самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ. Такое сознаніе, въ его глазахъ, не противорѣчитъ народному словолюбію, которое онъ считалъ душою патріотизма. „Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того и другіе уважать не будутъ... Станемъ смѣло на ряду съ другими народами, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородною гордостію“ [62].

Карамзинъ вполнѣ понималъ уже необходимость народной самостоятельности въ жизни и въ литературѣ: „какъ человѣкъ, такъ и народъ, замѣчалъ онъ, начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собою. Хорошо и должно учиться, но горе и человѣку и народу, который будетъ всегда ученикомъ“. Твердо вѣря въ будущее развитіе своего отечества, онъ говорилъ: „Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями“ [63]. Но онъ понималъ также, что для полнаго образованія надобны вѣки, что Россіи предстоитъ еще много испытаній и борьбы, и въ этомъ смыслѣ заключалъ: „Если всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на нашу имперію, то не одно любопытство рождаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой [64].

Таковъ былъ взглядъ Карамзина, въ самомъ началѣ нынѣшняго

столѣтія, на положеніе и потребности своей страны; такъ возбуждалъ онъ патріотизмъ своихъ согражданъ. Изъ всего приведеннаго мы видимъ, что главнымъ основаніемъ народнаго благосостоянія, главнымъ условіемъ успѣховъ Россіи въ ея государственномъ развитіи онъ считалъ просвѣщеніе и потому болѣе всего старался дѣйствовать словомъ на улучшеніе воспитанія и нравовъ. Не привожу многихъ другихъ, частныхъ воззрѣній его, напр. о вредѣ господствующей любви къ роскоши [65], о судьбѣ, угрожающей въ недалекомъ будущемъ „турецкому колоссу“ [66], и проч. Не касаюсь также собственно литературныхъ произведеній Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“, ни историческихъ статей его, которыя являются уже блестящими плодами его новаго, ученаго направленія и основательныхъ изслѣдованій.

Но въ этомъ журналѣ недоставало одного — критики. Карамзинъ находилъ, что она была бы роскошью въ нашей бѣдной литературѣ, что строгостью своею она можетъ убивать возникающіе таланты, что сильнѣе ея дѣйствуютъ образцы и примѣры, что наконецъ, она должна выражаться развѣ похвалою хорошаго, но не осужденіемъ дурного [67]. Главною причиною такого переворота во взглядѣ Карамзина на критику была, конечно, уже испытанная имъ истина, что критика раздражаетъ самолюбіе и производитъ разладъ между писателями. Достигнувъ большаго вѣса въ литературѣ, вызвавъ толпу послѣдователей, онъ въ то же время нашелъ много враговъ и завистниковъ и предвидѣлъ, что критика вовлекла бы его въ нескончаемую борьбу, противную его мягкому характеру, и онъ заранѣе уклонился отъ этой щекотливой обязанности журналиста.

Такимъ-то образомъ журнальная дѣятельность, въ окончательномъ итогѣ, не годилась для Карамзина, и неудивительно, что въ оба раза, когда онъ вступалъ на это поприще, онъ не могъ оставаться на немъ долѣе двухъ лѣтъ. Благодаря разнообразію своихъ способностей, онъ однакожъ съ честью прошелъ и этотъ путь. По успѣхамъ позднѣйшаго времени, его два періодическія изданія, конечно, могутъ считаться только начатками, но это такіе начатки, которые для журналистовъ всѣхъ временъ могутъ во многихъ отношеніяхъ служить образцами. Карамзинъ былъ тѣмъ журналистомъ-фениксомъ, на котораго Ломоносовъ указывалъ какъ на величайшую рѣдкость [68].

Въ концѣ своего журнальнаго поприща Карамзинъ принадлежалъ уже болѣе наукѣ, нежели публицистикѣ. Для того, чтобы отъ изданія „Вѣстника“ перейти къ великому историческому труду и съ такою настойчивостью вести его, нужна была исполинская сила любви къ наукѣ [69], и вѣры въ свое призваніе; нужна была и обширная подготовка, дѣйствительно пріобрѣтенная имъ, незамѣтно для свѣта, въ послѣднее десятилѣтіе. При всемъ томъ, онъ не могъ не понимать всей тяжести геркулесовской ноши, которую рѣшался поднять; онъ

не могъ не понимать того, что понимали многіе,—что такое предпріятіе, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, требовало бы совокупнаго или даже послѣдовательнаго дѣйствія многихъ силъ. Еще въ „Московскомъ журналѣ" его была напечатана статья профессора Барсова, который, предложивъ планъ предварительныхъ работъ для сочиненія русской исторіи, высказалъ, что не только самая эта исторія, но уже и собраніе и сличеніе матеріаловъ для нея можетъ быть приведено въ дѣйствіе не иначе, какъ обществомъ нѣсколькихъ ученыхъ и трудолюбивыхъ людей, при щедрыхъ пособіяхъ и награжденіяхъ [70]. Но, понимая это, Карамзинъ, къ счастію, еще болѣе былъ убѣжденъ, какъ онъ писалъ къ Муравьеву, что „десять обществъ не сдѣлаютъ того, что̀ сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ" [71]. Въ этой увѣренности Карамзинъ, счастливо поддержанный правительствомъ, съ жаромъ приступилъ къ выполненію своего предпріятія, и отдалъ одной идеѣ всю остальную жизнь свою, — почти четверть вѣка. Литература всѣхъ народовъ едва ли представляетъ много примѣровъ труда, который, въ данныхъ условіяхъ, былъ бы совершонъ съ такою настойчивостью и съ такимъ успѣхомъ [72]. Пусть его исторія представляетъ свои слабыя стороны; пусть онъ въ пониманіи своей задачи не достигъ еще той высоты, на которую стала наука въ наше время; можетъ быть, не вполнѣ обнималъ связь событій, не довольно глубоко проникалъ въ смыслъ явленій. Не забудемъ, что въ исторической литературѣ западной Европы тогда еще господствовали тѣ же взгляды, которыми онъ руководствовался. Обратимъ вниманіе на изумительную основательность и добросовѣстность его изслѣдованій, на безконечную массу имъ собранныхъ и имъ же въ первый разъ разработанныхъ рукописныхъ матеріаловъ, на прекрасные пріемы его во всѣхъ подробностяхъ труда, наконецъ, на достоинство его исторической критики, хотя еще и несовершенной, однакожъ замѣчательно здравой и многообъемлющей. Вѣрность и точность сообщаемыхъ имъ фактовъ, богатство, полнота и система его примѣчаній, художественное воплощеніе сухихъ лѣтописныхъ сказаній въ образы, по большей части вѣрные дѣйствительности, всегда яркіе и полные жизненной теплоты, наконецъ, наглядность его изложенія не только въ разсказѣ, но и во внутреннемъ распорядкѣ, — все это ставитъ исторію Карамзина на такую высоту, съ которой не сведутъ ея никакіе послѣдующіе труды, и дѣлаетъ ее навсегда необходимымъ пособіемъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей. Извѣстно, что до исторіи Карамзина никакая книга, а тѣмъ болѣе никакая серіозная и по цѣнѣ дорогая книга не имѣла въ Россіи такого блестящаго успѣха; первые восемь томовъ ея, напечатанные въ числѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, разошлись менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ [73]. Но не многіе знаютъ, какое вниманіе эта книга обратила на

себя въ Европѣ. Этимъ она, безъ сомнѣнія, была отчасти обязана любопытству, возбужденному въ народахъ великою ролью, какую играла Россія въ недавнихъ событіяхъ; но тѣмъ взыскательнѣе должны были сдѣлаться европейцы къ русскому историку. Тутъ представляется намъ опять явленіе небывалое: въ самое короткое время исторію Карамзина переводятъ на языки французскій, нѣмецкій и итальянскій [74]; переводчики стараются даже перебить другъ друга. Въ лучшихъ европейскихъ журналахъ помѣщаются одобрительные разборы знаменитаго сочиненія. Скромный исторіографъ былъ еще прежде обрадованъ добрымъ мнѣніемъ о немъ нашего академика Круга, который признавался, что нашелъ его ученѣе, нежели воображалъ [75]. Каково же было Карамзину читать отзывъ о своемъ трудѣ одного изъ первыхъ тогдашнихъ авторитетовъ въ исторіи? Профессоръ Геренъ, уже по введенію его, призналъ въ немъ автора, много размышлявшаго не только о своемъ предметѣ, но также о самой сущности исторіи вообще-о ея достоинствѣ, ея цѣли и способѣ изображенія, — автора, проникнутаго величіемъ и достоинствомъ своего предмета. Въ своемъ разборѣ Геренъ восхищается, между прочимъ, примѣчаніями Карамзина и истинно-нѣмецкимъ прилежаніемъ, съ какимъ онъ пользовался какъ сѣми источниками, такъ и произведеніями новѣйшихъ историковъ почти всѣхъ образованныхъ народовъ Европы; наконецъ, геттингенскій критикъ выражаетъ увѣренность, что Карамзинъ можетъ спокойно ожидать приговора потомства [76].

Такой же лестный пріемъ встрѣтила его исторія во Франціи. „Монитёръ“ поставилъ ее на ряду съ классическими произведеніями, дѣлающими наиболѣе чести новѣйшей литературѣ. „Всегда основательныя сужденія“, замѣчаетъ французскій критикъ, „внушены автору здравою философіей и безпристрастіемъ; слогъ его важенъ, полонъ достоинства и дышитъ какой-то добросовѣстностью, какимъ-то національнымъ чувствомъ, обличающими въ историкѣ честнаго человѣка еще прежде ученаго [77]. Тронутый теплою статьею „Монитёра“, Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: „Этотъ академикъ посмотрѣлъ ко мнѣ въ душу; я услышалъ какой-то глухой голосъ потомства“ [78]. Итакъ, вотъ судъ, какого нашъ историкъ желалъ себѣ отъ насъ, и мы, съ любовью памятуя нынѣ заслуги его, можемъ безъ лицепріятія подтвердить отзывъ просвѣщеннаго иноземца.

Съ того времени, какъ Карамзинъ приступилъ къ сочиненію исторіи, онъ уже не писалъ ничего чисто-литературнаго, и вообще не позволялъ себѣ уклоняться въ сторону отъ главной цѣли. Разъ только онъ отступилъ отъ этого правила довольно обширнымъ трудомъ, — своей знаменитой „Запиской о древней и новой Россіи“, написанной имъ въ концѣ 1810 года, по вызову великой княгини Екатерины Павловны, и разсматривающей множество правительственныхъ вопросовъ,

которые до сихъ поръ сохраняютъ всю свою важность для Россіи [79]. Не считая себя въ правѣ рѣшать, въ какой степени вѣрны всѣ изложенные здѣсь взгляды Карамзина, позволю себѣ выставить только то обстоятельство, что онъ, осуждая бо́льшую часть предпринятыхъ тогда реформъ, не остановится однакожъ защитникомъ неподвижной старины; напротивъ, онъ находитъ недостаточнымъ измѣненіе однѣхъ формъ и названій, и настаиваетъ на болѣе глубокихъ и существенныхъ преобразованіяхъ; вообще же, всего положительнѣе указываетъ онъ на необходимость самостоятельнаго развитія государственной жизни и требуетъ національной политики. Живя въ Москвѣ, вдали отъ центра дѣлъ, привыкнувъ мыслить и писать самобытно, онъ могъ выразить въ этой запискѣ только свои собственныя задушевныя убѣжденія [80], основанныя на многостороннемъ знаніи современныхъ обстоятельствъ, на многолѣтнемъ изученіи русской исторіи и на горячей любви къ отечеству, заставлявшей его желать такихъ мѣръ, которыя клонились бы ко благу всей Россіи; и это-то пониманіе истинныхъ ея потребностей, въ эпоху почти всеобщихъ увлеченій, всего удивительнѣе въ его запискѣ послѣ той доблестной откровенности, съ какою она была задумана и написана.

Сосредоточивъ свое авторство на исторіи, Карамзинъ продолжалъ однакожъ вести переписку съ разными лицами. Почти всѣ его письма теперь приведены уже въ извѣстность [81]; они драгоцѣнны для насъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ нихъ вполнѣ отразился человѣкъ и писатель, которымъ могли бы справедливо гордиться первые по образованію европейскіе народы. Какъ любопытно слѣдить въ нихъ за нимъ, шагъ за шагомъ, въ его историческомъ трудѣ! Мы видимъ тутъ, какъ развивались его взгляды на разные періоды и характеры русской исторіи, какія впечатлѣнія онъ выносилъ изъ перваго знакомства съ источниками, какъ радовался онъ своимъ ученымъ находкамъ и открытіямъ [82]! Видимъ, какъ онъ иногда, по человѣческой немощи, слабѣлъ, унывалъ въ своемъ необъятномъ трудѣ, и потомъ съ новою бодростью возвращался къ нему. Любопытно также видѣть, какъ много читалъ онъ актовъ новой русской исторіи, которые доставлялись ему изъ архивовъ, и какъ онъ живо представлялъ себѣ, что̀ могъ бы сдѣлать изъ нихъ, еслибъ занялся ближайшими къ намъ временами. Посреди ученой дѣятельности онъ находилъ время и для чтенія замѣчательнѣйшихъ произведеній современной западно-европейской литературы, которыя частью самъ отыскивалъ, частью получалъ отъ обѣихъ императрицъ.

Рядомъ съ этою жизнію мысли и труда какъ богата была его сердечная жизнь! Онъ на дѣлѣ оправдывалъ то, что писалъ однажды къ Батюшкову: „Чувство выше разума: оно есть душа души — свѣтитъ и грѣетъ въ самую глубокую осень жизни“ [83]. Съ неистощимою

любовью и нѣжностью онъ, не смотря на непрерывныя умственныя занятія, удовлетворялъ потребности обмѣна мыслей не только съ своимъ семействомъ и близкими друзьями, но и съ отсутствовавшимъ другомъ своей молодости, Дмитріевымъ. Это самое чувство любви проникало всѣ его отношенія, съ одной стороны, къ собратьямъ его по литературѣ, съ другой—къ императорскому семейству. Какъ необычайно было это сближеніе между монархомъ и человѣкомъ, котораго вся жизнь сосредоточивалась въ кабинетѣ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова безкорыстнымъ жрецомъ науки. Иногда его самого поражала особенность этого явленія, и онъ писалъ въ 1821 году: „Судьба страннымъ образомъ приблизила меня въ лѣтахъ преклонныхъ ко двору необыкновенному и дала мнѣ искреннюю привязанность къ тѣмъ, чьей милости всѣ ищутъ, но кого рѣдко любятъ“ [84]. По характеру и духу образованія Александра I, насъ не можетъ удивлять взаимное сочувствіе этихъ двухъ историческихъ лицъ. Рожденіе обоихъ принадлежало почти къ одной и той же эпохѣ; они были воспитаны среди одинаковой въ сущности атмосферы идей и понятій. Первыя дѣйствія Александра, по вступленіи его на престолъ, воспламенили въ Карамзинѣ энтузіазмъ къ монарху, „юному лѣтами, но зрѣлому мудростью, который (какъ выражался „Вѣстникъ Европы“) открывалъ необозримое поле для всѣхъ надеждъ добраго сердца“ [85]. Карамзинъ съ полною искренностью заговоривъ въ своемъ журналѣ о его необыкновенной благости, замѣтилъ, что „не только Россія и Европа, но и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей“ [86]. Александръ, съ своей стороны, конечно, будучи еще великимъ княземъ, зналъ Карамзина по его сочиненіямъ и цѣнилъ его. Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ Второй, 1802 г., будущій историкъ спрашиваетъ: „Унижается ли монархъ, когда онъ сходитъ иногда съ высоты трона, становится на ряду съ людьми и, будучи любимцемъ *судьбы*, платитъ дань уваженія любимцамъ *природы*, отличнымъ дарованіями?“ [87] Александръ сдѣлалъ болѣе и тѣмъ поставилъ себя, въ глазахъ потомства, неизмѣримо высоко: вѣчною благодарностью обязана русская литература и наука государю, который, приблизивъ къ престолу писателя, своею личною опорою оградилъ его отъ опасностей этого положенія и далъ ему возмножность спокойно и успѣшно продолжать великій трудъ въ тишинѣ уединенія, не нуждаясь въ дворскихъ связяхъ и ненадежномъ покровительствѣ людей случайныхъ. Изъ писемъ исторіографа мы узнаемъ высокій характеръ этихъ необыкновенныхъ отношеній съ обѣихъ сторонъ. Правдивость, откровенность, честность Карамзина во всемъ, что онъ говорилъ и писалъ Александру, равнялась только тому вниманію и великодушію, съ какимъ выслушивалъ его государь, тому безграничному благоволенію, какое

онъ оказывалъ своему *искреннему* (такъ Александръ называлъ Карамзина) — не наградами, не отличіями, но знаками любви и уваженія человѣка къ человѣку [88]. Правда, что „Записка о древней и новой Россіи", которою исторіографъ ставилъ на карту всю свою будущность или, по крайней мѣрѣ, судьбу своего дорогого историческаго труда, эта смѣлая записка временно удалила государя отъ ея автора, но то было на самыхъ первыхъ порахъ ихъ сближенія и впослѣдствіи довѣріе Александра къ Карамзину было тѣмъ полнѣе и тверже. Письмо о Польшѣ [89], хотя также не понравилось государю, однакожъ нисколько не разстроило ихъ прежнихъ отношеній. Александръ говорилъ Карамзину: „Въ нашихъ отношеніяхъ мнѣ особенно пріятно то, что ты ничего отъ меня не ожидаешь, я же знаю, что ты не будешь моимъ историкомъ" [90]. Чувство исторіографа къ императору не было только благоговѣніемъ и благодарностью; это была глубокая, горячая, безкорыстная любовь; всякое сомнѣніе въ томъ исчезаетъ при чтеніи писемъ Карамзина къ Дмитріеву, которыя такъ полны сердечныхъ выраженій преданности къ государю. Таково же было его отношеніе къ обѣимъ императрицамъ и къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая первая изъ особъ императорскаго дома узнала и полюбила Карамзина. Цѣня выше всего умственные интересы, эти царственныя жены умѣли отвести имъ широкое мѣсто въ жизни своей, находили особенное наслажденіе въ частыхъ бесѣдахъ съ писателемъ и своимъ сердечнымъ вниманіемъ украсили его уединенную жизнь въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ. Его переписка съ ними, отличающаяся рѣдкимъ соединеніемъ свободы и простоты съ достоинствомъ тона, остается также краснорѣчивымъ [91] памятникомъ высокаго благородства души его.

Ни разу Карамзинъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ для своихъ личныхъ выгодъ; но не признавая за собою права на новыя благодѣянія государя, не позволяя себѣ даже просить его быть воспріемникомъ новорожденнаго сына [92], постоянно лелѣя завѣтную думу возвратиться въ Москву, онъ радовался, что могъ, живя въ Петербургѣ, дѣлать иногда добро другимъ. Случай къ тому доставляли ему, вообще, его обширныя связи и вѣсъ, которымъ онъ пользовался. Съ особенной готовностью оказывалъ онъ помощь писателямъ, искавшимъ его покровительства: такъ онъ исходатайствовалъ пенсіи Владиміру Измайлову и Сергѣю Глинкѣ [93]; такъ онъ вступился за Пушкина, когда ему угрожало строгое заточеніе за его поэтическія шалости, и достигъ того, что оно было замѣнено удаленіемъ его на службу въ Бессарабію [94].

Всего возвышеннѣе является Карамзинъ въ отношеніяхъ къ своимъ литературнымъ врагамъ. „Дѣлать зла", говорилъ онъ, „не желаю и тѣмъ, которые хотятъ сдѣлать его мнѣ" [95]. Къ главному изъ нихъ, Шишкову, онъ не питалъ никакой непріязни, находилъ въ немъ до-

броту и честность [96] и благодушно сознавалъ пользу, какую извлекъ изъ его критики, въ искусствѣ писать. Язвительныя рецензіи Каченовскаго онъ также называлъ полезными для себя и поучительными и при избраніи Каченовскаго въ члены Россійской Академіи положилъ ему бѣлый шаръ за себя и за своихъ довѣрителей [97]; Ходаковскому, который съ грубыми насмѣшками разбиралъ его исторію, но потомъ прибѣгнулъ къ его помощи, онъ оказалъ услугу не только ходатайствомъ за него передъ правительствомъ, но и денежною поддержкою изъ собственныхъ своихъ средствъ [98]. Съ гордымъ достоинствомъ онъ отзывался о низкихъ на него нападкахъ завистливой посредственности. Его неизмѣннымъ правиломъ съ самой молодости было не отвѣчать на критику; еще путешествуя по Европѣ, онъ восхищался равнодушіемъ Лафатера къ тому, что̀ о немъ писали, видѣлъ въ этомъ знакъ рѣдкой душевной твердости и говорилъ, что человѣкъ, который поступая по совѣсти, не смотритъ на то, что̀ о немъ думаютъ, есть для него великій человѣкъ [99]. Этому взгляду онъ остался вѣренъ до старости; такъ онъ однажды писалъ къ А. И. Тургеневу: „Истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ“ [100]; когда же Коченовскій нападалъ на него въ „Вѣстникѣ Европы“, а Дмитріевъ возбуждалъ его къ полемикѣ, онъ возразилъ ему въ одномъ письмѣ: „А ты, любезнѣйшій, все еще думаешь, что мнѣ надобно отвѣчать на критики! Нѣтъ, я лѣнивъ... Хочу доживать вѣкъ въ мирѣ. Умѣю быть благодарнымъ; умѣю не сердиться и за брань. Не мое дѣло доказывать, что я какъ папа безгрѣшенъ. Все это дрянь и пустота“ [101].

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Карамзинъ слѣдовалъ самымъ строгимъ правиламъ чести и нравственности, не позволяя себѣ кривыхъ путей и даже и въ добрѣ [102]. Однимъ изъ господствующихъ состояній его души было то высокое страданіе любви, которое свойственно только душамъ избраннымъ: онъ живо принималъ къ сердцу все, что касалось не только близкихъ къ нему, но и постороннихъ. Его глубоко огорчало то, что̀, по его мнѣнію, не отвѣчало пользамъ Россіи: всякое общественное дѣло, котораго онъ не могъ одобрить, разстроивало его, мѣшало ему работать. „Ты знаешь, кажется“, говорилъ онъ Дмитріеву, „что̀ я не очень золъ въ отношеніи къ своимъ личнымъ непріятелямъ; но общественныя злодѣйства, которыя можно назвать язвою государственною, трогаютъ меня до глубины души“ [103]. Въ домашнемъ быту никогда не видали его гнѣвнымъ; когда случалось что-либо непріятное, онъ скорбѣлъ, страдалъ, но не сердился. Вообще, въ послѣдніе годы жизни Карамзинъ представляется намъ высокимъ христіаниномъ, мудрецомъ, достигшимъ полнаго мира съ собою, равнодушнымъ къ свѣту и суетѣ его. Славѣ своей онъ не придавалъ большой цѣны и никогда не хвалился ею. Къ концу жизни письма его, всегда полныя достоинства, принимаютъ какой-то особенный

оттѣнокъ яснаго и умилительнаго спокойствія. Вопреки обыкновенной человѣческой слабости, онъ уже рано сталъ говорить о приближеніи старости, о смерти [104]; но онъ говорилъ о нихъ безъ страха и горечи, видѣлъ въ нихъ, какъ и во всемъ, одну свѣтлую, примирительную сторону. „Чтобы чувствовать всю сладость жизни, — писалъ онъ къ Дмитріеву за нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною, — надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ отца. Въ мои веселые, свѣтлые часы я всегда бываю ласковъ къ мысли о смерти, мало заботясь о безсмертіи авторскомъ, хотя и посвятивъ здѣсь способности ума авторству“ [105]. Въ этомъ отношеніи письма его представляютъ что-то совершенно особенное: какъ-будто часъ роковой развязки заранѣе ему извѣстенъ, онъ съ полною увѣренностью предусматриваетъ скорое окончаніе своего земного поприща, и переписка его съ Дмитріевымъ прерывается не внезапно, не неожиданно: онъ самъ съ полнымъ сознаніемъ подготовляетъ и приводитъ насъ къ концу ея. То же видимъ и въ перепискѣ его съ государемъ и съ императрицей Елисаветой Алексѣевной: въ послѣдніе годы пишущіе какъ-бы предчувствуютъ, что смерть постигнетъ ихъ скоро и почти одновременно: они трогательно увѣщеваютъ другъ друга жить долѣе [106].

Я долженъ, хотя слегка, коснуться еще одной стороны въ жизни Карамзина,—его положенія въ литературѣ. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ своей исторіей, онъ увидѣлъ вокругъ себя группу молодыхъ даровитыхъ писателей, которые съ восторгомъ привѣтствовали въ немъ своего учителя. Ихъ сочувствіе, ихъ горячая приверженность были для него дороже самой славы, этой холодной, невѣрной и часто слишкомъ неразборчивой богини. То были такъ называемые Арзамасцы — Тургеневъ, Дашковъ, Блудовъ, Уваровъ, Батюшковъ, Жуковскій и другіе [107]. Празднуя память Карамзина, можемъ ли не посвятить минутнаго воспоминанія и имъ, почти забытымъ въ наше тревожное время, но которые лучше всѣхъ поняли Карамзина и усвоили себѣ его литературно-нравственный кодексъ, какъ дорогое завѣщаніе русскимъ писателямъ. По смерти его, Жуковскій, представившій въ себѣ самое полное преемство этихъ убѣжденій, преданный ихъ родоначальнику съ особеннымъ энтузіазмомъ, всѣхъ теплѣе выразилъ отношеніе къ нему Арзамасцевъ и въ посланіи къ Дмитріеву такъ заключилъ воспоминаніе о Карамзинѣ:

„Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы,
Ей молится Россіи вѣрный сынъ,
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ“ [108].

И таково дѣйствительно должно быть для русскихъ значеніе этой дорогой могилы, изъ которой какъ будто слышатся слова, сказанныя

Карамзинымъ въ предсмертномъ письмѣ къ гр. Каподистріи [109]: „Милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать". Что̀ въ жизни народовъ, въ исторіи ихъ образованія можетъ быть отраднѣе и многозначительнѣе появленія подобныхъ дѣятелей? Они составляютъ вѣнецъ просвѣщенія. Нація, могущая указать въ своихъ лѣтописяхъ на такія лица, имѣетъ право не отчаяваться въ своемъ будущемъ. Но всѣ усилія передовыхъ ея людей должны быть направлены къ тому, чтобы явленія этого рода не оставались у нея одинокими. До тѣхъ поръ, пока воспитаніе и нравы не приготовятъ почвы, благопріятной для развитія личнаго достоинства человѣка, до тѣхъ поръ, пока высокіе характеры не будутъ возникать чаще, никакіе успѣхи ума и матеріальнаго благосостоянія, никакія общественныя реформы не будутъ имѣть полнаго значенія. Примѣръ Карамзина показываетъ, какъ благотворны такіе дѣятели для всего окружающаго ихъ міра. Еще недостаточно оцѣнено то дѣйствіе, какое онъ производилъ на современное ему общество не только какъ публицистъ, разсказчикъ, историкъ, но и какъ высокій моралистъ. Но соприкосновеніе съ такими лицами плодотворно не въ одномъ настоящемъ: ихъ духъ, помыслы и дѣла сохраняютъ свое вліяніе и въ потомствѣ. Можно смѣло сказать, что близкое знакомство съ Карамзинымъ сдѣлалось навсегда необходимымъ элементомъ образованія для каждаго русскаго. Пусть же память его живетъ въ уваженіи; пусть его умственное наслѣдіе будетъ не только предметомъ справедливой народной гордости, но и благодатнымъ посѣвомъ для жатвы будущихъ поколѣній.

ПРИМѢЧАНІЯ.

КЪ «ОЧЕРКУ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ КАРАМЗИНА».

---

1) Два раза Карамзину предлагаема была каѳедра русской исторіи. Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ М. Н. Муравьеву отъ 28 сентября 1803 года онъ говоритъ: „Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы Профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дерптскіе Кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта" [1]). По

[1]) Въ статьѣ Архенхольца о Клопштокѣ, переведенной Карамзинымъ, вниманія заслуживаютъ строки: „Имѣя рѣдкія свѣдѣнія, онъ никогда не хотѣлъ быть профессоромъ, ибо любилъ заниматься и работать свободно, безъ всякаго принужденія" (В. Е. 1803, № 11, стр. 184).

поводу бывшаго юбилея, въ Neue Dörptsche Zeitung (1866, $^{1}/_{13}$ декабря, № 280) напечатано письмо Карамзина, написанное имъ въ отвѣтъ на сказанное предложеніе къ предсѣдателю попечительства дерптскаго университета, графу Мантейфелю. Вотъ оно въ подлинникѣ:

Moscou, le 30 mars 1802.

Monsieur le Comte,

La proposition dont Votre Excellence veut bien m'honorer au nom de Messieurs les Curateurs de l'Université de Dorpat, me pénètre de reconnaissance; et c'est avec peine que je me vois forcé par les circonstances de renoncer au beau titre qui m'est offert. Agréez, Monsieur le Comte, mes sincères remerciemens et les voeux ardens que je fais pour les progrès d'un établissement si intéressant pour tous les vrais amis de la Patrie et des sciences, parmi lesquels j'ose me compter. Un autre plus capable sans doute se trouvera pour remplir la tâche honorable dont Messieurs les Curateurs ne m'ont point cru indigne; mais personne ne me surpasserait en zèle, si je pouvais l'accepter.

C'est avec les sentimens de la plus vive reconnaissance et d'un profond respect que j'ai l'honneur d'être,

de Votre Excellence,

le très humble et très-obéissant serviteur

Karamsine.

Русскій переводъ этого письма напечатанъ въ № 325 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1866 г.

Другое подобное предложеніе было получено Карамзинымъ изъ Харьковскаго университета, уставъ котораго утвержденъ 5 ноября 1804 года. „По открытіи университета, ординарнымъ профессоромъ русской исторіи, географіи и статистики совѣтъ избралъ Карамзина, но исторіографъ не могъ принять каѳедры, посвятивши себя исключительно труду, составившему впослѣдствіи его славу. По полученіи отвѣта Карамзина выборъ палъ на находившагося въ его округѣ знатока русской исторіи, учителя главнаго народнаго училища въ Воронежѣ, Успенскаго" (М. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I", ч. I, стр. 60, 70 и 86. — Ср. Рославскаго-Петровскаго „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія", стр. 22 и 23).

Впослѣдствіи Карамзину предлагаемы были должности губернатора въ Твери и попечителя Московскаго учебнаго округа (передъ назначеніемъ въ нее князя П. А. Оболенскаго 1816 г., см. „Письма" къ Дмитріеву, стр. 202 и 203). Что касается до свидѣтельствъ о *предложеніи* ему званія министра народнаго просвѣщенія („Письма" къ Дмитріеву, стр. 159), то нѣкоторые изъ близкихъ къ Карамзину людей отвергаютъ это и говорятъ, что была *только рѣчь* о порученіи ему мини-

стерскаго портфеля. На этомъ основаніи и г. Погодинъ пишетъ: „Государь, наслышась о достоинствахъ Карамзина, при назначеніи Дмитріева, въ началѣ 1810 г., министромъ юстиціи, имѣлъ мысль поручить Карамзину министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ директора, по малому его чину: онъ былъ тогда надворнымъ совѣтникомъ. Сперанскій отклонилъ это назначеніе, предлагая его сдѣлать прежде кураторомъ московскаго университета („Карамзинъ по его сочиненіямъ" и проч., ч. II, стр. 60). На этотъ разъ Карамзину предпочтенъ былъ для министерства графъ Разумовскій. Послѣ паденія Сперанскаго было опять предположеніе назначить на его мѣсто Карамзина; но Балашовъ, которому государь сообщилъ эту мысль, указалъ на Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота, незадолго передъ тѣмъ обратившаго на себя вниманіе своею рѣчью *О любви къ отечеству* (Изъ Воспоминаній К. С. Сербиновича).

О послѣднемъ предположеніи графъ Блудовъ такъ мнѣ разсказывалъ: „По паденіи Сперанскаго государю называли двухъ кандидатовъ на его мѣсто,—Карамзина и Шишкова. Александръ избралъ Шишкова, вѣроятно по наговорамъ, что Карамзинъ не способенъ къ такой должности. Впослѣдствіи Карамзинъ говорилъ, что онъ былъ радъ тому: въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ Россіи отказаться было бы нельзя, а между тѣмъ онъ не могъ бы говорить въ духѣ, угодномъ государю". — Наконецъ, есть еще извѣстіе, что Александръ думалъ назначить Карамзина преемникомъ князя Голицына по министерству народнаго просвѣщенія. „Странно", замѣчаетъ Е. П. Ковалевскій, „что въ оба раза государь назначалъ Шишкова, какъ бы для того, чтобы показать Карамзину, что въ этомъ выборѣ ни привязанность, ни строгая оцѣнка достоинствъ не имѣли мѣста" („Графъ Блудовъ и его время", стр. 157).

2) Такъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя. Однажды онъ писалъ къ Дмитріеву: „Ты говоришь о достоинствѣ *Исторіографа*: но Исторіографъ еще менѣе Карамзина (между нами будь сказано)". „Письма" къ Дмитріеву, стр. 248.

3) См. въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1861 года мою критическую замѣтку по поводу одной рецензіи изданныхъ незадолго передъ тѣмъ „Писемъ Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому". *(См. ниже)*.— „Память Карамзина", было между прочимъ сказано въ этой замѣткѣ, „дорога всему, что есть въ Россіи образованнаго, и говорить о немъ съ грубымъ презрѣніемъ и насмѣшкою, не значитъ ли показывать большое неуваженіе къ публикѣ, давать разумѣть, что мы считаемъ ее невѣжественною и ничего не смыслящею?"

4) См. Русскій Архивъ 1865 г., стр. 992.

5) Въ Карамзинѣ созрѣлъ благороднѣйшій плодъ изученія въ Россіи европейской литературы 18-го вѣка. Онъ былъ эклектикъ въ

лучшемъ значенiи этого слова. Свою авторскую характеристику, или исповѣдь онъ самъ представилъ въ небольшой статьѣ: „Что нужно автору?“ которая краснорѣчиво оканчивается словами: „Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ“. (Соч. Кар., изд. Смирд., т. III, стр. 372). Здѣсь же Карамзинъ выразилъ свое многознаменательное сочувствiе къ Геснеру и къ Руссо. Еще болѣе развитъ тотъ же предметъ въ статьѣ, написанной 10-ю годами позже (1803): „Отъ чего въ Россiи мало авторскихъ талантовъ?“, въ заключенiи которой выражены слѣдующiя замѣчательныя мысли: „что достоинство народа оскорбляется безсмыслiемъ и косноязычiемъ худыхъ писателей; что варварскiй вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго русскаго краснорѣчiя едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ латинской элоквенцiи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилiя; что онъ, избирая для себя патрiотическiе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству“. (Соч. Кар., т. III, стр. 532).

6) Соч. Карамзина, т. III, „Рыцарь нашего времени“ стр. 265.

7) Тамъ же, т. II, стр. 549.

8) „Бiографическiй Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“, ч. II, стр. 573. При пересмотрѣ однихъ заглавiй сочиненiй Шадена насъ поражаетъ, что Карамзинъ впослѣдствiи писалъ отчасти о тѣхъ же предметахъ или, по крайней мѣрѣ, высказывался о нихъ совершенно согласно съ образомъ мыслей своего бывшаго наставника. Такъ, мы находимъ у Шадена рѣчи на темы: о правѣ родителей въ воспитанiи дѣтей, о монархiяхъ въ отношенiи къ возбужденiю любви къ отечеству, о Екатеринѣ Великой, какъ законодательницѣ (похвальное слово), о воспитанiи дворянскаго юношества, о вредѣ роскоши.

9) См. ниже примѣч. 13.

10) „Бiографич. Словарь Моск. университета“, ч. II, стр. 562.

11) „Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствiе нѣжнаго образованiя души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченiемъ къ дружбѣ, которая, питая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и паренiя“ (Соч. Кар. т. I, „Пантеонъ русскихъ авторовъ“, стр. 578).

12) Соч. Кар., т. III, „Чувствительный и Холодный“, стр. 620.

13) Что воспитанiе Карамзина долго оставалось въ женскихъ рукахъ, о томъ мы можемъ заключить изъ „Рыцаря нашего времени“. Если это и не автобiографiя въ строгомъ смыслѣ слова, по крайней мѣрѣ разсказъ въ родѣ „Wahrheit und Dichtung“ Гёте. При напечатанiи послѣднихъ главъ его (IX — XIII), подъ которыми читается подпись „Ц. П. У. и замѣчено: *„продолженiе впредь“*, Карамзинъ такъ оговорился: „Продолженiе Романа, котораго начало было напе-

чатано въ 13 и въ 18 нумерѣ *Вѣстника Европы* прошедшаго года. Есть-ли читатели забыли его, то слѣдующія главы будутъ для нихъ *отрывкомъ*. Сей Романъ вообще основанъ на *воспоминаніяхъ* молодости, которыми авторъ занимался во время душевной и тѣлесной болѣзни: такъ по крайней мѣрѣ онъ намъ сказывалъ, отдавъ его, съ низкимъ поклономъ, для напечатанія въ журналѣ" (Вѣстникъ Европы 1803, ч. X, № 14, стр. 121 — 142).

Впослѣдствіи Карамзинъ, въ присутствіи К. С. Сербиновича, свидѣтельствовалъ, что онъ Леону приписалъ разныя черты *своего* дѣтства: чтеніе книгъ, изъ которыхъ самою тяжелою по слогу была „Книга языкъ", переведенная съ французскаго Волчковымъ [1]); первая идея о Богѣ; общество дворянъ въ домѣ отца Николая Михайловича, при чемъ гости задумали себѣ и особые мундиры, — все это, по сознанію Карамзина, истина. Графиня, о которой рѣчь идетъ въ разсказѣ, была Пушкина. У мужа ея Николай Михайловичъ бралъ для чтенія книги, и между прочимъ Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго (Воспоминанія К. С. Сербиновича).

Замѣтимъ, что Леонъ до 10 лѣтъ отъ роду ничему не учился; почти все, что онъ зналъ, досталось ему изъ книгъ. Тогда молодая дама, сосѣдка его отца по деревнѣ, стала давать ему уроки исторіи, географіи и французскаго языка; въ послѣднемъ онъ оказалъ особенно быстрые успѣхи. Нѣмецкому Карамзинъ учился первоначально у симбирскаго пожилого врача (И. Дмитріева „Взглядъ на мою жизнь", стр. 38). Въ обоихъ этихъ языкахъ, однакожъ, онъ усовершенствовался позднѣе, во время своего путешествія по Европѣ. *Когда* онъ впервые познакомился съ англійскимъ, — въ точности неизвѣстно. Будучи въ Лондонѣ (1790), онъ сожалѣлъ, что худо зналъ этотъ языкъ и говорилъ между прочимъ: „я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать" (Соч. Кар., т. II, стр. 684, 750).

Первое знакомство Леона съ русской исторіей началось въ раннемъ его дѣтствѣ, когда онъ слушалъ разговоры пріятелей отца своего, которые, какъ онъ выражается, „не знали, что за звѣрь политика и литература, а разсуждали, спорили, шумѣли". Они любили, между прочимъ, *анекдоты старины*, и Леонъ помнилъ, какъ одинъ изъ этихъ гостей, воеводскій товарищъ, разсказывалъ о Биронѣ и Тайной канцеляріи, опираясь на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ ему фельдмаршалъ Минихъ. Леонъ сознавалъ вліяніе, какое имѣла на его характеръ бесѣда этихъ — какъ онъ называлъ ихъ — „достойныхъ матадоровъ провинціи: отъ нихъ онъ заимствовалъ русское дружелюбіе, отъ нихъ набрался духу русскаго и благородной дворянской гордости, — этого чувства своего достоин-

[1]) Смирдинская „Рукопись", № 1295.

ства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ". — Зная образъ мыслей и дѣйствій Карамзина, мы не можемъ сомнѣваться, что здѣсь онъ самъ о себѣ говоритъ разсказывая о Леонѣ.

Первую идею „Рыцаря нашего времени" могла заронить въ душу Карамзина книга, которой начало появилось за нѣсколько лѣтъ до его путешествія и которая произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ „Писемъ русскаго путешественника", написанныхъ имъ по поводу посѣщенія знаменитаго въ то время берлинскаго профессора Филиппа Морица: „Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, *весьма любопытную психологическую книгу*, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли, чувства и развитіе душевныхъ своихъ способностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stilling's Jugendgeschichte, Anton Reiser предпочитаю я всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ" (Соч. Кар. т. II, стр. 84) [1]).

14) Предисловіе къ 2-й книжкѣ Аонидъ.

15) Объ этой меланхоліи во многихъ мѣстахъ сочиненій и писемъ Карамзина.

16) Соч. Кар., т. III, „Что нужно автору?" стр. 371.

17) Еще не довольно было обращено вниманія на полезную сторону такъ называемой сентиментальности Карамзина, именно на благотворное вліяніе, какое онъ именно этимъ характеромъ своихъ сочиненій могъ имѣть на смягченіе нравовъ современнаго ему русскаго общества. Кто пролагаетъ, въ чемъ бы ни было, новый путь, легко вдается въ крайность, и иногда это даже нужно для его успѣха. Ср. предисловіе г. Порошина къ „Lettes d'un voyageur russe" и проч. Paris, 1867, стр. XVII.

18) Соч. Кар., т. III, „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона", стр. 361. Оплакивая своего друга, Карамзинъ между прочимъ спрашивалъ себя, за что покойный полюбилъ его, и такъ рѣшилъ этотъ вопросъ: „Что онъ полюбилъ во мнѣ — не знаю: можетъ быть, пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства". Эти слова любопытны, какъ выраженіе самосознанія Карамзина. Замѣчательно, что хотя онъ не оставилъ никакихъ автобіографическихъ записокъ, хотя даже любилъ уничтожать все, что могло бы удовлетворить любопытству потомства въ отношеніи къ нему, однакожъ никто полнѣе его не высказался въ своихъ

---

[1]) Въ Моск. Журн. (ч. II, стр. 42) вмѣсто „*любопытную*" было сказано „*интересную*". Полное заглавіе книги: „Anton Reiser. Ein psychologischer Roman". (Berlin) 1-я часть вышла 1785, 5-я и послѣдняя — 1794 г., уже послѣ смерти автора († 1793).

сочиненіяхъ. Стóитъ только внимательно прочесть ихъ, чтобы проникнуть во всѣ изгибы его сердца и узнать даже многія подробности его жизни, которыя онъ сообщаетъ при случаѣ; невольно припоминаешь собственныя его слова: „Творецъ всегда изображается въ твореніи, часто противъ воли своей“ (Соч. Карамзина, т. III, стр. 370). Кратковременныя сношенія съ Петровымъ были для развитія Карамзина гораздо важнѣе многолѣтней связи его съ Дмитріевымъ, котораго онъ продолжалъ любить по привязчивости своего сердца, но которому во многомъ не могъ сочувствовать.

19) „Русскій Архивъ“ 1863, стр. 473—486, и 1866, стр. 1756—1763.

20) См. „Письма“ къ Дмитріеву, стр. 35.

21) Карамзинъ уничтожалъ всѣ частныя письма, которыя получалъ.

22) По свидѣтельству М. А. Дмитріева, Карамзинъ при немъ разсказывалъ, что оставилъ Общество Новикова, не найдя той цѣли, которой ожидалъ („Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 35). Впослѣдствіи (въ 1810 г.) онъ писалъ къ А. И. Тургеневу: „Въ Твери видѣлъ я Феслера и говорилъ съ нимъ о метафизикѣ, мистикѣ, масонствѣ, и проч. Онъ напомнилъ мнѣ старину. Все слова, а мало дѣла“ (Москвитянинъ 1855, № 23 и 24, стр. 186). К. С. Сербиновичъ также свидѣтельствуетъ: „Онъ узналъ нелѣпость ученія мартинистовъ, новиковскихъ мистиковъ, и оставилъ ихъ общество“ (Рукопись). Кстати приведу здѣсь изъ того же источника разсказъ объ оставленіи Карамзинымъ военной службы. Во время пребыванія его въ полку, когда наступили военныя обстоятельства, онъ желалъ быть посланнымъ въ дѣйствующую армію; но полковой секретарь, отъ котораго зависѣло это назначеніе, былъ взяточникъ и выбиралъ богатыхъ людей, а Карамзину (у котораго тогда было 100 рублей) отказалъ: Карамзинъ, разочаровавшись въ военной службѣ, вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика.

23) Цѣль путешествія Карамзина видна изъ слѣдующихъ двухъ мѣстъ его Писемъ:

„Окончивъ свое путешествіе, которое предпринялъ я для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми образами, буду жить въ мирѣ съ Натурою“ и проч. (Моск. Журналъ 1791, августъ стр. 174) [1]. — „Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались“ (тамъ же, стр. 172). Въ

[1]) Впослѣдствіи это мѣсто нѣсколько измѣнено Карамзинымъ: вмѣсто „для того“ сказано: „единственно для того“ и вмѣсто „образами“ — „идеями“. См. Соч. Кар., т. II, стр. 149.

„Цвѣткѣ на гробъ моего Агатона“ Карамзинъ говоритъ, что желаніе видѣть природу, видѣть тѣхъ великихъ мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на его чувства, превратилось въ совершенную страсть“ (Соч. Кар. т. III, стр. 363).

24) Соч. Кар., т. II, стр. 27.

25) „Предувѣдомленіе“ передъ 1-й книжкой Московскаго Журнала. — Приведенныя слова чуть не сдѣлались поводомъ къ размолвкѣ между обоими писателями. Державинъ отвѣчалъ, что нѣкоторые недовольны похвалами, которыми Карамзинъ превозносилъ въ своемъ объявленіи пѣвца Фелицы, и что онъ, Державинъ, уже не можетъ, по желанію Карамзина, предлагать другимъ подписываться на журналъ, потому что въ такомъ случаѣ ему, пожалуй, припишутъ изданіе его. На это Карамзинъ возразилъ: „Я сихъ господъ не понимаю... Я сказалъ только: *кто не знаетъ пѣвца Фелицы?* Правда, въ семъ вопросѣ есть похвала; я полагаю, что сей пѣвецъ извѣстенъ всѣмъ, читающимъ русскіе стихи... Гдѣ тутъ излишняя похвала?... Мнѣ сдѣлаютъ много чести, если и по выходѣ первой книжки моего Журнала скажутъ, что вы его издаете. Между тѣмъ конечно нельзя вамъ собирать Субскрибентовъ, когда такъ говорятъ... Журналъ мой уже печатается: въ сей 1-й книжкѣ помѣщено *Видѣніе Мурзы*. Пожалуйте, не оставляйте меня и впредь... Я надѣюсь на васъ, надѣюсь на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу любовь къ Литературѣ“. (Изъ автографа Карамзина).

26) Въ концѣ 1791 года Карамзинъ, обращаясь къ читателямъ Московскаго Журнала, сказалъ между прочимъ: „Постараюсь, чтобы содержаніе Журнала было какъ можно разнообразнѣе и занимательнѣе“ (ноябрская книжка, стр. 247).

27) Въ Сѣверномъ Вѣстникѣ Мартынова за 1804 годъ (№ 8 стр. 141) было напечатано „Разсмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ: *Московскій Журналъ*, изданный на 1791 и 1792 годъ Н. М. Карамзинымъ“. Это впрочемъ не совсѣмъ полное разсмотрѣніе, отзывается нѣкоторымъ нерасположеніемъ къ автору разбираемыхъ рецензій.

28) Моск. Журн., ч. III, августъ 1791.

29) Тамъ же, ч. IV, октябрь.

30) Тамъ же, ч. II, іюнь.

31) Тамъ же, ч. V, февраль 1792.

32) Соч. Кар., т. I, стр. 210.

33) „Письма русск. путеш., письмо 1-е.

34) Моск. Журн. ч. VI, іюнь и ч. VIII, декабрь 1792.

35) „Отъ Издателя къ Читателямъ“ въ концѣ ноябрской книжки 1791.

36) Въ „Невинности“ (Моск. Журн., ч. II, апрѣль 1791), въ „Райской птичкѣ“ (тамъ же, ч. III, августъ 1791), въ „Ліодорѣ“ (тамъ же, ч. V, мартъ 1792).

37) Соч. Кар., т. I, „Пантеонъ русскихъ авторовъ“, стр. 577.

38) Тамъ же, т. III, „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“, стр. 528.

Въ чемъ Карамзинъ полагалъ задачу поэзіи, выражено имъ нѣсколько разъ въ стихахъ его. Въ одной пьесѣ [1]) онъ называетъ поэта „искуснымъ лжецомъ“; въ другой же разъ говоритъ:

„Не истина, но блескъ въ поэтѣ совершенство,
И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
Скорѣе, чѣмъ языкъ простой, нелицемѣрный,
Которымъ говорятъ правдивыя сердца“ [2]).

Не значитъ ли это, что Карамзинъ задачею искусства считалъ ложь, а не истину? Конечно, онъ хотѣлъ только сказать, что поэзія должна производить очарованіе, что вымыселъ долженъ являться намъ истиной, и въ этомъ полагалъ онъ обманъ, или ложь поэзіи.

Въ разсужденіи взглядовъ Карамзина на эту область творчества, стоитъ замѣтить, что онъ самымъ древнимъ родомъ поэзіи считалъ элегію. „Я думаю, что первое піитическое твореніе было ни что иное, какъ изліяніе томно-горестнаго сердца... Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена“. (Развитіе этой мысли см. въ его Соч., т. III, стр. 380).

39) Въ числѣ новыхъ словъ, составленныхъ Карамзинымъ, упомянемъ два: 1) *достижимая* цѣль (Моск. Журн., ч. IV, стр. 310, и Соч. Кар., т. II, стр. 243), съ примѣчаніемъ: „т. е. до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить сіе слово“, и 2) *промышленность*, съ примѣчаніемъ: „Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?“ (Моск. Журн., ч. III, стр. 298). Впослѣдствіи при этомъ словѣ замѣчено: „Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: авторъ употребилъ его первый“ (Соч. Кар., т. II, стр. 168).

40) Соч. Кар., т. III, стр. 600.

41) „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, стр. 97, 99 и 104. Графъ Блудовъ разсказывалъ мнѣ, что еще и по изданію Вѣстника Европы Карамзинъ имѣлъ непріятности отъ цензуры. Журналъ цензировался въ корректурныхъ листахъ. „Мароа Посадница“ (въ началѣ 1803 года) испугала Прокоповича-Антонскаго, который увидѣлъ въ этой повѣсти воззваніе къ бунту и объявилъ, что не можетъ пропустить ее. Карамзинъ былъ очень горячъ: онъ тотчасъ поѣхалъ къ одному изъ кураторовъ Московскаго университета, Коваленскому, и объявилъ, что если запрещеніе состоится, то онъ не останется въ

---

[1]) „Къ бѣдному поэту“ (Соч. Кар., т. I, стр. 66).

[2]) „Къ Эмиліи“ (тамъ же, стр. 225).

Россіи. Тотъ отвѣчалъ, что онъ можетъ жаловаться министру. Тогда Карамзинъ, написавъ письмо на имя Заводовскаго, отправилъ его къ Коваленскому, но получилъ пакетъ обратно нераспечатаннымъ, съ отзывомъ куратора, что дѣло можно и такъ уладить, если Карамзинъ смягчитъ въ повѣсти нѣкоторыя выраженія. Карамзинъ согласился; однакожъ едва ли не ограничился тѣмъ, что вмѣсто слова *вольность* кое-гдѣ поставилъ *свобода*. Цензоръ удовлетворился, замѣтивъ, что еще бы лучше было, еслибъ Мароа въ концѣ повѣсти изъявила раскаяніе. Карамзинъ и помѣстилъ-было тамъ фразу, что въ глазахъ Мароы появились слезы, которыя можно было принять за слезы раскаянія! (однакожъ, въ самомъ дѣлѣ повѣсть кончается словами: „Они шли за нимъ" — граждане за колоколомъ — „съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего", послѣ чего слѣдуютъ три строчки точекъ). Карамзинъ, разсказывая это, прибавлялъ, что онъ былъ очень радъ такой развязкѣ, потому что ему вовсе не хотѣлось покидать Россіи.)

42) Обо всемъ, что здѣсь относится къ царствованію Павла, см. „Письма Карамзина къ Дмитріеву".

43) Тамъ же, стр. 115.

44) Соч. Державина, изъ Акад. Наукъ, т. II, стр. 355.

45) Моск. Вѣд. 1801, № 92, и Объявленіе о продолженіи журнала въ 1803 году (В. Е., ноябрь 1802, № 22).

46) В. Е., 1803, № 17. Письмо подписано: Лука Еремеевъ.

47) Вотъ замѣчательное мнѣніе Сегюра о вредѣ крѣпостнаго состоянія: „...la cause réelle de cette lenteur de la civilisation est l'esclavage du peuple: l'homme serf qu'aucune fierté ne soutient, qu'aucun amour-propre n'excite, abaissé presque au rang des animaux, ne connaît que les besoins physiques et bornés; il n'élève pas ses désirs au-delà de ce qui est strictement nécessaire pour soutenir sa triste existence et pour payer à son maître le tribut qui lui est imposé (Mémoires etc. du comte de Ségur, Paris, 1843, стр. 141).

48) В. Е. 1802, № 12. „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени" (съ подписью: Р. О.).

49) См. примѣч. 46.

50) Записка о древней и новой Россіи.

51) См. Дѣло Радищева въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1865, кн. III.

52) Вотъ первоначальный текстъ этого мѣста, которымъ заключается статья „О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ" (О. О.): „Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-надесять вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными искусствами, литературою и науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества

въ его славномъ теченіи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства“ (Вѣстникъ Европы 1802, № 24). Позднѣе послѣднія слова измѣнены Карамзинымъ такъ: „къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства“ (Соч. т. III, стр. 566).

53) В. Е. 1803, № 5, „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи“.

54) Тамъ же. Ср. Соч. Кар. т. I, стр. 361, въ „Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II“ замѣчаніе о народныхъ училищахъ.

55) См. примѣч. 46.

56) В. Е. 1802, № 4: „О любви къ отечеству и народной гордости“ (У. О.), и № 14: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“, (Ф. Ц.). Жалѣя, что наши дворяне не поступаютъ на профессорскія каѳедры, Карамзинъ говоритъ: „Я душевно обрадовался бы первому феномену въ семъ родѣ“. Вслѣдствіе этого замѣчанія, въ Вѣстникъ Европы (1803, № 11: „Дворянинъ-профессоръ въ Россіи“), черезъ нѣсколько времени прислано было заявленіе, что у насъ есть одинъ дворянинъ-профессоръ, именно Григорій Глинка, по каѳедрѣ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ. Карамзинъ всегда питалъ искреннее уваженіе къ ученому званію, которое онъ называлъ благороднымъ, и старался привлекать способныхъ людей къ педагогическому поприщу, даже въ самой скромной области его, доказывая почетное значеніе народнаго учителя въ „кругу своемъ, гдѣ не онъ имѣетъ надобность въ другихъ, а другіе въ немъ“, такъ что онъ „можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ“. (В. Е. 1802, № 14: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“).

57) В. Е. 1802, № 8: „О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи“. Этой статьи, названной „Письмо изъ Т.*“ и подписанной „NN“, нѣтъ въ собраніи сочиненій Карамзина; но она очевидно принадлежитъ его же перу. Хотя большая часть высказанныхъ въ ней мыслей и повторяется въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Карамзина, однакожъ эта статья особенно любопытна, какъ первое выраженіе взгляда его на учрежденія императора Александра по народному образованію.

58) В. Е. 1803, № 8: „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“ (Ц. Ц.).

59) См. примѣч. 48.

60) В. Е. 1802, № 2: „Странность“ (О. О.).

61) Тамъ же, № 8: „О новыхъ благородныхъ училищахъ“.

62) Тамъ же, № 4: „О любви къ отечеству“ и пр.

63) См. примѣч. 52.

64) См. примѣч. 53.

65) Аглая, кн. II „Филалетъ къ Мелодору“, и В. Е. 1802, № 24: „О случаяхъ и характерахъ въ Росс. Исторіи“ и проч.

66) В. Е. 1803, № 9, въ „Извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ“, говоря о появленіи Вегаба въ Аравіи, Карамзинъ замѣчаетъ: „Внутреннее безсиліе тамошняго (*константинопольскаго*) правительства должно ускорить паденіе огромнаго турецкаго колосса. Оно кажется необходимымъ и близкимъ, произведетъ важную революцію въ мірѣ, и будетъ имѣть великія слѣдствія для человѣчества. Турецкая Исторія служитъ новымъ доказательствомъ истины, что великія Имперіи, основанныя на завоеваніяхъ, должны или просвѣтиться, или безпрестанно побѣждать: иначе паденіе ихъ неминуемо“ (стр. 69). — Въ томъ же году, № 12, въ статьѣ подъ тою же рубрикою замѣчено: „Кто могъ вообразить въ 16 или въ 17 вѣкѣ, что со временемъ Христіянскія Державы будутъ дружески заботиться о цѣлости Турецкой Имперіи? Вотъ торжество великодушія или Политики!“ (стр. 511).

67) Мы видѣли, что при изданіи Московскаго Журнала Карамзинъ выражалъ свое убѣжденіе въ пользѣ критики и въ доказательство ссылался на успѣхи нѣмецкой литературы (см. выше примѣч. 31). Въ программѣ Вѣстника Европы онъ также обѣщалъ критику. Между тѣмъ въ первомъ же нумерѣ новаго журнала онъ, въ формѣ безыменнаго письма къ издателю, высказался противъ критики и между прочимъ замѣтилъ: „Глупая книга небольшое зло въ свѣтѣ: у насъ же такъ мало авторовъ, что не стòитъ труда и пугать ихъ. Но если выдетъ нѣчто изрядное, для чего не похвалить? Самая умѣренная похвала бываетъ часто великимъ одобреніемъ для юнаго таланта“. Еще рѣшительнѣе выразилъ Карамзинъ подобныя мысли въ концѣ перваго года изданія Вѣстника Европы. — То, что имъ сдѣлано внѣ области критики, такъ многозначительно, что потомство не можетъ слишкомъ строго судить его за отсутствіе этого элемента въ его журналѣ; а успѣхъ молодыхъ писателей, которые вскорѣ явились на его сторонѣ и доставили ему рѣшительную побѣду надъ противниками, еще болѣе оправдываетъ его.

Впрочемъ, уклоняясь отъ критики, Карамзинъ въ Вѣстникѣ Европы ясно высказываетъ иногда свое мнѣніе о нѣкоторыхъ явленіяхъ литературы, хотя никого не называетъ. Его статьи: О грамматикѣ француза Модрю“ и о русскомъ пансіонѣ въ Парижѣ: „Странность“ (В. Е. 1802, № 2, и 1803, № 15) показываютъ, что онъ не лишенъ былъ способности къ остроумной и колкой критикѣ.

68) Въ статьѣ „о должности журналистовъ“ (1754 г.) Ломоносовъ замѣтилъ между прочимъ: „Журналистъ свѣдущій проницательный, справедливый и скромный сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ феникса“ (Un Journaliste sçavant, pénétrant, équitable et modeste, est devenu une espèce de Phénix). „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ“, изд. А. Куникомъ, ч. II, стр. 516 и 520.

69) Не получивъ ученаго образованія, Карамзинъ смолоду отли-

чался однакожъ любовью и уваженіемъ къ наукѣ, хотя долго считалъ своимъ призваніемъ и изящную литературу и поэзію. Когда Платнеръ, въ Лейпцигѣ, спросилъ его: „Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?" русскій путешественникъ отвѣчалъ: „Изящнымъ" [1]. Но изъ писемъ его видно, что въ числѣ извѣстныхъ ему уже въ то время писателей были историки, лѣтописцы, философы: онъ уже зналъ Брантома, Фруассара, Мабли, Архенгольца, Юма, Іоанна Мюллера, Канта. „Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія", говорилъ онъ, „видя, какъ науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и на югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ и уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ мизософы, а науки — святое дѣло". (Соч. Кар., т. II, стр. 524). Онъ же впослѣдствіи, выражая желаніе видѣть русскихъ профессоровъ изъ дворянъ, восклицалъ: „Что въ самомъ дѣлѣ священнѣе храма наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можетъ гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богатствъ разума и великихъ дѣлъ?" (Вѣстн. Евр. 1803, № 8, „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей"). Около того же времени онъ замѣтилъ: „Наука даетъ человѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи" (тамъ же, 1802, № 16 „Историч. воспом. на пути къ Троицѣ").

70) Извлеченіе изъ рукописей покойнаго профессора Барсова (ум. 21 янв. 1792 г.) [2] было напечатано подъ заглавіемъ: „Сводъ бытій россійскихъ". Авторъ совѣтуетъ составить подробные списки какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ источниковъ и разсуждаетъ о предѣлахъ самой исторіи. Особенно любопытно слѣдующее его замѣчаніе: „Такой сколько можно полный сводъ составитъ матерію порядочной и довольно полной исторіи; но самое сіе собираніе и сличеніе суровья (*матеріала*), тѣмъ паче самая исторія не иначе какъ собраніемъ нѣскольких ученыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей произведена быть можетъ въ дѣйство, при надлежащихъ пособіяхъ и награжденіяхъ, чего удобнѣе желать можно, нежели надѣяться" (Моск. журн. 1792, ч. VII, сент., стр. 344).

71) Соч. Кар., т. III, стр. 687.

72) Въ статьѣ: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ" (В. Е. 1802, № 14) Карамзинъ сказалъ: „Надобно заглядывать въ общество... но жить въ кабинетѣ". Эта мысль сдѣлалась закономъ всей остальной его жизни. При всемъ его трудолюбіи и прилежаніи, при всемъ его талантѣ, почти непонятно, какъ онъ могъ упо-

---

[1] При этомъ словѣ онъ „закраснѣлся", какъ сознается въ письмѣ отъ 15 іюля 1789, — прибавляя: „знаю, отъ чего — можетъ быть, и вы, друзья мои, знаете". Припомнимъ, что по-нѣмецки онъ долженъ былъ сказать: „den Schönen". Въ Московскомъ Журналѣ объяснено было въ выноскѣ: „Пріятель мой подъ изящными науками разумѣетъ les belles lettres".

[2] Не 1791, какъ у Евгенія, Греча и въ Словарѣ Моск. профессоровъ.

требить только 12 лѣтъ (1804 — 1815) на сочиненіе первыхъ восьми томовъ своей Исторіи. Надобно принять въ расчетъ домашнія тревоги его, хлопоты по случаю кончины тестя (1807), частыя болѣзни, наконецъ нашествіе непріятеля, которое, заставивъ его покинуть Москву, на долгое время совершенно прервало его занятія. Замѣтимъ мимоходомъ, что никто не понималъ такъ, какъ Карамзинъ, великой истины, что въ самомъ трудѣ заключается высшая его награда (см. его академическую рѣчь 1818 г.), никто не былъ такъ способенъ искать въ трудѣ только его совершенства, никто не имѣлъ столько душевной силы для труда неутомимаго.

73) „Письма“ Кар. къ Дм. стр. 235, 096 и слѣд.

74) Прежде всего Исторію Государства Россійскаго перевели на французскій языкъ St. Thomas и Jauffret: они работали сперва каждый самъ по себѣ, а потомъ вмѣстѣ („Письма“ Кар. къ Дм., 0115). На нѣмецкій языкъ переводилъ Исторію Карамзина директоръ царскосельскаго лицейскаго пансіона, Гауэншильдъ. Въ 1821 г., весной, исторіографъ получилъ изъ Венеціи три первые тома своего труда, переведенные съ французскаго на итальянскій языкъ Москини и Гамбой. 1 января 1824 г. онъ подарилъ К. С. Сербиновичу польскій переводъ, присланный къ нему изъ Варшавы переводчикомъ Григоріемъ Бучинскимъ. 19 января того же года Карамзинъ ждалъ къ себѣ Шредера, нѣмецкаго переводчика IX тома. Во Франціи IX и X томы переводилъ Auger съ помощію Дивова (Воспоминанія г. Сербиновича). Коцебу также намѣревался перевести Исторію Государства Россійскаго („Письма“ къ Дм., стр. 249).

75) „Неизд. соч.“ Карамзина, стр. 166.

76) Götting. gelehrte Anzeigen 1822, т. II, № 133 и 134, стр. 1321. Ср. „Письма“ Кар. къ Дм., стр. 0151.

77) Moniteur Universel 1820, 1 ноября, № 306. Статья оттуда перепечатана въ „Письмахъ“ Кар. къ Дмитріеву, стр. 0138.

78) „Письма“ Кар. къ Дм., стр. 299.

79) Насчетъ происхожденія „Записки о древней и новой Россіи“ извѣстно мнѣ, частію изъ разсказовъ графа Блудова [1]), слѣдующее: Послѣ продолжительнаго разговора съ Карамзинымъ о положеніи дѣлъ въ Россіи, Екатерина Павловна просила его развить тѣ же мысли письменно. Это было, вѣроятно, въ ноябрѣ 1810 года, когда исторіографъ въ первый разъ посѣтилъ великую княгиню въ Твери („Неизд. соч.“, стр. 88). Уже 14 декабря того же года она пишетъ къ нему: „жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ*“. Въ первой половинѣ февраля 1811 г. онъ отвезъ въ

---

[1]) Объ этомъ я слышалъ отъ него 12 декабря 1860 года, и сообщаю нѣкоторыя подробности, о которыхъ нѣтъ у г. Погодина.

Тверь эту записку, писанную рукой жены его, которая, никогда съ нимъ не разставаясь, и теперь сопровождала его. Екатерина Павловна стала читать рукопись вмѣстѣ съ нимъ и много бесѣдовала о каждомъ предметѣ. Послѣ нѣсколькихъ чтеній Карамзинъ далъ ей почувствовать, что если они будутъ такъ продолжаться, то на это потребуется слишкомъ много времени. Тогда дѣло было ускорено и, по окончаніи чтенія, великая княгиня спрятала тетрадь въ свое бюро (Карамзинъ, разсказывая о томъ послѣ, вспоминалъ, какъ при этомъ щелкнулъ замо́къ). Онъ остался въ восторгѣ отъ тогдашняго своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Твери (см. письмо отъ 19 февр. въ перепискѣ съ Дмитріевымъ). Государя ждали туда къ 14 марта; къ этому времени Екатерина Павловна пригласила туда и исторіографа. Обыкновенно думаютъ, что Карамзинъ, бывъ здѣсь представленъ Александру, *читалъ* ему свою записку. Это — недоразумѣніе: читана была только Исторія. Записка же была передана императору великою княгиней 18 марта, наканунѣ его отъѣзда. На другой день онъ обошелся съ исторіографомъ холодно, не говорилъ съ нимъ ни слова, какъ-будто не замѣчалъ его, и уѣхалъ не простившись съ Карамзинымъ. Это несогласно съ письмомъ послѣдняго къ Дмитріеву, отъ 20 марта; но понятно, что Карамзинъ, не считая себя въ правѣ говорить кому бы ни было о запискѣ, не могъ говорить и о произведенномъ ею дѣйствіи: все то, что онъ пишетъ къ своему другу, могло предшествовать послѣдней встрѣчѣ съ государемъ. Уѣзжая и самъ 22 марта, онъ рѣшился попросить у великой княгини своей записки, но услышалъ, что она въ хорошихъ рукахъ (le manuscrit est en bonnes mains)... Когда Карамзинъ, находясь въ Петербургѣ, въ 1816 г., получилъ ленту, то онъ писалъ къ женѣ, что государь пожаловалъ ему эту награду *самымъ пріятнѣйшимъ образомъ*. Разсказъ графа Блудова объясняетъ эти слова: государь, наградивъ Карамзина, замѣтилъ ему съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту не за *Исторію*, а за *Записку*. Аракчееву, какъ врагу Сперанскаго, прибавлялъ графъ, не трудно было примирить Александра съ Карамзинымъ, который въ запискѣ своей осуждалъ Сперанскаго. При паденіи послѣдняго, исторіографъ говорилъ въ пользу его; но императоръ горько отозвался о нравственномъ достоинствѣ опальнаго.

Карамзинъ былъ такъ совѣстливъ и деликатенъ, что не оставилъ у себя копіи съ записки. До самой смерти своей онъ не зналъ, куда она дѣвалась; государь никогда не говорилъ о ней, да и самъ Карамзинъ не позволялъ себѣ упоминать объ этомъ дѣлѣ, даже въ разговорѣ съ самыми близкими. Только по кончинѣ Александра Павловича, онъ просилъ Блудова и Дашкова поискать записки между бумагами императора, которыя имъ поручено было разобрать. Но они ея не нашли: попавшаяся имъ рукопись, которую они приняли было за со-

чиненіе Карамзина, была записка Радищева объ улучшеніи законодательства, — та самая, по поводу которой онъ отравился [1]).

Графъ Блудовъ думалъ, что впослѣдствіи записка Карамзина отыскалась въ бумагахъ Аракчеева, потому, что она сдѣлалась извѣстною вскорѣ послѣ смерти этого временщика. Но по другому свидѣтельству (Греча), она распространилась изъ рукъ покойнаго Борна, бывшаго секретаремъ великой княгини Екатерины Павловны, или учителемъ дѣтей ея.

Записка напечатана, хотя не совсѣмъ исправно, въ Берлинѣ 1861 г.

80) Противное этому мнѣніе, по которому записка Карамзина не болѣе „какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя", см. въ соч. барона М. А. Корфа „Жизнь графа Сперанскаго", т. I, стр, 143.

81) См. въ „Русск. Архивѣ" 1864, № 7 и 8, стр. 868 и 869, библіографическую замѣтку г. Лонгинова.

82) Вотъ что Карамзинъ писалъ въ 1815 году къ Екатеринѣ Павловнѣ о своихъ историческихъ занятіяхъ (перевожу, какъ можно ближе, съ французскаго подлинника):

„Вы приглашаете меня быть историкомъ нашего времени: въ порывѣ энтузіазма, возбужденнаго великими событіями, я самъ имѣлъ эту мысль; но, обдумавъ дѣло, нашелъ, что оно представляетъ много трудностей. Исторія, скромная и важная, любитъ безмолвіе страстей и могилъ, отдаленность и сумерки, и изъ всѣхъ грамматическихъ временъ ей всего болѣе сродно *прошедшее совершенное* (le prétérit parfait). Живое движеніе, шумъ настоящаго, близость предметовъ и слишкомъ яркое ихъ освѣщеніе смущаютъ ее; то, что воспламеняетъ поэта, оратора, мѣшаетъ историку, у котораго всегда на языкѣ слово *но*. Къ тому же, станетъ ли у меня духу покинуть древнихъ героевъ моихъ, забытыхъ неблагодарнымъ свѣтомъ, чтобы гоняться за героями новыми, которыхъ лавры еще такъ лучезарны и подвиги такъ громки? Ибо надлежало бы оставить въ сторонѣ мою *Исторію Россіи*: вѣка моего не станетъ, чтобы довести ее до нашихъ дней Знаете ли Вы, какъ мало я еще подвинулся? Меня занимаетъ Іоаннъ Грозный, этотъ изумительный феноменъ между величайшими и самыми дурными монархами. Боже, какой предметъ! Онъ стоитъ Наполеона. Поверженный въ уныніе ужасами этого царствованія, духъ мой ободряется при видѣ мужа добродѣтельнаго, который для спасенія отечества, становится между нимъ и тираномъ; онъ падаетъ жертвою ярости злодѣя, но заслуживъ напередъ удивленіе вѣковъ. Имя этого

[1]) Государь передалъ эту записку въ комиссію составленія законовъ. Предсѣдатель, князь П. В. Лопухинъ, прочитавъ ее, спросилъ у Радищева: „Неужели ты опять хочешь попасть въ Сибирь?" Испуганный Радищевъ принялъ яду.

великаго человѣка (Адашева) было почти вовсе неизвѣстно у насъ: сердце мое ощущаетъ особенную отраду при такихъ открытіяхъ. Я не покидаю мысли ѣхать въ Петербургъ и тамъ напечатать свою Исторію, только что Государь возвратится. Смѣю надѣяться на Ваше покровительство въ этомъ случаѣ". („Неизданныя сочиненія", стр. 118 и слѣд.).

83) Соч. Кар. т. III, стр. 700 и 701.

84) „Письма" къ Дмитріеву, стр. 316.

85) Вѣстн. Европы 1802, № 8, „О новыхъ благородныхъ училищахъ".

86) Тамъ же 1803, № 5, „О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи".

87) Соч. Кар. т. I, стр. 365. Въ чрезвычайномъ собраніи Россійской Академіи 5 іюня 1801 года новый президентъ ея, Нартовъ, предложилъ, между прочимъ „пригласить упражняющихся въ Россійской словесности къ сочиненію похвальнаго слова Императрицѣ Екатеринѣ Великой, яко виновницѣ славы, величія и благоденствія, коими наслаждается отечество наше, яко щедрой покровительницѣ наукъ и художествъ и яко основательницѣ Академіи Россійской", о чемъ тогда же объявлено было въ Вѣдомостяхъ. Вслѣдствіе того, 22 марта 1802 г., членъ Академіи, сенаторъ И. С. Захаровъ читалъ въ собраніи написанное имъ похвальное слово Екатеринѣ II.

Хотя Карамзинъ и не представилъ въ Академію своего сочиненія на тотъ же предметъ, однакожъ оно, вѣроятно, было предпринято имъ также по поводу помянутаго вызова. Его Похвальное слово Екатеринѣ было напечатано въ началѣ 1802 года, какъ видно изъ „Писемъ" его къ Дмитріеву (см. стр. 123 и 124).

Сочиненіе это, не менѣе другихъ трудовъ Карамзина, важно для психологическаго изученія. Справедливость, отдаваемая имъ великой женщинѣ, — одно изъ самыхъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ его высокаго безпристрастія, незлобія и скромности: онъ какъ будто и не замѣтилъ того равнодушія и невниманія, съ какимъ его многозначительная литературная дѣятельность была встрѣчена покровительницею просвѣщенія и талантовъ. „Я зрѣлъ", говоритъ онъ, „лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе" и т. д. (Соч. Кар. т. I, стр. 279 и 365). Любопытенъ въ „Похвальномъ словѣ" отзывъ Карамзина о русской литературѣ при Екатеринѣ II: „Но сіи два поэта" (Ломоносовъ и Сумароковъ) „не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли *ясно для ума*, *пріятно для слуха*, и *вкусъ* сдѣлался *общимъ*" (тамъ же, стр. 363). Карамзинъ, при этихъ словахъ, кажется, имѣлъ въ виду и свое собственное участіе въ такомъ успѣхѣ литературы. Нельзя также не обратить вниманія на слѣдующія строки, по отношенію ихъ ко взгляду Карамзина на готовившіяся реформы

новаго царствованія: „Самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа... Самое пламенное желаніе осчастливить народъ можетъ родить бѣдствія, если оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія" (тамъ же, стр. 370).

88) „Неизд. Соч." Кар. стр. 35, 170, 179. „Письма" къ Дм., стр. 285, 312, 316. — Соч. Кар. т. III, стр. 733.

89) „Неизд. Соч.", стр. 3: „Мнѣніе русскаго гражданина".

90) Слышано отъ родныхъ исторіографа.

91) „Неизд. Соч.", стр. 37 — 85.

92) „Письма" къ Дм., стр. 265.

93) Тамъ же, стр. 376, 382, 392.

94) Тамъ же, стр. 290.

95) Тамъ же, стр. 245.

96) „Неизд. Соч." Кар., стр. 144 и 148.

97) „Письма" къ Дм., стр. 261.

98) Тамъ же, стр. 279 и 0120.

99) „Лафатеръ", писалъ онъ изъ Цюриха, „давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости, и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великій человѣкъ". (Соч. Кар. т. II, стр. 233).

100) Соч. Кар., т. III, стр. 704.

101) „Письма" къ Дм., стр. 276.

102) „Знаешь ли, что бы могло привязать меня къ Петербургу (между нами будь сказано)? Случай дѣлать иногда добро людямъ; но это очень невѣрно, и колетъ инымъ глаза; я же (видитъ Богъ) не хвастунъ, и въ самомъ добрѣ не люблю кривой дороги. Allons donc planter nos choux" („Письма" къ Дм., стр. 260).

103) Тамъ же, стр. 153.

104) Мысль, что въ смерти нѣтъ ничего страшнаго, Карамзинъ началъ высказывать еще въ молодости: см. въ „Письмахъ русскаго путешественника" мѣсто, начинающееся словами: „Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы" (Соч. Кар., т. II, стр. 204; ср. тамъ же стр. 188 и еще выше, стр. 30, слова Канта: „Я утѣшаюсь, что мнѣ уже 60 лѣтъ и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую").

105) „Письма" къ Дм., стр. 409.

106) „Вы любимы и любите: живите же какъ можно долѣе: то есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ Небо! Чѣмъ долго-

временнѣе служба, тѣмъ болѣе и награды" (Письмо Карамз. къ имп. Елисаветѣ Алексѣевнѣ отъ 13 янв. 1825, „Неизд. соч." стр. 65). См. тамъ же отвѣтъ императрицы и далѣе слова Карамзина: „Да исполнитъ Богъ мою молитву объ Васъ, а я радъ исполнить Ваше милостивое приказаніе, и жить, пока Ему угодно".

107) „Неизд. соч.", стр. 151, 153, 156, 160, 165, 170, 179.

108) „Стихотворенія" Жуковскаго, т. IV, стр. 137. Въ оглавленіи это посланіе невѣрно отнесено къ 1822 году; оно написано въ 1831.

109) Тамъ же, т. VII, стр. 347. (Письмо это переведено Жуковскимъ съ французскаго подлинника).

Настоящій „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина" былъ напечатанъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1866 года, № 323 и 324, съ значительнымъ сокращеніемъ первой половины его, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ читанъ въ Академіи [1]).

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА [2]).

1861.

Письма Карамзина къ Алексѣю Өедоровичу Малиновскому и письма Грибоѣдова къ Степану Никитичу Бѣгичеву. Изданіе Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена и секретаря Общества М. Н. Лонгинова, Москва. 1860 г.

Съ большимъ интересомъ прочли мы въ этой книгѣ 73 письма Карамзина, изъ которыхъ первое отъ 17 февраля 1813 г., а послѣднее отъ 22 апрѣля 1826 г., то-есть писано ровно за мѣсяцъ до кончины исторіографа. Слѣдовательно они объемлютъ послѣднія 13 лѣтъ

---

[1]) Къ 100-й годовщинѣ рожденія Н. М. Карамзина были изданы, по порученію Академіи наукъ, Я. К. Гротомъ, совмѣстно съ П. Пекарскимъ, „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву", Спб. 1866 (483 стр. текста и 214 примѣчаній). Въ этомъ изданіи Я. К. Гроту принадлежитъ II-й отдѣлъ писемъ, съ приложеніями I—III, и примѣчанія къ нимъ. *Ред.*

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1861, т. 32, Литер. обозр., стр. 145.

его жизни. Хотя они и не содержатъ особенно важныхъ и новыхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, однакожъ любопытны тѣмъ, что проводятъ передъ нами всю вторую половину его исторической дѣятельности. Сами по себѣ подробности, заключающіяся въ этихъ письмахъ, повидимому незначительны, но всѣ они вмѣстѣ служатъ къ составленію довольно полной характеристики даровитаго автора и изъ совокупности ихъ нельзя не вынести отраднаго впечатлѣнія. Мы здѣсь видимъ Карамзина безпрестанно за великимъ трудомъ его; несмотря на упадокъ силъ, на слабѣющее зрѣніе, на хворость свою онъ неизмѣнно вѣренъ задачѣ своей жизни. Ни семейныя радости и заботы, ни наслажденіе природою, ни близость ко двору не могутъ отвлечь его отъ предпринятаго подвига. Онъ живетъ для своей идеи, не на словахъ, а на дѣлѣ; онъ осуществляетъ ее въ потѣ лица, принося ей въ жертву не только здоровье, но и цѣлые годы жизни: нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы силы Карамзина не были истощены неумѣренною умственною работой, то онъ при своемъ сложеніи могъ бы прожить гораздо долѣе. Мы узнаемъ изъ этихъ писемъ радости и печали Карамзина: какъ нѣжный семьянинъ, онъ болѣе всего тревожится опасностями, которыя угрожаютъ его домашнему счастью, болѣзнью дѣтей, страданіями жены. Но у него есть и другія огорченія: это неизбѣжныя препятствія въ работѣ — то отсутствіе необходимыхъ пособій, то утомительное и убійственное для глазъ чтеніе корректуръ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ его и отрады умственнаго труда, то житейскія тревоги и дрязги. Иногда Карамзинъ огорчается толками нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ критиковъ объ его *Исторіи*. Кто не знаетъ, что у него были враги и завистники, которые пытались затмить его славу? Онъ бы долженъ былъ предвидѣть, что всѣ эти толки нисколько не повредятъ ему и забудутся въ самое короткое время; но при мягкой натурѣ своей онъ не имѣлъ довольно твердости, чтобы равнодушно сносить усилія бездарности унизить его, а раздѣлялъ въ этомъ отношеніи слабость многихъ даровитыхъ людей. Извѣстно, что и на Пушкина сильно дѣйствовала всякая журнальная брань, изъ чего видно, что талантъ не исключаетъ малодушія. Наконецъ Карамзина, въ послѣдніе годы его жизни, иногда сокрушали европейскія событія. О политическихъ его убѣжденіяхъ здѣсь разсуждать не мѣсто; можно не вполнѣ раздѣлять ихъ, но нельзя не уважать его за то, что они были искренни и тверды. Впрочемъ, Карамзинъ въ самыхъ убѣжденіяхъ своихъ сохранялъ сознаніе человѣческой ограниченности, и, говоря о политическихъ дѣлахъ 1821 г., прибавлялъ: „Умъ не велитъ мнѣ ничего желать, а сердце желаетъ того, что́ кажется ему добрымъ, *хотя всѣ мы слѣпцы въ семъ мірѣ*" (№ 49). Карамзина радовала милость государя, но, что весьма рѣдко, онъ въ счастьи не измѣнилъ своему призванію, не утратилъ простоты

сердца, не заразился ни спѣсью, ни ненасытною алчностью къ наградамъ и почестямъ, и не лицемѣрно былъ преданъ тѣмъ, которые ему благодѣтельствовали. При своемъ благородномъ образѣ мыслей и чистотѣ души, Карамзинъ не могъ не чувствовать глубокой благодарности къ императору Александру I, которому былъ обязанъ и возможностью посвятить себя исключительно русской исторіи, и всѣмъ своимъ благосостояніемъ. Не забудемъ также, что Карамзинъ могъ бы сдѣлаться жертвою вражды и клеветы, если бы государь менѣе понималъ его и повѣрилъ доносамъ. Но дорожа царскою милостью, Карамзинъ тяготился наружными обязанностями, которыя дворская суета влечетъ за собою и въ исполненіи которыхъ многіе полагаютъ всю свою гордость и все свое счастіе, заглушая въ себѣ всѣ высшія потребности души: напротивъ того, Карамзинъ умѣлъ освободиться отъ этихъ узъ. Такъ, онъ писалъ еще въ 1816 году изъ Царскаго Села: „Не могу изобразить вамъ, какъ мнѣ бываетъ тяжко и грустно. Чувствую, что я не созданъ для здѣшней (то-есть царско-сельской) жизни, и что мнѣ нравилось бы доживать вѣкъ свой въ уединеніи, съ вами, моими немногими друзьями московскими. Можетъ-быть я сдѣлалъ ошибку...“ (№ 9). „Не ищу никакихъ связей, говоритъ онъ въ другой разъ: даже кажусь неучтивцемъ. Но, воля ихъ, не могу соблюдать всѣхъ пристойностей свѣтскихъ“ (№ 13). Въ день бракосочетанія великаго князя Николая Павловича, Карамзинъ остался въ Царскомъ и писалъ: „Я не могъ оставить жены, да и не мое дѣло быть въ толпѣ блестящей“ (№ 18).

Любя по характеру и занятіямъ уединеніе, онъ въ послѣдніе годы становился все лѣнивѣе на выѣзды; а вслѣдствіе сидячей жизни и умственнаго напряженія впадалъ нерѣдко даже въ хандру. Но ничто не могло охладить и измѣнить его пылкаго отъ природы сердца, что онъ и самъ сознавалъ. Какою теплотою дышатъ всѣ эти письма къ А. Ѳ. Малиновскому, которому онъ однажды говорилъ: „Вы одинъ изъ немногихъ старинныхъ искреннихъ друзей моихъ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ: я знаю, что вы меня любите, и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ самыхъ чувствительныхъ горестяхъ моей жизни“ (№ 4). Безъ сомнѣнія, намъ не могутъ особенно нравиться въ этихъ письмахъ безпрестанно повторяющіяся изъявленія дружбы, заочныя привѣтствія и поклоны; но Карамзинъ и писалъ все это не для насъ. Въ сущности письма, гдѣ пишущій вовсе не думаетъ о постороннихъ читателяхъ, ни современныхъ, ни будущихъ, гдѣ онъ совершенно на распашку, такія письма и представляютъ самый большой интересъ, потому что въ нихъ жизнь отражается безъ всякой прикрасы, а къ жизни такого человѣка, какъ Карамзинъ, русскіе не могутъ быть равнодушны. Посреди всѣхъ ея впечатлѣній и отрывочныхъ слѣдовъ, оставшихся въ этихъ письмахъ, вездѣ неотлучно присутствуетъ

одна идея, наполнявшая всю эту благородную жизнь: это *Исторія Государства Россійскаго.* По письмамъ къ Малиновскому, мы можемъ прослѣдить почти всю внутреннюю сторону работы надъ этою книгой: мы видимъ, какими эпохами Карамзинъ занимался съ особенною любовью (напр. „Я теперь весь въ Годуновѣ, вотъ характеръ исторически-трагическій!“ (№ 51); какъ смотрѣлъ онъ на многіе памятники, съ какимъ жаромъ и прилежаніемъ пользовался ими, какъ радовался, когда получалъ ихъ иногда послѣ долгаго ожиданія; наконецъ какое значеніе въ исторіи этого труда пріобрѣлъ Малиновскій, который, какъ начальникъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, снабжалъ Карамзина многими важными актами: „Ваше дружеское содѣйствіе оживляетъ мою добрую волю въ исторической работѣ“, писалъ онъ въ концѣ 1822 г. (№ 61). Любопытно также, какъ исторіографъ чрезъ него часто получалъ разныя пособія отъ Калайдовича.

Заимствовавъ здѣсь нѣсколько данныхъ для характеристики Карамзина изъ писемъ его къ Малиновскому, мы еще далеко не исчерпали предмета; притомъ мы не останавливались на частностяхъ и не упомянули вовсе о многихъ чертахъ домашней жизни Карамзина, которыя можно узнать изъ этихъ писемъ, также о нѣкоторыхъ подробностяхъ внѣшней исторіи его труда, относящихся напр. къ печатанію его, изданію и сбыту, а между тѣмъ и это все не лишено своего рода занимательности въ вопросѣ о такомъ важномъ дѣлѣ.

Недавно кто-то, разбирая эти письма въ *Современникѣ* (№ 3), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ, и о московскомъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, которое ихъ издало. Явленіе это не ново: въ нѣкоторой части нашего литературнаго міра принято за правило показывать презрѣніе ко всему, что́ не подходитъ подъ мѣрку извѣстныхъ воззрѣній и требованій. Сами по себѣ эти воззрѣнія и требованія насъ не удивляютъ, какъ естественный плодъ ближайшаго къ намъ прошедшаго; но изумительна близорукая исключительность, которая внѣ ихъ ничего не видитъ и не признаетъ. Неужели Карамзинъ и вся его дѣятельность теряютъ всякое значеніе и всякую цѣну въ литературѣ только отъ того, что онъ жилъ ранѣе насъ и не могъ принимать участія въ тѣхъ интересахъ, которые пробудились недавно? Ужели дѣйствительно одна настоящая минута и въ ней только извѣстныя одностороннія начала и стремленія имѣютъ право на вниманіе и сочувствіе человѣчества? Память Карамзина дорога всему, что́ есть въ Россіи образованнаго, и говорить о немъ съ грубымъ презрѣніемъ и насмѣшкою, не значитъ ли показывать большое неуваженіе къ публикѣ, давать разумѣть, что мы считаемъ ее невѣжественною и ничего несмыслящею?

Насъ удивило также, что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самые незначительные, могущіе слу-

жить къ оправданію любимой точки зрѣнія, и забылъ тѣ, которые представляютъ исторіографа въ другомъ свѣтѣ, каковы нѣкоторые изъ выписанныхъ нами.

Мы совершенно согласны съ *Современникомъ*, что письма Грибоѣдова, напечатанныя вмѣстѣ съ Карамзинскими, гораздо занимательнѣе послѣднихъ. Но рецензентъ не далъ себѣ труда подумать о причинахъ разности между тѣми и другими. Карамзинъ переписывался въ старости; Грибоѣдовъ, когда писалъ свои письма, былъ молодымъ человѣкомъ, мечталъ, задумывался надъ задачами жизни, старался опредѣлить самого себя; составлялъ планы для будущаго. Карамзинъ велъ однообразную, кабинетную жизнь, весь жилъ въ своемъ трудѣ; Грибоѣдовъ былъ то тутъ, то тамъ, путешествовалъ, писалъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Карамзинъ былъ скупъ на время, дорожилъ каждою минутой для своего громаднаго труда; у Грибоѣдова было много досуга, и потому его письма вообще длиннѣе писемъ Карамзина, которыя, по справедливому замѣчанію *Современника*, часто могутъ быть скорѣй названы записками. Но кромѣ того и оборотъ ума, и свойства таланта Грибоѣдова, и отношенія его къ Бѣгичеву должны были особенно благопріятствовать занимательности его писемъ. Изъ нихъ мы въ первый разъ знакомимся коротко съ интересною и высокою личностью Грибоѣдова. Рецензентъ *Современника* выписалъ изъ писемъ его нѣсколько дѣйствительно очень любопытныхъ мѣстъ; но замѣтилъ ли онъ слѣдующее? „На этомъ пепелищѣ (т. е. остаткахъ прежней Кафы) господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники и съ нами — духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло; ни одного участка древняго города невзрытаго, неперекопаннаго. Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія“ (№ 17).

Не тѣмъ ли самымъ духомъ разрушенія мы отличаемся и въ отношеніи къ своимъ невещественнымъ богатствамъ? Не такъ ли же разрушаемъ не только чужое, но и свое, какъ скоро оно изъ сегодняшняго сдѣлалось вчерашнимъ? Послѣднія изъ приведенныхъ строкъ будутъ еще знаменательнѣе съ измѣненіемъ въ нихъ только двухъ словъ: „*Сами указываемъ будущимъ поколѣніямъ, которыя послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ настоящее племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.*“

Этотъ самый духъ обнаруживается и въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ критиковъ такъ сильно, что снисхожденіе, оказанное на этотъ разъ Грибоѣдову, насъ поразило. Мы объясняемъ себѣ это только тѣмъ, что до него еще не дошла очередь: что его пощадили сегодня, не

значитъ, что онъ простоитъ завтра; сегодня *X* плюнулъ въ Карамзина, а завтра *Y* броситъ грязью въ Грибоѣдова. Вѣдь добрались же ужъ и до Пушкина.

Послѣднiй трудъ Я. К. Грота, вышедшiй уже послѣ его кончины (1893), былъ также посвященъ Карамзину. Это было изданiе „Переписки Карамзина съ Лафатеромъ", найденной въ Цюрихѣ и сообщенной докторомъ Ф. Вальдманомъ. Издатель предпослалъ „Перепискѣ" слѣдующее маленькое предисловiе:

„Изъ „Писемъ русскаго путешественника" извѣстно было, что Карамзинъ, передъ своимъ отъѣздомъ за границу, нѣкоторое время велъ переписку съ Лафатеромъ. Прiѣхавъ въ Цюрихъ, въ августѣ 1789 года, онъ пишетъ (см. Сочиненiя Карамзина, изданныя Смирдинымъ. т. II, стр. 212): „Послѣ обѣда пойду— нужно ли сказывать къ кому?—*Въ 9 часовъ вечера*. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, а черезъ минуту показался сухой, высокiй, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать—Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною,—поздравилъ меня съ прiѣздомъ въ Цюрихъ" и т. д.

Но никто не предполагалъ, что переписка Карамзина съ Лафатеромъ сохранилась, и не думалъ искать ея. Недавно эта счастливая мысль явилась у швейцарскаго уроженца, бывшаго директора гимназiи въ Феллинѣ, доктора Фр. Вальдмана. Онъ отыскалъ эту любопытную переписку въ Цюрихѣ и, снабдивъ письма обоихъ писателей своими примѣчанiями, прислалъ копiю всей переписки въ мое распоряженiе. Отдѣленiе русскаго языка и словесности, съ особеннымъ удовольствiемъ печатая въ своемъ Сборникѣ этотъ цѣнный матерiалъ для бiографiи Карамзина въ первую эпоху его литературнаго развитiя, опредѣлило выразить доктору Вальдману искреннюю благодарность Академiи Наукъ за это сообщенiе. Въ подлинныхъ письмахъ сохранено во всей точности правописанiя автора. При переводѣ, сдѣланномъ подъ моимъ наблюденiемъ, помѣщается и подлинникъ. Всѣ подстрочныя примѣчанiя принадлежатъ г. Вальдману".

Ред.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ПОЭЗІИ ЖУКОВСКАГО [1]).

1883.

Въ современную жизнь нашу, матеріальную и тревожную, неожиданно является духовно-ясный и спокойный образъ идеальнаго поэта. Невольно спрашиваешь себя: способны ли мы, погрязшіе въ эгоистическихъ интересахъ настоящаго, вполнѣ понять и оцѣнить это свѣтлое явленіе? Попытаемся на нѣсколько минутъ отрѣшиться отъ своихъ заботъ и стремленій, чтобы привѣтливо встрѣтить дорогого пришельца изъ другой, чуждой намъ среды, и отнестись къ нему съ любовью, съ полною готовностью принять тѣ духовныя сокровища, которыя онъ несетъ намъ въ своемъ чарующемъ словѣ, въ своей назидательной жизни.

Съ перваго взгляда чествованіе памяти замѣчательныхъ людей представляетъ характеръ чего-то случайнаго, насильственно вторгающагося въ нашу вседневную жизнь и нарушающаго правильный ходъ ея. Но, съ другой стороны, это невольное отвлеченіе нашихъ мыслей отъ обычной прозы дѣлъ и занятій, это обязательное обращеніе къ тому, что временемъ отброшено далеко отъ насъ, чрезвычайно благотворно: оно даетъ намъ возможность взглянуть съ новой точки зрѣнія на наше настоящее и на самихъ себя, провѣрить наши собственныя помышленія, желанія и дѣйствія.

Юбилейныя рѣчи подвергаются обыкновенно двоякому упреку. Критика любитъ замѣчать, во-первыхъ, что ораторъ не сказалъ ничего новаго; но вѣдь понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству. Другой упрекъ заключается въ томъ, что юбилейныя рѣчи обращаются въ похвальныя слова. На это можно замѣтить, что такой характеръ этихъ рѣчей естественно проистекаетъ изъ самой идеи чествованія. Странно было бы, при общественномъ памятованіи человѣка, рѣзко выставлять его недостатки и помрачать ими картину его дѣятельности. Впрочемъ, безпристрастная оцѣнка не исключаетъ и указанія слабыхъ сторонъ чествуемаго: онѣ не могутъ затмить несомнѣнныхъ заслугъ его.

---

[1]) Сборникъ Отдѣл. рус. яз. и слов., т. XXXII. (Чит. въ академич. собраніи 30 янв. 1883 г.)—См. Примѣчанія, приложенныя къ статьѣ, въ концѣ ея.

Въ ряду первостепенныхъ писателей нашихъ есть двое, которые отличаются особенно высокимъ нравственнымъ достоинствомъ: это Карамзинъ и Жуковскій. Ихъ имена дóроги для исторіи не одной литературы. Оба они были обязаны авторскому таланту достигнутымъ ими высокимъ положеніемъ и вліяніемъ: Карамзинъ, какъ другъ и совѣтникъ своего государя, Жуковскій какъ наставникъ будущаго императора и нѣсколькихъ членовъ царскаго семейства [2].

Давно сказано, что для пониманія поэта нужно побывать въ его отечествѣ. Это справедливо и въ отношеніи къ Жуковскому, несмотря на то, что бóльшую часть его трудовъ составляютъ переводы; даже и въ нихъ, особенно же въ его оригинальныхъ, хотя и не многочисленныхъ произведеніяхъ, часто отражается то, что съ дѣтства окружало его на родинѣ. Но къ нему еще болѣе примѣнима другая неоспоримая истина—что для объясненія трудовъ писателя необходимо изучить его жизнь.

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одного поэта, у котораго вдохновеніе и художественная дѣятельность были бы въ болѣе тѣсной связи съ жизнью, чѣмъ у Жуковскаго. Говоря о своей молодости, онъ самъ въ одномъ стихотвореніи сказалъ:

„И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно...“

Эта связь никогда не прекращалась и впослѣдствіи.

Вотъ почему для характеристики, въ главныхъ чертахъ, поэзіи Жуковскаго, мы должны бросить взглядъ на обстоятельства его жизни; а приступая къ тому, нельзя не вспомнить съ благодарностью тѣхъ лицъ, которыя трудами своими доставили наиболѣе средствъ къ полному изученію той и другой, именно двухъ друзей поэта: нашего покойнаго товарища П. А. Плетнева и доктора Зейдлица, какъ біографовъ Жуковскаго, и почтеннаго библіографа нашего, П. А. Ефремова, какъ издателя полнаго собранія его сочиненій [3].

Первоначальное духовное развитіе Жуковскаго происходило подъ вліяніемъ особеннаго положенія его въ семьѣ Буниныхъ, среди которой онъ явился на свѣтъ въ селѣ Мишенскомъ (въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева). Одаренный пылкою, впечатлительною душою, съ живымъ воображеніемъ, съ сильною наклонностью къ задумчивой мечтательности, которую привлекало все таинственное, онъ росъ посреди картинъ сельской природы и особенностей коренного русскаго быта. Съ нѣжною заботливостью занимались имъ двѣ дочери Бунина, которыя, будучи гораздо старше мальчика, не могли не пріобрѣсти большого значенія въ его первоначальномъ воспитаніи. Одна изъ нихъ была Варвара Аѳанасьевна, впослѣдствіи по мужу Юшкова, другая Катерина Аѳанасьевна, въ замужествѣ Протасова. Послѣднюю онъ, по разности лѣтъ, привыкъ называть то тетушкой, то маменькой. Позднѣе, ихъ молоденькія до-

чери сдѣлались ученицами Жуковскаго, полюбили идеальнаго юношу и пріобрѣли въ жизни его другого рода значеніе. Все окружавшее его въ дѣтствѣ способствовало къ развитію въ немъ литературнаго направленія и страсти къ авторству, сначала въ семействѣ Юшковой, въ Тулѣ, гдѣ онъ получилъ первое воспитаніе внѣ дома, а потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ уже на школьныхъ скамьяхъ, съ Жуковскимъ во главѣ, образовалось маленькое литературное общество, труды котораго печатались въ особомъ журналѣ „Утренняя Заря". Московскій Благородный пансіонъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, сдѣлался прототипомъ будущаго царскосельскаго лицея, гдѣ Пушкинъ между своими товарищами занялъ почти такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ Жуковскій въ московскомъ пансіонѣ. Но въ то время онъ былъ еще только подражателемъ Ломоносова и Державина; по выходѣ же изъ заведенія, онъ сталъ переходить къ болѣе легкимъ формамъ поэзіи и, увлекаясь примѣромъ Дмитріева, долго переводилъ большею частію басни Лафонтена и Флоріана. Но и тогда уже у него въ элегическихъ стихотвореніяхъ началá преобладать необыкновенная въ такомъ возрастѣ меланхолія, находившая себѣ пищу въ мысляхъ о непрочности всего земного, о неизбѣжности смерти и могилы. Самымъ удачнымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, еще въ 1802 году, явился переводъ *Сельскаго Кладбища* англійскаго поэта Грея, обратившій на него вниманіе Карамзина и положившій начало его извѣстности.

Здѣсь въ первый разъ поразительнымъ образомъ обнаружилась необычайная способность Жуковскаго до такой степени усвоивать себѣ настроеніе иностраннаго поэта, что переводъ получаетъ достоинство оригинальнаго произведенія. Въ наше время о Жуковскомъ иногда говорили съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ большею частью только переводчикомъ; но быть такимъ переводчикомъ, какимъ былъ Жуковскій, не удавалось еще никому ни въ нашей, ни въ другихъ литературахъ. Притомъ Жуковскій всегда избиралъ для перевода только то, что отвѣчало его собственному поэтическому характеру и настроенію, такъ что между всѣми его переводами есть внутреннее родство, отражающее душу и жизнь самого переводчика.

Однакожъ послѣ передачи имъ Греевой элегіи прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде нежели онъ угадалъ свое призваніе — быть для русскихъ возсоздателемъ ново-европейской и преимущественно ново-германской поэзіи. Въ первый разъ обратился онъ къ Шиллеру въ 1807 году и перевелъ изъ его „Валленштейна" пѣсню: „Тоска по миломъ", которая потомъ была положена на музыку и долго пѣлась съ увлеченіемъ по всей Россіи. Вскорѣ послѣ того явилась баллада *Людмила,* заимствованная изъ Бюргера, и затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ балладъ изъ Шиллера, которому нашъ поэтъ сначала предпочиталъ Бюргера.

Эти переводы его были въ связи съ уроками иностранныхъ языковъ, которые онъ давалъ своимъ молодымъ племянницамъ. Прослуживъ года два въ Москвѣ, въ Главной соляной конторѣ, Жуковскій вернулся въ деревню, и къ этому-то времени относятся названные переводы его, а въ 1808 году онъ снова переселился въ Москву, чтобы заняться изданіемъ „Вѣстника Европы". Въ короткое время ему удалось возстановить значеніе этого журнала, упавшее съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ передалъ его въ другія руки. Но званіе журналиста вовсе не согласовалось съ характеромъ и духовными потребностями поэта: срочная работа такъ тяготила его, что онъ еще до истеченія двухъ лѣтъ передалъ главное завѣдываніе журналомъ прежнему издателю его, профессору Каченовскому, а потомъ и вовсе отказался отъ участія въ изданіи.

Возвратясь опять въ сельское уединеніе, Жуковскій рѣшился дѣлить свое время между уроками своимъ племянницамъ и занятіями для пополненія собственнаго своего образованія. Его журнальная и литературная дѣятельность открыла ему глаза на недостаточность пріобрѣтенныхъ въ пансіонѣ познаній. Съ нимъ произошло то же, что и теперь еще у насъ часто повторяется: по вступленіи въ жизнь молодой человѣкъ чувствуетъ, что онъ слишкомъ мало вынесъ изъ школы, и онъ начинаетъ снова учиться. Въ Жуковскомъ мы видимъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ самообразованія: ибо какъ всѣ послѣдующіе труды его, такъ и переписка съ друзьями показываютъ, какія обширныя свѣдѣнія онъ успѣлъ пріобрѣсти самостоятельнымъ трудомъ и чтеніемъ. Изъ одного письма 1810 года къ его другу и школьному товарищу, А. И. Тургеневу, мы узнаёмъ, какой планъ занятій составилъ себѣ будущій наставникъ царственнаго отрока. Сознавая себя совершеннымъ невѣждой въ исторіи, онъ собирается серьёзно изучить сперва всеобщую, „какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ", а потомъ русскую и языки латинскій и греческій [4]. Обстоятельства не позволили ему однакожъ въ точности выполнить этотъ планъ: греческій языкъ остался ему навсегда неизвѣстенъ. Русскою исторіею дорожилъ онъ особенно, и тѣмъ болѣе, что уже теперь онъ задумалъ поэму „Владиміръ", которая потомъ нѣсколько лѣтъ занимала его и для которой онъ впослѣдствіи намѣревался даже предпринять путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что взглядъ на важность изученія русской исторіи, какъ богатаго источника художественныхъ созданій, остался у него до конца, и онъ не разъ указывалъ на нее въ этомъ смыслѣ молодымъ литераторамъ [5].

Письмо къ Тургеневу позволяетъ намъ также проникнуть въ тогдашнее состояніе сердца нашего поэта: онъ жалѣетъ о потерянныхъ годахъ и явно сознаетъ причину прежней своей недѣятельности, говоря: „Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи,

за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ". Лѣкарствомъ противъ этого душевнаго недуга онъ предназначаетъ себѣ трудъ, постоянный, неутомимый. И дѣйствительно, трудъ сдѣлался съ этихъ поръ спасительнымъ прибѣжищемъ поэта, но только не въ томъ суровомъ видѣ, въ какомъ онъ его представлялъ себѣ, а въ видѣ поэтическаго творчества, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ того самаго сердечнаго недуга, отъ котораго онъ въ дѣятельности искалъ исцѣленія. Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ намѣреніе заниматься поэзіею только мимоходомъ: „Чтобы не раззнакомиться съ музами, буду дѣлать минутные набѣги на парнасскую область, съ тѣмъ однако, чтобы со временемъ занять въ ней выгодное мѣсто, поближе къ храму славы... Авторство почитаю службою отечеству, въ которой надобно быть или отличнымъ, или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ. Но съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣю теперь, нельзя надѣяться достигнуть до перваго". Однако, онъ немного ошибся въ своихъ предположеніяхъ: то, что онъ въ своей жизни предполагалъ второстепеннымъ, сдѣлалось главнымъ и дало ему мѣсто не близъ храма славы, а въ самомъ храмѣ. Любовь сдѣлалась на всю жизнь вдохновительницею его музы. Но кто же была виновница этого сердечнаго недуга? Это была его племянница, бывшая десятью годами моложе его, Марья Андреевна Протасова. Страсть, овладѣвшая всѣмъ его существомъ, окрыляла его талантъ, и въ то же время внушала ему самыя возвышенныя чувства, ограждала его отъ всякихъ низкихъ побужденій и поступковъ...

Здѣсь насъ поражаетъ противоположность путей, по которымъ шло развитіе двухъ главныхъ представителей русской поэзіи, Жуковскаго и Пушкина: талантъ Пушкина созрѣвалъ посреди самыхъ пылкихъ увлеченій и порывовъ молодости. За то, конечно, и въ результатѣ оба писателя представляютъ весьма различныя явленія: одинъ, сдѣлавшись народнымъ поэтомъ, былъ подобенъ горному потоку, который пробиваетъ себѣ путь сквозь утесы и скалы и мчится съ неудержимою силой, ничему не подчиняясь; другой — поэтъ-космополитъ — можетъ быть приравненъ широкой спокойной рѣкѣ, отражающей въ своемъ прозрачномъ лонѣ разнообразные берега, мимо которыхъ протекаетъ. Жуковскій можетъ служить какъ-бы доказательствомъ простора русскаго духа, способнаго воспринять и усвоить себѣ духовныя особенности всѣхъ другихъ народовъ. Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его *Свѣтланѣ*, въ его поэмѣ *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, въ его *сказкахъ*.

Въ стихотвореніяхъ Жуковскаго за послѣдующіе годы, между прочимъ въ частыхъ посланіяхъ его къ друзьямъ, безпрестанно выражается то благородное настроеніе, которое онъ почерпалъ въ тогдаш-

нихъ своихъ отношеніяхъ и занятіяхъ, его убѣжденіе въ томъ, что мысль о любимомъ предметѣ — лучшій охранитель чистоты сердца, что трудъ составляетъ высшее наслажденіе, что онъ самъ себѣ высшая награда. Эта мысль въ разныхъ формахъ часто повторяется имъ до самаго конца его жизни. Въ посланіи къ Вяземскому и В. Л. Пушкину, въ 1814 году, онъ между прочимъ говоритъ:

„Хвала воспламеняетъ жаръ,
Но намъ не въ ней искать блаженства —
Въ трудѣ... О благотворный трудъ,
Души печальныя цѣлитель
И счастія животворитель!
Что предъ тобой ничтожный судъ
Толпы — въ рѣшеніяхъ пристрасной,
И вѣтреной и разногласной?“

Тотъ же поэтъ ссылается на судъ и примѣръ Карамзина, литературные взгляды котораго вообще сдѣлались закономъ для цѣлой школы писателей, гордившихся названіемъ его послѣдователей: не искать легкаго успѣха въ одобреніи мало смыслящей толпы, дорожить только сочувствіемъ не многихъ, но просвѣщенныхъ судей, не унижать своего достоинства ни дѣломъ, ни словомъ, — таковы были правила, которымъ слѣдовали приверженцы Карамзина еще до образованія арзамасскаго общества, которыя ранѣе всѣхъ наслѣдовалъ отъ него Жуковскій, которыя позднѣе принялъ и Пушкинъ. Эти благородныя традиціи одушевляли еще и послѣдующее поколѣніе лучшихъ изъ русскихъ писателей. Пушкинъ хотѣлъ поддержать эти самыя традиціи, когда задумалъ основать *Современникъ* оплотомъ отъ *Библіотеки для чтенія* и *Сѣверной Пчелы*, угрожавшихъ гибелью этимъ благороднымъ началамъ.

Посланіе къ Батюшкову, писанное въ 1812 году, исполнено самой высокой философіи: поэтъ тутъ изображаетъ между прочимъ отраду и благотворное вліяніе истинной дружбы и чистой любви, значеніе для совершенствованія юноши того существа, для котораго въ сердцѣ его нѣтъ другого названія, кромѣ *она*:

„*Она* — въ семъ словѣ миломъ
Вселенная твоя“... [6].

Мы уже знаемъ, что для самого Жуковскаго такимъ существомъ была старшая изъ сестеръ Протасовыхъ, вполнѣ раздѣлявшая его чувства; въ его собственныхъ замѣткахъ мы находимъ сердечную исповѣдь съ яркимъ изображеніемъ тѣхъ пламенныхъ надеждъ, которыя онъ питалъ; но въ 1812 году эти надежды внезапно рушились, когда онъ рѣшился просить руки своей очаровательной Маши и получилъ отъ ея матери суровый отказъ съ указаніемъ на кровное между

ними родство. Жуковскій долженъ былъ покинуть имѣніе Протасовыхъ, Муратово, въ Орловской губерніи, и поступилъ въ московское ополченіе.

Съ этой минуты интересъ жизни и поэзіи Жуковскаго раздвояется: съ одной стороны начинаются для него блестящіе литературные успѣхи, которые скоро открываютъ ему новое высокое поприще дѣятельности. Съ другой стороны онъ носитъ въ сердцѣ своемъ неисцѣлимую рану, глубокую скорбь, которая отзывается на лирѣ его томными, унылыми звуками [7]. Сначала ударъ, нанесенный ему отказомъ сестры, еще не вполнѣ убиваетъ его надежды, но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ благоразуміе побуждаетъ самый предметъ его любви навсегда отказаться отъ его руки и согласиться на бракъ съ профессоромъ Дерптскаго университета Мойеромъ, — тогда и Жуковскій видитъ необходимость окончательно примириться съ своею участью; сердечная невзгода вызываетъ его на самую великодушную жертву, какая возможна въ подобныхъ обстоятельствахъ: онъ рѣшается стать безкорыстнымъ другомъ, отцомъ той, съ которою судьба не позволила ему соединиться [8].

Жребій былъ брошенъ въ Дерптѣ, куда передъ тѣмъ переселилась г-жа Протасова, выдавъ вторую дочь свою Александру Андреевну за А. Ѳ. Воейкова, назначеннаго профессоромъ русской словесности при тамошнемъ университетѣ. Это семейное событіе послужило поводомъ къ тому, что и Жуковскій сталъ часто посѣщать Дерптъ и по временамъ жить тамъ довольно долго. Время не позволяетъ мнѣ остановиться на этомъ любопытномъ эпизодѣ жизни его. Упомяну только, что вдохновлявшая нашего поэта муза опять нашла себѣ сильную поддержку въ дѣйствительности: его связь съ Дерптомъ еще болѣе сроднила его съ нѣмецкой литературой и вызвала нѣсколько новыхъ произведеній, заимствованныхъ изъ его любимаго міра поэзіи.

Всѣ предшествовавшія условія жизни Жуковскаго объясняютъ намъ тѣ основныя духовныя начала, которыми неизмѣнно во всю жизнь проникнуто его авторство: его неколебимую вѣру въ безсмертіе души, его убѣжденіе, что узы, соединявшія на землѣ два любящія другъ друга существа, не разрываются смертью одного изъ нихъ, но продолжаются и за гробомъ. Эти упованія прекрасно выражены имъ въ стихотвореніи *Теонъ и Эсхинъ* (1813 года), въ которомъ отразился итогъ всего міросозерцанія поэта. Возвратившемуся на родину Эсхину Теонъ говоритъ:

„И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
  Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то, въ знакомой, но тайной странѣ,
  Погибшее намъ возвратится?
Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
  Уже одинокимъ не будетъ...

Ахъ! свѣтъ, гдѣ *она* предо мною цвѣла,
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.
По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.
. . . .
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала Жизнедавцу-Зевесу!“

Стихъ: „Все въ жизни къ великому средство“ заслуживаетъ особеннаго вниманія: самъ поэтъ его запомнилъ и впослѣдствіи не разъ ссылался на него въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Дѣйствительно, слова эти оправдались въ собственной его жизни: какъ впослѣдствіи удаленіе Пушкина изъ столицы сдѣлалось для него источникомъ новыхъ плодотворныхъ впечатлѣній и художественныхъ созданій, такъ и Жуковскаго то, что казалось ему величайшимъ несчастіемъ, привело къ осуществленію высшихъ задачъ его жизни. Великая историческая эпоха, съ которою совпалъ расцвѣтъ его таланта, естественно настроила его лиру на патріотическій тонъ: еще въ 1806 году онъ написалъ „Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей“. Теперь, поступивъ въ ополченіе за нѣсколько дней до бородинской битвы и бывъ въ арьергардѣ во время ея, онъ не могъ не воодушевиться всѣмъ, что видѣлъ, и вскорѣ „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ пронесъ по рядамъ цѣлой арміи и по всей Россіи, вмѣстѣ со славою нашихъ героевъ, имя тридцатилѣтняго поэта. Послѣдствіемъ, котораго онъ и не думалъ искать, было приближеніе его ко двору; вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвало его посланіе къ императору Александру и стихотвореніе „Пѣвецъ въ Кремлѣ“, внушенныя ему конечно не чѣмъ инымъ, какъ непритворными чувствами, оживлявшими въ эти славные годы всѣхъ русскихъ. Въ концѣ 1817 года Жуковскому поручено было преподаваніе русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшейся супругою государева брата, а по вступленіи великаго князя Николая Павловича на престолъ, нашъ поэтъ назначенъ былъ наставникомъ Наслѣдника его.

Не о томъ мечталъ Жуковскій: „Желаю одной независимости, одной возможности писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ“, — вотъ что онъ передъ тѣмъ писалъ къ жившему въ столицѣ Тургеневу: „Что и гдѣ и когда писать — мнѣ на волю; я не буду жильцомъ петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ“. И вдругъ такой нежданный оборотъ судьбы!.. Но Жуковскій понималъ всю великость и святость возложенныхъ на него обязанностей: онъ не колебался ни

минуты въ рѣшеніи, которое долженъ былъ принять, и изъявилъ полную готовность принести свои планы въ жертву долгу передъ отечествомъ. Замѣтимъ, однакожъ, что, отказываясь отъ *стиховъ*, онъ не отказывался отъ *поэзіи*, т. е. и въ новомъ своемъ призваніи сознавалъ родную себѣ поэтическую стихію [9].

Казалось, начавшаяся для него съ 1818 года педагогическая дѣятельность совершенно удаляла его отъ прежняго столь дорогого ему поприща. Вышло напротивъ: знакомство великой княгини съ нѣмецкою литературой, ея любовь къ поэзіи, ея тонкій вкусъ, ея рѣдкая любознательность и сочувствіе ко всему прекрасному послужили для счастливаго наставника ея новымъ, сильнымъ возбужденіемъ къ продолженію его поэтической дѣятельности по тому же пути, на которомъ онъ давно стоялъ. Можно даже сказать, что обученіе сдѣлалось взаимнымъ: безъ просвѣщенныхъ указаній и внушеній своей высокой ученицы Жуковскій не перевелъ бы многаго, что̀ составило лучшіе цвѣты въ вѣнкѣ его литературной славы. Такъ прежде помогали его творчеству и уроки молодымъ его племянницамъ. Къ личному вліянію великой княгини на его занятія присоединились заграничныя путешествія, которыя выпадали на его долю въ свитѣ ея и такимъ образомъ давали ему возможность снова сближаться съ природой и пользоваться свободою для поэтическихъ созданій. Такими же путешествіями, вынуждаемыми состояніемъ его здоровья, прерывалась не разъ его дѣятельность по участію въ воспитаніи Наслѣдника, что̀ также доставляло ему благотворный досугъ для обогащенія литературы новыми произведеніями. Его пребыванію за границей, въ разные годы этой эпохи, мы обязаны между прочимъ появленіемъ въ печати „Орлеанской Дѣвы", отрывковъ изъ „Лалла Рукъ", „Шильйонскаго узника" и „Ундины".

Въ настоящее время найдется, можетъ быть, не мало людей, которые спросятъ: „Дѣйствительно ли Жуковскій принесъ русской литературѣ пользу своими переводами, оказалъ ли онъ ими вліяніе на ея развитіе, и не лучше ли было бы, еслибъ онъ, вмѣсто переводовъ, посвятилъ свой талантъ самобытнымъ произведеніямъ?"

Послѣдній вопросъ нельзя не признать празднымъ, потому что хотя Жуковскій безъ сомнѣнія и обладалъ творческимъ талантомъ, какъ видно изъ оригинальныхъ трудовъ его, но разсуждать можно только о томъ, что̀ дѣйствительно сдѣлано имъ. Относительно значенія Жуковскаго для русской литературы въ первой половинѣ нашего столѣтія мы смѣло утверждаемъ, что оно было велико. Главная доля этого значенія принадлежала именно пересаженнымъ имъ на родную почву произведеніямъ нѣмецкой и англійской литературы. Уже одно то, что Жуковскій своими прекрасными стихотвореніями доставлялъ многочисленнымъ читателямъ высокое эстетическое наслажденіе, должно быть поставлено ему въ немалую заслугу. Такого изящнаго, музыкальнаго

стиха, такого чистаго, правильнаго, образнаго и вмѣстѣ сжатаго, сильнаго языка еще не было слыхано въ русской литературѣ. И въ этихъ чудныхъ формахъ являлось богатое содержаніе, которое вполнѣ отвѣчало духовнымъ потребностямъ и настроенію тогдашняго общества. Въ сущности, это идеальное стремленіе къ чему-то возвышенному, эта задумчивая мечтательность, эта глубокая вѣра въ таинственное, это патріотическое настроеніе, которыми звучала лира Жуковскаго,—вполнѣ согласовались съ духомъ того времени; можно даже сказать, что Жуковскій, съ его энтузіазмомъ къ прекрасному, съ его страстью къ поэзіи и къ воспроизведенію иностранныхъ образцовъ ея, былъ созданіемъ своей эпохи; но дѣло въ томъ, что у него эти общіе вкусы совпали съ необычайнымъ талантомъ, съ высокими свойствами собственной его природы, а потому и труды его, выливавшіеся изъ глубины души, проникнутые горячею искренностью, должны были носить печать превосходства и воздѣйствовать на облагороженіе общества, на усиленіе въ немъ человѣчности и расположенія ко всему прекрасному и идеальному.

Затѣмъ, поэтическій матеріалъ, заимствованный имъ изъ самыхъ образованныхъ литературъ, матеріалъ, и тамъ имѣвшій большое значеніе, переданный въ возможномъ совершенствѣ, не могъ не пріобрѣсти великой цѣнности для молодой русской литературы. Жуковскій перенесъ къ намъ цѣлый міръ новыхъ идей, ощущеній и образовъ; вліяніе ихъ на современниковъ конечно нельзя измѣрить и опредѣлить съ математической точностью, но оно не подлежитъ сомнѣнію. Міръ этотъ привыкли означать именемъ *романтическаго*, названіе неопредѣленное и далеко не покрывающее всего разнообразнаго содержанія заимствованій Жуковскаго изъ новой западно-европейской литературы, но понятное для всякаго, кто вникнетъ во внутренній характеръ переводовъ Жуковскаго, а съ этимъ характеромъ въ близкомъ родствѣ состоитъ и содержаніе оригинальныхъ его сочиненій.

Чтобы уяснить себѣ это, стóитъ сравнить поэзію его предшественниковъ съ тѣмъ, что онъ далъ своимъ соотечественникамъ. Изъ его современниковъ, до Пушкина, одинъ только Батюшковъ соперничалъ съ Жуковскимъ въ красотѣ формы, но вся внутренняя сторона его созданій принадлежитъ къ совершенно другой, можно сказать, противуположной сферѣ идей и образовъ. Не разъ уже было указываемо на Пушкина, какъ на живое доказательство значенія Жуковскаго для послѣдующаго поколѣнія поэтовъ. Дѣйствительно, надобно вспомнить, что когда Пушкинъ поступилъ въ царскосельскій лицей, были уже извѣстны нѣкоторыя изъ произведеній, прославившихъ Жуковскаго, другія появились во время пребыванія Пушкина въ лицеѣ, такъ что уже ранніе опыты его возникали подъ вліяніемъ вдохновеній пѣвца Людмилы, Свѣтланы и Громобоя.

Извѣстно, какъ Жуковскій самъ охарактеризовалъ въ старости свое прежнее значеніе въ русской литературѣ. Въ одномъ письмѣ къ Стурдзѣ онъ сказалъ о себѣ: „Во время óно — родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ“ [10]. Подъ романтизмомъ въ поэзіи Жуковскаго слѣдуетъ разумѣть не одни переводы его, но и то, что вообще составляетъ содержаніе его поэзіи, углубленіе въ самого себя, изображеніе внутренней своей жизни, своихъ задушевныхъ помысловъ и стремленій, своихъ сердечныхъ страданій и надеждъ. Были у насъ и прежде и послѣ лирическіе поэты, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ въ такой полнотѣ именно этихъ сторонъ душевнаго міра. Даже и переводы Жуковскаго, при всей своей вѣрности, носятъ отпечатокъ преобладающаго настроенія души его. Сквозь всѣ его труды различныхъ эпохъ, если исключить немногія шуточныя стихотворенія, проходитъ одинъ общій характеръ поэзіи. Что же именно составляетъ этотъ характеръ? — Кажется, его можно выразить словами: восторженная мечтательность, сопровождаемая горячею любовью къ ближнему, непоколебимою вѣрою и глубокимъ сознаніемъ святости человѣческой жизни. „Жизнь есть святыня“, сказалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и никогда не измѣнялъ этому взгляду ни дѣломъ, ни словомъ. Его поэзія была вѣрнымъ отраженіемъ его жизни, а жизнь была въ ладу съ поэзіей, и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, онъ стремился къ осуществленію самаго высокаго идеала человѣка и гражданина. Къ нему нельзя примѣнить извѣстныхъ стиховъ Пушкина о поэтѣ, погруженномъ „въ заботахъ суетнаго свѣта“, что

... „межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“....

Ни одинъ поэтъ не придавалъ своему призванію такого высокаго смысла, какъ Жуковскій. Еще въ 1816 году онъ писалъ А. И. Тургеневу: „Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію [11]“...

До послѣднихъ дней своей жизни Жуковскій оставался поэтомъ. Хотя онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ и повторялъ, что пора перейти къ прозѣ, но еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ возвратился къ давно задуманной имъ поэмѣ „Вѣчный жидъ“, и доказалъ ею, что поэтическій талантъ не всегда ослабѣваетъ въ старости [12]. Князь Вяземскій, представившій собою другой примѣръ того же явленія, находилъ, что эта поэма выше всего, что Жуковскій когда-либо прежде писалъ. Хотя онъ остановился на второй пѣсни,

однакожъ, основная идея созданія видна уже и въ написанномъ: она состоитъ въ томъ, что любовь Господня неистощима, что она даже и величайшаго грѣшника путемъ страданій способна привести къ раскаянію, къ вѣрѣ и къ упованію. Въ концѣ второй пѣсни есть замѣчательныя строки о значеніи поэзіи... Вѣчный жидъ, Агасверъ, изображая свое одинокое положеніе во вселенной, говоритъ, что видимыя имъ чудеса природы отзываются въ его душѣ молитвою, а „съ нею

„Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи; поэзія земная —
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова“...

Идеалъ возможнаго на землѣ счастія Жуковскій видѣлъ въ семейной жизни. Къ нему стремился онъ съ молодыхъ лѣтъ, но успѣлъ достигнуть осуществленія его только приближаясь къ 60-лѣтнему возрасту. Еще разъ судьба показала себя благосклонною къ его таланту, давъ ему возможность устроить на послѣднее десятилѣтіе жизни тихое пристанище для умственнаго труда, вдали отъ шума свѣта, посреди живописной природы близъ береговъ Рейна.

Сдѣлавшись женихомъ молодой дѣвушки, бывшей почти втрое моложе его, онъ пожелалъ отдать жившимъ въ Россіи роднымъ своимъ подробный отчетъ въ своемъ сватовствѣ. Послушаемъ, какъ самъ онъ рисуетъ свой идеалъ въ обширномъ письмѣ, посланномъ имъ въ Муратово[13]: „Я гонюсь за немногимъ; жизнь спокойная, посвященная труду, для котораго я былъ назначенъ и отъ котораго отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторымъ весьма умѣреннымъ, если можно, избыткомъ, дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобы всему, что̀ есть во мнѣ добраго, дать бо̀льшую твердость; чтобы все дурное или испорченное жизнію поправить или привести въ порядокъ, чтобы наконецъ расчесться, какъ должно со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь — вотъ идеалъ моего земного счастія, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донынѣ окружавшая дорогу мою, вдругъ исчезла“.

Но такова невѣрность человѣческаго счастія, что и этотъ скромный идеалъ далеко не вполнѣ осуществился въ старости Жуковскаго. Спокойствію его мѣшали съ одной стороны революціонныя движенія въ южной Германіи, а съ другой болѣзненность молодой жены. Эти двойныя тревоги нѣсколько разъ заставляли его мѣнять мѣстопребываніе. Нельзя не удивляться кротости и христіанскому терпѣнію, съ

какими онъ переносилъ эти испытанія, сохраняя всю прежнюю энергію своей дѣятельности, продолжая съ неистощимою любовію и юношескимъ жаромъ работать надъ задуманными трудами. Особенно занимала его дорогая Одиссея, переводъ которой онъ считалъ важнѣйшимъ литературнымъ подвигомъ своей жизни; а рядомъ съ нею его увлекало изобрѣтеніе педагогическихъ пріемовъ и особенно составленіе таблицъ для обученія своихъ малолѣтнихъ дѣтей. „Всего изумительнѣе", замѣчаетъ его біографъ Плетневъ, говоря объ этомъ времени, „была быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ и неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ" [14].

Трогательною чертою послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго на чужбинѣ было его постоянное стремленіе возвратиться въ отечество; но изъ года въ годъ здоровье жены заставляло его отлагать исполненіе этого завѣтнаго желанія, а между тѣмъ друзья звали его въ Петербургъ, на празднованіе пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, которое наконецъ и совершилось въ его отсутствіи. Въ одну изъ такихъ-то минутъ тоски по отчизнѣ и чувства одиночества онъ задумалъ своего „Царскосельскаго Лебедя", стихотвореніе, звучащее какимъ-то торжественно-заунывнымъ тономъ и сдѣлавшееся его собственною лебединою пѣснью. Не себя ли самого разумѣлъ онъ, говоря:

„Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой;
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый,
Брошенный обломокъ—въ новый лебединый
Свѣтъ, на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи"...

Стихотвореніе кончается описаніемъ смерти лебедя:

„Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый,
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши, —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ, и навзничь съ высоты упалъ онъ,
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій".

Мы проводили нашего поэта въ бѣгломъ очеркѣ отъ колыбели до могилы. Мы вовсе не касались педагогической его дѣятельности; она составитъ сегодня же предметъ особаго чтенія. Позволю себѣ только повторить о ней замѣчаніе одного изъ біографовъ Жуковскаго: „онъ былъ нравственнымъ орудіемъ русской исторіи“ [1]). Мы говорили, что онъ задачею поэта считалъ воспитаніе народа. Какъ человѣку, ему ввѣрено было воспитаніе будущаго Государя. Ка́къ выполнилъ онъ эту задачу — рѣшитъ потомство; но одно несомнѣнно: это — глубокое нравственное вліяніе, которое онъ не могъ не распространять на все, что его окружало: если онъ, какъ писатель, дѣйствовалъ на литературу и общество, то нельзя не сказать, что его вліяніе, какъ дѣятеля въ царской учебной комнатѣ, отозвалось на цѣломъ двадцатипятилѣтіи въ жизни русскаго народа.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]. Этотъ очеркъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ прочитанъ Я. К. Гротомъ въ публичномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности 30 января 1883 года, въ воскресенье, по случаю празднованія столѣтія со дня рожденія Жуковскаго. О предшествовавшихъ тому обстоятельствахъ упомянуто въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ, напечатанныхъ въ томѣ XXXI *Сборника Отдѣленія* (стр. IV).

Это собраніе почтили своимъ присутствіемъ: Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, президентъ Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, многіе другіе министры и почетныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, многіе представители ученаго и литературнаго міра, а также нѣкоторые члены другихъ двухъ Отдѣленій Академіи Наукъ. Въ числѣ присутствовавшихъ было и много дамъ. На эстрадѣ, украшенной роскошною зеленью и живыми цвѣтами, возвышался за каѳедрой бюстъ Жуковскаго.

По открытіи засѣданія, академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что вслѣдствіе ходатайства президента Академіи министръ финансовъ испросилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на ассигнованіе въ распоряженіе Академіи 1.000 р. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о В. А. Жуковскомъ [2]).

---

[1]) Seidlitz. Ein russisches Dichterleben, стр. 142.

[2]) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и слов.*, т. XXXI, стр. IV — V. Перепечатываемъ здѣсь правила присужденія этой преміи, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія:

1. Содержаніе сочиненій о Жуковскомъ можетъ быть троякаго рода: а) обстоятельное критическое разсмотрѣніе произведеній Жуковскаго въ связи съ его жизнію;

Затѣмъ Я. К. Гротъ прочелъ полученную передъ самымъ засѣданіемъ телеграмму Ея Императорскаго Высочества великой княгини Александры Іосифовны: „Свидѣтельница глубокаго уваженія двухъ незабвенныхъ Государей къ В. А. Жуковскому, съ благодарною памятью присоединяюсь къ чествованію столѣтія рожденія славнаго поэта — достойнаго воспитателя великаго Царя Освободителя и безгранично преданнаго слуги Россіи и ея Государей“.

Городской голова И. И. Глазуновъ, прибывшій съ депутаціею думы (Л. Я. Яковлевъ, П. В. Жуковскій, А. А. Краевскій, М. М. Стасюлевичъ, М. И. Семевскій и Г. В. Лермонтовъ), прочелъ слѣдующее постановленіе думы: „1) Просить г. городского голову, его товарища Л. Я. Яковлева и 5-хъ гласныхъ явиться въ качествѣ представителей отъ общества управленія столицы на богослуженіе, на актъ и на торжественный спектакль въ память В. А. Жуковскаго. 2) Возложить отъ города Петербурга два вѣнка: одинъ на могилу В. А. Жуковскаго, а другой на его бюстъ въ Академіи Наукъ. 3) Открыть къ предстоящему учебному году два новыя городскія училища имени В. А. Жуковскаго и въ этихъ училищахъ поставить его портретъ, и 4) Поставить бюстъ В. А. Жуковскаго, присоединивъ къ общей издержкѣ на это пожертвованную профессоромъ К. К. Зейдлицемъ сумму“.

По возложеніи И. И. Глазуновымъ вѣнка на бюстъ поэта академикъ Гротъ прочелъ рѣчь о жизни и поэзіи Жуковскаго.

Затѣмъ П. И. Вейнбергъ прочиталъ написанное имъ въ честь Жуковскаго стихотвореніе [1]).

Вступившій вслѣдъ за нимъ на каѳедру профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ два стихотворенія: М. П. Розенгейма и кн. Ухтомскаго и свою рѣчь о педагогической дѣятельности Жуковскаго [2]).

Послѣ того сперва А. Н. Майковымъ, а потомъ Я. П. Полонскимъ были прочитаны приготовленныя ими къ этому дню стихотворенія [3]).

б) полное разсмотрѣніе, какъ въ литературномъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніи, какого-нибудь отдѣла переводовъ Жуковскаго въ связи съ подлинниками напрím. его заимствованій изъ Шиллера или изъ древне-классическаго міра; в) полное разсмотрѣніе трудовъ Жуковскаго со стороны языка и слога.

2. Сочиненія представляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ рукописи или въ печати.

3. Премія присуждается Отдѣленіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть къ участію въ разсмотрѣніи представленныхъ сочиненій пригласить и постороннихъ литераторовъ.

4. Срокомъ конкурса для представленія сочиненій о Жуковскомъ назначается 1-е мая 1885 года.

[1]) Напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1883, № 26.

[2]) Рѣчь эту см. въ газетѣ *Русь* 1883 г. № 4; стихи г. Розенгейма въ той же газетѣ № 5; а стихи кн. Ухтомскаго въ *Новомъ Времени* 3-го февраля № 2491.

[3]) Стихотвореніе г. Майкова напечатано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* № 26 и въ *Русскомъ Вѣстникѣ* № 1, а пьеса г. Полонскаго въ *Вѣстникѣ Европы* 1883 г. № 3.

Въ концѣ акта академикъ Гротъ, взойдя вновь на каѳедру, заявилъ о желаніи представителей: Общества художниковъ, Пушкинскаго Кружка и Кружка с.-петербургскихъ преподавателей прочесть ихъ привѣтствія въ честь Жуковскаго. Вотъ эти адресы:

Отъ Общества художниковъ:

„Празднованіе столѣтняго юбилея дня рожденія поэта Василія Андреевича Жуковскаго, имя котораго внесено въ славный списокъ лицъ, составляющихъ честь, гордость и славу Россіи, не могло остаться безъ отзыва со стороны русскихъ художниковъ, по слѣдующимъ тремъ причинамъ: 1) Жуковскій съ ранняго возраста обнаружилъ свой талантъ способностью къ рисованію, которая не покидала его и послѣ; напротивъ, живя въ 1815 году въ Дерптѣ, онъ занимался въ мастерской профессора живописи Зенфа искусствомъ гравированія на мѣди, а впослѣдствіи иллюстрировалъ свои стихотворенія; такъ, напримѣръ, въ собраніи своихъ сочиненій 1849 года предъ „Пѣснью въ станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскій представилъ въ маленькой виньеткѣ своего Пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ лирой, стоящимъ передъ бородачами товарищами, расположившимися на землѣ около сторожевого огня. 2) Сочувствуя художникамъ, Василій Андреевичъ, сдѣлавшись въ 1808 году достойнымъ руководителемъ журнала „Вѣстникъ Европы", первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искусствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній живописцевъ. Кромѣ того, положительно можно сказать, что Жуковскій, несмотря на свое высокое общественное положеніе, какъ поэтъ-художникъ былъ искреннимъ другомъ русскихъ художниковъ, и въ минуты неудачъ и тяжкихъ невзгодъ послѣднихъ являлся, безъ всякаго зова, къ нимъ на помощь; достаточно вспомнить его участіе къ Витбергу, первоначальному строителю храма Спасителя въ Москвѣ, и къ нашему извѣстному маринисту Айвазовскому, который свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своей автобіографіи, напечатанной на страницахъ „Русской Старины". 3) Наконецъ, будучи наставникомъ Наслѣдника престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, онъ старался руководить въ немъ любовь къ изящнымъ искусствамъ, и по всей вѣроятности, благодаря Жуковскому, въ альбомѣ, изданномъ Ваттемаромъ въ 1837 году извѣстнымъ всей Европѣ, явились два рисунка черкесовъ, нарисованныхъ 15-ти лѣтнимъ Цесаревичемъ. Затѣмъ, по иниціативѣ наставника будущаго Царя-Освободителя, предоставлена была свобода поэту-художнику Тарасу Шевченко, для чего К. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, который былъ разыгранъ въ лотерею за 2.500 р., и этою цѣною Шевченко избавился отъ крѣпостной зависимости. Приведенные факты

невольно вызываютъ чувство искренняго задушевнаго выраженія самаго высокаго почтенія и глубокаго уваженія къ Жуковскому; почему русскіе художники, среди которыхъ находятся еще лично знавшіе его, сочли долгомъ настоящимъ адресомъ принести подобающую дань своего сочувствія къ памяти поэта".

От **Пушкинскаго Кружка**:

„Память перваго учителя того Пушкина, именемъ котораго имѣетъ честь называться кружокъ;

„Память задушевнаго поэта сладкихъ грезъ юности и благородныхъ стремленій къ гуманнымъ идеаламъ человѣчества;

„Память незабвеннаго наставника нашего въ міровой поэзіи;

„Память добраго заступника, наконецъ, и стоятеля за Пушкина и Гоголя въ трудныя минуты ихъ жизни, —

„Горячо привѣтствуетъ Пушкинскій Кружокъ, отъ души желая, чтобъ русскій геній находилъ себѣ достойную оцѣнку и признательность современниковъ и благодарнаго потомства".

Отъ **Кружка преподавателей**:

„Кружокъ петербургскихъ преподавателей русскаго языка и словесности, въ день юбилея В. А. Жуковскаго, не можетъ не высказать тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя всегда соединяются у нихъ съ именемъ дорогого поэта. Ихъ призваніе — знакомить новыя поколѣнія съ тѣми высокими идеалами, на которые указывали даровитѣйшіе русскіе писатели. Въ поэзіи Жуковскаго много родственнаго съ общечеловѣческими идеалами геніальнаго Шиллера, и въ ней обильный источникъ для знакомства съ патріотизмомъ древняго Грека, въ ней обильный источникъ той воспитательной силы, которая долго и долго будетъ направлять наше юношество къ добру, истинѣ, — словомъ, ко всему тому прекрасному, что составляетъ высшій интересъ жизни и безъ чего нельзя стать достойнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ.

„*Поэзія* Жуковскаго даетъ учителю могучее средство вызвать въ юной душѣ ту вѣру въ идеалъ, съ которой каждый образованный гражданинъ долженъ выступить въ жизнь общественной дѣятельности.

„*Жизнь* Жуковскаго, столь часто являвшагося покровителемъ страждущихъ, представляетъ намъ такія черты, изъ которыхъ слагается образъ честнаго гражданина.

„*Педагогическая* дѣятельность Жуковскаго есть незабвенная заслуга предъ отечествомъ. Его воспитанникъ былъ на царскомъ престолѣ человѣколюбивѣйшимъ монархомъ. Давая такое воспитаніе, всецѣло направленное къ одной возвышенной цѣли, мы всегда доставимъ оте-

честву добрыхъ и дѣятельныхъ гражданъ, и такимъ добрымъ и дѣятельнымъ гражданиномъ былъ бы и Царь-Мученикъ, однако, удѣломъ его былъ престолъ, и онъ еще шире воспользовался плодами воспитанія на пользу дорогой отчизны.

„Такимъ образомъ, и поэзія, и жизнь, и дѣятельность Жуковскаго даютъ намъ то, что нужно для педагога, чтобы стать на высоту своего призванія“.

***

Затѣмъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія, что отъ сына поэта, Павла Васильевича Жуковскаго, получено изъ Венеціи письмо, въ которомъ онъ выражаетъ скорбь о томъ, что болѣзнь не позволяетъ ему принять личнаго участія въ чествованіи памяти отца.

Прочитаны *телеграммы*:

1. Отъ Елизаветы Николаевны Карамзиной изъ Алупки (на имя П. Н. Батюшкова):

„Всѣмъ сердцемъ, полнымъ дорогихъ воспоминаній, принимаю участіе въ торжествѣ. Посылаю вамъ сто рублей на стипендію“.

Вмѣстѣ съ этою телеграммой въ Академію доставленъ отъ имени семейства Карамзиныхъ роскошный вѣнокъ для помѣщенія передъ бюстомъ Жуковскаго.

На имя Отдѣленія русскаго языка и словесности и академика Грота:

2. Отъ директора каменецъ-подольской гимназіи Сторожева:

„Ввѣренная мнѣ каменецъ-подольская гимназія сегодня, по отслуженіи законоучителемъ панихиды по В. А. Жуковскомъ, чествовала память писателя изложеніемъ свѣдѣній о жизни его и значеніи покойнаго въ русской литературѣ и чтеніемъ учениками произведеній поэта. Учащіе и учащіеся просятъ присоединить ихъ къ знаменательному торжеству“.

3. Изъ Праги:

„Кружокъ любителей русскаго языка проситъ изъявить чувства уваженія къ памяти Василія Андреевича Жуковскаго, великаго человѣка и поэта“.

4. Изъ Гельсингфорса:

„Александровская и Маріинская русскія гимназіи просятъ, въ лицѣ вашемъ, торжественное собраніе Академіи принять и ихъ привѣтъ памяти великаго русскаго писателя и служителя правды и добра“.

5. Изъ Дерпта, отъ профессора Висковатаго:

„На могилахъ прошлаго торжествуя новую славу поэта, шлемъ мы русскій привѣтъ собравшимся во имя его“.

6. Изъ Дерпта же, отъ друга и біографа Жуковскаго, 84-хлѣтняго доктора Карла Карловича Зейдлица:

„Милостивые государи. Позвольте и мнѣ изъ края, гдѣ покоится прахъ ангела-хранителя помышленій всей жизни Жуковскаго, гдѣ готовилъ онъ себѣ вѣчный пріютъ, — присоединить голосъ къ выраженію общаго прославленія нашего поэта. Дай Богъ, чтобы его поэтическія творенія, педагогическіе труды и примѣръ патріотической жизни снова и снова свѣтили грядущимъ поколѣніямъ яркимъ маякомъ сквозь туманъ и мракъ эгоизма и соціальныхъ заблужденій“.

Этимъ закончилось блестящее академическое торжество, оставившее во всѣхъ присутствовавшихъ самое отрадное впечатлѣніе. Возбужденное въ собраніи восторженное сочувствіе выражалось послѣ каждаго чтенія продолжительными рукоплесканіями. Никогда еще академическія торжества не привлекали такой многочисленной публики: зала была до того переполнена, что число приготовленныхъ креселъ и стульевъ оказалось, противъ ожиданія, недостаточнымъ. Въ сосѣдней съ залою комнатѣ была устроена выставка портретовъ и бюстовъ Жуковскаго, нѣкоторыхъ изъ его рукописей, всѣхъ изданій его сочиненій, рисунковъ его собственной работы и т. п. Выставка эта, состоявшаяся главнымъ образомъ по почину и стараніями Н. И. Стояновскаго, оставалась открытою еще цѣлую недѣлю послѣ празднованія памяти Жуковскаго.

На другой день послѣ академическаго торжества получена была слѣдующая телеграмма изъ Люблянъ (Лайбаха):

Literaturnoje obscestvo Matica Slovenska prisutsvujet duhom segodnjasjnej torźestvennosti nezabvennago slavjanina i velikago poeta Żukovskago. Подписалъ: Grasselli. (Изъ *Правит. Вѣстника*, № 26).

Чествованіе началось еще наканунѣ академическаго собранія, въ субботу 29-го января, заупокойною литургіей и панихидой въ Александро-Невской лаврѣ.

30-го же января устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ въ Большомъ театрѣ. Составъ вечера былъ слѣдующій: 1-е дѣйствіе и 2-я картина 3-го дѣйствія оперы: „Орлеанская дѣва“ Чайковскаго; драматическая поэма „Камоэнсъ“; баллада „Свѣтлана“ съ живыми картинами, во время представленія которыхъ самая баллада была прочитана г-жою Савиною; нѣсколько стихотвореній В. А. Жуковскаго, положенныхъ на музыку: апоѳеозъ (чтеніе стихотвореній Полонскаго и Вейнберга). Живая картина. Вѣнчаніе бюста поэта и стихи Пушкина къ портрету Жуковскаго, прочитанные А. А. Потѣхинымъ.

[2]. Карамзинъ имѣлъ болѣе случаевъ высказывать свои политическіе и общественные взгляды, во многомъ несогласные съ господствующими нынѣ понятіями, и это въ глазахъ нѣкоторыхъ повредило его славѣ, какъ гражданскаго дѣятеля. Спрашивается однакожъ, могутъ

ли строгіе порицатели такихъ убѣжденій его ручаться, что еслибъ они были его современниками, то сами думали бы иначе? Жуковскій, какъ поэтъ и педагогъ, стоялъ далѣе отъ общественныхъ интересовъ подобнаго оттѣнка и не навлекъ на себя этого нареканія. Напротивъ, извѣстно, что онъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, прослылъ-было либераломъ за то, что отпустилъ на волю два семейства крѣпостныхъ, изъ которыхъ одно было прежде куплено на его имя книгопродавцемъ Поповымъ.

[3]. Трудъ Плетнева: „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго" напечатанъ въ *Живописномъ Сборникѣ* 1853 года и тогда же изданъ отдѣльною книгой (Спб., 188 стр.). Трудъ К. К. Зейдлица явился въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1869 г. (май, апрѣль и іюнь, ч. CXLII и CXLIII), потомъ отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ (W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau 1870, а въ слѣдующемъ году 2-мъ изданіемъ) и наконецъ отдѣльною же книгой на русскомъ языкѣ: „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго", Спб. 1883 г." — Подъ редакціею П. А. Ефремова напечатано Глазуновымъ 7-е, самое полное до сихъ поръ, изданіе сочиненій и писемъ Жуковскаго въ 6-ти томахъ.

[4]. Вотъ болѣе полное извлеченіе изъ этого письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатаннаго въ VI томѣ изданія г. Ефремова, стр. 388 — 392.

„Вся моя прошедшая жизнь покрыта туманомъ недѣятельности душевной... Причина тебѣ извѣстна... Ты скоро, можетъ быть, получишь отъ меня посланіе о дѣятельности, о благодѣтельности этого святаго генія, которому посвящаю жизнь мою, которымъ будетъ храниться все мое счастье... Я всегда говорю себѣ: настоящая минута труда уже сама по себѣ есть плодъ прекрасный.

„Такъ, милый другъ, дѣятельность и предметъ ея, польза — вотъ что меня теперь одушевляетъ... Теперь главныя занятія мои составляютъ: исторія всеобщая, какъ приготовленіе къ русской и къ классикамъ, и языки, пока латинскій, а черезъ нѣсколько времени и греческій. Въ Вѣстникъ Европы буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана... Лучше поздно, нежели никогда... Трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ часъ отъ часу болѣе. Я увѣренъ теперь, что одинъ тотъ только почитаетъ трудъ тяжкимъ, кто не знаетъ его; но тотъ именно его и любитъ, кто наиболѣе обремененъ имъ".

Интересно также то, что Жуковскій въ этомъ письмѣ сообщаетъ о правильности своего образа жизни, оправдываясь въ томъ, что долго не писалъ къ своему другу: „Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть и часы для писемъ... Но я должень часто писать въ типографію. Два раза въ

недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру... отчего и случается иногда совершенная невозможность къ тебѣ писать; я въ этомъ порядкѣ непремѣнно хочу быть педантомъ; въ противномъ случаѣ, что ни дѣлай, все будетъ неосновательно..." Въ концѣ письма онъ опять возвращается къ этому предмету: „Мое посланіе (къ тебѣ) очень вертится у меня въ головѣ, и я бы давно написалъ его, если бы не былъ рабомъ моего нѣмецкаго порядка — и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо, и не всегда въ положенное время изволитъ ко мнѣ жаловать. Между прочимъ скажу тебѣ, чтобъ поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное дѣйствующее лицо дьяволъ, которая вдвое длиннѣе *Людмилы* и гораздо ея лучше. И этотъ дьяволъ посвященъ будетъ милой переписчицѣ (одной изъ племянницъ его Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, впосл. Воейковой), которая сама нѣкоторымъ образомъ, по своей обольстительности — дьяволъ" (VI, 393).

5. Здѣсь я говорю по собственнымъ своимъ воспоминаніямъ. Вскорѣ послѣ появленія въ *Современникѣ* (январь 1838 г.) моего перевода „Мазепы" Байрона (который еще въ рукописи былъ прочитанъ Жуковскимъ), Василій Андреевичъ черезъ Плетнева просилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ (части Зимняго дворца, гдѣ нынѣ императорскій музей). Я поднялся къ нему въ верхній этажъ этого высокаго зданія и засталъ его работающимъ, въ халатѣ, стоя передъ конторкой. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, похвалилъ мой переводъ, разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ совѣтовалъ изучать исторію Карамзина, какъ лучшій источникъ истинной поэзіи. Потомъ онъ водилъ меня по своимъ комнатамъ и показывалъ на подоконникахъ множество картоновъ, въ которыхъ хранились автографы его сочиненій. Сбираясь ѣхать за границу въ свитѣ Наслѣдника, онъ намѣренъ былъ въ Швеціи познакомиться съ Тегне́ромъ и взялъ у меня рукопись уже почти оконченнаго мною перевода „Фритіофс-саги". Это свиданіе произвело на меня глубокое впечатлѣніе, и я тогда же написалъ сонетъ, котораго однакожъ не только не поднесъ ему, но и никому до сихъ поръ не сообщалъ. Кстати помѣщаю его здѣсь, въ примѣчаніяхъ къ академической рѣчи:

Жуковскому.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ мнѣ новомъ,
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ будетъ твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,

Награды только въ немъ искать даю обѣтъ;
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Хвала судьбѣ: сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ нѣжно, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и геній красоты.

(1838).

Въ слѣдующемъ году Жуковскій оказалъ мнѣ важную услугу. Въ то время я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, и именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую каѳедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ.

6. Въ посланіи къ Батюшкову такъ изображены цѣли, къ которымъ долженъ стремиться истинный поэтъ:

„Когда любовью страстной
Лишь то боготворимъ,
Что благо, что прекрасно;
Когда отъ нашихъ лиръ
Ліются жизни звуки,
Чарующіе муки,
Сердцамъ дающи миръ;
Когда мы пѣснопѣньемъ
Жаръ славы пламенимъ
Въ душѣ, летящей къ благу,
Стезю къ убогихъ прагу
Являемъ богачамъ,
Не льстимъ земнымъ богамъ,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармоніи игривой
Сама велитъ внимать, —
Тогда и дарованье
Во благо намъ самимъ,
И мы не посрамимъ
Поэтовъ достоянья.
О другъ! служенье музъ
Должно быть ихъ достойно:
Лишь съ добрымъ ихъ союзъ“.

Въ концѣ Жуковскій рисуетъ тотъ идеалъ поэта, которому онъ хочетъ остаться вѣренъ во всю жизнь и которому дѣйствительно никогда не измѣнялъ:

„Что ждетъ его вдали,
О томъ онъ забываетъ;
Давно не довѣряетъ
Онъ счастью на земли.
Но, другъ, куда бъ судьбою
Онъ ни былъ приведенъ,
Всегда, вездѣ душою
Онъ будетъ прилѣпленъ
Лишь къ жизни непорочной:
Таковъ къ друзьямъ заочно,
Каковъ и на глазахъ —
Для нихъ стихи кропаетъ
И быть такимъ желаетъ,
Какимъ въ своихъ стихахъ
Себя изображаетъ".

7. Изъ напечатанныхъ недавно писемъ Жуковскаго и отрывковъ изъ его дневника [1]) можно видѣть, какъ нѣжно онъ заботился о своей безцѣнной Машѣ, и въ какое невыразимое горе его повергъ отказъ ея матери. Онъ самъ разсказываетъ, какія надежды передъ тѣмъ его оживляли: „Я съ восхищеніемъ давалъ Создателю своему сердечное обѣщаніе быть его достойнымъ своею жизнію, въ благодарность за то счастье, которое онъ давалъ мнѣ предчувствовать въ этой живой надеждѣ. О! я въ эту минуту только чувствовалъ, что *можно быть счастливымъ въ этой жизни*. Другая мысль несказанно меня радовала. Я видѣлъ въ будущемъ не одно неизъяснимое счастье принадлежать ей, дѣлить съ нею жизнь и все; я видѣлъ тамъ самого себя совсѣмъ не такимъ, каковъ я теперь, лучшимъ, новымъ, живымъ, а не мертвымъ... Эта надежда нѣкогда увидѣть самого себя лучшимъ восхитительна. Мнѣ представляется, какъ будто сквозь какой туманъ: спокойствіе, душевная тишина, довѣренность къ Провидѣнію. Одна уже надежда даетъ мнѣ бóльшую привязанность къ религіи, къ святой и чистой религіи. О! какъ она нужна для того, чтобы счастіе было прочно и чисто!.. О! теперь вѣра становится милѣйшею моею мыслью — вѣрить для меня теперь необходимо. Вѣра есть то святое убѣжище, въ которое переношу счастіе въ жизни. Когда буду съ ней вмѣстѣ, когда получимъ свободу вмѣстѣ мыслить и чувствовать, тогда болѣе всего будемъ укоренять себя въ этой утѣшительной вѣрѣ".

8. Покидая Дерптъ по волѣ сестры своей, Жуковскій писалъ оставшейся тамъ Марьѣ Андреевнѣ: „Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что наконецъ тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою" (Зейдлицъ, *Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго*, стр. 73).

[1]) *Русская Старина* 1883, январь, стр. 270.

9. Вскорѣ послѣ назначенія своего въ наставники великаго князя Жуковскій писалъ къ своей племянницѣ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ „Прощай навсегда поэзія съ риѳмами. Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная часть жизни". (Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго*. Спб. 1853. Стр. 69). Педагогическая дѣятельность нашего поэта при дворѣ продолжалась ровно 10 лѣтъ, если считать ее съ опредѣленія его въ преподаватели къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и доводить до путешествія по Европѣ съ августѣйшимъ сыномъ ея.

10. *Сочиненія Жуковскаго*, т. VI, стр. 541. При складѣ своего ума, при своей наклонности къ чудесному и сверхъестественному, Жуковскій между прочимъ пристрастился къ средневѣковому міру, къ сказкамъ о рыцаряхъ и ихъ за́мкахъ, о духахъ и привидѣніяхъ. Это была одна изъ тѣхъ областей поэзіи, которая пришлась наиболѣе по вкусу тогдашней русской молодежи. Явилось безчисленное множество подражателей этого направленія литературы. Даже въ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди упражнялись въ сочиненіи рыцарскихъ сказокъ такого рода, въ рисованіи къ нимъ картинокъ съ за́мками, луной и гробницами. Говорю опять по своимъ воспоминаніямъ: поступивъ, въ 1823 году, въ царскосельскій лицейскій пансіонъ, я видѣлъ подобныя произведенія пера и кисти въ тетрадяхъ моихъ товарищей. Однимъ изъ любимыхъ романсовъ, которые пѣлись тогда въ этомъ заведеніи, рядомъ съ „Черною шалью" Пушкина, было положенное на музыку стихотвореніе Жуковскаго: „Дубрава шумитъ".

Приведенныя изъ письма къ Стурдзѣ слова Жуковскаго являются тамъ въ слѣдующей обстановкѣ: „Единственною *внѣшнею* наградою моего труда (т. е. перевода Одиссеи) будетъ сладостная мысль, что я (во время óно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертого".

Это было сказано конечно подъ вліяніемъ того увлеченія, съ какимъ онъ отдался изученію и воспроизведенію на родномъ языкѣ Гомера. Ему казалось, что важнѣйшимъ его литературнымъ подвигомъ и главною заслугою передъ потомствомъ будетъ этотъ трудъ его старости. Между тѣмъ нельзя не признать, что въ поэтической его дѣятельности переложенія произведеній нѣмецкой и англійской литературы, и по художественному достоинству ихъ, и по вліянію на современниковъ, стоятъ выше перевода Одиссеи. Какъ ни глубоко было поэтическое чутье Жуковскаго для постиженія духа и красотъ древне-классическаго эпоса сквозь германскую оболочку, хотя и обставленную всякими историческими и филологическими поясненіями, мы все-таки

не можемъ относиться къ его переводу съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ читаемъ переводъ, сдѣланный талантливымъ переводчикомъ прямо съ подлинника. Можно согласиться, что трудъ поэта-переводчика, хотя и незнакомаго съ языкомъ Гомера, выше другого, который былъ бы сдѣланъ знатокомъ-эллинистомъ, но безъ поэтическаго таланта; тѣмъ не менѣе, для полной вѣрности подлиннику, и талантъ не можетъ обойтись безъ знанія его языка. Своими переводами изъ Шиллера Жуковскій внесъ въ русскую литературу цѣлый новый міръ идей и созерцаній, которыя безъ его посредничества остались бы чужды русскому обществу и которыя не могли не имѣть значенія для всей современной отечественной литературы. Въ недавно изданномъ трудѣ г. Цвѣтаева о балладахъ Шиллера [1]) показано, что въ нѣкоторыхъ строкахъ и цѣлыхъ куплетахъ Жуковскій не совсѣмъ точно передавалъ смыслъ подлинника; но это частности, не имѣющія большой важности въ цѣломъ: для переводчика въ стихахъ бываютъ трудности непреодолимыя; онъ отвѣчаетъ за точность своего переложенія въ предѣлахъ возможнаго; удачный стихотворный переводъ, несмотря на отступленія въ подробностяхъ, все-таки вѣрнѣе передаетъ идею, характеръ и тонъ подлинника, нежели переводъ въ прозѣ, совершенно убивающій поэтическую прелесть, дающій одинъ остовъ вмѣсто дышащаго жизнью тѣла. Вотъ почему переводы Жуковскаго изъ новыхъ поэтовъ настолько близки къ совершенству, насколько это вообще возможно.

11. Передъ нами шесть томовъ убористой печати, въ которыхъ поэтъ осуществилъ это понятіе о своемъ высокомъ призваніи. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ нашей литературы. Ужели на потомствѣ будетъ лежать упрекъ, что оно не познало одного изъ вѣщихъ сыновъ русскаго народа? Мы должны не только съ благодарностью свято хранить память о Жуковскомъ, но и съ любовью изучать его жизнь и поэзію, себѣ въ назиданіе, въ очищеніе собственной нашей жизни, нашихъ помысловъ, стремленій и дѣлъ.

12. За два дня передъ смертью, Жуковскій, говоря со священникомъ Базаровымъ объ этой поэмѣ, между прочимъ сообщилъ ему, что Юстинъ Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ. Обѣщаніе это теперь исполнено: къ отпразднованному недавно юбилею въ Баденъ-Баденѣ явился прекрасный, очень близкій къ подлиннику переводъ: „Ahasver, der ewige Jude. Dichtung von Joukoffsky. Baden-Baden, 1883“. Обращаемъ на него вниманіе любителей нѣмецкой поэзіи.

13. Это письмо въ первый разъ появилось въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 г., кн. III, а недавно перепечатано въ книгѣ г. Загарина: „Жуковскій и его произведенія“.

14. Плетневъ, *О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго*, стр. 137.

---

[1]) См. воронежскія *Филологическія Записки* 1882, и отдѣльное изданіе того труда.

КОГДА РОДИЛСЯ ЖУКОВСКІЙ? [1]

1883.

Сомнѣніе насчетъ времени рожденія Жуковскаго окончательно устраняется. 21-го прошлаго декабря я обратился отъ имени втораго отдѣленія Академіи Наукъ къ архіепископу тульскому съ просьбою приказать навести о томъ справку. Высокопреосвященный Никандръ немедленно сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе, и въ письмѣ отъ 1-го сего января почтилъ отдѣленіе отвѣтомъ съ приложеніемъ выписки изъ метрической книги Бѣлевскаго уѣзда, села Мишенскаго и изъ исповѣдныхъ росписей того же села, хранящихся въ архивѣ тульской духовной консисторіи. Въ этой выпискѣ значится, что нашъ поэтъ родился 26-го января 1783 года, а крещенъ 30-го того же мѣсяца священникомъ Иваномъ Ивановымъ и причтомъ. Воспріемники, бывшіе при этомъ обрядѣ, въ записи не показаны.

Относительно разногласія метрики въ означеніи дня рожденія Жуковскаго съ тѣмъ, что самъ онъ во всю жизнь считалъ несомнѣннымъ, можно кажется, по незначительности разницы, остаться при собственномъ его показаніи 29-го числа, хотя и вѣроятнѣе, что обрядъ крещенія совершенъ былъ спустя нѣсколько дней послѣ рожденія мальчика, а не на слѣдующія же сутки. Что касается матери его, то оказывается, что она жила до 1808 года, слѣдовательно гораздо долѣе, чѣмъ можно было заключить изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ біографіяхъ поэта, и что при его рожденіи ей было 46 лѣтъ, т. е. что она родилась въ 1736 году, умерла же 72-хъ лѣтъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

В. А. Жуковскій и его произведенія. 1783 — 1883. Сочиненіе П. Загарина. Съ приложеніемъ 29 фотогравюръ, автографовъ и нотъ. Изданіе Льва Поливанова. Москва, 1883. VII, 584 и LIX стр. [2]).

1883.

Вотъ не только прекрасно изданная, но и прекрасно составленная книга, появившаяся въ Москвѣ къ юбилею Жуковскаго, но въ Петербургѣ до сихъ поръ очень мало извѣстная. Авторъ ея, г. Загаринъ, чуть ли не въ первый разъ выступающій на литературное поприще, приготовился къ своему труду вполнѣ добросовѣстно и основательно,

---

[1]) „Новое Время“ 1883, 7 янв. № 2464.
[2]) „Нов. Время“ 1883, апр. 1, № 2547.

перечиталъ все, что только когда-либо было напечатано о Жуковскомъ, воспользовался кромѣ того нѣкоторыми рукописными матеріалами, полученными отъ лицъ, близко стоящихъ къ роднымъ поэта, и представилъ оживленную картину его жизни и дѣятельности. Г. Загаринъ не только останавливается подробно на всѣхъ сторонахъ этой многообразной дѣятельности, но знакомитъ насъ и со всѣмъ, касающимся лицъ, съ которыми Жуковскій находился въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ. Такъ мы узнаемъ здѣсь много любопытнаго изъ жизни императрицы Александры Ѳеодоровны и изъ біографіи Павскаго. При разсмотрѣніи произведеній поэта авторъ постоянно обращается къ самымъ источникамъ ихъ и внимательно сравниваетъ переводы съ подлинниками. Отношеніе Жуковскаго къ Шиллеру понято очень вѣрно. Вотъ что замѣчено по поводу перевода „Орлеанской дѣвы“: „Національному генію Германіи, едва достигшему порога новаго вѣка, по его собственнымъ словамъ, „дѣятельно завершившему столѣтіе“ и тѣмъ не менѣе вдохновившему свое отечество на будущій подвигъ вѣка новаго, — Жуковскій представляетъ не мало противоположнаго. Кипучая натура Шиллера, уже на школьной скамьѣ начавшаго свое поприще дикимъ протестомъ противъ закона и общественныхъ условій и окончившаго зрѣлымъ поэтическимъ завѣщаніемъ сбросить гнетъ иноземнаго ига въ своемъ „Вильгельмѣ Теллѣ“, — не могла найти полнаго отзвука въ мирной душѣ Жуковскаго“ (стр. 280)... „Однако онъ хранилъ глубокую симпатію къ этому поэту и, какъ видимъ, считалъ его однимъ изъ надежныхъ друзей своихъ... Но не могъ Шиллеръ удовлетворить всѣмъ его запросамъ. Души обоихъ поэтовъ были ужъ слишкомъ различны. Достаточно было Жуковскому опознаться и успокоиться, какъ Шиллеръ его уже не удовлетворяетъ болѣе“ (стр. 362). Такимъ же образомъ г. Загаринъ весьма наглядно показалъ, насколько правильно переводчикъ Одиссеи понималъ Гомера; въ особомъ приложеніи обстоятельно сличены нѣкоторыя мѣста поэмы въ переводѣ и въ подлинникѣ. Иногда біографъ, при ознакомленіи насъ съ источниками творчества Жуковскаго, вдается даже, какъ намъ показалось, въ слишкомъ большія подробности. Такое впечатлѣніе вынесли мы изъ главы VIII (о Громобоѣ) и изъ XXII главы (Философскія ученія, послужившія источникомъ германскаго романтизма). Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ книги желательно было бы найти болѣе свѣдѣній о собственныхъ трудахъ поэта; напр. о дѣятельности его по изданію „Вѣстника Европы“. Но вообще книга г. Загарина принадлежитъ къ числу отрадныхъ и къ сожалѣнію довольно рѣдкихъ явленій нашей литературы: авторъ чуждъ всякой тенденціозности и судитъ здраво, безъ предвзятыхъ мыслей. Приведемъ общій выводъ его о значеніи поэзіи Жуковскаго: „Трудно указать другого изъ нашихъ поэтовъ, у котораго все пережитое подвергалось бы такой своеобразной вну-

тренней переработкѣ, какъ то видимъ у Жуковскаго. Въ немъ сложилось свое, неподражаемое міросозерцаніе, для выраженія котораго онъ находилъ образы повсюду... Существенная черта его идеализма состоитъ въ томъ, что подъ перомъ его идеализмъ этотъ достигъ такого чистосердечія и такой ясности, къ какимъ способны только русское сердце и русскій умъ" (стр. 216).

Книга украшена портретами лицъ, близко стоявшихъ къ Жуковскому, и другими приложеніями. „Исполнить это было бы невозможно безъ того горячаго содѣйствія со стороны многихъ, которое всегда встрѣчаетъ благое предпріятіе въ образованныхъ кругахъ нашего общества". Такъ говоритъ въ краткомъ предисловіи издатель Л. И. Поливановъ. Не всѣ изображенія одинаковаго достоинства, но есть между ними и весьма удачныя; таковъ напр. портретъ самого Жуковскаго, съ картины Чернецова, представляющій его во весь ростъ въ лучшую пору жизни, и портретъ А. И. Бунина — типическая фигура помѣщика прошлаго столѣтія. Нельзя, въ заключеніе, не выразить благодарности Л. И. Поливанову, который такъ кстати подарилъ нашей литературѣ два изящныя изданія: альбомъ пушкинской выставки и книгу о Жуковскомъ.

В. А. ЖУКОВСКІЙ и Д. Н. БЛУДОВЪ.

1884.

ЗАМѢТКА [1])

Письмо Жуковскаго, найденное въ бумагахъ Егора Петровича Ковалевскаго и напечатанное въ іюньской книгѣ „Русской Старины" 1884-го года, не могло быть адресовано ни къ кому иному, кромѣ Блудова. На это указываетъ особенно выраженіе: „вѣдь медицинскій департаментъ состоитъ подъ твоимъ вѣдомствомъ", т. е. подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ; этотъ постъ въ 1833 году, къ которому относится письмо, занималъ Д. Н. Блудовъ (въ то время еще не графъ), а князь Вяземскій имѣлъ тогда еще весьма скромное служебное положеніе, не былъ близокъ ко двору, и ему Жуковскій не могъ сказать: „представь книгу Государю". По смерти Блудова въ 1864 году, Ковалевскій приступилъ къ составленію его біографіи, и потому естественно, что въ числѣ матеріаловъ для этого труда въ руки покойнаго Егора Петровича попали и нѣкоторыя письма, хранившіяся въ бумагахъ Блудова.

Сельцо Красная Слободка.
8-го іюля 1884 г.

---

[1]) См. „Русская Старина" 1884, сентябрь, стр. 618.

Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь статей о Жуковскомъ, Я. К. Гротъ обнародовалъ еще: 1) *Письма В. А. Жуковскаго къ граверу Н. И. Уткину* (1830—1836) въ статьѣ *„Василій Андреевичъ Жуковскій, какъ граверъ на мѣди“* въ „Русск. Старинѣ“, 1883 г., кн. II, и тутъ (въ маленьк. предисловіи) сообщилъ о нихъ слѣдующее: „Подлинныя сохранились въ бумагахъ П. А. Плетнева. Къ объясненію сношеній Жуковскаго съ Уткинымъ могутъ служить слѣдующія строки изъ одного письма поэта къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ, писаннаго въ началѣ 1823 года, по возвращеніи его изъ-за границы: „Путешествіе сдѣлало меня и рисовальщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусствѣ, посылаю мои гравюры Павловскихъ видовъ. Также будутъ сдѣланы и Швейцарскіе, только при нихъ будетъ описаніе“. („О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго“, соч. П. А. Плетнева, стр. 59). Извѣстно, что Жуковскій дѣйствительно издалъ потомъ виды Павловска“.

2) *Восемь писемъ В. А. Жуковскаго къ Н. В. Гоголю* (безъ предисловія, съ нѣсколькими примѣчаніями) въ „Сборникѣ Общества любителей Россійской Словесности“ на 1890 г., Москва 1891 стр. 15—23; и тамъ же (стр. 67): *„Письмо В. А. Жуковскаго къ графу А. П. Толстому“*.

3) Наконецъ онъ издалъ *Записку* В. А. Жуковскаго: *„Пожаръ Зимняго Дворца, 17 декабря 1837 года“*, напечатанную въ XXXI томѣ „Сборника Отд. рус. яз. и сл.“ и снабженную имъ слѣдующей объяснительной замѣткой: „Эта записка найдена мною, въ двухъ экземплярахъ, между бумагами П. А. Плетнева, съ своеручными поправками Жуковскаго и съ такою же подписью полнаго его имени. Къ одному изъ экземпляровъ была приложена слѣдующая бумага отъ 31 января 1838 года: „Министръ Императорскаго Двора честь имѣетъ увѣдомить г. издателя Современника, что онъ имѣлъ счастіе представить Государю Императору возвращаемую при семъ статью о пожарѣ Зимняго дворца, но что на напечатаніе оной Высочайшаго соизволенія не послѣдовало, поелику довольно уже было писано въ публичныхъ листкахъ о семъ несчастномъ событіи. Князь Волконскій“.

Статья Жуковскаго составляетъ видное дополненіе къ тѣмъ запискамъ о томъ же пожарѣ, которыя напечатаны были въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 и 1869 годовъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще записку князя Вяземскаго: „Incendie du palais d'hiver à St.-Pétersbourg“, изданную въ Парижѣ, въ 1838 году, особою брошюрою, а передъ тѣмъ напечатанную въ выходившемъ въ Петербургѣ французскомъ журналѣ (кажется, „Revue étrangère)“.

Ред.

ОЧЕРКЪ ЛИЧНОСТИ И ПОЭЗІИ БАТЮШКОВА[1]).

1887.

Постепенное развитіе русской литературы во второй половинѣ прошлаго столѣтія вызвало въ наше время цѣлый рядъ чествованій со стороны Императорской Академіи Наукъ. Начавъ въ 1865 году юбилеемъ Ломоносова, она послѣдовательно поминала то своими трудами, то публичнымъ словомъ Державина, Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Гнѣдича, именами которыхъ отмѣчены болѣе или менѣе яркія точки въ поступательномъ движеніи отечественной словесности.

Нынѣ настала очередь современника и друга двухъ послѣднихъ изъ названныхъ писателей — Константина Николаевича Батюшкова, родившагося сто лѣтъ тому назадъ, именно черезъ 4 года послѣ Жуковскаго и черезъ 3 послѣ Гнѣдича. Настоящее чествованіе его памяти является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что съ годовщиною дня его рожденія въ маѣ текущаго года почти совпалъ выходъ въ свѣтъ перваго полнаго изданія его сочиненій и писемъ, которое только теперь даетъ возможность узнать и оцѣнить эту высоко-даровитую личность во всемъ ея значеніи, тогда какъ до сихъ поръ мы знали Батюшкова только отчасти, какъ поэта, и имѣли весьма недостаточное понятіе о его жизни и ходѣ развитія. Но этимъ не исчерпывается заслуга Помпея Николаевича Батюшкова, какъ издателя, и Леонида Николаевича Майкова, какъ редактора полнаго собранія сочиненій чествуемаго нами писателя. Оно составляетъ важный вкладъ въ исторію всей русской литературы первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка: оно вводитъ насъ въ кругъ всего ея движенія, знакомитъ насъ съ большею частью ея представителей. Въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ каждому отдѣлу изданія, мы находимъ множество новыхъ свѣдѣній біографическихъ и библіографическихъ о писателяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ были извѣстны только по именамъ, или біографія которыхъ, по крайней мѣрѣ, была очень мало разработана, напр., о Пушкиныхъ, Василіи Львовичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, о кн. Борисѣ Владимировичѣ Голицынѣ, о сатирикѣ кн. Дмитріи Петровичѣ Горчаковѣ, объ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ, Иванѣ Матвѣевичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, Михаилѣ Никитичѣ Муравьевѣ и друг. Для каждаго изслѣдователя русской литературы первой трети нынѣшняго столѣтія недавно появившееся изданіе Батюшкова будетъ отнынѣ необходимымъ пособіемъ.

---

[1]) Рѣчь, читанная въ торжественномъ засѣданіи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 22-го ноября 1887 года. См. Сборникъ Отд. р. яз. и сл., т. XLIII, 1888.

Всѣ эти свѣдѣнія о современникахъ Батюшкова служили только вспомогательнымъ матеріаломъ почтенному комментатору его произведеній и составителю его біографіи, для которой онъ не уклонился отъ самыхъ добросовѣстныхъ и основательныхъ изысканій, не только въ прошломъ отечественной словесности, но и въ области иностранныхъ литературъ, всякій разъ, когда онъ находилъ въ нихъ точки соприкосновенія съ творчествомъ нашего поэта.

Предоставляя ученому и талантливому біографу Батюшкова, какъ члену-корреспонденту нашей Академіи, изложить предъ вами обзоръ постепеннаго развитія этого замѣчательнаго писателя, я, съ своей стороны, ограничусь задачею представить вамъ только очеркъ его личности и значенія.

Это была одна изъ самыхъ даровитыхъ натуръ, когда-либо появлявшихся въ области русской литературы. Получивъ весьма скудное образованіе въ частномъ петербургскомъ пансіонѣ, Батюшковъ, побуждаемый природною любознательностью, постоянно дополнялъ свои свѣдѣнія изученіемъ иностранныхъ языковъ и литературъ. Зная съ дѣтства французскій языкъ, онъ позднѣе съ особенною любовью усвоилъ себѣ знакомство съ итальянскимъ и съ нѣмецкимъ, и страстно предавался преимущественно изученію Тасса. Надо сказать, что и обстоятельства особенно благопріятствовали усиленному удовлетворенію его умственныхъ и эстетическихъ потребностей. Будучи племянникомъ и питомцемъ просвѣщеннаго попечителя Московскаго университета Михаила Никитича Муравьева, Батюшковъ рано введенъ былъ въ кругъ лучшихъ литераторовъ своего времени и пріобрѣлъ дружбу такихъ людей, какъ Оленинъ, И. И. Дмитріевъ, А. И. Тургеневъ, Карамзинъ, Муравьевъ-Апостолъ, Нелединскій-Мелецкій, Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ и кн. Вяземскій. Вотъ то́ общество, въ которомъ Батюшковъ вращался въ немногіе годы своей литературной дѣятельности, вотъ тѣ лица, съ которыми онъ переписывался. Его обширною перепискою съ ними мы обязаны тому, что Батюшковъ, по ходу своей службы и по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, часто долженъ былъ перемѣнять мѣста своего пребыванія: то — по званію офицера участвовалъ въ заграничныхъ походахъ, то, находясь въ отставкѣ, жилъ поперемѣнно въ Петербургѣ, въ Москвѣ или въ деревнѣ, то, наконецъ, вступивъ на дипломатическое поприще, очутился въ Италіи, давнишней цѣли своихъ пламенныхъ мечтаній. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ сохранились полныя интереса письма Батюшкова, обращенныя, то къ одному изъ названныхъ лицъ, то къ горячо любимой старшей сестрѣ, съ которою онъ правда бесѣдуетъ чаще всего о семейныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, но сообщаетъ ей также, со свойственною ему откровенностью, тайныя свои помышленія, чувства и планы. Большая часть его писемъ богаты мыслями и свѣдѣніями о современной лите-

ратурѣ и положеніи тогдашнихъ дѣлъ, такъ что могутъ служить дополненіемъ къ матеріаламъ для нашей общественной исторіи. Многія изъ этихъ писемъ были уже прежде извѣстны, но они до настоящаго времени оставались разсѣянными въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, и только теперь явились въ полномъ видѣ и повременномъ порядкѣ, представляя, при сопровождающихъ ихъ объясненіяхъ, одну изъ самыхъ цѣнныхъ частей всего изданія, въ которой мы получили возможность слѣдить за всѣми изгибами прекрасной души ихъ автора, за всѣми его возвышенными стремленіями и неизбѣжными слабостями.

Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ въ области слова Батюшковъ является пламеннымъ энтузіастомъ всего добраго и высокаго. Что всего болѣе цѣнитъ онъ и хвалитъ въ жизни? Это благородныя чувства любви и дружбы, это свобода, литература, поэзія, природа и искусство, это пламенный патріотизмъ, служеніе согражданамъ оружіемъ и перомъ, принесеніе жизни въ жертву отечеству; съ другой стороны къ этому присоединяется пренебреженіе къ богатствамъ и чинамъ и отвращеніе отъ сухихъ канцелярскихъ занятій. Такіе вкусы не могли, конечно, служить благопріятными условіями для служебной карьеры. Несмотря на самоотверженіе, съ какимъ онъ въ годину опасности отечества вступилъ въ ряды арміи и запечатлѣлъ свое усердіе кровью, получивъ рану, оставившую на всю жизнь гибельныя для его организма послѣдствія, Батюшковъ былъ обойденъ въ сравненіи со своими сослуживцами, и перейдя послѣ въ гражданскую службу, занялъ въ ней весьма скромное положеніе. Оттуда его постоянныя, справедливыя жалобы въ письмахъ на свое здоровье и неудачи по службѣ. Зато, съ другой стороны, все, что вредитъ его успѣхамъ на этомъ поприщѣ, становится источникомъ его поэтическаго творчества и быстро пріобрѣтенной славы, о которой онъ мечталъ съ ранней юности, которую онъ любилъ по собственному признанію, часто повторяемому имъ въ письмахъ, хотя въ стихахъ своихъ онъ и говоритъ о ней съ пренебреженіемъ.

Начитавшись смолоду Вольтера, Руссо, Парни, а впослѣдствіи Монтаня и Петрарки и ознакомясь въ переводахъ съ Гораціемъ и Тибулломъ, Батюшковъ, при своей впечатлительности, естественно увлекся ихъ взглядами на жизнь и сдѣлался, особенно въ первую эпоху своего творчества, горячимъ приверженцемъ эпикуреизма. Воображеніе преобладало въ немъ надъ всѣми другими способностями (что́, замѣтимъ мимоходомъ, по мнѣнію врача, лѣчившаго впослѣдствіи его душевный недугъ, было первымъ источникомъ этой страшной болѣзни и съ самаго рожденія Константина Николаевича составляло зародышъ ея). Такимъ образомъ Батюшковъ обладалъ въ высшей степени однимъ изъ необходимѣйшихъ для поэта условій. Не даромъ собраніе его произведеній и открывается пьесою *Мечта*, которую онъ началъ въ

1802-мъ году 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, и не даромъ онъ въ позднѣйшее время (1810 — 1817 гг.) два раза передѣлывалъ ее. Знаменательно также, что подобной передѣлкѣ подвергалась и другая его пьеса 1805 года *Совѣтъ друзьямъ* (стр. 36), явившаяся чрезъ пять лѣтъ подъ заглавіемъ *Веселый часъ* (стр. 96). Въ ней выразилась основная идея философіи молодого Батюшкова. Въ первой редакціи онъ говоритъ, между прочимъ:

Когда счастливо жить хотите
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути!
. . . .
Жизнь — мигъ: не долго веселиться,
Не долго намъ и въ счастьи жить!
Не долго!.. Но печаль забудемъ,
Мечтать во сладкой нѣгѣ будемъ:
Мечта — прямая счастья мать!

Въ измѣненной редакціи этого стихотворенія, уже получившаго другое заглавіе (*Веселый часъ*), мы читаемъ:

Други, сядьте и внемлите
Музы ласковый совѣтъ.
Вы счастливо жить хотите
На зарѣ весеннихъ лѣтъ?
Отгоните призракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути!
Скажемъ юности: лети,
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить!
Ахъ, не долго веселиться
И не вѣки въ счастьи жить!

Въ такой переработкѣ это стихотвореніе вошло въ собраніе сочиненій Батюшкова, изданныхъ въ 1818 году. Но когда онъ, въ слѣдующемъ году, сталъ готовить новое изданіе ихъ, онъ рѣшился не перепечатывать этой пьесы, что́, конечно, указываетъ на поворотъ, уже происшедшій въ настроеніи поэта.

Доказательство тому мы видимъ въ его статьѣ въ прозѣ „о морали, основанной на философіи и религіи“ (1815). Здѣсь онъ положительно высказывается противъ прежняго своего образа мыслей и говоритъ между прочимъ: „толпа философовъ-эпикурейцевъ отъ Мон-

таня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла человѣку: „Наслаждайся! Вся природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ... Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія?... Гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тишинѣ страстей своихъ?.. Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя?

„Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!.. Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ вѣры, безъ сего путеводителя, и зоркаго, и строгаго и снисходительнаго?"

Кратокъ былъ срокъ, назначенный ему судьбою для умственной дѣятельности. Проживъ около 70-ти лѣтъ, онъ изъ нихъ могъ употребить только 15 на литературную дѣятельность. Подобно Пушкину, Батюшковъ необыкновенно рано достигъ высокаго развитія своихъ способностей и уже 14-тилѣтнимъ мальчикомъ сталъ писать стихи: первая напечатанная пьеса его относится къ 1802 году, но зато послѣ 1818 онъ уже почти ничего не писалъ. Съ 1819 года блестящій умъ его начинаетъ тускнѣть, воображенію его начинаютъ являться мрачныя страшилища, и вскорѣ огонь души, такъ ярко горѣвшій въ молодости его, совершенно погасаетъ.

Неудивительно поэтому, что талантъ Батюшкова не успѣлъ проявиться во всей полнотѣ своей и что собраніе литературныхъ трудовъ его не поражаетъ своею обширностью. Въ оставшихся отъ него 132 стихотвореніяхъ (считая и самыя мелкія) только 90 (т. е. около ²/₃) составляютъ собственныя его оригинальныя произведенія: все остальное переводы или подражанія. Въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ его господствуютъ два направленія: *лирическое* и *сатирическое*.

Эта послѣдняя сторона таланта Батюшкова, свойственная ему преимущественно въ молодости, начинаетъ очень рано обнаруживаться. Такъ еще въ 1804 г. въ пьесѣ *Посланіе къ стихамъ моимъ* онъ остроумно осмѣиваетъ, подъ разными вымышленными именами, нѣсколькихъ современныхъ писателей, Шишкова, Станкевича, Боброва и др.

Между *сатирическими* стихотвореніями Батюшкова есть два весьма крупныя, которыя навсегда останутся любопытными памятниками борьбы двухъ лагерей, образовавшихся въ тогдашней литературѣ. Это *Видѣніе на берегахъ Леты* и *Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славяноросcовъ*. Въ *Видѣніи Леты* (1809) собравшіяся въ Элизіи тѣни умершихъ русскихъ писателей 18-го вѣка, начиная отъ Ломоносова, спорятъ между собой, какъ вдругъ прилетаетъ Меркурій и возвѣщаетъ имъ приходъ цѣлой толпы современныхъ поэтовъ, которыхъ Аполлонъ осудилъ на смерть. По мѣрѣ появленія ихъ, Миносъ допрашиваетъ по очереди: Мерзлякова, Дм. Языкова, Шаликова, С. Глинку, Боброва, Шихматова, Шишкова. Иронія заключается въ томъ, какъ каждый изъ нихъ по-своему очерчиваетъ свои труды. Всѣмъ имъ угрюмый судья указываетъ путь къ *Летѣ*.

Но вдругъ является Крыловъ, который, какъ извѣстно, былъ сослуживцемъ Батюшкова въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и ему въ концѣ пьесы посвящается слѣдующая характеристическая тирада, чрезвычайно наглядно, хотя и нѣсколько карикатурно, рисующая славнаго баснописца (стр. 85):

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесаной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
„Меня въ расплохъ", она сказала,
„Въ обѣдъ нарочно смерть застала,
„Но съ вами я опять готовъ
„Еще хоть сызнова отвѣдать
„Вина и адскихъ пироговъ:
„Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
„Я вамъ знакомый, я Крыловъ". —
„Крыловъ, Крыловъ!" въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло
Подъ сводомъ адскимъ: „Здѣсь Крыловъ!"
„Садись сюда, пріятель милый!
„Здоровъ ли ты?" — „И такъ и сякъ". —
„Ну, чтожъ ты дѣлалъ?" — „Все пустякъ:
„Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
„Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
„Ну вотъ, Миносъ, мои творенья;
„Съ собой я очень мало взялъ:
„Комедіи, стихотворенья,
„Да басни всѣ". — „Купай, купай!"
О чудо!.. Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейское горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Хотя Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу и говоритъ, что „этакіе стихи слишкомъ легко писать, а чести большой они не приносятъ"; но изъ другихъ мѣстъ его переписки видно, что онъ гордился этой пьесой, предсказывая, что она никогда не забудется.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славяноросовъ, пародія „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго, относится къ 1815 году, т. е. къ тому времени, какъ возникло знаменитое Арзамасское общество для противодѣйствія шишковской бесѣдѣ. Въ этой пьесѣ Батюшковъ, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Арзамаса, въ которомъ онъ но-

силъ прозвище *Ахилла,* выставляетъ на позоръ смѣшное самовосхваленіе Бесѣдниковъ, какъ послѣдователей Тредьяковскаго.

Послѣ этого памфлета, у Батюшкова уже не встрѣчается стихотвореній въ сатирическомъ родѣ, но замѣчательно, что и въ лирическихъ его пьесахъ, посреди грустныхъ размышленій, часто является шутка или ироническое отношеніе къ самому себѣ. Эту оригинальную черту мы находимъ и въ письмахъ его.

Раннія пьесы Батюшкова, относящіяся къ лирическому роду, дышатъ, какъ уже было замѣчено, эпикуреизмомъ, но въ нихъ отражается и стремленіе къ любимымъ его идеаламъ. Часто слышится въ нихъ также отголосокъ глубокой грусти, оставленной въ немъ несчастною любовью и потерею сослуживца и друга (именно молодого офицера Петина, убитаго вблизи отъ него въ сраженіи при Лейпцигѣ). Мало-по-малу это чувство унынія начинаетъ преобладать въ его поэзіи. Сюда относится особенно стихотвореніе 1815 г. *Воспоминанія,* начинающееся такъ:

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И муза пламенникъ небесный потушила.

Здѣсь онъ между прочимъ обращается къ той, которой хотѣлъ посвятить свою жизнь, но съ которою судьба не позволила ему соединиться, и онъ кончаетъ полными разочарованія стихами.

Въ другія минуты однакожъ поэтъ ищетъ утѣшенія въ религіи таким настроеніемъ проникнуты особенно два стихотворенія того же года: *Надежда* и посланіе къ *Другу,* т. е. къ кн. Вяземскому.

Вотъ нѣсколько строфъ изъ послѣдняго (стр. 235):

Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что жъ?.. Ихъ урны обнимаемъ!..
. . . .
Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?
Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.
Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ

И вѣчно пристани не знаетъ,
Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ;
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.
Я съ страхомъ вопрошалъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.
Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ,
Ногой надёжною ступаю—
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

Здѣсь какъ будто уже отражается предчувствіе безотрадной будущности поэта, а вѣрованія и желанія его переносятся въ лучшій, загробный міръ.

Какъ обыкновенно бываетъ, большая часть мелкихъ лирическихъ стихотвореній у Батюшкова внушены ему дѣйствительными обстоятельствами или случаями его жизни, и нельзя не замѣтить, что такія именно стихотворенія всего лучше удавались ему. Слѣдуя господствовавшему въ тогдашней поэзіи обычаю, онъ часто давалъ имъ форму посланій, которыхъ у него очень много (около 20-ти). Въ нихъ онъ обращается по большей части къ тѣмъ же лицамъ, съ которыми ведетъ переписку: къ Гнѣдичу, къ Жуковскому, къ Вяземскому, къ Дашкóву, къ Тургеневу, къ Муравьеву-Апостолу, къ Карамзину.

Въ этихъ посланіяхъ онъ или философствуетъ, выражаетъ свои взгляды на жизнь, свои впечатлѣнія, свои намѣренія, воспоминанія дружбы и любви, или воздаетъ похвалу заслугамъ своихъ друзей. Въ посланіи къ Дм. Вас. Дашкову, впослѣдствіи министру юстиціи, онъ изображаетъ картину опустошенія непріятелемъ Москвы и даетъ обѣтъ снова вступить въ ряды воиновъ, идущихъ на мщеніе за отечество (стр. 152):

Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ, —

Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Въ посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу онъ развиваетъ одну изъ любимыхъ своихъ мыслей, что, вопреки мнѣнію Монтескье, климатъ не можетъ служить препятствіемъ рожденію и развитію талантовъ и что на холодномъ сѣверѣ такъ-же могутъ процвѣтать искусства, какъ и на благословенномъ югѣ.

Обращаясь къ Никитѣ Муравьеву, сыну своего благодѣтеля, онъ вспоминаетъ свою военную жизнь (стр. 270):

Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокій!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ,
Какъ весело передъ строями
Летать на ухарскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ: за врагами!
Какъ весело внимать: „Стрѣлки,
„Впередъ! Сюда, Донцы, гусары,
„Сюда, летучіе полки,
„Башкирцы, горцы и татары!“
Свисти теперь, жужжи, свинецъ!
Летайте, ядра и картечи!
Что вы для нихъ, для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?

Не стану останавливаться на тѣхъ стихотвореніяхъ Батюшкова, которыя по красотамъ своимъ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ любителямъ поэзіи, каковы: *Мои пенаты*, *Тѣнь друга*, *Переходъ черезъ Рейнъ*, *Плѣнный*, *Умирающій Тассъ*, также его прелестныя подражанія греческой Антологіи — родъ, который былъ ему особенно по душѣ. Скажу нѣсколько словъ о его отношеніи къ современной ему поэзіи и тѣхъ образцахъ, откуда онъ могъ почерпать начала для своего развитія.

Въ русской литературѣ онъ засталъ уже труды Державина, Карамзина, Дмитріева, В. Л. Пушкина и наконецъ своего второго отца,

Муравьева, къ которому питалъ благоговѣйное чувство уваженія и признательности. Въ трудахъ Батюшкова легко отыскать слѣды вліянія всѣхъ этихъ писателей; можно даже указать на соотношеніе между нѣкоторыми изъ его пьесъ съ стихотвореніями названныхъ поэтовъ. Въ одно время съ нимъ развивались: Жуковскій, Гнѣдичъ, Озеровъ. Конечно, и они не оставались безъ воздѣйствія на его творчество. Любопытно, какъ онъ смотрѣлъ на поэтическую дѣятельность Жуковскаго. Въ своихъ письмахъ онъ часто выражаетъ неодобреніе предпочтительно избраннаго Жуковскимъ рода — баллады, которая кажется ему родомъ ложнымъ; вообще упрекая его въ томъ, что онъ тратитъ свой талантъ на мелочи, Батюшковъ требуетъ отъ него поэмы, почерпнутой изъ русской исторіи. Самъ онъ также постоянно недоволенъ своимъ творчествомъ и мечтаетъ о созданіи чего-нибудь крупнаго. Съ этою цѣлію онъ уже 20-ти лѣтъ отъ роду изучаетъ Тасса и начинаетъ переводить его *Освобожденный Іерусалимъ*, а Гнѣдичу воздаетъ большія похвалы за переводъ *Иліады*, къ продолженію котораго постоянно его ободряетъ и торопитъ. Изъ внутреннихъ свойствъ поэзіи Батюшкова насъ особенно поражаетъ яркость его картинъ, сила и выразительность языка, — достоинства, ему лично свойственныя и ни у кого не заимствованныя. Въ отношеніи къ внѣшней отдѣлкѣ его стиховъ замѣчается большая разница между ранними и позднѣйшими его стихотвореніями. Въ первыхъ еще господствуютъ старинныя поэтическія вольности нашихъ стихотворцевъ, неловкія сокращенія прилагательныхъ, неполныя риѳмы, но впослѣдствіи эти вынужденныя мѣрою неправильности становятся у него рѣже и рѣже, и стихъ пріобрѣтаетъ болѣе свободы, мягкости, граціи, пластичности и гармоніи. Можно сказать, что по прелести и музыкальности стиха онъ является блестящимъ соперникомъ Жуковскаго. Благодаря этимъ достоинствамъ, Батюшковъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ поэтовъ и учителей молодого Пушкина. Но въ произведеніяхъ Батюшкова критика давно уже указала одинъ существенный недостатокъ — отсутствіе отраженія русской дѣйствительности и того, что уже въ его время французы мѣтко назвали „couleur locale“. Трагическая судьба нашего поэта не позволила ему довести свой роскошный талантъ до окончательной зрѣлости. Можно полагать, что еслибъ онъ послѣ пребыванія въ Италіи возвратился въ Россію въ полномъ обладаніи своихъ способностей, то и въ поэзіи его насталъ бы новый періодъ, ознаменованный богатыми плодами его позднѣйшаго развитія.

Цѣлую половину трудовъ Батюшкова составляютъ статьи въ прозѣ, большая часть которыхъ написана въ одну эпоху его жизни, именно, когда онъ, по дѣлу о своей отставкѣ, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Каменецъ-Подольскѣ, и между этими статьями есть нѣсколько весьма замѣчательныхъ не только по языку, но и по содержанію.

Остановимся нѣсколько на двухъ изъ нихъ, въ которыхъ авторъ какъ бы отдаетъ отчетъ въ своемъ взглядѣ на самого себя, какъ литератора и поэта. Эти статьи озаглавлены: „Нѣчто о поэтѣ и поэзіи“ и „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ“. Въ первой основная мысль та, что поэтъ долженъ соглашать свою жизнь со своимъ призваніемъ. Это была, конечно, благородная, но трудно осуществимая мечта, противорѣчіе которой съ дѣйствительностью хорошо понималъ Пушкинъ, когда онъ говорилъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Батюшковъ, напротивъ, говоритъ: „Я желаю (пускай назовутъ страннымъ мое желаніе) — желаю, чтобы поэту предписали особенный образъ жизни, піитическую *діэтетику,* однимъ словомъ, чтобы сдѣлали науку изъ жизни стихотворца. — Первое правило сей науки должно быть: Живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. Иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы“.

Особенно любопытно, какъ смотрѣлъ нашъ поэтъ на то возбужденное состояніе, или настроеніе духа, въ которомъ человѣкъ, одаренный художественнымъ талантомъ, становится творцомъ и которое принято называть вдохновеніемъ. „Есть, говоритъ онъ, минуты дѣятельной чувствительности; ихъ испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лету живописцу, музыканту и болѣе всѣхъ поэту, ибо онѣ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управлять не въ силахъ“.

„Нѣкто, говоритъ онъ далѣе, сравнивалъ душу поэта въ минуту вдохновенія съ растопленнымъ въ горнилѣ металломъ... Вотъ прекрасное изображеніе поэта, котораго вся жизнь должна приготовлять нѣсколько плодотворныхъ минутъ... Люди, счастливо рожденные, которыхъ природа щедро надѣлила памятью, воображеніемъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умѣющимъ давать вѣрное направленіе и памяти и воображенію, сіи люди имѣютъ безъ сомнѣнія даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка, ибо посредствомъ его онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго, и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькаютъ, памятники рукъ

человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ, но Омеръ и книги священныя говорятъ о протекшемъ. На нихъ основана опытность человѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя, что̀ даетъ вамъ сію прочность? Искусство письма и другое важнѣйшее, искусство выраженія".

Статья Батюшкова „о вліяніи легкой поэзіи на языкъ"—это рѣчь, которую онъ произнесъ въ Москвѣ по случаю избранія его въ члены общества любителей русской словесности. Здѣсь, между прочимъ, мы находимъ то знаменитое мѣсто, въ которомъ поэтъ сравниваетъ Ломоносова съ Петромъ Великимъ и котораго мысль впослѣдствіи часто повторялась многими. Ломоносовъ, замѣчаетъ Батюшковъ, учинилъ на трудномъ поприщѣ словесности, что̀ Петръ В. на поприщѣ гражданскомъ" и т. д. Въ этой рѣчи Батюшковъ бросаетъ взглядъ на историческій ходъ развитія у насъ поэзіи, какъ отрасли искусства, этого, по его словамъ, „лучшаго достоянія человѣка образованнаго, которое доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни". Онъ кончаетъ похвалою своему благодѣтелю Мих. Ник. Муравьеву, какъ писателю, и Карамзину, который былъ обязанъ Муравьеву возможностью посвятить себя всецѣло своему историческому подвигу. Въ замѣчательномъ заключеніи рѣчи Батюшковъ предсказываетъ въ близкомъ будущемъ новое развитіе русской литературы подъ сѣнію наставшаго послѣ наполеоновскихъ войнъ прочнаго мира. Какъ бы предчувствуя появленіе великаго таланта, кончавшаго въ то время свои ученическіе годы, онъ говоритъ: „Самая поэзія,— которая питается ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ съ образованіемъ общества,— поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ... Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума, и тогда имя писателя, ученаго и отличнаго стихотворца не будетъ дико для слуха; оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славѣ отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина". Болѣе подробное разсмотрѣніе прозы Батюшкова повело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣчу только, что и этотъ отдѣлъ въ новомъ изданіи его произведеній значительно пополненъ.

Удовольствуюсь сказаннымъ мною о цѣнномъ литературномъ наслѣдіи, которое Батюшковъ, несмотря на краткость періода своей дѣятельности, оставилъ потомству.—Съ того самаго года, когда онъ сошелъ со сцены, начался полный расцвѣтъ могучаго генія, который такъ любилъ талантъ своего предшественника. Батюшковъ какъ будто передалъ ему свою лиру для довершенія того, что самъ не успѣлъ сдѣлать въ поэзіи. Черезъ 11 лѣтъ съ небольшимъ Россія будетъ праздновать столѣтній юбилей рожденія Пушкина. Пожелаемъ, чтобы къ этому дню появилось такое же изданіе его твореній, какимъ литература наша обогатилась къ юбилею Батюшкова!

О КРЫЛОВѢ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ КРЫЛОВА [1]).

1868.

Талантъ, драгоцѣннѣйшій даръ природы, есть печать высшаго отличія человѣка въ толпѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Самый блестящій примѣръ тому — Крыловъ. При рожденіи онъ не получилъ отъ судьбы ничего, кромѣ таланта; въ жизни не пріобрѣлъ ни богатства, ни высокаго сана. Но его почтили царь и народъ, и весь образованный міръ. Счастіе, котораго онъ повидимому не искалъ, само отличило его: общее признаніе его заслугъ, матеріальное обезпеченіе, беззаботная жизнь, лестное вниманіе двухъ государей и ихъ царственнаго семейства были удѣломъ скромнаго баснописца, говорившаго о себѣ въ старости: „Вѣдь я то же, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣды не случалось, что онъ не хаживалъ далеко въ море“ [2]). Надъ нимъ самимъ съ избыткомъ осуществилось выраженное имъ въ молодости желаніе: „чтобы всѣ народы оказывали почтеніе великимъ людямъ, родившимся у нихъ съ отличными дарованіями... Я увѣренъ“, заключалъ онъ, „что если Англія съ давняго времени славится многими высокими умами, то это ни отъ чего другаго, какъ отъ того одобренія и поощренія, которое дается тѣмъ ученымъ людямъ“ [3]). Честь, которую современники такъ обильно воздавали Крылову, потомки оказываютъ въ той же, или еще въ большей мѣрѣ его памяти, и къ нему менѣе нежели къ кому-либо другому можно приложить его юношескую насмѣшку надъ поздней оцѣнкой заслуги писателя. „Премудраго человѣка“, говорилъ онъ, „весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи; а спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто, говорили имъ похвальныя рѣчи“ [4]).

Всей славой своей Крыловъ обязанъ баснямъ, писаннымъ имъ въ послѣднія 30 лѣтъ жизни. Ихъ всѣ знаютъ, всѣ въ свое время учили

---

[1]) Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. 1869, т. VI.

[2]) *Полн. собр. соч. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. LXXVI.

[3]) *Почта Дух.* ч. II, стр. 45.

[4]) *Спб. Меркурій* ч. I, „Похв. рѣчь наукѣ убивать время“, стр. 33.

ихъ наизусть; это самая популярная русская книга; герои ихъ изображены и на памятникѣ Крылова, единственномъ народномъ памятникѣ, воздвигнутомъ писателю въ Петербургѣ. Въ прекрасномъ изваяніи покойнаго профессора Клодта мы видимъ нашего баснописца такимъ, каковъ онъ былъ въ старости — тучнымъ и тяжелымъ; многіе изъ людей нашего поколѣнія еще помнятъ его въ этомъ обликѣ. Современники представляютъ намъ Крылова, въ позднѣйшую пору жизни, человѣкомъ мало подвижнымъ, лѣнивымъ, любящимъ вкусный столъ и рѣдко выходящимъ изъ своей обычной апатіи, чтобъ взяться за перо и начертать одинъ изъ своихъ художественно-прекрасныхъ разсказовъ. Какой-то недоброжелатель Крылова, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, изобразилъ его въ слѣдующихъ нѣсколько каррикатурныхъ чертахъ:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесаный
Какой-нибудь чурбанъ,
Лежитъ, совсѣмъ разбросанный,
Зоилъ Крыловъ Иванъ.
Объѣлся онъ иль пьянъ [1])?

Преданіе приписываетъ эти стихи графу Хвостову (для котораго, впрочемъ, они слишкомъ хороши); разсказываютъ, что онъ любилъ распускать ихъ и что Крыловъ, тотчасъ угадавши ихъ автора, сказалъ Хвостову: „Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь“, и отмстилъ ему самымъ оригинальнымъ образомъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые его стихи, напросился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ, и послѣ обѣда, когда амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, сталъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера [2]).

Характеристическія черты своей наружности Крыловъ самъ описалъ намъ въ молодости:

Нерѣдко милымъ быть желая,
Я передъ зеркаломъ верчусь...
И испужавшись самъ себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И такъ пустила какъ урода.

---

[1]) *Отеч. Зап.* 1855, т. CI. *Дневн. чиновн.*, стр. 136.
[2]) Тамъ же.

Досада сильная беретъ,
Почто я выпущенъ на свѣтъ
Съ такою грубой головою.
Забывшись, рокъ я поношу,
И головы другой прошу,
Не зная, чѣмъ и той я стою,
Которую теперь ношу [1]).

Но судя по біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ и по прежнимъ, довольно разнообразнымъ трудамъ его, онъ отличался нѣкогда живостью и энергіей. Чтобы вполнѣ уразумѣть существо этого геніальнаго русскаго человѣка, представившаго въ себѣ типическое соединеніе и высокихъ качествъ и недостатковъ своего народа, необходимо сперва обозрѣть главныя черты его дѣятельности, а потомъ вникнуть въ значеніе тѣхъ его произведеній, которыя доставили ему безсмертіе. Мимоходомъ замѣтимъ, что, къ сожалѣнію, источники для его біографіи чрезвычайно скудны. Самъ онъ не былъ словоохотенъ на разсказы о своемъ прошломъ, письма писалъ рѣдко и, подобно Карамзину, вовсе не заботился о передачѣ потомству извѣстій относительно своей жизни. Но Карамзинъ имѣлъ обширныя связи, родство, семейство, велъ со многими лицами постоянную переписку. Крыловъ, напротивъ, всегда жилъ довольно одиноко. Главнымъ матеріаломъ для его жизнеописанія служатъ неслишкомъ обильные разсказы современниковъ, состоящіе по большей части, какъ и біографія древняго Езопа, изъ однихъ анекдотовъ, передающихъ оригинальныя мысли и изреченія мудреца-поэта. Въ числѣ этихъ разсказовъ полнѣе всѣхъ и богаче содержаніемъ превосходная статья нашего покойнаго сочлена Плетнева, напечатанная при собраніи сочиненій Крылова. Тонкій и наблюдательный критикъ, Плетневъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Крылову и могъ, по собственнымъ воспоминаніямъ своимъ, сообщить много любопытныхъ чертъ его жизни и характера. До Плетнева никто еще такъ глубоко не всматривался въ нашего баснописца. Важнѣйшимъ, но почти еще вовсе не тронутымъ источникомъ для изученія внутренней жизни Крылова и его литературныхъ отношеній остаются его собственныя сочиненія. Попытка воспользоваться ими съ этою цѣлью будетъ сдѣлана въ настоящемъ сжатомъ очеркѣ. Онъ родился въ Москвѣ, но по службѣ отца своего, въ то время армейскаго офицера, провелъ первые годы дѣтства въ Оренбургѣ, гдѣ его застала пугачевщина и онъ едва не сдѣлался одною изъ безчисленныхъ жертвъ ея. Хотя еще на восьмомъ году Крыловъ, вмѣстѣ съ своими родителями, оставилъ тотъ край, однакожъ онъ навсегда сохранилъ нѣкоторыя вос-

---

[1]) *Спб. Меркурій* ч. III, „Къ другу моему А. И. К.“ (*Клушину*), стр. 12 и 13.

поминанія о тамошней жизни своей [1]). По окончаніи бунта, отецъ его переселился въ Тверь, на свою родину, и тамъ поступилъ въ гражданскую службу. Въ Твери маленькій Крыловъ, благодаря заботливой, хотя и малообразованной матери, пріобрѣлъ кое-какія познанія, и, лишившись отца, уже на 14-мъ году опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ калязинскій уѣздный судъ, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ тверской магистратъ. Черезъ годъ, въ 1782 году, мать его переѣхала съ нимъ въ Петербургъ, и здѣсь онъ продолжалъ службу сперва въ казенной палатѣ, получая жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ, а потомъ въ Кабинетѣ Его Величества. Въ 1788 г. мать Крылова также умерла. Оставшись круглымъ сиротой, двадцати лѣтъ отъ роду, онъ страстно предался авторству, въ которомъ давно уже пробовалъ свои силы, сдѣлался журналистомъ и завелъ свою типографію; но черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 90-хъ годахъ, не имѣвъ большого успѣха, бросилъ невыгодное въ то время изданіе журналовъ. Послѣ того, до начала нынѣшняго столѣтія, Крыловъ исчезаетъ съ литературнаго поприща. Вопреки мнѣнію прежнихъ его біографовъ оказывается, что онъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Павла былъ приглашенъ въ домъ князя С. Ѳ. Голицына, впавшаго тогда въ немилость, и жилъ нѣсколько лѣтъ въ кіевскомъ его имѣніи Казацкомъ, а на пути туда посѣтилъ другое, саратовское имѣніе князя, Зубриловку [2]). По воцареніи Александра I, когда Голицынъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу, Крыловъ поступилъ къ нему на службу и тамъ прожилъ года два опять въ княжескомъ домѣ. Въ концѣ 1805 года онъ вдругъ является въ Москвѣ, отдаетъ въ печать три басни и, почти 40-ка лѣтъ отъ роду, сознаетъ свое настоящее призваніе въ области поэзіи. Съ 1806 года онъ становится навсегда петербургскимъ жителемъ и служитъ короткое время въ Монетномъ департаментѣ, а съ 1812 по 1841 годъ — въ Императорской Публичной Библіотекѣ, пользуясь особенною дружбой ея директора Оленина, въ домѣ котораго онъ, вмѣстѣ со многими литераторами и особенно своимъ сослуживцемъ Гнѣдичемъ, находитъ родственный пріемъ, ласку и ободреніе. Крыловъ умеръ въ 1844 году, 76-ти лѣтъ отъ роду.

Литературная дѣятельность его началась необыкновенно рано. Съ самаго дѣтства чувствовалъ онъ особенную охоту къ драматическому искусству; на оперу смотрѣли тогда, какъ на самое совершенное театральное представленіе, и мальчикъ Крыловъ смѣло принимается за

---

[1]) Однажды, около 1840 года, на вечерѣ у князя Одоевскаго, онъ съ живостью разсказывалъ мнѣ, какъ уральскіе казаки зимою ватагами отправляются на ледъ, и прорубивъ его, ловятъ рыбу баграми.

[2]) См. вслѣдъ за этимъ статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*

сочиненіе оперы. Потомъ онъ пробуетъ себя въ трагическомъ родѣ, и наконецъ переходитъ и къ комедіи. Первые драматическіе опыты Крылова, хотя и не имѣвшіе никакого достоинства, были для него тѣмъ важны, что когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, они открыли ему доступъ въ литературный кружокъ, въ которомъ надолго установилось его авторское направленіе. Черезъ Княжнина [1]) познакомился онъ съ Дмитревскимъ и явился къ знаменитому актеру съ однимъ изъ своихъ юношескихъ трудовъ. Дмитревскій строго разобралъ незрѣлую пьесу, но обласкалъ начинающаго литератора. Вскорѣ Крыловъ сблизился и съ другими драматическими писателями. Между тѣмъ, однакожъ, онъ сталъ искать постоянной литературной дѣятельности. Въ этомъ помогло ему знакомство съ другимъ писателемъ, бывшимъ почти 25-ю годами старше его. Это былъ капитанъ Рахманиновъ, почитатель и переводчикъ Вольтера, издававшій въ 1788 году журналъ *Утренніе Часы*, который печатался въ собственной его типографіи. Въ слѣдующемъ году Крыловъ самъ затѣялъ журналъ или, вѣрнѣе, ежемѣсячный сатирическій сборникъ *Почту Духовъ*, въ формѣ переписки жителей Плутонова царства. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ вступилъ на поприще сатиры, которое послѣ, хотя въ другомъ видѣ, оказалось истиннымъ его призваніемъ. Послѣ басенъ *Почта Духовъ* — любопытнѣйшее и важнѣйшее его произведеніе, показывающее въ двадцатилѣтнемъ авторѣ замѣчательную зрѣлость мысли, наблюдательность и способность къ юмористическому изображенію человѣческихъ слабостей [2]). Вскорѣ послѣ ея прекращенія Рахманиновъ, какъ тамбовскій помѣщикъ, уѣхалъ на родину, и Крыловъ, спустя два года, самъ является содержателемъ типографіи, вѣроятно переданной ему этимъ его сотрудникомъ. Она находилась близъ Лѣтняго сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго, что нынѣ дворецъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Съ наступленіемъ 1792 года Крыловъ сталъ печатать въ ней новый предпринятый имъ журналъ *Зритель*. Главнымъ товарищемъ его по этому изданію сдѣлался армейскій офицеръ и драматическій писатель Клушинъ, сынъ орловскаго помѣщика, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Послѣ его смерти, Державинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, спросилъ у

---

[1]) Позднѣе отношенія Крылова къ Княжнину измѣнились, какъ видно изъ разныхъ выходокъ нашего автора противъ этого знаменитаго въ свое время драматическаго писателя. По свидѣтельству Греча, въ комедіи *Проказникъ* осмѣяны Княжнинъ и жена его подъ именами Рифмокрада и Тараторы (*Сѣв. Пчела* 1857, № 147); въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ журналахъ Крылова авторъ *Сбитенщика* не разъ служитъ предметомъ враждебныхъ нападеній. Въ этихъ журналахъ встрѣчается много необъясненныхъ еще указаній и намековъ на явленія тогдашней литературы.

[2]) См. мою статью: „Сатира Крылова и его Почта Духовъ". (*См. ниже*).

нашего баснописца: „Скажите, Иванъ Андр., точно ли Клушинъ былъ такъ остеръ и уменъ, какъ многіе утверждаютъ, судя по вашей дружеской съ нимъ связи?“ Крыловъ отвѣчалъ съ усмѣшкой: „Онъ точно былъ уменъ, и мы съ нимъ были искренніе друзья, покамѣсть не пришло ему въ голову сочинить оду на пожалованіе андреевской ленты графу Кутайсову“. — „А тамъ поссорились?“ — „Нѣтъ, не поссорились, но я сдѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія насчетъ цѣли, съ какой эта ода была написана, и совѣтовалъ ея не печатать изъ уваженія къ самому себѣ. Онъ обидѣлся и не могъ простить мнѣ моихъ замѣчаній, до самой своей смерти [1])“. Другіе сотрудники Крылова по изданію *Зрителя* были: Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ. Ихъ всѣхъ, не исключая и Дмитревскаго, какъ писателя, Крыловъ превосходилъ талантомъ и впослѣдствіи переросъ славой. Изъ нихъ одинъ Туманскій, издатель историческихъ актовъ, не посвящалъ трудовъ своихъ драматическому искусству. Дмитревскій, какъ мы видѣли, былъ давно наставникомъ Крылова на этомъ поприщѣ. Плавильщиковъ, подобно Дмитревскому превосходный актеръ, писалъ статьи о театрѣ, замѣчательныя по вѣрности литературныхъ взглядовъ. Ник. Эминъ, сынъ извѣстнаго своими приключеніями автора и переводчика, писалъ также для сцены. Журналъ *Зритель*, предположившій себѣ сколько можно разнообразить свое содержаніе, заявилъ, что онъ будетъ, между прочимъ, изображать порокъ во всей его гнусности, избѣгая однакожъ всякихъ личныхъ примѣненій, т. е. одною изъ его задачъ была сатира. Надобно вспомнить, что онъ начался въ важную для русской литературы эпоху, когда *Московскій Журналъ* Карамзина продолжался уже годъ. Дѣятельность этого молодого писателя, пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко всему иноземному, была недружелюбно встрѣчена крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный оттѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни наконецъ тотъ взглядъ его, который, наперекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ изъ этихъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова, хотя и могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто-русскимъ характеромъ, но

[1]) *Отеч. Зап.* т. CI, *Дневн. чин.*, стр. 133.

зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія. Отъ того *Зритель* сталъ въ непріязненное отношеніе къ *Московскому Журналу*, издѣваясь надъ слогомъ Карамзина и укоряя его за произвольную, привязчивую критику. Карамзинъ не возражалъ, но въ письмахъ къ Дмитріеву говорилъ: „И такъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманской не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе! [1])“

Что касается до самого Крылова, то статьи, подписанныя его именемъ въ *Зритель*, имѣютъ опять значеніе сатиры на нравы. Въ отношеніи къ ея формѣ онъ платитъ дань вкусу своего времени, въ содержаніи же обнаруживаетъ много колкаго остроумія и юмора. Въ его сказкѣ „*Ночи*“ происходитъ, на пирушкѣ у бога Момуса, споръ между *Днемъ* и *Ночью* о томъ, кто изъ нихъ видитъ на свѣтѣ болѣе людскихъ дурачествъ. Для рѣшенія этого вопроса, богиня Ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что случается во время ея владычества, и онъ описываетъ ночныя похожденія. Въ восточной повѣсти: *Каибъ* разсказывается исторія калифа, который собираетъ свой диванъ, чтобы услышать мнѣніе визирей, какимъ бы образомъ ему совершить далекое странствованіе такъ, чтобы никто изъ подданныхъ не замѣтилъ его остутствія. Это — самое замѣчательное изъ сочиненій Крылова въ *Зритель*; личность Каиба и его визирей: Дурсана, Ослашида и Грабилея изображена въ рѣзкихъ чертахъ. При дворѣ Каиба календарь былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были рѣже, чѣмъ именины Касьяновъ; тѣмъ не менѣе Каибъ всячески старался поощрять науки, и хотя не пускалъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ составляли не послѣднее украшеніе его стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись такъ искусно, что люди ставили за честь подражать имъ, а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отъ чего произошли великіе споры, о которыхъ тамошняя академія издала исторію въ 36 фоліантахъ. Описывая диванъ Каиба, Крыловъ говоритъ, что калифъ былъ расчетистъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди. Въ другихъ сатирическихъ статьяхъ своихъ Крыловъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, избираетъ иногда форму шуточныхъ рѣчей и похвальныхъ словъ.

Зритель издавался только 11 мѣсяцевъ, до конца 1792 года. Тогдашніе журналы соблюдали благое обыкновеніе печатать при

---

[1]) *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, Спб. 1866, стр. 33.

своихъ книжкахъ имена постепенно прибывавшихъ подписчиковъ, что̀ въ то время было и легко по ограниченному количеству читающей публики. Нынѣшніе издатели, по разнымъ причинамъ, не объявляютъ числа и именъ своихъ подписчиковъ, хотя такія свѣдѣнія были бы во многихъ отношеніяхъ любопытны и полезны, не только для современниковъ, но и для потомства. По спискамъ, приложеннымъ къ *Зрителю*, оказывается, что его разсылалось всего 170 экземпляровъ, изъ которыхъ 136 приходилось на Петербургъ, только 12 на Москву и не болѣе 22 на всѣ прочіе города. *Московскій Журналъ* Карамзина, самое распространенное изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, имѣлъ въ томъ же году только до 300 подписчиковъ; изъ этого числа $^2/_3$ жили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ихъ было не болѣе 28-ми человѣкъ. Отсюда видно, какъ мало въ то время обѣ столицы мѣнялись своими литературными произведеніями.

Журналъ Карамзина въ концѣ 1792 г. совсѣмъ прекратился; *Зритель* же Крылова кончился только по имени и преобразился въ *С.-Петербургскій Меркурій*, который издавался въ продолженіе всего 1793 года. По предисловію, подписанному Крыловымъ и Клушинымъ, видно, что они хотѣли сдѣлать изъ этого изданія то же для Петербурга, чѣмъ былъ журналъ Карамзина для Москвы, т. е. изданіе въ родѣ иностранныхъ журналовъ съ извѣстіями о новыхъ книгахъ и театрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ издатели, уже при сообщеніи своей программы, косвенно задѣваютъ Карамзина, обѣщая, что ихъ сужденія не будутъ *деспотическія* и охуждая его обычай не подписывать имени подъ своими статьями. — Въ преобразованномъ журналѣ сатирическое направленіе Крылова видимо слабѣетъ. Есть поводъ думать, что это было слѣдствіемъ ропота, который сатира *Зрителя* возбуждала въ нѣкоторыхъ читателяхъ, обвинявшихъ ее въ личностяхъ: въ этомъ журналѣ вся *Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ* посвящена отраженію такихъ нареканій. Между прочимъ ораторъ говоритъ отъ имени подобныхъ ему, т. е. повѣсъ: „Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на осмѣяніе? Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены [1]“. Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* напечатаны только двѣ сатирическія статьи Крылова, обѣ въ формѣ *похвальныхъ рѣчей*: одна посвящена *наукѣ убивать время*; другая осмѣиваетъ уже не сословные пороки, а новое направленіе въ современной литературѣ. Этой послѣдней статьѣ дано заглавіе: „Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей“. Подъ *Ермалафидомъ*, т. е. человѣкомъ, который несетъ ермолафію, или чепуху, очевидно, подразумѣвается преимущественно Карамзинъ. Онъ иронически ставится тутъ въ образецъ начи-

---

[1]) *Зритель*, ч. II, стр. 49.

нающимъ авторамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ затронута вся его первоначальная литературная дѣятельность: переводы изъ Шекспира и Лессинга, изданіе журнала, Письма русскаго путешественника, литературная критика, стихотворенія въ новомъ вкусѣ, наконецъ самый слогъ его и нѣкоторые отдѣльные взгляды [1]). Непріязненное отношеніе Крылова къ Карамзину нисколько не удивительно. Если мы перенесемся въ ту эпоху и безпристрастно взглянемъ на разнородную личность обоихъ, на несходныя обстоятельства, въ которыхъ тотъ и другой развивались, то для насъ станетъ совершенно ясно, почему они не понимали другъ друга. Крыловъ, какъ талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ народный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, не могъ сочувствовать особенностямъ другого, хотя и замѣчательнаго, но воспитавшагося на почвѣ иностранныхъ литературъ писателя. Какой-то тверской старожилъ, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ нашимъ баснописцемъ, разсказывалъ, что Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города [2]). Этимъ объясняется, отъ чего Крыловъ, рано прочитавъ въ подлинникѣ многихъ французскихъ авторовъ, остался однакожъ оригиналенъ не только въ идеяхъ, но и въ языкѣ: онъ развѣ только для шутки употребитъ иногда иностранное слово. Проза перваго періода его авторства не такъ гладка и плавна, какъ многіе думаютъ, судя по неточному тексту послѣдняго изданія его сочиненій [3]), но его языкъ всегда чистъ въ составѣ своемъ, самобытенъ и народенъ въ выраженіяхъ и оборотахъ. Письма *Почты Духовъ* писаны въ томъ же году, какъ и „Письма русскаго путешественника". Въ отношеніи къ строю и изяществу рѣчи, между тѣми и другими большая разница. Каждый изъ обоихъ писателей имѣлъ свою особую

---

[1]) Ср. въ статьѣ моей: „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка" приложеніе III, *Крыловъ противъ Карамзина. (См. Труды Я. К. Грота, II, стр. 91—94)*.

[2]) *Сѣв. Пчела* 1846, № 292.

[3]) См. указанную выше статью. При сужденіи о языкѣ Крылова необходимо также принимать въ соображеніе, прежде ли *Московскаго Журнала* или послѣ изданія его писано то или другое сочиненіе нашего автора. Само собою разумѣется, что хотя Крыловъ и посмѣивался надъ языкомъ Карамзина, но, подобно всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ, не могъ остаться совершенно чуждымъ вліянію той непринужденности письменной рѣчи, о которой прежде не имѣли понятія. Для сужденія о языкѣ прежнихъ произведеній Крылова невозможно пользоваться Собраніемъ его сочиненій, гдѣ почти всѣ выраженія подновлены, и потому-то наши выписки изъ него дѣлаются здѣсь по первоначальнымъ изданіямъ.

исходную точку; ихъ трудно сравнивать: и кругъ идей, и цѣль, и тонъ у обоихъ свои. Слогъ Карамзина, вмѣстѣ съ его настроеніемъ, пришелся болѣе по вкусу современниковъ и надолго одержалъ побѣду. Но тотъ элементъ, который составлялъ отличіе слога Крылова, — элементъ *народности*, взялъ свое и былъ оцѣненъ впослѣдствіи самимъ его счастливымъ соперникомъ. Крыловъ же, съ своей стороны, никогда не перенялъ ни щегольского блеска карамзинской прозы, ни музыкальной легкости поэзіи Жуковскаго: онъ въ позднѣйшее время только откинулъ нѣкоторые устарѣлые слова и пріемы рѣчи, но навсегда удержалъ въ своихъ стихахъ, по мѣткому выраженію его біографа, что-то *увѣсистое*, свойственное и его наружности. Замѣтимъ, что до сихъ поръ языкъ басенъ Крылова, даже и самыхъ давнихъ, писанныхъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, почти нисколько не устарѣлъ.

Въ „Похвальной рѣчи Ермалафиду“ Крыловъ въ послѣдній разъ явился на полемической аренѣ. Отказавшись на время отъ роли сатирика, онъ преобразился въ поэта. Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* находимъ довольно много стихотвореній его. Увлекаемый потокомъ времени, онъ не вполнѣ обошелъ и тѣ роды стихотворства, надъ которыми самъ прежде подшучивалъ. Довольно странно читать подписанную его именемъ, небольшую оду въ ломоносовскомъ вкусѣ *На фейерверкъ* по случаю ясскаго мира [1]). Но гораздо лучше удалась ему шуточная ода *Къ счастію*, въ державинскомъ родѣ [2]). Оба издателя *Меркурія*, выступивъ на поприще стихотворства, явно пошли по слѣдамъ тогдашняго корифея русскихъ поэтовъ, и каждый взялъ себѣ въ удѣлъ особую сторону таланта Державина: Клушинъ довольно ловко усвоилъ себѣ его стиль въ живописи природы [3]); Крыловъ съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво-сатирическій элементъ державинской оды. Такъ свое обращеніе къ Счастью онъ начинаетъ стихами:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подъ-часъ не кстати слишкомъ злая,
Подъ-часъ роскошна не впопадъ,
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой не ладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

---

[1]) *Спб. Мерк.*, ч. III, стр. 191.

[2]) Тамъ же, ч. IV, стр. 96.

[3]) Напр. въ одѣ *Человѣкъ* (*Спб. Мерк.*, ч. II, стр. 3), которую впослѣдствіи и приписывали Державину.

Когда впослѣдствіи Крыловъ служилъ при Публичной библіотекѣ, ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія сочиненія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему журналы: *Почту Духовъ*, *Зритель* и *Меркурій* и, заведя рѣчь объ одѣ „Къ счастью“, спросилъ его: „Ив. Андреевичъ! за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?“ — „Ахъ, мой милый“, отвѣчалъ онъ: „со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло; полиція... и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ?“ [1]). Тутъ, очевидно, рѣчь идетъ о двоякой невзгодѣ: о непріятностяхъ, вѣроятно, по типографіи (Крылова подозрѣвали въ напечатаніи книги Радищева) и о несчастной любви. Слѣдъ этой продолжительной страсти остался въ цѣломъ рядѣ стихотвореній его къ Анютѣ, изъ которыхъ часть напечатана въ *Меркуріи*, а другая найдена въ рукописяхъ по смерти Крылова и вошла въ изданное собраніе его сочиненій. Въ этихъ стихахъ есть счастливыя мѣста, такъ же какъ и въ другихъ лирическихъ, довольно многочисленныхъ пьесахъ Крылова, сдѣлавшихся извѣстными послѣ его кончины. Между прочимъ, онъ всегда возвышается при сравненіи сельскаго быта съ городскимъ, при мысли о страданіяхъ народа подъ гнетомъ помѣщичьей власти, противъ злоупотребленій которой онъ сильно вооружался уже и въ сатирѣ своей. Въ пьесѣ *Уединеніе*, напр. онъ говоритъ о жизни въ городахъ:

Тамъ роскошь, золотомъ блестя,
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, ею разоренныхъ [2]).

Эти стихи написаны, вѣроятно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія *Меркурія*, именно въ деревнѣ у князя Голицына, такъ какъ и разныя другія стихотворенія Крылова, въ которыхъ рѣчь идетъ о сельской жизни.

Журналъ *Меркурій* опять просуществовалъ только одинъ годъ, имѣвъ немного болѣе 150 подписчиковъ. Оба издателя сбирались ѣхать

---

[1]) *Сѣв. Пчела* 1845, № 203.

[2]) Эти стихи печатаются здѣсь по изданію 1847 г., такъ какъ мы не имѣли случая сравнить ихъ съ рукописью.

въ чужіе краи, какъ видно изъ ихъ обращенія къ публикѣ и изъ прощанія Крылова съ Анютой; послѣдній не успѣлъ, однакожъ, осуществить своего плана и никогда не выѣзжалъ изъ отечества. Вмѣсто того, ему удалось, какъ было сказано, побывать на югѣ Россіи, именно, въ Саратовской и въ Кіевской губерніяхъ. Въ Зубриловкѣ, прекрасномъ имѣніи на Хопрѣ, еще живы воспоминанія о нашемъ поэтѣ. Въ украинскомъ селѣ Казацкомъ написалъ онъ свою шуточную трагедію-каррикатуру *Трумфъ*; ее нѣсколько разъ играли тамъ, и самъ авторъ исполнялъ при этомъ роль главнаго героя. О пребываніи Крылова въ Казацкомъ разсказываетъ Вигель, который, будучи тогда мальчикомъ, находился тамъ же по семейной связи своихъ родителей съ Голицыными и учился вмѣстѣ съ дѣтьми князя [1]).

Отдавая полную справедливость таланту Крылова, Вигель рисуетъ однакожъ личность его довольно темными красками: именно, онъ представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ расчета. Къ этому отзыву одного сатирика о другомъ мы еще возвратимся и посмотримъ, насколько онъ заслуживаетъ довѣрія. Теперь же отмѣтимъ только замѣчательный отзывъ Вигеля о баснописцѣ, какъ педагогѣ. По его словамъ, Крыловъ, вызвавшись преподавать русскій языкъ сыновьямъ кн. Голицына, „и въ этомъ дѣлѣ показалъ себя мастеромъ. Уроки проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытсво, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ [2])“. Домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась переводами и воспѣта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій пріемъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова. Это обнаружилось вскорѣ послѣ оставленія имъ семейства Голицыныхъ.

Съ самаго появленія своего на журнальномъ поприщѣ онъ пользовался извѣстностью; нѣкоторыя драматическія сочиненія его, написанныя въ концѣ прошлаго столѣтія, нашли мѣсто въ изданномъ Академіею Наукъ *Россійскомъ Өеатрѣ*; въ 1802 году явилось въ Петербургѣ, хотя безъ имени его, 2-е изданіе *Почты Духовъ* (на счетъ книгопродавца Свѣшникова). Но слава его была еще впереди. По за-

---

[1]) См. ниже статью: *Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ.*
[2]) *Восп. Виг.*, ч. I, стр. 144.

мѣчательному жребію, она должна была возникнуть въ самомъ средоточіи русской народной жизни, въ Москвѣ, гдѣ Крыловъ провелъ нѣсколько времени въ концѣ 1805 года. Какое-то счастливое вдохновеніе побудило его, на 38 году отъ рожденія, написать въ подражаніе Лафонтену три басни: *Дубъ и трость*, *Разборчивая невѣста*, *Старикъ и трое молодыхъ* Въ Москвѣ онъ показываетъ свой опытъ знаменитѣйшему въ то время русскому баснописцу. Дмитріевъ съ поразительною проницательностью тотчасъ убѣждается, что это истинный родъ Крылова, и, не боясь приготовить себѣ соперника, поощряетъ его продолжать въ этомъ родѣ; полученныя же басни отдаетъ въ журналъ кн. Шаликова *Московскій Зритель*: литературное призваніе Крылова, наконецъ, найдено и разомъ опредѣлено навсегда. Можно сказать, что онъ, самъ того не зная, съ дѣтства готовился къ этому поприщу. Въ остальныя тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти уже и не уклонялся въ сторону отъ избранной имъ литературной дѣятельности. Только въ 1807 году явились двѣ его новыя комедіи противъ ослѣпленія въ пользу всего французскаго, „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, можетъ быть, вызванныя тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества въ виду борьбы съ Наполеономъ. Но, не смотря на блестящій успѣхъ этихъ двухъ пьесъ на петербургскомъ театрѣ, Крыловъ понялъ, что не драма — его призваніе, и почти не возвращался уже къ этому роду, въ которомъ не произвелъ ничего истинно-замѣчательнаго. Первое небольшое собраніе его басенъ (23-хъ) вышло въ 1809 году. Съ тѣхъ поръ количество ихъ быстро умножалось; изданія слѣдовали одно за другимъ, каждое съ прибавленіемъ новаго отдѣла; послѣднее, сдѣланное при жизни его, было напечатано въ 1843 г. и состояло изъ 9 такихъ отдѣловъ, или книгъ, которыя всѣ вмѣстѣ содержали около 200 басенъ. Съ 1819 г. изданія расходились въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, которымъ книгопродавцы, противъ обыкновенія, вели счетъ: число экземпляровъ всѣхъ изданій басенъ Крылова дошло при жизни его до 77 т. [1]). Многія новыя басни его, еще до ихъ напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при Дворѣ или въ литературныхъ обществахъ. Уже въ 1811 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой сдѣлался и членомъ Академіи Наукъ; въ 1813 вступилъ въ учрежденную незадолго передъ тѣмъ въ домѣ Державина „Бесѣду любителей русскаго слова“ и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Тогдашніе журналы наперерывъ старались украшать свои страницы его баснями. Почти каждая изъ нихъ, при появленіи своемъ, возбуждала вниманіе публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Еще въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ

---

[1]) М. Лобанова „Жизнь Крылова“ въ *Сынѣ Отеч.* 1847, № 1.

Крылову пенсію въ 1,500 р. асс., которая, при отставкѣ его, по ходатайству Оленина, была возвышена до 5,400 р. сер. [1]).

Между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ. Не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ между прочимъ басенъ. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода, Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые однакожъ давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей, но нигдѣ ей такъ не посчастливилось, какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей, и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямого и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія. Но потому-то Крыловъ, давъ ей все то развитіе, къ какому она способна на русской почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго заградилъ всѣмъ дорогу на этомъ поприщѣ. Ни одинъ русскій писатель не отважится въ скоромъ времени итти по его слѣдамъ.

До сихъ поръ басни Крылова имѣли у насъ преимущественно педагогическое примѣненіе, и дѣйствительно, хотя философическая и нравоучительная сторона ихъ не всегда вполнѣ доступна молодому уму, однакожъ, по художественной оболочкѣ своей, онѣ для дѣтскаго возраста тѣмъ пригоднѣе, чѣмъ болѣе въ нихъ живыхъ образовъ и

---

[1]) Подробности см. въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ.

правды въ развитіи дѣла, чѣмъ проще и народнѣе языкъ ихъ. Вотъ почему басни Крылова въ рукахъ свѣдущаго педагога составляютъ и еще долго будутъ составлять настоящее сокровище не только для раскрытія тайнъ языка, но и для доставленія здоровой пищи уму.

Историко-литературное и общественное значеніе басенъ Крылова тогда только обнаружится вполнѣ, когда онѣ будутъ во всѣхъ отношеніяхъ разработаны. То, что до сихъ поръ было писано о нихъ, по большей части ограничивалось общими и весьма остроумными замѣчаніями или случайными объясненіями, разборомъ, примѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, или сопоставленіемъ между собою другихъ по ихъ содержанію. Для болѣе полнаго уразумѣнія этихъ произведеній Крылова необходимо критическое изданіе ихъ въ хронологическомъ порядкѣ съ историческими и другими поясненіями. Вотъ почему Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ радостію воспользовалось случаемъ напечатать къ нынѣшнему дню книгу, которая послужитъ важнымъ началомъ подобныхъ работъ для изученія нашего баснописца. Это трудъ г. Кеневича, извѣстнаго уже своими добросовѣстными изслѣдованіями о басняхъ Крылова. Въ новой книгѣ его опредѣленъ годъ сочиненія или, по крайней мѣрѣ, время перваго появленія каждой басни въ печати, сличены тексты ихъ по всѣмъ изданіямъ и рукописямъ и собраны свѣдѣнія касательно происхожденія многихъ басенъ и ихъ отношенія къ современной дѣйствительности.

За этой самой существенной и трудной работой, которая, конечно, не могла еще выполнить своей задачи во всемъ ея объемѣ, желательно бы видѣть цѣлый рядъ разнородныхъ этюдовъ надъ баснями Крылова. На первый случай позволю себѣ обозначить одинъ такой этюдъ.

Въ отношеніи къ сатирическому содержанію басни Крылова должны быть раздѣлены на два разряда: однѣ касаются людскихъ недостатковъ вообще и примѣнимы ко всякому человѣческому обществу; другія имѣютъ предметомъ преимущественно особенности русскаго общества, либо вызванныя ходомъ его исторіи, либо коренящіяся въ народномъ духѣ и характерѣ. Къ этому вдвойнѣ русскому разряду басенъ Крылова примыкаютъ также и тѣ, которыхъ происхожденіе связано съ современными историческими событіями или обстоятельствами. Тѣ и другія составляютъ довольно обширный отдѣлъ созданій Крылова и заключаютъ въ себѣ, разумѣется, особенный интересъ. Потому, при опредѣленіи общественнаго и историческаго значенія его басенъ, эта группа ихъ должна быть прежде всего выдѣлена изъ общаго ихъ собранія и поставлена на первый планъ. Нѣкоторыя изъ такихъ басенъ, по основной идеѣ разсказа, могутъ быть и заимствованныя у иностранныхъ баснописцевъ, но по подробностямъ обстановки и по выводу онѣ все-таки имѣютъ значеніе національное. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ басенъ. Одна изъ нравственныхъ болѣзней

стараго русскаго общества, имѣющая и названіе, не переводимое на другіе языки, „взяточничество", составляетъ предметъ многихъ басенъ Крылова. Не говоря уже о той пресловутой лисѣ съ „пушкомъ на рыльцѣ", которая въ поговоркѣ ходитъ по всей русской землѣ, обратимся къ другимъ, менѣе извѣстнымъ баснямъ. У крестьянъ одной деревни рѣчки и ручейки, при водопольи, то сорвутъ мельницу, то потопятъ скотъ; видя, что рѣка, принимающая въ себя всѣ эти мелкія воды, течетъ спокойно и не трогаетъ стоящихъ на ней большихъ городовъ, разоренные мужики идутъ къ ней съ жалобой на ея вассаловъ, но, подходя, видятъ,

„Что половину ихъ добра по ней несетъ"

Тогда они

„Взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой.
А, отходя, проговорили:
„На что̀ и время тратить намъ?
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по-поламъ".

Сюда же относятся: слабоумный воевода, который хотя самъ съ умыслу и мухи не обидитъ, но позволяетъ волкамъ собрать съ овецъ по шкуркѣ, и та лисица, которую мужикъ беретъ къ себѣ въ караульные съ тѣмъ, чтобъ она перестала воровать; свято обѣщавъ ему это, она все-таки, при первомъ удобномъ случаѣ, передушила у него куръ. Въ послѣдней баснѣ надобно, кажется, видѣть возраженіе людямъ, которые извиняли лихоимство скудостью казеннаго содержанія; вотъ заключеніе Крылова:

„Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой-бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ".

Упрекъ русскимъ, оставляющимъ свое отечество для пребыванія въ чужихъ краяхъ, высказанъ въ баснѣ о двухъ мухахъ, которыя, собравшись туда, тщетно подзываютъ съ собой и пчелу. Изъ ея отвѣта выводится такое заключеніе:

„Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишенъ,

Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣе презрѣнъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна".

Басня *Лжецъ* хотя, главнымъ образомъ, направлена противъ общечеловѣческой слабости, однакожъ задѣваетъ и то ослѣпленіе, съ какимъ многіе изъ нашихъ соотечественниковъ готовы преувеличивать всякую хорошую сторону чужеземнаго быта въ укоръ Россіи. Возвратившійся путешественникъ

„Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ:
„Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ *тамъ*-то прямо рай!"

Есть нѣсколько басенъ противъ разбогатѣвшихъ откупщиковъ; такъ, напр., они сравнены съ мѣшкомъ, который валялся въ прихожей подъ ногами, прежде нежели былъ набитъ червонцами.

„Но долго-ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали:
А тамъ онъ выброшенъ и слуха нѣтъ о немъ".

Здѣсь басня безъ обиняковъ переходитъ въ сатиру:

„ . . . Сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ;
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ по-поламъ съ грѣхомъ богаты стали,
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья;
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запросто въ бостонъ.
Велико дѣло — милліонъ!
Однакоже, друзья, вы столько не гордитесь!
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь:
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ!

Въ разрядѣ историческихъ басенъ есть нѣсколько вызванныхъ событіями 12-го года. Такъ, извѣстная басня *Щука и Котъ* намекаетъ на неудачныя дѣйствія и потери при Березинѣ адмирала Чичагова, колко охарактеризованнаго двумя строками:

„А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли".

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобъ показать, что изъ числа басенъ Крылова можно выдѣлить цѣлую группу такихъ, которыя всѣ вмѣстѣ составили бы картину современной ему Россіи.

Въ отношеніи къ формѣ его басенъ замѣтимъ, что не всѣ онѣ собственно заслуживаютъ это названіе; у него довольно много разсказовъ, въ которыхъ дѣйствуютъ не животныя, а люди; когда эти лица принадлежатъ къ простонародью, Крыловъ является глубокимъ знатокомъ быта его. Разсказы этого рода, обыкновенно называемые притчами, должны, по собственному его выраженію, быть названы *былями*. Таковы, напримѣръ: Демьянова уха, Музыканты, Крестьянинъ и Работникъ, Крестьянинъ и Разбойникъ, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Разбойникъ и Извозчикъ, Три мужика, Два мужика, Вельможа и Философъ и многія другія. Особенную жизнь этимъ разсказамъ, такъ же какъ и баснямъ собственно, придаетъ драматическая форма: притча о двухъ пьяныхъ мужикахъ, напр., которая могла бы въ наше время имѣть обширное примѣненіе, состоитъ вся изъ разговора между Егоромъ и Ѳадеемъ; первый самъ сжегъ до тла свой дворъ, а другой, чтобъ не сдѣлать пожару, въ потьмахъ пошелъ на ледникъ за пивомъ и, свалившись съ лѣстницы, сдѣлался калѣкою:

„Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ, не хуже ль и въ потьмахъ!"

Разсказы, взятые Крыловымъ прямо изъ народнаго быта, примыкаютъ по содержанію своему къ обозначенному уже отдѣлу, но по формѣ должны составить въ немъ особенный разрядъ.

О превосходствѣ басенъ Крылова было столько говорено, что едва-ли остается что-либо прибавить къ высказаннымъ похваламъ. Но въ чемъ же дѣйствительная заслуга Крылова? Не будетъ ли справедливо, спроситъ иной, притти наконецъ къ заключенію, что онъ, выразивъ общеизвѣстныя истины, хотя и въ художественной формѣ, не сказалъ ничего новаго? Онъ не былъ, могутъ замѣтить, ни ученымъ, ни даже высокообразованнымъ или особенно-дѣятельнымъ и благородно-мыслящимъ человѣкомъ. Онъ уже при жизни былъ достаточно вознагражденъ за незначительный трудъ сочиненія басенъ и не пора ли, наконецъ, забыть увлеченіе, возбужденное въ его современникахъ замысловатыми апологами, которые были въ духѣ той эпохи, но потеряли цѣну для нашего серьёзнаго времени? Какъ ни странно такое сужденіе, но намъ случалось его слышать, и потому не излишне будетъ распространиться нѣсколько объ умственной и нравственной физіономіи Крылова, и о значеніи его басенъ. Точно ли Крыловъ не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ? Ученымъ онъ дѣйствительно не былъ, хотя, изучивъ

греческій языкъ въ 50-тилѣтнемъ возрастѣ, съ цѣлію удивить своего друга, переводчика Иліады Гнѣдича, и показалъ, что, по своимъ способностямъ, могъ бы съ честію посвятить себя наукѣ, еслибъ тому не помѣшали обстоятельства и особыя свойства его природы. Во время служенія своего при Публичной библіотекѣ Крыловъ задумалъ было составить библіографическій указатель ко всѣмъ русскимъ журналамъ, но, разумѣется, при непривычкѣ къ подобнымъ трудамъ, остановился въ самомъ началѣ этого предпріятія. Хотя художественное призваніе увлекало его къ дѣятельности другого рода, однакожъ онъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ знанію и наукѣ. Еще въ *Почтѣ Духовъ* были цѣлыя письма, посвященныя защитѣ образованія; такова же цѣль и нѣсколькихъ басенъ его; разсказъ о животномъ, которое, напитавшись желудями подъ дубомъ, стало рыломъ подрывать корни его, оканчивается стихами:

„Невѣжда такъ же въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды".

При всей своей видимой наклонности къ бездѣйствію, Крыловъ, въ художественномъ творчествѣ, не гнушался труда. Напрасно многіе думаютъ, что сочиненіе басенъ легко доставалось ему. Возможное совершенство во всякомъ произведеніи искусства рѣдко достигается безъ настойчивыхъ усилій. Такъ было и съ Крыловымъ. Теперь уже несомнѣнно, что онъ долго отдѣлывалъ свои басни, возвращался къ нимъ неоднократно и многія изъ нихъ совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ. Природная лѣнь никогда не мѣшала ему сознавать превосходство дѣятельности. Въ образахъ „пруда и рѣки" онъ наглядно представилъ разницу бездѣйствія и труда, объяснивъ свою мысль такимъ заключеніемъ:

„Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ".

Крыловъ обладалъ глубокимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ всѣ его литературные труды, въ которыхъ съ самой юности своей онъ выражалъ неизмѣнно-здравыя убѣжденія о святости долга, о высокомъ значеніи гражданской честности, и глубокую ненависть ко всему, что унижаетъ достоинство человѣка, на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ корыстолюбіе, лицемѣріе, чванство, лесть, обманъ; всю жизнь онъ старался словомъ своимъ

просвѣщать общество и наводить согражданъ на путь истины, долга и чести. Смолоду онъ, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ пріобрѣтенію знаній. 15-тилѣтнему юношѣ, принужденному отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ своего возраста, петербургскій книгопродавецъ Брейткопфъ предлагаетъ 60 руб. за первый драматическій трудъ его; но начинающій писатель предпочитаетъ получить, вмѣсто денегъ, нѣсколько томовъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ, — черта, еще не довольно оцѣненная въ біографіи баснописца. Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ возрастѣ, когда Ломоносовъ только-что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаруживавшимъ замѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество, — счастіе провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другой дорогой и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой — петербургскій: особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва становится поприщемъ молодого Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство сперва на южномъ концѣ Россіи, на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ: народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своего поприща Державинъ, Крыловъ и Карамзинъ сошлись въ Петербургѣ. Между двумя первыми завязались

дружескія отношенія; Крыловъ, въ молодости подражавшій Державину, теперь самъ сдѣлался образцомъ для престарѣлаго лирика, который въ свои басни видимо вносилъ нѣкоторыя черты Крыловскаго аполога, отдавая полную справедливость уму и тонкости нашего народнаго баснописца [1]). Говорятъ, что положеніе баснописца между шишковской Бесѣдой и Арзамасомъ было нѣсколько двусмысленно; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ фактовъ для повѣрки этого преданія; но, судя по частымъ чтеніямъ Крылова въ Бесѣдѣ, онъ примкнулъ къ ней довольно тѣсно. Не забудемъ прежнихъ отношеній между нимъ и Карамзинымъ, которыя могли оставить нѣкоторый отстой въ душѣ обоихъ писателей. Нельзя, впрочемъ, думать, чтобъ Крыловъ искренно сочувствовалъ Шишкову и его школѣ; напротивъ, извѣстно, что онъ подшучивалъ надъ Бесѣдой, и къ ней, по современному свидѣтельству, относится его басня *Квартетъ*, написанная по поводу приготовленій для пріема въ Бесѣдѣ Государя. Педантизмъ, тупоуміе и спѣсь, во всѣхъ видахъ, были ненавистны нашему баснописцу. Во второй половинѣ жизни, умудренный опытомъ, осторожный, почти никогда не высказывавшійся искренно, онъ, по самому характеру своему, не могъ быть человѣкомъ партіи и вступилъ въ Бесѣду скорѣе по личнымъ, отчасти случайнымъ отношеніямъ своимъ, нежели по убѣжденію. Есть мнѣніе, набрасывающее тѣнь на личный характеръ Крылова: Вигель представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу, угодливымъ изъ расчета. Но сужденія современниковъ о личности всякаго писателя, а тѣмъ болѣе о личности сатирика требуютъ строгой критической повѣрки: въ настоящемъ случаѣ, надобно принять въ соображеніе, что Крыловъ своею сатирой, очень прозрачной часто и въ басняхъ его, своими остроумными и мѣткими выходками въ свѣтѣ, конечно, возбуждалъ противъ себя нерасположеніе многихъ и не могъ не имѣть враговъ, которые, безъ сомнѣнія, не упускали случая мстить даровитому обличителю пороковъ и странностей. Я уже имѣлъ случай указать на пасквиль, въ которомъ баснописецъ знаменательно названъ *зоиломъ*. Весьма вѣроятно, что и враждебный ему приговоръ желчнаго Вигеля былъ вызванъ какою-нибудь насмѣшкой или горькою правдой, кольнувшей глаза бывшему зубриловскому ученику его [2]). О томъ, что Крыловъ вооружалъ противъ себя бездарность и посредственность, можно судить по его отношеніямъ къ графу Хвостову. Сначала неуто-

---

[1]) Это видно между прочимъ изъ четверостишія Державина: *Судъ о басельникахъ*, начинающагося такъ:

„Езопъ, Хемницера зря, Дмитріева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: Ты тонокъ и уменъ".
(*Соч. Держ.*, изд. А. Н., т. III, стр. 520).

[2]) См. ниже *Дополнительное извѣстіе*.

мимому стихотворцу очень польстило, что Крыловъ, поступивъ на службу въ Публичную библіотеку, просилъ его прислать свои сочиненія, которыхъ тамъ еще не было. Но потомъ, находя, что осторожный баснописецъ не довольно его хвалитъ и даже иногда тонко издѣвается надъ нимъ, онъ охладѣлъ къ Крылову и не упускалъ случая отплатить ему той же монетой. Особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе остроумнаго поэта. Стихи перваго на отъѣздъ двухъ высокихъ лицъ начинались словами:

„Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи"...

Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что слѣдовательно по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды. Обиженный авторъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку. Въ другой разъ посредственный стихотворецъ, Пожарскій, принесъ къ Хвостову въ рукописи свой разборъ басенъ Крылова, состоявшій изъ однихъ придирчивыхъ замѣчаній на слова. Забавный отзывъ свой на эту критику самъ Хвостовъ увѣковѣчилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадяхъ. „Сіе все справедливо", отвѣчалъ онъ: „но молодого поэта (т. е. Крылова), ежели онъ грамматикѣ не учился, не научишь. Лучше бы было, еслибъ г. критикъ замѣтилъ, что вообще во всѣхъ басняхъ слогъ Крылова вялъ, растянутъ и гоняется за остротой: Крыловъ у своихъ предшественниковъ лавра не вырветъ" [1]).

Возвращаясь къ обвиненіямъ, взводимымъ на характеръ баснописца, заключимъ замѣчаніемъ, что безъ положительныхъ фактовъ, мы не имѣемъ права обременять упреками частную жизнь писателя, который въ своихъ произведеніяхъ является краснорѣчивымъ проповѣдникомъ добра, чести и правды. Крыловъ еще въ молодости велъ небезопасную войну съ предразсудками и пороками. И если въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ прикрылъ свои нападенія не такъ легко проницаемой оболочкой, то не надобно забывать, что къ этому могли побудить его печальные опыты прошлаго. Есть много обстоятельствъ, говорящихъ противъ обвиненія Крылова въ холодности и эгоизмѣ. Извѣстны его нѣжныя отношенія къ отсутствовавшему брату [2]); у него есть басни, дышащія глубокимъ чувствомъ: въ описаніи дружбы двухъ голубей слышится трогательный голосъ сердца, подъ который поддѣлаться невозможно; о томъ же свидѣтельствуютъ его отношенія къ дому Олениныхъ, которымъ онъ за ихъ доброе расположеніе къ нему платилъ горячею благодарностью.

---

[1]) См. Рукописи графа Д. И. Хвостова, находящіяся у М. И. Семевскаго, тетрадь № 42.

[2]) См. въ *Русск. Арх.* 1868 г., № 2, статью г. Кеневича: *Левъ Андреевичъ Крыловъ.*

Говорятъ, что басня есть форма поэзіи слишкомъ тѣсная для фантазіи и въ наше время устарѣлая. Но эта форма такъ пришлась по уму и нраву Крылова, что именно въ ней было ему всего привольнѣе и только въ ней могъ онъ проявить свой художественно-сатирическій талантъ во всей его силѣ и полномъ блескѣ. Тѣмъ изумительнѣе этотъ талантъ, если онъ въ сухую, повидимому, форму сумѣлъ вложить такъ много жизни и поэзіи, что въ первый разъ представилъ образцы народнаго искусства въ словѣ. Названіе *баснописца*, дѣйствительно, не довольно почетно для Крылова. Онъ выше своего рода и доказалъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а наоборотъ. Его басня многозначительна; не какъ басня, а какъ созданіе, въ которомъ художественно воплотился умъ и опытная мудрость цѣлаго народа. Какъ ни высоко нравоописательное и нравоучительное значеніе произведеній Крылова, одного этого достоинства было бы недостаточно, чтобъ доставить имъ безсмертіе: для этого, къ нему должны были присоединиться эстетическая красота и отраженіе народнаго духа. Крыловъ-человѣкъ могъ имѣть конечно свои несовершенства въ частной жизни; но *тотъ человѣкъ*, который является намъ въ его басняхъ, есть высокій мудрецъ, исполненный правилъ чести и добродѣтели, гонитель всякой лжи и низости, защитникъ науки и мысли противъ невѣжества и глупости, наконецъ наставникъ современниковъ и потомства. Что можетъ быть выше этого въ призваніи писателя? Со времени перваго торжественнаго признанія заслугъ Крылова прошло ровно 30 лѣтъ; смѣнилось и возрасло цѣлое поколѣніе а слава Крылова все та же; она переживетъ конечно еще и нашихъ внуковъ. Подтверждая приговоръ другого поколѣнія, порадуемся, что участіемъ нашимъ въ общественномъ юбилеѣ Крылова намъ удалось заявить свое сочувствіе къ національному направленію современной умственной жизни.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О КРЫЛОВѢ [1]).

1868.

Занимающимся исторіей русской литературы извѣстно, какъ скудны матеріалы для біографіи Крылова. Самъ онъ, какъ человѣкъ, сосредоточенный въ себѣ и осторожный, былъ очень не сообщителенъ по этому предмету. Изъ его современниковъ никто, къ сожалѣнію, не постарался вывѣдать у него поболѣе положительныхъ свѣдѣній объ обстоятель-

[1]) Сборникъ Отд. рус. яз. и сл., т. VI.

ствахъ его жизни до той поры, когда онъ сталъ обращать на себя общее вниманіе. Самъ преосвященный Евгеній, собиравшій для своего словаря такъ много біографическихъ данныхъ, часто даже относительно менѣе замѣчательныхъ лицъ, не далъ себѣ труда запастись матеріалами для біографіи Крылова. Въ его словарь занесено объ этомъ писателѣ не болѣе восьми самыхъ незначительныхъ строчекъ [1]). Дѣло оставалось въ томъ же положеніи почти до самой смерти баснописца. Юбилей его въ 1838 году нѣсколько усилилъ любознательность въ этомъ отношеніи. Въ концѣ 1843 года, т. е. только за годъ до смерти Крылова, нашлась дама, которая захотѣла воспользоваться возможностью услышать отъ знаменитаго писателя его біографію и ѣздила къ нему для разспросовъ о его прошломъ. Это была г-жа Карлгофъ, которая вслѣдъ затѣмъ и напечатала въ „Звѣздочкѣ" статью о Крыловѣ [2]). Эта статья послужила однимъ изъ главныхъ источниковъ для біографіи, составленной вскорѣ послѣ его смерти П. А. Плетневымъ. Онъ внесъ въ нее сверхъ того личныя свои воспоминанія изъ разсказовъ покойнаго писателя, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, а также и нѣкоторыя подробности, переданныя ему другимъ пріятелемъ Крылова, Я. И. Ростовцовымъ. Немного позже эти свѣдѣнія дополнилъ еще нѣсколькими новыми чертами М. Е. Лобановъ [3]), также пользовавшійся знакомствомъ баснописца. Наконецъ, кое-что присоединилъ еще Бантышъ-Каменскій въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей" [4]).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ біографія Крылова представляетъ болѣе или менѣе значительныя недомолвки, и пробѣлы, а иногда и неясность. Такъ всѣ онѣ, съ небольшими отличіями, повторяютъ, что Крыловъ въ 1801 или 1802 г. поступилъ на службу къ рижскому военному губернатору князю С. Ѳ. Голицыну. Это извѣстіе совершенно справедливо, но затѣмъ почти всѣ, не исключая и Лобанова, говорятъ, что Крыловъ, по оставленіи княземъ этой должности, ѣздилъ съ нимъ въ его саратовское имѣніе, Зубриловку, и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ Лобановъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи упоминаетъ, что Крыловъ въ 1798 году находился въ помѣстьѣ князя Голицына; изъ остальныхъ же двухъ статей нельзя заключить, чтобъ нашъ писатель еще до начала нынѣшняго столѣтія былъ близокъ къ этому дому. Плетневъ даже положительно говоритъ, что въ 1801 году императрица Марія Ѳедоровна

---

[1]) „Крыловъ, И. А., титулярный совѣтникъ, членъ Россійской Академіи, сочинилъ: 1) комедію въ 3-хъ дѣйств:, подъ заглавіемъ: *Модная лавка*, напечатана въ С.-Петербургѣ, 1807 г., 2) комедію въ 1-мъ дѣйств., *Урокъ дочкамъ*, напечатана того же года и тамъ же. 3) *Басни въ стихахъ*, коихъ 23 напеч. въ С.-Петерб., 1809 г., а сверхъ того нѣкоторыя въ Бесѣдѣ любителей Русскаго слова".

[2]) *Звѣзд.* ч. IX, 1844, № 1-й.

[3]) *Сынъ Отеч.* 1844, № 1-й.

[4]) М. 1847.

поручила Крылова рижскому военному губернатору, въ чемъ едва-ли оказалась бы надобность, еслибъ Иванъ Андреевичъ тогда уже пользовался расположеніемъ князя.

За такую неточность фактическихъ указаній мы однакожъ не въ правѣ строго винить названныхъ біографовъ Крылова, потому что имъ недоставало источниковъ. Мы и теперь еще не можемъ вполнѣ исправить замѣченныхъ недостатковъ; но и то уже хорошо, что они обнаруживаются. Нѣкоторый свѣтъ на эту эпоху жизни Крылова бросаютъ записки Вигеля, которыя еще не были изданы, когда писались указанныя статьи. Этими записками уясняется біографія самого князя Голицына, а съ нею отчасти и біографія Крылова. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Вигель попалъ въ кіевское имѣніе Голицыныхъ, *Казацкое*, въ февралѣ 1799, когда, по его словамъ, еще не было года, какъ тамъ поселилось это семейство. Князь находился въ то время при арміи, на походѣ въ Литвѣ. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами; скоро, однакожъ, Голицынъ долженъ былъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. „Но когда война съ французами", разсказываетъ Вигель, „заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины. Призванный въ Петербургъ, обласканный, Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу".

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня извѣстія отъ мужа изъ арміи, какъ вдругъ она получила письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ ее, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, а ему велѣлъ жить въ деревнѣ, куда и дѣйствительно черезъ три дня прибылъ самъ князь Голицынъ.

Въ числѣ постороннихъ лицъ, находившихся въ то время въ Казацкомъ, Вигель описываетъ и Крылова. Какимъ же образомъ попалъ онъ сюда? „Неимущій, безпечный юноша", отвѣчаетъ Вигель, „онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. *Такимъ образомъ* попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже два года до нашей встрѣчи" (слѣдовательно съ начала 1797 г.?). „Онъ сопутствовалъ ему въ арміи и въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, пріобрѣсть новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ" [1]). Изъ этихъ словъ можно вывести, что Крыловъ былъ взятъ Голицынымъ еще въ началѣ царствованія Павла, жилъ при князѣ въ Москвѣ, потомъ сопровождалъ его въ Литву и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Казацкое въ февралѣ 1799 [2]).

---

[1]) *Восп. Вигеля*, ч. I, стр. 142.

[2]) Г-жа Сумарокова, показанія которой будутъ переданы ниже, совершенно отрицаетъ это свидѣтельство Вигеля о двукратной немилости князя Голицына и пере-

По мнѣнію автора „Воспоминаній", Крыловъ „былъ тогда лѣтъ 36 и болѣе 12 извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ", прибавляетъ Вигель, „въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно: отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, *коего творенія печатаются, играются на сценѣ и читаются* всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами".

Въ этихъ строкахъ обнаруживается совершенное незнаніе хода авторской дѣятельности Крылова: до пребыванія въ домѣ Голицыныхъ онъ еще не пользовался той литературной славой, о которой тутъ говорится; правда, онъ уже показалъ себя замѣчательнымъ сатирикомъ, но журналы, въ которыхъ онъ участвовалъ въ этомъ качествѣ, давно прекратились, два-три театральныя сочиненія, написанныя имъ въ прежнее время, не имѣли успѣха. Журналъ *Почта Духовъ* выходилъ за 10 лѣтъ до сближенія Вигеля съ Крыловымъ, но это изданіе не доставило послѣднему той извѣстности, на которую первый указываетъ.

Неосновательность сужденія Вигеля въ этомъ случаѣ даетъ мѣрило и для оцѣнки его отзыва о нравственной сторонѣ Крылова. Что касается до его взгляда на тогдашній возрастъ будущаго баснописца, то надобно принять, что или онъ казался старѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ, или что годъ его рожденія означается невѣрно. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы до сихъ поръ имѣемъ, выходитъ, что онъ уже 14-ти лѣтъ написалъ оперу *Кофейница*; по позднему же началу и недостаточности ученія Крылова позволительно усомниться, чтобъ онъ такъ рано могъ сдѣлаться авторомъ, да еще драматическимъ. Не явился ли Иванъ Андреевичъ на свѣтъ годиками тремя-четырьмя ранѣе того срока, къ которому мы относимъ его рожденіе? Въ такомъ случаѣ, если, напримѣръ, онъ родился въ 1764 году, ему въ концѣ столѣтія дѣйствительно могло быть лѣтъ 36, какъ показалось Вигелю [1]).

Между лицами, которыхъ авторъ *Воспоминаній* засталъ въ Казац-

ѣздахъ его съ Крыловымъ: по ея положительному увѣренію, они вмѣстѣ жили въ Казацкомъ безвыѣздно съ осени 1797 г. до весны 1801 года.

[1]) По словамъ М. П. Сумароковой, Крылову тогда могло быть даже лѣтъ 38. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, чтобъ онъ не зналъ въ точности своего возраста. Въ провинціальномъ русскомъ быту подобное невѣдѣніе и теперь еще встрѣчается. Свѣдѣніе о рожденіи его въ 1768 году въ первый разъ напечатано въ *Опытѣ краткой исторіи русск. лит.* Греча, въ 1822 году, когда и по общепринятому расчету баснописцу было уже 54 года.

комъ, была и молодая родственница Голицыныхъ, въ то время дѣвочка лѣтъ 13-ти, Марья Павловна Сумарокова, отецъ которой (племянникъ писателя) прежде служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергѣя Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Голицыной. Родившіеся отъ этого брака сынъ и дочь воспитывались въ домѣ Сергѣя Ѳедоровича. Отецъ ихъ, будучи принужденъ оставить службу, находился тогда вмѣстѣ съ ними въ Казацкомъ. Мать этихъ дѣтей была въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не могла сама заботиться объ ихъ воспитаніи и не послѣдовала за ними.

Памятникомъ совмѣстнаго пребыванія Крылова и Марьи Павловны Сумароковой въ Казацкомъ осталось подлинное письмо его къ ней, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было подарено ею Императорской Публичной Библіотекѣ. По распоряженію директора библіотеки И. Д. Делянова, съ этого письма былъ сдѣланъ литографированный снимокъ, по которому оно и напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 года (стр. 992 — 994).

На этомъ письмѣ не означено время, когда оно написано, и потому самыя обстоятельства, которыя въ немъ упоминаются, оставались до сихъ поръ не совсѣмъ понятными [1]). Чтобъ разъяснить ихъ и тѣмъ способствовать къ пополненію біографіи Крылова, я обращался къ почтенной Марьѣ Павловнѣ, которая, какъ и другая, лично знавшая его дама, Варвара Алексѣевна Оленина, свято хранитъ воспоминаніе о знаменитомъ писателѣ. Считаю обязанностью передать въ общее свѣдѣніе то, что̀ я слышалъ отъ М. П. Сумароковой.

Сколько ей извѣстно, знакомство Крылова съ княземъ Голицынымъ началось около времени коронаціи императора Павла, совершившейся въ апрѣлѣ 1797 года. Вскорѣ послѣ этого событія князь впалъ въ немилость за неуваженіе къ кому-то изъ новыхъ временщиковъ и получилъ повелѣніе жить въ деревнѣ. Онъ отправился въ Казацкое, и съ нимъ и нѣсколько лицъ, хотѣвшихъ показать ему свою преданность [2]); тогда онъ взялъ съ собою и Крылова. Поѣхали на Зубриловку (что нынѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи), и

---

[1]) Это видно напр. изъ того, что г. Лавровскій въ *Ж. Мин. Нар. Просв.* (февр. 1868, стр. 405) могъ усомниться даже въ эпохѣ, къ которой отнесено это письмо въ *Архивѣ*, и принять съ своей стороны, что оно написано въ 1806 или даже 1807 году.

[2]) Напр. Петръ Иван. Поливановъ. Многочисленное общество отправилось на долгихъ; на пути князь останавливался во всѣхъ значительныхъ городахъ, въ Тулѣ, въ Воронежѣ и въ другихъ, и пировалъ въ каждомъ: съ нимъ была роговая музыка; оркестръ состоялъ изъ 40 человѣкъ, умѣвшихъ играть и на духовыхъ инструментахъ. Какъ устроена была его домашняя жизнь, можно судить изъ того, что въ его Зубриловкѣ было не менѣе 600 дворовыхъ людей.

вотъ въ какое время (въ іюлѣ и августѣ 1797 г.) Крыловъ пожилъ въ этомъ прекрасномъ имѣніи, гдѣ онъ, страдая отъ комаровъ и мошекъ, искалъ спасенія отъ нихъ на высокой колокольнѣ, и однажды найденъ былъ спящимъ подъ самыми колоколами [1]).

Въ Казацкое прибыли уже въ позднюю осень. Тамъ по обѣ стороны барскаго дома, было по три деревянныхъ флигеля (а не мазанки, какъ говоритъ Вигель). Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась контора имѣнія; тутъ же отвели комнату и Крылову. Въ строеніи, гдѣ была баня, давалъ онъ уроки двумъ молодымъ князьямъ и Марьѣ Павловнѣ; въ сосѣднемъ покоѣ (въ самой банѣ, гдѣ полокъ) занимался еще ученикъ; его отдѣляли потому, что боялись его шалостей: это и былъ столь опасный впослѣдствіи языкомъ своимъ Ф. Ф. Вигель [2]); во время уроковъ онъ иногда вбѣгалъ въ общую учебную комнату съ вопросами учителю или просто изъ любопытства; тутъ-то, вѣроятно, и зародилось его нерасположеніе къ человѣку, не щадившему его самолюбія (Крыловъ называлъ его вздорнымъ мальчикомъ). Отецъ Вигеля былъ комендантомъ въ Кіевѣ; но такъ такъ въ то время чувствовался недостатокъ въ средствахъ для воспитанія, то онъ охотно отдалъ мальчика въ домъ Голицыныхъ, гдѣ жили извѣстные намъ уже по *Воспоминаніямъ* Вигеля наставники, французы Ролленъ и Керлеро.

Крыловъ не отъ скуки, какъ увѣряетъ Вигель, а по преданности къ семейству, его пріютившему, вызвался учить двухъ сыновей Голицыныхъ русскому языку; къ нимъ присоединилась и М. П. Сумарокова, которую онъ полюбилъ, хваля въ ней доброе сердце и способности. За грамматикой, вспоминаетъ она, Крыловъ не очень гонялся, а болѣе упражнялъ ее диктовкой и переводами и поощрялъ къ самодѣятельности, совѣтуя писать письма въ видѣ дневника, о чемъ и упомянуто въ указанномъ письмѣ его. Такъ какъ въ деревнѣ не было учителя музыки, то Иванъ Андреевичъ, владѣя скрипкою, аккомпанировалъ свою молодую ученицу, игравшую на фортепіано. Иногда Крыловъ давалъ маленькіе концерты для домашнихъ; разъ онъ игралъ такимъ образомъ пьесу извѣстнаго въ то время скрипача Жерновика, и М. П. еще помнитъ смущеніе, съ какимъ онъ началъ играть. Картъ въ Казацкомъ не являлось; самъ князь любилъ шахматы, а Иванъ Андреевичъ предпочиталъ триктракъ и часто проводилъ за нимъ время съ молодымъ княземъ Сергѣемъ.

---

[1]) Въ Зубриловкѣ разсказывали мнѣ еще анекдотъ о Крыловѣ. До князя Голицына дошло, что иногда гость его, для облегченія себя отъ зноя, днемъ ложится въ постель, раздѣвшись до нага. Князь захотѣлъ въ шутку пристыдить его и однажды вошелъ къ нему, когда онъ только что успѣлъ расположиться такимъ образомъ. Крыловъ до того переконфузился, что выскочилъ голый изъ постели и сѣлъ у письменнаго стола; видя же удивленіе князя, сталъ увѣрять, что это случилось съ нимъ въ первый разъ отъ нестерпимой жары.

[2]) Род. въ 1786 г. Онъ былъ ровесникъ г-жи Сумароковой.

Тотчасъ, по вступленіи на престолъ императора Александра I, князь Голицынъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Отправляясь въ столицу, онъ взялъ съ собою и Крылова; Марья Павловна осталась съ своей тетушкой въ Казацкомъ до коронаціи, на которую, къ сентябрю мѣсяцу, всѣ должны были съѣхаться въ Москву. Въ этомъ-то промежуткѣ времени, именно въ августѣ 1801 г., когда княгиня и ея племянница были уже тамъ, Крыловъ, находясь еще въ Петербургѣ, и написалъ къ своей ученицѣ письмо напечатанное въ *Архивѣ*.

Названная въ немъ *Прасковья Андреевна*, въ дѣвицахъ Кіевская, въ замужествѣ Таманская [1]), которой не забылъ и Вигель, была дочь зубриловскаго управляющаго; няня Кузминишна, также упомянутая Крыловымъ, была хотя и не грамотная, но очень умная и добрая женщина. Она всегда присутствовала, съ вязаньемъ въ рукахъ, при урокахъ Крылова Марьѣ Павловнѣ. Наконецъ, въ письмѣ говорится о воробьѣ и канарейкахъ его ученицы. „Еслибъ это", пишетъ Иванъ Андреевичъ, „попалось мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло; для того, что я бы почелъ это за сказку". Мѣсто это требуетъ нѣкотораго поясненія. Марья Павловна была большая охотница до птицъ и, между прочимъ, забавлялась воспитаніемъ воробьевъ. Одна изъ такихъ птичекъ жила въ ея комнатѣ и сдѣлалась удивительно ручною. Это было не совсѣмъ пріятно княгинѣ, которая раздѣляла повѣрье, что воробей въ домѣ предвѣщаетъ несчастье. Когда наступила весна, М. П., боясь, чтобъ любимецъ ея не вылетѣлъ изъ оконъ, придѣлала къ нимъ сѣтки. Но воробей въ одной изъ нихъ успѣлъ пробить себѣ отверстіе и, къ крайнему горю своей хозяйки, вырвался на волю. Прошло нѣсколько недѣль; его считали уже пропавшимъ, когда разъ онъ вдругъ опять подлетѣлъ къ окну, но уже не одинъ, а съ дѣтками, выведенными имъ въ лѣсу. Онъ не забылъ своей хозяйки и сѣлъ къ ней на руку. Радость была неописанная. Птичка и ея семейство были водворены въ домѣ. Готовясь къ отъѣзду, М. П. просила свою тетушку взять съ собой и воробья; но та объявила, что если онъ останется въ ея рукахъ, то она велитъ свернуть ему голову. Нечего было дѣлать: пришлось его выпустить. Прочихъ птичекъ своихъ, канареекъ, молодая путешественница рѣшилась увезти въ Москву, и въ дорогѣ, поднявъ окна кареты, выпускала ихъ изъ клѣтокъ.

Въ *Казацкомъ*, а не въ Зубриловкѣ, какъ до сихъ поръ думали, Крыловъ написалъ свою *шуто-трагедію* „Трумфъ". Эта пьеса играна въ деревнѣ; самъ авторъ исполнялъ роль Трумфа; роль цыганки онъ

[1]) Таманскій, о которомъ также говоритъ Вигель, былъ пріемышъ князя Голицына, жившій уже у него, когда Сергѣй Ѳедоровичъ женился на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ сыновьями отъ этого брака.

нарочно придумалъ для любимой имъ ученицы. Здѣсь же была написана утратившаяся впослѣдствіи комедія его *Пирогъ*.

По свидѣтельству Марьи Павловны, онъ послѣ того никогда не бывалъ уже ни въ Казацкомъ, ни въ Зубриловкѣ; послѣднее изъ этихъ имѣній онъ посѣтилъ только разъ, какъ уже было замѣчено, по пути въ Казацкое, гдѣ прожилъ отъ осени 1797 года до весны 1801. Въ этомъ послѣднемъ году, послѣ коронаціи, слѣдовательно осенью, поѣхалъ онъ съ княземъ Голицынымъ въ Ригу правителемъ его канцеляріи. Вскорѣ однакожъ обнаружилась его неспособность къ такой должности, тѣмъ болѣе, что онъ полюбилъ карты, играя сперва въ маленькій банкъ съ дамами, а потомъ перейдя и къ большому. На мѣсто его былъ назначенъ въ названную должность бывшій при князѣ свѣдущій чиновникъ Сергѣевъ, а Крыловъ еще нѣсколько времени оставался въ домѣ только какъ собесѣдникъ. Домашнимъ секретаремъ князя онъ никогда не былъ; въ Казацкомъ Сергѣю Ѳедоровичу помогалъ въ небольшой его, по тогдашнимъ обстоятельствамъ[1]), перепискѣ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ. Нѣтъ никакихъ извѣстій, по которымъ можно бы было заключить, что Иванъ Андреевичъ полюбилъ карты прежде переселенія въ Ригу. Извѣстно, что князь пробылъ здѣсь не долго, только до 1804 года[2]). По неудовольствіямъ съ кѣмъ-то изъ подчиненныхъ ему генераловъ, онъ сталъ проситься въ отставку; Государь его удерживалъ, но князь не перемѣнилъ своего намѣренія. Въ слѣдующіе затѣмъ годы онъ проводилъ лѣто въ Зубриловкѣ, а на зиму уѣзжалъ въ Москву. Г-жѣ Сумароковой памятно особенно лѣто 1805 года, когда въ именины князя, 5-го іюля, отпразднована была, при множествѣ съѣхавшихся гостей, его серебряная свадьба. Но ни при этомъ случаѣ, ни вообще послѣ пребыванія въ Ригѣ, Крылова въ Зубриловкѣ не было. М. П. все это время оставалась въ семействѣ Голицыныхъ, переѣзжала вмѣстѣ съ ними, но ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ не видала Крылова[3]). Замѣтимъ, что и г-жа Карлгофъ, писавшая объ Иванѣ Андреевичѣ по его собственному разсказу, ничего не упоминаетъ о его пребываніи въ деревнѣ послѣ службы въ Ригѣ, а говоритъ только, что онъ оттуда возвратился въ Петербургъ и долго былъ въ отставкѣ.

Изъ собственныхъ признаній Крылова извѣстно, что онъ, пристрастившись къ карточной игрѣ, разъѣзжалъ для нея по разнымъ городамъ и, между прочимъ, посѣтилъ нижегородскую ярмарку. Не къ этому ли періоду (1804 — 1805) относится такая полукочевая жизнь

---

[1]) Кн. Голицынъ былъ подъ надзоромъ полиціи.

[2]) Крыловъ былъ опредѣленъ къ кн. Голицыну 5-го октября 1801, а уволенъ 26-го сентября 1803 года.

[3]) Въ 1807 году князь Голицынъ былъ назначенъ областнымъ начальникомъ милиціи, послѣ чего, въ 1809, онъ былъ отправленъ въ Галицію, гдѣ и умеръ отъ удара (въ Тарнополѣ) 20-го января 1810 года.

Крылова? Преданіе говоритъ, что онъ выигралъ въ Ригѣ большую сумму [1]) (по воспоминаніямъ М. П. С., 30 т.). На эти деньги онъ могъ бы прожить довольно долго безъ службы. Не на обратномъ ли пути изъ Нижняго онъ и былъ въ Москвѣ, когда сдѣлался баснописцемъ? О пребываніи его въ этомъ городѣ говоритъ и г-жа Карлгофъ, толкуя однакожъ неправильно, что онъ посѣтилъ Москву „между своими журнальными занятіями и сценическими успѣхами". Журнальныя его занятія кончились съ 1793 годомъ, а сценическіе успѣхи относятся къ 1807. Первыя басни его помѣщены И. И. Дмитріевымъ въ двухъ новыхъ книжкахъ *Московскаго Зрителя* 1806. Слѣдовательно личное сближеніе его съ тогдашнимъ корифеемъ басни могло быть не позже, какъ въ концѣ 1805 года.

Единственнымъ литературнымъ изданіемъ Крылова въ началѣ нынѣшняго столѣтія, до этого времени, было вторичное появленіе *Почты Духовъ* въ 1802 году. Соображая обстоятельства, можно предполагать, что эта перепечатка была сдѣлана по соглашенію его съ книгопродавцемъ (Свѣшниковымъ) передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Ригу, осенью 1801 года. Въ замѣткѣ моей о степени участія Крылова въ *Почтѣ Духовъ*, приписанной мимоходомъ къ статьѣ о сатирѣ Крылова (*см. ниже*), я не коснулся еще одного предположенія, незадолго передъ тѣмъ высказаннаго. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* за 2-е февраля нынѣшняго года (№ 31) упомянуто о печатныхъ заявленіяхъ, что издателемъ *Почты Духовъ* былъ Радищевъ. Источникомъ этого свѣдѣнія служатъ записки Массона (т. II, стр. 189). Очень желательно было бы, чтобъ дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили или отвергли участіе въ этомъ журналѣ автора *Путешествія въ Москву* [2]). Но покуда остается сомнѣніе, не смѣшаны ли въ показаніи Массона имена

---

[1]) Словарь Б. Каменскаго.

[2]) Почти одновременно съ настоящею статьею, въ первый разъ напечатанною въ концѣ апрѣля 1868 г. въ *С.-Петерб. Вѣдом.*, появилась въ майской книжкѣ *Вѣстника Европы* любопытная статья А. Н. Пыпина подъ заглавіемъ: „Крыловъ и Радищевъ". Авторъ, основываясь на свидѣтельствѣ Массона, считаетъ весьма вѣроятнымъ, что Радищевъ принималъ значительное участіе въ *Почтѣ Духовъ* и приписываетъ ему многія изъ сатирическихъ писемъ этого журнала. Сознавая, что на сторонѣ такого мнѣнія есть не лишенные основанія доводы, нельзя однакожъ не согласиться и съ тѣмъ, что безъ болѣе прямыхъ доказательствъ предположеніе все-таки остается предположеніемъ. Когда нѣтъ никакихъ внѣшнихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, кѣмъ именно писаны разныя статьи *Почты Духовъ*, то для достиженія путемъ изслѣдованія какого-нибудь болѣе удовлетворительнаго результата необходимо, по крайней мѣрѣ, вполнѣ исчерпать всѣ внутреннія доказательства; въ настоящемъ случаѣ нужно бы внимательно разсмотрѣть всю *Почту Духовъ* въ отношеніи къ содержанію и къ языку, и для того употребить три слѣдующіе пріема: 1) сравнить въ этихъ двухъ отношеніяхъ всѣ письма *Почты Духовъ* между собою; 2) сравнить каждое изъ нихъ съ тѣми статьями *Зрителя* и *Меркурія*, которыя несомнѣнно принадлежатъ перу Крылова, и 3) сравнить всѣ письма *Почты Духовъ* съ сатирическими статьями, такъ же несомнѣнно принадлежащими Радищеву.

Радищева и Рахманинова? Статья *Русскаго Инвалида* замѣчаетъ: „Это обстоятельство" (изданіе *Почты Духовъ* Радищевымъ) „важно въ томъ отношеніи, что въ немъ можно искать разъясненія, почему Крыловъ долженъ былъ скоро — два года спустя — оставить службу при Кабинетѣ и оставаться въ отставкѣ до вступленія на престолъ Александра I". Едва-ли можно принять, что Крыловъ вышелъ изъ Кабинета по неріятностямъ за свою литературную дѣятельность. Въ такомъ случаѣ она не могла бы такъ скоро послѣ того [1]), именно съ начала 1792 года, возобновиться съ прежнимъ направленіемъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ и притомъ такъ открыто, на этотъ разъ уже съ именемъ Крылова въ главѣ типографіи и журнала (*Зрителя*). Здѣсь съ именемъ же его стали являться рѣзкія сатирическія статьи, и въ числѣ ихъ извѣстная восточная повѣсть *Каибъ*, что̀ едва-ли было бы возможно, еслибъ Крыловъ лишился мѣста за *Почту Духовъ*. Гораздо проще предположить, что, по его свойствамъ, всякая служба была ему въ тягость и что онъ рѣшился испытать счастья на другомъ поприщѣ, взяться за содержаніе типографіи и совершенно посвятить себя литературѣ.

Въ статьѣ Н. А. Лавровскаго: „О Крыловѣ и его литературной дѣятельности" [2]) есть интересныя соображенія о томъ, у какого Львова нашъ баснописецъ въ дѣтствѣ, живя съ матерью въ Твери, могъ пользоваться ученіемъ? Какъ ни правдоподобна догадка, что это былъ извѣстный своимъ образованіемъ и талантами Николай Александровичъ Львовъ, къ нему не можетъ относиться это извѣстіе о дѣтствѣ Крылова. Н. А. жилъ въ то время уже въ Петербургѣ; въ Твери же служилъ тогда совѣтникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты Николай Петровичъ Львовъ [3]) (дядя Николая Александровича). Вотъ, по всей вѣроятности, лицо, которому Крыловъ такъ много обязанъ былъ своимъ образованіемъ. Братъ этого Львова, Петръ Петровичъ, былъ около того же времени городничимъ въ Торжкѣ [4]). Сынъ этого послѣдняго, Ѳедоръ Петровичъ, былъ также литераторомъ и извѣстенъ, между прочимъ, какъ издатель *Объясненій* Державина. О личности Николая Петровича, къ сожалѣнію, намъ ничего не извѣстно. Въ то время, какъ онъ занималъ означенныя мѣста въ Твери, намѣстникомъ тверскимъ былъ знаменитый графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, а губернаторомъ Т. И. Тутолминъ. Извѣстіе, будто Крыловъ ходилъ учиться и въ губернаторскій домъ, лишено, кажется, основанія

---

[1]) Крыловъ былъ опредѣленъ въ Кабинетъ ея в. 1788, марта 11-го, а уволенъ оттуда за болѣзнію 7-го декабря 1790 г.

[2]) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* февр. 1868, стр. 395.

[3]) См. *Мѣсяцословы* 1778 и 1781 г.

[4]) *Мѣсяцословъ* 1788. — Здѣсь же вторымъ предсѣдателемъ губернскато магистрата показанъ коллежскій ассесоръ Андрей Прохоровичъ Крыловъ, отецъ писателя.

и произошло отъ смѣшенія двухъ значительныхъ должностей въ провинціальной іерархіи.

Кстати, вотъ еще двѣ замѣтки о басняхъ Крылова. Есть преданіе, объясняющее слѣдующимъ образомъ происхожденіе басни: *Рыбьи пляски.* Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I, въ какомъ-то городѣ, остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что по площади приближается къ дому довольно большое число людей. На вопросъ государя, что это значитъ, губернаторъ отвѣчалъ, что это депутація отъ жителей, желающихъ принести его величеству благодарность за благосостояніе края. Государь, спѣша отъѣздомъ, отклонилъ пріемъ этихъ лицъ. Послѣ распространилась молва, что они шли съ жалобой на губернатора, получившаго между тѣмъ награду. Изъ разысканій г. Кеневича [1]) видно, что первоначальная редакція этой басни очень отличалась отъ позднѣйшей.

Басня *Левъ и Человѣкъ* была напечатана только въ двухъ первыхъ изданіяхъ басенъ Крылова (1809 и 1811). Поэтому можно заключить, что онъ вовсе оставилъ ее; но между позднѣйшими его баснями есть одна, которая, кажется, не что иное, какъ пересозданіе *Льва и Человѣка.* Въ этой послѣдней Крыловъ справедливо созналъ не только отсутствіе художественнаго развитія, но и бѣдность вымысла, а потому, сохранивъ въ основѣ первоначальную идею, онъ облекъ ее въ другіе образы: такъ произошла около 1830 года басня *Левъ, Серна и Лисица,* въ которой вновь изображена побѣда хитрости или ума надъ тѣлесной силой. Первоначальная басня перепечатана въ трудѣ г. Кеневича и въ *Русскомъ Архивѣ* 1865. Это двоякое выполненіе одного и того же сюжета въ два періода, на разстояніи 20 лѣтъ слишкомъ одинъ отъ другого, показываетъ, какъ настойчивъ былъ Крыловъ въ преслѣдованіи родившейся у него художественной идеи и какъ взыскателенъ къ себѣ въ ея разработкѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Представленіе Оленина отъ 23-го мая 1830 года объ исходатайствованіи Крылову чина статскаго совѣтника [2]).

Господину министру народнаго просвѣщенія.

Библіотекарь Императорской Публичной библіотеки г. коллежскій

---

[1]) См. его *Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова.*

[2]) Два первыя приложенія заимствованы изъ хранящагося въ Публичной библіотекѣ дѣла о службѣ Крылова.

совѣтникъ Крыловъ, выслуживъ съ отличнымъ усердіемъ въ настоящемъ чинѣ узаконенныя лѣта, пріобрѣлъ право на представленіе его къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ статскаго совѣтника.

Высочайшими указами 6 августа 1809 и 14 января 1811 годовъ, равно какъ и высочайше утвержденными положеніями комитета гг. министровъ 7 марта, 15 апрѣля, 5 августа и 25 октября 1819 года, установлены для производства чиновниковъ въ статскіе совѣтники особенныя правила [1]). Хотя г. библіотекарь Крыловъ не имѣетъ университетскаго аттестата и ни въ учебной, ни въ медицинской службѣ не находился, но поелику 9 статьею высочайшаго указа 14 января 1811 года допускаются изъ общихъ правилъ изъятія, *по особеннымъ уваженіямъ къ людямъ, снискавшимъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями ихъ и трудами отличную славу*; поелику чиновникъ сей еще изъ титулярныхъ совѣтниковъ произведенъ былъ въ коллежскіе ассесоры, по высочайшему именному указу 14 августа 1814 года, во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности; поелику онъ нынѣ съ ученою должностію библіотекаря соединяетъ званіе члена Императорской Россійской Академіи и давно уже извѣстенъ любителямъ отечественной словесности многими печатными сочиненіями, въ особенности же своими баснями [2]), снискавшими ему отличную славу не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ: то я почитаю его имѣющимъ полное право на производство въ чинъ статскаго совѣтника, въ каковый по сей же библіотекѣ произведены въ 1828 году г. библіотекарь Гнѣдичь, а въ 1829 году. г. почетный библіотекарь Гречь.

II.

Представленіе Оленина отъ 29-го декабря 1840 года объ увольненіи библіотекаря Императорской Публичной библіотеки Крылова.

Господину министру народнаго просвѣщенія.

На сихъ дняхъ г. статскій совѣтникъ Крыловъ, служащій въ званіи библіотекаря въ Императорской Публичной библіотекѣ тридцать уже

[1]) По симъ правиламъ, въ статскіе совѣтники производятся только тѣ чиновники, которые имѣютъ аттестаты университетовъ и другихъ мѣстъ, или отправляли ученыя и учебныя должности, въ высочайшемъ указѣ 14 января 1811 года означенныя (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

[2]) Г. Крыловъ былъ издателемъ ежемѣсячныхъ сочиненій: *Почты Духовъ* (1789 года), *Зрителя* (1792 года) и *С.-Петербургскаго Меркурія* (1793 года); потомъ написаны имъ для театра комедіи: *Урокъ дочкамъ*, *Модная лавка*, *Бѣшеная семья* и *Илья богатырь*; сочинена для открытія Императорской Публичной библіотеки притча *Водолазы*; наконецъ, напечатаны четырьмя изданіями и многими тисненіями Басни его, которыхъ и теперь печатаются три новыя изданія, полнѣйшія прежнихъ (примѣч. изъ подлиннаго представленія).

лѣтъ сряду, а именно съ 1811 года, объяснилъ мнѣ нынѣшнее его положеніе въ слѣдующемъ видѣ:

Въ теченіе тридцати-лѣтней службы съ преклонными лѣтами здоровье его ослабло, а потому нынѣ онъ чувствуетъ, что не можетъ уже выполнять своихъ обязанностей по службѣ, какъ бы то должно было и какъ бы онъ того желалъ. По сему обстоятельству онъ рѣшился просить объ увольненіи отъ службы. Но г. Крыловъ не имѣетъ никакого другого состоянія, какъ то, которое онъ получаетъ отъ щедротъ Монаршихъ, а именно: по милости нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I. Сіи оклады и пособія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Пенсіи изъ Кабинета Его Величества онъ получаетъ	857 р. 14 2/7 к.
2) Жалованья	771 „ 42 6/7 „
и 3) Прибавочныхъ	857 „ 14 2/7 „
	1628 р. 57 1/7 к.
Всего же . . .	2485 р. 71 3/7 к.

Прибавляя къ симъ суммамъ квартиру съ дровами, сараемъ и конюшнею, занимаемую въ домѣ, принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ и которую нельзя менѣе имѣть какъ за 857 р. 14 2/7 к. сер., что̀ и составило бы всего 3342 р. 85 5/7 к. сер.

Сими денежными окладами и пособіями г. Крыловъ живетъ не нуждаясь и даже имѣетъ экипажъ, что̀ къ несчастію, по слабости ногъ его, сдѣлалось ему необходимымъ. Г. Крыловъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ помянутая сумма (за исключеніемъ 857 р. 14 2/7 коп. сер. пенсіи, которая останется при немъ и по отставкѣ его) была бы ему исходатайствована у Государя Императора въ пожизненный пенсіонъ, ибо сія сумма именно составляетъ содержаніе его въ библіотекѣ и тогда бы онъ, присовокупя къ сему пенсію получаемую имъ изъ Кабинета, могъ спокойно и беззаботно дожить остальные дни свои, которыхъ вѣроятно на удѣлъ ему остается уже не много [1]).

Вотъ [2]) что мнѣ объяснялъ знаменитый нашъ баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ! Я не буду обременять ваше высокопревосходительство многословнымъ ходатайствомъ: скажу только, что здоровье г. Крылова очень разстроено и требуетъ совершеннаго спокой-

---

[1]) Крыловъ пережилъ Оленина двумя годами.

[2]) Начиная отсюда, послѣднія строки въ отпускѣ написаны рукой самого Оленина, при чемъ выраженія нѣсколько разъ были измѣняемы и, между прочимъ, зачеркнуты слѣдующія слова: „которaго творенія при жизни еще его достигли до общей европейской славы“.

ствія. Онъ достоинъ особеннаго уваженія за отличные его труды, извѣстныя всей почти Европѣ! Участь его зависитъ отъ благосклоннаго вниманія вашего высокопревосходительства!

(Въ отвѣтъ на это ходатайство министръ отъ 17 февраля 1841 года сообщилъ директору библіотеки высочайшее повелѣніе производить Крылову, по отставкѣ его, въ пенсію изъ Государственнаго казначейства, не въ примѣръ другимъ, полное содержаніе его по библіотекѣ, которое составляло 11,703 р. 80 к. ассигн. = 3,342 р. 85⁵/₇ коп. сер.)

III.

Журнальные труды Крылова.

Для облегченія тѣхъ, которые пожелаютъ заняться разсмотрѣніемъ журнальной дѣятельности нашего баснописца въ прошломъ столѣтіи помѣщаю краткій указатель содержанія *Почты Духовъ* и оглавленіе статей Крылова въ *Зритель* и въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи*.

Чтобы удобнѣе было сличать первоначальную *Почту Духовъ* съ извлеченіями изъ нея въ *Полномъ собраніи соч. Крылова*, отмѣчаю тѣ письма, которыя помѣщены и въ этомъ собраніи, двойною цифрою: *арабская цифра* означаетъ, какъ и вездѣ, порядокъ писемъ въ самомъ журналѣ, а *римская* — порядокъ ихъ въ изданіи 1847 года. Въ скобкахъ ставится страница по первоначальному изданію *Почты Духовъ*.

Указатель Почты Духовъ.

Часть первая.

Письма.

1. (с. 1). — I. Отъ *Зора*. Современные обычаи и моды; опера буффа, италіянскій театръ; галантерейные товары.
2. (с. 8). Отъ *Дальновида*. Размышленія сильфа надъ Парижемъ о неразуміи людей разныхъ состояній; о правителяхъ, придворныхъ и духовныхъ.
3. (с. 20). — II. Отъ *Буристона*. Адскіе судьи и дворъ Плутона.
4. (с. 29). Отъ *Дальновида*. О мизантропѣ, честномъ человѣкѣ.
5. (с. 42). Отъ *Астарота*, который спасъ бѣднаго стихотворца отъ голода.
6. (с. 53). — III. Отъ *Зора*. О порокахъ писателей. Щеголь. Неуваженіе къ ученымъ. Дороговизна иностранцевъ. Французы и ихъ хвастливость.
7. (с. 63). Отъ *Дальнов*. Старуха торговка соблазняетъ дѣвушку золотошвейку.
8. (с. 74). Отъ *Свѣтовида*. Презрѣніе дворянъ къ наукамъ.
9. (с. 82). — IV. Отъ *Зора*. Знакомство съ Припрыжкинымъ; ученые; французскій парикмахеръ.
10. (с. 102). Отъ *Свѣтов*. Петиметръ и обезьяна.

11. (с. 107). — V. Отъ *Зора.* Именинный столъ у купца Плуторѣза Плуты разныхъ сословій. Участь художниковъ.
12. (с. 125). Отъ *Буристона.* Сцена въ судѣ: воръ-живописецъ и воръ государственный.
13. (с. 143). Отъ *Свѣтов.* Разговоры о графинѣ въ модномъ салонѣ. Притворство и лесть. Щегольство женщинъ.
14. (с. 153). — VI. Отъ *Зора.* Модная лавка.
15. (с. 170). Отъ *Свѣтов.* Любовныя шашни; брачныя обязательства; похороны.
16. (с. 181). VII. Отъ *Буристона.* Актеръ и вельможа. Трагедія въ восьми дѣйствіяхъ.
17. (с. 192). — VIII. Отъ *Зора.* Женитьба Припрыжкина. Ѣзда съ нимъ въ ряды.
18. (с. 209). Отъ *Астарота.* Примѣрные судья и секретарь; крючкотворцы и плутни ихъ.
19. (с. 223). Отъ *Свѣтов.* О модахъ и театрѣ.
20. (с. 239). Отъ *Дальновида.* Слава государей-завоевателей; вельможи, вредные для государства.
21. (с. 247). — IX. Отъ *Вѣстодава.* Покровительство Прозерпины италіянцу. Порча судей. Богадѣльня для чиновниковъ.
22. (с. 265). Отъ *Дальнов.* Выгоды сна.
23. (с. 273). — X. Отъ *Зора.* Глупые мужья и умныя жены.
24. (с. 293). Отъ *Дальнов.* Истинно честный человѣкъ.

Часть вторая.

25. (с. 1). Отъ *Дальнов.* Средства отъ скуки. Истинные мудрецы. Небесная азбука.
26. (с. 12). — XI. Отъ *Буристона.* Вельможа другаго острова.
27. (с. 31). Отъ *Выспрепара.* Исканіе тѣни секретаря. Разговоръ съ тѣнью судьи.
28. (с. 40). Отъ *Маликульмулька.* Размышленіе и глупость. Свѣтъ — училище.
29. (с. 47). Отъ *Дальнов.* Праздность въ разныхъ состояніяхъ.
30. (с. 56). — XII. Отъ *Зора.* Книжныя лавки.
31. (с. 64). Отъ *Дальнов.* Ревность женщинъ. О неумѣстныхъ шуткахъ надъ развратомъ.
32. (с. 70). Отъ *Астарота.* Публичный садъ.
33. (с. 83). Отъ *Дальновида.* Глупые счастливѣе ученыхъ. Славолюбіе послѣднихъ.
34. (с. 98). — XIII. Отъ *Вѣстод.* Фурбиній, первый министръ.
35. (с. 109). Отъ *Выспреп.* Свадьба и внезапная смерть молодаго супруга.
36. (с. 117). — XIV. Отъ *Буристона.* Судъ и письмо судьи къ сыну.

37. (с. 139. — Отъ *Дальнов.* О дворянствѣ и дворянахъ.
38. (с. 150). Отъ *Астарота.* Разговоръ откупщика и танцовщицы.
39. (с. 163). — XV. Отъ *Зора.* Мотовство на моды. Французы и француженки.
40. (с. 178). Отъ *Эмпедокла.* Слабость и непостоянство разума. Глупости Аристотеля и Лейбница.
41. (с. 198). Отъ *Бореида.* Подводныя его странствованія.
42. (с. 214). — XVI. Отъ *Зора.* Наставленія француженки своему брату.
43. (с. 231). Отъ *Свѣтов.* Философы въ трактирѣ.
44. (с. 237). — XVII. Отъ *Зора.* Похвала одному государству. Театръ.
45. (с. 251). Отъ *Выспреп.* Льстецы вокругъ молодаго государя. Роль писателя. Истинный мудрецъ.
46. (с. 273). — XVIII. Отъ *Зора.* Разговоръ о новой книгѣ. Ссора у актрисы.
47. (с. 290). Отъ *Бореида.* Кораблекрушеніе и гибель корыстолюбца. (Богачъ и его семейство.)
48. (с. 311). Отъ *Маликульмулька.* Развращеніе свѣта. Предостереженіе противъ коварства.

Труды Крылова въ Зрителѣ.

Ночи. Зр. Ч. I, стр. 70, 140, 228; ч. II, стр. 95.
Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ. Ч. II, стр. 42.
Разсужденіе о дружествѣ. Ч. II, стр. 236.
Мысли философа по модѣ. Ч. II, стр. 279.
Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ. Ч. III, стр. 63.
Каибъ. Ч. III, стр. 90 и 257.

Труды Крылова въ С.-Петербургскомъ Меркуріи.

Похвальная рѣчь наукѣ убивать время. Спб. Мерк. Ч. I, стр. 22.
Разборъ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе.* Ч. I, стр. 104.
Похвальная рѣчь Ермалафиду. Ч. II, стр. 26.
Театръ. Ч. II, стр. 213.
Стихи: Утѣшеніе Анютѣ. Ч. II, стр. 56.
Мое оправданіе. Ч. II, стр. 188.
Къ другу моему (Клушину) [1]. Ч. III, стр. 3.
Ода на случай фейерверка. Ч. III, стр. 191.
Изображеніе Анеты эскизомъ. Ч. III, стр. 193.
Похищенные волоски въ перстень. Ч. III, стр. 202.
Къ Счастью. Ч. IV, стр. 96.
Мой отъѣздъ. Ч. IV, стр. 205.

---

[1]) Отвѣтъ Клушина см. въ ч. IV, стр. 177.

САТИРА КРЫЛОВА И ЕГО „ПОЧТА ДУХОВЪ“ [1]).

1868.

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1792 г., подписчики крыловскаго журнала *Зритель* прочли въ немъ слѣдующія строки: „Что̀ есть достойнаго человѣка? Что̀ можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, ... торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное человѣкомъ... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ“ [2]).

Такъ говорилъ Крыловъ двадцати-четырехъ лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было задачею всей его тихой и скромной жизни; ими одними достигъ онъ блестящаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, затмилъ онъ всѣ прежніе свои труды, и это подало его біографу [3]) поводъ остроумно замѣтить, что Крыловъ родился для насъ только въ сорокъ лѣтъ. Такъ могъ говорить его современникъ; но потомство должно принять во вниманіе и прежнія его произведенія. На басни его нельзя смотрѣть, какъ на что-то отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности; можно ли предположить, чтобы писатель, прославившійся во второй половинѣ своего поприща превосходными созданіями, но писавшій почти съ дѣтства, не произвелъ въ лучшіе годы жизни ничего замѣчательнаго? Предположить это о Крыловѣ тѣмъ труднѣе, что его родомъ, собственно говоря, всегда была сатира; онъ въ разное время мѣнялъ только ея форму. Сначала у него является сатирическая аллегорія въ прозѣ, потомъ онъ избираетъ своимъ орудіемъ комедію; наконецъ, переходитъ къ баснѣ. Не естественно ли, что между всѣми его сочиненіями должна быть тѣсная связь? Дѣйствительно, басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе, — только съ помощію другихъ его сати-

---

[1]) Читано было на литературномъ вечерѣ, устроенномъ 3-го февраля 1868 г. отъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и потомъ напечатано въ *Вѣстникѣ Европы*. Позже въ „Сборникѣ“, т. VI.

[2]) *Зритель*, ч. I, стр. 77.

[3]) Плетневу, въ извѣстной статьѣ его: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“.

рическихъ сочиненій можно вполнѣ объяснить значеніе его, какъ баснописца.

Сатирическое свое поприще началъ онъ тамъ же, гдѣ и кончилъ его, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь жилъ онъ уже шесть лѣтъ, когда похоронилъ свою мать, вдову. Ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ рѣшился оставить службу, въ которой ему совсѣмъ не везло, и посвятить себя журнальному дѣлу. Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ литераторовъ былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Ив. Герас. Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе *Утренніе часы*. Онъ извѣстенъ нѣсколькими переводами, между прочимъ изъ Вольтера, издалъ переведенное имъ же сочиненіе акад. Миллера о русскомъ дворянствѣ, и былъ, по свидѣтельству современниковъ, человѣкъ умный, трудолюбивый, но угрюмый и упрямый [1]). Съ нимъ какъ-то сблизился Крыловъ и, можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г., будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, рѣшился самъ издавать сатирическій журналъ. Вспомнимъ, что сатирическое направленіе у насъ особенно оживилось при Екатеринѣ II, что̀, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ новаго царствованія и характеромъ авторской дѣятельности самой геніальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769 — 1774 г.); въ теченіе этого времени рождались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми перломъ, по справедливости, считается *Живописецъ* Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое никогда не вымирало вполнѣ, и во все продолженіе XVIII-го столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Собесѣдникъ* княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія *Были и небылицы* царственной сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію Фонвизинъ. Но въ журнальной литературѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, задремавшую сатиру снова разбудилъ Крыловъ. По практическому и насмѣшливому свойству его ума намъ понятно, почему такая заслуга принадлежитъ именно ему, и тѣмъ понятнѣе, что будучи тогда двадцати-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ, вѣроятно, и не подумалъ о томъ совѣтѣ, съ которымъ Новиковъ, приступая къ изданію *Живописца*, обратился къ самому себѣ: „Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною,... которая называется *Осторож-*

---

[1]) Жихаревъ, въ Дневникѣ чиновника: *Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 133.

ность" [1]). Впрочемъ, можетъ быть, Крылову казалось, что онъ исполнилъ всѣ требованія благоразумія, спрятавшись въ своемъ журналѣ за невидимыхъ гномовъ и сильфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, Ѳедоръ Эминъ издавалъ *Адскую Почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ,* которые, въ свою очередь, очевидно вели свой родъ отъ Лесажева *Le Diable Boiteux.* Но почему даровитый Крыловъ взялъ за образецъ именно этотъ журналъ, произведеніе очень посредственнаго писателя? Кажется, имъ болѣе руководило случайное обстоятельство, нежели обдуманный выборъ. Въ то самое время *Адская Почта* вышла 2-мъ изданіемъ [2]): попавши въ руки Крылова, она могла показаться ему счастливой разгадкой недоумѣнія, какую форму избрать для задуманнаго изданія. Въ концѣ 1788 г., прочли въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ,* что въ книжной лавкѣ Миллера, въ Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объявленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи: *Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами* [3]). Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслуживать такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходокъ противъ того или другого современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго къ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. „Слухъ-де носится — говоритъ онъ — что нѣкоторые изъ издателей собираютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, ни мало не страшася справедливаго порицанія публики; . . . а потому-

---

[1]) *Живописецъ,* листъ 2: „Авторъ къ самому себѣ". Стр., 12 (изд. 1864).

[2]) Въ 1788 г., *на ижд. П. Б.* (Петра Богдановича), подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: *Адская почта, или курьеръ изъ ада съ письмами.* Ѳ. Эминъ уже умеръ въ 1770 г. Съ сыномъ его, Ник. Ѳед., Крыловъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

[3]) *Спб. Вѣдом.* 1788 г. № 95-й (28-го нояб.), № 97-й (5-го дек.) и № 100 (15-го дек.). Тутъ сказано было, что объявленія раздаются „съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго изданія", и проч., „на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяцъ будущаго 1789 г." Къ сожалѣнію, самое объявленіе это не сохранилось. Оно въ измѣненномъ видѣ перепечатано при первой книжкѣ *Почты Духовъ*; при 2-мъ же изданіи этого сборника, въ 1802 г., значительно укорочено и искажено.

де онъ, издатель сихъ листовъ,... паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т. е. первой книжки) къ 1-му числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, а если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку".

Если *Почта Духовъ* Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними *Почту Духовъ*, мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же недостатки, на которые они нападали, напр., французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ тогда называли, „петиметровъ", спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. *Почта Духовъ* представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во „Вступленіи" къ *Почтѣ Духовъ* Крыловъ разсказываетъ, будто онъ однажды, въ ненастный осенній день, возращался разсерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому восемь мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать *завтра* (черта нравовъ, которую вообще любитъ выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатые хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же

гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т. е. пустыми сараями. „Оставь, другъ мой, думать людей“, говоритъ волшебникъ, „что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состоянiе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ другiе о томъ думаютъ, но по тому, какъ онъ самъ себя почитаетъ“. Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣнiемъ. „Итакъ“, говоритъ онъ, „я рѣшился остаться въ томъ домѣ: пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ“. Здѣсь уже выразилась сущность практической философiи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ разсказовъ, которые познакомятъ насъ со взглядами молодого писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣзъ [1]), угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстiе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженiи увѣчныхъ и смертныхъ наказанiй, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многiе изъ гостей, а особливо судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званiи, къ которому самъ принадлежитъ. „Другъ мой“, сказалъ придворный, „оставь это на мое попеченiе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участiи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ

---

[1]) *Почта Духовъ*, I, стр. 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержанiе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моей цѣлью.

пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянтщики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная católica сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, пріемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Граматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ отечества; а наши ливреи и экипажи неложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однакожъ это несправедливо; за то и мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!" Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего не позволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: „Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы". Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же

въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. „Любезный Плуторѣзъ", говоритъ онъ хозяину, „если ты хочешь доставить сыну своему счастіе какимъ-нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе краи, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря". — „Нѣтъ, милостивые государи", сказалъ хозяинъ, „я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!" Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ какъ маленькій царёкъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, впослѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожъ не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Еслибъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума [1]). Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолюбіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожъ, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ

---

[1]) *П. Д.* ч. II, письмо 40.

къ достиженію его употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности, не что иное, какъ плохіе переводчики [1]). Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: „Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?“ — „Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь *написать*, но чтобы что-нибудь *напечатать* и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ!“

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, гнусныхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера [2]). То же патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью то легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы пріобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія выставлены имъ въ комедіи *Урокъ дочкамъ*, а позднѣе и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басенъ. Противъ этого зла направлены также многія мѣста *Почты Духовъ*. Французы, по его замѣчанію [3]), удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣй-

---

[1]) *П. Д.*, ч. II, письмо 30.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.
[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 39.

ство, что я не могу этого разобрать подробно. Образчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ [1]). „Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ-нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ назастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, нерѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ."

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ *Почтѣ Духовъ* русскій салонный щеголь графъ Припрыжкинъ [2]). Этотъ 20-тилѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего не значащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками къ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и разсказываетъ объ этой прогулкѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: „Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80 т. р. Мужики, не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, обыкновенно, можно выработать болѣе денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками и разнощиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленни-

[1]) *П. Д.* ч. I, п. 9.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9 и 17.

кахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству".

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. „Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мужчины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мужчины не что иное, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій [1])". Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула — говоритъ она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ-же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, какъ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества и въ то же время дать понятіе, какъ онъ разработывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ *Почты Духовъ* еще одну замѣчательную притчу [2]). Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ въ живописи, онъ усовершенствовался въ чужихъ краяхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что-жъ вышло? „Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были апеллесовы, рубенсовы, рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бод-

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 34.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 12.

рости, и подвергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?" Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы и вошелъ богато-одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ итти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. — „Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоявшихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?" — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — „Пропадшій же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями". — „Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона, а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ по-долѣ, такъ и увидите всего поболѣ."

Кто не узнаетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Вороненкѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, что видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено закономъ и подвергаетъ наказанію, разска-

залъ ему слышанное отъ дѣда: „Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину, оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе на́чало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками,* другіе *купцами,* а третьи *ремесленниками* и *поселянами*; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе“.

Этотъ взглядъ не вполнѣ измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ *Купецъ* (1830 г.), для которой выписанный сейчасъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментаріемъ. Вотъ эта басня или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ, —
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что онъ и старъ и подмочёнъ и гнилъ.
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъблушка послалъ.
— Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.—

Обмануть, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ,
Но если кто на свѣтъ
Повыше лавокъ взглянетъ,—
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ,
Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ

въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ въ *Почтѣ Духовъ* [1]) и въ „Мысляхъ философа по модѣ“ [2]) мы находимъ первообразъ „Слона и Моськи“. Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодого человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: „При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается она на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ“. Идея басни, сравнивающей *мѣшокъ*, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи *Ночи* [3]): „Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о нивѣ“. Первое начертаніе басни о *гусяхъ*, хвалящихся тѣмъ, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ *Почты Духовъ* [4]): „Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина считающаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева“.

Въ примѣръ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ [5]). Тема басни *Вельможа*, направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ *Почтѣ Духовъ*. Одно цѣлое письмо [6]) посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно

---

[1]) Ч. I, п. 9.
[2]) *Зритель*, ч. II, стр. 288.
[3]) *Зритель*, ч. I, стр. 149.
[4]) *П. Д.*, ч., II, п. 37.
[5]) *П. Д.*, ч. I, п. 10.
[6]) Ч. I, п. 18.

сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого, для многихъ его басенъ мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басенъ Крылова. — Въ *Почтѣ Духовъ* и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ-бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ *Ночи*; такова и восточная повѣсть *Каибъ*, гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенка, — первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписывать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды. — Въ *Мысляхъ философа по модѣ* неисправимость людей наперекоръ сатирѣ сравнивается съ упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ *Почты Духовъ* [1]): „Нравоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти“.

Призваніе изучать человѣческое сердце и пружины общественной жизни Крыловъ созналъ въ себѣ чрезвычайно рано. На свѣтъ смотрѣлъ онъ какъ на обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; ему казалось, что заблужденія, замѣчаемыя нами въ другихъ, могутъ служить намъ лучшими уроками, и что изображеніе

---

1) Ч. II, п. 49.

ихъ достойно пера мыслителя, желающаго употребить съ пользою свои дарованія [1]). Но не однѣ врожденныя способности помогли юношѣ-Крылову стать твердою ногой на поприще писателя. Извѣстно, что полученное имъ школьное образованіе было чрезвычайно скудно; между тѣмъ сатира его показываетъ въ немъ большую начитанность; ему знакомы произведенія лучшихъ умовъ древняго и новаго міра. Извѣстно также, что умная мать рано внушила Крылову охоту къ чтенію и самодѣятельности, и онъ мало-по-малу ознакомился со многими великими писателями. Всматриваясь вообще въ дѣятельность нашихъ литературныхъ знаменитостей прошлаго вѣка, мы замѣчаемъ, что большая часть изъ нихъ почерпнули главное свое образованіе изъ того же источника — изъ чтенія. Великіе писатели — вотъ та школа, въ которой преимущественно образовывались Сумароковъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ и еще въ не столь далекое время Пушкинъ. И мы должны сознаться, что этотъ важный элементъ образованія значительно ослабѣлъ въ нашу, болѣе суетливую эпоху, когда прилежное чтеніе газетъ, лихорадочно участіе въ общественной жизни и налагаемая духомъ вѣка обязанность *слѣдить за всѣмъ*, уносятъ такъ много времени. Кто, кромѣ великихъ писателей, могъ развить въ сынѣ бѣднаго армейскаго офицера, въ маленькомъ провинціальномъ чиновникѣ, тѣ благородные и высокіе помыслы, съ которыми онъ уже на 22 году жизни является наставникомъ общественной нравственности и смѣло обращается ко всѣмъ сословіямъ?

Но однѣ книги не могли доставить ему того глубокаго знанія свѣта, какое мы замѣчаемъ уже въ юношескихъ трудахъ его. Въ *Почтѣ Духовъ* есть мѣсто, раскрывающее намъ, кажется, черту біографіи самого автора и вмѣстѣ тайну его ранняго знакомства съ наукою жизни и сердца человѣческаго. — Одинъ изъ подземныхъ жителей, по имени Зоръ, вздумалъ узнать изъ книгъ нравы и обычаи описываемаго имъ государства; но у писателей этой страны онъ не нашелъ истины и потому рѣшился не въ кабинетѣ своемъ судить о духѣ государства, а вмѣшаться въ общество; чтобъ получить обо всемъ вѣрное понятіе, онъ выбралъ себѣ въ проводники одного молодого и знатнаго повѣсу, съ которымъ могъ имѣть входъ во многіе дома. Человѣкъ, выбранный Зоромъ для его цѣли, есть уже знакомый намъ графъ Припрыжкинъ, который и посвящаетъ его въ тайны большого свѣта. Изъ этого мѣста мы можемъ съ вѣроятіемъ заключить, что самъ Крыловъ, такъ хорошо понимавшій, какую услугу Припрыжкины могутъ оказывать писателю, не гнушался знакомства съ подобными господами. Но, посѣщая свѣтъ, Крыловъ, подобно Карамзину, понималъ также, что писатель долженъ заглядывать въ об-

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 28.

щество, а жить въ кабинетѣ [1]). Нѣкоторое отчужденіе отъ людей считалъ онъ благотворнымъ въ каждомъ званіи. „Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ — писалъ онъ [2]) — грубость и странные по мнѣнію нѣкоторыхъ людей поступки мизантроповъ; я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Если бы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастье послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа... „Ничто, сказали бы они, не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣститъ государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ“.

Почти ту же тему развиваетъ Крыловъ въ другомъ мѣстѣ, разсматривая, кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи [3]). „Великая разность — говоритъ онъ — между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній часто не что иное, какъ хитрый обманщикъ... или человѣкъ, который, хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія... Истинно-честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе“. Потомъ сатирикъ переходитъ къ отдѣльнымъ состояніямъ и говоритъ, наприм., о судьѣ: „Въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ подробное ихъ разсмотрѣніе“; по мнѣнію философовъ, этого мало: „Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось“.

---

[1]) Слова Карамзина въ статьѣ: „Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ“. *Вѣстн. Европы*, 1802, ч. 4, № 14, стр. 120 — 128.

[2]) *П. Д.*, ч. I, 4.

[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 24.

Не смотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ *Почтѣ Духовъ*, изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики въ литературѣ часто говорится въ *Почтѣ Духовъ*; напр. въ одномъ мѣстѣ [1]) замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерею времени, а имѣть знакомство съ авторами — униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если *Почта Духовъ* и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на *Почту Духовъ*, вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ою, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два томика, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р. [2]). Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ, однакожъ, не имѣлъ серьёзныхъ непріятностей за *Почту Духовъ*, доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ *Зритель*, и подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что *Почта Духовъ* не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 г., она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ-называемое „Полное собраніе сочиненій Кры-

---

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

[2]) *Спб. Вѣдом.* 1789, окт. 2, № 79.

лова", изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся *Почта Духовъ*, даже не вся та часть ея, которая въ этомъ изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще незадолго до того вполнѣ безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ [1]). Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась, въ 40-хъ годахъ, наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея въ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной нравоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Еще недавно на нашей памяти совершилась въ этомъ отношеніи перемѣна. Въ *Почтѣ Духовъ* [2]) есть разсказъ о вступленіи на престолъ, въ какомъ-то восточномъ царствѣ, молодого государя, который, въ числѣ привѣтствующихъ его при этомъ случаѣ, допускаетъ къ себѣ также писателя и, выслушавъ его правдивую рѣчь, обращается къ прочимъ лицамъ съ словами: *Этотъ человѣкъ кажется мнѣ не такъ безуменъ и злобенъ, какъ вы мнѣ о немъ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, чтобъ никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія* [3]). Не переносятъ ли насъ эти слова лѣтъ за 12 назадъ, когда русская литература нашла могущественнаго двигателя въ самомъ Монархѣ, даровавшемъ ей впослѣдствіи первый законъ объ ограниченіи цензуры? Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 года, знаменательно подписанный въ день всенароднаго торжества въ память русскаго писателя, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашей литературы. Не свидѣтельствуетъ ли все ея прошлое, что она наиболѣе процвѣтала всякій разъ, когда слову предоставлялась законная доля свободы, и что если въ литературѣ случались прискорбныя уклоненія отъ здравыхъ началъ, то это бывало, по большей части, слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія долго подавленной мысли? Въ свѣтлый періодъ царствованія Екатерины II явились вдругъ даровитые писатели съ благородно-смѣлою рѣчью; проводя въ общество новыя либеральныя идеи, они содѣйствовали правительству

---

[1]) На обѣдѣ 2 февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: „Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству" (Плетневъ, „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова").

[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

въ его великодушныхъ стремленіяхъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Крыловъ. Подобное оживленіе литературы произошло по той же причинѣ, въ началѣ царствованія Александра I, и наконецъ, въ наше время коренныхъ преобразованій, когда русскій писатель получилъ нѣкоторое право голоса въ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, и тѣмъ пріобрѣлъ такое значеніе, какого онъ никогда еще не имѣлъ. Прилично вспомнить о томъ нынѣ, при праздновании памяти человѣка, который почти 80 лѣтъ тому назадъ оцѣнилъ призваніе русскаго писателя. — Помянемъ Крылова и желаніемъ, чтобы въ этомъ званіи, какъ и во всякомъ другомъ, по его идеѣ, каждый былъ достоинъ имени честнаго человѣка не только въ глазахъ общества, но и въ мнѣніи строгаго мыслителя. Такимъ истинно честнымъ человѣкомъ былъ самъ Крыловъ. — Воздадимъ же должную честь не одной славной старости его, когда онъ во всемъ блескѣ проявилъ свой талантъ подъ безопаснымъ покровомъ басни, — воздадимъ честь и его забытой юности, когда онъ смѣло вышелъ въ путь съ бичемъ сатиры въ рукахъ, еще не помышляя о томъ комарѣ, который хотѣлъ предостеречь *пастуха* отъ *змѣи*, но былъ раздавленъ его рукой, и тѣмъ навелъ баснописца на такое размышленіе:

Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
    Что съ комаромъ.

Примѣчаніе. Въ превосходной статьѣ покойнаго П. А. Плетнева, которою начинается изданіе 1847 года (стр. XXII), сказано: „Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ“. Сравненіе этого изданія съ полною *Почтою Духовъ* показываетъ, что изъ составляющихъ ее 48-ми писемъ въ собраніе сочиненій Крылова вошло только 18, т. е. не много болѣе одной трети, и именно одни тѣ письма, которыя означены именами *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*. Да и изъ писемъ Зора пропущено одно (12-е), — откуда заимствована мною притча о судѣ надъ живописцемъ и богачемъ. Выходитъ, что всѣ остяльныя письма, отмѣченныя въ *Почтѣ Духовъ* именами Дальновида, Свѣтовида, Астарота, Выспрепара, Эмпедокла, Бореида и самого Маликульмулька, по мнѣнію издателей 1847 г., писаны не Крыловымъ, а другими лицами. Преданіе считаетъ сотрудниками его въ этомъ журналѣ Рахманинова и Ник. Эмина [1]). Рахманинову принадлежала

---

[1]) Мнѣніе наше о возможности участія въ этомъ журналѣ Радищева см. выше, 243.

типографія, въ которой печаталась *Почта Духовъ,* что и означено, на оборотѣ заглавнаго листа ея, вензелемъ его имени И. Р., выставленнымъ, такъ же точно на журналѣ *Утренніе Часы.* Плетневъ говоритъ, что Крыловъ соединился съ Рахманиновымъ, „чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ", и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, называетъ ихъ „журналистами которые явились въ публику съ *Почтою Духовъ".* Болѣе онъ ничего не сообщаетъ объ участіи въ этомъ журналѣ Рахманинова, который, повидимому, одинъ занимался матеріальною частью изданія. Что касается до Н. Эмина, то Плетневъ вовсе не упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ *Почтѣ Духовъ,* и мысль о томъ есть, вѣроятно, лишь недоразумѣніе, возникшее изъ смѣшенія Н. Эмина съ отцомъ его, издававшимъ *Адскую Почту.* Далѣе біографъ Крылова, отзываясь съ величайшею похвалою о его сатирѣ, замѣчаетъ, что онъ „набросилъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора, Буристона* и *Вѣстодава,* которыя по словамъ того же критика, „составляютъ одну картину". Читая *Почту Духовъ,* нельзя не признать, что и всѣ ея письма *составляютъ одну картину,* въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣ же пріемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобъ такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами; но если и предположить это, то спрашивается: гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ? Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ *Почту Духовъ* за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включить всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи *Почты Духовъ,* Крыловъ называетъ себя *секретаремъ* ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ разными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извиняясь потомъ въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя „издателемъ сихъ листовъ", изданіе же ихъ называетъ „своимъ предпріятіемъ", и ссылается на свою „непривычность", или другими словами, неопытность. Въ такомъ же

точно смыслѣ написано общее „Вступленіе“ къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ *одномъ* секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ *Почты Духовъ*. Съ этимъ согласно и свидѣтельство Быстрова, который, со словъ Крылова, говоритъ, что Рахманиновъ, бывъ его товарищемъ по изданію *Почты Духовъ, давалъ* ему *матеріалы*. (*Сѣв. Пч.* 1845, № 203).

Тѣ письма *Почты Духовъ*, которыя перепечатаны въ „Полномъ собраніи соч. Крылова“, отмѣчены тамъ подъ-рядъ цифрами I, II, III и т. д., какъ будто бы между ними не было никакихъ пропусковъ. Не безполезно будетъ отмѣтить здѣсь, какое мѣсто они занимаютъ въ расположеніи первоначальнаго изданія крыловскаго сборника (римская цифра означаетъ порядокъ писемъ въ изданіи 1847 г., а арабская, заключенная въ скобкахъ, — порядокъ ихъ въ самомъ журналѣ); I (1), II (3), III (6), IV (9), V (11), VI (14), VII (16), VIII (17), IX (21), X (23), XI (26), XII (30), XIII (34), XIV (36), XV (39), XVI (42), XVII (44), XVIII (46). Остальныя 30 писемъ исключены изъ изданія 1847 г. [1]).

Жаль также, что языкъ Крылова въ прозаической части изданія 1847 г. значительно подновленъ, на что въ первый разъ было указано въ статьѣ моей: „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка“ (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867 г., апр., *см. II т. «Трудовъ»*). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что вообще изданіе это нисколько не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ; такъ напр., при басняхъ не только не показано постепенное умноженіе числа ихъ по изданіямъ, но не означено даже раздѣленіе ихъ на 9 книгъ по послѣднему, при жизни Крылова, въ 1843 г. напечатанному изданію ихъ. Очень желательно, чтобы лица, которыми надолго пріобрѣтено исключительное право изданія сочиненій нашего народнаго писателя, серьёзно взвѣсили важность своей отвѣтственности, въ этомъ случаѣ, передъ обществомъ.

Въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. VI, посвященномъ Крылову, помѣщены (стр. 345) матеріалы для біографіи Крылова, доставленные М. И. Семевскимъ. Имъ предпослано слѣдующее *Примѣчаніе* Я. К. Грота

„Когда настоящій томъ былъ уже почти весь отпечатанъ, г. Семевскій доставилъ мнѣ изъ своего собранія рукописей два помѣщаемыя здѣсь подлинныя дѣла о первоначальной службѣ Крылова въ Петербургѣ. Одно изъ нихъ относится къ опредѣленію его 1783 г. въ здѣшнюю казенную палату, а другое — къ

---

[1]) Болѣе полное указаніе по этому предмету см. выше, на стр. 248—250, въ *приложеніи* къ другой статьѣ моей.

увольненію его въ 1786 г. изъ этой палаты съ выдачею ему заслуженнаго по день отставки жалованья.

Первое дѣло носитъ въ подлинникѣ надпись: „Дѣло по челобитью бывшаго тверскаго городоваго магистрата во 2-мъ департаментѣ канцеляриста Ивана Крылова о опредѣленіи его къ дѣламъ въ сію палату". Ниже этого заглавія приписано:" По экспедиціи секретаря М. Солодовникова. По приказному столу".

Челобитная 1783 г. писана вся рукою Крылова и заключаетъ въ себѣ новыя данныя для его біографіи; мы узнаемъ изъ нея, что онъ первоначально поступилъ на службу въ колязинскій *земскій* судъ въ 1777 году, т. е. еще при жизни отца его, умершаго въ 1778 году. Это противорѣчитъ тому, что до сихъ поръ думали на основаніи изданныхъ біографій Крылова. По свѣдѣніямъ покойнаго П. А. Плетнева, онъ поступилъ на службу въ колязинскій *уѣздный* судъ въ слѣдующій годъ по кончинѣ отца, котораго онъ лишился, какъ полагаетъ біографъ, будучи 11-ти лѣтъ, слѣдов. въ 1779 году, если справедливо, что И. А. Крыловъ родился въ 1768. По свидѣтельству М. Е. Лобанова, онъ лишился отца на 13 году своей жизни, т. е. въ 1781, а на 14-мъ (въ томъ же 1781) поступилъ на службу въ колязинскій *уѣздный* судъ. Главнымъ источникомъ для этихъ двухъ біографовъ послужила исторія г-жи Карлгофъ [1]), писавшей по разсказу самого баснописца, она говоритъ положительно: „На тринадцатомъ году своей жизни Иванъ Андреевичъ лишился отца." Очевидно, что 1781-й годъ поставленъ Лобановымъ именно на основаніи этого извѣстія; Плетневъ же поправилъ показаніе г-жи Карлгофъ, можетъ быть, по своимъ личнымъ, но не совсѣмъ точнымъ воспоминаніямъ, заимствованнымъ также изъ собственныхъ разсказовъ Крылова.

Изъ печатаемой нами челобитной И. А. Крылова оказывается, какъ уже замѣчено, что онъ въ первый разъ опредѣлился на службу еще въ 1777. Относя его рожденіе къ 1768 году, находимъ, что онъ началъ служить уже 9-ти лѣтъ отъ роду. Въ этомъ, по тогдашнему обычаю, нѣтъ ничего невѣроятнаго; только почеркъ, какимъ писана челобитная въ 1783 году, довольно твердый и уже получившій тотъ характеръ, которымъ онъ и впослѣдствіи отличался, могъ бы заставить усомниться, точно ли Крылову было тогда не болѣе 15-и лѣтъ [2]); тѣмъ не менѣе однакожъ, соображая показаніе вдовы Крыловой, что старшему сыну ея по смерти отца былъ 10-й годъ, съ тѣмъ, что имя А. П. Крылова исчезаетъ изъ *мѣсяцослововъ* именно съ 1779 г., я прихожу къ убѣжденію, что онъ умеръ въ мартѣ 1778 г., Иванъ же Андреевичъ (вопреки замѣченному мною выше, см. стр. 238) родился дѣйствительно въ 1768.

Помѣщаемая ниже просьба подъ цифрою IV въ подлинникѣ писана также рукою Крылова." *Ред.*

---

[1]) См. *Звѣздочка* 1844 г. № 1 (ч. IX).

[2]) Снимокъ начала этой челобитной приложенъ въ своемъ мѣстѣ.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА [1]).

1869.

Книга г. Галахова кончается полнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ Крылова. Раздѣляя вообще взглядъ нашей критики на этого писателя, авторъ входитъ между прочимъ въ подробный разборъ тѣхъ басенъ, за смыслъ которыхъ уже не разъ упрекали Крылова, именно выставляющимъ вредныя стороны просвѣщенія, какъ-то: *Водолазы*, *Огородникъ и Философъ* и нѣк. др. Онъ справедливо приходитъ къ выводу, что мораль первой изъ этихъ басенъ оказывается не вполнѣ состоятельною. Крыловъ требуетъ въ ней, какъ выражается г. Галаховъ, „ученія по силамъ человѣку, умѣреннаго, серединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣности, и глубокимъ пучиннымъ знаніемъ, или всезнаніемъ, происходящимъ отъ дерзости ума и ведущимъ, по словамъ пустынника, къ гибели“. Г. Кеневичъ въ „пучинѣ“ знаній указываетъ на увлеченіе ложною идеей или на вольнодумство, какъ на ту крайность, которую разумѣлъ баснописецъ; но, замѣчаетъ г. Галаховъ, „исканіе глубочайшихъ истинъ вовсе не противно, а на оборотъ свойственно природѣ человѣка, и потому не можетъ быть отнесено къ ложнымъ идеямъ или ложнымъ увлеченіямъ“ (стр. 312). Притомъ современники Крылова (ставимъ это выраженіе вмѣсто словъ г. Галахова: „предки наши въ первую половину царствованія Александра I“ [2]) „не до такой степени погружались въ знанія, чтобы слѣдовало удерживать ихъ рвеніе; напротивъ было бы благоразумнѣе и патріотичнѣе возбуждать въ нихъ охоту къ умственнымъ трудамъ, которымъ очень немногіе посвящали свое время“ (тамъже). Съ этимъ нельзя не согласиться точно такъ же, какъ и съ тѣмъ. что говоритъ авторъ въ этомъ отношеніи о баснѣ „*Сочинитель и разбойникъ*“, которая, по мнѣнію его, мало примѣнима къ обществу, обез-

---

[1]) Изъ критической статьи о сочиненіи г. Галахова *Исторія русской словесности* т. II, *первая половина*. Статья эта напечатана въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за февраль 1869 года Заимствуя оттуда мѣсто, относящееся къ предмету настоящаго тома *Сборника*, позволяю себѣ надѣяться, что уважаемый авторъ разбираемой книги не посѣтуетъ на меня за нѣкоторое съ нимъ разногласіе въ частностяхъ, которое нисколько не мѣшаетъ мнѣ отдавать полную справедливость научному и литературному достоинству его обширнаго труда, какъ это и видно изъ цѣлаго разбора моего.—См. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов., т. VI, стр. 279.

[2]) Басня *Водолазы* написана въ 1813 г.; это уже не первая половина царствованія: да къ тому же положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ, не только при Крыловѣ, но и по смерти его.

печенному *цензурой* отъ гибельныхъ послѣдствій вольнодумства въ литературѣ. „Развивалась ли на виду у баснописца литература съ безнравственнымъ направленіемъ? гдѣ сочинители, отравлявшіе ядомъ своихъ твореній общество, или философы-наставники, заражавшіе ядовитымъ ученіемъ юношество?" (стр. 314). Но мы готовы поспорить съ авторомъ, когда онъ находитъ, что „Крыловъ обходилъ большинство явленій, наиболѣе тяжкихъ, будто ихъ вовсе не существовало" (стр. 315). Отъ этого упрека защищаютъ Крылова не только его басни, въ которыхъ онъ какъ моралистъ и философъ касался всего, что могъ затронуть по характеру времени, а какъ художникъ не обязанъ былъ касаться того, что не вызывало въ душѣ его искры творчества: — отъ приведеннаго упрека ограждаютъ его и прежнія сатирическія его сочиненія, въ которыхъ онъ высказалъ много смѣлаго и рѣзкаго. Намъ кажется, что г. Галаховъ, попавъ на справедливую точку зрѣнія въ отношеніи къ названнымъ баснямъ, самъ вдался въ нѣкоторое увлеченіе. Если и трудно вполнѣ отрицать мысль, что „Крыловъ былъ равнодушенъ къ знанію, какъ знанію, независимо отъ его практическихъ надобностей, которыя онъ цѣнилъ по преимуществу" (стр. 312), то нельзя однакожъ безусловно принять слѣдующаго за тѣмъ замѣчанія г. Галахова: „тяжелый на подъемъ, онъ и въ другихъ не одобрялъ качествъ, противоположныхъ своей собственной природѣ"...

Этому явно противорѣчитъ, напр., уваженіе, которое Крыловъ не разъ выражалъ къ трудолюбію и дѣятельности. Въ баснѣ *Прудъ и рѣка* онъ говоритъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Въ ограниченности образованія баснописца г. Галаховъ видитъ причину его недоброжелательнаго отношенія къ наукѣ (стр. 313 и 315); но не много выше (стр. 310) представлено нѣсколько извлеченій изъ басенъ, направленныхъ противъ невѣжества и показывающихъ сочувствіе къ наукѣ и къ ученымъ; можно бы привести еще нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ. Нравоученіе вытекающее изъ басни *Водолазы* во вредъ глубины знаній, очевидно, не было цѣлью автора и произошло отъ неудачнаго примѣненія образа пучины къ злоупотребленію наукой. Вѣроятно, Крыловъ разумѣлъ собственно не глубину, а гордость знанія, которая ведетъ къ безвѣрію и къ отрицанію всего, что налагаетъ на человѣка спасительныя узы: не даромъ онъ называетъ того, кто ищетъ морского дна на самой глубинѣ, безумцемъ и

дерзкимъ; замѣтимъ, что его водолазъ выбралъ мѣсто, гдѣ была *чернѣе глубина,* т. е. такую область, которая всего болѣе закрыта отъ знанія. Крыловъ былъ конечно не такъ простъ, чтобы думать, будто стремленіе къ глубокимъ знаніямъ есть дѣло *дерзкаго ума* и ведетъ къ погибели. Напротивъ, неутомимаго и ненасытнаго изслѣдователя истины онъ сравниваетъ съ тѣмъ водолазомъ, который „богатыхъ жемчуговъ" *нырялъ искать по дну,* „и жилъ, всечасно богатѣя"; но этотъ водолазъ выбралъ себѣ *глубину по силѣ* т. е., тѣ сферы мышленія, которыя доступны для человѣческаго разума, не превышаютъ его, словомъ, область вѣдѣнія, науки. Подъ бездонною же пучиной Крыловъ разумѣетъ область высшихъ, не умомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемыхъ законовъ. Скорѣе всего можно полагать, что къ водолазамъ послѣдняго рода онъ относилъ философовъ, отвергающихъ откровеніе и рѣшающихъ мышленіемъ самые трудные вопросы метафизики [1]. Басня *Водолазы* написана въ 1813 году. Въ это время вышелъ переводъ Эстетики Ансильйона, который надѣлалъ много шуму, вызвалъ строгую критику со стороны архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Филарета и былъ причиною невзгоды архіепископа Ѳеофилакта, подъ руководствомъ котораго былъ сдѣланъ переводъ [2]. Толки объ этомъ дѣлѣ, конечно, находили отголосокъ и въ домѣ Оленина, который, какъ извѣстно, былъ почитателемъ Филарета; тамъ же вѣроятно разсуждали иногда и о нѣмецкихъ философахъ, между которыми европейскою славой пользовался тогда Фихте. Подобныя разсужденія именно и могли подать Крылову поводъ сравнить слишкомъ отважныхъ мыслителей съ водолазомъ, ищущимъ жемчуга въ самой глубинѣ морской пучины. Спору нѣтъ, и такой взглядъ можно считать не безошибочнымъ; но между нимъ и неуваженіемъ къ глубинѣ знанія вообще, — большая разница. Требовать, чтобы писатель былъ совершенно внѣ вліянія среды, въ которую онъ поставленъ обстоятельствами времени и мѣста, едва-ли справедливо. Затѣмъ, въ своей силѣ остается все-таки замѣчаніе г. Галахова о малой примѣнимости подобнаго нравоученія къ русскому обществу; развѣ Крыловъ хотѣлъ предостеречь тѣхъ, которые слишкомъ увлекались системами нѣкоторыхъ западныхъ мыслителей.

---

[1]) Тутъ припоминаются слова Ж. Ж. Руссо: Voulons-nous pénétrer dans ces abîmes de métaphysique qui n'ont ni fond, ni rive, et perdre à disputer sur l'essense divine ce temps si court qui nous est donné pour l'honorer?" (*Nouv. Hél.*, VI, 8). Т. е. „Какъ намъ проникнуть въ ту пучину метафизики, у которой нѣтъ ни дна, ни береговъ, и не потеряемъ ли мы на споры о верховномъ Существѣ время, дарованное намъ для Его почитанія?"

[2]) См. *Сборникъ Отдѣленія р. яз. и сл.* т. V, вып. 1, „Переписка митроп. Евгенія" *и пр.* стр. 154—158.

Не можемъ также присоединиться къ слѣдующему мнѣнію почтеннаго автора *Исторіи русской словесности* о Крыловѣ: „Разсматривая его басни, легко узнать, чего онъ не хотѣлъ; трудно опредѣлить, чего именно хотѣлъ онъ“. Безъ сомнѣнія, Крыловъ хотѣлъ всего противоположнаго тому, что онъ порицалъ или осмѣивалъ. „Конечно“, продолжаетъ г. Галаховъ, „такое направленіе частію условливалось сущностью басни какъ сатиры, но большею частью (такъ мнѣ кажется) оно зависѣло отъ недостатка положительнаго сочувствія къ чему бы то ни было. Переходъ отъ многихъ отрицаній, выражаемыхъ Крыловымъ, къ общему утвержденію теменъ и затруднителенъ“ (стр. 330). Затѣмъ критикъ задаетъ себѣ вопросъ, въ чемъ именно могъ состоять положительный, господствующій идеалъ Крылова, и находитъ, что такого идеала нѣтъ въ его басняхъ. Мы съ своей стороны позволимъ себѣ замѣтить, что въ сатирѣ, такъ же, какъ и въ комедіи, по самому существу этихъ родовъ, вообще не является положительныхъ идеаловъ; такъ и у Гоголя въ *Ревизорѣ* не отыскалось ни одного честнаго лица; когда же его въ томъ упрекнули, то онъ отвѣчалъ, что это честное лицо есть, но его проглядѣли: это — смѣхъ зрителей. Идеалъ поэта-сатирика скрывается за тѣмъ негодованіемъ или тою насмѣшкой, которыя пробуждаются его образами. Неужли въ самомъ дѣлѣ всякому необходимо имѣть какой-нибудь односторонній и узкій идеалъ? Развѣ не можетъ быть идеаломъ все достойное сочувствія и уваженія человѣческаго? И развѣ даже у поэтовъ положительнаго направленія, напр., у Шекспира или Пушкина, долженъ быть непремѣнно какой-нибудь явственно обозначенный, ограниченный идеалъ? По мнѣнію г. Галахова, идеалъ Крылова заключается въ покоѣ безстрастія. И въ подкрѣпленіе этой мысли онъ приводитъ слова Вигеля: „Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня... Вездѣ умъ, нигдѣ не проникаетъ чувство“ (тамъ же). Если такъ, то откуда же взялся у Крылова тотъ священный огонь искусства, которымъ проникнуты всѣ его созданія? Если онъ обладалъ однимъ умомъ, не долженъ ли онъ былъ оставаться сухимъ моралистомъ, и какъ же онъ могъ сдѣлаться поэтомъ-художникомъ? Неужели правда, что нигдѣ у Крылова не проглядываетъ чувство? — а какъ же назвать то, чѣмъ согрѣты нѣкоторыя его басни, въ особенности *Два голубя*, или его письма къ Олениной? Подъ чувство такъ поддѣлаться нельзя. Жаль, что г. Галаховъ, въ подкрѣпленіе такого безотраднаго взгляда на Крылова, ссылается на свидѣтельство двухъ нерасположенныхъ къ нему современниковъ, — Вигеля и Сперанскаго, которые оба имѣли причины неблаговолить къ нему. Правда, и покойный П. А. Плетневъ говоритъ, что „Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный“, но это свидѣтельство ослабляется отзывомъ того же критика о глубинѣ и разнообразіи содержанія многихъ басенъ Крылова.

Изъ частныхъ замѣчаній г. Галахова о нѣкоторыхъ басняхъ остановимся на томъ, что онъ говоритъ о двухъ изъ нихъ, по поводу предположеній г. Кеневича. Онъ отрицаетъ (стр. 322), чтобы басня *Орелъ и паукъ* могла имѣть, какъ увѣрялъ Гречъ, какое-нибудь отношеніе къ Сперанскому. Дѣйствительно, преданіе, сообщенное Гречемъ, оказывается и по замѣчанію г. Кеневича несправедливымъ уже по тому, что басня эта написана въ 1811 году, т. е. прежде паденія Сперанскаго. Происхожденіе этого преданія можно, кажется, объяснить тѣмъ, что Сперанскаго въ образѣ паука представлялъ тогда другой писатель, также сочинявшій въ ту эпоху басни, которыя по всей вѣроятности были извѣстны многимъ современникамъ. Это былъ Державинъ; у него паукъ является съ этимъ значеніемъ въ двухъ басняхъ: *Выборъ министра* и *Цвѣты и паукъ* [1]). Г. Галаховъ отвергаетъ также мысль г. Кеневича, чтобы басня *Парнассъ* могла относиться къ любимцамъ императора Александра I въ началѣ его царствованія, но ничего не предлагаетъ на мѣсто этого объясненія. По нашему мнѣнію, баснописецъ подъ Парнассомъ могъ разумѣть не что иное, какъ Россійскую Академію. Вспомнимъ, во-первыхъ, что Крыловъ уже и въ сатирическихъ журналахъ своихъ часто подшучивалъ надъ академіями и академиками; такъ, напр., онъ говорилъ, что Каибъ [2]) многихъ попугаевъ сдѣлалъ членами своей академіи только за то, что они умѣли чистенько выговаривать то, что выдумалъ другой. Въ сказкѣ *Ночи* есть также выходка противъ академій; а вслѣдъ затѣмъ Момусъ, потрунивъ надъ Мельпоменой и Таліей, обращается къ Фебу съ такою насмѣшкой: „Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнассъ въ богадѣльню". Послѣдняя мысль уже довольно близка къ содержанію разсматриваемой басни. Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на отношенія, въ какихъ Крыловъ, при сочиненіи этой басни, могъ находиться къ Россійской Академіи. Басня написана въ 1808 году. Она въ хронологическомъ спискѣ сочиненій Крылова въ этомъ родѣ значится 10-ю. Немногія басни, написанныя имъ до нея, были помѣщены въ журналахъ *Моск. Зритель* и *Драматич. Вѣстникъ;* извѣстно, что Крыловъ уже при первомъ появленіи своемъ въ качествѣ баснописца возбудилъ вниманіе, которое конечно выражалось разными о немъ толками. Разумѣется, о его басняхъ судили и академики — можетъ быть, даже въ стѣнахъ академіи. Кто же были тогда члены Россійской Академіи? Не будемъ исчислять всѣхъ, но назовемъ между прочими Захарова (Ив. Сем.), графа Хвостова, Мальгина, Соколова (Петра Ив.), Шишкова, Нартова, Кутузова (Павла Ив.), Львова (Павла Юрьев.) и, пожалуй, Ив. Ив.

[1]) *Соч. Держ.*, изд. Ак. Н., т. III, стр. 561 и 563.
[2]) *Зритель* 1792 г. ч. III, стр. 94 — 95.

Мартынова, избраннаго въ академики незадолго передъ тѣмъ, именно въ 1807 году. Изъ нихъ нѣкоторые писывали и басни; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ особенно гр. Хвостовъ, который не далѣе какъ въ 1807 г. издалъ свои *Притчи* и конечно встрѣтилъ враждебно опаснаго себѣ соперника на этомъ поприщѣ. Отношенія между нимъ и Крыловымъ навсегда остались таковы [1]). Зная духъ и дѣятельность остальныхъ изъ исчисленныхъ нами академиковъ, можно навѣрное сказать, что большинство ихъ также неблагосклонно смотрѣло на новыя басни, въ которыхъ отражался оригинальный и свѣжій талантъ. Отзывы одного или нѣсколькихъ изъ этихъ лицъ могли дойти до Крылова, и въ отплату имъ онъ естественно могъ написать басню о *Парнассѣ*, на которомъ живутъ ослы и принимаютъ такое рѣшеніе:

А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнассъ.

Нашему предположенію не противорѣчитъ, кажется, и заключеніе басни:

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

ДВА СЛОВА О ПРИПИСАННОЙ КРЫЛОВУ БАСНѢ „ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ“ [2]).

1870.

Въ іюльской книжкѣ Русской Старины напечатана найденная въ одномъ рукописномъ сборникѣ съ подписью имени Крылова басня „Обѣдъ у Медвѣдя“. Г. Кеневичъ не счелъ возможнымъ признать ее за сочиненіе знаменитаго баснописца и представилъ въ этомъ смыслѣ цѣлый рядъ доводовъ. Не принимая на себя рѣшенія спорнаго вопроса, я желаю только сообщить впечатлѣніе, произведенное на меня

[1]) См. выше стр. 234.
[2]) Русск. Старина, 1870, т. II, стр. 414.

доводами почтеннаго библіографа, и для того повторяю ихъ сокращенно, присоединяя къ каждому изъ нихъ мои замѣчанія.

1. *Басня должна быть выписана изъ печатной книги.* Если такъ (хотя впрочемъ и это не вполнѣ доказано), то нѣтъ причины полагать, чтобы переписчикъ не заимствовалъ оттуда и подпись подъ баснею: подъ всѣми другими стихотвореніями того же сборника выставлены настоящія имена; почему же думать, что подъ однимъ этимъ имя автора означено не вѣрно? Сборникъ, по словамъ г. Кеневича, состоитъ изъ стихотвореній не только напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но и „обращавшихъ на себя вниманіе публики и составителей христоматій". Слѣдовательно, басня „Обѣдъ у Медвѣдя" также заслужила въ свое время такое вниманіе или „своими внѣшними достоинствами", которыхъ не отвергаетъ и г. Кеневичъ, или именемъ своего автора, или наконецъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

2. *Басня сравнительно слаба и по содержанію, и по языку.* Положимъ; но эта-то слабость и можетъ служить объясненіемъ, почему Крыловъ, если онъ написалъ эту басню, не принялъ ея съ собраніе своихъ сочиненій этого рода. Не такъ ли онъ поступилъ и съ баснею „Левъ и Человѣкъ", напечатанною только въ первомъ изданіи его басенъ (1809) и исключенною имъ изъ всѣхъ послѣдующихъ? Нѣкоторые изъ приведенныхъ г. Кеневичемъ стиховъ въ самомъ дѣлѣ не особенно удачны; но подобные стихи легко отыскать и въ другихъ басняхъ Крылова; вообще же говоря, басня „Обѣдъ у Медвѣдя" по своей формѣ, особливо ближе къ концу, можетъ быть названа безукоризненною. Трудно указать кого-нибудь, кто бы въ первые годы настоящаго столѣтія былъ въ состояніи писать басни такимъ языкомъ.

3. *Басни этой нѣтъ въ оставшихся послѣ Крылова рукописяхъ.* Но изъ „Примѣчаній" г. Кеневича видно, что и нѣкоторыхъ другихъ басенъ Крылова недостаетъ между его автографами (см. тамъ напр. примѣчаніе о баснѣ „Гуси", стр. 75). Если басня „Обѣдъ у Медвѣдя" не удовлетворяла самого автора, то не удивительно, что онъ не сохранилъ ея въ своимъ рукописяхъ.

4. *Басня эта заключаетъ въ себѣ только легкую насмѣшку надъ отдѣльною личностью, и въ Медвѣдѣ всякій немедленно узнаетъ графа Хвостова, который дѣйствительно кормилъ, поилъ, даже платилъ, чтобы слушали его стихи.* Такое значеніе басни всего болѣе говоритъ за ея принадлежность Крылову. Литературная непріязнь между нимъ и Хвостовымъ извѣстна (см. выше, стр. 234 и 278). Хвостовъ всѣми силами старался доказать, что онъ по таланту нисколько не ниже Крылова, и не признавалъ его первенства между русскими баснописцами. Крыловъ, съ своей стороны, отплачивалъ ему злыми насмѣшками, о которыхъ разсказываетъ и г. Кеневичъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ" (стр. 19, 78 и 278). Есть

между прочимъ преданіе и о томъ, что Крыловъ, уподобляясь извѣстной лисицѣ, „долго и терпѣливо выслушивалъ стихи Хвостова и похваливалъ ихъ“ (тамъ же, стр. 19). Басня „Обѣдъ у Медвѣдя“ могла у него вылиться какъ собственное признаніе въ этомъ грѣхѣ, и мудрено ли, что такого признанія онъ не захотѣлъ передать потомству?

Сообразивъ все сказанное, я прихожу къ заключенію, что хотя подписанное подъ новою баснею имя Крылова и не составляетъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства о ея происхожденіи, однакожъ нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, чтобы отвергнуть это показаніе современника.

Любопытно, что обѣ недавно появившіяся съ именемъ Крылова басни: „Пиръ“ и „Обѣдъ у Медвѣдя“ представляютъ между собою сходство въ основѣ разсказа: обѣ описываютъ обѣдъ — одна у Льва, другая у Медвѣдя. Г. Кеневичъ сомнѣвается, чтобы и первая была написана Крыловымъ, но тутъ уже нѣтъ мѣста сомнѣнію: она сохранилась въ автографѣ, который былъ переданъ самимъ баснописцемъ В. А. Олениной съ поясненіемъ, что эта басня была остановлена цензурой; притомъ въ автографѣ заключительный стихъ поправленъ его же рукой. Что басня „Пиръ“ могла быть не допущена къ напечатанію, очень понятно при тогдашнихъ цензурныхъ соображеніяхъ, особливо, если предположить, что поводомъ къ апологу послужилъ дѣйствительный случай, происшедшій въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества, а можетъ быть, и въ царскихъ чертогахъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I [1]).

1869.

Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ настоящаго Сборника [1]) мы получили изъ Лондона книжку: „Krilof and his fables by W. R. S. Ralston“. Это переводъ въ прозѣ большей части оригинальныхъ басенъ Крылова, числомъ около ста. Почти къ каждой присоединены объясненія, заимствованныя изъ *Библіографическихъ и историческихъ примѣчаній* г. Кеневича. Передъ баснями помѣщенъ, подъ заглавіемъ „Memoir“, очеркъ біографіи баснописца (стр. XVII — XLII), составленный на основаніи статей Плетнева, Лобанова и напечатанныхъ нами по поводу юбилея Крылова. Кромѣ того, г. Рольстонъ изложилъ въ предисловіи свой взглядъ на предпринятый имъ трудъ. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ о значеніи басенъ Крылова въ переводѣ: „Картины русскаго быта, представляемыя словами этихъ разсказовъ, совершенно понятны

[1]) Сборникъ Отд. р. яз. и сл., т. VI, стр. 286.

всякому, кто приметъ на себя трудъ изучать ихъ; онѣ могутъ дать иностранцу болѣе вѣрное понятіе о русскихъ нравахъ и обычаяхъ, чѣмъ самыя яркія изображенія живописца, не такъ основательно знакомаго съ предметомъ. Изъ разсказовъ *Два мужика, Крестьянинъ въ бѣдѣ, Три мужика, Крестьянинъ и работникъ* можно почерпнуть множество свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ простонародья въ Россіи, этихъ милліоновъ единородныхъ намъ европейцевъ, о которыхъ мы однакожъ знаемъ менѣе, чѣмъ о китайцахъ и американскихъ индѣйцахъ. Еще интереснѣе заключающіеся во многихъ басняхъ Крылова протесты противъ угнетенія и лихоимства, такъ долго господствовавшихъ въ Россіи, противъ того, какъ сильный попиралъ ногами слабаго, и богатый высасывалъ соки изъ бѣднаго. Отрадно видѣть то великодушное сочувствіе къ обиженной слабости, то смѣлое негодованіе противъ преступнаго насилія, которыя побуждали Крылова къ сочиненію такихъ апологовъ, какъ: *Крестьяне и рѣка, Медвѣдь у пчелъ* и *Рыбьи пляски.* Такіе разсказы никогда не теряютъ вполнѣ своей заманчивости, даже тогда, когда у нихъ отнята изящная форма и они являются въ чуждой имъ прозаической одеждѣ“. Англійскій текстъ басенъ просмотрѣнъ живущимъ въ Лондонѣ г. Онѣгинымъ. Это уже не первый опытъ г. Рольстона въ переводахъ съ русскаго: сколько намъ извѣстно, онъ издалъ по-англійски кое-что изъ Кольцова и писалъ о русской литературѣ въ англійскихъ „обозрѣніяхъ“. Мы должны быть признательны г. Рольстону за любовь, съ какою онъ изучаетъ Россію, и за его стараніе знакомить съ нею своихъ соотечественниковъ. Въ книжкѣ его помѣщены, передъ нѣкоторыми баснями, иллюстраціи; но къ сожалѣнію, въ нихъ русскій типъ до того изуродованъ, что издатель счелъ себя въ обязанности напечатать послѣ заглавнаго листа слѣдующее заявленіе на русскомъ языкѣ: „Тѣхъ русскихъ, которымъ попадется этотъ переводъ уважаемаго баснописца, переводчикъ покорнѣйше проситъ принять въ соображеніе, что иллюстрированіе книги нисколько отъ него не зависѣло“.

II.

Krylof's sämmtliche Fabeln. Aus dem russischen übersetzt und mit einer Einleitung begleitet von Ferdinand Löwe. Leipzig, 1874. [1])

1874.

Иностранцы не перестаютъ изучать нашего Крылова и стремиться къ возможно-вѣрной передачѣ его. При праздновании юбилея знаме-

---

[1]) С.-Петербургск. Вѣдом. 1874, № 61.

нитаго баснописца въ 1868 году, А. Ѳ. Бычковъ въ одной изъ академическихъ рѣчей подробно разсмотрѣлъ всѣ попытки въ этомъ родѣ. Съ тѣхъ поръ европейская литература обогатилась еще двумя замѣчательными переводами басенъ Крылова. О трудѣ англичанина г. Рольстона въ прозѣ, дожившемъ уже до второго и чуть не до третьяго изданія, мы не разъ говорили въ свое время. Теперь появляется полный стихотворный переводъ всѣхъ басенъ Крылова на нѣмецкомъ языкѣ, съ подробнымъ и весьма дѣльнымъ вступленіемъ о баснѣ вообще, о жизни и произведеніяхъ Крылова. Переводъ посвященъ двумъ писателямъ: нѣмецкому поэту Мёрике, подавшему первую мысль предпринять этотъ трудъ, и И. С. Тургеневу, поддержавшему его своимъ одобреніемъ. Переводчикъ, г. Леве, находившійся долго въ Россіи и служившій одно время при библіотекѣ Академіи Наукъ, живетъ теперь въ Дармштадтѣ. Вступительная статья его показываетъ весьма серьёзную подготовку къ труду и безпристрастное отношеніе къ предмету. Все, что по-русски написано о Крыловѣ, хорошо извѣстно г. Леве и принято имъ въ соображеніе; гдѣ казались нужными поясненія при басняхъ, тамъ сдѣланы выписки изъ извѣстной, изданной 2-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ, книги г. Кеневича.

Переводчикъ такъ высоко цѣнитъ общественное значеніе басенъ Крылова, что, по его убѣжденію, онѣ „способствовали къ подготовленію почвы, на которой сдѣлались возможными коренныя реформы послѣднихъ десятилѣтій.“ „Не надо терять изъ виду“, продолжаетъ онъ „что та Россія, которая отражается въ этихъ басняхъ, — не нынѣшняя Россія, гдѣ крестьянинъ свободенъ, воинская повинность распространена на всѣ сословія, судопроизводство скоро, дешево и независимо, и гдѣ общественное мнѣніе можетъ заявлять себя прямо, а не однѣми баснями. Но если поэтому тѣни, набрасываемыя нашею книгой на Россію, значительно рѣдѣютъ вслѣдствіе совершеннаго измѣненія гражданскихъ порядковъ, то все-же тѣ привлекательныя черты, въ которыхъ эти басни представляютъ намъ образъ русскаго народа, сохраняютъ всю свою силу и значеніе. Настоящій русскій человѣкъ, сынъ народа въ лучшемъ смыслѣ этого слова, отличается даровитостью и любезнымъ нравомъ; это такое племя, которому нужно только коренное, заботливое воспитаніе, чтобъ состязаться въ просвѣщеніи съ другими, опередившими его народами“.

Что касается перевода, то г. Леве, какъ самъ онъ говоритъ, старался воспроизвести подлинникъ во всѣхъ отдѣльныхъ чертахъ его, но такъ, чтобъ языкъ нигдѣ непріятнымъ образомъ не напоминалъ чужеземной рѣчи, и потому, замѣчаетъ переводчикъ, „я рѣшительно отказывался отъ дословной вѣрности всякій разъ, когда она угрожала обратиться въ невѣрность духу подлинника“. Благодаря этому разумному правилу, г. Леве сообщилъ своимъ переводамъ вполнѣ свободную

форму, а совершенное пониманіе подлинника дало ему возможность въ замѣчательной степени сохранить духъ и тонъ разсказа. Конечно, неизбѣжно было замѣнять иногда фразу, особливо фразу, обратившуюся въ поговорку, равносильнымъ только по смыслу выраженіемъ; напримѣръ, вмѣсто: „А ларчикъ просто открывался", сказать: „А ларчикъ совсѣмъ не могъ замыкаться" (Die Truh'war gar nicht zum Verschliessen); по тѣмъ не менѣе каждая отдѣльная мысль передана по возможности точно и полно, и впечатлѣніе цѣлаго очень близко подходитъ къ тому, какое производитъ подлинникъ. Даже мѣста, отличающіяся у Крылова поэтическими красотами, по большей части переведены весьма удачно; для примѣра можно назвать басни: *Два голубя, Конь и всадникъ, Цвѣты, Оселъ и Соловей.*

Въ трудѣ г. Леве нѣмецкая литература пріобрѣла, безъ всякаго сомнѣнія, лучшій стихотворный переводъ Крылова, какой до сихъ поръ существуетъ на иностранныхъ языкахъ, и мы, русскіе, должны быть ему благодарны за такую добросовѣстную и счастливую передачу одного изъ самыхъ оригинальныхъ и любимыхъ нашихъ писателей.

К. И. АРСЕНЬЕВЪ [1]).

1866.

Въ концѣ минувшаго года Отдѣленіе русскаго языка и словесности лишилось двухъ изъ старѣйшихъ членовъ своихъ: Арсеньева и Плетнева.

Въ обстоятельствахъ жизни обоихъ было много сходнаго. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, воспитывались въ главномъ педагогическомъ институтѣ, занимали каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, участвовали въ воспитаніи нынѣ царствующаго Государя Императора и, наконецъ, сдѣлались въ одно время членами Академіи Наукъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ былъ тремя годами старше Плетнева: онъ родился 12-го октября 1789 года, въ Костромской губерніи; отецъ его былъ сельскимъ священникомъ и послалъ сына учиться въ Костромскую семинарію, откуда даровитый молодой человѣкъ поступилъ въ Педагогическій институтъ. Любопытно, какъ онъ впослѣдствіи самъ отзывался о полученномъ имъ первоначальномъ воспитаніи: „Постоянство въ занятіяхъ, трудолюбіе, основательность въ изученіи, терпѣливость въ трудахъ суть отличительныя качества воспитанниковъ духовныхъ училищъ... Какое благодѣтельное вліяніе (говоритъ онъ далѣе) можетъ имѣть просвѣщенный и благонамѣренный священникъ на умы простолюдства! Итакъ совершенство духовныхъ училищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ попеченія правительства. Многіе знаменитые политики справедливо утверждаютъ, что опредѣлять священниковъ безъ познаній совершенно противно благосостоянію государства“. Строки эти взяты изъ его „Начертанія статистики россійскаго государства“, напечатаннаго въ 1818 году. Это было первое сочиненіе, которое онъ издалъ по окончаніи, въ 1811 году, курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ и по опредѣленіи въ 1817 г. адъюнктъ-профессоромъ при здѣшнемъ университетѣ. Въ этой замѣчательной книгѣ виденъ уже человѣкъ, стоящій на высотѣ передовыхъ дѣятелей науки и смѣло высказывающій новыя для современнаго общества истины. На долю Арсеньева выпала честь сдѣлаться предметомъ гоненій со стороны извѣстныхъ обскурантовъ: Магницкаго и Рунича. Первый подалъ доносъ на его книгу, стараясь представить ее опасною для спокойствія государства, а второй, по должности попечителя петербургскаго округа, подвергъ Арсеньева, вмѣстѣ съ нѣко-

---

[1]) Изъ Отчета Имп. Академіи наукъ по отдѣл. русск. яз. и словесности за 1865 г.—Сборникъ стат., читан. въ отд. р. яз. и сл., т. I, Спб. 1867.

торыми другими профессорами, отвѣтственности за его лекціи и записки. Вслѣдствіе произведеннаго надъ нимъ суда, Арсеньевъ въ 1824 г. долженъ былъ оставить университетъ; но, къ счастью, онъ имѣлъ уже сильныхъ покровителей. Будучи также преподавателемъ въ Артиллерійскомъ училищѣ и въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ былъ лично извѣстенъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по представленіямъ которыхъ и удостоился уже въ 1825 и 1826 г. получить Высочайшее благоволеніе и два подарка; послѣдній изъ нихъ былъ наградою за новое его сочиненіе: „Исторія народовъ и республикъ древней Греціи".

По воцареніи Императора Николая, Арсеньевъ былъ приглашенъ въ число наставниковъ Наслѣдника престола для преподаванія Его Высочеству русской исторіи и статистики, и какъ пособіе при этихъ занятіяхъ онъ издалъ „Статистику Россійской Имперіи". Съ 1835 года ему, по Высочайшему повелѣнію, открытъ былъ доступъ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ для извлеченія матеріаловъ по русской исторіи XVIII столѣтія, которую онъ въ то время преподавалъ нынѣ царствующему Государю Императору. Арсеньевъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Наслѣдника Цесаревича, въ 1837 г., въ путешествіи по Россіи, и заблаговременно приготовилъ, по возложенному на него порученію, рядъ историческихъ и статистическихъ замѣчаній о мѣстахъ, лежавшихъ на пути Его Императорскаго Высочества. Послѣднимъ трудомъ его по части статистики были изданные имъ въ 1848 году и посвященные Августѣйшему ученику его „Статистическіе очерки Россіи". Они представляютъ отчасти дальнѣйшее развитіе мыслей и свѣдѣній, изложенныхъ имъ въ первомъ сочиненіи его, появившемся 30-ю годами ранѣе. Изъ предисловія къ „Статистическимъ очеркамъ" видно, что онъ считалъ эту книгу только началомъ разнообразныхъ работъ по тому же предмету, которыя однакожъ, къ сожалѣнію, не явились въ печати.

Арсеньевъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1826 году онъ былъ избранъ корреспондентомъ Академіи Наукъ; въ 1836 г. (14-го марта) сдѣлался членомъ Россійской Академіи, а съ 1841 года принадлежалъ къ составу Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Главная дѣятельность его, какъ академика, заключалась въ изслѣдованіяхъ, относившихся къ русской исторіи. Они указаны, какъ и другіе многочисленные труды его по географіи и статистикѣ, въ статьѣ нашего сочлена П. П. Пекарскаго [1]), пользовавшагося при составленіи ея всѣми имѣющимися покуда въ виду источниками для біографіи покойнаго, почему тѣ обстоятельства, которыя у него развиты довольно подробно, здѣсь только обозначены мною.

---

[1]) „Энциклоп. Словарь", т. V, Спб. 1862.

Нужнымъ считаю, однакожъ, указать еще на одну услугу, оказанную Арсеньевымъ новѣйшей русской исторіи. Онъ первый отыскалъ и спасъ отъ забвенія записку Карамзина *„О древней и новой Россіи“*, которая считалась потерянною [1]). Въ началѣ 1824 года, незадолго до выхода изъ университета, Арсеньевъ вступилъ на поприще гражданской службы: онъ былъ опредѣленъ редакторомъ въ Комиссію составленія законовъ, а по преобразованіи ея черезъ два года во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, оставленъ былъ здѣсь въ званіи старшаго чиновника. Награды, которыя онъ получалъ въ послѣдующіе годы одну за другою, показываютъ, какъ цѣнились его труды и въ этомъ кругѣ дѣйствія. Въ 1835 году учреждено было по его мысли, при совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Статистическое Отдѣленіе, имѣвшее цѣлью упрочить въ Россіи успѣхи статистики и распространить изученіе отечества въ этомъ отношеніи [2]). Арсеньеву, назначенному членомъ этого отдѣленія (впослѣдствіи Статистическаго Комитета), вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было управлять его дѣлами. Къ занятіямъ нашего ученаго по этой должности относятся и частыя командировки его въ разныя губерніи; одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1852 году, онъ совершилъ, какъ членъ особой комиссіи, съ историческою цѣлью — для точнѣйшаго опредѣленія мѣста погребенія князя Пожарскаго. Съ 1856 года Арсеньевъ принадлежалъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ только въ званіи члена его совѣта.

Въ 1861 году тяжкая болѣзнь нанесла тѣлеснымъ и умственнымъ силамъ его ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Разбитый параличемъ, онъ провелъ послѣднее время жизни въ Петрозаводскѣ, городѣ, знакомомъ ему по воспоминаніямъ молодости: оставшись, по окончаніи курса наукъ, при Педагогическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя, онъ, во время нашествія Наполеона, отправленъ былъ туда съ студентами этого заведенія и прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 годовъ. Въ Петрозаводскѣ же онъ и умеръ, 29-го ноября 1865 года, въ домѣ сына своего, Юлія Константиновича,

---

[1]) Слышано отъ графа Д. Н. Блудова, который разсказывалъ: „По кончинѣ императора Александра, я не нашелъ въ бумагахъ его этой записки, но она отыскана вскорѣ послѣ смерти Аракчеева: Однажды приходитъ ко мнѣ К. И. Арсеньевъ и спрашиваетъ, знаю ли я записку Карамзина о древней и новой Россіи. — Знаю про нее, но не читалъ. — „Могу вамъ ее доставить, но не требуйте, чтобъ я вамъ сказалъ, откуда я ее имѣю“. Вѣроятно, — прибавилъ графъ Блудовъ, — она нашлась въ бумагахъ Аракчеева: Государь, получивъ ее въ Твери отъ Екатерины Павловны, отправился оттуда прямо въ Грузино, и тамъ могъ оставить ее своему любимцу.

[2]) Изъ его же „Начертанія статистики“ (стр. XIV) видно, что первоначально подобное статистическое отдѣленіе основано было министромъ полиціи А. Д. Балашевымъ, при подвѣдомственномъ ему министерствѣ.

начальника Олонецкой губерніи, и похороненъ въ одной изъ городскихъ церквей [1]).

Арсеньевъ былъ, какъ на ученомъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, однимъ изъ самыхъ честныхъ, добросовѣстныхъ и неутомимыхъ русскихъ дѣятелей; онъ передалъ своему потомству чистое, безукоризненное имя, которымъ русская наука можетъ, по справедливости, гордиться.

---

[1]) Отдѣленіе, желая пополнить свои матеріалы для біографіи уважаемаго сочлена, обращалось къ Юлію Константиновичу съ просьбой о сообщеніи оставшихся послѣ отца его, какъ слышно было, записокъ; но изъ отвѣта его съ сожалѣніемъ узнало, что въ бумагахъ Константина Ивановича остались „только бѣглыя замѣтки о его частной, такъ-сказать, семейной жизни, и то доведенныя только до 1825 года, которыя не могутъ войти въ его біографію, ибо чужды ученой и административной дѣятельности умершаго“.

О ПЛЕТНЕВѢ.

I.

1866 [1]).

Кончина П. А. Плетнева послѣдовала въ самый день, къ которому приготовленъ былъ настоящій отчетъ, и потому здѣсь можетъ быть представлена только краткая біографическая о немъ замѣтка. Онъ родился 10-го августа 1792 года, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, и получилъ первое образованіе въ тверской семинаріи. Въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ окончилъ онъ курсъ въ 1814 году и поступилъ учителемъ словесности сперва въ Екатерининскій институтъ, находившійся подъ управленіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, а потомъ въ институтъ Патріотическій, бывшій подъ вѣдѣніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 1816 г. началась служба его при военно-учебныхъ заведеніяхъ, именно при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ; впослѣдствіи онъ преподавалъ также въ Пажескомъ корпусѣ и въ Юнкерской школѣ. Въ 1828 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ; въ 1830 г. оставилъ службу при Екатерининскомъ. Занятія его съ Наслѣдникомъ престола начались уже въ январѣ 1828 г., когда Его Высочеству не совершилось еще и 10-ти лѣтъ отъ роду. Вскорѣ затѣмъ ему поручены были уроки Великимъ Княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ, а позднѣе — Маріи и Елизаветѣ Михайловнамъ. Почетная извѣстность, пріобрѣтенная Плетневымъ на поприщѣ преподаванія и литературы, была поводомъ къ тому, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1832 году вызвало его на каѳедру русской словесности въ петербургскомъ университетѣ и Главномъ Педагогическомъ институтѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего и оставлена имъ служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1837 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники за службу при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, а въ февралѣ 1840 г. избранъ университетскимъ совѣтомъ въ должность ректора на четыре года. Вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ, финляндскій университетъ праздновалъ 200-лѣтній юбилей своего существованія, и Плетневъ, отправленный въ Гельсингфорсъ депутатомъ отъ петербургскаго университета, былъ возведенъ тамъ въ званіе почетнаго доктора философіи. Еще два раза возобновлялось избраніе его въ

---

[1]) Изъ Отчета Имп. Ак. наукъ по отд. русск. яз. и слов. См. Сборникъ, т I, 1867. стр. 14 — 19.

ректоры. Когда же въ 1849 г. русскіе университеты лишились этого права, то Плетневъ былъ утвержденъ въ прежнемъ званіи правительствомъ и оставался ректоромъ петербургскаго университета до прекращенія въ немъ лекцій, вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, осенью 1861 года. Въ продолженіе почти 22-хъ-лѣтняго занятія этой должности онъ, во время отсутствія попечителей, нѣсколько разъ управлялъ округомъ и предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ. Въ 1841 году Плетневъ приглашенъ былъ въ члены возникшаго тогда въ Академіи Наукъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, а въ 1859 году, по выбытіи И. И. Давыдова изъ должности предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, назначенъ былъ, по установленному порядку, на два года въ эту должность, въ которой былъ утверждаемъ и послѣ еще два раза, такъ что она оставалась за нимъ до марта 1865 года. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ, никогда не бывавши прежде за-границей, ѣздилъ три раза въ чужіе краи и жилъ тамъ по большей части въ Парижѣ; въ третій разъ онъ оставилъ Россію въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года, вслѣдствіе образовавшейся у него въ лѣвомъ ребрѣ раны и сопряженнаго съ тѣмъ общаго разстройства здоровья. Крѣпкое отъ природы сложеніе, при помощи умѣреннаго климата, дало ему возможность прожить съ этою изнурительною болѣзнею еще два съ половиною года. Наконецъ силы однакожъ его истощились: 24-го декабря прошлаго года онъ слегъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Послѣдніе четыре дня его жизни, въ которые онъ почти до конца сохранялъ полное сознаніе, оправдали давно извѣстное всѣмъ близкимъ къ нему высокое его духовное развитіе. Онъ угасъ спокойно въ 5-мъ часу утра, 29-го декабря.

Отлагая до другого времени болѣе подробную характеристику его замѣчательной личности, вмѣстѣ съ полнымъ исчисленіемъ и обзоромъ литературныхъ трудовъ его, позволю себѣ здѣсь лишь нѣсколько бѣглыхъ указаній. Плетневъ никогда не былъ въ полномъ смыслѣ ученымъ; въ природѣ его недоставало нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для постоянной чисто-научной дѣятельности. Въ ту эпоху, когда онъ избранъ былъ сперва въ профессоры, а потомъ въ академики, требованіе строго-ученаго характера въ разработкѣ знаній о литературѣ не обозначилось у насъ еще такъ опредѣлительно, какъ теперь. Притомъ, тогда Плетневъ давно уже пользовался заслуженною извѣстностью въ той области литературы, которая можетъ процвѣтать не иначе, какъ на почвѣ науки. Я разумѣю область критики. На это поприще онъ вступилъ уже лѣтъ 30-ти отъ роду, почти въ то же время, когда началъ печатать стихи. Какъ членъ „Вольнаго Общества Любит. Росс. Словесности", издававшаго журналъ *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія*, онъ еще въ 1821 г. читалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества *краткое обозрѣніе русскихъ писателей*. Вскорѣ послѣ того начинается

въ этомъ журналѣ рядъ критическихъ статей его, предметомъ которыхъ были многія изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній тогдашней литературы, напр. идиллія Гнѣдича *Рыбаки, Шильйонскій узникъ* и *Орлеанская Дѣва* Жуковскаго, *Кавказскій плѣнникъ* Пушкина. Иногда же онъ обращался къ русскимъ писателямъ XVIII-го столѣтія. Большая часть этихъ критическихъ статей должны были останавливать на себѣ вниманіе лучшихъ современныхъ литераторовъ, потому что обнаруживали рѣдкое знакомство съ дѣломъ, глубоко-развитое эстетическое чувство и высокую степень критическаго дара. Среди другихъ литературныхъ разборовъ того времени, представляющихъ много страннаго по нынѣшнимъ понятіямъ, рецензіи Плетнева еще и теперь поражаютъ насъ не только свѣжестью нисколько не устарѣвшаго языка, но и вѣрностью мыслей, отчасти новыхъ для того времени, наприм. о превосходствѣ народной поэзіи, о неестественности требованія трехъ единствъ въ драмѣ, объ употребленіи 5-тистопнаго ямба въ этомъ родѣ поэзіи, о слабыхъ сторонахъ *Кавказскаго плѣнника*, о подражаніяхъ Пушкина Байрону и т. п. Зрѣлость тогдашнихъ критическихъ статей Плетнева должна быть цѣнима тѣмъ выше, что наша литература почти не представляла ему образцовъ въ этомъ родѣ. Сверхъ теоретическаго своего значенія, его статьи имѣютъ еще и ту цѣну, что могутъ служить очень полезными матеріалами для исторіи литературы своего времени. Кромѣ *Соревнователя*, критическіе труды Плетнева являлись также въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и другихъ альманахахъ и журналахъ, потомъ въ *Литературной газетѣ* Дельвига, въ *Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, и наконецъ въ *Современникѣ*, который онъ издавалъ въ теченіе 8 лѣтъ (1838 — 1846) и гдѣ, между многими слишкомъ краткими и нѣсколько уклончивыми отзывами о явленіяхъ тогдашней литературы, попадаются однакоже и подробныя критики, обличающія тонкаго знатока литературы и человѣка, искусившагося въ опытахъ жизни: здѣсь можно указать на его разборъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя, „Тарантаса“ графа Соллогуба, стихотвореній Баратынскаго и „Опыта исторіи русской литературы“ А. В. Никитенко.

Что касается до стихотвореній Плетнева, печатавшихся въ 1820 годахъ, то на первый случай упомяну только, что они пользовались уваженіемъ въ кругу первоклассныхъ поэтовъ того времени — не только сверстниковъ его, но и людей прежняго поколѣнія. Дарованіе, обнаруживавшееся въ двоякихъ трудахъ Плетнева, объясняетъ намъ то почетное положеніе, которое онъ занялъ въ литературѣ и о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ посвященіе ему Пушкинымъ „Евгенія Онѣгина“. Въ этомъ посланіи говорится также о *прекрасной душѣ, исполненной святой мечты, высокихъ думъ и простоты*, и въ этихъ словахъ мы находимъ указаніе на другую сторону существа

Плетнева, которая должна была доставлять ему сочувствіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и умѣвшихъ цѣнить въ писателѣ *человѣка*.

Если Плетневъ не издавалъ чисто-ученыхъ трудовъ, то не надобно однакожъ думать, чтобы онъ остался чуждъ внимательнаго изученія своего предмета. Не говоря объ обширной начитанности, пріобрѣтенной имъ еще въ молодости, замѣтимъ, что онъ, немедленно по предложеніи ему каѳедры, приступилъ къ составленію записокъ по исторіи русской литературы. Онѣ были доведены имъ до временъ Петра Великаго, и хотя не представляютъ самостоятельныхъ изслѣдованій, однакожъ показываютъ прилежное ознакомленіе со всѣми имѣвшимися тогда по этой части печатными источниками. Здѣсь мѣсто упомянуть также о небольшой книжкѣ, напечатанной имъ въ 1835 году по преподаванію исторіи русской литературы Наслѣднику Цесаревичу. Всѣ занимавшіеся съ Его Высочествомъ преподаватели получили тогда вызовъ напечатать употреблявшіяся ими при этихъ занятіяхъ пособія, и вслѣдствіе того, въ то же время, какъ Арсеньевъ издалъ свою статистику, Плетневъ напечаталъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, свой *хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ*, книжку, о которой недавно съ уваженіемъ было упомянуто въ печати лицомъ, желавшимъ узнать имя неназваннаго при ней автора.

Отчеты Плетнева по С.-Петербургскому университету и по Отдѣленію русскаго языка и словесности, хотя и не избѣгли нѣкоторыхъ обыкновенныхъ недостатковъ этого рода сочиненій, всегда сохранятъ однакожъ значеніе необходимаго пособія для будущаго историка русскаго просвѣщенія въ періодъ, ими обнимаемый (1840—1860). Отчеты Плетнева по Отдѣленію, до 1851 года включительно, изданы были особою книжкою еще въ 1852 году, подъ надзоромъ самого составителя ихъ; собраніе отчетовъ за послѣдующіе годы, отчасти написанныхъ другими, печатается въ настоящее время.

Отдѣльно напечатаны еще слѣдующіе труды Плетнева: 1) Жизнь и сочиненія И. А. Крылова, 1847 года; 2) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, 1853 года; 3) Памяти графа С. С. Уварова, президента Императорской Академіи Наукъ, 1855 г.

II.

НЕКРОЛОГЪ П. А. ПЛЕТНЕВА [1]).

1866.

Въ ночь на 30-е декабря получена изъ Парижа телеграмма о послѣдовавшей тамъ кончинѣ ординарнаго академика, тайнаго совѣт-

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1866, № 1.

ника Петра Александровича Плетнева. Не прихоть, а необходимость заставила его провести послѣдніе два съ половиной года жизни на чужбинѣ. Вслѣдствіе постигшей его въ 1861 году изнурительной болѣзни, петербургскіе медики объявили, что единственнымъ для него средствомъ продлить свои дни можетъ быть пребываніе въ болѣе мягкомъ климатѣ. Въ Парижѣ знаменитый Нелатонъ, узнавъ больного и его семейство, полюбилъ ихъ сердечно и сдѣлался для ихъ дома болѣе нежели врачемъ, — другомъ и утѣшителемъ: онъ не могъ надивиться силѣ духа и самоотверженію русской женщины, которая, несмотря на физическую слабость, съ такою твердостью переносила свой крестъ; не зная утомленія, денно и нощно ходила за страдальцемъ, сама очищала и перевязывала его рану, слѣдствіе костоѣды, и такимъ образомъ оказывала ему помощь, требовавшую руки опытной и мужественной. Но кончились муки: не стало одного изъ достойнѣйшихъ русскихъ людей, который хотя въ послѣдніе годы и лишенъ былъ возможности дѣйствовать, но на вѣку своемъ сдѣлалъ довольно, чтобы сохранить навсегда мѣсто въ памяти своихъ соотечественниковъ. По чистотѣ своего характера и нравственному достоинству, онъ принадлежалъ къ разряду рѣдкихъ явленій, о чемъ конечно засвидѣтельствуетъ множество людей. Болѣе двадцати лѣтъ онъ былъ ректоромъ петербургскаго университета и ровностью своего обращенія, безпристрастіемъ, благороднымъ и примирительнымъ образомъ дѣйствій умѣлъ снискать общее уваженіе и довѣріе. Съ особеннымъ сочувствіемъ и благодушіемъ относился онъ къ молодежи: всякій студентъ могъ быть увѣренъ, что, обратясь къ нему, найдетъ не только дружескій пріемъ, но совѣтъ и поддержку; и многіе, признательно помня оказанное имъ вниманіе, навсегда сохраняли сношенія съ его домомъ. Литературный талантъ, тонкій эстетическій вкусъ и критическій тактъ уже около 1820 года, ввели его въ кругъ лучшихъ тогдашнихъ писателей и доставили ему впослѣдствіи почетное порученіе преподавать русскую словесность нынѣ царствующему Государю Императору и Августѣйшимъ Сестрамъ Его Величества. Какъ писатель, Плетневъ заслужилъ особенное уваженіе своими критическими и біографическими статьями, которыя всегда останутся образцомъ глубокаго художественнаго пониманія, душевной теплоты и прекраснаго языка. По учрежденіи въ 1841 г. Отдѣленія русскаго языка и словесности, П. А. Плетневъ сдѣлался членомъ его, а съ 1859 г. былъ въ немъ предсѣдательствующимъ. Памятникомъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ остается рядъ отчетовъ Отдѣленія, которые онъ составлялъ почти постоянно во все время своего участія въ его занятіяхъ. Вмѣстѣ съ отчетами по университету, которые писалъ онъ же по званію ректора, эти литературно-ученые обозрѣнія его, богатыя свѣдѣніями для исторіи русскаго просвѣщенія 40-хъ и 50-хъ годовъ, будутъ всегда слу-

жить свидѣтельствомъ рѣдкаго умѣнья выполнять съ возможнымъ тактомъ, ловкостью и оживленіемъ задачу труда сухого и неблагодарнаго.

Академія и университетъ, безъ сомнѣнія, съ глубокимъ сочувствіемъ приняли вѣсть о кончинѣ своего, нѣкогда столь дѣятельнаго сочлена, связавшаго навсегда свое имя съ ихъ исторіей. До послѣднихъ дней своихъ П. А. Плетневъ съ горячимъ участіемъ слѣдилъ за всѣми явленіями въ отечествѣ, и особенно въ жизни учрежденій, къ которымъ онъ принадлежалъ. Извѣстіе о смерти его было отправлено изъ Парижа въ самый день послѣдняго торжественнаго собранія Академіи.

Въ литературѣ онъ, по обилію своихъ личныхъ воспоминаній, оставался связующимъ звеномъ между настоящимъ и другою, полною интереса эпохою, и тѣ изъ писателей новаго поколѣнія, которые дорожили ея преданіями, не безплодно обращались къ нему для пополненія своихъ свѣдѣній о прошломъ. Приближаясь уже къ старости маститой, онъ, одаренный отъ природы крѣпкимъ сложеніемъ, до послѣдней болѣзни сохранялъ удивительную свѣжесть духа и тѣла; даже въ наружномъ видѣ его не было замѣтно ничего старческаго, пока не сокрушилъ его неожиданный недугъ, положившій конецъ его вѣку на 74-мъ году отъ рожденія.

Человѣкъ благоволенія, по собственному выраженію покойнаго, былъ идеаломъ его. И такой характеръ дѣйствительно проникалъ его возвышенную природу. Отрадны и поучительны были послѣднія его минуты. 24-го числа начались предсмертныя страданія, во время которыхъ больной слабымъ и тихимъ голосомъ говорилъ: „Господи, прими мою душу грѣшную! Господи, пошли мнѣ мирный конецъ!“ Вскорѣ прибылъ приглашенный къ умиравшему отецъ Васильевъ съ святыми дарами. Принявъ причастіе, страдалецъ отъ души благодарилъ святителя за его доброту и радостно сказалъ: Боже мой! какъ я счастливъ, что пріобщился святыхъ животворящихъ Христовыхъ таинъ; теперь я готовъ умереть. Объ одномъ прошу васъ, добрѣйшій отецъ: не оставьте мою бѣдную жену, которая безъ меня не будетъ знать, что̀ ей дѣлать“.

Послѣ трогательнаго прощанія съ женой, которую онъ благодарилъ за ея неистощимую любовь, онъ просилъ ее передать его благословеніе двумъ малолѣтнимъ сыновьямъ, бывшимъ въ эти минуты въ училищѣ. Но они успѣли еще возвратиться во̀ время; больной твердымъ голосомъ увѣщевалъ ихъ, какъ жить, какъ любить и уважать свою мать. „Я увѣренъ“, сказалъ онъ, „что вы будете исполнять мое завѣщаніе свято: приходятъ послѣднія минуты моей жизни“. Бѣдныя дѣти рыдали неутѣшно. Умирающій не забылъ и молодого слуги своего, къ которому потомъ обратился съ словами: „Благодарю тебя,

любезный П., за твою службу: ты былъ для меня не только слугою вѣрнымъ и добрымъ, но поистинѣ и роднымъ сыномъ". Всѣ переданныя здѣсь подробности о предсмертныхъ мгновеніяхъ нашего друга и сообщены перомъ этого добраго служителя (бывшаго двороваго мальчика его), который, видя отчаяніе несчастной супруги, рѣшился самъ написать роднымъ своего господина объ ожидающей ихъ утратѣ. Вскорѣ за письмомъ послѣдовала и печальная телеграмма овдовѣвшей супруги: „Нашъ мученикъ въ лонѣ Божіемъ: молитесь за него!"

И всѣ знавшіе усопшаго, конечно, съ радостію послѣдуютъ этому призыву и будутъ искренно молиться за честнаго согражданина, который, наперекоръ всѣмъ своимъ привязанностямъ, долженъ былъ умереть вдали отъ горячо любимой имъ родины. Думая о немъ, возобновляя въ памяти его благородное, любящее и любви достойное существо, невольно припоминаешь и относишь къ нему написанные какъ будто съ мыслію о немъ стихи поэта, котораго онъ высоко цѣнилъ:

Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся къ тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому:
Кто не вредитъ и не обидитъ,
И зломъ не воздаетъ за зло, —
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро.
Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!

III.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЛЕТНЕВЪ [1]).

По поводу статьи И. С. Тургенева: „Литературный вечеръ у Плетнева".

1869.

Всѣ, кому дорога память Плетнева, съ особеннымъ интересомъ прочли въ *Русскомъ Архивѣ* нѣсколько страницъ, посвященныхъ ей И. С. Тургеневымъ. Не смотря на то, что отъ описываемаго имъ вечера прошло болѣе 30-ти лѣтъ, даровитый авторъ умѣлъ придать

---

[1]) Русск. Арх. 1869, стр. 2067.

жизнь своему разсказу. Сознавая, что содержаніе слышанныхъ на этомъ вечерѣ разговоровъ почти совершенно забыто имъ, онъ тѣмъ не менѣе въ нѣсколькихъ характеристическихъ чертахъ мастерски обрисовалъ лица, съ которыми тамъ встрѣтился. Жаль только что изъ рѣчей и сужденій самого хозяина не могъ онъ привести ничего сколько-нибудь опредѣленнаго. Къ разсказу присоединена небольшая характеристика и оцѣнка Плетнева: хотя здѣсь авторъ и не обнаруживаетъ особенно-короткаго знакомства съ покойнымъ, однакожъ нельзя не согласиться, что главныя черты въ этомъ портретѣ схвачены вѣрно. Нѣкоторыя изъ замѣчаній г. Тургенева требуютъ однакоже дальнѣйшихъ поясненій и оговорокъ. Человѣкъ, въ 1820 годахъ выработавшій въ себѣ такой самостоятельный образъ мыслей и характеръ, какъ Плетневъ, былъ именно для того времени явленіемъ довольно рѣдкимъ. Притомъ надобно было обладать особенными достоинствами, чтобы въ такой степени, какъ онъ, пріобрѣсти уваженіе и довѣріе лучшихъ тогдашнихъ писателей. Извѣстно, что Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, а впослѣдствіи Жуковскій и Гоголь отдавали на судъ Плетнева новые труды свои, дорожили его совѣтами и замѣчаніями, поручали ему свои литературныя дѣла, какъ надежному, твердому въ словѣ, опытному и безкорыстному другу. Какъ сошелся съ нимъ Пушкинъ, видно изъ сохранившихся остатковъ ихъ переписки. Чтобы дать понятіе о тонѣ бывшихъ между ними сношеній, предложу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Пушкина къ Плетневу.

Письмо 1830 года, въ апрѣлѣ (изъ Москвы):

„Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками — а ты, благодѣтель, явись къ Ф. Ф. и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?). Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши“.

1831 (изъ Михайловскаго): „Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось....“

1831 г. „Чтожъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна [1]). Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ etc.“

1831 г. марта 26-го: „Что это значитъ, душа моя? Ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ

---

[1]) Она появилась въ *Литературной Газетѣ*.

не воспослѣдовало ли вновь тебѣ отъ Генералъ-Губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго? Не боленъ ли ты? Все ли у тебя благополучно, или просто лѣнишься да напрасно друзей своихъ пугаешь?"

1831 г. апрѣля 11: „Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла".

1831 (изъ Царскаго Села): „Письмо твое отъ 19 крѣпко меня опечалило. Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры; одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы....."

Невольно спрашиваешь себя, какъ бы отозвались о Плетневѣ, — еслибъ его пережили — люди, такъ коротко его знавшіе. Князь П. А. Вяземскій, которому выпалъ этотъ жребій, говоритъ между прочимъ, что, примкнувъ въ началѣ 20-хъ годовъ къ кругу этихъ писателей и уже заставъ тутъ Плетнева, онъ „скоро полюбилъ и оцѣнилъ въ немъ все, что было личною и *самобытною* собственностью его самого". — Отъ своего духовнаго происхожденія и воспитанія Плетневъ не сохранилъ никакихъ рѣзкихъ слѣдовъ ни во внѣшнемъ своемъ существѣ, ни во взглядахъ и сужденіяхъ: это показываетъ, какъ сильны были эстетическія потребности его души. Поэтому князь Вяземскій справедливо обращаетъ вниманіе на *счастливые дары природы*, которые „давали Плетневу особенное значеніе и почетное мѣсто" въ обществѣ литераторовъ. „Рано", продолжаетъ князь, „пріобрѣлъ онъ это мѣсто и удержалъ его до конца долговременной жизни своей. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда. Къ первоначальнымъ товарищамъ и единомышленникамъ его постепенно примыкали и новые пришельцы, отмѣченные печатью истиннаго дарованія. Въ числѣ ихъ достаточно упомянуть одно имя Гоголя" [1]). Дѣйствительно, положеніе какое Плетневъ занималъ въ отношеніи къ писателямъ, имѣвшимъ надобность въ поддержкѣ или помощи, было для литературы чрезвычайно важно. Изъ писемъ къ нему Гоголя извѣстно, что авторъ *Мертвыхъ Душъ* нашелъ въ немъ старшаго друга, который съ отеческою заботливостію помогалъ ему во всѣхъ затрудненіяхъ, облегчалъ столкновенія съ цензурою, доставлялъ ему матеріальныя выгоды, былъ

---

[1]) *Утро, лит. и полит. сборникъ*, М., 1866, стр. 154.

посредникомъ между нимъ и книгопродавцами. Всѣ близко стоявшіе къ Плетневу знаютъ, что онъ былъ еще болѣе человѣкъ дѣла, нежели слова; всякія пустыя формальности, изъявленія, благодаренія были изгнаны изъ сношеній съ нимъ, и онъ всегда дѣлалъ болѣе, чѣмъ обѣщалъ. Это знали всѣ младшіе друзья его, а потому и сами держались съ нимъ тѣхъ же правилъ. Въ письмѣ объ опасеніяхъ, возбужденныхъ *Мертвыми Душами* въ московской цензурѣ, Гоголь въ началѣ 1842 г. такъ между прочимъ обращался къ Плетневу: „Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись Государю. Я объ этомъ пишу къ А. О. Смирновой. Я просилъ ее дѣйствовать чрезъ Великихъ Княженъ или другими путями. Это ваше дѣло, объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ“[1]) и проч. Читатель видитъ, что Гоголь не проситъ, а только указываетъ, что̀ *должно* быть для него сдѣлано. „Я твердо полагаюсь“, прибавляетъ онъ, „на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить болѣе словъ“. А вотъ какъ Гоголь цѣнилъ критическій даръ Плетнева и какъ любилъ его. Въ концѣ того же года, *Мертвыя Души* наконецъ появились; Гоголь писалъ къ Плетневу: „Вы вѣрно будете писать разборъ Мертвыхъ Душъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ бы этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго, глубоко-эстетическаго чувства, хотя вы не брызжете внѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Пришлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше чѣмъ когда либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради вашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно... Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни“ [2]).

Кто бы усомнился въ искренности этихъ словъ, оскорбилъ бы тѣмъ память Гоголя. Изъ прежде приведеннаго отрывка можно уже было видѣть, что Гоголь именно тогда, когда нуждался въ помощи, не имѣлъ обыкновенія принимать тонъ просителя: онъ былъ слишкомъ гордъ для этого. Минуты сердечныхъ изліяній были у него рѣдки и вынуждались только силою неподдѣльнаго чувства.

Сколько было лицъ, — и не литераторовъ, — которые подобно Гоголю считали себя обязанными Плетневу. Дѣйствовать въ пользу другихъ онъ могъ въ двоякомъ качествѣ: во 1-хъ, какъ университетскій

---

[1]) *Русск. Архивъ* 1867, стр. 769.
[2]) *Соч. и письма Гоголя*, Т. V, стр. 499, 500.

профессоръ и ректоръ; во 2-хъ какъ издатель журнала. Всякій, кто обращался къ нему, во имя ли того, или другого его положенія, или просто какъ къ человѣку, могъ быть увѣренъ, что найдетъ не только самый сочувственный пріемъ, но и дѣятельную, по возможности, помощь. Съ полнымъ участіемъ, съ любовью входилъ онъ въ положеніе другого, готовъ былъ служить каждому добрымъ совѣтомъ, содѣйствіемъ, а иногда и деньгами. О такихъ дѣлахъ своихъ самъ онъ никогда не говорилъ, какъ и вообще ничѣмъ не хвалился, будучи въ высшей степени скроменъ и совершенно чуждъ всякой суетности. Многіе изъ бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета могутъ подтвердить справедливость этого разсказа о радушной поддержкѣ которую они находили въ своемъ добромъ и ласковомъ ректорѣ. Съ такимъ же радушіемъ и честнымъ дружелюбіемъ встрѣчалъ онъ молодыхъ людей, которые совѣтовались съ нимъ о своихъ литературныхъ опытахъ. Сколькихъ новичковъ на этомъ пути поставилъ онъ на ноги; сколькихъ вывелъ на прямую дорогу; и сколькихъ, напротивъ, удержалъ отъ поприща, къ которому они не имѣли призванія.

При изданіи *Современника* онъ съ строгою разборчивостью относился къ предлагаемымъ ему трудамъ и давалъ ходъ только тому, что̀, по его мнѣнію, носило признаки несомнѣннаго достоинства или, по крайней мѣрѣ, развивающагося таланта. Въ бумагахъ оставшихся послѣ покойнаго, отыскалось не мало рукописей, доставленныхъ ему, но не принятыхъ имъ въ этотъ журналъ. Одно изъ лицъ, когда-то бывшихъ съ Плетневымъ въ подобныхъ сношеніяхъ, напечатало, вскорѣ послѣ его смерти [1]) нѣсколько теплыхъ строкъ, изъ которыхъ я приведу выписку въ подкрѣпленіе своего показанія.

„Я былъ", пишетъ г. Короновскій (котораго извѣстіе объ этой утратѣ застало на службѣ въ Новгородѣ Волынскомъ) „я былъ еще студентомъ въ университетѣ Св. Владиміра, когда началось наше знакомство изъ переписки. Одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей посовѣтовалъ мнѣ послать нѣсколько своихъ стихотвореній Петру Александровичу; я послушался совѣта и получилъ отъ П. А. письмо, въ которомъ такъ много было высказано теплаго участія къ моему спѣшному и незрѣлому труду, что съ этого времени я вошелъ съ нимъ въ переписку. Живя въ Кіевѣ, я нерѣдко пользовался его совѣтами. Какъ молодой человѣкъ, я не въ состояніи былъ на первыхъ порахъ оцѣнить расположеніе его ко мнѣ. Въ его письмахъ доводилось мнѣ выслушивать горькую истину, строгую и вѣрную оцѣнку моимъ литературнымъ трудамъ и, признаюсь, я однажды вышелъ изъ себя, когда отъ него узналъ, что не всѣ мои стихотворенія могутъ быть напечатаны въ *Современникѣ*. Но зато впослѣдствіи съ какимъ вниманіемъ и наслажденіемъ я перечитывалъ тѣ самыя строки, въ

---

[1]) 29 декабря 1865 года.

которыхъ прежде по ребячеству видѣлъ *несправедливый* приговоръ себѣ!".

Далѣе г. Короновскій сообщаетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему Плетнева: „Если бы я не представлялъ васъ въ своемъ воображеніи человѣкомъ молодымъ, неопытнымъ и стремящимся ко всему прекрасному, то безъ сомнѣнія не написалъ бы вамъ того, что̀ вы сейчасъ прочитали. Я никакого не имѣю права даже совѣтовать вамъ, а не только въ чемъ-нибудь упрекать васъ. Но признавая нравственное чувство выше свѣтскихъ обыкновеній, я не могъ не сказать вамъ того, что̀ думаю. Сами вы можете отплатить мнѣ за это, какъ вамъ вздумается. Я увѣренъ однако-же, что, когда вамъ исполнится сорокъ лѣтъ, вы оцѣните нынѣшній мой поступокъ и пожалѣете, что не часто въ жизни являлись предъ вами подобныя отношенія".

Выставляя всю цѣну внимательности своего заочнаго доброжелателя, г-нъ Короновскій восклицаетъ: „Ректоръ и заслуженный профессоръ С. Петербургскаго университета, среди множества занятій, улучаетъ минуту для письма къ студенту другого университета; мало того, становится къ нему въ отношенія не только наставника, но и человѣка сердечно преданнаго! Можно ли удивляться, что къ такой благороднѣйшей натурѣ питали глубокую привязанность свѣтила нашей поэзіи?" [1]).

Къ числу людей, которыхъ первые шаги въ литературѣ поддержалъ и направилъ Плетневъ, я долженъ отнести и себя. Вступая на это поприще, я не имѣлъ никакихъ связей въ тогдашнемъ журнальномъ мірѣ. Случайная встрѣча съ лицейскимъ пріятелемъ, поэтомъ Деларю, который былъ однимъ выпускомъ старше меня, послужила поводомъ къ моему сближенію съ Плетневымъ. Узнавъ, что я готовлю къ печати переводъ Мазепы Байрона, Деларю выпросилъ у меня этотъ трудъ для прочтенія и съ моего согласія сообщилъ мою рукопись Плетневу, который пожелалъ напечатать ее въ *Современникѣ*. Вотъ начало нашего знакомства и моего сотрудничества въ этомъ журналѣ. Почти съ тѣхъ самыхъ поръ до кончины Плетнева я стоялъ въ самыхъ близкихъ къ нему отношеніяхъ. Статья И. С. Тургенева расшевелила во мнѣ старыя воспоминанія. Прочитавъ ее, я обратился между прочимъ къ многолѣтней перепискѣ моей съ Плетневымъ [2]); понятно, что я, будучи 20-ю годами моложе его, не во всемъ сходился съ нимъ, часто ему противорѣчилъ, вызывалъ его на объясненія. Въ этихъ-то объясненіяхъ и заключается главный интересъ его писемъ ко мнѣ. Сообщу изъ нихъ два-три отрывка, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно отражается духовный образъ Плетнева. Вотъ что онъ мнѣ между прочимъ писалъ о себѣ въ 1846 году.

[1]) Соврем. Лѣтопись 1866, № 6.

[2]) Нынѣ напечатанной (3 тома, Спб. 1896). *Ред.*

„Твоя укоризна меня въ скупости на объясненія, можетъ быть, и справедлива; но таковъ мой характеръ. Я все предоставляю самой жизни моей: она должна за меня говорить и друзьямъ и врагамъ моимъ. Съ тобой, однако, я высказался довольно, особенно въ письмахъ. Это — любимое мое занятіе. Въ изустномъ разговорѣ надобно явиться очень счастливому случаю, чтобы я поохотился выяснить свои поступки". Имѣвъ такимъ образомъ всю возможность узнать Плетнева короче, нежели многіе, считаю себя счастливымъ, что могу предъ лицомъ и друзей и враговъ его свидѣтельствовать о немъ полную и чистѣйшую правду, — не потому, чтобъ онъ не имѣлъ недостатковъ, но потому что его недостатки, о которыхъ молчать я не вправѣ, не могутъ унизить его высокихъ достоинствъ.

Своеобразная личность Плетнева была результатомъ двухъ элементовъ: съ одной стороны — глубокаго самобытнаго развитія, съ другой — литературныхъ преданій, которыя онъ почерпнулъ изъ сношеній съ талантливыми и высокообразованными писателями, въ кругу которыхъ провелъ лучшіе годы молодости. Даръ разумнаго спокойствія и созерцанія облегчилъ ему стремленія къ самоусовершенствованію, которое всегда было главною цѣлью его жизни. Не *по своему* былъ онъ мудръ (какъ выразился г. Тургеневъ), но онъ приблизился, на сколько это возможно, къ той единой мудрости, которая дается человѣку, когда онъ твердо и прямо идетъ путемъ добра и истины. Эти два идеала были также дороги Плетневу, какъ и третій, — идеалъ прекраснаго, но его стремленіе къ послѣднему было замѣтнѣе, а потому и болѣе оцѣнено свѣтомъ. Вотъ начала, подъ вліяніемъ которыхъ сложился этотъ цѣльный и независимый характеръ. Ни для какихъ благъ въ мірѣ онъ не приносилъ въ жертву своихъ убѣжденій и правилъ; для внѣшняго успѣха онъ никогда не позволялъ себѣ ни искательства, ни преклоненія; вообще всякое униженіе своего достоинства было ему ненавистно.

Отъ этого понятія о достоинствѣ, отъ этой благородной гордости происходило и то довольно одинокое, но самостоятельное положеніе, которое онъ занялъ въ литературѣ 40 годовъ. Въ сторонѣ отъ всякой полемики держался онъ, частью, конечно и по мягкости своего характера, но болѣе въ силу особой системы воззрѣній, которой начало положилъ Карамзинъ, глубоко имъ уважаемый, какъ человѣкъ и литераторъ, — „творецъ, по словамъ Плетнева, идеально-прекрасной школы". Нужна была твердость для того, чтобы въ этомъ направленіи оставаться вѣрнымъ себѣ. Издавая *Современникъ*, Плетневъ очень хорошо понималъ, что, сообщивъ журналу болѣе жизненный характеръ борьбою мнѣній, онъ доставилъ бы ему и бо̀льшій успѣхъ; но ему казалось почетнѣе имѣть немногихъ сочувствующихъ читателей, нежели удовлетворять массѣ публики или, какъ онъ выражался, *толпѣ*.

Здѣсь нельзя умолчать *о больномъ мѣстѣ* покойнаго: сила его убѣжденій вовлекала его въ нѣкоторую нетерпимость къ тѣмъ, которые ихъ не раздѣляли; къ литераторамъ разномыслящимъ онъ относился съ строгимъ порицаніемъ, и при сужденіи о ихъ трудахъ и поступкахъ не всегда могъ сохранять безпристрастіе. Онъ самъ глубоко чувствовалъ въ себѣ этотъ недостатокъ, часто выражалъ желаніе исправиться и дѣйствительно въ послѣдніе годы жизни много измѣнился въ этомъ отношеніи. Извѣщая меня о смерти Полевого, онъ писалъ мнѣ: „Бѣдный Полевой умеръ вечеромъ въ 11 часовъ въ прошлую пятницу, 22 февраля [1]) отъ нервной горячки. Много идей волновало меня при этомъ извѣстіи. Преобладающая была та, что я недоволенъ былъ собой: все говорю я о духѣ христіанства, о любви къ человѣчеству, о самосовершенствованіи, о смиреніи — и сколько лѣтъ ношу въ сердцѣ это гнусное чувство нерасположенія къ нѣкоторымъ писателямъ, оскверняю свой языкъ ихъ бранью и равнодушно встрѣчаю ихъ смерть. Это верхъ испорченности сердца. Кто мнѣ далъ право считать ихъ ниже себя, отъ того только, что они иначе думаютъ и иначе дѣйствуютъ, нежели я? Одно только препятствуетъ мнѣ полюбить ихъ: это продажность ихъ убѣжденій и развратъ, распространенный въ молодомъ поколѣніи. По крайней мѣрѣ, если Богъ не растворитъ мое сердце любовью къ нимъ, я буду стараться забывать ихъ, не писать о нихъ, не говорить, — а тѣмъ менѣе ругать и злословить ихъ. Братъ, поддержи меня въ этомъ намѣреніи". — Въ томъ же году, нѣсколькими мѣсяцами позже, онъ писалъ мнѣ: „Точно *плодъ правды сѣется въ миръ.* Самая несомнѣнная истина, предлагаемая со злобою или даже просто съ запальчивостью, возбуждаетъ, ежели не сомнѣніе, такъ неудовольствіе. . . . .
Для меня * * * былъ точно основателемъ мирнаго общежительства [2]), которому начало положилъ Пушкинъ въ послѣдній годъ своей жизни. Любимый со мною разговоръ его, за нѣсколько недѣль до его смерти, все обращенъ былъ на слова: *Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.* По его мнѣнію, я много хранилъ въ душѣ моей благоволенія къ людямъ; отъ того и самыя литературныя ссоры мои не носятъ характеръ озлобленія. А я слушая его и чувствуя, что еще далеко мнѣ до титла *человѣка благоволенія,* бралъ намѣреніе дойти до того. Тутъ * * * смѣнилъ Пушкина и уже сильнѣе подѣйствовалъ на мое преобразованіе".

Вопроса о мѣрѣ познаній Плетнева нельзя рѣшать въ двухъ словахъ. Легко, но и опасно сказать, что человѣкъ, проведшій долгую жизнь съ перомъ и книгою въ рукахъ, всю жизнь размышлявшій, учившій, а слѣдовательно и учившійся, не имѣлъ большихъ свѣдѣній.

[1]) 1846 года.

[2]) Тутъ П. говоритъ о самомъ Я. К. Гротѣ, см. „Переписку" ихъ, II стр. 731.

Окончивъ курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ около 1818 г., Плетневъ безъ сомнѣнія вынесъ оттуда всю ту научную подготовку, какая тогда требовалась для учительскаго званія. Въ институтѣ онъ сперва занимался предметами физико-математическаго отдѣла; но рѣшительное влеченіе къ литературѣ заставило его вскорѣ измѣнить планъ своего образованія. Многіе изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ этого заведенія пріобрѣли впослѣдствіи почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. По выходѣ оттуда, Плетневъ не былъ, подобно нѣкоторымъ изъ нихъ, посланъ за границу для довершенія своего образованія но, вступивъ тотчасъ же на поприще учителя и писателя, бывъ принятъ въ общество замѣчательно-развитыхъ молодыхъ литераторовъ, онъ попалъ въ обстоятельства, особенно благопріятныя для продолженія гуманитарнаго образованія. Преподавая языкъ и словесность въ частныхъ домахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, читая, мѣняясь мыслями съ даровитыми сверстниками, авторствуя и уже ведя редакцію литературнаго журнала [1]), могъ ли молодой человѣкъ, нелишенный способностей и хорошо подготовленный, не пріобрѣсти свѣдѣній обширныхъ и разнообразныхъ, и притомъ не такихъ только, которыя почерпаются изъ книгъ, но и свѣдѣній другого рода, не менѣе цѣнныхъ и плодотворныхъ, между прочимъ ничѣмъ не замѣнимыхъ свѣдѣній о внутреннемъ движеніи всей тогдашней русской литературы и о личности лучшихъ ея представителей. Для той авторской дѣятельности, которой онъ тогда преимущественно посвятилъ себя, — для *критики*, эти-то познанія и имѣли особенную важность. Но и школьныя познанія Плетнева не могли быть скудны: изъ древнихъ языковъ онъ зналъ хорошо латинскій, которому учился сперва въ семинаріи, а потомъ въ Педагогическомъ Институтѣ: тамъ же получилъ онъ хорошее основаніе въ исторіи и въ знакомствѣ съ древней и новой литературой. При живой любознательности молодого человѣка, подстрекаемой и занятіями его и литературными связями, начитанность его быстро возрастала. Такъ напримѣръ, онъ глубоко изучилъ Шекспира, котораго цѣнилъ какъ знатокъ; часто говорилъ онъ, что мечтою его молодости было посвятить цѣлую жизнь критической разработкѣ этого писателя. Статья его о Шекспирѣ, напечатанная въ одномъ періодическомъ изданіи 1830-хъ годовъ, произвела впечатлѣніе, которое многіе до сихъ поръ еще помнятъ. Но спеціальный предметъ его изученія составляли съ ранней молодости исторія и критика русской литературы. Еще въ 1821 г. читалъ онъ въ обществѣ Соревнователей написанное имъ „Краткое обозрѣніе русскихъ писателей". Въ началѣ своей профессорской должности (1832 г.) онъ съ большою тща-

[1]) *Соревнователя*, по порученію Вольнаго Общества любителей р. словесности, которое въ 1819 г. избрало его въ число своихъ членовъ.

тельностью составилъ записки по исторіи древней русской словесности до Петра Великаго, пользуясь всѣми доступными въ то время источниками, руководствуясь трудами Евгенія, Карамзина, Калайдовича и др. Извѣстно, что онъ, кромѣ того, при преподаваніи нынѣ царствующему Государю Императору, напечаталъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ „Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ"—заключающій въ себѣ краткій, но точный обзоръ всей русской литературы. По связи съ литературою Плетневъ находилъ время заниматься иногда и русскою исторіею. Въ одномъ письмѣ 1845 г. онъ совѣтовалъ мнѣ удѣлить время на выписки изъ Полнаго собранія законовъ относительно той или другой отрасли внутренней жизни Россіи, и прибавлялъ: „Сообщаю тебѣ только то, что̀ нѣсколько разъ дѣлалъ самъ, всегда съ величайшимъ удовольствіемъ и пользою. Для опыта положи у себя тома два, какихъ хочешь годовъ, и въ недѣлю загляни въ нихъ хоть два раза: черезъ мѣсяцъ ты удивишься, сколько идей зашевелится у тебя въ головѣ, идей плодотворныхъ для литературной дѣятельности твоей. Увидишь, что̀ за восхитительное занятіе внутренняя исторія. А то мы со временъ Геродота да Тьера только и разсказываемъ, гдѣ было сраженіе и кто остался побѣдителемъ, забывая, что и во время сраженій, внутри государства, народъ не перестаетъ жить, дѣйствовать, блаженствовать и страдать". Изъ другого письма его, писаннаго немного ранѣе, видно, какъ смотрѣлъ онъ на главное условіе достовѣрности всякаго историческаго труда. „Прагматизмъ я всегда беру въ истинномъ его значеніи: достоинство историка, что каждая часть его разсказа утверждена на *подлинныхъ несомнѣнныхъ актахъ*; а не то что̀ юноши называютъ прагматизмомъ, произвольные философскіе взгляды автора. И такъ, послѣ безчисленныхъ актовъ, собранныхъ нынѣ въ Россіи для пополненія ея исторіи, Карамзинъ теперь могъ бы сообщить своей исторіи еще болѣе *прагматизма*, могъ бы еще полнѣе оживить свои разсказы духомъ истинныхъ бытій"....

Слѣдить за явленіями литературы не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ, всегда составляло для Плетнева умственную потребность и одно изъ самыхъ любимыхъ его занятій. Даже и прекративъ изданіе *Современника*, онъ постоянно просматривалъ всѣ русскіе журналы и многіе изъ иностранныхъ. Письма его представляютъ много свидѣтельствъ о его постоянной любви къ чтенію. Такъ, въ концѣ 1845 г. онъ писалъ мнѣ: „Наконецъ добрался я до Histoire de dix ans 1830 — 1840, par. M. Louis Blanc. Интересная книга для политики и Франціи! Онъ держится прекрасной середины между Карломъ X и Людовикомъ Филиппомъ; обвиняя перваго въ нарушеніи хартіи, отдаетъ справедливость сердцу его и всѣмъ хорошимъ качествамъ; безпристрастно обнажаетъ происки и притворство второго, не отнимая у

него достоинствъ ума. Бездушный Талейранъ изображенъ по достоинству. Сцены іюльской революціи очерчены поразительно-занимательно". Черезъ нѣсколько дней онъ продолжаетъ о томъ же предметѣ: „Въ Revue nouvelle участвуетъ Ледюкъ [1]): признаюсь, это уже одно выражаетъ все достоинство журнала. Мудрено ли, что тамъ съ презрѣніемъ говорятъ о Revue des deux mondes? Эта сволочь должна осуждать книгу Blanc, потому что ея авторъ не пощадилъ ни одного лица, эгоизмомъ или корыстію водимаго въ дѣлѣ послѣдней революціи. Онъ видимо доходитъ въ каждомъ движеніи до самаго источника, сокрытаго въ сердцѣ: и такъ немного найдется въ нашу эпоху людей, которые останутся имъ довольны, особенно во Франціи, едва только онъ коснется кого. Впрочемъ и я нахожу, что самое интересное у него только въ 1-мъ томѣ, гдѣ онъ все рисовалъ, такъ сказать, съ натуры. Далѣе онъ уже сбивается на обыкновенную колею французскихъ политиковъ, наполняющихъ произвольными сужденіями тѣ разсказы о внѣшней политикѣ, для которыхъ недостаетъ имъ прагматизма".

„Только сего дня принесли Revue d. d. mondes, гдѣ статья о Тьерѣ, соч. Лерминье. Я съ жадностью прочелъ ее. И какъ еще хорошо: Les fonctionnaires publics. Вотъ образецъ статистики нашего вѣка. Да и всѣ статьи чудныя. Какъ я правъ въ отзывѣ о Ледюкѣ и Revue nouvelle".

Въ слѣдующемъ письмѣ еще о томъ же интересныя строки: „Луи Бланъ въ полномъ смыслѣ республиканецъ, но живо сочувствующій всему возвышенному, чистому, и ненавидящій эгоизмъ, коварство, безчестіе. Нѣсколько разъ онъ въ умиленіи, когда была рѣчь о Карлѣ X. Но предметы постоянной его ненависти — Луд. Фил., Каз. Перье и Талейранъ. Всего интереснѣе первая часть, гдѣ нарисована мастерская картина іюльской революціи, изгнанія Карла и восшествія Филиппа. Въ другихъ частяхъ онъ мелочно занимается каждымъ явленіемъ парижской публики. Но какъ грустно, что почти всѣ историки, даже новѣйшихъ демократическихъ временъ, сами тонутъ и читателей топятъ исключительно въ смутахъ политики, не предавъ ихъ *проклятію забвенія* (по выраженію Пушкина) и не выводя на первый планъ мирныхъ героевъ нравственности, религіи, знаній и промышленности. А когда-нибудь это должно быть [2])". Когда, въ послѣднее

[1]) Французскій литераторъ, жившій гувернеромъ въ домѣ графини Мусиной-Пушкиной (рожд. Шернваль), въ Гельсингфорсѣ. По возвращеніи въ Парижъ онъ издалъ книгу. La Finlande, составленную изъ разныхъ печатныхъ пособій, на которыя авторъ не указалъ.

[2]) Такая-то надежда, такая вѣра въ человѣчество и въ будущее составляли *ту святую мечту*, которую Пушкинъ приписываетъ Плетневу въ посвященіи Евгенія Онѣгина. Г. Тургеневъ увидѣлъ въ этихъ словахъ неопредѣленное выраженіе: въ стихахъ Пушкина трудно найти неопредѣленность, неточность или слово безъ особеннаго значенія, для риѳмы.

десятилѣтіе своей жизни Плетневъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, съ какимъ увлеченіемъ посѣщалъ онъ тамъ публичныя лекціи Лабулэ и другихъ ученыхъ знаменитостей! Какіе оживленные отчеты о томъ присылалъ онъ своимъ друзьямъ!

Плетневъ никогда не любилъ щеголять своими свѣдѣніями, какъ и другими преимуществами; но внимательный наблюдатель изъ бесѣдъ съ нимъ легко могъ убѣдиться, что „ученый багажъ" этого умудреннаго наукою и жизнью человѣка былъ совсѣмъ не такъ легокъ, какъ съ перваго взгляда могло казаться. Хотя онъ, по самому литературному призванію своему и по практической дѣятельности, не былъ исключительно ученымъ, хотя не занимался постоянными изслѣдованіями, не любилъ кропотливаго анализа мелкихъ фактовъ; однакожъ всѣ его труды показываютъ, что онъ въ полной мѣрѣ обладалъ основательнымъ знаніемъ тѣхъ предметовъ, которыхъ касался, и освѣщалъ факты всегда вѣрною, а иногда и глубокою мыслью. Многіе изъ университетскихъ его слушателей умѣли оцѣнить тѣ стороны его лекцій, которыя составляли ихъ достоинства.

„Онъ читалъ", говоритъ одинъ изъ этихъ слушателей [1]), „не мертвыя лекціи, а живыя импровизаціи, исполненныя знанія и любви къ дѣлу... Онѣ были въ высшей степени занимательны. Плетневъ являлся въ аудиторію съ Державинымъ, Фонвизинымъ, Костровымъ и т. п., начиналъ читать ихъ, избирая именно особенно замѣчательное, и тутъ сыпалось множество эстетическихъ, филологическихъ, анекдотическихъ и другихъ замѣчаній, дѣлавшихъ его *вдохновеннымъ комментаріемъ*, по выраженію Пушкина. — Плетневу обязанъ я тѣмъ, что сталъ на настоящую точку зрѣнія при изученіи нашихъ старыхъ писателей. На лекціяхъ его читались также сочиненія студентовъ, велись диспуты, обсуживались замѣчательныя литературныя новости". Такой же точно отзывъ о лекціяхъ Плетнева слышалъ я и отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, между прочимъ отъ бывшаго гельсингфорсскаго профессора С. И. Барановскаго, посѣщавшаго петербургскій университетъ еще въ 30-хъ годахъ. Наконецъ, и самъ я изъ любопытства былъ на одной университетской лекціи Плетнева: онъ читалъ объ историкѣ Татищевѣ. Хотя въ ней и не было особеннаго обилія подробностей, однакожъ всѣ существенныя фактическія свѣдѣнія о жизни и трудахъ этого лица были сообщены умно, занимательно, и сдѣлана съ оживленіемъ оцѣнка его дѣятельности. Изъ представленныхъ выше постороннихъ свидѣтельствъ о лекціяхъ Плетнева очевидно, что онъ, будучи вообще врагомъ мертвой рутины, избралъ себѣ и въ этомъ дѣлѣ самостоятельный путь. Многіе взгляды его на литературу были для своего времени оригинальны и новы. Такъ онъ однажды писалъ мнѣ: „Былъ

---

[1]) М. Н. Лонгиновъ въ *Соврем. Лѣтописи* 1866, № 2.

на лекціи и говорилъ о Кантемирѣ, а послѣ перешелъ къ Ломоносову. Идея та, что возвращеніе Ломоносова къ искусственному языку, къ смѣси церковнаго съ книжнымъ, отняло у литературы естественное движеніе къ самобытности, которой она конечно достигла бы по Кантемирову направленію къ языку живому, общественному и къ предметамъ собственно-русскимъ, а не школьнымъ".

По поводу своихъ лекцій онъ сообщилъ мнѣ однажды въ слѣдующихъ строкахъ замѣчательное сужденіе о самомъ себѣ. „Въ чтеніяхъ объ исторіи русской литературы интереснѣйшее начинается съ Державина, не юноши, а старика. Я почти засталъ его въ эту эпоху. Находясь въ связи со всѣми изъ лучшихъ дѣйствователей, я очень живо сохраняю все, что касается до фактовъ. Теорія у меня не занятая, не изученная, а образовавшаяся въ умѣ отъ наблюденій, отъ разговоровъ, отъ вниманія къ дѣламъ и ихъ слѣдствіямъ. Вотъ почему и легко мнѣ импровизировать мои лекціи. Я же безъ малѣйшей претензіи на произведеніе эффекта. Мнѣ совершенно все равно, что подумаютъ или скажутъ мои слушатели. Худое въ моихъ словахъ я почувствую прежде ихъ, а пріятное чувство отъ хорошаго не пропадетъ во мнѣ, если я и замѣчу, что слушатели не оцѣнили того. Вообще я или очень гордъ, или очень хладнокровенъ; потому что всякое вознагражденіе нахожу у себя только въ сердцѣ, будучи убѣжденъ, что въ умѣ другого нѣтъ истины для оцѣнки моихъ словъ и мыслей, которыя, являясь отрывчато, никогда не доставятъ постороннему лицу возможности взвѣсить мое цѣлое".

Критическіе труды Плетнева имѣли несомнѣнное достоинство, котораго и до сихъ поръ не утратили. Они отличались не однимъ тонкимъ вкусомъ въ оцѣнкѣ изящнаго; они были особенно замѣчательны по своему реальному направленію, чуждому школьныхъ теорій и риторическаго характера критики Мерзлякова. Это здравое направленіе, искавшее въ искусствѣ прежде всего истины жизни и воспроизведенія дѣйствительности, было тогда новостью еще и въ западныхъ литературахъ, а у насъ оно только-что возникало въ школѣ молодыхъ талантовъ, къ тѣсному кружку которыхъ принадлежалъ и Плетневъ.

Разборы его, сначала появлявшіеся почти во всѣхъ петербургскихъ журналахъ, не могли не остановить на себѣ вниманія людей мыслящихъ и скоро доставили автору извѣстность. Уже въ 1822 году Гречъ въ своей Исторіи русской литературы съ уваженіемъ привелъ нѣкоторые отзывы молодого критика.

Разумѣется, что позднѣйшіе критическіе труды Плетнева еще выше по зрѣлости и мѣткости сужденій. Въ статьяхъ о Крыловѣ, Жуковскомъ и Гоголѣ онъ высказалъ мнѣнія, совершенно чуждыя всякаго духа партій, и правильно поставилъ вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ вѣрная оцѣнка этихъ писателей.

Много могъ бы я еще сказать о Плетневѣ по поводу очерка г. Тургенева, но я полагаю, что все существенное мною уже выражено. Позволю себѣ только отмѣтить еще двѣ черты нравственной физіономіи Плетнева. Одною изъ нихъ была высокая простота, свойство, указанное еще Пушкинымъ въ посвященіи Онѣгина. Петръ Александровичъ ни въ чемъ не терпѣлъ искусственности, а тѣмъ болѣе изысканности; онъ былъ чрезвычайно простъ въ своихъ вкусахъ и привычкахъ, въ обращеніи, въ жизни, во всей своей домашней обстановкѣ и наконецъ въ своемъ литературномъ слогѣ, о которомъ самъ отзывался съ такою неподдѣльною скромностью, что легко было принять его слова въ буквальномъ смыслѣ. Любовь къ простотѣ составляла еще одну черту его сочувствія античному духу... Другую отличительную принадлежность его природы составляло глубоко-любящее сердце; холодность и сухость были ему совершенно чужды; онъ горячо привязывался къ тѣмъ, которыхъ считалъ достойными симпатіи; чувство проникало всѣ его отношенія. Этимъ объясняются съ одной стороны его литературныя предубѣжденія, съ другой его безкорыстная готовность входить въ сношенія, иногда требовавшія много времени, даже съ незнакомыми ему молодыми людьми, которые къ нему обращались. Зато и самъ онъ легко внушалъ къ себѣ сочувствіе. Литературные друзья его молодости, Дельвигъ, Пушкинъ, Баратынскій, питали къ нему не уваженіе только, но горячую братскую любовь, краснорѣчиво выражавшуюся въ ихъ задушевной съ нимъ перепискѣ. Въ семействахъ и учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ являлся преподавателемъ, онъ былъ искренно любимъ всѣми: въ его обращеніи, въ его рѣчахъ и взорѣ живо чувствовалось сердечное участіе къ своему дѣлу и къ молодежи; въ его личности была неотразимо-притягательная сила. Многочисленные его ученики и ученицы разныхъ поколѣній, разсѣянные по всей Россіи, съ непритворнымъ чувствомъ любви вспоминали и еще теперь вспоминаютъ своего бывшаго наставника. Говорю это съ полнымъ знаніемъ дѣла, потому что сколько разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ встрѣчались съ Плетневымъ такія лица послѣ многолѣтняго отсутствія и какъ тепло выражали свою неохладѣвшую къ нему приверженность.

IV.

П. А. ПЛЕТНЕВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ [1]).

1884.

Въ теченіе 1884-го года продолжалось возложенное на меня изданіе сочиненій и переписки академика П. А. Плетнева. По отпечатаніи 3-го

[1]) Изъ Отчета по II отд. Импер. акад. наукъ за 1884 г., Сборн. отд. рус. яз. и сл. 1885, т. 36.

тома, содержащаго между прочимъ переписку его съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, положено теперь же выпустить въ свѣтъ три первые тома, за которыми послѣдуетъ еще одинъ, куда войдетъ остальная переписка автора, біографическія о немъ свѣдѣнія и другія дополненія.

Нынѣ живущимъ поколѣніямъ имя Плетнева мало извѣстно: онъ умеръ около 20-ти лѣтъ тому назадъ, а сочиненія его разсѣяны въ журналахъ и сборникахъ, рѣдко попадающихся въ руки современныхъ читателей. Характеристика Плетнева, набросанная Тургеневымъ, не отличается вѣрностью и не говоритъ въ пользу проницательности автора. Въ этомъ убѣдится всякій, кто внимательно прочтетъ издаваемыя нынѣ сочиненія и письма Плетнева. Въ нихъ онъ является человѣкомъ, рано уже усвоившимъ весьма здравыя понятія о литературѣ и искусствѣ, весьма зрѣлыя убѣжденія и твердыя правила; и тѣмъ и другимъ онъ остался вѣренъ до конца.

Происходя изъ духовнаго званія — онъ родился въ 1792 г. въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губ., — Плетневъ только восемнадцати лѣтъ отъ роду, именно въ 1811 году, изъ мѣстной семинаріи привезенъ былъ въ Петербургъ для поступленія въ Педагогическій институтъ, гдѣ и кончилъ курсъ около того же времени, какъ Пушкинъ выпущенъ былъ изъ Царскосельскаго лицея. Случайныя обстоятельства скоро сблизили его съ лицейскими поэтами и съ Жуковскимъ. Это знакомство имѣло рѣшающее значеніе для всей его будущности. Въ литературномъ кругу, признававшемъ Карамзина своимъ учителемъ и вождемъ, созрѣли тѣ нравственные и эстетическіе взгляды, которыми Плетневъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно руководился. Сдѣлавшись по призванію писателемъ, онъ вслѣдствіе воспитанія долженъ былъ поступить на поприще педагога. Дѣятельность въ этомъ званіи надолго связываетъ его съ женскими институтами, Екатерининскимъ и Патріотическимъ, въ которыхъ онъ своимъ разумнымъ преподаваніемъ и симпатическимъ характеромъ пріобрѣтаетъ восторженное уваженіе и привязанность нѣсколькихъ поколѣній своихъ ученицъ. Жуковскій, исполняя важныя обязанности по воспитанію Наслѣдника престола, на время своихъ отлучекъ изъ Петербурга поручаетъ Плетневу преподаваніе русской литературы Государевымъ Дѣтямъ. Затѣмъ Плетневъ, уже составивъ себѣ имя какъ критикъ и поэтъ, получаетъ каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1839 году избирается въ ректоры его и занимаетъ эту должность болѣе двадцати лѣтъ сряду. При учрежденіи въ Академіи Наукъ новаго Отдѣленія, онъ назначается членомъ его, а съ 1859 года предсѣдательствующимъ, и въ этомъ званіи умираетъ въ Парижѣ въ 1865 году 29 декабря, въ тотъ самый день, въ который онъ столько разъ являлся на этой каѳедрѣ лѣтописцемъ нашего Отдѣленія. Пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ и будучи

привязанъ къ Петербургу своею службой, нерѣдко превращавшей его изъ ректора въ правящаго должность попечителя, Плетневъ до послѣдняго десятилѣтія своей жизни оставался безвыѣздно въ Россіи, не бывалъ даже въ Москвѣ; но женившись во второй разъ въ 1849 г., онъ, начиная съ 56-го, часто живалъ за границей, гдѣ въ послѣдніе годы безуспѣшно искалъ исцѣленія отъ постигшей его тяжкой болѣзни.

Авторскую свою дѣятельность Плетневъ началъ въ качествѣ члена Вольнаго Общества любителей россійской словесности, возникшаго въ Петербургѣ въ 1816 г., и вскорѣ на него были возложены обязанности редактора журнала *Соревнователь*, который оно издавало. По особенностямъ своего ума и характера, по роду своихъ занятій онъ и впослѣдствіи не разъ принималъ на себя заботы по изданію чужихъ трудовъ, особенно Пушкина. Но въ 40-лѣтнемъ періодѣ его литературной жизни всего важнѣе, въ этомъ отношеніи, тѣ девять лѣтъ (1838 — 1846), въ теченіе которыхъ онъ издавалъ, по смерти Пушкина, основанный поэтомъ *Современникъ*. Въ сущности Плетневъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для журналиста условій; между прочимъ онъ тщательно избѣгалъ полемики, но конечно не отъ робости, которую приписываетъ ему Тургеневъ, а отъ нежеланія вести борьбу съ противниками, не всегда сражающимися честнымъ оружіемъ. Въ этомъ онъ держался правила, которое неуклонно соблюдалъ Карамзинъ и которое отъ него наслѣдовало большинство его приверженцевъ. Впрочемъ, въ послѣдній годъ изданія своего *Современника* Плетневъ нарушилъ это систематическое молчаніе и доказалъ, что можно, вполнѣ сохраняя свое достоинство, карать ложь и недобросовѣстность. Какъ бы ни было, *Современникъ*, подъ редакціею Плетнева, какъ и при Пушкинѣ, оставался очень почтеннымъ литературнымъ сборникомъ, но мало отвѣчалъ идеѣ журнала, отличительною чертою котораго должно быть живое отношеніе къ интересамъ настоящаго.

Въ началѣ своего поприща Плетневъ являлся въ печати почти исключительно съ стихотвореніями, въ которыхъ преобладала элегическая струна. Иногда, подъ бременемъ своихъ обязательныхъ занятій, онъ невольно сѣтуетъ на свой жребій; по временамъ онъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности избраннаго имъ пути, въ своемъ призваніи къ поэзіи. Такъ въ концѣ посланія къ Гнѣдичу, въ 1822 году, онъ говоритъ:

Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ
На поприще поэзіи ошибкой:
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
„Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ!“ (III, 256).

Извѣстно его посланіе къ Пушкину, написанное въ отвѣтъ на слишкомъ строгій приговоръ его стихамъ, произнесенный поэтомъ въ

письмѣ къ брату. Это одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Плетнева. Вотъ какъ онъ начинаетъ:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы,
И можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной... (276).

Въ концѣ онъ горюетъ, что судьба, или, говоря проще, служба, удаляетъ его отъ болѣе свободныхъ друзей-поэтовъ:

Но я вотще стремлюся къ нимъ душой,
Напрасно жду сердечнаго участья:
Вдали отъ нихъ поставленъ я судьбой
И волею враждебнаго мнѣ счастья... (278).

Послѣ этой глубоко-меланхолической и безукоризненной по отдѣлкѣ пьесы, Пушкинъ сталъ относиться справедливѣе къ таланту скромнаго друга, особенно, когда прочиталъ его стихи „Къ Музѣ“. Въ минуту душевной бодрости Плетневъ говоритъ:

Муза! ты мой путь презрѣнный
    Съ гордостью не обошла
И судьбѣ моей забвенной
    Руку вѣрную дала.
Будь до гроба мой вожатый!
    Оживи мои мечты,
И на горькія утраты
    Брось послѣдніе цвѣты. (298).

Пушкинъ запомнилъ эти стихи, и при первой встрѣчѣ съ авторомъ прочелъ ихъ ему наизусть.

Несмотря однакожъ на возраставшій успѣхъ своихъ стихотвореній, которыми дорожили издатели тогдашнихъ альманаховъ и которыя онъ всего охотнѣе помѣщалъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* барона Дельвига, Плетневъ скоро покинулъ поприще поэта и послѣ 1827 года почти ничего изъ своихъ стиховъ уже не печаталъ. Въ бумагахъ его осталась переписанная имъ самимъ большая тетрадь его стихотвореній. Въ наше изданіе вошли тѣ изъ нихъ, которыя казались намъ наиболѣе заслуживающими вниманія.

Вслѣдъ за стихами Плетнева стали появляться въ журналахъ 1820-хъ годовъ и критическія статьи его. Съ первыхъ же шаговъ на

этомъ пути онъ занялъ почетное мѣсто въ литературѣ. Послѣ Мерзлякова Плетневъ надолго становится самымъ замѣчательнымъ у насъ критикомъ, но идетъ вовсе не по слѣдамъ московскаго эстетика, любившаго наполнять свои разборы патетическими возгласами, а говоритъ спокойнымъ тономъ и простымъ языкомъ судьи, вполнѣ сознающаго законы, на которыхъ онъ основываетъ свои требованія и приговоры. Тогда начиналась самая свѣтлая эпоха нашей литературы. Карамзинъ, выпустивъ первые восемь томовъ Исторіи, стоялъ въ апогеѣ своей славы; Жуковскій восхищалъ всѣхъ своими возсозданіями изъ Шиллера и Байрона; Батюшковъ допѣвалъ свои гармоническія пѣсни; Пушкинъ, издавъ Руслана и Людмилу, готовилъ къ печати Кавказскаго Плѣнника; каждое новое произведеніе его составляло событіе; въ сторонѣ отъ нихъ, но съ неменьшимъ почетомъ стоялъ Крыловъ; вокругъ этихъ первостепенныхъ талантовъ группировались другіе, хотя и менѣе блестящіе, но также замѣчательные: кн. Вяземскій, бар. Дельвигъ, Баратынскій, Гнѣдичъ, Глинка, Языковъ, Козловъ. Припоминая, что къ этой плеядѣ принадлежалъ и Плетневъ, мы поймемъ, что онъ для задачъ критика обладалъ важнымъ преимуществомъ, — тонкою воспріимчивостью къ прелестямъ поэзіи, способностью и вкусомъ для оцѣнки истинно прекраснаго въ искусствѣ. Съ другой стороны, его близость къ корифеямъ тогдашней литературы, а чрезъ нихъ и ко всему внутреннему движенію ея, ставила его въ особенно выгодное для критика положеніе. По собственному его поэтическому настроенію естественно, что первые критическіе опыты свои онъ посвящалъ разбору произведеній поэзіи, и именно произведеній то одного, то другого изъ названныхъ первоклассныхъ писателей. Я замѣтилъ, что уже съ самаго начала своего авторства Плетневъ выражаетъ тѣ здравыя эстетическія понятія, которыя онъ и послѣ постоянно развивалъ въ своихъ статьяхъ. Въ чемъ же они состояли? Во всякомъ произведеніи изящной литературы, вообще во всякомъ искусствѣ, онъ первымъ требованіемъ ставитъ истину, вѣрность жизни и природѣ, наконецъ простоту. Онъ цѣнитъ каждое произведеніе по тому, насколько въ немъ отражается и чувствуется дѣйствительная жизнь. Все, съ усиліемъ придуманное, неестественное, вычурное строго имъ осуждается, и первымъ признакомъ этихъ недостатковъ служитъ для него многосложность и запутанность вымысла, отражающаяся въ обиліи хитро-сплетенныхъ происшествій и подробностей. Онъ былъ врагъ всякихъ теорій. Онъ требовалъ только, чтобы каждое художественное произведеніе носило на себѣ отпечатокъ „жизни народа и мѣстности", чтобы художникъ „сосредоточивалъ свое вниманіе на исключительныхъ особенностяхъ всякаго предмета и не довольствовался чертами общими, похожими на истины отвлеченныя". Уже въ началѣ 20-хъ годовъ, разбирая идиллію Гнѣдича „Рыбаки", онъ вы-

разилъ мысль, что „народная поэзія предпочтительнѣе неопредѣленной и всеобщей поэзіи“. Позднѣе, въ 1833 г. этотъ предметъ подробно развитъ имъ въ рѣчи, произнесенной въ университетѣ „о народности въ литературѣ“. Замѣчательно какъ онъ понималъ и цѣнилъ поэзію Пушкина съ самаго появленія первыхъ созданій его. Въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ онъ тогда же съ большою мѣткостью указалъ и красоты этой поэмы, и недостатки ея. Въ ней, по его замѣчанію, „два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе говорить о характерѣ первой, потому что онъ обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что можетъ только представить воображеніе поэта: нѣжная сострадательность, трогательное простодушіе и первая невинная любовь, — все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ... Но неполнымъ остается разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна“ (I, 73) и т. д. Такъ же вѣрно было впечатлѣніе, произведенное на Плетнева „Евгеніемъ Онѣгинымъ“ еще въ рукописи. Получивъ ее для изданія, онъ писалъ Пушкину: „Онѣгинъ твой будетъ карманнымъ зеркаломъ петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Невѣ съ ума нейдетъ у меня... Но разговоръ съ книгопродавцемъ верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я уже не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ! Увидимъ, раскусятъ ли это наши классики!“ (III, 313).

Чѣмъ далѣе шелъ Плетневъ, тѣмъ шире и разнообразнѣе становился кругъ предметовъ, которые онъ обнималъ яснымъ умомъ своимъ. По поводу появленія переводовъ изъ Шекспира въ 1837 году, онъ высказалъ объ этомъ писателѣ нѣсколько мыслей въ статьѣ, которая была напечатана въ одной изъ распространенныхъ въ то время газетъ и обратила на себя общее вниманіе. Шекспиромъ онъ издавна восхищался и говаривалъ, что изученію и переводу его твореній можно бы посвятить цѣлую жизнь. Кромѣ произведеній изящной словесности, въ область критики Плетнева входила также исторія литературы и исторія политическая, относительно которой онъ часто высказывалъ тотъ неоспоримо вѣрный взглядъ, что изложенію общихъ событій должна предшествовать разработка матеріаловъ частной и мѣстной исторіи. Одною изъ любимыхъ идей его при изданіи журнала было помѣщеніе въ немъ отдѣла „современныхъ записокъ“, которыя и дѣйствительно иногда появлялись въ немъ: такъ подъ этою рубрикой были напечатаны статьи о путешествіи по Россіи цесаревича великаго князя Александра Николаевича и Жуковскаго въ свитѣ его, о юбилеѣ Крылова, о читанныхъ въ Петербургѣ курсахъ литературы и др.

Смерть Пушкина, который въ послѣдніе годы жизни еще болѣе прежняго сблизился съ нимъ, глубоко поразила Плетнева. Съ тѣхъ поръ имя поэта стало часто появляться на страницахъ Современника, особенно въ воспоминаніяхъ самого издателя. Много свѣжихъ взглядовъ, много новыхъ чертъ для біографіи и характеристики великаго писателя сообщено его другомъ въ статьяхъ, которыя еще и теперь не потеряли цѣны своей. Сильное впечатлѣніе, произведенное на него этой утратой, долго отражается въ перепискѣ его: такъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Жуковскому онъ удивляется, что послѣ кончины геніальнаго человѣка все въ мірѣ продолжаетъ итти по прежнему, какъ будто въ природѣ не произошло ничего особеннаго.

За нѣсколько лѣтъ ранѣе умеръ Дельвигъ, и ему Плетневъ посвятилъ некрологъ, заслужившій одобреніе Пушкина. Послѣ смерти Баратынскаго, Крылова, Жуковскаго, а также гр. Канкрина и гр. Уварова, Плетневъ почтилъ память каждаго изъ нихъ превосходными статьями. Біографія Крылова, напечатанная передъ собраніемъ сочиненій баснописца, наиболѣе извѣстна и давно оцѣнена по достоинству. Но по теплотѣ сочувствія и по глубинѣ изученія еще выше стоятъ статьи Плетнева о Жуковскомъ. Съ Жуковскимъ соединяли его еще тѣснѣйшія узы, чѣмъ съ Пушкинымъ. По самой натурѣ своей, крайне воспріимчивой, мягкой и нѣжной, Плетневъ долженъ былъ чувствовать наиболѣе сильное влеченіе къ личности и произведеніямъ идеальнѣйшаго человѣка и поэта. Къ тому же онъ былъ и въ судьбѣ своей много обязанъ Жуковскому. Неудивительно, что Плетневъ смолоду не только горячо любилъ его, какъ старшаго друга и покровителя, но и питалъ къ нему какое-то благоговѣніе.

Кромѣ разборовъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній Жуковскаго, Плетневъ написалъ о немъ двѣ большія статьи. Первая была начата въ послѣдніе мѣсяцы жизни Василія Андреевича по поводу новаго изданія его сочиненій, а окончена уже по полученіи извѣстія о его смерти. Содержаніе этой статьи составляетъ характеристика поэзіи Жуковскаго. Плетневъ входитъ тутъ въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ относительно поэзіи и поэта вообще. Между прочимъ онъ энергически возстаетъ здѣсь, какъ и при другихъ случаяхъ, противъ высказывавшагося въ тогдашней журналистикѣ мнѣнія, „будто поэзія отжила свой вѣкъ для европейскихъ народовъ, будто она, для сохраненія достоинства своего между нашими современными вопросами, должна ограничиться развитіемъ какого-нибудь общественнаго направленія“. „Это мнѣніе, заключаетъ Плетневъ, принадлежитъ къ положеніямъ того односторонняго и ложнаго ученія, которое, подобно всякой неожиданной новости, нерѣдко соблазняетъ слабые и легкомысленные умы“. „Для человѣчества поэзія не утратила и никогда не можетъ утратить истиннаго своего значенія, какъ все

прекрасное и высокое, отъ природы врожденное намъ и душѣ нашей". (III, 2).

Говоря о возвышенномъ содержаніи поэзіи Жуковскаго, въ связи съ возвышенностью души его, Плетневъ припоминаетъ замѣчаніе Пушкина, что „слова поэта суть уже дѣла его" и выводитъ отсюда прекрасное заключеніе объ обязанностяхъ писателя: „И отъ писателя", говоритъ онъ, „какъ отъ всякаго гражданина, общество ожидаетъ дѣятельности полезной, видимаго вклада въ сокровищницу добра и свѣта". Въ другой статьѣ авторъ этихъ строкъ еще полнѣе выражаетъ свои требованія отъ писателя: „Созданія таланта должны быть освящены нравственнымъ его достоинствомъ, характеромъ, выразившимся въ благородной дѣятельности, въ жизни неукоризненной и самостоятельной. Нѣтъ ни убѣжденія, ни красоты, ни истины въ словахъ человѣка, презираемаго нами, какъ бы онъ ни выражался сладкорѣчиво". (II, 179).

Исходя изъ такого взгляда, Плетневъ находитъ, что при разборѣ писателя недостаточно смотрѣть на него со стороны эстетической: „выводы важнѣйшіе, высшіе начинаются только съ вопроса: что значили слова его, какъ дѣла?" И затѣмъ, примѣняя этотъ вопросъ къ Жуковскому, онъ разбираетъ всѣ главныя произведенія его, начиная съ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ". Другая статья Плетнева о Жуковскомъ имѣетъ преимущественно біографическій характеръ и драгоцѣнна по множеству новыхъ для того времени свѣдѣній о жизни и личности поэта.

Мелкіе разборы или, вѣрнѣе, критическія замѣтки, помѣщавшіяся въ Современникѣ и въ которыхъ издатель немногими словами оцѣнялъ выходившія въ свѣтъ книги, останутся навсегда дороги для историка тогдашней литературы. Естественно, что не всѣ они равнаго достоинства, но многіе изъ нихъ, по своей мѣткости, а иногда и по сквозящему въ нихъ юмору, могутъ быть названы настоящими перлами этого рода лаконической критики. Для насъ любопытны между прочимъ отзывы, которыми Плетневъ въ 40-хъ годахъ встрѣчалъ первые опыты талантовъ, коихъ имена позднѣе пріобрѣли въ литературѣ общепризнанное значеніе, напр. Достоевскаго, Тургенева, Майкова, Полонскаго, Плещеева. Всѣхъ ихъ онъ привѣтствовалъ сочувственно и характеризовалъ вѣрными чертами, предугадывая будущее ихъ развитіе.

О занимательности переписки, помѣщенной въ концѣ 3-го тома собранія сочиненій Плетнева, достаточно говорятъ имена тѣхъ писателей, съ которыми онъ велъ ее.

Извлеченія изъ нея отдѣльныхъ мѣстъ повело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что она представляетъ весьма разнообразный интересъ не только какъ біографическій и библіографическій мате-

ріалъ, но и какъ источникъ, откуда можно почерпнуть много любопытныхъ чертъ для общественной исторіи времени. Не говоря уже о томъ, въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ является тутъ личность самого Плетнева, позволю себѣ только привести изъ одного письма его нѣсколько строкъ, имѣющихъ отношеніе къ изданію его сочиненій и показывающихъ, какъ скромно самъ онъ смотрѣлъ на свою литературную дѣятельность. „Въ отчетахъ моихъ по академіи и университету", пишетъ онъ Жуковскому въ 1852 г., „я нахожу возможность и удобный случай помѣщать небольшія біографіи тѣхъ замѣчательныхъ лицъ, которыя состояли въ качествѣ членовъ этихъ ученыхъ обществъ. Конечно, какъ члены бываютъ разнаго рода, такъ и біографіи мои. Но мнѣ все-таки весело помянуть отъ души добрымъ словомъ человѣка, который чѣмъ-нибудь въ жизни своей согрѣлъ мое сердце... Ежели, по смерти моей, въ чьей-нибудь душѣ сохранится обо мнѣ теплое воспоминаніе, ему легко будетъ выбрать эти сорокъ или пятьдесятъ біографій и, приложивши къ нимъ позамѣчательнѣе разборы мои разныхъ лучшихъ сочиненій русскихъ, издать ихъ въ одной книгѣ. Хоть я и знаю, что это не выйдетъ что-нибудь вѣковѣчное, однакоже читатель встрѣтитъ тутъ не одну мысль, не одно слово, согрѣтое чувствомъ и проникнутое живымъ убѣжденіемъ". (III, 728). Такъ мало требовалъ онъ самъ отъ издателя своихъ трудовъ. Академія, цѣня по достоинству эти труды, поняла шире задачу такого изданія. Біографіи, о которыхъ упоминается въ приведенныхъ словахъ, найдутъ мѣсто въ 4-мъ томѣ.

V.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕПИСКИ П. А. ПЛЕТНЕВА [1]).

1884.

Сочиненія Петра Александровича Плетнева почти вовсе не извѣстны нынѣшней читающей публикѣ; съ ними мало знакомы даже и записные литераторы. Главная тому причина — что его труды до сихъ поръ были разсѣяны въ журналахъ и альманахахъ болѣе или менѣе стараго времени (отъ 1820-хъ до 60-хъ годовъ). Между тѣмъ сочиненія Плетнева, какъ критика и поэта, принадлежатъ къ числу такихъ явленій нашей литературы, которыми она вправѣ гордиться. Его критическіе разборы замѣчательны не только по своему внутреннему достоинству, по глубинѣ его мыслей, по благородству его воз-

[1]) См. Академическое изданіе, Спб. 1885 г., т. I.

зрѣній, но и потому, что онъ, будучи близокъ къ лучшимъ представителямъ блестящей эпохи русской литературы, зналъ, такъ сказать, всѣ закулисныя тайны ея и, довершивъ въ обществѣ этихъ талантливыхъ людей свое эстетическое образованіе, находился въ самыхъ благопріятныхъ для роли критика обстоятельствахъ. Въ его статьяхъ появлявшихся на протяженіи сорока слишкомъ лѣтъ, мы можемъ прослѣдить исторію всей лучшей половины современной ему литературы: какъ онъ въ 20-хъ годахъ радостно привѣтствовалъ *Кавказскаго плѣнника* Пушкина и *Орлеанскую дѣву* Жуковскаго, такъ въ 40-хъ онъ встрѣтилъ тонкимъ анализомъ знатока *Мертвыя души* Гоголя, а въ 60-хъ оцѣнилъ сочувственнымъ отзывомъ драмы Островскаго и Писемскаго. Его художественные очерки жизни и дѣятельности Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Уварова, Жуковскаго и др. по справедливости признаются мастерскими въ своемъ родѣ произведеніями.

Какъ поэтъ, Плетневъ, не соперничая со звѣздами первой величины въ этой области нашей литературы, занимаетъ однакожъ почетное мѣсто въ кругу ихъ наиболѣе счастливыхъ спутниковъ. Его переписка съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и кн. Вяземскимъ представляетъ живой интересъ не только потому, что знакомитъ насъ подробнѣе съ личностью каждаго изъ нихъ, но и по сообщаемымъ въ ней любопытнымъ извѣстіямъ о современныхъ дѣлахъ и людяхъ, а также и по тѣмъ чертамъ ума и характера, въ какихъ тутъ выясняется намъ образъ нашего автора.

Съ дѣтства никогда не покидавъ Россіи и даже не удалявшись отъ Петербурга и его окрестностей, Плетневъ болѣзнію вынужденъ былъ провести послѣдніе годы жизни за границею, большею частью въ Парижѣ, гдѣ онъ и умеръ 73-хъ лѣтъ 29-го декабря 1865 года. Желая почтить его память, какъ человѣка и писателя, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, въ которомъ онъ съ 1859 состоялъ предсѣдательствующимъ, вскорѣ послѣ его смерти поручило мнѣ заняться приготовленіемъ изданія его сочиненій и переписки, къ чему и было приступлено мною какъ скоро это оказалось возможнымъ по передачѣ мнѣ бумагъ и писемъ его.

Въ издаваемыхъ нынѣ трехъ томахъ сочиненія Плетнева раздѣлены на три неравные по объему отдѣла: первый, самый обширный отдѣлъ содержитъ сочиненія въ прозѣ, занимающія два тома и значительную часть 3-го, второй отдѣлъ — стихотворенія, и третій — переписку; въ каждомъ отдѣлѣ содержаніе расположено въ повременномъ порядкѣ, при чемъ однакожъ изъ прозаическихъ сочиненій въ особую группу выдѣлены мелкіе критическіе разборы, помѣщавшіеся авторомъ въ журналѣ *Современникъ*, который онъ издавалъ по смерти Пушкина съ 1837 по 1846 годъ. Не считая удобнымъ перепечатывать *всѣ* эти разборы, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ слишкомъ незначи-

тельны, другіе, относясь къ разнымъ спеціальностямъ, писаны посторонними рецензентами, я долженъ былъ сдѣлать выборъ изъ замѣтокъ этого рода, что̀ и исполнено мною во второмъ томѣ съ возможною осторожностью и стараніемъ сохранить все, съ той или другой стороны заслуживающее вниманія.

Такой же выборъ признанъ былъ нужнымъ и въ отдѣлѣ стихотвореній, слѣдующемъ за прозой въ 3-мъ томѣ. Исключена между прочимъ большая часть самыхъ раннихъ пьесъ Плетнева съ преобладающимъ дидактическимъ характеромъ, печатавшихся въ *Соревнователѣ* и писанныхъ прежде нежели окончательно опредѣлилось поэтическое направленіе автора въ духѣ современныхъ ему первоклассныхъ поэтовъ.

Послѣ стихотвореній, во второй половинѣ 3-го тома, идетъ переписка Плетнева съ тремя названными выше писателями. Почти всѣ помѣщенныя тутъ письма напечатаны съ подлинныхъ, и притомъ безъ всякихъ пропусковъ, за исключеніемъ лишь немногихъ строкъ, имѣющихъ чисто семейный характеръ. Между отзывами о лицахъ еще живыхъ издатель охотно опустилъ бы нѣкоторые, если бъ имѣлъ право слѣдовать здѣсь своему личному побужденію; впрочемъ, удержать ихъ было тѣмъ болѣе основанія, что они уже ранѣе были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* даже безъ сокращенія имени одного изъ лицъ, къ которымъ они относятся.

Отпечатанные нынѣ три тома выходятъ прежде приведенія къ концу всего изданія, главнымъ образомъ съ цѣлію ускорить появленіе писемъ Пушкина и Жуковскаго, такъ какъ въ печати уже не разъ выражаемо было сожалѣніе, что они долго остаются неизданными. Смѣю думать, что такое замедленіе нѣсколько вознаграждается тѣмъ, что бо́льшая часть ихъ является теперь не отдѣльно, а рядомъ съ соотвѣтствующими имъ письмами Плетнева, чѣмъ, конечно, въ значительной степени увеличивается интересъ переписки.

Въ 4-мъ томѣ предполагается помѣстить часть переписки Плетнева съ другими лицами, біографическія о немъ свѣдѣнія и еще кое-какія дополненія къ настоящимъ тремъ томамъ.

Въ заключеніе не могу не упомянуть съ благодарностію о помощи, которою я при этомъ изданіи обязанъ былъ тремъ лицамъ: вдовѣ автора, Александрѣ Васильевнѣ Плетневой, съ полнымъ довѣріемъ предоставившей въ мое распоряженіе всѣ бумаги покойнаго; С. И. Пономареву, сообщившему мнѣ рядъ библіографическихъ указаній, и Н. П. Барсукову, при содѣйствіи котораго я получилъ отъ князей П. А. и П. П. Вяземскихъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ отдѣловъ появляющейся нынѣ переписки, а также и нѣкоторыя библіографическія разъясненія.

Приложенный къ изданію портретъ гравированъ на мѣди Іорда-

номъ въ увеличенномъ размѣрѣ съ фотографіи, дѣланной въ Парижѣ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни Плетнева.

Ноябрь 1884 г.

VI.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПИСЬМАХЪ ПЛЕТНЕВА КЪ ГОГОЛЮ [1]).

1890.

Когда я печаталъ переписку Плетнева съ друзьями въ III томѣ его „Сочиненій“, предлагаемыя здѣсь 19 писемъ къ Гоголю не были мнѣ извѣстны. Они доставлены мнѣ недавно изъ Москвы Вл. Ив. Шенрокомъ, который получилъ ихъ отъ проживающихъ въ Малороссіи родныхъ покойнаго Николая Васильевича. По желанію редакціи „Русскаго Вѣстника“, я охотно беру на себя составленіе къ этимъ письмамъ необходимыхъ примѣчаній. Правда, что эта задача нѣсколько затрудняетъ меня тѣмъ, что въ письмахъ этихъ не разъ упоминается мое имя; но читатели, слѣдившіе за перепискою Плетнева, могли видѣть еще изъ писемъ его къ Жуковскому, печатавшихся въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870-хъ годовъ, съ какимъ дружескимъ пристрастіемъ онъ иногда говорилъ обо мнѣ. Настоящія письма не представляютъ съ этой стороны ничего новаго. Что касается отношеній между Плетневымъ и Гоголемъ, то они извѣстны изъ помѣщенныхъ въ изданіи г. Кулѣша писемъ и совершенно однородны съ отношеніями Плетнева къ Пушкину, хотя первый, конечно, не одинаково смотрѣлъ на обоихъ писателей. Подобно Пушкину, и Гоголь нашелъ въ немъ старшаго друга, который съ отеческою заботливостью помогалъ ему во всѣхъ затрудненіяхъ, облегчалъ столкновенія съ цензурою, доставлялъ ему матеріальныя выгоды, былъ посредникомъ между нимъ и книгопродавцами. Зато и Гоголь глубоко сознавалъ, какъ много былъ обязанъ Плетневу. Вскорѣ послѣ изданія „Мертвыхъ душъ“, Гоголь писалъ ему, прося его сообщить строгій разборъ этого сочиненія:

„Добрый, старый другъ мой! Я васъ сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать знаками. Но вы сами должны чувствовать, что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни“.

Письмо, которымъ начинается настоящая коллекція, было, какъ видно изъ первыхъ строкъ его, отвѣтомъ на несохранившееся, къ сожа-

---

[1]) Это — маленькое предисловіе къ напечатаннымъ 19 письмамъ Плетнева къ Гоголю, въ Р. Вѣстн., 1890, т. XI.

лѣнію, письмо [1]), въ которомъ Гоголь просилъ Плетнева откровенно высказать свое о немъ мнѣніе. Конечно, ему до того никогда еще не приходилось слышать такихъ горькихъ истинъ. Замѣчательная отповѣдь Плетнева столько же служитъ характеристикой его самого, какъ и Гоголя.

---

[1]) Нынѣ это письмо отыскалось и напечатано нами съ другими въ статьѣ „Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ". Извѣстія Отд. русск. яз. и сл. 1900 т. V. *Ред.*

КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

I.

РѢЧЬ НА ЮБИЛЕѢ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО [1].

1861.

Князь Петръ Андреевичъ! Полвѣка есть значительный періодъ не только въ жизни человѣка, но и въ исторіи народа. Уже 50 лѣтъ Ваше имя принадлежитъ русской литературѣ, и во все это время Вы не безучастно слѣдили за ея движеніемъ. Позвольте мнѣ сблизить двѣ крайнія его точки, какъ два рубежа поприща, доселѣ Вами пройденнаго. Желаю сдѣлать это не для сравненія, ибо я, вмѣстѣ съ поэтомъ, „два вѣка ссорить не хочу“, но для того, чтобы легче измѣрить разстояніе между настоящимъ и исходнымъ пунктомъ Вашей дѣятельности.

Заря новой русской поэзіи только-что занималась, когда Вы, еще совершенно молодой человѣкъ, примкнули къ кругу преобразователей литературы. Въ „Вѣстникѣ Европы“, когда его издавалъ Жуковскій, начали появляться Ваши стихотворенія. Слава Жуковскаго только-что возникала. Карамзинъ пользовался уже громкимъ именемъ, но еще и первые томы его Исторіи не были напечатаны. Рядомъ съ нимъ въ общемъ мнѣніи стоялъ Дмитріевъ. Высоко цѣнили Озерова и Крылова. Молодой Батюшковъ уже обращалъ на себя вниманіе. Но имя Александра Пушкина было еще неизвѣстно: онъ только готовился поступить въ Лицей. Русскихъ писателей было тогда очень мало. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ издавалось небольшое число журналовъ. Для близкаго родственника Карамзина и друга Жуковскаго нетруденъ былъ выборъ между этими изданіями для участія въ одномъ изъ нихъ.

Сдѣлавшись писателемъ, Вы не пошли по пробитой колеѣ. Правда, что, высказываясь всего чаще посланіями и сатирами, Вы избрали двѣ любимыя въ то время формы поэзіи; но Вы избрали ихъ не изъ подражанія, а потому, что онѣ болѣе другихъ соотвѣтствовали характеру Вашего ума и роду Вашего таланта, который въ нихъ явился вполнѣ самостоятельнымъ. Всѣ поражены были вѣрностію Вашихъ наблюденій, оригинальнымъ оборотомъ Вашихъ мыслей и новостью мѣткаго ихъ выраженія. Но Вы не ограничились стихами: скоро и въ прозѣ Вашей узнали мыслителя тонкаго, остроумнаго и начитаннаго, умѣющаго облекать истину въ образы яркіе, живые и свѣжіе.

Подробная характеристика Вашей литературной дѣятельности и исчисленіе трудовъ Вашихъ были бы въ настоящемъ случаѣ излишни:

[1] Извѣстія II-го Отд. Имп. Ак. Н., т. IX, вып. V, 1861, стр. 342 — 45 и отдѣльно: Юбилей 50-тилѣтн. литерат. дѣятельности кн. П. А. Вяземскаго, Спб. 1861.

наше собраніе служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что они признаны и по справедливости оцѣнены. Но эта оцѣнка не ограничивается однимъ собравшимся здѣсь кругомъ. Ваши литературныя заслуги признаются и всѣмъ Русскимъ обществомъ. Юбилей вашъ совпадаетъ съ однимъ изъ самыхъ многозначительныхъ моментовъ въ жизни этого общества. Мы накапунѣ разрѣшенія великой задачи, которая нѣсколько лѣтъ занимала въ немъ всѣ умы. Въ этомъ настоящая эпоха нѣсколько сходна съ тою, которую Вы пережили въ началѣ своего поприща. Другого рода великій вопросъ, вопросъ о сохраненіи политической свободы Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, волновалъ всю націю. И тогда, какъ теперь, литературные интересы отодвинулись на задній планъ. Во второй половинѣ 1812-го года и въ 1813-мъ въ журналахъ нашихъ почти вовсе не появлялось литературныхъ статей. Говоря относительно, большое оживленіе отличало нашу литературу въ послѣдніе годы. Время было для нея неблагопріятно только съ одной стороны, по преобладанію практическихъ интересовъ надъ художественными и научными; но за то, съ другой стороны, какъ благотворны были для нея ограниченіе дѣйствія цензуры и расширеніе права обсужденія въ печати общественнныхъ и правительственныхъ вопросовъ! Правда, это самое придало литературѣ нашей нѣсколько односторонній характеръ; но едва ли справедливо было бы опасаться, что она долго будетъ страдать этимъ недостаткомъ.

Писатель, совершившій бо̀льшую часть своего поприща въ другомъ періодѣ, посреди другихъ дѣятелей и интересовъ, не можетъ иногда не испытывать нѣкоторой одинокости въ новомъ поколѣніи. Онъ чувствуетъ отсутствіе многихъ изъ тѣхъ, съ которыми началъ свой путь и, можетъ быть, долго шелъ объ-руку; онъ скорбитъ о тѣхъ, отчасти сверстникахъ своихъ, которыхъ пережилъ; его не всѣ понимаютъ, не всѣ одинаково цѣнятъ... Но зато сколько и утѣшеній дѣятель прошлаго можетъ найти въ настоящемъ, особливо, если онъ, какъ Вы, *Князь Петръ Андреевичъ*, сохраняетъ всю теплоту юности, если его сердце не зачерствѣло, если онъ по прежнему сочувствуетъ всякому развитію и успѣху. Посмотрите, какъ неимовѣрно увеличилась у насъ литературная дѣятельность: число пишущихъ такъ возрасло, что вопросъ Карамзина, „отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?“ уже былъ бы неумѣстенъ въ наше время. Между нами, можетъ быть, менѣе писателей, которые сохранятъ свое личное значеніе для потомства; но зато русскіе писатели въ совокупности пріобрѣли большее значеніе для современнаго общества. Литературный трудъ уже вознаграждается, и въ матеріальномъ отношеніи — можетъ даже служить источникомъ обогащенія. Посмотрите, какъ усилилась у насъ періодическая литература и въ числѣ и въ объемѣ

своихъ органовъ; какое множество книгъ почти по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія стало появляться; какъ заботятся у насъ о распространеніи грамотности и знанія въ народѣ! Скажутъ, что во всемъ этомъ являются увлеченія, крайности, заблужденія; но когда же родъ человѣческій шелъ впередъ безъ частныхъ уклоненій въ сторону? Будемъ твердо вѣрить въ успѣхи нашего общества. Съ развитіемъ русскаго слова, мы въ томъ не сомнѣваемся, Ваши труды, Князь, нисколько не утратятъ своей цѣны; но для облегченія средствъ къ распространенію ихъ въ читающей публикѣ на Васъ самихъ лежитъ обязанность, которой исполненія давно ожидаютъ отъ Васъ всѣ любители русской литературы: разумѣю изданіе Вашихъ сочиненій. Пусть отъ него не удержитъ Васъ и Ваша продолжающаяся поэтическая дѣятельность, которой плоды, можетъ быть, скоро обрадуютъ почитателей Вашего таланта. Вотъ желаніе, которое, конечно, раздѣляютъ со мной не только всѣ здѣсь присутствующіе, но и безчисленное множество отсутствующихъ.

Позволю себѣ въ заключеніе выразить еще другое желаніе, которое хотя относится не къ Вамъ лично, но не будетъ неумѣстно на Вашемъ праздникѣ: чтобъ обстоятельства болѣе и болѣе благопріятствовали разумному движенію нашей литературы, чтобы наше время въ этомъ отношеніи было дальнѣйшимъ развитіемъ той, къ сожалѣнію, непродолжительной эпохи, въ которую Вы начали писать.

II.

НЕКРОЛОГЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО [1]).

1878.

10-го ноября скончался старѣйшій сочленъ нашъ по Академіи и старѣйшій же собратъ нашъ по литературѣ. Родившись въ 1792 году, князь Вяземскій началъ свою литературную дѣятельность уже въ 1808, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, и, продолжая ее до послѣднихъ дней жизни, какъ бы опровергъ собою извѣстное положеніе науки, что чѣмъ ранѣе силы развиваются, тѣмъ ранѣе и увядаютъ.

Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ, черезъ 26 лѣтъ послѣ Жуковскаго, который кончилъ свое поприще тамъ же, спустя 26 лѣтъ послѣ смерти Карамзина.

---

[1]) Читанный въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности 16-го ноября 1878 года. Сборн. Отд. р. яз. и сл. 1880, т. XX.

Грустны могли казаться послѣдніе годы жизни князя Вяземскаго: онъ провелъ ихъ не только на чужбинѣ, но и въ совершенномъ умственномъ одиночествѣ, вдали отъ современнаго движенія родной литературы, переживъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и товарищей, почти забытый молодымъ поколѣніемъ, считая между живыми литераторами лишь немногихъ ему сочувствовавшихъ и цѣнившихъ его талантъ. Но судьба облегчила ему перенесеніе этихъ лишеній, сохранивъ ему до гроба вѣрнаго друга, достойную спутницу жизни, избранную имъ еще въ молодые годы, неизмѣнно дѣлившую съ нимъ на долгомъ пути и радость, и горе. Самъ поэтъ никогда не разрывалъ связи съ русскою литературой, постоянно продолжалъ слѣдить за нею, какъ и за всѣмъ, что происходило въ отечествѣ, и былъ счастливъ въ тиши уединенія, въ тѣсномъ кругу семьи и немногихъ близкихъ.

Справедливо ли было равнодушіе или, вѣрнѣе, пренебреженіе, съ какимъ современная литература относилась къ князю Вяземскому? Положительно нѣтъ. И въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ такъ часто въ людскихъ дѣлахъ, виною было недоразумѣніе: покойнаго считали гордымъ, спесивымъ, холоднымъ: это было несправедливо. Въ его талантѣ преобладала критическая струя; его сила была въ эпиграммѣ и сатирѣ; онъ не умѣлъ сдерживать остраго и бойкаго слова, и вотъ что поссорило его съ молодымъ поколѣніемъ, когда оно въ своихъ увлеченіяхъ давало пищу его перу.

Блестящаго ума и таланта въ князѣ Вяземскомъ не могли отрицать и враги его: съ поэтическимъ дарованіемъ онъ соединялъ самостоятельность и глубину мысли, рѣзкость и оригинальность выраженія; сатира его была мѣтка и язвительна. Понятно, почему онъ особенно сочувствовалъ Фонвизину и посвятилъ этому писателю свой главный историко-литературный и критическій трудъ. Эта превосходная монографія, которая впервые познакомила автора съ высокимъ наслажденіемъ прилежнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, даетъ понятіе, какого значенія въ этой сферѣ дѣятельности могъ бы достигнуть нашъ покойный сотоварищъ, еслибъ обладалъ постоянствомъ въ трудѣ и привычкой къ ученымъ занятіямъ. Впрочемъ, есть слухъ, что въ портфелѣ его остался еще трудъ этого рода, предметъ котораго также родственная ему и Фонвизину по свойству ума личность, именно извѣстный своимъ остроуміемъ князь Козловскій.

Къ сожалѣнію, князю Вяземскому не былъ чуждъ тотъ недостатокъ, который такъ часто препятствуетъ полному развитію силы и даровитости русскаго человѣка: его не увлекала жажда труда, онъ легко предавался бездѣйствію. „Если, говорилъ онъ мнѣ однажды, я не сдѣлалъ въ литературѣ значительнаго, то это произошло всего болѣе отъ моего образа жизни: я никогда не умѣлъ рано вставать и день мой рѣдко начинался до полудня“. При такомъ недостаткѣ

дѣятельности, виною котораго, впрочемъ въ позднѣйшіе годы былъ и тяжкій недугъ, надо еще удивляться, какъ успѣлъ князь Вяземскій, посреди свѣтской жизни, въ которой онъ по своему положенію вращался, написать такъ много замѣчательнаго: это объясняется только высокою степенью его ума и способностей. Къ отсутствію энергической дѣятельности присоединялась въ немъ и безпечность даже о собственныхъ своихъ интересахъ. Иначе онъ, конечно, давно озаботился бы собрать и издать свои сочиненія, и тогда его мѣсто въ литературѣ было бы, безъ сомнѣнія, и опредѣленнѣе, и виднѣе. Но князя Вяземскаго знали большею частію только по наслышкѣ; и многіе на него смотрѣли сквозь мутныя очки сословнаго предубѣжденія. Кто зналъ его близко, не могъ не уважать въ немъ человѣка съ душою теплою, съ умомъ просвѣщеннымъ, съ сердцемъ, сочувствовавшимъ всему доброму и прекрасному, въ какихъ бы житейскихъ условіяхъ оно ни проявлялось. Недостатокъ дѣятельности не мѣшалъ ему цѣнить это свойство въ другихъ и отдавать справедливость всякому честному и полезному труду.

Года два тому назадъ, родственникъ покойнаго, графъ С. Д. Шереметевъ, предпринялъ изданіе сочиненій поэта, почти противъ воли его. Съ трудомъ собрался старецъ написать по этому поводу родъ автобіографической записки, о которой его просили и которая въ настоящее время уже печатается впереди приготовляемаго тома. Пожелаемъ, чтобъ это изданіе установило въ потомствѣ справедливый судъ о писателѣ, котораго Карамзинъ, убѣдившись въ его талантѣ, благословилъ на служеніе поэзіи, котораго высоко ставили Жуковскій, Пушкинъ и Гоголь. Кончаю этими немногими словами, въ надеждѣ, что ко дню годового собранія Академіи Наукъ М. И. Сухомлиновъ, вмѣстѣ съ отчетомъ по нашему отдѣленію, представитъ болѣе полный обзоръ дѣятельности и оцѣнку заслугъ нашего знаменитаго сочлена. А покуда почтимъ память поэта, повторивъ давно произнесенное имъ „слово примиренія“, которому теперь всепримиряющая смерть даетъ новую силу и новое значеніе:

„Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ помочь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!“

О ВОСТОКОВѢ.

I.

НЕКРОЛОГЪ [1]).

1864.

Въ субботу, 8 февраля, въ $5^{1/2}$ часовъ утра скончался знаменитый нашъ ученый, Александръ Христофоровичъ Востоковъ. Славянская филологія лишилась въ немъ своего патріарха, Академія Наукъ одного изъ самыхъ почтенныхъ членовъ своихъ. Черезъ нѣсколько недѣль покойному должно было совершиться 83 года; въ послѣднее время онъ чаще и чаще хворалъ, и при всемъ томъ, не легко свыкнуться съ мыслью о его смерти. Только три недѣли тому назадъ Востоковъ перестaлъ посѣщать засѣданія Отдѣленія русскаго языка, но они продолжали интересовать его, такъ что онъ, при каждомъ свиданіи съ кѣмъ-нибудь изъ сочленовъ своихъ, не забывалъ спрашивать о ихъ занятіяхъ. Далеко по всему славянскому міру пронеслась слава имени Востокова; но только знавшіе его лично могли оцѣнить всю высокость этой благородной и чистой души. Невозмутимое спокойствіе, отсутствіе всякихъ суетныхъ стремленій и расчетовъ, глубоко-нравственное достоинство и величайшая простота въ обращеніи столько же отличали Востокова, какъ человѣка, сколько превосходные труды выдвигали его, какъ дѣятеля науки. И почти до послѣдней минуты Востоковъ сохранилъ бодрость своего могучаго духа; за нѣсколько часовъ до его кончины (7-го числа вечеромъ), мы были у его одра и слышали изъ устъ его послѣднее прощаніе, произнесенное твердымъ и громкимъ голосомъ, который иногда на мигъ возвышался посреди безпрерывныхъ припадковъ удушья. Какъ прекрасно лежала на изголовьи эта старческая, покрытая сѣдинами голова, уже изнуренная страданіемъ, но еще сохранившая полное сознаніе. Востокова нѣтъ! О, еслибъ мѣсто его въ ряду русскихъ ученыхъ никогда не оставалось празднымъ! Еслибъ изъ среды русской молодежи, столь счастливо одаренной, возникало побольше дѣятелей съ такой же безкорыстной и неутомимой любовью къ наукѣ, съ такой же теплой, благородной, младенчески простой душой! Да живетъ память Востокова плодотворно въ грядущихъ поколѣніяхъ русскихъ! Мы лучше не умѣемъ почтить ее, какъ выраженіемъ этого желанія надъ его еще неостывшимъ прахомъ.

---

[1]) С.-Петербург. Вѣд. 1864, № 33.

II.

ПОХОРОНЫ ВОСТОКОВА [1]).

1864.

12-го февраля, въ середу, происходило на лютеранскомъ Волковомъ кладбищѣ погребеніе умершаго 8-го числа ординарнаго академика, Александра Христофоровича Востокова. Это умилительное событіе займетъ свою страницу въ лѣтописяхъ Академіи Наукъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія Академія Художествъ приняла въ сѣнь свою молодого остзейца Остенека, желавшаго озарить свою душу священнымъ огнемъ искусства; черезъ 65 лѣтъ Академія Наукъ передала вѣчности старца Востокова, въ которомъ Россія признала своего достойнаго сына. Зрѣлище его погребенія носило ту же печать необыкновеннаго, какою была ознаменована вся его жизнь. Человѣкъ, котораго русскіе провожали, какъ свою знаменитость, изъ лютеранской церкви, путемъ искусства вошелъ въ храмъ знаній; бывъ рожденъ съ неизлѣчимымъ недостаткомъ языка, онъ сдѣлался поэтомъ и любилъ въ поэзіи разнообразіе метровъ, требующихъ особенной тонкости слуха. Въ ту же эпоху, нашъ будущій академикъ самоучкою изучилъ основательно древніе языки и этимъ, конечно, положилъ самое твердое основаніе изслѣдованіямъ, которыя вскорѣ должны были поглотить всю его дѣятельность. Біографія и разсмотрѣніе ученыхъ заслугъ Востокова будутъ предметомъ особаго обширнаго труда; здѣсь мы считаемъ нужнымъ передать только тѣ немногія черты ихъ, которыя должны служить отвѣтомъ на вопросы, естественно возникающіе въ каждомъ сколько-нибудь любознательномъ читателѣ. Востоковъ родился 16-го марта 1781 года въ Аренсбургѣ; кончилъ воспитаніе 1803 года въ с.-петербургской Академіи Художествъ однимъ изъ пенсіонеровъ ея, съ правомъ на 14-й классъ, и остался на первое время при ея библіотекѣ. Изъ должностей, которыя онъ занималъ послѣ, видно, что Востоковъ, чуждый всякаго честолюбія, искалъ только такой службы, которая, доставляя необходимое содержаніе, вмѣстѣ облегчала бы ему средства къ любимымъ занятіямъ. Съ 1813 до 1845 года онъ служилъ при Публичной Библіотекѣ, а съ 1845 принадлежалъ исключительно Академіи Наукъ, сдѣлавшись ея ординарнымъ членомъ въ 1841, когда Россійская Академія преобразована была въ отдѣленіе русскаго языка и словесности. Членомъ Россійской Академіи Востоковъ былъ избранъ въ 1820 г. Извѣстность въ литературѣ онъ прежде всего пріобрѣлъ стихотвореніями, напечатанными отдѣльно сперва въ 1806, потомъ въ 1821 году. Это изліянія пылкаго и мыслящаго юноши, стремящагося

[1]) С.-Петербург. Вѣдом. 1864, № 38.

ко всему духовно-прекрасному въ жизни; особенное вниманіе обращали на себя его переводы изъ древнихъ, съ соблюденіемъ греческихъ метровъ. Въ изданныя Жуковскимъ *Образцовыя сочиненія* вошли многія стихотворенія Востокова. Вмѣстѣ съ изученіемъ древнихъ языковъ, занимала его особенно народная поэзія, которой значеніе онъ одинъ изъ первыхъ у насъ понялъ и оцѣнилъ надлежащимъ образомъ. Плодомъ изученія этихъ двухъ предметовъ былъ его замѣчательный *Опытъ о русскомъ стихосложеніи*, напечатанный въ 1817 году и до сихъ поръ еще не утратившій своего достоинства. Вотъ труды, которые послужили переходомъ Востокова отъ поэзіи къ филологіи. Положительное призваніе его къ этому поприщу выразилось въ его *Разсужденіи о славянскомъ языкѣ*, помѣщенномъ 1820 года въ 17-й части „Трудовъ Общества любителей россійской словесности“. Это небольшое сочиненіе, въ которомъ онъ съ удивительною проницательностью первый указалъ никѣмъ незамѣченныя до него свойства старославянскаго языка, было такъ важно, что сдѣлало бы имя его незабвеннымъ въ лѣтописяхъ языкознанія, даже, еслибъ онъ болѣе ничего не написалъ. Знаменитый чешскій ученый, Добровскій, печатавшій тогда свои Institutiones linguae slavicae, такъ былъ пораженъ открытіями Востокова, что хотѣлъ было истребить готовые уже листы этой книги. Другой извѣстный славянинъ, Копитаръ, называлъ Востокова за это изслѣдованіе lumen, creator philologiae slavicae (свѣтиломъ, творцомъ славянской филологіи [1]). Но Востоковъ не остановился на этомъ: его грамматическіе и лексическіе труды, его *Описаніе рукописей Румянцовскаго Музея*, предпринятое имъ по вызову самого графа Румянцова, особенно же его изданіе *Остромирова евангелія*, по которому онъ, сколько было возможно, возстановилъ старославянскій языкъ, доставили ему первое мѣсто между славянскими филологами нынѣшняго вѣка.

Столь важные труды давно пріобрѣли Востокову европейскую извѣстность; повсемѣстное уваженіе, которымъ пользовалось его имя, выразилось избраніемъ его въ члены разныхъ обществъ и университетовъ.

Есть о чемъ призадуматься, если съ такими трудами и заслугами сравнить то скромное матеріальное положеніе, которое занималъ Востоковъ во всю свою жизнь. Таковъ почти всегда удѣлъ достоинства, которое само за себя ничего не ищетъ, ни о чемъ не проситъ. А тутъ къ величайшей скромности присоединялся еще и природный недостатокъ, который, удаляя Востокова отъ общенія съ людьми, заставлялъ его замыкаться въ самомъ себѣ. Такое уединенное положеніе, лишая

[1]) См. статью „А. Х. Востоковъ“ въ т. 69-мъ „Отечествен. Записокъ“ (1855 г.), въ которой покойный Карелкинъ всего подробнѣе разсмотрѣлъ дѣятельность нашего академика.

многихъ наслажденій, имѣетъ, однакожъ, и свои преимущества: оно не даетъ пищи ни враждѣ, ни зависти; у Востокова никогда не было враговъ, его не касалось злословіе; имя его пользовалось безусловнымъ уваженіемъ, слава его была чиста.

Вотъ почему извѣстіе о смерти Востокова возбудило общее вниманіе и распространилось быстро; стеченіе людей при его погребеніи было очень многочисленно, если принять въ соображеніе спеціальность трудовъ его и тѣсный кругъ его знакомства. Тутъ были не только академики и служащіе при Академіи, но и нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ ея; были также многіе посторонніе ученые, педагоги, литераторы, студенты; общее вниманіе возбуждали по множеству своему гимназисты: воспитанники всѣхъ здѣшнихъ гимназій испросили позволеніе проводить до послѣдняго жилища тѣло одного изъ творцовъ русской грамматики и украсили могилу его вѣнками.

Настроеніе, съ какимъ родственники, собратья и знакомые Востокова прощались съ останками его, не было обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ настроеніе. Скорбь, которую они ощущали при мысли о вѣчной разлукѣ съ этимъ маститымъ другомъ, въ значительной степени умѣрялась свѣтлымъ образомъ отшедшаго старца, совершившаго такъ честно и славно свое земное поприще, совершившаго все, что совершить было нужно, положившаго свой страннический посохъ не прежде, какъ достигнувъ цѣли, — прошедшаго бодро и спокойно весь предѣлъ жизни, отмежеванный человѣку. Никогда не померкнетъ, въ памяти и въ сердцѣ товарищей-учениковъ этотъ ясный образъ кроткаго, безмятежнаго старца, котораго уста раскрывались только для слова истины, мира и привѣта.

Когда настала послѣдняя минута прощанья и черный гробъ былъ опущенъ въ землю, академикъ Срезневскій, ближайшій къ покойному и по роду занятій и по личнымъ отношеніямъ, прочелъ надъ могилою слѣдующія строки:

„Давно уже не раскрывалась въ землѣ русской могила для принятія останковъ такого дѣятеля науки, какимъ былъ нами теперь утраченный Востоковъ. Мы у гроба вожатая науки слова въ славянствѣ, у гроба основателя, патріарха славянской филологіи. Въ начальныхъ трудахъ его тотъ, кто до него сосредоточивалъ въ себѣ всю эту область знаній, незабвенный Добровскій, увидѣлъ зарю новаго свѣта, затмившую то, что прежде казалось ему свѣтомъ, и призналъ это откровенно. Высшіе представители славянской научной дѣятельности послѣ Добровскаго, Ганка, Копитаръ, Шафарикъ, признавъ себя учениками Востокова, дорожили каждымъ его словомъ, какъ и наши досточтимые митр. Евгеній, Кеппенъ, Гречъ, Калайдовичъ, Строевъ, Павскій, Надеждинъ и всѣ, всѣ другіе изслѣдователи. И могло ли быть иначе, когда онъ, Востоковъ, первый вскрылъ законы древняго строя и со-

става и судьбы языка славянъ, и объяснилъ его своими разнообразными изслѣдованіями, первый далъ этой отрасли знаній твердое научное значеніе. Сознаніе важности трудовъ Востокова теперь упрочено; что было его личнымъ достояніемъ, то стало теперь общею безыменною собственностью. И не за это одно мы, русскіе, должны быть признательны Востокову. Есть еще и другія заслуги его, не менѣе важныя. Одна изъ нихъ — грамматика русскаго современнаго языка, въ которой онъ свои научныя изслѣдованія примѣнилъ къ нуждамъ всѣхъ, ищущихъ основательнаго пониманія родной рѣчи, и посредствомъ которой оставался лучшимъ, надежнѣйшимъ наставникомъ въ этомъ для всей образующейся массы въ продолженіе 35 лѣтъ. Не такъ замѣтна для большинства, но не менѣе важна его другая заслуга, заслуга для тѣхъ, которые хотятъ трудиться на нивѣ науки и ищутъ образцовъ для предпринимаемыхъ ими работъ: каждый трудъ Востокова есть такой образецъ. Нужно только имѣть силы и умѣнье быть его достойнымъ подражателемъ. Востоковъ — это нашъ Я. Гриммъ: одновременно начали они оба свое дѣло важными открытіями, одновременно въ долгую жизнь трудились усердно, каждый для своего отечества, съ одинаково чистыми побужденіями, съ одинаковою требовательностію достоинства въ трудѣ, и оставили по себѣ одинаково цѣнные образцы для трудовъ послѣдователей. Давно, со времени кончины Карамзина, не раскрывалась могила въ землѣ русской для останковъ такого могучаго дѣятеля науки.

„Чувство признательности къ великимъ заслугамъ усопшаго само изъ себя выраждаетъ чувство скорби объ утратѣ его, и слеза невольно падаетъ на этотъ прахъ, какъ будто бы съ нимъ должно сойти въ могилу все, что дала намъ сила духа, его оживлявшаго. Многаго, конечно, мы лишились, мы, его товарищи, чтившіе его какъ дѣти отца, какъ ученики наставника, имъ направляемые, имъ поддерживаемые въ нашихъ посильныхъ трудахъ. Не будетъ для насъ его слова совѣта, добра и правды, какъ не будетъ передъ нами спокойнаго, простодушно-величаваго взгляда мудреца, вызывающаго только истину, оцѣнивающаго только добро, мирнаго въ правотѣ своей и праваго въ своемъ миролюбіи. Но въ самой скорби о такой утратѣ есть что-то возвышающее душу, успокоивающее. Востоковъ достигъ всего, къ чему стремился, не осталось у него желанія неисполненнаго, не осталось труда неоконченнаго. И эти труды его, уже произведшіе сильное вліяніе на науку и на образованіе, только начали приносить плоды. Лучшее будущее для нихъ еще впереди. Они будутъ дѣйствовать, какъ силы не слабѣющія, а возрастающія, будутъ дѣйствовать и сами собою и тѣмъ, что вызовутъ собою: выступившія и за ними послѣдующія поколѣнія поведутъ дѣло, начатое первымъ вожатаемъ, далѣе по указанному имъ пути.

„Счастливъ, кто могъ такъ прожить и оставить такое наслѣдство потомству и отечеству.

„Отъ имени Академіи Наукъ, по порученію сочленовъ, выражаю глубокое сочувствіе къ незабвеннымъ заслугамъ Востокова и признательность къ нему за все, чѣмъ оно пользовалось отъ него въ продолженіе двадцати-трехъ-лѣтней его Академической дѣятельности.

„Отъ имени Санктпетербургскаго университета повторяю то же слово сочувствія".

Затѣмъ И. И. Срезневскій прочелъ двѣ телеграммы, полученныя имъ изъ Праги и изъ Харькова въ отвѣтъ на увѣдомленіе о понесенной нами утратѣ:

„Высоко цѣня великія заслуги, оказанныя Александромъ Христофоровичемъ Востоковымъ русской наукѣ и русскому образованію, Харьковскій университетъ спѣшитъ выразить свою глубокую и искреннюю скорбь объ утратѣ знаменитаго своего почетнаго члена, посвятившаго всю свою жизнь на честное и безкорыстное служеніе наукѣ".

Ректоръ университета Кочетовъ.

„Regrets les plus profonds de la perte de „l'immortel philologue „slave! gloire et mémoire éternelle au génie de Wostokoff! Prague, „22 février 1864. Musée national du royaume de Bohème."

Wrtiatko [1]).

Послѣ обряда погребенія друзья и почитатели Востокова, по приглашенію родныхъ его, собрались въ близлежащемъ домѣ. Скромный завтракъ, нисколько не похожій на тѣ похоронныя пиршества, которыя къ сожалѣнію еще не совсѣмъ вывелись изъ обыкновенія, былъ въ настоящемъ случаѣ устроенъ только для соединенія въ болѣе тѣсный кругъ проникнутыхъ одною мыслью цѣнителей памяти Востокова. Притомъ и отрадныя чувства, сопровождавшія въ этотъ разъ сожалѣніе о покойномъ, свойство нашей скорби, въ которой не было ничего мрачнаго и тяжелаго для души, придавали здѣсь особенный характеръ собранію близкихъ къ усопшему. Здѣсь всѣ разговоры вращались около одного и того же предмета, и этотъ предметъ составляли личность Востокова, исторія его жизни и дѣятельности, подробности, изъ которыхъ многія были совершенно новы для большей части присутствовавшихъ. Слышались сужденія, воспоминанія, разсказы о Востоковѣ, читались стихи его. Академикъ Билярскій произнесъ по мгновенному внушенію нѣсколько словъ, въ которыхъ обратилъ вниманіе на то замѣчательное обстоятельство, что нѣмецкое происхожденіе не помѣшало Востокову понять и полюбить русскую народность и съ жа-

---

[1]) Глубока наша скорбь объ утратѣ безсмертнаго филолога-славянина. Слава и вѣчная память генію Востокова.

ромъ посвятить всю свою жизнь изученію нашего языка и нашей древности. Г. Федоровъ, знавшій покойнаго еще въ молодости, прочиталъ съ особаго оттиска, напечатаннаго въ 1815 году, стихи Востокова на возвращеніе Императора Александра I въ Россію. Г. Вессель изъявилъ сожалѣніе, что кругъ присутствующихъ ограничивается учеными и вывелъ изъ этого заключеніе, что заслуги покойнаго оцѣнены только однимъ сословіемъ, на что кто-то изъ родныхъ Востокова примирительно замѣтилъ, что выводъ долженъ быть такъ поправленъ: заслуги его цѣнятся *преимущественно* ученымъ сословіемъ, что и естественно. Изъ книжки стихотвореній Востокова, изданной въ 1826 году, г. Тимофѣевъ прочелъ *Три слова* (изъ Шиллера), отрывокъ изъ *Откровенія музы* и *Оду нѣмаго.* Такъ какъ двѣ послѣднія пьесы имѣютъ важное автобіографическое значеніе, то мы приведемъ здѣсь по нѣскольку строкъ изъ обѣихъ:

1. Хотя же строгая судьба отъемлетъ
От устъ твоихъ витійства даръ,
Создавъ тебя косноязычнымъ;
Но чувствъ сердечныхъ жаръ
Тѣмъ съ большей силою да воскресаетъ
Въ размѣрѣ сладостныхъ стиховъ:
Языкъ тебѣ не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ!

2. ...Я не менѣ счастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ,
Съ тобою, богъ молчанья!
Когда злословіемъ бываю оглушенъ
И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ.
Могу лишь помаваньемъ
Главы иль знаками отдѣлаться отъ нихъ,
Ни въ спорахъ безполезныхъ,
Ниже часы губя въ учтивостяхъ пустыхъ...
Изъ сѣти искушенья
Не ты ли отрока меня еще извлекъ
И въ сѣнь уединенья
Пренесъ, и чистыхъ музъ служенію обрекъ?
Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу.

Изъ той же книги И. И. Срезневскій прочиталъ пьесу „Зима“, написанную Востоковымъ, когда ему было только 18 лѣтъ отъ роду, и въ которой онъ обращается къ соученику своему по Академіи Художествъ, впослѣдствіи извѣстному И. А. Иванову (ум. 1848). Рукой этого художника рисованы виньетки, приложенныя къ стихотвореніямъ Востокова. Оба товарища остались навсегда друзьями. Вдова

Иванова была съ нами на похоронахъ его друга и также помянула послѣдняго нѣсколькими разсказами о давнопрошедшемъ времени.

Такъ свѣтлая жизнь Востокова озарила изъ-за гроба бесѣду людей, собравшихся для выраженія скорби о его утратѣ.

III.

А. Х. ВОСТОКОВЪ [1]).

1892.

Въ лѣтописяхъ науки никогда не умретъ славное имя Востокова, память котораго чтятъ не одни русскіе, но и всѣ соплеменники ихъ, называя его „свѣтиломъ и творцомъ славянской филологіи".

Александръ Христофоровичъ Востоковъ родился 16-го марта 1781 года въ нѣмецкомъ семействѣ въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, и носилъ первоначально нѣмецкую фамилію: Остенекъ. Первымъ языкомъ его былъ нѣмецкій: на немъ началъ онъ говорить, живя въ Ревелѣ на воспитаніи у майорши Трейблутъ, и первымъ его чтеніемъ была нѣмецкая библія. Но нѣмцемъ оставался онъ недолго: семилѣтній мальчикъ пристрастился къ русскому языку, и хотя знаніе нѣмецкаго навсегда сохранило для его занятій важное значеніе, но онъ его не любилъ и даже письма на немъ писалъ только въ случаяхъ крайней необходимости. „Онъ сталъ понимать по-русски еще живя у г-жи Трейблутъ, слушая сказки и разсказы гарнизоннаго служителя Савелія, жившаго въ томъ же домѣ". Восьми лѣтъ отвезли его въ Петербургъ и отдали въ сухопутный кадетскій корпусъ *гимна-*

---

[1]) Слав. Обозрѣніе. 1892 г., т. I, кн. 4. Настоящій біографическій очеркъ редакторъ „Слав. Об." А. С. Будиловичъ получилъ при слѣд. письмѣ автора:

„Многоуважаемый Антонъ Семеновичъ. По желанію вашему посылаю вамъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, очеркъ жизни и дѣятельности Востокова, читанный мною 27-го прошлаго февраля въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Согласно съ цѣлію, для которой онъ предназначался, это — не какой-нибудь ученый трудъ, а простая біографическая замѣтка, составленная частью по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, частью по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ трудовъ Срезневскаго, Сухомлинова, Греча, Кочубинскаго и Карелкина (писавшаго о Востоковѣ еще при жизни его). Отъ васъ зависитъ напечатать этотъ бѣглый очеркъ, если вы найдете, что онъ того заслуживаетъ".

Я. Гротъ.

16 марта 1892 г.
Годовщина дня рожденія
А. Х. Востокова въ 1781 году.

зистомъ. Такъ назывались воспитанники изъ не-дворянъ, обязанные, по окончаніи курса, остаться учителями въ корпусѣ. Здѣсь кадетъ Остенекъ окончательно обрусѣлъ, не только по языку, но и по сердцу, и 13-ти лѣтъ отроду сталъ писать стихи на чисто русскомъ языкѣ. Но мальчикъ страдалъ природнымъ недостаткомъ, который очень заботилъ близкихъ къ нему насчетъ его будущности: онъ заикался такъ сильно, что съ большимъ трудомъ могъ произнести сряду два-три самыя простыя слова. Начальство, видя, что этотъ недостатокъ мѣшаетъ участію даровитаго кадета въ общей корпусной жизни, перевело его (1794) въ Академію Художествъ — по тому соображенію, какъ увѣрялъ Гречъ, „что тамъ говорить не нужно“.

Въ Академіи Востоковъ занимался сначала рисованіемъ, а потомъ архитектурою. Умѣнье рисовать перомъ очень пригодилось ему впослѣдствіи для снятія съ рукописей палеографическихъ снимковъ; но онъ не обнаружилъ склонности ни къ тому, ни къ другому искусству. Между тѣмъ въ немъ болѣе и болѣе развивалась страсть къ литературнымъ занятіямъ, особенно къ стихотворству.

На 21 году жизни Востоковъ кончилъ курсъ ученія въ Академіи. Это было въ началѣ царствованія императора Александра I. Въ то время въ Петербургѣ образовалось литературное общество подъ названіемъ: „Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ“. Учредители его, большею частью молодые люди, получившіе воспитаніе въ гимназіи Академіи Наукъ, обратили вниманіе на Востокова, уже пріобрѣвшаго извѣстность своими стихотвореніями. Въ ихъ кругу, преданномъ умственнымъ интересамъ, занятія Востокова стали принимать все болѣе серьёзный характеръ. Ознакомившись въ Академіи съ французскимъ языкомъ, онъ теперь сталъ изучать греческій и латинскій. Много было обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ въ эту эпоху дальнѣйшему развитію Востокова. Сильнѣе всего дѣйствовало на него общее оживленіе литературы, внезапно пробудившейся при вступленіи на престолъ юнаго, благодушнаго монарха. Вновь раздались голоса любимыхъ писателей: Державина, Карамзина, Дмитріева; возникли новые таланты: Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ; между Карамзинымъ и Шишковымъ завязался заманчивый споръ о старомъ и новомъ слогѣ; наконецъ, не могло остаться безъ вліянія на молодого литератора и появленіе въ 1804 собранія былинъ подъ заглавіемъ: „Древнія русскія стихотворенія“. Все это вмѣстѣ усиливало въ Востоковѣ охоту къ лингвистическимъ занятіямъ, побуждало его къ сличенію народнаго русскаго языка съ церковнославянскимъ, и скоро онъ созналъ истинное свое призваніе вполнѣ посвятить себя строгому служенію наукѣ слова. Начавъ печатать свои произведенія, онъ, по совѣту своихъ друзей, сталъ подписываться подъ стихотвореніями псевдонимомъ: *Востоковъ*, а подъ учеными статьями ставилъ:

Остенекъ-Востоковъ. Позднѣе, при поступленіи его на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, директоръ ея, А. Н. Оленинъ, убѣдилъ его подписываться просто: *Востоковъ*, имя, подъ которымъ онъ и заслужилъ всемірную извѣстность.

Его стихотворенія имѣютъ чисто-лирическій характеръ: это изліянія пылкаго и мыслящаго юноши, стремящагося ко всему духовно-прекрасному, восхищающагося красотами природы, воспѣвающаго любовь, дружбу и другія возвышенныя чувства; но онъ писалъ старинными, довольно тяжелыми стихами, которые для насъ уже не представляютъ интереса, кромѣ развѣ біографическаго. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи одно изъ нихъ, въ которомъ онъ размышляетъ о своемъ положеніи вслѣдствіе тяготѣющаго надъ нимъ недуга. Онъ обращается къ богу молчанія и говоритъ между прочимъ:

Я долженъ, сжавши сердце,
Полезныхъ многихъ дѣлъ и радостей быть чуждъ,
Которыми владѣетъ
Послѣдній изъ людей, когда онъ получилъ
Божественный даръ слова...
Но мнѣ, его лишенну,
Роптать ли, и другихъ завидовать судьбѣ?
Нѣтъ, я не менѣ счастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ
Съ тобою, богъ молчанья...
Когда злословіемъ бываю оглушенъ,
И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ...
И отъ пороковъ многихъ,
Молчанья строгій богъ, меня ты оградилъ:
Я поневолѣ скроменъ,
Смиренъ и терпѣливъ. Во мнѣ ты притупилъ
Сей обоюдуострый,
Опасный мечъ — языкъ...

Первымъ и важнѣйшимъ трудомъ Востокова по славянской филологіи было его геніальное „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“, напечатанное въ 1820 году въ „Трудахъ московскаго общества любителей россійской словесности“. Здѣсь указаны въ первый разъ многія существенныя и характеристическія отличія церковно-славянскаго языка. Для немногихъ избранныхъ это былъ яркій лучъ свѣта, внезапно озарившій темную до тѣхъ поръ область. Но въ цѣломъ ученомъ мірѣ это замѣчательное открытіе не вдругъ было оцѣнено. Въ то самое время въ Вѣнѣ печаталась первая пространная грамматика старославянскаго языка чехомъ Добровскимъ, который считался ученѣйшимъ знатокомъ его. Ознакомясь съ произведеніемъ Востокова, онъ увидѣлъ, насколько русскій филологъ опередилъ его въ пониманіи законовъ языка, и потому первою мыслью Добровскаго было остановить печа-

таніе своего труда и уничтожить его. Только настоянія Копитара убѣдили Добровскаго отказаться отъ этого намѣренія. Но при выпускѣ своей книги онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ объ открытіяхъ своего русскаго собрата. Не только въ литературѣ Запада, но и у насъ изслѣдованіе Востокова долго оставалось мало извѣстнымъ: не прежде 40-хъ годовъ, когда въ русскихъ университетахъ были открыты каѳедры славянской филологіи, стали распространяться идеи, впервые высказанныя Востоковымъ въ его знаменитомъ „Разсужденіи".

Почти одновременно съ появленіемъ этого труда, именно въ іюнѣ 1820 г., Востоковъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ пресловутыхъ корнесловныхъ измышленіяхъ президента Академіи Шишкова, который безраздѣльно надъ нею властвовалъ. Извѣстны нѣкоторыя изъ его словопроизводствъ, напр. какъ онъ производилъ нѣмецкое слово Schornstein отъ русскаго „черная стѣна", или утверждалъ, что французское trésor состоитъ изъ très и or. Въ предварительной перепискѣ Шишкова съ Востоковымъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ характера послѣдняго, — его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ выраженіемъ благодарности за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ. „Съ нетерпѣніемъ, прибавилъ онъ, жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академиковъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ". Зная скромность Востокова, можно быть увѣреннымъ, что эти слова были сказаны имъ совершенно искренно.

Двадцать лѣтъ онъ принадлежалъ Россійской Академіи и посѣщалъ ея засѣданія усерднѣе всѣхъ другихъ членовъ, почти никогда не отсутствуя; но оффиціальное его участіе въ ея дѣятельности ограничивалась почти исключительно подачею „мнѣній" о сочиненіяхъ, которыя представлялись на разсмотрѣніе Академіи.

Въ апрѣлѣ 1841 года умеръ Шишковъ, а вмѣстѣ съ нимъ окончила свое почти 60-тилѣтнее существованіе и Россійская Академія. По мудрому рѣшенію императора Николая, видѣвшаго, что она далеко не исполняетъ своего назначенія, эта Академія была преобразована во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнохарактернымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло главнымъ образомъ въ изслѣдованіи русскаго языка и

другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, придана еще изящная словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Россійской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены II-го Отдѣленія, въ числѣ которыхъ былъ конечно и Востоковъ, единственный между ними филологъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ Академіи Наукъ Востоковъ долженъ былъ принять на себя дѣятельное участіе въ словарныхъ работахъ новаго Отдѣленія, что̀ не могло не отвлекать его̀ отъ прежнихъ изслѣдованій надъ древними рукописями; но были два капитальные труда этого рода, начатые имъ очень давно и которые ему теперь удалось окончить и напечатать. Для объясненія одного изъ нихъ мы должны возвратиться къ началу 20-хъ годовъ, времени приближенія Востокова къ славному нашему меценату, канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову. Извѣстно, что этотъ незабвенный ревнитель просвѣщенія, нѣкогда дипломатъ и министръ, посвятилъ послѣдніе годы жизни важнымъ ученымъ предпріятіямъ и особенно изданію историческихъ памятниковъ. Для совѣщанія по этимъ предпріятіямъ онъ привлекъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ того времени, съ которыми любилъ бесѣдовать и переписываться. Это были: митрополитъ Евгеній, Бантышъ-Каменскій, Ермолаевъ, Малиновскій, Каченовскій. Обладая богатѣйшимъ собраніемъ драгоцѣнныхъ рукописей, Румянцовъ искалъ человѣка, который взялъ бы на себя приведеніе ихъ въ порядокъ и описаніе.

Митрополитъ Евгеній, оцѣнивъ необыкновенныя достоинства Востокова, указалъ на него канцлеру, который писалъ въ отвѣтъ: „Давно уже стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; но онъ отъ этого отказывается всегда тѣмъ, что, будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми". Черезъ нѣсколько времени однакожъ Румянцовъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ дѣлится съ м. Евгеніемъ отрадною вѣстью: „Наконецъ мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мно лично познакомиться, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ". Востоковъ вошелъ въ кружокъ Румянцова и вскорѣ принялъ предъ канцлеромъ обязательство описать рукописи его собранія, а вслѣдъ затѣмъ, по настоянію канцлера, оставилъ казенную службу и перешелъ къ нему на службу наукъ въ „богатѣйшій рудникъ древней русской словесности", какъ назвалъ самъ Востоковъ знаменитое собраніе рукописей канцлера. Съ 1824 года онъ принялся за ихъ описаніе. Черезъ два года, въ январѣ 1826-го, графъ Румянцовъ, разбитый параличемъ и совершенно лишенный слуха, скончался, но трудъ описанія рукописей продолжался по приглашенію брата и наслѣдника канцлера, графа Сергѣя Петровича Румянцова. Главная

часть работы была уже готова, когда, въ исполненіе воли покойнаго и по ходатайству его брата, собранія книгъ, рукописей, древностей и рѣдкостей были открыты для общаго пользованія подъ названіемъ Румянцовскаго Музея, который до 1861 года помѣщался въ Петербургѣ, въ домѣ его основателя. При учрежденіи Музея Востоковъ былъ назначенъ главнымъ его хранителемъ.

„Описаніе" Востокова было напечатано въ 1842 году по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, и составило огромный томъ въ 900 страницъ. Не даромъ покойный канцлеръ предрекалъ, что Востоковъ этимъ трудомъ „составитъ себѣ вѣчный памятникъ". Здѣсь описано около 500 рукописей самымъ обстоятельнымъ образомъ, но вмѣстѣ и въ возможно-сжатомъ изложеніи, съ означеніемъ не одного только содержанія, но и всего, что̀ можетъ интересовать палеографа, археолога, историка, съ самыми точными выписками. „Послѣдствія этого изданія, говоритъ Срезневскій, не могли быть маловажны: съ этого только времени можно было начать основательную разработку древней русской литературы и вообще русскихъ древностей".

Черезъ годъ послѣ описанія румянцовскихъ рукописей, въ 1843-мъ, издано Востоковымъ Остромирово евангеліе, рукопись котораго, какъ извѣстно, писана была въ половинѣ XI столѣтія для новгородскаго посадника Остромира и найдена, по смерти Екатерины II, въ кабинетѣ императрицы. Императоръ Александръ Павловичъ подарилъ ее Публичной Библіотекѣ. Кому не извѣстно, какъ тщательно и съ какою богатою научною обстановкой сдѣлано изданіе этой драгоцѣнной рукописи?

Еще выше этихъ образцовыхъ изданій стоятъ словарные и грамматическіе труды Востокова. Первой работой его по лексикографіи, предпринятою въ 1808 году, т. е. въ самомъ началѣ эпохи перехода его отъ поэзіи къ наукѣ, былъ „этимологическій сравнительный словарь" славянскихъ нарѣчій и другихъ родственныхъ европейскихъ языковъ. Нѣсколько позже онъ приступилъ къ составленію „русскаго этимологическаго словаря". Оба эти труда остались неконченными въ бумагахъ Востокова и не были изданы. Но, дѣлая постоянно выписки изъ древнихъ памятниковъ, онъ не переставалъ готовить матеріалы для церковно-славянскаго словаря, который и былъ напечатанъ Академіею Наукъ въ послѣдній періодъ его жизни (1858 — 1861). Задолго до того, именно вскорѣ по образованіи II Отдѣленія Академіи, Востоковъ, по порученію его, приготовилъ къ печати второй томъ словаря „церковно-славянскаго и русскаго языка", вышедшаго въ 1847 году. Затѣмъ, около 50-хъ годовъ, онъ же, по желанію сочленовъ, принялъ на себя редакцію областного словаря, который и былъ напечатанъ подъ его наблюденіемъ.

Почти одновременно съ первымъ словарнымъ опытомъ Востокова начались его изслѣдованія по русской грамматикѣ, замѣчательныя по своей основательности и новости выводовъ. Около 1830 года ему предложено было министерствомъ народнаго просвѣщенія заняться составленіемъ грамматики для учебныхъ заведеній этого вѣдомства. Въ 1831 г. появилась сперва его „Сокращенная русская грамматика“, а позднѣе „Русская грамматика, полнѣе изложенная“. Та и другая много лѣтъ служили обязательнымъ для училищъ министерства руководствомъ и пережили большое число изданій. По части церковно-славянской грамматики существуютъ также два труда Востокова. При Остромировомъ евангеліи помѣщены имъ правила, извлеченныя изъ этого памятника, а въ 1863 г., слѣдовательно, менѣе чѣмъ за годъ до кончины маститаго филолога, издана II Отдѣленіемъ Академіи его „Грамматика церковно-славянскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго памятникамъ“. Хотя этотъ послѣдній трудъ Востокова и явился не въ томъ обширномъ видѣ, какой онъ первоначально предполагалъ дать ему и какого ожидали, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ неоспоримыя достоинства, особенно по своей исторической документальности. Нѣтъ надобности говорить, что всѣ грамматическія и лексикальныя работы Востокова отличаются тѣмъ превосходствомъ, какимъ запечатлѣно всякое произведеніе его проницательной мысли и глубокой учености. Однакожъ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Срезневскаго, что въ грамматикахъ Востокова есть слабая сторона, объясняющаяся указанною выше чертою его характера и состоящая въ избѣжаніи всего, что по ходячимъ въ его время понятіямъ могло бы казаться слишкомъ новымъ, слишкомъ рѣзко противорѣчащимъ господствовавшимъ тогда взглядамъ рутинной грамматики.

Не касаясь здѣсь многочисленныхъ мелкихъ, но также не маловажныхъ изслѣдованій нашего академика, нельзя въ заключеніе пройти молчаніемъ его „Опыта о русскомъ стихосложеніи“, напечатаннаго сперва (1812) въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“, а потомъ (1817) изданнаго отдѣльною книгой. Здѣсь въ первый разъ систематически разсмотрѣно, какіе метрическіе размѣры примѣнимы къ русскому стиху при замѣнѣ долготы удареніемъ; особенно же ново и любопытно разсмотрѣніе русскаго народнаго стиха въ пѣсняхъ и сказкахъ, при чемъ показаны существенныя его отличія, смотря по большему или меньшему числу встрѣчающихся въ немъ ударяемыхъ слоговъ.

Собственно-филологическія статьи Востокова были собраны Срезневскимъ и изданы въ 1873 году особо подъ названіемъ „Филологическихъ наблюденій“. Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскій почтилъ память знаменитаго товарища, было изданіе его ученой, въ высшей степени любопытной переписки съ гр. Румянцовымъ и другими близкими къ нимъ обоимъ лицами.

Во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ Востоковъ отличался крайнею осмотрительностію, избѣгая всякаго смѣлаго предположенія или догадки, которая могла бы не оправдаться. Господствующими свойствами его были необыкновенная скромность, непритязательность и безкорыстіе. Какъ часто бываетъ, эти черты характера вредили ему въ житейскихъ дѣлахъ. Историкъ Россійской Академіи, академикъ Сухомлиновъ, разсказываетъ между прочимъ: „Щедро награждая второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, Академія удѣляла Востокову самую скромную долю тѣхъ суммъ, которыми она имѣла право распоряжаться. Между тѣмъ какъ какой-то купецъ Ертовъ получилъ 1.000 р. за изданіе своего труда и академикъ Лобановъ 5,000 на изданіе своихъ (плохихъ) стиховъ и трагедій, а непремѣнному секретарю П. И. Соколову „за неутомимые труды и рвеніе“ единовременно было выдано 13.000 руб., Востокову за его филологическіе труды присуждена та же самая награда, что и 14-тилѣтней дѣвочкѣ Шаховой за ея дѣтскія стихотворенія, именно 500 рублей. Да и выдачею этихъ денегъ Востоковъ обязанъ былъ не своимъ научнымъ заслугамъ, а мелькнувшей надеждѣ избавиться отъ тяжкаго недостатка, которая однакожъ не оправдалась: 500 рублей были выданы „г. надворному совѣтнику Востокову единовременно изъ штатной суммы для уплаты врачу“. Впослѣдствіи, впрочемъ, Россійская Академія щедрѣе помогала ему. Самою лестною наградой была для него неожиданная монаршая милость, оказанная ему въ 1854 году по поводу его 50-тилѣтняго юбилея, когда во время торжественнаго засѣданія Академіи Наукъ 29-го декабря министръ народнаго просвѣщенія Абр. Серг. Норовъ сошелъ съ своего мѣста и надѣлъ на него ленту Станислала 1-й степени. Всѣ присутствовавшіе отнеслись съ восторгомъ и умиленіемъ къ этому торжеству скромнаго труженика“.

Поступивъ въ Академію вскорѣ послѣ этого, я засталъ Востокова уже 75-тилѣтнимъ старцемъ; онъ былъ средняго роста, довольно плотнаго сложенія съ массивной, убѣленной сѣдинами головой. Онъ прожилъ еще около десяти лѣтъ; я сидѣлъ противъ него, но почти никогда не слышалъ его голоса. Послѣднее время онъ ходилъ уже съ трудомъ и былъ почти слѣпъ, но все-таки ѣздилъ въ засѣданія, при помощи проводника.

Востоковъ умеръ 8-го февраля 1864 г., за полторы недѣли до кончины тогдашняго президента Академіи, графа Блудова, который еще бесѣдовалъ со мною о необходимости обезпечить судьбу вдовы знаменитаго академика. Извѣстіе о смерти Востокова быстро распространилось по Петербургу [1]). Стеченіе людей на его отпѣваніи въ про-

[1]) Только-что онъ испустилъ послѣдній вздохъ, вдова его сообщила мнѣ печальное извѣстіе. Я поспѣшилъ на квартиру покойнаго (домъ акад. Савича въ 10-й линіи). Какъ теперь вижу его почтенную, еще не остывшую голову на высокой подушкѣ, на

тестантской Петропавловской церкви и погребеніи на Волковомъ кладбищѣ было многочисленно по отношенію къ спеціальности трудовъ его и къ тѣсному кругу его знакомыхъ. Ближайшій товарищъ его по предмету занятій, академикъ Срезневскій въ произнесенныхъ надъ его могилою прощальныхъ словахъ такъ опредѣлилъ значеніе утраты, понесенной въ немъ наукою: „Востоковъ, это нашъ Яковъ Гриммъ. Одновременно начали они оба свое дѣло важными открытіями, одновременно въ долгую жизнь трудились усердно, каждый для своего отечества, съ одинаково чистыми побужденіями, съ одинаковою требовательностію достоинства въ трудѣ, и оставили по себѣ одинаково цѣнные образцы для трудовъ послѣдователей. Давно, со времени кончины Карамзина, не раскрывалась могила въ землѣ русской для останковъ такого могучаго дѣятеля науки".

которой за полчаса окончилъ свою тихую, но плодотворную жизнь знаменитый труженикъ. — См. выше „Некрологъ Востокова", и статью: „Похороны Востокова".

Д. Н. БЛУДОВЪ [1]).

(НЕКРОЛОГЪ).

1864.

20-го февраля по всему Петербургу быстро распространилась вѣсть о кончинѣ графа Дмитрія Николаевича Блудова. Его не стало накануне, въ $3^1/_2$ часа пополудни. Важность государственныхъ должностей, которыя занималъ покойный, придаетъ особенное значеніе этой утратѣ. Но наше скромное слово можетъ относиться только къ одной сторонѣ его дѣятельности: оно вызвано чувствомъ скорби, поразившей Академію Наукъ.

Едва похоронили мы славнаго сочлена [2]), какъ смерть похитила у насъ любимаго всѣми президента. Графъ Блудовъ состоялъ въ этомъ званіи нѣсколько болѣе 8-ми лѣтъ, съ 26-го ноября 1855 года. Всѣмъ намъ памятна еще рѣчь, которою онъ 23-го декабря открылъ первое засѣданіе по вступленіи своемъ въ новую должность: особенно говорилъ онъ тогда о желательномъ сліяніи интересовъ науки съ интересами литературы, о возможномъ распространеніи въ обществѣ круга дѣйствія науки посредствомъ литературы. Съ тѣхъ поръ заботливость о благѣ ввѣреннаго ему учрежденія не покидала графа Блудова посреди важнѣйшихъ государственныхъ обязанностей, и постоянно думалъ онъ о расширеніи какъ ученыхъ, такъ и матеріальныхъ средствъ Академіи. Уже въ мартѣ 1856 года ей поручено было пересмотрѣть свой уставъ и штатъ; цѣлый рядъ засѣданій, въ которыхъ самъ президентъ иногда принималъ участіе, привелъ къ составленію проекта новаго положенія. Но по тогдашнимъ обстоятельствамъ признано было нужнымъ отложить дальнѣйшій ходъ дѣла до болѣе удобнаго времени. Недавно мысль о томъ возобновлена графомъ, но ему не суждено было дожить до ея осуществленія. Другимъ важнымъ предположеніемъ, которое занимало нашего президента въ послѣднее время его жизни, было построеніе особой химической лабораторіи, такъ какъ нынѣшняя, находясь подъ азіатскимъ музеемъ, угрожаетъ его безопасности въ случаѣ пожара и притомъ, по тѣснотѣ своей, уже не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки. Предположеніе это удостоено уже Высочайшаго утвержденія; приведеніе его въ дѣйствіе будетъ памятникомъ послѣднихъ попеченій покойнаго президента о пользахъ Академіи Наукъ.

---

[1]) Спб. Вѣд. 1864, № 43.
[2]) А. Х. Востокова.

Вся дѣятельность графа Блудова по Академіи и его отношенія къ намъ, ея членамъ, были запечатлѣны характеромъ довѣрія и любви къ ученому сословію. Покровительствовать наукѣ въ лицѣ ея дѣятелей, входить въ положеніе каждаго изъ нихъ было отрадою для его просвѣщеннаго ума и благоволящаго сердца. Будучи поставленъ во главѣ Академіи, онъ вполнѣ понималъ свое призваніе содѣйствовать трудамъ ея съ полнымъ уваженіемъ къ занятіямъ каждаго, съ предоставленіемъ имъ совершенно свободнаго теченія, опредѣляемаго единственно требованіями науки или предпринятаго дѣла. Но что болѣе всего привязывало академиковъ къ ихъ президенту, было его теплое, снисходительное благодушіе, проистекавшее изъ его высокаго образованія. Онъ не только былъ доступенъ для насъ во всякое время, не только былъ всегда радъ выслушать всякую мысль или предположеніе: для него было потребностью и привычкою видѣть насъ вокругъ себя, бесѣдовать съ каждымъ изъ насъ о предметахъ, занимавшихъ каждаго. Академики были обычными гостями, какъ за вседневной трапезой его, такъ и на блестящихъ вечерахъ, соединявшихъ въ его салонѣ высшее петербургское общество. Въ его оживленныхъ бесѣдахъ съ нами являлся другъ Карамзина и Жуковскаго, свидѣтель и участникъ незабвенной эпохи нашей литературы, сохранявшій въ памяти лучшія ея преданія. И какъ изумительна была до конца память графа Блудова! При рѣдкой начитанности, при необыкновенномъ обиліи и разнообразіи пріобрѣтенныхъ въ долгій вѣкъ свѣдѣній, онъ помнилъ все, что когда-либо читалъ или слышалъ; любилъ дѣлиться тѣмъ, что зналъ, любилъ воспоминать и разсказывать. Для того, кто желалъ ближе ознакомиться съ нашею прошлою общественною жизнію и литературою, бесѣда графа Блудова была источникомъ и новыхъ знаній, и истиннаго наслажденія.

Родившись въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ испыталъ рѣдкій удѣлъ не знать почти до конца ни болѣзни, ни ослабленія душевныхъ и умственныхъ силъ. Еще наканунѣ смерти графа, имѣвъ счастливую возможность провести часть вечера съ нимъ, мы удивлялись бодрости духа и свѣжести памяти сидѣвшаго передъ нами въ креслахъ больного. Между прочимъ рѣчь зашла о Востоковѣ, по поводу смерти котораго графъ, уже прикованный къ одру болѣзни, подписалъ слабою рукою одну весьма важную бумагу. Президентъ нашъ со вниманіемъ слушалъ подробности о жизни Востокова, самъ разсказывалъ о немъ иное, читалъ наизусть стихи покойнаго и изъявлялъ радушное участіе къ судьбѣ оставленныхъ имъ...

Послѣ того не прошло и сутокъ, какъ самъ онъ послѣдовалъ за нашимъ маститымъ сочленомъ. Эти двѣ смерти, стоящія рядомъ въ лѣтописяхъ Академіи, достойны одна другой, не смотря на далекое разстояніе въ общественномъ положеніи обоихъ отшедшихъ. Смерть

уравняла это различіе. Тяжелы двѣ такія утраты, почти вдругъ постигающія Академію. Безъ всякаго лицемѣрія она можетъ сказать, что оплакиваетъ искренно, съ глубокимъ сожалѣніемъ, своего добраго президента въ просвѣщенномъ сановникѣ, котораго не забудетъ Россія. Для оцѣнки его заслугъ передъ отечествомъ это свидѣтельство, смѣемъ думать, не безъ значенія.

О БЛУДОВѢ И ШЕВЫРЕВѢ[1].

1864.

I.

Истекающій годъ былъ обиленъ утратами для Академіи Наукъ: смерть, избирая свои жертвы во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ, не миновала и высшей административной ея сферы. Сегодня мы уже не видимъ въ средѣ своей того, кто еще годъ тому назадъ занималъ здѣсь президентское кресло. Лишась графа *Блудова* вскорѣ послѣ того [2]), Академія съ довѣріемъ и надеждою встрѣтила дарованнаго ей новаго президента. Давнишнія связи съ нею адмирала Ѳедора Петровича *Литке*, въ качествѣ ея корреспондента и почетнаго члена, его извѣстная любовь къ наукѣ и наконецъ долговременная дѣятельность по другому ученому обществу служатъ намъ ручательствомъ, что наука и ученый трудъ найдутъ въ немъ просвѣщеннаго и ревностнаго охранителя. Но мы не могли бы внушать довѣрія и уваженія къ нашимъ чувствамъ, еслибъ, въ виду настоящаго, отвращались отъ того, что намъ дорого въ прошедшемъ. Итакъ первое наше публичное слово при новомъ президентѣ да будетъ посвящено воспоминанію о его предшественникѣ. Принести нынѣ дань уваженія памяти графа *Блудова* есть для всѣхъ насъ еще болѣе потребность сердца, нежели долгъ. Но, желая посвятить этой почтенной памяти часть сегодняшней бесѣды, не могу скрывать отъ себя всю трудность такой задачи. Трудность эту составляетъ главнымъ образомъ не недостатокъ матеріаловъ для краткой біографіи покойнаго: трудность всего болѣе

---

[1]) Изъ Отчета Имп. Ак. Н. по отд. р. яз. и сл. за 1864 г. Сборникъ отд. р. яз. и сл.

[2]) Графъ Д. Н. Блудовъ скончался 19 февраля 1864 г.

заключается въ обстоятельствѣ совершенно другого рода, въ общей извѣстности важнѣйшихъ обстоятельствъ жизни гр. Блудова. Нелегко сказать о немъ что-либо новое предъ просвѣщенными слушателями. Тотчасъ по кончинѣ его наши періодическіе листы, одинъ послѣ другого, поспѣшили представить очерки біографіи или характеристику незабвенной личности. Въ лѣтописяхъ нашей общественной жизни едва-ли найдется другой примѣръ смерти, которая въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати вызвала бы столько единодушныхъ отзывовъ сожалѣнія, столько согласныхъ между собою сужденій о достоинствѣ отшедшаго [1]). И это тѣмъ замѣчательнѣе, что эпоха, въ которую мы утратили графа Блудова, особенно дорожитъ свободою и искренностію слова. Какъ непритворная дань уваженія къ покойному, бо́льшая часть этихъ статей были проникнуты теплотой и одушевленіемъ; онѣ нисколько не походили на тѣ холодные возгласы, которые такъ часто слышатся надъ могилами людей, занимавшихъ тѣ или другія высоты земного поприща. Въ этомъ свидѣтельствѣ, которое подтвердитъ вся читающая публика, заключается конечно величайшая похвала графу Блудову.

Кому неизвѣстны, изъ многочисленныхъ некрологовъ, главныя черты его долговременной жизни? Въ комъ не отразился, по нѣкоторымъ изъ нихъ, образъ этого человѣка, который, принадлежа къ высшему обществу по рожденію и по обстоятельствамъ, встрѣчая на пути своемъ смолоду успѣхи и соблазны всякаго рода, остался во всю жизнь вѣренъ своей благородной природѣ, среди почестей сохранилъ простоту нравовъ, среди обаяній власти выше всего ставилъ законность, среди легкости къ обогащенію не измѣнилъ безкорыстію и умѣренности.

Здѣсь немногія минуты, которыя мы еще вправѣ отдать воспоминанію объ отшедшемъ, будутъ, кажется, употреблены надлежащимъ образомъ, если мы бросимъ взглядъ на его значеніе въ области отечественнаго образованія. Способности, воспитаніе, родственныя связи, все соединялось къ тому, чтобъ доставить ему почетное мѣсто на этомъ поприщѣ дѣятельности. По направленію своихъ занятій, по своей начитанности и громадной памяти, по своимъ наклонностямъ, графъ Блудовъ обладалъ многими условіями для того, чтобы самому сдѣлаться писателемъ. И хотя онъ никогда не посвящалъ себя вполнѣ этому званію, однакожъ мы знаемъ, какъ изъ многихъ преданій, такъ и изъ собственныхъ его разсказовъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи блистательной и кипѣвшей новою

---

[1]) См. *СПб. Вѣд.* 1864 г. № 43, 44 и 66, *Голосъ* № 53, *Р. Инвалидъ* № 43 и 54, *Совр. Лѣтоп.* № 8, *День* № 8 и 9, *Моск. Вѣд.* № 42, *Русскій Архивъ* № 3 и проч.

жизнію эпохи своей молодости. Въ первыя два десятилѣтія вѣка мы находимъ его въ рядахъ той фаланги молодыхъ литераторовъ, которая подъ знаменемъ Карамзина ратовала оружіемъ ироніи противъ крайностей школы Шишкова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что имя Блудова тѣсно связано съ происхожденіемъ извѣстнаго Арзамасскаго Общества, ополчившагося легкой и остроумной шуткой противъ *Бесѣды*, собиравшейся въ домѣ Державина. Поводомъ къ новому литературному союзу было нападеніе, сдѣланное княземъ Шаховскимъ на Жуковскаго въ комедіи *Липецкія воды*. Друзья поэта сговорились отомстить за него. Это было въ 1815 году; Блудовъ написалъ шуточно-важное *Видѣніе въ нѣкоторой оградѣ*, разумѣя подъ словомъ „ограда" Державинскую Бесѣду. Потомъ, чтобы дать этой сатирѣ приличную рамку, онъ написалъ письмо отъ „Арзамасскаго" литератора, который будто бы слышалъ, какъ Шаховской декламировалъ *Видѣніе*, лежа въ постели въ арзамасской гостиницѣ: имя Арзамаса было выбрано гр. Блудовымъ потому, что близъ этого города находилось его имѣніе, куда онъ незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ. Вновь образовавшееся общество стало собираться то у Д. Н. Блудова, то у С. С. Уварова; но оно, собственно говоря, существовало только года три; однимъ изъ послѣднихъ выбранныхъ въ него членовъ былъ Пушкинъ, принятый въ 1818 году. Проза и стихи, которые Блудовъ писалъ не только на русскомъ, но и на французскомъ языкѣ, всегда однакоже входили только случайно въ его занятія. Рано поступивъ на дипломатическое поприще, онъ ограничивалъ свое участіе въ литературѣ тѣсными сношеніями съ молодыми писателями Карамзинскаго круга, которые, довѣряя его тонкому вкусу, его обширнымъ знаніямъ, нерѣдко обращались къ нему за совѣтами. Но при такомъ отношеніи къ лучшимъ представителямъ нашей тогдашней литературы, онъ конечно и самъ безпрестанно находился подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ этого избраннаго общества. Еслибъ мы имѣли возможность прослѣдить всѣ тѣ внѣшнія вліянія, которыя, независимо отъ его врожденныхъ свойствъ и воспитанія попеченіями нѣжной и просвѣщенной матери, помогли графу Блудову сдѣлаться такимъ, какимъ мы его знали, то безъ сомнѣнія мы бы должны были въ исторіи его развитія дать важное мѣсто его раннему общенію съ первостепенными литературными талантами. И вспомнимъ, въ какую эпоху это происходило, вспомнимъ, какова была атмосфера идей, распространившихся въ русскомъ обществѣ, когда оно на престолѣ увидѣло молодого монарха, оправдывавшаго самыя смѣлыя его надежды. Къ означеннымъ двумъ вліяніямъ присоединилось впослѣдствіи пребываніе гр. Блудова, по дипломатической его службѣ, въ Швеціи и въ Англіи, двухъ странахъ, гдѣ общественные нравы проникнуты идеей уваженія къ закону и гражданской свободѣ. Литературныя связи, имѣвшія не-

сомнѣнное участіе въ духовномъ его усовершенствованіи, дали вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное направленіе и его служебной карьерѣ. Въ этомъ отношеніи Карамзинъ играетъ особенно важную роль въ судьбѣ его: извѣстно, что исторіографъ незадолго передъ своею смертію указалъ императору Николаю на Блудова, какъ на человѣка достойнаго быть употребленнымъ въ высшей государственной администраціи [1]. Рядомъ съ нимъ Карамзинъ наименовалъ своего литературнаго защитника, Дашкова, и оба блистательнымъ образомъ оправдали это засвидѣтельствованіе. Окончательно отвлеченный новыми обязанностями отъ поприща писателя, посвящая перо свое на труды государственные, графъ Блудовъ не успѣлъ исполнить другого завѣта Карамзина — быть его продолжателемъ и написать исторію новой Россіи. Но бывъ оторванъ отъ этого важнаго предпріятія, къ которому онъ уже серіозно готовился, графъ Блудовъ не переставалъ однакожъ любить литературу и покровительствовать тѣмъ, которые достойно служили ей. Въ домѣ его писатели всегда находили особенно-радушный пріемъ, поддержку, совѣтъ. Въ одномъ изъ некрологовъ его было уже упомянуто, что большая часть замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы за нѣсколько десятилѣтій были прочитаны въ домѣ Блудова еще до появленія ихъ въ печати. Изданіемъ послѣдняго тома исторіи Карамзина онъ оказалъ литературѣ услугу, которая конечно не будетъ забыта [2]. О дѣятельности его въ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, которую онъ занималъ съ 1826 года, когда министерствомъ управлялъ князь Ливенъ, говорить не буду; разсмотрѣніе этой дѣятельности требовало бы предварительнаго ознакомленія съ малодоступными матеріалами и можетъ относиться только къ подробной его біографіи. Но не могу пройти совершеннымъ молчаніемъ однороднаго порученія, возложеннаго на него въ позднѣйшую эпоху, когда онъ, назначенный предсѣдателемъ особаго комитета, былъ призванъ къ рѣшенію важныхъ вопросовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, — къ участію въ пересмотрѣ устройства нашихъ учебныхъ заведеній. Біографу его предлежитъ опредѣлить мѣру услуги, оказанной имъ русскому просвѣщенію какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще во всѣхъ обстоятельствахъ, когда онъ, вѣрный убѣжденіямъ своей юности, свято храня въ душѣ уваженіе къ самымъ дорогимъ интересамъ человѣчества, доставлялъ имъ опору своимъ честнымъ и разумнымъ словомъ.

[1] Есть извѣстіе, что Карамзинъ же въ 1807 году своею рекомендаціею доставилъ Блудову мѣсто подъ начальствомъ графа Н. П. Румянцова, управлявшаго въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; но это требуетъ еще подтвержденія. Разсказъ о началѣ арзамасскаго общества слышанъ мною отъ самого Дмитрія Николаевича.

[2] Какъ предсѣдатель комиссіи, составленной изъ кн. Вяземскаго, Плетнева и Никитенко, онъ участвовалъ также въ изданіи посмертныхъ сочиненій Жуковскаго.

Къ этой же отрасли его служенія отечеству относится забота послѣднихъ дней его жизни о судьбѣ нашихъ народныхъ училищъ.

Въ старости на долю его выпало рѣдкое счастье не только видѣть осуществленіе нѣкоторыхъ изъ надеждъ, озарявшихъ его юность, но и самому участвовать въ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыми выполнялись эти надежды. Назначеніе графа Блудова президентомъ Академіи Наукъ 26 ноября 1855 г. было отраднымъ для него признаніемъ той стороны его духовнаго развитія, которою онъ всегда особенно дорожилъ. Какъ нѣкогда онъ дѣлилъ стремленія и начинанія молодыхъ писателей, какъ всю жизнь сочувствовалъ и содѣйствовалъ литературѣ, такъ въ послѣднее свое десятилѣтіе сдѣлался онъ, по довѣрію Монарха, покровителемъ и двигателемъ науки.

Наша Академія давно чувствовала потребность разныхъ преобразованій, и въ первый же годъ послѣ назначенія гр. Блудова составленъ былъ, по его распоряженію и при его собственномъ участіи, проектъ новаго устава Академіи; но время ея управленія гр. Блудовымъ совпало съ важною для Россіи эпохою, наступившею вслѣдъ за крымскою войною, — эпохою коренныхъ государственныхъ реформъ, слишкомъ неблагопріятною для задуманнаго имъ дѣла. Ему не суждено было дожить до осуществленія любимой его мысли, которая такъ занимала его, что за нѣсколько недѣль передъ кончиною своею онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, испрошеннаго г. министромъ народнаго просвѣщенія, опять назначилъ комиссію для пересмотра того же вопроса. Нынѣ, когда комиссія эта, при живомъ участіи новаго нашего президента, окончила возложенное на нее порученіе, мы не должны однакожъ забывать, что инціатива предположенныхъ въ Академіи улучшеній принадлежитъ гр. Блудову. Но если президентство его не ознаменовалось въ ней никакими особенными событіями или преобразованіями, то какъ объяснить, что онъ оставилъ въ Академіи столь дорогую по себѣ память? Причина тому, конечно, *характеръ* его дѣятельности въ нашемъ учрежденіи, *характеръ* его связи съ Академіей. Образъ дѣйствій его въ этой сферѣ не разъ уже былъ гласно заявляемъ и оцѣниваемъ; но въ настоящемъ случаѣ мы не можемъ не высказать еще разъ громко и торжественно глубокой признательности, какую вся Академія питаетъ и всегда питать будетъ къ памяти мужа, который, на высотѣ гражданскихъ почестей, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ и ея представителямъ, являлъ себя не начальникомъ и не вельможею, а человѣкомъ, въ достойнѣйшемъ значеніи этого слова.

II.

8-го февраля скончался старшій изъ членовъ Академіи, знаменитый во всемъ славянскомъ мірѣ *Востоковъ*. Академикомъ Срезневскимъ приготовленъ особый обзоръ ученыхъ трудовъ покойнаго [1]), и потому считаю излишнимъ, съ своей стороны, касаться заслугъ его. Ограничусь только заявленіемъ, что вдова Востокова къ нынѣшнему собранію принесла въ даръ Академіи бюстъ дорогого усопшаго, сегодня въ первый разъ украшающій эту залу.

Затѣмъ перехожу къ другому умершему въ этомъ году сочлену нашему, *Шевыреву*.

Болѣе нежели въ отношеніи къ кому-либо изъ сошедшихъ въ могилу дѣятелей недавняго времени, на насъ лежитъ въ настоящемъ случаѣ забота исполнить святой долгъ справедливости. Въ послѣдніе годы жизни Шевырева обстоятельства ея приняли особенно-неблагопріятный для него оборотъ. Вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ случайностей, чуждыхъ литературѣ, всѣ прежнія заслуги его были забыты и — что́ едва-ли послужитъ къ чести нашей эпохи — не раздался ни одинъ голосъ въ защиту человѣка, оказавшаго въ свое время существенную пользу наукѣ. Пусть Шевыревъ имѣлъ свои человѣческія слабости: смерть уже бросила на нихъ свой примирительный покровъ, и въ глазахъ потомства ничто не должно заслонять его значенія какъ ученаго и писателя.

Шевыревъ представляетъ одинъ изъ примѣровъ того, что у насъ встрѣчалось и до сихъ поръ встрѣчается нерѣдко: къ дѣятельности, которой онъ окончательно посвятилъ себя по призванію, не былъ онъ заранѣе подготовленъ спеціальнымъ университетскимъ ученіемъ. Но по вступленіи его въ свѣтъ благопріятная судьба доставила ему всѣ средства пополнить свои свѣдѣнія и явиться съ честью на избранномъ поприщѣ. Притомъ заведеніе, гдѣ онъ кончилъ курсъ наукъ, способно было положить хорошее начало учебному образованію. Это былъ Московскій университетскій благородный пансіонъ съ своимъ достопамятнымъ начальникомъ, Прокоповичемъ-Антонскимъ. Туда поступилъ Шевыревъ 12 лѣтъ, родясь въ 1806 году въ Саратовѣ, въ образованномъ дворянскомъ семействѣ. Это училище, тогда уже богатое преданіями и славными именами въ спискахъ своихъ близкихъ питомцевъ, особенно Жуковскаго, много способствовало къ развитію въ Шевыревѣ страсти къ литературѣ. По выпускѣ оттуда въ 1822 году онъ, хотя и могъ бы тотчасъ же поступить на службу, однакоже про-

---

[1]) Этотъ обзоръ былъ въ торжественномъ засѣданіи 29 декабря читанъ въ извлеченіи, напечатанномъ послѣ въ отчетѣ акад. Грота, *СПб. Вѣд.* 1865 г. № 4, 5 и 6.

должалъ заниматься науками, съ тѣмъ, чтобы, не записываясь въ студенты, выдержать въ университетѣ экзаменъ прямо на степень кандидата; но, не получивъ на это разрѣшенія, онъ опредѣлился въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того онъ выступилъ на поприще литературы и сталъ печатать много, особенно въ журналахъ и альманахахъ. Въ тогдашнихъ опытахъ его замѣтно уже двоякое направленіе: съ одной стороны легкая литература, стихи оригинальные и переводные, съ другой — труды, болѣе или менѣе входившіе въ область науки: это были по большей части переводы то съ нѣмецкаго, то съ французскаго, то съ древнихъ языковъ, которыми Шевыревъ продолжалъ заниматься. Такая разнородность юношеской его дѣятельности была возбуждена двоякимъ характеромъ литературныхъ его связей: съ одной стороны Раичъ, Ознобишинъ, Веневитиновъ, Пушкинъ, съ другой — Мерзляковъ, Калайдовичъ, Погодинъ. Послѣдній съ 1828 г. началъ издавать журналъ „Московскій Вѣстникъ", возникшій изъ дружнаго соединенія нѣсколькихъ молодыхъ литераторовъ. Между ними былъ и Пушкинъ; онъ съ большимъ уваженіемъ сталъ смотрѣть на Шевырева, незадолго передъ тѣмъ ему представленнаго, какъ на молодого человѣка, который, превосходя его самого въ филологическомъ образованіи, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ въ его глазахъ признаки поэтическаго таланта. Послѣ двухлѣтняго дѣятельнаго участія въ этомъ журналѣ Шевыревъ отправился за границу съ княгиней Зинаидой Волконской, въ качествѣ наставника ея сына. Княгиня сама занималась литературой, авторствомъ, имѣла значительную библіотеку; и легко понять, какія благопріятныя условія успѣховъ умственнаго развитія соединились для Шевырева въ этомъ путешествіи, которое доставило ему возможность прожить довольно долго въ Германіи, въ Римѣ, въ Швейцаріи. Однимъ изъ плодовъ этого періода его жизни было изученіе итальянской литературы.

Между тѣмъ въ Московскомъ университетѣ, по смерти Мерзлякова и поступленіи на его каѳедру Давыдова, открылась вакансія адъюнкта словесности. Возвратясь изъ-за границы, Шевыревъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, который и предложилъ ему названное мѣсто. Шевыревъ принялъ съ радостію это предложеніе, какъ осуществленіе мечты, которой онъ не смѣлъ предаваться, не имѣя ученой степени. Однакожъ, прежде нежели окончательно рѣшилась его участь, онъ, по опредѣленію факультета, долженъ былъ приготовить диссертацію. Представленное имъ изслѣдованіе: *Дантъ и его вѣкъ* было одобрено, такъ же какъ и прочитанная имъ пробная лекція на заданную тему. Въ сентябрѣ 1833 года Шевыревъ поступилъ въ университетъ адъюнктомъ и вскорѣ открылъ лекціи по исторіи всеобщей словесности. Званія ординарнаго

профессора онъ достигъ осенью 1840 г., а въ слѣдующемъ избранъ въ члены вновь учрежденнаго въ Академіи Наукъ отдѣленія русскаго языка и словесности.

Сужденіе о практической дѣятельности Шевырева, какъ университетскаго преподавателя, принадлежитъ его сослуживцамъ и слушателямъ; позволю себѣ только указать на тѣ черты этой дѣятельности, которыя сдѣлались извѣстными далеко за стѣнами Московскаго университета. Шевыревъ не щадилъ трудовъ для пользы молодежи: устроивъ для своихъ слушателей библіотеку, чтобъ они могли заниматься литературой по источникамъ и учились самостоятельно трудиться, онъ совѣстливо исправлялъ ихъ письменныя работы, вообще всегда былъ готовъ помогать студентамъ не только совѣтами, но и дѣломъ, охотно ссужалъ ихъ книгами, а неимущимъ доставлялъ не разъ и матеріальную поддержку: это засвидѣтельствуютъ многіе изъ бывшихъ учениковъ Шевырева.

Главная дѣятельность его, какъ писателя, распадается на ученую въ собственномъ смыслѣ и критическую. Въ первомъ отношеніи замѣчательны, какъ единственныя въ своемъ родѣ на русскомъ языкѣ, его сочиненія: *Исторія поэзіи*, которой впрочемъ вышла только одна часть, и *Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ.* Капитальный трудъ Шевырева — *Исторія русской словесности, преимущественно древней.* Это сочиненіе особенно важно, какъ первое подробное, систематическое изложеніе исторіи нашей древней литературы, основанное на изученіи источниковъ, Что бы ни говорили о нѣкоторыхъ любимыхъ взглядахъ автора, составляющихъ слабую сторону этой книги, нельзя однакоже отрицать ни того богатства положительныхъ свѣдѣній, которое она распространила, ни того вліянія, какое она имѣла на усиленіе разработки обнимаемаго ею періода нашей письменности. Она сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося въ какой бы ни было степени исторіею русской литературы, начиная отъ студента до профессора и академика. Шевыреву должна быть вообще отдана справедливость въ томъ, что онъ своими трудами много способствовалъ къ утвержденію у насъ *историческаго* направленія въ изученіи и преподаваніи литературы.

Профессорская должность не ослабила участія Шевырева въ періодической литературѣ. Просматривая журналы и другіе сборники, гдѣ онъ помѣщалъ труды свои, невольно изумляешься многочисленности и разнообразію статей, подписанныхъ его именемъ. Это относится особенно къ двумъ журналамъ, въ которыхъ онъ, послѣ перваго своего путешествія, былъ постояннымъ сотрудникомъ и преимущественно наполнялъ критическій отдѣлъ, именно къ „Московскому Наблюдателю" въ 1835 году и къ „Москвитянину" въ сороковыхъ годахъ. Какъ

критикъ, Шевыревъ, безъ сомнѣнія, иногда ошибался или слишкомъ далеко увлекался во взглядахъ на нѣкоторыя явленія современной литературы; но нельзя не признать за нимъ той заслуги, что онъ всегда открыто и смѣло высказывалъ свои мнѣнія, чѣмъ и навлекъ на себя вражду бо́льшей части журналовъ. При частныхъ ошибкахъ, въ которыя впадалъ Шевыревъ, надобно однакожъ замѣтить, что всѣ крупныя явленія литературы, что такіе таланты, какъ, напримѣръ, Лермонтовъ и Гоголь, такія произведенія, какъ „Герой нашего времени" и „Мертвыя души" или, въ противоположномъ смыслѣ, баронъ Брамбеусъ съ его „Библіотекой для Чтенія" были имъ оцѣниваемы вѣрно и мѣтко. Въ нашемъ немногочисленномъ до сихъ поръ ряду русскихъ критиковъ онъ конечно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ; между тѣми еще болѣе рѣдкими, которые въ основаніе своихъ сужденій полагали строгую науку, точное знаніе и добросовѣстное изученіе, онъ по размѣрамъ своей дѣятельности занимаетъ весьма видное мѣсто.

Въ послѣднее десятилѣтіе жизни Шевырева выдаются особенно его труды по поводу столѣтняго юбилея Московскаго университета: изъ нихъ всего важнѣе составленная въ первый разъ исторія этого учрежденія, основанная на подлинныхъ документахъ. Въ 1860 году болѣзнь и другія обстоятельства заставили его покинуть университетъ, которому онъ съ горячею любовью посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Но и на чужбинѣ, и съ разстроенными силами духа и тѣла онъ не измѣнилъ привычнымъ занятіямъ: въ 1862 г. издалъ онъ во Флоренціи вмѣстѣ съ г. Рубини, бывшимъ лекторомъ Московскаго университета, исторію русской литературы на итальянскомъ языкѣ; позднѣе же читалъ въ Парижѣ для русскихъ публичныя лекціи по тому же предмету.

Тамъ вскорѣ послѣ того, 8-го мая нынѣшняго года, смерть положила конецъ страданіямъ этого, въ свое время неутомимаго и полезнаго дѣятеля.

Равнодушно было принято въ Россіи извѣстіе о его кончинѣ. Только одинъ некрологъ прервалъ общее молчаніе: ученикъ Шевырева, членъ-корреспондентъ нашего отдѣленія, г. Тихонравовъ въ немногихъ, но безпристрастныхъ строкахъ [1]) оцѣнилъ дѣятельность покойнаго. Не пора ли уже теперь воздать памяти Шевырева ту долю чести, которой она требуетъ во имя истины?

---

[1]) Московскія Вѣдомости 1864, № 107.

И. И. КОЗЛОВЪ [1]).

1890.

30-го января исполнится полвѣка со дня кончины одного изъ русскихъ поэтовъ, слѣпца Ив. Ив. Козлова.

Имя его переноситъ насъ въ славную эпоху нашей поэзіи, блиставшую именами Жуковскаго и Пушкина. Козловъ принадлежалъ къ ихъ кругу, пользовался ихъ уваженіемъ и дружбой. Кто не знаетъ стиховъ, которыми Пушкинъ привѣтствовалъ Козлова при появленіи его знаменитой въ свое время поэмы „Чернецъ":

О, милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ...

Козловъ сознаkъ свой поэтическій даръ только тогда, когда потеря зрѣнія повергла его на одръ болѣзни, котораго онъ не покидалъ 22 года, до самой смерти своей. Въ томъ же посланіи Пушкинъ говоритъ ему:

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключена вся исторія страдальческой жизни Козлова.

Лучшее утѣшеніе въ несчастіи составляла для него неизмѣнная, горячая дружба Жуковскаго. Когда въ 1840 году, послѣ смерти Козлова, понадобилось новое изданіе его стихотвореній, Жуковскій напечаталъ въ „Современникѣ" Плетнева замѣтку о покойномъ поэтѣ, въ которой говорилъ, между прочимъ: „Глубоко проникнутый смиреніемъ христіанскимъ, онъ переносилъ бѣдственную свою участь съ терпѣніемъ удивительнымъ... Жизнь его, физически разрушенная, при безпрестанномъ, часто мучительномъ чувствѣ болѣзни, была раздѣлена между религіею и поэзіею, которая цѣлебнымъ своимъ вдохновеніемъ заговаривала въ немъ и душевныя скорби и тѣлесныя муки".

Послѣ 1840 года сочиненія Козлова не были перепечатываемы, но въ прошломъ году А. С. Суворинъ возымѣлъ счастливую мысль возобновить память даровитаго поэта и издалъ въ двухъ томикахъ три

---

[1]) Новое Время, 1890, № 4998, 27 янв.

поэмы Козлова („Чернецъ", „Княгиня Н. Б. Долгорукая" и „Безумная") и переведенную имъ изъ Байрона „Абидосскую невѣсту". Такимъ образомъ появленіе этихъ произведеній чрезвычайно кстати почти совпало съ пятидесятилѣтіемъ со дня смерти поэта.

Согрѣтый пламеннымъ чувствомъ упованія на Бога, окруженный заботами близкихъ и вниманіемъ замѣчательныхъ людей въ области поэзіи и музыки, Козловъ угасъ на 61 году жизни въ Петербургѣ 30-го января 1840 года, оставивъ жену, сына и дочь. Изъ нихъ остается въ живыхъ только послѣдняя [1]).

Тѣло его погребено въ Невской Лаврѣ, на томъ же кладбищѣ, гдѣ лежатъ Карамзинъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Крыловъ, Плетневъ и кн. Вяземскій.

---

[1]) Александра Ивановна, которой нынѣ уже 88-ой годъ.

Ред.

БѢЛИНСКІЙ

И ЕГО МНИМЫЕ ПОСЛѢДОВАТЕЛИ [1]).

1861.

Въ статьѣ своей, написанной въ защиту князя Вяземскаго („Сѣв. Пч.“ №, 83), М. П. Погодинъ ссылается на литераторовъ, участвовавшихъ въ юбилеѣ 2-го марта, и приглашаетъ ихъ подтвердить или опровергнуть его слова. Вполнѣ раздѣляя взглядъ его на князя Вяземскаго, и не касаясь нѣкоторыхъ менѣе важныхъ предметовъ статьи г. Погодина, я долгомъ считаю остановиться только на одномъ, очень существенномъ замѣчаніи его, требующемъ, какъ мнѣ кажется, скорѣйшаго разъясненія.

Г. Погодинъ полагаетъ, что многіе изъ молодыхъ нашихъ рецензентовъ вѣрятъ только тому, что̀ сказалъ Бѣлинскій; „бо̀льшая часть нынѣшнихъ критикъ есть только слабый отголосокъ его мнѣній, убѣжденій и вѣрованій, за исключеніемъ его таланта“, такъ говоритъ далѣе авторъ статьи. Эти слова̀ показываютъ, что почтенный мой сочленъ по академіи, среди своихъ историческихъ изслѣдованій, не имѣлъ времени сравнивать рецензій, о которыхъ онъ говоритъ, съ сочиненіями Бѣлинскаго. Одинаково съ г. Погодинымъ думаетъ бо̀льшая часть публики; такъ думаютъ даже многіе и изъ самихъ подразумѣваемыхъ имъ рецензентовъ. Но справедливо ли это? Дѣло заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Одна изъ отличительныхъ чертъ извѣстной школы молодыхъ писателей заключается въ совершенномъ невѣдѣніи того, что̀ было написано прежде ихъ. Однакожъ, въ пользу Бѣлинскаго сдѣлано ими, конечно, исключеніе? Едва-ли. Еслибъ они были хорошо знакомы съ Бѣлинскимъ, котораго такъ уважаютъ, то, конечно, извлекли бы изъ него много здравыхъ мыслей, и не говорили бы того, что̀ мы безпрестанно встрѣчаемъ въ области нашей критики.

Странно сказать: Бѣлинскаго знаютъ у насъ почти такъ же мало, какъ и бо̀льшую часть нашихъ писателей не въ повѣствовательномъ родѣ. Большинству молодого поколѣнія онъ извѣстенъ чуть не по одному имени, старое поколѣніе судитъ о немъ по нѣкоторымъ рѣзко выдававшимся, въ свое время новымъ, его взглядамъ, по увлеченіямъ, ошибкамъ и противорѣчіямъ его, но оно не составило безпристрастнаго мнѣнія объ общемъ его характерѣ, его достоинствахъ и недостаткахъ

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдомости 1861, № 109.

Бѣлинскій писалъ такъ много и такъ скоро, что нельзя и ожидать одинаковой обдуманности во всѣхъ его статьяхъ; онъ былъ такъ мало приготовленъ къ своему дѣлу ученіемъ, а съ другой стороны такъ впечатлителенъ, что искать въ его сужденіяхъ постоянной основательности и послѣдовательности было бы также несправедливо: изъ этихъ двухъ источниковъ проистекали его всегдашнее многословіе, его частыя повторенія и противорѣчія, его недостаточное знакомство съ положительной стороной предметовъ, о которыхъ онъ разсуждалъ. Вотъ его недостатки. Но ему никакъ нельзя отказать въ свѣтломъ и проницательномъ умѣ, который, при поверхностномъ его образованіи въ молодости, поражаетъ насъ разнообразіемъ пріобрѣтенныхъ имъ, позже, свѣдѣній и начитанности; нельзя отказать ему также въ искреннемъ сочувствіи всему великому и прекрасному и въ врожденномъ эстетическомъ чутьѣ, которое руководило его очень вѣрно, когда онъ не былъ ослѣпленъ какимъ-нибудь предубѣжденіемъ. Ошибки его были замѣтны только самымъ образованнымъ читателямъ; критическій талантъ его, сопровождаемый большою независимостью мысли, смѣлостью и рѣзкостью сужденій, долженъ былъ доставить ему значительное вліяніе на массу. Теперь изданы его сочиненія; но многіе ли, не скажу изучили, а прочитали ихъ вполнѣ? Еслибъ наши молодые литераторы увлекались не однимъ именемъ его, а самыми трудами, то, конечно, нашелся бы кто-нибудь, кто подробно разсмотрѣлъ бы эти труды, показалъ бы намъ постепенное развитіе воззрѣній критика, извлекъ бы изъ нихъ основные его взгляды на искусство, на разные предметы, относящіеся къ литературѣ, на важнѣйшихъ европейскихъ писателей, особенно же на русскую литературу, въ разныя эпохи ея — кто-нибудь, однимъ словомъ, обработалъ бы подробную характеристику Бѣлинскаго, какъ писателя, составилъ бы сводъ его критическихъ мнѣній, изложилъ бы, наконецъ, его теорію искусства. Если Бѣлинскій, дѣйствительно имѣетъ для русской литературы, значеніе, которое ему приписываютъ, то, всякій согласится, такой трудъ необходимъ. Отчего же не явилось до сихъ поръ и малѣйшей попытки такого труда? Отчего со времени изданія его сочиненій, вмѣсто того, стали появляться только черты для его біографіи, воспоминанія о немъ, о свиданіяхъ съ нимъ и т. п.? Мнѣ возразятъ, что этого еще не успѣли и не могли сдѣлать, потому что 9-я и 10-я части сочиненій Бѣлинскаго еще только недавно вышли. Однакожъ, со времени смерти Бѣлинскаго прошло болѣе 10-тилѣтія, и изучать его легко было бы по журналамъ, въ которыхъ онъ постоянно участвовалъ. Притомъ, собраніе его разборовъ начало выходить еще въ 1859 г., а до сихъ поръ не было еще почти ни одной дѣльной статьи и о первыхъ томахъ. Мы еще не слышали почти ничего, кромѣ возгласовъ, голословныхъ похвалъ и кое-какихъ разсужденій, основаніемъ которыхъ была не критика, а взятое за аксіому

положеніе, что Бѣлинскій великъ. Но позволительна ли такая слѣпота въ признаніи за авторитетъ писателя, который самъ всегда благородно ратовалъ противъ поклоненія авторитетамъ на вѣру? Мало того: многіе изъ почитателей Бѣлинскаго, поклонившіеся ему только потому, что имъ нуженъ былъ идолъ, до того были не знакомы съ нимъ, что стали проповѣдывать мысли, совершенно противоположныя его мыслямъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до того были наивны, что всякое отрицательное свое мнѣніе считали согласнымъ со взглядами Бѣлинскаго. Я увѣренъ, что еслибъ онъ теперь вдругъ ожилъ и прочиталъ кое-какія эстетическія сужденія нашего времени, то рѣшительно отрекся бы отъ многихъ изъ мнимыхъ своихъ послѣдователей, отъ тѣхъ, которые преклоняются предъ его именемъ и не знаютъ его мнѣній. Въ оправданіе свое, эти критики возразятъ, что мысль все развивается, что справедливое двадцать лѣтъ тому назадъ теперь уже невѣрно, что Бѣлинскій для нашего времени устарѣлъ, и т. п. Но если такъ, то гдѣ же высокое развитіе Бѣлинскаго, чѣмъ же онъ былъ впереди своей эпохи, и каковы истины, которыя чрезъ 15 — 20 лѣтъ уже не годятся и должны уступить мѣсто другимъ? Въ такомъ случаѣ выходило бы, что Бѣлинскій имѣетъ въ литературѣ нашей только историческое значеніе, и что его поклонники должны смотрѣть на него точно такъ же, какъ, напримѣръ, на Мерзлякова. Но они смотрятъ на него иначе, и въ этомъ совершенно правы. Не раздѣляя всѣхъ мнѣній Бѣлинскаго, я, однакожъ, нахожу, что изъ сказаннаго имъ многое безотносительно вѣрно и никогда не утратитъ своей цѣны, что онъ рѣшилъ окончательно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касался.

Чтобы дать всякому возможность судить, дѣйствительно ли та школа современныхъ намъ критиковъ, которую разумѣетъ г. Погодинъ, есть эхо Бѣлинскаго, я приведу здѣсь нѣсколько сужденій, причемъ, однакожъ, нужнымъ считаю предупредить, что выдаю ихъ не за образцы безусловно вѣрныхъ взглядовъ, а только за образчики духа и тона Бѣлинскаго въ оцѣнкѣ прежнихъ писателей.

Вотъ, напримѣръ, какъ онъ вообще говорилъ о нихъ: „Какихъ-нибудь сто лѣтъ едва прошло съ того времени, какъ мы не знали еще грамоты, и вотъ уже мы, по справедливости, гордимся могущественными проявленіями необъятной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и другіе“. (Ч. 4, стр. 247, Русская Литература въ 1840 г.).

Посмотримъ теперь, какъ онъ изъ числа этихъ писателей отзывался о тѣхъ двухъ, которые болѣе другихъ въ опалѣ у нынѣшней критики, т. е. о Державинѣ и Жуковскомъ.

Оставляя въ сторонѣ „Литературныя мечтанія“, какъ одно изъ раннихъ произведеній Бѣлинскаго (1834 г.), гдѣ онъ съ юношескимъ

увлеченіемъ восхищается Державинымъ, ограничусь тѣмъ, что онъ писалъ объ этомъ поэтѣ въ 1843 г.

Послѣ частнаго разсмотрѣнія достоинствъ и недостатковъ Державина, Бѣлинскій приходитъ, правда, къ слѣдующему выводу: „Итакъ, невыдержанность въ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, сбивающейся на резонёрство, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ, смѣсь риторики съ поэзіею, проблески геніяльности съ непостижимыми странностями — вотъ характеръ всѣхъ произведеній Державина". (Ч. 7, стр. 79). Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: „Державинъ былъ человѣкъ, одаренный великими творческими силами, и сдѣлалъ все, что̀ можно было ему сдѣлать въ то время. Не его вина, что онъ явился въ то, а не въ наше время; не его вина, что поэзія не падаетъ готовая прямо съ неба, а выростаетъ на землѣ, переходя чрезъ всѣ степени развитія, какъ все растущее" (стр. 80).

Далѣе, Бѣлинскій замѣчаетъ: „Въ поэзіи Державина явились впервые яркія вспышки истинной поэзіи, мѣстами даже проблески художественности, какая-то, ему одному свойственная, оригинальность во взглядѣ на предметы и въ манерѣ выражаться, черты народности, столь неожиданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэзія Державина удержала дидактическій и риторическій характеръ въ своей общности, который былъ сообщенъ ей поэзіею Ломоносова. Въ этомъ виденъ естественный историческій ходъ" (стр. 84).

„Въ дѣйствіяхъ великихъ людей", продолжаетъ Бѣлинскій, „бываетъ два рода недостатковъ и ошибокъ: одни происходятъ отъ ихъ личнаго произвола, ихъ личной ограниченности; другіе — изъ духа и потребностей самаго времени. За недостатки и ошибки перваго рода можно и должно обвинять великихъ дѣйствователей; недостатки же и ошибки второго рода можно и должно называть ихъ собственными именами, т.-е. недостатками и ошибками, но ставить ихъ въ вину великимъ дѣйствователямъ не можно и не должно." (стр. 86). „Итакъ, нѐкого обвинять и нѐчего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая, по преобладающему элементу своему, поэзія этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэтическая и художническая, но время и обстоятельства положили непреодолимыя преграды ея развитію, и потому въ созданіяхъ Державина нѣтъ поэзіи какъ искусства, есть только элементы и проблески истинной поэзіи. Это уже не чисто подражательная поэзія, какъ у Ломоносова: въ ней уже слышатся и чуются звуки и картины русской природы, но перемѣшанныя съ какою-то искаженною, на французскій манеръ греческою миѳологіею" (стр. 88). „Повторяемъ: талантъ Державина великъ; но онъ не могъ сдѣлать больше того, что̀ позволили ему его

отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи. Державинъ великъ и въ томъ, что онъ сдѣлалъ: зачѣмъ же приписывать ему больше того, что могъ онъ сдѣлать?" (стр. 93).

Пропуская множество страницъ, въ которыхъ Бѣлинскій, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на искренность и благородный тонъ похвалъ Державина Екатеринѣ, и распространяется съ уваженіемъ о личномъ характерѣ поэта, поспѣшимъ къ концу статьи и возьмемъ оттуда только немногія строки: „Богатырь поэзіи, по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи" (стр. 150).

Прочитавъ всѣ эти выписки, скажите: не видно ли тутъ, несмотря на строгость многихъ приговоровъ, благородное и честное уваженье къ таланту, къ умственному труду и къ правдѣ? Вспомните же теперь то грубое и невѣжественное презрѣніе, съ какимъ многіе, въ наше время, отзывались о Державинѣ, честя его то обскурантомъ, то бездарнымъ риѳмачомъ.

Клеймя такимъ образомъ память одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, эти мнимые послѣдователи Бѣлинскаго и не подозрѣвали, что онъ, въ той же статьѣ о Державинѣ, въ 1843 г., произнесъ имъ, въ какомъ-то критическомъ ясновидѣніи, слѣдующій убійственный приговоръ: „Чѣмъ одностороннѣе мнѣніе, тѣмъ доступнѣе оно для большинства, которое любитъ, чтобъ хорошее непремѣнно было хорошимъ, а дурное — дурнымъ, и которое слышать не хочетъ, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ вмѣщалъ въ себѣ и хорошее и дурное. Вотъ почему толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ, всегда готова сбросить великаго съ его пьедестала и ославить его негодяемъ и безнравственнымъ человѣкомъ. Толпа не понимаетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ отличаться и великими добродѣтелями, и великими пороками, что одно хорошее начало въ немъ могло быть развито, а другое задавлено и заглушено въ самомъ зародышѣ своемъ, что одно дурное начало въ немъ могло быть подавлено еще въ зернѣ, а другое развито, что причины этого должно отыскивать и въ духѣ времени, когда явился великій человѣкъ, и въ общественности, среди которой возросъ и воспитался онъ, и что, на основаніи этихъ причинъ, иные пороки его можно извинить, а иные даже и поставить ему въ заслугу, такъ же точно, какъ иныя добродѣтели его возвысить, а съ иныхъ сбавить цѣну" (стр. 65).

Прежде чѣмъ перейдемъ къ другому предмету, выпишемъ еще два небольшія мѣста изъ библіографическихъ замѣтокъ, написанныхъ Бѣлинскимъ по случаю выхода Глазуновскаго и штукинскаго изданій Державина: „Не съ легкою ношею, а весь дойдетъ Державинъ до

позднѣйшаго потомства, какъ явленіе великой поэтической силы, которая, по недостатку элементовъ въ обществѣ его времени, ни во что не опредѣлилась — и потому Державинъ весь будетъ всегда, какъ онъ уже есть и теперь, интереснымъ фактомъ исторіи русской литературы. У Державина нѣтъ избранныхъ стихотвореній, которыя могли бы пережить его неизбранныя стихотворенія, и всегда будутъ помнить, какъ помнятъ и теперь, не избранныя стихотворенія, а поэзію Державина" (стр. 200). Черезъ два года послѣ Глазуновскаго, появилось (1845) Штукинское изданіе сочиненій Державина. Бѣлинскій, сводя преждевысказанныя имъ мнѣнія о замѣчательномъ поэтѣ, говорилъ о самомъ себѣ: „Авторъ, равно удаляясь и отъ дѣтскаго, безотчетно-восторженнаго удивленія къ Державину, *и отъ ложной гордости успѣхами современности, гордости, которая мѣшаетъ отдавать должную справедливость заслугамъ прошедшаго*, попытался взглянуть на сочиненія Державина и съ эстетической и съ исторической точки зрѣнія" (ч. 10, стр. 157).

Посмотримъ теперь, какъ Бѣлинскій судилъ о Жуковскомъ.

Свой взглядъ на этого писателя высказалъ онъ, главнымъ образомъ, при двухъ случаяхъ: въ 1840 г., при разборѣ „Очерковъ русской литературы" Полевого, и въ 1844 г., при разсмотрѣніи дѣятельности Пушкина. И здѣсь, и тамъ, выражены одни и тѣ же мнѣнія, и потому мы можемъ пользоваться обоими трудами безъ строгаго разграниченія ихъ.

„Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго", говоритъ Бѣлинскій „и велико значеніе его въ русской литературѣ" (ч. 8, стр. 247).

„Творенія Жуковскаго — это цѣлый періодъ нашей литературы, цѣлый періодъ нравственнаго развитія нашего общества. Ихъ можно находить односторонними, но въ этой-то односторонности и заключается необходимость, оправданіе и достоинство ихъ. Съ произведеніями музы Жуковскаго связано нравственное развитіе каждаго изъ насъ, въ извѣстную эпоху нашей жизни, и потому мы любимъ эти произведенія, даже и будучи отдѣлены отъ нихъ неизмѣримымъ пространствомъ новыхъ потребностей и стремленій: такъ возмужалый человѣкъ любитъ волненія и надежды своей юности, надъ которыми самъ же уже смѣется" (стр. 269).

„И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностію признаетъ своимъ воспитателемъ, развившимъ въ его душѣ всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія?" (ч. 4, стр. 16).

„Жуковскій выразилъ собою столько же необходимый, сколько и великій моментъ въ развитіи духа цѣлаго народа — и онъ навсегда останется воспитателемъ юныхъ душъ, полныхъ стремленія ко всему благому, прекрасному, возвышенному, ко всему святому и завѣтному

жизни, ко всему таинственному, духовному и небесному земного бытія. Недаромъ Пушкинъ называлъ Жуковскаго своимъ учителемъ въ поэзіи, наперсникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музы: безъ Жуковскаго Пушкинъ былъ бы невозможенъ и не былъ бы понятъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Державинѣ, нѣтъ Пушкина, но весь Жуковскій, какъ и весь Державинъ, въ Пушкинѣ, и первый едва-ли не важнѣе былъ для его духовнаго образованія. О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное: ошибочное мнѣніе! Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздаетъ, а не переводитъ, онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное, и потому его такъ называемые переводы очень несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственныя созданія" (ч. 4, стр. 20).

„Полевой не можетъ простить Жуковскому отсутствія народности... Забавное обвиненіе! Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны — правда; но это совсѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое великое дѣло: осуществить, чрезъ поэзію, въ своемъ отечествѣ, необходимый моментъ въ развитіи духа, моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію и литературу романическими элементами. Жуковскій по-преимуществу романтикъ, такъ-какъ Державинъ по-преимуществу классикъ, во внутреннемъ значеніи этихъ словъ. Какъ сѣверное сіяніе, роскошны и великолѣпны картины природы у Державина, но такъ же и внѣшни, и холодны, какъ сѣверное сіяніе. Жуковскій вводитъ васъ во внутреннее святилище природы, дѣлаетъ для васъ слышнымъ біеніе ея сердца, ощутительнымъ теплое ея дыханіе.... Въ изображеніяхъ природы у Державина вы не услышите прозябанія дольней лозы; Жуковскій вводитъ васъ въ сокровенную лабораторію силъ природы — и у него природа говоритъ съ вами дружнымъ языкомъ, повѣряетъ вамъ свои тайны, дѣлитъ съ вами горе и радость, утѣшаетъ васъ" (стр. 19 и 20).

Вотъ съ какимъ живымъ сочувствіемъ замѣчательный русскій критикъ 40-хъ годовъ говорилъ о писателѣ, отъ котораго презрительно отвернулась, въ наше время, холодная отрицательная школа. Нѣтъ, Бѣлинскій не призналъ бы ея своею дочерью, онъ самъ отъ нея отвернулся бы съ негодованіемъ, видя въ ея дѣйствіяхъ разрушеніе того, что считалъ побѣдою своего времени. Признавая за Полевымъ великую заслугу „въ уничтоженіи ложныхъ авторитетовъ", онъ уже тогда прибавлялъ: „Между тѣмъ, гоненіе на старое часто доходило до ослѣпленія: нехорошо не потому, что нехорошо, а потому, что старое...." Правда, вслѣдъ затѣмъ, Бѣлинскій находилъ, что все это было нужно и все принесло великую пользу; но въ чемъ же полагалъ онъ эту пользу? А вотъ въ чемъ, какъ ясно показываетъ непосред-

ственно затѣмъ идущее поясненіе: „Уничтоживши совершенно достоинство и заслуги Карамзина, мы — молодое поколѣніе — *снова признали ихъ*, но уже признали свободно, а не по преданію, не съ чужого голоса, или не по привычкѣ съ дѣтства думать одно и то же“ (ч. 3, стр. 107).

Слѣдовательно, пользу отрицанія Бѣлинскій поставлялъ въ томъ, что оно привело къ положительному и разумному признанію. Что̀ жъ бы сказалъ онъ, еслибъ увидѣлъ, что это радовавшее его признаніе такъ скоро вытѣсняется опять отрицаніемъ, доводимымъ до послѣдней крайности?

Для доказательства, что мнимые послѣдователи Бѣлинскаго не что̀-иное, какъ самозванцы, я могъ бы указать еще на множество другихъ мѣстъ изъ его сочиненій, но считаю на этотъ разъ, вполнѣ достаточнымъ и то, что̀ здѣсь приведено мною.

Этихъ выписокъ изъ сужденій Бѣлинскаго о Державинѣ и Жуковскомъ не могу закончить лучше, какъ приведя нѣсколько строкъ изъ замѣчательной статьи г. Дружинина объ этомъ критикѣ, помѣщенной въ январской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1860 года: „Такъ воспринимаютъ истинно-свѣтлыя натуры все, что̀ прочувствовано въ трудахъ предшествовавшихъ имъ дѣятелей, и вотъ почему имъ такъ дорога́ вся литература народа, имъ родного — дорога́ при всѣхъ ея несовершенствахъ и заблужденіяхъ. Глумиться надъ стариной въ искусствѣ и вести родословную родной словесности со вчерашнихъ дѣятелей — есть первый несомнѣнный признакъ цѣнителя съ черствой, невоспріимчивой душою, хотя, можетъ-быть, очень честнаго, очень убѣжденнаго. Бѣлинскій, какъ человѣкъ въ высшей степени воспріимчивый въ высшей степени нѣжный сердцемъ, былъ до крайности далеко отъ этой современной намъ тенденціи.“

Но неужели дѣйствительно нѣтъ ничего общаго между Бѣлинскимъ и тѣми цѣнителями, на которыхъ намекаютъ гг. Погодинъ и Дружининъ? Существенная черта сходства между нимъ и мнимыми его послѣдователями не заключается ли въ отрицаніи? Но Бѣлинскій нападалъ только на то, что̀ дѣйствительно или, по крайней мѣрѣ, по его убѣжденію, на чемъ-нибудь основанному, заслуживало отрицанія; желающіе же итти по слѣдамъ его отрицаютъ *все* — и дурное и хорошее, и малое и великое, и случайное и необходимое. Разность въ бездѣлицѣ, неправда ли? Вотъ плоды поверхностнаго изученія избранныхъ нами образцовъ!

Но въ самомъ ли дѣлѣ такова бо̀льшая часть нынѣшнихъ рецензентовъ, какъ думаетъ г. Погодинъ? Кажется, справедливѣе сказать, что нѣсколько времени являлись въ печати одни разборы съ такимъ направленіемъ, т.-е. это направленіе такъ громко и нахально навязывало всѣмъ свои мнѣнія, что люди здравомыслящіе не хотѣли выхо-

дить на одну арену съ его представителями и уступили имъ; на время, поле сраженія. Мало того: многіе, не довольствуясь молчаніемъ, перемѣнили свои убѣжденія, въ угоду господствовавшему тону критики, и пристали къ заносчивымъ бойцамъ: показывая презрѣніе ко всякому угодничеству и низкопоклонству, они такимъ образомъ преклонились, однакожъ, сами предъ незаконной умственной силой; имъ не приходило въ голову, что такой видъ подобострастія ничѣмъ не лучше того, который, въ былые годы, выражался неуважаемыми въ наше время торжественными одами. Другіе, расходившіеся съ литературной толпой, не пошли такъ далеко и остановились на ступени всего менѣе почетной: отличаясь добродѣтелью осторожности, они высказывали свои собственныя мнѣнія только въ половину, но зато и понесли заслуженное наказаніе, т.-е. не приставъ вполнѣ къ проповѣдникамъ всякаго отрицанія, навлекли на себя ихъ презрѣніе и играли жалкую роль какихъ-то безцвѣтныхъ литературныхъ амфибій. Теперь наступило уже болѣе отрадное время: съ разныхъ сторонъ, въ разныхъ органахъ нашей періодической печати, послышались громкіе протесты противъ исключительно-отрицательнаго направленія, и уже открывается, какъ несправедливы были тѣ, которые подозрѣвали все наше молодое поколѣніе въ образѣ мыслей, принадлежащемъ одной только партіи. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли, чтобы въ эпоху торжества здраваго смысла надъ вѣковыми предразсудками, въ эпоху образованія общественнаго мнѣнія, вся молодежь могучей, быстро развивающейся націи заразилась узкими воззрѣніями односторонней литературной школы? Намъ всегда казалось клеветою на молодое поколѣніе, когда нелѣпыя крайности этой школы приписывались всей молодой литературѣ, когда, вмѣсто нѣкоторой партіи, указывали на всѣхъ молодыхъ писателей. Между тѣмъ естественно, что для этой партіи такое недоразумѣніе было очень пріятно, что она всячески его поддерживала и, разумѣя себя, охотно говорила о цѣлой молодой литературѣ, отождествляла ее съ собою. Это было такое же недоразумѣніе, какъ и то, въ которое впалъ г. Погодинъ, приписавъ Бѣлинскому воззрѣнія мнимыхъ его послѣдователей. И это недоразумѣніе было не менѣе желанно для партіи, лживо прикрывающей себя, съ одной стороны, знаменемъ Бѣлинскаго, а съ другой, именемъ всего молодого поколѣнія.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГОГОЛѢ [1]).

1864.

До 1849 года я съ Гоголемъ встрѣчался рѣдко, хотя давно познакомился съ нимъ. Мы оба не жили въ Петербургѣ и, только съѣзжаясь на короткое время съ разныхъ сторонъ, видѣлись иногда у П. А. Плетнева. Но въ означенномъ году, лѣтомъ, я былъ въ Москвѣ, и тутъ мы посѣщали другъ друга. Гоголь жилъ тогда у гр. Толстаго въ д. Талызина на Никитскомъ бульварѣ, по близости Арбатскихъ воротъ. Изъ его разговоровъ мнѣ особенно памятно слѣдующее. Онъ жаловался, что слишкомъ мало знаетъ Россію; говорилъ, что самъ сознаетъ недостатокъ, которымъ отъ этого страдаютъ его сочиненія. „Я нахожусь въ затруднительномъ положеніи," разсуждалъ онъ, „чтобы лучше узнать Россію и русскій народъ, мнѣ необходимо было бы путешествовать, а между тѣмъ ужъ нѣкогда: мнѣ около 40 лѣтъ, а время нужно, чтобы писать". Отказываясь поэтому отъ мысли о путешествіяхъ по Россіи, Гоголь придумалъ другое средство пополнить свои свѣдѣнія объ отечествѣ. Онъ рѣшился просить всѣхъ своихъ пріятелей, знакомыхъ съ разными краями Россіи или еще собирающихся въ путь, сообщать ему свои наблюденія по этому предмету. О томъ просилъ онъ и меня. Но любознательность Гоголя не ограничивалась желаніемъ узнать Россію со стороны быта и нравовъ. Онъ желалъ изучить ее во всѣхъ отношеніяхъ. Мысль эта давно занимала Гоголя, и для достиженія этой цѣли онъ не пренебрегалъ даже и самыми скудными средствами. Живя за границею, онъ не переставалъ читать книги, которыя казались ему пособіями для этого. И что же читалъ онъ, для своего назиданія, съ особеннымъ вниманіемъ? *Россію* Булгарина! Это разсказывалъ мнѣ тогда А. О. Россетъ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ часто заставалъ Гоголя за этимъ чтеніемъ. Гоголь, лежа на солнцѣ, подчеркивалъ карандашомъ любопытнѣйшія мѣста въ книгѣ Булгарина. Взявъ съ меня обѣщаніе доставлять ему замѣтки о тѣхъ мѣстахъ Россіи, которыя я увижу, Гоголь сталъ разспрашивать меня о Финляндіи, гдѣ я жилъ въ то время. Между прочимъ его интересовала флора этой страны; онъ пожелалъ узнать, есть ли по этому предмету какое-нибудь хорошее сочиненіе и попросилъ выслать ему, когда я возвращусь въ Гельсингфорсъ, незадолго

[1]) Русск. Архивъ, 1864. стр. 177—180.—Въ Русск. Старинѣ 1887 г. № 1 стр. 249 помѣщено Я. К. Гротомъ „Письмо Аксакова къ Плетневу". (конца 1846 г.), касающееся Гоголя, о которомъ С. Т. Аксаковъ тогда сильно тревожился. *Ред.*

передъ тѣмъ появившуюся книгу Нюландера, Flora fennica, что̀ я и исполнилъ впослѣдствіи.

Въ Москвѣ жилъ я у стараго пріятеля моего, Д. С. Протопопова, на Собачьей площадкѣ. Разъ вдругъ подъѣзжаетъ къ дому красивая карета, и изъ нея выходитъ Гоголь. Я разсказалъ ему, что мой хозяинъ можетъ доставить ему много матеріаловъ для изученія Россіи, потому что долго жилъ въ разныхъ губерніяхъ и по службѣ имѣлъ частыя сношенія съ народомъ. Гоголь изъявилъ желаніе познакомиться съ П., но въ тотъ разъ это было невозможно, такъ какъ пріятель мой былъ въ это самое время, хотя и дома, но занятъ по должности.

Между тѣмъ Гоголь вскорѣ куда-то уѣхалъ, а я, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, возвратился въ Гельсингфорсъ ранѣе чѣмъ предполагалъ. Пославъ Гоголю обѣщанную книгу о финляндской флорѣ, я писалъ ему, что П. ждетъ его, и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ отрывокъ изъ одного письма П. ко мнѣ, какъ образчикъ взгляда его на русскій народъ.

Вотъ что отвѣчалъ мнѣ Гоголь [1]), пріѣхавшій опять въ Москву,

„Очень благодарю васъ за ваше доброе письмо, которое нашелъ по пріѣздѣ въ Москву. Мнѣ самому очень жалко, что не удалось съ вами еще повидаться. Благодарю впередъ за предстоящее знакомство съ П., котораго я непремѣнно отыщу. Его замѣчанія о русскомъ народѣ, приложенныя въ вашемъ письмѣ, совершенно вѣрны, отзываются большой опытностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ясностью головы. Прощайте и не забывайте меня.

Вашъ весь Гоголь.“

Вскорѣ послѣ того Гоголь дѣйствительно ѣздилъ къ моему пріятелю, но не засталъ его дома. Погруженный въ дѣла службы, Протопоповъ, который сверхъ того былъ всегда немножко нелюдимъ, не поѣхалъ къ Гоголю, и они не познакомились лично.

Прилагаю здѣсь самый отрывокъ изъ письма Д. С. П., понравившійся Гоголю. Начальныя буквы имени автора должны быть знакомы читателямъ *Дня,* въ которомъ онъ иногда помѣщаетъ свои статьи по предметамъ, также касающимся интересовъ народа.

„Въ жизни нашей собственная личность исчезаетъ: Русаку своя особа не стоитъ гроша, онъ любитъ жить общею съ другими жизнію. Ему только тѣ милы наслажденія, которыя онъ раздѣляетъ съ другими. Мужикъ заработавъ лишній рубль, несетъ его не въ кассу, а въ кабакъ, потому что тамъ онъ повеселится съ пріятелями, которые въ свою очередь пригласятъ его повеселиться на ихъ добычу. Разгля-

[1]) Гоголь въ письмѣ къ Плетневу отъ 15 дек. пишетъ: „Пожалуйста, отправь это письмецо къ Гроту и сообщи мнѣ его точный адресъ“. *Ред.*

дите это свойство русскаго народа, беззаботность о своей личности, и вы поймете и ихъ неряшество и безкапитальность, и незаботу о совершенствѣ труда. На что ему украшать свою жизнь, заботиться о будущемъ?

„Онъ чувствуетъ въ себѣ обиліе силъ на то, чтобы, когда настигнетъ нужда, поработать изъ всей мочи, потерпѣть до нельзя и все это сдѣлать для того только, чтобъ выйти изъ труднаго положенія, а не для того чтобъ оградить себя на будущее время отъ бѣды. Посмотрите: вотъ сгорѣла деревня, мужики и рвутся и мечутся, чтобы поскорѣй построить свои избы; построили — и довольно. Что имъ за дѣло, что новая постройка не обезпечиваетъ ихъ отъ пожара? Пусть горитъ, они опять примутся хлопотать какъ муравьи: на то имъ Богъ далъ и силы. Поговорите съ ними о прошломъ: они не станутъ говорить вамъ, какъ прежде жили хорошо, а станутъ говорить съ увлеченіемъ о томъ, какъ они метались въ нуждѣ, какъ они боролися съ нуждою. Вспомните разсказы ихъ о 12-мъ годѣ; что въ ихъ разсказахъ? Повѣсть о томъ, какъ они жили въ лѣсахъ, какъ по недѣлямъ сидѣли безъ хлѣба, какъ били ихъ французы и особенно поляки; и чѣмъ потчивали они своихъ гостей незванныхъ.

„Страннымъ можетъ быть покажется, если я скажу, что русскій любитъ трудъ и нужду, и любитъ трудъ не какъ средство и нужду не какъ нужду, а такъ, самихъ по себѣ. Продолжительное наслажденье, счастье и спокойствіе грептятъ [1]) ему на совѣсти. Ну что это, онъ говоритъ, мнѣ все хорошо, да хорошо: такъ не должно быть, это вражеское навожденіе; это или дьяволъ насылаетъ, или Богъ во гнѣвѣ хочетъ излить на меня все сладкое, чтобы дать мнѣ на томъ свѣтѣ горькое. Знать грѣшникъ я большой.“

---

[1]) Знаете ли вы это слово: „грептѣть?“ Оно мужицкое и похоже въ значеніи на *трутить*, *натирать* и т. п.

„КУЛАКЪ,"

ПОЭМА НИКИТИНА[1]).

1858.

Въ русской поэзіи давно не было такого замѣчательнаго явленія, какъ новая поэма г. Никитина. Нѣкоторыя изъ нашихъ періодическихъ изданій отозвались о ней съ похвалою, въ публикѣ же она возбудила, какъ всегда бываетъ, разнообразные толки; вотъ почему неизлишне будетъ еще поговорить о ней.

Предметъ этой поэмы заимствованъ изъ быта простого народа и близокъ къ тѣмъ темнымъ сторонамъ нашей общественной жизни, которыя съ нѣкотораго времени сдѣлались любимою темой современной сатиры: и здѣсь мы видимъ обманъ, произволъ, корыстолюбіе, взятки. Но на этотъ разъ поэтъ переноситъ насъ въ новую сферу и самыя эти язвы представляетъ намъ съ новой стороны. Онъ переноситъ насъ въ сферу, которая очевидно такъ знакома ему, что всѣ изображаемыя имъ лица и явленія носятъ отпечатокъ поразительной истины; начертываемые имъ типы движутся со всею свободою жизни, въ нихъ вовсе не видно ложной искусственности. Новая сторона предмета заключается въ томъ, что выставляемые здѣсь характеры принадлежатъ не къ чиновному сословію и обманываютъ не правительство, а всякаго, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; они упражняются въ самыхъ мелкихъ плутняхъ, притѣсняютъ слабѣйшихъ сродниковъ и вообще тѣхъ, кого прижать легко и выгодно. Къ разряду такихъ лицъ въ поэмѣ относятся: во-первыхъ самъ *кулакъ*, старый, посѣдѣлый въ плутовствѣ Карпъ Лукичъ Лукинъ, далѣе Пучковъ, у котораго онъ нѣкогда служилъ и котораго поэтому справедливо считаетъ своимъ учителемъ, потомъ зять Лукича Тарасъ Петровъ, отставной помѣщикъ Скобѣевъ и профессоръ Зоровъ. Впрочемъ послѣдніе два промышляютъ уже обманами другого рода — высшаго или низшаго? предоставляю рѣшить читателямъ „Кулака". Разсмотримъ напередъ составъ поэмы и ходъ разсказа.

Поэма состоитъ изъ двадцати одного отдѣла неравной величины; всѣ они написаны четырехстопнымъ ямбомъ съ риѳмами, перемѣшанными безъ симметріи. Многія почти цѣликомъ въ драматической формѣ. Представлю вкратцѣ содержаніе всѣхъ главъ по порядку, передавая его по возможности стихами самого подлинника.

---

[1]) Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ 1858, т. VII вып. IV, стр. 289 (и отд. оттиски).

I. Поэма открывается описаніемъ мѣстности, гдѣ происходитъ дѣйствіе; по нѣкоторымъ чертамъ ясно, что это городъ на Дону или притокѣ его; конечно — Воронежъ.

Проснулись воды и росли,
Гроза Азова, корабли.
. . . .
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой,
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ былые годы
и проч.

Тамъ межъ высокими домами,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ.
. . . .
Таковъ домишко, гдѣ горюетъ
Съ женой и дочерью кулакъ.

II. Въ этомъ убогомъ жилищѣ мы находимъ хозяйку Арину и дочь ея Сашу за работой и въ горѣ. Онѣ сокрушаются объ отцѣ.

Старикъ надъ дочерью родною
Смѣется — чѣмъ бы не женихъ
Столяръ-сосѣдъ? Уменъ и тихъ.
Три раза сваха приходила,
Ужъ какъ вѣдь старика просила!
Одинъ отвѣтъ: на дняхъ приди...
Подумать надо... погоди...

Этотъ старикъ — тиранъ своего семейства. И мать и дочь терпѣливо сносятъ свое несчастье, иногда ропщутъ невольно, но потомъ сами себя осуждаютъ за это.

III. Ужъ столъ накрытъ, и скудный ужинъ
Готовъ, покой старушкѣ нуженъ,
Заснуть бы время—мужа ждетъ:
Скрыпитъ крылечко — онъ идетъ.
Сертукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ,
Картузъ въ пыли, ни рыжъ, ни черенъ,
Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ,
Густыя брови внизъ висятъ,
Угрюмо супясь. Лобъ широкой
Изрытъ морщинами глубоко,
И теменъ волосъ, но сѣда
Подстриженная борода.

Старикъ садится ужинать. Арина, видя, что онъ трезвъ, рѣшается просить его за Сашу, которая между тѣмъ вышла за квасомъ:

Обрадуй ты меня подъ старость,
Отдай ты дочь за столяра!

Но онъ и слышать о томъ не хочетъ; послѣднія слова его:

Оставь пока не разсердился!

Лукичъ, оставшись одинъ, закурилъ трубку и разсуждаетъ самъ съ собою. Между прочимъ онъ говоритъ:

Вотъ дочь невѣста... все забота!
И сватаютъ, да нѣтъ разсчета: —
Сосѣдъ нашъ честенъ, всѣмъ хорошъ,
Да голь большая — вотъ причина!
Что честь-то? коли нѣтъ алтына,
Далеко съ нею не уйдешь.
Безъ денегъ честь — плохая доля!
Согнешься нехотя кольцомъ
Передъ зажиточнымъ плутомъ:
Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! Я человѣкъ,
Отецъ къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — кулакъ! Кричитъ весь городъ.
Кулакъ... Душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай Богъ мнѣ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому,
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю.

IV. Тутъ мы узнаемъ прошлое кулака: отецъ-торгашъ заставлялъ мальчика учиться грамотѣ и думалъ, что этимъ все уже сдѣлалъ для воспитанія его; но Карпушка ничѣмъ не занимался и выучился только лгать да обманывать.

Карпушка на ноги поднялся
И все безъ дѣла оставался,
Покамѣсть вздумалось отцу

Въ науку кудрую къ купцу
Его отдать. Тутъ всѣ разсчеты —
Торговыхъ плутней извороты
Онъ изучилъ, и кошелекъ
Казной хозяйскою, какъ могъ,
Наполнилъ. Годы шли. Скончался
Его отецъ; угасла мать.
Невѣсту долго ли сыскать?
И сынъ женился. Распрощался
Съ купцомъ; заторговалъ мукой;
И какъ по маслу годъ-другой
Все шло. Но вдругъ за пень задѣло;
Тутъ неудача, тамъ сплошалъ...
Спустилъ какъ воду капиталъ
И запилъ: горе одолѣло!
Искать мѣстечка — стыдъ большой;
Искать рѣшился — отказали.
А ремеслу не обучали;
Подумалъ — и махнулъ рукой:
„Тьфу, чортъ возьми! да что за горе!
Пойду на рынокъ по утру,
Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море,
Тамъ рыба есть, умѣй ловить,
Достанетъ какъ-нибудь прожить!“
И съ той поры лѣтъ тридцать сряду
Онъ всякой дрянью промышлялъ,
И Лукича весь городъ зналъ
По разнымъ плутнямъ, по наряду,
По вѣчной худобѣ сапогъ
И по загару смуглыхъ щёкъ.

V. Въ городѣ ярмарка: Лукичъ обмѣриваетъ и обсчитываетъ. Вотъ его узнаетъ помѣщикъ Климъ Кузьмичъ Долбинъ, который хочетъ купить жеребца подъ шерсть къ пристяжнымъ.

„Есть, сударь, есть!“

отвѣчаетъ Лукичъ:

„Рысакъ! А бѣгъ — мое почтенье!“
И онъ прищелкнулъ языкомъ:
Да-съ одолжу молъ рысакомъ!
— Ты плутъ естественный, я знаю;
Смотри, Лукичъ! не обмани!
„Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни!

Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ... Вамъ Скобѣевъ незнакомъ?“
— Нисколько.
„Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примѣру, хочетъ съѣсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядѣнье!“
— Да правда ль?
„Не далеко домъ,
Коли угодно, завернемъ,
Посмотримъ.“
Сдѣлай одолженье!

VI. Они приходятъ къ дому Скобѣева, вступаютъ въ разговоръ съ кучеромъ, который сидитъ у воротъ и вмѣстѣ съ нимъ идутъ осматривать коня. Потомъ является самъ хозяинъ. Торгуются; Лукичъ плутовски вмѣшивается въ ихъ споръ, чтобъ услужить обоимъ, и наконецъ торгъ заключенъ.

Кому не святъ обычай русской!
И вотъ за водкой и закуской
Скобѣевъ и Долбинъ сидятъ.
Червонцы на столѣ звенятъ;
Лицо хозяина сіяетъ;
Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ,
Остатки въ потолокъ — вотъ такъ!
Дескать, попрыгивай, рысакъ,
Долбинъ поморщился немного,
Но тоже выпилъ.

Послѣ разговора съ Скобѣевымъ, который скрываетъ, что онъ подъ судомъ,

Помѣщикъ всталъ и распростился.
Онъ къ воротамъ, Лукичъ во слѣдъ.
„За трудъ, сударь“, и побожился:
Коню-то вѣдь цѣны молъ нѣтъ.
— Вотъ два цѣлковыхъ.
„Что вы-съ! Мало!
Какъ можно! Это курамъ смѣхъ!
Гм, время, значитъ, такъ пропало...“
— Ну сколько же?
„Да пять не грѣхъ.“

Долбинъ заспорилъ.
„Воля ваша,
Хоть не давайте ничего!
Мы, стало, служимъ изъ того...
А все, къ примѣру, глупость наша:
Добра желаешь.“
— Эхъ, какой!
Одинъ прибавлю.

Долбинъ уходитъ съ конемъ. Но Лукичъ ждетъ награды и отъ Скобѣева.

„Эй! старый хрычъ! кого ты ждешь?
Пора въ свояси убираться!“
Съ крыльца Скобѣевъ забасилъ;
Лукичъ за козырекъ хватился,
Картузъ подъ мышку положилъ
И молвилъ: ну, сударь, трудился!
Весь лобъ въ поту!
„Платокъ возьми,
Утрись“.
— Утремся. Я дѣтьми
За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять.
„Вишь, старый шутъ, чѣмъ похвалился!
Я бъ безъ тебя сумѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?“
— Съ него возьмешь! хоть бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру!
„Все лжешь!“
— Бываетъ, что и лгу,
А передъ вами не могу:
Не хватитъ духу.
„Это видно!...
Я бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому.“
— Да не шутите, сударь, стыдно!
„Не забываться! ротъ зажму!“
— Благодаримъ. Не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?
„Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!“
— Что и говорить!
Вотъ щедрость! Гм, мое почтенье!

Останься съ рюмкою вина...
Но, дорогое угощенье!
„Вишневка. Какъ? Вѣдь не дурна?“
— Хоть рубль-то дайте!
„Чести много.
Пожалуй, на вотъ четвертакъ“.
— Себѣ возьмите, коли такъ!
Эхъ, баринъ! не боишься Бога!
„Я говорилъ тебѣ — молчать!“
— Потише! можно испугать!...
Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ;
Вишь умникъ! дурака нашелъ...
И свой картузъ Лукичъ надвинулъ,
Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Въ концѣ этой главы, Лукичъ, пьяный, ищетъ по улицамъ своего дома.

VII. Въ вечеру Арина со страхомъ ждала своего мужа. Наконецъ

Дверь распахнулась — онъ явился:
Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса,
Дырявый галстукъ на бокъ сбился
И кровью налиты глаза.

Между пьянымъ старикомъ и его домашними начинается сцена возмутительная, но исполненная истины. Испуганныя мать и дочь уходятъ въ садъ и тамъ проводятъ ночь на холоду.

Проснувшись по утру, Лукичъ объявляетъ женѣ, что онъ ждетъ сваху.

— „Отъ кого?
Про это я, выходитъ, знаю.
Что думалъ, сбудется авось.“
. . . .
— Мнѣ замужъ, батюшка, нейти,
Чуть слышно Саша отвѣчала,
И съ чаемъ чашка задрожала
Въ ея рукѣ.
„Ты безъ пути
Того... Не завирайся много!“
— Я правду говорю.
„Ну врешь!
Велю, за пастуха пойдешь“.

Пока между ними продолжался въ томъ же тонѣ разговоръ, у калитки застучало желѣзное кольцо: это сваха. Саша поблѣднѣла. Отецъ выслалъ ее въ кухню.

VIII. Входитъ сваха:

„Кажись, вамъ времячко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать;
Есть у меня купецъ; не знаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ.“
— А! Понимаю, понимаю!
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ;
Да кто купецъ-то?
„Таракановъ,
Тарасъ Петровичъ.“
Это онъ!
Лукичъ подумалъ: въ руку сонъ!
Его и ждалъ.

Сваха начинаетъ выхвалять жениха. Потомъ заговорили о приданомъ, при чемъ дѣло не обходится безъ торга.

— Выходитъ дѣло, не взыщи!
Съ приданымъ эдакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи.
„И, золотой, ты обижаешь!
Ты покажи товаръ купцу;
Нельзя: такое заведенье!
Не сразу торгъ, не вдругъ рѣшенье,
Сказать: здорово — и къ вѣнцу.“
— Ну да! вотъ эта рѣчь умнѣе!
Смотрушки завтра. Попозднѣе
Прошу покорно вечеркомъ
Пожаловать къ намъ съ женихомъ.
„Всенепремѣнно. Ваши гости.“

XI. Портретъ столяра:

Сосѣдъ-столяръ высокъ и строенъ,
Не очень смуглъ, не слишкомъ бѣлъ,
Веселый взглядъ его спокоенъ
И простодушно твердъ и смѣлъ;
Въ обтяжку казакинъ изъ нанки,
Рубашка красная чиста;
Не въ тяготу ему рубанки
И не въ кручину бѣднота.

Саша встрѣчается съ нимъ.

„Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово!
Эхъ, мѣсто дрянь! народъ вонъ есть...

Поцѣловалъ бы... право слово!
Ну, жаль! глаза бъ ему отвесть,
Да не умѣю.“
— Горя много,
Не до того...
„О чемъ грустить?
Что горе? въ горѣ Богъ помога,
Вѣкъ горевать, такъ что и жить!“
— Куда ходилъ?
„Да тутъ скончался
Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!
Нѣтъ гроба... голосьба идетъ...
Я приготовить обѣщался,
Теперь снялъ мѣрку. Жаль до слезъ!
Спасибо, есть готовый тесъ...
Ну, что отецъ?“
— Терпѣть устала:
Не въ мочь! и Саша разсказала
О свахѣ.
„Эдакой старикъ!“
И головой столяръ поникъ,
Подумалъ — и встряхнулъ кудрями:
„Все вздоръ! не надо унывать!
Повѣрь, все кончится словами...“

Саша горюетъ: завтра смотрушки. Но молодой столяръ не теряетъ надежды: онъ чувствуетъ свои силы, онъ обѣщаетъ прокормить не только себя съ женой, но и тестя.

X. Ночь. Мы въ мастерской столяра; утомленный отдѣлкой гроба, онъ уснулъ на полу возлѣ верстака.

Печально смотритъ мастерская:
Смолистый запахъ изливая,
Бѣлѣютъ стружки на полу.
Сосновый гробъ стоитъ въ углу,
Топоръ въ березовый отрубокъ
Воткнулся носомъ. На стѣнѣ
Чернѣетъ старый полушубокъ,
Пила при трепетномъ огнѣ
Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ,
Въ платкѣ и желтой душегрѣйкѣ,
Семьи сварливая глава,
Сидитъ дородная вдова.

Она раскладываетъ карты и гадаетъ про женитьбу сына.

Межъ тѣмъ, съ гремушкою въ ручонкѣ,
До вечера проспавшій днемъ,
Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ,
По стружкамъ скачетъ босикомъ
Ея сынишка краснощекой,
И православныхъ избъ жилецъ,
Извѣстный на Руси пѣвецъ,
Сверчокъ стрекочетъ одиноко
Подъ печью...

Столяръ разговариваетъ съ свою матерью о Лукичѣ и дочери его. Потомъ маленькій Ваня пляшетъ подъ пѣсню брата. Вдова узнаетъ, что старшій сынъ дѣлаетъ гробъ даромъ, потому что покойникъ былъ ему пріятель. Столяръ вспоминаетъ своего умершаго отца и добрые совѣты его. Всѣ готовятся ко сну; меньшой братъ читаетъ молитву.

. . . . Чистъ и звонокъ
Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ,
Его ошибки поправлялъ.
Локтями упершись въ колѣни,
Вдова внимала въ тишинѣ:
Огонь мигалъ — и братьевъ тѣни
Передвигались на стѣнѣ.

XI. Домъ Лукича. Разгнѣванный отецъ разговариваетъ съ дочерью, которая не соглашается выйти за немилаго ей Тараса. Наконецъ Лукичъ проклинаетъ дочь и тѣмъ побѣждаетъ упорство ея.

„Согласна“, Саша отвѣчала
И на полъ замертво упала.

XII. Невѣста и мать ея заняты приготовленіями къ смотрушкамъ. Вотъ наступаетъ рѣшительный вечеръ: женихъ въ гостяхъ у родителей Саши. Опять завязывается со свахою споръ о приданомъ; но дѣло уладилось. Лукичъ велитъ женѣ принести полотенце и платокъ, невѣста подаетъ жениху на подносѣ обручальный подарокъ.

Женихъ утерся имъ легонько,
Невѣстѣ молча возвратилъ,
Утерлась и она.

Сваха объявляетъ имъ, что теперь они соединены,

И поцѣлуемъ приказала
Обрядъ закончить, рядомъ сѣсть
И полюбовно рѣчи весть.

Невѣста печальна; отецъ уже пьяный, по обыкновенію, грозитъ ей за это побоями. Сострадательная подруга, чтобъ выручить ее, подсѣла къ жениху и занимаетъ его разговоромъ.

XIII. Мать столяра разсказываетъ печальному сыну, что Саша обманула его; между тѣмъ при этомъ открывается характеръ старухи:

Ей нужды было очень мало,
Что сынъ невѣсту потерялъ,
Да самолюбіе страдало:
Сосѣдъ, бѣднякъ — и отказалъ.
Обидно, главная причина!
И оскорбленная вдова
Сердилась на себя, на сына,
На цѣлый свѣтъ... она едва
Кота полѣномъ не убила,
За то, что въ кухнѣ захватила
Его надъ чашкою съ водой:
Ты, молъ, не пей, такой-сякой!

Но что между тѣмъ происходитъ съ столяромъ?

Кручина молодца сломила,
Ввела въ кабакъ, виномъ поила,
Поила отъ роду впервой.
И пѣлъ онъ пѣсни — и смѣялась
Толпа гулякъ средь кабака —
Пѣлъ громко, а змѣя тоска
Кольцомъ холоднымъ обвивалась
Вкругъ сердца.

Вдругъ мать, шедшая случайно мимо кабака, узнаетъ голосъ сына и вбѣгаетъ туда въ слезахъ, въ смущеніи. Она усовѣщиваетъ сына и уводитъ его. „Ахъ! Саша, Саша! говоритъ онъ, слѣдуя за матерью:

„На вѣкъ пропали мы шутя!“
Столяръ заплакалъ какъ дитя.

XIV. Въ домѣ Лукича приготовленія къ свадьбѣ.

Свою печаль отъ жениха
Таила Саша. Равнодушна
Въ толпѣ подругъ она была;
Порой казалась весела,
Шутить, смѣяться начинала,
Но вдругъ, средь смѣха, умолкала
И уходила въ садъ, и тамъ,

Въ зеленой чащѣ, одиноко
Садилась на скамьѣ широкой
И накопившимся слезамъ
Давала волю...

Между тѣмъ отецъ радовался, что нашелъ достаточнаго затя:

Не столяру чета! онъ вѣрно
Поможетъ тестю... вотъ что скверно —
Никакъ съ приданымъ не собьюсь!

Онъ ищетъ, у кого бы занять денегъ, но заемъ ему никакъ не удается. Вдругъ у него мелькнула счастливая мысль — попытаться пойти къ Скобѣеву. И черезъ часъ Лукичъ въ его пріемной. Лакея не случилось, дверь въ кабинетъ отворена и онъ слышитъ разговоръ хозяина съ купцомъ: дѣло идетъ о подлогѣ и подкупѣ. Когда гость ушелъ, Лукичъ начинаетъ просить у Скобѣева помощи:

Просваталъ дочь, нужна помога,
Цѣлковыхъ эдакъ сто взаёмъ,
Я заложилъ бы вамъ свой домъ,
Не откажите, ради Бога!

Скобѣевъ сперва шутитъ, но кончаетъ тѣмъ, что прогоняетъ просителя. Дорогой Лукичъ видитъ домъ Пучкова и рѣшается зайти къ своему бывшему хозяину.

XV. Пучковъ, оставшись въ дѣтствѣ сиротою и ни съ чѣмъ, попалъ въ домъ къ одному старому бездѣтному купцу, который

Его за бойкость полюбилъ,
Одѣлъ и въ лавку посадилъ.

Но парень изъ благодарности —

Купца ограбилъ наконецъ.
Не вынесъ бѣдный мой купецъ:
И пилъ и плакалъ, спился съ кругу,
И ночью, пьяный и больной,
Застылъ средь улицы зимой.
Чужого золота наслѣдникъ,
Пучковъ себя не уронилъ.
Глядѣлъ смиренникомъ и былъ
О чести строгой проповѣдникъ.
Не кушалъ рыбы по постамъ,
Молился долго по ночамъ,
На церковь подавалъ грошами,

Передъ нетлѣнными мощами
Большія свѣчи зажигалъ,
Но плутовства не покидалъ.
И странно! плутъ не лицемѣрилъ:
Онъ искренно въ святыню вѣрилъ,
Да! совѣсть надо очищать!
Что дѣлать! страшно умирать!
Пучковъ объ адѣ начитался...
И какъ же онъ чертей боялся!
На полчаса вздремнуть не могъ,
Три раза „Да воскреснетъ Богъ“
Не повторивъ. Теперь, угрюмый,
Въ очкахъ, псалтырь читалъ онъ вслухъ,
Но врагъ добра, лукавый духъ,
Мутилъ его святыя думы,
И вдругъ — съ духовной высоты
На рынокъ, полный суеты,
Ихъ низводилъ.

Вдругъ является Лукичъ:

И рѣчь повелъ онъ стороною:
Я молъ извѣстенъ вамъ давно
И позабыть меня грѣшно.

Но когда онъ объясняетъ свою просьбу, Пучковъ доказываетъ ему, что никому нельзя вѣрить; дѣло доходитъ до брани.

Опомнись! съ кѣмъ ты говоришь?

восклицаетъ Пучковъ:

— Съ тобою, старый песъ! съ тобою!
Ты вмѣстѣ воровалъ со мною!
Клади мнѣ денежки на столъ!
Дѣлись! я вотъ за чѣмъ пришелъ!
„И ты мнѣ могъ! и ты мнѣ смѣешь!..“
— Кто? я-то?... ты не подходи
И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи,
Убью! вотъ тутъ и околѣешь!

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой
Стоялъ онъ съ поднятой рукой,
Огнемъ глаза его сверкали,
И губы синія дрожали.
Лукичъ захохоталъ. — Ну что жъ!

Ударь, попробуй! что жъ не бьешь?
„Вонъ, извергъ!“
— Не бранись со мною!
Я выйду честью! не шуми!
Не то я... прахъ тебя возьми!...
Не стоишь, правда... Богъ съ тобою.
Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ:
Безсильный гнѣвъ его душилъ.
— Прощай! садись опять за книги,
Копи казну, надѣнь вериги,
Все, значитъ, о душѣ печаль...
А жаль тебя! ей Богу жаль!

Глава оканчивается обращеніемъ Лукича къ самому себѣ и прекрасною характеристикою кулака, каковъ онъ не въ одномъ низшемъ слоѣ народа, но и во всѣхъ сферахъ общества.

„Нѣтъ, не дождаться мнѣ помоги!“
Грустилъ дорогою бѣднякъ:
„Не вѣрятъ мнѣ. Я — голь! кулакъ!
Вотъ и ходи, считай пороги,
И гнись, и гибни ни за что,
На то, молъ, голь! кулакъ на то!
Гм, да! упрекъ то вѣдь забавный!
Эхъ, ты — народецъ православный!
Не честь тебѣ лежачихъ бить,
Безъ шапки сильныхъ обходить!
Кулакъ... да мало ль ихъ на свѣтѣ?
Кулакъ катается въ каретѣ,
Изъ грязи да въ князья ползетъ
И кровь изъ бѣднаго сосетъ...
Кулакъ во фракѣ, въ полушубкѣ,
И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ —
Гдѣ и не думаешь — онъ тутъ!
Не мелочь, не грошовый плутъ,
Не намъ чета, — подниметъ плечи,
Прикрикнетъ, — не найдешь и рѣчи,
Рубашку сниметъ, — все молчи!
Господь суди васъ, палачи!
А ты, къ примѣру, въ горькой долѣ
На грошъ обманешь по-неволѣ —
Тебя согнутъ въ бараній рогъ:
Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются...
Набей карманы, — видитъ Богъ,

Въ пріятели всѣ назовуться!
Будь воромъ — скажутъ: не порокъ!
Вотъ гадость! тьфу!“

XVI. Лукичъ входитъ къ профессору Зорову, который, завидѣвъ его изъ своего окна, позвалъ къ себѣ.

У старика, тому давно,
Путь тяжкій Зоровъ начиналъ —
Латынью умъ свой притуплялъ.
. . . .
Ученой бурсы отпечатокъ
Невольно Зоровъ сохранилъ:
Зналъ букву, глубже не ходилъ.
. . . .
Передъ нимъ
Теперь просители стояли:
Священникъ, старичекъ больной,
И дьяконъ тучный и рябой.

Оба они пришли къ Зорову по одинаковому дѣлу: изъ духовнаго училища исключены сыновья ихъ, одинъ за нерадѣніе, другой за пьянство. И вотъ отцы пришли просить за мальчиковъ. Зоровъ сначала на отрѣзъ отказываетъ священнику, но, побывъ съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ, перемѣняетъ тонъ.

О чемъ они тамъ толковали,
Однѣ нѣмыя стѣны знали.
Дверь отворилась наконецъ,
Священникъ просто былъ мертвецъ,
Такъ блѣденъ! „Вы побойтесь Бога...
Я бъ больше... бѣдность... негдѣ взять...“

За тѣмъ Зоровъ оборачивается къ дьякону; тотъ заговорилъ-было о сынѣ, но вдругъ перемѣнилъ рѣчь —

Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой
Подумалъ: круто своротилъ!
— Я слышалъ стороною,
Что вы нуждаетесь въ конѣ...
Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ...
Продамъ охотно. — И съ божбою
Плечистый дьяконъ увѣрялъ:
— Конь добрый! я на немъ пахалъ!
„Взглянуть, пожалуй, не мѣшаетъ.
Вы приведите-ка его...

Не норовистъ онъ?
— Ничего.
„Хмъ. Знаю, знаю!
Пусть поисправится вашъ сынъ.
Вы вотъ что, я предупреждаю,
Вѣдь я зависимъ... не одинъ...
Тутъ нужно...“
— Какъ же-съ! понимаю!
И тучный дьяконъ вышелъ вонъ,
Отдавъ почтительный поклонъ.“

Лукичъ, оставшись одинъ наединѣ съ Зоровымъ, начинаетъ просить и у него взаймы. Зоровъ проситъ его повременить.

XVII. Въ трогательныхъ чертахъ изображена тоска Саши передъ свадьбою. Вскорѣ она уже замужемъ; осиротѣвшей матери грустно, и рѣдко удается ей видѣться съ дочкой.

Свой садъ старушка позабыла:
Мать столяра ей досадила
Упрекомъ, бранью каждый день
Черезъ изломанный плетень:
— Здорово, другъ! въ саду гуляешь?
Хозяйка! яблоки считаешь?
Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ,
Поймаю, — прямо подъ топоръ!
Арина головой качала
И ничего не отвѣчала.
Она не зла, молъ... это такъ;
Всему причина — Сашинъ бракъ.

Между тѣмъ Лукичъ каждый день встрѣчался съ зятемъ на рынкѣ; они толковали о всякой всячинѣ, Тарасъ угощалъ старика чаемъ, но денегъ ему не предлагалъ и Лукичъ не могъ понять, что это значитъ.

„Ну если онъ меня обманетъ,
И я останусь въ дуракахъ,
Безъ дома съ сумкой на плечахъ?“

XVIII. Лукичъ въ большой нуждѣ; осень, глухая пора, на рынкѣ нечѣмъ поживиться, дороги плохи, нѣтъ крестьянъ. Арина горюетъ; какъ нарочно на эту пору приходитъ разсыльный отъ старосты и требуетъ подушнаго. Лукичъ отдѣлывается гривенникомъ, который онъ даритъ посланному.

XIX. Арина занемогла и, предчувствуя смерть, прощается съ Сашей, которая уже рѣдко отлучается изъ дому, потому что свекровь и мужъ не пускаютъ ее. Когда не стало старушки —

„Одинъ остался!
Одинъ какъ перстъ!“ Лукичъ сказалъ,
Закрылъ лицо — и зарыдалъ.
Уснуло доброе созданье!
Жизнь кончена. И какъ она
Была печальна и бѣдна!
Стряпня и вѣчное вязанье,
Забота въ домѣ приглядѣть,
Да съ голоду не умереть,
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ,
Да слезы... больше ничего.
И эта мелочь мозгъ сушила
И человѣка въ гробъ свела!
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочнаго зла!
Какъ громъ, ты не убьешь мгновенно,
Войдешь ты — полъ не заскрипитъ,
А душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ!

Сосѣдки толпятся въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойница.

Мать столяра въ углу стояла,
Съ кумой любимою шептала:
„Вѣдь на покойницѣ платокъ,
Что тряпка... ай-да муженекъ!
Убралъ жену, кулакъ проклятый!
О платьѣ и не говорю —
Я вчужѣ отъ стыда горю:
Съ заплатой, кажется, съ заплатой!..
А дочь слезинки не прольетъ...
Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ!
Ахъ, я тебѣ и не сказала!
Она за сына моего
Хотѣла выйти... каково?
Да я-то шишъ ей показала!
И мать-то, помянуть не тѣмъ,
Глупа была, глупа совсѣмъ!“

Лукичъ идетъ къ зятю просить у него денегъ на похороны

XX. Румянъ, плечистъ, причесанъ гладко,
Тарасъ Петровичъ за тетрадкой

Въ рубашкѣ розовой сидѣлъ,
На цифры барышей глядѣлъ
И улыбался.

. . . .

Лукичъ вошелъ — и сердце сжалось
У Саши. Жалокъ былъ отецъ!
Оборванъ, блѣденъ... грусть, казалось,
Его убила наконецъ.

Зять изъявляетъ ему сожалѣніе; но когда рѣчь зашла о помощи, онъ жалуется, что у него мало денегъ въ сборѣ и упрекаетъ тестя.

„Оно конечно,
Родню позабывать грѣшно,
Да вѣдь грѣшно и жить безпечно,
Да-съ! поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишко рваный,
Изъ сапоговъ носки глядятъ,
А вы намедни были пьяны...
Выходитъ, кто же виноватъ?“

Напрасно Лукичъ умоляетъ зятя, описываетъ свое жалкое положеніе и обѣщаетъ исправиться; Тарасъ остается холоденъ и наконецъ предлагаетъ ему рубль серебра.

Саша встала.
Негодованія полна,
Казалось, выросла она
И мужу съ твердостью сказала:
„Я свой салопъ отдамъ въ закладъ —
И мать похороню!“

Между мужемъ и женой начинается язвительный разговоръ, въ который вмѣшивается и Лукичъ; Саша отвѣчаетъ ему:

„Нѣтъ, воля ваша!
Ужъ у меня изныла грудь
Отъ этой жизни!... я молчала...
Онъ мягко стелетъ, жестко спать...
Пусть бьетъ! я не хочу скрывать!
Больною мать моя лежала,
Я мать провѣдать не могла!
Боится — столяра увижу...“
Саша улыбнулась,
Мужъ отъ улыбки поблѣднѣлъ,
Но вмигъ собою овладѣлъ.

— Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась!
Объ этомъ мы поговоримъ
На единѣ-съ... а вотъ роднымъ
Поможемъ. Нужно — и дадимъ.
Держите, батенька, Богъ съ вами!

Лукичъ, получивъ вспоможеніе отъ зятя, сбирается хоронить Арину; сидя передъ гробомъ ея, онъ размышляетъ о своемъ прошломъ и сознаетъ всю свою низость:

„Все терпитъ Богъ!
Вотъ зять, какъ нищему, помогъ...
Въ глазахъ мутилось: сердце ныло, —
Я въ поясъ кланялся, просилъ!..
А вѣдь и я добро любилъ,
Оно вѣдь дорого мнѣ было!
И смѣлъ и молодъ, помню, разъ
Въ грозу и непогодь весною
Я утопающаго спасъ.
Когда онъ съ мокрой головою,
Нагой, на берегу лежалъ,
Открылъ глаза, пошевелился
И крѣпко руку мнѣ пожалъ...
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ
И радостно перекрестился!
И все пропало! все забылъ!..“

XXI. Прошло два года; зима; завтра Рождество; рынокъ кипитъ народомъ. Здѣсь между прочимъ мать столяра разсказываетъ кумѣ:

— И говорю я это сыну:
„Оставь, молъ, ты свою кручину!“
Нѣтъ! Долго Сашу вспоминалъ!
И вотъ что было — запивалъ!
Теперь ни-ни! взялся за дѣло...
Поди-ты, не женю никакъ:
Прошу, прошу, — такой дуракъ!
Вишь рано... время не приспѣло...
Да вретъ онъ! это ничего!
Ужъ уломаю я его!“

Лукичъ также на рынкѣ; по старой привычкѣ онъ кого-то обвѣсилъ, но на этотъ разъ обманъ обошелся ему дорого: въ толпѣ народа

Мужикъ съ курчавой бородою,
Взбѣшенный, жилистой рукою

Его за шиворотъ держалъ,
И больно билъ, и повторялъ:
„Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!“

Вдругъ является столяръ; раздвинувъ толпу сильными руками, онъ выручаетъ стараго сосѣда изъ бѣды и уводитъ его съ собою:

„Сосѣдъ! Ну какъ тебѣ не стыдно?
Столяръ дорогой говорилъ:
Весь помертвѣлъ.... лица не видно...
Что завтра? вспомни!“
— Согрѣшилъ.
Обвѣсилъ... не во что одѣться...
Озябъ... и нечѣмъ разговѣться.
„А зять?..“
— Мошенникъ! охъ продрогъ!
„Ну Саша?“
Саша помогаетъ...
Въ постели... кровью все перхаетъ...
Охъ, больно!.. заложило бокъ...
„Эхъ, Карпъ Лукичъ!
— Молчи, я знаю!..
Сгубилъ я дочь свою, сгубилъ!
„Нѣтъ, я не то... не попрекаю.
Мнѣ жаль тебя: сосѣдомъ былъ...
Бѣдняга! выгнали изъ дома...
Да ты идешь едва-едва,
Квартира гдѣ?“
— У Покрова.
Не топлена. Постель — солома.
Привыкъ, къ примѣру... охъ продрогъ!
„Слышь, Карпъ Лукичъ! ты не сердися...
Вотъ деньги есть. Не откажися,
Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ,
Даю изъ дружества. Вѣдь хуже
Обманывать, дрожать на стужѣ...
Возьми пожалуста, сосѣдъ!
Ну хоть взаемъ... какъ знаешь!“
— Нѣтъ!
Я виноватъ передъ тобою:
Ты съ Сашей росъ...
„Оставь! пустякъ!
Угодно было Богу такъ.
Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною:

Въ карманъ насильно положу,
Вотъ на!.. и руки подержу."
— Покинь! мнѣ стыдно!
„Знаю, знаю!
А ты не вынимай назадъ:
Я что родному помогаю,
Не то что, значитъ... чѣмъ богатъ!
Утри-ко лучше кровь полою,
Неловко... стой! Господь съ тобою!
Ты плачешь?"
— Ничего, пройдетъ.
Я такъ. Озябъ... Вода течетъ...
Сегодня въ воровствѣ поймали,
Прибили... милостыню дали...
А дочь... проклятый зять! прощай!
„Да брось его! не поминай!
Вотъ завтра праздникъ, дѣлъ-то мало,
Ты завернешь въ мой уголокъ,
Мы потолкуемъ, какъ бывало,
Ну, да! Присядемъ за пирогъ...
Ты просто приходи къ обѣду:
Равно!" и старому сосѣду
Онъ руку дружески пожалъ
И на прощаньи шапку снялъ.
Лукичъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ —
Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою
И завернулъ въ питейный домъ.

Этимъ оканчивается поэма. Предложенные отрывки, связанные между собой собственнымъ нашимъ разсказомъ, составляютъ такъ сказать только остовъ всего произведенія и не даютъ понятія о полномъ развитіи характеровъ и положеній. Я хотѣлъ только показать въ нѣкоторой подробности содержаніе: очевидно, что оно проникнуто глубокою и въ высшей степени нравственною мыслью. Низость грубой матеріальной жизни, грязь разврата и порока здѣсь всегда освящаются высокимъ пониманіемъ достоинства и значенія жизни въ самомъ поэтѣ. Рядомъ съ жалкими личностями кулака, зятя его, Скобѣева и Пучкова онъ создалъ отрадные характеры Арины, Саши и столяра. Да и въ самомъ Лукичѣ какъ много проблесковъ добра, примиряющихъ съ его испорченною натурою и заставляющихъ видѣть въ немъ только несчастную жертву обстоятельствъ, въ которыя онъ съ дѣтства поставленъ былъ судьбою. Самъ поэтъ говоритъ въ концѣ 3-й главы:

Быть-можетъ, съ дѣтства взятый въ руки
Разумной матерью, отцомъ,
Лукичъ избѣгъ бы жалкой муки —
Какъ нынѣ, не былъ кулакомъ.
Великъ, кто взросъ среди порока,
Невѣжества и нищеты,
И остается безъ упрека
Жрецомъ добра и правоты;
Кто видитъ горе, знаетъ голодъ,
Усталый, чахнетъ за трудомъ,
И, крѣпкой волей вѣчно-молодъ,
Всегда идетъ прямымъ путемъ!
Но пусть, какъ мученикъ, сквозь пламень
Прошелъ ты, полный чистоты,
Остановись, поднявши камень
На жертву зла и нищеты!
Корою грубою закрытый,
Быть-можетъ, въ грязной нищетѣ
Добра зародышъ неразвитый
Горитъ какъ свѣчка въ темнотѣ!
Быть-можетъ, жертвѣ заблужденья
Доступны рѣдкія мгновенья,
Когда казнитъ она свой вѣкъ
И плачетъ, сердце надрывая,
Какъ плакалъ передъ дверью рая
Впервые падшій человѣкъ!

Рядомъ съ этимъ можно поставить и заключеніе XX главы:

Бѣднякъ, бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ
И путь иной тебѣ возможенъ,
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ;
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками —
И въ грязномъ омутѣ пропалъ.

Наконецъ къ такому взгляду на кулака относится и прекрасный эпилогъ поэта, который въ немъ обращается къ Лукичу и между прочимъ говоритъ:

И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ быть, итти,
Но я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!

и далѣе:

Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя.
. . . .
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка —
Добра божественный сосудъ?

Счастливъ поэтъ, который вышелъ съ побѣдою изъ такой борьбы и такъ понимаетъ задачу жизни: онъ призванъ дѣйствовать не для одного наслажденія, но для блага своихъ сограждан.

Много глубокаго чувства обнаружилъ г. Никитинъ въ изображеніи Арины и дочери ея, съ ихъ преданностью безчувственному старику, который располагаетъ ихъ судьбою; описаніе болѣзни и смерти Арины трогательно. Вообще всѣ характеры у г. Никитина выдержаны хорошо и обрисованы вѣрно, съ рѣдкимъ знаніемъ всѣхъ подробностей быта, въ которомъ они обращаются.

Сообщая содержаніе поэмы, я съ намѣреніемъ останавливался только на самыхъ главныхъ чертахъ и потому въ приведенные отрывки не вошли лучшія мѣста „Кулака“, въ которыхъ собственно развертывается жизнь изображаемыхъ лицъ и событій. Мы здѣсь находимъ множество яркихъ и разнообразныхъ картинъ русскаго быта, столь удачныхъ, что это произведеніе въ полномъ смыслѣ заслуживаетъ названіе народнаго; прекраснѣйшія въ ней мѣста, наиболѣе исполненныя жизни, по моему мнѣнію, слѣдующія:

Изображенiе Арины и ея дочери во II-й главѣ: сколько тутъ грацiи и какъ все сердечно!

Ужинъ Лукича въ III-й главѣ.

Ярмарка и рыночныя плутни кулака въ V-й главѣ.

Покупка лошади у Скобѣева (VI).

Возвращенiе домой пьянаго отца и сцена его съ женой и дочерью (VII).

Сваха въ домѣ Лукича (VIII).

Домъ столяра (X).

Разговоръ подруги Сашиной съ женихомъ на помолвкѣ (XIII).

Сцена въ кабакѣ (XIII).

Лукичъ въ домѣ Пучкова (XV).

Болѣзнь и смерть Арины (XIX).

Лукичъ проситъ помощи у зятя, и весь разговоръ ихъ при этомъ случаѣ (XX).

Здѣсь пришлось указать болѣе половины всего числа главъ; но въ сущности каждая глава представляетъ свои красоты, и при означенiи лучшихъ частей поэмы нельзя не затрудняться. Талантъ г. Никитина глубокъ и разнообразенъ; особенное мастерство обнаруживаетъ онъ въ изображенiи народныхъ и домашнихъ сценъ. Другая блестящая сторона дарованiя его — картины природы, которыхъ въ поэмѣ разсѣяно много; всѣ онѣ дышатъ какою-то особенною свѣжестью и такъ непринужденны, что какъ-будто сами собою льются съ кисти поэта. Вотъ для примѣра хоть одна изъ нихъ:

Полдневный воздухъ жаромъ пышитъ.
Съ открытой грудью спитъ, не дышитъ
Въ постели свѣтлая рѣка.
На желтой полосѣ песка
Бѣлѣетъ камень. Одиноко
За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ.
Крыло повисло, клювъ раскрытъ.
Покрытый влажною осокой,
Къ крутому берегу приросъ
Недвижной лодки черный носъ.
Вдали барахтаются смѣло
Мальчишки. Весело волнѣ
Ласкать ихъ молодое тѣло...
И видны головы однѣ
Да руки крикуновъ. Толпою
Идутъ коровы къ водопою;
Усталый, щелкая кнутомъ,
Пастухъ тащится босикомъ,
Въ рубашкѣ.

Характеристика изображаемыхъ лицъ иногда дополняется также чертами неожиданными и поразительно-вѣрными. Такъ въ XII-й главѣ передъ описаніемъ смотрушекъ находимъ слѣдующее замѣчательное мѣсто о Лукичѣ:

Лукичъ былъ тоже озабоченъ:
Всталъ рано, чуть не на зарѣ,
Замѣтилъ, что заборъ не проченъ,
Двѣ щепки поднялъ на дворѣ
И отдалъ въ кухню на топливо.
Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать.
Онъ зналъ, что надо терпѣливо
И неусыпно собирать
Добро домашнее. Бывало,
Когда домой идетъ не пьянъ,
Что подъ ноги ему попало —
Подкова, гвоздикъ — все въ карманъ.
Прошелся по саду отъ скуки,
Червей на яблони сыскалъ
И, снявъ ихъ, про себя сказалъ:
„Ахъ вы, анаѳемскія штуки!
Не давитесь чужимъ добромъ!“
И наконецъ покинулъ домъ.
На перекресткѣ помолился
На церковь; нищей поклонился,
Откуда, чья она — спросилъ,
И грошъ ей въ чашку положилъ,
Не по любви и состраданью
Къ подобному себѣ созданью,
Онъ просто вѣрилъ, что Господь
За подаяніе святое
Ему сторицею пошлетъ...
Желанье, кажется, благое
И основательный разсчетъ.
Купилъ на площади торговой
Осенней шерсти два мѣшка
У горемыки мужика,
О всходахъ проса, гречи новой
Потолковалъ съ нимъ напередъ
И крѣпко побранилъ господъ:
„Народъ, молъ, да! работай втрое,
Изъ жилъ тянись, — имъ все не въ честь!“
Мужикъ былъ тронутъ за живое,

Заговорилъ, забылъ про шерсть:
— Вотъ то, дескать!.. и то, и въ праздникъ.
„Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ!"
Лукичъ, нахмурясь отвѣчалъ,
И вѣся шерсть, на рубль укралъ.

Иногда самое обыкновенное явленіе даетъ г. Никитину поводъ къ важнымъ, прекрасно выраженнымъ мыслямъ, напр. въ началѣ XXI-й главы:

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли,
Чредѣ обычной нѣтъ конца!
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.
Живи, трудись людское племя,
Вопросы мудрые рѣшай,
Сырую землю удобряй
Своею плотью!.. время, время!
Когда твоя устанетъ мочь?
Какъ страшный жерновъ день и ночь,
Вращаясь силою незримой,
Работаешь неудержимо
Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ
Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ!
Ихъ доля—вѣчное забвенье!
Ты дашь широкій оборотъ
И ляжетъ прахомъ поколѣнье,
Другое очереди ждетъ!

При первомъ знакомствѣ съ новымъ произведеніемъ г. Никитина читатель въ концѣ его можетъ почувствовать нѣкоторое разочарованіе, не находя такъ называемой развязки, которой онъ ожидалъ. Но перечитывая поэму, онъ болѣе и болѣе примиряется съ такимъ окончаніемъ ея: такъ было по крайней мѣрѣ со мною. Вникая въ простоту всего содержанія поэмы, нельзя не согласиться, что и заключеніе ея совершенно естественно, хотя здѣсь, можетъ быть, добродушіе столяра немножко переслащено. Жадный отецъ принудилъ дочь выйти за человѣка, отъ котораго онъ ждетъ себѣ помощи. Бракъ несчастенъ, кулакъ обманутъ въ своихъ разсчетахъ. Но тотъ, котораго Саша прежде любила, постепенно успокоивается и чрезъ два года послѣ ея женитьбы предлагаетъ свою помощь отцу; однакожъ несчастный неисправимъ и, простившись съ добрымъ сосѣдомъ, идетъ по старой привычкѣ въ кабакъ... Что можетъ быть согласнѣе съ обычнымъ ходомъ житейскихъ дѣлъ? А между тѣмъ благородство столяра и чувства, которыя онъ

пробуждаетъ въ загрубѣломъ сердцѣ кулака; примиряетъ насъ съ грустными сценами, происходившими передъ нами.

Мнѣ остается поговорить о внѣшней формѣ поэмы г. Никитина. Живость разсказа и діалога его прекрасно поддерживается правильностью, звучностью и легкостью стиха, который удивительно ловко воспроизводитъ иногда Пушкинскіе пріемы. Изрѣдка только замѣчаются невполнѣ побѣжденныя трудности и хотѣлось бы видѣть еще болѣе естественный стихъ; спѣшу однакожъ прибавить, что такихъ случаевъ очень мало. Мѣстами, но также весьма рѣдко, встрѣчаются отдѣльныя выраженія не совсѣмъ удачныя, напримѣръ:

За лѣсъ *свалились* облака;
Когда казнитъ она (жертва) *свой вѣкъ*.

Есть двѣ-три неправильности въ словахъ; такъ въ стихѣ:

Про сынинъ бракъ она гадаетъ.

прилагательное *сынинъ* составлено произвольно.

Въ числѣ риѳмъ у г. Никитина попадаются довольно часто такъ называемые ассонансы или полуриѳмы, въ которыхъ не обращается вниманіе на согласныя буквы, наприм. горько, только, легонько; цѣпкій и вѣтки, или Господь и пошлетъ. Замѣтимъ, что у тѣхъ изъ нашихъ поэтовъ, которые достигли полнаго господства надъ формой, такія риѳмы встрѣчаются развѣ только въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія.

Между употребляемыми г. Никитинымъ народными словами я нашелъ два-три такихъ, которыхъ нѣтъ ни въ общемъ, ни въ областномъ словарѣ Академіи, именно: мазницы (стр. 28), сокруха (стр. 52), смотрушки (стр. 59), краснорядцы (127).

Благодареніе г. Никитину за прекрасное произведеніе, которымъ онъ обогатилъ нашу литературу. Всѣ истинные любители поэзіи должны радоваться такому явленію и, привѣтствуя поэта съ несомнѣннымъ талантомъ, пожелать, чтобъ онъ шелъ впередъ твердо и безостановочно, не довольствуясь первымъ успѣхомъ, не увлекаясь похвалами, „усовершенствуя плоды любимыхъ думъ“.

ВОСПОМИНАНІЕ О В. И. ДАЛѢ [1]).

(Съ извлеченіями изъ его писемъ).

1873.

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Даль безвыѣздно провелъ въ Москвѣ и жилъ въ это время противъ Зоологическаго сада въ домѣ бывшемъ Иванова, который онъ сперва нанималъ, а потомъ пріобрѣлъ покупкою. Здѣсь поселился онъ, оставивъ службу (должность управляющаго нижегородской удѣльной конторы), и принялся за исполненіе давнишняго своего желанія, — 60-и лѣтъ отъ роду совершенно посвятить себя окончательной обработкѣ и изданію своего словаря Здѣсь я съ тѣхъ поръ почти каждое лѣто, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, видѣлъ его, сначала еще бодрымъ и крѣпкимъ, а потомъ быстро дряхлѣющимъ и болѣзненнымъ. Просторная зала съ балкономъ на дворъ служила ему и кабинетомъ; здѣсь онъ работалъ надъ своимъ словаремъ, сидя у стоявшаго поперекъ комнаты большого письменнаго стола. Съ другой стороны дома, окнами въ садъ, была большая бильярдная, гдѣ онъ послѣ обѣда проводилъ цѣлые часы за любимой своей игрой, въ которой достигъ большого искусства.

Въ одномъ изъ некрологовъ Даля было сказано, что дворъ этого дома заросъ травою и что ворота его рѣдко отворялись для немногихъ, еще помнившихъ Владиміра Ивановича, друзей его и почитателей. Это замѣчаніе совершенно несправедливо: ворота его дома были напротивъ всегда отворены, и я почти всякій разъ заставалъ у него кого-нибудь то изъ старыхъ его пріятелей, то изъ лицъ, которыя искали знакомства съ уважаемымъ ветераномъ русской литературы. Будучи очень бережливъ и простъ въ своемъ образѣ жизни, онъ въ то же время былъ всегда гостепріименъ: друзей, приходившихъ къ нему около ранняго обѣденнаго часа его, онъ всегда приглашалъ къ своему столу, а проѣзжавшимъ черезъ Москву близкимъ людямъ радушно предлагалъ пристанище въ своемъ просторномъ домѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Даля въ іюнѣ 1872 года: онъ только-что оправлялся отъ недавняго апоплексическаго удара и сидѣлъ на кровати, но сохранялъ полную свѣжесть умственныхъ силъ: говорилъ ясно, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ заводилъ рѣчь о предстоявшей разлукѣ съ жизнью. У кровати сидѣли двѣ его незамужнія дочери (второй жены, рожденной Соколовой, онъ лишился за нѣсколько мѣсяцевъ до того);

---

[1]) Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. 1873 т. X, стр. 37.

тутъ же былъ и священникъ, который недавно принялъ его въ православіе.

Имя Даля, какъ и псевдонимъ его Казакъ Луганскій, было у насъ, начиная съ 30-хъ годовъ, однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Съ самаго появленія въ литературѣ извѣстность его быстро распространилась, благодаря, между прочимъ, неожиданному запрещенію, которому подверглись изданныя имъ въ 1832 году сказки: онѣ были задержаны за нѣсколько превратно-истолкованныхъ словъ и авторъ лишенъ свободы, которая, впрочемъ, въ тотъ же день была возвращена ему, благодаря предстательству нѣсколькихъ хорошо знавшихъ его лицъ (особливо Жуковскаго), напомнившихъ между прочимъ заслугу Даля во время военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, — постройку имъ моста черезъ Вислу.

Въ первый разъ я встрѣтился съ Далемъ въ 30-хъ же годахъ въ одномъ петербургскомъ купеческомъ домѣ, именно у Я. А. Шредера, въ семействѣ котораго любили русскую литературу; тамъ я еще ранѣе, бывши воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, познакомился съ барономъ Дельвигомъ. Въ молодости Даль обладалъ, между прочимъ, талантомъ забавно разсказывать съ мимикою смѣшные анекдоты, подражая мѣстнымъ говорамъ, пересыпая разсказъ поговорками, пословицами, прибаутками и т. п. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, онъ былъ, что называется, въ ударѣ: слушатели, особенно молодежь, хохотали до упаду; онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Поселившись въ Петербургѣ послѣ разныхъ мытарствъ и будучи практикующимъ врачемъ, Даль вскорѣ пристрастился къ гомеопатіи. Одна изъ первыхъ статей на русскомъ языкѣ объ этомъ способѣ лѣченія была написана имъ и напечатана въ Современникѣ Плетнева. Часто разсказывалъ онъ друзьямъ своимъ о бывшемъ въ его завѣдываніи гомеопатическомъ отдѣленіи военнаго госпиталя, и вмѣстѣ съ Гречемъ до конца оставался горячимъ сторонникомъ этой врачебной системы. Вовсе не касаясь вопроса, въ какой мѣрѣ взглядъ его былъ справедливъ, считаю любопытнымъ привести нѣсколько строкъ изъ замѣтки, напечатанной имъ въ 60-хъ годахъ по поводу одного распоряженія противъ изданія гомеопатическаго лѣчебника: „Еслибъ аллопатъ, да еще и начальствующій, подалъ голосъ на пользу гомеопатіи, то развѣ онъ симъ самымъ не отрекся бы отъ своихъ братій, не объявилъ бы самъ себя гомеопатомъ? Тутъ нѣтъ исходу, и доколѣ гомеопатія будетъ подъ командою аллопатовъ, дотолѣ она будетъ подъ гнетомъ. А между тѣмъ она принялась у насъ всюду, и выжить ее нѣтъ возможности; она одолѣваетъ старую школу силою правды своей и расплылась уже такъ широко, что ее подъ каблукъ не упрячешь; а что врачебная администрація ея не признаётъ какъ парижская академія не признаетъ животнаго магнетизма, такъ отъ этого дѣло не убудетъ, а повѣсть о семъ перейдетъ въ наше потомство“.

Еще при жизни Владиміра Ивановича, я имѣлъ случай, именно при разборѣ его *Толковаго словаря*, напечатать curriculum vitae автора. Этотъ біографическій очеркъ былъ написанъ мною по свѣдѣніямъ, доставленнымъ, по моей просьбѣ, имъ самимъ. Сообщаю теперь дословно собственный разсказъ его.

„Отецъ мой, датчанинъ, кончившій ученье по двумъ или тремъ факультетамъ въ Германіи, былъ вызванъ, если не ошибаюсь, черезъ Ахвердова, къ Петербургской библіотекѣ; онъ зналъ много языковъ. Но увидавъ въ Питерѣ, что у насъ нуждаются во врачахъ, онъ отправился опять за границу при помощи Ахвердова и нѣсколькихъ другихъ; кончилъ и эти науки, и воротясь на Русь, женился на урожденной Фрейтагъ, коей мать переводила драмы Ифлянда на русскій языкъ, какъ видно изъ каталога Смирдина. Онъ состоялъ при войскахъ въ Гатчинѣ у великаго князя, оттуда перешелъ въ Петрозаводскъ оттуда въ Лугань, по горно-врачебному вѣдомству, гдѣ и принялъ въ 1797 году подданство. Не смотря на это, герольдія требовала отъ меня въ 1843 году *доказательствъ*, что я русскій подданный. Но я не могъ добиться объясненія, какого бы рода *доказательства* могъ представить человѣкъ въ моемъ положеніи, самъ присягавшій уже четырёмъ государямъ, когда герольдія отказывалась отыскать у себя эти присяжные листы!

„Но я широко размахнулся, эдакъ надоѣшь и любителю. Я родился въ Лугани 1801 г. 10 ноября въ одинъ день (года) съ Лютеромъ и Шиллеромъ. Оттуда отца перевели главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ; насъ двоихъ братьевъ свезли въ 1814 году въ Морской корпусъ (ненавистной памяти) гдѣ я за́мертво убилъ время до 1819 года и отправился обратно мичманомъ. Меня укачивало въ морѣ такъ, что я служить не могъ, но въ наказаніе за казенное воспитаніе долженъ былъ служить, неудачно пытавшись перейти въ инженеры, въ артилерію, въ армію.

„Переведенный по кончинѣ отца (1821) въ Кронштадтъ (1823), я въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать; мать моя, съ младшимъ сыномъ, уѣхала въ Дерптъ, для воспитанія его, и звала меня туда же. Безъ малѣйшей подготовки, сроду не видавъ университета, безо всякихъ средствъ, я вышелъ въ отставку, принявъ взаймы навязанные мнѣ насильно Романомъ Ѳедоровичемъ барономъ Остенъ-Сакеномъ 1000 руб., встрѣтилъ въ Дерптѣ необычайно радушный пріемъ профессоровъ и сталъ учиться латыни почти съ азбуки.

„Года черезъ полтора одинъ казеннокоштный студентъ не въ порядкѣ оставилъ честь и мѣсто; меня пригласили занять его, и я въ 1826 вступилъ въ число казенныхъ, срокомъ съ 1825 года, по 200 р. сер. въ годъ. Кромѣ того, я давалъ уроки русскаго языка, по 1 рублю ассигн. за часъ. Мнѣ оставалось пробыть до конца 1830 года,

но начальство потребовало высылки всѣхъ годныхъ въ войну 1829 года; насъ отобрали троихъ и мнѣ позволили тутъ же держать на доктора.

„Въ Турціи и Польшѣ пробылъ я въ арміи до 1832 года, много занимался операціями (также у частныхъ больныхъ глазными, катаракты), поѣхалъ въ отпускъ въ Питеръ, былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя, напечаталъ въ 1833 году сказки, за кои взятъ жандармомъ и посаженъ въ III Отдѣленіе, откуда выпущенъ безъ вреда того же дня вечеромъ; В. А. Перовскій пригласилъ меня въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій. Я женился на дѣвицѣ Андре́, родной внучкѣ учителя Петропавловской школы Гауптфогеля, и поѣхалъ; сынъ мой Левъ Арсланъ зодчимъ въ Нижнемъ; сынъ Святославъ умеръ младенцемъ, дочь уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; въ 1838 я овдовѣлъ; въ 1841, отходивъ Хивинскій походъ, поступилъ въ секретари къ товарищу министра удѣловъ, Л. А. Перовскому, завѣдуя послѣ *частно* и особенною канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ (будучи и чиновникомъ особыхъ порученій по мин. вн. д.); въ 1849 назначенъ въ управляющіе Нижегородской удѣльной конторой, въ 1859 вытѣсненъ оттуда губернаторомъ Муравьевымъ — когда братъ его былъ товарищемъ министра удѣловъ. — Вышелъ въ отставку съ двумя третями пенсіи и пошелъ въ Москву.

„Словаремъ занимался безсознательно, изучая языкъ, съ 1819 года, когда на пути записывалъ слова; въ 1829, въ Турціи, было уже много собрано; тамъ были подъ рукою люди всѣхъ губерній. Горячее желанье мое исполнилось, я всегда мечталъ посвятить себя съ 60-ти лѣтъ одному дѣлу. Никакой полноты и соразмѣрности частей нѣтъ, но сохранить запасы эти иначе, какъ напечатавъ ихъ, нельзя было.

„Съ 1833 года, когда я получилъ вдругъ, вмѣсто 700 руб. асс., 3000 асс. жалованья и еще денежныя награды, я откладывалъ ежегодно всѣ остатки и заработки, и теперь этимъ могу жить; записная книга моя доказываетъ, что другихъ доходовъ у меня не было. Да, уѣзжая изъ Оренбурга, я женился на дочери раненаго еще подъ Бородиномъ майора Соколова, отъ коей у меня три дочери.

„Академія Наукъ сдѣлала меня членомъ-корреспондентомъ въ 1834 году, по естественнымъ наукамъ, а во время соединенія Академій, меня, безъ вѣдома моего, перечислили во 2-е Отдѣленіе. Общество любителей Россійской словесности въ Москвѣ выбрало меня въ члены въ 1857, а въ почетные, въ 1868; Общество Исторіи и древностей въ дѣйствительные члены въ 1863; Академія (Наукъ) въ почетные, 1865 или 6, не помню, и однимъ годомъ вообще могу ошибаться. Русскаго Географическаго Общества состою членомъ-учредителемъ, насъ всего было 12. Оно присудило мнѣ за словарь Константиновскую медаль. — Самъ испугался учености своей, переписавъ всѣ почеты эти... Да для чего вамъ все это, право не понимаю —

какая связь со словаремъ? Судите дѣло, а личность откиньте, что вамъ до нея?

„Но старина вспоминчива и заманчива. Не много осталось мнѣ сроку здѣсь, не долго посуетиться — по предсказанію нынѣшній годъ послѣдній [1]), а если это и враки, то одряхлѣніе очевидно тянетъ землю въ землю, а духъ расправляетъ крылья. Отецъ мой, силою воли своей, умѣлъ вкоренить въ насъ навѣкъ страхъ Божій и святыя нравственныя правила. Видя человѣка такого ума, учености и силы воли, какъ онъ, невольно навсегда подчиняешься его убѣжденіямъ. Онъ при каждомъ случаѣ напоминалъ намъ, что мы русскіе, зналъ языкъ, какъ свой, жалѣлъ въ 1812 году, что мы еще молоды и негодны, и далъ лошадямъ своимъ кличку: Смоленской, Бородинской, Можайской. Тарутинской и пр. Мать, жившая до 1858 года, нравственно управляла нами, направляя всегда на прикладную, дѣльную, полезную жизнь. Двое братьевъ моихъ умерли чахоткой, третій убитъ 1831 на приступѣ Варшавы. Во всю жизнь свою я искалъ случая поѣздить по Руси, знакомился съ бытомъ народа, почитая народъ за ядро и корень, а высшія сословія за цвѣтъ или плесень, по дѣлу глядя, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ мнѣ была ненавистна, по природѣ, какъ брюква, однимъ одно кушанье изъ всѣхъ, котораго не люблю. При недостаткѣ книжной учености и познаній, самая жизнь на дѣлѣ знакомила, дружила меня всесторонне съ языкомъ: служба во флотѣ, врачебная, гражданская, занятія ремесленныя, которыя я любилъ, все это вмѣстѣ обнимало широкое поле, а съ 1819 года, когда я на пути въ Николаевъ записалъ въ Новгородской губерніи дикое тогда для меня слово *замолаживаетъ* (помню это донынѣ) и убѣдился вскорѣ, что мы русскаго языка не знаемъ, я не пропустилъ дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ на пополненіе своихъ запасовъ. Гречъ и Пушкинъ горячо поддерживали это направленіе мое, также Гоголь, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ; Жуковскій былъ какъ бы равнодушнѣе къ этому и боялся мужичества“.

Послѣдняя фраза требуетъ нѣкотораго поясненія. Многочисленные разсказы изъ народнаго и солдатскаго быта, сказки и повѣсти Даля писаны, по собственному его сознанію, болѣе въ интересахъ этнографіи и лингвистики, нежели съ художественною цѣлью или вслѣдствіе творческой потребности. Дѣйствительно, въ нихъ гораздо болѣе виденъ зоркій наблюдатель, внимательно изучавшій нравы, обычаи, повѣрья и говоръ простонародья, нежели писатель съ живою фантазіей и эстетической натурой. Жуковскій мало сочувствовалъ языку, какимъ выражался Даль. Когда однажды, во время проѣзда по Оренбургскому краю нынѣ царствующаго Государя Императора, Владиміръ

[1]) Письмо это писано 1 августа 1868 года.

Ивановичъ представилъ бывшему въ свитѣ Наслѣдника Жуковскому прозаическій отрывокъ, написанный по образцу тамошней народной рѣчи, то поэтъ замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками, и притомъ о близкихъ имъ предметахъ. Еще рѣзче былъ отзывъ Жуковскаго о какихъ-то стихахъ Даля. Это разсказывалъ мнѣ самъ Владиміръ Ивановичъ, и вотъ по какому поводу. Живя въ Нижнемъ, онъ пристрастился къ спиритизму. Тамъ была дѣвица хорошаго семейства, которая служила ему медіумомъ для общенія съ духами. Обыкновенно дѣло начиналось вопросомъ, обращеннымъ къ невидимымъ собесѣдникамъ, которые могли находиться въ той же комнатѣ: „Кто тутъ есть?“ Однажды отвѣтомъ было: „Жуковскій“. Тогда у отвѣчавшаго потребовали доказательства, что это точно онъ, попросивъ его сказать что-нибудь такое, что̀ могло быть извѣстно только ему и вопрошавшему. Невидимка отвѣчалъ: „А помнишь ли, какъ ты мнѣ когда-то показалъ свои стихи, а я отвѣчалъ тебѣ, что это не поэзія, а болтовня пьяныхъ казаковъ на базарѣ?“

Точно ли таковъ былъ отзывъ Жуковскаго, или Владиміръ Ивановичъ, въ излишнемъ самоуничиженіи, давалъ такую форму приговору поэта, не берусь рѣшить; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что литературный языкъ, который желалъ создать Казакъ Луганскій, былъ не по вкусу автора Свѣтланы и переводчика Ундины. Нельзя не согласиться, что въ мнѣніи Даля о пригодности народныхъ выраженій для замѣны общеупотребительной образованной рѣчи было своего рода преувеличеніе. Но объ этомъ я имѣлъ уже случай подробно высказаться при разборѣ Толковаго словаря, когда за него присуждена была составителю Ломоносовская премія, и потому могу не входить уже теперь въ разсмотрѣніе этого вопроса. Довольно, что Академія наша, не смотря на весьма крупные недостатки этого словаря въ смыслѣ научномъ, все-таки признала его, въ виду собраннаго въ немъ громаднаго матеріала, достойнымъ награды, учрежденной въ память Ломоносова за труды, пролагающіе новые пути въ области знанія.

Въ перепискѣ, которую я велъ съ Владиміромъ Ивановичемъ въ послѣдніе годы его жизни, я совѣтовалъ ему написать свои воспоминанія о прошломъ; его дѣятельность была такъ разнообразна, онъ такъ много видѣлъ и испыталъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ со столькими замѣчательными людьми, что, казалось, записки его могли бы быть особенно интересны и поучительны. Вотъ его замѣчательный отвѣтъ на мой вызовъ:

„Вы говорите о запискахъ моихъ. Не рѣшаюсь на это, не видя въ нихъ большой пользы и будучи поставленъ въ раздумье. Записки могутъ, главнѣйше, относиться до личности пишущаго или до современныхъ ему событій. Первое считаю слишкомъ ничтожнымъ, второе мнѣ не подъ силу; я не любилъ подноготныхъ дрязговъ, на коихъ,

какъ на мази́, вертится земная ось, и нѣтъ у меня памяти на нихъ. Первый родъ записокъ коренится на самотности, на самолюбіи, тщеславіи — а у меня, слава Богу, этой шишки нѣтъ; второй приличенъ человѣку, жившему въ большомъ свѣтѣ, бывшему представителемъ, зачинщикомъ, коноводомъ — я вѣкъ свой былъ подчиненнымъ работникомъ, избѣгалъ начальничанья, не будучи къ тому способенъ, и вся бытовая жизнь моя протекла въ тѣсномъ кругу. Наконецъ, какъ ни верти, а пропоешь хвалебную пѣснь себѣ и всѣхъ другихъ опорочишь: въ каждомъ встрѣчномъ дѣлѣ самъ выходишь правъ, а прочіе виноваты. То, что въ теченіе жизни моей боролось въ тайникѣ души моей само съ собою — не для печати, исповѣдь Богу повинна, а не людямъ, и на площадяхъ не оглашается, да и никому не нужна она, кромѣ меня самого; личина, которою невольно тутъ и тамъ пришлось бы прикрыться, мерзитъ, и безгрѣшно замѣняется молчаньемъ. Всестороннее осужденье подозрительно и надменно. Простой же разсказъ обиходной жизни и погодный счетъ мелочныхъ событій, относительныхъ къ своей особѣ — не сто́итъ чернилъ и бумаги, ни вниманія людей, коимъ въ руки попадется подобная книжка“. Такъ смотрѣлъ на вопросъ о запискахъ человѣкъ, умудренный годами и опытомъ, хотя и имѣвшій полное право гордиться своими обширными свѣдѣніями, своими многообразными заслугами, и произносить рѣшительные приговоры. Скромный отзывъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ теперь извѣстно изъ разсказа П. И. Мельникова [1]), Даль въ болѣе молодые годы писалъ свои записки, но, опасаясь повредить ими человѣку, которому считалъ себя обязаннымъ, уничтожилъ ихъ безвозвратно. Это было также своего рода нравственнымъ подвигомъ.

Работая, по порученію Академіи, надъ разборомъ *Толковаго словаря*, я писалъ объ этомъ Далю. На это онъ отвѣчалъ мнѣ:

„Радъ радъ, что много занимались *мною* или словаремъ. Вы находите свой разборъ строгимъ — но взглядъ мой на это дѣло одинаковъ съ вашимъ: легонькій разборъ показалъ бы небреженіе къ труду, а *правда* равно бреетъ въ обѣ стороны, и за и противъ. Гдѣ будетъ высказана правда несомнѣнная, тамъ нельзя будетъ разумнымъ образомъ возражать, ни требовать другого отзыва; гдѣ будетъ высказано одно лишь мнѣніе, убѣжденіе, тамъ пусть всякій разбираетъ доводы — и всякому воля; въ этомъ дѣлѣ нѣтъ насилія, никому рта платкомъ не завяжешь. Загляните въ *Напутное слово* [2]) мое: что̀ я сказалъ тамъ, раздумывая, рѣшаться ли мнѣ на это дѣло, когда Академія отказалась, и могу ли я его сдѣлать одинъ? А сказалъ я все это не по жеманству, а по искреннему убѣжденію и ради правды. Если бы я не

---

[1]) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873, мартъ.

[2]) Напечатанное, вмѣсто предисловія, при *Толковомъ словарѣ*.

рѣшился, очертя голову, то всѣ собранныя мною сокровища погибли бы ни за грошъ. Это *не словарь, а запасы для словаря*, скиньте мнѣ 30 лѣтъ съ костей, дайте 10 лѣтъ досугу, и велите добрымъ людямъ пристать съ добрымъ совѣтомъ — мы бы все передѣлали, и тогда бы вышелъ словарь!"

Тотчасъ по присужденіи Владиміру Ивановичу Ломоносовской преміи, я послалъ ему свой въ то же время отпечатанный разборъ. Не смотря на нѣкоторыя довольно рѣзкія замѣчанія мои, онъ принялъ эту рецензію очень благодушно; конечно, какъ человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ не могъ не быть нѣсколько огорченъ тѣми мѣстами ея, которыя выставляли слабыя стороны словаря: онъ возражалъ на нихъ, оспаривалъ иные изъ высказанныхъ мною взглядовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ за указанныя ошибки, обѣщалъ воспользоваться поправками; наши отношенія нисколько не измѣнились. Вотъ что тогда писалъ онъ мнѣ между прочимъ: „Плохо можется; силы падаютъ, голова отступается отъ духа, вещественные снаряды коснѣютъ; вотъ почему я и молчалъ. Но на послѣднюю подачку молчать не могу, такъ ей обрадовался. Написалъ бы самъ свое спасибо гг. Рупрехту и Шренку [1], да немощи одолѣваютъ. Пожалуста передайте: и ваши и всѣ ихъ поправки не пропадутъ даромъ, а во многомъ исправятъ будущее изданіе словаря, если бы я и не дожилъ до него; вношу все, все что могу принять по убѣжденію; *тысяча* поправокъ испестрили уже словарь мой, переплетенный въ *шесть* толстыхъ книгъ, съ прокладкою бѣлыхъ листовъ, и если бы нашлось болѣе такихъ добрыхъ людей, кои не жалѣютъ труда и знаній своихъ на помощь собрату и на общую пользу, то подобныя дѣла пошли бы иначе. Начавъ печатать словарь въ шестьдесятъ лѣтъ и предвидя восемь лѣтъ труда, я не чаялъ дожить до конца, его, а для пополненія его всѣмъ тѣмъ, что было когда-либо напечатано, вѣку мало". Затѣмъ онъ входитъ въ частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ, имѣющія конечно свой спеціальный интересъ, но которыя здѣсь приводить было бы неумѣстно [2]).

---

[1]) По просьбѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, академики Л. И. Шренкъ и покойный Ф. И. Рупрехтъ написали свои отзывы о встрѣчающихся въ Толковомъ словарѣ объясненіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ. Эти отзывы были напечатаны вмѣстѣ съ моимъ разборомъ и также доставлены Далю.

[2]) Напр., онъ защищаетъ свое производство словъ: *прощелыга* отъ *щелокъ*, на которое я указалъ какъ на ошибочное; *выть* отъ *вытягивать; зга* отъ *згинуть*, *окунь* отъ *окунать*, *сигъ* отъ *сигать*. Относительно перваго слова онъ пишетъ: „да, прощелоченый, тонкій плутъ. Почему же нѣтъ?" Относительно же остальныхъ напоминаетъ, что при нихъ у него вопросительный знакъ, которымъ выражается одно предположеніе, и т. д.

ПИСЬМО В. И. ДАЛЯ КЪ Г. П. ГЕЛЬМЕРСЕНУ.

Въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года напечатано нѣсколько писемъ Даля къ друзьямъ изъ хивинскаго похода. Но есть еще одно тогдашнее письмо его, писанное по-нѣмецки къ академику Г. П. Гельмерсену. Оно любопытно тѣмъ, что писано тогда, когда уже рѣшено было итти обратно, и потому содержитъ очеркъ всего похода. Это письмо только недавно напечатано въ подлинникѣ, какъ приложеніе къ книжкѣ: „Aus dem Tagebuche eines Reisenden." (St.-Petersburg 1871). Такъ какъ оно, такимъ образомъ, еще неизвѣстно русскимъ читателямъ, то я считаю умѣстнымъ заключить свое воспоминаніе о покойномъ нашемъ почетномъ членѣ переводомъ этого письма къ академику и тѣмъ дополнить сообщенныя Далемъ извѣстія о походѣ въ Хиву.

Передъ письмомъ помѣщена въ оригиналѣ пояснительная замѣтка, изъ которой приведу слѣдующее:

Осенью 1839 года Даль сопровождалъ графа Перовскаго въ предпринятомъ противъ ханства Хивы зимнемъ походѣ, на которомъ, какъ извѣстно, пришлось бороться со всѣми препятствіями и ужасами степной природы. Хотя онъ и не удался въ томъ смыслѣ, что небольшое храброе войско не достигло цѣли экспедиціи, Хивы, однакожъ результатъ былъ тѣмъ не менѣе благопріятный, такъ какъ устрашенная хищническая страна должна была смириться передъ Россіей и возвратить свободу всѣмъ захваченнымъ подданными хана русскимъ, изнывавшимъ въ тяжкомъ рабствѣ на рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

Письмо Даля написано въ ту критическую минуту, когда графъ Перовскій, понявъ невозможность итти далѣе, долженъ былъ остановиться въ глубокихъ снѣгахъ на Эмбѣ, съ тѣмъ чтобы весной начать обратный путь къ Оренбургу.

И этимъ самымъ путемъ, по плоской возвышенности, гдѣ Перовскій въ 1840 г., при упорныхъ морозахъ отъ 25° до 32° Реомюра ниже нуля, засѣлъ въ снѣгахъ съ 10.000 верблюдовъ, съ военными снарядами и провіантомъ, — полковникъ Данилевскій въ 1841 году, при 15° холода и снѣгѣ, покрывавшемъ землю только на нѣсколько дюймовъ, безпрепятственно пробрался въ Хиву и въ началѣ 1842 года возвратился въ Оренбургъ. Въ этой экспедиціи полковнику Данилевскому сопутствовалъ извѣстный ботаникъ Базинеръ, который сдѣланныя при этомъ случаѣ наблюденія напечаталъ въ 15-мъ томѣ изданія гг. Бера и Гельмерсена „Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reichs".

Вотъ самое письмо:

7 февраля 1840 г.,
130 верстъ по ту сторону Эмбы.

О началѣ нашего великаго предпріятія вы давно слышали, любезный Гельмерсенъ, а теперь слышали, вѣроятно, уже и о концѣ его. Вамъ

будетъ любопытно кое-что узнать о немъ — разбирайте только мой почеркъ, какъ умѣете: я пишу на ящикахъ; на дворѣ все еще не менѣе 20 градусовъ мороза, и сидѣнье у меня довольно безпокойное. Съ 10.400 верблюдовъ — вмѣсто предположенныхъ 12.000, которыхъ нельзя было набрать во-время — мы выступили 17 ноября изъ Оренбурга вслѣдъ за тремя первыми колоннами, которыя пошли впередъ 14-го, 15-го и 16-го ноября и всѣ, наконецъ, 5-го декабря соединились на Бишъ-тамакѣ [1]). Въ дорогѣ было у насъ иногда —28°, —29°, разъ — 33° или 34°, потомъ — 29°, — 28°; средняя температура за это время была ниже — 20°. Однакожъ съ нами были запасы дровъ, кое-что нашли мы въ дорогѣ, и жить можно было. Оттуда до Эмбы, при устьѣ рѣчки Аты-Якши [2]), мы уже нашли гораздо болѣе снѣгу; но внизъ по Илеку, а потомъ вверхъ по Эмбѣ, черезъ Бассагу, лѣсъ, побережный кустарникъ и кое-гдѣ порядочный подкожный кормъ. 19-го декабря мы наконецъ достигли, уже въ нѣкоторомъ нетерпѣньи, первой нашей стоянки на Эмбѣ, а до того мы, послѣднее время, съ большимъ трудомъ пробивались сквозь снѣжныя пространства. Мы иногда дивились, что верблюды немножко уставали и не совсѣмъ охотно подымались на ноги, когда рано утромъ трубили генеральный маршъ — мы ужъ догадывались, что надежда, въ случаѣ совершеннаго недостатка фуража, прокормить этихъ животныхъ лепешками изъ муки — не болѣе какъ мечта, но все шло еще какъ по маслу, хотя изъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ только двое ѣли лепешки, потому что для этого нужна привычка.

Тутъ началась суета на Эмбѣ. Провіантъ вышелъ, нужно было запастись новымъ и для этого все разложить въ мѣшки, корзины, ящики, кули и рогожи, достать и приладить веревки — устроить госпиталь — это бѣдствіе въ тылу арміи; надо было отправить особый конвой въ Акъ-булакъ, наше второе укрѣпленіе, въ 160-ти верстахъ разстоянія, чтобы взять оттуда больныхъ; короче, въ этихъ хлопотахъ прошло три недѣли, и мы не могли двинуться съ мѣста. Морозъ все еще былъ жестокій; мнѣ бы нуженъ былъ цѣлый часъ, котораго теперь негдѣ взять, чтобы сдѣлать вамъ термометрическую табличку; но у насъ, до сегодняшняго дня, едва-ли десять дней было менѣе —10°, а то все —16°, —18°, —20°, —26°, —29°, —30°; при этомъ зачастую страшный буранъ, который вы знаете. Снѣгу на Эмбѣ мы нашли по колѣна и услышали, что далѣе онъ еще глубже. Наконецъ явились

---

[1]) *Бишъ-тамакъ* значитъ пять устьевъ. См. *Р. Архивъ* 1867, стр. 414.

[2]) Или *Аты-Джаксы*, какъ пишетъ *Географическо-Статистическій Словарь Росс. Имперіи*, сост. П. П. Семеновымъ (т. I, стр. 160). Это лѣвый притокъ Эмбы въ Киргизской степи Малой Орды. *Аты-Якши* значитъ *доброе имя* (*Р. Арх.* 1867, стр. 415).

наши верблюды — ихъ угоняли на тебеневку [1]) верстъ 20 въ сторону—съ 31 декабря по 10 января, когда колонны, изготовясь, пустились въ путь; они явились въ видѣ остововъ, обтянутыхъ верблюжьей кожей, и вмѣсто 10.400 уцѣлѣло только 8.900. Киргизы повѣсили носъ, вздыхали о неслыханной зимѣ, которую мы имъ принесли, и говорили, что эта зима убьетъ большую часть скота въ степи, а тѣмъ болѣе нашихъ жалкихъ верблюдовъ подъ ихъ вьюками, которые къ несчастію предназначались для крѣпкихъ караванныхъ верблюдовъ и были распредѣлены по 16 пудовъ на каждаго. Изъ заготовленнаго и подвезеннаго на 4 мѣсяца провіанта, мы не могли навьючить и половины; бѣдный В. А. Перовскій былъ въ отчаяніи, и послѣдняя колонна прибыла въ Акъ-булакъ — 160 верстъ — только 2-го февраля. Но какъ и въ какомъ положеніи! Цѣлые ряды казаковъ ѣхали гуськомъ, чтобы протоптать какую-нибудь дорогу — тощіе верблюды плелись сзади шатаясь, съ громкимъ рычаньемъ, насилу вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣгу, падали и уже болѣе не вставали. Болѣе 1.200 пали въ дорогѣ, остальные были въ самомъ ужасномъ состояніи.

Очевидно приближался всѣмъ имъ конецъ, и мы, на самомъ полупути между Оренбургомъ и Хивой, не смѣли ни жаловаться, ни утѣшать другъ друга. Никто не думалъ о возможности возвратиться, всякій считалъ своею обязанностью итти впередъ, во что бы ни стало, хотя бы пришлось положить голову и кости. Нѣкоторые однакожъ были попросту легкомысленны, и въ добавокъ не знали положенія вещей, даромъ что каждый день съ нами ѣли и пили — другіе, какъ говорится, обращали нужду въ добродѣтель и проч. Короче сказать, каждый не на шутку приготовлялъ себя къ мысли не воротиться, и хотя наши офицеры и исполинскій штабъ не были одушевлены особеннымъ esprit de corps, однакожъ не было видно ни одного недовольнаго лица.

Признаюсь, что и я съ своей стороны нѣсколько способствовалъ къ тому, что Василій Алексѣевичъ короткое время былъ въ заблужденіи насчетъ настоящаго положенія вещей; и я придумывалъ разные способы и возможности, въ которыя самъ не вѣрилъ. Но я размышлялъ, что до Акъ-булака мы во всякомъ случаѣ должны же добраться; такъ для чего же заранѣе тревожиться и мучить себя заботами? Когда доберемся туда, придется непремѣнно считать верблюдовъ, и тогда вопросъ: да или нѣтъ? самъ собой рѣшится. Къ несчастію, такъ и было: не оказалось и 5.000 верблюдовъ на ногахъ, и слѣдовательно мы могли взять съ собою провіанта только на 30 дней. — Полагая, что верблюды будутъ сноски — намъ оставалось пути еще на 60 — 70 дней, и завѣдомо мало надежды найти что нужно на мѣстѣ. Итакъ — послѣ тяжкой, тяжкой борьбы съ самимъ собою — генералъ рѣшилъ воротиться. Те-

[1]) Зимнее пастбище; см. *Р. Архивъ* 1867, стр. 408, 613 и проч.

перь мы вотъ уже 3-й день въ дорогѣ изъ Акъ-булака, и можемъ съ большимъ трудомъ, съ большимъ трудомъ въ полномъ смыслѣ слова, доплестись до Эмбы, можемъ тащить съ собой провіантъ едва на двѣ недѣли, все же остальное бросаемъ на пути. Къ чему тутъ послужила предусмотрительность? Въ походѣ никакое войско не было продовольствовано такъ хорошо, какъ наше, это я говорю по чести и совѣсти; Уральскіе казаки дѣлаютъ чудеса — пѣхота, къ несчастію, избалованный народъ, который никогда не зналъ нужды и переходовъ. До Эмбы болѣе половины сидѣли на верблюдахъ, оттуда выступили пѣшкомъ; солдатъ насилу умѣетъ развести огонь, когда у него есть дерево; казакъ же, напротивъ, долженъ выкапывать соляныя растенія изъ-подъ заледенѣлаго, глубокаго снѣга, не получая топлива, — и какъ скоро онъ на мѣстѣ, у него трещитъ огонекъ. На казакахъ лежитъ весь трудъ при этомъ страшномъ холодѣ, пѣхоту же держатъ въ хлопочкахъ какъ больного ребенка — тѣмъ не менѣе у насъ до сихъ поръ изъ 1.500 человѣкъ кавалеріи, считая и артиллерійскихъ казаковъ и дивизію 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, бывшихъ Тептярей, около 60 больныхъ, а изъ 2.750 пѣхотинцевъ — 600. Гарнизонъ при Акъ-булакѣ боленъ цынгой, а тотъ, что на Эмбѣ, страдаетъ тифомъ.

Замерзло у насъ менѣе чѣмъ между Оренбургомъ и Сакмарскомъ: тамъ, по слухамъ, найдены трое замерзшихъ, у насъ же по сію пору только одинъ. Но было между солдатами нѣсколько внезапныхъ смертныхъ случаевъ отъ переполненія и удушья легкихъ, такъ какъ, вѣроятно, безпрерывный холодъ гналъ кровь отъ оконечностей внутрь. Мы всѣ здоровы; при обильной пищѣ, NB. тепломъ чаѣ, достаточномъ согрѣваніи и не слишкомъ усиленномъ напряженіи тѣла, такая прогулка выносится очень хорошо; я такъ тепло и удобно одѣтъ, что право ни разу не страдалъ особенно отъ морозу.

Пѣхота одѣта тепло, но это ей въ тягость на маршѣ; только крѣпкіе какъ желѣзо Уральскіе казаки ѣдутъ верхомъ съ веселыми пѣснями. Что вы скажете, напр., о такой работѣ: верблюдовъ приходится держать на ногахъ, покуда ихъ навьючиваютъ, потому что, если имъ дать лечь для этого, то они уже не встанутъ. При этомъ надобно подымать съ земли мѣшки съ мукой и ящики съ сухарями, въ 7 — 8 пудовъ вѣсу — все это лежитъ на обязанности Уральскаго казака.

Теперь спрашивается, отчего же экспедиція на этотъ разъ не удалась и можно ли за это обвинять кого-нибудь? Отвѣчаю по совѣсти и съ полнымъ убѣжденіемъ, что предпріятіе безъ сомнѣнія увѣнчалось бы успѣхомъ, т. е. мы въ эту пору были бы уже почти въ Хивѣ, если бы зима стояла обыкновенная, какая бываетъ большею частью. Вы знаете, что большинство киргизовъ покидаетъ Илекъ въ концѣ зимы и переходитъ Эмбу, потому что здѣсь почти вовсе не

бываетъ снѣгу, а если и бываетъ, то едва столько, сколько нужно, чтобъ скотъ могъ пастись; самые старые киргизы не запомнятъ такой зимы, такихъ глубокихъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ. — По гладкой дорогѣ и теперь еще верблюды могутъ итти порядочно, но въ снѣгу вязнутъ. Люди хорошо перенесли всѣ трудности, провіанту у насъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но верблюды пропали, а съ ними и все предпріятіе. — Выступи мы нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, мы бы еще прошли благополучно, пока снѣгъ былъ не такъ плотенъ, но — во 1-хъ, кто могъ это знать? Намъ предстояло итти черезъ безводныя пустыни, гдѣ спасенья только и можно было ожидать отъ снѣгу — а первый порядочный снѣгъ на Усть-Уртѣ рѣдко выпадаетъ ранѣе января. Мы все боялись терпѣть отъ недостатка снѣга, никогда не представляли себѣ его въ такомъ избыткѣ, потому что это почти небывалый случай. Во 2-хъ, походъ былъ утвержденъ только въ мартѣ, а въ ноябрѣ слѣдовало уже совершить его, такъ было приказано. Оттого такія разнообразныя приготовленія никакъ не могли быть окончены ранѣе. Правда, что произошли разныя ошибки въ расчетѣ, иначе и быть не могло; но главная бѣда не въ этихъ ошибкахъ; сами по себѣ онѣ не могли бы разстроить все предпріятіе. Непріятеля мы къ счастью не видѣли; слѣдовательно нашего отступленія нельзя приписать его храбрости. Однакожъ была у насъ одна миніятюрная стычка. Хивинскій ханъ выдумалъ глупость — отправилъ тысячи двѣ узбековъ, туркменовъ и каракалпаковъ (они были хорошо одѣты, хорошо вооружены и посажены на хорошихъ коней), съ тѣмъ чтобъ они взяли и срыли наши два редута — Акъ-булакъ и Эмбу. Въ декабрѣ этотъ отрядъ дѣйствительно достигъ Ашъ-булака; тамъ было 160 человѣкъ гарнизону и двѣ пушки; валъ и ровъ совершенно сравнены снѣгомъ: тамъ лежало полтораста больныхъ; два огромные стога снѣга стояли въ разстояніи саженъ 24-хъ оттуда; вся осада продолжалась двое сутокъ; гарнизонъ могъ сдѣлать не болѣе девяти выстрѣловъ, потому что осадный корпусъ держался въ приличномъ отдаленіи. Нѣсколько человѣкъ чрезъ каждыя десять минутъ прискачутъ, начнутъ кричать, ругаться и требовать безусловной сдачи укрѣпленія — но каждый разъ четыре казака (именно *четыре*) прогонятъ ихъ: болѣе конницы на лицо не было. Послѣ того осадный корпусъ — потерпѣвъ однакожъ нѣкоторый уронъ, я самъ видѣлъ четырехъ мертвыхъ, случайно выкопанныхъ изъ-подъ снѣгу — двинулся противъ конвоя, о которомъ я выше упомянулъ и который, ничего не подозрѣвая, пошелъ изъ Эмбы къ Акъ-булаку. Онъ состоялъ изо стадвадцати человѣкъ пѣхоты и ста казаковъ, въ числѣ коихъ было только сорокъ конныхъ, такъ какъ остальные запрягли своихъ лошадей въ лазаретныя повозки. Хивинцы сняли свою осаду, убѣдившись, что лбомъ стѣны не прошибешь, и пошли на встрѣчу конвою. Въ пятнадцати верстахъ отъ крѣпости они

на него напали внезапно и неожиданно, когда онъ остановился для отдыха и пустилъ лошадей на траву. Эта горсть людей могла бы конечно быть изрублена до послѣдняго человѣка двумя-тремя тысячами хорошо вооруженныхъ всадниковъ, но хищничество хивинцевъ было причиною, что они безумно бросались прежде всего на верблюдовъ, лошадей и багажъ, такъ что сперва казаки, а потомъ и солдаты успѣли соединиться, построиться и дать залпъ. Такой неудачи хивинцы не ожидали; когда двое-трое изъ нихъ свалились назадъ съ лошадей, всѣ ударились въ бѣгство. Почти двои сутки продолжалась и здѣсь выдержанная съ большой энергіей осада, при которой хивинцы потеряли сравнительно многихъ, какъ можно было заключить изъ попадавшихся случайно могилъ, въ одной изъ которыхъ лежало напр. 19 труповъ. У насъ пятеро убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Послѣ этихъ подвиговъ непріятельская армія отступила, дала нашей спокойно тронуться и итти далѣе, и не рѣшилась ни разу потревожить ее на переходѣ въ пятнадцать верстъ. Этимъ дѣло и кончилось; я досталъ себѣ голову хивинца, отъ которой черепъ, вмѣстѣ съ заготовленными у меня башкирскими, киргизскими и мещерядкими черепами, я намѣренъ отправить въ Академію, и вотъ чуть ли не единственная польза всего похода. Но что же онъ еще доставилъ ученому міру? спросите вы. Да не болѣе того, что можно было ожидать отъ такого невыношеннаго зародыша. Леманъ [1]) очень и очень способный человѣкъ, но изъ-за снѣга и онъ ничего не могъ сдѣлать. Дюжины двѣ мѣховъ отъ млекопитающихъ — особенно грызуновъ — столько же растеній, которыя неутомимый собиратель отрылъ подъ снѣгомъ и опредѣлилъ, и притомъ отчасти такихъ, какихъ здѣсь никогда еще не находили. — Потомъ онъ снялъ и сообщилъ намъ очень наглядный геогностическій чертежъ всего пройденнаго нами пространства; далѣе онъ набралъ дюжины двѣ минералогическихъ образщиковъ, нѣсколько окаменѣлостей, которыя для васъ будутъ интересны, вотъ и все. Къ этому надобно прибавить, въ отношеніи къ географическимъ задачамъ, опредѣленіе долготы и широты устья рѣки Аты-Якши въ Эмбу [2]) и прекраснаго, но невкуснаго и нездороваго ключа Акъ-булака, въ 160-и верстахъ отъ подошвы Усть-сырта. Утверждаютъ, что опредѣленіе послѣдне-упомянутаго мѣста доставляетъ новыя свѣдѣнія объ очертаніи и положеніи Аральскаго моря; я еще не могу составить себѣ яснаго понятія о справедливости этого увѣренія и знаю только, что

---

[1]) Александръ Леманъ (Lehmann) сопровождалъ хивинскую экспедицію въ качествѣ естествоиспытателя. Позднѣе онъ ѣздилъ съ Бутеневымъ въ Бухару. Описаніе этого путешествія, извѣстное изъ дневниковъ Лемана, напечатано академикомъ Гельмерсеномъ въ 17-мъ томѣ „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs.“

[2]) Ср. *Р. Архивъ*, стр. 416.

Аты-Якши находится приблизительно на $3^1/_2{}^0$ южнѣе и на $2^1/_2{}^0$ восточнѣе Оренбурга. Такъ какъ мы вѣроятно по нуждѣ посидимъ на Эмбѣ всю весну, то Леманъ возьметъ съ собою все, что можно. Мы въ дорогѣ уже принуждены были оставить на мѣстѣ около 1500 четвертей провіанта и конечно не будемъ въ состояніи подобрать еще многаго, что „съ возу упадетъ". Мы ежедневно теряемъ, въ одной нашей колоннѣ, 40 — 60 верблюдовъ, всего же на все 150 — 200.

Гернгроссъ [1]), Чихачевъ [2]), Леманъ и особенно Василій Алексѣевичъ кланяются. Послѣдній, съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ рѣшенъ, сталъ опять совершенно такимъ, какъ прежде, острить надъ самимъ собою и надъ всей экспедиціей. Но этимъ дѣло безъ сомнѣнія не кончится, это невозможно — скоро предпримутъ второй болѣе удачный походъ; не всякая зима похожа на нынѣшнюю; но въ одномъ и томъ же году невозможно все вторично поставить на ноги; средства истощены; вмѣсто полутора милліона исторія обойдется по меньшей мѣрѣ втрое дороже, и — нужно имѣть время. Какимъ способомъ теперь достать такое количество провіанта? Мука нынче стóитъ въ Оренбургѣ по три рубля пудъ, овесъ по два съ полтиной. Откуда взять первыя средства для транспорта? Невозможно тотчасъ выписать опять 12.000 башкирскихъ телѣгъ, потому что это стоило Башкирцамъ 40.000 лошадей, которыя почти всѣ переколѣли. Наконецъ — откуда еще разъ взять отъ 10-и до 15-и тысячъ верблюдовъ? Это такое громадное число, которое во второй разъ не легко набрать даже и за звонкую полновѣсную монету. Время убѣдитъ въ этомъ. Ковалевскому и Гернгроссу удалось по счастью пронюхать, что хивинцы подстерегаютъ ихъ и хотятъ схватить; поэтому они бѣжали изъ каравана въ ночное туманное время, бросили все и благополучно добрались до Акъ-булака, гдѣ и командовали артиллеріей во время нападенія. Теперь они вмѣстѣ съ нами направляются домой. — Смѣшно сказать, а я въ эту минуту съ трудомъ пишу — отъ жару. На дворѣ 20° морозу; но я сижу у В. А. Перовскаго въ кибиткѣ, гдѣ желѣзная печь — это настоящая баня, невыносимо; уже темно: жалобное рычанье возвращающихся съ тебе-

---

[1]) Гернгроссъ и ниже упомянутый Ковалевскій, два горные офицера, осенью 1839 года присоединились къ каравану, отходившему изъ Оренбурга въ Бухару. Но узнавъ на Сыръ-Дарьѣ, что они легко могутъ быть ограблены и уведены въ плѣнъ разбойниками, оба бѣжали на сѣверо-восточный берегъ Аральскаго моря и съ большими опасностями достигли русскаго лагеря.

[2]) Платонъ Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Сѣверную и Южную Америку, участвовалъ волонтеромъ въ хивинскомъ походѣ. Этому даровитому отважному, рыцарски благородному человѣку не удалось, къ сожалѣнію, исполнить своего пламеннаго желанія — побывать въ центральной Азіи. Уже много лѣтъ онъ живетъ за границею вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ, извѣстнымъ путешественникомъ по европейскому Востоку и по Алтаю.

невки верблюдовъ, смѣшанное съ визгливыми голосами перекликающихся киргизовъ, совершенно оглушаетъ и одуряетъ.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь Беру, Гессу и всѣмъ, кто меня помнитъ.

В. Даль.

Напишите мнѣ, какъ вы поживаете и что дѣлается въ Петербургѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ О П. П. ПЕКАРСКОМЪ [1]).

1873.

Петръ Петровичъ Пекарскій родился 19 мая 1828 г. въ Уфѣ: предки его, выходцы изъ Польши, давно поселились въ Оренбургскомъ краю. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живого кожу. Дѣдъ его со стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Поэтому-то П. П. шутя говаривалъ, что онъ своею аккуратностью обязанъ нѣмецкому происхожденію. Высшее образованіе получилъ онъ въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; окончивъ курсъ въ 1847 г., онъ былъ опредѣленъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника, а въ октябрѣ того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контору, гдѣ и продолжалъ службу до начала 1850. Переселясь въ Петербургъ, онъ въ ноябрѣ 1851 перешелъ на службу въ канцелярію министерства финансовъ и оставался тамъ съ небольшимъ десять лѣтъ. Въ мартѣ 1862 онъ, послѣ кратковременной отставки, поступилъ въ Государственный архивъ, на вакансію дѣлопроизводителя, по выбытіи изъ этой должности В. И. Ламанскаго. Въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1868 получилъ званіе ординарнаго академика.

Литературная извѣстность Пекарскаго началась уже съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія и сталъ помѣщать труды свои въ „Современникѣ“, а отчасти и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ [2]). Какъ постоянны были его занятія по избранной части, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ довольно рано статей вошли позднѣе въ составъ его капитальнаго сочиненія: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, увѣнчаннаго въ Академіи Наукъ полною Демидовскою преміей. Въ Государственномъ архивѣ

---

[1]) Перепечатано въ „Сборникѣ“ Ак. Н., съ небольшими измѣненіями, изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1872 года (1-го авг. № 208). Авторъ въ то время находился въ рязанской деревнѣ и написалъ эту замѣтку подъ первымъ впечатлѣніемъ по прочтеніи въ газетахъ извѣстія о смерти своего сочлена. См. Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. 1873, т. X, стр. 55 — 59.

[2]) Самый полный списокъ трудовъ Пекарскаго напечатанъ при некрологѣ его въ *Русской Старинѣ* 1872 г. (декабрь, стр. 684 —693). Но и въ этомъ спискѣ замѣченъ мною одинъ пропускъ: въ *Современникѣ* 1860 г., т. LXXXIV, № 12, Отд. III, стр. 433 — 448, за подписью В. Р., какъ мнѣ извѣстно изъ показанія самого Пекарскаго, напечатана статья его: *Новые матеріалы для біографіи Ломоносова* (по поводу изданной Академіею Наукъ переписки Вольфа).

тогдашній начальникъ его, Ѳ. И. Гильфердингъ, вполнѣ оцѣнилъ достоинства своего новаго подчиненнаго и всячески содѣйствовалъ ученымъ занятіямъ его при архивѣ. Первымъ значительнымъ плодомъ этихъ занятій было тогда же изданное собраніе матеріаловъ относительно дѣятельности при русскомъ дворѣ французскаго посланника де-ла-Шетарди.

Въ то же время начался цѣлый рядъ составленныхъ Пекарскимъ монографій, касавшихся исторіи русской литературы, въ связи съ исторіею Академіи, какъ-то: „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“; „Екатерина II и Эйлеръ“; „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ“; „Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова“; „Жизнь и литературная переписка Рычкова“; „Новыя извѣстія о Татищевѣ“; „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ“, и многія другія.

Главнымъ источникомъ матеріаловъ для этихъ изслѣдованій служилъ Пекарскому академическій архивъ. Такой характеръ историческихъ этюдовъ Пекарскаго и былъ причиной, что черезъ нѣсколько времени по поступленіи его въ Академію Наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычною энергіею принялся Пекарскій за новый трудъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ успѣлъ разработать первый періодъ исторіи Академіи, до 1767 года, распредѣленный имъ на два большіе тома, изъ которыхъ первый уже извѣстенъ ученому міру. Положеніе Пекарскаго въ отношеніи къ Государственному архиву послужило поводомъ къ возложенію на него еще другого, важнаго и почетнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, Государя Цесаревича Александра Александровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій, при посредствѣ государственнаго канцлера, князя А. М. Горчакова, избранъ редакторомъ собранія этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время 1-й томъ былъ изданъ, 2-й быстро подвигался къ концу. Этимъ двумъ обширнымъ трудамъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ былъ едва по силамъ одному человѣку, нашъ неутомимый академикъ посвящалъ почти все время, остававшееся у него отъ службы по архиву; эту службу несъ онъ, между тѣмъ, также съ свойственною ему во всякомъ дѣлѣ добросовѣстностью, приводя въ порядокъ ввѣренные ему отдѣлы этого неистощимаго историческаго хранилища и составляя имъ описи.

Пекарскій обладалъ изумительнымъ трудолюбіемъ, рѣдкою способностью работать безъ устали. Время его было распредѣлено съ строгою правильностью, отъ которой онъ безъ особенныхъ причинъ никогда не отступалъ. Этимъ только и объясняется, что онъ при постоянной коронной службѣ, успѣлъ въ продолженіе 20-ти-лѣтней литературной дѣятельности написать такъ много; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣвалъ

зорко слѣдить за литературой своей спеціальности, въ которой ни одно явленіе не ускользало отъ него, и собиралъ съ величайшимъ тщаніемъ всѣ книги, брошюры и статьи, относившіяся къ этой области: составленная имъ библіотека, отличавшаяся не только полнотой и порядкомъ, но также внѣшнимъ изяществомъ, принадлежитъ конечно къ числу самыхъ замѣчательныхъ спеціальныхъ книгохранилищъ въ Россіи и содержитъ множество библіографическихъ рѣдкостей. Особенно важны въ ней, между прочимъ, коллекціи отдѣльныхъ статей, вырѣзанныхъ имъ изъ журналовъ и газетъ и переплетенныхъ группами, по предметамъ, въ болѣе или менѣе объемистые томы [1]).

Неоспоримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ положительности, точности и достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основательною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до излишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасенія позволить себѣ какую-нибудь догадку или смѣлое соображеніе. Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдователя, но не представляютъ того оживленнаго интереса, которыхъ неспеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно сознавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго передъ смертью говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторія русской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей разработки предмета. Другой недостатокъ, на который Пекарскій также самъ указывалъ въ своихъ трудахъ, относился къ языку, который у него не всегда выдерживаетъ филологическую и литературную критику; онъ откровенно сознавался, что не получилъ надлежащаго филологическаго образованія, и потому не гонится за совершенствомъ въ этомъ отношеніи. Но эти внѣшніе недостатки нисколько не уменьшаютъ научной важности трудовъ Пекарскаго, который ими конечно занялъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и неизгладимо вписалъ свое имя въ лѣтописи Академіи Наукъ. Послѣднимъ трудомъ его по исторіи этого учрежденія была подробная, основанная большею частью на новыхъ источникахъ и вполнѣ безпристрастная біографія Ломоносова, которая, вмѣстѣ съ біографіею Тредіаковскаго, составитъ 2-й и, прибавимъ съ прискорбіемъ, послѣдній томъ превосходной работы покойнаго академика. Долго Пекарскій надѣялся выпустить этотъ томъ къ Петровскому юбилею, но, къ сожалѣнію, такое предположеніе не могло осуществиться. Въ настоящее время томъ почти уже отпе-

[1]) Нынѣ эта библіотека перешла въ руки зятя Пекарскаго, Дм. Ѳом. Кобеко.

чатанъ; всѣ приложенія къ нему были уже сданы Пекарскимъ въ типографію за нѣсколько недѣль до его смерти; оставалось только составить и напечатать подробный указатель, что не могло не потребовать еще довольно времени.

Твердый характеръ, такъ много способствовавшій къ успѣшной дѣятельности Пекарскаго, былъ вообще отличительною чертою во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Трудно найти человѣка, который бы съ большею послѣдовательностью держался своихъ убѣжденій и правилъ, и трудно встрѣтиться съ болѣе честными и благородными убѣжденіями. Ихъ высказывалъ онъ смѣло, а иногда и рѣзко, не боясь повредить своимъ отношеніямъ даже съ людьми, имѣвшими вліяніе на его обстоятельства. Никогда изъ-за какихъ-нибудь выгодъ онъ не кривилъ душою; голосъ его былъ всегда на сторонѣ правды и праваго дѣла. Во всякомъ коллегіальномъ собраніи Пекарскій былъ бы незамѣнимо-полезнымъ членомъ; такимъ показалъ онъ себя и во время пребыванія въ комитетѣ литературнаго фонда, гдѣ со всегдашнею своею основательностью и ревностью участвовалъ въ управленіи дѣлами Общества. Академія Наукъ лишилась въ немъ не только одного изъ самыхъ прилежныхъ дѣятелей своихъ, но и одного изъ благороднѣйшихъ членовъ; можно поручиться, что въ средѣ ея не найдется никого, кто бы не сознавалъ всего значенія этой потери и не скорбѣлъ о ней искренно. Какъ человѣкъ, Пекарскій былъ, безъ сомнѣнія, не чуждъ и нѣкоторыхъ слабостей, именно какой-то угловатости въ сношеніяхъ, часто свойственной такимъ цѣльнымъ натурамъ, и раздражительности, происходившей отъ болѣзненнаго состоянія его тѣла; но прекрасныя душевныя качества вполнѣ искупали эти недостатки. Здоровье его поколебалось особенно послѣ паралича, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поразившаго личные его мускулы и заставившаго его искать исцѣленія въ Парижѣ, гдѣ онъ пробылъ цѣлую зиму (1868—1869 г.), пользуясь электромагнетизмомъ. Хотя онъ и возвратился оттуда, повидимому, поправившимся, но силы его были навсегда подкошены: ни гимнастика, къ которой онъ постоянно прибѣгалъ, ни лѣченіе кумысомъ, прошлымъ лѣтомъ, на родинѣ, не могли совершенно возстановить его здоровья, уже и отъ природы шаткаго. Вторичное лѣченіе кумысомъ могло бы значительно укрѣпить его силы; но служба не позволила ему нынче отлучиться далѣе Павловска, гдѣ онъ поселился съ семействомъ на лѣто, и гдѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ его ровно за мѣсяцъ до его смерти. Мы провели вмѣстѣ почти цѣлый день: онъ былъ оживленъ и веселъ; его очень занимала мысль собрать все, что выйдетъ въ печати по поводу Петровскаго юбилея; онъ показывалъ мнѣ, какъ новинку, медаль въ память Петра Великаго, только-что появившуюся въ продажѣ... Мы разстались въ твердой надеждѣ увидѣться въ августѣ, но разстались навѣки...

И. И. СРЕЗНЕВСКІЙ.

(**Некрологъ**) [1].

1880.

Почти въ самый день годовщины основанія С.-Петербургскаго университета, въ ночь съ 8 на 9 февраля, скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ его и самый старшій членъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Не прошло еще и года послѣ блистательнаго юбилея его учено-литературной дѣятельности. Этотъ послѣдній годъ жизни былъ, конечно, наполненъ для него отрадными воспоминаніями о тѣхъ доказательствахъ признанія его заслугъ и радушныхъ привѣтствіяхъ, которыя со всѣхъ сторонъ неслись къ нему въ день 5 апрѣля 1879 года. Это было такъ недавно, что сообщенныя тогда свѣдѣнія о его трудахъ и ходѣ жизни должны быть еще свѣжи въ памяти всѣхъ, интересующихся наукою въ Россіи. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ посвятили тогда цѣлый листъ извѣстіямъ по поводу этого замѣчательнаго ученаго празднества. Измаилу Ивановичу было въ то время не болѣе 66 лѣтъ отъ роду, и потому можно было ожидать еще много пользы отъ дальнѣйшей его дѣятельности. Но, къ сожалѣнію, уже года за два, за три передъ тѣмъ, здоровье начало замѣтно измѣнять ему. Несмотря на то, онъ по мѣрѣ силъ продолжалъ свои занятія, и еще за нѣсколько недѣль передъ окончательнымъ усиленіемъ своего недуга, прошлою осенью, приступилъ къ печатанію вторымъ, болѣе полнымъ изданіемъ своего столь цѣннаго во многихъ отношеніяхъ описанія „Памятниковъ древней словесности“. Прерванный въ самомъ началѣ своемъ, трудъ этотъ конечно не пропадетъ. Но послѣ Срезневскаго остается еще другой, болѣе обширный и важный трудъ, словарь древне-русскаго языка, плодъ многолѣтнихъ занятій и изслѣдованій. Лѣтъ десять тому назадъ покойный принялся было за печатанье его, но послѣ набора двухъ или трехъ листовъ, еще и не сверстанныхъ, вдругъ остановился, какъ бы не считая его еще вполнѣ оконченнымъ. Будемъ надѣяться, что и этотъ драгоцѣнный трудъ не погибнетъ для славяно-русской филологіи и исторіи.

Но не въ однѣхъ ученыхъ работахъ замѣчается наслѣдіе, завѣщанное покойнымъ многочисленной семьѣ своей. Онъ былъ для нея примѣромъ рѣдкаго отца и честнаго гражданина. Всѣмъ посѣщав-

---

[1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1880, № 42.

шимъ Измаила Ивановича извѣстно, какъ онъ умѣлъ дѣлить со своими домашними досуги свои, какое живое и дѣятельное участіе принималъ въ образованіи своихъ дѣтей, какимъ истинно-русскимъ человѣкомъ онъ былъ по своему патріархальному семейному быту. Будучи образцовымъ семьяниномъ и первоклассным ученымъ, онъ, въ то же время, былъ вѣрнымъ сыномъ земли своей и добрымъ товарищемъ. Какъ членъ ученой коллегіи, онъ, по всякому предмету совѣщаній, умѣлъ высказать дѣльную и часто оригинальную мысль. По глубинѣ и разнородности познаній, по обширности связей его, голосъ И. И. Срезневскаго былъ важенъ для рѣшенія всякихъ вопросовъ, встрѣчавшихся въ академической и университетской практикѣ. Такимъ образомъ потеря его, конечно, весьма чувствительна для обоихъ учрежденій, не говоря о другихъ ученыхъ обществахъ, въ которыхъ онъ являлся однимъ изъ главныхъ дѣятелей, и не легко будетъ замѣнить его при неоспоримой и прискорбной скудности нашихъ ученыхъ силъ. Имя Срезневскаго навсегда останется однимъ изъ самыхъ почтенныхъ и дорогихъ въ лѣтописяхъ не только русской, но и европейской науки, въ лѣтописяхъ нашей академіи и русскихъ университетовъ.

А. А. САМБОРСКІЙ, ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I [1]).

(Критическая замѣтка).

1889.

Передъ нами находится брошюра, недавно отпечатанная только въ 50-ти экземплярахъ и не назначенная для продажи, подъ заглавіемъ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“ (Спб. 1888 г., 76 стр. и листокъ fac-simile). Какъ видно изъ краткаго предисловія, этотъ біографическій очеркъ написанъ послѣднею изъ внучатъ Самборскаго, съ цѣлью доставить нѣсколько документальныхъ данныхъ для оцѣнки его личности и дѣятельности, главнымъ образомъ, въ качествѣ законоучителя императора Александра Павловича, такъ какъ высказанные до сихъ поръ отзывы историковъ о покойномъ протоіереѣ казались автору не довольно основательными и безпристрастными. Для этой цѣли составительницѣ біографіи послужила принадлежащая ей обширная переписка ея дѣда, вмѣстѣ съ другими его рукописями разнаго содержанія. Извлеченія изъ этихъ документовъ и заняли почти три четверти всей брошюры.

Такъ какъ обстоятельства жизни Самборскаго большею частью извѣстны, то я не стану на нихъ останавливаться, а замѣчу только, что главный недостатокъ, въ которомъ его упрекаютъ, заключается въ томъ, что онъ, не получивъ полнаго богословскаго образованія, не умѣлъ сообщить своему царственному ученику истиннаго пониманія духа православной церкви. „Вліяніе уроковъ Самборскаго на будущаго царя Россіи“, говоритъ Морошкинъ [2]), „было слабое, какъ отзывается самъ царственный ученикъ, и ограничивалось только знаніемъ краткаго катихизиса, сочиненнаго *для сельскихъ школъ* и формальнымъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ православныхъ безъ знанія ихъ смысла и значенія“. Въ чемъ же однако состояло признаніе самого Государя, на которое ссылается Морошкинъ. Онъ приводитъ изъ дневника квакера Грелье разсказъ его о разговорѣ съ императоромъ Александромъ I, и между прочимъ выписываетъ оттуда слѣдующія слова: „Les gouverneurs qui étaient placés auprès de lui avaient quelques bonnes qualités, mais ce n'étaient point des chrétiens croyants, par conséquent sa première éducation l'a

---

[1]) Русск. Вѣстникъ 1889, янв., 260.
[2]) „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 20.

éloigné de toutes impressions sérieuses, et cependant conformément à l'église grecque, il a été habitué à répéter certaines prières formelles soir et matin, mais cette pratique lui déplaisait" [1]). Согласимся, что этого косвеннаго свидѣтельства, въ которомъ нѣтъ и помину о Самборскомъ, еще весьма недостаточно для осужденія уроковъ его. А между тѣмъ новѣйшій историкъ императора Александра I, профессоръ Надлеръ, повторяя почти слово въ слово отзывъ Морошкина, именно на основаніи этого свидѣтельства Грелье, говоритъ: „Впослѣдствіи самъ Александръ *горько жаловался на такой способъ религіознаго воспитанія*" (?), и затѣмъ слѣдуетъ еще ссылка на Ковалевскаго, который въ біографіи гр. Блудова приводитъ слова Государя, сказанныя прусскому епископу Эйлерту въ 1818 году: „Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога". На этомъ сознаніи, опять доходящемъ до насъ черезъ третье лицо, историкъ строитъ такой выводъ: „Въ душѣ его (Александра), по его собственнымъ словамъ, господствовала страшная пустота (?). Онъ не зналъ Бога (?). Онъ произносилъ утромъ и вечеромъ молитвы, но онъ дѣлалъ это сначала по принужденію, а потомъ по привычкѣ. Изъ всѣхъ его воспитателей ни одинъ не въ состояніи былъ пополнить страшнаго пробѣла, оставленнаго о. Самборскимъ [2]). Но, зная жизнь и принимая въ расчетъ тѣ искушенія и соблазны, которыми она окружена на вершинахъ земного существованія, можно ли возлагать на законоучителя, хотя бы онъ былъ ученѣйшимъ богословомъ и образцовымъ наставникомъ, всю отвѣтственность за религіозныя колебанія и уклоненія, какимъ подвергается въ зрѣломъ возрастѣ тотъ, кто пользовался его уроками въ ранней молодости? Императоръ Павелъ учился закону Божію у знаменитаго Платона, и однако жъ мы не видимъ, чтобы въ жизни этого Государя обнаружились плоды внушеній такого мудраго наставника. Самборскій былъ преподавателемъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ съ 1784 г. до обрученія его въ 1793 г., но понятно, что при обязанностяхъ дворской жизни, при неизбѣжно сопряженныхъ съ нею перерывахъ въ занятіяхъ, преподаваніе не могло имѣть такой послѣдовательности и правильнаго хода, какіе возможны въ частномъ быту. Изъ письма Самборскаго къ женѣ отъ 20 марта 1784 г., тотчасъ по назначеніи его въ должность законоучителя, видно какъ хорошо онъ

---

[1]) Т. е. назначенные къ нему наставники обладали нѣкоторыми добрыми качествами но это не были вѣрующіе христіане, и потому первоначальное воспитаніе удалило его отъ всякихъ серьезныхъ впечатлѣній, а все-таки онъ, согласно съ требованіями греческой церкви, пріученъ былъ повторять утромъ и вечеромъ обрядныя молитвы, но этотъ способъ (молиться) ему не нравился.

[2]) См. В. К. Надлера „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза", т. I, стр. 12, и Е. П. К. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время", стр. 59.

понималъ возлагавшуюся на него ответственность. „Такъ какъ настоящая моя должность“, писалъ онъ, „имѣетъ важнѣйшее значеніе для нашего отечества и, можно сказать, для человѣчества вообще, то я обязанъ пройти чрезъ самое строгое самоиспытаніе, чтобы узнать: достоинъ ли я столь высокой довѣренности отъ такой великой, такой мудрой и предусмотрительной монархини. Всякія мелкія испытанія я переносилъ съ твердостію и благодарностію — теперь со всевозможнымъ усердіемъ и бдительностію я долженъ начать мою священную обязанность!“

Въ числѣ бумагъ, напечатанныхъ въ брошюрѣ, есть одна, въ которой Самборскій отдаетъ отчетъ какому-то высокопоставленному лицу (вѣроятно Салтыкову, какъ главному руководителю воспитанія великихъ князей Александра и Константина), о своихъ занятіяхъ по должности преподавателя ихъ высочествъ. Здѣсь онъ объясняетъ, что, держась первоначальнаго, по данному ему предписанію, катихизиса *народныхъ училищъ* [1]), онъ потомъ поставилъ себѣ задачею развивать въ своихъ слушателяхъ истинное понятіе о Богѣ на основаніи Евангелія, которое они „слушали и читали весьма охотно съ изъясненіями“ и между прочимъ замѣчаетъ: „всячески старался я, дабы ихъ высочества не почитали урокомъ слово Божіе“.

Въ письмахъ къ великому князю Александру Павловичу онъ часто весьма серьезно напоминаетъ ему обязанности учащагося молодого человѣка, побуждаетъ его быть внимательнымъ и прилежнымъ. Такъ въ день рожденія великаго князя 12 декабря 1787 г., когда ему исполнилось десять лѣтъ, Самборскій, принужденный оставаться дома по болѣзни, обращается къ нему съ письмомъ такого же содержанія, и кончаетъ слѣдующимъ образомъ: „Неоднократно напоминалъ я, что время есть невозвратно, въ чемъ и Вы всегда были со мною согласны. Напоминалъ я Вамъ и то, что Богъ, одаривъ щедро Васъ душевными и тѣлесными талантами, взыщетъ строго отъ Васъ отчету въ употребленіи оныхъ, по подобію евангельской притчи о талантахъ. Многократно представлялъ я Вамъ о самоважнѣйшей должности вашихъ наставниковъ и хранителей. Симъ во всякой кротости, довѣренности и чистосердечіи должны Вы повиноваться и для двухъ причинъ: первое, что Ваша великая и премудрая Прародительница благословила ихъ избрать; второе, что они жертвуютъ всѣмъ своимъ спокойствіемъ, да и самою жизнію Вашему благоденствію. Впрочемъ старайтесь находить во всякомъ человѣческомъ состояніи — своего ближняго. Тогда никого не обидите, и тогда исполнится законъ Божій. Я же, преклонивъ колѣна и проливая слезы, молю Всевышняго Бога, да ниспошлетъ на Васъ всесильную благодать Свою къ преуспѣянію во всѣхъ благахъ!“

[1]) А не *сельскихъ школъ*, которыя являются у покойнаго Морошкина, но которыхъ тогда на самомъ дѣлѣ еще не было.

Въ день обрученія будущаго государя, 10 мая 1793 года, съ нареченною его невѣстою, Самборскій опять привѣтствуетъ его письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, такъ выражается: „Воспитаніе Ваше кончилось. Теперь всѣ вообще ожидаютъ отъ Васъ полезныхъ плодовъ. Теперь Вы, благовѣрный Государь, должны Богу, отечеству и всякому порознь человѣку сами отвѣчать во всѣхъ дѣяніяхъ за себя! Вы должны отвѣчать не за себя точію, но и за Вашу будущую супругу, которой въ сей день Вы обручаетесь, благовѣрную Государыню Елизавету Алексѣевну. По истинѣ дѣло есть крайне трудное отвѣчати тако! А паче въ Вашемъ высокомъ рожденіи, которое обстоитъ коварное и зловредное ласкательство, угнетающее правду. Проходя всѣхъ прошедшихъ вѣковъ событія, находимъ, что почти всѣ земные владыки больше или меньше сдѣлались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тотъ въ страшнѣйшее превратился чудовище! Итакъ, дабы Вы спаслись отъ будущихъ несчастій, должны во первыхъ, остерегаться всевозможнымъ образомъ ласкательства; вовторыхъ, сохранить свято обязанность брака, который начинается теперь обрученіемъ. Важное сіе дѣло, какъ и вчерашнее, начнемъ горячими молитвами и возымѣемъ твердую вѣру, что благодать Божія во всемъ Вамъ будетъ содѣйствовать".

Эти немногія выписки позволяютъ, кажется, вывести заключеніе, что строгій судъ нашихъ историковъ о Самборскомъ, какъ законоучителѣ императора Александра I, долженъ значительно измѣниться. Что касается взводимаго на Самборскаго обвиненія въ нѣкоторомъ отступленіи отъ чистоты православія, то въ этомъ, повидимому, слышится еще отголосокъ тѣхъ нареканій, которымъ онъ подвергался при жизни со стороны своихъ недоброжелателей и завистниковъ, между прочимъ, за свою свѣтскую одежду и бритую бороду. „Здѣсь, говоритъ авторъ брошюры, необходимо пояснить, что, живя часто подолгу за границею, гдѣ, какъ извѣстно, наше духовенство носило (*и носитъ*) обыкновенно (*т. е. всегда*) свѣтское платье и брило (*бреетъ*) бороду, о. Самборскій привыкъ къ этому костюму и не измѣнялъ его даже и въ Россіи, тѣмъ болѣе, что императрица Екатерина не только позволила, но даже повелѣла ему носить таковой костюмъ и брить бороду, когда онъ оставался въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, для недоброжелателей о. Самборскаго это было хорошимъ поводомъ, и ему пришлось вынести отъ нихъ много непріятностей и даже оскорбленій. Между тѣмъ, несмотря на долгое пребываніе свое въ Англіи, прот. Самборскій строго держался основныхъ установленій православной церкви и неоднократно доказалъ свою ревность къ православію упорной и опасной для него борьбою съ римско-католическимъ духовенствомъ въ Австріи.

ЗАМѢТКА О МОГИЛѢ ОЗЕРОВА [1]).

1888.

Наши губернскія архивныя комиссіи, возникшія по почину покойнаго Калачова, не остаются праздными. Особенную дѣятельность проявляютъ, сколько намъ извѣстно, тѣ, которыя существуютъ въ Тамбовѣ и Твери. Въ концѣ прошлаго года предсѣдатель тверской комиссіи А. К. Жизневскій сдѣлалъ въ ней весьма интересное сообщеніе о могилѣ знаменитаго драматическаго писателя Озерова. Могила эта находится въ Зубцовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боркахъ, расположенномъ на правомъ берегу р. Волги, въ 12 верстахъ отъ Зубцова. Каменный памятникъ представляетъ подобіе гроба, утвержденнаго на двухъ плитахъ. На верхней (горизонтальной) сторонѣ изображенъ шестиконечный крестъ, а на боковыхъ высѣчены надписи: на лицевой сторонѣ: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло генералъ-маіора и ордена св. Владиміра 3 ст. кавалера Василія Александровича Озерова, который родился 1769 года, сентября 30 дня, скончался 1816 г., сентября 5 дня, житія его было 46 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 6 дней“. Вмѣсто имени „Владиславъ“ въ этой надписи выбито „Василій“, вѣроятно потому, что въ православныхъ святцахъ нѣтъ имени Владислава. На другой продольной сторонѣ значится:

„Сей памятникъ плачевный,
Гдѣ прахъ почіетъ въ мірѣ твой,
Тебѣ душевною любовью посвященный,
Сердечной орошенъ слезой“.

У изголовья памятника надпись: „И сотвори ему вѣчную память“, а съ противоположной стороны: „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“.

Село Борки было родиною нашего трагика. Здѣсь было имѣніе и усадьба, принадлежавшія отцу его, статск. сов. Александру Иринарховичу Озерову; въ настоящее время эта усадьба принадлежитъ внуку его по женской линіи, Алексѣю Михайловичу Безобразову, директору народныхъ училищъ Тверской губерніи. По разсказу родной племянницы трагика, восьмидесятилѣтней старушки Пелагеи Евграфовны Озеровой (о Евграфѣ Озеровѣ не разъ упоминается въ изданіи сочиненій Державина, который съ нимъ переписывался, какъ и съ Петромъ Евграфовичемъ. Изъ отчества упоминаемой старушки можно за-

[1]) Русск. Вѣстникъ 1888, іюнь, стр. 379.

ключить, что они были въ родствѣ съ поэтомъ Озеровымъ), проживающей нынѣ въ г. Ржевѣ, дядя ея Владиславъ Александровичъ, по выходѣ въ 1808 году въ отставку, жилъ въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи. Во время войны съ французами, онъ былъ настолько потрясенъ извѣстіемъ о взятіи Москвы Наполеономъ, что потерялъ разсудокъ. Едва-ли вѣрно это объясненіе помѣшательства Озерова, которое, кажется, справедливѣе приписываютъ оскорбленному честолюбію. Такого же мнѣнія былъ двоюродный братъ его, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что Озеровъ послѣднее время служилъ въ Лѣсномъ Департаментѣ (принадлежавшемъ тогда къ министерству финансовъ) и терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника Голубцова. Кончилось тѣмъ, что онъ былъ уволенъ, и въ бумагѣ объ его отставкѣ сказано было просто: „увольняется отъ службы", даже не упомянуто о назначенной ему пенсіи. Озеровъ уѣхалъ въ свою деревню и тамъ предался своему горю, которое и убило его. Поэтому-то и Жуковскій сказалъ о немъ:

Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.

Бывшій въ то время еще въ живыхъ, отецъ писателя перевезъ его больного къ себѣ въ Борки, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе четыре года своей жизни, въ томъ же болѣзненномъ состояніи. Обыкновеннымъ занятіемъ больного въ Боркахъ была игра въ пикетъ со своимъ камердинеромъ; говорилъ онъ, большею частью, одну фразу: „хороши большіе девять пріѣдутъ". Впрочемъ, по совѣту врачей, Владиславъ Александровичъ работалъ въ саду, и памятникомъ этихъ трудовъ осталась, насыпанная имъ собственноручно, горка (курганъ), съ винтообразною дорожкою къ вершинѣ ея.

Въ настоящее время Борковская усадьба Озеровыхъ и домъ, въ которомъ родился и умеръ нашъ трагикъ, сохранились почти въ прежнемъ своемъ видѣ. Кромѣ кургана о немъ напоминаетъ стоящій въ саду старый, развѣсистый дубъ. Отецъ писателя имѣлъ обыкновеніе при рожденіи каждаго сына сажать въ саду новое деревцо; при рожденіи Владислава Александровича и былъ посаженъ этотъ дубъ, который пережилъ своего сверстника, преждевременно сошедшаго въ могилу. Почтенная Пелагея Евграфовна, между прочимъ, разсказываетъ, что вмѣстѣ съ болѣзнью Владислава Александровича съ дуба опали на половину листья; по смерти его, дубъ потерялъ послѣдніе свои листья и годъ стоялъ какъ-бы въ траурѣ по покойникѣ, но затѣмъ снова зазеленѣлъ и теперь достигъ громадной толщины.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА [1]).

1884.

Авторъ стихотвореній (книжка безъ заглавія, изд. въ С.-Петерб. въ 1838 г.), о которыхъ хроникеръ „Нов. Времени" сообщилъ замѣтку, напечатанную въ № 2875 отъ 29 марта „Нов. Времени", мнѣ достовѣрно извѣстенъ: это былъ Илья Модестовичъ Бакунинъ, род. въ 1800 г. и убитый или, вѣрнѣе, смертельно раненый въ войнѣ съ горцами на Кавказѣ, — когда именно, покуда не могу сказать. Онъ былъ внукъ служившаго при Екатеринѣ II въ иностранной коллегіи Петра Васильевича Бакунина *меньшого* (былъ и старшій братъ того же имени, игравшій на дипломатическомъ поприщѣ болѣе важную роль). Мать Ильи Модестовича была Степанида Ивановна, рожденная Голенищева-Кутузова, родная сестра извѣстнаго адмирала Логина Ивановича, котораго, слѣдовательно, и разумѣетъ поэтъ, говоря о своемъ дядѣ. Гросгейнрихомъ звали учителя братьевъ Бакуниныхъ (т. е. Ильи и старшаго его брата Николая); это былъ замѣчательный полиглоттъ, которому и нашъ поэтъ обязанъ былъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ. Я слышалъ, что этотъ Гросгейнрихъ былъ нѣкогда учителемъ знаменитой живописицы Ангелики Кауфманъ. Илью Модестовича зналъ я лично, и часто встрѣчался съ нимъ въ 30-хъ годахъ въ домѣ покойнаго графа М. А. Корфа. На первомъ стихѣ, приведенномъ вашимъ хроникеромъ и запечатлѣвшемся въ моей памяти при самомъ появленіи книжки стихотвореній, я узналъ автора. Надѣюсь получить еще нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія и готовъ передать ихъ вамъ для большей полноты этой библіографической замѣтки.

---

[1]) „Новое Время" 1884, 2 марта, № 2877.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

къ извлеченію А. Ѳ. Бычкова изъ „рукописи словаря русскихъ писателей“ [1]).

1868.

Сообщенное на стран. 282 „Сборника“, [1]) извѣстіе преосв. Евгенія о пасторѣ Гротѣ, напечатанное съ небольшими измѣненіями и въ изданномъ покойнымъ Снегиревымъ въ 1-мъ томѣ *Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей*, заключаетъ въ себѣ пропуски и невѣрности, по поводу которыхъ считаю долгомъ помѣстить здѣсь нѣсколько дополнительныхъ строкъ о моемъ дѣдѣ.

Іоакимъ Христіанъ Гротъ родился 14-го іюня 1733 г. въ голштинскомъ городкѣ Пленѣ (Plön), гдѣ отецъ его былъ адвокатомъ. На 18-мъ году онъ отправился для окончанія своего образованія въ Іену и послѣ двухлѣтняго курса въ тамошнемъ университетѣ принятъ былъ на родинѣ въ кандидаты на пасторскую должность. Потомъ онъ жилъ въ званіи домашняго учителя въ Килѣ и былъ избранъ въ члены Кильскаго учено-литературнаго общества. Между тѣмъ началась семилѣтняя война. Кенигсбергъ былъ взятъ Русскими, и туда назначенъ губернаторомъ нашъ генералъ-аншефъ баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, тотъ самый, который въ 1742 г. ѣздилъ въ Голштинію за великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ.

Въ 1758 году Якимъ Христіановичъ [2]) Гротъ поступилъ въ секретари къ барону Корфу и черезъ два года переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сперва былъ домашнимъ учителемъ у вдовы генеральши Корфъ. Занимая эти должности, онъ усовершенствовался во французскомъ языкѣ и выучился италіянскому. Незадолго передъ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, онъ былъ опредѣленъ пасторомъ при голштинскомъ полку. Въ 1764 году открывались виды на профессуру краснорѣчія и поэзіи въ Кильскомъ университетѣ; но въ то же время умеръ пасторъ Екатерининской церкви на Васильевскомъ острову, и его мѣсто предложено было Гроту, который съ тѣхъ поръ занималъ каѳедру этой церкви до самой смерти своей; онъ умеръ 22 декабря 1799 года. Сынъ его Карлъ Ефимовичъ Гротъ [3]) служилъ въ департаментѣ Государственныхъ Имуществъ.

Объ основаніи пасторомъ Гротомъ „общества для смертныхъ слу-

---

[1]) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1868, т. V, стр. 289.
[2]) Или, какъ его звали въ Россіи, Ефимъ Христіановичъ.
[3]) Отецъ Якова Карловича. *Ред.*

чаевъ“ въ Словарѣ, изданномъ Снегиревымъ, сказано нѣсколько подробнѣе: „По силѣ этого установленія, наслѣдникамъ каждаго умершаго члена сего общества выдавалось извѣстное количество денегъ, смотря по суммѣ вклада. Это первая мысль (*NB, въ Россіи?*) о застрахованіяхъ жизни, которыя въ наше время болѣе и болѣе распространяются“. По этому предмету напечаталъ онъ по-нѣмецки и по-русски: *Учрежденіе основаннаго въ С.-Петербургѣ на смертные случаи общества*, книжечку, имѣвшую три изданія, въ 1775, 1780 и 1794 г. (2-е см. въ Смирдинской *Росписи*, № 1877). Она же явилась въ 1777 г. и на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Règlement d'une association, faite pour l'établissement d'une caisse mortuaire à St.-Pétersbourg, traduit de l'allemand“.

По-русски издана еще, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ текстомъ, проповѣдь Якима Грота: *Слово о продерзости невѣрія* (Von der Vermessenheit des Unglaubens), *переведенное коллежскимъ переводчикомъ Фридрихомъ Рихманомъ*. Спб. 1779. (Смирд. *Роспись*, № 622).

Кромѣ проповѣдей чисто-религіознаго содержанія, этотъ пасторъ произносилъ рѣчи, имѣвшія политическое и историческое значеніе. Къ первой области относится рядъ проповѣдей, направленныхъ противъ современныхъ революціонныхъ движеній; ко второй 11 бесѣдъ о законности оспопрививанія, за которыя императрица Екатерина II пожаловала ему большую золотую медаль, выбитую въ память заключенія турецкаго мира [1]). Къ собранію этихъ бесѣдъ, напечатанному въ 1781 году, приложены *матеріалы для исторіи оспопрививанія въ Россіи*.

Къ историческому же разряду трудовъ Якима Грота принадлежитъ его „Beytrag zur Geschichte der evangelisch - lutherischen Kirchen in Russland“ (Матеріалъ для исторіи евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи), изд. въ Митавѣ 1772 г.

Но еще важнѣе въ этомъ родѣ — его „Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche“ (Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій иностранцевъ въ Россійскомъ Государствѣ), въ трехъ томахъ, напечат. въ Лейпцигѣ 1797—1798 г. Это собственно исторія иновѣрческихъ церквей въ Россіи, главный ученый трудъ пастора Грота, трудъ, который, по собственному его выраженію, долженъ былъ служить памятникомъ вѣротерпимости русскихъ монарховъ. Въ этой книгѣ между извѣстіями о нѣкоторыхъ протестантскихъ духовныхъ можно найти (т. III, стр. 42—50) и краткую біографію самого

---

[1]) См. Бакмейстера „Russische Bibliothek“ т. VII, стр. 489. Книга, въ которой содержатся эти поученія über die Rechtmässigkeit der Blattereinimpfung, озаглавлена: „Petersburgische Kanzelvorträge“ (Петербургскія бесѣды съ каѳедры) и посвящена *Великой Женѣ* (Der Grossen Frau).

автора. Въ концѣ послѣдняго тома подробрый алфавитный указатель ко всему сочиненію.

Полный списокъ его трудовъ помѣщенъ также въ извѣстномъ словарѣ писателей, изданномъ Рекке и Напѣрскимъ [1]). Извѣщенія и критическія замѣтки о большей части ихъ находятся въ Russische Bibliothek Бакмейстера (см. общій указатель въ 11-мъ томѣ этого библіографическаго изданія).

Шлецеръ въ своей автобіографіи (A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben, стр. 186) называетъ пастора Грота въ числѣ тѣхъ ученыхъ, къ которымъ онъ былъ вхожъ, и говоритъ, между прочимъ: „Пасторъ Гротъ, находясь [2]) въ Кенигсбергѣ, не разъ игралъ въ бильярдъ съ тогдашнимъ поручикомъ Григоріемъ Орловымъ, о чемъ всемогущій фаворитъ еще и теперь снисходительно припоминалъ ему. Гротъ былъ домашнимъ учителемъ и проповѣдывалъ хорошо. Нѣмецкій пасторатъ на нашемъ (*Васильевскомъ*) островѣ сдѣлался вакантнымъ; Бакмейстеръ и я способствовали къ тому, что прибыльный приходъ достался Гроту: мы ходили изъ дома въ домъ къ тѣмъ нѣмцамъ, которые имѣли голосъ въ этомъ дѣлѣ и объявляли за вѣрное, что большинство на сторонѣ почтеннаго Г. Въ самомъ дѣлѣ, оно оказалось въ его пользу. Я остался въ короткой съ нимъ пріязни и часто пользовался его столомъ и экипажемъ“.

---

[1]) Послѣ переселенія изъ Германіи въ Россію Гротъ жилъ нѣсколько времени въ Нарвѣ, и нѣкоторые труды его печатались въ Ригѣ и въ Митавѣ.

[2]) У Шлецера сказано: „als er in Königsberg studirte“, но это невѣрно: Якимъ Гротъ посѣщалъ только іенскій университетъ.

ОБЪ АВТОРѢ МИТЮХИ ВАЛДАЙСКАГО[1]).

1861.

Въ №№ 5 и 6 Библіографическихъ Записокъ за нынѣшній годъ напечатана и вмѣстѣ съ тѣмъ издана отдѣльными оттисками „трагедія Митюха Валдайскій“, пародія на Дмитрія Донскаго Озерова, приписанная актеру Силѣ Николаевичу Сандунову.

Эта шуточная пьеса была мнѣ давно извѣстна въ рукописи, какъ произведеніе капитана *Петра Николаевича Семенова*, умершаго въ 1832 году [2]). Въ рукахъ его родственниковъ находится нѣсколько списковъ Митюхи Валдайскаго, изъ которыхъ одинъ, подаренный мнѣ братомъ покойнаго, Василіемъ Николаевичемъ, исправленъ рукою самого автора.

Не знаю, какимъ путемъ экземпляръ этой пародіи попалъ въ редакцію Библіографическихъ Записокъ, но думаю, не нашелся ли онъ между бумагами покойнаго Сандунова, съ семействомъ котораго Петръ Николаевичъ Семеновъ былъ очень друженъ, такъ что даже онъ перевелъ оперу (Изступленный) для жены Силы Николаевича, знаменитой оперной пѣвицы Елисаветы Семеновны Сандуновой. Пьеса Митюха Валдайскій, отыскавшаяся въ бумагахъ извѣстнаго актера и отмѣченная только начальными буквами имени Семенова, легко могла быть приписана Сандунову; такъ объясняю я себѣ недоразумѣніе, которое долгомъ считаю устранить.

Пародія Митюха Валдайскій въ свое время пользовалась большою извѣстностью и между стариками найдутся люди, которые хорошо знаютъ и самую пьесу и имя автора ея. Но въ подтвержденіе показанія моего есть и печатное свидѣтельство. Въ Сѣверной Пчелѣ 1832 г., № 146, помѣщено такое извѣстіе о смерти Семенова:

„28 мая скончался Тамбовской губерніи Липецкаго уѣзда въ селѣ Елисаветинѣ драматическій писатель, гвардіи капитанъ Петръ Николаевичъ Семеновъ, на 41 году отъ рожденія. Кто не знаетъ его забавной, замысловатой и оригинальной оперы: *Жидовская Корчма?* Онъ оставилъ въ рукописи комедію Митюха Валдайскій (пародію трагедіи Димитрій Донской). Сверхъ того (имъ) переведены оперы: Амфитріонъ, Изступленный и Федра“.

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о личности и трудахъ Петра Николаевича Семенова.

---

[1]) Библіограф. Записки, 1861; № 15.

[2]) Отца Нат. Петр. Гротъ, рожд. Семеновой, жены Я. К. Грота. *Ред.*

Онъ родился въ 1791 году въ Рязанскомъ родовомъ помѣстьѣ [1]) и былъ по матери племянникъ извѣстной въ свое время писательницы Анны Петровны Буниной, а по отцу двоюродный братъ извѣстнаго же писателя Михаила Васильевича Милонова. Воспитанный въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, Семеновъ по выпускѣ оттуда былъ отвезенъ отцомъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ Измайловскій полкъ, гдѣ онъ поступилъ въ роту капитана П. П. Мартынова, впослѣдствіи Петербургскаго коменданта. Этого-то перваго начальника своего воспѣлъ онъ вскорѣ въ пародіи, начинающейся строфою:

О ты пространствомъ необширный,
Живый въ движеньяхъ деплоядъ,
Источникъ страха роты смирной,
Безъ крылій дланями крылатъ,
Извѣстный службою единой,
Стоящій фронта предъ срединой,
Велѣньемъ чьимъ колѣнъ не гнутъ,
Чей крикъ дворъ ротный наполняетъ,
Десница зубы сокрушаетъ,
Кого Мартыновымъ зовутъ!

Доброе сердце, открытый, веселый нравъ, остроуміе и комическій талантъ доставили Семенову обширный кругъ знакомыхъ и пріятелей, а родство съ Анной Петровной Буниной ввело его въ домъ ея покровителя А. С. Шишкова, Державина, Мордвинова и другихъ замѣчательныхъ лицъ того времени. Покойный С. Т. Аксаковъ въ своемъ „Воспоминаніи о Шишковѣ“ разсказываетъ, какъ онъ однажды вмѣстѣ съ Семеновымъ игралъ на домашнемъ спектаклѣ въ домѣ Александра Семеновича [2]) и при этомъ случаѣ такъ отзывается о своемъ молодомъ пріятелѣ: „онъ былъ большой мастеръ передразнивать всякія каррикатурныя личности, и вся наша публика много смѣялась отъ его игры“. Въ 1812 г. Семеновъ въ чинѣ прапорщика участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и при Бородинскомъ сраженіи находился съ

[1]) Пронскаго уѣзда, въ сельцѣ Салыковѣ.

[2]) Аксаковъ говоритъ, что онъ нарочно для этого спектакля познакомилъ Семенова съ Шишковыми. Здѣсь память измѣнила автору Воспоминаній: Семеновъ, съ самаго пріѣзда въ Петербургъ, былъ вхожъ въ домъ Шишкова. Но слова Аксакова о мимическомъ талантѣ Семенова подтверждаются между прочимъ слѣдующимъ анекдотомъ. Однажды Хмельницкій встрѣтился съ Семеновымъ въ домѣ Всеволода Андреевича Всеволожскаго, который, знакомя ихъ другъ съ другомъ, шепнулъ второму, чтобъ онъ представился образованнымъ, но пьянымъ молодымъ человѣкомъ. Семеновъ, подсѣвъ къ карточному столу, за которымъ игралъ Хмельницкій, такъ хорошо выполнилъ эту роль, что встревоженный Николай Ивановичъ, отведя хозяина въ сторону, сказалъ ему: „Пожалуйста избавьте меня отъ этакого гостя. Мнѣ больно смотрѣть на него. Вижу, что это прекрасный, но несчастный молодой человѣкъ“.

охотниками въ застрѣльщикахъ Измайловскаго и Литовскаго полковъ. Въ кампанію 1813 года онъ при началѣ Кульмскаго дѣла былъ командированъ одинъ, безъ всякаго отряда, для отысканія отставшаго обоза съ провіантомъ. Онъ отыскалъ обозъ, но, бывъ отрѣзанъ непріятелемъ, принужденъ былъ присоединиться къ корпусу прусскаго генерала Клейста въ видѣ волонтера; въ первомъ же послѣ того дѣлѣ онъ попалъ въ плѣнъ и отправленъ въ Суассонъ, гдѣ и оставался до взятія Парижа.

Впослѣдствіи Семеновъ, въ чинѣ капитана, вышелъ въ отставку послѣ тяжкой болѣзни и поѣздки на Кавказъ и провелъ послѣдніе годы жизни въ деревнѣ съ своими престарѣлыми родителями и собственной семьею. Онъ оставилъ по себѣ прекрасную память — между всѣми своими сосѣдями. Не знавъ его лично, я позволю себѣ только привести нѣсколько словъ изъ рукописной краткой біографіи его, составленной вскорѣ послѣ его смерти: „Въ двухъ губерніяхъ, Рязанской и Тамбовской (гдѣ были его имѣнія), снискалъ онъ общее уваженіе. Вдовы и сироты всѣхъ сословій, имѣвшія нужду въ совѣтахъ и всякаго рода пособіяхъ, всѣ прибѣгали къ нему, какъ къ благоразумному и добродѣтельному человѣку; никому не отказывалъ онъ и даже самъ изыскивалъ средства быть кому-либо полезнымъ [1]). Отъ дворянства Раненбургской округи, гдѣ онъ имѣлъ постоянное пребываніе, во всѣхъ случаяхъ, когда требовались для какихъ-либо совѣщаній въ губернскій городъ депутаты, выборъ падалъ на Петра Николаевича, и онъ, никогда не отказываясь, всегда оправдывалъ сдѣланное ему довѣріе.“

Возвратимся теперь къ Митюхѣ Валдайскому. Повѣривъ изданный нынѣ текстъ его съ находящимся у меня тремя рукописями, сообщу нѣкоторые результаты этого сличенія; причемъ нужнымъ считаю упомянуть, что два изъ этихъ списковъ писаны братьями автора, при его жизни, а третій, писанный рукою писаря, полученъ мною отъ дяди П. Н. Семенова, Ивана Петровича Бунина, умершаго недавно въ глубокой старости. Собственноручныя поправки Петра Николаевича находятся на одномъ изъ первыхъ списковъ и сдѣланы имъ въ 1826 году. Напечатанный текстъ всего болѣе сходенъ съ третьимъ спискомъ, который очевидно писанъ гораздо ранѣе. На послѣднемъ означены мѣсто и время сочиненія пародіи: „С.-Петербургъ, 1810 г.“, а затѣмъ и имя автора начальными буквами: П... С... Пьеса тутъ названа не „трагедіею“, какъ въ Библіографическихъ Запискахъ, а „зрѣлищемъ“. При позднѣйшихъ спискахъ находится слѣдующее „Предувѣдомленіе“,

[1]) Особенно покровительствовалъ онъ однодворцамъ, которые, не принадлежа прямо ни къ какому управленію, безпрестанно терпѣли притѣсненія со стороны помѣщиковъ.

показывающее, что авторъ готовилъ рукопись къ печати [1]. „Шутка была началомъ пародіи, сказано въ предисловіи къ извѣстной пародіи Боало на трагедію Корнеля *Сидъ*. Нѣсколько часовъ шутливаго расположенія духа, въ кругу пріятельскомъ, равно произвели и сію бездѣлку совсѣмъ не въ намѣреніи унизить превосходнаго Димитрія Донскаго, произведеніе славнѣйшаго нашего любимца Мельпомены (и она не явилась бы никогда въ свѣтъ при жизни знаменитаго трагика, къ сожалѣнію похищеннаго уже отъ музъ раннею кончиною) [2]. Самый Виргилій имѣетъ на Энеиду свою не одну пародію. Бездѣлка сія никогда бы не была напечатана, если бы разсѣявшіеся невѣрные списки съ оной обезображенные переписщиками, не подали поводъ предложить ее въ настоящемъ видѣ всѣмъ любителямъ забавнаго чтенія, ищущимъ однихъ веселыхъ минутъ въ минутахъ своего досуга.

(Сверхъ того долженъ замѣтить я, что пародія сія писана не для театра, хотя и расположена совершенно по правиламъ онаго; но такъ какъ пародія можетъ иногда заставить смѣяться зрителей и въ самой трагедіи, то авторъ ея вовсе не имѣя желанія вредить блистательному успѣху Димитрія, никогда бы не хотѣлъ видѣть представленія Митюхи) [3].

Что касается до самаго текста, то замѣчу, что тотъ, который напечатанъ въ Библіографическихъ Запискахъ, только въ частностяхъ отступаетъ отъ имѣющихся у меня списковъ; въ цѣломъ же, въ расположеніи и ходѣ сценъ, онъ почти совершенно согласенъ съ ними. Въ позднѣйшихъ спискахъ авторъ, достигнувъ бо̀льшей зрѣлости, видимо старался придать языку пьесы болѣе истинной народности, простоты и вмѣстѣ художественности, такъ что многія мѣста значительно сокращены имъ противъ прежняго. Считаю безполезнымъ выписывать многочисленные варіанты изъ моихъ списковъ, которые переданы будутъ въ Публичную Библіотеку, а остановлюсь только на такихъ мѣстахъ, гдѣ напечатанный текстъ представляетъ дѣйствительныя невѣрности или пропуски.

Въ самомъ началѣ, въ исчисленіи дѣйствующихъ лицъ напечатано: откупа и цѣловальники *Крестовскіе* вмѣсто *Крестцовскіе*.

Стр. 145 (Библіогр. Зап. № 5) „Отъ нихъ всѣ кабаки и бочки наши голы“. Вмѣсто „голы“ здѣсь слѣдуетъ читать „полы“ (т. е. пусты).

---

[1]) Копія съ нея тогда же, въ 1826 году, была передана М. П. Погодину для представленія въ цензуру, но напечатаніе пьесы не было разрѣшено.

[2]) Скобками означены здѣсь мѣста, впослѣдствіи зачеркнутыя авторомъ.

[3]) На одномъ только театрѣ Митюха Валдайскій давался не разъ: на солдатскомъ театрѣ въ ротахъ Измайловскаго полка, гдѣ служилъ авторъ.

Стр. 151 напечат. „войду“ вм. „водку“.
— 152 „ходуномъ“ вм. „ходенемъ“.
— „ „Самъ, думалъ я“, вм. „Сѣмъ, думалъ я“.
— 154 „Да что тебѣ, мой свѣтъ, помѣха что ли я?“ Вм. „помѣха“ читай „потѣха“.
— 175 (№ 6) „Да ни котораго изъ нашихъ кабаковъ“. Вм. „кабаковъ“ должно быть „батраковъ“.
— „ „А этотъ-то одинъ возьметъ какъ доброй меринъ“. Читай: „А этотъ и одинъ везетъ“ и проч.
— 176 Напечатано: „Иванъ дядюшка“ вм. „Иванычъ дядюшка“.
— 177 Передъ первымъ стихомъ: „Который въ ту пору какъ стелька вишь былъ пьянъ“ пропущенъ цѣлый стихъ: „Гуляка молодецъ, извощикъ Андреянъ“.
— 179 Послѣ стиха: „Да что и безъ него мнѣ все слышь пустарнакъ“ пропущенъ стихъ: „И безъ него пойду на цѣло Зимогорье“.
— 181 Въ самомъ началѣ страницы, вмѣсто двухъ стиховъ, произносимыхъ будто бы Митюхой, должно быть слѣдующее:

Митюха (въ сторону.)

Вишь что нагородилъ! поди, ихъ ты послушай,
Вѣдь вонъ что говорятъ; разжуй-ка ты, раскушай.

Парамошка.

Ну нѣтъ, намъ вѣрно ихъ и въ годъ не уломать;
Не лучшель къ ямщикамъ за мировой послать?

— 184 „Что и Митюшенька, соколъ, голубчикъ мой“. Вмѣсто этого читай: „что цѣлъ Митюшенька“.
— 188 Здѣсь въ печатномъ текстѣ третьяго дѣйствія вовсе не оказывается явленія 5-го. Это отъ того, что тутъ пропущены конецъ 4-го и начало 5-го явленія. Послѣ словъ Елисея: „Во здравіе его хватилъ бы я винца“ должно вставить слѣдующее:

Андрюшка (горожанамъ).

Ребятушки! искать вездѣ его идите.

Елисей.

Но болѣе еще Иваныча ищите;
Вы, други, вспомните, что онъ начальникъ вашъ,
Что добрый парень онъ, заступникъ первой нашъ,
Онъ первый выдумалъ, чтобъ намъ итти на драку,
И много чрезъ него досталося намъ смаку.
Но вижу я, несутъ армякъ его сюда.

Явленіе пятое.

Тѣже и нѣсколько горожанъ (несутъ армякъ Митюхинъ).

Аксюта.

Ахъ! что съ нимъ сталося, бѣда моя, бѣда!

Андрюшка.

Аксютушка!

Аксюта.

Я слезъ моихъ таить не стану;
Такъ! онъ не сдобровалъ я вижу по кафтану.
Андрей! повинна я, побей коль хошь меня,
Но даже и тогда божиться буду я,
Что никогда тебя какъ мужа не любила,
Что за носъ я тебя, и слово давъ, водила;
Митюху моего какъ сокола любя,
Обманывала всѣхъ и самое себя.
Глядѣла на него всегда какъ мышь изъ норки
Ну, колоти меня, валяй на обѣ корки!

Андрюшка.

Пришибенъ плотно знать какимъ онъ ямщикомъ,
Теперь-ка я тебя объѣду ужь конемъ,
И завтра же съ тобой по утру обвѣнчаюсь;
Ужь будешь ты моя, за это я ручаюсь!

Елисей (горожанину).

Скажи-ка братецъ намъ, гдѣ ты его нашелъ?

Стр. 189. Вмѣсто стиха: „Вѣдь за меня теперь ужь вѣрно не похочешь", при которомъ редакція въ недоумѣніи поставила вопросительный знакъ, должно быть: „Вѣдь за меня терпѣть ты вѣрно не захочешь".

Вотъ важнѣйшія невѣрности, которыя вкрались въ печатный текстъ Митюхи Валдайскаго; есть и другія, менѣе значительныя, которыя я оставилъ безъ вниманія. Желательно, чтобъ со временемъ явился въ печати вполнѣ исправленный текстъ этой пьесы, по поводу изданія которой сказано въ фельетонѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1861 г. (№ 187): „Нельзя не поблагодарить издателя за сбереженіе этой, въ свое время надѣлавшей много шуму пародіи, читавшейся въ руко-

писи съ такою же жадностью, какъ и Трумфъ И. А. Крылова, тоже недавно изданный".

Изъ сочиненій П. Н. Семенова напечатанъ въ 1818 году оригинальный водевиль: „Удача отъ неудачи или приключеніе въ жидовской корчмѣ" [1]). Въ Смирдинской росписи (№ 7772) означено начальными буквами и имя автора, не выставленное на заглавномъ листѣ печатнаго текста. Я имѣю оригинальную рукопись ея съ такою надписью на оберткѣ: „усерднѣйшее приношеніе Елисаветѣ Семеновнѣ Сандуновой". Эта пьеса въ свое время давалась очень часто съ необыкновеннымъ успѣхомъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Малороссіи. Дѣйствіе происходитъ въ мѣстечкѣ на Волынѣ, и на сцену выведены стоящіе въ жидовской корчмѣ уланы, при чемъ и въ разговорахъ и въ аріяхъ употребляется безпрестанно мѣстная польская и жидовская рѣчь, что и составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ комизма пьесы; въ сущности это не что иное, какъ фарсъ, непринужденная веселость котораго забавляла публику, такъ что куплеты его были долго въ модѣ.

Сверхъ Митюхи Валдайскаго, Семеновъ написалъ еще двѣ пародіи — одну на оду Державина, изъ которой выше приведена строфа, а другую на Демьянову Уху Крылова. Обѣ эти пародіи препровождаются въ Редакцію Библіографическихъ Записокъ.

ОДА КАПИТАНЪ МАРТЫНОВЪ. [2])

О ты, пространствомъ необширный,
Живый въ движеньи деплоядъ,
Источникъ страха роты смирной,
Безъ крылій дланями крылатъ.
Извѣстный службою единой,
Стоящій фронта предъ срединой,
Велѣньемъ чьимъ колѣнъ не гнутъ,
Чей крикъ дворъ ротный наполняетъ,
Десница зубы сокрушаетъ,
Кого Мартыновымъ зовутъ!

Вскричать, чтобъ всякъ дрожалъ какъ стебель;
Сочесть ряды, повѣрить взводъ,

---

[1]) Спб., въ типогр. Императ. Театра, 1818 г. In 8°; 70 стр. На заглавіи значится: „Опера въ одномъ дѣйствіи (Vaudeville). Представлена въ 1-й разъ С. П-ми придворными актерами въ маломъ театрѣ 1817 г., генваря 4 дня.

[2]) Въ экземплярѣ Я. К. есть нѣсколько поправокъ карандашомъ, которыми мы здѣсь и пользуемся. *Ред.*

Хотя бъ и могъ лихой фельтфебель,
Но кто „въ бокъ, прямо“ изречетъ?
Не можетъ рекрутъ на ученьи
Въ твои проникнуть наставленіи
Безъ побудительныхъ причинъ:
Лишь къ службѣ мысль вознесть дерзаетъ,
Въ ходьбѣ и стойкѣ исчезаетъ
Какъ въ настоящемъ бывшій чинъ.

Порядокъ службы современной
Во всѣхъ уставахъ ты сыскалъ,
И роты прежде распущенной
Ты все устройство основалъ,
Въ себѣ всю службу заключая,
Изъ службы службу составляя,
Ты самъ въ уставъ уставу данъ!
Ты движущь роту грознымъ словомъ,
Ты содержащь ее подъ кровомъ,
Былъ, есть, и будешь капитанъ.

Ты въ ротѣ всѣхъ распоряжаешь
Учить и не учить велишь —
Ее покоемъ раздвигаешь
И по желанію вертишь!
Какъ молньи небо раздираютъ,
Такъ темпы по рядамъ сгараютъ,
Какъ маятника вѣренъ бой
Съ движеньемъ стрѣлки репетичной
Въ часахъ механики отличной,
Такъ вѣренъ шагъ ихъ предъ тобой!

Имъ словъ командныхъ милліоны
Изъ громкихъ устъ твоихъ текутъ,
Твои по нимъ творятъ законы
И взводы какъ стѣна идутъ.
Во всѣхъ ихъ ломкахъ и движеньяхъ,
Въ рядахъ, въ ширингахъ, въ отдѣленьяхъ,
Или поставленные въ строй
Большой, середней, малой мѣры
Передъ тобою гренадеры
Стоятъ какъ листъ передъ травой!

Какъ листъ! ничтожество въ сравненьи
Съ тобою рота вся твоя,

Но что же третье отдѣленье?
И что передъ тобою я?
Во всемъ пространствѣ дивизьйонномъ,
Умножа роту батальономъ
Стократъ другихъ полковъ, и то
Когда сравнюсь съ тобой чинами,
Подметкой буду подъ ногами,
А унтеръ предъ тобой ничто!

Ничто, но ты во мнѣ сіяешь
Ходьбою, ставъ со мною въ рядъ —
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ въ свѣтлой пуговкѣ парадъ; —
Ничто, но я иду въ знаменахъ
И нѣтъ волненья въ батальонахъ
И нѣтъ во фронтѣ пестроты!
Моя нога вѣрна быть чаетъ,
Въ строю никто не разсуждаетъ!
Я здѣсь, конечно здѣсь и ты.

Ты здѣсь — мнѣ тишина вѣщаетъ,
Внутрь сердца страхъ гласитъ мнѣ то;
Солдатъ дыханье прерываетъ;
Ты здѣсь — и я ужъ не ничто!
Частица роты я знаменной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ списковъ ротныхъ той,
Гдѣ кончилъ писарь репортичку,
Фельтфебель началъ перекличку,
Связуя офицерство мной.

Я связь чиновъ полку причастныхъ,
Средина я и пустота,
Между всѣхъ гласныхъ и безгласныхъ
Я офицерская черта!
Умомъ полкамъ повелѣваю,
Подъ ранцемъ плотью издыхаю!
Я вождь, я дрянь, ничто и все!
Я въ ротѣ существо чудесно,
Но чтожъ такое, неизвѣстно,
И вѣрно, я ни то, ни сё!

Я твой подпрапоръ нечестивый,
Твоей премудрости болванъ, —

Источникъ взысковъ справедливый,
Начальникъ мой и капитанъ!
Тебѣ и службѣ нужно было,
Чтобъ чаще подъ арестъ ходило
Дворянство рядовымъ въ примѣръ,
Чтобъ я по формѣ одѣвался,
Въ театръ, въ собранье не казался
Доколь не буду офицеръ.

О капитанъ, мой благодѣтель,
Виновникъ бѣдъ моихъ и зла!
Арестовъ и похвалъ содѣтель!
Я слабъ воспѣть твои дѣла!
Но если славословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ въ службѣ успѣвать стараться,
Съ ноги во фронтѣ не сбиваться
И вѣкъ во фракѣ не ходить.

1808 года.

ПОДРАЖАНІЕ ДЕМЬЯНОВОЙ УХѢ. [1]).

„Михайлушка, мой свѣтъ!
Пожалуй позабавься“ —
Матвѣюшка! я видѣлъ. — „Нужды нѣтъ,
Признайся!
Бригада ей же ей на славу сведена!
Что за колонна! какъ подтянута она,
Какъ будто бы на смотръ подбѣлена.
Пожалуй позабавься! смотрѣть возьметъ охота!
Вотъ первый батальонъ, а вотъ и третья рота,
Прекрасно! погляди, вѣдь ниточкой идутъ.
Карлъ Бистромъ, да проси, еще хоть разъ пройдутъ!“
И такъ былъ подчиванъ Михайло отъ Матвѣя,
Матвѣй надоѣдалъ, Михайла не жалѣя;

---

[1]) Относится къ Матвѣю Евграфовичу Храповицкому, полковому командиру Измайловскаго полка и бригадному Измайловскаго и егерскаго, которымъ командовалъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ. — Въ то же время Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ (впослѣдствіи графъ) былъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

А ужъ того давно пронялъ цыганской потъ;
Однако же еще терпѣнье онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой,
И вотъ объѣхалъ всѣхъ. — „Вотъ друга я люблю!"
Вскричалъ Матвѣй: „за то ужь чванныхъ не терплю;
Ну, посмотри жь еще одинъ разокъ, мой милый!"
Но тутъ Михайло бѣдный мой,
Какъ службу ни любилъ, но отъ бѣды такой,
Давъ шпоры, поскакалъ безъ памяти домой,
И съ той поры въ Гарновской [1]) ни ногой.
Служивый! счастливъ ты, коли учить умѣешь:
Но если перестать во время не умѣешь
И въ жаръ, или въ морозъ о ближнихъ не жалѣешь:
То вѣдай, что твои ученья и марши
Для всѣхъ покажутся весьма не хороши.

---

[1]) Бывшій домъ Гарновскаго, у Измайловскаго моста, служилъ казармою полка.

ОБЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I.

ДВА СЛОВА ОБЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ [1]).

1861.

Безыменный рецензентъ писемъ Карамзина [2]) глумится и надъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ вообще вошло въ моду бранить публично разныя ученыя общества, особенно же Академію Наукъ. Источникъ этого осужденія добрый: хотятъ, чтобъ и ученые дѣйствовали ко благу народа, или, какъ нынѣ принято говорить, меньшихъ братій. Прекрасно! Однако нельзя же всѣмъ вдругъ перейти къ одному роду дѣятельности. Та же конечная цѣль достигается множествомъ разнообразныхъ путей. Трудиться вообще для образованія, для науки, для умственной пользы людей, не значитъ ли трудиться въ то же время и для народа? Вѣдь благо народа зависитъ отъ множества очень сложныхъ средствъ и причинъ! Воскресныя школы — превосходное учрежденіе; но что было бы, еслибы вдругъ всѣ учебныя заведенія, отъ приходскаго училища до университета, обратились въ воскресныя школы? Народу нужны азбуки и дешевыя книжки особеннаго содержанія, но не значитъ, чтобъ изъ-за нихъ должны были остановиться всѣ изслѣдованія науки. Народу нужны также лапти, сѣрмяга и пестрядь: слѣдуетъ ли, что вся промышленная производительность должна обратиться на одни эти предметы и прекратить, напримѣръ, изготовленіе опойковыхъ сапоговъ, тонкихъ суконъ и полотенъ. Нація состоитъ не изъ одного такъ называемаго простого народа, а также изъ другихъ сословій. Иначе зачѣмъ бы издавать и журналы? Въ тотъ день, когда закроются ученыя общества, и журналамъ придется запереть свои конторы, тогда авось гг. журналисты, въ общей бѣдѣ, великодушно подадутъ руку безполезнымъ академикамъ. Теперь Академія Наукъ подвергается безотчетнымъ нападеніямъ со стороны журналовъ, тогда какъ она честно, по крайнему разумѣнію и сколько позволяютъ обстоятельства, исполняетъ свое дѣло. Вмѣсто бездоказательнаго осужденія, не лучше ли было бы удостоивать серіознаго разбора труды и изданія Академіи? Члены ея искренно желаютъ быть полезными обществу, и конечно,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1861 т. 32, стр. 149.

[2]) Въ Современникѣ 1861, № 3-й, см. выше, стр. 166.

приняли бы къ соображенію всякое дѣльное мнѣніе. У Академіи есть два повременныя изданія, изъ которыхъ одно на русскомъ языкѣ. Отчего же журнальная критика никогда не остановится хотя на послѣднемъ? Мы увѣрены, что какъ редакторъ его, такъ и все отдѣленіе русскаго языка, были бы благодарны за всякое разумное слово объ *Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія*. Обыкновенно упрекаютъ Академію за то, что въ ней преобладаютъ нѣмцы; однакожъ не берутъ въ соображеніе, что это обстоятельство, вытекающее изъ самой исторіи происхожденія Академіи, все болѣе и болѣе устраняется. Пусть сравнятъ число собственно русскихъ академиковъ въ настоящее и прежнее время. Нынѣшній непремѣнный секретарь — также русскій, и въ годичномъ засѣданіи отчеты по всѣмъ отдѣленіямъ читаются уже по-русски, а не по-французски, какъ читались еще недавно отчеты по 1-му и 3-му отдѣленіямъ. Могутъ возразить, что это еще не такая важная побѣда; однакожъ нельзя не согласиться, что все-таки и это шагъ впередъ. Постепенное уменьшеніе числа иностранныхъ ученыхъ въ Академіи будетъ въ связи съ успѣхами самаго нашего общества: стóитъ только русскимъ усилить свою ученую дѣятельность, и всякій разъ, когда будутъ на лицо замѣчательные представители науки съ громкимъ русскимъ именемъ, едва-ли Академія позволитъ себѣ, наперекоръ общественному мнѣнію, предпочтительно избирать сочленовъ между иностранцами. Если до сихъ поръ русскій элементъ не получилъ еще здѣсь всей подобающей ему силы, то въ этомъ виноваты, между прочимъ, и разныя обстоятельства въ организаціи Академіи, отъ членовъ ея не зависящія. Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что 2-е отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели 1-е физико-математическое и 3-е историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьѣ и многіе изъ нихъ получаютъ въ зданіяхъ Академіи казенныя квартиры. Члены отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиръ, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности, то-есть за присутствіе въ засѣданіяхъ [1]), да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія — имѣютъ право на скудный

---

[1]) Члены Россійской академіи съ самаго учрежденія ея, по плану княгини Дашковой, получали за участіе въ каждомъ засѣданіи по жетону; при разсчетѣ же въ извѣстные сроки выдавались деньги по числу предъявленныхъ жетоновъ; теперь просто производится плата за засѣданія. Подобный способъ вознагражденія академиковъ унизителенъ, потому что даетъ мѣсто предположенію, что безъ этой приманки они не стали бы и посѣщать засѣданій. Сообразно ли такое наслѣдіе Россійской академіи съ характеромъ нашего времени и съ достоинствомъ высшаго ученаго учрежденія — объ этомъ, кажется, можетъ быть одно только мнѣніе.

гонораръ. Изъ такого страннаго порядка вещей можно бы вывести только одно изъ слѣдующихъ двухъ заключеній: что въ члены этого отдѣленія избираются только крезы, или что изъ отраслей знанія, входящихъ въ кругъ занятій Академіи, разработка русскаго языка для Россіи всего менѣе нужна.

При такой организаціи отдѣленія, члены его должны искать себѣ обезпеченія внѣ Академіи и, разумѣется, могутъ посвящать ей только часть своей дѣятельности. Между тѣмъ публика требуетъ отъ нихъ изданія словаря и другихъ обширныхъ трудовъ. Понятно, что исполненіе этихъ требованій возможно только въ границахъ объясненныхъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ русскій элементъ въ Академіи находится въ весьма невыгодномъ положеніи не только по отношенію къ преобладающему ея составу, но и потому, что главный представитель этого элемента — русскій языкъ, униженъ предъ другими отраслями вѣдѣнія, даже, напримѣръ, передъ языкомъ татарскимъ.

Что касается до другого упрека Академіи, будто въ ней все дѣлается закрыто, то напомнимъ только, что какъ въ *Извѣстіяхъ*, такъ и въ *Bulletin* постоянно печатаются извлеченія изъ протоколовъ засѣданій, а въ концѣ года издаются отчеты по всѣмъ 3-мъ отдѣленіямъ. Если же подъ закрытостью Академіи разумѣютъ, что обыкновенныя засѣданія ея не публичны, то замѣтимъ, что такой порядокъ соблюдается и въ другихъ государствахъ, которыя далеко опередили насъ успѣхами гласности, и что, напримѣръ, въ Берлинѣ и въ Парижѣ публика также только при особыхъ торжествахъ допускается въ засѣданія тамошнихъ академій.

Изъ всего сказаннаго легко сдѣлать тотъ выводъ, что при сужденіяхъ объ Академіи Наукъ необходимо брать въ соображеніе не только собственныя ея дѣйствія, но и условія, при которыхъ она дѣйствуетъ. Вообще, въ интересахъ истины, надо желать, чтобы въ такія сужденія входило болѣе объективнаго спокойствія, нежели субъективной желчи; чтобы судьи становились, гдѣ нужно, на историческую точку зрѣнія и не смѣшивали безотчетно настоящаго съ прошедшимъ. Понятно что крайность, представляемая нынѣшними нападеніями на Академію, вызвана другою крайностію — исключительнымъ господствомъ въ прежнее время иностраннаго элемента въ Академіи. Но такое незаконное преобладаніе и сопряженныя съ нимъ злоупотребленія принадлежатъ уже исторіи: Блументросты и Шумахеры ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не возможны, и напрасно вдохновляться ихъ тѣнями для краснорѣчивыхъ діатрибъ противъ нынѣшней Академіи.

II.

О ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ [1]).

1866.

Напечатанная въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* передовая статья объ Академіи Наукъ коснулась, между прочимъ, и Отдѣленія русскаго языка и словесности. Такъ какъ съ положеніемъ его связаны важные для русской литературы и филологіи и для самой Академіи интересы, то вопросъ о немъ долженъ быть разобранъ подробно; тогда только дѣло можетъ представиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ.

---

1) Напеч. въ „Сборникѣ статей, чит. въ Отд. рус. яз. и сл. И. А. Н., т. I, 1866. Въ № 54 *Московскихъ Вѣдомостей* 1866 г. (12 марта) напечатана была передовая статья объ Академіи Наукъ, заключавшая въ себѣ между прочимъ слѣдующія строки объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности:

„Если смотрѣть на Академію какъ на ученое учрежденіе, то едва-ли не было бы достаточно, вмѣсто передѣлки всего устава Академіи, ограничиться согласованіемъ частныхъ постановленій, изданныхъ относительно ея въ разное время, и также согласованіемъ ея устава съ позднѣйшими общими узаконеніями. Только одинъ пунктъ требуетъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія, именно согласованіе Второго или такъ-называемаго русскаго Отдѣленія, образованнаго изъ Россійской Академіи, съ двумя остальными Отдѣленіями (I физико-математическимъ и III историко-филологическимъ), изъ коихъ первоначально состояла, а говоря въ сущности и теперь еще состоитъ Академія Наукъ. Это вопросъ трудный, хотя по нашему мнѣнію совершенно ясный. Задача Второго Отдѣленія наслѣдована имъ отъ Россійской Академіи; эта задача — блюсти чистоту русскаго языка — не можетъ быть ввѣрена такому учрежденію какъ Академія Наукъ, и требуетъ совершенно особенной организаціи. Это вовсе не дѣло учености, а скорѣе дѣло вкуса, поддерживаемаго опытностью. Академическія кресла Второго Отдѣленія должны быть доступны не только ученымъ, но и литераторамъ; они не могутъ итти въ параллель съ *каѳедрами* Отдѣленій I и III. Было бы очевидною ошибкой приводить къ одному знаменателю вещи совершенно разнородныя, и можно напередъ сказать, что обѣ стороны проиграли бы, если бы, единственно въ видахъ наружнаго однообразія, преобразованіе Академіи Наукъ было сопряжено съ окончательнымъ введеніемъ въ составъ Академіи II Отдѣленія, существующаго на основаніи своихъ собственныхъ правилъ и штатовъ, совершенно отличныхъ отъ остальныхъ двухъ Отдѣленій. Академія словесности и Академія Наукъ — различныя учрежденія. Слитіе ихъ воедино, по упраздненіи Россійской Академіи, не было счастливою мыслію. Успѣхъ заключался бы теперь въ ихъ взаимной эманципаціи, а не въ дальнѣйшемъ закрѣпленіи ихъ неестественной связи. Русскій языкъ, какъ предметъ ученыхъ изысканій, долженъ входить въ составъ историко-филологическаго Отдѣленія (теперешняго III-го), и учрежденіе въ этомъ Отдѣленіи особой каѳедры для славяно-русской филологіи есть дѣйствительно потребность весьма ощутительная; отдѣлять эту каѳедру отъ остальныхъ каѳедръ историко-филологическаго Отдѣленія не только нѣтъ надобности, но было бы даже вредно для славяно-

Взглянемъ на отношеніе этого Отдѣленія какъ къ Россійской Академіи, изъ которой оно возникло, такъ и къ Академіи Наукъ, часть которой оно составляетъ съ 1841 года.

При основаніи Россійской Академіи въ 1783 г., учредительницы ея, Екатерина II и княгиня Дашкова, не дали себѣ яснаго отчета въ планѣ будущей дѣятельности задуманнаго ими общества. Россійской Академіи предназначены были двѣ разнородныя цѣли: она должна была очищать, установлять языкъ и въ тоже время обогащать литературу произведеніями краснорѣчія и поэзіи. Въ первомъ отношеніи ей было предписано „сочинить *прежде всего* россійскую грамматику, россійскій словарь, риторику и правила стихотворенія". Въ чемъ полагалась остальная дѣятельность Академіи, видно изъ слѣдующихъ словъ рѣчи, произне-

---

русской филологіи, которая пострадала бы отъ такого уединенія. Съ другой стороны практическая литературная задача, лежавшая на Россійской Академіи, не можетъ быть осуществлена иначе какъ обществомъ довольно многолюднымъ, и нѣтъ никакой причины требовать, чтобы всѣ члены этого общества состояли на постоянномъ казенномъ жалованьи".

Эти строки вызвали помѣщаемую здѣсь статью, которая и появилась въ № 102 *Москов. Вѣдомостей* (21 мая) съ такимъ примѣчаніемъ отъ редакціи:

„Эта статья была получена въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* при слѣдующемъ письмѣ отъ 26-го марта:

„Препровождая къ вамъ статью, написанную мною по поводу высказанныхъ въ вашей уважаемой газетѣ мыслей о Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ и разсматривающую предметъ съ другой точки зрѣнія, нужнымъ считаю объяснить, что она выражаетъ не одинъ личный мой взглядъ, но и общее мнѣніе участвующихъ въ трудахъ Отдѣленія членовъ его, которые выслушали ее съ полнымъ одобреніемъ. Зная, что вы болѣе всего дорожите истиной и всегда готовы содѣйствовать къ ея разъясненію, я покорнѣйше прошу васъ дать этой статьѣ мѣсто въ одномъ изъ ближайшихъ листовъ *Московскихъ Вѣдомостей*".

„Печатаніе этой статьи замедлилось по недостатку мѣста, причиненному обиліемъ извѣстій и статей, вызванныхъ днемъ 4-го апрѣля. Затѣмъ произошелъ перерывъ изданія. При помѣщеніи нынѣ статьи многоуважаемаго Я. К. Грота, выражающей мнѣнія его товарищей по Второму Отдѣленію Академіи Наукъ, необходимо привести и главныя основанія мыслей, высказанныхъ *Московскими Вѣдомостями*. Эти основанія состоятъ въ слѣдующемъ:

„1. Обособленіе славяно-русской филологіи и исторіи отъ историко-филологическаго Отдѣленія Академіи Наукъ не можетъ не быть вредно и для историко-филологическаго Отдѣленія и для предполагаемаго Отдѣленія славяно-русской филологіи и исторіи.

„2. Особое Отдѣленіе славяно-русской филологіи и исторіи было бы трудно удержать на требующемся отъ Академіи Наукъ уровнѣ, ибо замѣстить достойнымъ образомъ два или три новыя кресла историко-филологическаго Отдѣленія гораздо легче, нежели сформировать особое Отдѣленіе.

„3. Устройство особаго Отдѣленія славяно-русской филологіи и исторіи въ Академіи Наукъ не устранило бы потребности въ литературной Академіи, которая, будучи, что весьма возможно, хорошо направлена, имѣла бы благотворное вліяніе на чистоту русскаго языка и на возвышеніе уровня русской литературы. *Ред.*"

сенной княгиней Дашковою при ея открытіи: „Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ *произведеніямъ*, достойнымъ громкаго нашего вѣка. *Сіе*, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ *первымъ* нашимъ упражненіемъ". Слѣдствіемъ такой неопредѣленности въ задачахъ Академіи былъ и смѣшанный составъ ея: объ условіяхъ для выбора 60-ти, или на первый случай 35-ти ея членовъ, не было иного постановленія, кромѣ слѣдующаго: „Выборъ членовъ будетъ изъ извѣстныхъ людей, *знающихъ россійскій языкъ*". Дѣйствительно, въ составѣ Россійской Академіи встрѣтились люди, не имѣвшіе между собой почти ничего общаго, кромѣ сказаннаго признака: именно, сверхъ нѣкоторыхъ писателей, въ число членовъ ея назначено нѣсколько профессоровъ Академіи Наукъ и Московскаго Университета по самымъ разнороднымъ предметамъ, также нѣсколько духовныхъ лицъ, сановниковъ и вообще служащихъ по гражданскому и придворному вѣдомствамъ, отчасти военныхъ. Не менѣе пестроты представляли и впослѣдствіи списки членовъ этой Академіи. Такому-то смѣшанному собранію предлежала прежде всего трудная задача составить словарь и грамматику. Къ счастію, въ средѣ его нашлись люди, которые могли принять на себя руководство всѣми приготовительными работами и самую редакцію словаря, такъ что это дѣло было выполнено довольно скоро и, по тогдашнимъ требованіямъ, успѣшно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была издана Академіей составленная въ ней такимъ же образомъ русская грамматика. Бо̀льшая часть остальныхъ предпріятій Россійской Академіи не находилась ни въ какомъ отношеніи съ этими первыми ея трудами. Ея періодическія и другія изданія не имѣли ни опредѣленнаго характера, ни ясно сознанной цѣли. По смерти императрицы Екатерины, въ управленіе Академіей Бакунина, Нартова и Шишкова, однимъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ не было никакой руководящей идеи: по случайному выбору переводили то Демосѳена, Гомера и Овидія, то „Путешествіе Анахарсиса", „Ликей Лагарпа" и т. п. Болѣе положительнымъ характеромъ отличались собственные труды послѣдняго президента Академіи Шишкова по корнесловію, которыми наполнялись издававшіяся въ его время *Извѣстія* Россійской Академіи. Хотя онъ уже и сознавалъ отчасти, что главное призваніе этого учрежденія заключалось въ трудахъ филологическихъ, хотя въ состоявшемся по его проекту новомъ уставѣ Академіи (1818) ученыя занятія поставлены на первый планъ; однакожъ въ опредѣленіи всего круга ея дѣятельности остались, какъ увидимъ далѣе, прежнія сбивчивыя понятія: она продолжала задавать темы для панегириковъ и трагедій, награждала медалями иногда хорошихъ, но чаще посредственныхъ писателей,

и издавала безъ послѣдовательности и строгаго разбора сочиненія то своихъ членовъ, то постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Правда, что послѣдній періодъ существованія Академіи ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами, напримѣръ: она издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, *Ключъ* Строева къ *Исторіи* Карамзина, и отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію; но, вообще говоря, дѣятельность ея и тогда не имѣла ни строго-научнаго характера, ни литературнаго значенія, ни, наконецъ, прямого отношенія къ практическимъ потребностямъ общества. Съ претензіей быть „стражемъ языка“, „охранительницей отъ вводимыхъ въ него злоупотребленій“, и наставницей „возрастающаго юношества“, она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и существовала такъ вяло, что, наконецъ, званіе члена Россійской Академіи сдѣлалось почти синонимомъ жалкаго тунеядства.

Такое состояніе Россійской Академіи указывало на необходимость коренного ея преобразованія: рѣшено было дать ей болѣе ученое назначеніе и менѣе сложное устройство; а отсюда естественно развилась и мысль присоединить ее къ Академіи Наукъ, тѣмъ болѣе, что къ соображеніямъ, касавшимся сущности дѣла, примѣшались и другія, чисто внѣшняго свойства: говорятъ даже, что эти послѣднія имѣли тутъ главное значеніе. Отпускавшіяся на Россійскую Академію суммы далеко превышали ея дѣйствительныя издержки, такъ что сбереженія отъ нихъ достигли, наконецъ, громадныхъ размѣровъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, радѣя о пользахъ бывшей подъ его предсѣдательствомъ Академіи Наукъ, обратилъ вниманіе на эти сбереженія, и еще въ 1837 г. испросилъ Высочайшее разрѣшеніе употребить изъ нихъ около 115.000 р. с. [1]) на построеніе Пулковской обсерваторіи. Но и это значительное пожертвованіе еще не истощило сундуковъ Россійской Академіи: вступленіе въ храмъ наукъ бывшей блюстительницы отечественныхъ письменъ сопровождалось принесеніемъ въ казну его слѣдующаго почетнаго вклада:

Наличными деньгами	1.945 р. 75 к.
Билетами кред. уст.	68.931 „ 56 „
Изъ страх. общ. за пожарн. убытки . . .	4.007 „ 21 „
Отъ монетн. двора за медали, обращен. въ слитки	3.447 „ 17 „
За домъ съ мѣстомъ Росс. Ак. получ. отъ М-ва Вн. Дѣлъ	70.000 „ — „ [2])
Итого серебромъ	148.331 р. 70 к.,

[1]) 402.500 р. асс. См. *Труды Имп. Росс. Академіи*, томъ I, стр. 90.

[2]) Изъ справки Вице-презид. отъ 4 янв. 1842 г. № 25.

къ чему надобно еще присоединить библіотеку Екатерининской Академіи.

При этомъ личный составъ ея былъ уменьшенъ на цѣлыя двѣ трети: изъ полагавшихся прежде 60 членовъ ея, въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности оставлено было только 20 (16 ординарныхъ и 4 адъюнкта, или экстраординарныхъ), и дѣятельности новаго учрежденія данъ характеръ, выраженный въ Положеніи его слѣдующими словами:

„Въ кругъ занятій Второго Отдѣленія входятъ:

„1) Основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря; 2) изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ, относительно къ языку русскому, и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря, и 3) славяно-русская филологія, вообще, и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ Отдѣленія, ему не чуждо будетъ все входящее въ область изящной словесности и въ особенности русской исторіи“.

Эта выписка показываетъ, что въ основу существованія Второго Отдѣленія уже сознательно положена была идея филологической дѣятельности. Въ его уставѣ уже не было ничего такого, что́ бы давало ему значеніе литературнаго ареопага или блюстителя чистоты языка и вкуса. При всемъ томъ, однакоже, отъ занятій его еще не устранена вполнѣ и изящная словесность. Согласно съ этимъ между членами новаго Отдѣленія Академіи Наукъ остались нѣкоторые писатели, труды коихъ не имѣли собственно ученаго характера: такъ оно удостоилось чести удержать въ своемъ составѣ, между прочими, высокопреосвященнаго Филарета московскаго, Крылова, Жуковскаго и князя Вяземскаго. Несмотря на то, оно, согласно съ своимъ ясно-опредѣленнымъ главнымъ призваніемъ, стало съ самаго начала развиваться въ смыслѣ ученаго учрежденія. Въ этомъ можетъ убѣдить самый бѣглый взглядъ на изданія его: въ 1840-хъ годахъ оно напечатало *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка*, въ 1852 году *Опытъ областнаго велико-русскаго словаря*; въ томъ же году начато изданіе *Извѣстій Втораго Отдѣленія*, которыя вмѣстѣ съ своими приложеніями почти исключительно посвящались научной разработкѣ языка и продолжались десять лѣтъ, пока не слились съ *Записками* Академіи, возникшими въ 1862 г. при дѣятельномъ участіи Отдѣленія. Съ 1854 г. оно издало семь томовъ *Ученыхъ Записокъ*, въ которыхъ содержатся главнымъ образомъ болѣе обширныя изслѣдованія по языку и исторіи. Между тѣмъ при Отдѣленіи изданъ былъ однимъ изъ членовъ его *Опытъ общесравнительной грамматики*, который хотя и не удовлетво-

рилъ высшимъ требованіямъ науки, однакожъ по идеѣ принадлежалъ къ тому же разряду трудовъ. Затѣмъ слѣдовали составленные Востоковымъ грамматика и словарь церковно-славянскаго языка. Наконецъ, позднѣйшія предпріятія Отдѣленія относятся также къ области филологіи или исторіи русскаго просвѣщенія. При такомъ господствующемъ направленіи дѣятельности Отдѣленія, естественно было, что тѣ изъ членовъ, которые не считали своимъ призваніемъ науку, въ занятіяхъ его не принимали участія, засѣданій его не посѣщали [1]), и только изрѣдка произведенія ихъ, какъ напримѣръ стихотворенія князя Вяземскаго, являлись въ приложеніяхъ къ *Извѣстіямъ* Отдѣленія.

Замѣтимъ, что приведенными опредѣленіями устава и *русская исторія* не исключена изъ круга занятій Отдѣленія. Дѣйствительно, въ первое время его существованія было въ немъ нѣсколько членовъ, которыхъ академическая дѣятельность почти исключительно посвящена была изслѣдованіямъ въ области отечественной исторіи. Эти члены были: Арсеньевъ, Бередниковъ, Бутковъ и Коркуновъ; такое же значеніе въ составѣ Второго Отдѣленія имѣетъ еще и теперь академикъ Погодинъ. Всѣ эти ученые оставили въ академическихъ изданіяхъ слѣды своихъ трудовъ по русской исторіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что это Отдѣленіе ни по уставу своему, ни на дѣлѣ не наслѣдовало задачи Россійской Академіи блюсти чистоту отечественнаго языка. Въ 25-ти-лѣтній періодъ своего соединенія съ Академіей Наукъ Отдѣленіе, по преобладающему характеру своихъ трудовъ, дѣйствовало совершенно согласно съ общимъ ея назначеніемъ. Кто говоритъ, что въ составъ Историко-филологическаго (нынѣ 3-го) Отдѣленія долженъ входить русскій языкъ и что учрежденіе въ этомъ Отдѣленіи кресла для славяно-русской филологіи составляетъ ощутительную потребность, тотъ, безъ противорѣчія себѣ, не можетъ желать отторженія отъ Академіи нынѣшняго Второго Отдѣленія ея, назначеніе котораго именно и состоитъ въ широкой разработкѣ этой отрасли языкознанія. Для членовъ Историко-филологическаго отдѣленія было бы, конечно, очень сподручно имѣть въ средѣ своей человѣка, способнаго разрѣшать всѣ встрѣчающіеся при ихъ работахъ вопросы по славянскимъ языкамъ; но непонятно, почему славяно-русская филологія могла бы успѣшно разрабатываться только въ составѣ чуждаго ей ученаго собранія. Никто не станетъ отрицать, что для занимающихся ею было бы въ высшей степени полезно частое общеніе съ представителями другихъ

[1]) Къ этому могло способствовать также и исключительное положеніе, въ какое поставлено было новое Отдѣленіе Академіи, членамъ котораго, вмѣсто жалованья, производимаго по другимъ ея Отдѣленіямъ, назначено было особаго рода вознагражденіе, состоящее въ платѣ за засѣданія.

отраслей языкознанія; но она имѣетъ, сверхъ того, свои самостоятельныя нужды, которыхъ нельзя же приносить въ жертву этому удобству. Неужели славяно-русская филологія, въ русской Академіи Наукъ, могла бы довольствоваться изученіемъ ея въ одинакихъ размѣрахъ съ языками финскимъ и татарскимъ, для которыхъ учреждено въ Академіи также по одному креслу? Въ обширную область славяно-русской филологіи входятъ: и церковно-славянскій языкъ, и древне-русскій, и западно-славянскія нарѣчія, и составленіе русскаго словаря, и сравнительное изслѣдованіе всѣхъ славянскихъ языковъ, и наконецъ исторія русской литературы съ ея тремя многообъемлющими періодами. Можно ли желать, чтобы всѣ эти предметы, изъ которыхъ каждый требовалъ бы по крайней мѣрѣ своего особаго дѣятеля, соединены были въ рукахъ одного или двухъ лицъ въ зависимости отъ посторонней коллегіи? Еслибъ и нашелся человѣкъ, довольно самонадѣянный, чтобъ одному, или съ помощникомъ, взяться за такую многосложную дѣятельность, то едва-ли можно было бы съ довѣріемъ возложить ее на подобнаго ученаго. Притомъ не значило ли бы это прежде всего обѣднить самую Академію Наукъ, гдѣ Второе Отдѣленіе успѣло уже положить довольно широкое основаніе разработкѣ славяно-русской филологіи, гдѣ это Отдѣленіе, по особенному для Россіи интересу своихъ занятій, по своему чисто-русскому характеру, образуетъ весьма полновѣсную и многозначительную составную часть? Эти-то соображенія, конечно, и были причиной, почему въ новомъ проектѣ академическаго устава для славяно-русской филологіи и литературы предположено восемь креселъ, каждое съ опредѣленною областью занятій, что̀, безъ сомнѣнія, было бы важнымъ улучшеніемъ въ устройствѣ Второго Отдѣленія, которое теперь, въ виду предположеннаго преобразованія, затрудняется выборомъ новыхъ членовъ и по необходимости остается слишкомъ малочисленнымъ.

Но разсмотримъ поближе составъ нынѣшняго Историко-филологическаго Отдѣленія, чувствующаго потребность въ одной славяно-русской каѳедрѣ, которая замѣнила бы цѣлое отдѣленіе. Сверхъ 5-ти креселъ по азіятскимъ языкамъ и одного по финскому, Историко-филологическое Отдѣленіе заключаетъ въ себѣ еще: два кресла по классической филологіи, два по статистикѣ и политической экономіи и два же по исторіи Россіи и древностямъ русскимъ. Но мы уже видѣли, что русская исторія относится отчасти и къ занятіямъ Второго Отдѣленія. Сравнивъ кругъ дѣйствія обоихъ Отдѣленій, мы найдемъ, что за исключеніемъ статистики и политической экономіи, они по остальнымъ предметамъ своимъ совершенно однородны, такъ что, собственно говоря, нынѣшняя Академія имѣетъ *два* историко-филологическія Отдѣленія. Вмѣсто того, чтобъ одно изъ нихъ приносить въ жертву другому, не полезнѣе ли была бы иная комбинація?

Очевидно, что отнесеніе одной и той же науки, то-есть русской исторіи, къ двумъ Отдѣленіямъ лишено логическаго основанія. Между тѣмъ историческое изслѣдованіе языковъ, составляющее въ наше время основу всей филологіи, а равно и исторія литературы, находятся въ такой неразрывной связи съ исторіею народовъ, что въ сущности *русская исторія* не можетъ быть вполнѣ отдѣлена отъ *славяно-русской филологіи*, и во всякомъ случаѣ она ближе къ этой послѣдней, нежели, напримѣръ, къ древнимъ и азіятскимъ языкамъ, съ которыми она теперь соединена въ одномъ классѣ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что распредѣленіе предметовъ между обоими историко-филологическими Отдѣленіями Академіи требуетъ нѣкотораго измѣненія, и что русская исторія должна по настоящему войти въ Отдѣленіе славяно-русской филологіи, какъ законная его собственность? При такомъ преобразованіи можно бы признать въ Академіи только одно совокупное историко-филологическое Отдѣленіе, распадающееся на два самостоятельные класса или разряда, изъ которыхъ одинъ представлялъ бы въ полномъ объемѣ славяно-русскую филологію и исторію Россіи, а другой сохранилъ бы въ себѣ всѣ нынѣшнія части Историко-филологическаго Отдѣленія, за исключеніемъ русской исторіи.

Но, можетъ быть, для пользы русскаго языка и литературы дѣйствительно полезнѣе было бы, чтобъ Второе Отдѣленіе, просуществовавъ въ настоящемъ своемъ видѣ четверть столѣтія, собравъ столько матеріяловъ и опытовъ для дальнѣйшей дѣятельности въ томъ же направленіи, снова было оторвано отъ Академіи Наукъ и, преобразованное въ прежнемъ смыслѣ, сдѣлалось бы опять чѣмъ-то въ родѣ Россійской Академіи? Какую же практическую задачу могло бы имѣть такое довольно многолюдное общество, составленное изъ ученыхъ и литераторовъ? Блюсти чистоту языка? Языкъ очищается и развивается независимо отъ Академій и даже наперекоръ имъ: двигатели его — во-первыхъ, все образованное общество, во-вторыхъ — даровитые и мыслящіе писатели, пріобрѣтающіе авторитетъ не званіемъ академиковъ, а своимъ дѣйствіемъ на публику. Ломоносовъ создалъ русскій письменный языкъ совсѣмъ не въ качествѣ академика, а какъ геніальный писатель; Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ носили, правда, званіе академиковъ, но свой литературный подвигъ совершили они помимо Россійской Академіи; Шишковъ былъ не только академикомъ, но даже президентомъ Академіи, и однакожъ въ борьбѣ съ Карамзинымъ не онъ остался побѣдителемъ. Карамзинская школа никогда не составляла корпораціи, но народное чувство и признаніе сказались за нее. Славяно-русскія крайности Шишкова, въ дѣятельности котораго нельзя впрочемъ отрицать и пользу, принимались съ восторженнымъ одобреніемъ всею Россійскою Академіей; для поддержанія ихъ онъ создалъ еще и другую Академію, — Державинскую Бесѣду; однакожъ

неакадемическій *Арзамасъ* покрылъ ихъ позоромъ и смѣхомъ. Вотъ какимъ стражемъ языка была Россійская Академія и будетъ окончательно всякая другая съ тою же задачей.

Или новая преемница Екатерининской Академіи должна бы сдѣлаться законодательницею вкуса, судилищемъ современной литературы, — раздавать награды за лучшія сочиненія, возводить въ званіе таланта и генія? Но какими средствами литературная Академія могла бы выполнять такую роль, которая, какъ дознано опытомъ всѣхъ народовъ, принадлежитъ опять-таки цѣлому обществу и болѣе никому? Французская академія была основана между прочимъ съ такою идеей, но и посреди націи, склонной подчиняться условнымъ законамъ вкуса и приличія, она могла только отчасти осуществить эту идею. Она предлагала темы для описательныхъ и нравоучительныхъ поэмъ, панегириковъ и драмъ, и за выполненіе ихъ раздавала преміи; но славу писателямъ раздавала все-таки нація, а не она. Ея главная и всѣми признанная заслуга заключается все-таки въ учено-лингвистическомъ подвигѣ — въ составленіи словаря. Однакожъ и въ этомъ трудѣ успѣху ея повредили два обстоятельства: разнохарактерный составъ академіи и задача *установить* языкъ. Эта послѣдняя цѣль могла быть достигнута только временно: чопорные французы вѣка Людовика XIV и ближайшихъ къ нему поколѣній, правда, признали въ языкѣ авторитетъ академіи, но напослѣдокъ нація переросла ее: французскій языкъ въ нынѣшнемъ столѣтіи отбился отъ самозванной законодательницы своей и заставилъ ее передѣлать свой словарь такъ, какъ хотѣла нація. Затѣмъ, какъ судилище вкуса, французская академія никогда не имѣла большого значенія. У нѣмцевъ, всегда ставившихъ выше всего свободу и самостоятельность мысли, академія этого рода была бы невозможна и дѣйствительно никогда не возникала. И въ Россіи подобное учрежденіе едва-ли было бы сообразно съ направленіемъ, въ какомъ идетъ у насъ развитіе языка и литературы. Да и вездѣ академіи, какъ руководительницы вкуса и таланта, должны встрѣчать въ своей дѣятельности большія затрудненія и неудачи. Въ наше время литературная Академія была бы столько же мало полезна для общества, сколько и для самихъ писателей. Въ дѣлахъ вкуса окончательный приговоръ публики всегда будетъ вѣрнѣе суда академическаго. Литературная Академія можетъ быть благопріятна для успѣха посредственныхъ дарованій; но хорошій романистъ, драматургъ или поэтъ не нуждается ни въ званіи академика для успѣха своихъ произведеній, ни въ одобреніяхъ и наградахъ Академіи для оживленія своей дѣятельности: его поддерживаетъ, его вознаграждаетъ публика, — это верховное судилище таланта и искусства. Любопытно, что эту истину понималъ отчасти самъ Шишковъ, представлявшій себѣ Россійскую Академію стражемъ языка: давая ей самую смѣшанную орга-

низацію, составленную изъ ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ, онъ въ написанномъ для нея уставѣ выразилъ однакожъ мысль, что ученые труды „не приносятъ ни той славы, ни тѣхъ выгодъ", какъ произведенія таланта и вкуса, и потому должны пользоваться особенною поддержкой и одобреніемъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что учрежденіе, посвященное языку и литературѣ, только въ такомъ случаѣ можетъ приносить дѣйствительную пользу, если будетъ имѣть задачею не мечтательное очищеніе или установленіе языка, не мнимую опеку надъ литературой, а изслѣдованіе ихъ во всѣхъ направленіяхъ, ученую разработку ихъ путемъ историко-филологическихъ трудовъ. Такая дѣятельность не можетъ считаться чуждою наукѣ, такое учрежденіе не только не въ противорѣчіи съ назначеніемъ Академіи Наукъ, но и необходимо въ средѣ ея для того, чтобъ упрочить ея связь съ обществомъ, чтобы дать ей вполнѣ національное и жизненное значеніе. Если въ русской Академіи Наукъ, наряду съ астрономіей, біологіей, химіей и т. п., находятъ достойное мѣсто языки инородцевъ, то не должна ли славяно-русская филологія тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ и въ несравненно бо́льшихъ размѣрахъ входить въ кругъ дѣятельности этой Академіи? Не есть ли русская Академія Наукъ, по самому призванію своему, естественная покровительница славяно-русской филологіи, которая только въ Россіи и можетъ быть воздѣлываема съ надлежащею полнотой и многосторонностью? Пренебреженная здѣсь, въ какой странѣ образованнаго міра найдетъ себѣ пріютъ эта отрасль языкознанія? Правда, что она, особливо въ соединеніи съ русскою исторіей, могла бы доставить довольно пищи для дѣятельности цѣлой отдѣльной Академіи, довольно задатковъ для самостоятельнаго существованія такого учрежденія; но для самой Академіи Наукъ важно сохранить Отдѣленіе славяно-русской филологіи. Предлагаемая взаимная эманципація Академіи и нынѣшняго Второго Отдѣленія ея не составила бы для послѣдняго слишкомъ чувствительной перемѣны; но для Академіи она едва-ли была бы событіемъ желательнымъ и благовиднымъ. Что касается до Отдѣленія, то оно, оглядываясь на свою двадцати-пяти-лѣтнюю дѣятельность, смѣетъ думать, что, несмотря на несовершенство скромныхъ трудовъ своихъ, оно пріобрѣло нѣкоторое право на будущность. И оно твердо увѣрено въ своей будущности, что́ бы ни предстояло ему, продолженіе ли нынѣшняго существованія, или полное объединеніе съ Академіей. На мысль же о возможности исключить русское Отдѣленіе изъ Академіи Наукъ, оно можетъ спокойно повторить отвѣтъ Ломоносова на угрозу Шувалова отставить его отъ Академіи: „Развѣ Академію отъ меня отставятъ".

III.

КЪ СТОПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ [1]).

(29 декабря 1876).

Первая мысль при настоящемъ торжествѣ Академіи Наукъ невольно обращается къ великому Основателю ея. Ясно сознавая значеніе науки для всѣхъ отраслей государственной жизни, Петръ I давно лелѣялъ въ душѣ своей мечту объ этомъ учрежденіи, но только за годъ до своей кончины успѣлъ онъ положить твердое начало осуществленію ея и тѣмъ увѣнчать свои неусыпныя попеченія и труды на благо Россіи. Ему самому не было суждено привести въ дѣйствіе любимую мысль свою, но завѣтъ его былъ свято исполненъ и заботливо хранимъ Августѣйшими его преемниками. Съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монархамъ, подъ могущественнымъ покровомъ которыхъ наша Академія росла и развивалась, возобновимъ сегодня въ памяти нѣкоторыя черты ея прошлаго.

Первоначально Академія наша, по тогдашнему состоянію просвѣщенія въ Россіи, не могла имѣть цѣлію служеніе чистой наукѣ. Петръ Великій имѣлъ въ виду основать въ ней не ученое общество только, но и разсадникъ преподавателей для будущихъ училищъ; она должна была и сама вмѣщать въ себѣ учебное заведеніе. Для достиженія своей цѣли Петръ прибѣгнулъ къ тому же средству, какое употреблялъ для пріобрѣтенія дѣятелей по государственной службѣ, т. е. къ вызову иностранцевъ, которые бы могли сдѣлаться наставниками или образцами природныхъ русскихъ и приготовить ихъ къ самостоятельной дѣятельности въ будущемъ. Съ этою-то мыслью онъ на докладѣ объ учрежденіи Академіи приписалъ своею рукой: „Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить“.

Приглашенные Петромъ Великимъ ученые начали съѣзжаться только по кончинѣ его. Посредникомъ при вызовѣ ихъ былъ лейбъ-медикъ Блументростъ, назначенный вскорѣ первымъ президентомъ Академіи. Онъ же представилъ новоприбывшихъ императрицѣ Екатеринѣ I во дворцѣ Лѣтняго сада. Пріемъ имъ былъ самый милостивый, какого, по выраженію современника, могли только ожидать важнѣйшіе изъ

---

[1]) Рѣчь, составленная Я. К. Гротомъ и читанная президентомъ академіи графомъ Литке въ торжественномъ юбилейномъ собраніи. „Записки Имп. Акд. Н.“, т. 29, 1877.

посланниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались собранія академиковъ въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ. Одно изъ засѣданій удостоилось присутствія императрицы, сидѣвшей на томъ самомъ тронѣ, съ котораго Петръ Великій торжественно принималъ иностранныхъ пословъ и который на этотъ случай былъ нарочно перенесенъ изъ Сената.

Естественно, что первоначальное развитіе Академіи было въ зависимости отъ состоянія тогдашняго русскаго общества. Ей пришлось посвящать значительную долю своей дѣятельности на удовлетвореніе практическихъ нуждъ, на изданіе газетъ и календарей, на обученіе юношества въ Академической гимназіи, на составленіе проектовъ и рисунковъ иллюминацій, на сочиненіе стиховъ для придворныхъ празднествъ. По послѣднимъ двумъ назначеніямъ Академія имѣла даже особаго спеціалиста, профессора аллегоріи Штелина, бывшаго наставникомъ великаго князя Петра Ѳедоровича. Тогда же, такъ какъ Академіи Художествъ еще не было, при Академіи Наукъ явились разныя техническія производства и начатки изящныхъ искусствъ въ принадлежавшихъ ей обширныхъ мастерскихъ.

Несмотря на такой смѣшанный характеръ ея дѣятельности и на неизбѣжное преобладаніе въ тогдашнемъ составѣ ея иностраннаго элемента, Академія Наукъ съ самаго начала не теряла изъ виду своего призванія способствовать къ изученію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, къ собиранію положительныхъ о ней данныхъ по разнымъ отраслямъ знанія. Съ этою цѣлью, уже черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Академіи, снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь, совершонная особенно академиками Гмелиномъ, Миллеромъ, Фишеромъ, Стеллеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ, вызваннымъ Академіею изъ Москвы. Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и обогатила науку множествомъ важныхъ извѣстій и открытій, изданіе которыхъ составило эпоху въ лѣтописяхъ не только Академіи, но и вообще науки.

Наступившее вслѣдъ за тѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось въ нашемъ учрежденіи разностороннею дѣятельностью геніальнаго Ломоносова, перваго русскаго академика и писателя. Вскорѣ мы видимъ между членами Академіи уже и другихъ русскихъ ученыхъ, наприм. Крашенинникова, Попова, Румовскаго. Кромѣ ученыхъ трудовъ, по особенному повелѣнію Государыни, печатались также изготовлявшіеся при Академіи русскіе переводы книгъ для легкаго чтенія. Въ 1754 году исторіографъ Миллеръ основалъ первый на русскомъ языкѣ учено-литературный журналъ „Ежемѣсячные сочиненія и переводы“; онъ издавался при Академіи тѣмъ же ученымъ десять лѣтъ и составляетъ въ исторіи русской журналистики весьма замѣчательное явленіе.

Стремленіе примѣнять труды Академіи къ пользамъ Россіи еще

усилилось въ царствованіе Екатерины II. Какъ достойная преемница Петра Великаго, она не могла не питать особеннаго сочувствія къ высокимъ цѣлямъ его въ созданіи этого учрежденія. Еще бывъ великою княгиней, Екатерина II не разъ обращалась къ пособіямъ Академіи Наукъ. По вступленіи на престолъ, она удостоила своимъ присутствіемъ первое послѣ того торжественное собраніе, приняла Академію въ свое непосредственное вѣдѣніе и, учредивъ для управленія ею должность директора, требовала отъ него ежемѣсячныхъ экономическихъ вѣдомостей. Съ этого времени Академія считаетъ начало новаго періода своего существованія. Она никогда не забудетъ, какое близкое участіе императрица удостоивала принимать въ ея дѣлахъ, слѣдя за трудами академиковъ, изъ коихъ нѣкоторые были ей лично извѣстны, и иногда возлагая на нихъ ученыя работы; такъ, напр., академикъ Миллеръ, по ея порученію, написалъ исторію русскаго дворянства, а Палласу ввѣрено было ею окончаніе сравнительныхъ словарей, которыми прежде занималась сама государыня. Не можетъ быть также забыто, что ей русская исторія обязана удержаніемъ при Академіи Шлецера, оказавшаго этой наукѣ столь незабвенныя услуги. Особенно же памятно, что императрица, узнавъ о предстоявшемъ прохожденіи планеты Венеры передъ солнцемъ, прежде нежели гдѣ-либо въ Европѣ приняты были мѣры для наблюденій надъ этимъ явленіемъ, сама возымѣла мысль снарядить по этому поводу нѣсколько экспедицій въ разные концы Россіи и написала о томъ директору Академіи графу Владиміру Орлову. Предпринятыя вслѣдствіе того обширныя ученыя путешествія нѣсколькихъ академиковъ и избранныхъ государынею стороннихъ астрономовъ, а также и результаты этихъ путешествій въ трудахъ Палласа, Лепехина, Георги, Озерецковскаго и др., такъ извѣстны, что излишне было бы распространяться о нихъ. Въ то время число русскихъ членовъ Академіи уже значительно увеличилось: мы находимъ между ними столь знакомыя ученому міру имена Иноходцева, Котельникова, Протасова, Севергина и др. Назначенная директоромъ Академіи княгиня Дашкова вполнѣ оправдала этотъ необыкновенный выборъ, умѣла своимъ личнымъ участіемъ въ трудахъ академиковъ оживить ихъ дѣятельность, старалась доставить этому учрежденію вліяніе на общество установленіемъ публичныхъ чтеній на русскомъ языкѣ и періодическими изданіями, которыми сама завѣдывала.

Первое пятидесятилѣтіе Академіи совершилось въ счастливый моментъ, когда Россія, послѣ многолѣтней войны съ Турціей и внутреннихъ бѣдствій, начинала оправляться среди благъ мира и спокойствія. Незадолго передъ тѣмъ въ Царскомъ семействѣ отпраздновано было бракосочетаніе наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича съ великою княгинею Маріею Ѳеодоровной. Августѣйшіе новобрачные почтили своимъ присутствіемъ этотъ первый юбилей Академіи.

Сама императрица не могла исполнить своего передъ тѣмъ ею выраженнаго намѣренія также посѣтить по этому случаю Академію. Избранный ею для этого день, 29-е декабря, сдѣлался навсегда знаменательнымъ въ жизни Академіи, служа съ тѣхъ поръ днемъ ея годовыхъ торжественныхъ собраній.

По воцареніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, императора Александра Павловича, президентомъ Академіи назначенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ государя, Новосильцовъ. Вскорѣ ей былъ дарованъ новый уставъ, значительно расширившій ея дѣятельность, которая получила еще большее оживленіе съ назначеніемъ въ 1818 г. графа Уварова въ президенты.

По особенно счастливой для Академіи случайности, столѣтняя годовщина ея основанія совпала съ началомъ достославнаго царствованія императора Николая Павловича. Никогда еще Академія не имѣла счастія привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго и блестящаго собранія августѣйшихъ особъ: ее удостоили своимъ посѣщеніемъ ихъ императорскія величества государь императоръ Николай Павловичъ, государыни императрицы Александра Ѳеодоровна и Марія Ѳеодоровна, ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ великій князь Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ съ супругою, великою княгинею Еленою Павловною. Особенно отрадныя чувства возбуждало присутствіе вдовствующей императрицы, которая, за полстолѣтія передъ тѣмъ явившись на торжествѣ науки лучезарною звѣздою, во всемъ блескѣ юности и красоты, теперь, на склонѣ дней своихъ, снова посѣтила Академію въ сіяніи неувядаемой славы совершонныхъ ею христіанскихъ подвиговъ. Чтобы увѣковѣчить память столь необыкновенно-радостнаго событія, Академія испросила всемилостивѣйшее дозволеніе выбить особую золотую медаль, которая и была поднесена императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ депутаціею академиковъ въ день рожденія ея величества, 14 октября 1827 года.

Столѣтній юбилей Академіи былъ для нея какъ-бы свѣтлою зарею послѣдовавшихъ лѣтъ. Благодаря великодушному, постоянно милостивому покровительству императора Николая, созданіе Петра Великаго скоро достигло цвѣтущаго состоянія и утвердило свое право на общее уваженіе въ Европѣ. Многія монументальныя предпріятія въ области науки совершились, къ славѣ Россіи, подъ скипетромъ Николая I, во вторую четверть нашего вѣка, и значительная часть ихъ совершилась при Академіи Наукъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приращенію ея средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, къ увеличенію ея научныхъ силъ. Съ дарованіемъ ей новаго устава въ 30-хъ годахъ, въ ней явились новыя каѳедры, музеи обогатились значительными пріобрѣтеніями, зданія обновились и расширились. Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ улучшеній съ одной стороны и успѣховъ общаго

образованія съ другой, установилась болѣе тѣсная связь между Академіею и обществомъ.

Развитіе дѣятельности Академіи продолжалось, на тѣхъ же основаніяхъ, и въ послѣдній періодъ полуторавѣкового ея существованія, начавшійся со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора и почти одновременнымъ назначеніемъ, по смерти графа Уварова, новаго президента Академіи въ лицѣ просвѣщеннаго сановника и писателя, графа Блудова. И въ послѣдовавшіе, по кончинѣ его, годы Академія не переставала испытывать, во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни, благотворное дѣйствіе монаршаго вниманія къ нуждамъ своимъ и къ пользамъ науки. Однимъ изъ отличительныхъ явленій въ жизни Академіи за это время былъ рядъ небывалыхъ прежде въ стѣнахъ ея торжественныхъ собраній въ память великихъ русскихъ дѣятелей: Петра Великаго, Ломоносова, Карамзина и Крылова.

Послѣ этого краткаго очерка минувшихъ судебъ Академіи, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ настоящей радостной минутѣ. Не видимъ ли въ ней утѣшительнаго доказательства, что Академія Наукъ и въ наши дни осчастливлена драгоцѣннымъ благоволеніемъ Августѣйшаго своего Покровителя? Не служитъ ли прекраснѣйшимъ для нея предзнаменованіемъ вожделѣнное присутствіе возлюбленнаго Монарха при вступленіи ея въ новое полустолѣтіе ея существованія? Этотъ торжественный мигъ переноситъ насъ за 50 лѣтъ назадъ, когда Академія въ первый разъ удостоилась привѣтствовать Васъ, Государь, въ своей средѣ. Между нами нѣтъ уже никого изъ имѣвшихъ тогда счастіе присутствовать въ этихъ стѣнахъ; но Академія съ умиленіемъ хранитъ о томъ память; нынѣ же, съ неизреченною благодарностью занесетъ она въ свои лѣтописи, что чрезъ полвѣка Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, среди важнѣйшихъ государственныхъ заботъ, вспомнить тотъ незабвенный для насъ день и снова принять милостивое участіе въ скромномъ Академическомъ празднествѣ. Осмѣлюсь, въ заключеніе, прочесть строки, напечатанныя въ отчетѣ о тогдашнемъ торжественномъ собраніи: „Сердца всѣхъ исполнялись живѣйшею надеждою при воззрѣніи на Царственнаго Отрока, нынѣ радость Отечества составляющаго, а нѣкогда его славу, и Онъ Своимъ присутствіемъ на торжествѣ пробудилъ въ душахъ радостное предчувствіе о Своемъ будущемъ покровительствѣ наукамъ, для блага Отечества“. — Исполнилось ли это предчувствіе? Отвѣтъ на то вписанъ неизгладимыми чертами въ сердца всѣхъ насъ, какъ и въ исторію русскаго просвѣщенія.

IV.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ [1]).

1891.

Высочайшій Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія подписанъ императоромъ Николаемъ въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 года. Тогда же утверждено государемъ и Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Поэтому день пятидесятилѣтія Отдѣленія падалъ, собственно, на 19-ое октября 1891 года. Но такъ какъ ко дню памятованія слiянія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ должны были поспѣть разныя изданія, то оказывалось необходимымъ продлить срокъ ихъ приготовленія, къ чему представлялся весьма уважительный поводъ въ томъ обстоятельствѣ, что засѣданія второго Отдѣленія, по учрежденіи его, начались только въ 20-хъ числахъ декабря 1841 года. Въ виду этого рѣшено было перенести полувѣковой юбилей Отдѣленія на 29-ое декабря, какъ день, празднуемый ежегодно въ память основанія и самой Академіи Наукъ.

Въ этотъ день большая конференцъ-зала къ часу пополудни быстро наполнилась публикою, среди которой находились: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ и товарищъ его князь М. С. Волконскій, члены Государственнаго Совѣта: гр. Н. П. Игнатьевъ, К. Н. Посьетъ, А. Е. Тимашевъ и П. И. Саломонъ; почетный опекунъ И. П. Карниловъ, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ, архіепископы: Сергій и Ѳеогностъ и епископъ Никандръ, настоятель Казанскаго собора А. А. Лебедевъ, писатели: А. Н. Майковъ, Д. В. Григоровичъ и мн. др. Было и довольно много дамъ.

На эстрадѣ передъ каѳедрой занялъ свое кресло Августѣйшій президентъ Академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ. Возлѣ Его Высочества помѣстились: съ правой стороны,—вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ, съ лѣвой — непремѣнный секретарь А. А. Штраухъ. По обѣимъ сторонамъ отъ эстрады размѣстились академики всѣхъ трехъ Отдѣленій. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и сло-

---

[1]) Сборникъ Отд. рус. яз. и сл., т. 53, 1892 г.

весности, ординарный академикъ Я. К. Гротъ, взойдя на каѳедру, произнесъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, помѣщаемую ниже рѣчь.

По окончаніи ея прочитаны были имъ же слѣдующія на имя Отдѣленія присланныя привѣтственныя телеграммы:

Отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, изъ Тифлиса:

„Привѣтствую Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ отъ Кавказскаго учебнаго округа и лично отъ себя по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его дѣятельности, столь полезной по научной разработкѣ русскаго языка и литературы, съ пожеланіемъ ему и дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукѣ“.

Отъ С. И. Пономарева, изъ Конотопа:

„Много лѣтъ пользуясь трудами Отдѣленія, благодарно приношу ему почтительный привѣтъ съ полустолѣтнимъ славнымъ праздникомъ; онъ навѣваетъ прекрасныя воспоминанія, и много милыхъ тѣней возстаетъ“.

Отъ академика Н. С. Тихонравова, изъ Москвы:

„Ко дню торжественнаго собранія приношу Второму Отдѣленію Академіи Наукъ искреннее поздравленіе съ недавно истекшимъ пятидесятилѣтіемъ его дѣятельности на пользу русскаго языка и словесности“.

Отъ академика И. В. Ягича, изъ Вѣны:

„Hommages, félicitations à notre classe pour heureux accomplissement de cinquante ans d'activité pleine de succès. Vivat, crescat, floreat!“

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 годъ [1].

23 декабря 1841 года въ стѣнахъ Академіи Наукъ, просуществовавшей тогда стопятнадцать лѣтъ, происходило первое засѣданіе новаго въ составѣ ея учрежденія — Отдѣленія русскаго языка и словесности. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ. Отдѣленіе охотно соблюдаетъ обычай бросить взглядъ на свое прошлое, чтобы извлечь изъ него нѣсколько воспоминаній о своей дѣятельности, могущихъ заинтересовать

[1]) Рѣчь на 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ Отдѣленія (29 дек. 1891 г.).

просвѣщенныхъ соотечественниковъ, чтобы въ то же время уяснить самому себѣ, насколько оно исполнило свое назначеніе.

Начать говорить о нашемъ Отдѣленіи нельзя, не коснувшись напередъ его родоначальницы, Россійской Академіи; но такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю исполнившагося столѣтія съ основанія Россійской Академіи, ей посвящено было особое засѣданіе, въ которомъ нашъ почтенный сочленъ М. И. Сухомлиновъ подробно разсмотрѣлъ ея судьбы, то мы сегодня можемъ удовольствоваться краткой ея характеристикой. Учрежденная Екатериною II по образцу Французской Академіи, она обязана была *очищать*, *обогащать* и *установлять* языкъ; для выполненія же этой задачи даны ей были такія силы, изъ которыхъ только весьма немногія были въ состояніи существенно послужить на пользу языка. Академія была составлена изъ 60-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и разнороднаго образованія: тутъ были представители высшаго духовенства, гражданскіе и военные сановники, писатели, поэты и лишь нѣсколько ученыхъ изъ числа членовъ Академіи Наукъ. Тѣмъ не менѣе возложенная на Россійскую Академію первая и главная задача — составленіе словаря — была выполнена, по отношенію ко времени, довольно удачно и притомъ въ сравнительно короткій срокъ: черезъ 11-ть лѣтъ словарь былъ уже не только составленъ, но и изданъ. Въ началѣ новаго столѣтія Академія издала и грамматику. Но въ остальное время своего почти 60-тилѣтняго существованія Россійская Академія не держалась никакой опредѣленной программы. Ея періодическія и другія изданія не имѣли никакой ясно сознанной цѣли. Одинъ изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ, въ выборѣ авторовъ для перевода, господствовала случайность. Болѣе положительнымъ направленіемъ отличались собственные, но, къ сожалѣнію, крайне неудачные труды по корнесловію послѣдняго президента Академіи, Шишкова. Правда, позднѣйшій періодъ ея существованія ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами: она вступила въ сношенія съ западно-славянскими учеными, издала Иліаду въ переводѣ Гнѣдича, Ключъ Строева къ исторіи Карамзина, отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію и оказала матеріальную поддержку автору извѣстнаго Корнеслова, Шимкевичу. Но, вообще говоря, дѣятельность Россійской Академіи и тогда не имѣла ни научнаго характера, ни литературнаго значенія. Считая себя призванною быть „стражемъ языка“ и „наставницей возрастающаго юношества“, она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и влачила едва замѣтное существованіе.

Такое состояніе указывало на необходимость коренного преобразованія Россійской Академіи. Поводомъ къ упраздненію ея послужила смерть ея престарѣлаго президента, скончавшагося 10 апрѣля 1841 г.

На докладѣ министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова, о смерти Шишкова императоръ Николай написалъ: „Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ". Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ учредить три академіи, а именно Академію Наукъ въ тѣсномъ смыслѣ (sciences exactes), Академію русской словесности и Академію исторіи и филологіи. Всѣ три академіи должны были составлять одно цѣлое подъ названіемъ: „Императорскія Соединенныя Академіи". Но Государь не одобрилъ этого проекта и повелѣлъ, подъ общимъ названіемъ Академіи Наукъ, образовать три Отдѣленія, между которыми Отдѣленію русскаго языка и словесности назначилъ центральное мѣсто. Вслѣдствіе того учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго вице-президента Академіи Наукъ, кн. Дондукова-Корсакова, комитетъ изъ двухъ членовъ бывшей Россійской Академіи и двухъ же членовъ Академіи Наукъ. Государь находилъ, что дѣло ведется медленно и на одномъ изъ докладовъ министра написалъ: „Пора кончить съ дѣломъ Академіи. Я все жду". 14-го октября 1841 г. написаны были эти слова, а 19-го того же мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія. Тогда же было утверждено Государемъ и Положеніе объ этомъ Отдѣленіи. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнохарактернымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло, главнымъ образомъ, въ изслѣдованіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, приданы еще изящная словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Россійской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены Отдѣленія, остальные получили званіе почетныхъ его членовъ съ правомъ участвовать въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ составъ Отдѣленія все еще былъ довольно многочисленный и притомъ разнохарактерный, такъ какъ въ числѣ его членовъ были два, впрочемъ отсутствующіе, іерарха (Филаретъ, митрополитъ московскій, и Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій), поэты: Жуковскій, кн. Вяземскій, Крыловъ и Вл. Панаевъ, а между учеными, каковы были: Арсеньевъ, Языковъ, Бередниковъ, Плетневъ и другіе, только одинъ, именно А. Х. Востоковъ, былъ въ строгомъ смыслѣ филологъ. При такомъ смѣшанномъ составѣ, Отдѣленіе получило организацію, совершенно отличную отъ внутренняго устройства другихъ Отдѣленій, и только впослѣдствіи, самою силою вещей, оно могло мало-по-малу выработать въ себѣ большее единство элементовъ, сообразное съ его назначеніемъ.

Согласно съ возложенною на него обязанностію и по примѣру

Россійской Академіи, Отдѣленіе прежде всего приступило къ изготовленію новаго изданія словаря, при чемъ опять рѣшено было обнять въ этомъ трудѣ не только всѣ періоды русскаго языка, начиная съ самаго древняго, но и церковнославянскій языкъ. Положивъ въ основаніе словарь Россійской Академіи, Отдѣленіе уже заранѣе опредѣлило въ точности объемъ и раздѣленіе своего труда: онъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ частей, и составленіе каждой части поручено двумъ академикамъ. Въ каждое засѣданіе (а засѣданія происходили то по одному, до по два раза въ недѣлю) члены приносили корректурные листы, которые цѣликомъ прочитывались, подвергались обсужденію присутствующихъ и затѣмъ сообщались нѣсколькимъ академикамъ другихъ двухъ Отдѣленій и немногимъ постороннимъ ученымъ. Что касается примѣровъ изъ писателей, въ видѣ подтвержденія объясненій словъ, то Отдѣленію казалось, что они не такъ нужны для новаго языка, какъ для древняго, почему главныя старанія участвовавшихъ въ работѣ, именно академиковъ: Бередникова, Буткова и Полѣнова, и были направлены къ извлеченію примѣровъ изъ старинныхъ актовъ и церковныхъ книгъ. Составленный такимъ образомъ словарь печатался въ числѣ 5000 экземпляровъ и изданъ уже въ 1847 г. подъ заглавіемъ: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка". Графъ Уваровъ поспѣшилъ поднести его Государю, и Отдѣленію выражена была Высочайшая благодарность.

Одновременно съ словаремъ предпринято было составленіе русской грамматики, и такъ какъ за это дѣло взялся членъ Отдѣленія, занимавшій каѳедру въ Московскомъ университетѣ, именно И. И. Давыдовъ, то въ Москвѣ учреждена была временная комиссія, въ которую назначены еще три проживавшіе тамъ академика, Погодинъ, П. М. Строевъ и Шевыревъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этой комиссіи являлся предсѣдатель ея, Давыдовъ. Грамматика его издана была въ 1851 году подъ заглавіемъ: „Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка" и потомъ перепечатывалась еще два раза. Задумавъ положить въ основаніе своего труда, съ одной стороны, заимствованную у Беккера ложную теорію организма языка, а съ другой—сравнительно-историческій методъ, на которомъ построена грамматика Гримма, Давыдовъ не былъ въ состояніи провести ни того, ни другого начала, и грамматика его не пріобрѣла значенія ни въ ученомъ, ни въ педагогическомъ мірѣ. Съ переводомъ его, въ 1847 г., въ Петербургъ, на должность директора Главнаго Педагогическаго института, московская комиссія была закрыта.

Въ 1845 году Отдѣленіе предприняло новый коллективный трудъ. Доставленный капитанъ-лейтенантомъ С. И. Зеленымъ списокъ областныхъ словъ подалъ Отдѣленію поводъ принять мѣры къ собранію подобныхъ реченій изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Для этой цѣли оно

обратилось къ директорамъ губернскихъ гимназій, и въ непродолжительномъ времени получило отъ нихъ обширные списки областныхъ словъ. Приведеніе этихъ матеріаловъ въ порядокъ, обработка ихъ и приготовленіе къ изданію въ видѣ словаря было поручено Востокову. Въ теченіе нѣсколькимъ лѣтъ разсмотрѣніе этихъ словъ занимало большую часть засѣданій Отдѣленія, и результатомъ былъ изданный въ 1852 г. „Опытъ областного великорусскаго словаря". Важность этого труда для русской филологіи была оцѣнена всѣми знатоками отечественнаго языка. Отдѣленіе просило ихъ отзывовъ и въ издававшихся имъ „Извѣстіяхъ" явились статьи наиболѣе уважаемыхъ въ то время русскихъ филологовъ, которые объяснили значеніе этого словаря для будущихъ успѣховъ изученія отечественнаго слова. Какимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей лексикографіи былъ областной словарь, доказалъ между прочимъ явившійся впослѣдствіи „Толковый словарь" Даля, обязанный значительною частью своего громаднаго матеріала Областному словарю Академіи, къ которому въ 1858 году присоединилось еще „Дополненіе", обработанное также подъ редакціею Востокова.

Это славное имя подаетъ намъ поводъ посвятить нѣсколько словъ памяти старѣйшаго изъ нашихъ бывшихъ сочленовъ. Кому не извѣстны главныя черты біографіи уроженца острова Эзеля, Остенека, принявшаго въ молодости имя Востокова и сдѣлавшагося свѣтиломъ славянской филологіи для всѣхъ народностей этого племени? Востокову шелъ уже 62-й годъ, когда онъ, какъ лучшее достояніе Россійской Академіи, вмѣстѣ съ нею перешелъ въ составъ Академіи Наукъ. Я засталъ его уже 74-лѣтнимъ сѣдовласымъ старцемъ, отличавшимся необычайною скромностью и молчаливостью. Послѣднее свойство было слѣдствіемъ природнаго недостатка рѣчи, который въ значительной степени благопріятствовалъ его ученому призванію, заставляя его избѣгать общества и сосредоточиваться исключительно въ кабинетной жизни. При поступленіи моемъ въ Академію на четырнадцатомъ году существованія Отдѣленія, Востоковъ, который по старой привычкѣ, перенесенной имъ изъ Россійской Академіи, не пропускалъ ни одного засѣданія, каждый разъ приносилъ съ собой приготовленныя имъ къ печати въ алфавитномъ порядкѣ слова для Областного словаря. Эти слова читались имъ и обсуждались прочими членами, которые или одобряли ихъ безусловно, или принимали съ оговорками и измѣненіями, или наконецъ совсѣмъ отвергали ихъ. Такого рода редакціонныя задачи, возлагавшіяся на Востокова, сильно отвлекали его отъ составлявшихъ настоящее призваніе его занятій церковнославянскою филологіей. Такимъ же образомъ ему прежде, при составленіи общаго академическаго словаря, поручена была редакція 2-го тома. Передъ тѣмъ однакожъ, вскорѣ послѣ учрежденія Отдѣленія, именно въ 1842 г., онъ успѣлъ окончить два

капитальные труда: изданіе Остромирова Евангелія, напечатаннаго насчетъ Академіи Наукъ, и Описанія рукописей Румянцовскаго музея. Мы знаемъ, въ какомъ близкомъ отношеніи Востоковъ, въ качествѣ хранителя, стоялъ къ этой богатой сокровищницѣ памятниковъ древности, благодаря проницательности просвѣщеннаго мецената, рано понявшаго, чего можно ожидать отъ этого великаго подвижника науки. Извѣстно, какъ Востоковъ, получившій скудное воспитаніе сперва въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи Художествъ, думавшій избрать своей спеціальностью архитектуру, въ то же время страстно предавался поэзіи, но, повинуясь неодолимому влеченію къ филологіи, скоро изучилъ славянскія нарѣчія и древніе языки и сдѣлался глубокимъ изслѣдователемъ первыхъ. Въ 1820 году, когда ему было 40 лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ геніальнымъ „Разсужденіемъ о церковно-славянскомъ языкѣ“, которымъ впервые указалъ на нѣсколько основныхъ законовъ этого языка и разомъ затмилъ извѣстнаго славянскаго филолога того времени, чеха Добровскаго. Въ ту именно пору, когда въ московскомъ ученомъ журналѣ появился этотъ знаменитый трудъ Востокова, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано, при главномъ участіи президента Россійской Академіи Шишкова, не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ корнесловныхъ измышленіяхъ Шишкова. При этомъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ характера Востокова, — его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ: „Благодарю васъ при семъ особенно за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ, коими ваше прев. изволили почтить меня въ письмѣ вашемъ... Я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Рос. Ак. глубокія изслѣдованія ваш. пр. по части словопроизводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академиковъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ“. Это свойство Востоковъ сохранилъ и въ старости. Высоко цѣнившій славнаго сотоварища, академикъ Срезневскій, въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ заслугъ Востокова [1]), приписываетъ этой чертѣ его характера слабую сторону трудовъ, совершенныхъ имъ по части русской и церковнославянской грам-

---

[1]) См. „Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова“, въ изданіи: *Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1864 года*, in-4⁰. Спб. 1865.

матики. Срезневскій полагаетъ, что Востоковъ внесъ бы въ эти труды гораздо болѣе новаго, бо́льшую обстоятельность и полноту, еслибъ не опасался войти чрезъ то въ столкновеніе съ извѣстными представителями старой рутинной грамматики. Срезневскій тѣмъ не менѣе высоко ставитъ изданные Востоковымъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни краткую церковно-славянскую грамматику и церковно-славянскій словарь. Его собственно-филологическія изслѣдованія собраны были Срезневскимъ и изданы имъ подъ заглавіемъ: „Филологическія наблюденія“ Востокова. Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскій почтилъ его память, было собраніе его переписки, главнымъ образомъ съ гр. Румянцовымъ. Въ заключеніи своего обзора трудовъ Востокова Срезневскій говоритъ между прочимъ: „Сводя въ общемъ все, что сдѣлано было Востоковымъ въ продолженіе почти 60-ти лѣтъ, нельзя забыть, что почти во все это время онъ оставался одинаково дѣятельнымъ. Только болѣзнь и въ послѣднее время ослабленіе зрѣнія могли его заставить отложить трудъ. Онъ такъ привыкъ трудиться, что безъ труда скучалъ, что читалъ всегда, когда приличіе позволяло, при гостяхъ и въ гостяхъ, и дѣлалъ письменныя замѣтки и тогда, когда уже, по ослабленіи зрѣнія, не могъ слѣдить за писаннымъ“.

Срезневскій принадлежалъ Отдѣленію 31 годъ и въ лѣтописяхъ его долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Востоковымъ. Блестящимъ появленіемъ Срезневскаго на поприщѣ славяновѣдѣнія наука обязана одной изъ самыхъ плодотворныхъ мѣръ министерства гр. Уварова — учрежденію при русскихъ университетахъ каѳедръ исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Это было въ 1835 году. Срезневскій, кончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, когда ему было только 17 лѣтъ, готовился сначала къ преподаванію статистики и политической экономіи, и уже въ званіи адъюнкта съ громкимъ успѣхомъ читалъ лекціи по этимъ предметамъ, но недопущеніе его къ защитѣ докторской диссертаціи, которая показалась факультету слишкомъ несогласною съ обычными взглядами, дало другой оборотъ судьбѣ его. Уже въ это время онъ обратилъ на себя вниманіе занятіями народною словесностью, издавъ Украинскій Альманахъ, Словацкія пѣсни и Запорожскую Старину, и въ 1839 году командированъ былъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Черезъ два года онъ возвратился съ большимъ запасомъ свѣдѣній по славянской филологіи и этнографіи, пріобрѣтенныхъ имъ не изъ книгъ втиши кабинета, а въ самыхъ центрахъ народной жизни, въ сношеніяхъ съ лучшими представителями славяновѣдѣнія. Съ такимъ неистощимымъ матеріаломъ явился онъ преподавателемъ этой новой въ Россіи науки сперва въ Харьковѣ, гдѣ онъ въ 1846 г. защитилъ свою докторскую диссертацію „о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ“, а потомъ въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ былъ переведенъ по собственному желанію на открывшуюся по-

смерти Прейса вакансію. Съ самаго своего возвращенія изъ славянскихъ земель, Срезневскій, являясь въ журналахъ со статьями разнообразнаго содержанія, сталъ пріобрѣтать болѣе и болѣе извѣстность. Когда во второмъ Отдѣленіи Академіи очистилось мѣсто по смерти военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Срезневскій былъ избранъ въ адъюнкты и 8 апрѣля 1849 г. утвержденъ въ этомъ званіи.

Нельзя не признать, что Срезневскій внесъ новую жизнь въ Отдѣленіе. Въ то время оно занималось приготовленіемъ изданія Областного Словаря. Участіе въ этомъ дѣлѣ такого знатока русскаго слова не могло остаться безъ вліянія на достоинство труда, къ пополненію котораго онъ способствовалъ и доставленіемъ съ своей стороны новаго матеріала. Почти одновременно съ появленіемъ этого словаря Срезневскій положилъ основаніе двумъ періодическимъ изданіямъ. По примѣру двухъ другихъ Отдѣленій Академіи, издававшихъ для мелкихъ текущихъ статей Bulletin, а для трудовъ бо́льшаго объема — Mémoires, 2-ое Отдѣленіе предприняло также изданіе: во 1-хъ, *Извѣстій*, а во 2-хъ, *Ученыхъ Записокъ*. Разнообразіе содержанія *Извѣстій* сразу обратило на нихъ вниманіе публики и уже первый выпускъ встрѣтилъ такой успѣхъ, что потребовалось вновь издать его. Особенный интересъ этому изданію придавалъ библіографическій отдѣлъ, который составлялся исключительно самимъ редакторомъ и сообщалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ явленіяхъ филологической литературы какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Къ „Извѣстіямъ" вскорѣ были присоединены два приложенія, именно: *Памятники народнаго языка и словесности* и *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій*. Въ первомъ помѣщались произведенія народнаго творчества, къ собиранію которыхъ призывались всѣ любители словесности; содержаніе второго видно изъ самаго заглавія его. Въ немъ приняли участіе нѣкоторые посторонніе ученые, и замѣчательны особенно объясненія словъ восточнаго происхожденія, сообщенныя профессорами: Березинымъ, Григорьевымъ, Казембекомъ и Ковалевскимъ. Изданіе „Извѣстій" не мѣшало Срезневскому посвящать труды свои изслѣдованіямъ по исторіи русскаго и церковнославянскаго языка, обнародованію и объясненію памятниковъ древней письменности и рѣшенію разныхъ археологическихъ вопросовъ. Труды его такъ многочисленны, что мы въ этомъ бѣгломъ очеркѣ принуждены ограничиться однимъ указаніемъ на важнѣйшіе изъ нихъ. Нельзя не упомянуть его „Мыслей объ исторіи русскаго языка", напечатанныхъ имъ при университетѣ вскорѣ по поступленіи въ члены Академіи, его обширнаго „Обозрѣнія древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка", его „Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ". Десять лѣтъ продолжалъ онъ изданіе „Извѣстій", составившихъ такимъ образомъ 10 томовъ. Несмотря на протекшее съ

тѣхъ поръ время, многое изъ напечатаннаго въ нихъ и теперь не утратило своей цѣны и долго еще будетъ сохранять свое значеніе для занимающихся славянорусской филологіей. Поводомъ къ прекращенію изданія „Извѣстій“ было то, что въ 1863 году при Академіи былъ основанъ ученый органъ на русскомъ языкѣ для всѣхъ трехъ Отдѣленій подъ названіемъ „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“. Вскорѣ, однакожъ, второе Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что для удобства какъ его самого, такъ и читающей публики необходимо, рядомъ съ Записками, имѣть изданіе, въ которомъ появлялись бы особо труды членовъ этого Отдѣленія. Съ 1867 года оно стало издавать свой *Сборникъ*, котораго и вышло до сей поры 52 тома. Со времени прекращенія „Извѣстій“, въ направленіи изысканій Срезневскаго произошла нѣкоторая перемѣна: онъ сталъ преимущественно заниматься палеографіей. Но былъ одинъ трудъ, начатый имъ очень давно и котораго онъ не оставлялъ посреди всѣхъ другихъ своихъ занятій, именно приготовленіе матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка. Лѣтъ за 12 до своей кончины онъ даже приступилъ къ печатанію этого словаря, но вскорѣ убѣдился, что трудъ этотъ еще не былъ достаточно обработанъ, и оставилъ его неконченнымъ. Отдѣленіе, увидѣвъ въ этомъ трудѣ дорогое наслѣдіе своего незабвеннаго сочлена, признало своею обязанностію озаботиться изданіемъ этого памятника его учености и трудолюбія. Оно нашло свѣдущую сотрудницу въ достойной дочери академика, Ольгѣ Измайловнѣ, которая вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ и ведетъ это дѣло безостановочно. За годъ до смерти Срезневскаго, именно 5 апрѣля 1879 г., былъ отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей его славной ученой дѣятельности, при чемъ торжественно выразилось полное признаніе заслугъ его отечественной наукѣ со стороны не только ученаго міра, но и всего образованнаго русскаго общества. Съ конца 70-хъ годовъ силы Срезневскаго стали замѣтно упадать; ему уже трудно было ходить пѣшкомъ въ Академію, и 9-го февраля 1880 года, послѣ кратковременной болѣзни, его не стало. Глубоко сочувственный некрологъ его съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ главныхъ трудовъ Срезневскаго былъ составленъ А. Ѳ. Бычковымъ и помѣщенъ въ отчетѣ Отдѣленія за 1880 годъ.

Изъ числа умершихъ членовъ Отдѣленія, мы должны остановиться на Билярскомъ и Пекарскомъ, которые, хотя и не долго принадлежали ему, но принимали дѣятельное участіе въ выполненіи задачъ его. П. С. Билярскій избранъ былъ въ званіе адъюнкта въ 1860 году. Вскорѣ послѣ отпразднованія юбилея Ломоносова въ 1865, болѣзненное состояніе нашего сочлена заставило его искать облегченія на югѣ, въ Одессѣ, куда онъ былъ приглашенъ на каѳедру въ новоучрежденный университетъ; но уже черезъ два года смерть положила конецъ его трудовой и долгое время трудной жизни. Ученыя занятія его были

главнымъ образомъ посвящены изслѣдованіямъ по древнеславянскому языку. Эти занятія убѣдили его, какъ важно изученіе языка болгарскихъ рукописей для объясненія исторіи церковно-славянскаго. Плодомъ этого взгляда было замѣчательное сочиненіе его „О среднеболгарскомъ вокализмѣ". Затѣмъ онъ издалъ свое изслѣдованіе о знаменитомъ Реймскомъ евангеліи. Къ числу важнѣйшихъ трудовъ его принадлежалъ переводъ одного изъ основныхъ произведеній новѣйшей филологіи, именно творенія Вильгельма Гумбольдта „О различіи организма человѣческаго слова". „Кромѣ важности содержанія (говоритъ Никитенко въ некрологѣ Билярскаго), эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ утонченныхъ философскихъ понятій". Послѣднимъ академическимъ трудомъ Билярскаго былъ объемистый томъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ Академіи Наукъ, и изданный ко дню празднованія столѣтняго Ломоносовскаго юбилея.

Дѣятельность П. П. Пекарскаго въ званіи академика продолжалась всего 9 лѣтъ, но, благодаря необычайному трудолюбію его, результаты ея были обильны и замѣчательны. Родясь въ Оренбургскомъ краѣ въ 1828 г., онъ получилъ высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ и началъ службу на родинѣ. Благопріятныя обстоятельства помогли ему, 22-хъ лѣтъ отроду, переселиться въ Петербургъ и пристроиться въ министерствѣ финансовъ, откуда лѣтъ черезъ десять ему удалось перейти въ Государственный архивъ и тамъ, по выходѣ В. И. Ламанскаго, занять мѣсто старшаго архиваріуса. Это былъ чрезвычайно важный въ его службѣ шагъ, поставившій его у самаго источника свѣдѣній, отысканіе которыхъ составляло главную цѣль его труженической жизни. Литературная извѣстность Пекарскаго началась съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія, особенно въ XVIII вѣкѣ, и остался ей вѣренъ до конца; первыя статьи его стали появляться въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ. Двери въ Академію открылъ ему обширный и многолѣтній трудъ „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.", увѣнчанный въ 1862 г. полною Демидовскою преміей: уже въ слѣдующемъ году Пекарскій былъ избранъ въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Незадолго передъ тѣмъ былъ напечатанъ имъ первый значительный трудъ его, обязанный своимъ происхожденіемъ службѣ автора въ Государственномъ архивѣ, — собраніе матеріаловъ относительно пребыванія при русскомъ дворѣ французскаго посланника Де-ла-Шетарди. Съ поступленіемъ въ Академію Пекарскому открылся въ ея архивахъ новый, богатый источникъ изслѣдованій, при помощи котораго начался цѣлый рядъ составленныхъ имъ монографій, какъ-то: „Екатерина и

Эйлеръ", „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II"; Путешествіе ак. Делиля въ Березовъ", „Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова", „Жизнь и литературная переписка Рычкова", „Новыя извѣстія о Татищевѣ", „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ", т. е. въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ", которыя издавалъ академикъ Миллеръ. Сверхъ того, Пекарскій, въ началѣ своей академической дѣятельности, разобралъ оставшіяся послѣ Арсеньева бумаги историческаго содержанія, которыя тогда же были имъ напечатаны и заняли цѣлый томъ издаваемаго Отдѣленіемъ Сборника.

Вскорѣ по вступленіи Пекарскаго въ Академію ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычной энергіей принялся онъ за новый трудъ, но успѣлъ разработать только первый періодъ исторіи Академіи, до начала царствованія Екатерины II. Своему изложенію онъ далъ форму біографій президентовъ и членовъ Академіи, общую же жизнь ея онъ обозрѣваетъ только въ краткомъ очеркѣ, предпосланномъ этимъ жизнеописаніямъ. Трудъ его составилъ два большіе тома, изъ которыхъ второй содержитъ въ себѣ только двѣ обширныя біографіи: Тредіаковскаго и Ломоносова. Служба Пекарскаго въ государственномъ архивѣ подала поводъ къ возложенію на него еще другого важнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, нынѣ царствующаго Государя Императора, въ то время Цесаревича Александра Александровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій избранъ редакторомъ этого собранія драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время выпущенъ былъ 1-й томъ, 2-й быстро подвигался къ концу, когда нашему товарищу пришлось въ цвѣтѣ лѣтъ окончить расчеты съ жизнію. Неоспоримыя достоинства всѣхъ ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, въ точности и достовѣрности всѣхъ его изслѣдованій, въ которыхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою осторожною критикой и которыя навсегда доставили ему почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и нашей Академіи.

Обратимся теперь къ двумъ изъ прежнихъ членовъ нашего Отдѣленія, дѣятельность которыхъ отличалась совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ дѣятельность тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко занимали каѳедру русской литературы въ здѣшнемъ университетѣ. Они не оставили важныхъ ученыхъ трудовъ, но тѣмъ не менѣе приносили не маловажную пользу. Плетневъ вошелъ въ составъ Отдѣленія при самомъ учрежденіи его, а въ 1859 г., по выбытіи И. И. Давыдова, былъ назначенъ предсѣдательствующимъ. По смерти его, послѣдовавшей 29 декабря 1865 г.,

сочиненія его и переписка были изданы Отдѣленіемъ въ трехъ томахъ, главное содержаніе которыхъ составляютъ критическія статьи, въ свое время появлявшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Принадлежа всѣми симпатіями своими къ карамзинской школѣ, Плетневъ отличался тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и вкусомъ, которые позволяли ему глубоко понимать и оцѣнивать поэтическія красоты въ произведеніяхъ его друзей, Жуковскаго, Пушкина и князя Вяземскаго. По смерти Пушкина онъ принялъ на себя продолженіе изданія основаннаго поэтомъ „Современника", но, не обладая необходимыми для журналиста свойствами, пренебрегая нужными для успѣха пріемами и чуждаясь всякой полемики, онъ не могъ придать своему изданію того живого интереса, которымъ обусловливается пріобрѣтеніе сочувствія многочисленныхъ читателей. Занимая въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ сряду должность ректора Петербургскаго университета, Плетневъ не находилъ достаточнаго досуга для постояннаго участія въ изданіяхъ Отдѣленія, но во всѣхъ встрѣчавшихся вопросахъ онъ содѣйствовалъ успѣшному рѣшенію ихъ своимъ разумнымъ и вѣскимъ словомъ. Особеннаго же рода услугу оказывалъ онъ Отдѣленію добровольнымъ принятіемъ на себя составленія ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности нашей коллегіи. Длинный рядъ ихъ идетъ съ самаго учрежденія его, и весь первый томъ собранія этихъ отчетовъ принадлежитъ исключительно перу Плетнева. Имъ же написана и значительная часть отчетовъ 2-го тома. Послѣдній трудъ его въ этой серіи относится къ 1860 году, т. е. ко времени, близкому къ началу болѣзни, которая заставила его большую часть послѣднихъ лѣтъ жизни проводить за границей и наконецъ, въ Парижѣ, свела его въ могилу. Чтобы вполнѣ оцѣнить, какъ много Плетневъ потрудился въ этой скромной области полуофиціальной литературы, надобно вспомнить, что онъ въ то же время составлялъ отчеты и по университету, въ качествѣ его ректора. Въ тѣхъ и другихъ онъ придавалъ наибольшую цѣну некрологамъ или очеркамъ біографій умершихъ дѣятелей, которые составлялъ съ большимъ тщаніемъ. Такъ въ I томѣ отчетовъ Отдѣленія мы находимъ между прочимъ составленныя имъ извѣстія о жизни: Бороздина, Каченовскаго, Крылова, Прокоповича-Антонскаго, кн. Шаховскаго, Дм. И. Языкова. Главный трудъ Плетнева въ этомъ родѣ была обширная рѣчь, посвященная памяти гр. Уварова и прочитанная имъ въ годичномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ 1855 году.

Такого же рода заслугу передъ нашимъ Отдѣленіемъ имѣетъ и А. В. Никитенко, который, по смерти Плетнева, всѣхъ чаще являлся на академической каѳедрѣ для ознакомленія общества съ дѣятельностью Отдѣленія. Но Никитенко принялъ на себя еще и другую обязанность: при обсужденіи драматическихъ сочиненій, поступавшихъ на соисканіе наградъ гр. Уварова, Никитенку, въ теченіе многихъ лѣтъ,

поручаемо было составленіе рецензій этихъ трудовъ. Собраніе его критическихъ отзывовъ можетъ послужить любопытнымъ матеріаломъ для исторіи этой отрасли русской литературы въ данное время. Никитенко представляетъ своеобразное и достойное изученія явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни. Получивъ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ (Острогожскѣ, Воронежск. губ.) весьма скудное начальное образованіе, онъ произнесенною тамъ рѣчью [1]) неожиданно обращаетъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія (кн. Голицына), который вызываетъ его въ Петербургъ и даетъ ему университетское образованіе. Какъ Срезневскій первоначально избралъ своею спеціальностью статистику, такъ и Никитенко сперва посвятилъ себя политической экономіи и занялъ въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру по этой наукѣ. Только впослѣдствіи онъ промѣнялъ ее на русскую словесность. Благодаря своему замѣчательному таланту и необыкновенному дару слова, Никитенко въ короткое время пріобрѣлъ репутацію отличнаго преподавателя и краснорѣчиваго оратора. Рѣчи, которыя онъ произносилъ въ университетѣ, касавшіяся большею частью эстетическихъ вопросовъ, иногда же и исторіи, привлекали такую массу слушателей, какой прежде не видывала университетская зала. Въ особенности похвальное слово Петру Великому, произнесенное въ 1838 г., произвело сильное впечатлѣніе и заставило много говорить о молодомъ профессорѣ. Учебныя заведенія наперерывъ старались привлечь его въ число своихъ преподавателей, предлагая самыя выгодныя для него условія. Мнѣнія его пріобрѣтали болѣе и болѣе авторитета не только въ литературныхъ, но и въ административныхъ кругахъ. На него возлагались разнаго рода почетныя порученія. Занявъ мѣсто цензора, онъ отличался разумною терпимостью и тѣмъ пріобрѣлъ популярность между литераторами разныхъ лагерей. Въ 1855 году Никитенко былъ избранъ прямо въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ ближайшее затѣмъ время особенно памятна его дѣятельность при министрѣ народнаго просвѣщенія А. С. Норовѣ, о которой онъ самъ недавно сообщилъ много новаго въ своемъ посмертномъ дневникѣ. Какъ профессоръ, Никитенко мало останавливался на фактахъ, не дорожилъ систематическимъ изложеніемъ науки и болѣе любилъ распространяться о значеніи прекраснаго въ искусствѣ. Молодежь увлекалась содержаніемъ его лекцій. По части своей спеціальности Никитенко издалъ одну только книгу: „Опытъ исторіи русской литературы". Это начало труда, не

---

[1]) Она напечатана въ приложеніи къ отчету Отдѣленія за 1877 г. подъ заглавіемъ: „Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогожскаго библейскаго сотоварищества секретаремъ онаго Александромъ Никитенковымъ 1824 года генваря 27 дня".

имѣвшаго продолженія, содержитъ одно введеніе. Къ академической дѣятельности Никитенко относится, сверхъ названныхъ трудовъ, участіе въ произнесеніи рѣчей при чествованіи памяти Ломоносова и Крылова. Весьма обстоятельный некрологъ Никитенка съ оцѣнкою трудовъ его помѣщенъ А. Ѳ. Бычковымъ въ составленномъ имъ отчетѣ Отдѣленія за 1877 годъ.

Отдѣленіе состояло всегда изъ двухъ разрядовъ членовъ: одни принадлежали къ внутреннему составу его, участвовали въ его засѣданіяхъ и постоянныхъ занятіяхъ, другіе отсутствовали и только числились членами Отдѣленія. Къ разряду послѣднихъ принадлежали наши московскіе сочлены: митрополитъ Филаретъ, Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Соловьевъ. Изъ числа духовныхъ лицъ, входившихъ въ составъ Отдѣленія, долженъ быть выдѣленъ архіепископъ Литовскій и Виленскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій Макарій, который долгое время участвовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и нерѣдко печаталъ свои труды въ нашихъ изданіяхъ. Назовемъ его изслѣдованія: 1) О литературныхъ трудахъ Максима Грека и 2) О сочиненіяхъ Московскаго митрополита Даніила. Нельзя также пройти молчаніемъ, хотя и помимо Отдѣленія изданнаго, обширнаго труда нашего знаменитаго сочлена: „Исторія русской церкви“ въ 12-ти томахъ. Не можемъ при этомъ случаѣ воздержаться отъ выраженія глубоко скорбнаго чувства по поводу ранней кончины этого достойнѣйшаго святителя, отличавшагося высокими качествами ума и сердца, окончившаго преждевременно свое достохвальное земное поприще.

Кромѣ названныхъ, изъ умершихъ членовъ Отдѣленія и многіе другіе заслуживали бы указанія на главные ихъ труды, напр. К. И. Арсеньевъ, В. А. Полѣновъ, Д. И. Языковъ; но времени въ нашемъ распоряженіи не много, и мы должны спѣшить отъ мертвыхъ къ живымъ, еще продолжающимъ свою дѣятельность.

А. Ѳ. Бычковъ вступилъ въ Академію въ началѣ 1866 г. Однимъ изъ первыхъ трудовъ его была статья о словаряхъ митрополита Евгенія, написанная по поводу празднованія Отдѣленіемъ столѣтія со дня рожденія ученаго іерарха. Затѣмъ Аѳанасію Ѳедоровичу было поручено наблюденіе за печатаніемъ Бѣлорусскаго словаря Носовича. Между тѣмъ имъ предпринято было, по порученію Археографической Комиссіи, составленіе указателя къ 8-ми томамъ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей“, который долженъ былъ заключать въ себѣ подробное изложеніе всего, что говорится въ лѣтописяхъ объ упоминаемыхъ въ немъ лицахъ, и въ 1875 г. вышелъ 1-й томъ этого труда. Какъ членъ Археографической Комиссіи, онъ, сверхъ того, напечаталъ: новыя изданія Лаврентьевской Лѣтописи (1872) и Новгородскихъ лѣтописей (1879), десятый томъ Полнаго собранія лѣтописей, содержащій продолженіе Никоновской Лѣтописи (1885), и часть шестнадцатаго тома

того же собранія, который заключаетъ въ себѣ Лѣтопись Авраамки (1889). Изъ ученыхъ его трудовъ по Императорской Публичной Библіотекѣ назовемъ: во 1-хъ) первую часть подробнаго „Описанія церковнославянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Библіотеки" (1882); во 2-хъ) сборникъ „Въ память графа Сперанскаго" (1872), содержащій дневникъ его путешествія по Сибири, письма къ разнымъ лицамъ и нѣкоторыя его сочиненія; въ этомъ томѣ разсѣяно не мало важныхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Александра I; въ 3-хъ) письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Библіотекѣ, изданныя въ 1873 году ко дню открытія памятника великой Государыни. Слѣдуетъ припомнить здѣсь же о сообщавшихся имъ въ отчетахъ Библіотеки за 1866 — 1880 годы свѣдѣніяхъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ ея по отдѣленію рукописей, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ отчетовъ помѣщены имъ каталоги цѣлыхъ собраній, напр. Гильфердинга и Сокурова. Въ семидесятыхъ же годахъ начинаются занятія А. Ѳ. Бычкова по собиранію матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра В.,—занятія, которыя мало-по-малу разрослись въ обширный трудъ монументальнаго изданія писемъ и бумагъ геніальнаго преобразователя. Но прежде нежели изложимъ ходъ этихъ занятій, упомянемъ еще о двухъ трудахъ нашего неутомимаго сочлена, исполненныхъ имъ по порученію Академіи. По смерти академика П. М. Строева, согласно съ его распоряженіемъ, внесены были въ Академію матеріалы для библіологическаго словаря, которымъ покойный много лѣтъ занимался. При составленіи этого словаря онъ имѣлъ въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, словарь этотъ не былъ оконченъ Строевымъ и заключался только въ наброскахъ и замѣткахъ; тѣмъ не менѣе, онъ и въ этомъ видѣ представлялъ много любопытныхъ данныхъ, которыя заслуживали опубликованія. По порученію Отдѣленія, А. Ѳ. принялъ на себя трудъ разсмотрѣть эти матеріалы и извлечь изъ нихъ для печати то, что еще въ наше время не лишено интереса. Сличивъ трудъ Строева съ словарями митрополита Евгенія и съ „Обзоромъ русской духовной литературы" архіепископа Черниговскаго, Филарета, А. Ѳ. представилъ Академіи отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ, а въ 1882 г. окончилъ печатаніемъ Словарь Строева. Въ томъ же году вышло второе изданіе труда И. И. Срезневскаго „Древніе памятники русскаго письма и языка", которое печаталось подъ наблюденіемъ А. Ѳ. и въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько добавленій.

Что касается бумагъ Петра Великаго, то сперва академикомъ Бычковымъ были напечатаны: 1) томъ Матеріаловъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба (1871), посвященный весь времени Петра, и

2) Письма этого государя, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (1872); затѣмъ онъ издалъ, по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (въ которомъ занимаетъ мѣсто вице-предсѣдателя), томъ бумагъ Петра Великаго (1873), между прочимъ извлеченныхъ изъ сенатскаго архива. Съ 1872 г. А. Ѳ. занятъ былъ извлеченіемъ изъ архивовъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею, матеріаловъ для полнаго собранія писемъ и бумагъ Петра, изданіе которыхъ предпринято по Высочайшему повелѣнію, по мысли покойнаго президента Академіи, графа Д. А. Толстого. Въ 1887 г. вышелъ 1-й томъ этого обширнаго и весьма важнаго для отечественной исторіи изданія, которымъ будетъ воздвигнутъ достойный памятникъ великому монарху; въ 1889 г. оконченъ печатаніемъ 2-й томъ, а нынѣ А. Ѳ. приступилъ къ печатанію уже и третьяго тома.

Въ послѣднее время академикъ Бычковъ занимался, по порученію Отдѣленія, еще двумя требующими много времени и вниманія трудами. Подъ его наблюденіемъ печатаются: 1) Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, о которомъ будетъ сказано ниже, и 2) упомянутый уже въ предыдущемъ Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго. Первый выпускъ (содержащій три первыя буквы алфавита) уже вышелъ въ 1890 году; второй печатается.

Въ минувшемъ году исполнилось 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности Аѳанасія Ѳедоровича. Академія Наукъ и всѣ ученыя общества, умѣющія цѣнить многообразные труды и заслуги нашего достопочтеннаго товарища, торжественно отпраздновали этотъ полувѣковой юбилей, въ которомъ и все наше образованное общество приняло сочувственное участіе.

М. И. Сухомлиновъ избранъ въ экстраординарные академики въ 1872 году. Вскорѣ онъ предпринялъ обширный трудъ, исполненіе котораго естественно лежало на обязанности Отдѣленія: я разумѣю исторію Россійской Академіи. Несмотря на многосложность архивныхъ разысканій, которыхъ требовало это предпріятіе, первый томъ явился уже въ 1874 году, и Отдѣленіе съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтило начало труда, который долженъ былъ составить важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія. Избранный авторомъ способъ изложенія былъ тотъ же, какой употребленъ Пекарскимъ въ Исторіи Академіи Наукъ, именно дѣятельность ученаго общества изображается въ рядѣ біографій его членовъ. Въ 1-й томъ вошли между прочимъ очерки жизнеописаній княгини Дашковой, митрополита Гавріила, архіепископа Амвросія и другихъ духовныхъ лицъ. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, особенное вниманіе обращаютъ на себя біографіи трехъ замѣчательныхъ ученыхъ, принадлежавшихъ и къ составу Академіи Наукъ: Румовскаго, Лепехина и Озерецковскаго. Выпуски Исторіи Россійской Академіи быстро слѣдовали одинъ за другимъ; 8-й и послѣдній появился въ 1886 году.

Въ 1883 г. исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Россійской Академіи: Отдѣленіе сочло нравственнымъ долгомъ помянуть это выдающееся событіе въ исторіи русскаго просвѣщенія особымъ торжественнымъ засѣданіемъ. Естественно, что истолкователемъ этого скромнаго ученаго празднества избранъ былъ историкъ Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ. Многочисленная и блестящая публика почтила своимъ присутствіемъ это собраніе, происходившее подъ предсѣдательствомъ назначеннаго за годъ передъ тѣмъ президентомъ Академіи Наукъ графа Д. А. Толстого. По окончаніи рѣчи Михаила Ивановича Отдѣленіе привѣтствовали прибывшія отъ нѣсколькихъ ученыхъ учрежденій депутаціи, а именно: отъ Спб. университета, отъ Спб. Духовной Академіи, отъ Императорскаго Александровскаго лицея, а затѣмъ прочитаны были телеграммы: отъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ Общества любителей россійской словесности и другихъ обществъ.

Въ 1883 г. на М. И. Сухомлинова возложенъ новый важный и многолѣтній трудъ. Такъ какъ между академиками не нашлось никого, кто бы послѣ Пекарскаго принялъ на себя продолженіе исторіи Академіи Наукъ, то покойный президентъ гр. Толстой возымѣлъ мысль печатать вмѣсто того хранящіеся въ академическомъ архивѣ матеріалы для такой исторіи. Исполненіемъ этой мысли занялся М. И. Съ тѣхъ поръ подъ его наблюденіемъ издано уже 6 томомъ Матеріаловъ, 7-й и 8-й печатаются.

Давно ощущается потребность въ полномъ критическомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Когда, съ небольшимъ лѣтъ 30 тому назадъ, Отдѣленіе предприняло изданіе сочиненій Державина, то съ разныхъ сторонъ стало слышаться замѣчаніе, что изданіе старыхъ писателей слѣдовало бы начать съ Ломоносова. Съ справедливостью этого взгляда нельзя было не согласиться, но для изданія Державина имѣлось уже въ виду богатое собраніе матеріаловъ и былъ человѣкъ, готовый заняться ихъ разработкою. Если бъ Отдѣленіе тогда не воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, то можно навѣрное сказать, что всѣ эти матеріалы остались бы навсегда безъ употребленія, такъ какъ всѣ стоявшія близко къ Державину лица, выражавшія сочувствіе къ предпріятію Отдѣленія и готовность служить ему матеріалами, доживали свой вѣкъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сошли со сцены. Благодаря ихъ содѣйствію, изданіе Державина съ присоединеніемъ его біографіи было благополучно доведено до конца въ 1880 году. Теперь наступила очередь изданію Ломоносова, за которое и взялся М. И. Сухомлиновъ, столь превосходно приготовленный къ этому труду всѣми своими предшествовавшими работами. Къ настоящему дню уже выпущенъ въ свѣтъ 1-й томъ этого изданія.

Изъ болѣе мелкихъ трудовъ академика Сухомлинова прежде всего

должна быть упомянута изданная имъ въ 1873 г. *Повѣсть о судѣ Шемяки.* Происхожденіе и судьба повѣсти, получившей у насъ названіе „Суда Шемяки", весьма любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Содержаніе повѣсти и типъ главнаго дѣйствующаго лица постепенно видоизмѣнялись подъ вліяніемъ тѣхъ условій и тѣхъ особенностей, которыя существовали въ народной жизни. Въ изслѣдованіи М. И. приведены различныя редакціи повѣсти и указано ея отношеніе къ западно-европейскимъ и семитическимъ сказаніямъ.

По случаю кончины П. А. Вяземскаго (1878) и И. С. Тургенева (1884) написаны академикомъ Сухомлиновымъ два очерка, въ которыхъ авторъ руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками, проливающими свѣтъ на литературную дѣятельность этихъ писателей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе его о Радищевѣ (1883). „Путешествіе" Радищева „изъ Петербурга въ Москву" пріобрѣло громкую извѣстность въ нашей литературѣ. Составляя, по содержанію и по тону, рѣзкое исключеніе изъ того, что появлялось въ нашей печати, книга Радищева привлекала къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ писателей со времени Пушкина. За отсутствіемъ свѣдѣній много затрудненій представлялось для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Радищева: ему приписывались сочиненія, которыя въ дѣйствительности не существовали; мысли и взгляды, будто бы изложенные въ этихъ сочиненіяхъ, принадлежатъ болѣе позднему времени. Чтобы найти твердую почву для выводовъ и приговоровъ, необходимо было обратиться къ первымъ источникамъ, подвергнувъ ихъ критическому разсмотрѣнію. Собравъ матеріалы въ различныхъ архивахъ, какъ въ русскихъ, такъ отчасти и въ иностранныхъ, академикъ Сухомлиновъ въ изслѣдованіи своемъ основывался на несомнѣнныхъ данныхъ, рисующихъ тогдашнее состояніе нашей литературы и общественной жизни.

Занимаясь преимущественно изученіемъ писателей XVIII вѣка, М. И. не оставлялъ безъ вниманія и ближайшаго къ намъ періода русской литературы. Имѣя доступъ къ драгоцѣннымъ первоначальнымъ источникамъ въ архивахъ, онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько любопытныхъ монографій, и именно: въ 1881 году „Появленіе въ печати сочиненій Гоголя"; въ 1884: „Императоръ Николай, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина" и „Полемическія статьи Пушкина"; въ 1886: „Н. А. Полевой и его журналъ Московскій телеграфъ". Во всѣхъ этихъ статьяхъ М. И. умѣлъ сочетать безукоризненную основательность изслѣдователя съ искусствомъ возбуждать живой интересъ въ современныхъ читателяхъ.

Въ 1877 году, по смерти академика Никитенка, Отдѣленіе пополнило свой составъ избраніемъ адъюнктъ-профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы А. Н. Весе-

ловскаго, стяжавшаго почетную извѣстность своими изслѣдованіями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, которыя служатъ къ объясненію многихъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ народной жизни. Первымъ предметомъ своихъ занятій Александръ Николаевичъ избралъ изслѣдованіе южно-русскихъ былинъ, а также „Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ“, имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, особенно былинъ такъ называемаго кіевскаго цикла. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ цѣлый рядъ обширныхъ статей, появившихся въ изданіяхъ Академіи. Вслѣдъ за тѣмъ А. Н. Веселовскій сталъ печатать „Матеріалы къ исторіи романа и повѣсти“. Вышедшій въ 1886 г. первый выпускъ этого труда посвященъ роману и повѣсти греко-византійскаго періода. Авторъ собралъ богатый матеріалъ, чтобы показать, какимъ образомъ совершалось превращеніе греческаго романа въ христіанскій и въ чемъ заключались главныя черты ихъ различія. Самое обширное мѣсто отведено статьѣ, озаглавленной: „Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи“. Романъ объ Александрѣ Великомъ — наиболѣе распространенное произведеніе какъ на Востокѣ до предѣловъ Средней Азіи, такъ и на всемъ Западѣ. Въ своихъ „Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“ академикъ Веселовскій, ставя себѣ задачею выслѣдить происхожденіе различныхъ народныхъ сказаній, привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской, но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы. Въ послѣднее время А. Н. предпринялъ и отчасти уже исполнилъ трудъ, представляющій живой интересъ для обширнаго круга читателей. Это — переводъ „Декамерона“ Бокаччіо, со введеніемъ, которое было читано въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія.

Съ 1880 года въ составъ Отдѣленія вошелъ, на мѣсто покойнаго Срезневскаго, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ, которому издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ Archiv für slav. Philologie давно составилъ почетное имя въ наукѣ. Занявъ въ то же время каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ Ягичъ счелъ нужнымъ прежде всего доставить пособіе изучающимъ церковно-славянскій языкъ, и съ этою цѣлью напечаталъ „Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ“, куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, текстовъ. Затѣмъ онъ издалъ глаголическое Маріинское четвероевангеліе, писанное въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Изданіе этого замѣчательнаго памятника задумано было еще покойнымъ В. И. Григоровичемъ. Это евангеліе, вмѣстѣ съ изданнымъ трудами ак. Ягича Зографскимъ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ

евангельскаго текста. Въ изданіи Маріинскаго евангелія Игнатій Викентьевичъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но присоединилъ обширныя изслѣдованія, а въ концѣ приложилъ образцовый словоуказатель. Почти одновременно онъ предпринялъ изданіе памятниковъ древнерусскаго языка. Первый томъ обнимаетъ два древнѣйшихъ памятника письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, и изданъ подъ заглавіемъ „Служебныя Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь". Затѣмъ Отдѣленіе, по мысли академика Ягича, предприняло изданіе, исключительно посвященное изслѣдованіямъ по русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Въ самомъ началѣ помѣщено подробное изслѣдованіе г. Козловскаго о языкѣ Остромирова евангелія и вслѣдъ затѣмъ статья г. Шахматова о языкѣ новгородскихъ грамотъ.

Слѣдующимъ трудомъ нашего почтеннаго сочлена было изданіе переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія — Добровскаго и Копитара. Въ обширномъ введеніи издатель на основаніи этихъ писемъ представилъ картину того живого движенія, какое началось у разныхъ славянскихъ народовъ въ первыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Въ этой картинѣ рельефно выступаютъ впередъ герои эпохи, Добровскій и Копитаръ; около нихъ группируются всѣ знаменитые представители начинавшагося тогда славянскаго возрожденія. Здѣсь нельзя не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что со второй половины 1886 года въ засѣданіяхъ Отдѣленія уже не присутствуетъ акад. Ягичъ, приглашенный на каѳедру славянской филологіи въ Вѣнскій университетъ. Впрочемъ, онъ и послѣ переселенія своего въ Вѣну не прекращаетъ своего участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Такъ въ дополненіе къ изданной имъ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ онъ началъ печатать корреспонденцію другихъ западно-славянскихъ филологовъ-славистовъ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Но особенно важенъ задуманный имъ новый трудъ, который долженъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіе прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ въ Россіи, въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго и т. п. Съ этою цѣлію акад. Ягичъ предпринялъ трудъ, озаглавленный: „Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ". Цѣлое изданіе, по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматической и лексической. Этотъ важный трудъ и составляетъ нынѣ главное занятіе Игнатія Викентьевича какъ члена Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ послѣдніе годы Отдѣленіе пріобрѣло новыя силы въ лицѣ Л. Н. Майкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, избравъ въ то же время въ дѣйствительные члены свои двухъ иногородныхъ ученыхъ, извѣстныхъ трудами высокаго достоинства, заслуженныхъ профессоровъ Н. С. Тихонравова и Н. А. Лавровскаго. О важномъ порученіи изданія сочиненій Пушкина, возложенномъ на ак. Майкова, было уже говорено въ предыдущихъ отчетахъ; въ отчетѣ за нынѣшній годъ К. Н. Бестужевъ сообщитъ о дальнѣйшемъ ходѣ приготовительныхъ работъ Леонида Николаевича.

Мнѣ остается дополнить представленный очеркъ указаніемъ на тѣ труды Отдѣленія, о которыхъ или не пришлось упомянуть при разсмотрѣніи дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, или упомянуто только вскользь. Такъ, къ изданнымъ Отдѣленіемъ словарямъ: общему Церковнославянскому и русскому, Областному великорусскому, Церковнославянскому Востокова и Бѣлорусскому Носовича должны быть еще прибавлены: Сербско-русскій словарь покойнаго П. А. Лавровскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Отдѣленія, обогатившаго его изданія многими весьма цѣнными изслѣдованіями, и Словарь Архангельскаго нарѣчія, составленный съ большимъ знаніемъ дѣла покойнымъ Подвысоцкимъ, человѣкомъ, одареннымъ замѣчательными филологическими способностями, но къ сожалѣнію внезапно остановленнымъ въ своей дѣятельности раннею смертію. Въ настоящее время Отдѣленіе, при участіи членовъ и другихъ Отдѣленій Академіи и многихъ постороннихъ ученыхъ, приготовляетъ словарь русскаго языка, первый выпускъ котораго уже отпечатанъ и съ нынѣшняго дня становится общимъ достояніемъ.

Къ разряду трудовъ по исторіи русской литературы и вообще русскаго просвѣщенія, составляющихъ обширный отдѣлъ занятій Отдѣленія, слѣдуетъ отнести, сверхъ исчисленныхъ выше изданій: Письма Карамзина къ Дмитріеву, изданныя по поводу празднованія въ 1866 г. столѣтняго юбилея Карамзина, и сочиненія Хемницера, исправленныя по рукописямъ Капниста и Львова. Сюда же относятся и историко-литературные очерки, которые посвящались памяти многихъ изъ прежнихъ нашихъ писателей по поводу празднованія ихъ юбилеевъ въ стѣнахъ Академіи, именно: Ломоносова, Карамзина, Крылова, митрополита Евгенія, Жуковскаго и Батюшкова.

Нельзя отрицать значенія, какое имѣли для своего времени эти юбилеи, привлекавшіе въ залу Академіи многочисленную публику. Надобно вспомнить, что большая часть ихъ происходила въ 60-хъ годахъ, когда въ нѣкоторой части нашей журналистики воздвигнуто было систематическое гоненіе на старыхъ писателей нашихъ. Въ это самое время Академія издавала въ роскошномъ видѣ Державина и чествовала память прежнихъ заслуженныхъ дѣятелей литературы:

нѣтъ сомнѣнія, что этими чествованіями она содѣйствовала къ распространенію въ обществѣ знакомства съ прошлымъ нашей умственной жизни, противодѣйствовала одностороннимъ увлеченіямъ, поддерживала здравыя понятія и уваженіе къ тому, что́ было хорошаго въ нашей старинѣ.

Много отдѣльныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности Отдѣленія можно бы еще присоединить къ исчисленнымъ, еслибъ мы не боялись утомить вниманіе Ваше, мм. гг. Но мы не можемъ не остановиться еще нѣсколько минутъ на трудахъ постороннихъ ученыхъ, которымъ Отдѣленіе радушно отводило мѣсто въ своихъ изданіяхъ. Таковы между прочимъ изслѣдованія: В. И. Ламанскаго — О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи; А. Н. Пыпина — Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; архіепископа Черниговскаго Филарета — Обзоръ русской духовной литературы до 1720 г.; А. С. Будиловича — Ломоносовъ какъ писатель; многочисленныя статьи С. И. Пономарева, изъ которыхъ укажемъ только на главныя: Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ и о Карамзинѣ; переписка Максимовича съ Гоголемъ и Погодинымъ; исправленная редакція „Странствующаго Жида" Жуковскаго; замѣчанія къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича; наконецъ разборъ Словаря русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Далѣе, труды: профессора И. А. Чистовича, біографія Ѳеофана Прокоповича; покойнаго В. Ѳ. Кеневича — подробный комментарій къ баснямъ Крылова; Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго, содержащія любопытный обзоръ всѣхъ обращающихся въ простомъ народѣ иллюстрацій, начиная отъ самыхъ старинныхъ до нашего времени; Бѣлорусскій Сборникъ П. В. Шейна, содержащій народныя пѣсни и сказки богатаго въ этомъ отношеніи края. Для собиранія такихъ памятниковъ народнаго творчества и изслѣдованія разныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, г. Шейнъ нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ 1877 года, командируемъ былъ Отдѣленіемъ въ сѣверо-западныя губерніи. Когда, около того же времени, профессоръ Варшавскаго университета М. А. Колосовъ изъявилъ желаніе объѣхать наши сѣверныя губерніи для изученія употребляемаго тамъ языка, то Отдѣленіе не только приняло матеріальное участіе въ ученой командировкѣ молодого филолога, но и снабдило его инструкціею, на основаніи которой покойный Колосовъ представилъ Отдѣленію подробный отчетъ о своихъ разъѣздахъ по нѣкоторымъ изъ сѣверныхъ губерній, напечатанный въ изданіяхъ Академіи. Дальнѣйшіе труды сторонних ученыхъ, появившіеся въ свѣтъ при содѣйствіи Отдѣленія, были слѣдующіе: извлеченія изъ бумагъ переводчика Иліады, сдѣланныя П. Н. Тихановымъ къ столѣтію со дня рожденія Гнѣдича; изслѣдованіе покойнаго профессора Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ

лицахъ и событіяхъ; профессора А. С. Павлова: труды по древнерусскому законодательству; профессора Черновицкаго университета Калужняцкаго: Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ памятниковъ въ Россіи; Русская Историческая Библіографія, В. И. Межова, 1865—1876 гг., въ восьми томахъ, съ указателемъ ко всему труду; описаніе Черногоріи, П. А. Ровинскаго; изданіе сочиненія стариннаго чешскаго писателя Хельчицкаго „Сѣть вѣры“, сдѣланное съ переводомъ на русскій языкъ покойнымъ молодымъ ученымъ Ю. С. Анненковымъ; филологическія изслѣдованія чешскихъ писателей: Колyржа, Патеры, Прусика. Въ послѣдніе годы Отдѣленіемъ предпринято изданіе ученыхъ сочиненій покойнаго профессора университета св. Владимира А. А. Котляревскаго; три тома этого изданія уже вышли въ свѣтъ. Наконецъ, сюда же относится напечатанное въ русскомъ переводѣ сочиненіе профессора Гельсингфорсскаго университета В. Лагуса: Эрикъ Лаксманъ, біографія одного изъ членовъ нашей Академіи, который своею дѣятельностью въ области естествознанія и путешествіями по Сибири заслуживаетъ доброй памяти въ потомствѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть о той новой роли въ отношеніи къ русской наукѣ и литературѣ, которая выпала на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности вслѣдствіе учрежденія при Академіи нѣсколькихъ премій, какъ то: Ломоносовской, Пушкинской, Жуковскаго, гр. Уварова, митрополита Макарія, гр. Толстого, Костомарова, Котляревскаго и Кирѣева. На обязанности Отдѣленія лежитъ либо исключительное присужденіе, либо участіе въ присужденіи этихъ премій. Понимая всю важность возложенной на него въ этомъ отношеніи задачи, оно старается свято исполнять ее и безукоризненно нести отвѣтственность за свои приговоры передъ обществомъ и литературою.

Таковы главныя черты дѣятельности Отдѣленія за первыя 50 лѣтъ его существованія. Не придавая особенно высокой цѣны своимъ трудамъ, оно однакожъ позволяетъ себѣ думать, что добросовѣстно стремилось къ осуществленію своихъ задачъ, и если не успѣло въ достаточной мѣрѣ выполнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, то причиною тому были препятствія, неизбѣжныя во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ и отъ насъ не зависящія. Отдѣленіе не сомнѣвается, что безпристрастный судъ соотечественниковъ отдастъ ему справедливость въ томъ, что оно съ самаго возникновенія своего сознавало свою неразрывную связь съ общею жизнью современной отечественной литературы, никогда не приписывало себѣ значенія верховнаго двигателя успѣховъ языка и литературы, всегда признавало всякое достоинство, внѣ его обнаруживавшееся въ области филологіи и словесности, всегда готово было прислушиваться къ голосу даровитѣйшихъ представителей нашей литературы, которыхъ и пріобщало къ своей средѣ то въ званіи членовъ-корреспондентовъ, то въ качествѣ сотрудниковъ при оцѣнкѣ предста-

вляемыхъ на судъ Академіи произведеній. Съ своей стороны и литература и искусство съ родственнымъ сочувствіемъ относились къ Отдѣленію и охотно обращались къ его содѣйствію въ вопросахъ, требовавшихъ участія науки. Смѣемъ надѣяться, что взаимная связь между людьми науки и литературы еще укрѣпится, что наука и литература будутъ и впредь дружно итти объ руку къ общей, дорогой для нихъ цѣли утвержденія и усиленія въ обществѣ умственныхъ интересовъ въ духѣ народнаго самосознанія и любви къ отечественному языку, чистота котораго должна быть предметомъ общаго нашего попеченія.

Лучшее ручательство за будущность Отдѣленія русскаго языка и словесности составляетъ та просвѣщенная заботливость о преуспѣяніи науки, какую Академія имѣетъ утѣшеніе видѣть въ дарованномъ ей благостію Монарха верховномъ Руководителѣ. Съ отраднымъ чувствомъ Отдѣленіе завершаетъ свое первое полустолѣтіе въ счастливую для Академіи эпоху, обѣщающую новое развитіе силъ и дѣятельности учрежденія, завѣщаннаго потомству Петромъ Великимъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Историческая Христоматія новаго періода Русской Словесности (отъ Петра I до нашего времени). Составлена *А. Галаховымъ*. Томъ I. СПб. 1861 (въ большую восьмушку, 592 стр.) [1]).

1861.

Для пополненія столь ощутительнаго у насъ недостатка въ пособіяхъ при преподаваніи исторіи русской литературы, два знатока ея, гг. Буслаевъ и Галаховъ, по вызову покойнаго Я. И. Ростовцева, какъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, предприняли составленіе Исторической Христоматіи.

Г. Буслаевъ недавно издалъ свой трудъ, обнимающій древній, до-Петровскій періодъ нашей литературы, и Извѣстія II-го Отдѣленія поспѣшили занести это изданіе въ свои Библіографическія записки. Нѣсколько времени тому назадъ появился и первый томъ Сборника г. Галахова, относящійся къ періоду отъ Петра I до Карамзина. Эта книга, составленная съ тою тщательностію и тѣмъ знаніемъ дѣла, какія мы давно привыкли встрѣчать въ трудахъ г. Галахова, достойна быть отмѣченною какъ чрезвычайно важное пріобрѣтеніе для нашей учебной литературы. Она будетъ служить необходимымъ пособіемъ и для всякаго трудящагося по исторіи русской словесности.

Соединяя въ себѣ отрывки сочиненій, а отчасти и цѣлыя произведенія замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей прежняго времени, извлеченныя часто изъ малодоступныхъ книгъ и періодическихъ изданій и даже изъ рукописей, трудъ г. Галахова значительно облегчитъ задачу преподаванія исторіи нашей литературы, которое до сихъ поръ представляло почти неодолимыя трудности для большей части лицъ, имъ занимавшихся. Выборъ пьесъ для чтенія сдѣланъ съ тактомъ, котораго мы въ правѣ были ожидать отъ опытности и вкуса составителя Христоматіи, и, что заслуживаетъ особенное одобреніе, пьесы и отрывки расположены въ хронологическомъ порядкѣ во всѣхъ случаяхъ, когда можно было опредѣлить время ихъ сочиненія. Сверхъ того г. Галаховъ почти всегда пользовался порвоначальными изданіями извлекаемыхъ имъ трудовъ.

Особенное значеніе придаютъ Христоматіи примѣчанія, помѣщен-

---

[1]) Извѣстія И. А. Н. по Отд. рус. яз. и сл. 18 61, т. X.

ныя послѣ образцовъ каждаго автора и часто стоившія г. Галахову тщательныхъ изслѣдованій и большого труда. Примѣчанія эти очень разнообразны и относятся какъ къ исторіи литературы, такъ и къ библіографіи. Одни изъ нихъ излагаютъ болѣе или менѣе подробно содержаніе сочиненій, вошедшихъ въ текстъ цѣликомъ или отрывками; другія посвящены объясненію словъ и выраженій; третьи представляютъ важнѣйшія варіанты изъ разныхъ изданій разсматриваемаго труда; въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ сообщаются разныя идущія къ дѣлу подробности о дѣятельности писателей и другихъ современныхъ лицъ, а также и о рѣдкихъ или малоизвѣстныхъ книгахъ, о разныхъ фактахъ литературы вѣка и т. п. Такимъ образомъ заключающійся въ этихъ дополненіяхъ къ тексту коментарій представляетъ, хотя не въ систематическомъ порядкѣ, какъ бы практическій курсъ исторіи литературы. Для примѣра укажемъ на весьма любопытныя примѣчанія къ собранію образчиковъ изъ Сумарокова. Здѣсь разсказано между прочимъ содержаніе слѣдующихъ изъ драматическихъ его сочиненій: Хорева, Тресотиніуса, Семиры, Лихоимца и Мстислава. Къ примѣчанію 1-му прибавлены свѣдѣнія о томъ, какъ поспѣшно и небрежно Сумароковъ трудился и издавалъ свои труды; къ прим. 47-му — замѣтка о книжкѣ Торжествующая Минерва; въ прим. 51 приведено извѣстное письмо Екатерины II къ Сумарокову съ объясненіемъ предшествовавшихъ ему обстоятельствъ. Въ прим. 34 о статьѣ: „Сонъ — счастливое общество", занесенной въ текстъ изъ Трудолюбивой пчелы, сказано: „Счастливое общество есть своего рода утопія, заключающая въ себѣ нѣсколько свѣтлыхъ и важныхъ мыслей, изъ которыхъ иныя осуществлены правительствомъ, а другія ждутъ еще осуществленія; таковы: учрежденіе государственнаго совѣта, сводъ законовъ, упрощеніе и сокращеніе дѣлопроизводства, образованіе сословія адвокатовъ". Многія примѣчанія во всей книгѣ снабжены ссылками какъ на сочиненія самихъ авторовъ, съ которыми знакомитъ Христоматія, такъ и на разные историко-литературные труды. При такомъ обиліи свѣдѣній, разсѣянныхъ въ этомъ сборникѣ и свидѣтельствующихъ объ обширныхъ самостоятельныхъ разысканіяхъ составителя, Христоматія г. Галахова представляетъ для самихъ преподавателей богатый матеріалъ къ основательнѣйшему изученію исторіи нашей литературы.

Само собою разумѣется, что при подробномъ разборѣ всѣхъ частностей Христоматіи, который не входилъ въ нашъ планъ при этомъ указаніи на новое пособіе, мы могли бы не согласиться съ г. Галаховымъ въ иномъ взглядѣ, въ предпочтеніи того или другого произведенія избранныхъ имъ писателей, и т. п.; но такое неизбѣжное во всякомъ литературномъ дѣлѣ разномысліе, нисколько не мѣшаетъ намъ видѣть въ книгѣ г. Галахова превосходный трудъ, обѣщающій нашей литературѣ и педагогикѣ неоцѣненную пользу, и съ нетерпѣ-

ніемъ ожидать 2-го тома Христоматіи, который долженъ обнять новѣйшій періодъ нашей литературы, начиная съ Карамзина.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выписать изъ предисловія г. Галахова мѣсто, которое покажетъ, какъ разумно онъ вообще смотрѣлъ на свою задачу и какими началами руководствовался при составленіи своего сборника:

„Назначеніемъ книги опредѣлился ея составъ. Изъ сочиненій какого-либо писателя вошли въ нее наиболѣе характеристичныя, которыя отличаютъ его, какъ особаго дѣятеля, въ ряду другихъ авторовъ, и по которымъ онъ занялъ мѣсто въ исторіи литературы. Эта характеристика, соотвѣтственно двумъ сторонамъ словесныхъ произведеній, должна указывать двоякое ихъ значеніе: историческое и литературное. Чѣмъ знаменательнѣе была дѣятельность писателя, тѣмъ больше матеріала онъ далъ сборнику. Заимствованія въ этомъ случаѣ не ограничивались лучшимъ, отборнѣйшимъ: они имѣли въ виду свидѣтельствовать также о постепенномъ возрастаніи таланта, отъ первыхъ его опытовъ въ литературѣ до самыхъ зрѣлыхъ его произведеній. Въ интересѣ науки любопытно сличить, напримѣръ, нестройный переводъ Фенелоновой оды Ломоносова съ мастерскимъ его переложеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ книги Іова, или такой же переводъ Геснеровой идилліи, Карамзина, съ художественнымъ повѣствованіемъ въ Исторіи Государства Россійскаго. Что же касается до второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, они, конечно, не имѣютъ права на такое вниманіе: Христоматія беретъ у нихъ лучшее ихъ достояніе, на сколько понятіе о лучшемъ можетъ согласоваться съ педагогическими требованіями учебника.

„Для исторіи литературы, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначить то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ. Многіе приговоры ихъ о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій отличаются замѣчательною вѣрностью. Если наука не всегда видитъ въ ихъ отзывѣ сознательное опредѣленіе литературнаго факта, то этотъ отзывъ всегда уважителенъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Ни исторія литературы, ни христоматія не имѣютъ права пренебрегать имъ: одна обязана объяснить причину громкой молвы, сопровождавшей какое-либо сочиненіе, другая — отвести ему мѣсто на своихъ страницахъ, какъ такому, современное значеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Объясню сказанное примѣромъ. Вскорѣ за появленіемъ „Фелицы", напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. Одно стихотвореніе, подписанное буквами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), говоритъ, что Державинъ проложилъ „новый путь" на Парнассъ, что

. . . . . . кромѣ пышныхъ одъ
во стихотворствѣ есть „иной хорошій родъ".

Признаки этого „новаго стихотворнаго рода" указаны его противоположностью „пышнымъ одамъ". „Оды", замѣчаетъ „Собесѣдникъ" въ одной статьѣ, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; Фелица написана „совсѣмъ инымъ слогомъ", какъ прежде такого рода писались. Въ другомъ стихотвореніи, Кострова, также признается за Державинымъ слова обрѣтенія „новаго и непротоптаннаго пути": ибо въ то время, какъ „слухъ нашъ оглохъ отъ громкихъ тоновъ, Державинъ сумѣлъ безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣянія Фелицы; ему дана была способность и важно пѣть, и играть на гудкѣ". Впослѣдствіи Державинъ подкрѣпилъ справедливость похвальныхъ о себѣ отзывовъ собственнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ:

. . . . . . Первый я дерзнулъ въ забавномъ Русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить.

Назвавъ Державина „пѣвцомъ Фелицы", современники его дали знать, что особенность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой піесѣ. Справедливое проименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ Державинъ тоже „пѣвецъ Фелицы"; пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для дальнѣйшаго времени. И то поэтическое отличіе, которое его обезсмертило, этотъ „забавный русскій слогъ" — развѣ понятіе о немъ измѣнилось? Критика раскрыла объемъ и содержаніе понятія, указала въ подробности значеніе небывалаго дотолѣ въ искусственной русской поэзіи сочетанія двухъ тоновъ, высоко лирическаго и рѣзко сатирическаго, въ одной и той же піесѣ, которая потому становится какъ бы одой-сатирой или сатирой-одой, но не выходила изъ предѣловъ, начертанныхъ самосознаніемъ Державина.

„Не только голосъ людей, стоявшихъ близко къ литературному памятнику, но и воззрѣнія на него послѣдующихъ эпохъ, христоматія обязана принимать къ свѣдѣнію: ибо одинъ и тотъ же памятникъ для разныхъ поколѣній представляетъ разный интересъ. Современная обстановка сочиненія теряетъ свою прелесть и даже смыслъ въ дальнѣйшее время. Политическія и общественныя отношенія, среди которыхъ оно выросло и которыя въ немъ отразились, становятся на второй планъ или и совсѣмъ скрываются изъ виду, такъ что для точнаго ихъ уразумѣнія оказывается нужда въ коментаріи. Старое сочиненіе нравится новымъ людямъ не тѣмъ, чѣмъ нравилось прежде, а другими сторонами, сообразно тяготѣнію времени къ извѣстнымъ предметамъ. Историческое значеніе уступаетъ мѣсто дидактическому или чисто-литературному началу. Читатель дорожитъ красотою слога или силою мысли, независимо отъ тѣхъ отношеній, которыми произведеніе связывалось съ минувшею дѣйствительностью".

Замѣтимъ наконецъ, что книга напечатана въ два столбца убори-

стымъ шрифтомъ и притомъ весьма исправно и опрятно, даже красиво. Жаль только, что издатель, для облегченія прісканія статей, ограничился однимъ оглавленіемъ. Еслибъ на верху каждой страницы были означены въ послѣдовательномъ порядкѣ имена авторовъ и заглавія статей, находящихся въ текстѣ, то читатель еще съ гораздо большимъ удобствомъ могъ бы пользоваться прекраснымъ трудомъ г. Галахова. Очень было бы желательно, въ этомъ отношеніи, чтобы къ концу второго тома были приложены алфавитные указатели писателей и предметовъ, составляющихъ содержаніе Христоматіи какъ въ текстѣ такъ и въ примѣчаніяхъ.

---

2. **Историческая христоматія новаго періода русской словесности. Томъ II отъ (Карамзина до Пушкина).** Составилъ *А. Галаховъ.* С.-Петербургъ 1864 года [1]).

Первый томъ этой христоматіи, обнимающій періодъ отъ Петра I до Карамзина, появился въ 1861 году. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ нуждающіеся въ подобныхъ изданіяхъ ожидали продолженія. При выпускѣ 1-го тома, г. Галаховъ думалъ довести 2-й до нашего времени, но по объему, въ который разрослось бы содержаніе такого обширнаго періода, онъ увидѣлъ необходимость раздѣлить его еще на двѣ эпохи, и въ изданный теперь томъ вошли только писатели отъ Карамзина до Пушкина. Будемъ ли винить г. Галахова за такое отступленіе отъ первоначальнаго плана, какъ и за то, что книга заставила ждать себя? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣтитъ сама книга: если она хороша и удовлетворяетъ тому, чего мы отъ нея въ правѣ требовать, то ни за поздній ея выходъ, ни за предѣлы, данные ея содержанію, нельзя кажется сѣтовать на издателя.

Этотъ томъ ни въ чемъ не уступаетъ предыдущему и представляетъ такой же богатый запасъ историко-литературныхъ и библіографическихъ свѣдѣній. Мѣста изъ писателей выбраны не на удачу, а съ опредѣленной идеей: г. Галаховъ старался, съ одной стороны, чтобы самыя эти извлеченія служили, по возможности, матеріаломъ для ближайшей характеристики своего времени, а съ другой, чтобы они не были отрывочны, чтобы каждая выписка представляла болѣе или менѣе что-нибудь цѣлое. Какъ бы кто ни вооружался противъ христоматій, онъ долженъ согласиться, что при такомъ пониманіи ихъ задачи онѣ

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1864 г. № 305.

становятся книгами не только существенно-полезными, но и незамѣнимыми въ учебной практикѣ. Одни разсказы о писателяхъ не дадутъ непосредственнаго знакомства съ литературой, а цѣлыя собранія сочиненій неудобно да и невозможно давать въ руки учащимся. Сборникъ г. Галахова, назначенный преимущественно для педагогическихъ цѣлей, соединяетъ въ себѣ однакожъ и характеръ ученаго труда: какъ для біографій писателей, такъ и для историко-литературныхъ и біографическихъ указаній добросовѣстный и строгій къ себѣ составитель предпринималъ обширныя разысканія; безпрестанныя ссылки на старые и новые журналы свидѣтельствуютъ, какой широкій планъ онъ положилъ въ основаніе своей задачи и какъ зорко слѣдилъ за всѣми изданіями, откуда могъ почерпать матеріалы для ея выполненія. У насъ издавать такія учебныя пособія — не то, что въ другой болѣе разработанной литературѣ: у насъ преподаватель русской словесности, если онъ не хочетъ итти по слишкомъ избитой колеѣ, долженъ быть самъ и изслѣдователемъ; наоборотъ, и ученый, желающій плодотворнаго распространенія познаній въ этой области науки, не долженъ пренебрегать трудомъ педагогическимъ. Г. Галаховъ, издавъ уже нѣсколько пособій, счастливо соединяющихъ оба элемента, оказалъ литературѣ значительную услугу. Біографическая часть его примѣчаній къ Христоматіи представляетъ много новаго, и мы не можемъ не одобрить его правила, сообщать свѣдѣнія этого рода особенно о тѣхъ писателяхъ, о которыхъ до сихъ поръ мало знали. Этому мы обязаны тѣмъ, что христоматія г. Галахова въ первый разъ даетъ довольно обстоятельные очерки жизни нѣкоторыхъ замѣчательныхъ дѣятелей, какъ напр. Лабзина, Бенитскаго, кн. Вяземскаго и др. Библіографическая часть указываетъ, гдѣ въ первый разъ было напечатано каждое изъ выбранныхъ произведеній, и вмѣстѣ знакомитъ нерѣдко съ самими журналами, которыхъ заглавія приводятся. Ясно, что при такихъ достоинствахъ книга г. Галахова восполняетъ весьма чувствительный недостатокъ въ нашей учебной и ученой литературѣ и что она должна сдѣлаться необходимымъ пособіемъ для всякаго, кого интересуетъ исторія русской словесности.

Остается желать, чтобы г. Галаховъ не ограничился двумя изданными томами и разработалъ такимъ же образомъ періодъ Пушкинскій.

II.

Исторія русской словесности, древней и новой. Соч. А. Галахова. Томъ II. (Исторія новой словесности, отъ Карамзина до Пушкина). Первая половина. С.-Петербургъ, 1868. Большая 8-шка; IV, 336 и VII стр. [1]).

1869.

Историческія сочиненія — у насъ рѣдкость, и потому всякую книгу этого рода нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ удовольствіемъ. Тѣмъ отраднѣе появленіе такой книги, какъ продолженіе извѣстнаго труда г. Галахова. Ея ожидали давно и съ нетерпѣніемъ; на ея замедленіе сѣтовали; наконецъ она вышла, и полновѣсность ея содержанія, если не объема, примирила многихъ съ медлительностью автора.

Исторіи новой русской литературы, то-есть періода ея, начинающагося послѣ Петра Великаго, никто прежде г. Галахова не разработывалъ систематически въ такихъ размѣрахъ. Уже и первый отдѣлъ ея потребовалъ отъ него обширныхъ приготовительныхъ работъ; едва-ли менѣе трудовъ предстояло для вышедшей нынѣ части, обнимающей многознаменательную дѣятельность такихъ писателей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ и др. Правда, объ этихъ, самыхъ видныхъ, представителяхъ означеннаго періода было у насъ писано, особенно съ 40-хъ годовъ, довольно много; но нельзя сказать, чтобъ ихъ дѣятельность и значеніе были уже достаточно изучены; что же касается до менѣе крупныхъ явленій литературы, то свѣдѣнія о нихъ были до сихъ поръ крайне скудны и разбросаны. Г. Галахову пришлось во многихъ частяхъ своего историко-литературнаго труда итти по непроложенной дорогѣ, собирать самые первоначальные матеріалы, предпринимать изслѣдованія по нетронутымъ, хотя и весьма существеннымъ, вопросамъ. Предварительныя работы его начались очень давно; одну изъ важнѣйшихъ между ними составили объясненія по теоріи и исторіи словесности, прилагавшіяся имъ съ 1840-хъ гг. къ его хрестоматіи. Но это были по большей части только краткія извѣстія и замѣтки, заимствованныя имъ изъ разныхъ другихъ пособій или журнальныхъ статей. Совсѣмъ иное представляетъ „Исторія словесности“ г. Галахова. Конечно, и здѣсь, при обширности предмета, онъ не могъ взять на себя по всѣмъ частямъ задачи изслѣдователя, что особенно относится къ древнему періоду словесности; но во многихъ отдѣлахъ является у него трудъ самостоятельный, обнаруживающій

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1869, февр. ч. CXLI.

непосредственное изученіе разсматриваемыхъ произведеній или вопросовъ, и намъ особенно пріятно видѣть, что, чѣмъ далѣе подвигается работа, тѣмъ независимѣе становится авторъ не только въ самомъ изслѣдованіи, но и во взглядахъ. Въ 1-мъ томѣ Исторіи литературы г. Галахова мы замѣчали иногда, что сужденія его недовольно опредѣленны и положительны: мѣстами онъ какъ будто уступаетъ ходячимъ современнымъ воззрѣніямъ и избѣгаетъ слишкомъ рѣшительныхъ отзывовъ о томъ или другомъ лицѣ. Въ настоящемъ томѣ мы этого уже почти вовсе не видимъ. Таковъ, безъ сомнѣнія, обыкновенный ходъ развитія мысли во всякомъ обширномъ предпріятіи умственномъ; но здѣсь надобно имѣть въ виду еще и то, что г. Галаховъ издавна изучалъ съ особенною любовью нѣкоторыхъ изъ писателей, вошедшихъ въ этотъ выпускъ. Параграфы, относящіеся къ Карамзину, составляютъ болѣе трети всей книги и отдѣланы съ особеннымъ тщаніемъ. Мы до сихъ поръ еще не имѣли труда, въ которомъ бы съ такою полнотою были разсмотрѣны всѣ стороны дѣятельности, всѣ произведенія и взгляды нашего знаменитаго историка [1]). Можно только пожалѣть, что почти весь этотъ первый отдѣлъ книги не только написанъ, но и напечатанъ прежде юбилея Карамзина, такъ что всѣми матеріалами, изданными по этому случаю, авторъ могъ воспользоваться только въ дополненіи, приложенномъ къ концу книги.

Разбирая достоинство и значеніе трудовъ Карамзина, г. Галаховъ сравниваетъ ихъ съ однородными не только русскими, но и иностранными сочиненіями того времени, и вообще весьма строго держится исторической точки зрѣнія, Такъ, въ § 3-мъ превосходно разобраны *Письма русскаго путешественника*, сравнительно съ письмами Фонвизина изъ Франціи, и опровергнуто мнѣніе, не разъ упрекавшее автора первыхъ въ томъ, что онъ во время своего пребыванія за границею слишкомъ мало обращалъ вниманія на тогдашнее политическое состояніе Европы.

„Въ содержаніи и тонѣ писемъ", — основательно замѣчено г. Галаховымъ (стр. 9), — „всегда сказывается отношеніе того, кто ихъ пишетъ, къ тому, для кого они пишутся. Каковы отношенія, таковы и письма. Объяснять молчаніе Карамзина о французской революціи тѣмъ, что онъ не замѣчалъ или не понималъ ея, такъ же странно, какъ, напримѣръ, маловажность его долголѣтней переписки съ братомъ [2]) объяснять тѣмъ, что онъ въ теченіе всего этого времени не

[1]) Сюда не идутъ болѣе обширные біографическіе труды относительно Карамзина, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ книга г. Погодина и, хотя менѣе обширный, но замѣчательный трудъ профессора Булича.

[2]) Васильемъ Михайловичемъ; она напечатана въ *Атенеѣ* 1858 г. На стр. 84 своей книги, въ примѣчаніи, г. Галаховъ по недосмотру называетъ этого брата Александромъ.

обращалъ своей мысли ни на что серіозное. Мудрецы литературной механики могли бы простѣе открыть ларчикъ. Ни съ семействомъ Плещеевыхъ, ни съ братомъ своимъ Карамзинъ не имѣлъ намѣренія входить въ сужденія о важныхъ матеріяхъ, — вотъ и все. Важное держалъ онъ про себя, а съ иными знакомыми и родными бесѣдовалъ о неважномъ. Изъ писемъ Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору легко опредѣлить отношеніе Карамзина къ историческому перевороту: началось оно сочувствіемъ, а потомъ перешло въ разочарованіе. Нельзя ни сочувствовать тому, ни разочаровываться тѣмъ, что не было предметомъ особеннаго интереса. Когда же этотъ интересъ явился у Карамзина? Ужели непремѣнно черезъ четыре года послѣ его путешествія, то-есть въ 1794 г., къ которому относится переписка Филалета съ Мелодоромъ? Какъ доказать, что не ранѣе? И нужно ли это доказывать?"

Разбирая Письма русскаго путешественника, г. Галаховъ между прочимъ выражаетъ мнѣніе, что Карамзинъ подражалъ въ нихъ Стерну (стр. 15). Нельзя, конечно, отрицать, что въ духѣ и тонѣ этихъ писемъ часто обнаруживается сильное вліяніе чувствительнаго путешественника, на котораго нашъ молодой писатель смотрѣлъ съ удивленіемъ и восторгомъ. Но въ содержаніи своихъ писемъ и въ способѣ изложенія Карамзинъ вовсе не слѣдовалъ Стерну: послѣдній, держась особенной манеры, разсказываетъ только бывшіе съ нимъ частные случаи: анекдоты, встрѣчи; онъ вовсе не описываетъ мѣстъ, нравовъ, не сообщаетъ фактическихъ свѣдѣній, тогда какъ все это служитъ главною основой писемъ Карамзина, который своимъ положительнымъ умомъ и историческимъ направленіемъ представлялъ совершенную противоположность съ англійскимъ писателемъ. Г. Галаховъ и самъ указываетъ на рѣзкое различіе между талантомъ Карамзина и юморомъ Стерна. Но потому-то и надобно было выставить, что въ Письмахъ русскаго путешественника нѣтъ ничего Стерновскаго, кромѣ чувствительности, которою заразилась тогда почти вся европейская литература. Вотъ Владиміръ Измайловъ былъ въ полномъ смыслѣ подражателемъ (хотя и несчастнымъ) Стерну. Онъ, какъ замѣчаетъ и г. Галаховъ (стр. 120), „почти вовсе не думалъ знакомить своего читателя съ предметами, которые встрѣчались ему на пути: главнѣйшимъ образомъ заботился онъ о передачѣ ему впечатлѣній, возбуждаемыхъ предметами важными и неважными".

Относительно средствъ, на которыя Карамзинъ путешествовалъ, г. Галаховъ, сомнѣваясь въ справедливости преданія объ отправленіи его на счетъ Дружескаго общества, говоритъ (стр. 5): „Вѣрнѣе другое извѣстіе, по которому Карамзинъ, для покрытія путевыхъ издержекъ, продалъ братьямъ доставшуюся ему часть отцовскаго наслѣдства или заимообразно взялъ у старшаго брата извѣстную сумму денегъ въ

счетъ доходовъ съ имѣнія". Первое изъ этихъ двухъ предположеній было прежде выражено г. Погодинымъ; но изъ переписки Карамзина теперь извѣстно, что продажа симбирскаго имѣнія братьямъ относится къ позднѣйшему времени [1]). Преданіе же о томъ, что Карамзинъ путешествовалъ на деньги, полученныя имъ изъ другихъ рукъ, подтверждается слѣдующимъ разсказомъ Ѳ. Н. Глинки въ его рукописныхъ *Воспоминаніяхъ* о Карамзинѣ:

„Я спросилъ у Николая Михайловича, какъ онъ составилъ у себя такую богатую библіотеку. C'est le fruit de mes épargnes, отвѣчалъ онъ, и пояснилъ: «Отправившіе меня за границу выдали путевыя деньги по разсчету на каждый день: на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Я лишилъ себя *ужина*, и на эти деньги (за границею книги дешевы) закупилъ много книгъ. Такимъ образомъ я возвратился съ лучшимъ здоровьемъ и съ библіотекою»".

По мнѣнію автора „Исторіи русской словесности" (стр. 18), литература Франціи и Англіи „оказала на Карамзина преобладающее вліяніе. Признаки галломаніи были въ немъ замѣтны по возвращеніи изъ путешествія; онъ любилъ пересыпать свою рѣчь французскими словами, такъ что, по свидѣтельству Каменева, на десять русскихъ словъ приходилось по малой мѣрѣ одно французское. Убѣжденія касательно многихъ предметовъ сформировались также на чтеніи французскихъ и англійскихъ писателей; Германія оставалась на заднемъ планѣ".— Мы знаемъ, что Шекспиръ, Стернъ, Вольтеръ, Руссо, Бартелеми, Боннетъ были изъ числа любимыхъ писателей Карамзина; но французскихъ классиковъ вѣка Людовика XIV онъ не жаловалъ; французское легкомысліе было ему столько же ненавистно, какъ эгоизмъ Англичанъ, въ которыхъ онъ однакожъ глубоко уважалъ ихъ привязанность къ домашней и семейной жизни. Въ отношеніи къ народностямъ онъ былъ совершенно безпристрастенъ и въ каждой націи сочувствовалъ тому, что̀ отвѣчало его собственнымъ духовнымъ потребностямъ. Многихъ нѣмецкихъ писателей прочелъ онъ съ горячимъ увлеченіемъ. Только въ Германіи и Швейцаріи посѣщалъ онъ литературныхъ корифеевъ, знакомился съ ними и слушалъ ихъ съ юношескимъ энтузіазмомъ. Кантъ, Гете, Рамлеръ, Платнеръ, Виландъ, Морицъ, Лафатеръ, Геснеръ (тогда уже умершій) интересовали его въ высшей степени; пребываніе въ пансіонѣ Шадена, читавшаго по Гесперу, и знакомство съ Ленцемъ еще прежде путешествія породнили Карамзина съ германскою литературой. Извѣстно, что и другъ его Петровъ особенно цѣнилъ ее. Свидѣтельство Каменева о галломаніи Карамзина, выра-

---

[1]) Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 53) Карамзинъ пишетъ отъ *5 апрѣля 1795 г.*: „Въ Симбирскѣ былъ я не даромъ: продалъ свое имѣніе, не чужимъ, а братьямъ, за 16.000 руб. Хорошо или худо сдѣлалъ, не знаю".

зившейся будто бы употребленіемъ множества французскихъ словъ въ разговорѣ, должно быть принимаемо съ критикою: не только въ Письмахъ русскаго путешественника, но и въ письмахъ къ Дмитріеву, болѣе ранняго времени, онъ очень рѣдко и съ замѣчательною осмотрительностью позволялъ себѣ прибѣгать къ французскимъ словамъ и оборотамъ, а мы знаемъ, что Карамзинъ не допускалъ большого различія между письменною и разговорною рѣчью. На слова Каменева г. Галаховъ ссылается еще разъ (стр. 54), говоря, что Карамзинъ въ началѣ своего авторскаго поприща принималъ за образецъ французскую конструкцію. Относительно заслуги его въ развитіи письменнаго языка г. Галаховъ еще держится мнѣнія Шевырева, первоначально высказаннаго Вл. Измайловымъ, что она состояла, между прочимъ, въ сближеніи русскаго языка съ тѣми европейскими, которые сходствуютъ съ нимъ въ словорасположеніи (стр. 81 и 119). При другомъ случаѣ нами было уже высказано, какимъ образомъ, на нашъ взглядъ, должно понимать собственное сознаніе Карамзина, что онъ сначала подражалъ иностраннымъ авторамъ [1]). Переносить синтаксисъ одного языка въ другой невозможно безъ насилія; заимствовать конструкціи изъ чужого языка было бы дѣломъ неблагодарнымъ и безплоднымъ: такія конструкціи всегда сохраняютъ на себѣ печать своего чуждаго происхожденія и не прививаются къ рѣчи. Если со времени Карамзина русская проза, по своему строю, стала ближе къ прозѣ французской и англійской, нежели къ латинской, которую отчасти имѣлъ въ виду Ломоносовъ, то это потому только, что Карамзинъ, понявъ истинный духъ своего языка, далъ ему въ письменной рѣчи естественное теченіе, въ которомъ съ нимъ сходятся языки французовъ и англичанъ. Чуждаясь тяжелаго книжнаго языка, Карамзинъ старался писать ближе къ разговорному и придать своей прозѣ ту пріятность, которую онъ находилъ въ книгахъ лучшихъ иностранныхъ писателей: вотъ въ чемъ состояло подражаніе, о которомъ онъ говорилъ. Поэтому никакъ не считаемъ возможнымъ сказать вмѣстѣ съ г. Галаховымъ: „Простое и ясное словопостроеніе Карамзина могло быть слѣдствіемъ не одного подражанія французамъ и англичанамъ, но и знакомства съ народною рѣчью" (стр. 82). Повторяемъ: простое и ясное словопостроеніе Карамзина было слѣдствіемъ его глубокаго знанія русскаго языка, происходило отъ его яснаго ума и тонкаго вкуса, который въ литературной рѣчи требовалъ изящества, подмѣченнаго имъ у любимыхъ писателей западной Европы.

Полемика Шишкова противъ Карамзина и его послѣдователей изложена г. Галаховымъ такъ основательно и подробно, какъ никто

---

[1]) См. статью мою: „Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка" въ *Журналѣ Мин. Нар. Прос.* за апрѣль 1867 года.—См. „Труды", т. I.

еще не разсматривалъ ея; между прочимъ онъ въ первый разъ указалъ на самыя тѣ книги и книженки, изъ которыхъ безпощадный гонитель новаго слога почерпалъ свои примѣры, желая сложить всю вину другихъ на одного Карамзина (стр. 55 и 63): такъ какъ въ этомъ языкѣ Шишковъ былъ много обязанъ „россійскому сочиненію" А. О. (Орлова) *Утѣхи меланхоліи* (1802), то г. Галаховъ и выписываетъ оттуда отрывокъ, чтобы познакомить читателя съ смѣшными крайностями новаго слога и съ такими же крайностями сентиментализма. Признавъ дѣло Шишкова вполнѣ проиграннымъ и въ теоріи и на практикѣ, онъ однако же видитъ и полезную сторону въ поднятомъ имъ спорѣ:

„Нельзя сказать", заключаетъ г. Галаховъ, „что онъ *открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово* (отзывъ С. Т. Аксакова): нововводитель не обязанъ отвѣчать за кривые пути своихъ послѣдователей; но должно сказать, вмѣстѣ съ Каченовскимъ, что обличивъ нелѣпости русско-французскаго слога, онъ *предостерегъ многихъ молодыхъ людей отъ вреднаго заблужденія, заставилъ ихъ стыдиться галломаніи, показалъ ничтожество блестящихъ мелочей и обратилъ къ полезнѣйшимъ трудамъ.* Конечно, наука не воспользовалась его академическими разсужденіями; но призывъ русскихъ писателей къ памятникамъ народной и древне-русской словесности для устройства литературнаго языка, который долженъ замѣнить жеманную, манерную болтовню многихъ современныхъ ему авторовъ, достоинъ полнаго уваженія" (83).

При обстоятельномъ разсмотрѣніи Исторіи Карамзина г. Галаховъ употребляетъ прекрасный пріемъ сличенія ея съ его же „Запиской о древней и новой Россіи", чтобы выяснить его образъ мыслей, его идеалы общественной и частной жизни. Но здѣсь г. Галаховъ устраняетъ отъ себя обязанность рѣшить, „вѣрны ли въ историческомъ смыслѣ характеристики лицъ у Карамзина, то-есть, согласны ли онѣ съ дѣйствительными ихъ образами, начертанными въ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ". „Историко-литературная критика", поясняетъ г. Галаховъ, „смотритъ единственно на вѣрность характеровъ самимъ себѣ, на ихъ внутреннюю соотвѣтственность тому представленію, какое имѣлъ о нихъ авторъ" (стр. 108). Едва-ли справедливо такъ ограничивать обязанность историка литературы; намъ кажется, что такимъ слишкомъ умѣреннымъ требованіемъ умаляется его значеніе. Исторія литературы есть только отрасль исторіи въ обширномъ смыслѣ; оттого вполнѣ подготовленному историку литературы не должны быть чужды высшіе вопросы исторической науки. Онъ долженъ умѣть обсудить со всѣхъ сторонъ историческій трудъ, назначенный для обширнаго круга читателей. Исторія не есть такая спеціальная наука, какъ ботаника или химія; она, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, соста-

вляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей общаго образованія, и каждый читатель ждетъ отъ историка литературы полнаго приговора о трудѣ историческомъ. Кто же, если не историкъ литературы, будетъ критикомъ сочиненій этого рода? Историкъ государства или народа, погруженный въ свои изслѣдованія или занятый изложеніемъ своего предмета, можетъ и не высказываться о трудахъ своихъ предшественниковъ. При разсмотрѣніи историческаго романа, поэмы или драмы, историкъ литературы можетъ, пожалуй, уволить себя отъ сужденія, въ какой мѣрѣ авторъ правильно понимаетъ характеры и факты; но какое основаніе имѣетъ онъ такъ стѣснять свою задачу при сужденіи о трудѣ, главное достоинство котораго заключается именно въ исторической правдѣ? Такимъ основаніемъ могла бы развѣ служить только недостаточная подготовка историка литературы: на *нѣтъ* и суда нѣтъ; но г. Галаховъ не въ правѣ опираться на эту причину. Вотъ почему, какъ ни умны страницы его книги, относящіяся къ *Исторіи Государства Россійскаго*, мы сожалѣемъ, что онъ устранилъ себя отъ болѣе глубокаго разбора ея, сожалѣемъ, тѣмъ болѣе, что такой разборъ, конечно, былъ по силамъ г. Галахову и не могъ измѣнить его окончательнаго заключенія:

„По важности и благородству идеаловъ, проведенныхъ Карамзинымъ", — говоритъ онъ, — „по искусству съ какимъ они проведены, по силѣ патріотическаго чувства, равно по искусной постройкѣ и красотѣ внѣшней формы его трудъ есть твердый памятникъ, воздвигнутый во славу родной земли и въ свою собственную славу: онъ будетъ говорить потомству о своемъ творцѣ до тѣхъ поръ, пока, выражаясь словами поэта, есть у насъ отечество".

Притомъ границы литературной критики, которыми добровольно стѣсняетъ себя авторъ Исторіи литературы, находятся въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ его же пріемами при разборѣ Исторіи Карамзина: онъ разсматриваетъ воззрѣнія исторіографа, прибѣгаетъ для того къ сличенію Исторіи съ Запискою и отыскиваетъ въ Исторіи отраженія современности. Этотъ послѣдній пріемъ, сколько мы помнимъ, еще въ первый разъ примѣняется къ Исторіи Карамзина и подаетъ г. Галахову поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ сопоставленіямъ.

„Быстрой и кабинетной работѣ своихъ современниковъ", замѣчаетъ онъ, „Карамзинъ противопоставляетъ медленную, на опытѣ вѣковъ основанную работу прежняго времени. Въ похвалѣ Іоанну IV и его совѣтникамъ за Судебникъ нельзя не видѣть косвеннаго порицанія дѣйствій Сперанскаго по комиссіи законовъ... Намеки Исторіи на текущія дѣла какъ бы подтверждаютъ слова ея предисловія о пользѣ этой науки... Признаніе своего труда не безполезнымъ въ государственномъ смыслѣ могло явиться у скромнаго автора только по вѣрѣ въ силу историческихъ откровеній для правительственной дѣятель-

ности. Вліяніе живущаго нерѣдко выдается у него и похвалами и упреками, равно благородными, произносимыми по поводу разсказа объ отжившемъ. Иногда оно такъ ярко, что повѣствованіе допускаетъ лирическую вставку или принимаетъ драматическую форму" (стр. 101 и 102).

Главною заслугою Дмитріева г. Галаховъ полагаетъ образованіе стихотворной рѣчи, вызванное примѣромъ Карамзина и соотвѣтствовавшее какъ свойству французскаго языка, съ котораго переводилъ Дмитріевъ, такъ и роду сочиненій, которыя онъ переводилъ; переводилъ же онъ и сочинялъ преимущественно басни, сказки, сатиры, эпиграммы и разныя мелкія піесы (poésies fugitives); а содержаніе такихъ сочиненій выражается легкимъ, свободнымъ, подходящимъ къ разговорному языку стихомъ. Все это совершенно справедливо; но здѣсь слѣдовало рѣзче выставить сущность значенія Дмитріева въ русской литературѣ, которое, по нашему мнѣнію, состояло въ сближеніи поэзіи съ жизнью, къ чему путемъ служили безъ сомнѣнія съ одной стороны самый родъ большей части его стихотвореній, а съ другой языкъ ихъ. У Дмитріева въ первый разъ содержаніе и форма явились въ гармоническомъ сліяніи, которое, при его талантѣ, и доставило популярность его стихамъ. Первый, кто у насъ популяризовалъ поэзію, былъ Державинъ. Оды Ломоносова, при всей величественной красотѣ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ, были отвлеченны, безжизненны и сухи. Державинъ понялъ это, и сохранивъ форму оды, далъ ей новый характеръ: онъ низвелъ ее съ заоблачной высоты на землю, внесъ въ нее простой тонъ, шутку, насмѣшку, описаніе житейскихъ, обиходныхъ предметовъ („въ забавномъ русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласилъ"). Дмитріевъ въ одѣ не умѣлъ усвоить себѣ этихъ же качествъ, но зато онъ связалъ ихъ съ стихами другого содержанія и тѣмъ ступилъ еще шагъ впередъ въ разрѣшеніи задачи сдѣлать поэзію общедоступною и занимательною. Конечно, и Карамзинъ въ своихъ стихахъ шелъ тѣмъ же путемъ; „стихотворенія его", говоритъ г. Галаховъ, „если разсматривать въ нихъ только складъ рѣчи, не отличаются отъ стихотвореній Дмитріева"; но дѣло въ томъ, что Карамзинъ не обладалъ тѣмъ же поэтическимъ талантомъ и потому вліяніе его въ этой сферѣ дѣятельности осталось незначительнымъ.

Изъ дѣятелей, водившихъ перомъ въ славную эпоху 12-го года, особенно выдаются своею оригинальною физіономіей Сергѣй Глинка и графъ Ростопчинъ, эти двѣ разнородныя личности, которымъ пришлось встрѣтиться на одномъ поприщѣ и даже итти нѣкоторое время объ руку: г. Галаховъ умѣлъ представить ихъ очень рельефно. Перваго относитъ онъ къ числу тѣхъ наивныхъ и безвѣстныхъ личностей, которыя выводятся обстоятельствами времени на предназначенное имъ дѣланіе, всецѣльно предаются ему, сколько по инстинкту, столько

же по сознанному долгу, и совершаютъ то, чего не могли бы совершить сильные и мудрые міра. „Перо Глинки, первое на Руси, начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже въ тѣ роздыхи, когда русскіе штыки отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ и выжидая новаго вызова къ дѣйствію... Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массѣ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ „*Русскаго Вѣстника*... Но съ прекращеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ дѣятельность Глинки, ослабѣлъ и возбужденный ею интересъ; авторскаго же таланта у него не было. Въ печати онъ отличался такою же торопливостью, какъ и въ разговорѣ... Его скороговореніе и скорописаніе вошли въ пословицу... Все у него дѣлалось на живую нитку: Русскую исторію писалъ онъ шутя, по отзыву его пріятелей... Удивляться ли послѣ этого, что съ 1813 года *Русскій Вѣстникъ* отошелъ въ сторону, уступивъ свое мѣсто *Сыну Отечества*?“ (стр. 143 — 146). Совсѣмъ другого закала человѣкъ былъ сотрудникъ Глинки по *Русскому Вѣстнику*, графъ Ростопчинъ. Онъ, по замѣчанію г. Галахова, „не былъ записнымъ литераторомъ; онъ принимался за перо только въ особенныхъ случаяхъ, когда явное или тайное нашествіе враждебной намъ силы требовало воззваній къ національному чувству. Но живой, бойкій языкъ, не стѣсненный рутинерствомъ, мѣткое [1]) и рѣзкое остроуміе, своеобразность колкой и желчной сатиры ставятъ его въ число немногихъ оригинальныхъ писателей нашихъ. Онъ, какъ говорится, не ходилъ въ карманъ за словомъ и не чувствовалъ ложнаго стыда, если слово являлось крупное, подъ пару его крупной мысли. Легко предугадывать, что бы изъ него вышло, еслибъ онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ“ (стр. 147).

Изъ писанныхъ по-французски сочиненій графа Ростопчина можно было бы упомянуть также о его *La Vérité sur l'inccndie de Moscou*, тѣмъ болѣе, что эта брошюра переведена и на русскій языкъ („Правда о пожарѣ Москвы“, перев. А. Волковъ, М. 1823). Извѣстно, что здѣсь авторъ отрицаетъ участіе русскихъ въ сожженіи Москвы и приписываетъ это бѣдствіе однимъ французамъ. Какъ объяснить такое явное противорѣчіе истинѣ? Фарнгагенъ фонъ-Энзе, который въ 1817 году познакомился съ Ростопчинымъ въ Баденъ-Баденѣ и рѣзкими чертами

---

[1]) Прошу извиненія у А. Д. Галахова въ томъ, что измѣняю его правописаніе въ этомъ словѣ. Онъ пишетъ *меткій*, и повидимому производитъ это прилагательное отъ глагола *метать*. Но очевидно, что оно въ самомъ близкомъ родствѣ съ глаголомъ *мѣтить* (за, — при, — на, от-мѣтить = мѣчать) *Мѣтокъ* не тотъ, кто легко или далеко *метаетъ* (ср. *броскій*), а тотъ, кто искусно *мѣтитъ*. Также неправильно нѣкоторые пишутъ *смета* вмѣсто *смѣта* (какъ примѣта, замѣтка и проч.).

изображаетъ эту, по его словамъ, полудемоническую личность, думаетъ, что поводомъ къ разсказу такой небылицы было намѣреніе Ростопчина возвратиться въ Россію и желаніе избѣгнуть тамъ вражды за энергическій образъ дѣйствій, стоившій многимъ имущества [1]). Нѣкоторые изъ современниковъ его, напротивъ, утверждаютъ, что книжка эта была дѣломъ мести, что такъ какъ многіе возненавидѣли виновника своего раззоренія, то онъ изъ мщенія захотѣлъ отнять у русскихъ честь геройскаго самопожертвованія. Оба объясненія близки одно къ другому.

Параграфы, посвященные г. Галаховымъ роману и драмѣ, представляютъ много новаго. Съ нѣкоторыми явленіями въ этихъ двухъ родахъ онъ въ первый разъ знакомитъ современныхъ читателей, излагая довольно подробно содержаніе забытыхъ произведеній. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на *Несчастнаго Никанора*, романъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ, какъ о книгѣ, имѣвшей въ свое время большой кругъ читателей, и на *Странныя приключенія Димитрія Могушкина, россійскаго дворянина.* Въ исторіи литературы изслѣдователь не можетъ останавливаться только на томъ, что́ замѣчательно по таланту писателя или по своему достоинству; онъ долженъ разсматривать и такія произведенія, которыя, не заключая въ себѣ этихъ условій, имѣли однако же успѣхъ, удовлетворяли требованіямъ современниковъ или ихъ вкусу. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, сообщаемыя г. Галаховымъ о романахъ XVIII вѣка въ связи съ западно-европейскими ихъ оригиналами, очень любопытны и поучительны. Такимъ же образомъ перебираетъ онъ русскіе романы начала нынѣшняго столѣтія и иностранныхъ авторовъ въ этой области литературы, которыхъ у насъ тогда усердно переводили, напримѣръ Коцебу, „къ которому русская публика до того привыкла, что почитала его какъ бы своимъ, хотя онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ“ (171). О нашемъ оригинальномъ романистѣ Нарѣжномъ (род. 1780, ум. 1825) г. Галахову, къ сожалѣнію, не удалось собрать какихъ-либо новыхъ біографическихъ извѣстій. Кое-что сообщилъ онъ объ этомъ лицѣ во 2-мъ томѣ своей *Исторической Христоматіи* (стр. 295). Здѣсь мы узнаемъ, между прочимъ, что у Нарѣжнаго остался сынъ, который еще живъ; жаль, что онъ не нашелъ возможности доставить г. Галахову болѣе полныхъ матеріаловъ для біографіи своего отца. Удивительно, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нетороплива русская литература на сохраненіе памяти о своихъ дѣятеляхъ: около 45 лѣтъ прошло уже со времени смерти этого довольно замѣчательнаго писателя, а объ его жизни до сихъ поръ не напечатано еще почти ничего. Когда преосвященный Евгеній

---

[1]) Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften von Varnhagen von Ense, т. IV, 1842; статья: Baden-Baden, 1817.

и Гречъ трудились по исторіи русской литературы, романы и повѣсти Нарѣжнаго не были еще извѣстны (они начали являться ближе къ 1825 году); послѣ этихъ двухъ трудолюбивыхъ изыскателей никто не продолжалъ собирать подобныхъ біографическихъ свѣдѣній о большинствѣ литературныхъ дѣятелей. А какъ важно было бы, чтобы кто-нибудь опять занялся именно такою подготовкой матеріаловъ для исторіи литературы. Недавно заявлено было, что Московское общество любителей русской словесности предпринимаетъ составленіе новаго словаря отечественныхъ писателей. Нельзя не желать успѣха этому предпріятію. Пособія такого рода составляютъ капитальное пріобрѣтеніе для исторіи литературы. Какъ ни недостаточны въ настоящее время труды Евгенія и Греча по этой части, заслуга ихъ становится тѣмъ виднѣе, чѣмъ болѣе открывается матеріаловъ для оцѣнки усилій, какихъ имъ стоило выполненіе задуманнаго дѣла. Таково, напримѣръ, слѣдующее недавно отыскавшееся подлинное письмо Евгенія къ Гречу, отъ 15-го августа 1821 года [1]):

„М. г. мой, Николай Ивановичъ! Письмо ваше отъ 30-го іюля получилъ я и чувствительно благодарю за присылку трехъ первыхъ листовъ вашего опыта не только литтературной, но и ученой и художественной нашей исторіи. Вамъ неоспоримо принадлежать будетъ честь первенства у насъ въ семъ родѣ сочиненія, въ которомъ никто еще не отличался. А потому и критикамъ сравнивать васъ не съ кѣмъ. А имъ самимъ довольно отвѣчать 67-мъ стихомъ 6-й епистолы Горацієвой кн. I. [2]). Пусть сами издадутъ лучшее. Прошу покорно присылать мнѣ и продолженіе сихъ листовъ.

„На просьбу вашу о біографіяхъ нѣкоторыхъ ученыхъ XVIII вѣка прилагаю при семъ записку особую. Изъ нея увидите, что и у меня иныхъ нѣтъ. А иные и не стоютъ упоминанія въ вашей исторіи. У насъ много было и есть писцовъ ,но не много писателей. А въ XVIII вѣкѣ мы только начали учиться писать, и весь вѣкъ сей у насъ былъ болѣе переводческій и въ самыхъ сочиненіяхъ только подражательный.

„Желая вамъ скорѣе кончить вашу исторію и обрадовать всѣхъ вашихъ почитателей, въ числѣ коихъ и я имѣю честь быть и проч. Евгеній А. П.“ (архіеп. Псковской).

Обширность разысканій самого Евгенія и сношеній его для составленія словарей о писателяхъ видна, между прочимъ, изъ его недавно напечатанной переписки съ графомъ Д. И. Хвостовымъ [3]).

Такого же рода заслугу упрочиваетъ за собой своею „Исторіею словесности“ и г. Галаховъ. Хотя біографическій отдѣлъ и отодви-

---

[1]) Обязательно доставлено мнѣ Леонидомъ Михайловичемъ Лобановымъ, сыномъ академика, умершаго въ 1847 году, въ бумагахъ котораго и сохранилось это письмо.

[2]) Si quid novisti rectius istis, Candidus imperti; si non, his utere mecum.

[3]) См. *Сборникъ отд. русск. языка и слов.*, т. V, вып. 1.

нутъ имъ, по самой идеѣ его труда, на второй планъ, однакожъ и въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ значительно пополнить запасъ данныхъ, какимъ до сихъ поръ располагали преподаватели литературы. И при этомъ А. Д. Галаховъ не довольствовался собираніемъ разбросанныхъ печатныхъ извѣстій; онъ входилъ въ сношенія со многими лицами для полученія новыхъ, еще не обнародованныхъ свѣдѣній. Но успѣхъ такихъ поисковъ не всегда зависитъ отъ усердія собирателя. Независимо отъ этого г. Галаховъ оказалъ литературѣ большую услугу уже и тѣмъ, что собралъ разсѣянные въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ результаты разысканій о жизни и сочиненіяхъ русскихъ писателей. Однѣ ссылки его составляютъ богатое пріобрѣтеніе для всякаго занимающагося этимъ предметомъ. Въ послѣднее время задача историка литературы у насъ нѣсколько облегчилась множествомъ обнародываемыхъ матеріаловъ для изученія прошлаго; но тѣмъ внимательнѣе долженъ онъ слѣдить за всѣмъ, что̀ печатается въ разныхъ изданіяхъ, и въ этомъ отношеніи у г. Галахова найдется не много недосмотровъ, подобныхъ, напримѣръ, пропуску отрывка изъ Записокъ С. Н. Глинки, помѣщеннаго въ *Современникѣ* 1865 года, № 9-й, но не упомянутаго г. Галаховымъ въ примѣч. на стр. 143, или двухъ статей о Жуковскомъ, напечатанныхъ въ *Извѣстіяхъ второго отдѣленія Академіи Наукъ* (т. I, листы 9—17), но также пропущенныхъ авторомъ Исторіи словесности (стр. 231 и 232).

На Жуковскомъ, какъ и на Карамзинѣ, г. Галаховъ останавливается съ особенною любовью; за вѣрную и полную характеристику перваго мы должны быть тѣмъ болѣе благодарны автору, что этого возвышеннаго поэта и мыслителя въ послѣднія десятилѣтія у насъ не довольно цѣнили и какъ будто забывали; даже нѣкоторые серіозные писатели иногда смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ. Сущность взгляда г. Галахова на знаменитаго поэта-переводчика выражена въ слѣдующихъ строкахъ, выписываемыхъ здѣсь сокращенно:

„Поэтическія произведенія Жуковскаго обогатили нашу лирику плодотворнымъ содержаніемъ, которое составляетъ важный моментъ въ ея историческомъ развитіи. Они впервые раскрыли передъ нами внутренній міръ человѣка, міръ его души, какъ предмета, наиболѣе достойнаго вдохновенныхъ пѣсенъ. Душевная исповѣдь служитъ господствующею ихъ темою, не возбуждавшею дотолѣ сочувственнаго вниманія писателей... душа постоянно занимаетъ у него первенствующее мѣсто. Красота любви, дружбы, поэзіи, таинственнаго соотношенія между природой и человѣкомъ, радость въ наслажденіи ими, печаль при ихъ утратѣ выступаютъ предпочтительно даже въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя... могли бы ограничиться прославленіемъ героическихъ дѣлъ, заявленіемъ внѣшняго величія и славы“ (стр. 244).

Въ примѣръ этого приведенъ, между прочимъ, *Пѣвецъ въ станѣ*

русскихъ воиновъ, и вслѣдъ за тѣмъ г. Галаховъ опровергаетъ обвиненіе Жуковскаго въ томъ, что онъ своими идеалами, своимъ стремленіемъ къ незримому и таинственному будто бы наводилъ на современныхъ читателей праздную мечтательность, созерцательную косность, вредную для дѣятельной жизни. Критикъ справедливо возражаетъ, что идеализмъ есть существенная, независимая отъ времени и народности, принадлежность поэзіи, и что Жуковскій настроивалъ сердце къ благороднымъ и возвышеннымъ движеніямъ, которымъ не было причины оставаться безплодными для внутренней борьбы, неизбѣжной въ жизни каждаго человѣка.

Съ отзывомъ г. Галахова о переводѣ Жуковскимъ Одиссеи можно вполнѣ согласиться, за исключеніемъ однакожъ слѣдующей мысли: „Вопреки мнѣнію Гоголя, переводчикъ былъ способенъ выполнить свое дѣло двумя десятками лѣтъ раньше съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ онъ его выполнилъ двадцатью годами позднѣе. Греческаго языка Жуковскій не зналъ ни прежде, ни послѣ, но съ Гомеромъ онъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько знакомство возможно безъ знанія языка подлинника“ и проч. (стр. 276). Здѣсь г. Галаховъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, именно никогда не останавливающееся развитіе каждаго мыслящаго писателя, въ трехъ отношеніяхъ: въ расширеніи знаній, въ правильности воззрѣній и наконецъ въ мастерствѣ владѣть языкомъ. Взглядъ Жуковскаго на духъ и тонъ Гомеровскаго разсказа могъ видоизмѣниться подъ вліяніемъ бесѣдъ съ тѣми самыми учеными, которымъ поэтъ былъ обязанъ окончательнымъ уразумѣніемъ подлиннаго текста Одиссеи. А этотъ взглядъ не могъ остаться безъ значенія для языка переводчика. Никогда еще стихотворный языкъ подъ перомъ его не достигалъ такой изящной простоты и легкости, какъ въ Одиссеѣ. Въ ходѣ развитія поэтической рѣчи Жуковскаго можно вообще отличить нѣсколько періодовъ; хотя онъ, уже и при появленіи Гнѣдичева перевода Иліады, не былъ доволенъ языкомъ его, можно навѣрное сказать, что Жуковскій только въ послѣднюю эпоху своей дѣятельности самъ былъ способенъ вполнѣ отрѣшиться отъ того мнѣнія, что переводъ Гомера требуетъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ высокаго слога и примѣси славянизмовъ. Что касается до внѣшней отдѣлки стиха русской Одиссеи, то отдавая переводчику и въ этомъ отношеніи полную справедливость, нельзя однакожъ оставить безъ оговорки, что у него довольно часто встрѣчаются *семистопные* и не совсѣмъ безукоризненные въ своемъ составѣ гекзаметры [1]). . . . . . .

Ограничиваясь этими замѣчаніями о существенныхъ сторонахъ

[1]) Здѣсь слѣдуютъ замѣчанія по поводу отношенія г. Галахова къ Крылову, которыя авторъ критики позже напечаталъ особой замѣткой въ „Сборникѣ“, и которыя помѣщены нами въ отдѣлѣ о Крыловѣ, см. выше стр. 273. *Ред.*

книги г. Галахова, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя придирки къ отдѣльнымъ показаніямъ его, гдѣ можно отыскать недосмотры или неисправности. Такъ, между издателями *Друга Просвѣщенія*, г. Галаховъ, слѣдуя своимъ предшественникамъ по исторіи литературы, называетъ графа С. Салтыкова (стр. 52), тогда какъ это былъ графъ Григорій Сергѣевичъ, на что первый указалъ Кеппенъ, а потомъ г. Лонгиновъ. Журналъ *Московскій Курьеръ* издавался Павломъ Юрьевичемъ, а не Сергѣемъ Львовымъ, какъ сказано въ разбираемой книгѣ (стр. 129). Шихматова *безглагольнымъ* называли многіе, въ томъ числѣ, конечно, и Пушкинъ, которому г. Галаховъ приписываетъ это слово (стр. 159); но первый употребилъ его Батюшковъ въ пародіи: *Пѣвецъ къ бесѣдѣ Славяно-Россовъ*. На стр. 264 сдѣлана ссылка на *Вѣстникъ Европы* вмѣсто *Сына Отечества*. Есть еще 2 — 3 незначительные промаха, можетъ-быть, опечатки, которыя читатель самъ легко замѣтитъ [1]). Въ отношеніи къ языку укажемъ на одно неточное выраженіе, которое впрочемъ въ послѣдніе годы не разъ уже являлось въ печати. Правильно ли говорить: *біографическій очеркъ Карамзина*: вмѣсто: *очеркъ біографіи Карамзина?* Можно ли сказать (стр. 1) *очеркъ Карамзина*, — а если нѣтъ, то невѣрность остается и по присоединеніи эпитета къ слову *очеркъ*. Выраженіе: „біографическій очеркъ Карамзина“ можетъ означать только очеркъ, составленный Карамзинымъ. Покритикуемъ также фразу: „Но развѣ нѣтъ другихъ, *болѣе высшихъ* и благороднѣйшихъ мотивовъ, чѣмъ эгоистическое самоохраненіе (стр. 327). Знаемъ, что выраженіе *болѣе высшихъ* также ужъ не ново; но отъ того оно не становится позволительнымъ. *Высшій* уже есть сравнит. степень. Если допустить это выраженіе, то почему не сказать также: „болѣе лучшій, болѣе низшій“ и т. п.?

Въ изданномъ нынѣ выпускѣ своего сочиненія г. Галаховъ еще не коснулся нѣкоторыхъ сторонъ разсматриваемаго имъ здѣсь періода, напримѣръ, мистицизма, составлявшаго въ свое время господствующее направленіе, не остановился также и надъ журналистикой этого періода; но мы слышали, что по плану автора, все это и подобное тому должно войти въ составъ послѣдняго отдѣла его исторіи литературы. Пожелаемъ ему силъ и досуга для приведенія къ концу этого превосходнаго и въ высшей степени полезнаго труда, въ которомъ такъ давно чувствовалась настоятельная потребность.

---

[1]) На стр, 188 число лѣтъ, проведенныхъ Дмитріевымъ въ Москвѣ, показано невѣрно: вм. 28 должно быть 18; на стр. 284 Финляндская мѣстность *Иденсальми* неправильно названа *Индесальми*. На стр. 231 могло бы быть объяснено, что буквы А. О. С. означаютъ Александру Осиповну Смирнову, а на 235-й, буквы А. А. П. — Александра Александровича Плещеева.

III.

1. „Русскій Архивъ", историко-литературный сборникъ, издаваемый гг. Бартеневымъ и Киселевымъ при Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ [1]).

1864.

Это изданіе, скоро кончающее второй годъ своего существованія, представляетъ любопытный фактъ для наблюдающаго современное состояніе нашего образованія. *Русскій Архивъ* издается очень тщательно и добросовѣстно, съ большимъ знаніемъ дѣла, сообщаетъ важные и интересные матеріалы для русской исторіи, а иногда и дѣльныя изслѣдованія или статьи литературныя, и, не смотря на то, распространенъ чрезвычайно мало. Журналы не разъ упоминали о немъ съ похвалою, но до сихъ поръ мы не встрѣчали ни одной статьи, которая сколько-нибудь обстоятельно знакомила бы съ его содержаніемъ. Вотъ почему считаемъ полезнымъ обратить вниманіе читателей на этотъ журналъ.

Изъ статьи „А. Д. Чертковъ и его библіотека" мы узнаемъ, что это замѣчательное книгохранилище, которое заключаетъ въ себѣ на разныхъ языкахъ около 18.000 томовъ, относящихся *къ изученію Россіи*, открыто для публики по три раза въ недѣлю. Нынѣшній владѣлецъ библіотеки, Григорій Александровичъ Чертковъ, сынъ извѣстнаго основателя ея, построивъ для нея особое, удобное и красивое зданіе и, сдѣлавъ ея сокровища общедоступными, оказалъ отечественному просвѣщенію истинную услугу. Къ названной статьѣ присоединены: краткая біографія покойнаго отца его и общая предметная роспись Чертковской библіотоки. Основатель *Русскаго Архива*, П. И. Бартеневъ, есть вмѣстѣ и библіотекарь этого книгохранилища. Не довольствуясь упомянутымъ сейчасъ обозрѣніемъ, онъ печатаетъ при своемъ сборникѣ подробный систематическій каталогъ подъ заглавіемъ „Всеобщая Библіотека Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества", и проч. Теперь вышло уже болѣе 20 листовъ этого каталога, который самъ по себѣ составляетъ не маловажное пріобрѣтеніе для всякаго, кто занимается въ какомъ бы ни было отношеніи изученіемъ Россіи.

Русскій Архивъ, представляя иногда и памятники древней литературы, особенно богатъ, однако же, матеріалами, по исторіи и литературѣ послѣднихъ полутора-столѣтій. Такъ, мы находимъ здѣсь матеріалы для исторіи дружескаго общества, основаннаго Новиковымъ, часть автобіографіи В. В. Пассека, писанную имъ въ тюрьмѣ, выписку

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1864 г. № 210.

изъ дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ", матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи, разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, замѣтки Екатерины II, письма ея къ А. В. Олсуфьеву, свѣдѣнія о филологическихъ ея трудахъ; далѣе письма петровскаго посланника Толстого изъ Константинополя, письма княгини Дашковой, письма гр. Ѳ. В. Ростопчина, письма къ И. И. Шувалову графовъ Бестужева-Рюмина и Воронцова; письма императора Александра I къ Державину, письма Петрова къ Карамзину; обширную часть записокъ Болотова, относящуюся къ царствованію императора Павла, и проч. Съ другой стороны, „Русскій Архивъ" представляетъ не менѣе богатые матеріалы для исторіи новѣйшей русской литературы: тутъ вы найдете неизвѣстныя еще письма Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Лермонтова и многихъ другихъ: полную библіографію сочиненій И. И. Дмитріева, Батюшкова, Милонова, Гнѣдича, Баратынскаго, Козлова, Жуковскаго и Лермонтова; замѣтки, воспоминанія, анекдоты о многихъ писателяхъ, также какъ и нѣкоторыя еще нигдѣ не напечатанныя сочиненія ихъ; наконецъ, иногда и извѣстія о явленіяхъ современной литературы. Исчислять всѣ любопытныя статьи, вошедшія въ составъ *Русскаго Архива*, было бы слишкомъ долго; считаемъ излишнимъ приводить и имена многихъ извѣстныхъ литераторовъ принимающихъ участіе въ этомъ изданіи. Ограничимся замѣчаніемъ, что содержаніе *Русскаго Архива* столько же разнообразно, какъ и богато. Кромѣ каталога Чертковской библіотеки, постоянно печатаемаго при журналѣ, редакція нашла возможнымъ приложить къ нему еще азбучные указатели къ „Русскому Вѣстнику" и къ „Русской Бесѣдѣ", начиная съ изданія этихъ журналовъ въ 1856 г., и описаніе „Патріаршей Библіотеки", что́, конечно, принято съ признательностью всѣми подписчиками.

При такомъ несомнѣнномъ достоинствѣ *Русскаго Архива*, было бы очень жаль, если бы оправдались слухи, что, за неимѣніемъ достаточнаго числа подписчиковъ, издатели его, гг. Бартеневъ и Киселевъ, думаютъ съ наступленіемъ будущаго года прекратить это изданіе. Не только занимающіеся историческими изслѣдованіями, но и вообще любители дѣльнаго чтенія, интересующіеся отечественной литературой, должны дорожить подобнымъ сборникомъ. Первою попыткою такого изданія у насъ были *Библіографическія Записки*, основанныя г. Афанасьевымъ и издававшіяся въ 1858, 1859 и 1861 годахъ. По прекращеніи этого превосходнаго сборника, который никогда не потеряетъ своей цѣны, всѣ понимающіе важность изданія этого рода радовались, что онъ нашелъ такого достойнаго преемника въ *Русскомъ Архивѣ*, и были бы, конечно, очень огорчены преждевременною, можно сказать, неестественною смертью послѣдняго, потому что, повидимому, редакція имѣетъ въ своихъ рукахъ неистощимый запасъ матеріаловъ. Цѣна же

изданія (4 р. 50 к. въ Москвѣ и 6 р. въ другихъ городахъ) такъ умѣренна, что, кажется, въ подписчикахъ не могло бы быть недостатка, если бы журналъ былъ болѣе извѣстенъ.

---

2. **Русскій Архивъ, посвященный изученію нашего отечества въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Изданъ при Чертковской библіотекѣ, П. Бартеневымъ. Годъ первый (1863 г.). Изданіе второе [1].**

1865.

„Русскій Архивъ“ г. Бартенева, изданіе серьёзное, котораго содержаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ его заглавію, болѣе и болѣе распространяется въ публикѣ: несомнѣннымъ доказательствомъ такого отраднаго факта служитъ только-что отпечатанное 2-е изданіе первой части этого сборника, именно 1863 года. Перепечатка ея была вызвана дѣйствительною потребностью: сначала „Русскій Архивъ“ печатался въ самомъ умѣренномъ количествѣ экземпляровъ, едва-ли превышавшемъ сотни двѣ или три; теперь, какъ намъ достовѣрно извѣстно, его расходится болѣе 800 экз. По мѣрѣ того, какъ возрастало число подписчиковъ на сборникъ, увеличивался спросъ и на первый годъ его, и для удовлетворенія требованій редакція рѣшилась вновь напечатать эту часть. Вышелъ весьма благообразный томъ въ 1066 столбцовъ (533 страницы) большой осьмушки, отличающійся отъ первоначальнаго изданія только тѣмъ, что статьи теперь перепечатаны въ хронологическомъ порядкѣ ихъ содержанія. Такимъ образомъ въ началѣ книги помѣщены документы и сочиненія, относящіяся къ 18-му и отчасти къ 17-му столѣтію, а въ концѣ—свѣдѣнія о многихъ дѣятеляхъ ближайшей къ намъ эпохи и даже о нѣкоторыхъ современныхъ намъ явленіяхъ. Чтобы получить понятіе о всемъ разнообразіи содержанія этого тома, стоитъ только пробѣжать приложенный къ нему указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ книгѣ. И это разнообразіе тѣмъ дороже, что г. Бартеневъ, располагая большимъ запасомъ матеріаловъ, подвергаетъ ихъ строгому выбору при составленіи книжекъ своего „Архива“ и сообщаетъ читателямъ только то, что̀ дѣйствительно интересно и важно. Этимъ-то и разъясняется тайна успѣха его изданія, которое вслѣдствіе того пріобрѣтаетъ занимательность не для однихъ спеціалистовъ по русской исторіи, но и вообще для образованныхъ читателей.

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1865 г. № 303.

Серьёзное пониманіе цѣли изданія видно изъ слѣдующихъ строкъ краткаго предисловія при настоящей перепечаткѣ „Русскаго Архива“: „Вниманіе читателей дорого намъ главнѣйше потому, что оно свидѣтельствуетъ о возрастающемъ желаніи знакомиться съ отечественною, не слишкомъ давнею стариною, служащею непосредственнымъ основаніемъ для современной жизни, а такое знакомство есть одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ народному, столь желанному самопознанію“.

Особенную цѣну „Русскому Архиву“ придаютъ историческія и біографическія примѣчанія, присоединяемыя редакторомъ ко всѣмъ документамъ, которые онъ сообщаетъ; этимъ разсматриваемое изданіе существенно отличается отъ другихъ подобныхъ сборниковъ, прежнихъ и нынѣшнихъ: съ одной стороны, оно становится оттого еще занимательнѣе для читателей, а съ другой — пріобрѣтаетъ значеніе справочной книги, тѣмъ болѣе драгоцѣнной, что мы вообще чрезвычайно бѣдны подобными историческими пособіями. Въ послѣднемъ отношеніи очень важны также указатели къ другимъ изданіямъ, напримѣръ, къ „Русскому Вѣстнику“, къ „Русской Бесѣдѣ“, къ „Запискамъ“ Храповицкаго, къ „Запискамъ“ Порошина, часто предлагаемые книжками „Русскаго Архива“. За эту счастливую мысль нельзя не быть искренно благодарнымъ г. Бартеневу. При перепечатанномъ теперь томѣ находятся азбучные указатели къ двумъ названнымъ журналамъ и къ „Московскимъ Сборникамъ“ 1846, 1847 и 1851 годовъ. Надобно замѣтить, что указатель „Русскаго Вѣстника“, доходившій прежде только до 1862 г. включительно, теперь обнимаетъ и слѣдующіе два года.

IV.

„Русскія народныя пѣсни“, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I. Москва 1870 [1]).

1871.

Г. Шейнъ — одинъ изъ самыхъ ревностныхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ. Недавно Географическое Общество присудило ему золотую медаль за составленный имъ сборникъ Бѣлорусскихъ пѣсенъ, который онъ представилъ въ распоряженіе Общества, а теперь появился большой томъ собранныхъ имъ же на обширномъ пространствѣ

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1871 г. № 43.

великой Россіи народныхъ пѣсенъ. Нельзя не быть благодарнымъ за это изданіе Московскому Обществу исторіи и древностей, которое постепенно печатало помѣщенныя тутъ пѣсни въ своихъ *Чтеніяхъ*, и такимъ образомъ дало почтенному собирателю возможность выпустить свой сборникъ отдѣльною книгою.

Въ предисловіи г. Шейнъ говоритъ: „Въ качествѣ учителя, сперва домашняго, потомъ уѣзднаго и, наконецъ, штатнаго смотрителя училищъ, мнѣ попеременно приходилось жить въ губерніяхъ: Московской, Тверской, Рязанской, Симбирской и Тульской. Вездѣ я старался сближаться съ народомъ, прислушиваться къ его живой, своеобразной рѣчи, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для пополненія своего собранія". Пишущій эти строки, проводя лѣто въ Рязанской губерніи, былъ случайно свидѣтелемъ, съ какимъ неутомимымъ усердіемъ и какъ добросовѣстно г. Шейнъ исполняетъ свое любимое дѣло. И надобно отдать справедливость тому необыкновенному умѣнью, съ какимъ ему удается побѣждать проявляющуюся во многихъ случаяхъ неохоту сельскихъ жителей сообщать заѣзжему собирателю свои поэтическія сокровища. Во всѣхъ пѣсняхъ, собранныхъ г. Шейномъ изъ устъ народа, всѣ особенности мѣстнаго говора соблюдены съ величайшею точностью. Кромѣ того, подъ каждою пѣснью означено, гдѣ именно она записана или кѣмъ доставлена. Весь накопившійся такимъ образомъ запасъ пѣсенъ (около 1.000) расположенъ, по выраженію собирателя, въ порядкѣ біографическомъ или бытовомъ; все собраніе раздѣляется на два отдѣла: къ первому, вошедшему въ составъ настоящаго тома, относятся: 1) пѣсни дѣтскія; 2) хороводныя; 3) плясовыя и скоморошныя; 4) бесѣдныя голосовыя или протяжныя; 5) бесѣдныя шутливыя, забавныя или сатирическія; 6) обрядныя; 7) свадебныя и 8) похоронныя. — По богатству своего содержанія, этотъ томъ, посвященный В. И. Далю, конечно порадуетъ всѣхъ интересующихся разработкой русской народной поэзіи. Желательно, чтобы и слѣдующій томъ не заставилъ слишкомъ долго ждать себя. Вѣроятно, онъ будетъ также печататься исподволь въ *Чтеніяхъ* московскаго общества.

V.

1. Бакинская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 по 1864 годъ. Составленъ Н. Зейдлицемъ. Тифлисъ, 1870 г. [1]).

1871.

Въ нашей печати нерѣдко встрѣчаются жалобы на недостатокъ свѣдѣній о Кавказѣ, а между тѣмъ въ Тифлисѣ появляются, одинъ за другимъ, важные для изученія этого края труды, на которые столичная литература почти не обращаетъ никакого вниманія. Назову для примѣра „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", „Кавказскій календарь" и 4 фоліанта „Актовъ кавказской археографической коммиссіи"; все это — цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ одною изъ самыхъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ окраинъ Россіи.

Кавказскій статистическій комитетъ, учрежденный при главномъ управленіи тамошняго намѣстника и состоящій подъ предсѣдательствомъ барона А. П. Николаи, дѣятельно исполняетъ свое назначеніе, благодаря особенно своему главному редактору г. Зейдлицу. Въ прошломъ году напечатанъ составленный этимъ послѣднимъ томъ подъ заглавіемъ: „Бакинская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ". По этому заглавію видно, что трудъ г. Зейдлица примыкаетъ къ ряду издаваемыхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ Петербургѣ, неоцѣненныхъ по своей пользѣ списковъ населенныхъ мѣстъ; но въ основаніе тифлисскаго труда положена нѣсколько иная система, какъ болѣе соотвѣтсвующая условіямъ Закавказья, т. е. мѣста распредѣлены не по путямъ сообщенія, а по областямъ рѣкъ, причемъ въ соображеніе принято и возвышеніе мѣстностей надъ уровнемъ моря. Къ перечню населенія мѣстъ Бакинской губерніи присоединены весьма тщательно обработанныя и любопытныя статьи по исторіи, географіи, этнографіи и статистики страны; эти статьи составляютъ большую половину книги и придаютъ ей особенное значеніе. Къ нимъ приложено нѣсколько превосходныхъ картъ (работы г. Вивьена де Шатобрена и др.), между которыми вниманія заслуживаетъ карта Джевадскаго уѣзда, изготовленная на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ уѣзднымъ начальникомъ г. Кистеневымъ, который съ особенною готовностью и стараніемъ отнесся къ просьбѣ о томъ статистическаго комитета и при этомъ показалъ короткое знакомство съ управляемою имъ мѣстностью. Точная передача и правописаніе мѣстныхъ названій были однимъ

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1871 г. № 349.

изъ предметовъ справедливой заботливости редактора, и въ этомъ онъ нашелъ полное содѣйствіе со стороны предсѣдателя кавказской археогр. комиссіи, г. Берже, который не пропустилъ ни одного изъ корректурныхъ листовъ книги не читаннымъ. Весьма любопытно приложенное къ ней объясненіе нѣкоторыхъ топографическихъ терминовъ и общеупотребительныхъ словъ, входящихъ въ составъ мѣстныхъ наименованій.

---

2. **Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Томъ I, изданный подъ редакціею Н. Зейдлица. Тифлисъ, 1871 г.** (345 стр.).

Чтобы показать, какъ интересно и разнообразно содержаніе этого недавно изданнаго тома, достаточно перечислить нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ составъ его статей: сѣть кавказскихъ дорогъ, утвержденная Великимъ княземъ намѣстникомъ кавказскимъ (г. Герсеванова); историческій очеркъ торговыхъ путей сообщенія въ древнемъ Закавказьи (г. Ерицова); о развѣдочныхъ работахъ на минеральную воду въ Пятигорскѣ и проч. (г. фонъ-Кошкуля); изслѣдованіе ледниковъ Кавказа (академика Абиха); путешествіе по ущельямъ Осетіи и народное право осетинъ (г. Пфафа); матеріалы для уголовной статистики Кавказа и о тамошнихъ самоубійствахъ (г. Сталинскаго); о древнихъ сооруженіяхъ на Кавказѣ (г. Байерна); армянскія, грузинскія и татарскія пословицы (гг. Іоаннисіана, Берзенова и Берже). Къ этому, столь же тщательно изданному тому, какъ и разсмотрѣнный выше, приложены карты, рисунки, планы, между прочимъ, прекрасная карта сѣти закавказскихъ дорогъ. Отпечатаніе картъ дѣлаетъ честь петербургскому картографическому заведенію г. Ильина.

Какъ не пожелать, чтобы столь полезныя изданія, на которыя положено такъ много добросовѣстнаго труда мѣстными учеными и матеріальныхъ пожертвованій высшею администраціею края, встрѣтили заслуженное поощреніе и поддержку въ русскомъ обществѣ, преимущественно въ столицахъ, которыхъ вниманіе необходимо для оживленія провинціальной литературной дѣятельности. Будемъ надѣяться, что главный редакторъ кавказскаго статистическаго комитета, такъ почетно заявившій себя изданными до сихъ-поръ трудами, не охладѣетъ въ своей прекрасной дѣятельности и не оставитъ намѣренія приготовить 2-й томъ кавказскаго сборника, обѣщанный имъ въ одномъ изъ примѣчаній къ 1-му.

VI.

Замѣтка [1]).

1887.

Въ Лондонѣ издается новая обширная энциклопедія (Encyclopaedia Britannica), печатаемая въ форматѣ in-4 въ два столбца убористымъ шрифтомъ. Недавно въ ней появилась статья Russia, составившая въ отдѣльномъ оттискѣ цѣлую книжку, около трехъ листовъ мелкой печати. Послѣ общаго обозрѣнія, географическаго и статистическаго очерковъ слѣдуютъ двѣ главы, посвященныя русской исторіи и географіи. Объ нихъ-то собственно я и намѣренъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ онѣ написаны литераторомъ, заслуживающимъ общаго вниманія, именно г. Морфилемъ, однимъ изъ весьма немногочисленныхъ англійскихъ славистовъ. Рядомъ съ давно извѣстнымъ у насъ г. Рольстономъ онъ дѣятельно способствуетъ распространенію въ своемъ отечествѣ свѣдѣній о Россіи и вообще о славянскомъ мірѣ. William Richard Morfill живетъ постоянно въ Оксфордѣ и уже болѣе двадцати пяти лѣтъ съ любовью занимается изученіемъ славянскихъ нарѣчій и литературъ. Къ сожалѣнію, въ Оксфордѣ, какъ и вообще въ Англіи, нѣтъ каѳедры по этой спеціальности; но этотъ недостатокъ въ нѣкоторой степени восполняется просвѣщеннымъ распоряженіемъ покойнаго лорда Ильчестера († 1855), который, понимая важность славяновѣдѣнія, пожертовалъ особый капиталъ для содѣйствія успѣхамъ этой отрасли знаній. Изъ процентовъ ильчестерскаго капитала выдаются преміи и стипендіи, печатаются сочиненія и читаются публичныя лекціи. Главное участіе въ дѣятельности этого рода принимаетъ г. Морфиль, который еще въ 1860 году издалъ нѣсколько переводовъ изъ Пушкина, а съ 1870 почти ежегодно читалъ въ Оксфордѣ лекціи по исторіи, законодательству и литературѣ славянскихъ народовъ. Въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно множество статей его по разнымъ отраслямъ славистики и кромѣ того онъ напечаталъ отдѣльно нѣсколько книгъ по этой части, напримѣръ Slavonic Literature (1883) и грамматику польскаго языка (1884). Въ настоящее время онъ приготовляетъ къ изданію монографію о древнихъ славянскихъ лѣтописяхъ (Early slavonic chronicles) съ отрывками изъ Нестора.

Что касается упомянутыхъ выше двухъ главъ, вошедшихъ въ составъ статьи о Россіи въ „Британской энциклопедіи“, то нельзя не отозваться съ похвалою о вѣрности и точности сообщаемыхъ г. Морфилемъ свѣдѣній. Конечно, почти всѣ его указанія довольно кратки,

---

[1]) Новое Время 1887, 20 окт.

но въ подобной книгѣ нельзя и требовать большей подробности: и то уже хорошо, что они вообще отличаются полнотою и рѣдко страдаютъ незначительными недосмотрами, напр. когда авторъ находитъ у баснописца Дмитріева переводы съ англійскаго, когда онъ историку Соловьеву отказываетъ въ критическомъ взглядѣ или извѣстную Исторію русской литературы приписываетъ Павлу Полевому, а о трудѣ г. Галахова вовсе умалчиваетъ. Доказательствомъ, что г. Морфиль знакомъ уже и съ самыми недавними явленіями нашей литературы, можетъ служить приводимое имъ въ числѣ повѣствователей послѣдняго времени имя г. Короленко (хотя и съ опечаткою: Kozolenko). Подобные небольшіе промахи въ трудѣ иностранца неизбѣжны и не должны умалять въ глазахъ нашихъ несомнѣнной заслуги г. Морфиля въ ознакомленіи англійской публики съ исторіею и литературой славянскихъ народовъ.

Перечень статей и трудовъ Я. К. Грота, относящихся къ Державину [1]).

1845. *Державинъ.*
Современн. 1845, т. XXXVII, № 2, стр. 121—184 (Нѣсколько предварительн. замѣчаній.—Первая эпоха. Тридцать четыре года жизни: 1. До 27-лѣтняго возраста.—2. Слѣдующія семь лѣтъ).

Участіе Державина въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.
Соврем. 1845, т. XXXVIII, №—4, стр. 38—87. (1. Четыре года (1778—1781).—2. Женитьба.—3. Самобытное направленіе въ поэзіи.—4—7 (безъ заглавій).—8. Сближенія).

Фелица и Собесѣдникъ любителей россійскаго слова.
Соврем. 1845, т. XL, стр. 113—150 и 225—263. (Отд. I: 1. Прекращеніе С.-Петербургскаго Вѣстника.—2 Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—3. Происхожденіе оды „Фелица".—4. „Собесѣдникъ". Отд. II: 1. Державинъ въ борьбѣ съ врагами.—2. Рѣшемыслъ.—3. Державинъ членъ Росс. Академіи.—4. Ода „Богъ").

1859. *Планъ академическаго изданія сочиненій Державина.*
Спб. Вѣд. 1859, № 103; Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1859, т. VIII, вып. II (и оттиски); Журн. Мин. Нар. Пр. 1859 ч. CII., стр. 177.

Рукописи Державина и Н. А. Львова.
Спб. Вѣд. 1859, № 268. Моск. Вѣдом. 1859, № 295. Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1860, т. VIII, вып. IV, стр. 241 (и оттиски).

Читалагайскія оды Державина.
Библіограф. Записки 1859, № 16, стр. 482 (и оттиски).

1860. *Жизнь Державина.*
Русск. Вѣстникъ 1860, т. XXVI, № 7, стр. 331 (начало новой біографіи Державина, предпринятой по поводу приготовлявшагося тогда академическаго изданія его сочиненій. Дополненія въ № 8 Р. Вѣстника, стр. 397).

---

[1]) См. Предисловіе.

1861. *О ходѣ въ 1860 г. приготовительныхъ работъ по изданію Державина.*
Извѣстія II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 128—139 (и отдѣльной брошюрой: „Записка о ходѣ“ и т. д.).

Матеріалы для біографіи Державина. Дѣятельность и Переписка его во время Пугачевскаго бунта.
Учен. Записки II отд. Ак. Н. 1861, кн. VII, вып. I.

1862. *Записка о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина (собранныхъ въ Тамбовѣ и на Волгѣ).*
Записки Ак. Н. 1862, т. II, кн. I.

1863. *Библіографическая замѣтка объ одѣ „Богъ“.*
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. I. (На нѣм. яз. перевед. въ Archiv für wissensch. Kunde von Russland, Band XXIV, Heft 1).

Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ.
Зап. Ак. Н. 1863, т. IV, кн. I.

Званка и Могила Державина.
Соврем. Лѣтопись 1863, сент. № 33.

Державинъ и графъ Петръ Панинъ.
Спб. Вѣд. 1863, № 208 и 210 (и оттиски).

1864. *Сочиненія Державина съ объяснит. примѣчаніями Я. Грота.*
Томъ I. Стихотворенія, ч. I. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, съ портретами и снимками. Спб., 1864.

1865. *Характеристика Державина, какъ поэта.*
Торж. Собраніе Имп. Ак. Н. 29 дек. 1865. Русскій Вѣстн. 1866, т. 61, № 2. Сборникъ отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 4.

Сочиненія Державина, т. II.
Стихотворенія, ч. II, Спб., 1865.

1866. *Сочиненія Державина т. III.*
Стихотворенія, ч. III, съ портретомъ Д. А. Державиной etc. 1866.

1867. *Сочиненія Державина, т. IV.*
Драматическія Сочиненія. Съ указателемъ къ первымъ четыремъ томамъ. Спб., 1867.

Переписка преосв. Евгенія съ Державинымъ.
Сборникъ отд. рус. яз. и слов. 1868, т. V, вып. I.

1868—71. *Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе.*
(безъ рисунковъ) т. I—IV; въ 1876 г. т. V и VI; 1878, т. VII.

1869. *Сочиненія Державина, т. V.*
Переписка (1773—1793). Съ потретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. Спб., 1869.

1870. *Нѣсколько замѣтокъ на письма митр. Евгенія къ Македонцу* и проч.
Рус. Арх. 1870, № 10.

1871. *Сочиненія Державина, т. VI.*
Переписка (1794—1816) и „Записки" Съ портретомъ Державина. Спб., 1871.

1872. *Сочиненія Державина, т. VII.*
Сочиненія въ прозѣ. Спб., 1872.

1877. *Эпизодъ изъ Пугачевщины*, Древн. и Нов. Россія 1877, № 3.

1880. *Сочиненія Державина, т. VIII.*
Біографія поэта. Спб., 1880. (Въ видѣ отдѣльн. труда: „*Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческ. документамъ описанная Я. Гротомъ*").

1883. *Сочиненія Державина, т. IX.*
Со снимками портретовъ, нотами и указателемъ ко всѣмъ томамъ. Дополнительн. примѣчанія и приложенія. Спб., 1883. (тоже какъ II-ой т. къ „Жизни Державина").

ПУШКИНЪ,

ЕГО ЛИЦЕЙСКІЕ ТОВАРИЩИ И НАСТАВНИКИ.

I.

ПУШКИНЪ ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ [1]).

Память Пушкина дорога́ для каждаго русскаго, но она вдвойнѣ дорога́ для питомца лицея. Она прежде всего переноситъ его въ тотъ счастливый пріютъ, гдѣ и удаленіе отъ шума столицы, и красота мѣстности, и стеченіе особенныхъ обстоятельствъ, и наконецъ славныя современныя событія какъ бы нарочно соединились къ тому, чтобы плодотворно направить образованіе геніальнаго отрока и ускорить развитіе его способностей.

Въ числѣ духовныхъ благъ, завѣщанныхъ старымъ лицеемъ новому, едва ли не всѣхъ драгоцѣннѣе блистающее на скрижаляхъ ихъ безсмертное имя питомца, возвеличившаго своими созданіями русское слово, обогатившаго достояніе своего народа нетлѣнными сокровищами.

Мнѣ выпалъ жребій принадлежать, въ два разные періода моей жизни, тому и другому лицею, царскосельскому—въ качествѣ его воспитанника,—петербургскому въ званіи его профессора [2]). Не естественно ли поэтому, что при чествованіи памяти Пушкина я избираю предметомъ своей бесѣды тѣ годы жизни поэта, когда онъ, говоря собственными его словами, „въ садахъ лицея безмятежно расцвѣталъ“,—

Тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Онъ пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.

Это время было очень близко къ тому завѣтному шестилѣтію, которое мнѣ довелось прожить въ царскосельскомъ лицеѣ. Въ ту пору

[1]) Эта статья составляетъ дополненную нѣкоторыми подробностями и нѣсколько измѣненную рѣчь, читанную авторомъ въ Александровскомъ лицеѣ въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Пушкина.

[2]) Съ 1853 по 1862 годъ.

онъ былъ еще полонъ свѣжихъ воспоминаній о Пушкинѣ и уже оглашался его славой. При моемъ поступленіи въ лицей, прошло только 15 лѣтъ съ основанія его, и только 9 лѣтъ со времени выпуска Пушкина. Но въ глазахъ подрастающаго поколѣнія такое число лѣтъ составляетъ значительный періодъ: мнѣ и моимъ товарищамъ пушкинское время казалось далекою стариной въ жизни заведенія. Между тѣмъ мы еще застали тамъ нѣкоторыхъ изъ наставниковъ 1-го курса. Изъ числа гувернеровъ это были: Чириковъ, дававшій уроки рисованія, и Калиничъ, учитель чистописанія. Оба еще и послѣ нашего (6-го) курса довольно долго оставались въ лицеѣ; оба отличались добродушіемъ и пользовались довѣріемъ воспитанниковъ. Калиничъ, оригиналъ въ своемъ родѣ, извѣстенъ былъ своими нѣсколько комическими пріемами въ обращеніи съ воспитанниками, и хотя самъ уже плохо владѣлъ рукою, но умѣлъ сообщать своимъ ученикамъ правильный и красивый почеркъ, столь одинаковый, что по немъ можно было узнавать лицеистовъ разныхъ выпусковъ. Изъ профессоровъ пушкинскаго времени при насъ оставались еще: Карцовъ по каѳедрѣ математики и физики, Кайдановъ по исторіи и Кошанскій по русской и латинской словесности. Тучный и злорѣчивый Карцовъ увѣковѣченъ въ извѣстномъ четверостишіи, обыкновенно приписываемомъ Пушкину, но собственно принадлежащемъ Илличевскому [1]); вопреки этой эпиграммѣ Карцовъ былъ очень уменъ, но до крайности лѣнивъ; свою насмѣшливость упражнялъ онъ особенно надъ докторомъ Пешелемъ, чехомъ по происхожденію, который не оставался у него въ долгу, и также поступилъ въ лицей еще при первомъ курсѣ, а потомъ продолжалъ быть эскулапомъ и болтливымъ собесѣдникомъ многихъ поколѣній лицеистовъ. Кайдановъ пріобрѣлъ въ педагогическомъ мірѣ не слишкомъ лестную репутацію своимъ руководствомъ, которое теперь (употребляя распространенное имъ же по всей Россіи выраженіе) „покрыто мракомъ неизвѣстности". Что касается Кошанскаго, то мы знаемъ, что Пушкинъ не всегда съ нимъ ладилъ вслѣдствіе недоразумѣній, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, но въ мое время Кошанскій пользовался большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ лицейской молодежи.

Преданія о первомъ курсѣ лицеистовъ чрезвычайно интересовали насъ: съ жадностью слушали мы всякій разсказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ и съ любопытствомъ разспрашивали ихъ современниковъ о подробностяхъ первоначальной исторіи лицея. Мы

---

[1]) Одинъ изъ комментаторовъ Пушкина принялъ встрѣчающееся въ этомъ четверостишіи названіе *чернякъ* („Повѣрь, тебя измѣрить разомъ Не мудрено, чернякъ") за собственное имя, и такъ какъ между лицейскими наставниками не было никого съ этимъ именемъ, то онъ усомнился въ томъ, чтобы эта эпиграмма дѣйствительно относилась къ лицею. Но мы очень хорошо знали ея примѣненіе: слово *чернякъ* указывало на цвѣтъ волосъ и на смуглость кожи у подразумѣваемаго профессора.

поступили туда въ первый годъ царствованія императора Николая, въ самые дни происходившей въ Москвѣ коронаціи. Декабрьское событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; мы знали объ участіи въ немъ Кюхельбекера и Пущина, и не удивительно, что эти два лица сдѣлались для насъ предметомъ общаго любопытства. Изъ другихъ товарищей Пушкина вниманіе наше привлекали особенно: баронъ Дельвигъ, какъ другъ его и поэтъ; Вальховскій, князь Горчаковъ и баронъ Корфъ по быстрой ихъ карьерѣ, которая тогда уже могла назваться блестящею; наконецъ Матюшкинъ по слухамъ о его странствованіяхъ и страсти къ морю.

Прошлое нашего учрежденія тѣмъ болѣе занимало насъ, что еще въ концѣ царствованія Александра Павловича произошла перемѣна въ системѣ управленія лицеемъ. Это было въ связи съ переворотомъ, совершившимся въ образѣ мыслей государя и въ общемъ духѣ его правленія. Свобода, какою пользовались воспитанники при директорѣ Энгельгардтѣ, послужила поводомъ къ его увольненію [1]) и на мѣсто его назначенъ бывшій директоръ Дворянскаго полка генералъ Гольтгоеръ: въ лицеѣ водворилась въ нѣкоторой степени военная дисциплина, и мы смотрѣли на предшествовавшее время какъ на золотой вѣкъ лицея. Надъ всѣми его преданіями царило славное имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ. Надо помнить, что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и лицея, стихи Пушкина считались нѣкотораго рода запрещеннымъ плодомъ. Старая офиціальная педагогика еще не включила его въ созвѣздіе образцовыхъ писателей и пробавлялась отрывками изъ Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитріева, Крылова, Озерова, да съ недавняго времени еще изъ Жуковскаго и Батюшкова. Но въ обществѣ и въ средѣ молодежи художественное чувство предупредило рѣшеніе педагогики: на школьныхъ скамьяхъ распѣвалась „Черная шаль", мы зачитывались Русланомъ и Людмилой, Кавказскимъ плѣнникомъ, Бахчисарайскимъ фонтаномъ, Цыганами и первыми главами Евгенія Онѣгина. Въ созданіяхъ Пушкина, въ славѣ его мы видѣли что-то для себя родное, мы считали его своимъ.

Естественно, что примѣръ Пушкина магически дѣйствовалъ на воспитанниковъ послѣдующихъ курсовъ и побуждалъ ихъ также пробовать свои силы въ поэзіи, тѣмъ болѣе, что и самъ профессоръ русской литературы поощрялъ ихъ къ этимъ опытамъ. Но изъ лицейскихъ стихотвореній 1-го курса мы почти ничего не знали, пока находились въ заведеніи. Я познакомился съ ними только черезъ годъ послѣ

---

[1]) См. ниже статью: *Старина царскосельскаго лицея*, отд. 6.

моего выпуска изъ лицея, именно въ 1833 г., когда товарищъ Пушкина, баронъ М. А. Корфъ, тогдашній мой начальникъ по канцеляріи Комитета министровъ, куда я поступилъ изъ лицея, далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропустивъ конечно ни одной изъ пьесъ Пушкина. Эти тетради принадлежали собственно товарищу и другу его М. Л. Яковлеву, страстному любителю музыки и пѣнія, который нѣкогда и самъ пописывалъ стихи, особенно басни, но не обнаружилъ въ поэзіи замѣтнаго таланта. Что касается барона Корфа, то между нимъ и Пушкинымъ никогда не было настоящаго сочувствія: ихъ характеры, нѣкоторыя понятія и житейскія цѣли слишкомъ расходились. Взглядъ покойнаго Модеста Андреевича на даровитаго товарища выразился очень рѣзко въ воспоминаніяхъ о лицеѣ, написанныхъ имъ по поводу біографическихъ статей г. Бартенева [1]).

Изъ всего мною сказаннаго уже ясно, почему я съ особенною любовью останавливаюсь на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Конечно, послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ. Мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе.

Если намъ вообще дороги подробности о дѣтствѣ и юности замѣчательнаго человѣка, то тѣмъ болѣе цѣнны впечатлѣнія и мысли, имъ самимъ выраженныя въ этомъ возрастѣ. Кромѣ того лицейскія стихотворенія Пушкина заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ его воспитанія въ Царскомъ Селѣ нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности. Мы знаемъ, какъ часто онъ въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣсту его воспитанія, вспоминаетъ о лицеѣ и Царскомъ Селѣ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе они имѣли въ его духовной жизни. Едва ли есть въ исторіи литературъ другой примѣръ, чтобы годы воспитанія, благодаря ихъ поэтической обстановкѣ, въ такой степени отразились въ творчествѣ писателя какъ лицейскій періодъ жизни Пушкина въ его поэзіи: онъ съ любовью вспоминаетъ это время и въ посланіяхъ своихъ, и въ поэмахъ, и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя особо посвящены празднованію лицейской годовщины.

---

[1]) Часть этой записки, касающаяся Пушкина, помѣщена въ статьѣ кн. П. П. Вяземскаго въ газетѣ *Берегъ*, лѣтомъ 1880 года, и потомъ перепечатана въ изданіи г. Бартенева: *А. С. Пушкинъ*, вып. II.

Прежде всего насъ поражаетъ масса того, что́ написано Пушкинымъ въ лицеѣ: его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130-ти, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишенные поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе стольких молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства: изъ числа тридцати воспитанниковъ перваго курса лицея цѣлая треть поступила туда изъ московскаго университетскаго пансіона, гдѣ подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность: извѣстно, что Жуковскій съ товарищами еще въ бытность свою въ университетскомъ пансіонѣ издавалъ журналы (Утренняя Заря и др.), въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе конечно не достигло бы тамъ такого поразительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ лицей двѣнадцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ уже былъ литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Какое значеніе онъ имѣлъ для своихъ товарищей, можно видѣть изъ современнаго свидѣтельства: лицей открытъ былъ въ октябрѣ 1811 г., а уже 25-го марта 1812 г. одинъ изъ воспитанниковъ, Илличевскій, пишетъ своему бывшему соученику въ петербургской гимназіи Фуссу: „Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человѣка*, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса“. Этимъ учителемъ своихъ товарищей былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольно смотрѣли какъ на старшаго. Кромѣ его, въ издававшихся тогда журналахъ печатали свои стихи: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Эти журналы были — въ Москвѣ: Вѣстникъ Европы, Россійскій Музеумъ (оба издавалъ Вл. Измайловъ) и Труды Общества Любителей Россійской Словесности; въ Петербургѣ: Сынъ Отечества Греча и Сѣверный Наблюдатель П. А. Корсакова. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (Другу-стихотворцу) появилось въ 1814 г. въ Вѣстникѣ

Европы; первое же, подписанное полнымъ его именемъ (Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ), напечатано было въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности въ 1815 г. Сначала стихи Пушкина являлись въ печати подъ отдѣльными буквами его имени, но съ перестановкою ихъ, напр. Н. к. ш. п., или подъ цифрами 14—16. Эти цифры были его любимою подписью: первая означала букву *н*, которою кончалась его фамилія, а 16 — *п*, которою она начиналась; кромѣ того число 14 было номеромъ его лицейской комнатки; этою цифрою любилъ онъ и впослѣдствіи подписывать свои записки къ товарищамъ.

Понятно, что прилежныя упражненія въ стихотворствѣ оставляли воспитанникамъ не много времени на слушаніе и приготовленіе уроковъ. Начальство, замѣтивъ это, запретило имъ сочинять, о чемъ Илличевскій сообщаетъ своему петербургскому пріятелю, прибавляя однакожъ: „но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ) пишемъ украдкою“. Впрочемъ запрещеніе продолжалось недолго: уже черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго извѣстія (26 апрѣля 1812 г.) Илличевскій пишетъ тому же молодому человѣку: „Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять“.

Надо замѣтить, что и самые порядки въ новооткрытомъ учебномъ заведеніи не благопріятствовали или, вѣрнѣе, мѣшали учебнымъ занятіямъ. Тотъ же Илличевскій разсказываетъ Фуссу съ видимымъ торжествомъ: „Учимся въ день только семь часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются: на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учится, кто хочетъ гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики“. Это положеніе учебнаго дѣла продолжалось, при первомъ курсѣ, и послѣ. Въ 1814 году, въ концѣ пребыванія въ младшемъ курсѣ, Илличевскій пишетъ: „Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки, а) страсть къ стихамъ“. Нѣсколько позднѣе нашъ источникъ, разсуждая, что „всѣ училища на одну стать; что начало хорошо, чѣмъ же далѣе, тѣмъ хуже“, хвастливо заявляетъ: „Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся“.

Все это можетъ служить краснорѣчивымъ объясненіемъ тѣхъ неодобрительныхъ аттестацій, какія получалъ Пушкинъ отъ своихъ наставниковъ. Къ живости и пылкости его природы, къ его неодолимой потребности художественнаго творчества присоединялся соблазнъ успѣха и извѣстности, которые такъ легко доставались ему уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гласности. Могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, отвѣчать обыкновеннымъ школьнымъ требованіямъ? Но его неисправность въ приготовленіи уроковъ, которую приписывали лѣности,

легкомыслію и т. п., вовсе не значила, что онъ не оказывалъ успѣховъ. Одинъ изъ біографовъ Пушкина [1]) справедливо замѣчаетъ, что онъ, несмотря на видимую свою невнимательность, „изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе нежели его товарищи", если исключить, прибавлю я, тѣхъ немногихъ, которые при блестящихъ способностяхъ отличались трудолюбіемъ и усидчивостью, каковы были кн. Горчаковъ и Вальховскій. Особенно же вознаграждалъ онъ недостатки преподаванія и приготовленія уроковъ чтеніемъ, и при своей необыкновенной памяти быстро усвоивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. Читая его лицейскія стихотворенія, мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще свойственной геніальнымъ умамъ способности угадывать то, что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ.

Изъ положительныхъ знаній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ греческимъ и римскимъ міромъ. Еще въ родительскомъ домѣ, до поступленія въ лицей, онъ прочелъ въ переводѣ Битобе́ всю Иліаду и Одиссею. Впрочемъ свои познанія въ миѳологіи онъ почерпнулъ не изъ одного чтенія французскихъ поэтовъ, но и изъ книгъ, спеціально посвященныхъ этому предмету. Безъ сомнѣнія, и Кошанскій, объясняя на своихъ урокахъ поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и миѳологіи. Въ 1817 году Кошанскій издалъ учебникъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: „Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологію, обозрѣніе классическихъ авторовъ, миѳологію и древности греческія и римскія". Это переводъ сочиненія Эшенбурга съ нѣкоторыми дополненіями переводчика. Но прежде изданія этой книги Кошанскій уже пользовался ею при своемъ преподаваніи. Такимъ образомъ намъ становится яснымъ, почему Пушкинъ еще въ лицеѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Необыкновенное знаніе родного языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще бо́льшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о пре-

---

[1]) См. *Сочиненія Плетнева*, т. I, стр. 366.

подаваніи въ лицеѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности, но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Наперекоръ имъ Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время. Какая разница, напр., между стихами В. Л. Пушкина и его геніальнаго племянника, уже въ бытность его въ лицеѣ! Лишь изрѣдка встрѣчаются у него поэтическія вольности въ родѣ усѣченныхъ прилагательныхъ и причастій, напр. *протекши* дни, вм. *протекшіе* дни и т. п. Только въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, гдѣ молодой поэтъ настраиваетъ свою лиру на торжественный ладъ, какъ то: въ *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ*, въ *Безвѣріи*, *На возвращеніе императора Александра*, попадаются старинныя слова и формы, какъ напр. *Россовъ* въ риѳму къ имени *Ломоносовъ*, *се* вм. *вотъ*, и т. п.

Нельзя безъ особеннаго наслажденія слѣдить за быстрымъ развитіемъ могучаго таланта въ юношескихъ его стихотвореніяхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первое начало такому расположенію сдѣлано было еще г. Анненковымъ въ 1855 г., но по доступнымъ въ то время матеріаламъ эта задача не могла быть разрѣшена вполнѣ удовлетворительно. Большою благодарностью обязана наша литература и исторія просвѣщенія В. П. Гаевскому, которому принадлежитъ первый починъ въ разработкѣ внутренней исторіи лицея. Начавъ еще въ 1853 г. рядъ изслѣдованій по этому предмету въ статьяхъ о Дельвигѣ, г. Гаевскій въ 60-хъ годахъ перешелъ къ Пушкину [1]) и, пользуясь указаніями оставшихся еще въ живыхъ сверстниковъ поэта, сообщилъ много новыхъ данныхъ, которыми и воспользовались редакторы позднѣйшихъ изданій Пушкина.

По настроенію поэта, лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла, или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 г. приблизительно до осени 1816, вторая отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое направленіе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгою формой большей части стихотвореній.

По содержанію и роду поэзіи, лицейскія стихотворенія Пушкина могутъ быть раздѣлены на посланія, анакреотическія пьесы, эпиграммы и вообще мелочи, затѣмъ стихотворенія торжественнаго содержанія и, наконецъ, разсказы въ эпическомъ родѣ. Между послѣдними встрѣчается уже и одна пьеса изъ русскаго сказочнаго міра, именно стихотвореніе *Бова*.

Въ каждомъ изъ этихъ родовъ можно еще отличить переводы и

---

[1]) См. *Современникъ*, т. XXXVII, XXXIX, XLIII, XLVII и XCVII.

подражанія отъ оригинальныхъ стихотвореній. На первыхъ не буду останавливаться, равно какъ и на французскихъ стихотворныхъ опытахъ Пушкина; извѣстно, что первыя пробы пера его были на французскомъ языкѣ, который, по общему въ то время обычаю, господствовалъ въ домѣ родителей его. Впослѣдствіи Пушкинъ считалъ такого рода упражненія въ чужомъ языкѣ вредными для русской поэтической техники и совѣтовалъ лицеисту одного изъ позднѣйшихъ курсовъ [1]), имѣвшему къ нимъ слабость, не писать французскихъ стиховъ.

Послѣ двухъ французскихъ четверостишій собраніе русскихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина начинается двумя ребяческими обращеніями къ какой-то *Деліи* и эротическою пьескою *Измѣны*, вызванной первымъ предметомъ его увлеченій, графинею Натальею Кочубей (дочерью бывшаго впослѣдствіи государственнымъ канцлеромъ Виктора Павловича Кочубея, имѣвшаго въ Царскомъ Селѣ свою дачу). Въ послѣднемъ Пушкинъ уже называетъ себя *юнымъ пѣвцомъ:*

Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?

Эти три пьесы относятся къ 1812 году, когда Пушкину было только 13 лѣтъ. За слѣдующій годъ мы не находимъ въ собраніи ни одного стихотворенія.

1814 годъ открывается двумя посланіями къ *Сестрѣ* и къ *Другу-стихотворцу*. Подражая Батюшкову въ духѣ и въ тонѣ своихъ стиховъ, Пушкинъ въ первыхъ своихъ опытахъ подражалъ и дядѣ своему. У Василья Львовича есть посланіе къ *Брату и другу*, т. е. къ отцу нашего поэта, которое начинается такъ:

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлученъ?

Стихами того же размѣра, которымъ впрочемъ также писали посланія Жуковскій и Батюшковъ, Александръ Сергѣевичъ обращается къ своей сестрѣ:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой...

Идея этого посланія основана на шуткѣ, что лицей — монастырь, а молодой поэтъ чернецъ, живущій въ уединенной кельѣ. Ему пред-

---

[1]) Князю А. В. Мещерскому, воспитаннику 5-го выпуска (1829).

ставляется, что онъ изъ этой кельи вечернею порой вдругъ перелетаетъ на берега Невы и подноситъ сестрѣ *пукъ стиховъ*:

Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатой, —
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

При этомъ онъ старается угадать, чѣмъ она въ ту минуту занята, какого автора читаетъ изъ знакомыхъ ему Ж.-Жака Руссо, Жанлисъ, Гамильтона, Грея и Томсона, или она ласкаетъ на колѣняхъ „моську престарѣлу, въ подушкахъ посѣдѣлу“ и т. д.

Но вотъ онъ замѣчаетъ, что все это только мечта:

Увы, въ монастырѣ
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу сестрѣ;
Все тихо въ мрачной кельѣ.

Затѣмъ онъ горюетъ о томъ, что былъ прежде знакомъ съ суетою (т. е. съ московскою жизнью), но

...вдругъ въ глухихъ стѣнахъ
Явился заключеннымъ,
Навѣки погребеннымъ,
И міра красота
Одѣлась черной мглою...

Но всего любопытнѣе конецъ посланія, въ которомъ поэтъ за три года до окончанія курса уже мечтаетъ о выпускѣ:

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ.
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой —
И прилечу *разстригой*
Въ объятія твои.

Посланіе къ *Другу-стихотворцу*, которое, какъ уже было замѣчено, ранѣе всѣхъ другихъ его стихотвореній явилось въ печати, написано шестистопнымъ ямбомъ, подобно посланію дяди поэта къ Жуковскому и Вяземскому; даже и имя *Ариста* приданное другу, къ которому

юный лицеистъ обращается, заимствовано изъ посланія Василья Львовича, гдѣ мы встрѣчаемъ стихъ:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной.

Нѣкоторые думаютъ, что подъ другомъ-стихотворцемъ, или Аристомъ, въ посланіи Александра Сергѣевича надо разумѣть Дельвига, но это невѣрно, такъ какъ Пушкинъ съ самаго начала высоко цѣнилъ талантъ этого товарища, въ разсматриваемомъ же посланіи онъ совѣтуетъ другу отказаться отъ стихотворства. Здѣсь опять преобладаетъ шуточный тонъ, напр. въ стихахъ:

На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива...
Страшись безславія!

Стараясь отвратить друга отъ поэзіи, Пушкинъ представляетъ ему между прочимъ незавидную судьбу, часто постигающую поэтовъ:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы,
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Но едва ли не самое удачное мѣсто этой пьесы — извѣстный анекдотъ, разсказанный по поводу возраженія Ариста, что Пушкинъ, который самъ пишетъ стихи, отклоняетъ отъ нихъ другого:

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ —
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему на встрѣчу мужики:
„Послушай, батюшка, сказали простяки;
Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому вездѣ повелѣваешь,

И вѣримъ мы тебѣ, да чтожъ сегодня самъ?.."
„Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ,
Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте:
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте".

Изъ остальныхъ стихотвореній 1814 г. особеннаго вниманія заслуживаютъ *Городокъ* и *Пирующіе студенты*. *Городокъ* и по вымыслу и по формѣ (посланіе въ трехстопныхъ ямбахъ) — явное подражаніе Батюшкову, любимому въ это время поэту молодого Пушкина, который видывалъ его еще въ родительскомъ домѣ, а позднѣе и въ лицеѣ. Въ томъ же году онъ пишетъ къ Батюшкову посланіе и называетъ его рѣзвымъ философомъ, изнѣженнымъ любимцемъ харитъ, русскимъ Парни, въ котораго Анакреонъ „вліялъ свой нѣжный духъ". *Городокъ* одно изъ тѣхъ лицейскихъ стихотвореній, въ которыхъ всего ярче является шутливое настроеніе поэта вмѣстѣ съ автобіографическимъ элементомъ. Юный авторъ выставляетъ тутъ и себя „философомъ лѣнивымъ", слѣдовательно имѣющимъ сходство съ Батюшковымъ. Въ посланіи Пушкина особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей: тутъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, въ которомъ онъ, подобно императрицѣ Екатеринѣ II, признаетъ своего главнаго любимца:

Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ, въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль?... Отецъ *Кандида*!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ.

Послѣ исчисленія другихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ подобающее мѣсто отведено

Вержье, Парни съ Грекуромъ,

послѣ мѣткаго щелчка гр. Хвостову и заключительнаго обращенія къ „любимымъ творцамъ", весь день его занимающимъ, нашъ поэтъ переходитъ къ самому себѣ:

Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ, —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.

Эти стихи напоминаютъ написанную Пушкинымъ уже въ Кишиневѣ пьесу *Муза*, въ которой онъ, вспоминая лицейское время, говоритъ:

По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, любимые богами,
И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ.

Городокъ кончается стихами:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
„Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!“

Такъ мечта о славѣ уже волнуетъ поэта; пятнадцатилѣтній Пушкинъ уже ясно сознаетъ свое поэтическое призваніе.

Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* воспѣвается одна изъ тѣхъ товарищескихъ пирушекъ, которыя, по замѣчанію г. Гаевскаго, существовали болѣе въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности. Если вѣрить дошедшему до насъ, позднѣйшихъ лицеистовъ, преданію, Пушкинъ не былъ любимъ большинствомъ своихъ товарищей: причиною тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе, которое иногда разыгрывалось на счетъ другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, однакожъ, именно съ тѣми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Это были: Дельвигъ,

Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, кн. Горчаковъ, Яковлевъ и особенно Пущинъ, т. е. почти все тѣ самые товарищи, которыхъ Пушкинъ упоминаетъ въ первомъ и главномъ изъ своихъ стихотвореній на лицейскую годовщину. Къ этой же плеядѣ принадлежалъ отчасти и Илличевскій, первое время бывшій съ Пушкинымъ въ нѣкоторомъ соперничествѣ какъ по страсти къ поэзіи, такъ и по остроумію. Большую часть этихъ первенцевъ лицея я зналъ еще лично: одни изъ нихъ, Дельвигъ, Вальховскій, какъ и самъ Пушкинъ, посѣтили при мнѣ лицей, другихъ я встрѣчалъ у гр. Корфа.

Въ пьесѣ *Пирующіе студенты* можно указать на нѣкоторыя черты, полнѣе и ярче выставленныя черезъ одиннадцать лѣтъ въ названномъ произведеніи на лицейскую годовщину. Этихъ товарищей Пушкинъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ съ тѣми особенностями, которыя каждаго изъ нихъ отличали. Подъ именемъ спартанца, которому онъ заставляетъ президента пирушки поднести „воды въ стаканѣ чистой", разумѣется Вальховскій, такъ прозванный товарищами за его добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, а начальствомъ признанный за лучшаго воспитанника. Про него же поэтъ въ черновой редакціи *19-го октября* говоритъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

Илличевскій не упоминается въ стихахъ на лицейскую годовщину, но въ *Пирующихъ студентахъ* къ нему относится обращеніе:

Острякъ любезный! По рукамъ:
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга.

Особенно друженъ поэтъ былъ съ Пущинымъ, который впослѣдствіи, во время принужденнаго пребыванія товарища въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ. Въ *Пирующихъ студентахъ* къ Пущину обращены слова:

Товарищъ милый, другъ прямой,
Тряхнемъ рукою руку...
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ примиримся.

Пущинъ не писалъ стиховъ [1]). Въ особомъ посланіи къ нему поэтъ такъ его характеризуетъ:

Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный...
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ...
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.

М. Л. Яковлеву Пушкинъ говоритъ:

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышишь.

Такимъ и я зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда оживляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и никогда не отказывалъ въ томъ. Пушкинъ прибавляетъ:

Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь;
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою.

Далѣе онъ такъ обращается къ графу Бролъо:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса.

О князѣ Горчаковѣ въ *Пирующихъ студентахъ* нѣтъ рѣчи. Въ этомъ товарищѣ-аристократѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ, что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы. Незадолго передъ выпускомъ онъ говоритъ князю въ одномъ изъ своихъ посланій:

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный

---

[1]) Любопытный отрывокъ изъ записокъ Пущина, касающійся времени лицейскаго воспитанія, помѣщенъ въ 8-й книжкѣ *Атенея* 1859 года. Прозой Пущинъ писалъ еще въ лицеѣ, и, какъ самъ онъ сообщаетъ, кое-что изъ его трудовъ напечатано также въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ (*Ат.*, стр. 514).

И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый и славный —
Моя стезя печальна и темна...

То же повторено въ извѣстной строфѣ *19-го октября,* начинающейся стихами:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ: Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Нельзя не припомнить съ грустью, что въ позднѣйшіе годы своей жизни кн. Горчаковъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который въ молодости оказывалъ ему такое сочувствіе: не такъ поступили Матюшкинъ и гр. Корфъ, хотя послѣдній во многомъ слишкомъ строго судилъ своего товарища. Не оправдалъ кн. Горчаковъ и ожиданіе Пушкина отъ послѣдняго лицеиста 1-го курса, выраженное въ одной изъ послѣднихъ строфъ 19-го октября:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?..
Несчастный другъ!.. Средь новыхъ поколѣній,
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Къ сожалѣнію, эта картина осталась несбывшеюся мечтою поэта. Между тѣмъ кн. Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища, изъ которыхъ одно онъ прочиталъ мнѣ наизусть, когда я отправлялся въ Москву на открытіе памятника поэту.

При сличеніи стихотворенія *Пирующіе студенты* съ „лицейскою годовщиной" 1825 года особенно поразительна разность настроенія въ той и другой пьесѣ. Въ первой юношеская безпечность, шалость и удаль, во второй глубокое меланхолическое чувство человѣка, уже много испытавшаго въ жизни, хотя между созданіемъ обѣихъ прошло не много болѣе десятилѣтія. Къ *19-му октября* мы еще возвратимся.

Въ 1815 году поэзія Пушкина достигаетъ уже сильнаго развитія не только по количеству новыхъ произведеній, но и по разнообразію и серіозности мотивовъ. Онъ болѣе и болѣе сознаетъ свое дарованіе и въ пьесѣ *Мечтатель* уже говоритъ музѣ:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

1815 годъ начинается одою *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которую поэтъ готовилъ еще въ концѣ предыдущаго года къ экзамену при переходѣ въ старшій курсъ. Не буду повторять извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея чтеніе передъ собравшимися въ лицей посѣтителями; замѣчу только, что, несмотря на торжественный, непривычный Пушкину тонъ ея и на нѣкоторыя архаическія формы языка, она представляетъ много прекрасныхъ мѣстъ въ описаніи Царскаго Села и въ связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Въ одной изъ послѣднихъ строфъ поэтъ обращается къ Наполеону:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ и вѣру и законы?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ.

Въ этомъ же году образъ завоевателя, его быстро прогремѣвшая слава и шумное паденіе не разъ воодушевляютъ Пушкина, напр. въ торжественномъ привѣтствіи на возвращеніе государя изъ Парижа:

Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ! и т. д.

Сюда относится особенно замѣчательное стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ*, въ которомъ молодой поэтъ пытается угадать чтó долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, выполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполнѣ достойна необычайной картины.

Въ стихахъ *Принцу Оранскому*, написанныхъ въ 1816 г. по просьбѣ Нелединскаго-Мелецкаго, изображена окончательная судьба Наполеона:

Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ...

Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его:

Хвала! онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Такъ, среди легкихъ вдохновеній, въ стихахъ Пушкина уже отражались и важныя думы, къ которымъ подавали ему поводъ современныя всемірно-историческія событія. При оцѣнкѣ поэтическаго характера жизни 1-го курса лицеистовъ нельзя опускать изъ виду и того живительнаго вліянія, какое должны были производить на нихъ славныя событія эпохи, которую переживала Россія при общемъ патріотическомъ чувствѣ и національной гордости, одушевлявшихъ всѣ сословія. Время это должно было дѣйствовать возбудительно на всякое художественное дарованіе.

Не имѣя возможности въ настоящемъ случаѣ принять на себя полный обзоръ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, я принужденъ ограничиться поименованіемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уже въ первой половинѣ 1815 г. явилось его превосходное произведеніе: *Лицинію*, обратившее на себя общее вниманіе и заставившее самихъ родственниковъ поэта сознать его призваніе, въ которомъ они прежде сомнѣвались; затѣмъ: *Роза*, *Гробъ Анакреона*, *Усы*, *Друзьямъ*, *Пробужденіе*, *Пѣвецъ*, *Жуковскому* и проч.

Поговорю еще только о лицейскихъ посланіяхъ Пушкина, какъ одной изъ любимыхъ формъ его тогдашней поэзіи, и притомъ наиболѣе знакомящихъ насъ съ личностью самого поэта и съ внутреннею стороной лицейскаго быта. Въ 1816 г. мы находимъ у Пушкина цѣлый рядъ посланій. Онъ начинается посланіемъ къ одному изъ наставниковъ, къ Галичу.

Галичъ, бывшій адъюнктомъ философіи въ Педагогическомъ институтѣ, попалъ въ лицей случайно; именно, вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кошанскаго, принужденнаго для лѣченія переѣхать въ Петербургъ, Галичъ былъ приглашенъ на время его отсутствія для преподаванія лицеистамъ русской и латинской словесности. Такимъ образомъ онъ болѣе года замѣнялъ Кошанскаго и для этого пріѣзжалъ въ Цар-

ское Село. Но Галичъ ни по характеру своему, ни по складу ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіи, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой каѳедру снисходительнаго лектора, въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, перервать занимательный разговоръ о томъ и семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: „теперь потреплемъ старика". Впрочемъ, надо прибавить, что при обширныхъ познаніяхъ Галича нельзя считать его бесѣдъ съ лицеистами безполезными для ихъ образованія, и, конечно, такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній. Эти предварительныя замѣчанія были необходимы, чтобы объяснить содержаніе и тонъ посланій Пушкина къ Галичу. „Пушкинъ, говоритъ біографъ Галича, покойный акад. Никитенко [1]), особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ какъ самъ талантливый поэтъ". Еще въ 1814 году, въ пьесѣ *Пирующіе студенты*, Пушкинъ жалуетъ Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 г. поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

О Галичъ, вѣрный другъ бокала,
И жирныхъ утреннихъ пировъ!
Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
Въ пріютъ поэзіи счастливой
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно, въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей, и т. д.

Конецъ посланія любопытенъ тѣмъ, что здѣсь выражено первоначальное намѣреніе поэта поступить въ военную службу:

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869, № 1.

Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Второе, болѣе длинное посланіе къ Галичу, такъ начинается:

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не милъ тебѣ покой?

Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ. Пушкинъ называетъ его парнасскимъ бродягой, упрекаетъ въ измѣнѣ музамъ и спрашиваетъ, чѣмъ же онъ теперь занятъ: ужели *поэтъ* кружится въ вихрѣ свѣта, ужели проводитъ время въ театрѣ

И спитъ подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?

или поклоняется сильнымъ міра,

Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаетъ?

Нѣтъ! отвѣчаетъ Пушкинъ на свои вопросы —

Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ:
Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ, и т. д.

Въ заключеніе поэтъ убѣждаетъ его бѣжать столицы и описываетъ, какъ молодые друзья поспѣшатъ къ нему на встрѣчу:

Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ Лиліи куплетъ —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;

Вотъ съ милымъ острякомъ (т. е. Илличевскимъ)
Нашъ пѣсельникъ тащится (т. е. Яковлевъ)
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ...

Понятно, что такой наставникъ очень нравился воспитанникамъ, но былъ не по сердцу начальству и задолго до выздоровленія Кошанскаго получилъ увольненіе. Понятно, что и Кошанскій, возвратясь, не могъ быть доволенъ успѣхами лицеистовъ за время его отсутствія и не одобрялъ ни способа занятій съ ними Галича, ни вакхическихъ произведеній своего даровитаго ученика. Есть отзывъ Кошанскаго о Пушкинѣ, данный черезъ годъ съ небольшимъ послѣ открытія лицея, именно въ ноябрѣ 1812 года. Вотъ этотъ отзывъ: „Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны". Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина, то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ. Нѣтъ причины предполагать, чтобы Кошанскій и послѣ относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ, и чье-то позднѣйшее показаніе, будто онъ подъ конецъ изъ зависти преслѣдовалъ молодого поэта, весьма сомнительно. Но Пушкинъ, избалованный похвалами, оскорбился замѣчаніями своего профессора и излилъ свое неудовольствіе въ посланіи *Моему Аристарху:*

Помилуй, *трезвый* Аристархъ
Моихъ *вакхическихъ* посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
. . . .
Я знаю самъ свои пороки:
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.

Далѣе поэтъ, похвалившись легкостью, съ какой даются ему стихи, посмѣявшись надъ Хвостовымъ съ товарищи и сравнивъ себя съ Шапелемъ, Шамфоромъ, Шольё и Парни, обращается къ этимъ любимцамъ своимъ:

О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы

От музы праздности счастливой;
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой —
Наверхъ ѳессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ грацій перстъ игривый
Младыя лиры оживлялъ.
И я — неопытный поэтъ,
Небрежныхъ вашихъ риѳмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся вослѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другого
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Изъ многихъ мѣстъ посланія видно, что Кошанскій, между прочимъ, упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой пьесѣ, можно конечно простить ее молодому поэту, но надо сознаться, что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося о болѣе серіозномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго дарованія. Самъ Пушкинъ оправдалъ тогда же такую заботу тѣми изъ своихъ стихотвореній, которыя, отличаясь своимъ строгимъ содержаніемъ, конечно стоили ему и не мало труда. Таково напр. его прекрасное посланіе къ Жуковскому, напечатанное рядомъ съ посланіемъ къ Кошанскому.

Посланія Пушкина къ товарищамъ: къ барону Дельвигу, къ Пущину, къ кн. Горчакову, дышатъ по большей части веселостью: съ Пущинымъ онъ вспоминаетъ ихъ пирушки, съ Дельвигомъ шутитъ о поэзіи, съ Горчаковымъ ведетъ бесѣду о его блестящихъ преимуществахъ и предстоящихъ ему въ свѣтѣ успѣхахъ; но иногда въ этихъ посланіяхъ звучатъ и болѣе глубокія ноты. Такъ, во 2-мъ посланіи къ Дельвигу (1817) онъ говоритъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья,
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.

Къ Горчакову первое посланіе писано на его именины, второе относится ко времени элегическаго настроенія поэта и содержитъ жалобы на судьбу:

Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья:
Двѣ-три весны младенцемъ можетъ-быть
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Они прошли, и т. д.

На дружескій союзъ товарищества лицеистовъ Пушкинъ смотрѣлъ, еще въ послѣднее время своего воспитанія, какъ на что-то высокое и священное. Такъ, незадолго передъ выпускомъ онъ пишетъ въ альбомъ Пущину:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Чтó было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! *она* прошла... но съ первыми *друзьями*
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ.

Глубокій смыслъ заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ, произнесенныхъ какъ будто въ предчувствіи грозной судьбы, ожидавшей поэта. Около того же времени онъ пишетъ въ стихахъ, посвященныхъ Кюхельбекеру:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Идея о святости лицейскаго братства пріобрѣтала въ душѣ Пушкина все болѣе силы и глубины по мѣрѣ того, какъ кругъ товарищей его рѣдѣлъ и самъ онъ съ лѣтами серіознѣе смотрѣлъ на жизнь. Высшаго своего выраженія мысль эта достигла въ одной изъ строфъ *19-го октября* (1825 г.), стихотворенія, исполненнаго глубокой грусти подъ впечатлѣніемъ одиночества поэта въ Михайловскомъ. Отъ обращенія къ Матюшкину онъ переходитъ къ мысли о всѣхъ своихъ товарищахъ:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ *подъ сѣнью дружныхъ музъ*.

Послѣдній стихъ указываетъ на облагороживающее вліяніе поэзіи, подъ которымъ развивалась лицейская семья. Воспоминанія Пушкина о

лицеѣ и сознаніе высокаго значенія товарищества періодически выражались въ его стихахъ на годовщину основанія лицея, которую онъ также называетъ святою. Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо считать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицеистовъ.

Въ то же время Пушкинъ болѣе и болѣе сознавалъ свои юношескія заблужденія, жалѣлъ объ утраченномъ времени и осуждалъ легкое, суетное направленіе первоначальной своей поэзіи. Доказательствъ тому много и въ стихотвореніяхъ его, и въ дружескихъ письмахъ. Такъ, въ годовщинѣ 1825 года онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты.
Опомнимся, но поздно... и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Одно изъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній Пушкина о лицеѣ мы находимъ въ стихотвореніи, написанномъ по поводу перваго посѣщенія имъ Царскаго Села (въ 1828 г.) послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, послѣ стольких огорченій, невзгодъ и превратностей судьбы, испытанныхъ имъ въ бурной молодости, вслѣдствіе его страстной, кипучей природы:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!

. . . .

Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату Льву Сергѣевичу поэтъ нашъ очень рѣзко отзывается о своемъ воспитаніи. Въ запискѣ же

объ образованіи юношества онъ съ явною мыслію о годахъ своего пребыванія въ лицеѣ говоритъ: „Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя“.

Присоединимся ли мы къ Пушкину въ его самоосужденіи? Произнесемъ ли надъ нимъ строгій приговоръ за его недостаточное прилежаніе въ лицеѣ, за пренебреженіе уроками наставниковъ? Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ пришлось жить первоначальному лицею вспомнимъ господствовавшую въ немъ долгое время неурядицу, затѣмъ несовершенство тогдашнихъ методовъ преподаванія, отсутствіе порядочныхъ учебниковъ, и согласимся, что если бъ Пушкину довелось поступить въ учебное заведеніе вполнѣ организованное, если бъ онъ воспитывался при другихъ условіяхъ, то и занятія его въ годы воспитанія приняли бы другой характеръ. Но и въ данныхъ обстоятельствахъ Пушкинъ по-своему не терялъ времени: воспѣвая лѣнь, сонъ и кутежъ, онъ любознательнымъ умомъ своимъ безустанно работалъ, и къ нему самому вѣрнѣе, нежели къ кому-либо другому, могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ незадолго передъ выпускомъ въ посланіи къ гусару Каверину:

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно и добросовѣстно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены; въ лицеѣ онъ пріобрѣлъ привычку къ труду, къ самодѣятельности, тамъ онъ положилъ прочное основаніе своему будущему творчеству, своей будущей славѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало и славѣ лицея, тому возвышенному духу, который, благодаря поэзіи Пушкина, не умиралъ въ этомъ заведеніи. Но умеръ Пушкинъ! Смерть, о которой онъ нерѣдко задумывался еще въ годы своего воспитанія (какъ видно изъ многихъ мѣстъ его тогдашнихъ стихотвореній), преждевременно сразила великаго сына лицея. Пусть же лицей, въ пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти, горячо благословитъ память своего незабвеннаго питомца, который такъ любилъ его, такъ лелѣялъ въ душѣ своей воспоминанія о немъ и въ своихъ стихахъ такъ прекрасно увѣковѣчилъ свое родство съ лицеемъ.

Въ заключеніе приведу, съ небольшимъ измѣненіемъ, нѣсколько стиховъ Пушкина, которые могутъ быть примѣнены къ нему самому:

...Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжный;

Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежный.
. . . .
Такъ, онъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
И на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ дорогой пѣвецъ лежитъ...
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
. . . .
Ничто пѣвца не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой [1]).

II.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ. [2])

Велико значеніе поэта, который проводитъ въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ родного слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царскосельскій лицей, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожъ привлекаетъ вниманіе потомства тѣмъ, что въ немъ началъ свое развитіе геніальный русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей „къ важнымъ частямъ государственной службы", но иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели произ-

[1]) Изъ стихотворенія *Гробъ юноши*, написаннаго на смерть лицейскаго товарища, Корсакова (1821).

[2]) Эта статья первоначально появилась подъ заглавіемъ: „Первенцы лицея и его преданія" въ сборникѣ *Складчина*, изданомъ въ 1874 году въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губ. Прежде напечатанія она была читана въ засѣданіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ и тогда же предполагалось дать ей мѣсто въ Академическомъ *Сборникѣ*; но за другими заботами и дѣлами предположеніе это до сихъ поръ оставалось неисполненнымъ. Теперь статья печатается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

носились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего поэта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода пушкинской поэзіи, становится драгоцѣнна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники лицея и близкаго ему лицейскаго пансіона сдѣлали не много для исторіи этихъ заведеній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другого. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьёзно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безыменный авторъ (князь Н. Голицынъ?) книги: *Благородный пансіонъ Царскосельскаго Лицея* (С.-Петербургъ, 1869 года).

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникѣ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія.* Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пущина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенеѣ* 1859 г. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія лицея тогдашній библіотекарь его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный „очеркъ“ ея, основываясь главнымъ образомъ на офиціальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый лицею, умѣлъ однакожъ оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій профессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шульгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся пушкинскимъ періодомъ лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта, — гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся исторіи лицея, нельзя умолчать также объ

одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это „замѣтки стараго лицеиста", набросанныя въ 1854 г. барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ лицеѣ *Московскія Вѣдомости* того же года №№, 117—119). Обязательность покойнаго автора „замѣтокъ" даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся, сверхъ того, остатки архива перваго курса лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о старомъ лицеѣ можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ позднѣйшихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе, что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже и о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Куницынѣ, или взгляды на самого поэта, высказанные съ одной стороны тѣмъ же Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пущинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣдній изъ названныхъ лицеистовъ обстоятельно говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, прощальною пѣснью Дельвига, а по свидѣтельству гр. Корфа государь совсѣмъ не присутствовалъ при ея пѣніи.

Обратившись къ предмету настоящей статьи по поводу скопившихся у меня лицейскихъ бумагъ, я однакожъ никакъ не берусь во всѣхъ частныхъ случаяхъ рѣшить, на чьей сторонѣ правда; не имѣю также въ виду существенно дополнить исторію лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать къ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполнѣ сочувствую замѣчанію Анненкова, что въ виду близкаго сооруженія памятника Пушкину, „на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нрав-

ственной физіономіи, лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ бы маловажно оно ни было“. На исторію перваго періода существованія лицея съ характеристикою лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другого, рисующагося въ воображеніи всенароднаго памятника Пушкину — историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ лицею, или лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благопріятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники военной славы; съ другой — невидимый, но присущій, исполинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу одного изъ первенцевъ лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онѣ и впослѣдствіи не утратили своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца жизни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ лицею и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынѣ своихъ воспоминаній:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго царскосельскаго лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ лицей въ стихахъ своихъ: воспоминаніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни лицея. Конечно, и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для лицея палладіумомъ и спасло его отъ духовнаго паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Несмотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицеистовъ. Правда, что это мѣшало пріобрѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая самодѣятельность неоспоримо имѣла все-таки свою полезную сторону, изощряя умственныя способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ, и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но къ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители наукъ въ лицеѣ, хотя онъ и считался лучшимъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соотвѣтствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали, конечно, и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на безплодное риѳмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ въ замѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи царскосельскій лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгулу, которыя могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію царскосельскаго лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная самодѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Собираться для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобъ общими силами разсказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственныя забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта, или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ лицеѣ и послѣ, однакожъ явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторилось. Въ рукахъ моихъ находится начало самаго ранняго сборника лицеистовъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ упомянуто, что „Инспекторъ лицея Мартынъ Ст. Пилецкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключатъ“. Трудно однакожъ вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицеистовъ былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 г. ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, вслѣдствіе распоряженія министра; остальные пятеро (Вальховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное направленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ *печатались* въ сборникахъ,

носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или „собраніе“ для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, напримѣръ Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впослѣдствіи изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя Заря* (М. 1800—1808).

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царскосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ, и по его желанію книга *Утренняя Заря*, при самомъ открытіи лицея, была пріобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каѳедрѣ. Наконецъ, и первый директоръ лицея, В. Ѳ. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему смолоду, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что самъ онъ рано привыкъ къ самодѣятельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ [1]). Такимъ образомъ при основаніи лицея мы видимъ и въ начальствѣ его и на одной изъ главныхъ каѳедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другого заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благодарную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Илличевскаго, писанныхъ во время самаго пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоцѣнный источникъ для занимающаго насъ предмета.

Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фуссомъ, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литера-

---

[1]) См. *Памятную книжку лицея* 1856—1857 гг. и Н. Сушкова *Московскій университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858.

турѣ Илличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ „Опытовъ въ антологическомъ родѣ", изданный въ 1827 г.; но находясь въ лицеѣ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія, и кромѣ того, отличался искусствомъ рисовать каррикатуры. При журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Илличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину, который уже тогда заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Кратковременное запрещеніе сочинять, о которомъ Илличевскій вслѣдъ затѣмъ сообщаетъ, было конечно вызвано тѣмъ, что молодые люди, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались страсти къ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ, какъ Малиновскій, сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Кошанскій всегда считалъ умѣніе писать самой существенной стороной литературнаго образованія. Въ своей „Общей Риторикѣ" Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ „началами прозы". Вотъ чѣмъ объясняется, что Илличевскій, извѣстивъ своего друга о снятіи помянутаго запрещенія, прибавляетъ: „и мы начали періоды!"

Строки, въ которыхъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія, уже приведены въ предыдущей статьѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ". Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить, что тогда при лицеѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободные часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ*— вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но при первомъ курсѣ лицея ихъ уже не было; тамъ лицеисты гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ лицеѣ продолжалось и послѣ [1]). По смерти перваго директора лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои

[1]) До преобразованія лицея въ 1830-хъ годахъ, въ немъ было два курса или класса, *старшій* и *младшій*, изъ которыхъ въ каждомъ оставались по три года. Курсомъ называли также совокупность воспитанниковъ одного пріема, и въ этомъ смыслѣ подъ 1-мъ курсомъ разумѣютъ лицеистовъ, вышедшихъ въ 1817 году.

во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякой ореолы величія. Таковъ былъ, напримѣръ, домъ управлявшаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ, который былъ неравнодушенъ къ супругѣ хозяина. Впослѣдствіи онъ написалъ стихи на смерть графини, вызвавшіе пародію Дельвига: „На смерть кучера Агаѳона", напечатанную въ *Библіографическихъ запискахъ* 1859 года.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты за то много читали. Фуссъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Илличевскаго, доходятъ ли до лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіемъ о пользѣ чтенія и прибавляетъ: „Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ* и пр." Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современными поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія: Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. „Не худо", заключаетъ онъ, „заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія". Здѣсь Илличевскій слегка замѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ *Городкѣ* Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія было твердо усвоено лицеистами. Еще въ 1822 г. Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: „Чтеніе — вотъ лучшее ученіе". Но къ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно производиться не такъ, какъ оно производилось въ лицеѣ. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранѣе опредѣленный господствующій характеръ, лицеисты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ, и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ конечно имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ лицеѣ и послѣ: воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы, и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Сообщенія Илличевскаго о необязательности ученія въ лицеѣ его времени могутъ показаться иному читателю преувеличенными; легко при этомъ заподозрѣть молодого человѣка въ нѣкоторой хвастливости передъ своимъ менѣе свободнымъ пріятелемъ. Но есть другія свидѣтельства, которыя представляютъ учебную часть тогдашняго лицея еще въ худшемъ видѣ. Достаточно припомнить повторявшіеся уже неоднократно разсказы объ урокахъ Галича или мѣсто, приведенное

т. Гаевскимъ изъ рукописи графа Корфа. На основаніи тѣхъ же данныхъ картина внутренней жизни первоначальнаго лицея вышла у Анненкова едва ли не слишкомъ уже мрачною. Еслибъ тамъ дѣйствительно жилось такъ плохо, то чѣмъ объяснялась бы та горячая привязанность къ мѣсту своего воспитанія, та признательная память о немъ, то крѣпкое товарищество, которыя, начиная уже съ перваго курса, составляли отличительную черту всѣхъ бывшихъ лицеистовъ. Къ тому же мы знаемъ, что съ самаго начала оттуда выходили хоть немногіе люди съ основательными познаніями; слѣдовательно, лицей всегда давалъ средства къ образованію, но не всѣ желали и умѣли ими пользоваться. Вся формальная и офиціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но за то бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени, исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: „Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата“.

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицеистами перваго пріема дѣломъ обыкновеннымъ. Кромѣ сочиненій Пушкина, уже печатались также труды Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева, Пущина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ напримѣръ изданіе *Новаго Плутарха для юношества* и составленіе біографіи математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16 января 1816 года Илличевскій сообщаетъ: „Онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Философъ*. Планъ довольно удаченъ, и начало, то-есть первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!“ Отъ этого только начатаго Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, будучи недоволенъ своимъ планомъ, скоро бросилъ работу и принялся за поэму *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ лицеѣ.

Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто *19-го Октября*, начинающееся словами:

*

„Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ съ гитарой сладкогласной".

Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшею частью его, и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ.

Сохранившійся *Лицейскій Мудрецъ* составляетъ небольшую тетрадь или книжку въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: „1815".

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: „Въ типографіи Данзаса". Изъ прибавленной къ этому шутки: „Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ", можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться, „если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала? — Хуже. — Онъ натретъ ядомъ листочки *Лицейскаго Мудреца*. — Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля" (то-есть Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произношеніе русскаго языка, служитъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ *Лицейскаго Мудреца*. Одна изъ статей любопытна, какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе Наполеона. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: „Занятіе Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ". Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ экс-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: „властелинъ Франціи, бичъ все-

женной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ межъ ними кусокъ сахару, занимался тѣмъ что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!... Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ и, гуляя по комнатѣ, говоритъ; „Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise... Бѣдный монархъ: тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!"

Стóитъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ „Апологія" Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ Россію иностранныхъ преподавателей: „Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой разсказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ".

Стихотворная часть *Лицейскаго Мудреца* принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. На пародію „Пѣвца" Жуковскаго и одну эпиграмму Илличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя пѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. Анненковъ нашелъ отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ „Матеріалахъ" немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

„Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью"...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе *нѣмецкія бредни* намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно

время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризированы, со словъ графа Корфа, В. П. Гаевскимъ и Анненковымъ. О Гауэншильдѣ Илличевскій писалъ Фуссу: „Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ". Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ, и успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого положенія, въ которомъ ничего не было легче, какъ употребить ее во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ-быть онъ и не вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. „В. Ѳ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ [1]). Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса".

Несмотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее „междуцарствіе", о которомъ долго жила память въ лицеѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не пріискавъ тотчасъ же способнаго преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще бо́льшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій пансіонъ возникъ (1814 г.) изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собствен-

---

[1]) См. *Сочиненія Державина*, 1-е изд., т. I, стр. 795; II, 583; III, 699 и VI, 239.

ныя средства этимъ находчивымъ пришлецомъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился было Кошанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ лицеѣ нѣмецкую литературу по-французски. Результатомъ его управленія пансіономъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10.000 руб.

По словамъ графа Корфа, „Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служила національная пѣсня, которая пѣвалась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись adagio и sotto voce; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые наконецъ переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, прибавляетъ нашъ источникъ, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства".

Къ счастію, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленіяхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился конечно въ особенно-благопріятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но къ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Напечатанная въ *Р. Архивѣ* записка его объ обязанностяхъ воспитателя [1]) показываетъ, какъ разумно онъ смотрѣлъ на предстоявшій ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорого лицею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицеистовъ. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, иногда и ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать „Егору Антоновичу" въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести её. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою преж-

---

[1]) См. *Русскій Архивъ* 1872 года.

нія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицеистовъ имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностью нѣкоторыхъ изъ первенцевъ лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили „изъ рода въ родъ“ не безъ прикрасъ воображенія. Они пріобрѣли еще болѣе значенія послѣ того какъ лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Около 1830 года, когда я воспитывался въ лицеѣ, преданія эти были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, бывшемъ начальникѣ Дворянскаго полка, человѣкѣ добромъ и честномъ, управленіе лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все-таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совсѣмъ были довольны настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ у каждаго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнаткахъ. По-старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые прикрѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожъ надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литературныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая предшествовавшимъ курсамъ, составлять тайкомъ подобные сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, напримѣръ разсказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса [1]) мало-по-малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые наконецъ однакожъ попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, что̀, какъ говорили, отразилось даже на чинѣ, съ которымъ авторъ былъ выпущенъ изъ лицея. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполнѣ

---

[1]) Покойный Иванъ Романовичъ Ховенъ, усердный хранитель лицейскихъ традицій.

удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое могло бы быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25-ти человѣкъ. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли высокое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и, считая себя обязанными охранять честь и преданія лицея, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ лицеѣ еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какою во всемъ ознаменовалось первое время существованія царскосельскаго лицея. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезневымъ списка. Такова уже была судьба лицея: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ, по переходѣ лицея въ военное вѣдомство до нашего курса, т. е. въ теченіе какихъ нибудь 5 — 6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа П. П. Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Н. И. Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднѣе перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такою считать звѣзду Пушкинской поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно наконецъ выяснить истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его реторикой составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которыя въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и повидимому непогрѣшимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникѣ говорили большею частію только по наслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что реторика Кошанскаго занимается только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти такъ называемыя украшенія рѣчи составляютъ только небольшую часть его „Общей

реторики", разсматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій; другой его курсъ, „Частная реторика", есть то, что нынче проходится подъ именемъ теоріи словесности и трактуетъ подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и пожалуй страннаго; но при этомъ не должно терять изъ виду, во-первыхъ, что обѣ они имѣютъ одно рѣдкое для того времени достоинство, — историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской и, во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется званію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ-быть вслѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Такъ надо заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина *Къ моему аристарху* и по упомянутой выше пародіи Дельвига. Но въ слѣдующее время Кошанскій пріобрѣлъ совсѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы, и слово *реторика* даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впослѣдствіи явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, расшевелить нашу самодѣятельность. Этого достигъ онъ можетъ-быть именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, изданные еще въ Москвѣ, по грекоримской археологіи и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н. Муравьевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполнѣ подготовленъ къ своей каѳедрѣ въ лицеѣ.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностію, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ разсказывалъ намъ содержаніе Гомеровыхъ поэмъ, объяснялъ миѳологію и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Иліаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гнѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его разсказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи *Образцовыхъ сочиненій* и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментаріемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ лицеѣ; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе однакожъ Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ

товарищей Пушкина рукопись *19-го октября 1825 года* („Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ") и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его пріемы. Особенно при стихахъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ",

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоцѣнные стихи о родномъ лицеѣ и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственныя наши упражненія, къ которымъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудреныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и потомъ читалъ наши опыты вслухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самимъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, „не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* что́ хорошо и почему; *а послѣ* показываетъ, что́ должно быть иначе и *какимъ образомъ*". Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и внѣклассные, поэтическіе грѣхи. Такъ же точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю (оба уже умершіе)[1]. Пушкинъ, при насъ посѣтившій лицей, читалъ имъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однакожъ первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія: „И Георгіевскій и Троицкій и преподаватели въ низшихъ классахъ", замѣчаетъ авторъ, „преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ лицеѣ и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ

---

[1]) Стихи обоихъ, писанные отчасти еще во время пребыванія ихъ въ лицеѣ, можно найти, между прочимъ, въ альманахѣ *Царское Село* (1830 г.).

Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполнѣ можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ. Будучи старшимъ изъ профессоровъ лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исправляющимъ должность директора лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ лицеѣ и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора Иистиитута слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ" [1]).

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показаніяхъ бывшихъ лицеистовъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: „Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впослѣдствіи въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ занимательнымъ [2]). Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на каѳедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣдъ много содѣйствовала начитанность профессора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учеб-

[1]) *Благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея* (СПБ. 1869), стр. 183.

[2]) Такъ на стр. 57 Частной Реторики разсказанъ случай изъ жизни императора Александра I: „Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большого пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и хотятъ летѣть, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: „Что это значитъ, Ляминъ? Лебеди летать не могутъ? — Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобъ не разлетѣлись... — Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно — пусть летятъ, куда хотятъ!" — Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на взморье; но къ осени дѣйствительно почти всѣ возвратились".

ники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX-го“ [1]).

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно потому, что уже сбирался покинуть лицей: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣздить, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта П. Е. Георгіевскаго, человѣка почтеннаго, весьма исправнаго, но, къ сожалѣнію, не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значитъ личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Я могъ бы поговорить здѣсь о нѣкоторыхъ умершихъ лицеистахъ перваго курса, но чтобы не утомлять вниманія читателей, перейду прямо къ Пушкину.

Во время моего пребыванія въ лицеѣ поэтъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1828 году; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣщеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто нибудь изъ нашихъ „дѣдовъ“, мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему лицею. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени. Онъ присутствовалъ у насъ на экзаменѣ изъ исторіи. Вскорѣ послѣ того были напечатаны вмѣстѣ, въ одной брошюрѣ въ четвертку, три стихотворенія: одно Жуковскаго — „Старая пѣсня на новый ладъ“ (на побѣды Паскевича) и двѣ пьесы Пушкина — „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“. Жуковскій доставилъ въ лицей нѣсколько экземпляровъ этой брошюры.

Извѣстно, что при переходѣ воспитанниковъ перваго пріема изъ меньшого курса въ старшій, на послѣднемъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года присутствовалъ Державинъ и что Пушкинъ прочелъ тогда приготовленное къ этому случаю стихотвореніе свое: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.* Въ тетрадяхъ знаменитаго екатерининскаго лирика, между разными переплетенными вмѣстѣ брошюрами, сохранилось и это стихотвореніе, писанное рукою Пушкина, и съ полною его подписью: это тотъ самый списокъ, по которому Пушкинъ читалъ вслухъ свое произ-

---

[1]) *Памятная книжка лицея на 1856—1857 г.* С.-Петербургъ, стр. 155.

веденіе. Удивительно, какъ твердъ былъ уже тогда его почеркъ и какъ мало онъ измѣнился впослѣдствіи. Это стихотвореніе въ собраніи сочиненій поэта напечатано въ первоначальномъ видѣ, почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ предпослѣдней строфѣ третій стихъ читается въ автографѣ такъ:

„Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллины“.

Въ позднѣйшей же редакціи:

„Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины“.

Въ той же тетради Державина находится рукописный алфавитный списокъ тогдашнихъ лицеистовъ, а рядомъ съ нимъ печатная „программа открытаго испытанія воспитанникамъ начальнаго курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея Генваря 4 и 8 дня 1815 г.“. Въ первый день предметами испытанія означены: „Законъ Божій, Логика, Географія, Исторія, Нѣмецкій языкъ и нравоученіе“; во второй день: „Латинскій языкъ, Французскій языкъ, Математика, Физика и Россійскій языкъ“. По каждому предмету изложены далѣе довольно подробныя программы. Вотъ что входило въ экзаменъ изъ русскаго языка: 1) Разные роды слоговъ и украшенія рѣчи, 2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи, 3) Славянская грамматика, и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій. Програма кончалась слѣдующими строками: „Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посѣтителями и профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предметахъ. Въ заключеніе показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи“. Изъ числа гостей на этомъ экзаменѣ, Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу называетъ, кромѣ Державина: Горчакова, Саблукова, Салтыкова, Уварова и Филарета. По словамъ графа Корфа, тутъ былъ также министръ просвѣщенія князь Голицынъ; изъ постороннихъ профессоровъ упомянуты: Лоди, Кукольникъ (отецъ) и Плисовъ; „сверхъ того были, прибавляетъ Илличевскій, родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ, была и обыкновенная царскосельская публика“.

Отъ покойнаго Матюшкина я слышалъ, что при поступленіи въ лицей Пушкинъ довольно плохо писалъ по-русски. У Кошанскаго онъ считался по своимъ свѣдѣніямъ 16-мъ, а Матюшкинъ 15-мъ, хотя послѣдній, по собственному его сознанію, ужъ конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. По отзыву Матюшкина, товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Въ поэзіи Илличевскій считался его соперникомъ, такъ что у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ Илличевскій былъ даже выше по таланту, но, какъ мы уже видѣли, самъ онъ сознавалъ неизмѣримое превосходство Пушкина.

Въ лицеѣ Карамзинъ увидѣлъ Пушкина въ мартѣ 1816 г., на обратномъ пути изъ Петербурга въ Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас. Льв. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, который тогда и познакомился съ даровитымъ юношей. Разсказываютъ, что Карамзинъ, прочитавъ въ лицеѣ какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: „Въ немъ зрѣетъ великій поэтъ". По отъѣздѣ гостей нашъ лицеистъ вступилъ въ переписку съ княземъ Вяземскимъ и Василіемъ Львовичемъ. Письмо его къ первому было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* (1874, № 1); ко второму написалъ онъ стихотворное посланіе. Отвѣтъ дяди сохранился въ бумагахъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ. Вотъ онъ

„Москва. 1816, апрѣля 17.

„Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ. — Скажи Ломоносову [1]), что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня.

Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ *Яжелбицахъ:*

Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ [2]).

„Шихматовъ! почтальонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?
Признаться надобно, что участь ваша злая:
У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегасъ".

---

[1]) Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ товарищей Пушкина, впослѣдствіи бывшій посланникомъ въ Америкѣ, а еще позднѣе въ Голландіи, до лицея получилъ первоначальное образованіе въ какомъ-то петербургскомъ учебномъ заведеніи вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ.

[2]) Въ Яжелбицахъ мы нашли почталіона хромаго, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму. (*Прим. В. Л. Пушкина*).

Это письмо бросаетъ новый свѣтъ на одно изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, озаглавленное: *Желаніе.* Оказывается, что въ немъ поэтъ обращается къ дядѣ вскорѣ послѣ ихъ свиданія въ Царскомъ Селѣ. Сообщенное выше письмо служитъ отвѣтомъ на это посланіе, и выраженіе Василья Львовича: *непокойные стихотворцы* вызвано слѣдующимъ концомъ посланія:

„Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И *непокойный* графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно“.

Въ рукахъ моихъ были два неизвѣстныя до сихъ поръ подлинныя письма А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, писанныя изъ Кишинева. Ихъ обязательно сообщилъ мнѣ Л. М. Лобановъ, котораго отецъ, умершій въ 1846 г. членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, нѣкогда служилъ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Сообщая эти два письма, напередъ замѣчу, что первое изъ нихъ, отъ 24-го марта 1821 г., было писано на другой день послѣ письма поэта къ Дельвигу, которое уже давно напечатано (*Сочиненія Пушкина*, изд. Анненковымъ, т. I, стр. 81). Какъ это письмо къ Дельвигу, такъ и письмо къ Гнѣдичу начинаются стихами. Пушкинъ въ ту пору любилъ подобныя поэтическія вставки въ „почтовую прозу“, бывшія въ обычаѣ еще съ прошлаго вѣка и пущенныя въ ходъ особенно Вольтеромъ. Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ показываютъ, между прочимъ, что Пушкинъ тогда уже, т. е. въ мартѣ 1821 г., изучалъ Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора во второмъ письмѣ, свидѣтельствуютъ, что нашъ поэтъ читалъ своего любимца не во французскомъ переводѣ только, какъ думаютъ многіе, но и въ подлинникѣ.

Извѣстно, что поэма „Русланъ и Людмила“ уже послѣ отъѣзда Пушкина на югъ была окончена печатаніемъ въ Петербургѣ подъ надзоромъ Гнѣдича; но до сихъ поръ не знали, когда и куда именно экземпляръ ея, по выходѣ книги въ свѣтъ, былъ высланъ поэту. Г. Бартеневъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ (*Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 24), высказываетъ предположеніе, что Пушкинъ еще на Кавказѣ могъ получить это изданіе. Слѣдующее за симъ письмо окончательно разъясняетъ вопросъ.

Письмо 1.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ [1]) спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ [2]), —
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца [3]) —

---

[1]) Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

[2]) Т. е. эпическія пѣсни Гомера началъ переводить стихами безъ риѳмъ, — экзаметрами.

[3]) Эти стихи становятся понятнѣе послѣ прочтенія въ брошюрѣ г. Бартенева „Пушкинъ въ южной Россіи", разсказа объ отношеніяхъ поэта въ Кишиневѣ (см. стр. 117). То же выражаетъ его маленькая пьеса *Уединеніе*, 1822 года:

Блаженъ кто, въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала;
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности [1]). — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена *Кавказскимъ плѣнникомъ.* Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, — гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно. —

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей — Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9 тома Русской Исторіи — Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы ли онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. — Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ — Vale.

Пушкинъ.

1821 марта 24.
Кишиневъ.

---

[1]) Извѣстный уже изъ другихъ болѣе раннихъ изданій вензель АО означалъ Оленина, который сочинялъ виньетку къ поэмѣ.

Второе доставленное мнѣ письмо къ Гнѣдичу писано почти ровно черезъ годъ послѣ перваго и касается „Кавказскаго плѣнника“, котораго изданіе поэтъ опять поручилъ переводчику Иліады. Двѣ строки этого письма, именно тѣ, которыя здѣсь печатаются курсивомъ, были уже извѣстны изъ черноваго отпуска, найденнаго въ бумагахъ поэта Анненковымъ и приведеннаго въ его *Матеріалахъ* (стр. 97). Любопытно, что продолженіе черноваго письма, тамъ же сообщенное и содержавшее оцѣнку новой поэмы, исключено самимъ Пушкинымъ при перепискѣ письма начисто. Вотъ подлинное.

Письмо 2.

29 апрѣля 1822. Кишеневъ.
Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo [1]).

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! *недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать.* Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идилліи [2]) (о которой мы поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale.

Пушкинъ.

(Письмо на цѣломъ листѣ почтовой бумаги; оно проколото; на оборотѣ надпись: „Николаю Ивановичу Гнѣдичу“, безъ адреса, изъ чего видно, что это письмо было вложено въ какое-нибудь другое или отправлено съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ поэта).

О кавказско-кишиневской эпохѣ жизни и поэзіи Пушкина я имѣлъ недавно случай бесѣдовать съ почтенной Екатериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, съ именемъ которой связываются воспоминанія о двухъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателяхъ (она по женской линіи правнучка Ломоносова). Большинству читателей, конечно, извѣстно, что Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, нашелъ Ек. Н. Раевскую въ числѣ обитателей крымскаго имѣнія Юрзуфа, и потомъ, въ

---

[1]) Ov. Trist. 1, 1, 1. *Я. Г.*

[2]) Идилліи *Рыбаки*, напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ *Сынѣ Отечества*. Вѣроятно, она была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

*

первыхъ письмахъ изъ Кишинева, говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Эта замѣчательная женщина сохраняетъ еще и въ глубокой старости [1]) всю свѣжесть своего живого ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава; она попрежнему слѣдитъ за литературой, и то, что пишется о Пушкинѣ, не ускользаетъ отъ ея вниманія. Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Катериной Николаевной въ разсказахъ его біографовъ, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями и еще разъ показывающихъ, какъ иногда „дѣлается исторія", какъ по канвѣ иногда самыхъ простыхъ случайностей выводятся впослѣдствіи затѣйливые узоры.

Старшій изъ братьевъ Раевскихъ, пріятелей Пушкина, Александръ Николаевичъ, родился въ 1795 г.; меньшой, Николай, въ 1801-мъ. Александръ, страдая отъ раны въ ногѣ, лѣчился на Кавказѣ еще до пріѣзда туда Пушкина съ нѣкоторыми изъ членовъ этого-семейства. Александръ тамъ и оставался долѣе прочихъ, и потомъ проѣхалъ прямо въ калужскую деревню, ту самую, гдѣ впослѣдствіи, въ царствованіе Николая, Катерина Николаевна жила съ мужемъ своимъ, М. Ѳ. Орловымъ. Александръ Раевскій былъ чрезвычайно уменъ, и тогда уже успѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность. Позднѣе, когда они видались въ Каменкѣ и Одессѣ, Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ представлять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи, и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго впослѣдствіи такъ много было писано и истощено догадокъ.

Съ меньшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ еще болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу. Они познакомились еще въ Петербургѣ. Николай Раевскій страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу; и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ надавно напечатанное свѣдѣніе, будто Пушкинъ учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея замѣчанію, все

---

[1]) Она жила еще нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ это было написано.

дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью Н. Н. Раевскаго въ Юрзуфѣ читалъ Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали на верхъ къ Катеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ, первый, познакомилъ Пушкина съ поэзіей Шенье.

К. Н. отрицаетъ также, чтобы Пушкинъ изъ Крыма проводилъ Раевскихъ до кіевскаго имѣнія Каменки. Послѣ посѣщенія Бахчисарая, онъ, по ея словамъ, доѣхалъ съ ними только до Симферополя или можетъ быть до Перекопа. Но въ этомъ она едва ли права, судя по двумъ небольшимъ пьесамъ Пушкина, подъ которыми стоитъ имя Каменки. Это село принадлежало матери Раевскаго (второй мужъ ея былъ Левъ Денисовичъ Давыдовъ). Тамъ все семейство съѣзжалось обыкновенно къ Екатеринину дню, 24-му ноября, а уже въ первыхъ числахъ декабря возвращалось въ Кіевъ. Свадьба старшей дочери, Кат. Н. Раевской съ М. Ѳ. Орловымъ была въ маѣ 1821 г. Пушкинъ на ней не присутствовалъ; во второй разъ былъ онъ въ Каменкѣ до того зимою.

Въ первой изъ своихъ статей о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху Анненковъ привелъ дословно — не раздѣляемое имъ впрочемъ — мнѣніе о поэтѣ, высказанное графомъ Корфомъ. При всемъ моемъ уваженіи къ авторитету покойнаго М. А. въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ лицеѣ и его воспитанникахъ, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе. Правда, что молодой Пушкинъ ни дома, ни въ заведеніи не могъ получить строго-нравственной основы, а жгучая страстность и рѣдкое остроуміе значительно усиливали для него обыкновенную мѣру искушеній молодости. Но мы знаемъ какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, знаемъ, какъ неутомимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразованія въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости нерѣдко для краснаго словца, для острой эпиграммы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ, впрочемъ, сознаются и строгіе судьи его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ подъ вліянія внѣшнихъ соблазновъ. Извѣстно, какъ глубоко онъ въ позднѣйшіе годы раскаивался въ легкомысленномъ кощунствѣ, которому принесъ дань въ молодости. Рано убѣдился онъ, что

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,

и если все-таки часто измѣнялъ этому взгляду, то причиною была не

коренная испорченность сердца, а страстная природа, которая брала своё, вопреки разуму и убѣжденіямъ.

Какъ благородно признаніе, тогда же высказанное имъ при сравненіи себя съ Дельвигомъ:

Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

И сколько чертъ высокаго благородства мы видимъ въ жизни Пушкина! Съ какимъ строгимъ самоосужденіемъ онъ говорилъ о своемъ прошломъ при возвращеніи въ Царское Село въ первый разъ послѣ выхода изъ лицея [1]). Кто такъ говоритъ, не можетъ не быть искреннимъ; такого настроенія нельзя дать себѣ искусственно; подъ него нельзя поддѣлаться. Если бъ это не была въ высшей степени благородная душа, какой смыслъ могло бы имѣть вѣрное замѣчаніе Анненкова „о заслугахъ Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ". Нѣмецкій поэтъ сказалъ, что злые не поютъ. Кажется, можно распространить эту мысль и согласиться, что истинный поэтъ не можетъ быть вполнѣ недобрымъ человѣкомъ. Кто глубоко чувствуетъ и понимаетъ красоту, не можетъ не быть расположеннымъ ко всему доброму. Онъ можетъ падать и низко падать нравственно, но любовь къ прекрасному облегчаетъ ему возможность вставать и снова возвышаться.

Многое въ этомъ отношеніи хорошо понято и ловко выражено Анненковымъ. Чтобы отдать полную справедливость нашему поэту, надобно также принять въ соображеніе тѣ умственные и нравственные элементы, среди которыхъ ему приходилось жить: немногіе умѣли бы дать такой отпоръ, какъ онъ, обществу, окружавшему его, напр. въ Кишиневѣ. Эта среда могла бы окончательно погубить его, если бъ постоянный умственный трудъ и творчество не укрѣпляли его для борьбы за сохраненіе своего человѣческаго достоинства. На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть, какъ на серьёзную подготовительную школу для дальнѣйшей быстро разраставшейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта.

Конечно, въ жизни его легко отыскать много заблужденій, слабостей, даже сумасбродствъ; но едва ли кто-нибудь укажетъ въ ней хотя на одинъ низкій или противный чести поступокъ. Много приносилъ онъ жертвъ суетности, тщеславію, легкомыслію, но доходилъ ли онъ когда-либо до нравственнаго униженія ради выгоды или успѣха?

Въ 70-хъ годахъ кто-то печатно упрекнулъ Пушкина за бѣдность

[1]) См. выше, стр. 24, отрывокъ изъ пьесы: „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ".

содержанія изданныхъ въ тогдашнее время писемъ его изъ Кишинева. Къ сожалѣнію, критикъ не обратилъ вниманія на прежде извѣстныя письма поэта за ту же эпоху, въ которыхъ давно оцѣненъ важный біографическій матеріалъ; критикъ забылъ также, что во вседневныхъ письмахъ и запискахъ, имѣющихъ только минутную цѣль и вовсе не назначаемыхъ для публики, мы никакъ не въ правѣ требовать того, что можетъ быть поучительно для потомства. Дѣло въ томъ, что интересъ такихъ писемъ заключается совсѣмъ не въ положительныхъ фактахъ и не въ важныхъ размышленіяхъ: при видимой бѣдности содержанія они все-таки могутъ быть очень интересны. Съ своей стороны я долженъ признаться, что въ новыхъ письмахъ Пушкина меня часто поражали внезапныя искры ума и остроумія, которыя въ ту эпоху могли принадлежать только человѣку, далеко ее опередившему. Вотъ гдѣ лежала тайна быстраго самоусовершенствованія юноши, говорившаго, что „для существа, одареннаго душою, нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое каждому дается обстоятельствами его жизни и имъ самимъ“. (Изъ письма къ Дельвигу 1821 г.).

III.

ПИСЬМА ЛИЦЕИСТА ИЛЛИЧЕВСКАГО КЪ ФУССУ [1]).

Воспитываясь въ царскосельскомъ лицеѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, *Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій*, сынъ томскаго губернатора, переписывался съ другомъ своимъ *Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ*, впослѣдствіи непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ (умершимъ въ 1855 году). Дружба эта началась еще въ петербургской гимназіи [2]), откуда Илличевскій въ 1811 г., лѣтъ 13-ти отъ роду, переведенъ былъ въ лицей, тогда какъ Фуссъ остался въ гимназіи. Письма Илличевскаго ближе

[1]) Эти письма, о которыхъ упоминается въ первыхъ двухъ статьяхъ настоящаго сборника, печатаются съ опущеніемъ только того, что̀ не представляетъ историческаго интереса. Въ первый разъ они были помѣщены мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года. Сто̀итъ замѣтить, что письма 1812 года писаны не твердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ; за 1813 годъ нѣтъ ни одного письма; съ 1814-го же почеркъ Илличевскаго совершенно измѣняется, и становится болѣе и болѣе похожимъ на довольно своеобразный почеркъ Пушкина, такъ что даже спрашиваешь себя, не старался ли товарищъ его подражать рукѣ своего учителя въ поэзіи. Иногда трудно бываетъ рѣшить, которому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой автографъ.

[2]) Единственной въ то время: это нынѣшняя 2-я гимназія въ Казанской (бывшей Мѣщанской) улицѣ. На томъ же мѣстѣ находилась она уже и тогда.

знакомятъ насъ съ бытомъ и духомъ лицея въ первое время его существованія и представляютъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о лицахъ, пріобрѣтшихъ позже общую извѣстность. Біографы Пушкина уже признали важность внутренней исторіи лицея первыхъ лѣтъ для изученія хода развитія молодого Пушкина. Вотъ почему мнѣ кажется, что извлеченія изъ писемъ его товарища, переданныхъ мнѣ въ подлинникѣ лицейскимъ же воспитанникомъ 24-го выпуска (1860 г.) Владиміромъ Павловичемъ Фуссомъ, не будутъ лишены интереса для читателей, тѣмъ болѣе, что они отличаются веселостью и непринужденной искренностью молодости. Присутствіе сильнаго и блестящаго таланта въ кругу первыхъ лицеистовъ пробудило между ними почти общую страсть къ литературѣ. Живя съ Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ и нѣкоторыми другими, Илличевскій, который уже въ гимназіи писалъ стихи, увлекся этою страстью и мечталъ о лаврахъ поэта. Впослѣдствіи однакожъ онъ не произвелъ ничего значительнаго въ литературѣ, и памятью его поэтической дѣятельности остается только маленькая книжечка, напечатанная имъ въ 1827 году въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: „Опыты въ антологическомъ родѣ“. Илличевскій началъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, но съ откомандировкою къ отцу своему, который, какъ уже сказано было, занималъ должность губернатора въ Сибири. Алексѣй Демьяновичъ не многимъ пережилъ Пушкина: онъ умеръ также въ 1837 году, въ должности начальника отдѣленія тогдашняго департамента государственныхъ имуществъ [1]).

---

18 февраля 1812 г.

Напрасно ты думаешь, что у насъ въ лицеѣ не слишкомъ хорошо, потому что не можемъ видѣть всякую недѣлю своихъ родителей. Средь разлуки привыкнешь къ разлукѣ; да будто бы и нельзя совсѣмъ видѣть ихъ? Къ намъ пріѣзжаютъ наши родители довольно часто. Жаль мнѣ, любезный другъ, что ты не въ лицеѣ. Ты вѣрно бы здѣсь былъ изъ самыхъ лучшихъ. Позволь затруднить тебя маленькой просьбой: пришли ко мнѣ мои басни: *Дубъ* и *Лисица вельможею* [2]).

---

25 марта 1812 г.

Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который,

---

[1]) За эти свѣдѣнія, какъ и за нѣкоторыя другія, помѣщаемыя въ примѣчаніяхъ подъ письмами, обязанъ я покойному гр. Модесту Андреевичу Корфу, принявшему на себя трудъ прочесть мои извлеченія. Другія подробности сообщилъ мнѣ покойный же статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ.

[2]) Басни эти приложены къ подлиннымъ письмамъ.

живши между лучшими стихотворцами [1]), пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса, и читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки. Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкою; по первой почтѣ постараюсь прислать тебѣ нѣсколько стихотвореній.

---

26 апрѣля 1812 г.

Ты пишешь, что у васъ въ гимназіи все идетъ весьма хорошо; врядъ ли? Ты, я думаю, изъ пристрастія къ Миддендорфу [2]), въ этомъ меня увѣряешь! Что же касается до нашего лицея, увѣряю тебя, нельзя быть лучше: учимся въ день только 7 часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учится, кто хочетъ гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ. Ведя себя скромно, учась прилежно, нечего бояться. Притомъ родители насъ посѣщаютъ довольно часто, а чѣмъ рѣже свиданіе, тѣмъ оно пріятнѣе. Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды; вслѣдствіе чего посылаю тебѣ двѣ мои басни и желаю, чтобъ онѣ тебѣ понравились. Горчаковъ [3]) благодаритъ тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать, да ему некогда. Повѣришь ли? Этотъ человѣкъ учится съ утра до вечера, чтобъ быть первымъ ученикомъ, и кажется, достигъ своего желанія.

---

27 іюля 1814 г.

Въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, какъ я оставилъ гимназію, мнѣ кажется, что она совершенно измѣнилась. Прежніе товарищи вышли; вступили новые, и ты, мой другъ, скоро оставишь оную. Отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Матвѣева, который служитъ теперь въ правленіи нашего лицея, слышалъ я, что ты перешелъ въ 7-й классъ. Желать тебѣ успѣховъ было бы съ моей стороны и не кстати и не за чѣмъ: я увѣренъ и безъ того, что ты изъ первыхъ въ гимназіи. Радуюсь, что тебѣ немного остается уже продолжать ученіе; но мой курсъ продолжится... еще... еще... три года! — Хоть не радъ, да будь готовъ!

---

[1]) См. выше стр. 7 и 42.

[2]) Тогдашнему инспектору гимназіи, который на дѣлѣ управлялъ заведеніемъ. Директоромъ былъ извѣстный, какъ цензоръ, Иванъ Осиповичъ Тимковскій.

[3]) Князь Ал. Мих. Горчаковъ, впослѣдствіи министръ иностранныхъ дѣлъ, поступилъ въ лицей также изъ гимназіи, какъ и нѣкоторые другіе воспитанники 1-го курса. Получилъ при выпускѣ изъ лицея вторую золотую медаль.

У насъ въ Царскомъ Селѣ завелось теперь новое училище подъ именемъ пансіона при императорскомъ лицеѣ, гдѣ за каждаго воспитанника платятъ по 1000 рублей. Число ихъ простирается уже до 80, и всѣ они на казенномъ содержаніи [1]). Нельзя жаловаться на смотрѣніе, ни на ученіе; но содержаніе могло бы быть лучше. Отличнѣйшіе изъ нихъ будутъ поступать въ лицей: итакъ, разсуди самъ, какъ трудно теперь къ намъ попасть! Въ пансіонѣ много есть и изъ гимназіи, именно: Романовскій, Бухаровъ, Рашетъ, Безаки, Черкасовъ... всѣхъ не могу вспомнить.

Каково ты проводишь время въ Петербургѣ? здоровъ ли ты? прошла ли у тебя болѣзнь руки, которою ты прежде страдалъ? У васъ теперь каникулы: тебѣ, я думаю, весело! И я бы могъ проводить также весело время, когда бы не лишенъ былъ удовольствія видѣть своихъ родителей, которые живутъ теперь въ Томскѣ, гдѣ папенька губернаторомъ, за 4500 верстъ отсюда! Каково разстояніе? Часто случается, что по два мѣсяца не получаю отъ нихъ писемъ.

Кланялся ли тебѣ отъ меня Гижицкій? Онъ былъ у насъ въ лицеѣ, когда мы представляли маленькую пьесу, и видѣлъ меня. Не помню фамиліи одного вашего пансіонера, который былъ также у насъ и котораго просилъ я именно тебѣ и Гижицкому поклониться. Опиши мнѣ, сдѣлай милость, ежели это тебѣ не трудъ, какія у васъ теперь перемѣны въ разсужденіи прежняго? Кто остался еще въ гимназіи изъ бывшихъ нашихъ товарищей? Что сдѣлалось съ Ильею Ольхинымъ, гдѣ онъ теперь и что́ творитъ? Поклонись отъ меня Гижицкому, Шварцу и пр., также твоему братцу Александру Николаевичу. Увѣрь миленькихъ Виленьку и Егорушку, что я ихъ всегда люблю и невольно о нихъ вспоминаю; я думаю, что первый изъ нихъ весьма выросъ и уже въ гимназіи.

Вотъ тебѣ письмо мое, — ты не можешь жаловаться, чтобъ оно коротко было, вдобавокъ еще посылаю тебѣ мою *Оду на взятіе Парижа.* Прости, ежели увидишь несовершенства. Остаюсь въ полной надеждѣ получить отъ тебя отвѣтъ, отъ тебя, къ которому былъ и всегда пребуду нелестнымъ другомъ.

---

5 октября 1814 г.

Что сказать мнѣ о состояніи вашей гимназіи? Жаль! и только; подлинно только: лучшей перемѣны ожидать не можно! Если въ мою бытность при М. все такъ перемѣнилось, что жъ должно быть нынѣ?

---

[1]) Лицейскій пансіонъ возникъ изъ частнаго училища, основаннаго въ 1813 году Гауэншильдомъ, который потомъ и назначенъ былъ директоромъ новообразованнаго казеннаго заведенія. См. выше стр. 27 и 37.

Ахъ! съ какою сладостію воспоминаю иногда пребываніе мое въ гимназіи, времена счастливыя Энгельбаха и Дольста, наше взаимное дружество, прежнихъ товарищей: Голубя, Оржитскаго, Ольхина — et tant d'autres! Oui, j'aime le souvenir de ceux que j'ai chéris! Ахъ, воспоминаніе прежняго счастія и настоящія бѣдствія усладить можетъ:

Et le pauvre lui-même est riche en espérance,
Et chacun redevient Gros-Jean comme devant,
Et chacun est du moins fort heureux en rêvant?

Но я слишкомъ разахался! Un mot de Mr. Gretch. Quoique je n'aie pas l'honneur de le connaître en personne, j'estime néanmoins son talent supérieur. Son journal le Patriote, sa traduction de Léontine, son édition des Избранныя мѣста, дѣлаютъ ему честь великую, а похвала моя, я увѣренъ, не прибавитъ къ его славѣ... ни крошечки!

Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки: il s'en faut de beaucoup!), а страсть къ стихамъ. Къ счастію, уроковъ у насъ не много, а времени довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣлываться.

Знаешь ли, Будри получилъ крестъ Владимирской въ петлицу (4-й степени).

2 ноября 1814 г.

Ты требуешь отъ меня пространнаго письма. Охотно на сей разъ исполняю твое желаніе. Ты правъ, у меня нѣтъ недостатка въ матеріи; но обстоятельства, проклятыя обстоятельства кого не держатъ въ оковахъ? За то я самъ не сержусь на тебя. Правда, у всякаго свое на умѣ: у тебя уроки, у Ольхина шалости, у меня стихи; но они равно сильно дѣйствуютъ на наши души. Впрочемъ, какъ ни есть, повинуюсь тебѣ, гоню отъ себя докучливыхъ музъ, беру перо и пишу тебѣ цѣлые поллиста — безсмыслицы.

Начнемъ съ самаго скучнаго. Первою матеріею нашею будетъ лицей. Но что тебѣ сказать о немъ? Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну стать: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое). Нѣтъ скучнаго заведенія сидѣть *à ses places*; въ классахъ бываемъ недолго: 7 часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ; лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся. Такимъ образомъ, какъ можемъ, сражаемся со скукою, подобно матросамъ, которые, когда корабль ихъ производитъ течь, видя къ нимъ со всѣхъ сторонъ вливающіяся волны, не предаются отчаянію, но, усиліямъ моря противополагая свои усилія, спокойно борются съ ужасною стихіею.

Въ наукахъ мы таки кое-какъ успѣваемъ, но языки, ты самъ знаешь, какъ трудны и die deutsche Sprache до сихъ поръ еще мнѣ почти тарабарская азбука. Въ латинскомъ мы плыли, плыли (начали было читать Федровы басни и Cornelii Nepotis de vita etc.), да вдругъ и наѣхали на мель: не стало кормчаго, ни тпрру, ни ну, сѣли, какъ раки. Подлинно, нашъ профессоръ Н. Ѳ. Кошанскій, довольно извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, вдругъ сдѣлался боленъ, и съ полгода уже не ходитъ въ классы, а мы хоть и ходимъ, однако ничему не учимся. А математика?...

О Ураньи чадо темное,
О наука необъятная,
О премудрость непостижная,
Глубина неизмѣримая!
Видно, на роду написано
Свыше нѣкимъ тайнымъ Промысломъ
Мнѣ взирать съ благоговѣніемъ
На твои рогаты прелести,
А плодовъ твоей учености
Какъ огня бояться лютаго!

Признаюсь, и радъ еще повторить прозой. Въ ней, кажется, заключила природа всю горечь неизъяснимой скуки. Нельзя сказать, чтобъ я не понималъ ея, но... право, отъ одного воспоминанія голова у меня заболѣла.

Много писалъ я тебѣ объ лицеѣ, но главное оставилъ наконецъ. Ужели ты до сихъ поръ не знаешь еще, что насъ за порогъ ни на шагъ не отпускаютъ? Какъ же мнѣ побывать у васъ на каникулахъ!... Ахъ, благодарю тебя за твое дружеское усердіе; жестокая судьба не позволяетъ мнѣ имъ пользоваться. Какая страшная разница! два мѣсяца — и ты свободенъ; а мнѣ такъ остается еще... 36 мѣсяцевъ, ужасно!... Прощай и помни многолюбящаго тебя друга.

---

10 декабря 1814 г.

Признаться, довольно долго ждалъ я твоего отвѣта, однако за это я нимало не въ претензіи: знаю, что ты приближаешься теперь къ тому времени, когда экзаменъ, послѣдній, можетъ быть, въ твоемъ учебномъ курсѣ, рѣшитъ будущую судьбу твою. Желаю тебѣ отъ всего сердца добраго успѣха, что́ впрочемъ, я увѣренъ, и безъ моего желанія исполнится. Но знаешь ли что? И мы ожидаемъ экзамена, которому бы давно уже слѣдовало быть и послѣ котораго мы перейдемъ въ окончательный курсъ, то есть, останемся въ лицеѣ еще на три года... утѣшительныя мысли.

Тебѣ непремѣнно хочется знать нашихъ профессоровъ, изволь: я опишу ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, mais c'est pour la dernière fois, entendez-vous? car, certes, tout ce qui appartient au lycée m'ennuie fort.

О *Будри*, проф. французскаго языка, и *Кошанскомъ*, проф. латинской и россійской словесности, говорить тебѣ не стану: одного ты знаешь лично, другого изъ прошедшаго письма моего.

Нѣмецкаго языка проф. у насъ — г. *фонъ Гауэншильдъ*, человѣкъ съ большими познаніями; попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ лицеѣ.

Адъюнктъ-проф. нравственныхъ и политическихъ наукъ — г. *Куницынъ*; при открытіи нашего училища въ присутствіи царской фамиліи сказалъ онъ такую рѣчь, что Государь Императоръ самъ назначилъ ему въ награду орденъ Владимира 4-й степени.

Адъюнктъ-проф. историческихъ и географическихъ наукъ — г. *Кайдановъ*; онъ сочинилъ прекрасную исторію древнихъ временъ, которая теперь только выходитъ изъ печати.

Адъюнктъ-профес. математическихъ и физическихъ наукъ — г. *Карцовъ*. Всѣ трое учились они въ Педагогическомъ институтѣ, путешествовали по Европѣ, слушали извѣстныхъ ученыхъ людей въ свѣтѣ и всѣ вышли люди съ достоинствомъ. Аминь.

Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли въ этомъ сомнѣваться?..

И можетъ ли ручей сребристой,
По свѣтлому песку катя кристалъ свой чистой
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ?..
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?..
И можетъ ли когда въ долинахъ зелень кедра,
А въ полѣ злакъ цвѣсти безъ солнца и дождя?...
И можетъ ли поэтъ неопытной и юной,
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной,
Не подражать другимъ? — Ахъ! никогда.

Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русской Вѣстникъ* и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ

иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія.

Такъ пчелка молодая
Въ лугахъ, въ садахъ, весной,
Съ листа на листъ летая,
Сбираетъ медъ златой,
И въ улей отдаленный
Несетъ соты скопленны
Прилежностью своей.
Когда же лѣто знойно
Зажжется въ небесахъ,
Она сидитъ спокойно
На собранныхъ плодахъ:
Въ довольствѣ отдыхаетъ
И счастіе вкушаетъ...
Тружусь подобно ей!

Помнишь ли ты Штеричей? (ихъ было у насъ три брата); старшій и средній теперь офицерами въ гвардейскомъ гусарскомъ полку, и я ихъ часто вижу. Когда наступитъ весна, то пріѣзжай къ намъ въ Царское Село: ich hoffe dass du mit deinem Zeitverteibe sehr zufrieden sein wirst. Только смотри, пріѣзжай *въ праздникъ*.

---

25 февраля 1815 г.

Гофману [1]) посылаю искренній поклонъ; мы говорили съ нимъ не болѣе трехъ часовъ, но и сего довольно было, чтобъ узнать непринужденную доброту его и привѣтливость.

Поздравляю тебя съ окончаніемъ твоего экзамена и курса ученія. О первомъ я наслышался много хорошаго, въ чемъ и сомнѣваться грѣхомъ поставляю. Знаю, что ты читалъ прекрасное сочиненіе *о красотѣ россійскаго слова* (?) [2]); знаю также, что ты сообщишь мнѣ его, по крайней мѣрѣ, для прочтенія. Честь и слава тебѣ! О нашемъ говорить нечего. Стеченіе народа было соразмѣрное съ нашимъ городомъ и разстояніемъ его отъ столицы; впрочемъ въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ, Саблуковъ, Салтыковъ, Уваровъ, Фила-

---

[1]) Андрей Логиновичъ Гофманъ, впослѣдствіи членъ Госуд. Совѣта поступилъ въ гимназію въ 1813 г., а оставилъ ее въ 1815 вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фуссомъ. Они часто вмѣстѣ отправлялись въ Царское Село, зимой въ саночкахъ, лѣтомъ иногда пѣшкомъ, къ лицейскимъ друзьямъ, которыхъ у нихъ было нѣсколько.

[2]) Вопросительный знакъ въ подлинномъ письмѣ.

ретъ и множество профессоровъ и ученыхъ [1]). Я льстился надеждою, что ты пріѣдешь на сей случай съ папенькою, но не тутъ-то было!

Жестокой опять надо мною
Хотѣлось судьбѣ подшутить;
Остался я съ горькой тоскою,
Гдѣ думалъ веселіе пить —
Полною чашей.
Ахъ! если бъ безсмертные дали
Намъ даръ напередъ узнавать
И радость и томны печали...
Счастливѣе были бъ стократъ
Въ жизни мы нашей.

Между тѣмъ назначено въ награжденіе пять медалей. Кому-то достанется получить? Но прежде ждутъ возвращенія Государя. Для любопытства посылаю тебѣ программу. Были читаны у насъ и сочиненія. Хотѣлось мнѣ прочесть стихотвореніе: *Весенній вечеръ*, но приказано — прозаическое разсужденіе *о цѣли человѣческой жизни*, котораго теперь нѣтъ у меня.

Поздравляю тебя съ новымъ мѣстомъ [2]). Радуюсь, если оно приноситъ тебѣ выгоды и удовольствіе. Не сомнѣваюсь, чтобъ ты познаніями своими, прилежностью и талантами не достигъ всего, что только въ виду себѣ представляешь. Скажи только мнѣ, все ли теперь ты такъ мало имѣешь времени, какъ прежде? Прощай, мой другъ, желаю тебѣ съ симъ новымъ годомъ новыхъ успѣховъ и новаго благополучія и новаго веселія на наступающей масленицѣ. Помни, что скорые отвѣты твои доставляютъ несказанное удовольствіе любящему тебя другу.

Царское Село.

---

2 сентября 1816 г.

Описать ли тебѣ, какъ я провожу время? Наше Царское Село въ лѣтніе дни есть Петербургъ въ миніатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ этимъ обязаны мы графу *Толстому*, богатому и любящему удовольствія человѣку. По знакомству съ хозяиномъ и мы имѣемъ входъ въ его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствіе. Но *осень* на насъ не на шутку косо поглядываетъ. Эта дама

---

[1]) Ср. у Пушкина замѣтку о чтеніи имъ на этомъ экзаменѣ стиховъ въ присутствіи Державина.

[2]) Фуссъ поступилъ въ студенты Академіи Наукъ. Отецъ его, Николай Ивановичъ, былъ въ то время непремѣннымъ секретаремъ Академіи, занявъ это мѣсто послѣ своего тестя Іоанна Альберта Эйлера, сына великаго математика.

такъ сварлива, что съ нею никто почти ужиться не можетъ. Все запрется въ дому, разъѣдется въ столицу или куда кто хочетъ; а мы, постоянные жители Села, живи съ нею. Чѣмъ убить такое скучное время? Вотъ тутъ-то поневолѣ призовешь къ себѣ науки. — Знаешь ли, что́ я затѣялъ? Есть книга: *Плутархъ для юношества*, сочиненіе *Бланшарда* въ 4-хъ частяхъ [1]). Она переведена на русской и дополнена многими великими мужами Россіи. Но и сочинитель и переводчикъ много еще пропустили; мнѣ пришло на мысль издать (рано или поздно, разумѣется) *новый Плутархъ для юношества*, служащій дополненіемъ *Плутарху Бланшардову*. Безъ великаго труда набралъ я 60 великихъ мужей, ими пропущенныхъ. Покамѣстъ собираю о нихъ разныя извѣстія, а издамъ по выходѣ изъ лицея. Можетъ быть, и не издамъ, — кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляетъ меня.

О *Леонардѣ Эйлерѣ* отношусь къ тебѣ, какъ къ ближайшему его родственнику; не можешь ли извѣстить меня, напечатана ли гдѣ-нибудь жизнь его, или если ты знаешь ее, напиши мнѣ хоть краткое о ней понятіе. Впрочемъ не дѣлай это гласнымъ; ты видишь, что это ничто, какъ игрушка.

Звонятъ въ классы, несутъ письма на почту, и я имѣю время только подписаться вѣрнымъ твоимъ другомъ.

---

22 сентября 1815 г.

Два портрета отгадалъ точно, одинъ *Мартынова* [2]), другой *Пушкина*, а стихи написаны не моею рукою; но простимъ дружбѣ: у ней, какъ у страха, глаза велики. Третій не отгадалъ: et peut-on deviner ce que l'on ne connoît pas? Это портретъ *Вальховскаго* [3]), одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ великихъ достоинствъ и великой надежды; этого на портретѣ ты не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ: большой носъ и большіе усы. Adieu.

Прости великой и большой безсмыслицѣ моего письма: *пишу его рѣзвясь, а не четыре дни*. Но искренно люблю: доволенъ ли? прости.

---

[1]) Не въ 4-хъ, а въ 10-ти частяхъ. См. Смирдинскую роспись № 3323. Эта книга въ русскомъ переводѣ имѣла три изданія: 1809, 1814 и 1823 гг.

[2]) Аркадій Ивановичъ Мартыновъ, братъ извѣстнаго Ив. Ив., былъ также одинъ изъ товарищей Илличевскаго. Умеръ, чуть ли еще не прежде послѣдняго, начальникомъ отдѣленія.

[3]) Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій получилъ при выпускѣ изъ лицея 1-ю золотую медаль и былъ впослѣдствіи начальникомъ штаба на Кавказѣ. Умеръ въ 1841 году, въ отставкѣ, въ харьковскомъ своемъ имѣніи. См. ниже очеркъ его біографіи.

11 октября 1815 г.

Сказать ли тебѣ, какъ ты узналъ, что *я сочинилъ оперу, которую у васъ Св. Питеръ играли*? Не сочти меня колдуномъ, ибо я скажу тебѣ всю истину, хотя удаленъ отъ тебя на двадцать верстъ. Но, начиная мою повѣсть или диссертацію, ставлю эпиграфъ:

Что больше бродитъ,
То больше въ цѣну входитъ,
Снѣжной шаришка будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ:
Ложъ ходитъ завсегда съ прибавкой въ мірѣ.
Сумароковъ.

Такъ! Я *перевелъ* оперу (а не *сочинилъ*) *L'opéra comique* par Ségur, op. com. en un acte. Переведши старался, чтобъ ее разыграли на театрѣ, отъ чего надѣялся получить барышъ. Прости на этотъ случай моему сребролюбію. Для этого просилъ я г. *Петра Александровича Корсакова*, стихотворца и чиновника, служащаго при театрѣ [1]). Родственникъ его Рязановъ учится въ гимназіи; ему не трудно было узнать все мое дѣло. Отъ него узнали это въ гимназіи; а ты узналъ о томъ отъ своего брата. Не правда ли?—Теперь мнѣ остается исправить, дополнить и окончить это извѣстіе: піесы моей не *играли*, да и играть не станутъ; причина тому та, что меня предупредили переводомъ, и хотя чужой переводъ и хуже, но уже онъ апробованъ и роли розданы. Таково мое несчастіе! Жалѣя о моей неудачѣ, дивись однакоже великому генію моему, который предугадалъ (я навѣрно полагаю то) всѣ дѣйствія молвы, и открылъ причины дошедшаго до тебя слуха.—Піеса моя еще въ Петербургѣ, но коль скоро получу оную назадъ, то перешлю къ тебѣ охотно для прочтенія. Благодарю тебя за доставленный мнѣ анекдотъ — жаль, что мнѣ нечего сообщить тебѣ. Прости, любезный Павелъ Николаевичъ! Я не Геркулесъ — предѣлы письма меня останавливаютъ.

---

26 октября 1815 г. (Царское Село,—вѣчное Царское Село).

Я получилъ письмо твое, пріятное какъ и всѣ твои письма — и въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу, скажу яснѣе, въ такое

[1]) Онъ былъ впослѣдствіи цензоромъ и издавалъ журналъ *Маякъ*. Братъ его Николай Александровичъ Корсаковъ воспитывался въ лицеѣ въ одно время съ Илличевскимъ. Оба они братья бывшаго попечителя петербургскаго учебнаго округа, кн. Дондукова-Корсакова, на котораго княжескій титулъ и дополнительная фамилія перешли отъ его тестя, умершаго безъ мужского потомства.

время, когда мы приготовлялись праздновать день *открытія* лицея (правильнѣе бы было день *закрытія* насъ въ лицеѣ), что́ дѣлается обыкновенно всякой годъ первое воскресенье послѣ 19 октября, и нынѣшій годъ также октября 24 числа. Этотъ праздникъ описать тебѣ не долго: начался театромъ; мы играли *Стряпчаго Пателена* и *Ссору двухъ сосѣдовъ*. Обѣ піесы комедіи; въ первой представлялъ я *Вильгельма*, купца, торгующаго сукнами, котораго плутъ стряпчій подрядился во всю піесу обманывать; во второй *Вспышкина*, записнаго псаря, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны. За театромъ послѣдовалъ маленькой балъ и подчиваніе гостей всякими лакомствами, что́ называется въ свѣтѣ *угощеніемъ*.

---

28 ноября 1815 г.

Позволь мнѣ, какъ другу, спросить у тебя: *читаешь ли ты нынѣ выходящіе журналы?* — спросить не изъ пустаго любопытства, но изъ желанья знать, читаешь ли ты піесы мои въ печати, а это для того, чтобы не подчивать тебя извѣстными тебѣ піесами, или, что французы называютъ: la soupe réchauffée. Въ *Вѣстникъ Европы* 1814 г. и въ *Россійскій Музеумъ* отсылалъ я нѣсколько моихъ стихотвореній, напр. *Ирина, Цефиза*, нѣсколько *эпиграммъ* и пр. и получилъ отъ ихъ издателя *Влад. Измайлова* письмо, исполненное лестныхъ одобреній. Посылаю теперь тебѣ двѣ піесы, которыя ты ожидаешь, напечатанныя нынѣшняго года въ послѣднемъ журналѣ; желаю, чтобъ они тебѣ понравились — я ихъ перевелъ съ французскаго изъ сочиненій Парни, у котораго они однакожъ написаны въ прозѣ: это слабое возмездіе за твои прекрасные переводы съ Крылова и Капниста, въ которыхъ духъ авторовъ удержанъ совершенно; хвала и слава переводчику! — Дай Богъ, чтобъ русскіе авторы нашли *взаправду* себѣ переводчиковъ на языкахъ и въ народахъ иностранныхъ. Кстати скажу тебѣ, что нѣкто *фонъ-Боргъ*, студентъ Дерптскаго университета, рѣшился перевесть на нѣмецкій языкъ лучшія сочиненія русскихъ авторовъ и отпечатать ихъ въ Дрезденскомъ журналѣ [1]. — *Освобожденіе Москвы* г. Дмитріева отпечатано пока въ послѣднемъ № *Музеума*, и переведено прекрасно! — Нашъ лицейскій воспитанникъ *Кюхельбекеръ* [2]) написалъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе о *древней русской поэзіи*, которое, какъ я думаю, также будетъ напечатано; воскликнемъ же съ тобой вмѣстѣ:

[1]) Намѣреніе это было выполнено; переводы Борга пріобрѣли въ свое время заслуженную извѣстность.

[2]) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ считался въ лицеѣ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получилъ при выпускѣ серебряную медаль.

хвала русскому языку и русскому народу! Послѣдняя война доставила ему много славы, и я увѣренъ, что иностранцы, разувѣрившіеся, что мы варвары, разувѣрятся также и въ томъ, что нашъ языкъ — варварскій; давно пора этому!

---

16 января 1816 г.

Пушкинъ и *Есаковъ* [1]) взаимно тебѣ кланяются — тебѣ и *Гофману*, а къ нимъ и я присоединяю свои комплименты. Кстати о *Пушкинѣ*: онъ пишетъ теперь комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; подъ названіемъ: *Философъ*. Планъ довольно удаченъ и начало, то-есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего — а острыхъ словъ сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, что́ рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они то же, что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые также прекрасны и также къ несчастію непостоянны; дай Богъ ему кончить — это первой большой ouvrage, начатый имъ, ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ лицея. Дай Богъ ему успѣха — лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ.

---

17 февраля 1816 г.

Прошу покорно доставить мнѣ *Димитрія Донскаго*, не русскаго разумѣется, а нѣмецкаго. NB. Теперь *Есаковъ* въ городѣ и можетъ тебѣ кланяться самъ за себя, сколько ему угодно. Г-ну *Гофману* мое почтеніе.

Благодарю тебя, что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ: онъ уже былъ у насъ: если можно судить по наружности, то Энгельгардтъ человѣкъ *не худой*. Vous sentez la pointe. Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе; это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человѣкъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ Engel, а къ другимъ hart.

Это, кажется, вздоръ, чтобъ насъ перевели въ Петербургъ [2]), хотя мы это сами слышали и отъ людей достойныхъ вѣроятія. Признаться, это извѣстіе не всѣмъ равно пріятно, и я самъ не желаю, чтобъ оно обратилось въ событіе: причинъ на то много, но болтать некогда. Прочти! прости! прости! Lisez, pardonnez, adieu.

---

[1]) Семенъ Семеновичъ Есаковъ, вышедшій изъ лицея въ гвардію, былъ послѣ полковникомъ артиллеріи и погибъ въ царствѣ польскомъ, въ 1831 году, во время войны.

[2]) Отсюда видно, какъ рано въ лицеѣ стали носиться слухи о переводѣ его въ Петербургъ. Они и послѣ возобновлялись не разъ и наконецъ осуществились въ 1844 году.

28 февраля 1816 г.

Теперь, можетъ быть, въ эту минуту, ты посылаешь ко мнѣ *Димитрія Донскаго*, а я къ тебѣ желаемую тобою балладу: подивись проницательству дружбы; вопреки тебѣ самому, я узналъ, чего ты хочешь — это не *Козакъ* [1]), а *Полякъ*, баллада нашего *барона Дельвига*.

Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ сего писателя.

Антонъ Антоновичъ баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6 августа 1798 г. отъ благородной древней лифляндской фамиліи. Воспитанный въ русскомъ законѣ, онъ окончилъ (или оканчиваетъ) науки въ импер. лицеѣ. Познакомясь рано съ музами, музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не геній), совѣты свѣдущаго друга, отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Гораціи, а въ новѣйшіе годы — Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ — *метромъ.* Симъ метромъ написалъ онъ: къ *Діону*, къ *Лилетѣ*, къ *больному Горчакову* — и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу); *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ), мастерское произведеніе и писалъ опять — прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго, шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ эпиграммы.

Поклонись отъ меня г-ну *Гофману* и поблагодари его за книгу le printemps d'un proscrit, которую онъ принялъ на себя трудъ прислать ко мнѣ. Жаль, что я не могу ею воспользоваться; мнѣ нужно было *четвертое* изданіе, а оно къ несчастію еще хуже моего экземпляра; мой экземпляръ *третьяго*, его же — *перваго* изданія. *Есаковъ* перешлетъ къ нему ее обратно — это его дѣло; мой долгъ былъ пріятнѣе — мнѣ надлежало *благодарить.*

Читая твой анекдотъ, я вспомнилъ другой анекдотъ, который будетъ ему родной братецъ. Одна дама (видно все дамамъ пришлось грѣшить) сказала, говоря о своемъ братѣ: *Il a reçu une poule* (пулю, вмѣсто balle) *dans le caviar de sa jambe* (въ икру ноги — beau ruthénisme!) *et on lui a passé la cavalerie* (т. е. кавалерственный орденъ) *à travers les èpaules.* Этотъ кажется не хуже твоего!

А знаешь знаменитыя изреченія генерала Уварова? Qui est ce qui a commandé l'aile gauche? спросилъ его Бонапарте при заключеніи мира въ прошедшія кампаніи. — *Je, Votre Majesté*, отвѣчалъ онъ со

---

[1]) У насъ есть и баллада *Козакъ*, сочиненіе А. Пушкина. *Mais on ne peut désirer ce qu'on ne connoît pas.* Voltaire. Zaïre. *А. И.*

свойственнымъ ему безстрашіемъ. Въ другое время онъ спрашивалъ у французовъ съ нимъ бывшихъ *une pipe à regarder* — подзорную трубку, вмѣсто lunette d'approche!

---

20 марта 1816 г.

Браво, Фуссъ! вотъ и еще одно письмо — теперь нечего винить тебя въ неисправности, если только также продолжаться будетъ. За это вотъ тебѣ и награда или лучше двѣ награды: 1) мое письмо будетъ короче, 2) посылаю тебѣ съ нимъ двѣ *гусарскія* піесы нашего Пушкина — гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ [1]), обѣ прекрасны! Прочитай ихъ, покамѣстъ еще не затопленъ наводненіемъ.

Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина, безсмертнаго исторіографа отечества? Стыдно братецъ, — ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ; но прошедшаго не воротишь, а чему быть, тому не миновать, — такъ нечего пустого толковать! Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда-нибудь? какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это подлинно случилось. Нѣтъ любезный другъ, и я не имѣлъ счастія видѣть его; и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ лицей; и надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго.... [2]). Поспѣшай же, о день отрадъ! Правда ль? Говорятъ, будто Государь пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 1-го класса и 60.000 руб. для напечатанія Исторіи. — Слава великодушному монарху! Горе зоиламъ генія!

Признаться тебѣ, до самаго вступленія въ лицей, я не видѣлъ ни одного писателя — но въ лицеѣ видѣлъ и Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василія Пушкина — и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго, Кутузова, Дашкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ: вотъ почему это и со мною случилось. Прощай! не могу писать болѣе; скажу откровенно — я боленъ нѣсколько головою. Отвѣтъ твой возвратитъ мнѣ здоровье и силы и оживитъ мысли мои! Прощай еще разъ! [3]).

---

[1]) Одна — *Усы*, философическая ода, другая — *Слеза*. Обѣ приложены къ подлиннымъ письмамъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ впослѣдствіи были напечатаны.

[2]) Иванъ Васильевичъ Малиновскій, племянникъ извѣстнаго начальника Москов. Арх. Ин. Д. Алексѣя Ѳеодоровича, — также воспитанникъ лицея. Онъ поступилъ въ гвардію, вышелъ въ отставку полковникомъ и посѣлился въ своей малороссійской деревнѣ. См. слѣдующую за симъ статью

[3]) Этимъ кончается находящееся въ моихъ рукахъ собраніе писемъ Илличевскаго.

Я. Г.

IV.

СТАРИНА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ [1]).

СВѢДѢНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ЛИЦЕИСТАХЪ 1-го КУРСА.

---

1. МАЛИНОВСКІЙ И ВАЛЬХОВСКІЙ.

„Можетъ-быть", замѣчаетъ Пущинъ въ своихъ запискахъ [2]), „когда нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ".

Теперь, когда въ живыхъ остается уже не болѣе трехъ [3]) изъ тридцати первенцевъ царскосельскаго лицея (слѣдовательно только $^1/_{10}$ цѣлаго курса), настаетъ время для такой біографической галлереи. Въ послѣднее время опять не стало двоихъ изъ самыхъ близкихъ къ Пушкину товарищей: въ 1872 году умеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ, а въ 1873 году Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора лицея, по лѣтамъ старшій изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему при поступленіи въ лицей уже было лѣтъ шестнадцать. Вышелъ онъ въ военную службу, но уже давно покинулъ ее и доживалъ вѣкъ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи. Съ нимъ и съ Пущинымъ поэтъ былъ особенно друженъ въ лицеѣ; ихъ обоихъ вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: „Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго: мнѣ бы легче было умирать". Въ первоначальной редакціи своихъ стиховъ *19 Октября* (1825 года) онъ помянулъ было и Малиновскаго стихами, послѣ зачеркнутыми. Кончивъ обращеніе къ Пущину, посѣтившему поэта въ деревнѣ, онъ говоритъ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ и пылкій, и незлобный?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?

Казакомъ Малиновскій слылъ между товарищами за свой горячій, необузданный нравъ, который вездѣ проявлялся задоромъ. Какъ сынъ

---

[1]) Было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 и 1876 г.

[2]) См. *Атеней* 1859 года.

[3]) Это были (въ 1875 г.): князь А. М. Горчаковъ, С. Д. Комовскій и графъ М. А. Корфъ.

директора, отличавшійся притомъ симпатическою личностью, онъ пользовался покровительствомъ начальства. Всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ. Послѣдній въ иллюстраціяхъ Илличевскаго изображался обыкновенно съ ослиною головою на человѣческомъ тѣлѣ; въ статьяхъ журнала *Лицейскій Мудрецъ* онъ являлся подъ именемъ Мясожорова, и ему приходилось читать тамъ жестокія истины о своемъ умѣ и характерѣ. Ему приписывали стихъ:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы [1]),

распространенный однимъ изъ товарищей въ извѣстное четверостишіе. Мясоѣдовъ, по выпускѣ изъ лицея, поступилъ въ армію, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, кажется въ Тульской губерніи. Къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ принадлежали: Масловъ, бывшій напослѣдокъ директоромъ департамента податей и сборовъ, Саврасовъ и Есаковъ. О Саврасовѣ ничего неизвѣстно. Есаковъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, но во время польской кампаніи (1831) имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился. Ломоносовъ умеръ посланникомъ въ Голландіи; за расположеніе къ пронырству, его въ лицеѣ прозвали *кротомъ*. Илличевскій былъ остроуменъ, но вспыльчивъ, задоренъ и сварливъ. Особеннымъ прилежаніемъ отличался Вальховскій, который впослѣдствіи породнился съ Малиновскимъ, женившись на сестрѣ его.

Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ въ лѣтописяхъ лицея. Въ первыя два десятилѣтія послѣ выпуска онъ быстрѣе всѣхъ товарищей шелъ въ гору, пока несчастныя обстоятельства не остановили его и не свели преждевременно въ могилу. О немъ при мнѣ ходило въ лицеѣ много разсказовъ, и мы приняли его съ большимъ почетомъ, когда онъ однажды, кажется въ 1830 году, посѣтилъ насъ. Сообщу о немъ нѣсколько подробностей, пользуясь между прочимъ рѣдкою брошюрою, напечатанною въ Харьковѣ въ 1844 году и присланною мнѣ тогда же Е. А. Энгельгардтомъ. Жаль только, что она относительно второй половины біографіи Вальховскаго касается почти исключительно однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни.

Вальховскій поступилъ въ лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ, такъ что сами товарищи передъ выпускомъ пѣли:

---

[1]) Впрочемъ, составляющій первоначально собственность Анны Петровны Буниной. См. объ этомъ статью В. П. Гаевскаго въ *Современникѣ* 1863 г.: „Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія“.

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый.

Эти-то стихи, вѣроятно придуманные Пушкинымъ, конечно вспомнились ему, когда онъ, въ первоначальной редакціи *19 октября*, такъ началъ одну изъ строфъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

При выпускѣ Вальховскій дѣйствительно получилъ первую золотую медаль. Скромный и тщедушный, Вальховскій однакожъ и надъ способнѣйшими товарищами бралъ верхъ трудомъ и желѣзною волей. Чтобы успѣшнѣе работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ: лишалъ себя по цѣлымъ недѣлямъ мяса, пирожнаго, чаю; чтобы упражнять тѣлесныя силы, взваливалъ иногда на плечи два толстѣйшіе словаря Гейма; чтобы болѣе успѣвать въ верховой ѣздѣ, онъ, во время приготовленія учебныхъ уроковъ, садился верхомъ на стулъ и наблюдалъ правильную посадку; наконецъ, чтобы усовершенствоваться въ произношеніи, онъ, подобно Демосѳену, клалъ въ ротъ камешки и отправлялся декламировать на царскосельское озеро. Всѣ эти странности и усилія надъ самимъ собою доставили Вальховскому два товарищескія прозвища: Суворочка и Sapientia. О немъ Илличевскій писалъ въ 1815 году, по поводу посылки Фуссу портрета его вмѣстѣ съ портретами Мартынова и Пушкина: „Это портретъ Вальховскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ, великихъ достоинствъ и великой надежды; этого ты на портретѣ не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ большой носъ и большіе усы“. . . . . . .

Выпущенный изъ лицея въ гвардію, Вальховскій не побоялся подвергнуться еще разъ экзамену и избралъ мѣстомъ службы генеральный штабъ, въ который иначе не принимали. Отсюда начинается рядъ служебныхъ успѣховъ Вальховскаго; они исчислены въ указанной мною брошюрѣ. Упомяну только, что въ чинѣ поручика, въ 1820 году, онъ былъ командированъ въ Бухару при императорской миссіи подъ начальствомъ Негри, а по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, удостоился личнаго доклада Александру I въ кабинетѣ государя и награжденъ пенсіею въ 500 р.

Въ 1826 году ему велѣно состоять при генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ онъ впослѣдствіи игралъ важную роль, такъ что ему даже приписывали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ персидской кампаніи и не разъ отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ началѣ

1828 года былъ откомандированъ къ Персидскому шаху въ Тегеранъ и твердостію своею способствовалъ къ побужденію тамошняго правительства уплатить обѣщанные 10 мил. рублей контрибуціи. Позднѣе онъ съ такимъ же отличіемъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Есть однакоже слухъ, будто Вальховскаго вездѣ преслѣдовала какая-то роковая неудача, такъ что его появленіе считалось дурною примѣтой, и солдаты прозвали его *чернымъ ворономъ*: надобно знать, что у него были черные какъ смоль волосы и смуглое лицо.

По окончаніи польской кампаніи Вальховскій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; здѣсь онъ опять быстро подвигался по службѣ и находился въ четырехъ экспедиціяхъ и въ нѣсколькихъ опасныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, онъ занимался сводомъ матеріаловъ при составленіи проектовъ положеній о горцахъ. Съ 1832 года онъ служилъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена и въ ноябрѣ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса; но когда въ 1837 году государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ главноуправлявшему краемъ были приписаны разныя упущенія, то невзгода постигла и начальника его штаба. Вальховскій былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ западныя губерніи, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ подъ начальство нерасположеннаго къ нему князя Варшавскаго, то и нашелся вынужденнымъ, скрѣпя сердце, выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ февралѣ 1839 года и поселился въ харьковской деревнѣ [1]), по сосѣдству съ лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, но жилъ уже не долго: днемъ его смерти было 7 марта 1841 года.

Пушкинъ, во время своего закавказскаго путешествія, встрѣтился съ нимъ въ лагерѣ близъ Карса у Паскевича и записалъ: „Здѣсь увидѣлъ я нашего Вальховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ“.

Скромность и добродушіе, которые украшали Вальховскаго въ лицеѣ, остались до конца его отличительными свойствами. Если случалось навести разговоръ на его походы, онъ никогда не выставлялъ своей личности. Никогда, говоритъ его біографъ, не упускалъ онъ случая помочь ближнему и дѣломъ, и совѣтомъ; а въ дѣлахъ правосудія, которыя ему нерѣдко приходилось производить, Вальховскій, строгій другъ правды и исполнитель закона, всегда старался облегчить участь обвиненнаго.

Пожизненную пенсію и аренду обращалъ онъ на очищеніе долговъ своего отца, на устройство дѣлъ родныхъ и на уплату подушныхъ за крестьянъ своей жены.

---

[1]) Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ.

2. МАТЮШКИНЪ.

Въ стихотвореніи Пушкина *19 октября* двѣ изъ самыхъ теплыхъ строфъ посвящены Матюшкину, которому онъ между прочимъ говоритъ:

Счастливый путь! Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя...
Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ.
Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ...

Зато и Матюшкинъ питалъ горячее сочувствіе къ геніальному товарищу и вполнѣ понималъ его высокую природу. Когда роковая пуля сразила поэта, Матюшкинъ былъ въ Севастополѣ. Вѣсть объ этомъ несчастіи повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться... 14 февраля. Севастополь".

Въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души. Онъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ лицею и къ своимъ товарищамъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто-нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ кое-что записать, но къ сожалѣнію, по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что̀ могъ бы извлечь изъ бесѣдъ съ Матюшкинымъ.

Въ біографическихъ о немъ извѣстіяхъ насъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ, нося вполнѣ русское имя, былъ реформатъ. Эта странность объясняется мѣстомъ его рожденія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ родился 10-го іюля 1799 года въ Штутгартѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства и переводчикомъ. За неимѣніемъ тамъ русскаго священника, мальчикъ былъ окрещенъ по обряду реформатской церкви и на всю жизнь остался въ этомъ исповѣданіи. Мать его была рожденная Медеръ. Не знаю, когда именно она лишилась мужа; но въ 1810 году, стало-быть за годъ до поступленія сына въ лицей, она была уже классною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, и это положеніе, при покровительствѣ

императрицы Маріи Ѳеодоровны, конечно облегчило г-жѣ Матюшкиной помѣщеніе сына въ новооткрытое заведеніе. Въ должности классной дамы она и оставалась до конца 1825 года, и день рожденія сына, 10 іюля 1831 года, былъ днемъ ея смерти.

При поступленіи въ лицей Матюшкинъ выдержалъ экзаменъ изъ языковъ: русскаго французскаго и нѣмецкаго, изъ исторіи, географіи и ариѳметики. Кромѣ того, требовались познанія „общихъ свойствъ тѣлъ" (т. е. кое-что изъ физики); оказалось, что онъ и объ этомъ предметѣ „имѣлъ понятіе".

За время его лицейскаго воспитанія сохранилось нѣсколько профессорскихъ отмѣтокъ о его занятіяхъ. Куницынъ, Карцовъ, Кайдановъ, де-Будри довольно согласно свидѣтельствуютъ въ пользу его способностей и прилежанія. Вотъ что первый изъ этихъ преподавателей записалъ въ 1815 году: „Понятенъ и прилеженъ, занимается науками съ разсужденіемъ. Успѣхи его становятся время отъ времени примѣтнѣе. Въ теченіе прошлаго года онъ превзошелъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Добрый его нравъ и скромное поведеніе заслуживаютъ особенную похвалу". По отзыву гувернера Пилецкаго, Матюшкинъ былъ „весьма благонравенъ, при всей пылкости вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости". При такихъ свойствахъ естественно, что Матюшкинъ сдѣлался въ лицеѣ однимъ изъ любимыхъ товарищей. По-русски онъ говорилъ совершенно чисто, хотя и родился за границею, но въ иностранныхъ языкахъ онъ не былъ никогда силенъ; профессоръ французской литературы де-Будри отмѣтилъ однажды, что онъ любознателенъ и оказываетъ замѣтные успѣхи, но еще очень отсталъ (quoiqu'il soit encore bien arriéré). При выпускѣ онъ попалъ во второй разрядъ, т. е. получилъ только 10-й классъ.

Отличительною чертою Матюшкина съ дѣтства была его страсть къ морю. Мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она развилась; но при оставленіи лицея, онъ, по словамъ директора Энгельгардта, считалъ верхомъ счастія отправиться въ морское путешествіе. И Энгельгардтъ помогъ ему достигнуть этого счастія. Директоръ лицея далъ очень благопріятный отзывъ о его познаніяхъ, особенно въ математическихъ наукахъ, и прибавилъ: „при твердости характера, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ образѣ жизни полезенъ будетъ".

Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ, я нашелъ и двѣ черновыя тетради, писанныя имъ въ первые дни по выпускѣ изъ лицея. Въ одной изъ нихъ помѣщены два письма, посланныя имъ къ товарищу по Московскому университетскому пансіону Сазоновичу, а въ другой записка его о путешествіи въ Москву и обратно. По эпохѣ и обстоятельствамъ, къ которымъ относятся эти документы, они для насъ любопытны, тѣмъ болѣе, что знакомятъ насъ и со сте-

пенью литературнаго образованія, вынесеннаго изъ лицея однимъ изъ товарищей Пушкина, воспитанникомъ средней руки по оцѣнкѣ начальства. Вотъ что писалъ Матюшкинъ изъ Царскаго Села 10 іюня 1817 года, на другой день послѣ выпускныхъ экзаменовъ [1]):

„Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца. Не пеняй на меня: ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма. Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ. Государь на ономъ (т. е. на послѣднемъ экзаменѣ) присутствовалъ; постороннихъ никого не было. Все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ. Я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Ты конечно поздравишь меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши, быть 10-го класса, конечно это много; но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками. Но объ этомъ ни слова. Я вознагражденъ тѣмъ, что директоръ нашъ Е. А. Энгельгардтъ, о которомъ я писалъ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщалъ доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головнинъ отправляется на фрегатѣ Камчатка въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ, итти съ нимъ. Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются! Дай Богъ, чтобы ты былъ такъ же счастливъ, какъ я теперь. Одного мнѣ недостаетъ — товарищей: всѣ оставили Царское Село, исключая меня; я, какъ сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодѣянія сего человѣка, день ото дня, часъ отъ часу, меня болѣе къ нему привязываютъ: онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ разлуку съ нимъ весьма трудною. Прощай, любезный Сазоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣснь. Ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ; но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна, — сочиненіе Tepper de Tergasin, (*ошиб. вм. Ferguson*), а слова барона Дельвига. Ты объ нихъ самъ судить можешь: они стóятъ музыки".

(За этимъ въ рукописи слѣдуетъ цѣликомъ пѣсня: *Шесть лѣтъ*).

Второе письмо Матюшкина начинается размышленіями о сладости дружбы, о томъ, какъ было бы весело быть вмѣстѣ съ другомъ, бродить съ нимъ по пустыннымъ аллеямъ царскосельскаго сада, вспоминать о прошедшемъ счастливомъ времени и мечтать о будущемъ.

„Теперь я хожу одинъ, задумываюсь, мечтаю. Каждое дерево, каждая бесѣдка рождаютъ во мнѣ тысячу воспоминаній счастливаго времени, проведеннаго въ лицеѣ. Царскосельскій дворецъ построенъ въ 1744 году графомъ Растрелли, напоминаетъ вѣкъ вкуса и роскоши, и несмотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо

[1]) Приводимые ниже отрывки выписываются безъ всякаго измѣненія.

покрыты кровли, карнизы, статуи и другія украшенія, все еще можетъ почесться великолѣпнѣйшимъ изъ дворцовъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши, предоставленной дотолѣ однимъ внутренностямъ царскихъ чертоговъ. Когда императрица Елисавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ и иностранными министрами осмотрѣть оконченный дворецъ, то всякій, пораженный великолѣпіемъ его, спѣшилъ изъявить государынѣ свое удивленіе; одинъ французскій министръ, маркизъ де ла Шетарди, не говорилъ ни слова. Императрица, замѣтивъ его молчаніе, хотѣла знать причину его равнодушія и получила въ отвѣтъ, что онъ не находитъ здѣсь главной вещи — футляра на сію драгоцѣнность. Я слышалъ также, что когда Екатерина приказала выкрасить зеленою краскою кровлю, то многіе подрядчики предлагали болѣе 20.000 червонныхъ за позволеніе собрать оставшееся на ней золото".

Кромѣ этихъ двухъ писемъ, сохранилось также черновое начало записокъ Матюшкина, которыя онъ, какъ говоритъ преданіе, сбирался вести по совѣту и плану Пушкина. Приведу изъ нихъ только самое существенное.

Получивъ достовѣрное извѣстіе, что Головнинъ беретъ его съ собой, Матюшкинъ рѣшился съѣздить въ Москву проститься со своими; напередъ онъ отправился въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и, доставъ ихъ, воротился въ Царское Село. „Поживши три дня у Егора Антоновича, пишетъ онъ, я отправился въ дорогу. Прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ-быть, провелъ счастливѣйшее время жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ, будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства, и я наслаждался его счастіемъ, — прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ... Это было 2-го іюля. Не знаю, что́ я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видѣлъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня; мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію. Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ".

Не продолжая здѣсь выписокъ, упомяну только вкратцѣ, что на дорогѣ близъ Ижоры онъ взялъ съ собою старика, который просилъ довезти его до слѣдующей станціи: это былъ отставной дьячокъ села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву. Онъ началъ было разсказывать о своихъ дѣлахъ, но нашъ утомленный путешественникъ не въ силахъ былъ слушать и скоро уснулъ. Проснувшись, онъ сталъ было раскаиваться въ предпринятомъ путешествіи; ему казалось, что онъ „удаляется отъ своего счастія; но уже поздно! Счастіе невозвратно. Я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина!"

Записки кончаются слѣдующимъ разсказомъ: „На станціи *Ранино* я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онъ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастію, ночевали по близости цыгане; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрегъ телѣгу и нанялъ за себя тройку. Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село. Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ; съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавые куполы, на бѣлые красивые домики; искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство; нашелъ его, и не могъ спустить глазъ съ него... Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село“.

Благодаря стараніямъ Энгельгардта, Матюшкинъ, по выпускѣ изъ лицея, имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить свою страсть къ морскимъ путешествіямъ. Плаваніе вокругъ свѣта считалось тогда дѣломъ великой важности; такія путешествія были еще рѣдки и поручались только людямъ, снискавшимъ особенное довѣріе: Головнинъ прежде семь лѣтъ прослужилъ въ англійской службѣ. Матюшкинъ попалъ въ хорошую школу. Любопытно, что, при своей страсти къ морю, Матюшкинъ былъ въ сильной степени подверженъ морской болѣзни и такъ страдалъ отъ нея, что Головнинъ, достигнувъ Англіи, хотѣлъ было тамъ оставить своего молодого спутника и съ трудомъ уступилъ настоятельной просьбѣ взять его въ дальнѣйшій путь. И впослѣдствіи Матюшкинъ никогда не могъ вполнѣ избавиться отъ наклонности къ морской болѣзни. Два года онъ съ капитаномъ Головнинымъ провелъ на шлюпѣ *Камчатка*, отправившемся въ сѣверо-американскія наши колоніи, а потомъ кругомъ свѣта. Въ этой экспедиціи ему данъ былъ чинъ мичмана. По окончаніи ея, онъ опредѣленъ въ балтійскій флотъ и подъ командою лейтенанта барона Врангеля, съ 1820 по 1824 годъ, былъ употребленъ при описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и для отысканія земель на Ледовитомъ морѣ. Въ описаніи своего путешествія Врангель не разъ отзывается съ похвалою о дѣятельности и распоряженіяхъ Матюшкина и сообщаетъ, въ видѣ особыхъ главъ, два журнала о совершенныхъ этимъ офицеромъ отдѣльныхъ путешествіяхъ — къ рѣкѣ Анголѣ (притокѣ Колымы) и по тундрѣ къ востоку отъ Колымы до самыхъ чукотскихъ кочевьевъ. Эти двѣ главы

принадлежатъ къ числу самымъ интересныхъ страницъ книги Врангеля [1]). Послѣ этого Матюшкинъ съ барономъ Врангелемъ еще разъ совершилъ двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе.

Дальнѣйшее служеніе Матюшкина, въ продолженіе многихъ лѣтъ, происходило почти безпрерывно на кораблѣ; мы видимъ его то въ Архипелагѣ, то въ Средиземномъ, то въ Черномъ морѣ. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ командиромъ брига *Ахиллесъ*, на которомъ позже и крейсеровалъ въ греческихъ водахъ противъ идріотскихъ мятежниковъ, принадлежала къ эскадрѣ судовъ подъ начальствомъ адмирала Рикорда. 30-го іюня 1831 года, въ Монастырской бухтѣ острова Поро, часть этой эскадры, въ томъ числѣ и бригъ *Ахиллесъ*, атаковали крѣпость и два греческіе корвета, бывшіе въ то время во власти идріотскихъ мятежниковъ. По засвидѣтельствованію Рикорда въ донесеніи князю Меньшикову, Матюшкинъ въ это время дѣйствовалъ не только съ отличною храбростію и благоразуміемъ, но съ изумительной быстротою, находчивостью и искусствомъ морского офицера. Другое военное дѣло, въ которомъ участвовалъ Матюшкинъ, было въ 1838 году сраженіе противъ горцевъ при взятіи мѣстечекъ Туапса и Шапсухо. Тогда онъ командовалъ фрегатомъ *Браиловъ* въ эскадрѣ адмирала Хрущова, перевозя изъ одного пункта въ другой отряды сухопутныхъ войскъ для дѣйствій противъ горцевъ. Адмиралъ Лазаревъ отдалъ справедливость энергическимъ распоряженіямъ командовавшихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Матюшкинъ. Въ 1850 году, во время дѣйствій голштинцевъ противъ датчанъ, адмиралъ Матюшкинъ съ тремя судами успѣшно блокировалъ Кильскій заливъ, гдѣ находились голштинскіе корабли. Въ 1854 году, во время восточной войны, Матюшкинъ нѣкоторое время завѣдывалъ морскою частію въ Свеаборгѣ. Тогда онъ былъ уже (съ 1849 г.) контръ-адмираломъ и бригаднымъ командиромъ. Съ этихъ поръ онъ занималъ разныя административныя должности по морскому министерству: былъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента, членомъ генералъ-аудиторіата, предсѣдательствующимъ морского ученаго комитета и проч., наконецъ въ 1861 году былъ пожалованъ въ сенаторы.

Во время своей службы во флотѣ Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Въ сохранившихся протоколахъ лицейской годовщины 19-го октября, имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1834 году.

Не берусь оцѣнивать дѣятельность и значеніе Матюшкина какъ морского офицера; объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія и, можетъ-быть, со временемъ истина разъяснится. Приведу только довольно характеристическій разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ сослуживцевъ

---

[1]) См. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю, Ф. Врангеля. С.-Петербургъ, 1841, ч. I, стр. 252, и 272, и ч. II, стр. 75—114 и 230—279.

Матюшкина по флоту. Одно время князь Меньшиковъ, оцѣнивъ въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, сталъ оказывать ему особенное вниманіе; но какъ скоро скромный адмиралъ замѣтилъ это, онъ, по обыкновенію своему, сталъ уклоняться отъ благосклонности своего начальника и отступилъ на задній планъ.

Въ послѣдніе годы я имѣлъ довольно часто случай сходиться съ Матюшкинымъ, какъ членомъ комитета для сооруженія памятника Пушкину; въ этомъ комитетѣ онъ, вмѣстѣ съ графомъ М. А. Корфомъ, радушно присоединился къ дѣлу прославленія памяти своего бывшаго товарища. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и первый подалъ мысль поставить памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія навсегда развитіе его генія въ духѣ народности.

Матюшкинъ никогда не былъ женатъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ построилъ себѣ по московской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Бологово, на берегу озера, изящную дачу *Заимку*, которую очень любилъ, хотя и не жилъ въ ней, а отдавалъ ее въ пользованіе кому-нибудь изъ друзей своихъ. Самъ онъ проводилъ лѣто по большей части недалеко оттуда, въ семействѣ покойнаго друга своего, бывшаго лицеиста, князя Эристова. Тамъ сохранилось о Матюшкинѣ самое теплое воспоминаніе, какъ о добромъ, сердечномъ человѣкѣ. Каждое утро ранехонько отправлялся онъ на свою дачу, присматривалъ за работами и только къ обѣду возвращался; дѣти домашнихъ бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ любилъ и ласкалъ ихъ. Проведя тамъ лѣто 1872 года, но чувствуя большой упадокъ силъ, Матюшкинъ въ августѣ, по совѣту доктора, переѣхалъ въ Петербургъ для лѣченія. Кажется, онъ предчувствовалъ, что ему уже не возвратиться: обойдя весь садъ и сѣвъ въ экипажъ, онъ приказалъ ѣхать шагомъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность. Въ Петербургѣ онъ много лѣтъ сряду жилъ въ гостиницѣ Демутъ, гдѣ занималъ комнату въ четвертомъ этажѣ. Тамъ онъ слегъ и уже не вставалъ болѣе: вечеромъ 16-го сентября онъ безъ страданій уснулъ навѣки.

Всѣмъ коротко знавшимъ Матюшкина дорога память объ этомъ искреннемъ, прямодушномъ человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ привязанностяхъ, чуждомъ всякой суетности: онъ не дорожилъ успѣхами въ свѣтѣ и въ обществѣ, далеко не возвысился до той степени значенія и власти, которой могъ бы достигнуть при большемъ честолюбіи; но въ ряду первыхъ питомцевъ лицея и его преданій этотъ другъ и почитатель Пушкина всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

3. ЛИЦЕЙСКІЯ ГОДОВЩИНЫ.

Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса лицея то у одного, то у другого изъ товарищей: сперва у Тыркова, потомъ у Михаила Лукьяновича Яковлева, въ домѣ II-го Отдѣленія, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ еще и долго послѣ того находилась типографія этого Отдѣленія, которою онъ управлялъ въ званіи ея директора. Яковлевъ, какъ самый пламенный чтитель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался „лицейскимъ старостой", а квартира его „лицейскимъ подворьемъ". Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется, полушуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились и переданы мнѣ Матюшкинымъ, къ которому перешли по смерти Яковлева. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году [1]); здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ, въ такомъ порядкѣ: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно отпраздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами: „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ"... За 1827-й годъ нѣтъ протокола, но къ 19-му октября этого года относится, какъ извѣстно, прелестное привѣтствіе нашего поэта, начинающееся стихомъ:

Богъ помочь вамъ, друзья мои...

Покойный П. А. Плетневъ разсказывалъ, что за окончаніе 2-го куплета:

И въ мрачныхъ пропастяхъ земли.

Пушкину были сдѣланы внушенія, которыя, въ связи съ офиціальнымъ дѣломъ, возникшимъ о стихахъ *Андрей Шенье*, могли вызвать стихотвореніе *Предчувствіе:*

---

1) По какой-то случайности я, при составленіи этой замѣтки въ 1875 году, не зналъ статьи В. П. Гаевскаго: „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время", напечатанной въ *Отеч. Запискахъ* 1861 года (т. 139). Какъ видно изъ этой статьи, до меня уже не дошли нѣкоторыя изъ бумагъ, бывшихъ въ рукахъ автора ея и содержавшихъ кое-какія дополнительныя свѣдѣнія особенно о праздновании 19-го октября въ первые годы по выпускѣ лицеистовъ пушкинскаго времени и о стихахъ, которыми въ тѣ годы товарищи Пушкина, въ отсутствіи его, чествовали годовщину.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ...

Слѣдующій за тѣмъ протоколъ помѣченъ 1828-мъ годомъ и писанъ весь рукою Пушкина, который, послѣ коронаціи императора Николая, снова могъ явиться въ Петербургѣ. Здѣсь Пушкинъ прилагаетъ къ своимъ товарищамъ непонятное на первый взглядъ прозвище *скотобратцы.* Оно объясняется помѣщенными при рукописномъ журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* карикатурами, изображающими нѣкоторыхъ воспитанниковъ въ видѣ животныхъ. Это названіе было употребительно еще въ лицеѣ и, сколько помню, встрѣчается въ самомъ текстѣ поименованнаго журнала.

„Собралися", такъ начинаетъ Пушкинъ протоколъ 1828 года, „на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса [1]), 8 человѣкъ скотобратцевъ". Затѣмъ они исчислены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ниже подписались, именно: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевенъ, Тырковъ, Комовскій, Пушкинъ. При каждомъ имени и тутъ и тамъ поставлены одни и тѣ же прозвища, изъ которыхъ иныя составлены изъ уменьшительныхъ крестныхъ именъ: такъ Дельвигъ названъ Тося (Антонъ), Илличевскій — Олосенька (Алексѣй), Стевенъ, какъ финляндскій уроженецъ, названъ Шведомъ, а Пушкинъ — извѣстною уже изъ его біографіи кличкою Французъ, къ чему его же рукой прибавлено: „смѣсь обѣзіаны (sic) съ тигромъ"

Послѣ исчисленія участниковъ пирушки означено въ 11-ти юмористическихъ пунктахъ, чѣмъ они занимались, напр. „вели бесѣду, — пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ [2]), — пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ" (тутъ очевидно разумѣется прощальная пѣснь Дельвига); „Олосенька въ видѣ тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся; Тырковіусъ безмолвствовалъ; толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ". Не выписываю всѣхъ пунктовъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ потребовали бы слишкомъ мелочныхъ комментаріевъ. Послѣдній пунктъ былъ такъ изложенъ: „И завидѣли на дворѣ часъ 1-й, а въ стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину, Французу, иже написа сію грамоту". Онъ сбирался тогда въ деревню (см. Матеріалы для его біографіи, въ изданіи г. Анненкова, т. I, стр. 212) и повидимому въ ту же ночь долженъ былъ пуститься въ путь. Послѣ подписей, его же рукой набросаны стихи:

---

[1]) Такъ онъ былъ прозванъ по своему тѣлосложенію и цвѣту лица.

[2]) Обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

О Соломонъ,
Въ Библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ!

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ *ура*,
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Изъ протоколовъ ближайшихъ за тѣмъ годовъ видно, что однажды Пушкинъ, хотя и находился въ Петербургѣ, не присутствовалъ на праздникѣ своихъ товарищей. Въ краткомъ протоколѣ 1831 года, писанномъ красивымъ почеркомъ Яковлева, у котораго собирались въ этотъ разъ, замѣчено: „Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры. При заздравномъ кубкѣ, или заздравной чашѣ (продолжаетъ протоколъ), вспоминали пѣвца 19-го октября:

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови! Да здравствуетъ лицей!"

Въ 1834 году, въ числѣ восьми собравшихся находился и Пушкинъ. Весь протоколъ ограничивается ихъ подписями, но при немъ сохранилась слѣдующая записка поэта, писанная поутру того же дня къ Яковлеву: „Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли?" Вмѣсто имени подписанъ номеръ лицейской комнаты Пушкина — № 14.

Послѣднее лицейское собраніе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 19-го октября 1836 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его трагической смерти. По странной случайности, это была 25-я годовщина со дня основанія лицея. Во время приготовленій къ празднованію ея былъ поднятъ вопросъ, не устроить ли по этому случаю обычный праздникъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, напр. соединившись съ ближайшими изъ послѣдующихъ курсовъ. Эту новость настойчиво предлагалъ бывшій директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Яковлева къ Пушкину, писаннаго за десять дней до годовщины:

„Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска для 19-го числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

„Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе, и рѣшительно положено: *праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску*. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывшій директоръ лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й и 3-й и прочіе выпуски и воздаетъ честь и хвалу существованію лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

„Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предло-

*

женіе согласишься. Конечно и нѣтъ причины повидимому отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ; но вотъ задача, какъ отстать отъ ветерановъ, которые рѣшительно объявили, что съ мнѣніемъ Энгельгардта согласиться не хотятъ? Итакъ, да здравствуетъ лицей, и да воскреснетъ его воспоминаніе чрезъ 25 лѣтъ между скотобратцами!"

„№ 39".

„Пятница
9-го октября".

На это Пушкинъ отвѣчалъ Яковлеву:

„Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19-го октября. Объ этомъ не худо напомнить".

„№ 14".

Послѣдними словами этой записки Пушкинъ намекаетъ на окончаніе своей первой годовщины:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ!... и т. д.
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Съ мнѣніемъ Пушкина согласились всѣ тѣ, которымъ послѣ сообщена была записка его, какъ показываютъ сдѣланныя на ней, номерами же, другія подписи: № 40, № 33, № 41 и № 35.

Такимъ образомъ 19-го октября 1836 года состоялось обыкновенное, только нѣсколько болѣе многочисленное, собраніе, котораго протоколъ опять весь писанъ рукой поэта. Замѣчательна грусть, которая, какъ мрачное предчувствіе, овладѣла имъ при этомъ случаѣ: она выразилась и въ самомъ протоколѣ, гдѣ уже не видно прежней кипучей веселости, и въ приложенныхъ къ нему прекрасныхъ стихахъ, начинающихся словами:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

Это стихотвореніе, впрочемъ не конченное, вскорѣ послѣ годовщины было отдѣльно напечатано, и оттискъ его пришитъ къ протоколу, который сообщаю здѣсь цѣликомъ.

„Праздновали двацатипятилѣтіе (sic) Лицея" (слѣдуютъ подписи: „П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ,

М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ" — всего 11 человѣкъ).

„Собрались", продолжаетъ Пушкинъ, „вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкусно и шумно.

2) Выпили три здравія (по заморскому toasts):

a) за двадцатипятилѣтіе Лицея,

b) за благоденствіе Лицея,

c) за здоровье отсутствующихъ.

3) Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали лицейскую старину".

(Рукою Яковлева приписано):

6) „Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу".

Примѣчаніе (Яковлева же): „Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, а разошлись въ половинѣ 10-го".

Изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ записокъ, приложенныхъ къ протоколамъ, можно заключить, что долго 1-й выпускъ праздновалъ лицейскую годовщину ужиномъ, и только съ 1835 года, по желанію многихъ, рѣшено было замѣнить ужинъ обѣдомъ.

Послѣ смерти Пушкина, въ самый годъ рокового событія (1837), Энгельгардтъ наканунѣ 19-го октября писалъ къ Яковлеву и приглашалъ его явиться на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ 3-го выпуска, слѣдовательно возвратился къ прежней своей идеѣ собрать первые курсы вмѣстѣ. Неизвѣстно, былъ ли на этомъ обѣдѣ кто-либо изъ товарищей Пушкина, но въ 1838 году желаніе Энгельгардта вполнѣ осуществилось. Помѣщаю здѣсь цѣликомъ предшествовавшее тому письмо его къ Яковлеву, такъ какъ оно любопытно во многихъ отношеніяхъ и по многимъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ, которыя конечно не ускользнутъ отъ вниманія читателя:

„Подходитъ 19-е октября, день родной, лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Ж., радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ лицея 1-го курса; обѣщалъ, что они будутъ, и надѣюсь, что не выдадутъ стараго директора. — Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеркомъ у

кого-либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно. — Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человѣкъ: исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ; тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ 1-й курсъ тутъ не участвовалъ.

„Итакъ, надѣясь на прежнее лицейство и увѣренный, что пустые расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яковлевъ, явиться непремѣнно въ среду, въ 4 часа, къ Ж. на дружескую трапезу тряхнуть стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтягивать наше родное Шесть лѣтъ.— Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтскомъ быту.

„Прощай, до свиданья. Отъ всего сердца твой старой другъ

„16 октября 1838“. „Егоръ Энгельгардтъ“.

Съ тѣхъ поръ сборные обѣды первыхъ выпусковъ вошли въ обычай и происходили нѣсколько лѣтъ сряду у того же лица, которое не хочется называть полнымъ его именемъ по прискорбной судьбѣ, постигшей его позднѣе и вскрывшей въ жизни его такія язвы, мысль о которыхъ тяжело соединять съ понятіемъ о лицейскомъ воспитаніи. Послѣ того сборные лицейскіе обѣды устраивались самимъ Энгельгардтомъ и на его счетъ, въ особомъ помѣщеніи на Васильевскомъ островѣ, недалеко отъ квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ. По смерти его (въ 1862 г.) товарищи Пушкина сколько мнѣ извѣстно, регулярно уже не собирались 19-го октября, до позднѣйшаго времени, когда, по приглашенію 5-го, 6-го и 7-го курсовъ, которые издавна собирались вмѣстѣ, къ нимъ присоединились немногіе пережившіе прочихъ первенцы лицея. Протоколы собраній 1-го выпуска прекратились со смертію Пушкина; подобные же велись постоянно въ 6-мъ выпускѣ.

Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ, который, какъ музыкантъ и пѣвецъ, также обладалъ поэтическою душою. Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о празднованіи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вообще личность и память великаго поэта много способствовали къ живучести и особенному колориту лицейскихъ преданій. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ важнаго значенія литературы въ исторіи человѣческихъ учрежденій, какъ и цѣлыхъ народовъ.

4. ГРАФЪ КОРФЪ.

Въ архивѣ лицея сохранилось нѣсколько замѣтокъ, относящихся до пребыванія въ этомъ заведеніи скончавшагося 2-го января 1876 г. графа М. А. Корфа. При поступленіи туда, ему только что минуло 11 лѣтъ (род. 11 сент. 1800 г.), такъ что онъ былъ моложе почти всѣхъ своихъ товарищей; на пріемномъ экзаменѣ онъ оказалъ познанія въ ариѳметикѣ, географіи, исторіи, въ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ—хорошія; а въ „познаніи общихъ свойствъ тѣлъ", т. е. въ первыхъ основаніяхъ физики, которыя между прочимъ отъ всѣхъ требовались, получилъ отмѣтку: „имѣетъ понятіе".

О его занятіяхъ и поведеніи записаны слѣдующія аттестаціи:

1) Адъюнктъ-профессора логики и нравственной философіи, Куницына: „Понятіе имѣетъ острое, но съ нѣкотораго времени сдѣлался не такъ прилеженъ и болѣе разсѣянъ, а потому нѣкоторые изъ его товарищей превзошли его успѣхами въ теченіе прошлаго года. Но какъ сіе дано ему почувствовать и какъ онъ весьма чувствителенъ къ выговорамъ, то есть надежда, что онъ скоро исправится. Въ разсужденіи поведенія, по своей скромности и благородному обхожденію съ высшими и равными, заслуживаетъ онъ всякую похвалу". 2) Адъюнктъ-профессора географіи и исторіи, Кайданова: „Подаетъ о себѣ прекрасную надежду своими дарованіями, великою охотою къ ученію, примѣтными весьма хорошими успѣхами и своимъ благороднымъ поведеніемъ". 3) Адъюнктъ-профессора математики и физики, Карцова: „Рачителенъ не всегда въ одинаковой степени, имѣетъ хорошія дарованія и успѣваетъ очень изрядно". 4) Профессора французской словесности де-Будри: „Il est très intelligent, fort docile et bien appliqué. Ses progrès font espérer qu'il sera toujours pour le françois un des premiers de sa classe". (Т. е. очень способенъ, весьма послушенъ и прилеженъ. Его успѣхи подаютъ надежду, что по французскому языку онъ всегда будетъ однимъ изъ первыхъ въ классѣ). 5) Гувернера Пилецкаго: „Весьма благонравенъ, скроменъ, нѣсколько робокъ".

Вотъ, сверхъ того, двѣ найденныя въ лицейскихъ спискахъ отмѣтки, къ нему же относящіяся:

1) „Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей, и идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, нимало не имѣли на нихъ дѣйствія". 2) „Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатіемъ класса чистописанія, остался въ аркѣ и читалъ безъ

позволенія книгу „Voyage de Platon en Italie". Сіе было замѣчено г. директоромъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ, и приказано ему отъ него сидѣть съ прочими воспитанниками въ классѣ".

Графъ Корфъ кончилъ курсъ въ 1817 году съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ серебрянною медалью, и выпущенъ на службу въ министерство юстиціи.

Для біографіи Модеста Андреевича въ его молодые годы, какъ и вообще для первоначальной исторіи лицея, чрезвычайно важна извѣстная уже по многимъ отрывкамъ записка, составленная имъ по поводу напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1854 года статьи П. И. Бартенева о воспитаніи въ этомъ заведеніи Пушкина. Въ обширной запискѣ гр. Корфа помѣщены характеристики многихъ лицейскихъ товарищей и наставниковъ автора, — характеристики весьма замѣчательныя, хотя къ сожалѣнію и не всегда согласныя съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какого мы были бы въ правѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени.

О человѣкѣ, занимавшемъ такое видное положеніе, какъ графъ Корфъ, трудно въ первыя минуты по смерти его сказать что-нибудь новое. Свѣдѣнія о главныхъ обстоятельствахъ жизни такихъ людей составляютъ общее достояніе; интересъ могутъ представлять только подробности или такія стороны ея, которыя менѣе другихъ были доступны взорамъ публики.

Принадлежа къ числу лицъ, долгое время стоявшихъ весьма близко къ графу Корфу, я попытаюсь набросать нѣсколько воспоминаній о немъ. Уже въ годы моего воспитанія въ царскосельскомъ лицеѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ начиналъ пріобрѣтать извѣстность, а въ глазахъ лицеистовъ онъ уже тогда составлялъ одну изъ первыхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ стѣнъ этого заведенія. Пушкинъ, князь Горчаковъ, Вальховскій и баронъ Корфъ, — вотъ имена, которыя всѣхъ чаще произносились у насъ, когда заходила рѣчь о прошломъ лицея; про трехъ послѣднихъ говорили, что они *идутъ въ гору*. По выпускѣ моемъ оттуда въ 1832 году, мнѣ, совершенно неожиданно для меня самого, выпалъ жребій поступить подъ начальство Модеста Андреевича. Онъ занималъ въ то время постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго былъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей. Лицейскій профессоръ И. П. Шульгинъ, обучавшій дѣтей князя, безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня ему, а князь выразилъ Модесту Андреевичу желаніе, чтобы я принятъ былъ на службу въ канцелярію комитета.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ меня къ себѣ: нѣсколько лѣтъ сряду я жилъ у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и получалъ непосредственно отъ него служебныя порученія; въ 1834 году,

по назначеніи его государственнымъ секретаремъ, и я переведенъ былъ имъ въ канцелярію государственнаго совѣта. Должность свою онъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправленіяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Баронъ Корфъ не даромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго старшимъ чиновникомъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усвоивали себѣ болѣе или менѣе всѣ работавшіе подъ его руководствомъ. Такимъ искусствомъ особенно славился въ мое время Павелъ Андреевичъ Теубель, сперва бывшій начальникомъ отдѣленія въ комитетѣ министровъ, а впослѣдствіи также переведенный барономъ въ государственную канцелярію.

Одно неодолимое желаніе вполнѣ посвятить себя учено-литературной дѣятельности могло заставить меня отказаться отъ подобнаго положенія: послѣ семилѣтней службы подъ начальствомъ Модеста Андреевича, я, скрѣпя сердце, заявилъ ему однажды о своей рѣшимости принятъ предлагаемую мнѣ въ Финляндіи профессорскую каѳедру. Съ дружескимъ участіемъ онъ представилъ мнѣ важность этого шага, но, видя мою твердость, пожелалъ мнѣ успѣха на новомъ поприщѣ, и мы разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, которыя никогда уже не измѣнялись. Да проститъ мнѣ читатель, если, говоря о человѣкѣ, столь много для меня значившемъ въ моей молодости, я не сумѣлъ вполнѣ воздержаться отъ подробностей, лично меня касающихся.

Въ семействѣ графа Корфа продолжался тотъ же патріархальный бытъ, посреди котораго онъ выросъ въ домѣ своихъ родителей и который я еще засталъ у его матушки, рожденной Смирновой. Благочестіе, полное согласіе между членами семьи, гостепріимство, доброта, ласка ко всѣмъ были отличительными чертами этого быта. Къ достойнѣйшей старушкѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ съѣзжались разъ въ недѣлю всѣ родные и многіе друзья. То же происходило часто и въ домѣ Модеста Андреевича. Кто разъ сдѣлался вхожъ въ этотъ радушный кружокъ, могъ быть увѣренъ, что онъ всегда найдетъ въ немъ ту же сердечную, участливую пріязнь. Какъ семьянинъ, графъ Модестъ Ан-

древичъ представлялъ рѣдкій образецъ и служилъ назидательнымъ примѣромъ младшимъ поколѣніямъ своего обширнаго родства. Правда, что ему дано было въ удѣлъ и необыкновенное семейное счастье: женившись уже 26-ти лѣтъ, онъ въ молодой супругѣ своей нашелъ драгоцѣннѣйшее сокровище — простоту души и неизмѣнно-любящее сердце; ихъ-то вліяніе, посреди охлаждающаго блеска почестей, не давало погаснуть въ немъ тому священному пламени, безъ котораго, на высшихъ ступенехъ счастія, трудно сохранить полное сознаніе своихъ человѣческихъ обязанностей.

Рано начавшіеся для него служебные успѣхи не заглушили въ немъ развившейся еще въ лицеѣ потребности духовныхъ интересовъ. Онъ съ постоянною любознательностью слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ современнаго міра; особенно, ни одно сколько-нибудь замѣчательное произведеніе русской литературы не ускользало отъ его вниманія. Въ первое время моего сближенія съ нимъ, на горизонтѣ ея явилась крупною, хотя и не всегда свѣтлою, звѣздою „Библіотека для Чтенія“ Сенковскаго. Баронъ Корфъ, по живости и впечатлительности своего ума, не могъ остаться равнодушнымъ къ новости ея содержанія и, быстро поглощая всякую вновь выходившую книжку этого журнала, искренно потѣшался шутовскимъ остроуміемъ его литературной лѣтописи. Чтеніе лучшихъ русскихъ журналовъ до конца жизни составляло любимое занятіе Модеста Андреевича. Издавна усвоивъ себѣ вредную привычку (которая впослѣдствіи тяжело отозвалась на его здоровьи) проводить съ вечера долгіе часы за чтеніемъ въ постели, онъ успѣвалъ знакомиться и съ любопытнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Все новое, животрепещущее, сильно манило этотъ воспріимчивый, быстро схватывавшій умъ. Естественно, что при такихъ свойствахъ графъ Корфъ чувствовалъ неотразимую потребность въ обществѣ; онъ не любилъ уединенія и часто говорилъ, что ему необходима городская жизнь съ ея свѣжими новостями, съ ея шумомъ и разнообразіемъ, что онъ вовсе не рожденъ для деревни. Блескъ двора и почестей, свѣтская жизнь и тревога имѣли для него особенную прелесть; но это не мѣшало ему быть добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, сочувствовать и помогать ближнему, поставленному судьбой въ менѣе благопріятныя внѣшнія условія.

Заслуги графа Модеста Андреевича русскому образованію въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки такъ извѣстны всей России, что распространяться о нихъ было бы излишне. Въ этой его дѣятельности, составившей эпоху въ исторіи нашего книгохранилища, особеннаго вниманія заслуживаютъ его близкія, можно сказать, какъ бы семейныя отношенія ко всѣмъ своимъ сотрудникамъ; смерть не изгладила чувствъ любви и благодарности въ сердцахъ всѣхъ ис-

полнявшихъ его обширныя предначертанія къ обогащенію библіотеки и устроенію въ ней новаго порядка.

До послѣднихъ лѣтъ жизни графъ Корфъ изумлялъ своею неутомимою дѣятельностью и быстротою въ работѣ. Только этимъ его преимуществомъ можно объяснить, какъ онъ, будучи строгимъ исполнителемъ всѣхъ родственныхъ и свѣтскихъ обязанностей, употребляя, слѣдовательно, довольно много времени на посѣщенія и на общество, успѣвалъ исписывать цѣлыя кипы бумаги. Говорю не объ однѣхъ служебныхъ его работахъ: онъ, кромѣ того, находилъ досугъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій вести свой дневникъ, тетрадями котораго занято множество картонокъ; исполнялъ по высочайшимъ порученіямъ разные историческіе труды; наконецъ, написалъ извѣстную біографію своего бывшаго начальника, потребовавшую многосложныхъ предварительныхъ изслѣдованій и обширной переписки. Вполнѣ ли вѣренъ его взглядъ на Сперанскаго, справедливъ ли тяжкій упрекъ въ неискренности, взводимый имъ на этого государственнаго человѣка, — рѣшитъ потомство; но и независимо отъ этихъ вопросовъ, названная книга составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній русской литературы шестидесятыхъ годовъ, не только по обилію и новости свѣдѣній, ею распространенныхъ въ обществѣ, но и какъ памятникъ новаго духа, повѣявшаго на Россію съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II.

Входить въ обсужденіе государственныхъ заслугъ графа Корфа не считаю себя въ правѣ; для современниковъ еще рано произносить въ этомъ отношеніи рѣшительный приговоръ. Другимъ предоставляю также отыскивать тѣни въ свѣтломъ образѣ, оставленномъ личностью графа Корфа въ душѣ всѣхъ коротко его знавшихъ: я хотѣлъ только сообщить нѣкоторыя черты, по которымъ этотъ образъ всегда останется незабвенъ и дорогъ въ исторической галлереѣ русскихъ дѣятелей [1])...

5. ДЕ-БУДРИ.

Изъ числа наставниковъ своихъ графъ Корфъ, также какъ и Пушкинъ, съ особеннымъ уваженіемъ отзывался о преподавателѣ французской литературы *де-Будри*, которому, по словамъ его, воспитанники были много обязаны своимъ развитіемъ. О немъ не разъ уже были сообщены свѣдѣнія въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи царскосельскаго лицея, но кажется, еще не было обращено вниманіе на некрологъ де-Будри, напечатанный въ концѣ 1821 года въ *Сынѣ Отечества*, и потому не безполезно будетъ сообщить здѣсь эту довольно любо-

[1]) Этотъ некрологъ графа Корфа былъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1876 г.

пытную замѣтку. Она перепечатывается съ оттиска, доставленнаго мнѣ почтеннымъ ветераномъ лицея, товарищемъ Пушкина и графа Корфа, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ.

„23-го Сентября сего 1821 года скончался въ С.-Петербургѣ профессоръ французской словесности коллежскій совѣтникъ и кав. Давидъ Ивановичъ де-Будри. Онъ родился въ 1756 г. въ городѣ Нейштадтѣ (въ Швейцаріи) отъ поселившагося тамъ изъ Италіи доктора медицины и философіи Ивана М...а (Марата). Ученіе началъ въ нейштадтской гимназіи; а въ 1768 г., переселившись съ отцомъ своимъ въ Женеву, вступилъ въ гимназію сего города, гдѣ учился природному, латинскому и греческому языкамъ, также разнымъ наукамъ, кои преподаются въ гимназіяхъ, до 1773 года. Тогда переведенъ въ тамошнюю академію; въ оной занимался словесными и философскими науками, геометріею, физикою и преимущественно теологіею, которой былъ кандидатомъ въ то время, какъ вызвалъ его въ Россію 1784 г. покойный камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ для воспитанія своихъ дѣтей. По окончаніи сего воспитанія, г. Будри посвятилъ себя наставленію юношества въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Потомъ опредѣленъ учителемъ французской словесности въ 1803 г. въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена Св. Екатерины, и въ 1806 г. въ С.-П.-Б. губернскую гимназію; а въ концѣ того же года учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи. Въ 1808 г. пожалованъ чиномъ 9-го класса. Въ 1811 г. произведенъ въ профессоры 7-го класса и въ семъ званіи переведенъ изъ гимназіи въ Императорскій царскосельскій лицей. Въ томъ же году издавъ французскую грамматику съ россійскимъ переводомъ, посвятилъ оную государю императору. Въ 1814 г. опредѣленъ для преподаванія французской словесности въ царскосельскій благородный пансіонъ. Въ 1819 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. За отличное усердіе къ службѣ удостоивался въ разное время (кромѣ орденовъ Св. Анны 2-го класса, котораго имѣлъ впослѣдствіи брильянтовые знаки, и Св. Владиміра 4-й степени) особенныхъ наградъ отъ государя императора и государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоящихъ въ золотыхъ часахъ, табакеркахъ и брильянтовыхъ перстняхъ.

„Образованный умъ, благородное сердце, примѣрная кротость нрава и добродушіе пріобрѣли покойному любовь и уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ имѣлъ друзей, для которыхъ память его пребудетъ навсегда драгоцѣнною.

„Погребеніе сего почтеннаго мужа представляло трогательное зрѣлище. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ лицеѣ, сохраняя къ бывшему ихъ наставнику, и по смерти его, чувствованія уваженія и признательности, и желая отдать послѣдній долгъ покойному, несли бренные останки его изъ церкви и сопровождали до кладбища. Въ несеніи гроба участвовалъ и директоръ лицея дѣйст. стат. сов. Энгельгардтъ“.

6. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛИЦЕѢ ПРИ ЭНГЕЛЬГАРДТѢ.

Въ исторіи лицея за періодъ ближайшій ко времени перваго выпуска встрѣчается замѣчательный эпизодъ, до сихъ поръ мало извѣстный. Въ краткой исторіи этого заведенія, составленной г. Селезневымъ, упоминается только вскользъ о еженедѣльныхъ вечернихъ собраніяхъ бывшихъ у директора для литературныхъ бесѣдъ [1]). Теперь могу сообщить болѣе полныя о томъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ, полученныхъ мною отъ нашего бывшаго министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина, вышедшаго изъ лицея, по окончаніи тамъ курса, въ 1823 году (это былъ 3-й выпускъ). Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1821 году Е. А. Энгельгардтъ задумалъ основать въ лицеѣ, для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, „общество лицейскихъ друзей полезнаго". Сохранившійся уставъ этого общества гласитъ, что *дѣйствительные* его члены избираются исключительно изъ лицейскихъ воспитанниковъ старшаго возраста; кромѣ того, есть члены *почетные,* избираемые изъ преподавателей и гувернеровъ; со временемъ же предполагалось приглашать въ общество, съ этимъ званіемъ, и постороннихъ лицъ. Президентъ общества есть директоръ лицея. Дѣйствительные члены обязаны, каждый въ свою очередь, прочесть въ собраніи какое-либо свое сочиненіе, а иногда и переводъ, и труды ихъ подвергаются общему обсужденію; при этомъ выражено желаніе, чтобы для большей пользы всѣ сочиненія писались на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ частныхъ собраній, съ одними дѣйствительными членами, предположены и публичныя съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ лицея, а со временемъ и преподавателей и постороннихъ лицъ; каждое публичное собраніе, открывается рѣчью. Въ концѣ года, въ день рожденія „благословеннаго Основателя лицея", бываетъ чрезвычайное собраніе, на которое приглашается и публика. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно по два рубля на покупку словарей и другихъ книгъ, изъ которыхъ впослѣдствіи должна образоваться библіотека общества. Все происходящее въ частныхъ собраніяхъ остается между членами и ни подъ какимъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ; виновный въ нарушеніи этого правила исключается изъ общества.

При уставѣ, подписанномъ директоромъ и нѣсколькими воспитанниками лицея, сохранились и относящіяся къ засѣданіямъ бумаги. На первомъ собраніи, бывшемъ 11-го ноября 1821 года, предсѣдатель произнесъ небольшую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой

---

[1]) *Историческій очеркъ бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея.* Составленъ И. Селезневымъ. Спб. 1861, стр. 148.

любопытно особенно окончаніе. „Предвижу, сказалъ директоръ, что это соединеніе, чисто литературное, приведетъ къ другому союзу, — нравственному, столь же полезному, и, почему не сказать этого? — еще болѣе интересному. Эта литературная связь еще болѣе укрѣпитъ узы довѣрія, откровенности и дружбы, которыя уже соединяютъ насъ и которыя — скажу съ гордостью — ни въ какомъ другомъ заведеніи не существуютъ въ такой степени между воспитателемъ и воспитанниками. Да, друзья мои, наши литературные вечера еще утвердятъ сердечный союзъ, который путемъ любви и благодарности, а не страха, производитъ прочное повиновеніе и послушаніе, союзъ сердецъ, который вознаграждаетъ меня за всѣ непріятности, сопряженныя съ совѣстливымъ исполненіемъ моей должности. На этихъ вечерахъ мы сблизимся, мы соединимся еще тѣснѣе, и союзъ, образовавшійся въ этомъ убѣжищѣ мира и дружбы, продлится, надѣюсь, и за предѣлами лицея. Наше желѣзное кольцо [1]) будетъ символомъ того. Разстоянія и обстоятельства могутъ иногда удалить насъ другъ отъ друга, но вполнѣ они не разлучатъ насъ. Пусть лицей будетъ намъ вѣчно дорогъ, пусть онъ останется нашимъ сборнымъ мѣстомъ. И когда меня уже въ немъ не будетъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и тогда, друзья мои, любите лицей, будьте соединены, какъ руки, обвитыя нашимъ кольцомъ“.

Въ первомъ же засѣданіи были избраны должностныя лица общества, и званіе секретаря досталось Д. Н. Замятнину; затѣмъ назначена очередь чтеній. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, на которыя сочиненія были задаваемы и отчасти написаны. „Отвѣтъ другу на вопросъ: Если бы ты жилъ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то въ которомъ изъ предыдущихъ желалъ бы ты жить?“ — „Мысль о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастія человѣка“. — „Отчего просвѣщеніе народовъ обыкновенно сопровождается испорченностью нравовъ? Можно ли утверждать, что образованіе влечетъ за собой упадокъ и ослабленіе народовъ и государствъ?“ — „Сатирическая похвала клеветѣ“. — „Очеркъ исторіи Мальтійскаго ордена [2])“. — „Что́ вреднѣе для государства: частыя войны или дурное управленіе?“. — „Причины побѣдъ Россіи надъ Швеціею“. — „Взглядъ на главные перевороты въ русской исторіи“. — „Объ общественномъ мнѣніи“. — „Взглядъ на нравственное состояніе нынѣшней Европы“. — „О *Мизантропѣ* Мольера“ — „Взглядъ на законодательство Екатерины Великой“.

Послѣдніе четыре сочиненія, уцѣлѣвшія при протоколахъ общества, написаны секретаремъ его (Д. Н. Замятнинымъ); только одно изъ нихъ — четвертое — на русскомъ языкѣ, и по самому предмету сво-

---

[1]) Кольцо, которое Энгельгардтъ, при выпускѣ каждаго курса, раздавалъ выходящимъ воспитанникамъ на память.

[2]) Е. А. Энгельгардтъ былъ въ царствованіе Павла секретаремъ этого ордена.

ему оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ краткомъ введеніи авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Наиболѣе важно то, что всѣ узаконенія Екатерины II имѣютъ общій, къ одной цѣли ведущій духъ и отличаются вообще единствомъ, точностію и полнотою. Подробное систематическое изложеніе ея мудраго законодательства мнѣ не по силамъ и не по лѣтамъ, а потому я довольствуюсь однимъ только краткимъ обозрѣніемъ главнѣйшихъ частей онаго". Послѣ обстоятельнаго очерка законовъ и учрежденій Екатерины II, авторъ заключаетъ словами: „Слѣдуя во всѣхъ своихъ узаконеніяхъ однимъ началамъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, Екатерина ознаменовала вторую блистательную эпоху нашего новѣйшаго законодательства. Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ, слѣдуя великимъ симъ примѣрамъ, предпринялъ довершить начатое Петромъ и Екатериною важное дѣло. По восшествіи его на престолъ, одно изъ первыхъ попеченій его было воскресить комиссію составленія законовъ. Образованіе сего сословія изъ людей отличнѣйшихъ, неусыпное участіе, которое принимаетъ самъ монархъ въ ихъ трудахъ, и важные успѣхи въ самихъ трудахъ сихъ служатъ намъ порукою въ томъ, что великое дѣло систематическаго нашего законодательства, начатое Петромъ I, продолженное Екатериною Великою, довершено будетъ Александромъ Благословеннымъ".

Но общество собиралось уже нѣсколько разъ и еще не было утверждено высшимъ начальствомъ. Чтобы дать ему это окончательное освященіе, Энгельгардтъ лично испрашивалъ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ разрѣшенія торжественно начать публичныя собранія въ день рожденія государя, 12-го декабря (1821). 6-го числа директоръ лицея получилъ отъ князя А. Н. Голицына слѣдующій собственноручный отвѣтъ:

„Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ.

„По словесному вашему вопросу, можно ли 12-го декабря открыть общество изъ воспитанниковъ лицея для литературныхъ занятій, я сегодня докладывалъ государю императору, и его величеству угодно прежде видѣть правила, на которыхъ вы желаете оное устроить. Итакъ, ежели и послѣдуетъ разрѣшеніе государя, то я сомнѣваюсь, чтобъ къ 12-му числу вы могли получить отвѣтъ.

„По составленіи вами правилъ пришлите ихъ немедленно ко мнѣ, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ.

С.-Петербургъ
5-го декабря 1821".

Отвѣтъ на это письмо, съ приложеніемъ проекта устава, былъ отправленъ Е. А. Энгельгардтомъ немедленно. Вотъ что писалъ директоръ:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! По приказанію вашего сіятельства, мною сегодня полученному, честь имѣю препроводить при семъ проектъ правилъ, предполагаемыхъ для литературнаго сословія между воспитанниками лицея. Изъ общей физіогноміи оныхъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все сіе общество есть ничто иное, какъ домашній способъ занять пріятнымъ и полезнымъ образомъ молодыхъ людей, готовящихся вступить въ дѣйствительную жизнь, пріучить ихъ нѣсколько къ общему порядку дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ пріучить ихъ къ необходимой способности объяснять и выражать мысли свои предъ публикою безъ робости, но и съ приличною скромностью. Все въ сихъ правилахъ содержащееся приспособлено преимущественно къ сей частной нашей цѣли, и мы, составляя оныя между собою, не дерзнули никогда полагать, чтобы оныя когда-либо могли удостоиться быть представленными государю императору, почему и не обращали особеннаго вниманія, какъ на слогъ, такъ и на расположеніе. Не менѣе того однако я долгомъ поставляю представить оныя вашему сіятельству безъ малѣйшихъ перемѣнъ или поправокъ.

„Впрочемъ, я пріемлю смѣлость возобновить предъ вашимъ сіятельствомъ всепокорнѣйшую мою просьбу удостоить сію бездѣлицу благосклоннаго вашего вниманія, и если самое дѣло не найдетъ препятствія, то я смѣю надѣяться, что ваше сіятельство не откажете въ своемъ содѣйствіи къ исполненію столь естественнаго, какъ и похвальнаго желанія воспитанниковъ открыть свою бесѣду въ благословенный для нихъ день рожденія нашего Отца и Благотворителя, и такъ праздновать оный достойнѣйшимъ образомъ, стараніемъ ихъ соотвѣтствовать по мѣрѣ силъ своихъ благодѣтельнымъ его желаніямъ и попеченіямъ. Съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ.

Царское Село, декабря 6-го дня 1821 года“.

Прошло 12-е декабря, прошелъ и Новый годъ, — а отвѣта отъ князя Голицына все не было. Наконецъ, 14-го января 1822 года, получено въ лицеѣ такое отношеніе:

„Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ. Присланный при письмѣ вашего превосходительства отъ 6-го числа минувшаго декабря проектъ правилъ для учрежденія, между воспитанниками Императорскаго Царскосельскаго лицея, общества, подъ названіемъ: лицейскіе друзья полезнаго, доводилъ я до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величество, по прочтеніи сихъ правилъ, соизволилъ признать учре-

жденіе такого общества между воспитанниками лицея неприличнымъ и ненужнымъ: во-первыхъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія гораздо полезнѣйшія и существеннѣйшія по разнымъ предметамъ ученія; во-вторыхъ, самые такъ называемые литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній, и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столько недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ; въ-третьихъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ на ряду съ своими наставниками и воспитателями отниметъ у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

По всѣмъ симъ причинамъ Государю Императору не угодно учрежденіе такого Общества между воспитанниками.

Увѣдомляя васъ о семъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Голицынъ.

№ 3. Въ С.-Петербургѣ 11 генваря 1822".

Письмо было получено Егоромъ Антоновичемъ 14-го числа. Въ тотъ же день онъ собралъ членовъ своего неодобреннаго монархомъ общества и произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Милостивые государи! Сегодняшнее чрезвычайное собраніе наше имѣетъ предметомъ сообщить вамъ объявленную мнѣ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно существованія нашего сословія. Я получилъ сегодня отъ его сіятельства князя А. Н. Голицына слѣдующее отношеніе".

По прочтеніи бумаги, директоръ лицея продолжалъ: „Повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданнаго, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего общества. Протоколъ сего засѣданія есть послѣдній нашъ; въ оный внесется письмо г. министра и немедленное исполненіе, по оному сдѣланное Всѣ понынѣ состоявшіеся протоколы, уставъ нашъ, сочиненія и прочія бумаги я возьму къ себѣ на сохраненіе въ особо запечатанномъ пакетѣ, и общество лицейскихъ друзей полезнаго болѣе не существуетъ! Мы тѣмъ исполнили долгъ повиновенія. Но съ тою же откровенностію, которою руководствуюсь я всегда въ обращеніи моемъ съ вами, друзья мои, я не скрою отъ васъ, здѣсь, въ дружескомъ кругу, что я съ чув-

ствомъ сердечнаго прискорбія разрываю связь, отъ которой ожидали мы нѣкогда многихъ полезныхъ послѣдствій для насъ, для любезнаго нашего лицея и для будущей службы нашей Государю и Отечеству. Вы, конечно, всѣ дѣлите со мною сіе чувство, и я его не охуждаю, но я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что вы послѣдуете и совѣту и примѣру моему повиноваться безъ малѣйшаго роптанія волѣ высшаго начальства. Я требую отъ васъ, какъ начальникъ и какъ другъ, чтобы, вышедъ изъ сей комнаты, вы не позволили себѣ въ кругу прочихъ товарищей нашихъ никакихъ разсужденій насчетъ прекращенія нашего общества. „Оно прекращено по волѣ высшаго начальства": вотъ все, что́ можемъ, что́ должны мы дозволить себѣ о семъ сказать.

Итакъ мы, какъ члены „Общества лицейскихъ друзей полезнаго", сегодня разлучаемся, но мы всегда останемся неразлучными лицейскими друзьями полезнаго; и здѣсь, въ лицеѣ, пока мы вмѣстѣ, и въ свѣтѣ, гдѣ каждый пойдетъ отдѣльною стезею, да будетъ всегда единственнымъ и непоколебимымъ предметомъ нашихъ стараній, всей нашей жизни — польза, честь и слава нашего лицея, Отечества и Государя, благодѣтеля нашего".

Происшедшія вскорѣ послѣ этого перемѣны въ судьбѣ лицея бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на строгость приговора, которому подверглись устроенныя Энгельгардтомъ собранія. Подобныя литературныя общества существовали тогда и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, чему первый примѣръ былъ поданъ Московскимъ университетскимъ пансіономъ. Уставъ или проектъ, откуда мною приведены главныя основанія, начинался словами: „Всѣ высшія учебныя заведенія, признавъ пользу, приносимую такъ называемыми литературными обществами, учредили таковыя между собою. Они, безъ сомнѣнія, суть вѣрнѣйшія средства распространять кругъ нашихъ свѣдѣній и понятій, утвердить насъ въ пріобрѣтенныхъ уже понятіяхъ, познакомить насъ самихъ съ недостатками и способностями нашими и вообще внушать охоту къ образованію. Увѣренные въ сей истинѣ и возбуждаемые искренними чувствами любви и благодарности къ нашему отечеству и къ лицею, мы вознамѣрились послѣдовать примѣру тѣхъ заведеній и учредить у себя подобное общество". Итакъ, при всей справедливости изложенныхъ въ послѣднемъ письмѣ князя Голицына доводовъ для закрытія лицейскаго общества, нѣтъ сомнѣнія, что, въ первое время по назначеніи Энгельгардта директоромъ лицея, мысль объ учрежденіи въ немъ такихъ собраній была бы совершенно иначе принята Государемъ. Извѣстно, какимъ довѣріемъ пользовался долгое время Энгельгардтъ. При опредѣленіи его въ названную должность удостоились полнаго одобренія предложенныя имъ (написанныя въ кабинетѣ Аракчеева) условія, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло слѣдующее: „Управленіе лицея сдѣлать совершенно независящимъ отъ вся-

каго посторонняго и раздробительнаго вліянія, такъ чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распоряжать во всемъ по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей передъ Богомъ и Царемъ отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти [1]. Но извѣстно также, какъ измѣнились мало по-малу воззрѣнія императора Александра Павловича вслѣдствіе обнаруживавшихся на Западѣ общественныхъ движеній, находившихъ отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ. Вотъ чѣмъ объясняется и перемѣна, происшедшая въ расположеніи Государя относительно Энгельгардта, къ чему, конечно, не мало способствовало также вліяніе Аракчеева. Черезъ два мѣсяца послѣ запрещенія, объявленнаго въ письмѣ князя Голицына, лицей поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича и въ непосредственное вѣдѣніе начальника кадетскихъ корпусовъ Коновницына. Не прошло года, какъ, по случаю бывшаго въ лицеѣ концерта, у Энгельгардта возникли пререканія съ военнымъ начальствомъ, памятникомъ которыхъ осталась продолжительная офиціальная переписка, кончившаяся тѣмъ, что директоръ лицея подалъ въ отставку и былъ уволенъ 23-го октября 1823 года.

V.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА.[2]

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду; въ молодости былъ онъ записанъ въ измайловскій полкъ, а потомъ, при императорѣ Павлѣ, служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ; въ 1798 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Это былъ человѣкъ, который съ лоскомъ поверхностнаго французскаго образованія и свѣтскаго остроумія, соединялъ большое легкомысліе и отсутствіе строгихъ правилъ; но, не лишенный литературнаго таланта, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, поэтомъ Василіемъ Львовичемъ, вращался въ кругу лучшихъ московскихъ писателей того времени. Жена его, Надежда Осиповна, происходила изъ семейства Ган-

[1]) *Русск. Архивъ* 1872 г., стр. 1475: „Воспоминаніе о Е. А. Энгельгардтѣ“ сына его, покойнаго Владимира Ег. Энгельгардта, воспитанника 5-го курса.

[2]) Читанъ въ засѣданіи общаго собранія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 23-го февраля 1887 г.

нибаловъ, родоначальникомъ котораго былъ извѣстный арапъ Абрамъ Петровичъ, въ дѣтствѣ купленный для Петра Великаго въ Константинополѣ и награжденный при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколькими помѣстьями; однимъ изъ нихъ было село Михайловское (Зуёво) въ Псковской губерніи. Надежда Осиповна была женщина умная, но не обладала ни ровнымъ характеромъ, ни способностями доброй хозяйки. Дѣтство Александра Сергѣевича протекло частью въ Москвѣ, частью въ подмосковномъ имѣніи Захарьинѣ. Воспитателями его были иностранцы, но первыми уроками русскаго языка былъ онъ обязанъ своей бабушкѣ со стороны матери, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, и священнику Бѣликову. На 9-мъ году въ немъ начала развиваться страсть къ чтенію, находившая себѣ пищу въ богатой библіотекѣ отца его, состоявшей большею частью изъ французскихъ писателей 17-го и 18-го вѣка. Слухи о предстоявшемъ учрежденіи царскосельскаго лицея подали отцу поэта мысль отдать его въ это учебное заведеніе, и лѣтомъ 1811 г. даровитый мальчикъ былъ отвезенъ дядею въ Петербургъ и помѣщенъ въ лицей при содѣйствіи Александра Ивановича Тургенева. 19-го октября послѣдовало открытіе лицея. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ принято было туда, по предварительному экзамену, 30 мальчиковъ, изъ которыхъ приблизительно треть получила приготовительное образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ въ концѣ прошлаго столѣтія воспитывался Жуковскій и гдѣ подъ его вліяніемъ сильно развита была любовь къ литературѣ. Это направленіе перешло и въ лицей: между воспитанниками его скоро образовалось литературное общество, въ которомъ самое видное мѣсто занялъ Пушкинъ. Молодые писатели не только въ стѣнахъ лицея издавали рукописные журналы, но и посылали труды свои въ Петербургъ и въ Москву къ журналистамъ, которые охотно ихъ печатали.

Такимъ образомъ Пушкинъ еще на лицейской скамьѣ пріобрѣлъ извѣстность своимъ блестящимъ талантомъ; тогда уже его оцѣнили Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и кн. Вяземскій. Почти всѣ они видѣли Пушкина мальчикомъ еще прежде въ Москвѣ, въ домѣ отца его. Вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, въ новооткрытомъ лицеѣ происходили частыя перемѣны въ составѣ начальства и наставниковъ. Оттого и преподаваніе шло вообще безпорядочно. Пушкинъ, при своей страсти къ поэзіи, мало занимался уроками, но много читалъ и быстро развивалъ свое дарованіе, какъ видно изъ множества написанныхъ имъ въ лицеѣ стихотвореній. Выпущенный въ 1817 году съ чиномъ 10-го класса, Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Славою своего таланта онъ уже обращалъ на себя общее вниманіе и примкнулъ къ кружку свѣтской молодежи, съ которою велъ разсѣянную жизнь, не ослабѣвая однакожъ нисколько въ своемъ поэтическомъ творчествѣ. Въ 1820 г. онъ кончилъ свою первую поэму

Русланъ и Людмила, заимствованную изъ сказочнаго міра и начатую еще въ лицеѣ. По этому случаю Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „Ученику отъ побѣжденнаго учителя". Между тѣмъ нѣкоторыми слишкомъ вольными стихотвореніями, которыя, какъ все, что́ писалъ Пушкинъ, распространялись въ обществѣ, онъ навлекъ на себя неудовольствіе высшаго правительства и едва не подвергся ссылкѣ въ Сибирь или заточенію въ Соловецкій монастырь. Только благодаря заступничеству Карамзина и статсъ-секретаря Каподистріи, императоръ Александръ Павловичъ согласился смягчить наказаніе. Оставленный на службѣ, Пушкинъ отправленъ былъ въ подвѣдомственное коллегіи иностранныхъ дѣлъ попечительство колонистовъ южнаго края, находившееся въ Екатеринославѣ подъ управленіемъ генерала Инзова. Къ счастію своему, Пушкинъ нашелъ въ немъ глубоко просвѣщеннаго и добраго начальника, вполнѣ понявшаго свою задачу сохранить Россіи ввѣренный его попеченію драгоцѣнный талантъ: въ порывахъ и шалостяхъ Пушкина онъ видѣлъ одни юношескія увлеченія и обращался съ нимъ отечески, снабжая его книгами, а за проступки наказывая его только домашнимъ арестомъ съ лишеніемъ сапоговъ. Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Екатеринославъ, заболѣвшему поэту представился случай съѣздить къ кавказскимъ водамъ съ семействомъ генерала Раевскаго, Инзовъ охотно отпустилъ Пушкина. Извѣстно, какъ плодотворно сдѣлалось для него это двухмѣсячное путешествіе, блестящимъ результатомъ котораго явилась поэма его *Кавказскій плѣнникъ*. На обратномъ пути съ Кавказа Пушкинъ провелъ три недѣли у Раевскихъ на южномъ берегу Крыма, въ прекрасномъ Юрзуфѣ, а потомъ короткое время въ имѣніи ихъ родныхъ (Давыдовыхъ) Каменкѣ, Кіевской губ., откуда онъ опять вынесъ неизгладимыя на всю жизнь впечатлѣнія.

Между тѣмъ Инзовъ, получивъ новый постъ временнаго намѣстника Бессарабской области, переѣхалъ на жительство въ Кишиневъ, куда переведено было и управленіе колоніями южнаго края, а потому тамъ долженъ былъ поселиться и Пушкинъ. Въ этомъ городѣ, посреди пестраго полуазіатскаго населенія и хаотическихъ элементовъ еще не устроившагося быта, онъ пробылъ около трехъ лѣтъ (съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 по іюнь 1823 г.), ведя разнузданную и разгульную жизнь въ обществѣ то молдаванъ и грековъ, которыхъ множество бѣжало сюда вслѣдствіе возстанія Греціи, то лицъ военнаго сословія, принадлежавшихъ къ расположенному здѣсь штабу. Этотъ безпорядочный образъ жизни и пылкія страсти, которымъ поэтъ предавался, не мѣшали ему однакожъ, въ часы уединенныхъ занятій, находить въ поэзіи источникъ нравственнаго очищенія и самоусовершенствованія: онъ попрежнему много читалъ, изучалъ иностранныя литературы, дѣлалъ выписки изъ книгъ, которыя самъ пріобрѣталъ

на скудныя средства свои, велъ дневникъ и написалъ многія изъ лучшихъ стихотвореній своихъ, между прочимъ свои превосходныя, свидѣтельствующія о возвышенномъ настроеніи, посланія: *Чаадаеву* и *Овидію*. Но важнѣйшими плодами его вдохновеній въ Кишиневѣ были его *Братья разбойники* и отзывающаяся сильнымъ вліяніемъ Байрона поэма *Бахчисарайскій фонтанъ*. Здѣсь же былъ уже задуманъ *Евгеній Онѣгинъ* и положено начало поэмѣ *Цыганы*. Поводомъ къ послѣдней послужило то обстоятельство, что за какую-то вину Пушкинъ былъ посланъ Инзовымъ въ Измаилъ; во время этой поѣздки онъ присоединился ко встрѣченному по дорогѣ цыганскому табору и кочевалъ съ нимъ нѣсколько дней.

Въ маѣ 1823 г. новоучрежденная должность Новороссійскаго генералъ-губернатора замѣщена была графомъ М. С. Воронцовымъ; въ его же вѣдѣніе отошла и Бессарабская область. Пушкинъ причисленъ былъ къ канцеляріи генералъ-губернатора и переѣхалъ въ Одессу, какъ центръ мѣстнаго управленія. Можно представить себѣ, какое обаяніе должна была имѣть для него, послѣ Кишинева, жизнь въ этомъ, тогда уже богатомъ городѣ со всѣми прихотями европейской цивилизаціи, съ театромъ, итальянскою оперой, французскими ресторанами и живописнымъ видомъ на море. Но положеніе Пушкина совершенно измѣнилось въ отношеніи къ новому его начальнику, хотя также просвѣщенному, но строгому въ соблюденіи формальной стороны служебныхъ требованій. „Онъ видитъ во мнѣ коллежскаго секретаря", писалъ Пушкинъ въ Петербургъ, „а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое". Недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были неизбѣжны; окончательный разрывъ между ними былъ вызванъ данною Пушкину командировкою для наблюденій надъ саранчою въ южныхъ степяхъ Новороссійскаго края. Графъ Воронцовъ имѣлъ при этомъ весьма благородную цѣль дать Пушкину случай отличиться по службѣ, но поэту такое порученіе показалось оскорбительнымъ: онъ сталъ выражать свое неудовольствіе колкими выходками и эпиграммами, которыя жадная молва разносила по всему городу. Тогда графъ Воронцовъ рѣшился удалить Пушкина изъ Одессы и написалъ управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде письмо, въ которомъ, сознавая, что поведеніе поэта во многомъ измѣнилось къ лучшему, представлялъ о необходимости перевести его на службу въ какую-нибудь другую губернію. Между тѣмъ въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо Пушкина къ одному пріятелю съ легкомысленною, но вовсе не серьезною фразою [1]), подавшею поводъ къ обвиненію его въ безвѣріи. Послѣдствіемъ было то, что въ іюлѣ 1824 года Нессель-

---

[1]) „Школьническою шуткой", какъ впослѣдствіи выразился самъ поэтъ въ одномъ письмѣ.

роде сообщилъ гр. Воронцову высочайшее повелѣніе уволить Пушкина изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отправить его въ псковское имѣніе родителей подъ надзоръ мѣстнаго начальства. Двухлѣтнее пребываніе его въ Михайловскомъ имѣло самое благотворное дѣйствіе на дальнѣйшее развитіе его характера и таланта. Уже въ Одессѣ онъ освободился отъ вліянія Байрона и принялся за изученіе Шекспира; тамъ окончилъ онъ поэму *Цыганы* и продолжалъ *Евгенія Онѣгина,* въ которомъ такъ ярко отразилось новое направленіе его поэзіи — изображеніе русской жизни и русской природы. Въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго онъ болѣе и болѣе знакомился съ произведеніями устной народной словесности, записывая пѣсни, сказки и пословицы которыя слышалъ, между прочимъ, отъ своей старой няни, столь знаменитой Арины Родіоновны. Въ то же время онъ углублялся въ изученіе отечественной исторіи, въ лѣтописи, и создалъ достойную Шекспира драму *Борисъ Годуновъ*, а вслѣдъ за нею исполненный веселости разсказъ *Графъ Нулинъ*.

Извѣстіе о событіяхъ 14-го декабря крайне взволновало Пушкина, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ главными изъ участниковъ заговора. Онъ считалъ долгомъ чести лично явиться въ Петербургъ и уже выѣхалъ было изъ Михайловскаго, но въ началѣ же дороги перемѣнилъ намѣреніе и вернулся. Воцареніе императора Николая оживило въ немъ надежды на прощеніе. Уже и прежде онъ просилъ о разрѣшеніи пріѣхать въ столицу для лѣченія мнимаго аневризма, но ему позволено было посѣщать только Псковъ. Теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, онъ отправилъ, чрезъ псковскаго губернатора Адеркаса, всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ, принося повинную, обѣщалъ ни въ чемъ не обнаруживать мыслей, противныхъ установленному порядку, представилъ и подписку въ томъ, что не принадлежалъ и не принадлежитъ ни къ какому тайному обществу. Въ концѣ августа мѣсяца, чрезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, на это прошеніе послѣдовала милостивая резолюція императора Николая привезти Пушкина, въ сопровожденіи фельдъегеря, въ Москву, при чемъ однакожъ было оговорено, что ему предоставляется ѣхать отдѣльно въ своемъ экипажѣ. 8-го сентября Пушкинъ прямо съ дороги привезенъ былъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ государь удостоилъ его милостиваго разговора и между прочимъ спросилъ, принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ, еслибъ былъ въ Петербургѣ. — „Непремѣнно, государь, отвѣчалъ Пушкинъ: въ заговорѣ были всѣ друзья мои: одно отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога". — Отпуская Пушкина, государь объявилъ ему свою волю, чтобы онъ впредь все написанное представлялъ на собственную цензуру его величества. Во всю остальную жизнь свою поэтъ съ непритворнымъ благоговѣніемъ вспоминалъ эту аудіэнцію.

Время, проведенное имъ послѣ того въ Москвѣ, было для него настоящимъ торжествомъ: не только въ кругу литераторовъ, но и въ знатныхъ домахъ его принимали съ почетомъ, слушали съ восторгомъ его *Бориса Годунова*. При его главномъ участіи основался тогда же новый журналъ *Московскій Вѣстникъ*, въ которомъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Но исключительное отношеніе, въ какое онъ поставленъ былъ къ цензурѣ, при необходимости обращаться въ каждомъ случаѣ къ гр. Бенкендорфу, было сопряжено для Пушкина съ непредвидѣнными затрудненіями, тѣмъ болѣе, что и цензурное вѣдомство иногда предъявляло свои права на разсмотрѣніе его трудовъ. Первою испытанною имъ непріятностью было письменно выраженное ему шефомъ жандармовъ неудовольствіе за чтеніе Бориса Годунова въ обществахъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Въ маѣ 1827 года Пушкину позволено было жить въ Петербургѣ. Здѣсь начинается послѣднее десятилѣтіе его краткаго вѣка при совершенно новыхъ условіяхъ: на него обращены взоры не только всей Россіи, но и самого монарха, который, оцѣнивъ геніальнаго писателя, оказываетъ ему высокое благоволеніе. Въ полномъ сознаніи своихъ силъ, Пушкинъ развиваетъ отнынѣ дѣятельность, которая изумляетъ насъ какъ размѣрами своими, такъ и разнообразіемъ. За множествомъ мелкихъ его стихотвореній этой эпохи невозможно слѣдить въ краткомъ очеркѣ; можно указывать лишь на крупныя его произведенія. Въ 1828 г. онъ кончаетъ VII главу *Евгенія Онѣгина* и съ необыкновенной быстротой создаетъ *Полтаву*. Частыя перемѣны мѣстопребыванія и новыя обстоятельства жизни, не уменьшая его дѣятельности, служатъ ему только поводомъ къ новымъ твореніямъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, въ 1828 году, онъ пораженъ красотою дѣвицы Наталіи Николаевны Гончаровой и въ слѣдующемъ году проситъ ея руки. Неполный успѣхъ этого предложенія подаетъ ему мысль предпринять второе путешествіе на Кавказъ, откуда онъ отправляется на театръ турецкой войны, къ фельдмаршалу графу Паскевичу, и памятниками этого любопытнаго эпизода его жизни являются впослѣдствіи: замѣчательное описаніе *путешествія въ Арзрумъ* въ прозѣ и неконченная поэма *Галубъ* въ стихахъ. Въ 1830 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, онъ получаетъ согласіе Гончаровой, и 18-го февраля 1831 вѣнчается съ нею въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенья. По поводу предстоящей женитьбы, отецъ Пушкина выдѣлилъ ему свое родовое помѣстье Болдино (200 душъ) въ Нижегородской губерніи. Для вступленія во владѣніе этимъ имѣніемъ, поэтъ отправился туда осенью 1830 года, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Эта поѣздка замѣчательна по множеству сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, которыя были написаны

тамъ въ короткое время. Къ числу ихъ принадлежали: нѣсколько *драматическихъ* трудовъ, *Повѣсти Бѣлкина, Домикъ въ Коломнѣ, Лѣтопись Села Горохина, Моя родословная*. Тогда же окончена была послѣдняя глава *Евгенія Онѣгина*. Первое лѣто послѣ женитьбы проведено было въ дорогомъ Пушкину, по воспоминаніямъ, Царскомъ Селѣ. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ, прибывшимъ туда же съ высочайшимъ Дворомъ, Пушкинъ обратился къ новому для нихъ обоихъ роду поэзіи и написалъ нѣсколько сказокъ въ народномъ духѣ. Въ это же время написаны имъ двѣ патріотическія пьесы *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*. Болѣе и болѣе склоняясь къ историческимъ трудамъ, онъ тогда же возымѣлъ мысль приняться за исторію любимаго своего героя Петра Великаго, уже воспѣтаго имъ въ поэмѣ *Полтава*. Государь, одобривъ это предпріятіе, повелѣлъ открыть ему доступъ въ государственные архивы. Вслѣдъ за тѣмъ Пушкинъ снова былъ зачисленъ, по высочайшей волѣ, въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5,000 руб. асс. въ годъ. Эта милость доставляла ему существенную помощь въ его экономическихъ затрудненіяхъ, естественно увеличившихся со времени его женитьбы, при лежавшихъ на немъ долгахъ и дороговизнѣ столичной жизни съ потребностями нѣкоторой роскоши, къ которымъ привыкла молодая жена. Для удовлетворенія ихъ, деньги, выручавшіяся съ продажи его сочиненій, были далеко не достаточны, хотя книгопродавцы и журналисты уже довольно щедро оплачивали его рукописи.

Къ 1832 и началу 1833 г. относится повѣсть *Дубровскій;* къ послѣднему, кромѣ того: *Родословная моего героя, Мѣдный всадникъ, Русалка* и *Анджело*.

Съ зимы 1832 Пушкинъ посвящаетъ большую часть своего времени занятіямъ въ архивахъ. Встрѣтивъ, при этомъ, матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, еще никѣмъ не затронутой, Пушкинъ рѣшился прежде всего обработать ее въ видѣ отдѣльнаго этюда, а рядомъ съ этой работой, какъ дополненіе ея, написалъ бытовую повѣсть изъ эпохи Пугачевщины, подъ заглавіемъ *Капитанская дочка*. Чувствуя необходимость побывать на сценѣ дѣйствія, онъ осенью 1833 г. испросилъ отпускъ въ Казань и Оренбургъ, осматривалъ мѣстности, разспрашивалъ старожиловъ, и въ концѣ ноября, возвратясь въ Петербургъ, представилъ государю въ рукописи свою *Исторію Пугачевскаго бунта*. Въ послѣдній день того же года императоръ Николай повелѣлъ выдать ему заимообразно 20 т. р. на напечатаніе этого труда и въ то же время пожаловалъ автора въ камеръ-юнкеры. На покрытіе же издержекъ, сопряженныхъ съ жизнью при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ, ему, въ 1835 г., даровано было въ ссуду 30 т. р. асс. безъ процентовъ, съ вычетомъ этого долга изъ его жалованья.

Въ 1836 г. къ прежнимъ занятіямъ и заботамъ Пушкина присо-

единились новыя. Низкій уровень, на которомъ находилась наша литература и особенно критика, давно уже внушалъ поэту и друзьямъ его мысль основать свой особый органъ для противодѣйствія людямъ, присвоившимъ себѣ вредную монополію въ журнальномъ дѣлѣ. Съ этою же цѣлію Пушкинъ, по снятіи съ него опалы, принялъ горячее участіе, сперва въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевого, затѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодина, а позднѣе въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига, въ которой, какъ прежде и въ *Телеграфѣ*, помѣщалъ колкія замѣтки противъ ложнаго направленія и меркантильнаго духа тогдашней журналистики. Къ этимъ соображеніямъ присоединялась и забота о матеріальныхъ выгодахъ, заставлявшая Пушкина мечтать объ изданіи политической и литературной газеты, для которой имъ уже была выработана и программа. Когда же этотъ планъ не удался, то онъ испросилъ разрѣшеніе издавать чисто литературный журналъ и основалъ трехмѣсячный *Современникъ*, котораго при жизни его, въ теченіе 1836 года, вышло четыре книги. Однакожъ это изданіе, по своему спокойному и умѣренному характеру, не имѣло большого успѣха и не поправило дѣлъ Пушкина.

Между тѣмъ зависть и вражда къ поэту не дремали, подстрекаемыя иногда съ его стороны язвительными выходками и стихами, отъ привычки къ которымъ онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться. Одно изъ такихъ стихотвореній [1]) навлекло на него непримиримую ненависть графа С. С. Уварова. Другимъ заклятымъ врагомъ Пушкина была одна дама высшаго круга, салонъ которой служилъ сборнымъ мѣстомъ всего дипломатическаго корпуса. Злорѣчіе, давно направленное противъ семейной жизни поэта, разразилось наконецъ, въ ноябрѣ 1836 года, оскорбительными для Пушкина подметными письмами. Къ несчастію онъ, при всей возвышенности своихъ помысловъ, при глубоко религіозномъ настроеніи, которое усвоилъ себѣ въ послѣдніе годы, не умѣлъ побѣдить мелкаго тщеславія и суетности, заставлявшихъ его приносить столько жертвъ большому свѣту, не умѣлъ отнестись къ клеветѣ съ мудрымъ презрѣніемъ и хладнокровіемъ. Адскій умыселъ, руководившій неизвѣстнымъ авторомъ подметныхъ писемъ, вполнѣ достигъ своей цѣли: кипя гнѣвомъ и ревностью, взволнованный до изступленія, Пушкинъ на оскорбленія отвѣчалъ оскорбленіями же и такимъ образомъ вынудилъ обвиняемаго имъ въ распространеніи тѣхъ писемъ иностранца Дантеса прислать ему вызовъ: несмотря на всѣ старанія друзей поэта, особенно Жуковскаго, предупредить кровавую развязку, дѣло кончилось дуэлью 27-го января 1837 года. Пушкинъ былъ смертельно раненъ въ правый бокъ пулею изъ пистолета и черезъ два дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ. На смертномъ одрѣ

[1]) *На выздоровленіе Лукулла.*

онъ имѣлъ отраду испытать великодушное участіе государя, приславшаго къ нему лейбъ-медика Арендта и собственноручную записку, въ которой объявилъ ему милостивое прощеніе, совѣтовалъ умереть христіаниномъ и обѣщалъ свое покровительство его семейству. На погребеніе Пушкина выдано было 10,000 р. асс., съ его наслѣдниковъ сложенъ весь лежавшій на немъ долгъ и сверхъ того пожаловано 50 т. р. асс. на напечатаніе его сочиненій, съ продажи которыхъ выручка опредѣлена на составленіе отдѣльнаго капитала въ пользу дѣтей покойнаго. Въ то же время два сына его зачислены въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ, назначены пенсіи. Такъ проницательный монархъ умѣлъ оцѣнить заслуги русскому просвѣщенію великаго поэта, которому суждено было украсить его царствованіе.

Въ предыдущемъ изложеніи очерчены главнымъ образомъ внѣшнія обстоятельства жизни Пушкина. Обыкновенно біографіи писателей не представляютъ съ этой стороны большого разнообразія и интереса. Въ жизни Пушкина мы видимъ противное, благодаря его пылкой, страстной природѣ въ соединеніи съ геніальностью. Люди этого рода рѣдко уживаются со средою, въ которую они поставлены. Примѣромъ тому могутъ служить другіе два писателя: Ломоносовъ и Державинъ. Крутыя перемѣны въ жизни Пушкина были всякій разъ вызываемы его столкновеніями съ дѣйствительностью. Какъ удаленіе его на югъ было слѣдствіемъ своенравныхъ увлеченій его таланта, какъ послѣдующая ссылка его въ деревню имѣла причиною неправильное его отношеніе къ чуждому для него служебному поприщу, такъ и виною самой смерти его было его ненормальное положеніе въ большомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ вся жизнь Пушкина, съ краткими промежутками успокоенія, можетъ назваться бурною. Въ горнилѣ страстей развивался съ необычайной быстротою его геній, требовавшій безпрерывной дѣятельности. Только этою неодолимою потребностью творчества объясняется его плодовитость, позволившая ему въ краткій 25-тилѣтій срокъ (начиная съ 13-тилѣтняго возраста) оставить потомству такое богатое литературное наслѣдіе, которое въ жизни менѣе сильнаго дарованія потребовало бы цѣлаго ряда десятилѣтій: многіе знаменитые писатели начали создавать важнѣйшія свои произведенія только съ того возраста, въ которомъ Пушкинъ кончилъ свое земное поприще. Слѣдя за развитіемъ этого мощнаго духа, мы не можемъ не замѣчать, какъ въ каждомъ изъ періодовъ его творчества, на которое жизнь его дѣлится самыми событіями, созданія его становятся все зрѣлѣе и глубже. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется своими особыми чертами. Главныя изъ такихъ чертъ указаны выше, при описаніи его жизни. Въ послѣднемъ ея періодѣ геній его достигаетъ полной возмужалости и самостоятельности. Ложныя сужденія тогдашней близорукой и пристрастной критики уже не могутъ поколебать его сознанія въ своей исполинской

мощи: онъ ищетъ одобренія въ одномъ собственномъ судѣ своемъ. Во всѣхъ родахъ литературы онъ является первостепеннымъ мастеромъ и неподражаемымъ художникомъ. Отъ лирической поэзіи онъ смѣло переходитъ къ эпосу и драмѣ на твердой національной почвѣ, и наконецъ останавливается почти исключительно на эпическомъ родѣ и на исторіи. Стихъ его, сохраняя прежнюю звучность и образность, пріобрѣтаетъ еще большую сжатость и изящную простоту. Такова и проза его, въ мужественной простотѣ своей достигающая небывалой прелести. Вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное настроеніе его становится все возвышеннѣе и чище, и при сильномъ патріотическомъ одушевленіи принимаетъ глубоко-религіозный оттѣнокъ. Съ такими задатками совершенства чего нельзя было ожидать отъ поэта въ лучшую пору его жизни? Но не даромъ онъ, въ какомъ-то ясновидящемъ предчувствіи, лихорадочно спѣшилъ создавать; не даромъ мысль о смерти давно занимала его и все съ новой настойчивостью къ нему возвращалась. Судьба его была — явиться въ мірѣ русской мысли яркимъ метеоромъ и навѣки обогатить русскій народъ дивными дарами своего генія.

VI.

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА, КАКЪ ЧЕЛОВѢКА [1]).

Гоголь въ одномъ письмѣ къ старинному другу Пушкина, Нащокину, говорилъ: „Свѣтъ остается навсегда при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ“ и т. д. Эти слова были сказаны какъ будто съ мыслью о Пушкинѣ. Легкое направленіе поэзіи его въ первые годы по выпускѣ изъ лицея, нѣкоторые стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и другихъ писателей XVIII вѣка, принесъ дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ оставалась за нимъ не только въ позднѣйшіе періоды

---

[1]) Читано въ собраніи Общества любителей россійской словесности, въ Москвѣ 7-го іюня 1880 года, по случаю открытія памятника Пушкину, и было напечатано въ *Новомъ Времени*.

его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и общемъ направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переворотъ, но, къ удивленію нашему, отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали Пушкина. Между тѣмъ для наблюдательнаго взора даже и въ молодости его сквозь видимое легкомысліе и беззавѣтную веселость проглядываетъ серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Такая противоположность отражалась и въ наружности Пушкина. Одинъ изъ современниковъ его [1]), разсказывая о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Кишиневѣ, говоритъ, что это былъ молодой человѣкъ необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе.

Въ Пушкинѣ уже съ ранняго возраста какъ будто таилось предчувствіе краткости отмежеваннаго ему вѣка: онъ спѣшилъ и жить и создавать, какъ бы угадывая, что ему предназначенъ жребій прославиться, наполнить міръ блескомъ своего имени и вдругъ погибнуть въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ: крайне щекотливое чувство чести много разъ заставляло его рисковать жизнію и наконецъ привело къ роковой развязкѣ. Пылкая природа его не знала мѣры еще въ годы его воспитанія. Изъ разсказовъ его лицейскихъ товарищей и наставниковъ извѣстно, что онъ, сознавъ свой талантъ, въ послѣднее время пребыванія въ лицеѣ съ лихорадочнымъ жаромъ предавался страсти къ поэзіи, день и ночь думалъ о стихахъ и даже разъ во снѣ сочинилъ два удачные стиха, включенные имъ потомъ въ одну изъ тогдашнихъ пьесъ его. Слывя въ лицеѣ повѣсою, онъ однакожъ никогда не былъ празднымъ, съ удивительною быстротою навсегда усвоивалъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ. „Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, говоритъ Плетневъ, не пропадали для него на цѣлую жизнь". Вопреки тому, что мы обыкновенно встрѣчаемъ даже въ даровитыхъ людяхъ, у Пушкина память была одинаково воспріимчива и для фактовъ и для словъ: онъ такъ же легко и прочно запоминалъ историческія событія и анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, какъ и новые звуки и формы иностраннаго языка. Лицейскія стихотворенія Пушкина представляютъ между прочимъ одну любопытную черту: въ нихъ можно найти слѣды того, что онъ уже тогда самъ понималъ неосновательность взгляда, который сквозь оболочку юношеской вѣтрености не замѣчалъ въ немъ совсѣмъ другого рода основы. Такъ еще передъ выходомъ изъ лицея онъ говорилъ въ своемъ посланіи къ гусару Каверину:

---

[1]) В. П. Горчаковъ.

Все чередой идетъ опредѣлённой,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный... [1]).

Здѣсь 18-ти лѣтній поэтъ обнаруживаетъ уже замѣчательное самосознаніе и психологическую наблюдательность. О тогдашнемъ внутреннемъ мірѣ его даетъ понятіе читанная имъ на выпускномъ экзаменѣ пьеса „Безвѣріе". Во второй половинѣ ея изображено безотрадное состояніе невѣрующаго. Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что эта пьеса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ, особенно въ стихахъ, говорить что-нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и искренность составляли одну изъ господствующихъ сторонъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя „врагомъ стѣснительныхъ условій и оковъ".

По выходѣ изъ лицея поэтъ посреди шумныхъ развлеченій столицы, въ кругу легкомысленныхъ друзей, не переставалъ читать и учиться; развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротой, и въ концѣ 1819 года, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилось тогда же въ пьескѣ, напечатанной только девятью годами позже, подъ заглавіемъ „Возрожденіе", гдѣ онъ сравниваетъ себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе:

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Между тѣмъ однакожъ своенравный геній поэта увлекалъ его иногда къ созданіямъ, бывшимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи какъ съ собственными его основными понятіями, такъ и съ общественными условіями, посреди которыхъ онъ жилъ, и надъ головою его собралась грозная туча. Къ счастію, она не сдѣлалась для него гибельною: удаленіе его изъ Петербурга было чрезвычайно плодотворно и для поэзіи его и для нравственнаго перерожденія. Это событіе, безъ сомнѣнія, глубоко

[1]) м. выше, стр. 25.

потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставить его задуматься надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый, сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Въ Кишиневѣ, несмотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, у него болѣе нежели въ столицѣ оставалось времени для занятій: это принужденное уединеніе естественно оживило въ немъ охоту къ умственному труду, и вотъ какъ самъ онъ отдаетъ отчетъ о томъ въ посланіи къ бывшему царскосельскому другу, гусару Чаадаеву:

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ...
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Съ этихъ-то поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ: плодомъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его и художественное пониманіе. Можно сказать, что въ нихъ поэтъ уподобляется сказочному богатырю, растущему не по днямъ, а по часамъ: неудивительно, что самъ онъ какъ будто ежеминутно замѣчалъ полетъ времени надъ собою и на 22 году жизни уже готовъ былъ оплакивать улетѣвшую юность. „Я перевариваю воспоминанія“, писалъ онъ въ эту пору Дельвигу, „и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, *подъ старость нашей молодости,* какъ не воспоминаніями?“ Въ 25 лѣтъ Пушкинъ является намъ уже совершенно остепенившимся, трудолюбивымъ, осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ. Изъ писемъ его, относящихся къ этой эпохѣ, когда онъ приступалъ къ созданію *Бориса Годунова*, видно, съ какою трезвостію ума, съ какимъ глубококритическимъ смысломъ онъ всматривался въ изучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно англійской литературы; уже Байронъ его не удовлетворяетъ и онъ все свое сочувствіе отдаетъ Шекспиру. Углубляясь въ русскія лѣтописи, онъ такъ опредѣляетъ

ихъ характеръ, воспроизведенный имъ въ лицѣ Пимена: „умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое добросовѣстное приготовленіе Пушкина къ выполненію его художническихъ задачъ не могло не наложить печати зрѣлости не только на его талантъ, но и на всю нравственную физіономію его. Между прочимъ оно утвердило въ немъ правильный взглядъ на прошлое, на дѣятельность нашихъ предшественниковъ, и онъ въ своихъ замѣткахъ набросалъ эти слова, которыхъ нельзя довольно повторять въ наше время: „Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?... Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго“. Когда явился его блестящій разсказъ *Графъ Нулинъ*, и журнальная критика обрадовалась случаю пощеголять своимъ цѣломудріемъ, то обвиненіе поэта въ безнравственности содержанія глубоко оскорбило его, какъ видно изъ найденныхъ въ его бумагахъ возраженій, въ которыхъ онъ объясняетъ своимъ противникамъ, что такое безнравственное сочиненіе и какая разница между нравственностью и нравоученіемъ.

Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснорѣчивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло къ нему самому названіе *взыскательный художникъ*, употребленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ наконецъ усилій стоило ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ общества и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: „Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго“.

Хотя Пушкинъ никогда не рисовался своими душевными качествами, но есть много доказательствъ его сердечной доброты и человѣколюбія. Такъ въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу, писанномъ по поводу перваго извѣстія о петербургскомъ наводненіи 1824 года, онъ послѣ размышленій и шутокъ, вызванныхъ прискорбнымъ событіемъ, вдругъ перемѣняетъ тонъ: „Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ, но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго“. Въ слѣдующемъ году, прочи-

тавъ въ „Русскомъ Инвалидѣ", что слѣпой священникъ перевелъ книгу Сираха и издаетъ свой трудъ по подпискѣ, онъ поручаетъ брату подписаться на нѣсколько экземпляровъ. Его отношенія къ Льву Сергѣевичу были истинно братскія, — болѣе того: будучи 7-ю годами старше его, онъ питаетъ къ нему нѣжную, какъ бы родительскую любовь, выражающуюся то въ заботливости о его образованіи, то въ совѣтахъ житейскаго благоразумія. Сердясь на брата за легкомысліе и неряшество въ исполненіи порученій, онъ при первомъ свиданіи все забываетъ, платитъ долги его и не щадитъ хлопотъ, чтобы выводить его изъ затрудненій, въ которыя тотъ по своей винѣ безпрестанно попадаетъ.

Такое же сочувствіе внушаетъ намъ Пушкинъ постоянствомъ своей сердечной привязанности къ старой нянѣ, къ которой онъ такъ часто возвращается въ стихахъ своихъ, черты которой въ фантазіи его сливаются съ образомъ вдохновляющей его музы, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ, писанныхъ еще въ лицеѣ:

Наперсница волшебной старины,
. . . .
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Любящее сердце Пушкина просвѣчиваетъ и въ житейскихъ его отношеніяхъ и въ дружеской перепискѣ, даже въ добродушной шутливости ея. Въ его письмахъ къ Нащокину, относящихся къ счастливымъ годамъ его женитьбы, есть мѣста драгоцѣнныя по своей простотѣ и искренности. Такъ въ 1835 году, обрадованный полученіемъ длиннаго письма отъ московскаго друга своего, онъ ему отвѣчаетъ:

„Говорятъ, что несчастіе хорошая *школа*: можетъ быть. Но счастіе есть лучшій *университетъ*. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, *какова и моя*, какъ тебѣ извѣстно!" Вотъ какъ Пушкинъ понималъ самого себя, и мы не можемъ не признать этой оцѣнки вѣрною.

Одну изъ отличительныхъ чертъ его личности составляло благородство, замѣчаемое въ поведеніи его еще въ юности, которую онъ въ одномъ стихотвореніи не даромъ назвалъ гордою. Покойный Плетневъ, бывшій въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, свидѣтельствуетъ: „Въ жизни честь, можно сказать, рыцарская была основаніемъ его поступковъ, и онъ не отступалъ отъ своихъ

понятій о ней ни одного разу въ жизни, при всѣхъ искушеніяхъ и перемѣнахъ судьбы своей". Равнымъ образомъ и въ его поэзіи серьезная и безпристрастная критика никогда еще не могла отыскать слѣдовъ нравственнаго униженія.

Въ глубинѣ души его смолоду теплилось искреннее религіозное чувство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе, какъ либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ самимъ переданное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ убѣжденій: „Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ его". Извѣстнымъ стихамъ его:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

могутъ быть противопоставлены не только его же стансы, написанные въ отвѣтъ на укоръ митрополита Филарета, но и другіе гораздо менѣе распространенные и болѣе ранніе стихи его:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.
Ты чуждо мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Такое настроеніе сопровождалось въ душѣ Пушкина наклонностью къ суевѣрію и расположеніемъ объяснять самые простые житейскіе случаи таинственными причинами, что впрочемъ составляетъ естественную черту поэтическихъ, одаренныхъ богатою фантазіею натуръ. Извѣстно, напр., какое значеніе онъ придавалъ совпаденію нѣкоторыхъ событій его жизни съ днемъ праздника Вознесенія. (Мимоходомъ замѣтимъ, что его собственное показаніе о рожденіи своемъ въ этотъ день подтверждаетъ вѣрность факта, что онъ родился въ четвергъ 26 мая, число, на которое падалъ этотъ праздникъ въ 1799 г.). О сочувствіи Пушкина къ религіозности свидѣтельствуетъ между прочимъ статья его о Байронѣ, въ которой онъ старается оправдать британскаго поэта отъ упрековъ въ безвѣріи и замѣчаетъ, что можетъ-быть

скептицизмъ его былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго противъ внутренняго убѣжденія. Съ лѣтами религіозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ, поражавшія его своимъ поэтическимъ достоинствомъ, заучивались имъ наизусть; одна переложена была даже въ стихи.

Приходило къ концу второе десятилѣтіе самостоятельной жизни поэта со времени его выпуска изъ лицея. Нельзя безъ изумленія остановиться на томъ фактѣ, что все великое, совершенное Пушкинымъ въ литературѣ, есть плодъ только двухъ съ небольшимъ дѣсятилѣтій дѣятельности — отъ 1814 до начала 1837 года. Его нѣкогда столь веселая и шаловливая муза принимала все болѣе задумчивый характеръ. Ничто не выражаетъ этого перехода такъ наглядно, какъ двѣ первыя строфы стиховъ, приготовленныхъ имъ къ послѣдней при жизни его лицейской годовщинѣ, въ 1836 году.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ.
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Извѣстно, что Пушкинъ, при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, отъ волненія не могъ кончить ихъ, и пересѣвъ на диванъ, закрылъ лицо руками. Уже и за пять лѣтъ до того стихи, читанные имъ на лицейскомъ праздникѣ, отличались такимъ же оттѣнкомъ грусти: насчитавъ шесть опустѣвшихъ мѣстъ въ кругу своихъ товарищей, онъ задумчиво говорилъ:

И мнится, очередь за мною...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.

*

Давно уже его преслѣдовала мысль о смерти:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ...

Своею кончиною Пушкинъ вполнѣ искупилъ тѣ страстные порывы, тѣ заблужденія сердца и ума, которыя только въ глазахъ неумолимо-строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. Посреди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стоическомъ самообладаніи, и истинно-христіанскую кротость, и трогательную нѣжность семьянина. Побѣждая нестерпимую боль, онъ удерживался отъ стоновъ, чтобы не смущать жены, и говорилъ, что стыдно было бы дать пересилить себя такому вздору. Благодарность къ царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою, таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни; такъ разстался онъ съ этимъ міромъ, гдѣ пожиравшее его пламя было для него источникомъ и столькихъ наслажденій, гдѣ онъ оставилъ столь блестящій и неизгладимый слѣдъ своего существованія на радость грядущимъ поколѣніямъ. Біографъ Пушкина П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину „событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравстенной идеи".

Послѣ всего, что далъ Пушкинъ своему народу и человѣчеству, послѣ его труженической жизни, послѣ его мученической смерти у кого еще станетъ духу упрекать за ошибки юности эту почтенную тѣнь, являющуюся намъ въ двойномъ ореолѣ терпѣнія и страданія? Кто не благословитъ съ умиленіемъ память этого великаго писателя, навѣки связавшаго свое имя съ судьбами русскаго искусства?

VII.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ ЗАНЯТІЯ ПУШКИНА

ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ [1]).

Исторія Пугачевскаго бунта была издана Пушкинымъ въ концѣ 1834 года съ предисловіемъ, которое помѣчено: „2 ноября 1833 г. Село Болдино“ [2]).

Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ, что сверхъ официальныхъ документовъ, обнародованныхъ правительствомъ, и извѣстій иностранныхъ писателей, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Далѣе изъ этого же предисловія видно, что дѣло о Пугачевѣ осталось тогда не распечатаннымъ. Пушкинъ прямо упоминаетъ о томъ и изъявляетъ надежду, что будущему историку, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправить и дополнить его трудъ.

Какими же рукописями пользовался Пушкинъ? Въ своемъ возраженіи на критику Броневскаго, напечатанную въ *Сынъ Отечества*, онъ говоритъ: „я прочелъ со вниманіемъ все что́ было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и пр.“

Въ матеріалахъ для біографіи Пушкина, изданныхъ Анненковымъ (стр. 360), сказано, что онъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ архивомъ Инспекторскаго департамента и съ Московскимъ отдѣленіемъ его; что вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ главный Московскій архивъ министерстра иностранныхъ дѣлъ, которому посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 г., и что съ сокровищами Государственнаго архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова. Въ этихъ указаніяхъ не довольно точно обозначены эпохи и цѣли занятій Пушкина въ разныхъ архивахъ.

---

[1]) Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1862 года.

[2]) Объявленіе о продажѣ ея помѣщено въ фельетонѣ *Сѣверной Пчелы*, 29 декабря 1834 г., № 296. Цѣна книги была 20 р., а съ пересылкою 22 р. (ассигн.). Рукопись этого сочиненія, составляющая толстую листовую тетрадь, но только отчасти писанная самимъ Пушкинымъ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ. Предисловіе переписано рукой товарища Пушкина по лицею, М. Л. Яковлева. Между приложеніями подшиты печатные листы изъ книги: *Записки о жизни и службѣ Бибикова.*

Главными и почти единственными рукописными источниками при названномъ трудѣ служили ему документы, хранящіеся въ архивѣ Инспекторскаго департамента Военнаго министерства, частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Москвѣ [1]). Они состоятъ большею частію въ перепискѣ Военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ, касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильные матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ большею полнотою и точностію нежели послѣдняя половина, — періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсономъ, поимки самозванца, слѣдствія и суда надъ нимъ. Вотъ почему и изъ документовъ этой второй эпохи Пушкинъ не напечаталъ почти ничего въ приложеніяхъ къ своей книгѣ.

Въ возраженіяхъ на критику Броневскаго онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе приготовить второе, болѣе совершенное изданіе своего труда. „Я собирался“, сказано въ самомъ началѣ этой анти-критики, „при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности“... Вотъ почему уже вскорѣ послѣ напечатанія Исторіи Пугачевскаго бунта Пушкинъ, конечно побуждаемый критикою, сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія этой эпохи. Между прочимъ, зная объ участіи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему просмотрѣть записки, а можетъ-быть и другія бумаги покойнаго относящіяся къ пугачевщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ письма вдовы Державина Дарьи Алексѣевны къ К. М. Бороздину, отъ 28 іюля 1834 г., изъ села Званки: „Благодарю тебя, душа моя Константинъ Матвѣевичъ, за увѣдомленіе въ разсужденіи моей бумаги. И я твоихъ же мыслей — оставить оное до моего возвращенія, тѣмъ болѣе что оная бумага и переписана въ скорости быть не можетъ. И такъ скажи, душа моя, объ этомъ Леониду [2]), дабы онъ извинился передъ Пушкинымъ и сказалъ бы ему, что прежде моего пріѣзда удовлетворить его нельзя по причинѣ той, что оная бумага не одно пугачевское дѣло въ себѣ заключаетъ, слѣдственно посему надо прежде оную разсмотрѣть, а безъ себя оное мнѣ сдѣлать не возможно“. Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онѣ были въ рукахъ его.

---

[1]) Съ разрѣшенія бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, я имѣлъ въ рукахъ двѣ толстыя переплетенныя книги здѣшняго архива Инспекторскаго департамента, которыми пользовался Пушкинъ.

[2]) Леониду Николаевичу Львову, племяннику Державина по женѣ. Бороздинъ былъ женатъ на сестрѣ этого Львова, Прасковьѣ Николаевнѣ.

Счастливѣе былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найти доступъ къ актамъ Государственнаго архива. Здѣсь кстати прослѣдимъ весь ходъ дѣла по допущенію его къ разнымъ хранилищамъ этого рода.

23 іюля 1831 года графъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію, увѣдомилъ графа Нессельроде, чтобъ онъ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „извѣстнаго нашего поэта *титулярнаго совѣтника* Пушкина“ съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріалы для исторіи Петра I. Къ этому Бенкендорфъ присоединилъ свою просьбу назначить Пушкину жалованье.

Въ этой бумагѣ чинъ Пушкина означенъ былъ ошибочно. Въ запискѣ, представленной государю 12 января 1832 г., графъ Нессельроде, докладывая, что во исполненіе высочайшей воли *коллежскій секретарь* Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію и потомъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, испрашивалъ, благоугодно ли, чтобъ ему открыты были и всѣ секретныя бумаги, какъ-то: о первой супругѣ Петра, о царевичѣ Алексѣѣ, также дѣла бывшей тайной канцеляріи.

Государь рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, чтобы секретныя бумаги были открыты Пушкину не иначе какъ по назначенію графа Блудова [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы Пушкинъ прочтеніемъ дѣлъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ занимался въ коллегіи и ни подъ какимъ видомъ не бралъ вообще ввѣряемыхъ ему бумагъ къ себѣ на домъ. Объ этомъ Нессельроде увѣдомилъ графа Дмитрія Николаевича 15 января, черезъ три дня послѣ доклада.

Между тѣмъ Пушкинъ возымѣлъ мысль написать исторію Суворова, и въ началѣ 1833 г. возникаетъ, вслѣдствіе этого, переписка по военному министерству. 8 февраля того же года графъ А. И. Чернышевъ, вѣроятно по поводу личнаго объясненія, просилъ его „увѣдомить, какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить“ изъ этого министерства для сказанной цѣли. „Приношу вашему сіятельству“, отвѣчалъ Пушкинъ, „искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ главнаго штаба:

1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ.

2) Донесенія графа Суворова во время кампаніи 1794 г.

3) Донесенія его 1799 г.

4) Приказы его къ войскамъ.

„Буду ожидать отъ вашего сіятельства позволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами“. (Письмо ошибочно помѣчено 7-мъ февраля, вѣроятно вмѣсто 9-го).

Означенныхъ тутъ дѣлъ въ здѣшнемъ архивѣ Инспекторскаго де-

---

[1]) Съ 1832 года министра внутреннихъ дѣлъ, а передъ тѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія и пр.

партамента не оказалось, и потому о нихъ тотчасъ же написано въ московское отдѣленіе архива, а между тѣмъ къ Пушкину отправлены 25 февраля, при отношеніи военнаго министра въ третьемъ лицѣ [1]), отысканныя здѣсь три книги, изъ которыхъ двѣ уже обозначены мною выше, а третья содержитъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года.

Вскорѣ были присланы изъ Москвы донесенія Суворова во время компаній 1794, 99 и частью 1800-го, а также реляціи его за два послѣдніе года. 8 марта эти матеріалы были препровождены къ Пушкину опять при такой же бумагѣ Военнаго министра, съ увѣдомленіемъ, что приказовъ Суворова къ войскамъ и слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ не находится и въ московскомъ отдѣленіи архива.

Пушкинъ въ тотъ же день отвѣчалъ графу Чернышеву:

„Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства изъ московскаго отдѣленія Инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

„Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ Военную коллегію, такъ же какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть“ и проч.

Вслѣдствіе этого письма, были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, князя Голицына и Суворова за 1774 годъ; рапортовъ же Михельсона въ дѣлахъ Военнаго министерства не оказалось.

Бумаги, полученныя Пушкинымъ изъ этого вѣдомства и составлявшія двѣнадцать книгъ, оставались у него почти до конца 1835 г., то-есть еще годъ послѣ изданія сочиненія его о Пугачевскомъ бунтѣ. Въ сентябрѣ этого года дежурный генералъ Главнаго штаба, графъ П. А. Клейнмихель, потребовалъ ихъ обратно, такъ какъ въ нихъ

---

[1]) „Его благородію А. С. Пушкину. Военный министръ, препровождая при семъ къ А. С. Пушкину три книги“ и проч. Отпуски съ этого и другихъ отношеній къ Пушкину засвидѣтельствованы служившимъ тогда въ Военномъ министерствѣ М. Д. Деларю, также бывшимъ лицейскимъ воспитанникомъ и поэтомъ. Извѣстно, какъ онъ пострадалъ чрезъ нѣсколько времени за переводъ весьма невинныхъ стиховъ В. Гюго, напечатанный въ *Библ. для Чтенія*.

встрѣчалась по Инспекторскому департаменту надобность, Пушкину же онѣ, вѣроятно, болѣе не были нужны.

Пушкинъ въ то время находился въ Михайловскомъ. Пріѣхавъ оттуда, онъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, и 19 ноября написалъ къ генералу Клейнмихелю слѣдующее письмо:

„Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства графа Чернышева, возвращены мною въ Военное министерство.

„Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ Главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть“ и проч.

По приказанію генерала Клейнмихеля, въ архивѣ Инспекторскаго департамента наведена была справка объ упомянутой Пушкинымъ книгѣ; но оказалось, что тамъ ея нѣтъ, и что она находится въ архивѣ Генеральнаго штаба (собственно Военно-топографическаго депо). Генералъ Клейнмихель коротко отвѣчалъ Пушкину 29 января[1]) 1836 года, что книги, которой онъ проситъ, „ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ Инспекторскаго департамента нѣтъ“. Такимъ образомъ Пушкинъ, адресовавшись не туда, куда слѣдовало, не ознакомился съ книгой, которая дѣйствительно находится въ архивѣ Военно-топографическаго депо [2]), и этимъ кончилась переписка его съ военнымъ министерствомъ.

Переписка о дозволеніи пользоваться Государственнымъ архивомъ для исторіи Пугачевскаго бунта началась не прежде 1835 года, то-есть уже послѣ изданія книги объ этой эпохѣ. 2 февраля графъ Бенкендорфъ сообщилъ Д. В. Дашкову, какъ министру юстиціи, высочайшее повелѣніе о допущеніи камеръ-юнкера Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ него выписки.

Въ то время существовала временная комиссія для разбора дѣлъ сенатскаго архива, и такъ какъ на основаніи правилъ, данныхъ въ руководство этой комиссіи, пугачевское дѣло, какъ секретное, подлежало передачѣ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Дашковъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, какъ

---

[1]) Роковой день кончины Пушкина въ слѣдующемъ году.

[2]) См. статью мою: „*Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта*“ во 2-й кн. *Записокъ Академіи Наукъ* 1862 года.

ему поступить относительно Пушкина. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ восьми запечатанныхъ пакетахъ передать въ Государственный архивъ, и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить графа Нессельроде, которому Дашковъ и сообщилъ объ этомъ 21 февраля.

Затѣмъ, конечно по соглашенію между обоими министерствами, дѣло о Пугачевѣ изъ сената доставлено было прямо къ Пушкину. Распечатавъ восемъ связокъ, въ которыхъ оно заключалось, онъ не нашелъ въ нихъ главнѣйшаго, по его словамъ, документа, — допроса, снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Поэтому Пушкинъ, письмомъ 28 августа того же года, просилъ завѣдывавшаго тогда Государственнымъ архивомъ Василія Алексѣевича Полѣнова, снестись о томъ съ начальникомъ архива Московскаго, А. Ѳ. Малиновскимъ, которому де вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей документъ.

Желаніе Пушкина было исполнено, хотя и не скоро. 20 сентября К. К. Родофиникинъ писалъ къ Малиновскому по этому предмету. Малиновскій отвѣчалъ, что въ Московскій архивъ никакихъ офиціальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не поступало, но что въ архивской библіотекѣ находятся собранные приватно его предмѣстниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы: изъ портфеля Миллера шесть такихъ тетрадей, и томъ in-folio разныхъ бумагъ, внесенный въ архивъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 году. Эти матеріалы были препровождены въ здѣшній Государственный архивъ, и конечно сообщены Пушкину.

По смерти его, графъ Бенкендорфъ, отношеніемъ 6 февраля 1837 г., просилъ графа Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ изъ разныхъ архивовъ, которыя были выданы Пушкину чрезъ министра Иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде отвѣчалъ, что Пушкинъ занимался бумагами архивовъ въ самомъ домѣ министерства, для чего отведена была особая комната, и возвращалъ дѣла по мѣрѣ ихъ прочитыванія; не возвращенною же осталась только рукопись сочиненія Корба, которую графъ и просилъ доставить. За болѣзнію Бенкендорфа, Дубельтъ увѣдомилъ 24 марта, что между книгами и бумагами покойнаго поэта рукопись Корба не оказалась, и что онъ просилъ Жуковскаго возвратить эту рукопись, если она впослѣдствіи отыщется.

Изъ всѣхъ этихъ сношеній видно, какъ серіозно нашъ геніальный писатель смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, и какъ дѣятельно заботился объ усовершенствованіи его. Но, начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности передѣлать свою книгу; это видно изъ словъ той же антикритики, напечатанной въ 3-мъ томѣ *Современника* 1836 гада. Пушкинъ тутъ говоритъ, что онъ рѣшился отвѣчать Броневскому, „тѣмъ болѣе что *Исторія Пугачевскаго бунта*, не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, *вѣроятно* не будетъ имѣть и второго

изданія". Можно однакожъ полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель какъ Пушкинъ рано или поздно возвратился бы къ своему труду, если бы тому не помѣшала ранняя смерть его; но какъ бы ни было, *Исторія Пугачевскаго бунта* осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнить какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполнѣ пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ большею подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ, имъ самимъ напечатанныхъ, остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу.

По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтѣ Броневскому), онъ посвятилъ два года, то-есть 1833 и 1834, на составленіе *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Принимая въ расчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно, первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 страницъ довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на что указываетъ и предисловіе, помѣченное 2-мъ ноября этого года. Въ 1834 же происходило напечатаніе какъ этого тома, такъ и второго, содержащаго одни приложенія.

Я уже сказалъ, что въ этихъ приложеніяхъ заключаются почти одни извлеченія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента. О какихъ же 18 толстыхъ томахъ in-folio Пушкинъ въ отвѣтѣ Броневскому говоритъ, что прочелъ ихъ со вниманіемъ? Не надо забывать, что этотъ отвѣтъ писанъ былъ уже спустя по крайней мѣрѣ полтора года послѣ появленія *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Пушкинъ говоритъ тутъ не объ однихъ бумагахъ, прочитанныхъ до напечатанія этого труда, но и о тѣхъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ уже послѣ, когда задумывалъ второе изданіе книги. Подъ этими 18 томами слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, 2 тома изъ петербургскаго архива Инспекторскаго департамента, и 8 книгъ изъ московскаго отдѣленія этого архива; во-вторыхъ, 8 связокъ, впослѣдствіи доставленныхъ Пушкину изъ сената и имъ распечатанныхъ.

Изъ словъ самого Пушкина въ его антикритикѣ, видно, что онъ придавалъ особенную цѣну второму тому своей книги. „Взглянувъ, говоритъ онъ, на приложеніе къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, составляющій весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародован-

ныхъ [1])... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго пріема, конечно, не за самую *Исторію Пугачевскаго бунта*, но за историческія сокровища къ ней приложенныя". Сверхъ этихъ документовъ Пушкинъ приложилъ къ своему труду портретъ Пугачева, карту, именной указатель и нѣсколько fac-simile.

VIII.

ЗАМѢТКА О ПЕРЕПИСКѢ ПУШКИНА СЪ ПЛЕТНЕВЫМЪ [2]).

Всѣ письма Плетнева къ Пушкину отличаются однимъ общимъ характеромъ: это письма друга, который, не жалѣя ни трудовъ, ни времени, съ полнымъ самоотверженіемъ беретъ на себя всѣ матеріальныя заботы и хлопоты по печатанію и распространенію сочиненій великаго поэта, вполнѣ имъ понимаемаго и цѣнимаго. Сношенія съ Плетневымъ, начиная съ конца 1824 года, имѣли для Пушкина не одно нравственное и литературное, но столько же и практическое значеніе, чѣмъ и отличались они отъ сношеній его съ другими литераторами. Плетневъ былъ, такъ сказать, воспріемникомъ большей части его произведеній, велъ за него дѣла и счеты съ типографіями и книгопродавцами, и пересылалъ Пушкину, или, по желанію его, хранилъ у себя вырученныя деньги. Такъ, напечатавъ первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина по рукописи, доставленной его братомъ, и отправивъ къ нему нѣсколько экземпляровъ ихъ, Плетневъ въ январѣ 1826 года спрашиваетъ его: „Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомь) пять экземпляровъ твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется, кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?" Такъ Пушкинъ совѣтовался съ Плетневымъ и о 2-мъ изданіи своихъ стихотвореній.

---

[1]) Дополненія къ нимъ, собранныя мною изъ разныхъ архивовъ, напечатаны въ *Запискахъ Академіи Наукъ*. Изъ свѣдѣній, представленныхъ здѣсь, объясняются, между прочимъ, и слова, до сихъ поръ мало понятныя, въ предисловіи къ книгѣ Пушкина: „Сей историческій отрывокъ составляетъ часть труда, мною оставленнаго". Этимъ трудомъ была, какъ мы видѣли, задуманная поэтомъ *Исторія Суворова*.

[2]) Извлеченіе изъ статьи, напечатанной въ *Вѣстникѣ Европы* 1881 года.

Въ письмѣ отъ 21 января 1826 года, въ которомъ онъ увѣдомляетъ поэта о ссудѣ 2000 руб. Дельвигу, онъ спрашиваетъ: „Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой-нибудь натуры, или приступить къ какому-нибудь новому изданію?“ Пушкинъ отвѣчаетъ: „Деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны“. Письмо это относится къ марту или началу апрѣля 1826 года.

Изъ приведеннаго отрывка уже видно, какъ много свѣдѣній эта переписка заключаетъ въ себѣ для исторіи внѣшней стороны творчества Пушкина. Кромѣ того, Плетневъ побуждалъ его къ дѣятельности, напоминалъ ему, что́ въ данную минуту было всего нужнѣе для его славы и матеріальной пользы, предлагалъ ему планы выгодныхъ сдѣлокъ, наконецъ, былъ посредникомъ въ важномъ дѣлѣ снятія съ него опалы. Вотъ нѣсколько примѣровъ всему этому. Въ августѣ 1825 года Плетневъ пишетъ: „Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію“... „Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, какъ и твоей славѣ. Желаешь ли ты получить денегъ тысячъ до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ, съ начала сентября до конца декабря? Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство“. Прося затѣмъ о присылкѣ 2-й и 3-й главъ *Онѣгина*, исправленнаго списка мелкихъ стихотвореній и 5-ти поэмъ, Плетневъ продолжаетъ: „Если это все ты въ состояніи сдѣлать, то (я отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копейки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ къ 1-му января 1826 года (какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ къ этому одному сроку) не менѣе 50,000 рублей. Въ этомъ

„Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то“ [1]).

Собираясь печатать мелкія стихотворенія Пушкина, Плетневъ 26 сентября 1825 г. посылаетъ ему списокъ ихъ въ порядкѣ, опредѣленномъ Жуковскимъ, проситъ пересмотрѣть его и говоритъ: „Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, чтобы ты выставилъ годы противъ каждой ужъ пьесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя“... „Мы много ставили годовъ *на обумъ:* все поправь что нужно. Тебѣ ужъ надобно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человѣкъ премелочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности... Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный своею долж-

---

[1]) Изъ оды „Богъ“, Державина.

ностью". Вотъ еще отрывокъ изъ письма отъ 21 января 1826 года: „Умоляю тебя, напечатай одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя нѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жаръ. Ужъ я и то боюсь: стращаютъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол. звѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!"

Въ этомъ же письмѣ Плетневъ въ первый разъ касается вопроса о разрѣшеніи Пушкину пріѣхать въ Петербургъ, чтобы посовѣтоваться съ докторами. Именно, онъ такъ кончаетъ: „Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь; не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ разсужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковскаго. Они очень могутъ тебѣ быть полезными при твоемъ *аневризмѣ*. Съ такой болѣзнію шутить не надобно". Какъ Пушкинъ самъ смотрѣлъ тогда на предстоявшее ему освобожденіе, котораго нетерпѣливо ожидалъ, видно изъ одного письма его къ Плетневу; но для уясненія этого письма, приведу напередъ отрывокъ изъ тѣхъ, на которыя оно служило отвѣтомъ:

„Мнѣ Карамзины поручили", писалъ Плетневъ 21-го января 1826 г., „очень благодарить тебя за подарокъ изъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты велишь. Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же проситъ. Сдѣлай милость, напиши имъ всѣмъ по письмецу".

Затѣмъ, получивъ отъ Пушкина неисправный списокъ чего-то, вѣроятно *Цыгановъ*, и посылая ему тысячу рублей, Плетневъ 6-го февраля 1826 года, между прочимъ, пишетъ: „Ты отказываешься прислать Годунова затѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дня на три къ себѣ какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возьмется переписывать тебѣ.

„Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужъ великій постъ. Это послѣднее время. Послѣ святой недѣли книжная торговля прекращается. Опять принужденъ будешь ждать зимы. Ужели ты въ нынѣшнюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ [*Стих. Ал. Пуш.*? Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Ужели не допрошусь я?... Карамзинъ боленъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ... Гнѣдичъ также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца Иліады".

Отвѣтное письмо Пушкина носитъ помѣту 3-го марта, безъ означенія года, но на наружной сторонѣ его, на штемпелѣ опочецкой почтовой конторы, означено 4-е марта 1826. Письмо это, вѣроятно, не дошло до Плетнева, такъ какъ его нѣтъ между сбереженными имъ

письмами нашего поэта: оно было доставлено владѣльцемъ подлинника, г. Мавроди, въ альманахъ *Русская Правда*, изданный на 1860 годъ въ Кіевѣ (стр. 65). Оно начинается словами: „Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты, и т. д.

Съ апрѣля 1830 года начинается рядъ писемъ Пушкина въ бумагахъ, оставшихся послѣ Плетнева: именно, тутъ ихъ двадцать: первое писано изъ Москвы, когда Пушкинъ былъ помолвленъ и получилъ разрѣшеніе печатать *Бориса Годунова*, а послѣднее относится къ осени 1835 года, какъ можно заключать по его содержанію. Вверху 1-й страницы рукой Плетнева надписано: *Михайловское*, а изъ біографіи поэта (Анн. I, 392) извѣстно, что онъ съ 26-го августа означеннаго года, дѣйствительно, взялъ отпускъ въ свою псковскую деревню. Изъ этого письма видно, что тогда мысль объ изданіи журнала у Пушкина еще окончательно не созрѣла: онъ затѣвалъ альманахъ, въ которомъ думалъ помѣстить свое „Путешествіе въ Арзрумъ" и повѣсть Гоголя „Коляска", два произведенія, вскорѣ послѣ того и появившіяся въ 1-мъ томѣ *Современника*.

Въ этомъ письмѣ, относительно Плетнева, особенно замѣчательно выраженіе: „Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось", выраженіе, показывающее, какъ Пушкинъ сознавалъ все, чѣмъ былъ обязанъ Плетневу. Извѣстное посвященіе, появившееся передъ 4-ю главою Евгенія Онѣгина (въ 1828 г.), было внушено столько же благодарностію, сколько и уваженіемъ къ душевнымъ свойствамъ Плетнева.

Кажется, постоянная и оживленная переписка между ними началась только въ концѣ 1824 года [1]), когда Пушкинъ, напечатавъ поэму „Бахчисарайскій фонтанъ" въ Москвѣ при посредствѣ князя Вяземскаго, рѣшился издать первую главу „Онѣгина" въ Петербургѣ, и 29-го ноября 1824 писалъ къ своему великосвѣтскому пріятелю: „Братъ увезъ Онѣгина въ Пб. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ *(т.-е. Вяземскомъ)* теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія". Вскорѣ послѣ того, въ концѣ января или въ началѣ февраля слѣдующаго года, Пушкинъ пишетъ къ Вяземскому: „Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ". Сохранившаяся подлинная переписка Плетнева съ Пушкинымъ открывается извѣстіемъ, что „первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2,400 экземпляровъ". Письмо,

---

[1]) Въ изданіи лит. фонда напечатаны, по черновымъ автографамъ, два неизвѣстныя до сихъ поръ письма Пушкина къ Плетневу, писанныя, одно въ 1822 году изъ Кишинева (№ 33), а другое въ 1824 — изъ Михайловскаго (№ 74).

откуда взяты эти слова, помѣчено: „22 января 1825“, и тутъ же впослѣдствіи рукою Плетнева приписано: „Первое изъ всѣхъ возвращенныхъ мнѣ“. Значитъ, это собраніе писемъ Плетнева было возвращено ему послѣ смерти поэта при разборѣ его бумагъ. По смыслу приведенной надписи ясно, что были и болѣе раннія письма Плетнева къ Пушкину, но они, по крайней мѣрѣ въ окончательномъ видѣ, не сохранились.

Писалъ ли Пушкинъ къ Плетневу изъ Одессы, остается подъ сомнѣніемъ. Что кромѣ извѣстныхъ уже писемъ къ Плетневу изъ Михайловскаго послѣ того, какъ Пушкинъ переселился туда съ юга, посылались къ тому же лицу и другія, это доказываетъ, между прочимъ, переписка поэта со Львомъ Сергѣевичемъ, въ которой онъ то упоминаетъ объ отправленныхъ уже къ Плетневу письмахъ, то выражаетъ намѣреніе писать ему, но куда дѣвались эти письма, неизвѣстно.

Въ письмахъ Плетнева часто идетъ рѣчь о Дельвигѣ, и мы почерпаемъ изъ нихъ, между прочимъ, болѣе точное свѣдѣніе о времени, когда Дельвигъ въ 1825 году посѣтилъ Михайловское. Въ примѣчаніи къ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ, напечатанной въ *Р. Архивѣ* 1874 года, посѣщеніе это отнесено къ лѣту. Въ извѣстныхъ статьяхъ о Дельвигѣ (*Соврем.* 1854, № 9) г. Гаевскій ближе подходитъ къ истинѣ, относя эту поѣздку къ веснѣ. Изъ писемъ ко Льву Сергѣевичу видно, что еще въ ноябрѣ 1824 года Дельвигъ собирался ѣхать. „Торопи Дельвига“, говорится въ письмѣ, сданномъ на почту 8-го декабря. Послѣ того, въ началѣ 1825, Пушкинъ ждетъ Дельвига вмѣстѣ съ Баратынскимъ и потомъ безпрестанно спрашиваетъ брата о Дельвигѣ. 14-го марта онъ пишетъ: „Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига“. Въ великую пятницу и потомъ 17-го апрѣля: „Дельвига нѣтъ еще!“ Наконецъ, во второй половинѣ апрѣля сказано: „Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду“ (*Библ. Зап.* 1858, стр. 102 и 110) [1]). Изъ писемъ Плетнева мы узнаемъ, что Дельвигъ сперва, въ февралѣ, былъ задержанъ въ Петербургѣ пріѣздомъ къ нему отца, но что въ началѣ марта его уже тамъ не было и что онъ намѣревался, побывавъ прежде всего въ Михайловскомъ, съѣздить въ Бѣлоруссію, а на обратномъ пути опять остановиться въ деревнѣ своего товарища. 3-го марта Плетневъ писалъ: „Думаю, что вѣщунъ Д. возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, чтобъ мое письмо его тамъ застало. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего.

---

[1]) Это письмо — безъ помѣты, но въ письмѣ къ князю Вяземскому, гдѣ сказано: „*Дельвигъ у меня*“ и гдѣ также число не означено, помѣщена *Элегія на смерть Анны Львовны* (*Р. Арх.* 1874, стр. 152), отнесенная въ послѣднемъ исаковскомъ изданіи сочиненій Пушкина (1880 г.) ко времени 22около -го апрѣля.

Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ Д... Скажи Д., что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія — и съ новымъ вдохновеніемъ". Изъ всего этого можно заключить, что Дельвигъ былъ въ Михайловскомъ никакъ не позже 20-хъ чиселъ апрѣля мѣсяца.

IX.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОДЪ, ИМѢНІЕ ГОНЧАРОВЫХЪ.

(Письмо В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту отъ 17-го мая 1880 года [1]).

Вы желали, чтобы я сообщилъ вамъ то, что мнѣ извѣстно о посѣщенномъ мною (29-го и 30-го марта) селѣ „Полотняномъ Заводѣ" (имѣніи Гончаровыхъ) *по отношенію къ жизни А. С. Пушкина.*

Обязанный посѣтить *Полотняный заводъ* [2]), какъ весьма примѣчательное для моихъ экономическихъ изслѣдованій поселеніе въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи (около 14 верстъ отъ станціи Троицкой по Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ), я совершенно случайно, передъ предстоявшимъ торжественнымъ чествованіемъ великаго нашего поэта, нашелъ здѣсь источники свѣдѣній, какъ мнѣ кажется, весьма драгоцѣнные для его біографіи.

Разработкою и даже ближайшимъ изученіемъ этихъ источниковъ я не могъ заняться во время очень краткаго моего пребыванія въ Полотняномъ заводѣ, гдѣ я долженъ былъ, согласно спеціальной задачѣ моего путешествія по Россіи, собрать свѣдѣнія совсѣмъ другого рода и откуда я долженъ былъ спѣшить въ другія сосѣднія средоточія промышленности.

Жители Полотнянаго Завода, нынѣ крестьяне собственники, издавна занимаются разными кустарными (домашними) и отхожими (главнѣйше овчиннымъ) промыслами [3]), и это село также издавна служитъ, тор-

---

[1]) Было напечатано въ журналѣ *Русская Мысль* 1881 года.

[2]) Это мѣсто, — обширное торговое и промышленное село, похожее на городъ, — носитъ названіе „Полотнянаго Завода" потому, что тутъ когда-то былъ такой заводъ, котораго нынѣ нѣтъ и слѣдовъ. *В. Б.*

[3]) См. объ этихъ промыслахъ и вообще объ экономическомъ значеніи Полотнянаго Завода прекрасную статью С. Я. Тимоховича, напечатанную въ *Трудахъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи.* С.-Петербургъ, 1879 года (изданіе Министерства Финансовъ). *В. Б.*

говою своею дѣятельностью и базарами, на которые еженедѣльно стекается много народа, значительнымъ торговымъ центромъ на довольно большомъ районѣ. Мѣстоположеніе Полотнянаго Завода — на берегу рѣки — прелестное и весьма вдохновительное для поэта.

Главный владѣлецъ Полотнянаго Завода — *Дмитрій Дмитріевичъ Гончаровъ — родной племянникъ жены А. С. Пушкина;* ему принадлежатъ здѣсь, кромѣ разныхъ земель и угодій, писчебумажная фабрика, существующая здѣсь съ 1718 года, помѣщичья усадьба съ великолѣпнымъ стариннымъ господскимъ домомъ (на самомъ берегу рѣки). Кромѣ г. Гончарова, есть въ этомъ имѣніи другой помѣщикъ, г. Ершовъ, владѣющій здѣсь также небольшою усадьбою и домомъ, но живущій постоянно въ Москвѣ. Крестьяне имѣютъ только усадебную осѣдлость, т. е. домá съ тѣсными дворами, и были, какъ фабричные посессіонные люди, освобождены безъ земельнаго надѣла. Сверхъ этихъ дворовъ, вся земля принадлежитъ г. Гончарову.

Пушкинъ находился или, по крайней мѣрѣ, считался въ родствѣ съ Гончаровыми, предокъ которыхъ, *Аѳанасій Гончаровъ* [1]), основатель писчебумажной фабрики, посадскій (купецъ или мѣщанинъ?) города Калуги, былъ въ близкомъ родствѣ съ Ганнибаломъ, арапомъ Петра Великаго. Въ исторіи Голикова упоминается объ основаніи Гончаровымъ писчебумажной фабрики въ Полотняномъ Заводѣ, при покровительствѣ и, можетъ быть, денежныхъ пособіяхъ со стороны Петра Великаго [2]). Писчебумажная фабрика Гончаровыхъ была однимъ изъ тѣхъ промышленныхъ насажденій, которыми былъ такъ много озабоченъ императоръ. Его покровительство Аѳанасію Гончарову, очевидно, происходило отъ содѣйствія Ганнибала промышленнымъ предпріятіямъ своего родственника. Послѣ (или раньше?) устройства фабрики, Гончаровы, прикупивъ здѣсь земли, стали селить на ней бѣглыхъ людей, какъ это дѣлалось многими землевладѣльцами въ тѣ времена. Впослѣдствіи, такихъ людей собралось въ имѣніяхъ Гончаровыхъ до 12,000 душъ, которыя и были закрѣплены за ними на посессіонномъ правѣ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ этомъ закрѣпленіи заключалось главное изъ оказанныхъ правительствомъ пособій, за которыми владѣльцы фабрики, остававшейся непрерывно въ родѣ Гончаровыхъ съ 1718 года до сихъ поръ, неоднократно въ прежнее время обращались, подобно многимъ нашимъ фабрикантамъ.

Изъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній о Полотняномъ Заводѣ и

---

[1]) Фабрика была устроена Гончаровымъ совмѣстно съ богатымъ сосѣднимъ землевладѣльцемъ Щепочкинымъ. Впослѣдствіи она вся перешла въ собственность Гончаровыхъ. *В. Б.*

[2]) Кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лично Д. Д. Гончаровымъ, см. объ этомъ книгу *Карновича* „Замѣчательныя богатства Россіи". *В. Б.*

его писчебумажной фабрикѣ, я считаю нужнымъ сообщить здѣсь только то, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Пушкину.

Пушкинъ часто и много живалъ здѣсь у Гончаровыхъ, какъ до своей женитьбы, такъ и послѣ нея. Это мѣсто полно преданій о немъ. Всѣ крестьяне знаютъ объ немъ и говорятъ. Самые старые изъ нихъ помнятъ его лично, по своимъ воспоминаніямъ. Въ семейномъ архивѣ Гончаровыхъ, сохраняемомъ въ большомъ порядкѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ, находятся *десять писемъ Пушкина*, которыя были имъ адресованы къ дѣду его жены въ 1830 и 1831 годахъ (до и послѣ брака) и которыя я внимательно прочиталъ. Эти письма, весьма пространныя, весьма четко написанныя, очень интересны во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности для характеристики Пушкина и его общественныхъ отношеній.

Между этими письмами находится и то, въ которомъ Пушкинъ формально просилъ руки своей жены у ея дѣда, занимавшаго, вслѣдствіе душевной болѣзни ея отца, мѣсто полновластнаго главы семейства. При жизни этого дѣда, имя и отчество котораго я забылъ записать, огромное состояніе Гончаровыхъ всего болѣе возросло, но также и подвергнулось отъ его безразсудныхъ расходовъ наибольшему разстройству. Вся упомянутая переписка съ нимъ Пушкина вращается главнѣйше около оказанія денежной субсидіи фабрикѣ отъ казны; ходатайство объ этомъ дѣлѣ поручено Гончаровымъ Пушкину, во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Судя по письмамъ, Пушкинъ относившійся къ Гончарову, какъ къ человѣку, въ рукахъ котораго, по неоднократному выраженію поэта, „вся его судьба" (т. е. согласіе на бракъ, долго ему не дававшееся), съ необыкновеннымъ „высокопочитаніемъ", всячески заискиваетъ въ этомъ человѣкѣ и старается быть всячески ему пріятнымъ. Поэтому онъ не отказывается хлопотать о субсидіи, входитъ объ этомъ въ сношенія съ разными высокопоставленными лицами, но при этомъ оговаривается, на случай неуспѣха, указывая на трудность дѣла, зависящаго отъ милости государя и ходатайства гр. Канкрина, и на недостаточно сильное свое общественное положеніе, въ особенности въ кругу высокопоставленныхъ лицъ. Въ разсказахъ поэта обо всемъ этомъ много любопытнаго, какъ для характеристики его самого, такъ и того времени; между прочимъ, меня поразило, съ какою удивительною прозаическою и чисто дѣловою отчетливостью и тщательностью онъ говоритъ о денежныхъ дѣлахъ. Послѣ женитьбы Пушкина Гончаровъ-дѣдъ былъ затрудненъ выдачею приданаго внучкѣ; Пушкинъ, какъ видно и изъ писемъ, находившійся самъ въ денежныхъ затрудненіяхъ, успокоиваетъ дѣда насчетъ приданаго, говоря, что кромѣ любви жены и счастья съ нею, ему ничего больше въ жизни не нужно. Во всѣхъ письмахъ ярко высказывается страстная привязанность Пушкина къ своей женѣ. Въ

каждомъ письмѣ до брака есть приписка, въ которой напоминается дѣду о томъ, что въ его рукахъ вся будущая судьба поэта. Въ первомъ письмѣ, вслѣдъ за бракомъ, въ которомъ есть и приписка Натальи Николаевны Пушкиной, объясняется блаженное состояніе его духа.

Какъ мнѣ было сказано Д. Д. Гончаровымъ, жена Пушкина (при жизни дѣда или также послѣ?) не получила никакого другого приданаго, кромѣ бронзоваго памятника, воздвигнутаго Гончаровыми въ с. Полотняномъ Заводѣ въ честь посѣщенія его въ 1775 году императрицею Екатериною Великою [1]). Объ этомъ памятникѣ упоминается и въ читанныхъ мною письмахъ Пушкина къ А. Гончарову. Пушкинъ продалъ памятникъ въ казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетномъ дворѣ. Объ этомъ памятникѣ есть особая обширная переписка (цѣлая кипа связанныхъ бумагъ); ее мнѣ показывали, но, по недостатку времени, я съ ней не ознакомился. Кромѣ означенныхъ выше писемъ, я читалъ въ альбомѣ стихи Пушкина къ своей невѣстѣ и ея отвѣтъ, также въ стихахъ. По содержанію, весь этотъ разговоръ въ альбомѣ имѣетъ характеръ взаимнаго объясненія въ любви.

По преданію, въ саду господскаго дома была *пушкинская бесѣдка*, такъ называвшаяся еще при жизни Пушкина, какъ любимое его мѣсто. Эта бесѣдка, какъ говорятъ, была исписана его стихами; она исчезла не такъ давно.

Не такъ далеко отъ главнаго господскаго дома стоитъ на берегу рѣки *деревянный флигель*, слывущій до сихъ поръ въ народѣ подъ названіемъ *дома Пушкина*. Въ немъ поэтъ постоянно живалъ послѣ своего брака, пріѣзжая гостить къ Гончаровымъ. Внутреннія стѣны этого строенія, имѣющаго видъ маленькаго помѣщичьяго дома и довольно внимательно мною осмотрѣннаго, были исписаны Пушкинымъ; теперь отъ этого не осталось никакого слѣда, такъ же какъ и отъ всей здѣшней жизни Пушкина. Въ этомъ домѣ, къ глубокому огорченію всякаго, кто чтитъ память поэта, помѣщается нынѣ крестьянскій трактиръ, т. е. питейный домъ, сдаваемый помѣщикомъ въ аренду; должно упомянуть, что эта сдача началась гораздо ранѣе перехода имѣнія въ собственность нынѣшняго ея владѣльца, который самъ, какъ онъ мнѣ это говорилъ, скорбитъ о такомъ святотатствѣ. Вслѣдствіе людности Полотнянаго Завода, въ этомъ питейномъ заведеніи стоитъ непрерывный пьяный разгулъ крестьянской толпы, въ особенности въ базарные дни; всѣ посѣтители его знаютъ историческое значеніе этого мѣста,

---

[1]) Объ этомъ посѣщеніи въ одномъ изъ путешествій Екатерины сохранилось не мало воспоминаній въ домѣ и семейномъ архивѣ Гончаровыхъ. Между прочимъ сохраняется кресло, на которомъ она сидѣла, остановившись въ ихъ домѣ.

В. Б.

и я самъ отъ нихъ объ этомъ слышалъ. Молодецъ, бойко разливающій чай и водку за прилавкомъ, отвѣчаетъ всякому вопрошающему: „да-съ, тутъ жилъ Пушкинъ".

Еще печальнѣе, что подлѣ этого дома была прежде и не существуетъ теперь пристройка, нарочно сдѣланная для Пушкина, когда семейство его разрослось; въ ней жили его дѣти. Эта пристройка перенесена на другое мѣсто, и въ ней также устроенъ кабакъ, сдаваемый на аренду. Оба заведенія, совокупно еще съ третьимъ кабакомъ, даютъ значительный доходъ помѣщику (кажется, 2,000 руб.).

Къ сожалѣнію, только послѣ моего отъѣзда изъ Полотнянаго Завода, я слышалъ, что въ другомъ господскомъ домѣ Ершовыхъ, нынѣ запертомъ, есть также много воспоминаній о Пушкинѣ и сохранились даже стихи, написанные имъ на стѣнахъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Полотняномъ Заводѣ *по отношенію къ Пушкину.*

Въ заключеніе я долженъ присовокупить ко всему этому мое убѣжденіе, что необходимо *безотлагательное* и тщательное мѣстное изслѣдованіе въ Полотняномъ Заводѣ, безъ котораго мнѣ представляются даже немыслимыми никакіе новые труды по біографіи великаго нашего поэта. Безотлагательность такого изслѣдованія тѣмъ болѣе настоятельна, что устныя преданія и личныя воспоминанія жителей-стариковъ могутъ въ скоромъ времени навсегда погибнуть. Сверхъ того, такое изслѣдованіе теперь весьма незатруднительно вслѣдствіе просвѣщеннаго гостепріимства и радушія нынѣшняго владѣльца Д. Д. Гончарова и его супруги; содѣйствіе ея (Ольги Карловны Гончаровой, урожденной Шлиппе) особенно нужно потому, что мужъ ея находится въ тяжкомъ болѣзненномъ состояніи. Оба они [1]) заявили мнѣ, что готовы оказать всякую личную свою помощь изслѣдователю и поставить въ его распоряженіе свои матеріалы.

Поѣздка въ Полотняный Заводъ очень легка и посѣщеніе его, вслѣдствіе радушія хозяевъ, весьма пріятно [2]).

---

[1]) Адресъ ихъ: станція Троицкая, на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ (Медынскаго у., Калужской губ.). *с. Полотняный заводъ.* *В. Б.*

[2]) Въ изданномъ П. И. Бартеневымъ собраніи относящихся къ Пушкину документовъ (*А. С. Пушкинъ*, I. Бумаги А. С. Пушкина, М. 1881) помѣщено между прочимъ девять писемъ поэта къ Гончаровымъ, полученныхъ издателемъ изъ Полотнянаго Завода. Они перепечатаны и въ изданномъ литературнымъ фондомъ собраніи сочиненій Пушкина. *Я. Г.*

X.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИБАЛОВЪ.

Въ бумагахъ Плетнева нашелся, между прочимъ, писанный его рукою полный списокъ *Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ*. Онъ ничѣмъ не отличается отъ извѣстнаго текста этой записки, но послѣ заключительныхъ словъ ея: „Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ“ слѣдуютъ двѣ замѣтки подъ заглавіемъ: „Дополненія или подробн. (ѣйшій?) текстъ“, которыхъ я не могъ отыскать въ изданіяхъ сочиненій Пушкина, и потому печатаю ихъ здѣсь: онѣ списаны, очевидно, съ того же оригинала, какъ и самый текстъ названной записки.

„1) Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала. Сей владѣлецъ былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкихъ правъ, вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганнибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы — и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганнибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

„Петръ имѣлъ горесть видѣть, что подданные его упорствовали къ просвѣщенію (sic), желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику,

чтобы онъ прислалъ ему арапченка съ хорошими способностями. Сей (заодно съ визиремъ) съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганнибала, другого арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ расположеніе дѣтей, — Ганнибала, какъ живого, смѣлаго, назначилъ въ военную службу. Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго, въ статскую, и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

„2) Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ майоромъ. Тамъ онъ женился на дочери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ Альбедиль, и, вышедъ въ отставку, купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею".

XI.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

Въ издававшейся въ 1881 году М. М. Стасюлевичемъ газетѣ *Порядокъ* (№ 11) покойный П. В. Анненковъ сообщилъ изъ бумагъ Пушкина былину о Стенькѣ Разинѣ, которую принялъ за мастерское художественное произведеніе нашего поэта.

Вслѣдъ за тѣмъ П. Д. Голохвастовъ, въ № 11 газеты *Русь*, сопоставляя эту былину съ извѣстными уже ранѣе многочисленными версіями ея, указалъ, что въ ней нѣтъ ничего пушкинскаго и ничего новаго, что она представляетъ просто одинъ изъ хорошихъ варіантовъ народнаго сказанія о Разинѣ. Въ концѣ своей замѣтки г. Голохвастовъ распространился о трудности опредѣлить, гдѣ именно могла быть записана эта былина.

По поводу послѣдняго замѣчанія мною была помѣщена въ № 13 газеты *Русь* небольшая статья слѣдующаго содержанія:

Относительно мѣста, гдѣ, и времени, когда Пушкинъ записалъ былину, напечатанную въ № 11 *Порядка*, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить окончаніе письма его къ брату Льву Сергѣевичу, писаннаго изъ Михайловскаго въ октябрѣ 1824 года. Тамъ онъ говоритъ: „Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно: посл(ѣ)

об(ѣда) ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Рус. ист.“ [1]) По этимъ строкамъ можно догадываться, что эта былина принадлежала къ числу тѣхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя Пушкинъ слышалъ въ Михайловскомъ, и что онъ эту былину записалъ около времени, къ которому относится то письмо къ брату.

Лѣтомъ 1827 года Пушкинъ хотѣлъ помѣстить „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ и послалъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пьесами, къ Плетневу для представленія, черезъ Бенкендорфа, на высочайшую цензуру. По возвращеніи этихъ стихотвореній отъ государя, графъ Бенкендорфъ, въ августѣ мѣсяцѣ, написалъ Пушкину слѣдующее письмо:

„Представленныя вами новыя стихотворенія ваши государь императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ. Возвращая вамъ оныя, я имѣю обязанность изъяснить слѣдующее заключеніе: 1) *Ангелъ* къ напечатанію дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третія глава *Евгенія Онѣгина* тоже. 4) *Графа Нулина* государь императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтилъ своеручно два мѣста, кои его величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно два стиха: *Порою съ бариномъ шалитъ* и *коснуться хочетъ одѣяла;* впрочемъ прелестная пьеса сія позволяется напечатать. 5) *Фаустъ и Мефистофель* позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста: *Да модная болѣзнь: она недавно вамъ подарена.* 6) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ по содержанію своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева“.

Въ первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина пѣсни эти все еще не могли быть напечатаны, и такимъ образомъ онѣ до сихъ поръ оставались неизвѣстны. Между тѣмъ въ бумагахъ Плетнева найдены мною рукописи со стихами о Стенькѣ Разинѣ въ обложкѣ, на которой рукою Жуковскаго сдѣлана надпись:

„Народныя сказки.
Пѣсня Стеньки Разина“.

Послѣднее заглавіе относится къ двумъ копіямъ различнаго происхожденія. Одна изъ нихъ обличаетъ руку писаря и содержитъ, съ небольшими варіантами, ту самую былину, которую напечаталъ Анненковъ въ газетѣ *Порядокъ*.

Другая копія, написанная весьма тщательно рукой Погодина, за-

---

[1]) Соч. Пушкина, т. VII, стр. 87—88.

ключаетъ въ себѣ слѣдующія три стихотворенія подъ заглавіемъ „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“:

I.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ,
Передъ нимъ красная дѣвица,
Палоненая Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила —
Что ничѣмъ тебя еще мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

II.

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя, } (sic : bis)
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболія.

Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь, повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,
Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думу думати:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было бъ шуму.

III.

Что ни конскій топъ, ни людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ,
Свищетъ, гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульной буянъ.
Ты садись на ладьи свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю по синему.
Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Эти три стихотворенія составляютъ художественную обработку матеріала, заимствованнаго изъ народной поэзіи. Напечатанныя Анненковымъ былины можно найти съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, между прочимъ, въ книгѣ Н. И. Костомарова *Бунтъ Стеньки Разина*, (Спб. 1859, стр. 116 и 117). Въ *Пѣсняхъ же о Стенькѣ Разинѣ* въ первый разъ помѣщенныхъ мною въ газетѣ *Русь* и здѣсь перепечатанныхъ, трудно не признать тѣхъ самыхъ, о которыхъ подъ этимъ именно заглавіемъ говорится въ вышеприведенномъ письмѣ гр. Бенкендорфа.

Это тогда же было высказано И. С. Аксаковымъ въ слѣдующихъ строкахъ, предпосланныхъ моей замѣткѣ:

„НЕСОМНѢННО ПУШКИНА. Мы позволили себѣ поставить это заглавіе, такъ какъ убѣждены, что найденныя въ бумагахъ Пушкина и присланныя намъ Я. К. Гротомъ три пѣсни о Стенькѣ Разинѣ *никѣмъ инымъ*, кромѣ Пушкина, написаны быть не могли. Что онѣ не изъ устъ, не со словъ народныхъ пѣвцовъ записаны, это видно съ перваго раза; тутъ видна рука художника, и великаго художника. Въ поясненіи П. Д. Голохвастова, помѣщаемомъ вслѣдъ за статьею Я. К. Грота, это положеніе доказывается, кажется намъ, вполнѣ основательно".

„Поясненіе" г. Голохвастова вызвало съ моей стороны новую замѣтку, которая появилась въ № 15 *Руси*.

Всего убѣдительнѣе совпаденіе начала первой пѣсни съ словами, оставшимися въ памяти Погодина изъ чтенія Пушкина: „онъ началъ", говоритъ Погодинъ, „читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ *выплывалъ* ночью *по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ*. Пѣсня же начинается такъ:

„Какъ *по Волгѣ* рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка".

Посылая свои воспоминанія о Пушкинѣ въ *Русскій Архивъ* при письмѣ отъ 23-го декабря 1864 года [1]), Погодинъ говоритъ, что для составленія ихъ онъ обращался, между прочимъ, къ своимъ запискамъ: этимъ, можетъ быть, и объясняется точность воспроизведеннаго имъ выраженія, въ которое вкралась только одна невѣрная подробность: „ночью". Вѣроятно, вскорѣ послѣ чтенія Погодинъ выпросилъ у Пушкина позволеніе списать его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, можетъ статься въ надеждѣ украсить ими журналъ, мысль о которомъ уже зарождалась; тогда сравнительно еще молодой человѣкъ, онъ переписалъ ихъ тѣмъ четкимъ и красивымъ почеркомъ, какимъ впослѣдствіи писалъ только изрѣдка, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Но какъ же эта рукопись попала къ Плетневу? Когда приготовлялось первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, автографъ этихъ пѣсенъ могъ остаться въ рукахъ либо цензора, либо одного изъ издателей. По прошествіи многихъ лѣтъ, Михаилъ Петровичъ могъ забыть не только объ этомъ сообщеніи, но и о самомъ существованіи своего списка.

Справедливо П. Д. Голохвастовъ указываетъ еще на сходство стихосложенія первой пѣсни Пушкина о Стенькѣ Разинѣ съ размѣромъ большей части пѣсенъ Западныхъ Славянъ.

Въ первомъ стихѣ третьей пѣсни: „Что ни конскій топъ, ни людская молвь", г. Голохвастовъ имѣлъ также полное основаніе найти подтвержденіе своей мысли, такъ какъ Пушкинъ, подражая народной поэзіи,

[1]) См. *Р. Арх.* 1865, стр. 95.

легко могъ употребить выраженіе изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ, разъ уже пригодившееся ему въ *Евгеніи Онѣгинѣ*.

Очень вѣско то соображеніе, что поэтъ, увлеченный восторгомъ своихъ слушателей, естественно продолжалъ читать въ этомъ обществѣ только свои собственныя произведенія, точно такъ же какъ онъ не могъ представить на одобреніе государя записанныхъ имъ съ чужого голоса созданій народной поэзіи. Любопытно, что конецъ третьей изъ переписанныхъ Погодинымъ пѣсенъ представляетъ оборотъ, сходный съ одною изъ напечатанныхъ Анненковымъ (подъ № 5) присказокъ. Именно, въ присказкѣ мы читаемъ:

За мной ходятъ трое сторожей.
Первый сторожъ — родимой батюшка,
Второй сторожъ — моя матушка,
А третій сторожъ — молода жена.

Въ пѣснѣ же Пушкина:

Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ красно золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Но пѣсенъ, которыя бы въ цѣломъ, даже и приблизительно представляли такое же содержаніе, какъ эти пушкинскія, не встрѣчается ни въ одномъ сборникѣ.

Что касается заимствованныхъ Анненковымъ изъ бумагъ Пушкина народныхъ былинъ и пѣсенъ, то вслѣдствіе замѣтки г. Голохвастова я долженъ нѣсколько полнѣе высказаться относительно найденныхъ между рукописями Плетнева списковъ ихъ. Въ этихъ спискахъ недостаетъ только 5-го и 6-го изъ напечатанныхъ въ *Порядкѣ* нумеровъ. Затѣмъ № 1 почти совершенно тождественъ въ обоихъ текстахъ. Во всѣхъ трехъ первыхъ нумерахъ у Плетнева постоянно встрѣчается *Сенька* вмѣсто *Стенька*. Въ слѣдующей тирадѣ № 2 два ряда точекъ, поставленные Анненковымъ, замѣнены однимъ стихомъ:

Закричалъ тутъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки:
Мы счерпнули воды изо Камы со рѣки.
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Знать то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ въ бѣлокаменной тюрьмѣ сидитъ.
Не печалься нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Бѣлу каменну тюрьму по кирпичу разберемъ,
Твоего милаго сына изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ.

Въ первомъ стихѣ 3-го нумера, въ плетневскомъ спискѣ, также пропущено имя города. Шестой стихъ читается такъ:

Поили, кормили, *пеленали*, лелѣяли.

Послѣ стиха: „По край моря за морьянина", слѣдуетъ:

Они прижили милаго.
Она годъ живетъ и другой живетъ —
На третій годъ стосковалася.

Остальные варіанты едва ли стóитъ приводить: они заключаются только въ формахъ отдѣльныхъ словъ; напримѣръ, вмѣсто марьянинка — морьянка, вмѣсто марьянку — морьянинку, вмѣсто ляжетъ — лежитъ, и т. п.

Наконецъ, въ № 4 вмѣсто:

Меня молодца не примолвили,

нашъ списокъ выражается такъ:

Пригласить меня молодца не примолвили.

Въ заключеніе замѣчу, что самое заглавіе: „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ", подъ которымъ Погодинъ переписалъ читанныя Пушкинымъ стихотворенія, подтверждаетъ ихъ тождество съ тѣми, которыя поэтъ подъ тѣмъ же заглавіемъ представилъ на цензуру государя, какъ видно изъ сообщеннаго выше письма графа Бенкендорфа.

Въ изданныя литературнымъ фондомъ сочиненія Пушкина не вошли приписываемыя ему *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*. Кажется, почтенный редакторъ этого изданія не отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ вопросу о происхожденіи трехъ стихотвореній, напечатанныхъ въ газетѣ *Русь* по погодинскому списку: онъ даже не упомянулъ о нихъ и напечаталъ только былины, или пѣсни, *записанныя* Пушкинымъ (т. I, стр. 372) [1]. Между тѣмъ обстоятельство, что *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* не сохранились между автографами Пушкина, не можетъ еще само по себѣ служить опроверженіемъ доводовъ, имѣющихся для признанія ихъ его произведеніемъ. Перечислимъ вкратцѣ эти доводы:

1) Пушкинъ читалъ въ Москвѣ свои *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, и Погодинъ запомнилъ нѣкоторыя слова изъ начала 1-й пѣсни.

2) Пѣсни, начинающіяся этими словами, сохранились въ копіи руки Погодина, написанной вѣроятно для напечатанія ихъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но цензура не могла пропустить ихъ.

3) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* позднѣе были представлены Пушкинымъ на разсмотрѣніе государя.

---

[1]) Въ хронологическомъ указателѣ произведеній Пушкина не отмѣчено, что онѣ въ первый разъ были напсчатаны въ газетѣ *Порядокъ*.

4) Для посмертнаго изданія соч. Пушкина копія Погодина подъ тѣмъ же заглавіемъ была доставлена издателямъ ихъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на ней однимъ изъ этихъ издателей, Жуковскимъ, и изъ того обстоятельства, что она осталась въ бумагахъ другого издателя, Плетнева; вмѣстѣ съ народными пѣснями, или былинами сходнаго содержанія, *записанными* Пушкинымъ, отъ которыхъ первыя отличаются своимъ художественнымъ характеромъ.

XII.

АВТОГРАФЪ „19 ОКТЯБРЯ“ [1]).

Въ Александровскомъ лицеѣ хранится первоначальный текстъ стихотворенія *19-е Октября* (1825), замѣчательнаго по воспоминаніямъ лицейской жизни Пушкина. Этотъ автографъ подаренъ лицею, по просьбѣ бывшаго директора его Н. И. Миллера, однимъ изъ товарищей поэта, покойнымъ Михаиломъ Лукьяновичемъ Яковлевымъ [2]). Но пріобрѣтеніемъ такой драгоцѣнности лицей обязанъ еще другому товарищу Пушкина, именно графу М. А. Корфу, который, въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки, имѣлъ право на эту рукопись, по обѣщанію Яковлева; но такъ какъ библіотека уже имѣетъ много другихъ важнѣйшихъ автографовъ знаменитаго поэта, то гр. Корфъ, узнавъ о желаніи начальника лицея, отказался отъ своего права въ пользу этого заведенія.

Въ томъ видѣ, какъ *19-е Октября* напечатано еще при жизни Пушкина, это стихотвореніе содержитъ въ себѣ восемнадцать строфъ. Въ такомъ же видѣ оно дошло еще неизданное до царскосельскаго лицея въ 1827 году, когда профессоръ русской словесности Н. Ѳ. Кошанскій, бывшій наставникъ Пушкина, принесъ съ собою на каѳедру эти стихи, какъ новость, только что полученную, и прочелъ ихъ своимъ слушателямъ. Извѣстно, что это стихотвореніе написано было Пушкинымъ въ 1825 году въ день основанія лицея, проведенный имъ тогда въ уединеніи Михайловскаго. Выраженное здѣсь предчувствіе, что поэтъ черезъ годъ будетъ опять въ столицѣ, въ кругу своихъ товарищей, основывалось, конечно, на надеждѣ его исходатайствовать себѣ разрѣ-

---

[1]) Напечатано въ т. VI *Извѣстій Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ* (1857).

[2]) 2-го марта 1855 года.

шеніе посѣщать Петербургъ. Въ лицейской рукописи стихотвореніе состоитъ изъ 25-ти строфъ. Здѣсь мы въ самомъ началѣ, вслѣдъ за 1-ю строфою, находимъ цѣлыхъ пять, пропущенныхъ въ печатномъ текстѣ. Онѣ дѣйствительно слабѣе прочихъ, но любопытны тѣмъ, что представляютъ живыя подробности лицейскаго быта, которыя впослѣдствіи показались Пушкину слишкомъ частными или даже личными.

Стихъ:

„Чтобъ 30 мѣстъ насъ ожидали снова"

указываетъ на число воспитанниковъ перваго выпуска изъ лицея; собственно ихъ было 29 за удаленіемъ одного изъ товарищей Пушкина еще до окончанія курса [1]). Вскорѣ по оставленіи ими лицея принято за правило, чтобы въ каждомъ изъ двухъ курсовъ его (старшемъ и младшемъ) было только по 25 воспитанниковъ, что̀ и продолжалось до преобразованія этого заведенія въ 1832 г.

Слѣдующіе за тѣмъ 3 стиха:

„Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста въ тѣни святаго крова
Отличіе предписывало намъ"

относятся къ тому, что воспитанники за столомъ должны были сидѣть въ порядкѣ, опредѣлявшемся ихъ поведеніемъ [2]). Первое мѣсто, какъ видно изъ одной строфы, занималъ Вальховскій [3]).

Въ 9-й строфѣ, послѣднія слова подчеркнуты потому, что взяты, съ небольшимъ измѣненіемъ, изъ Дельвиговой прощальной пѣсни лицейскихъ воспитанниковъ, начинающейся стихами: „Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье".

Въ строфахъ 5—11 встрѣчаются только отдѣльные стихи, отличающіеся въ окончательной редакціи стихотворенія. 13-я опять пропущена въ печати. Послѣдніе зачеркнутые въ подлинникѣ стихи ея относятся къ тому обстоятельству, что Пущинъ, къ которому поэтъ здѣсь обращается, промѣнялъ званіе гвардейскаго офицера на скромное мѣсто въ губернской службѣ. Эти 4 стиха, какъ видно изъ автографа, поэтъ думалъ замѣнить другими, написанными у него внизу страницы и въ которыхъ онъ разумѣлъ Малиновскаго. Въ 20-й послѣдніе четыре стиха исключены впослѣдствіи. Нѣкоторыя слова въ этихъ зачеркнутыхъ стихахъ требуютъ поясненія: „черный столъ" находился въ столовой отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ;

---

[1]) Константина Гурьева.

[2]) Въ классѣ воспитанники сидѣли также въ опредѣленномъ порядкѣ, но только уже не по поведенію, а по успѣхамъ, и потому у каждаго преподавателя иначе.

[3]) См. выше стр. 95.

„словарь“ составлялся воспитанниками и заключалъ въ себѣ характеристику всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу лицея; „Лицейскій Мудрецъ“ было заглавіе рукописнаго журнала, о которомъ выше сообщены уже свѣдѣнія [1]. Наконецъ изъ 22-й строфы выброшены первые четыре стиха, написанные въ честь Куницына.

Въ подлинникѣ всѣ поправки сдѣланы рукою поэта, отчасти чернилами, отчасти карандашемъ. Онѣ воспроизведены здѣсь совершенно согласно съ автографомъ; такая же точность соблюдена какъ въ правописаніи, такъ и въ самыхъ знакахъ препинанія. Имена: Корсаковъ и Матюшкинъ означены въ выноскахъ самимъ поэтомъ.

19-е ОКТЯБРЯ.

Nunc est bibendum. Hor.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ
Дохнулъ морозъ на убранное поле
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ
И скроется за край туманныхъ горъ...
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ!
А ты, Вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье
~~нашихъ~~ горькихъ
Минутное забвенье ~~многихъ~~ мукъ.

Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ
Завѣтный срокъ! Сегодня *тамъ*, далече,
любви
На ~~вѣрный~~ пиръ, на сладостное вѣче
Стеклися вы при звонѣ мирныхъ чашъ —
мгновенно
Вы собрались ~~чудесно~~ молодѣя
Усталый духъ въ минувшемъ обновить
говорить
По~~толковать~~ на языкѣ Лицея
свободно
И съ жизнью вновь ~~безпечно~~ пошалить.

[1] Стр. 35—37.

2.

На пиръ любви душой
Стремлюся ~~къ вамъ, хожу межъ вами~~ я...

Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю
Я
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ о
~~Послушайте, по~~слушайте, друзья:

Чтобъ 30 мѣстъ насъ ожидали снова!
я
Садитесь ~~вновь~~ какъ вы садились тамъ
въ тѣни святаго крова
Когда мѣста, ~~одно славнѣй другова~~,
предписывало
Отличіе присвоивало намъ

3.

Спартанскою душой плѣняя насъ
воспитанный
~~Всегда хранимъ~~ суровою Минервой
сядетъ
Пускай опять В — ~~будетъ~~ первой [1])

Послѣднимъ я, иль Бр — иль Д — [2])
~~будутъ~~ явятся ъ
Но многія не ~~сядутъ~~ между нами...

Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ

Они придутъ; конечно надъ водами

Иль на холмѣ подъ сѣнью липъ густыхъ

4.

Они твердятъ томительный урокъ

Или романъ украдкой пожираютъ

Или стихи влюбленныя слогаютъ

---

[1]) Вальховскій.
[2]) Брольо и Данзасъ.

И по тъ звонокъ
Забыв~~ъ межъ тѣмъ~~ полуденный ~~урокъ~~

Они придутъ! — за праздные приборы

Усядутся; напѣнятъ свой стаканъ

Въ нестройный хоръ сольются разговоры

И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

5.

Мечты, мечты! Со мною друга нѣтъ
радостно лъ бы я
Съ кѣмъ ~~могъ бы я~~ запи~~ть виномъ~~ разлуку

Кому бы могъ пожать отъ сердца руку

И пожелать веселыхъ много лѣтъ —

Я пью одинъ — вотще воображенье

Вокругъ меня товарищей зоветъ

Знакомое не слышно приближенье

И милаго душа моя не ждетъ —

6.

Я пью одинъ — и на брегахъ Невы
сегодня
Меня друзья ~~со вздохомъ~~ именуютъ

Но многія-ль и тамъ изъ насъ пируютъ?

Еще кого не дощитались вы?
толь сладостной
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?

Кого отъ васъ увлекъ жестокой свѣтъ?

Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?

Кто не пришелъ? кого межъ вами нѣтъ?

7.

шелъ
Онъ не при~~детъ~~, кудрявый нашъ пѣвецъ [1])

Съ огнемъ очей, съ гитарой сладкогласной

Подъ лаврами Италіи прекрасной
~~нашихъ Русскихъ Музъ~~
Онъ мирно спитъ — и ~~дружескій~~ рѣзецъ
русскою
Не начерталъ надъ ~~раннею~~ могилой

Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
бродя въ краю
Сынъ Сѣвера ~~на берегу~~ чужомъ —

8.

Сидишь и
~~Явился~~ ~~ль~~ ты въ кругу своихъ друзей,

Чужихъ Небесъ любовникъ безпокойной? [2])

Иль снова ты проходишь тропикъ знойной

Ил~~ь~~ вѣчный ледъ полунощныхъ морей?

Щастливый путь! Съ Лицейскаго порога

Ты на корабль перешагнулъ шутя

И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,

О волнъ и бурь любимое дитя!

9.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ

Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы

Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы

---

[1]) Корсаковъ.
[2]) Матюшкинъ.

лися
Средь бурныхъ волнъ мечта~~ются~~ тебѣ

Ты простиралъ изъ за моря намъ руку

Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
~~мнилъ одно~~ повторялъ
И ~~говорилъ~~: на долгую разлуку

Насъ тайный рокъ быть можетъ осудилъ!

10.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ

Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —

Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
~~мудрыхъ~~
Сростался онъ подъ сѣнью ~~дружныхъ~~ музъ

Кудабы насъ не бросила судьбина

И щастіе кудабъ не повело,

Все тѣже мы; намъ цѣлый міръ чужбина

Отечество намъ Сарское-Село.

11.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой
За судьбы
Опутанный въ сѣтяхъ ~~нужды~~ суровой

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,

Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ любовію ~~мечтой чувствительной~~
~~Съ огнемъ любви~~ печальной и мятежной
ой надеждой
Съ довѣрчив~~ымъ незнаньемъ~~ первыхъ лѣтъ

Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной
небратскій
Но горекъ былъ холодный ихъ привѣтъ.

12.

И нынѣ здѣсь въ забытой сей глуши
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада
Мнѣ сладкая готовилась отрада
Троихъ изъ васъ друзей моей души
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный
О П — нъ [1]) мой, ты первый посѣтилъ
Ты усладилъ изгнанья день печальной
Ты въ день его Лицея превратилъ.

13.

бъ 2
Мы вспомнили какъ Вакху въ первый разъ
1
Безмолвную мы жертву приносили
Какъ всѣ трое по
~~Мы вспомнили какъ~~ мы впервой любили,
~~Рове~~
~~Наперс~~ники товарищи проказъ — —

И все прошло проказы, заблужденья...
Ты освятивъ
~~Смиренъ, суровъ~~, тобой избранный санъ
Ему
~~Но ты~~ — въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ
~~Къ нему~~ почтеніе гражданъ —

Что жъ я тебя встрѣтилъ тутъ же
~~Зачѣмъ и ты~~ не ~~обнялъ друга~~ съ нимъ
Ты
Ø нашъ казакъ и пылкій и незлобной [2])
сѣни
Зачѣмъ и ты моей ~~глуши~~ надгробной

Не озарилъ присутствіемъ своимъ.

---

[1]) Пущинъ.
[2]) Малиновскій.

14.

Ты Г — въ [1]) щастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной
Все тотъ-же ты для чести и друзей —
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой
жизнь ~~послѣ~~ быстро
Ступая въ ~~свѣтъ~~ мы ~~тотчасъ~~ разошлись
Но не вѣзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

15.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, Вѣщунъ Пермесскихъ Дѣвъ
И ты пришелъ, Сынъ лѣни вдохновенный
про
О Дельвигъ мой, твой голосъ ~~раз~~будилъ
Сердечный жаръ такъ долго усыпленный
И бодро я судьбу благословилъ

16.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ
уже
Но я любилъ ~~толпы~~ рукоплесканья

[1]) Кн. Горчаковъ.

гордый
~~скромно~~ пѣлъ
Ты ~~создавалъ~~ для Музъ и для души
Свой даръ,
~~Стихи~~ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья

Ты генiй свой воспитывалъ въ тиши

17.

Служенье Музъ не терпитъ Суеты,

Прекрасное должно быть величаво

Но юность намъ совѣтуетъ лукава

И шумныя насъ радуютъ мечты —

Опомнимся — но поздно! и уныло

Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ

Скажи, Вильгельмъ [1]), не толь и съ нами было

Мой братъ родной по Музѣ по судьбамъ?

18.

душевныхъ
Пора, пора! ~~сердечныхъ~~ нашихъ мукъ

Нестоитъ мiръ; оставимъ заблужденья
сѣнь
Сокроемъ жизнь подъ ~~кровъ~~ уединенья

Я жду тебя, мой запоздалый другъ —

Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя ъ оживи
Преданiя ~~души возобнови~~

Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви —

[1]) Кюхельбекеръ.

19.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!

Предчувствую отрадное свиданье

Запомните-жъ поэта предсказанье

съ и снова
Промчится годъ и ~~къ~~ вамъ ~~являюся~~ я

тъ онъ
Исполни~~тся~~ завѣтъ моихъ мечтаній

Промчится годъ [1]) и я явлюся къ вамъ

О сколько слезъ и сколько восклицаній

И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

20.

полнѣй
И первую, друзья, полнѣй!

И всю до дна! — Въ честь нашего союза!

Благослови, ликующая Муза!

Благослови!
~~Да здравствуетъ~~, да здравствуетъ Лицей!

~~И каѳедра~~ уроки
Златыя дни! и ~~зимнія~~ забавы

И черный столъ, и бунты вечеровъ

И нашъ словарь, и плески мирной славы

И критики Лицейскихъ мудрецовъ! [2])

21.

вторую
1 О други съ мѣстъ ~~бокалы~~ наливайте
2 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря

3 Опять до дна, до капли выпивайте!...

---

[1]) Въ рукописи слово годъ пропущено.
[2]) Т. е. сотрудниковъ журнала „Лицейскій Мудрецъ“.

Но за кого-жъ?.. о други! угадайте...

4 Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя

Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье

Онъ рабъ Молвы, сомнѣнья и страстей. —

Но такъ и быть
Простимъ ему ~~не правое~~ гоненье:

Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

22.

Куницыну дань сердца и Вина!

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень

Поставленъ имъ краеугольный камень

Имъ чистая лампада возжена...

Наставникамъ юность
~~Хвала и Вамъ~~, хранившимъ нашу ~~младость~~

всѣмъ
~~И~~ честію—и мертвымъ и живымъ

Къ устамъ подъявъ признательную чашу

Не помня зла, за благо воздадимъ

23.

Пируйте-же пока еще мы тутъ

Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ

Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ

Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ —

Невидимо склоняясь и хладѣя

ъ началу
Мы ближимся ко ~~гробу~~ своему...

Кому-жъ изъ насъ подъ старость день Лицея

Торжествовать придется одному

24

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній

Докучный гость и лишній и чужой
и соединеній
Онъ вспомнитъ насъ, дни ~~юныхъ наслажденій~~

Закрывъ глаза дрожащею рукой

Пускай-же онъ съ отрадой хоть печально
Тогда
Сей ~~вѣрный~~ день за чашей проведетъ

Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной

Его провелъ безъ горя и заботъ.

Михайловское 1825 г.

Подпись на подлинномъ — чрезвычайно размашистый и неразборчивый парафъ.

XIII.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ИЗДАНІЯМЪ ПУШКИНА.

Въ бумагахъ Плетнева сохранилось нѣсколько писанныхъ рукою князя Одоевскаго списковъ съ автографовъ Пушкина. Одоевскій былъ въ числѣ лицъ, разбиравшихъ рукописи поэта по смерти его и приготовлявшихъ новое изданіе его сочиненій. Между прочимъ тутъ на трехъ страницахъ въ листъ выписаны строфы *Евгенія Онѣгина*, содержащія мѣстами неизвѣстные варіанты къ тексту его и даже къ дополненіямъ, напечатаннымъ г. Якушкинымъ въ московскомъ изданіи Общества Люб. росс. сл. Сообщаю изъ этихъ выписокъ тѣ строфы, которыя вполнѣ или отчасти являются здѣсь въ новомъ видѣ. Измѣненное или опущенное отмѣчаю курсивомъ.

Ко второй главѣ.

Къ строфѣ XVIII (Якушк. стр. 248):

О двойка, ни дары свободы,
Ни Фебъ, ни *Ольга*, ни пиры
Онѣгина въ минувши годы
Не отвлекли бы отъ игры.

Задумчивый, всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ *онъ* въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ,
Налѣво *ляжетъ* ли валетъ.
Ужъ раздавался звонъ обѣденъ;
Среди *разорванныхъ* колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А *онъ, нахмуренъ*, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Пускалъ на третьяго туза.

*

Ужъ я не тотъ *игрокъ нескромный,*
Скупой не вѣруя мечтѣ,
Уже не ставлю карты темной,
Замѣтя тайное руте.
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ;
„Атанде", слово роковое,
Мнѣ не приходитъ на языкъ;
Отъ риѳмы также я отвыкъ.
Что буду дѣлать? Между нами,
Всѣмъ этимъ утомился я.
Надняхъ попробую, друзья,
Заняться бѣлыми стихами...
Хотя имѣетъ *кензельва* [1])
Большія на меня права.

Къ третьей главѣ.

Къ строфѣ III (Як., стр. 253):

. . . .

Несутъ на блюдечкахъ варенье
Съ одною ложкою для всѣхъ
(Въ деревнѣ нѣтъ иныхъ утѣхъ,
Въ деревнѣ день есть цѣль [2]) обѣда).
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались *дѣвушки скорѣй*
Взглянуть на новаго сосѣда,
И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.

---

[1]) Сверху приписано: quinze elle va.
[2]) А не *цѣпь*, какъ напечатано въ дополненіяхъ къ *Евгенію Онѣгину*.

За XXIII-ею предполагалась слѣдующая строфа, которой нѣтъ въ прежнихъ варіантахъ:

Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю, хоть это грѣхъ:
Улыбки, ласки указныя
Вы расточаете для всѣхъ,
Ко всѣмъ стремите взоръ пріятный;
Кому слова не вѣроятны,
Того увѣритъ поцѣлуй;
Кто хочетъ, воленъ, торжествуй.
Я прежде самъ бывалъ доволенъ
Единымъ взоромъ вашихъ глазъ;
Теперь лишь уважаю васъ,
Но хладной опытностью боленъ,
И самъ готовъ я вамъ помочь,
Но ѣмъ за двухъ и сплю всю ночь.

Къ XXXV (Як., стр. 256):

Теперь, какъ сердце въ ней забилось,
Заныло будто предъ бѣдой!
Возможно ль? что со мной случилось?
Зачѣмъ писала, Боже мой!
На мать она *взглянуть* не смѣетъ,
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ,
Весь день потупя взоръ молчитъ
И чуть не плачетъ, и дрожитъ.
Внукъ няни *поздо* воротился,
Сосѣда видѣлъ *онъ;* ему
Письмо вручилъ онъ самому,
И чтожъ сосѣдъ? — Верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ.
Ахъ, чѣмъ-то кончится романъ?

Къ четвертой главѣ.

Къ XXXVIII [1]) (Як. 261):

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку
И шляпу съ кровлею какъ домъ

---

[1]) Въ дополненіяхъ ошибочно означено: XXXVII.

Подвижный. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Весьма была огорчена
Псковская дама Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ [1]). Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
А вѣроятно, ихъ не зналъ,
Но *все* своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Къ пятой главѣ.

Къ строфѣ XLIII, которая въ окончательномъ текстѣ *Евгенія Онѣгина* совсѣмъ пропущена, а въ примѣчаніи цитуемаго изданія напечатана безъ четырехъ первыхъ стиховъ (Як., 121):

Какъ гонитъ бичъ въ песку манежномъ
На кордѣ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвицъ.
Подковы, шпоры Пѣтушкова, и т. д.

Къ шестой главѣ.

Строфы XV и XVI, пропущенныя въ окончательномъ текстѣ (Як., 131), печатаются здѣсь въ первый разъ:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ.

*

[1]) Противъ имени *Дурина* на поляхъ приписано: „Дирина", а противъ имени *Мизинчиковъ* — „Пальчиковъ".

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ.
Какъ учатъ слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь!

Строфа XXXVIII, также до сихъ поръ неизданная (Як., 142):

Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многаго добра,
Увы, онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера.
Уча людей, мороча братій
При громѣ плесковъ иль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ дохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
Какъ нашъ Кутузовъ иль Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ.

Выписанныя здѣсь строфы принадлежатъ очевидно къ первоначальнымъ редакціямъ соотвѣтственныхъ главъ. Нѣкоторыя изъ этихъ строфъ были цѣликомъ забракованы Пушкинымъ при окончательной отдѣлкѣ главы, и такимъ образомъ замѣняющія ихъ въ напечатанномъ текстѣ заглавныя цифры означаютъ дѣйствительные пропуски.

Между оставшимися у Плетнева списками руки князя Одоевскаго есть и другія произведенія Пушкина, особенно многія сцены изъ *Бориса Годунова*, нѣкоторые изъ разсказовъ Н. К. Загряжской и проч. (съ отмѣтками на поляхъ: „не пропущено ценз. комитетомъ“); но всѣ эти извлеченія уже нашли мѣсто въ позднѣйшихъ изданіяхъ нашего поэта. Сохранились также *народныя сказки* (въ прозѣ, какъ онѣ выходили изъ устъ разсказчика); онѣ переписаны рукой писаря, но такъ неграмотно, что ими въ настоящемъ видѣ трудно пользоваться.

Въ октябрѣ 1880 года И. П. Хрущовъ сообщалъ мнѣ доставшуюся ему отъ покойнаго Д. В. Полѣнова тетрадь стихотвореній лицеистовъ перваго выпуска съ отмѣткою: „Эта тетрадь принадлежала Матюшкину". Въ ней я не нашелъ почти ничего новаго, и выписалъ изъ нея только дополненія къ сказкѣ Пушкина *Бова*, которыя въ настоящее время уже напечатаны, да слѣдующую его же эпиграмму на одного изъ лицейскихъ гувернеровъ, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) нигдѣ не появлявшуюся:

ПОРТРЕТЪ.

Вотъ коропузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и воинъ.
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ,
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ [1]) попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ [2]) математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой —
И вмигъ онъ дипломатикъ.

Прилагаю нѣсколько замѣтокъ для комментарія къ сочиненіямъ Пушкина.

Въ статьѣ его о Дельвигѣ (V, 159) [3]) есть слѣдующій отзывъ: „Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо". Анненковъ думаетъ, что въ этихъ словахъ Пушкинъ разумѣлъ самого себя; но едва ли онъ въ 1831 г., когда они писались, могъ имѣть такое скромное понятіе о своемъ талантѣ: не вѣрнѣе ли предположить, что онъ тутъ разумѣлъ Илличевскаго, къ которому такое сужденіе совершенно подходитъ? Извѣстно, что онъ подавалъ большія надежды своими первыми опытами.

Въ ноябрѣ 1828 г. Пушкинъ изъ Малинниковъ (Твер. губ.) писалъ Дельвигу (VII, № 206:) „Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито". Эта замѣчательно смышленая собака, которую долго

---

[1]) Мартынъ Степ. Пилецкій Урбановичъ, первый по времени инспекторъ классовъ въ лицеѣ, мистикъ и иллюминатъ.

[2]) Степанъ Степ. Фроловъ, третій по порядку инспекторъ классовъ, который передъ вступленіемъ Энгельгардта временно исправлялъ должность директора лицея.

[3]) Всѣ послѣдующія ссылки дѣлаются по изданію литературнаго фонда.

показывали за деньги, впослѣдствіи куплена была въ Карлсбадѣ нашимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ и имъ подарена Императору Николаю, который переименовалъ ее *Гусаромъ*. Она была такъ понятлива, что иногда замѣняла камердинера. Когда Государю угодно было позвать къ себѣ кого-нибудь изъ жившихъ во дворцѣ, онъ только отдавалъ приказаніе о томъ *Гусару:* собака мигомъ бѣжала къ названному лицу и теребила его за платье; всѣ уже знали, что̀ это значитъ. Когда она околѣла, кажется, въ 40-хъ годахъ, ее похоронили въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ государевомъ саду около колоннады, и поставили надъ нею родъ памятника (Слыш. отъ князя Трубецкого).

Въ одномъ изъ стихотвореній В. Л. Пушкина есть мѣсто, въ которомъ съ перваго взгляда можно предполагать отношеніе къ его знаменитому племяннику; именно, въ посланіи къ графу Ѳ. И. Толстому говорится:

„Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ“.

Увѣренность, что здѣсь надо разумѣть Александра Сергѣевича, который смолоду признавалъ Вольтера своимъ любимымъ писателемъ была не разъ выражаема въ печати. Между тѣмъ такое толкованіе оказывается невѣрнымъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, когда именно это посланіе было написано [1]); но во всякомъ случаѣ оно не можетъ относиться къ послѣднему періоду жизни Василія Львовича (1827—1830), когда Александръ Сергѣевичъ бывалъ въ Москвѣ. Въ посланіи говорится все о лицахъ, находящихся въ этомъ городѣ: авторъ сѣтуетъ, что не можетъ быть на обѣдѣ у Толстого, и утѣшаетъ его тѣмъ, что у него будутъ гостями Вяземскій, Пушкинъ и Шаликовъ: но мы знаемъ, что Александръ Сергѣевичъ съ поступленія въ лицей до сентября 1826 г., въ Москвѣ не бывалъ. Предположить же, что стихотвореніе это относится къ позднѣйшему времени, нельзя, потому что тогда Василій Львовичъ уже не могъ приписывать своему племяннику исключительнаго пристрастія къ Вольтеру и называть его балагуромъ. Эти два качества, напротивъ, идутъ какъ нельзя болѣе къ Алексѣю Мих. Пушкину, извѣстному острослову и волтеріанцу, о пріятельскихъ же отношеніяхъ между нимъ и Василіемъ Львовичемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ пьеса послѣдняго: „На случай шутки А. М. Пушкина“ [2]).

---

[1]) Не имѣя подъ рукою всѣхъ журналовъ, въ которыхъ участвовалъ В. Л. Пушкинъ, мы лишены покуда возможности привести въ извѣстность то, гдѣ первоначально было напечатано это стихотвореніе.

[2]) Подробными свѣдѣніями объ А. М. Пушкинѣ мы обязаны Л. Н. Майкову, сообщившему ихъ недавно въ изданіи *Сочиненій К. Н. Батюшкова* (III, 686—690). О В. Л. Пушкинѣ см. тамъ же обширное примѣчаніе г. В. Саитова (II, 512—525).

Въ 1867 г., въ Миланѣ напечатана въ 16 д. л. итальянская драма подъ заглавіемъ: Puschkin. Dramma in 4 atti e in versi di Pietro Cossa". Петръ Косса (род. 1830, ум. 1881) извѣстенъ многими произведеніями, имѣвшими на сценѣ большой успѣхъ, особенно же драмами Nerone и Messalina. Пьеса „Пушкинъ" была въ первый разъ представлена въ Миланѣ въ 1869 г., а потомъ въ Тріэстѣ въ 1874, и по поводу этого послѣдняго представленія появилась въ *Русскомъ Архивѣ* того же года (кн. IV, стр. 01096) замѣтка русской дамы, бывшей въ числѣ зрителей. Похваливъ игру актеровъ, наша соотечественница не могла одобрить содержанія и справедливо отозвалась, что въ пьесѣ много вздору но еще не довольно строго отнеслась къ нелѣпостямъ, которыми она наполнена. Авторъ драмы изъ біографіи Пушкина знаетъ одни имена, всѣ же обстоятельства и отношенія совершенно перепуталъ. У него Пушкинъ, женившись, держитъ у себя въ домѣ любовницу-цыганку, въ Наталью же Николаевну влюбленъ князь (il principe) Инзовъ, съ которымъ и стрѣляется Пушкинъ, при чемъ секундантомъ поэта — баронъ Дельвигъ! Послѣ такой вѣрности фактамъ нечего уже искать въ пьесѣ какихъ-либо достоинствъ, и достаточно только отмѣтить для Puschkiniana попытку итальянскаго писателя воспользоваться біографіей нашего поэта для фантастическаго сочиненія въ формѣ драмы.

Въ 40-хъ годахъ, занимая каѳедру русской исторіи и литературы въ гельсингфорсскомъ университетѣ, я переписывался съ П. А. Плетневымъ и иногда обращался къ нему съ вопросами о Пушкинѣ *). Вотъ нѣкоторыя изъ его объясненій:

„*Вастолу* Виланда перевелъ какой-то бывшій нѣкогда учитель Пушкина; онъ состоялъ въ первые годы членомъ Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Послѣ служилъ онъ въ военномъ министерствѣ чиновникомъ, и, по общей слабости чиновниковъ изъ класса ученыхъ, попивалъ. Ему-то Пушкинъ и позволилъ назвать себя издателемъ его перевода" **).

„Пушкинъ въ 1825 г. назвалъ Вильгельма (т. е. Кюхельбекера) братомъ *по судьбамъ* [1]) отъ того, что жилъ тогда въ Михайловскомъ, не

*) Эта переписка нынѣ, какъ извѣстно, напечатана (Спб. 1896 г., 3 тома). Въ ней, кромѣ приведенныхъ здѣсь выдержекъ, не мало разбросано замѣтокъ о Пушкинѣ, его біографіи и произведеніяхъ, а также о его товарищахъ и Лицеѣ. Ниже, въ концѣ XVII гл., стр. 190, мы помѣщаемъ маленькій указатель этихъ мѣстъ „Переписки". *Ред.*

**) См. „Переписка" т. II, стр. 583. Это былъ Ефимъ Петровичъ Люценко секретарь хозяйств. правленія въ Лицеѣ, см. тамъ же, стр. 917. *Ред.*

[1]) Въ стихотвореніи: *19-е октября:*

Скажи, Вильгельмъ, не толь и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ.

имѣя права возвратиться въ Петербургъ или въ Москву; Вильгельмъ же, по возвращеніи изъ Парижа (куда ѣздилъ въ качествѣ секретаря съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ), гдѣ въ Атенеѣ прочелъ онъ нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ, принужденъ былъ убраться куда-нибудь подальше отъ центра администраціи: А. Тургеневъ и Жуковскій передали его Ермолову. Вотъ отъ чего и сказалъ Пушкинъ:

„Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа [1])...

„Но Вильгельмъ разссорился съ Ермоловымъ, и осенью 1825 г. возвратился на бѣду свою въ Петербургъ“ *).

„*Домикъ въ Коломнѣ* для меня съ особеннымъ значеніемъ. Пушкинъ, вышедши изъ лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ надъ Корфами близь Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ, бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика — графа Стройновскаго (нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ). Слѣдовательно, каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни“ **).

По ходатайству опеки, завѣдывавшей по смерти Пушкина изданіемъ сочиненій его, разосланъ былъ ко всѣмъ предводителямъ дворянства слѣдующій циркуляръ попечителя С.-петербургскаго учебнаго округа. Сообщаю его во всей точности по сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева печатному экземпляру:

„Милостивый Государь,

„Вашему извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года Россійская словесность лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестію друзей Литтературы и Отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ Государствѣ, изъявивъ особенное милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство.

„Для усиленія Всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтными дѣтьми умершаго Поэта, приступила по соизволенію Его Императорскаго Величества къ изданію новаго

---

[1]) Въ томъ же стихотвореніи.

*) „Переписка“, II, тамъ же, стр. 584.

**) „Переписка“, тамъ же, стр. 693.

полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею: но я, съ своей стороны, зная сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить Ваше принять участіе въ раздачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литтературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди Дворянства Вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что Русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память великаго поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ, дѣтей его.

„Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи Вашего въ семъ дѣлѣ, я поручилъ Канцеляріи моей доставить къ Вамъ нѣсколько билетовъ на собраніе сочиненій А. С. Пушкина.

„Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію
Вашего

С.-Петербургъ.
Маія 1837“.

XIV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СООРУЖЕНІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНА [1]).

От имени комитета, принявшаго на себя заботы по сооруженію памятника Пушкину, имѣю честь представить краткую исторію этого дѣла.

Мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея по поводу приготовленій, въ 1860 г., къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея его, при чемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицею. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ высочайшаго разрѣшенія тогда же открытой по представленію директора лицея Н. И. Мил-

[1]) Читанъ мною 5-го іюня 1880 г. въ публичномъ засѣданіи комитета по сооруженію памятника, въ залѣ Московской Городской Думы, и напечатанъ на другой день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

*

лера, въ немногіе годы доставилъ 13,359 руб. Въ то же время художниками Лаверецкимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, уже и осуществленный первымъ изъ нихъ въ модели довольно обширныхъ размѣровъ, помѣщенной въ залѣ Александровскаго лицея.

Мало по малу однакожъ притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и вскорѣ совершенно прекратился. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19-го октября 1870 г., одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ же, по мысли К. К. Грота, рѣшено было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея. По ходатайству августѣйшаго попечителя его, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, предположеніе наше удостоилось одобренія государя императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 г. составился, подъ главнымъ вѣдѣніемъ его высочества, комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ слѣдующихъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ:

1-го выпуска лицея: статсъ-секретаря барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа и адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

6-го выпуска: академика Грота.

7-го выпуска: статсъ-секретарей К. К. Грота, Н. А. Шторха и д. ст. с. А. И. Колемина.

Седьмымъ членомъ избранъ былъ воспитанникъ лицейскаго пансіона, вышедшій въ 1829 г., статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами Комитета министровъ Ѳ. П. Корниловъ, которому выпалъ жребій принять самое дѣятельное участіе въ окончательныхъ распоряженіяхъ по постановкѣ и открытію памятника.

Да позволено мнѣ будетъ, при этомъ случаѣ, почтить сердечнымъ воспоминаніемъ трехъ членовъ нашего комитета, исторгнутыхъ смертью изъ среды его прежде окончанія дорогого имъ дѣла. Особенно потрудился въ немъ младшій изъ нихъ, Н. А. Шторхъ: по своему посту въ IV-мъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ комитета и храненіемъ суммъ, составлявшихся изъ приношеній на памятникъ. По смерти его, въ декабрѣ 1878 г., заботы эти принялъ на себя К. К. Гротъ, а послѣ отъѣзда его, по болѣзни, въ минувшемъ году за границу, Ѳ. П. Корниловъ. Оба они не могли обойтись безъ непосредственной помощи IV-го Отдѣленія Собственной канцеляріи его величества, и комитетъ съ особеннымъ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, какъ много онъ обязанъ, со времени кончины Н. А. Шторха, просвѣщенному содѣйствію барона А. Ѳ. Гюне. Всею счетною частію непосредственно занимался помощникъ бухгалтера К. К. Тимоѳеевъ.

Два старшіе члена, потерю которыхъ мы оплакиваемъ, были достой-

ные товарищи Пушкина, графъ Корфъ, умершій въ началѣ 1876 г., и адмиралъ Матюшкинъ, съ дѣтства связанный съ поэтомъ узами нѣжнѣйшей дружбы. По кончинѣ его, въ сентябрѣ 1872 г., комитетъ съ высочайшаго соизволенія избралъ членомъ своимъ воспитанника 6-го курса лицея, сенатора М. Н. Похвиснева.

Въ исторіи нашего дѣла Матюшкинъ памятенъ тѣмъ, что онъ первый подалъ мысль избрать мѣстомъ сооруженія Москву. Я упомянулъ, что первоначально рѣшено было поставить памятникъ въ царскосельскомъ лицейскомъ саду; но комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ пріискать другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ. Въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, мало было надежды найти достойное поэта, достаточно открытое и почетное мѣсто. Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что постановка памятника Пушкину въ Москвѣ, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была бы способна придать ему значеніе вполнѣ народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвой были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ родился и до 12-тилѣтняго возраста прожилъ частью въ самомъ городѣ, частью въ подмосковномъ сельцѣ Захаровѣ [1]). Здѣсь онъ ознакомился съ народнымъ бытомъ и языкомъ, сблизился съ самимъ народомъ. Здѣсь нашелъ онъ могучее противодѣйствіе тому французскому воспитанію, которое онъ, по духу времени получалъ въ родительскомъ домѣ: въ деревнѣ ему полюбились крестьянскія пѣсни, хороводы и пляски. Въ сосѣднемъ съ Захаровомъ историческомъ селѣ Вязёмахъ онъ слышалъ преданія, впервые пробудившія въ немъ любовь къ русской старинѣ. По родственнымъ и дружескимъ связямъ своего отца, онъ съ дѣтства вступилъ въ кругъ московскихъ литераторовъ, къ которому, кромѣ дяди его Василья Львовича, принадлежали Карамзинъ, Дмитріевъ, Тургеневъ, Жуковскій; понятно, какъ общество этихъ людей должно было дѣйствовать на развитіе литературныхъ вкусовъ и авторскаго направленія въ отрокѣ. Послѣ своего помѣщенія въ лицей Пушкинъ долго не былъ въ Москвѣ. По окончаніи шестилѣтняго воспитанія въ этомъ заведеніи онъ не пробылъ въ Петербургѣ и трехъ полныхъ лѣтъ; а затѣмъ наступилъ періодъ его страннической жизни, продолжавшійся опять шесть лѣтъ. Но въ Москвѣ же, съ новымъ царствованіемъ, началось его общественное возрожденіе, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, вызвавъ его изъ деревни, милостиво, положилъ конецъ его изгнанію и объявилъ себя его цензоромъ. Наконецъ,

---

[1]) Собственно *Захарьинъ*, но въ просторѣчіи употребительнѣе принятая въ текстѣ форма этого имени, которую обыкновенно употреблялъ и самъ Пушкинъ.

въ Москвѣ же онъ встрѣтилъ ту, съ которою рука объ руку вступилъ на новый путь жизни, введшій его въ невѣдомый прежде миръ идей и нравственныхъ ощущеній. Тамъ совершилась и самая женитьба Пушкина. Около этого времени и въ немногіе остальные годы жизни своей онъ часто бывалъ въ Москвѣ и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ движеніи. Есть мнѣніе, будто онъ не любилъ своего родного города; можетъ быть, увлекаясь остроуміемъ, онъ иногда дѣйствительно подшучивалъ надъ Москвой, точно такъ же какъ въ другія минуты бранилъ Петербургъ, видя въ немъ „скуку, холодъ и гранитъ". Но нигдѣ въ сочиненіяхъ его мы не находимъ слѣдовъ серіознаго нерасположенія къ Москвѣ. Напротивъ, въ нихъ часто выражается его сочувствіе къ ней. Въ примѣръ того можно привести особенно VII-ую главу *Евгенія Онѣгина*, передъ которою онъ помѣстилъ нѣсколько эпиграфовъ изъ разныхъ поэтовъ въ похвалу Москвѣ, а потомъ самъ съ горячею любовью обращается къ ней, называя ее *своею*. „Благослови Москву Россія", сказалъ онъ въ стихотвореніи *Наполеонъ*.

Празднымъ и ребяческимъ дѣломъ было бы хотѣть сравнительно опредѣлить, которая изъ обѣихъ столицъ имѣла болѣе правъ на памятникъ Пушкина; но изъ сказаннаго достаточно видно, до какой степени Москва была близка поэту, и какъ много было основаній избрать въ настоящемъ дѣлѣ древнюю столицу, это средоточіе Россіи въ духовномъ, и въ физическомъ смыслѣ [1]). По всеподданнѣйшему докладу принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго государь императоръ, согласно съ ходатайствомъ комитета, 20-го марта 1871 г., всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: „чтобы памятникъ Пушкина поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получитъ вполнѣ національное значеніе".

Затѣмъ комитету надлежало сообразить, въ какомъ именно пунктѣ Москвы всего приличнѣе воздвигнуть памятникъ. По этому поводу членъ комитета К. К. Гротъ въ 1871 г. вызвался съѣздить туда для совѣщанія съ наиболѣе интересующимися дѣломъ мѣстными жителями. При его участіи, у князя В. А. Черкасскаго состоялось собраніе изъ слѣдующихъ лицъ: городского головы Лямина, И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, М. Н. Каткова, П. И. Миллера, М. П. Погодина и Ю. Ѳ. Самарина. Послѣ недолгихъ преній комитету предложено было на выборъ два мѣста, именно: либо край Тверского бульвара противъ Страстного монастыря, либо новообразованный въ то время скверъ при Страст-

[1]) Это замѣчаніе было вызвано полемическими статьями, появлявшимися въ газетахъ, когда въ началѣ дѣятельности комитета стало извѣстнымъ рѣшеніе его поставить памятникъ Пушкину въ Москвѣ. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что право на такое сооруженіе принадлежитъ предпочтительно Петербургу.

номъ бульварѣ. Комитетъ отдалъ предпочтеніе первому изъ названныхъ двухъ пунктовъ. Выборъ этотъ, по одобреніи его московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, удостоился высочайшаго утвержденія 17-го іюня 1872 г., и съ согласія Общей Думы рѣшено было отрѣзать отъ Тверского бульвара подъ памятникъ около 30-ти саженъ по прямой линіи. На этомъ-то мѣстѣ и воздвигнуто открытое нынѣ сооруженіе.

Далѣе комитету предстояло составить новый проектъ памятника, такъ какъ для выполненія прежняго требовалась такая сумма (именно 80,000 руб.), на полученіе которой комитетъ въ то время не могъ разсчитывать. Притомъ и по замыслу своему проектъ этотъ не вполнѣ отвѣчалъ тому идеалу простоты и единства созданія, который желательно было видѣть осуществленнымъ въ памятникѣ поэта, столь отличавшагося именно этими чертами творчества въ своихъ произведеніяхъ. Желая въ то же время послужить русскому искусству вызовомъ наличныхъ представителей его къ участію въ этомъ патріотическомъ, дѣлѣ, комитетъ въ 1872 г. открылъ восьмимѣсячный конкурсъ, предлагая всѣмъ русскимъ ваятелямъ представить скульптурныя модели обѣихъ частей памятника: пьедестала и статуи поэта, при чемъ за наиболѣе удовлетворительные проекты назначено шесть премій различныхъ размѣровъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, въ мартѣ 1873 г. явилось 15 моделей, которыя и были выставлены на общественный судъ въ залѣ Опекунскаго Совѣта. Для оцѣнки ихъ, равно какъ и прежде для составленія программы конкурса и проекта моделей, комитетъ приглашалъ къ совмѣстнымъ съ нимъ совѣщаніямъ извѣстнѣйшихъ художниковъ изъ среды не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Организованная такимъ образомъ комиссія присяжныхъ нашла, что хотя ни одна изъ представленныхъ моделей не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ программы, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ, по относительнымъ достоинствамъ своимъ, заслуживаютъ награды, и премій присуждено на 3,500 р. слѣдующимъ художникамъ, гг. Опекушину, Забѣлѣ, Шредеру, Боку и Ильенку.

Затѣмъ признано нужнымъ учредить новый конкурсъ, который и состоялся тѣмъ же способомъ и на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ. Представленнымъ вслѣдствіе того въ мартѣ 1874 г. 19-ти моделямъ устроена была опять публичная выставка, на этотъ разъ въ залѣ Академіи Наукъ. Приглашенные для обсужденія ихъ вмѣстѣ съ комитетомъ эксперты изъ художниковъ и литераторовъ и теперь не признали ни одной модели достойною полнаго одобренія, но присудили, по произведенной баллотировкѣ, второстепенныя преміи, всего на 2.000 руб., тремъ изъ состязавшихся скульпторовъ, именно гг. Опекушину, Забѣлѣ и Боку.

Такъ какъ послѣ двухъ, не приведшихъ къ цѣли конкурсовъ, учреждать третій казалось безполезнымъ, то вмѣсто того, по совокупному опредѣленію комитета и экспертовъ, предложено было двумъ составителямъ наиболѣе удавшихся моделей, гг. Опекушину и Забѣлѣ, изготовить въ увеличенномъ размѣрѣ двѣ новыя модели, исправивъ прежнія по указаніямъ небольшой комиссіи экспертовъ, составленной, подъ предсѣдательствомъ профессора архитектуры Д. И. Гримма, изъ художниковъ: по скульптурной части Лаверецкаго, по живописи Кёлера и Крамского. Представленныя вслѣдствіе того въ маѣ 1875 г. двѣ модели выставлены были въ помѣщеніи постоянной художественной выставки. Комитетъ, по обсужденіи ихъ вмѣстѣ съ приглашенными имъ экспертами, находилъ въ обѣихъ положительныя достоинства, но, въ виду необходимости рѣшиться въ пользу одной изъ нихъ, отдалъ предпочтеніе модели г. Опекушина, какъ соединявшей въ себѣ съ простотою, непринужденностью и спокойствіемъ позы типъ, наиболѣе подходящій къ характеру наружности поэта.

Вылѣпленная по этой модели колоссальная статуя, окончательно еще усовершенствованная по замѣчаніямъ экспертизы, представлена была принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ на воззрѣніе государя императора и, удостоенная высочайшаго его величества одобренія, отлита изъ бронзы на заводѣ покойнаго Когуна, въ С.-Петербургѣ.

Для постановки памятника и другихъ строительныхъ работъ избранъ былъ г. Опекушинымъ, по предоставленному ему праву, архитекторъ И. С. Богомоловъ; для каменныхъ же работъ комитетъ пригласилъ А. А. Баринова. Наблюденіе за работами и извѣщеніе комитета о ходѣ ихъ принялъ на себя постоянно живущій въ Москвѣ, бывшій воспитанникъ 6-го курса лицея П. И. Миллеръ.

Ограничиваясь этими немногими свѣдѣніями о ходѣ сооруженія памятника, я долженъ присоединить къ нимъ краткій отчетъ въ употребленіи собранныхъ по подпискѣ денежныхъ средствъ.

Когда комитетъ начиналъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ распоряженіи его сумма, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, составляла 18,000 руб. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій напечатано было въ газетахъ приглашеніе, и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благоговѣйною признательностью упомянуть о томъ милостивомъ участіи, какое въ этой подпискѣ соизволили принять августѣйшіе члены императорскаго семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ сторонъ. Кромѣ множества отдѣльныхъ лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ, положивъ въ основаніе своихъ дѣйствій два коренныя начала — гласность и строгую отчетность — вскорѣ сталъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о по-

степенномъ приращеніи своихъ средствъ, и мало по малу собранная имъ сумма возросла до 83,922 руб. 61 коп. Впослѣдствіи итогъ всей суммы съ накопившимися на нее процентами составилъ 106,575 р. 10 к. [1]).

Такъ какъ еще при первоначально открытой подпискѣ мѣстомъ храненія стекавшихся пожертвованій избрано было IV Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, то туда же и теперь окончательно поступали собираемыя комитетомъ суммы. Самыми крупными расходами были слѣдующіе:

На преміи по двумъ конкурсамъ издержано .	5,500	р. —	к.
Академику Опекушину за вылѣпку гипсовой статуи уплачено	20,000	„ —	„
Архитектору Богомолову.	5,500	„ —	„
Подрядчику Баринову	40,016	„ 53	„
За отливку статуи изъ бронзы на заводѣ Когуна	15,745	„ —	„
Всего издержано, считая и болѣе мелкіе расходы	87,510	„ 16	„
За всѣми расходами остается въ распоряженіи комитета	19,064	„ 94	„

Имѣющейся въ остаткѣ суммѣ должно быть придумано назначеніе возможно согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, что́ и будетъ предметомъ обсужденія комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ болѣе полномъ составѣ [2]).

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность комитета всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему трудомъ или пожертвованіями въ исполненіи задачи, которую онъ принялъ на себя предъ обществомъ. Ихъ просвѣщенному вниманію, довѣрію и участію обязанъ онъ тѣмъ, что могъ съ успѣхомъ довести до конца дѣло, конечно, почетное и отрадное для каждаго русскаго, но представлявшее и свои несомнѣнныя трудности. Пушкинскій комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и

[1]) Въ этой суммѣ заключаются между прочимъ 22,652 руб. 49 коп., составившіеся: 1) изъ процентовъ, начисленныхъ въ С.-Петербургскомъ банкѣ; 2) изъ процентовъ, полученныхъ по процентнымъ бумагамъ, пріобрѣтеннымъ комитетомъ, и 3) изъ разности между суммою, затраченною комитетомъ на покупку процентныхъ бумагъ, и суммой, вырученною чрезъ ихъ продажу.

[2]) Въ январѣ 1881 г. состоялось это засѣданіе комитета при участіи нѣсколькихъ приглашенныхъ имъ постороннихъ лицъ, преимущественно изъ среды литераторовъ. Изъ многихъ предложенныхъ тутъ способовъ употребленія сбереженной суммы большинствомъ голосовъ избрано было учрежденіе при Академіи Наукъ преміи, которая съ 1882 г. и была уже присуждена три раза. *(Срв. ниже, стр. 173.)*

гордится тѣмъ, что ему суждено было, подъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ государя императора и при высокомъ содѣйствіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, послужить орудіемъ этого истинно народнаго предпріятія, совершеннаго по частному почину, без всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы.

Нынѣ, по прошествіи семи лѣтъ со времени открытія памятника Пушкину, дополню этотъ очеркъ нѣкоторыми, не лишенными интереса, подробностями частнаго свойства.

Въ день обычнаго лицейскаго обѣда первыхъ семи курсовъ, 19-го октября 1870 года, меня сильно занималъ вопросъ, не сдѣлать ли на предстоящемъ собраніи товарищей предложенія принять энергическія мѣры къ возобновленію прекратившейся подписки на памятникъ Пушкину. Съ одной стороны я предвидѣлъ, что вслѣдствіе того на меня лягутъ значительная доля заботъ и труда по этому предпріятію, съ другой — хотѣлось послужить общественному и патріотическому дѣлу. Доброе побужденіе превозмогло; мысль моя была принята всѣми съ восторгомъ, и тотчасъ же, по предложенію моего брата, Константина Карловича, рѣшено образовать комитетъ изъ среды лицеистовъ. Изъ воспитанниковъ 1-го курса положено было, сверхъ названныхъ въ очеркѣ двухъ лицъ, графа Корфа и Матюшкина, пригласить въ члены и князя Горчакова. Съ этимъ порученіемъ отправились къ нему братъ мой и Н. А. Шторхъ, но князь Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на ихъ просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье.

Во время открытія памятника, газеты называли предсѣдателемъ комитета то Ѳ. П. Корнилова, то меня. Но комитетъ, съ самаго учрежденія своего, не имѣлъ офиціальнаго предсѣдателя. Принцъ Ольденбургскій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ комитетъ, участія въ его засѣданіяхъ не принималъ. Предсѣдательствовалъ обыкновенно либо старшій изъ наличныхъ членовъ, либо тотъ, кто завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ. Обязанность веденія протоколовъ и переписки пала естественно на меня. Собирались сперва у графа М. А. Корфа, а по кончинѣ его (въ началѣ 1876 г.) — у Н. А. Шторха; когда же и его не стало, — то у К. К. Грота. Съ отъѣздомъ послѣдняго, въ 1879 г. по болѣзни, за границу, насъ осталось въ Петербургѣ всего трое Ѳ. П. Корниловъ, М. Н. Похвисневъ [1]) и я. Мы стали собираться у Похвиснева. На открытіе памятника онъ ѣхать не могъ, такъ какъ

---

[1]) Бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

разстроенное его здоровье требовало безотлагательнаго путешествія къ минеральнымъ водамъ, и такимъ образомъ представителями комитета при открытіи памятника могли явиться въ Москву только Ѳ. П. Корниловъ и я. Со времени заключенія контрактовъ съ г. Опекушинымъ и подрядчикомъ Бариновымъ, когда на попеченіи комитета остались одни хозяйственныя распоряженія, составленіе протоколовъ и вся офиціальная часть были переданы мною въ руки Н. А. Шторха. Теперь же, когда работы по сооруженію памятника стали приближаться къ концу, большую часть практическихъ заботъ по этому дѣлу принялъ на себя Ѳ. П. Корниловъ.

Сперва предполагалось открыть памятникъ уже осенью 1879 г., именно 19-го октября; но встрѣтились неожиданныя обстоятельства, замедлившія окончаніе работъ. Главное препятствіе состояло въ томъ, что при постановкѣ угловыхъ монолитовъ для устройства лѣстницы кругомъ пьедестала, съ однимъ изъ нихъ случилась неудача: при опущеніи онъ упалъ и раскололся. Для возможно скорой замѣны его мы прибѣгнули къ совѣтамъ профессоровъ Академіи Художествъ А. И. Рязанова и Д. И. Гримма, которымъ комитетъ уже и прежде много обязанъ былъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе всякій разъ, когда онъ обращался къ ихъ знаніямъ и опытности. Теперь согласно съ ихъ указаніями, архитектору Богомолову удалось замѣнить поврежденный монолитъ двумя новыми камнями такъ искусно, что черта соединенія ихъ, при самомъ тщательномъ вниманіи, съ трудомъ можетъ быть замѣчена.

Затѣмъ, днемъ открытія памятника назначено было 26-е мая 1880 г., годовщина рожденія Пушкина. Въ этотъ день предполагалось устроить въ Москвѣ торжественный обѣдъ, на который должны были собраться литераторы и депутаты отъ учрежденій и обществъ; приняты были мѣры для устройства порядка въ отправленіи по этому случаю поѣздовъ Николаевской дороги. Въ типографіи Академіи Наукъ уже были напечатаны пригласительныя повѣстки на означенный день. Совѣщаюсь съ Ѳ. П. Корниловымъ и В. П. Гаевскимъ, какъ предсѣдателемъ литературнаго фонда, о церемоніалѣ открытія памятника. Между тѣмъ со мною вступаетъ въ сношеніе С. А. Юрьевъ, какъ предсѣдатель общества любителей россійской словесности, которое пожелало взять въ свои руки устройство празднествъ по случаю открытія памятника. Ректоръ Московскаго университета, Н. С. Тихонравовъ, телеграммою увѣдомляетъ меня о согласіи на мою просьбу предоставить комитету университетскую актовую залу для публичнаго засѣданія въ день торжества. Отъ имени комитета печатается въ газетахъ объявленіе о приглашеніи къ отправленію въ Москву депутацій. Чрезъ нѣсколько дней мы получаемъ отъ Московской городской думы предложеніе воспользоваться ея залою для торжественнаго засѣданія и пріема депу-

тацій, и по соглашенію съ ректоромъ университета принимаемъ это предложеніе. Мая 22-го я отправляюсь въ Москву, куда статсъ-секретарь Корниловъ уѣхалъ уже нѣсколькими днями ранѣе. На желѣзной дорогѣ узнаю отъ начальника петербургской станціи горестное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Александровны утромъ того же дня; но такъ какъ по предварительному условію меня ждутъ въ Москвѣ, то я не могу отложить своей поѣздки. Послѣ бывшей тамъ, въ день моего пріѣзда, панихиды по усопшей государынѣ, совѣщаюсь съ митрополитомъ Макаріемъ и Ѳ. П. Корниловымъ о порядкѣ открытія и освященія памятника. Вслѣдъ за тѣмъ. Ѳ. П. и я являемся къ генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову, который удостоиваетъ насъ самаго любезнаго пріема и приглашаетъ ежедневно къ своему столу, за которымъ всегда будутъ для насъ готовые приборы. Между тѣмъ по поводу постигшей Россію тяжкой утраты, министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Лорисъ-Меликовъ) телеграфировалъ князю, что „открытіе памятника отлагается на нѣкоторое время", и скоро послѣ того, по соглашенію князя съ нами, днемъ открытія было избрано 3-е іюня. Въ предположеніи вернуться къ этому числу въ Москву мы уѣхали въ Петербургъ, чтобы 28-го мая присутствовать на погребеніи императрицы. Но 31-го мая послѣдовала, по недоразумѣнію, новая отсрочка дня открытія: случилось, что старая телеграмма князя Долгорукова къ принцу Ольденбургскому о томъ, что открытіе отложено, была принята за вновь полученную. Вслѣдствіе этой ошибки, предназначенный 1-го іюня льготный поѣздъ желѣзной дороги отмѣненъ былъ въ ту самую минуту, когда на станцію пріѣзжали депутаты, чтобы занять свои мѣста, а нѣкоторые уже и расположились въ вагонахъ. Можно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ распоряженіемъ. Что касается меня, то я все-таки поѣхалъ (Корниловъ былъ уже въ Москвѣ), такъ какъ на другой день мы обѣщались быть на обѣдѣ, который московскіе лицеисты давали намъ, какъ членамъ комитета по сооруженію памятника. 3-го іюня генералъ-губернаторомъ получено было изъ Петербурга по телеграфу извѣстіе, что открытіе окончательно разрѣшено на 6-е іюня. 4-го прибылъ въ Москву для участія въ торжествѣ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, которому мы съ Корниловымъ въ тотъ же день и представились въ зданіи Воспитательнаго Дома. Въ невольномъ замедленіи открытія памятника его высочество признавалъ хорошую сторону, такъ какъ оно дало возможность сдѣлать, не торопясь, всѣ приготовленія къ празднеству. Дальнѣйшихъ подробностей не касаюсь: все относящееся къ описанію пушкинскихъ дней собрано въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Вѣнокъ на памятникъ Пушкину.*

Извлеченіе изъ Отчета о первомъ присужденіи премій А. С. Пушкина. [1]).

Мысль о сооруженіи памятника нашему великому народному поэту, возникшая въ 1861 году при празднованіи 50-лѣтія съ основанія Царскосельскаго лицея, возобновленная черезъ 10 лѣтъ, была такъ сочувственно принята русскимъ обществомъ, что собранныхъ по всей Имперіи добровольныхъ пожертвованій оказалось достаточнымъ на прославленіе поэта двоякимъ памятникомъ: вещественнымъ въ Москвѣ и литературнымъ въ Петербургѣ, при Академіи Наукъ.

Дѣло сооруженія вещественнаго памятника было успѣшно окончено въ 1880 году и завершено торжествомъ открытія его, которое неожиданно обратилось въ небывалый у насъ общественно-литературный праздникъ во имя знаменитѣйшаго русскаго писателя.

Оставалось дать назначеніе тѣмъ 20.000, которыя за всѣми издержками этого сооруженія были сбережены комитетомъ отъ собранныхъ на памятникъ 100,000 р. Комитетъ, не считая себя въ правѣ рѣшить этотъ вопросъ по своему усмотрѣнію, пригласилъ для обсужденія его нѣсколькихъ лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, изъ круга ученыхъ и литераторовъ. Результатомъ собранія, происходившаго 23 января 1881 года, было учрежденіе при Академіи Наукъ премій имени Пушкина за изслѣдованія по исторіи языка и литературы, а также за сочиненія по изящной словесности какъ въ прозѣ такъ и въ стихахъ.

Изъ процентовъ съ капитала въ 20.000 учреждена ежегодная премія въ 1,000 р., могущая быть раздѣляема на двѣ половинныя, каждая въ 500 руб. Первый конкурсъ объявленъ въ 1881 году. Настоящее публичное засѣданіе имѣетъ цѣлію поставить общество въ извѣстность о результатѣ этого конкурса.

На соисканіе преміи представлено было четыре сочиненія. Для разсмотрѣнія двухъ изъ этихъ трудовъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, на основаніи правилъ о преміи, пригласило постороннихъ литераторовъ и вмѣстѣ съ ними образовало комиссію, въ составъ которой, кромѣ членовъ Отдѣленія, вошли слѣдующія лица: Н. Д. Ахшарумовъ, И. Д. Гончаровъ, О. Ѳ. Миллеръ и Н. Н. Страховъ.

По выслушаніи доставленныхъ двумя послѣдними разборовъ, комиссія признала два изъ внесенныхъ на конкурсъ сочиненій заслуживающими премій: 1) **Полной** преміи сочиненіе Ап. Н. Майкова *Два міра*, напечатанное во 2-й книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ на нынѣшній годъ, и 2) **Половинной** преміи сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго, изданный въ прошломъ году подъ заглавіемъ: *На закатѣ*. Но такъ какъ, къ сожалѣнію, Академія въ настоящемъ случаѣ могла располагать только 1,000 руб., то комиссія, не желая оставить одного изъ достойныхъ соискателей вовсе безъ преміи, нашлась вынужденною раздѣлить эту сумму поровну между обоими.

(Слѣдуютъ разборы того и другого труда)

---

[1]) Составленнаго академикомъ Я. К. Гротомъ и читаннаго имъ въ публичномъ засѣданіи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1882 года.

XV.

1. ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ И. И. МАРТЫНОВУ [1])

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написалъ піэсу на пріѣздъ Государя Императора: исполняю ваше повелѣнье.—Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему, начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь щастливъ буду я ежели его Сіятельство Графъ Алексѣй Кириловичъ [2]) благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведенье неопытнаго Стихотворца!

Надѣясь на крайнее Ваше снизхожденье, честь имѣю пребыть

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Александръ Пушкинъ.

1815 года
28 Ноября.
Царское Село.

Изнанка листа, или 2-я стр., исчерчена парафами.

Это самое раннее изъ извѣстныхъ донынѣ писемъ А. С. Пушкина. Оно писано къ И. И. Мартынову, директору Департамента Народнаго Просвѣщенія. При этомъ письмѣ было отправлено въ Петербургъ стихотвореніе Пушкина „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году“.

Подлинный автографъ написанъ на почтовомъ листѣ тщательнымъ почеркомъ, но, очевидно, онъ былъ потомъ вновь переписанъ начисто, такъ какъ въ немъ слова́ „Его Величеству“ зачеркнуты, и вмѣсто ихъ надъ строкою набросаное сокращенно другой рукою: „Государю Императору“.

Письмо это, которымъ объясняется происхожденіе названнаго стихотворенія, сохранилось въ семейномъ архивѣ М. В. Вольховской, вдовы

[1]) Напечатано было въ Русск. Архивѣ 1889, к. III (№ 12), стр. 507.
[2]) Тогдашній министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій.

Владимира Дмитріевича Вольховскаго [1]) и сестры Ивана Васильевича Малиновскаго, товарищей и друзей Пушкина. За полученіе въ даръ этого драгоцѣннаго автографа приношу глубокую признательность почтенной Марьѣ Васильевнѣ, которая доставила мнѣ его чрезъ посредство своего племянника Антона Ивановича Малиновскаго, также лицейскаго воспитанника. Передаю его во всей точности, съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи.

---

2. ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ В. Д. ВАЛЬХОВСКОМУ *).

Обращаюсь къ тебѣ, почтенный мой Владиміръ Дмитріевичъ, съ дружеской и покорнѣйшей просьбою: Графъ Забѣла ѣдетъ служить въ Грузію подъ твоимъ начальствомъ. Друзья и родственники просятъ для него твоего покровительства и благорасположенія, которое и необходимо ему въ его положеніи. Знаю что мое предстательство, въ этомъ случаѣ совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издали напомнить тебѣ о старомъ, лицейскомъ товарищѣ, искренно тебѣ преданномъ.

Посылаю тебѣ послѣднее мое сочиненіе, Исторію Пугачевскаго Бунта. Я старался въ немъ изслѣдовать военныя тогдашнія дѣйствія и думалъ только о ясномъ ихъ изложеніи, что стоило мнѣ немалаго труда, ибо начальники дѣйствовавшіе довольно запутанно еще запутаннѣе писали свои донесенія, хвастаясь или оправдываясь ровно безтолково. Все это нужно было сличать, повѣрять etc.; мнѣніе твое касательно моей книги во всѣхъ отношеніяхъ было-бы драгоцѣнно.

Будь здравъ и щастливъ.
А. Пушкинъ.

22 іюля
1835 г.
С.П.Б.

Это письмо Пушкина печатается здѣсь впервые. Найденное нами въ бумагахъ, которыми пользовался Я. К. Гротъ для своихъ статей о

---

[1]) По разсказу одного изъ родственниковъ его оказывается, что фамиліи *Волховскихъ* и *Вольховскихъ* принадлежатъ одному и тому же роду, но Владимиръ Дмитріевичъ Вольховской съ самаго поступленія въ Лицей сталъ писать свою фамилію съ *еремъ*. Современникъ добавляетъ, что въ послѣднее время жизни Владимира Дмитріевича одинъ изъ недруговъ его обратилъ вниманіе императора Николая на такое измѣненіе, съ перемѣщеніемъ и акцента, какъ ополяченье Русскаго имени и что Государь выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе на Вольховскаго, который и безъ того былъ въ немилости по наговору своего начальника барона Розена на Кавказѣ.

*) Удерживаемъ правописаніе подлинника. *Ред.*

лицеѣ и товарищахъ Пушкина, оно, вѣроятно, получено было имъ позднѣе и потому не попало въ составленную имъ книжку. Оно написано яснымъ почеркомъ на листкѣ желтоватой почтовой бумаги въ 4-ку (другая половина котораго оторвана) и хорошо сохранилось.

Въ обозначенiи даты письма, именно года, послѣдняя цифра написана совершенно какъ 3, такъ что при первомъ взглядѣ мы могли прочесть только *1833 г.* и недоумѣвали, такъ какъ извѣстно, что „Исторiя Пугачевскаго Бунта“ печаталась лишь въ 1834 г., а вышла въ самомъ началѣ 1835 г. Однакожъ внимательный осмотръ бумаги убѣдилъ насъ, что тутъ дѣло просто въ неясности почерка или опискѣ, что слѣдуетъ читать 1835 годъ, ибо на бумагѣ оттиснуты водяными знаками, кромѣ буквъ А и Г, цифры года: 1834.

Письмо это свидѣтельствуетъ о непрекращавшихся дружескихъ отношенiяхъ между Пушкинымъ и однимъ изъ его лучшихъ лицейскихъ товарищей, котораго онъ, какъ извѣстно, встрѣтилъ въ 1829 г. подъ Карсомъ у Паскевича (см. выше, стр. 73), а кромѣ того оно любопытно отзывомъ, сдѣланнымъ самимъ Пушкинымъ въ нѣсколькихъ словахъ относительно своей работы надъ исторiей Пугачевскаго Бунта.

Издатель.

XVI.

ЕЩЕ О ЛИЦЕЙСКИХЪ ТОВАРИЩАХЪ ПУШКИНА.

1. ДЕКАБРИСТЪ ВЪ СИБИРИ [1]).

Одинъ изъ немногихъ еще остающихся въ живыхъ товарищей Пушкина, С. Д. Комовскiй, съ просвѣщенною любовью сохранившiй въ своемъ домашнемъ архивѣ нѣсколько цѣнныхъ документовъ относительно перваго перiода Царскосельскаго Лицея, недавно передалъ мнѣ нижеслѣдующее любопытное письмо съ правомъ напечатать его.

Ив. Ив. Пущинъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ Пушкинымъ товарищей. По выпускѣ изъ Лицея онъ поступилъ въ Московскiй Надворный Судъ съ тою мыслiю, что наши присутственныя мѣста никогда не облагородятся, если ихъ будутъ обѣгать порядочные люди. Вотъ что подало Пушкину поводъ въ первоначальной редакцiи извѣстной „Лицейской Годовщины“ сказать, обращаясь къ этому товарищу:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтенiе гражданъ.

---

[1]) Напечатано въ Русск. Архивѣ, 1879, 3, стр. 469.

При окончательной отдѣлкѣ стихотворенія поэтъ зачеркнулъ эти стихи, но удержалъ другіе, также относящіеся къ Пущину:

Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Въ Атенеѣ, журналѣ, издававшемся въ Москвѣ въ 1859 году, помѣщенъ былъ чрезвычайно интересный отрывокъ изъ Записокъ Пущина.

Читатели конечно оцѣнятъ всю занимательность печатаемаго здѣсь письма, замѣчательнаго между прочимъ по той простотѣ и тому сердечно-спокойному тону, съ какими авторъ, давно отрезвившійся отъ своихъ юношескихъ заблужденій и умудренный несчастіемъ, изливаетъ свою душу передъ почитаемымъ и любимымъ воспитателемъ.

Письмо И. И. Пущина къ директору Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардту.

26 февраля 1845 г. (Ялуторовскъ).

Вы очень справедливо заключаете, что я доволенъ моимъ пребываніемъ въ Ялуторовскѣ. Насъ здѣсь пятеро товарищей; живемъ мы ладно, толкуемъ откровенно, когда собираемся, что̀ случается непремѣнно два раза въ недѣлю: въ Четвергъ у насъ, а въ Воскресенье у Муравьева [1]). Обѣдаемъ, безъ большихъ прихотей, вмѣстѣ, потомъ или отправляемся ходить, или садимся за вистъ, чтобъ доставить нѣкоторое развлеченіе нашему старому товарищу *Тизенгаузену*, который и старъ и глухъ, и къ тому же, можетъ быть, по необходимости охотникъ посидѣть за зеленымъ столомъ. Прочіе дни проходятъ въ занятіяхъ всякаго рода — и умственныхъ, и механическихъ. Слава Богу, время не останавливается: скоро минетъ двадцать лѣтъ Сибирскимъ разнаго рода существованіямъ. Въ итогѣ, можетъ быть, окажется что-нибудь дѣльное: цѣль освящаетъ и облегчаетъ заточеніе и ссылку. Большаго сближенія съ чиновнымъ людомъ у насъ нѣтъ; но вообще всѣ они очень хорошо понимаютъ насъ и оказываютъ всевозможное вниманіе. Бѣда только въ томъ, что народъ все пустой, и бо́льшею частію съ пушкомъ на рыльцѣ; это обстоятельство мѣшаетъ и имъ быть съ нами, зная, что мы явно противъ этого общаго обычая. Одна семья, съ которою я часто видаюсь,

---

[1]) Матвѣя Ивановича.

это семья купца *Балакшина.* Очень человѣкъ добрый и смышленый; пріятно съ нимъ потолковать и пріятно видѣть готовность его на всякую услугу: въ полномъ смыслѣ слова вѣрный союзникъ, исполняетъ наши порученія, выписываетъ намъ книги, журналы, которые иначе должны бы были съ громкимъ нашимъ прилагательнымъ отправляться въ Тобольскъ, прежде нежели къ намъ доходить. Все это онъ дѣлаетъ съ какимъ-то радушіемъ и пріязнію. Горько слышать, что наше 19 октября [1]) пустѣетъ: видно и чугунное кольцо [2]) стирается временемъ. Трудная задача такъ устроить, чтобъ оно не имѣло вліянія на здѣшнее хорошее. Досадно мнѣ на нашихъ звѣздоносцевъ; кажется, можно бы сбросить эти пустыя регаліи и явиться запросто въ свой прежній кругъ. Мысленно я часто въ вашемъ тѣсномъ кругу съ прежними вѣрными воспоминаніями. У меня какъ-то они не старѣютъ. Вижу васъ, Марью Яковлевну такими, какъ я васъ оставилъ; забываю, что я самъ далеко не тотъ, что̀ прежде. Оставивъ въ сторону хронологію, можно такъ живо все это представить, что сердце не вѣритъ давности. Скоро я надѣюсь увидѣть *Вильгельма* *), — онъ долженъ проѣхать черезъ нашъ городъ въ Курганъ, я его на нѣсколько дней заарестую. Надобно будетъ послушать и прозы и стиховъ. Не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ на гласисѣ крѣпостномъ насъ собирали — это тоже довольно давно. Получалъ изрѣдка отъ него письма, но это не то, что̀ свиданіе. Вальховскаго біографію мнѣ прислалъ Малиновскій давно. Спасибо ему, что онъ напечаталъ, но напрасно тутъ слишкомъ много казеннаго формуляра. Я и послѣ смерти доброй моей Марьи не перестаю писать къ Малиновскому и къ его сыну. Кажется, мальчикъ умный и способный. Что-то его ждетъ впереди? Если вамъ лишній мой списокъ письма Сперанскаго, то вы при случаѣ мнѣ его возвратите. Странно, что я не догадался заранѣе, что вѣрно вы давно его читали. Другихъ замѣчательныхъ рукописей у Словцова не оказалось. Были еще письма Сперанскаго о религіи; одно изъ нихъ будетъ напечатано въ Москвитянинѣ. Словцовъ тотъ самый, котораго вы знали во время оно. Прочтите его исторію Сибири, недавно изданную. Слогъ тяжелъ, изложеніе странное, но есть любопытные факты и какой-то свой взглядъ. Трудолюбія въ покойникѣ было много; но мало даровитости.

5-го марта. Вы все хотите имѣть подробное свѣдѣніе объ Ялуторовскѣ. Право, ничего нѣтъ особенно занимательнаго ни въ политическомъ, ни въ естественномъ отношеніи. Управленіе тоже самое, что̀ и за Ураломъ, съ одною только существенною, коренною выгодою:

---

[1]) Лицейская годовщина.

[2]) Е. А. Энгельгардтъ роздалъ такія кольца воспитанникамъ 1-го выпуска въ знакъ прочности лицейскаго союза. Объ Энгельгардтѣ см. Р. Архивъ 1872, 1462.

*) Кюхельбекеръ.

нѣтъ крѣпостныхъ. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имѣетъ необыкновенно полезное вліяніе на край и безъ сомнѣнія подвинетъ ее впередъ отъ Россіи. Я не иначе смотрю на Сибирь, какъ на Американскіе Штаты: богата всѣми царствами природы. Измѣните нѣсколько постановленія, все пойдетъ улучшаться. Спасибо Киселеву, что онъ это понимаетъ, и въ доказательство состоялся въ 1842 году законъ, чтобы не иначе отводить въ Сибири земли подъ разныя заведенія, какъ съ условіемъ обработывать ихъ вольными работниками. Эта мѣра была необходима: многіе хотѣли перевести заразу крѣпостныхъ на Сибирскую почву. Въ несчастныхъ нашихъ чиновникахъ и здѣсь есть страсть, только что дослужатся до кол. ассессора, тотчасъ заводить дворню; но большею частію эта дворня, по смерти кол. ассессора, получаетъ свободу, потому что дѣти не имѣютъ права владѣть, родившись прежде этого важнаго чина. Вообще здѣсь, можно сказать, почти нѣтъ помѣщиковъ; есть двѣ три маленькія деревеньки въ Тобольской губерніи, но и тамъ невольнымъ образомъ помѣщики не могутъ наслаждаться своими правами: стараются владѣть самымъ скромнымъ образомъ. Сосѣдство свободныхъ селеній имъ бѣльмо на глазу. Народъ смышленый, довольно образованный сравнительно съ Россіей, за малыми исключеніями, и вообще состояніе уравнено: не встрѣчаете большой нищеты. Живутъ опрятно, домы очень хороши; ѣдятъ какъ нельзя лучше. Не забудьте, что край наводняется ссыльными: это зло, но оно не такъ велико, при условіяхъ мѣстныхъ Сибири, хотя все-таки правительству слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Можетъ быть, оно не можетъ потому улучшать положенія ссыльныхъ, чтобы не сдѣлать его приманкою для крѣпостныхъ и солдатъ. При сцѣпленіи общемъ въ этой огромной машинѣ, надобно начать съ уменьшенія зла тамъ; тогда и здѣсь будетъ поселенецъ не тяжелъ для старожиловъ. Нельзя же, чтобъ часть населенія того же государства была обречена быть мѣстомъ изверженія тѣхъ, которыхъ не терпятъ въ другой его части. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ по справедливости уменьшать вредъ отъ нихъ, давая имъ способы къ обзаведенію. Этого ничего нѣтъ. Мудрено на бумагѣ обо всемъ этомъ толковать. Если бы вы сами сюда пріѣхали, обо многомъ мы потолковали бы. Жаль, что мѣстное начальство ничего не понимаетъ. Одинъ Сперанскій чего-то хотѣлъ для Сибири, но и его предначертанія требуютъ измѣненій и частію развитій; между тѣмъ какъ теперь сибирское учрежденіе совершенно искажаютъ въ лучшихъ его основаніяхъ. Сенатора [1]) прислали съ цѣлой *ордой правовѣдцевъ;* они все очищаютъ только бумаги, и никакой рѣшительно пользы не будетъ отъ этой дорогой экспедиціи. Кончится тѣмъ, что сенатору, кото-

---

[1]) Михаила Николаевича Жемчужникова.

*

раго я очень хорошо знаю съ давнихъ лѣтъ, дадутъ ленту, да и баста. Впрочемъ, это обыкновенный ходъ вещей у насъ. Пора перестать удивляться и желать только, чтобы наконецъ начали добрые, терпѣливые люди думать: нѣтъ ли возможности какъ-нибудь иначе все это устроить? Надобно надѣяться, что настанетъ и эта пора. Многихъ *правовѣдцевъ* я видѣлъ; но вообще они мнѣ не понравились: не нахожу въ нихъ того, что меня щекотало въ ихъ годы. Все вообще народъ сонный и ничего нѣтъ увлекательнаго; какое-то равнодушіе въ началѣ пути, равнодушіе непростительное и уставшему нашему брату. Можетъ быть, при короткомъ свиданіи, мнѣ не удалось ихъ раскусить, или мы древностію своею историческою ихъ испугали, хотя мнѣ кажется съ нами-то имъ удобнѣе всего было распахнуться въ здѣшней степи, гдѣ чиновный людъ способенъ только видѣть ихъ неопытность, не подозрѣвая даже образованія залетныхъ ревизоровъ. Увидимъ, какое они сдѣлаютъ на меня впечатлѣніе на возвратномъ пути; нынѣшнюю зиму сенаторъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, долженъ вернуться во-свояси.

21-го марта. Три дни прогостилъ у меня оригиналъ Вильгельмъ. Проѣхалъ на житье въ Курганъ съ своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми дѣтьми и съ ящикомъ литературныхъ произведеній. Обнялъ я его съ прежнимъ лицейскимъ чувствомъ. Это свиданіе напомнило мнѣ живо старину: онъ тотъ же оригиналъ, только съ просѣдью въ головѣ. Зачиталъ меня стихами до нельзя; по правилу гостепріимства я долженъ былъ слушать и вмѣсто критики молчать, щадя постоянно развивающееся авторское самолюбіе. Не могу сказать вамъ, чтобъ его семейный бытъ убѣждалъ въ пріятности супружества. По моему, это новая задача Провидѣнія, устроить счастіе существъ, соединившихся безъ всякой данной на это земное благо. Признаюсь вамъ, я не разъ задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, какъ ее называетъ муженёкъ, и безпрестанный визгъ дѣтей. Выборъ супружницы доказываетъ вкусъ и ловкость нашего чудака: и въ Баргузинѣ можно было найти что-нибудь хоть для глазъ лучшее. Нравъ ея необыкновенно тяжелъ, и симпатіи между ними никакой. Странно то, что онъ въ толстой своей бабѣ видитъ разстроенное здоровье и даже нервическіе припадки, боится ей противорѣчить и безпрестанно проситъ посредничества; а между тѣмъ баба бѣснуется на просторѣ; онъ же говоритъ: „ты видишь, какъ она раздражительна!“ Все это въ порядкѣ вещей: жаль, да помочь нечѣмъ. Между тѣмъ онъ вздумалъ было мнѣ въ будущемъ Январѣ мѣсяцѣ прислать своего шестилѣтняго Мишу на воспитаніе и чтобъ онъ ходилъ въ здѣшнюю Ланкастерскую школу. Я поблагодарилъ его за довѣріе и отказался. Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство, онъ точно привязанъ ко мнѣ; но изъ этого ничего не выходитъ. Какъ-то странно смотритъ на самыя простыя вещи, все

проситъ совѣта и дѣлаетъ совершенно противное. Онъ хотѣлъ къ вамъ писать съ новаго своего мѣста жительства. Прочелъ я ему нѣсколько вашихъ листковъ. Это его восхитило; онъ, бѣдный, не избалованъ дружбой и вниманіемъ. Тяжелые годы имѣлъ въ крѣпостяхъ и въ Сибири. Не знаю, каково будетъ теперь въ Курганѣ, куда перепросилъ его родственникъ Владиміръ Глинка, горный начальникъ въ Екатеринбургѣ. Напрасно покойникъ Рылѣевъ принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было не задолго до 14 декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы отъ смѣху, не смотря, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической и довольно важной. Можетъ быть, нѣкоторые анекдоты до васъ дошли стороной. Я все говорю и не договариваю, какъ будто намъ непремѣнно должно увидаться съ вами. Ахъ, какое было бы наслажденіе! Думая объ этомъ, какъ-то не сидится. Прощайте. Началъ болтать; не знаю, когда кончится и когда до васъ дойдетъ эта болтовня, лишь бы не было послѣ ужина горчица!

29-е апрѣля. Грустно мнѣ сегодня присѣсть къ вашему листку, почтенный другъ. Почта привезла мнѣ извѣстіе о новой, горестной вашей потерѣ. Родные пишутъ, что вы похоронили дочь, мать семейства. Побѣжалъ бы къ вамъ вмѣстѣ погоревать, пожать руку вамъ, добрѣйшей Марьѣ Яковлевнѣ. Но между нами обстоятельства и Уралъ. Остается просить Бога, чтобы Онъ далъ вамъ силы перенести горькій ударъ. Я знаю, что вамъ досталось въ удѣлъ много бодрости душевной, между тѣмъ она сильно испытуется. Помоги вамъ Богъ на вашемъ трудномъ поприщѣ. Теперь опять прибавилось вамъ заботы съ внучатами. Эти заботы налагаютъ новую обязанность, облегчаютъ горе и мирятъ съ жизнію, которая врядъ-ли не тяжелымъ дѣлается мила для большей части. Необходимость испытать силы заставляетъ дѣлать усилія — это законъ общій, естественный. Еслибъ мнѣ сказали въ 1826 году, что я доживу до сегодняшняго дня и пройду черезъ всѣ тревоги этого промежутка времени, то я бы никогда не повѣрилъ и не думалъ бы найти въ себѣ возможность все это преодолѣть. Между тѣмъ и это все прошло, и кажется есть еще запасъ на то, что предстоитъ впереди. Радостнаго ожидать трудно, надобно быть на все готовымъ съ помощію Божіею. Вы все спрашиваете о положительныхъ моихъ занятіяхъ. Положительнаго одно, что всегда чѣмъ-нибудь занятъ, и что даже время скоро идетъ. Случается кой-кому помочь, написать какую-нибудь дѣловую страничку, по которой выходитъ и доброе. Переводами занимался не одинъ разъ; между прочимъ перевелъ еще въ Читинскомъ острогѣ Записки Франклина. Первая часть моей работы, а вторая — Штейнгеля. Кажется, было порядочно, и предисловіе съ посвященіемъ труда вамъ, почтенный другъ. Вы еще

въ Лицеѣ познакомили меня съ этой дѣльной книгой. Послали ее и другіе переводы къ одному родственнику Муханова, здѣшняго моего товарища, — все кануло въ море: ни слуху, ни духу. Сколько ни справлялся, ничего нѣтъ. Черновую рукопись я истребилъ по случаю бывшаго тогда тюремнаго осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены. Исторія Паскаля вамъ извѣстна. Я тогда же говорилъ Пушкину [1]), что врядъ-ли будетъ на эту книгу сбытъ; но такъ какъ у него были, при болѣзненномъ моемъ проѣздѣ въ Тобольскъ, черновыя кой-какія тетради, то онъ и сталъ переправлять и дополнять недостающее. Читаю все, что́ попадется лучшее, другъ другу пересылаемъ книги замѣчательныя, даже имѣемъ и тѣ, которыя запрещены. Находимъ дорогу: на ловца бѣжитъ звѣрь. Малютка Аннушка мѣшаетъ иногда нашимъ занятіямъ, но пріятно и съ ней повозиться. Ей скоро 3 года. Понятливая, неглупая дѣвочка. Со временемъ, если Богъ дастъ ей и намъ здоровья, возня съ нею будетъ еще разнообразнѣе и занимательнѣе. А почтовый день у меня просто какъ въ какомъ-нибудь департаментѣ. Непремѣнно всякую почту пишу и получаю письма. Сношенія съ родными, друзьями утѣшительны. Надобно быть въ Сибири, чтобы настоящимъ образомъ понять эту отраду. Въ эти годы накопилась цѣлая библіотека добрыхъ листковъ, погодно переплетены. Считайте сами, сколько томовъ составилось. Часто заглядываю на эту полку съ усладительнымъ чувствомъ. Судьба меня балуетъ дружбою, мною незаслуженной. Сколько около меня товарищей, которые лишены даже родственныхъ сношеній: снятые эполеты все уничтожили, какъ будто связи родства и дружбы зависятъ отъ чиновъ и прочихъ белендрясовъ. Жаль тѣхъ, которые не понимаютъ чувства; но больно за тѣхъ, которымъ пришлось испытать эти разочарованія. Съ будущимъ мѣсяцемъ начнемъ копаться въ огородѣ. Только врядъ-ли я буду большой помощникъ Евгенію и Михѣевнѣ, нашей доброй dame du palais. Нога въ жары какъ-то сильно напоминаетъ объ себѣ: заставляетъ сидѣть, поднявши ее вверхъ; а въ этомъ положеніи не годишься въ огородники. Домъ занимаемъ порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяетъ намъ на свой счетъ дѣлать всевозможныя поправки и за это позволеніе беретъ 250 р. въ годъ. Наружность — нѣчто въ родѣ станціи въ Россіи; но расположеніе удобно. Для насъ ничего лучшаго не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть мѣсто, гдѣ можно быть вмѣстѣ.

8-го Мая. 4-го минуло вашему Jeannot [2]) 47 лѣтъ, а сегодня онъ справляетъ свои имянины. Гости будутъ самые близкіе люди: но давно ему не удается собрать тѣхъ, кого бы хотѣлось зазвать и безъ боль-

---

[1]) Бобрищеву-Пушкину.

[2]) Т. е. самому пишущему: такъ, вѣроятно, называли его въ Лицеѣ.

шихъ затѣй угостить въ своемъ углу. Бывало, въ Лицеѣ, въ этотъ день, въ столовой, вмѣсто казеннаго чаю, стоятъ чашки, наполненныя кофеемъ со стопкой сухарей, и вся артель пьетъ съ поздравленіемъ приготовленіе Левонтія Комерскаго. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, пришлось и въ Сибири кормить мороженнымъ. Спасибо добрымъ товарищамъ, жертвуютъ для имянинника цѣлымъ днемъ; а эти дни какъ-то тяжелѣе другихъ: сильнѣе ощущаешь желаніе быть въ прежнемъ кругу. Но этотъ кругъ теперь во многомъ измѣнился; можетъ быть, иного изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтишь и во многомъ не узнаешь. Время кладетъ неумолимую свою печать. Въ послѣдній разъ, въ 1825 году, я въ Москвѣ справлялъ Майскіе свои дни; тутъ были кой-кто изъ лицейскихъ и вся magistrature renforcée, какъ называлъ насъ князь Голицынъ, генералъ-губернаторъ Московскій. Сегодня просто хотѣлось напомнить вамъ вашего молодаго питомца, который въ Зауральскомъ краю уже двадцатый разъ имянинникъ. Слѣдовало бы за это долготерпѣніе дать пряжку хоть съ правомъ носить ее въ карманѣ.

Вмѣсто этого объявлено намъ на дняхъ постановленіе Комитета гг. Министровъ, высочайше утвержденное въ Февралѣ, которымъ разрѣшено намъ отлучаться съ билетами изъ мѣстъ водворенія по уважительнымъ причинамъ: живущимъ въ городахъ на 30 верстъ, а живущимъ въ деревняхъ на 50 верстъ, и то на три дня. Совершенно неожиданная милость, поражающая своей оригинальностію. Любопытно бы было знать, кому эта мысль пришла? Я понимаю, что можно сказать: поѣзжайте по уѣзду или по губерніи или, наконецъ, по всей Сибири; а эти разстоянія совершенно въ духѣ гомеопатовъ. Гораздо простѣе ничего не дѣлать, тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ не вправѣ этого требовать, состоя на особенномъ положеніи, какъ гвардія между ссыльными, которые между тѣмъ могутъ свободно переѣзжать по краю послѣ извѣстнаго числа лѣтъ пребыванія здѣсь, и даже съ самаго привала получаютъ билетъ на проживаніе тамъ, гдѣ могутъ найти себѣ источникъ пропитанія, съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ, пока не убѣдится общество въ ихъ поведеніи. Всѣ эти постановленія напечатаны; повторять ихъ нечего. Давно бы мы здѣсь построили городъ и вспахали землю, если-бъ съ самаго начала насъ поселили въ одномъ мѣстѣ и дали возможность обзаводиться. И то женатые и въ Читѣ, и въ Петровскомъ Заводѣ настроили дома, которые пришлось бросить за безцѣнокъ, да и по городамъ многіе покупали и строили и потомъ бросали. Все это вмѣстѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ было бы полезно краю и на будущее время. Кажется, нечего опасаться, чтобъ мы здѣсь дѣлали пропаганду. Все что́ остается — это какая-то монументальная жизнь: приходятъ, спрашиваютъ и разсматриваютъ, какъ преданіе еще живое чего-то понятнаго для немногихъ.

Видятъ, что люди незлые, ни въ какихъ качествахъ не замѣшаны и въ полиціи не бываютъ. Любопытны атестаціи, которыя даютъ объ насъ ежемѣсячно городничій и волостные головы. Тутъ вы видите невѣжество атестующихъ и, смѣю сказать, глупость требующихъ отъ этихъ людей ихъ мнѣнія о томъ, чего они не понимаютъ и не могутъ понять. Пишутъ обыкновенно: „занимается книгами или домашностію, поведеніе скромное, образъ мыслей кроткій". Скажите, есть ли какая нибудь возможность положиться на наблюдателей, которые ничего не могутъ наблюсти? Масса принимаетъ за лекарей всѣхъ насъ, и скорѣе къ намъ прибѣгаетъ, нежели къ штатному доктору, который всегда и въ большой части пьянъ и даромъ не хочетъ пошевелиться. Иногда одной магнезіей вылечишь, и репутація сдѣлана, такъ что потомъ насилу можешь отговориться, когда является что-нибудь серьезное, гдѣ надобно дѣйствовать съ знаніемъ дѣла, или по крайней мѣрѣ *ученымъ* образомъ портить и морить. Заболтался. Напоминаютъ, что имянниннику пора похлопотать о предстоящихъ посѣтителяхъ. Въ эти торжественные дни у насъ обыкновенно отворяется одна дверь, которая заставлена ширмою, и романтическій нашъ распорядокъ въ домѣ принимаетъ видъ классическій. Пора совершить это превращеніе. Прощайте.

25-е мая. Прошли еще двѣ недѣли, а листки все въ моемъ бюварѣ. Не знаю, когда они до васъ доберутся. Сегодня получилъ письма, посланныя съ Бибиковымъ. Его самого не удалось видѣть; онъ проѣхалъ изъ Тюменя на Тобольскъ. Видно, онъ съ вами не видался: отъ васъ нѣтъ ни строчки. А я все надѣялся, что этотъ молодой союзникъ васъ отыщетъ и поговоритъ съ вами о здѣшнемъ нашемъ бытѣ. Муравьевъ, мой товарищъ, его дядя, и онъ уже нѣсколько разъ навѣщалъ нашъ Ялуторовскъ. Начались Сибирскіе наши жары, которые въ родѣ тропическихъ. Моя нога ихъ не любитъ; я принужденъ былъ бросить кровь и нѣсколько дней прикладывать ледъ. Это замедляетъ дѣятельность; надобно впрочемъ платить дань своему возрасту и благодарить Бога, что свѣжа голова. Бѣда какъ она начнетъ прихрамывать; а съ ногой еще можно поправиться. Бѣдный Михайло тоже нѣсколько разбитъ, только разница въ томъ, что онъ былъ подъ пулями, а я въ крѣпости началъ чувствовать боль, отъ которой сдѣлалось растяженіе жилы, и хроническая эта болѣзнь идетъ своимъ ходомъ. Вылечиваться я и не думаю, а только разными охлаждающими средствами чиню ее, какъ говаривалъ нѣкогда нашъ знаменитый Пешель [1]). Братъ Петръ прислалъ мнѣ „Тарантасъ". Вѣрно вы читали его и согласитесь, что это пріятное явленіе на Русскомъ словесномъ полѣ. Надобно только бросить конецъ вонъ: по моему очень глупъ. Мы просто проглотили

---

[1]) Францъ Осиповичъ, памятный въ преданіяхъ Царскосельскаго Лицея докторъ большой говорунъ, очень любимый воспитанниками; оставался въ Лицеѣ чуть ли е до 40-хъ годовъ.

эту новинку; теперь я ее посылаю въ Курганъ: пусть *Кюхельбекеръ* посмотритъ, какъ пишутъ добрые люди легко и просто. У него же, напротивъ, все пахнетъ какимъ-то неестественнымъ, разстроеннымъ воображеніемъ: все неловко, какъ онъ самъ, а охота пуще неволи, и говоритъ, что наше общество должно гордиться такимъ поэтомъ, какъ онъ. Извольте тутъ вразумлять! Сравниваетъ даже себя съ Байрономъ и Гете. Ѣздитъ верхомъ на своемъ Ижорскомъ, который отъ начала до конца нестерпимая глупость. Первая часть была напечатана покойнымъ Пушкинымъ. Вамъ, можетъ быть, случилось видѣть букъ и кикиморъ, которыя дѣйствуютъ въ этомъ, такъ называемомъ, Шекспировскомъ произведеніи. Довольно.

9-го іюня. Сегодня проснулся въ Лицейскомъ залѣ. Поистерся немного чугунъ на моемъ кольцѣ, но воспоминаніе свѣжо. Мысленно мы вѣрно съ вами встрѣтились; вѣрно вы взглянули на вашъ первокурсный списокъ и помянули живыхъ, мертвыхъ и полу-живыхъ и полу-мертвыхъ. Нелегко мыслію пройдти разстояніе отъ 1817 по 1845. Я знаю только, что изъ всѣхъ этихъ годовъ, 8 для меня прошли въ свѣтѣ, остальные имѣютъ свои эпохи и впечатлѣнія. Много бы надобно говорить, чтобы все это передать въ порядкѣ. Не достанетъ у васъ терпѣнія читать; слушать, можетъ быть, согласились бы, потому что можете, когда захотите, велѣть замолчать. Какъ нарочно случился сегодня почтовый день; надобно присѣсть къ маленькимъ листкамъ — будетъ всего три: одинъ на Западъ, другіе два на Востокъ въ Иркутскъ; около него также разсѣяна большая колонія нашихъ.

21-е іюня. Не судьба моей болтовнѣ къ вамъ отправиться. Сегодня въ ночь заѣзжалъ Казадаевъ; я, пока онъ здѣсь былъ, успѣлъ сказать нѣсколько словъ братьямъ Михайлѣ и Николаю, а ваше письмо до другаго разу осталось. Михайло прислалъ мнѣ фасадъ новаго дворца въ Конюшенной улицѣ [1]); архитектура оригинальна и хороша; какъ-то они кончили отдѣлку этого огромнаго зданія? Потомъ каково пойдетъ наемъ и уплата процентовъ? Я хотѣлъ нынѣшнее лѣто перестроить баню, но отложилъ это предпріятіе, потому что Польская лотерея мнѣ ничего не вывезла; на нее была маленькая надежда, и она въ числѣ многихъ другихъ покамѣстъ осталась безъ исполненія. Всѣ наши билеты, пишетъ сестра, остались пустыми. Можетъ быть, Казадаевъ съ вами повидается; онъ человѣкъ очень добрый, инспекторствовалъ здѣсь два года по почтовой части, объѣхалъ всю Сибирь и познакомился со всѣми нашими, разсыпанными по огромному пространству.

Весна обѣщала много хорошаго; у насъ перепадали теплые дожди, а потомъ опять обыкновенная засуха. Нельзя еще ничего положитель-

---

[1]) Извѣстный своею обширностію домъ Пущина съ проходными насквозь дворами, теперь принадлежитъ, кажется, третьему уже владѣльцу.

наго сказать объ урожаѣ: мѣстами, говорятъ, хорошъ; но вообще лучше послѣднихъ годовъ. Овощи огородные у насъ всѣ вообще хорошо родятся; капуста лучшая продается по 5 и по 4 сотня, а картофель по 30 коп. пудовка. Одна рѣпа здѣшняя не вкусна; можетъ быть это отъ грунта земли или отъ дурныхъ сѣмянъ. Ягоды: земляника, лѣсная клубника, немного малины и миліонъ брусники. Я вамъ ихъ назвалъ по порядку ихъ появленія на сцену. Теперь мы ѣдимъ землянику à discrétion. Здѣшній округъ ягодами бѣднѣе другихъ. Въ Тобольскомъ и Туринскомъ кромѣ того есть княженика и морошка. Плоды здѣсь не существуютъ, развѣ только на Исетѣ вишни, и то небольшія и довольно кислыя; хороши только въ вареньи и въ уксусѣ. Въ огородахъ производятъ дыни и арбузы, какъ я уже вамъ говорилъ. Устроивши оранжерею, можно бы все имѣть; но это слишкомъ сложно и не стоитъ хлопотать. Флора здѣшняя, т. е. Западной Сибири, несравненно бѣднѣе Восточной; тамъ и мѣстность, и растительность, и воды совсѣмъ другія. Отъ самаго Томска на Западъ томительная плоскость; между тѣмъ какъ на Востокѣ горы, живописныя мѣста и само небо темно-голубое, а не сѣроватое, какъ часто здѣсь бываетъ. Климатъ вообще здоровый, сухой. Большихъ болѣзней не бываетъ, только въ сильные жары хвораютъ дѣти, и то не всегда. Ничего особеннаго нѣтъ; по сельскому хозяйству новыхъ системъ здѣсь не существуетъ; мужички дѣйствуютъ по старому, какъ отцы и дѣды дѣйствовали: все родится безъ удобренія. Ваша газета [1]) получается только въ Духовномъ Правленіи; нужно, чтобъ кто нибудь изъ крестьянъ въ нее заглядывалъ; они еще не считаютъ нужнымъ читать, но очень заботятся, чтобъ новое поколѣніе было грамотное, и это распространяется повсемѣстно въ Сибири. Жаль только, что наше премудрое министерство просвѣщенія не тѣмъ занимаетъ этихъ парней, чѣмъ бы слѣдовало: имъ преподаютъ курсъ уѣзднаго училища, который долбится и потомъ безъ всякой пользы забывается, между тѣмъ какъ рѣдкій мальчикъ умѣетъ хорошо читать и писать при выходѣ изъ училища. Таже исторія и у васъ; многое и тутъ требуетъ измѣненія, но видно еще не пришла пора. — Пришла пора идти купаться въ Тоболь. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій. У насъ есть ванна, но какъ-то плохо устроена. Пришлите мнѣ рисунокъ и разрѣзъ чего нибудь порядочнаго въ этомъ родѣ, чтобъ она была раздѣлена на двѣ половины и была устроена на баркѣ, а не на плоту, гдѣ съ ящикомъ какъ-то неудобно. Можетъ быть, мы весной справимъ новую купальню. Это для всего города пріятно. Одна половина будетъ мужская, а другая — женская. Плавать я не умѣю, хоть въ Лицеѣ насъ учили, и потому я барахтаюсь въ ваннѣ.

---

[1]) Земледѣльческая Газета, которая долго издавалась подъ редакціей Е. А. Энгельгардта.

12-го іюля. Надоѣло мнѣ ожидать случая, а вы, я думаю, давно вините меня въ неисправности. Пусть эти листки идутъ прямо въ редакцію Земледѣльческой Газеты. Это гораздо простѣе. Пора вамъ читать мою болтовню; мало толку въ ней найдете, но и поэтому узнаете вашего неизмѣннаго, стараго друга, который дружески, крѣпко васъ обнимаетъ и проситъ привѣтствовать всѣхъ вашихъ домашнихъ и добрыхъ посѣтителей, вѣрныхъ нашей старинѣ. Въ главѣ ихъ вижу Фрицку. Пожмите ему за меня руку и вспомните иногда въ вашихъ бесѣдахъ. Вѣрно вмѣстѣ будете разбирать мою грамотку, которая отправляется подъ фирмою матеріаловъ для газеты, а оныхъ-то въ ней и не обрѣтетъ почтовый редакторъ. Для успокоенія вашей совѣсти надобно вамъ сказать, что всходы были хороши; но бездождіе, почти повсемѣстное въ Тобольской губерніи, не обѣщаетъ обильной жатвы. Страдовать еще не начали, но уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косятъ хлѣбъ, какъ никуда негодный. Это неутѣшительное извѣстіе. Травы также тощи: Евгеній [1]) не очень доволенъ нашимъ покосомъ; въ награду вчера его такъ смочило, когда онъ оттуда возвращался, что нитки не осталось сухой. Гораздо бы лучше было, если-бъ этотъ дождь палъ раньше, и не на него, а на траву, которую мы нанимаемъ на городскихъ лугахъ. Впрочемъ сѣна будетъ довольно для нашихъ двухъ коровъ и для рыжки. Надобно благодарить Бога, что нынѣшній годъ не было падежа на скотъ: лонись [2]) (сибирское выраженіе) пало въ городѣ изъ 800 штукъ рогатаго скота слишкомъ пятьсотъ. Это бѣдствіе часто въ Сибири бываетъ. Есть селенія, гдѣ почти ни одной коровы не осталось. Почти никакихъ мѣръ не принимаютъ къ прекращенію этого зла, да и трудно что нибудь сдѣлать. Заботливый только хозяинъ находитъ возможность убрать свой скотъ, отдѣливши его совершенно отъ другихъ. Мы своихъ сохранили въ прошломъ году: пускали кровь, обливали холодной водой и поили разными снадобьями освѣжающими, для отвращенія воспаленія въ кишкахъ. По наблюденіямъ это причина упадка. Не знаю, дойдутъ-ли нынѣшній годъ наши дыни и арбузы. Рано начались холодныя росы, сегодня утромъ просто пахло осенью. Если это продолжится, то врядъ-ли дозрѣютъ на извѣстныхъ вамъ лунькахъ. Однако прощайте, почтенный другъ. Вы, я думаю, и не рады, что заставили меня отъ времени до времени на бумагѣ бесѣдовать съ вами, какъ это часто мнѣ случается дѣлать мысленно. Не умѣю отвыкнуть отъ васъ и добраго вашего семейнаго круга, съ которымъ я сроднился съ первыхъ моихъ лѣтъ. Дайте вѣсть, что благополучно дошли матеріалы нематеріальные.

---

[1]) Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.

[2]) *Лонись* значитъ прошлаго года.

2. П. Ѳ. ГРЕВЕНИЦЪ [1]).

Написанное Пушкинымъ въ лицеѣ стихотвореніе „Mon portrait" посвящено его товарищу барону Павлу Ѳедоровичу Гревеницу. Объ этомъ интересномъ, хоть и мало извѣстномъ лицѣ мнѣ удалось недавно получить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній чрезъ посредство родственника его Е. А. Перетца [2]). Сообщаю ихъ въ дополненіе къ тѣмъ извѣстіямъ о лицейскихъ товарищахъ Пушкина, которыя напечатаны мною прежде.

П. Ѳ. Гревеницъ былъ годомъ старше Пушкина: онъ родился въ Петербургѣ 17 мая 1798 и тамъ же скончался 10 мая 1847 г. Отличаясь скромнымъ и тихимъ нравомъ, онъ, несмотря на свои замѣчательныя способности, никогда не игралъ выдающейся роли. Съ самаго выпуска изъ лицея и до смерти своей онъ служилъ въ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, и будучи однимъ изъ лучшихъ редакторовъ, пользовался большимъ расположеніемъ главныхъ своихъ начальниковъ, графа Каподистріи и графа Нессельроде. Неоднократно были ему предлагаемы мѣста въ иностранныхъ нашихъ посольствахъ, но онъ всегда отказывался, не желая разстаться съ матерью и братьями [3]), которыхъ нѣжно любилъ. Это былъ человѣкъ очень образованный. Читая почти все, что появлялось замѣчательнаго въ европейскихъ литературахъ, онъ былъ, такъ сказать, живою энциклопедіей. Любимой наукой его была ботаника; по смерти его остались многотомные гербаріи растеній, собранныхъ имъ самимъ въ окрестностяхъ Петербурга.

Въ свободные часы баронъ Павелъ Ѳедоровичъ занимался и поэзіею. Хотя произведенія его никогда не печатались, но многія изъ нихъ, писанныя какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, очень цѣнились его друзьями. На могилѣ покойнаго, на Волковомъ кладбищѣ, помѣщена весьма вѣрная эпитафія, написанная пріятелемъ его Вал. Петр. Свѣчинымъ:

Онъ душу добрую и нѣжную имѣлъ;
Поэтъ между друзей, ученый въ кабинетѣ,
Природу онъ любилъ и въ ней найти умѣлъ
И мудрости плоды, и радость въ полномъ цвѣтѣ.

---

[1]) Напечатано въ Русскомъ Вѣстн., іюль 1888 г.

[2]) Статсъ-секретарь † 19 февр. 1899 г.

[3]) Изъ братьевъ его наибольшее служебное значеніе пріобрѣлъ баронъ Александръ Ѳедоровичъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ званіи сенатора. Онъ былъ женатъ на Маріи Абрамовнѣ Перетцъ.

3. ВДОВА ПОЭТА БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА [1]).

Недавно скончалась овдовѣвшая въ 1831 году жена поэта, барона А. А. Дельвига, Софья Михайловна, дочь сенатора Салтыкова (Михаила Александровича). Она родилась въ 1809 году и девятнадцати лѣтъ, 30 октября 1828 г., вышла за Дельвига, а по смерти его (онъ умеръ въ январѣ 1831 г.)—за младшаго изъ четырехъ братьевъ Баратынскихъ, Сергѣя Абрамовича, только-что кончившаго блистательно курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ. Они тогда же поселились въ имѣніи матери Баратынскихъ, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда села Вяжна въ усадьбѣ Марѣ, гдѣ Софья Михайловна и скончалась 4-го марта нынѣшняго года. Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужъ ея нигдѣ не служилъ, но лѣчилъ безвозмездно чуть не всю Тамбовскую и Саратовскую губерніи. У Софьи Михайловны была отъ Дельвига дочь Елизавета, которая осталась въ дѣвицахъ и до сихъ поръ живетъ въ той же деревнѣ Марѣ, а отъ Баратынскаго четыре дочери, изъ которыхъ одна, Софья Сергѣевна, замужемъ за Владиміромъ Николаевичемъ Чичеринымъ, братомъ бывшаго профессора. Получивъ отличное образованіе, Софья Михайловна сохранила до глубокой старости живой умъ и горячее сердце.

---

4. ЗАМѢТКА ИЗДАТЕЛЯ.

Въ изданной недавно „*Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ*“, изъ которой выше приведены самимъ Я. К. нѣкоторыя выдержки (см. стр. 161—162), разбросано множество замѣтокъ, указаній и характеристикъ, касающихся какъ самого Пушкина и его произведеній, такъ и многихъ его лицейскихъ товарищей и друзей. Не имѣя возможности по недостатку мѣста, да и находя нецѣлесообразнымъ вырывать эти сообщенія и сужденія изъ связи письменнаго разговора, мы позволимъ себѣ здѣсь сдѣлать лишь простыя ссылки на томы и страницы „Переписки“, гдѣ идетъ рѣчь о предметахъ, насъ здѣсь интересующихъ и гдѣ встрѣчаются заслуживающія вниманія указанія, дабы такимъ образомъ облегчить дѣло всякому, кто ради этой темы захочетъ воспользоваться „Перепиской“.

---

[1]) Напечатано въ Русскомъ Вѣстн., сентября 1888 г. Записано со словъ Анны Давыдовны Баратынской, вдовы Ираклія Абрамовича, рожденной княжны Абамелекъ, воспѣтой, какъ извѣстно, Пушкинымъ: „Когда-то помню съ умиленіемъ и т. д.“

О Пушкинѣ: къ его жизни и характеристикѣ.

Томъ I: стр. 345, 357, 370, 439, **495**, 511, 538, 640.

Томъ II: 221—222, 265, 275, 437, 446, 447, 464, 487, 543, 548, 592, 598, 614, 650, 680, 693, 697, 721, 731, 959.

III: 32, 65, 159, 247, 320, 357, 378, 400, 604.

Комментаріи къ произведеніямъ Пушкина.

Томъ I: 272, 273, 281, 319, 512, 558, 697.

II: 4, 9, 158, 266, 271, 286, 294, 331, 362, 444, 512, 580, 583, 593, 603, 611, 621, 624, 634, 874, 902, 903, 904, 917, 919, 956, 958.

III: 378, 384, 395—396, 401—414, 427, 505, 738, 739.

Къ характеристикѣ личныхъ отношеній Пушкина и Плетнева.

Томъ I: 332, 488, 495, 499, 510, 538.

II: 196, 443, 447, 532, 557, 594, 731, 848, 908, 963.

III: 620.

О Царскосельскомъ лицеѣ и лицейскихъ товарищахъ Пушкина.

Томъ I: 281, 511, 512, 538.

II: 152, 362, 363, 573, 580, 584, 824, 887, 903.

III: 65, 320, 384.

Кромѣ того въ „Перепискѣ" много замѣтокъ, касающихся отдѣльныхъ личностей изъ числа лицейскихъ дѣятелей и товарищей Пушкина, напр. директора Энгельгардта, преподавателя Кошанскаго, и изъ товарищей Пушкина—Вальховскаго, Дельвига, Бакунина, Комовскаго, Корфа, Корсакова, Кюхельбекера, Стевена, Яковлева и др. Но приводить здѣсь болѣе подробныя ссылки не считаемъ нужнымъ, въ виду существованія указателя именъ въ III-мъ томѣ „Переписки".

XVII.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

ДЛЯ БІОГРАФІИ ПУШКИНА [1]).

Цѣль этого перечня — служить пособіемъ не однимъ будущимъ біографамъ Пушкина, но и вообще внимательнымъ читателямъ его, особенно пользующимся такими изданіями, гдѣ сочиненія его расположены не въ повременномъ порядкѣ. Первое изданіе „Хронологической канвы“ помѣщено въ XLII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*; теперь оно является съ дополненіями, сдѣланными С. И. Пономаревымъ и отчасти мною. На общеизвѣстные источники большею частью не ссылаемся. Изъ сочиненій Пушкина заносимъ въ перечень только важнѣйшія или находящіяся въ связи съ его біографіей. Болѣе подробный хронологическій перечень ихъ см. въ VII томѣ изданія лит. фонда, въ концѣ, стр. III — XIII *(замѣтка автора ко 2-му изданію)*.

1696. Рожденіе Абрама (Ибрагима) Петр. Ганнибала (по Лонг., *Р. А.* 1864, стр. 185,—по А. С. Пушкину, *Соч.* V, 151, [2]) Ган. родился 1688).

1705. Поступленіе Абр. Ганнибала на службу къ Петру В.

1707. Крещеніе Абр. Ганнибала Петромъ В. въ Вильнѣ.

1716. Отправленіе Абр. Ганнибала въ Парижъ на воспитаніе.

1723. Возвращеніе Абр. Ганнибала въ Россію и опредѣленіе его въ бомбардирскую роту преображенскаго полка.

— Февр. 17. Рожденіе Льва Александр. Пушкина, дѣда поэту (впослѣдствіи полковника артиллеріи), женатаго во второмъ бракѣ на Ольгѣ Вас. Чичериной. (Онъ ум. 1790).

1727. Отправленіе Абр. Ганнибала съ порученіемъ въ Сибирь.

1731. Возвращеніе Абр. Ганнибала изъ Сибири и отправленіе его Минихомъ въ деревню.

---

[1]) Статья эта печатается по 2-му изданію ея, вышедшему самостоятельно въ 1888 г. съ дополненіями *С. И. Пономарева*. Нынѣ она еще дополнена нами (а кое-гдѣ исправлена) по собственноручнымъ замѣткамъ автора въ его экземплярѣ и по сообщеннымъ намъ нѣсколькимъ новымъ дополненіямъ почтеннаго библіографа, которому приносимъ нашу искренную признательность. Новыя дополненія отмѣчаются звѣздочкой. *Ред.*

[2]) Всѣ ссылки на сочиненія Пушкина дѣлаемъ по изданію литературнаго фонда, означая только томъ и стран., а въ VII томѣ и № письма; но когда для отысканія письма достаточно одной даты его, то другого указанія не прибавляемъ.

1734. Вторая женитьба Абр. Ганнибала на Христинѣ Шёбергъ.
1735. Рожденіе Ивана Абрамовича Ганнибала.
1740. Рожденіе Петра Абр. Ганнибала.
1742. Рожденіе Осипа Абрамовича Ганнибала (дѣда Пушкина).
— Абрамъ Петр. Ганнибалъ пожалованъ въ генералъ-майоры и назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ.
1762. Іюня 8. Отставка Абрама Петр. Ганнибала по прошенію.
— При воцареніи Екатерины II Левъ Александр. Пушкинъ (дѣдъ поэта), служившій въ артиллеріи, остается вѣренъ Петру III.
1765. Сент. 2. Письмо Екатерины II къ Абр. Ганнибалу о доставленіи ей плана канала между Москвой и Петербургомъ (Ан. *Мат.* [1]). 292).
1770. Апр. 27. Рожденіе Василія Львов. Пушкина. († 1830). *По Л. Павлищеву, онъ родился въ 1779 г. (Ист. Вѣстн. 1888, іюнь, стр. 582).
— Взятіе Наварина Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1771. Во время чумы въ Москвѣ рожденіе Ник. Ник. Раевскаго (впосл. генерала). Мать его—рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова.
— Рожденіе Сергѣя Львовича Пушкина († 1848, 77-ми лѣтъ).
1775. Рожденіе Надежды Осиповны Ганнибалъ, матери Пушкина († въ 1836 г., 60-ти лѣтъ).
— Авг. 12. Рожденіе въ Ригѣ Егора Ант. Энгельгардта († 1862).
1779. Построеніе Херсона Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1781. Смерть Абрама Петр. Ганнибала на 86-мъ году (по Лонг.;—по А. С. Пушкину на 93-мъ).
1790. Смерть Льва Александр. Пушкина (род. 1723).
1796. Ноябрь. Свадьба С. А. Пушкина съ Над. Осип. Ганнибалъ въ Петербургѣ.
1797. Рожденіе Екат. Никол. Раевской, въ замуж. съ 1821 г. Орловой. (Барт. *П. въ Южн. Рос.*, стр. 52).
— Авг. 6. Рожденіе барона А. А. Дельвига въ Москвѣ († въ Пб. 1831). *По Л. Павлищеву, онъ род. авг. 6-го 1798 г.
— Сергѣй Львов. Пушкинъ оставляетъ военную службу (гвард. егерскій полкъ, въ который перешелъ изъ измайлов. при имп. Павлѣ)
— Дек. 20. Рожденіе въ Петербургѣ Ольги Серг. Пушкиной (въ замуж. Павлищевой).
1799. Марія Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта, продаетъ село Кобрино и пріобрѣтаетъ подмосковное сельцо Захарьино. Все

---

[1]) Анненкова *Матеріалы для біографіи Пушкина* цитуемъ по второму, отдѣльному ихъ изданію.

семейство переѣхало на жительство въ Москву и съ тѣхъ поръ лѣто проводитъ въ Захаровѣ до 1811 г. По другому показанію, Захарово куплено въ 1806 г. (*Москвит.* 1852, № 24, отд. IV, стр. 24).

1799. Мая 26 (день Вознесенія). Рожденіе въ Москвѣ Александра Сергѣевича Пушкина.

1801. Рожденіе Ник. Ник. Раевскаго (младшаго).

— Окт. 12. Смерть Ивана Абр. Ганнибала (род. 1735).

1802. Рожденіе Ник. Серг. Пушкина (ум. 1807 [1]).

1806. Рожденіе Льва Серг., впосл. женатаго на Елиз. Александр. Загряжской. (Онъ ум. 1852).

— Смерть Осипа Абрам. Ганнибала (род. 1742), дѣда поэту, женат. на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамб. воеводы, двоюр. сестрѣ дѣду поэта Льву Александр. (См. 1723).

Покупка сельца Захарова (*Москвитян.* 1852, № 24, отд. IV. с. 24).

1807. Смерть Николая Серг. Пушкина (род. 1802) и погребеніе его въ Вязёмахъ.

1810. Авг. 12. Имп. Александръ I утверждаетъ постановленіе о царскосельскомъ лицеѣ.

1811. Янв. 11. Обнародовано постановленіе о лицеѣ.

1811. Іюнь. Первая публикація о пріемѣ воспитанниковъ въ лицей.

— Авг. 12. А. С. Пушкинъ сдаетъ экзаменъ для поступленія въ лицей.

— Сент. 22. Подписана императорская грамота лицею.

— Окт. 19. Открытіе царскосельскаго лицея.

— „ 23 (понед.) Начало преподаванія въ лицеѣ.

— Продажа сельца Захарова.

1813. Авг. 27. Рожденіе Нат. Никол. Гончаровой (см. письма Пушкина, *Соч.* VII, 320, № 348). *По Л. Павлищеву (*Ист. Вѣстн.*, тамъ же) 26 авг. 1812 г.

1814. Янв. 27. Открытіе въ Софіи лицейскаго благороднаго пансіона.

— Марта 23. Смерть перваго директора лицея, Вас. Ѳедор. Малиновскаго.

— Мая 8. За болѣзнію проф. Н. Ѳ. Кошанскаго, назначеннаго исправлять должность директора, управленіе лицеемъ поручено конференціи.

— Мая 10. Адъюнктъ Галичъ временно замѣняетъ больного Кошанскаго (по 1-е іюня 1815 г.)

— Іюля 4. (субб.) Первое напеч. стихотв. Пушкина *Другу стихотворцу* появилось въ № 13 *Вѣстника Европы.*

---

[1]) По словамъ Л. Н. Павлищева (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1), у Сергѣя Льв. были ёще сыновья: Павелъ, Михаилъ, Платонъ и дочь Софья, умершіе въ малолѣтствѣ.

1814. Сергѣй Львов. Пушкинъ, вновь поступивъ на службу, состоитъ въ Варшавѣ начальникомъ комиссаріатской комиссіи резервной арміи.

— Сент. 13. Управленіе лицеемъ возлагается на директора лиц. пансіона Гауэншильда, а вслѣдъ за тѣмъ, по увольненіи его, на инспектора Фролова.

— Сент. 28. Гауэншильдъ вступаетъ въ должность директора лицея.

1815. Янв. 8. Экзаменъ въ лицеѣ для перехода въ старшій курсъ; Пушкинъ читаетъ *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ* въ присутствіи Державина.

— Апрѣль. Полная подпись имени поэта *Александръ Пушкинъ* является въ первый разъ въ № 4 *Россійскаго Музеума*, подъ стихотв. *Воспоминанія въ Ц. С.*

— Январь—мартъ. Пушкинъ познакомился съ Батюшковымъ. (*Соч.* Пушк. 1887, изд. Лит. 90. VII, стр. 2).

— Нояб. 28. Письмо Пушкина къ И. И. Мартынову при посылкѣ стихотворенія „на возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.“ (См. выше стр. 174).

1816. Янв. 9. Въ лицеѣ членамъ конференціи предписано поочередно управлять заведеніемъ.

— Янв. 27. Указъ о назначеніи директоромъ лицея Ег. Ант. Энгельгардта (род. 12 авг. 1775, ум. 15. янв. 1862). Воспом. о немъ *Р. Арх.* 1872, стр. 1462—1491.

— Марта 4. Энгельгардтъ вступаетъ въ должность директора лицея (остается въ ней по 31 окт. 1823=7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ).

— Марта послѣ 22-го. Посѣщеніе Пушкина въ лицеѣ Карамзинымъ съ кн. Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ (см. письмо Кар. отъ 21 марта въ *Неизд. соч.* его).

— Поступленіе въ лицей П. Е. Георгіевскаго адъюнктомъ Кошанскаго.

— Іюля 9. Смерть Державина.

1817. 10 марта. Стих. *Моему Аристарху* (въ изданіи литературнаго фонда I, 106, ошибочно отнесено къ 1815 г.: см. Ефремовское изданіе Пушкина, 1880, I, 528).

— Іюня 9. Выпускъ Пушкина изъ лицея, 19-мъ воспитанникомъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря (10-го класса).

— Іюня 10. Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ гр. Нессельроде объ удостоеніи чинами выпущенныхъ изъ лицея воспитанниковъ (Пушкина и Юдина 10-мъ классомъ) и объ опредѣленіи Пушкина и Юдина въ коллегію иностр. дѣлъ съ содерж. по 700 р. въ годъ.

1817. Іюня 13. Высочайшій указъ о томъ же.

— „ 15. Служебная присяга Пушкина.

1817. Іюля 3. Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ его по 15-е сент. въ Псковскую губ. „для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ". (*Р. Стар.* 1887, № 1).

— Іюля 8. Паспортъ Пушкину за подписью Нессельроде на отпускъ въ Псков. губ.

— Августъ (списокъ помѣч. 10-ымъ сент.) Стихотв. *Прощаніе съ Тригорскимъ.*

— Сент. 1. Письмо Пушкина къ кн. Вяземскому о недавнемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ.

— Сент. 4. Пушкинъ проводитъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ и сочиняетъ съ ними два экспромпта. (*Соч. Бат.* I, 255).

— Знакомство съ Грибоѣдовымъ (IV, 431).

1818. Февр. Пушкинъ лежитъ въ горячкѣ. (См. его замѣтку о чтеніи Исторіи Карамзина, V, 40).

— Мартъ. Стихи „Noël". (*Сказки* въ изд. Анскаго I, 194).

— Смерть бабушки Пушкина Марьи Алексѣевны Ганнибалъ (по *Родосл.* кн. Долгорукова; по Барт. 1817, по Ан. 1819).

1819. Іюля 9 [1]). Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ въ Петербург. губ. на 28 дней „по собственнымъ дѣламъ". (*Р. Стар.* 1887, № 1).

— Іюля 10. Паспортъ Пушкину, за подписью Нессельроде, на этотъ отпускъ.

— *Стихотвореніе *Деревня.*

1820. Въ мартѣ или апрѣлѣ окончаніе и печатаніе поэмы *Русланъ и Людмила*, начатой еще въ лицеѣ и писанной въ квартирѣ отца, на Фонтанкѣ, между Изм. и Калинк. мостами, близъ Покрова.

— Жуковскій даритъ Пушкину свой портретъ съ подписью: Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя и т. д.

— П. проигрываетъ Всеволожскому 1000 р. и въ уплату отдаетъ ему рукопись своихъ стихотвореній.

— Мая 4. Приказъ Нессельроде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колоній южнаго края (род. 1768 г., ум. 1845 г.).

— Мая 5. Письмо графа Каподистріи, за подписью Нессельроде, къ Инзову въ Одессу *объ отпускѣ* (un semestre) Пушкина и прикомандированіи его къ канцеляріи Инзова сверхъ штата (*Р. Ст.* 1887, № 1).

— Мая 5. Отъѣздъ Пушкина съ письмомъ Каподистріи къ Инзову въ Екатеринославъ (поэма *Русланъ и Людмила* допечатывалась).

---

[1]) Это число не подтверждается частною перепискою Пушкина: уже 9-го іюля (?) онъ пишетъ А. И. Тургеневу изъ Михайловскаго (VII, 4, № 3).

*

— Мая 15. Цензурное разрѣшеніе Тимковскаго на напечатаніе *Русл. и Людм.*

— Мая послѣднія числа. Отъѣздъ Пушкина изъ Екатеринослава на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ, выѣхавшихъ изъ Кіева 19-го мая.

— Іюня 15. Инзовъ временно назначенъ намѣстникомъ Бессарабской обл. на мѣсто уволеннаго въ отпускъ Бахметева, вслѣдствіе чего канцелярія попечительства о колоніяхъ переведена въ Кишиневъ.

1820. Іюня 26. На Кавказѣ (въ Пятигорскѣ?) оконченъ эпилогъ къ *Русл. и Людм.*

— Авг. Начатъ *Кавказскій Плѣнникъ.*

— „ первыя числа. Пушкинъ съ Раевскими ѣдетъ съ Кавказа въ Крымъ.

— Авг. 21. Одинъ изъ черновыхъ набросковъ *Кавказскаго Плѣнника* (Барт. *Ю. Р.* 38).

— Сент. Стихотв. „Погасло дневное свѣтило".

— „ Пушкинъ проводилъ Раевскихъ изъ Юрзуфа въ село Каменку, Кіев. губ. Чигир. у.

— Сент. 21. Пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ изъ Каменки. Ср. ноябрь 1822 г.

— Сент. 24. Письмо Пушкина къ брату Льву Серг. о двухмѣсячномъ пребываніи на Кавказѣ, переѣздѣ оттуда моремъ въ Керчь и Ѳеодосію и трехнедѣльномъ гощеніи въ Юрзуфѣ.

— Окт. Стихотв. *Черная шаль* (Липр., *Р. Арх.* 1866, стр. 1247).

— Окт. 20. Ссора съ М. Ѳ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ.

— Дек. 4. Письмо Пушкина къ Гнѣдичу изъ Каменки, куда онъ вторично поѣхалъ изъ Кишенева.

1821. Зимой. Поѣздка Пушкина въ Кіевъ на свадьбу М. Ѳ. Орлова съ Ек. Ник. Раевской.

— Февр. 8. Стихотв. *Земля и море* написано въ Кіевѣ.

— „ 14. Стихотв. *Муза.*

— „ 20. Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Каменку, оканчиваетъ поэму *Кавказскій Плѣнникъ.*

— Февр. 21. Ал-дръ Ипсиланти съ двумя своими братьями и съ Георг. Кантакузеномъ прибылъ изъ Кишинева въ Яссы (письмо Пушкина къ А. Н. Раевскому—мартъ 1821 г., VII, 18, № 11).

— Февр. 22. *Элегія* „Я пережилъ свои желанья".

— „ Пушкинъ былъ въ Одессѣ (VII, 19, № 11).

— Марта 5. Начало рѣзни въ Яссахъ.

— „ 11. Ал-дръ Ипсиланти перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія.

— Марта 23. Пушкинъ извѣщаетъ Дельвига объ окончаніи *Кавказскаго Плѣнника.*

1821. Марта 24. Благодаритъ Гнѣдича за присылку экземпляра *Руслана и Людмилы.*
— Апр. 2—9. Кишиневскій дневникъ (V, 147).
— „ 6—20. Посланіе къ *Чаадаеву.*
— „ 11. Стихотв. *Къ моей чернильницѣ.*
— „ 13. Запросъ Каподистріи изъ Лайбаха Инзову о поведеніи Пушкина (*Р. Стар.* 1887, № 1).
— Апр. 28. Одобрительный отвѣтъ Инзова Каподистріи о Пушкинѣ и просьба о высылкѣ поэту содержанія по 700 р. въ годъ (тамъ же).
— Май. Пушкинъ, съ дозволенія Инзова, ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и остается около мѣсяца.
— Мая 15. Эпилогъ къ *Кавказскому Плѣннику* написанъ въ Одессѣ (Барт. *Ю. Р.* 76).
— Май или іюнь. Стихотв. *Кинжалъ.*
— Іюля 18. Пушкинъ въ Кишиневѣ узнаетъ о смерти Наполеона и вскорѣ создаетъ стихотв. *Наполеонъ.*
— Сент. 21. Предлагаетъ Гречу купить для *Сына Отеч.* отрывокъ *Кавказскаго Плѣнника.*
— Нояб. 7. Высылка Катенина изъ Петербурга (VII, 49, № 38).
— Дек. 9—23. Пушкинъ сопровождаетъ Липранди въ служебной его поѣздкѣ въ Аккерманъ и Измаилъ (*Р. А.* 1866, стр. 1271).
— Дек. 26. Кончаетъ посланіе къ *Овидію.*
— Около того же вр. *Братья разбойники* (VII, 58, №№ 45 и 46)
— „ „ „ дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ (Барт. *Ю. Р.* 97).

1822. Янв. 1. Пушкинъ на праздникѣ по поводу открытія устроеннаго М. Ѳ. Орловымъ манежа дивизіи его (Барт. *Ю. Р.* 97).
— Янв. Дуэль Пушкина со Старовымъ (Барт. *Ю. Р.* 93 — 96. Ср. Липранди, *Р. А.* 1866, стр. 1416—1421).
— Февр. 4. Ссора съ Балшемъ (*Ю. Р.* 95—97).
— Марта 1. *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.*
— Мая 13. *Птичка.*
— Іюнь. Гнѣдичъ покупаетъ у Пушкина право на изданіе *Кавк. Плѣнника,* получ. имъ при п. 22 апр. (см. VII, 33, № 25).
— Іюль. Инзову поручено, оставаясь въ Кишиневѣ, исправлять должность начальника Новороссійскаго края, вмѣсто уволеннаго въ отпускъ генералъ-губернатора Ланжерона.
— Послѣ іюня. Путешествіе Пушкина въ Измаилъ (*Ю. Р.* 110, а по Липр. между февр. и іюлемъ, *Р. Арх.* 1866, стр. 1284).
— Авг. послѣднія числа. Появленіе *Кавказскаго Плѣнника.*
— Осень. Созданіе *Бахчисарайскаго фонтана.*
— Ноябрь. Послѣдняя поѣздка Пушкина въ Каменку (*Ю. Р.* 113).

1823. Янв. 13. Француз. письмо Пушкина изъ Кишинева къ Нессельроде съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ (*Р. Стар.* 1887, № 1).

— Февр. 21. Всеподдан. докладъ (француз.) Нессельроде о просимомъ Пушкинымъ отпускѣ (тамъ же).

— Марта 27. Письмо Нессельроде къ Инзову объ отказѣ государя на просьбу Пушкина (тамъ же).

— До лѣта написана *эротическая поэма*, потомъ уничтоженная. (*Пушкинъ*, Анненк. 1874, 146).

— Мая 7. Въ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора назначенъ графъ Мих. Сем. Воронцовъ.

— Мая 9. Первое начало *Евг. Онѣгина* (Поливанова *Соч. Пушкина*, IV, 178: „Когда начатъ Онѣгинъ").

— Май. Пушкинъ, находясь съ разрѣшенія Инзова въ Одессѣ, принятъ на службу къ гр. Воронцову.

— Іюня 13. Письмо къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева о присланной Пушкину *Полярной Звѣздѣ*.

— Іюля первыя числа (ранѣе 4-го). Переѣздъ Пушкина на житье въ Одессу (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1480).

— Іюль—8 декабря. Двѣ первыя главы *Евгенія Онѣгина*.

— Авг. 19. Первое письмо Пушкина изъ Одессы къ Вяземскому.

— „ 25. Письмо Пушкина къ брату о переходѣ на службу въ Одессу и о *Бахчис. фонтанѣ*. Жалоба на отца.

— Сент. 22. Кончена 1-я глава *Евгенія Онѣгина*.

— Окт. 14. Пушкинъ поручаетъ Вяземскому 2-е изданіе *Русл. и Людмилы* и *Кавказ. Плѣн.* (VII, 53, № 42).

— Окт. конецъ. Начата вторая гл. *Евг. Онѣг.* (VII, 56, № 44).

— Нояб. 4. Пушкинъ посылаетъ Вяземскому рук. *Бахчис. фонтана* и упоминаетъ объ оконч. 1-й гл. *Евг. Онѣг.*

— Дек. 8. Кончена вторая гл. *Евг. Онѣг.* въ Одессѣ.

— Дек. }
1824. Янв. } Поэма *Цыганы*.

— „ или февраль. Поѣздка Пушкина съ Липранди въ Бендеры (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1460).

— Февр. 8. Начало 3-й главы *Евгенія Онѣгина*.

— Марта 23. Письмо гр. Воронцова къ гр. Нессельроде о необходимости удалить Пушкина изъ Одессы.

— 7 (19) апрѣля. Смерть Байрона.

— Мая 19. Стихотв. *Иностранкѣ*.

— Іюня 29. П. хочетъ купить у Всеволожскаго тетрадь стиховъ, которую проигралъ ему передъ своею высылкою изъ Петербурга (VII, 82, № 69).

— Іюля 8. Нессельроде сообщаетъ Воронцову высоч. повелѣніе объ увольненіи Пушкина отъ службы.

1824. Іюля 11. Письмо Нессельроде къ Воронцову о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковъ.
— Іюль. Стихотвореніе *Къ морю.*
— „ 29. Подписка Пушкина, что онъ обязуется ѣхать безостановочно по предписанному маршруту въ Псковъ.
— Іюля 29. Одесскій градоначальникъ доноситъ гр. Воронцову, что Пушкинъ завтра отправляется въ Псковъ по полученному имъ маршруту.
— Іюля 30. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Одессы, получивъ 389 руб. прогонныхъ и 150 р. недоданнаго жалованья.
— Авг. 9. Прибытіе Пушкина въ Михайловское, гдѣ онъ застаетъ своихъ родителей.
— Авг. 12. Воронцовъ изъ Симферополя увѣдомляетъ Нессельроде о томъ, что Пушкинъ отправленъ въ Псковъ.
— Сент. 26. Стихотв. *Разговоръ съ книгопродавцемъ.*
— Около того же времени. Два *посланія къ цензору*.
— Осенью (сент.—окт.) Пушкинъ поручаетъ Плетневу издать 1-ую главу *Евгенія Онѣгина* (*Соч. Плетн.* III, стр. 313; ср. VII, 94, № 82).
— Окт. Пушкинъ ведетъ записки и записываетъ сказки. Проситъ у брата истор. извѣстія о Стенькѣ Разинѣ (VII, 86, № 75).
— Окт. 2. Окончаніе 3-й гл. *Евгенія Онѣгина.*
— „ 10. Окончаніе поэмы *Цыганы.*
— Окт. Пушкинъ вызванъ въ Псковъ, чтобы представиться мѣстному начальству (губернат. Адеркасъ, опочец. предвод. двор. Пещуровъ).
— Окт. 31. Отчаянное письмо Пушкина къ Жуковскому о своемъ положеніи въ семействѣ.
— Ноябрь. Сергѣй Льв. Пушкинъ изъ Петербурга отказывается отъ возложенной на него обязанности наблюдать за поведеніемъ сына.
— Ноябрь. Смерть тетки поэта Анны Львовны Пушкиной (VII, 95, № 82).
— Ноября 19. Встрѣча поэта съ дѣдомъ его Петромъ Абр. Ганнибаломъ[1]) (V, 22).
— Въ половинѣ ноября все семейство Пушкина уѣзжаетъ въ Петербургъ и оставляетъ въ Михайловскомъ его одного.
— Въ концѣ года начата драма *Борисъ Годуновъ.*
— „ „ „ въ Петербургѣ издано въ первый разъ собраніе стихотв Пушкина. (*Соч. Плетн.* III, 335).

---

[1]) Слѣдовательно Л. Н. Павлищевъ (*Историч. Вѣстн.* 1888, № 1) невѣрно относитъ смерть Петра Абр. къ 1822 г.

1824. Дек. 29. Цензоръ Бируковъ подписалъ дозволеніе печатать 1-ую гл. *Евг. Он.*
— Декабр. 31. XXIII строфа 4-й главы *Евгенія Онѣгина.*
1825. Января 11. Пріѣздъ Ив. Ив. Пущина въ Михайловское.
— „ Стихотв. *Андрей Шенье.*
— „Въ *Сѣв. Пч.* объявлено объ ожидаемомъ выходѣ 1-й главы *Евг. Он.*
— Март. 27. Пушкинъ посылаетъ брату новую рукопись своихъ стихотвореній для напечатанія 2-мъ изданіемъ.
— Апр. 7. Пушкинъ служитъ заупокойную обѣдню по Байронѣ (VII, 123, № 109).
— Апр. 20-я числа. Пріѣздъ Дельвига въ Михайловское. Около того же времени элегія на смерть Анны Львовны Пушкиной (VII, 126, № 112).
— Апр. П. посылаетъ съ Дельвигомъ 2-ю главу *Евг. Он.* Вяземскому.
— Іюнь. Смерть москов литератора Алексѣя Мих. Пушкина (VII, 135, № 119).
— Іюнь. Пушкину разрѣшено лѣчиться въ Псковѣ (VII, 135, № 120).
— Іюля 19. Стихотв. „Я помню чудное мгновенье" къ Аннѣ Петр. Кернъ.
— Іюля 29. Письмо Пушк. къ д-у Мойеру съ просьбою не пріѣзжать въ Псковъ.
— Авг. 12. Предисловіе Лемонте́ (Lemontey) къ изданію басенъ Крылова во франц. переводѣ (V, 26).
— Авг. Окончаніе IV-й главы *Евгенія Онѣгина.*
— „ 17. П. увѣдомляетъ Жуковскаго объ успѣшномъ ходѣ сочиненія *Бориса Годунова.*
— Сент. По просьбѣ матери Пушкина, ему позволено ѣздить въ Псковъ и даже жить тамъ.
— Сент. 14. Пушкинъ увѣдомляетъ Катенина, что четыре пѣсни *Онѣгина* готовы.
— Сент. 24. Письмо къ Вяземскому о встрѣчѣ съ кн. Горчаковымъ.
— Окт. 19. Лицейская годовщина: „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ".
— Окт. 30. Свадьба бар. Дельвига.
1825. Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I.
— Стихотв. *Зимній вечеръ.*
— Зимой окончаніе *Бориса Годунова.*
— Окончаніе пьесы: *Графъ Нулинъ.*
— Дек. Пушкинъ сжигаетъ всѣ свои тетради (V, 148).

1826. Янв. Начата 5-я глава Евг. Онѣгина (III, 323).
— „ Появленіе 1-го изданія *Стихотвореній* Пушкина.
— Февр. Въ письмѣ къ Катенину первая мысль объ изданіи трехмѣсячнаго журнала (VII, 175, № 163).
— Апр. 14. Плетневъ сбирается приступить къ напечатанію *Цыгановъ*.
— Мая 11. Всеподд. прошеніе Пушкина о позволеніи ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу (VII, 177, № 166).
— Лѣтомъ. Пріѣздъ Языкова къ Пушкину въ Михайловское.
— Іюля 24. До Пушкина доходитъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ 13-го іюля.
— Іюля 29. *Элегія* на смерть г-жи Ризничъ († 1825): „Подъ небомъ голубымъ".
— Іюля 30. Всеподд. прошеніе Пушкина о снятіи съ него опалы отправлено эстл.-мъ, лифл.-мъ и пск.-мъ ген.-губернаторомъ Паулуччи къ гр. Нессельроде.
— Авг. Плетневъ приступилъ къ печатанію 2-й главы *Евг. Он.* (*Соч. Пл.* III, 345).
— Авг. 28. Высочайшее повелѣніе, объявленное Дибичу, о вызовѣ Пушкина въ Москву (VII, 185, прим. къ № 176).
— Авг. 31. Отношеніе Дибича къ пск. губернатору Адеркасу объ отправленіи Пушкина въ Москву.
— Сент. 3. Письмо губернат. Адеркаса къ Пушкину объ отправленіи его въ Москву.—Стихотв. *Пророкъ* (?).
— Сент. 4 (вечер.) Отъѣздъ Пушкина изъ Пскова въ Москву.
— „ 8. Представленіе Пушкина въ Москвѣ императору Николаю.
— „ 30. Гр. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину высоч. повелѣніе изложить свои мысли о воспитаніи юношества.
— Въ сентябрѣ первое чтеніе *Бориса Годунова* въ Москвѣ у князя П. А. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* X, 266), потомъ у Соболевскаго и наконецъ —
— Октября 12 у Веневитинова.
— Осенью. Знакомство съ Н. Полевымъ и Мицкевичемъ (*Записки Ксен. Полевого*. Спб. 1888, стр. 171, 197).
— Совѣщаніе объ изданіи новаго журнала, *Моск. Вѣстника* (*Р. Арх.* 1865, 100).
— Около ноября 9. Возвращеніе Пушкина изъ Москвы въ Михайловское (VII, 186, № 178).
— Ноября 15. Пушкинъ окончилъ записку о народномъ воспитаніи, составленную имъ по высоч. повелѣнію (см. сент. 30).
— Ноября 20. Вторичный пріѣздъ Пушкина изъ деревни въ Москву.
— „ 29. Письмо Пушкина къ гр. Бенкендорфу изъ Пскова съ приложеніемъ рукописи *Бориса Годунова*.
— Ноября 29. П. сбирается опять въ Москву.

1826. Декабря 13. Стихи *И. И. Пущину*.

— Декабря 22. Стансы: „Въ надеждѣ славы и добра“ (въ Москвѣ).

— Левъ Серг. Пушкинъ записанъ въ Нижегор. полкъ (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1).

— *Зимою Пушкинъ знакомится съ М. А. Максимовичемъ.

1827. *Въ январѣ Пушкинъ провелъ двѣ недѣли въ сельцѣ Павловскомъ (близъ Малинниковъ) въ домѣ Пав. Ив. Вульфа. (Пушк. въ Тверск. губ., Колосова, *Р. Стар.* окт. 1888, стр. 94).

— Февр. 19. Пушкинъ пишетъ 7-ую главу *Евг. Он.*

— Стихотв. *Талисманъ*.

— Марта 15. Смерть Д. В. Веневитинова.

— Май, начало. Пушкину разрѣшено пребываніе въ Пб. (Ан. *Мат.* 167).

— Весною въ Москвѣ у Полевого и отъѣздъ въ Пбургъ (*Зап. Ксен. Полевого*. 209—211).

— Портретъ Пушкина, работы В. Ар. Тропинина (о немъ *Моск. Телегр.* 1827, ч. XV. *Смѣсь*, стр. 33).

— Іюнь. Пушкинъ въ Петербургѣ.

— Іюня 14. Стихи *Языкову*: „Къ тебѣ сбирался я давно“.

— Іюля 16. Стихотв. *Аріонъ*.

— „ 20. Жалоба Бенкендорфу на Ольдекопа (VII, 194, № 191).

— „ 27. Стих. *Три ключа*.

— Письмо изъ Михайловскаго къ Дельвигу: Пушкинъ пишетъ *Арапа Петра В.*

— Авг. 15. Стихотвор. *Поэтъ*.

— Около сентября издана III-я глава *Евг. Онѣгина* (рец. въ *Моск. Телеграфѣ*, октябрь, 1-я книжка. По *Сѣверной Пчелѣ* № 124 еще ближе можно опредѣлить).

— Окт. 14. Пушкинъ въ Боровичахъ проигрываетъ проѣзжему 1.600 р., а на слѣдующей станціи встрѣчается съ Кюхельбекеромъ (V, 51).

— Окт. 19. Лицейская годовщина: „Богъ помочь вамъ, друзья мои“.

— Осенью. Замѣтка *О Байронѣ*.

— Дѣло кандидата Московскаго университета Леопольдова по поводу списка стихотворенія *Андрей Шенье* (I, 343).

— Конецъ года. Смерть 70-тилѣтней няни Арины Родіоновны въ домѣ Ольги Серг. Павлищевой (II, 26).

— Въ концѣ 1827 года или въ самомъ началѣ 1828 напечатаны IV и V главы *Онѣгина* [1]).

---

[1]) *Въ первой* книжкѣ 1828 года журнала *СПбургскій Зритель* уже встрѣчаемъ рецензію на нихъ, а въ *Сѣверной Пчелѣ* № 15 (1828 г. и въ *Моск. Телегр.* № 3, стр. 433). Что же касается того, что посвященіе этихъ главъ Плетневу подписано *декабря 29-го 1828 года*, то это, вѣроятно, описка Пушкина, вмѣсто 1827 года (*Декабря 29-е* оказалось потомъ—*въ 1865 году—днемъ смерти Плетнева*).

1828. Стихотв. *Друзьямъ* („Нѣтъ, я не льстецъ...").
— Янв. 27. Свадьба О. С. Пушкиной съ Н. И. Павлищевымъ (*Пушкинъ* Бартенева, II, 19).
— Февр. 12. Предисловіе ко 2-му изданію *Руслана и Людмилы.*
— Первая встрѣча П-на съ Н. Н. Гончаровой (VII, 219, № 222).
— Марта 23 вышла VI глава *Онѣгина* (*Р. Архивъ* 1866, стр. 1716, письмо князя Вяземскаго [1]).
— Апр. Ссора съ Великопольскимъ, авторомъ „Сатиры на игроковъ" (VII, 201, прим. къ № 200. *Пушкинъ* Бартенева, II, 131).
— Апр. Просьба въ письмѣ къ Бенкендорфу объ опредѣленіи въ дѣйствующую армію противъ турокъ (VII, прим. къ № 201).
— Апр. 21. П. проситъ позволенія ѣхать въ Парижъ.
— „ Предисловіе ко 2-му изд. *Кавказскаго Плѣнника.*
— Весною. Пушкинъ въ гостиницѣ Демута (*Записки Ксен. Полевого,* 1888, стр. 171, 268, 273—275).
— Мая 9. Пушкинъ на пароходѣ провожаетъ знакомаго. Стихи To Dawe Esq.
— Мая 16. Пушкинъ читаетъ *Бориса Годунова* у Лаваля (*Пушк.* Барт. II, 39).
— Мая 19. Стихотв. *Воспоминаніе.*
— „ 26 (день рожденія П.) Стихотв. „Даръ напрасный".
— Стихотв. *Предчувствіе*: „Снова тучи надо мною".
— Окт. 3—до 20-хъ чиселъ. Созданіе поэмы *Полтава* въ П-бургѣ.
— Окт. 19—20. Въ ночь отъѣздъ Пушкина въ деревню (*Соч.* II, 54).
— Окт. 27—до послѣднихъ чиселъ ноября. Пушкинъ въ Малинникахъ, тверскомъ имѣніи Вульфа, сына Пр. А. Осиповой. — *Письмо къ Дельвигу, *Соч.* VII, 204—205.
— Нояб. 4. Кончена VII гл. *Евг. Онѣгина.*
— „ 9. Стихотв. *Анчаръ, древо яда.*
— „ 10. Стихотв. *Отвѣтъ Катенину.*
— Около 12 дек. Пушкинъ въ Москвѣ съ своею *Полтавою* (*Пушк.* Барт. II, 40).
— Дек. 29. Посвященіе Плетневу 4-й и 5-й главъ *Евг. Он.* (См. примѣч. къ 1827 г.).
— *Декабрь. Свиданіе съ Максимовичемъ („А я обираю ваши пѣсни", сказалъ ему поэтъ). Ж. М. Н. Пр. 1872, X.
— *Дек. Посѣщеніе больного Батюшкова,—послѣдній уже не узналъ Пушкина. (*Соч.* Батюшкова I, 303).

---

[1]) Въ этомъ показаніи князя нѣтъ никакого повода сомнѣваться: во 1-хъ, конецъ письма его говоритъ о пасхальныхъ наградахъ, а въ 1828 году Пасха именно была 25-го марта; во 2-хъ, рецензію на VI-ю главу *Онѣгина* встрѣчаемъ въ *мартовской* книжкѣ *Москов. Телеграфа* 1828 (№ 5, стр. 77—82). Срав. *Сѣв. Пчелу*, № 40.

1829. Янв. 30. Пушкинъ посылаетъ Раевскому *Бор. Год.* съ замѣчаніями о трагедіи. Смерть А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ.

— Янв. 31. Предисловіе къ поэмѣ *Полтава.*

— Стихотв. къ *К. П. Кернъ:* „Когда твои младыя лѣта".

— Марта 4. Подорожная, выданная Пушкину на проѣздъ до Тифлиса и обратно (Анн. *Мат.* 208.)

— Марта 9. Отъѣздъ Пушкина въ Москву (*Р. Стар.* 1874, т. X, 703) и затѣмъ печатаніе въ Пб., подъ надзоромъ Плетнева, *Полтавы. (Соч. Плет.* III, 348).

— Около 20 марта обѣдъ у Погодина съ Мицкевичемъ, С. Аксаковымъ, Верстовскимъ (*Р. Арх.* 1878, II. 50; 1882, V, 81).

— Въ апрѣлѣ Пушкинъ въ моск. театрѣ; слова его о Грибоѣдовѣ (*Моск. Телегр.* 1830, № 12, стр. 515, въ статьѣ В. Ушакова).

— Въ концѣ апрѣля Пушкинъ сватается за Н. Н. Гончарову, пославъ къ матери ея Толстого (американца), а 1 мая пишетъ первое письмо будущей тещѣ (*Р. Арх.* 1881, II, 496 — 497) и уѣзжаетъ въ Грузію.

— Мая 1. Выѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Грузію (IV, 413).

— „ 3. или 4 видится въ Орлѣ съ Ермоловымъ.

— „ 15. Пушкинъ въ Георгіевскѣ начинаетъ журналъ путешествія въ Арзрумъ.

— Мая 22. Во Владикавказѣ онъ продолжаетъ дневникъ путешествія.

— Іюнь. Пушкинъ около двухъ недѣль проводитъ въ Тифлисѣ.

— „ 13. Прибытіе Пушкина въ русскій лагерь.

— „ 14. Участіе Пушкина въ перестрѣлкѣ съ турками (*Зап. Ксен. Полевого,* стр. 354).

— „ 18. Обѣдъ у Паскевича вблизи Арзрума.

— „ 27. П. присутствуетъ при взятіи Арзрума.

— Іюля 19. Выѣздъ Пушкина изъ Арзрума.

— „ 20. Плетневъ представляетъ Бенкендорфу ркп. *Бориса Год.* (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).

— Авг. 1. Пушкинъ въ Тифлисѣ на обратномъ пути.

— „ 6. Выѣздъ изъ Тифлиса.

— „ 10. Во Владикавказѣ на обратномъ пути.

— Сент. 7. Стихотв. *Делибашъ.*

— „ 8. Пушкинъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ.

— „ 16. Смерть генерала Н. Н. Раевскаго (V, 71).

— „ 20. Стихотв. *Кавказъ.*

— Около 26 сентября Пушкинъ возвратился въ Москву (*Р. Арх.* 1882, V, 112).

— Холодный пріемъ у Гончаровыхъ. (VII, 221).

— *Октябрь. Свиданіе съ Максимовичемъ, который при семъ передалъ ему „*Исторію Руссовъ*". (*Соч. М-ча,* III, 491).

1829. *Окт. 12. (Какъ согласить съ слѣд. датами?) Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ (по донесенію московской полиціи, *Р. Арх.* 1876, II, 236).
— Окт. 2. Строфы X—XII къ 8-ой главѣ *Евг. Онѣгина.*
— „ 4. Стихотв. *Дорожныя жалобы.*
— „ 16. Пушкинъ въ Малинникахъ (VII, 212, № 214) *и въ сосѣдн. сельцѣ Павловскомъ, VII, 212 и 213 (по статьѣ В. Колосова, *Р. Стар.* 1888, окт., стр. 87).
— Окт. 29. Стихотв. *Обвалъ.*
— Нояб. 2. Въ Михайловскомъ стихотв. „Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?“
— Нояб. 3. Стихотв. *Зимнее утро.*
— „ середина. Возвращеніе въ Петербургъ.
— Дек. 14. Стихотв. *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ.*
— „ 24. Начало VIII гл. *Евгенія Онѣгина.*
— „ 26. Стансы: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. Эпиграммы на Каченовскаго и Надеждина.

1830. Сотрудничество къ *Литературной Газетѣ* Дельвига.
— Янв. 7. Пушкинъ чрезъ гр. Бенкендорфа проситъ позволенія ѣхать за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай.
— Янв. 18. Ходатайство чрезъ Бенкендорфа за вдову ген. Раевскаго.
— „ 19. Стансы митрополиту Филарету: „Въ часы забавъ иль праздной скуки“.
— Февраль. Вышла VII-я глава *Евг. Онѣгина.* (*Сѣв. Пчела.* Мартъ 1830, №№ 35 и 39).
— Марта 4. Пушкинъ выѣхалъ изъ Пб. въ Москву (*Пушкинъ* Бартенева, II, 44).
— Марта 13. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (Письмо оттуда къ Вяз. VII, 216, № 219). См. *Р. Арх.* 1876, II, 236.
— Марта 13. О Пушкинѣ въ Москвѣ; слова его (*Р. Архивъ* 1882. VI, 161).
— Мартъ. Избраніе Пушкина въ члены Общества люб. рос. словесн.
— „ 30. Бенкендорфъ требуетъ объясненія объ отъѣздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса. (VII, 220, прим. къ № 223).
— Апр. 6. Въ Свѣтлый праздникъ Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой, которое и принято[1]).
— Апр. Начало переписки Пушк. съ Н. И. Гончаровой, матерью невѣсты (VII, 220, № 225).

---

[1]) Въ *Матеріалахъ* Анненкова, 1873, стр. 271, сказано: 21 *апрѣля*; это грубая ошибка, которую повторилъ Л. Павлищевъ въ Ист. Вѣст., іюнь, 1888, стр. 576: самъ же Анненковъ говоритъ далѣе, что отецъ Пушкина отвѣчалъ ему уже 16 апрѣля, да и Пасха въ 1830 г. была именно 6 апрѣля.

1830. Апр. Плетневъ продаетъ Смирдину право на изданіе соч. Пушкина (*Соч. Плетн.* III, 350).

— Апр. 16. Пушкинъ проситъ чрезъ Бенкенд. разрѣшенія жениться и напечатать *Бориса Годунова* безъ измѣненій.

— Апр. 28. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину разрѣшеніе государя на просьбы отъ 16 апр. (VII, 223, прим. къ № 226).

— Мая 2. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за поздравленіе и извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи издавать литературно-политическую газету.

— Мая 6. Помолвка Пушкина.

— Мая 12—13. Замѣтка: „Участь моя рѣшена: я женюсь". (IV, 346).

— Во второй половинѣ мая Пушкинъ посѣтилъ имѣніе Гончаровыхъ Полотняный Заводъ, Медынскаго у., въ 16 верстахъ отъ Калуги.

— Мая 26. Посѣщеніе Пушкина въ Полотн. Заводѣ двумя калужскими мѣщанами. (Барт. *Пушк.* II, 150).

— Май. Стихотв. *Къ Вельможѣ* (кн. Юсупову).

— Іюнь. Пушкинъ опять въ Москвѣ, откуда онъ переписывается съ дѣдомъ невѣсты о денежныхъ дѣлахъ (VII, 228, №№ 233 и 234).

— Іюля 1. Стихотв. *Поэту*.

— „ 9. Стихотв. *Мадонна*.

— * „ 16. Пушкинъ выѣхалъ въ Петербургъ (*Р. Арх.* 1876, II, 236).

— „ 20. Въ письмѣ къ невѣстѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Пушк. рекомендуетъ своего брата.

— Авг. 10. Пушкинъ выѣзжаетъ съ кн. П. А. Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву (*Соч. Вяз.* IX, 137).

— Авг. 20. Смерть Василія Львовича Пушкина на другой день послѣ свиданія съ племянникомъ, который опять въ Москвѣ и посылаетъ письма къ Гончаровымъ въ Полотн. Заводъ (VII, 223, №№ 239 и 240).

— Авг. 31. Грустное письмо къ Плетневу и отъѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Болдино, Нижег. губ. (выдѣленное ему отцомъ съ 200 душъ), откуда письма идутъ до конца ноября, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.

— Сент. 8. Элегія „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье".

— „ 25. Окончаніе VIII гл. *Евгенія Онѣгина*.

— Окт. *Повѣсти Бѣлкина*.

— „ 10. *Домикъ въ Коломнѣ*.

— „ 16. *Моя родословная*.

— „ 22. Пушкину разрѣшено напечатать *Бориса Годунова* подъ собственною его отвѣтственностію (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).

— Окт. 23. Драм. сцены: *Скупой рыцарь.*
— „ 26. *Моцартъ и Сальери.*
— „ 31— } *Исторія села Горохина.*
— Нояб. 1. }
— „ 4. *Каменный Гость.*
— „ 27. Стихотв. „Для береговъ отчизны дальной".
— Въ теченіе ноября появленіе въ Петербургѣ *Бориса Годунова.*
— Осень. *Пиръ во время чумы.*
„ Романсъ „Я здѣсь, Инезилья".
„ *Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.*

1830. Дек. 5. Возвращеніе изъ Болдина въ Москву. Отрывокъ изъ записокъ П. В. Нащокина.
— *Дек. 9. Пушкинъ въ Москвѣ (*Р. Стар.* 1876, II, 236).
— „ 12. Стихотв. *Герой.*
— „ 17. Пушкинъ въ Остафьевѣ у кн. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 152, и I, 51; *Пушк.* Бартен. II, 47).

1831. Проѣздомъ изъ Болдина Пушкинъ остается въ Москвѣ до конца апрѣля.
— Январь. Къ Новому году вышелъ *Борисъ Годуновъ.*
— Янв. 7. *Погодинъ у Пушкина (*Барсук.*, III, 247). Пушкинъ у кн. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 155). Стих. *Красавица* (II, 127).
— Янв. 14. Смерть Дельвига.
— „ 16. Смерть А. Е. Измайлова.
— „ 18. Пушк. благодаритъ Бенкендорфа за отзывъ государя о *Бор. Годуновѣ.*
— Января 19. Пушкинъ узнаетъ о смерти Дельвига (VII, 257, №№ 269 и 270).
— Поѣздка Пушкина въ Захарьино передъ женитьбою.
— Январь 31. Письмо Плетнева къ Пушкину о первыхъ трудахъ Гоголя. (*Соч. Пл.* III, 365).
— *Февр. 11. Погодинъ у Пушкина. Споръ о Борисѣ Годуновѣ (*Барсуковъ,* тамъ же).
— Февр. 18, въ среду. Свадьба Пушкина въ Москвѣ.
— *Въ первой половинѣ марта свиданіе П. въ Москвѣ съ Туманскимъ (*Письма Тум.* 1891, Черниг. с. 38).
— Марта 26. Планы Пушкина въ письмѣ къ Плетневу.
— Апр. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ (VII, 266, № 282).
— *Апр. 30. Тоже, что февраля 11-го.
— Май 11. Слова Пушкина въ Москвѣ. (*Р. Арх.* 1882, VI, 185).
— Май. Пушкинъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ.
— „ 25. Переселеніе Пушкина въ Царское Село.

1831. Іюнь. Знакомство съ Гоголемъ [1]).

— О жизни Пушкина лѣтомъ (Гоголь V, 139).

— Іюня 21 умеръ книгопродавецъ Н. С. Пономаревъ, издатель *Бахчисар. Фонтана*, за который онъ заплатилъ 3.000 р. (*Молва*, 1832, стр. 276).

— Іюль. Пріѣздъ Двора въ Царское Село. Пушкинъ посылаетъ Плетневу ркп. *Повѣстей Бѣлкина.*

— Іюль. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ ходатайствуетъ о позволеніи издавать политич. и литературный журналъ и заниматься въ государственныхъ архивахъ (VII, 277, № 296).

— Іюля 22. Пушкинъ извѣщаетъ Плетнева, что государь назначилъ ему жалованье и открылъ доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго.

— Іюля 23. Письмо Бенкендорфа къ Нессельроде объ опредѣленіи Пушкина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и позволеніи ему заниматься въ архивахъ для исторіи Петра В. (См. выше, стр. 119).

— Авг. 2. Стихотв. *Клеветникамъ Россіи.*

— Сент. Печатаніе *Повѣстей Бѣлкина.*

— „ 5. Стихотв. *Бородинская годовщина.*

— „ Изданіе брошюры: *Три стихотворенія на взятіе Варшавы.*

— „ *Сказка о попѣ и его работникѣ*; *о царѣ Салтанѣ.*

— Окт. 3. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ, вошедшее въ VIII-ю главу романа.

— Окт. 22. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.

— Ноябрь. Пушкинъ хлопочетъ объ изданіи *Сѣв. Цвѣтовъ* для братьевъ Дельвига.

— Нояб. 14. Пушкинъ снова зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р.

— Дек. 6. Пріѣздъ Пушкина въ Москву по денежнымъ дѣламъ (отпускъ на 28 дней). Живетъ у Нащокина (письмо къ женѣ 16 дек., VII, 297, № 318).

— Дек. 22. Смерть Н. Ѳ. Кошанскаго.

— Конецъ дек. Возвращеніе въ Петербургъ.

1832. Въ началѣ 1832 г. напечатана VIII глава Онѣгина (*Моск. Телеграфъ* 1832, № 1; *Русск. Инвал.* № 26; *Сѣв. Пчела*, № 50).

— Января 7. Напечатаніе *Анчара* безъ разрѣшенія государя и замѣчаніе Бенкендорфа. (Письмо къ графу, VII, 299, № 320).

---

[1]) Сличи *Сочиненія и письма Гоголя* (изд. 1857), V, 133; но тамъ это письмо ошибочно помѣчено 27 іюля: оно іюньское, и *послѣ него* должно слѣдовать письмо, напечатанное выше, на страницахъ 117—118, опять таки ошибочно помѣченное 1830-мъ годомъ: оно несомнѣнно *1831* года: въ 1830-мъ году Гоголь еще не былъ знакомъ съ Пушкинымъ. (Сличи *Соч. Плетнева*, III, 366, письмо отъ февраля 1831 года).

1832. Янв. 12. Во всеподд. докладной запискѣ Нессельроде, донося, что Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію иностр. дѣлъ съ производствомъ въ тит. сов., испрашиваетъ высоч. повелѣнія о его занятіяхъ въ архивѣ.

— Съ этого времени Пушкинъ прилежно посѣщаетъ архивы.

— Февр. 24. Пушкинъ благодаритъ письмомъ гр. Бенк. за книгу, получ. отъ государя, и проситъ позволенія разсмотрѣть библіотеку Вольтера.

— Февр. 29. Пушкину разрѣшено разсмотрѣть библіотеку Вольтера.

— Апрѣль. Начата *Русалка*.

— Мая 2. Смерть А. О. Орловскаго (художникъ).

— Мая 19. Рожденіе Маріи Александровны Пушкиной (въ замуж. Гартунгъ).

— Іюля 11. Пушкинъ извѣщаетъ Погодина, что получилъ разрѣшеніе издавать политическую газету.

— Сент. 16. Пушкинъ даетъ Тарасенко-Отрѣшкову довѣренность на званіе редактора политич. и литературной газеты.

— Сент. 17. Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [1]).

— Сент. 21 (среда). Пріѣздъ Пушкина въ Москву.

— „ 27. Пушкинъ съ Уваровымъ посѣщаютъ Моск. университетъ на лекціи проф. И. И. Давыдова. (*Изъ унив. восп.* Гончарова. *В. Е.* 1887, апр., стр. 502).—VII, 307, № 331; V, 259, слова А. Н. Майкова.

— Конецъ сентября. Пушкинъ обѣдаетъ у Уварова съ Давыдовымъ, Максимовичемъ.

— Окт. 16. Пушкинъ выѣхалъ въ Петербургъ (*Р. Арх.* 1876, II, 237).

— Окт. 20. Оконч. первой части повѣсти *Дубровскій* (VII, 311, № 336).

— Окт. 29.
— Нояб. 2. —
— Дек. 29. } Продолженіе повѣсти *Дубровскій*.

— Около того же времени начаты *Пѣсни западныхъ Славянъ*.

— Дек. Смерть „царскосельскаго товарища" А. А. Шишкова.

1833. Янв. 1.—Февр. Продолженіе *Дубровскаго*.

— „ 7. Пушкинъ избранъ въ члены Росс. Академіи.

— Въ томъ же мѣсяцѣ начата *Капит. дочка* (кончена въ августѣ).

— Февр. 3. Смерть Н. И. Гнѣдича.

---

[1]) *Русск. Арх.* 1868, стр. 623, письмо князя Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву: „Посылаю вамъ живую грамоту—поэта Пушкина и будущаго газетчика... Царь и Пушкинъ у васъ,—политика и литература воцаренныя".

1833. Февр. 6. Оконченъ *Дубровскій*.

— „ 9. Письмо къ гр. Чернышеву съ просьбою о доставленіи бумагъ относительно Суворова.

— Марта 9. Пушкинъ приглашаетъ Погодина въ сотрудники по историческимъ занятіямъ. (VII, 314, № 340).

— Май. „Пушкинъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*... Интересу пропасть: Совершенный романъ". (Гоголь, V, 179).

— Лѣтомъ изданіе *Онѣгина* вполнѣ.

— Лѣто на Черной рѣчкѣ.

— Кончаетъ пѣсни *Западныхъ Славянъ*.

— Іюля 6. Рожденіе Александра Александровича Пушкина (воспріемникомъ Нащокинъ).

— Іюля 30. Письмо къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ѣхать въ нижегор. деревню и посѣтить Казань и Оренбургъ для задуманнаго романа.

— Къ осени готовы матеріалы для *Ист. Пуг. б.*, вчернѣ *Капит. дочка*, *Русалка* и *Дубровскій* (Ан. *Мат.* 361).

— Авг. 12. Пушкину разрѣшенъ просимый отпускъ въ Казань и Оренб.

— Авг. около 20-го. Отъѣздъ изъ Черной рѣчки въ Москву. (Письмо къ женѣ изъ Торжка 21 авг.).

— Авг. 25. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (VII, 319, № 347).

— „ 29. Отъѣздъ изъ Москвы въ Нижній.

— Сент. 2. Пушкинъ въ Нижнемъ (VII, 321, № 349).

— „ 5—8 Пребываніе въ Казани (*Каз. Вѣст.* 1844, № 2).

— „ 10—14. Пребываніе въ Симбирскѣ.

— „ 12. Посѣщеніе деревни Языкова.

— „ 18. Пріѣздъ въ Оренбургъ.

— „ 23. Отъѣздъ изъ Уральска. (VII, 327, № 356).

— Окт. 1. Пріѣздъ въ Болдино, гдѣ П. остается до второй половины ноября (Барт. *Пушк.* II, 150).

— Окт. 28. Двѣ баллады изъ Мицкевича.

— „ 29. Вступленіе къ *Мѣдному Всаднику*.

— „ 30. Письмо Пушкина къ женѣ, въ которомъ онъ описываетъ свой день въ Болдинѣ.

— Окт, 30—31. Окончаніе *Мѣдн. Всадника. Родословная моего героя.*

— Нояб. 24. Возвратясь въ П-бургъ къ 20-му ноября (*Л. Павлищевъ*, „Изъ Сем. хроники", Ист. Вѣстн., окт. 1888, стр. 43), П. начинаетъ свой дневникъ. V, 200.

— Дек. 6. Проситъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшенія участвовать въ смирдинской *Библіот. для чтенія* подъ обыкновенной цензурой и представить государю рукопись *Исторіи Пуг. бунта*.

— Дек. Цензура не пропускаетъ *Мѣднаго Всадника*.

1833. Дек. 30. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (V, 201; VII, 339, № 369).
1834. Марта 6. Пушкину пожаловано 20,000 р. на напечатаніе *Исторіи Пугач. бунта* (V, 203).
- Марта 16. Пушкинъ у Греча участвуетъ въ совѣщаніи объ изданіи Энциклоп. словаря Плюшара (тамъ же).
— Апр. 15. Отъѣздъ Натальи Ник. къ роднымъ въ калужскія имѣнія Полотн. Заводъ и Ярополецъ (V, 206).
— Апр. до августа. Переписка П. съ Нат. Ник. изъ Петербурга.
— Апр. Запрещеніе Полевому издавать *Телеграфъ* (VII, 348, № 380).
— Іюнь. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа просить въ ссуду 15,000 р. на два года. (VII, 358, № 393).
— Іюля 3. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа беретъ назадъ просьбу объ отставкѣ, поданную за нѣсколько дней.
— Іюля 4. Пушкинъ начинаетъ печатать *Исторію Пугач. бунта.*
— Авг. 10. Стихотв. *Мицкевичъ* („Онъ между нами жилъ).
— „ 25. Отъѣздъ Пушкина въ Калугу и затѣмъ въ Болдино для устройства своихъ дѣлъ по этому имѣнію. (V, 210).
— Сент. 13. Пріѣздъ Пушкина въ Болдино (VII, 370, № 410).
— Окт. 15—18. Возвращеніе въ Петербургъ (VII, 372, № 414; V, 210).
— „ 19. Участвуетъ въ праздновании лицейской годовщины.
— „ Поступленіе въ продажу *Исторіи Пугач. бунта.*
— Къ этому же году относятъ: Повѣсть *Пиковая дама.*
— „ „ „ „ *Кирджали.*
— „ „ „ приготовленіе матеріаловъ для исторіи Петра В.
1835. Янв. 26. Проситъ позволенія чрезъ Бенкенд. прочесть пугач. дѣло.
— „ Возвращаетъ Бантышъ-Каменскому матеріалы, которыми пользовался (VII, 376, № 418).
— Февр. 2. Гр. Бенкенд. сообщаетъ министру юстиціи Дашкову о допущеніи Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о пугачевскомъ бунтѣ.
— Февр. 21. Дашковъ сообщаетъ гр. Нессельроде о допущеніи Пушкина въ Госуд. архивъ для прочтенія пугачевскаго дѣла.
— Апр. 7. Стихотв. *Полководецъ.*
— „ 13. Стихотв. *Туча.* (біографич. характера).
— „ 16. Письмо къ Дмитріеву о критикѣ *Исторіи Пугач. бунта.*
— „ Изданіе 4-й части *Стихотвореній.*
— Мая 3—24. Отпускъ въ Москву.
— „ 16. Рожденіе Григорія Александровича Пушкина (VII, 402).
— Іюня 1. Пушкинъ проситъ позволенія отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню.

1835. * Іюля 22. Пушкинъ посылаетъ лицейск. товарищу В. Д. Вальховскому (въ Грузію) свою Исторію Пугачевскаго бунта при письмѣ (см. выше, стр. 175).

— Іюля 29. Бенкендорфъ увѣдомляетъ, что по просьбѣ Пушкина государь даетъ ему въ ссуду 30,000 руб. съ вычетомъ ихъ изъ его жалованья (VII, 380, № 425).

— Авг. 15. *Сцены изъ рыцарскихъ временъ.*

— „ 27. Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до дек. 23 и ѣдетъ въ калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Пб. уже къ 15 окт. по причинѣ болѣзни матери.

— Авг. 28. Письмо Пушкина къ В. А. Полѣнову объ указаніи, гдѣ хранится допросъ, снятый съ Пугачева въ Москвѣ.

— Сент. 7. Отъѣздъ изъ Петерб. въ Михайловское.

— „ 26. Стихотв. „Вновь я посѣтилъ".

— „ Стихотв. *На выздоровленіе Лукулла.*

— Осень. *Египетскія ночи* (стихотв. *Клеопатра* начато 1825).

— Окт. Изъ Парижа полученъ гравированный портретъ Пугачева (VII, 389, № 436).

— Въ серединѣ октября Пушкинъ въ Петербургѣ.

— Окт. Прошеніе въ цензурн. комитетъ объ опредѣленіи отношеній къ нему Пушкина (VII, 386, № 433).

— Окт. Пушкинъ рѣшается издавать журналъ (VII, 387, № 434).

— Нояб. 19. Возвративъ бумаги, полученныя изъ воен. мин., проситъ у Клейнмих. книгу съ письмами и донесеніями Бибикова (см. VII, 389, № 437).

— Дек. 29. Объявленіе въ *Сѣв. Пчелѣ* о продажѣ *Исторіи Пуг. бунта.*

— Дек. 31. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ разрѣшенія издавать трехмѣсячный журналъ.

Въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 года размолвка съ гр. В. А. Соллогубомъ (*Русск. Арх.* 1865, № 5—6, стр. 748—751).

1836. Февр. Приготовленія къ изд. Современника (Гоголь, V, 252).

— „ Переписка съ Хлюстинымъ по поводу изданія *Вастолы* и критики Сенковскаго (VII, 392, № 443, и Барт. *Пушкинъ* II, 73).

— Марта 24. Пушкинъ проситъ Жобара не печатать франц. перевода стихотв. *На вызд. Лукулла* (VII, 395, № 448).

— Марта 29. (Свѣтло-Христово Воскресенье). Смерть Надежды Осиповны.

— Марта 31. Цензурное одобреніе 1-го тома *Современника.*

— Конецъ марта и начало апр. Переписка съ кн. Одоевскимъ о печатаніи *Современника.*

— Апр. 3. Статья о Радищевѣ.

— „ 8, въ среду, Пушкинъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга на погребеніе матери (*Пушкинъ* Бартенева, II, 63).

1836. Апр. 11, въ субботу, вышла первая книжка *Современника*. (*Пушкинъ* Бартенева, II, 63).

— Апр. 14. Письмо Пушкина къ Языкову изъ Михайловскаго послѣ погребенія тѣла матери: проситъ Языкова сотрудничать въ *Современникѣ*.

— Апр. 14. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ сотрудничать въ *Соврем.* и отъѣздъ въ Петербургъ. (Такъ онъ предполагалъ, но вѣроятнѣе, что онъ изъ деревни выѣхалъ позже и отправился прямо въ Москву. *Отъ 19 апрѣля по 23 мая его не было въ Петербургѣ*).

— Апр. 19. (по репертуару Храповицкаго) или же 22 апрѣля (по Хроникѣ театра, Вольфа) было первое представленіе *Ревизора* въ С.-Петербургѣ, и по словамъ Гоголя, Пушкинъ тогда еще былъ въ деревнѣ (Гоголь, V, 435—436).

— Мая 2, ночью. Пріѣздъ Пушкина въ Москву для посѣщенія архивовъ и для хлопотъ по *Современнику* (VII, 399, №№ 455 и 456).

— Мая 11. Посѣщаетъ Московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ.

— „ Свиданіе съ графомъ Сологубомъ и примиреніе съ нимъ (*Р. Арх.* 1865, № 5 и 6, стр. 752).

— Мая 23. Пріѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петерб. на Кам. остр. За нѣсколько часовъ рожденіе Натальи Александровны Пушкиной (въ замужствѣ Дубельтъ, а во 2-мъ бракѣ графиня Меренбергъ).

— *Мая 25. Письмо Гоголя къ Пушкину послѣ представленія „Ревизора".

— *Мая 26 и 28. Свиданіе Пушкина съ Н. А. Дуровой (*Годъ жизни въ Спб., Александрова* 1838, 20, 28, 30, 40).

— Іюля 9. Смерть А. А. Перовскаго.

— *Іюля 15. Пушкинъ у Дуровой (тамъ-же, 46) Въ началѣ августа у нея же (тамъ-же., 48).

— Авг. 21. Стихотв. *Памятникъ*.

— Окт. 5. Смерть О. А. Кипренскаго.

— „ 13. Баронъ М. А. Корфъ сообщаетъ Пушкину списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи.

— Окт. 19. Письмо Пушкина къ Чаадаеву о его „философическомъ письмѣ" въ *Телескопѣ*.

— Окт. 19. П. въ послѣдній разъ на праздновaніи лицейской годовщины. „Была пора: нашъ праздникъ молодой"...

— *Ноября 1. П. читалъ друзьямъ свою Капитанскую дочку (*Письма Вяземскаго къ Дмитріеву*, XXIII).

— Нояб. 4. Пушкинъ получаетъ три экземпляра оскорбительнаго анонимнаго письма.

— Нояб. 21. Пушкинъ извѣщаетъ о томъ гр. Бенкендорфа, и тогда же пишетъ Гекерену.

1837. Нояб. 25. Пушкинъ посылаетъ свое письмо къ молодому Гекерену; вечеромъ онъ у князя Вяземскаго (*Пушкинъ* Бартенева, II, 67).
— Дек. 29. Пушкинъ въ торжеств. собраніи Академіи Наукъ.
1837. Янв. 10. Свадьба Дантеса и Ек. Ник. Гончаровой.
— „ 27. Письмо къ секунданту Дантеса, д'Аршіаку.
— „ — Письмо къ Ишимовой.
— „ — въ среду. Дуэль съ Дантесомъ.
— „ 29, въ пятницу. Кончина Пушкина.
— „ Третье изданіе *Онѣгина.*
— Февр. 1, въ понедѣльникъ. Отпѣваніе Пушкина.
— „ 6, въ субботу. Погребеніе его въ Святогорскомъ монастырѣ.
— „ —Гр. Бенкендорфъ проситъ Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ, выданнымъ Пушкину.
— Мая 25. Некрологъ Пушкина, сост. Мицкевичемъ (въ газ. Globe).
1844. Наталья Никол. выходитъ за генерала П. П. Ланского.
* 1863. Ноября 26 скончалась Наталья Николаевна Ланская.

Засимъ предлагаемъ списокъ умершихъ за полвѣка товарищей и современниковъ Пушкина, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ или о которыхъ упоминалъ въ своихъ произведеніяхъ. Біографу Пушкина или издателямъ его сочиненій этотъ списокъ можетъ пригодиться; читателю любопытно будетъ пробѣжать его. Безъ сомнѣнія, къ нему могутъ быть сдѣланы поправки и дополненія [1]); здѣсь же указываемъ изданія сочиненій Пушкина.

1837. Февр. 23 митроп. кіевск. Евгеній; іюня 7 А. А. Бестужевъ (Марлинскій); окт. 3 И. И. Дмитріевъ; окт. 6 А. Д. Илличевскій.
1838. Февр. 26 архим. Фотій; апр. 24 гр. Сарра Ѳ. Толстая. — *Сочиненія Пушкина, 1-ое посмертное изданіе, томы 1—8.*
1839. Февр. 11 гр. М. М. Сперанскій; апр. 9 П. П. Свиньинъ; апр. 22 Д. В. Давыдовъ; мая 4 Елиз. М. Хитрово; іюня 16 А. Ѳ. Воейковъ; авг. 15 кн. А. И. Одоевскій; ноября 25 Д. В. Дашковъ.
1840. Янв. 30 И. И. Козловъ; іюля 1 А. П. Куницынъ; окт. 14 кн. П. Б. Козловскій; ноября 26 А. Ѳ. Малиновскій.
1841. Марта 7 Вл. Д. Вальховскій; марта 29 А. С. Шишковъ; іюля 15 М. Ю. Лермонтовъ; дек. 23. И. А. Гульяновъ.—*Сочиненія Пушкина, томы 9—11.*
1842. Марта 19. М. Ѳ. Орловъ; апр. 19 М. Т. Каченовскій; окт. 2 В. Г. Тепляковъ; окт. 19 А. В. Кольцовъ.
1843. Апр. 17 А. Н. Оленинъ.—Окт. 31 Н. И. Кривцовъ.—И. И. Кайдановъ.—Н. Н. Раевскій (младшій).
1844. Февр. 13 И. П. Мятлевъ; марта 28 С. С. Хлюстинъ; іюня 29

---

[1]) Лица, которыхъ ни день, ни мѣсяцъ смерти намъ неизвѣстенъ, поставлены въ концѣ года.

Е. А. Баратынскій; сент. 12 гр. А. Х. Бенкендорфъ; окт. 1 Д. М. Княжевичъ; ноября 9. И. А. Крыловъ; ноября 21 М. Л. Магницкій, ноября 22 кн. А. Н. Голицынъ.

1845. Марта 30 графъ Н. С. Мордвиновъ; мая 27 И. Н. Инзовъ; ноября 11 Д. И. Языковъ; дек. 3 А. И. Тургеневъ.

1846. Янв. 22 кн. А. А. Шаховской; февр. 22 Н. А. Полевой; іюня 5 М. Е. Лобановъ; авг. 11. В. К. Кюхельбекеръ: сент. 8. Н. И. Хмѣльницкій; дек. 26 Н. М. Языковъ.—Ѳ. И. Толстой.—В. С. Миклашевичева.

1847. Апр. 5 С. Н. Глинка; апр. 11 Эд. И. Губеръ; 10 мая лиц. товарищъ П-на баронъ Пав. Ѳ. Гревеницъ.

1848. Мая 22 А. А. Ивановскій; мая 26 В. Г. Бѣлинскій; іюня 12 Ѳ. Н. Слѣпушкинъ; іюль С. Л. Пушкинъ (отъ холеры); сент. 9 А. И. Галичъ; дек. 3 Е. П. Гребенка.—Е. И. Истомина.

1849. Марта 2 княг. Е. С. Гагарина.—Княг. Е. И. Голицына.—Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ.

1850. Янв. 25 Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

1851. Іюля 21 В. А. Полѣновъ; сент. 1 Ек. А. Карамзина; окт. 21 П. С. Котляревскій.

1852. Февр. 16 кн. П. П. Шаликовъ; февр. 21 Н. В. Гоголь; апр. 12 В. А. Жуковскій; іюня 11 К. П. Брюлловъ; іюня 23 М. Н. Загоскинъ; въ іюлѣ Л. С. Пушкинъ (см. *Сынъ Отечества* 1852, кн. 8, некрологъ Л. С. Пушкина); окт. 16 П. Е. Георгіевскій.—А. А. Алябьевъ.

1853. Февр. 4 А. А. Фуксъ; мая 23 П. А. Катенинъ; іюля 5 Ѳ. А. Туманскій.—А. П. Хвостова.

1854. Янв. 8 Е. Я. Сосницкая; іюня 13 А. С. Стурдза; ноября 6 П. В. Нащокинъ.

1855. Февр. 18 Импер. Николай; іюля 7 К. Н. Батюшковъ; сент. 4 гр. С. С. Уваровъ; окт. 14 Т. Н. Грановскій; окт. 23 С. Е. Раичъ; ноября 28 Ад. Мицкевичъ.—*Соч. Пушкина, изд. Анненкова, 1—6 т.*

1856. Янв. 11 Н. И. Надеждинъ; янв. 20 кн. И. Ѳ. Паскевичъ; марта 20 Ф. Ф. Вигель; апр. 14 П. Я. Чаадаевъ; іюня 11 И. В. Кирѣевскій; авг. 28 гр. М. Ю. Віельгорскій; окт. 25 П. В. Кирѣевскій; ноября 6 кн. М. С. Воронцовъ.

1857. Февр. 3 М. Н. Глинка; марта 23 Е. М. Фролова-Багрѣева; мая 2 В. А. Тропининъ; сент. 16 А. Ф. Смирдинъ; ноября 19 А. И. Красовскій; дек. 8 В. А. Перовскій.—*Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. 7-й.*

1858. Марта 4 О. И. Сенковскій; іюля 12 Вл. С. Филимоновъ; въ октябрѣ кн. Д. А. Эристовъ; ноября 10 А. Д. Чертковъ; дек. 3 графиня Е. П. Ростопчина.—Н. М. Коншинъ.

1859. Апр. 3 И. И. Пущинъ; апр. 30 С. Т. Аксаковъ; сент. 1 Ѳ. В. Булгаринъ; окт. 13 Н. Ѳ. Арендтъ; нобря 20 Вл. И. Панаевъ.— П. А. Осипова.—И. Т. Спасскій.—*Сочиненія Пушкина, изд. Исакова, 6 томовъ* (1859—60).

1860. Февр. 23 баронъ Е. Ѳ. Розенъ; марта 23 В. И. Туманскій; авг. 14 Е. В. Аладьинъ; авг. 31 С. П. Жихаревъ; сент. 23 А. С. Хомяковъ.

1861. Апр. 12 А. П. Ермоловъ; мая 9 кн. А. Ѳ. Орловъ.

1862. Янв. 15 Е. А. Энгельгардтъ; въ февралѣ княг. Е. А. Волконская; марта 11 гр. К. В. Нессельроде; ноября 5 А. Н. Верстовскій.

1863. Марта 5 Н. И. Уткинъ; авг. 11 М. С. Щепкинъ; авг. 24 И. П. Сахаровъ; ноября 26 Н. Н. Ланская (Пушкина-Гончарова; *День* № 50; ум. отъ воспаленія легкихъ).

1864. Февр. 8 А. Х. Востоковъ; февр. 19 гр. Д. Н. Блудовъ; марта 18 А. П. Зонтагъ; марта 29 Н. Ф. Павловъ; мая 8 С. П. Шевыревъ; мая 23 П. И. Кеппенъ; дек. 4 Н. С. Пименовъ.

1865. Ноября 29 К. П. Арсеньевъ; дек. 29 П. А. Плетневъ.—Д. П. Сѣверинъ.

1866. Марта 23 Н. А. Дурова; сент. 5 М. А. Дмитріевъ; окт. 23 кн. Н. Б. Голицынъ.

1867. Янв. 12 Н. И. Гречъ; февр. 18 Вл. П. Горчаковъ; апр. 9 К. А. Полевой; ноября 19 Филаретъ митр. моск.

1868. Февр. 7 И. Е. Великопольскій; февр. 24 М. Д. Деларю; авг. 6 кн. П. В. Долгоруковъ; окт. 22 А. Н. Раевскій; дек. 8 Н. В. Кукольникъ; дек. 9 И. М. Снегиревъ.—О. С. Павлищева (Пушкина).

1869. Янв. 23 А. С. Норовъ; февр. 27 кн. Вл. Ѳ. Одоевскій; іюля 26 И. И. Лажечниковъ.—К. К. Данзасъ (1870?).

1870. Янв. 11 А. Ѳ. Вельтманъ; февр. 3 К. К. Данзасъ; іюня 8 Н. Г. Устряловъ; окт. 9 С. А. Соболевскій; дек. 16 А. Ѳ. Львовъ.—*Сочин. Пушкина, второе изд. Исакова, 6 томовъ.*

1871. Окт. 29 Н. И. Тургеневъ.

1872. Сент. 16 Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ; сент. 24 Вл. Ив. Даль; ноября 14 гр. П. Д. Киселевъ.

1873. Янв. 13 кн. М. А. Оболенскій; янв. 19 А. А. Жандръ; апр. 14 В. Г. Бенедиктовъ; апр. 16 гр. Ѳ. П. Толстой; іюля 15 Ѳ. И. Тютчевъ; ноября 10 М. А. Максимовичъ.—И. В. Малиновскій.—*Погодинъ посвящаетъ памяти Пушкина свою трагедію Петръ Великій.*

1874. Янв. 18 К. С. Сербиновичъ; авг. 18 А. Н. Муравьевъ; ноября 1 М. П. Розбергъ.

1875. Апр. 7 Б. М. Ѳедоровъ; дек. 8 М. П. Погодинъ.

1876. Янв. 2 гр. М. А. Корфъ; янв. 5 П. М. Строевъ.

1877. Въ маѣ смерть П. П. Ленского; іюня 1 Е. П. Елагина; іюля 21 А. В. Никитенко.
1878. Ноября 10 кн. П. А. Вяземскій.
1879. Янв. 25 Ѳ. А. Кони; лѣтомъ А. П. Кернъ (1880 ?); дек. 11 О. А. Пржеславскій; дек. 8 Н. И. Павлищевъ.
1880. Февр. 11 Ѳ. Н. Глинка; марта 7 А. М. Каратыгина; *іюня 6 открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ*; іюля 8 С. Д. Комовскій.—Княг. Е. Кс. Воронцова.—*Сочин. Пушкина, третье изд. Исакова 6 томовъ.*
1881. Іюня 4 А. О. Ишимова; авг. 9 А. О. Россетъ; *авг. 17 учрежденіе Пушкинской преміи*; сент. 4 М. П. Щербининъ (по другимъ ноября 7).
1882. Іюня 5 гр. В. А. Соллогубъ; іюля 8 кн. И. С. Гагаринъ; въ сентябрѣ А. О. Смирнова. (*Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, М. 7 томовъ.*
1883. Февр. 28 кн. А. М. Горчаковъ (послѣдній изъ лицеистовъ 1-го курса); авг. 22 И. С. Тургеневъ; сент. 19 Ѳ. И. Іорданъ.
1884. Янв. 7 С. Д. Полторацкій.
1885. Янв. 4 А. И. Подолинскій.
1886. Іюля 8 княгиня В. Ѳ. Вяземская.
1887. Янв. 29 *Пятидесятилѣтіе со дня смерти Пушкина.—Сочиненія Пушкина, изд. Литературнаго фонда, 7 томовъ; Сочиненія Пушкина, изд. Комарова, Павленкова, Суворина, Моск. общества Люб. Росс. Словесности и друг.*
— Марта 8 П. В. Анненковъ.
1888. Марта 4 вдова барона А. А. Дельвига, во 2-мъ бракѣ Баратынская [1]).
*1889. Мая 21 М. В. Юзефовичъ; авг. 8 А. А. Краевскій.
* 1890. Марта 3 Ѳ. Г. Солнцевъ; апр. 7 графиня А. Д. Блудова; Н. И. Куликовъ; гр. А. Г. Строгановъ.

Пересматривая современниковъ Пушкина по указателю личныхъ именъ при VII томѣ, мы не могли опредѣлить, когда скончались слѣдующія лица, или кто изъ нихъ живъ:

Алексѣевъ Н. С.
Волковъ М. С.
Волконскій кн. С. Г.
Всеволожскій Н. В.
Гальбергъ С. И. †
Готовцева А. И. †
Дондуковъ-Корсаковъ князь М. А. †
Есауловъ А. П.
Загряжская Н. К. †
Каверинъ П. П.
Казначеевъ А. И.
Лексъ М. И. †
Липранди П. †
Ломоносовъ С. Г. †
Неѣловъ С. А.
Полетика П. И.

---

[1]) См. выше стр. 189.

ошибки [1]). Будучи 12-ти лѣтъ отроду, Пушкинъ не только зналъ на память всѣ лучшія творенія французскихъ поэтовъ, но даже самъ писалъ довольно хорошіе стихи на этомъ языкѣ. Упражненія въ словесности французской и россійской были всегда любимѣйшія его занятія, въ коихъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику [2]); почему вмѣстѣ съ другомъ своимъ б. Дельвигомъ [3]) всегда находился въ числѣ послѣднихъ воспитанниковъ второго разряда и при выпускѣ изъ лицея получилъ чинъ 10-го класса. Не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреаціонной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви [4]) ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ [5]). Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголъ комнаты [6]), отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное. Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ-то съ б. Дельвигомъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ [7]) и Кюхельбекеромъ (надъ неудачною страстью коего къ поэзіи онъ любилъ часто подшучивать), Пушкинъ былъ вообще не очень сообщителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически.

Изъ профессоровъ и гувернеровъ лицея никто *въ особенности* Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ; но всѣ боялись его сатиръ, эпиграммъ и острыхъ словъ [8]), съ удовольствіемъ слушая ихъ насчетъ других. Такъ наприм. профессоръ математики Карцовъ отъ души смѣялся его піитическимъ шуткамъ надъ лицейскимъ докторомъ Пешелемъ, который въ свою очередь охотно слушалъ его насмѣшки надъ Карцовымъ. Одинъ только профессоръ россійской и латинской словесности Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго

---

[1]) Слова бывшаго гувернера Сергѣя Гавриловича Чирикова. *С. К.*

[2]) Математика — наука не политическая, а исторію дѣйствительно любилъ. *М. Я.*

[3]) Почему именно вмѣстѣ съ другомъ своимъ барономъ Дельвигомъ? *М. Я.*

[4]) Это замѣчаніе, по мнѣнію моему, вовсе лишнее *М. Я.* — Комовскимъ же сдѣлана подстрочная ссылка: Замѣчаніе того же гувернера С. Г. Чирикова.

[5]) Лицо Пушкина, и ходя по комнатѣ, и сидя на лавкѣ, часто то хмурилось, то прояснялось отъ улыбки. *М. Я.*

[6]) Не правда. Писалъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, а всего болѣе въ математическомъ классѣ. *М. Я.*

[7]) Имя Яковлева зачеркнуто имъ.

[8]) Не помню и не знаю, кто боялся сатиръ Пушкина; развѣ одинъ Пешель, но и этотъ только трусилъ. Остротъ Пушкинъ не говорилъ. *М. Я.*

приписывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріею отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ [1]), но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ такой страсти, какъ въ Дельвигѣ. Самъ Пушкинъ, увлекаясь свободнымъ полетомъ своего генія, не любилъ подчиняться классному порядку и никогда ничего не искалъ въ своихъ начальникахъ.

Внѣ лицея онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми *отчаянными* [2]) гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). Вмѣстѣ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ [3]); при чемъ проявлялись въ немъ вся пылкость и сладострастіе африканской породы [4]). Но первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его (фрейлина Катерина Павловна Бакунина). Она часто навѣщала брата своего и всегда пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ къ *Живописцу*, которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія. Вообще воспоминанія первыхъ счастливыхъ дней дѣтства Пушкина были причиною, что Александръ Сергѣевичъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, и до конца жизни, всегда съ особымъ чувствомъ отзывался о лицеѣ, о Царскомъ Селѣ и о товарищахъ своихъ по воспитанію. Это тѣмъ замѣ-

---

[1]) Такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Кошанскій — особенно въ первое время — всячески старался отвратить и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частію, можетъ быть, возбуждаемый къ тому ревностію или завистію: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ боялся соперничества возникающаго новаго генія. *М. К.* — Противъ того же мѣста приписано рукой Яковлева: Русскимъ языкомъ Пушкинъ занимался не потому, чтобы кто-нибудь изъ учителей побуждалъ его къ тому, а по страсти, по влеченію собственному. Пушкина талантъ началъ развиваться въ то время, когда Кошанскій, по болѣзни, былъ устраненъ и три (?) года въ лицеѣ не былъ. Дельвигъ вовсе не Кошанскому обязанъ привязанностью къ классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру. *М. Я.*

[2]) Это слово подчеркнуто, въ знакъ неодобренія Яковлевымъ.

[3]) Эта статья относится не до Пушкина только, а до всѣхъ молодыхъ людей, имѣющихъ пылкій характеръ. *М. Я.*

[4]) Пушкинъ былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще 15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна *С. К.* — Описывать такъ можно только арабскаго жеребца, а не Пушкина, потому только, что въ немъ текла кровь арабская. *М. Я.*

чательнѣе, что учебные подвиги Пушкина, какъ выше сказано, не очень были блистательны; по страсти Пушкина къ французскому языку (что впрочемъ, было тогда въ духѣ времени), называли его въ насмѣшку *французомъ*, а по физіономіи и нѣкоторымъ привычкамъ *обезъяною* [1]).

По выходѣ изъ лицея Пушкинъ, сохраняя постоянную дружбу къ б. Дельвигу, коего хладнокровный и разсудительный характеръ ему нравился (несмотря на явное противорѣчіе съ его собственнымъ), посѣщалъ преимущественно литературныя общества Карамзина [2]), Жуковскаго, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п. Впрочемъ, онъ болѣе и болѣе полюбилъ также и разгульную жизнь [3]) служителей Марса, дѣвъ веселія и модныхъ женщинъ, нынѣшнихъ львицъ, или, какъ очень удачно выразился, кажется, Загоскинъ, — *вольноотпущенныхъ женъ* (femmes émancipées).

Рядомъ съ этою запискою сохранился на особомъ полулистѣ писанный также рукою Комовскаго очеркъ начала біографіи Пушкина (его дѣтства); но я не перепечатываю его, такъ какъ онъ весь вошелъ въ *Матеріалы* Анненкова. Какъ дополненіе къ предыдущей запискѣ сообщаю еще отрывокъ изъ письма, написаннаго Комовскимъ къ Ѳ. П. Корнилову въ отвѣтъ на приглашеніе комитета пріѣхать въ Москву къ открытію памятника Пушкину. Сожалѣя, что онъ по слабости здоровья [4]) не можетъ принять участія въ этомъ народномъ торжествѣ, Сергѣй Дмитріевичъ вспоминаетъ знаменитаго товарища и между прочимъ говоритъ:

Пушкинъ, привезя съ собою изъ Москвы огромный запасъ любимой имъ тогда французской литературы, началъ ребяческую охоту свою — писать одни французскіе стихи — переводить на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву. Затѣмъ, едва познакомившись съ юною своею музою, онъ сталъ поощрять и другихъ товарищей своихъ писать: русскія басни (Яковлева), русскія эпиграммы (Илличевскаго), терпѣливо выслушивалъ тяжеловѣсные гекзаметры барона Дельвига

---

[1]) И даже смѣсью *обезьяны съ тигромъ. С. К.* — Какъ кого звали въ школѣ, въ насмѣшку, должно оставаться въ одномъ школьномъ воспоминаніи старыхъ товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будетъ читать въ біографіи Пушкина, что его звали обезьяной, смѣсью обязьяны съ тигромъ. *М. Я.*

[2]) Посѣщая его еще въ лицеѣ, Пушкинъ написалъ, по совѣту его, куплеты, пѣтые въ Павловскѣ при праздновaніи, сколько помнится, взятія Парижа, и за эти стихи удостоился получить отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны золотые съ цѣпочкою часы при милостивомъ отзывѣ на имя *воспитанника лицея, Пушкина. С. К.*

[3]) Пушкинъ велъ жизнь болѣе беззаботную, чѣмъ разгульную. Такъ ли кутитъ большая часть молодежи? *М. Я.*

[4]) С. Д. Комовскій скончался вскорѣ послѣ открытія памятника, именно 8 іюля 1880 года.

и снисходительно улыбался клопштокскимъ стихамъ неуклюжаго нашего Кюхельбекера. Самъ же поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенныя залы лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и надувъ губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усиленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно „пуху изъ устъ Эола“.

2. ЗАПИСКА ГРАФА М. А. КОРФА [1]).

1854.

Уставъ о лицеѣ сочинялъ Сперанскій, тогда государственный секретарь и на высшемъ апогеѣ довѣрія къ нему императора Александра. У насъ въ рукахъ подлинное письмо его о томъ къ старику Масальскому, отцу нынѣшняго литератора, отъ 4 февраля 1815 года. Упавшій Сперанскій оканчивалъ тогда свое заточеніе въ селѣ своемъ Великопольѣ близъ Новгорода, и на вопросъ Масальскаго, въ какое бы заведеніе помѣстить ему сына, отвѣчалъ совѣтомъ отдать мальчика въ лицей, прибавляя: „Училище сіе образовано и уставъ его написанъ мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе. Не безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе выгодъ, нежели всѣ наши университеты“.

— Помѣщеніе для лицея отведено было собственно *во дворцѣ* по особенной совсѣмъ причинѣ, именно потому, что и весь лицей образованъ былъ для воспитанія въ немъ царскихъ братьевъ великихъ князей: Николая и Михаила Павловичей. Начальная о томъ идея не

---

[1]) См. выше стр. 4 и 28. Копія съ этой записки передана авторомъ на храненіе въ Чертковскую библіотеку. Другой списокъ съ нея предоставленъ имъ, въ 1874 году, въ полное мое распоряженіе. Печатая ее, ссылаюсь на мнѣніе, высказанное мною о ней выше, на стр. 88. Строгость сужденій гр. Корфа о Пушкинѣ, о его родныхъ и нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ наставниковъ лицея не можетъ въ настоящее время служить препятствіемъ къ обнародованію этой записки, такъ какъ самыя рѣзкія мѣста ея, особенно касающіяся именно нашего поэта и близкихъ къ нему лицъ, уже не разъ появлялись въ печати. Ранѣе или позже она должна была сдѣлаться извѣстною во всемъ своемъ объемѣ. Невключеніе ея въ настоящій сборникъ имѣло бы видъ слѣпого пристрастія къ памяти поэта и къ мѣсту его воспитанія. Здѣсь же приговорамъ автора противупоставляются сочувственные отзывы, разсѣянные на страницахъ предлагаемаго труда. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщаются между прочимъ возраженія покойнаго П. А. Вяземскаго, съ которыми замѣтки графа Корфа напечатаны были въ газетѣ *Берегъ* княземъ П. П. Вяземскимъ. Въ запискѣ опускаю только цифры, означающія въ подлинникѣ ссылки на статью г. Бертенева, а также немногія замѣтки, не заключающія въ себѣ ничего новаго или интереснаго въ родѣ напримѣръ свѣдѣнія, что книга Жозефа де Местра „Lettres et opuscules“ имѣется въ Публичной библіотекѣ. *Я. Г.*

получила своего осуществленія только потому, что при самомъ открытіи лицея, т. е. въ концѣ 1811 года [1]), отношенія наши къ Наполеону представлялись уже въ самыхъ грозныхъ краскахъ и мысли Императора Александра приняли другое направленіе. Это я имѣлъ счастіе неоднократно слышать самъ и отъ императора Николая Павловича и отъ великаго князя Михаила Павловича. Его величество называлъ меня иногда въ шутку: „mon camarade manqué".

— В. Ѳ. Малиновскій былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ венгерскимъ [2]). Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря Сперанскаго, который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою: сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса.

— Лицей содержался богато только сначала, но послѣ ничуть не богаче другихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній и, конечно, бѣднѣе, нежели, въ то время, пажескій корпусъ. Вначалѣ намъ сдѣлали прекрасные синіе мундиры изъ тонкаго сукна, съ теперешнимъ воротникомъ, и при нихъ бѣлые панталоны въ обтяжку съ ботфортами и трехугольными шляпами, и сверхъ того для будней синіе форменные сюртуки съ красными воротниками [3]). Но когда настала война 1812 года съ ея огромными расходами, заставившими, вѣроятно, сократить и штатную сумму лицея, все это стало постепенно отпадать [4]). Сперва, вмѣсто бѣлыхъ панталонъ съ ботфортами, явились сѣрые брюки; потомъ,

---

[1]) Вспомнимъ, что уставъ лицея изданъ былъ болѣе нежели за годъ до того— 12-го августа 1810 года. *М. К.*

[2]) Этотъ Самборскій, котораго я зналъ лично прекраснымъ, маститымъ старцемъ, съ аннинскою лентою, послѣ кончины великой княгини, долго жилъ въ Петербургѣ, на покоѣ, занимаясь преимущественно агрономіею. Онъ сохранилъ отъ времени пребыванія своего за границею много англійскихъ навыковъ и — право не *отращать бороды*, за что считался между своею братіею немножко еретикомъ. *М. К.*

[3]) Замѣчательно, что вначалѣ все платье на насъ шилъ собственный портной государя, русскій мужикъ съ бородою, Мальгинъ, котораго я видывалъ, кажется, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ глубокой старости. *М. К.*

[4]) Въ біографіи Энгельгардта (*Р. Архивъ* 1872) сказано, что эти перемѣны были введены имъ съ педагогическою цѣлью, а не изъ экономіи. *Я. Г.*

вмѣсто трехугольныхъ шляпъ, фуражки; наконецъ, вмѣсто форменныхъ синихъ сюртуковъ, сѣрые статскаго покроя, чѣмъ особенно мы очень обижались, потому что такая же форма была тогда и для малолѣтнихъ придворныхъ пѣвчихъ внѣ службы. Впослѣдствіи хотя и возстановились синіе форменные сюртуки, но все прочее осталось какъ порѣшилъ роковой 1812-й годъ, а сверхъ того, казенное платье было тако плохо и шилось на такіе долгіе сроки, что всѣ, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имѣли свое, прочіе же и въ дворцовую церковь являлись въ заплаткахъ. Столъ — за обѣдомъ три, а въ праздники четыре, и за ужиномъ два блюда — никогда не былъ хорошимъ, а иногда бывалъ и чрезвычайно дурнымъ, хотя одно время готовилъ его, чѣмъ очень хвастались, поваръ, служившій нѣкогда Суворову. Первые экономы или, по офиціальному ихъ титулу, „инспекторы хозяйственной части", Эйлеръ [1]) и Камарашъ, были очевидные жиды, и по наружности и по образу дѣйствія, я думаю и по происхожденію; потомъ эта должность уже не замѣщалась и исправлялъ ее сперва помощникъ эконома, истый уже русскій, Золотаревъ [2]), который былъ еще хуже жидовъ, и потомъ съ званіемъ просто „эконома" нѣмецъ Ротастъ, нѣсколько лучше предмѣстниковъ [3]). Золотаревъ былъ постоянно предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій цѣлаго лицея, и какъ часто мы бывало таскали его за рыжіе бакенбарды, припѣвая:

„Ты выдумалъ пахабны яствы,
Запряталъ въ пироги лѣкарствы"...

Чтобы окончить очеркъ *богатаго* нашего содержанія, прибавлю, что одно время, кажется тоже въ экономическомъ 1812 году, насъ, вмѣсто чая, поили сбитнемъ, и что часть бѣлья была отнюдь не лучше части верхняго платья.

— Нельзя сказать, чтобы лицеисты составляли высшій курсъ, а пансіонеры низшій. Это было справедливо только въ отношеніи къ

---

[1]) Леонтій Карловичъ Эйлеръ, племянникъ знаменитаго академика, былъ честнѣйшій человѣкъ и служилъ впослѣдствіи при петербургской таможнѣ. Въ этой должности онъ съ 1820-хъ почти до 1840-хъ годовъ жилъ на Вас. остр. около биржи, гдѣ я въ молодости его посѣщалъ по старинному знакомству моего дѣда съ математикомъ Эйлеромъ. *Я. Г.*

[2]) Сына его я засталъ въ 1823 году въ лицейскомъ пансіонѣ, гдѣ этотъ молодой человѣкъ и оставался еще долго отчаяннымъ лѣнтяемъ и послѣднимъ во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникомъ. *Я. Г.*

[3]) Остававшійся въ этой должности еще и при мнѣ и послѣ меня. Кухонною частью завѣдывала его жена, и мы были довольны получаемой пищей. Если и случались вспышки неудовольствія, выражавшіяся напр. бросаніемъ пироговъ, то ихъ надо скорѣе приписать нашей избалованности, нежели дѣйствительно дурному содержанію. *Я. Г.*

тому небольшому числу воспитанниковъ, которые изъ пансіона переходили въ лицей, а всѣ прочіе оканчивали свое ученіе въ самомъ пансіонѣ, почти по тому же курсу, и выпускались оттуда на службу только однимъ чиномъ ниже. Нельзя также сказать, чтобы лицеисты и пансіонеры *безпрестанно* видѣлись между собою, чему препятствовало и самое разстояніе, потому что лицей былъ во дворцѣ, а пансіонъ въ Софіи, въ зданіяхъ теперешняго Александровскаго кадетскаго корпуса [1]). Мы видались только случайно на прогулкахъ, иногда же по воскресеньямъ и праздникамъ знакомые хаживали изъ одного заведенія въ другое; но in corpore лицеисты посѣщали пансіонъ, и наоборотъ, только разъ или два въ году, когда бывали въ томъ или другомъ заведеніи театральныя представленія или танцы. Сверхъ того надо замѣтить, что лицей считался въ отношеніи къ пансіону какъ бы гвардіею, и лицеисты въ массѣ всегда чуждались пансіонеровъ, смотря на нихъ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

— Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сперва *начальные* учители, а дали тотчасъ *профессоровъ*, которые, притомъ, сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили *всѣхъ вмѣстѣ* и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ — по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года — надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то *общій* курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, *обо всемъ на свѣтѣ*: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью *всего этого вмѣстѣ* и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ не соотвѣтствовавшимъ ни своей *особенной*, ни вообще *какой-нибудь* цѣли.

— Георгіевскій къ Кошанскому былъ назначенъ адъюнктомъ, и тогда какъ Кошанскій продолжалъ преподавать намъ русскую и латинскую словесность, Георгіевскій, помогая ему въ томъ, имѣлъ спеціально курсъ эстетики. Оба были, впрочемъ, далеко не орлы, и конечно не имъ лицей обязанъ своими поэтами. Кошанскій, преданный слабости къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ которой, въ наше время,

---

[1]) Слѣдуетъ прибавить: „для малолѣтнихъ". Впослѣдствіи тамъ помѣщалось юнкерское стрѣлковое училище. *Я. Г.*

нѣсколько разъ подвергался бѣлой горячкѣ, былъ родъ жеманнаго и чопорнаго франта, ревностно ухаживавшаго за прекраснымъ поломъ, любившій говорить по-французски, впрочемъ довольно смѣшно, и обращавшійся къ намъ всегда съ словомъ: Messieurs, которое онъ выговаривалъ: *месьёсъ*. И Пушкина и другихъ онъ жестоко преслѣдовалъ за охоту писать стихи и за всякую попытку въ этомъ родѣ, кажется, немножко и изъ зависти, потому что самъ кропалъ вирши [1]). Георгіевскій съ своей стороны былъ схоластъ и педантъ, который не умѣлъ ничего сказать спроста и отличался самымъ надутымъ краснорѣчіемъ [2]). Всякая фраза оканчивалась у него стереотипнымъ „и тому подобное", ни къ селу ни къ городу, и среди этихъ его порывовъ къ уподобленіямъ, намъ не разъ случалось слышать съ каѳедры возгласы въ родѣ слѣдующаго: „Богъ, господа, и тому подобное" [3]).

— Кайдановъ, воспитанникъ тогдашняго Педагогическаго института, по окончаніи въ немъ курса отправленъ былъ, вмѣстѣ съ своими товарищами: Куницынымъ и Карцовымъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, за границу, и слушалъ въ Геттингенѣ знаменитаго въ свое время Герена, но сѣмя великаго учителя пало здѣсь на безплодную почву. Вышедшіе потомъ въ печать курсы Кайданова обличили вполнѣ степень его высоты, хотя впрочемъ онъ училъ все-таки нѣсколько

---

[1]) Замѣчанія на этотъ слишкомъ строгій отзывъ о Кошанскомъ см. выше, стр. 41—43. *Я. Г.*

[2]) И этого отзыва не могу вполнѣ подтвердить. Петръ Егоровичъ Георгіевскій, поступивъ въ лицей очень молодымъ человѣкомъ, вначалѣ могъ дѣйствительно имѣть приписываемые ему здѣсь недостатки; преподаваніе его и въ наше время страдало нѣкоторою сухостью; но мы уважали его какъ прекраснаго человѣка, справедливаго, скромнаго, деликатнаго, и не замѣчали въ немъ ничего подобнаго желанію блистать краснорѣчіемъ. Впрочемъ при насъ онъ уже не читалъ эстетики, а преподавалъ только латынь и русскую литературу. *Я. Г.*

[3]) На него мы сочинили слѣдующіе стихи:

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Ну-съ, Августинъ богословъ,
Профессоръ Бутервекъ.

***

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Надъ печкою богословъ,
А въ печкѣ Бутервекъ.

***

Потомъ Ніобы группа,
Кореджіевъ тьмосвѣтъ,
Прелестна граціозность
И счастливъ—онъ поэтъ. *М. К.*

лучше нежели писалъ [1]). Нашъ историкъ имѣлъ кое-какія смѣшныя странности, къ которымъ должно причислить, между прочимъ, французскій его выговоръ, гдѣ, слѣдуя латинскому произношенію, онъ обозначалъ каждую букву. Такъ, изъ guerre des grenouilles у него всегда выходило: гверъ де греновиль. Другая странность у него была, что, обращаясь къ кому-нибудь изъ насъ, онъ слово „господинъ" всегда ставилъ послѣ фамиліи: Корфъ господинъ, Пушкинъ господинъ, и т. д. Сверхъ того, обходясь очень вѣжливо съ порядочными воспитанниками, онъ немилосердно ругалъ плохихъ, особенно лѣнтяя Ржевскаго, котораго терпѣть не могъ. Не проходило лекціи, гдѣ бы ему не доставалось такъ: „Ржевскій господинъ, животина господинъ, скотина господинъ", и все это съ самымъ малороссійскимъ выговоромъ и интонаціею [2]).

— Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія. Въ слѣдующіе курсы, когда они пообтерлись на насъ, дѣло пошло, я думаю, складнѣе: но, несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ. Одного имени Пушкина довольно, чтобы обезсмертить этотъ выпускъ; но и кромѣ Пушкина, мы, изъ ограниченнаго числа 29-ти воспитанниковъ, поставили по нѣскольку очень достойныхъ людей почти на всѣ пути общественной жизни. Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по-крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата.

---

[1]) Лекціи Кайданова были дѣйствительно гораздо удовлетворительнѣе его учебника; мы ихъ любили и слушали со вниманіемъ. *Я. Г.*

[2]) Ржевскій — малый добрый и не глупый, но съ которымъ въ лѣности могъ спорить развѣ только Дельвигъ, — писывалъ иногда кой-какіе стишонки. На него былъ сочиненъ у насъ, за-живо, слѣдующая эпитафія-акростихъ. *М. К.*

Родясь какъ всякій человѣкъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился,
Ѣлъ съ утра до ночи, подъ вечеръ спать ложился;
Вставъ, снова ѣлъ да пилъ, и такъ провелъ весь вѣкъ.
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ;
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію безъ прока.

Кому принадлежалъ этотъ акростихъ, не помню, но едва ли онъ имѣлъ законнаго отца: такія піесы, равно какъ и то, что мы называли *національными пѣснями*, импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлою толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти. *М. К.*

Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія. Основательнаго, глубокаго, въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и были очень богаты блестящимъ *всезнаніемъ*, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отыгрываться въ Россіи. Многому мы, разумѣется, должны были доучиваться уже послѣ лицея, особенно у кого была собственная охота къ наукѣ и кто, какъ напримѣръ я, оставилъ школьную скамью въ 17 лѣтъ.

— Куницынъ былъ, конечно, даровитѣе своихъ товарищей и въ особенности говорилъ складнѣе, хотя безъ большого изящества; сверхъ того у него было живое воображеніе и онъ обиловалъ разсказами сравненіями и т. п. Но все это было замѣтно въ немъ болѣе вначалѣ, пока онъ преподавалъ намъ нравственную философію; послѣ, при переходѣ въ римское и русское право, въ политическую экономію и финансы, онъ сталъ все болѣе и болѣе остывать къ своимъ предметамъ, а мы къ его лекціямъ. Притомъ система его преподаванія была самая негодная. При неимѣніи въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ, онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и изучать *слово въ слово*, совершенно *въ долбяжку*, такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы: отъ этого, въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должно было изощряться разумѣніе и способность свободно изъясняться, мы обращались въ совершенныя машины. Послѣ Куницынъ служилъ, вмѣстѣ со мною, во II Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ наиболѣе былъ употребленъ къ сводамъ по межевой части; но работы его выходили такъ плохи, что многія изъ нихъ Сперанскій втайнѣ передавалъ поправлять бывшему ученику бывшаго профессора.

— Каѳедры философіи (кромѣ такъ называемой *нравственной*) у насъ не было; эстетику преподавалъ Георгіевскій; Галичъ никогда профессоромъ лицея не былъ. Этотъ предобрый, но презабавный чудакъ преподавалъ въ лицеѣ, во время *бѣлыхъ горячекъ* Кошанскаго, русскую и латинскую словесность, и мы хотя очень надъ нимъ подсмѣивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе. Онъ, помнится, былъ товарищъ Куницына, Кайданова и Карцова и по Педагогическому институту, и по заграничной ихъ поѣздкѣ. Впослѣдствіи у него, по случаю изданныхъ имъ философскихъ системъ и пр., завязалась жаркая журнальная полемика съ Гречемъ, что однакоже не помѣшало послѣднему, когда нашъ философъ впалъ въ болѣзни и нищету, взять его къ себѣ въ домъ и на свои хлѣбы. Здѣсь Галичъ и умеръ въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

— Карцовъ былъ профессоромъ математическихъ наукъ и физики. Послѣдняя была даже его спеціальностію, а математику онъ зналъ и

преподавалъ довольно плохо, въ чемъ мы особенно убѣдились, когда назначенъ былъ къ нему адъюнктомъ молодой студентъ Архангельскій, математикъ въ душѣ, умѣвшій придавать этому сухому предмету жизнь и даже что-то въ родѣ поэзіи [1]). Впрочемъ математикѣ всѣ мы вообще сколько-нибудь учились только въ первые три года; послѣ, при переходѣ въ высшія ея области, она смертельно всѣмъ надоѣла, и на лекціяхъ Карцова каждый обыкновенно занимался чѣмъ-нибудь постороннимъ; готовился къ другимъ предметамъ, писалъ стихи или читалъ романы, которыхъ разными потаенными путями мы всегда умѣли доставать пропасть, вопреки строгому шпіонству и наушничеству матери нашего Бакунина (теперь тверского губернатора), жившей постоянно въ Царскомъ Селѣ и неослабно слѣдившей, для охраненія нравственности своего, впрочемъ совсѣмъ не цѣломудреннаго сына, за нашими лектюрами. Во всемъ математическомъ классѣ шелъ за лекціями и зналъ что́ преподавалось одинъ только Вальховскій. Сначала общая невнимательность всѣхъ прочихъ ужасно бѣсила Карцова; онъ долго бранился, жаловался, старался возстановить порядокъ и дисциплину въ своемъ классѣ; но, видя наше упорство не сдѣлаться математиками, наконецъ покорился судьбѣ или нашей непреклонной волѣ, и въ послѣднее время не вызывалъ уже никого болѣе къ отвѣтамъ, кромѣ Вальховскаго, и ни съ кѣмъ другимъ не занимался; къ выпускному же экзамену роздалъ каждому изъ насъ опредѣленныя роли, avec réplique, которыя всѣ мы превосходно выучили. Самъ онъ былъ человѣкъ не глупый, острый, язвительный; мы любили его бесѣду, наполненную множествомъ анекдотовъ и колкостей на счетъ ближняго, т. е. царскосельскихъ жителей, потому что при нашемъ монастырскомъ затворничествѣ мы никого болѣе не знали. Бывало, когда онъ придетъ въ классъ, всѣ соберутся вокругъ него и, до начатія уединенной его бесѣды съ Вальховскимъ, помираютъ со смѣха отъ

---

[1]) Архангельскій былъ въ числѣ старыхъ преподавателей, которыхъ я засталъ еще въ лицеѣ; но онъ вскорѣ, уже въ годъ моего поступленія, умеръ отъ водяной. Я зналъ его еще въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ рѣдко приходилъ на лекціи по болѣзни, которая выражалась на лицѣ его смертельною блѣдностью. Всегда серьёзный, строгій и вспыльчивый, онъ внушалъ страхъ и высокое понятіе о своей учености. Разъ одинъ изъ воспитанниковъ, не знавшій урока, удостоился отъ него клички: „гнилой горшокъ", и разсказъ объ этой выходкѣ профессора часто повторялся. Не могу не вспомнить, что вскорѣ послѣ моего поступленія въ лицей Архангельскій, на одной изъ своихъ лекцій, аттестовалъ меня вошедшему въ классъ директору какъ „имѣющаго весьма основательныя познанія въ математикѣ". И дѣйствительно, пока проходились низшія ея части, я, благодаря урокамъ покойнаго П. Е. Бѣликова (который училъ и русскому языку) въ лицейскомъ пансіонѣ отличался успѣхами, но когда пришла пора дифференціаловъ и интеграловъ, я сталъ охладѣвать къ математикѣ и, наконецъ, совсѣмъ пересталъ ею заниматься. *Я. Г.*

его вовсе не математическихъ розсказней [1]). Нашъ Илличевскій написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Повѣрь, тебя измѣрить разомъ
Не мудрено, мой другъ чернякъ;
Ты математикъ — *минусъ* разумъ
Ты злой насмѣшникъ *плюсъ*...

Но эта игра словъ совсѣмъ не отвѣчала истинѣ въ отношеніи къ *уму* Карцова.

Исправлявшій директорскую должность Гауэншильдъ, былъ, можетъ быть, столь же хорошій профессоръ, сколько онъ былъ дурнымъ учителемъ и еще худшимъ директоромъ. Родомъ изъ Австріи, онъ не нравился намъ уже потому, что былъ *нѣмецъ* и очень смѣшно изъяснялся порусски. Сверхъ того, при довольно заносчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служитъ слѣдующая *національная пѣсня*, которая пѣвалась хоромъ, на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" Жуковскаго, — безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха воспѣлись adagio и sotto voce; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые, наконецъ, переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства:

Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межъ нами:
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лакрицей за зубами [2]).
Друзья, сберемтеся гурьбой,
Дружнѣе въ руки палку,
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку.
И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
„Побѣда!" первый заоретъ,
На нѣмца грянувъ съ бока.

---

[1]) Это отчасти продолжалось и при насъ. Часто даже, въ классѣ, въ отвѣтъ на его остроты, раздавался общій хохотъ, въ угожденіе профессору. При своей тучности онъ естественно не любилъ никакого напряженія, и иногда, сидя спиною къ доскѣ, не вставая чертилъ на ней свои поясненія. Однимъ изъ любимыхъ его выраженій, для насмѣшки надъ незнающими, было: „a + b равно красному барану", или: „тяпъ да ляпъ, и состроилъ корабль". Во французскомъ языкѣ онъ еще перещеголялъ Кайданова, и въ насмѣшку надъ лѣнивцами говаривалъ: „пуръ пассеръ ле тампсъ". *Я. Г.*

[2]) Гауэншильдъ имѣлъ привычку вѣчно жевать лакрицу. *М. Г.*

***

Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылью [1]),
Съ жидовской рожей экономъ,
Нашъ Эйлеръ знаменитый;
Зерновъ съ преломленнымъ носомъ,
Съ бородкою небритой [2]);
Съ очками лысый Соколовъ [3])
И Гакенъ криворотый [4])
Докажутъ силу кулаковъ, —
И нѣмца за вороты!

Лекціи свои Гауэншильдъ всегда читалъ на французскомъ языкѣ: это объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ насъ, и даже многіе, не знали ни слова по-нѣмецки; но все же странно было, что одинъ живой языкъ преподавался на другомъ, еще страннѣе послѣ, когда дѣло дошло уже до высшей литературы и ея исторіи. Для нѣмецкаго языка находился у насъ, впрочемъ очень недолго, еще и адъюнктъ, Репненкампфъ, изъ хорошей дворянской фамиліи [5]). Онъ служилъ прежде въ военной службѣ, въ которую и отъ насъ опять поступилъ, и памятенъ мнѣ болѣе по шалостямъ, которыя мы себѣ съ нимъ позволяли.

— Дельвигъ не могъ подавать примѣра Пушкину въ отношеніи къ нѣмецкому языку, потому что, вопреки своей нѣмецкой фамиліи, самъ зналъ его не больше Пушкина. Насъ точно по временамъ заставляли говорить по-нѣмецки и по-французски, для чего назначались опредѣленные дни; но это былъ почти одинъ фарсъ. Съ утра дежурный гувернеръ вручалъ кому-либо изъ воспитанниковъ билетъ, который надлежало передавать первому, захваченному въ тотъ день въ русскомъ разговорѣ; этотъ захваченный передавалъ опять билетъ тому, котораго удавалось ему съ своей стороны поймать въ подобной запрещенной бесѣдѣ, и такъ далѣе, до извѣстнаго часа, по наступленіи котораго тотъ, у кого окончательно оказывался билетъ, подвергался наказанію. Это значило вызывать товарищей къ не совсѣмъ, конечно, нравственному шпіон-

---

[1]) См. выше, стр. 37. О Пилецкомъ и Иконниковѣ будетъ рѣчь ниже.

[2]) См. выше, стр. 39.

[3]) Родъ ключника при экономѣ, потомъ помощника гувернера.

[4]) Бывшій прежде морской офицеръ, котораго прославили необыкновеннымъ знатокомъ французскаго языка и приставили къ намъ гувернеромъ для упражненія въ этомъ языкѣ, а между тѣмъ онъ говорилъ: „allont au parc“, и deux выговаривалъ діо.

[5]) Одинъ изъ тѣхъ дюжинныхъ гувернеровъ, коимъ былъ ввѣренъ нравственный за нами надзоръ. NB. Всѣ эти примѣчанія принадлежатъ *М. К.*

ству и обману, но на дѣлѣ выходило иначе. Тотъ, кому первому давался билетъ, обыкновенно держалъ его у себя все время до опредѣленнаго часа, и въ продолженіе этого времени никто и не думалъ говорить иначе какъ по-русски; только въ послѣднія роковыя минуты начиналась ловля разными хитростями; случалось же и такъ, что къ опредѣленному часу билетъ совсѣмъ пропадалъ безъ вѣсти.

— Преподаватели обоихъ иностранныхъ языковъ нисколько не имѣли болѣе частаго обращенія съ лицеистами, нежели другіе. Де-Будри не жилъ даже въ Царскомъ Селѣ, а пріѣзжалъ туда только на тѣ дни, когда бывали его лекціи. Свѣдѣніе, будто онъ переводилъ съ лицеистами „Недоросля", можетъ быть, относится къ послѣдующимъ выпускамъ, но при насъ этого не было. Де-Будри, забавный коротенькій старичокъ, съ толстымъ брюхомъ, съ насаленнымъ, слегка напудреннымъ парикомъ, кажется никогда не мывшійся и развѣ только однажды въ мѣсяцъ перемѣнявшій на себѣ бѣлье,—одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполнѣ понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, отнюдь не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Куницынъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, Де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность — способность правильнаго мышленія, а черезъ нее и на другую способность логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ. Не могу согласиться, чтобы уроки Де-Будри были для насъ всѣхъ *веселье*: напротивъ, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ и, какъ бы въ отмщеніе за то, что въ его классѣ, подъ его аргусовымъ глазомъ, нельзя было и думать о какомъ-нибудь стороннемъ занятіи, мы дразнили его разными школьными продѣлками; но *теперь* каждый изъ насъ, конечно, отдаетъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе. Де-Будри былъ для насъ и учителемъ декламаціи. Помню, что какъ-то, въ послѣдніе уже годы, намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму: „L'abbé de l'Epée", въ которой всѣ женскія роли были передѣланы имъ же, Де-Будри, въ мужскія и *любовники* превращены въ *друзей*. Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями, и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же самымъ, что князь Шаховскій для настоящихъ. И декламація обоихъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: слишкомъ высокопарна и на ходуляхъ.

— Чириковъ былъ лицомъ очень замѣчательнымъ въ лицеѣ, хотя больше по своей въ немъ, такъ сказать, *непрерывности*, нежели по какимъ-нибудь необыкновеннымъ достоинствамъ. Онъ вошелъ въ лицей со днемъ его открытія, то есть 19 октября 1811-го г., и, пересе-

лясь потомъ съ нимъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ глубокой старости, оставилъ службу при лицеѣ и вскорѣ за тѣмъ умеръ. Первый по времени гувернеръ нашъ, первый также учитель рисованія, онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный, очень посредственный гувернеръ, очень плохой рисовальщикъ и, при всемъ томъ очень любимый лицеистами за ровный и пріятный характеръ, за обходительность, за нѣкоторое достоинство, не позволявшее намъ такихъ съ нимъ шалостей, на которыя мы попускались съ другими; наконецъ, и за сочувствіе къ нашимъ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ вкусъ, потому что самъ былъ поэтъ, впрочемъ еще болѣе плохой, нежели гувернеръ и рисовальщикъ. Еще прежде лицея онъ писывалъ, но кажется не печаталъ, длинныя трагедіи въ стихахъ, которыя ходили и читались у насъ въ рукописяхъ. Одна была подъ заглавіемъ: „Герой Сѣвера", и кому-то изъ нашихъ вздумалось это заглавіе произведенія перенести на самого автора. Съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы всегда звали его „Героемъ Сѣвера", и этотъ собрикетъ очень льстилъ его самолюбію. Разумѣется, впрочемъ, что и на него, при всемъ добромъ къ нему расположеніи умовъ, не обходилось безъ эпиграммъ. Вотъ главная, сочиненная общимъ трудомъ и которую мы часто пѣвали на голосъ: „Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ" — только *не въ лицо ему*, какъ то бывало съ другими гувернерами [1]):

Я во Питерѣ бывалъ,
Изъ Царскаго туда ѣзжалъ [2]).
Персъ я родомъ [3])
И походомъ
Я на Выборгской бывалъ.

***

Я дежурный когда [4]),
Надѣваю фракъ тогда;

---

[1]) Чириковъ былъ уже давно женатъ, когда у него, въ мое время, родился первый ребенокъ, названный Сергѣемъ. Мы тотчасъ примѣнили къ новорожденному стихи изъ *Горя отъ ума*:

Сергѣй Сергѣичъ! запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали! *Я. Г.*

[2]) Въ то время, когда между Царскимъ Селомъ и Петербургомъ, вмѣсто желѣзной дороги и даже шоссе, была еще только прегадкая булыжная мостовая, поѣздка въ столицу, для такихъ *филистеровъ*, какъ Чириковъ, считалась почти геркулесовскимъ подвигомъ. *М. К.*

[3]) Чириковъ увѣрялъ, что родъ его происходитъ изъ Персіи, и точно, въ физіономіи своей онъ имѣлъ что-то восточное. *М. К.*

[4]) Гувернеры дежурили при насѣ черезъ день и тогда проводили съ нами цѣлыя сутки, имѣя впрочемъ право раздѣваться и ложиться на ночь, но съ обязанностію

Не дежурный —
Такъ мишурный
Надѣваю свой халатъ.

***

Вотъ ужъ девять бьетъ часовъ,
Я отъ сна встаю здоровъ:
Позѣваю,
Позываю
Всѣхъ Матвѣевъ, слугъ моихъ [1]).

***

И кривой ко мнѣ идетъ,
И *казенный* чай несетъ,
И подноситъ,
Выпить проситъ,
И себѣ остатковъ ждетъ.

***

Когда въ халатѣ я хожу,
Порядокъ въ домѣ завожу:
Крысъ пугаю,
Обдуваю
Въ шашки *въ деньги* я дѣтей.

***

А во фракѣ какъ хожу,
Дома цѣлый день сижу:
Идутъ въ садикъ,
Такъ я — дядекъ
Посылаю за себя.

— Калиничъ, по времени служенія его въ лицеѣ, былъ pendant къ Чирикову. Прежде малолѣтній придворный пѣвчій, онъ поступилъ въ лицей также въ день его открытія и, служивъ при немъ еще долѣе

обойти нѣсколько разъ коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были наши комнаты. Въ этихъ комнатахъ верхняя половина дверей была съ рѣшеткою, завѣшенною только до половины, такъ что, нѣсколько приподнявшись, можно было видѣть, что мы дѣлали и ночью. Внѣ дежурства гувернеры были совершенно свободны и могли и вставать утромъ, когда хотѣли. Къ этому обстоятельству относится слѣдующая строфа. *М. К.*

[1]) У насъ между *дядьками*, какъ называлась наша прислуга, было двое Матвѣевъ, изъ которыхъ одинъ кривой. Дядьки прислуживали и гувернерамъ, жившимъ въ лицеѣ. Чирикова квартира была въ верхнемъ этажѣ галлерей, соединявшей лицей съ дворцомъ. *М. К.*

Чирикова, умеръ, всего кажется, годъ или два тому назадъ [1]). У насъ онъ былъ, сначала до конца, только учителемъ чистописанія; но съ 1814 г., когда въ лицеѣ, сверхъ нашего курса, учредился еще второй изъ новобранцевъ (21 человѣкъ), помѣщавшійся хотя въ томъ же зданіи, но совершенно отдѣльно, Калиничъ былъ, при сохраненіи прежней должности у насъ, опредѣленъ туда гувернеромъ и продолжалъ носить это званіе по конецъ своего поприща, поднявшись постепенно до статскихъ совѣтниковъ. Трудно вообразить себѣ высокопарнѣйшаго, болѣе отвлеченнаго въ своихъ фразахъ, глупца и невѣжду. Большой ростомъ, съ сенаторскою осанкою и поступью, съ огромнымъ лицомъ, вѣчно отражавшимъ какъ будто глубокую думу и очень лишь рѣдко подергивавшимся легкою, нѣсколько презрительною къ человѣчеству усмѣшкою, Калиничъ всякій вздоръ, выходившій изъ его устъ, — другого изъ нихъ ничего и не выходило, — облекалъ въ громкія и величественныя слова́ и съ этой стороны имѣлъ еще первенство надъ Георгіевскимъ, у котораго, на днѣ такихъ же высокопарныхъ фразъ, таились по крайней мѣрѣ довольно основательныя познанія, тогда какъ Калиничъ былъ бездонный невѣжда, и про него, еще съ бо́льшимъ правомъ, можно было повторить сказанное когда-то объ одномъ изъ нашихъ министровъ: „C'est immense — ce qu'il ne sait pas!“ Между тѣмъ онъ былъ человѣкъ не злой, и какъ все его каллиграфическое вліяніе на насъ ограничивалось двумя часами въ недѣлю, въ которые онъ еще болѣе чинилъ намъ перьевъ на все остальное время, нежели училъ насъ, то мы и его довольно любили. Но съ другой стороны онъ представлялъ слишкомъ богатый сюжетъ для эпиграммъ, чтобы не потѣшить надъ нимъ вдоволь молодого нашего воображенія. Въ длинномъ рядѣ куплетовъ, гдѣ выводили каждаго изъ лицейскихъ преподавателей и наставниковъ въ первомъ лицеѣ, Калиничъ представалъ съ слѣдующими, точно со словъ его скопированными возгласами:

Читали ль Россіяды
Вы новый переводъ?
Прилежнѣе буквальность
Извольте замѣчать.

* * *

Какъ Енисей излучистъ!
Здѣсь бился Витгенштейнъ,
Сего я полководца
Въ газетахъ не видалъ.

---

[1]) Онъ умеръ въ 1851 г. Очеркъ его біографіи см. въ *Памятной книжкѣ* лицея на 1856 г. *Я. Г.*

А вотъ и нѣсколько ругательныхъ на него колкостей, которыя принадлежали, кажется, Илличевскому, но были усвоены всѣми:

1.

Бѣда моя, бѣда. Я точно какъ Ефремъ.
Рисую съ одного, а угождаю всѣмъ:
Архипово лицо на Фоку выдетъ схоже,
Климъ узнаетъ себя въ Терентіевой рожѣ.
Я написалъ осла: Калина пристаетъ,
Что де его портретъ.

2.

Какъ правильны у васъ фигуры:
Съ антиковъ вѣрно сняли вы? —
Нѣтъ, сударь, писаны съ натуры:
Вотъ Фотій нашъ безъ головы [1]). —

3.

Вы ли́ца славно написали:
Не съ бюстовъ ли вы ихъ снимали? —
Нѣтъ, сударь, кромѣ одного;
Я снялъ съ Калинича его.

4.

Калина, я тебя нарисовалъ Калиной,
И недоволенъ ты трудомъ;
Какъ быть, я самъ винюся въ томъ:
Мнѣ должно бы нарисовать тебя дубиной.

Калиничъ имѣлъ, впрочемъ, два неоспоримыя достоинства: 1) онъ прекрасно писалъ, или лучше сказать, рисовалъ буквы: вслѣдствіе того, всѣ наши грамоты на медали и похвальные листы были переписаны его рукою, что́ и обѣщаетъ увѣковѣчить его память, по крайней мѣрѣ до истлѣнія этихъ листовъ; 2) онъ, по прежнему своему званію, очень недурно пѣлъ, и когда, въ послѣдніе годы нашей лицейской жизни, у насъ сформировался свой хоръ, служилъ нашимъ юношескимъ басамъ очень полезною октавою.

— Нельзя сказать, чтобы внѣшнія политическія событія отвлекли отъ лицея вниманіе высшаго правительства. И въ грозу 1812 г., какъ нынѣ въ грозу 1854-го, только слабодушные впадали въ отчаяніе и съ нимъ въ апатію. Прочіе, всякъ кому былъ дорогъ свой долгъ, сохраняя

---

[1]) Калиничъ назывался Фотій Петровичъ. *М. К.*

надежду на Провидѣніе, на внутреннія силы Россіи и на единодушную приверженность великаго русскаго народа къ вѣрѣ и престолу, продолжали дѣйствовать, по силамъ и разумѣнію, на предназначенномъ каждому поприщѣ. Многіе, лишенные возможности нести жизнь свою въ священную брань за отечество, именно въ неусыпномъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ бы ничто не разстроилось въ общемъ механизмѣ государства, полагали выраженіе своего патріотизма. Къ числу такихъ принадлежалъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, по крайней мѣрѣ, сколько намъ замѣтно было въ отношеніи къ лицею. И прежде и послѣ онъ продолжалъ очень часто пріѣзжать къ намъ изъ Петербурга и входить во всѣ подробности, а директоръ его департамента Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, самъ писатель и переводчикъ Лонгина „о высокомъ“, также очень нерѣдко бывалъ въ Царскомъ Селѣ, почасту испытывалъ насъ, задавалъ намъ сочиненія, просматривалъ ихъ и даже не разъ читывалъ, вмѣсто Кошанскаго, лекціи русскаго и латинскаго языка.

— Эффектъ войны 1812 г. на лицеистовъ былъ дѣйствительно необыкновенный. Не говоря уже о жадности, съ которою пожиралась и комментировалась каждая реляція, не могу не вспомнить горячихъ слезъ, которыя мы проливали надъ Бородинскою битвою, выдававшеюся тогда за побѣду, но въ которой мы инстинктивно видѣли другое, и надъ паденіемъ Москвы. Какъ гордился бывало я, видя почти въ каждой реляціи имя генералъ-адъютанта барона Корфа, одного изъ отличнѣйшихъ въ то время кавалерійскихъ генераловъ, и какое взамѣнъ слезъ пошло у насъ общее ликованье, когда французы двинулись изъ Москвы! Впрочемъ стихи Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались, и пр.

были не поэтическою прикрасою. Весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска и насъ особенно поражалъ видъ тогдашней дружины съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Подъ осень насъ самихъ стали собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія и на сѣверную столицу, перевести лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется въ Архангельскую губернію или въ Петрозаводскъ [1]). Явился Мальгинъ примѣрять намъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили насъ опять къ нашимъ форменнымъ шинелямъ и походъ не состоялся, что,

---

[1]) Педагогическій институтъ былъ на время переведенъ туда съ директоромъ его Энгельгардтомъ. *Я. Г.*

при всемъ нашемъ патріотизмѣ, не оставило насъ нѣсколько подосадовать. Молодежь любитъ перемѣну...

— Баронъ Эльснеръ имѣлъ каѳедру военныхъ наукъ для тѣхъ изъ насъ, которые предназначались въ военную службу. Нѣмецъ родомъ, онъ преподавалъ у насъ свой предметъ по-французски, и хотя свободно владѣлъ этимъ языкомъ, но имѣлъ пресмѣшное произношеніе: fusil у него всегда выходило fisul, и т. п.

Учитель фехтованія Вальвиль, настоящій французъ во всѣхъ отношеніяхъ, былъ очень нами любимъ, хотя успѣхи его въ предметѣ были не велики.

Тепперъ де Фергюзонъ былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира и училъ насъ, въ послѣдній только годъ, не музыкѣ собственно, а лишь только пѣнію. Это было дѣломъ директора Энгельгардта, который хотѣлъ доставить кусокъ хлѣба своему старинному другу. Тепперъ, хорошій учитель пѣнія, хотя самъ безъ всякаго голоса, не только училъ насъ, но и сочинялъ для насъ разные духовные концерты, то-есть большею частію перелагалъ съ разными варіаціями и облегченіями концерты Бортнянскаго. Въ его классѣ соединялись оба курса лицея, старшій и младшій, что̀ иначе ни на лекціяхъ, ни въ рекреаціонное время никогда не бывало. Лепперу же принадлежитъ и музыка извѣстной прощальной пѣсни Дельвига: „Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье“, живущей и теперь еще, черезъ сорокъ почти лѣтъ, въ стѣнахъ лицея. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный и пріятный, и намъ очень нравились и его бесѣды и его классы. Онъ былъ женатъ на дочери банкира Северина, родной сестрѣ г-жи Вельо, къ дочери которой Sophie, вышедшей потомъ за генерала Ребиндера, но тогда еще дѣвицѣ, очень благоволилъ императоръ Александръ [1]). Всѣ эти семейства жили постоянно въ Царскомъ Селѣ, и у Теппера былъ тамъ свой домикъ, возлѣ нынѣшней дачи князя Барятинскаго, принадлежащій теперь г-жѣ Липранди (послѣ она вышла за графа Игельстрома). Вечеромъ онъ обыкновенно зазывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ насъ, человѣкъ трехъ или четырехъ: пили чай, болтали, пѣли, *музицировали*, и эти простые вечера были намъ чрезвычайно по вкусу.

Учитель танцованія Эбергардъ слѣдовалъ въ хронологическомъ порядкѣ за Гюаромъ и Билье. Обо всѣхъ ихъ сказать много нечего. Первому по времени, Гюару, было кажется лѣтъ 70, когда онъ училъ

---

[1]) Императоръ Александръ очень часто бывалъ у г-жи Вельо, но сверхъ того назначались уединенныя свиданія въ Баболовскомъ дворцѣ. Вотъ стихи по этому случаю въ нашей антологіи:

. . . .

Что съ участью твоей, прекрасная, сравнится?
Весь міръ у ногъ его — *здѣсь* у твоихъ онъ ногъ. *М. К.*

насъ гавоту, минуэту и тому подобнымъ танцамъ своей эпохи; Билье, больше нежели танцами, занимался нашимъ нравственнымъ образованіемъ, разсказывая мальчикамъ скоромные французскіе анекдоты, а Эбергардъ, я думаю, живъ еще и теперь и чуть ли не дотанцовался до высокоблагороднаго чина.

Докторъ Пешель — весельчакъ, старавшійся острить, другъ всего царскосельскаго *бомонда* (хорошъ онъ былъ!), между тѣмъ добрый человѣкъ, о которомъ могли отзываться дурно развѣ только его больные; онъ забавлялъ насъ своими анекдотами, невиннѣйшими нежели французскіе Билье, своими, большею частію неудачными *бонмотами* и уморительнымъ русскимъ языкомъ, а сверхъ того тѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, т. е. изъ казенной аптеки. Каждое первое число мѣсяца онъ являлся съ запасомъ дѣвичьей и бабьей кожи, лакрицы и тому подобной гадости, которая однако очень намъ нравилась. При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, разумѣется, не было недостатка. Самая злая изъ нихъ, кажется Пушкина, родилась по слѣдующему случаю. Одинъ изъ нашихъ *дядекъ*, слѣдственно изъ участниковъ въ надзорѣ за нашею нравственностію, едва 20-тилѣтній Константинъ Сазоновъ, въ два года своей бытности въ лицеѣ совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ прежнихъ — только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицея, а полиціею! Разумѣется, что, когда дѣло обнаружилось, злодѣй былъ преданъ всей карѣ закона; но при этомъ досталось и Пешелю въ слѣдующей домашней нашей расправѣ:

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ:
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лѣкаремъ моимъ!

Степанъ Степановичъ Фроловъ, отставной артиллеріи подполковникъ, *не* участвовавшій въ кампаніи 1812 года и все-таки претендовавшій на установленную въ память ея серебряную медаль, какими-то судьбами сдѣлался извѣстенъ графу Аракчееву, и по мощному его слову, безъ малѣйшихъ съ своей стороны правъ и предшествій, былъ опредѣленъ къ намъ, во второй уже половинѣ нашего курса, инспекторомъ классовъ и нравственности, а потомъ временно исправлялъ даже и должность директора. Съ претензіями на умъ, на познанія, съ надутою фигурою, не имѣя никакого достоинства и ни малѣйшаго характера, при томъ отчаянный игрокъ, этотъ Фроловъ, послѣ назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта ниспавшій опять въ инспекторы и

оставшійся до нашего выпуска, былъ однимъ изъ самыхъ типическихъ лицъ въ пошломъ сборищѣ нашихъ менторовъ. Передѣлавъ постепенно его грубую, но слабую солдатскую натуру на нашъ ладъ, возвысивъ его, такъ сказать, до себя: ибо, когда онъ обтерся немного въ нашемъ обществѣ, то не могъ не почувствовать, что каждый изъ насъ и умнѣе его и болѣе его знаетъ, — мы обратили его въ совершенное посмѣшище и издѣвались надъ нимъ открыто, ему самому въ лицо. Его нелѣпости и пошлости лучше всего выражены въ слѣдующей національной пѣснѣ, которая пѣлась, если и не передъ нимъ, то по крайней мѣрѣ передъ всѣми гувернерами, потомъ даже и передъ самимъ Энгельгардтомъ:

Ты былъ директоромъ лицея,
Хвала, хвала тебѣ Фроловъ [1])!
Теперь ты ниже сталъ пигмея,
Ты съ Ожаровскимъ [2]) крысъ гоняешь,
Чулкова сказки восхваляешь,
Ты съ Камарашемъ на дуэли,
Ты ищешь друга въ Кокюэлѣ [3]).
Ребята напилися ромомъ,
За то Ѳому [4]) прогнали съ громомъ.
Дѣтей ты ставишь на колѣни [5]),
Отъ графа (*Разумовскаго*) слушаешь ты пени.
Вотъ Гауэншильдъ стучится въ двери,
Фроловъ играетъ роль за....;
Яды (?) австріецъ подпускаетъ,
Фроловъ рукой въ отвѣтъ мотаетъ.
По поведенью мы хлебаемъ [6]),
А все молитву просыпаемъ.
Ты первый ввелъ звонка тревогу
И въ три ряда повелъ насъ къ Богу [7]),
Завелъ въ лицеѣ чай и булки [8]),
Умножилъ классныя прогулки.

---

[1]) Это былъ общій refrain послѣ *каждаго* стиха, и потому я далѣе его пропускаю.

[2]) Управлявшій до Захаржевскаго Царскимъ Селомъ.

[3]) Одинъ изъ гувернеровъ — французъ, котораго никто изъ насъ терпѣть не могъ и наконецъ мы заставили его прогнать.

[4]) Дядька, купившій для шалуновъ ромъ.

[5]) Изобрѣтенное имъ наказаніе.

[6]) Фроловъ разсадилъ насъ за столомъ по нумерамъ нашимъ въ поведеніи.

[7]) Прежде мы стояли за молитвою вразсыпную, а онъ установилъ насъ въ три шеренги.

[8]) Т. е. возобновилъ, послѣ сбитня.

Ты подарилъ насъ кислымъ квасомъ,
За ужиномъ мычишь ты басомъ;
На верхъ пускалъ насъ по билетамъ [1]),
Цензуру учредилъ газетамъ;
Швейцара ссорилъ съ юнкерами [2]),
Насъ познакомилъ съ чубуками [3]),
Очистилъ мѣсто Константину [4]),
Левонтья чуть не выгналъ въ спину [5]),
Отъ *насъ* не спишь *за банкомъ* ночи.
Съ людьми изъ всей воюешь мочи.
Предъ париченкомъ [6]) ты въ халатѣ,
Передъ очками [7]) ты въ парадѣ;
Ты въ страхѣ хлопаешь глазами,
Ты острякамъ грозишь тузами.
Нашелъ ты фи́гуру [8]) въ фигурѣ
И умъ въ женѣ, болтушкѣ, дурѣ.
Кадетскихъ хвалишь грамотеевъ [9]),
Твой другъ и баринъ Аракчеевъ;
Французскимъ забросалъ Вальвиля,
Эмиліей зовешь Эмиля [10]).
Медали въ вѣчной ты надеждѣ,
Ты математикомъ былъ *прежде,*
Для мѣстъ съ герольдіей сносился,
Смѣнить Захарова [11]) просился,
Хотѣлъ убить Наполеонку
И безъ штановъ оставилъ Лонку [12]).

---

[1]) Т. е. въ наши одиночныя комнаты. Прежде мы ходили туда и тамъ занимались свободно, ни у кого не спрашиваясь.

[2]) Съ лейбъ-гусарскими, которыхъ онъ запретилъ пускать въ лицей.

[3]) При Фроловѣ, который цѣлый день курилъ, и изъ насъ многіе стали курить, что имъ не запрещалось.

[4]) Т. е. вышеупомянутому Сазонову, котораго онъ опредѣлилъ дядькою.

[5]) Леонтій или Людвигъ Камерскій, изъ поляковъ, любимый нашъ дядька, порядочный впрочемъ плутъ, жившійся на нашъ счетъ.

[6]) Глупый, еще глупѣе Калинича, гувернеръ Эбергардъ, который ходилъ въ рыжемъ парикѣ.

[7]) Энгельгардтъ.

[8]) Такъ онъ всегда выговаривалъ.

[9]) Онъ прежде служилъ при которомъ-то изъ кадетскихъ корпусовъ.

[10]) Фроловъ, въ жизни ничего не читавшій, воображалъ, по сходству звуковъ, что Эмиль Руссо есть женщина.

[11]) Захаровъ—тогда совѣтникъ царскосельскаго дворцоваго правленія.

[12]) Имѣніе его, помнится, въ Смоленской губерніи, откуда онъ бѣжалъ при приближеніи французовъ. (Все это примѣчанія *М. К.*).

Кадетъ сѣкалъ на барабанѣ,
Статьи умножилъ въ Алкоранѣ [1]).
Министръ поздненько спохватился:
Фролова листъ оборотился:
Тебѣ въ лицо поютъ куплеты,
Прими же милостиво это.

Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ — первый, по времени, инспекторъ нашъ: ибо Фроловъ явился только третьимъ — былъ человѣкъ совсѣмъ другого разбора. Съ достаточнымъ образованіемъ, съ большимъ даромъ слова и убѣжденія, онъ былъ святошею, мистикомъ и иллюминатомъ, который отъ всѣхъ чувствъ обыкновенной человѣческой природы, даже отъ врожденной любви къ родителямъ, старался обратить насъ исключительно — къ Богу, и если бы мы долѣе оставались въ его рукахъ, непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ іезуитовъ, или то, что нѣмцы называютъ Kopfhänger. Не знаю, по какому случаю его уволили, но онъ съ своею длинною и высохшею фигурою, съ горящимъ всѣми огнями фанатизма глазомъ, съ кошачьими походкою и пріемами, наконецъ съ жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видомъ отцовской нѣжности, строгостію, долго жилъ въ нашей памяти какъ бы какое-нибудь привидѣніе изъ другого міра. Любопытно, что онъ послѣ служилъ слѣдственнымъ приставомъ въ петербургской полиціи и наконецъ, въ 1837 г., за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ высланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь. Онъ живъ еще и теперь въ глубокой старости, живетъ опять въ Петербургѣ, почти безъ куска хлѣба и недавно являлся ко мнѣ съ просьбою о пособіи изъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Преемникъ Пилецкаго, Василій Васильевичъ Чачковъ, совершенно ничтожный и безгласный, только промелькнулъ у насъ, оставивъ очень мало по себѣ воспоминаній. Лѣтъ черезъ 25 послѣ того, онъ все еще былъ только совѣтникомъ Псковской казенной палаты, но теперь вѣроятно давно уже не существуетъ.

Трико, баронъ Сакенъ и Эртель не имѣли никакого къ намъ прикосновенія, состоявъ только при *второмъ*, совершенно, какъ я уже сказалъ, отдѣленномъ отъ насъ курсѣ. Но Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ былъ, напротивъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ, первымъ по открытіи лицея гувернеромъ нашимъ. Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хорошія качества подавлялись неодолимою страстію къ вину, доходившею до того, что, когда водка пере-

---

[1]) Въ невѣжествѣ своемъ ссылаясь иногда на Алкоранъ, какъ на законъ нравственности, онъ взваливалъ на бѣднаго Магомета такія афоризмы, которые тому и въ умъ не приходили. *М. К.*

ставала уже казаться ему средствомъ довольно возбудительнымъ, онъ выпивалъ залпомъ по цѣлымъ склянкамъ Гофманскихъ капель! Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею царскосельскою публикою. Помню, что въ одной такой пьесѣ, названной кажется „розою безъ шиповъ" и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Масловъ, но послѣ перваго дѣйствія ему сдѣлалось дурно, и тогда во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только съ другою совсѣмъ фигурою и проч., но даже и въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а къ тому же и мертвецки пьяный, сбивая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты и не помнилъ ни точныхъ словъ ни репликъ. Мистифированной публикѣ должно было самой догадаться, что Масловъ и Иконниковъ, въ такихъ разныхъ видахъ, — одно и то же лицо. Добрый и несчастный Иконниковъ оставался у насъ не долго, и куда послѣ дѣлся, не знаю.

Наконецъ Зерновъ и Селецкій-Дзюрдзъ, которые, съ титломъ помощниковъ гувернеровъ, стояли почти въ уровень съ дядьками, были подлые и гнусные глупцы, съ такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщикъ не взялъ бы ихъ къ себѣ въ половые. Послѣдній былъ первымъ моимъ наставникомъ въ куреніи; но какъ самъ онъ курилъ отвратительный тютюнъ и ничего другого и мнѣ дать не могъ, то у меня съ первой трубки сдѣлалась такая рвота, что на цѣлые мѣсяцы отбило охоту повторять эти опыты.

— Живо помню праздникъ, данный въ Павловскѣ, по возвращеніи императора Александра изъ Парижа, въ нарочно устроенномъ для того императрицею-матерью при „розовомъ павильонѣ" большомъ залѣ. Сперва былъ балетъ на лугу передъ этимъ павильономъ, гдѣ декораціи образовались изъ живой зелени, а задняя стѣна представляла окрестности Парижа и Монмартръ съ его вѣтряными мельницами, работы славнаго декоратора Гонзаго. Потомъ былъ балъ въ сказанной большой залѣ, убранной сверху до низу чудесными розовыми гирляндами— произведеніемъ воспитанницъ Смольнаго монастыря,—тѣми же самыми гирляндами, которыя и теперь еще, старыя и поблеклыя, украшаютъ старую и полуразвалившуюся залу... Нашъ „Агамемнонъ", низложитель Наполеона, миротворецъ Европы, сіялъ во всемъ величіи, какое только доступно человѣку; кругомъ его блестящая молодежь, въ эполетахъ и аксельбантахъ, едва только возвратившаяся изъ Парижа съ самыми свѣжими лаврами, пожатыми не на одномъ только полѣ битвъ, и среди этой пестрой ликующей толпы счастливая Мать, гордящаяся своимъ Сыномъ и его Россіею... Какъ все это свѣжо еще въ моей памяти, даже до краснаго кавалергардскаго мундира, въ которомъ танцовалъ госу-

дарь,—и гдѣ все это осталось послѣ сорока лѣтъ!... Насъ, скромныхъ зрителей, привели изъ Царскаго Села полюбоваться этими диковинками, разумѣется, пѣшкомъ. На балетъ мы смотрѣли изъ сада, на балъ—съ окружавшей (и теперь еще окружающей) залу галлереи. Потомъ повели обратно, точно такъ же пѣшкомъ, безъ чаю, безъ яблочка, безъ стакана воды. Еще сохранилась въ моей памяти отъ этого праздника одна, совершенно противоположная сцена, оставившая сильное впечатлѣніе въ моемъ отроческомъ умѣ. Несмотря на нашъ походъ и на присутствіе при праздникѣ все время на ногахъ, мы пробыли тутъ до самаго конца. Когда царская фамилія удалилась, подъѣздъ наполнился множествомъ важныхъ лицъ въ мундирахъ, въ звѣздахъ, въ пудрѣ, ожидавшихъ своихъ каретъ, и для насъ начался новый спектакль—разъѣздъ. Вдругъ изъ этой толпы вельможъ раздается по нѣскольку разъ зовъ одного и того же голоса: „холопъ! холопъ!!!"... Какъ дико и странно звучалъ этотъ кличъ изъ временъ царей съ бородами, въ сравненіи съ тѣмъ утонченнымъ европейскимъ праздникомъ, котораго мы только-что были свидѣтелями!

— Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, начавшій поздно учиться по-русски и отъ того, хотя и изучившій этотъ языкъ въ совершенствѣ, но сохранившій въ выговорѣ явные слѣды нѣмецкаго происхожденія, сверхъ того представлявшій и по фигурѣ и по всѣмъ пріемамъ живой типъ нѣмца, или того, что мы называемъ „колбасникомъ",—Кюхельбекеръ, говорю, былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ цѣлаго лицея за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно извивавшійся всѣмъ тѣломъ, что̀ и навлекло ему этикетъ „глиста", съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною вспыльчивостью, онъ, почти полупомѣшанный, всегда готовъ былъ на самыя „курьезныя" продѣлки и разъ даже, ни съ того, ни съ другого, попробовалъ утопиться, впрочемъ, именно въ такомъ пруду, гдѣ нельзя бы было утонуть и мыши. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ нашихъ стихотворцевъ, и хотя въ стихахъ его было всегда странное направленіе и отчасти странный даже языкъ, но при всемъ томъ, какъ поэтъ, онъ едва ли стоялъ не выше Дельвига и долженъ былъ занять мѣсто непосредственно за Пушкинымъ. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ наконецъ педагогическую карьеру, былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ заведеніяхъ, издавалъ, вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, журналъ, помнится, „Мнемозину" и какъ въ немъ, такъ и въ другихъ продолжалъ печатать свои стихотворныя произведенія. Все это кончилось исторіею 14-го декабря. Кюхельбекеръ, схваченный уже на побѣгѣ, въ Варшавѣ, былъ отправленъ въ крѣпостныя работы въ Свеаборгъ и оттуда на поселеніе въ Сибирь, гдѣ женился на поселянкѣ и недавно умеръ. Сынъ его воспитывается

теперь въ одной изъ Петербургскихъ гимназій подъ фамиліею Васильева. Впрочемъ, и въ Сибири поэтическій геній его не совсѣмъ умолкалъ и во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ была напечатана въ одномъ журналѣ присланная имъ оттуда полутрагедія и полудрама въ шекспировскомъ родѣ, подъ заглавіемъ „Кикиморы“ — разумѣется, безъ имени автора. Въ лицеѣ, повторяю, онъ былъ мѣтою самыхъ колкихъ эпиграммъ и ни на кого, ни изъ товарищей, ни изъ наставниковъ, не было ихъ столько написано. Вотъ для образца нѣсколько изъ нихъ, не страждущихъ, по крайней мѣрѣ, какъ прочія, непристойностями:

1.

Дамону доказать хотѣлось.
Что правосудье къ чорту дѣлось:
Плутягинъ подъ судомъ;
Хваталкинъ подъ кнутомъ;
Того колесовали,
Того въ Сибирь сослали,
А Клитъ, „Теласко“ сочинивъ,
Живъ!

2.

Я дѣло доброе сегодня учинилъ
И радъ тому не мало:
Какой-то подъ угломъ продавецъ горько вылъ,
И какъ не выть? Бумагъ для семги не достало
И не въ чемъ продавать; товаръ межъ тѣмъ гніетъ.
„Утѣшься, я сказалъ, бѣды великой нѣтъ:
Дамонъ поэму издаетъ“.

3.

Смотрите,
Тутъ докторъ, здѣсь поэтъ: бѣгите.

4.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

5.

Пегасъ, навьюченный лапландскими стихами,
Натужился—и выскочила „*Зами*“ [1]).

---

[1]) Одно изъ его произведеній. *М. К.*

— Михайла Ивановичъ Пущинъ былъ братъ нашего товарища Ивана, о которомъ скажу ниже. Михайла служилъ тогда въ гвардейскихъ конныхъ піонерахъ и за свѣдѣніе о заговорѣ 1825 г. былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ [1]), а бумаги его схвачены слѣдователями и никогда уже не возвращались. Итакъ наши невинные и, правду сказать, очень и неважные журналы, потому что они писались въ первые годы лицея, гніютъ въ какомъ-нибудь секретномъ архивѣ, если не подверглись тогда же истребленію. Самымъ аристократическимъ изъ этихъ листковъ былъ „Неопытное перо", самымъ площаднымъ „Лицейскій Мудрецъ". Иллюстраціи вездѣ были замысловатѣе текста [2]).

— Пушкинъ „читалъ охотно Апулея"—развѣ только въ переводѣ и то во французскомъ, потому что ни другихъ новѣйшихъ, ни тѣмъ болѣе древнихъ, онъ не зналъ [3]).

Сомнѣніе о томъ, не бывалъ ли Пушкинъ, въ пребываніе свое въ лицеѣ, въ Москвѣ, никто лучше бывшихъ его товарищей разрѣшить не можетъ. *Во всѣ шесть лѣтъ* насъ не пускали изъ Царскаго Села не только въ Москву, но и въ близкій Петербургъ, и изъятіе было сдѣлано для двухъ или трехъ, только по случаю и во время тяжкой болѣзни ихъ родителей, да еще, уже для всѣхъ, за нѣсколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мѣрки для будущаго своего платья. И въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ первые три или четыре года, насъ не выпускали порознь даже изъ стѣнъ лицея, такъ что когда пріѣзжали родители или родственники, то ихъ заставляли сидѣть съ нами въ общей залѣ или, при прогулкахъ, бѣгать по саду за нашими рядами. Инспекторъ и гувернеры считались лучшею, нежели родители, стражею для нашихъ нравовъ, а мы видѣли выше, каковы были эти господа! Послѣ все перемѣнилось, и въ свободное время мы ходили не только къ Тепперу и въ другіе почтенные дома, но и въ кондитерскую Амбіеля, а также по гусарамъ, сперва въ одни праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни, безъ всякаго уже спроса, даже безъ вѣдома нашихъ приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь.

---

[1]) Не прямо на Кавказъ, а сперва въ Сибирь, откуда скоро переведенъ. *Ред.*

[2]) Объ этихъ журналахъ и остаткахъ лицейскаго архива см. выше, въ статьяхъ Я. К. Грота а также ниже, особо. *Ред.*

[3]) Извѣстно, что Пушкинъ впослѣдствіи читалъ, по крайней мѣрѣ, Овидія и Горація въ подлинникѣ (см. выше, стр. 48) и выучился англійскому и итальянскому языку. Въ 1834 или 1835 году я встрѣтился съ нимъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона (въ нынѣшней Казанской, тогда Б. Мѣщанской ул.); онъ при мнѣ отобралъ всѣ новыя сочиненія, касавшіяся Шекспира и велѣлъ доставить ихъ къ себѣ на домъ. Кстати, прибавлю здѣсь мимоходомъ, что выше, въ одномъ выпущенномъ мною замѣчаніи, авторъ этой записки свидѣтельствуетъ, что вопреки составившемуся какъ-то преданію, Пушкинъ въ дѣтствѣ никогда не былъ бѣлокурымъ, а еще при поступленіи въ лицей имѣлъ темнорусые волосы. *Я. Г.*

Думаю, что иные пропадали даже и на *цѣлую* ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленькій *тринкгельдъ* швейцару мирилъ все дѣло, потому что гувернеры и дядьки всё давно уже спали. Но въ Петербургъ, повторяю, насъ пустили только однажды за мѣрками, хотя не поручусь, чтобы кто-нибудь не ѣзжалъ туда изрѣдка тайкомъ, до такой степени надзоръ былъ слабъ и распущенъ.

— Сколько помню, едва ли много присутствовало „важныхъ государственныхъ лицъ" на нашемъ тогдашнемъ (1815 г.) экзаменѣ. Были извѣстнѣйшіе въ то время профессоры: Лоди, Кукольникъ, Плисовъ; были родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ; была и обыкновенная царскосельская публика; но вельможъ, кромѣ министра просвѣщенія и Державина, никого у меня не осталось въ памяти [1]).

— Императоръ Александръ былъ при насъ въ лицеѣ всего только *два раза*: при открытіи лицея и при нашемъ выпускѣ. Когда опредѣлили директоромъ Энгельгардта, къ которому государь питалъ въ то время особое благоволеніе и съ которымъ часто разговаривалъ, тогда и новый директоръ и мы, по его словамъ, долго питали надежду на высочайшее посѣщеніе, но она не сбылась. Зато мы очень часто встрѣчали государя въ саду и еще чаще видали его проходящимъ мимо нашихъ оконъ къ дому г-жи Вельо; наконецъ, видѣли его и всякое воскресенье въ придворной церкви, гдѣ для лицея было отведено особое мѣсто за лѣвомъ крылосомъ, впереди остальной публики. Но онъ никогда не говорилъ съ нами, ни въ массѣ, ни съ кѣмъ-либо порознь. Бывало только въ лѣтніе вечера 1816 и 1817 г., при Энгельгардтѣ, когда мы имѣли уже постоянный хоръ и пѣвали у директора на балконѣ [2]), государь подходилъ къ садовой рѣшеткѣ близъ лѣстницы у дворцовой церкви и, облокотясь на нее, слушалъ по нѣскольку минутъ наше пѣніе. И хотя балконъ съ этой стороны былъ задернутъ парусиною, но мы всегда узнавали, черезъ тайныхъ соглядатаевъ, близость государя и бывало тотчасъ начинали пѣть „Боже Царя храни!" по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи.

— Кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Вечеромъ, послѣ классныхъ часовъ, когда прочіе бывали или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ

---

[1]) См. выше, стр. 46 и 62.

[2]) Директоры лицея занимали тотъ домъ, который стоитъ и теперь особнякомъ, однимъ фасомъ къ бывшему зданію лицея, а другимъ къ саду. Тянущійся оттуда длинный низенькій флигель до самой Большой (теперь Средней) улицы, также принадлежалъ лицею: въ немъ жили профессора и помѣщались кухня, баня и другія службы. Часть профессоровъ и гувернеры имѣли квартиры въ самомъ лицеѣ. *М. К.*

этими господами на распашку. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусаръ Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку [1]).

— Любопытно мнѣніе одного генія о другомъ. Когда вышелъ „Русланъ и Людмила", Сперанскій былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири и вотъ что онъ писалъ (16-го ноября 1820 г. изъ Тобольска), по этому случаю, своей дочери, теперь вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фролова-Багрѣева: „Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаивайся; вкусъ придетъ: онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предпріимчивость. Я такъ же, какъ и ты, замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности".

— Пожаръ въ лицеѣ былъ въ 1820 г., и слѣдственно не могъ имѣть вліянія на нашъ выпускъ въ 1817 г. Послѣдній былъ ускоренъ четырьмя мѣсяцами противъ опредѣленнаго шестилѣтняго срока по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, — можетъ быть для того, чтобы воспользоваться лѣтнимъ временемъ для необходимаго въ зданіяхъ ремонта.

— Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29 человѣкъ одинъ достигъ *безсмертія*, то это, конечно, уже очень, очень много. Но жизнь его была двоякая: жизнь поэта и жизнь человѣка. Біографическіе отрывки, которые мы о немъ имѣемъ, вышли всѣ изъ рукъ или его друзей, или слѣпыхъ поклонниковъ, или такихъ людей, которые смотрѣли на Пушкина черезъ призму его славы и даже, если и знали что-нибудь о моральной его жизни, то побоялись бы раскрыть её передъ публикою, чтобы не быть побіенну литературными каменьями. Я не только воспитывался съ Пушкинымъ въ лицеѣ, но и жилъ потомъ съ нимъ, еще лѣтъ пять, подъ одною крышею, каждый при своихъ родителяхъ, потому зналъ его такъ коротко, какъ мало кто другой, хотя связь наша никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую. Начну съ того, что все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ, пережившій сына и очень недавно еще умершій, принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ покойный министръ юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій называлъ *шалберами*, т. е. былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человѣкомъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, безполезнымъ, и особенно безмолвнымъ рабомъ своей жены. Послѣдняя—урожденная *Аннибалъ*, изъ потомства славнаго арапа Петра Великаго—была женщина не

---

[1]) *Князь Вяземскій*: „Въ гусарскомъ полку Пушкинъ не *пировалъ* только *на распашку*, но сблизился и съ Чаадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переѣзда семейства Карамзиныхъ въ Царское Село, Пушкинъ бывалъ у нихъ ежедневно по вечерамъ. А дружба его съ Ив. Пущинымъ?"

глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности разсѣянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Домъ ихъ представлялъ всегда какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ богатыя старинныя мебели, въ другой пустыя стѣны, даже безъ стульевъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхіе рыдваны съ тощими клячами, пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два, три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Сестра поэта Ольга, въ зрѣломъ уже возрастѣ, ушла изъ родительскаго дома и тайно обвѣнчалась—просто изъ романической причуды и не имѣя передъ собою никакихъ существенныхъ препятствій — съ человѣкомъ гораздо ея моложе, но очень мало привлекательнымъ и совершенно прозаическимъ [1]). Братъ Левъ, добрый малый, но также довольно пустой, въ родѣ отца,—воспитывался во всѣхъ возможныхъ заведеніяхъ, переходя изъ одного въ другое чуть ли не каждыя двѣ недѣли, чѣмъ и пріобрѣлъ тогда въ Петербургѣ родъ исторической извѣстности, и наконецъ, не кончивъ курса ни въ одномъ, бросался изъ военной службы въ статскую, потомъ опять въ военную, потомъ опять въ статскую, служилъ и на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, и не такъ давно умеръ въ Одессѣ, кажется, членомъ таможни. Внѣшнія судьбы старшаго брата, Александра, нашего поэта, всѣмъ извѣстны. Въ лицеѣ онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ и, сверхъ того, начальниковъ пугали его злой языкъ и ѣдкія эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы, а по окончаніи курса выпустили его въ министерство иностранныхъ дѣлъ коллежскимъ секретаремъ— чинъ, который остался при немъ до могилы [2]). Между товарищами—кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи — онъ не пользовался особенною пріязнію. Въ лицеѣ, гдѣ всякій имѣлъ свой собрикетъ, прозваніе Пушкина было *Французъ*, а если вспомнить, что онъ получилъ его въ эпоху „нашествія Галловъ", то ясно, что этотъ титулъ заключалъ въ себѣ мало лестнаго [3]). Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно

---

[1]) Павлищевъ служащій теперь въ Варшавѣ. *М. К.*—Этотъ эпизодъ подробно разсказанъ сыномъ покойной Ольги Сергѣевны: см. *Пушкинъ*, г. Бартенева II 19. *Я. Г.*

[2]) Въ концѣ 1831 или въ началѣ 1832 года Пушкинъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники: см. выше, стр. 119. *Я. Г.*

[3]) *Кн. Вяземскій*: „Если слылъ онъ *французомъ*, то вѣроятно потому, что по первоначальному домашнему воспитанію своему лучше другихъ товарищей своихъ говорилъ по-французски, лучше зналъ французскую литературу, болѣе читалъ французскія книги, самъ писалъ французскіе стихи и проч.; но видѣть тутъ какое-нибудь политическое значеніе—есть предположеніе совершенно произвольное и которое въ лицеѣ, вѣроятно, никому въ голову не приходило".

погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, избалованный отъ дѣтства похвалою и льстецами [1]), которые есть въ каждомъ кругу и каждомъ возрастѣ, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды—ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова, были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ добрую минуту, большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе [2]). Въ лицеѣ онъ превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій [3]). Должно дивиться, какъ и здоровье и талантъ его выдержали такой образъ жизни, съ которымъ естественно сопрягались и частыя гнусныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обѣихъ онъ — ушелъ далеко. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки—часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ—надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями—общественными и семейными—это было ему ни по чемъ, и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ. Ни несчастіе, ни благотворенія императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, онъ другою омокалъ перо для злобной эпиграммы! [4]) Вѣчно

---

[1]) *Кн. Вяз.*: „Не думаю, чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ *льстецами*. Какіе могли быть тутъ льстецы?“

[2]) *Кн. Вяз.*: „Былъ онъ *вспыльчивъ*, легко раздраженъ,—это правда, но со всѣмъ тѣмъ онъ, напротивъ, въ общемъ *обращеніи* своемъ, когда самолюбіе его не было задѣто, былъ особенно *любезенъ* и *привлекателенъ*, что́ и доказывается многочисленными пріятелями его. Бесѣды *систематической*, можетъ быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговорѣ его,—несправедливо или преувеличено. Во всякомъ случаѣ, не было *тривіальныхъ общихъ мѣстъ*: умъ его вообще былъ здравый и свѣтлый“.

[3]) *Кн. Вяз.*: „Сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не былъ *преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ*. Не былъ монахомъ, а былъ грѣшенъ какъ и всѣ въ молодые годы. Въ любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорѣе поэтическое увлеченіе, что́ впрочемъ и отразилось въ поэзіи его“.

[4]) *Кн. Вяз.*: „Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ“.—Чувства Пушкина къ государю выразились въ трехъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ: *Стансы, Друзьямъ* („Нѣтъ, я не льстецъ“) и *Герой. Я. Г.*

безъ копейки, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда онъ получалъ отъ Смирдина по червонцу за стихъ; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, подъ которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина—единственная вещь, которою онъ дорожилъ въ мірѣ,— сочинялись не всегда и не легко. При всей наружной легкости этихъ прелестныхъ произведеній, онъ мучился надъ ними по часамъ и суткамъ и въ каждомъ почти стихѣ было безчисленное множество помарокъ. Сверхъ того, онъ писалъ только въ минуты вдохновенія, а такія минуты заставляли ждать себя по мѣсяцамъ. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его генія. Прелестная жена, которая любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ и,—по странному противорѣчію,—пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина par exellence—привязана къ мужу homme de lettres,—эта жена, съ семейственными и хозяйственными хлопотами, привела къ Пушкину ревность и отогнала его музу [1]). Произведенія его, съ тѣхъ поръ, были и малочисленнѣе и всѣ гораздо слабѣе прежняго. Бракъ не принесъ ему счастія, а если бъ онъ не женился, то, можетъ быть, мы и теперь еще восхищались бы плодами его болѣе зрѣлаго генія.

— Иванъ Ивановичъ Пущинъ, со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, съ самыми благородными намѣреніями, былъ въ лицеѣ любимцемъ всѣхъ товарищей. По выпускѣ онъ поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію: для пылкой души его, жаждавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время показалась, однакоже, слишкомъ мертвою и, бросивъ её, кажется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, съ намѣреніемъ возвысить и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя еще почти никто изъ порядочныхъ людей. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили нашего любимца. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 г., былъ причисленъ ко 2-му разряду преступни-

---

[1]) *Кн. Вяз.*: „Никакого особеннаго знакомства съ трактирами не было и ничего трактирнаго въ немъ не было, а еще менѣе *грязнаго разврата*. Жена его любила мужа вовсе *не для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ* и нимало не гнушалась тѣмъ, что была женою d'un homme de lettres. Въ ней вовсе не было чванства, да и по рожденію своему принадлежала она высшему аристократическому кругу“.

ковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу. По окончаніи срока, онъ теперь живетъ въ Сибири на поселеніи.

— Князь А. М. Горчаковъ былъ выпущенъ изъ лицея не первымъ, а вторымъ. Первымъ былъ Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сдѣлали несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствіе всякаго пристрастія къ имени и связямъ Горчакова. Блестящія дарованія, острый и тонкій умъ, неукоризненное поведеніе, наконецъ самое отличное окончаніе курса безспорно давали ему право на первое мѣсто, хотя товарищи любили его, за нѣкоторую заносчивость и большое самолюбіе, менѣе другихъ. Вальховскій былъ человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ большимъ характеромъ и съ желѣзною волею надъ самимъ собою, наконецъ необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный, за что мы и прозвали его „Sapientia"; но, не получивъ никакого предварительнаго воспитанія, онъ выучился всему, что зналъ, въ лицеѣ, и отъ этого, при самыхъ неимовѣрныхъ усиліяхъ, не могъ достигнуть одинаковыхъ съ Горчаковымъ результатовъ. Послѣднему все давалось легко; первый каждый успѣхъ свой долженъ былъ брать приступомъ. Горчаковъ вышелъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, Вальховскій—на видъ очень обыкновеннымъ, хотя подъ довольно прозаическою корою у него таилось пропасть свѣдѣній, дѣльности и добра. Зато и карьеры ихъ были совершенно различны. Горчаковъ всѣ 37 протекшія до сихъ поръ лѣтъ гражданской нашей жизни провелъ въ дипломаціи, въ которой имя его гремитъ теперь по всей Европѣ. Вальховскій, котораго мы рядомъ съ „Sapientia" звали и „Суворочкою", вышелъ изъ лицея въ военную службу. Онъ поступилъ прямо въ квартирмистрскую часть (называвшуюся тогда *свитою*), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще началъ свое поприще съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря—къ которой, впрочемъ, Вальховскій былъ прикосновенъ только слышанными разговорами—остановила было его ходъ; но, послѣ кратковременнаго заключенія, все опять пошло попрежнему. Онъ былъ посыланъ съ подарками къ Персидскому шаху, участвовалъ въ персидской кампаніи, потомъ въ турецкой въ Малой Азіи и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при князѣ Паскевичѣ, пока князь Паскевичъ не возненавидѣлъ его за то именно, что часть успѣховъ и славы полководца относили къ его подчиненному. Наконецъ Вальховскій назначенъ былъ на важный постъ начальника штаба Кавказскаго корпуса и, имѣвъ уже: 4-го Георгія, 1-го Станислава, 3-го Владимира и персидскаго Льва и Солнца, прежде всѣхъ лицейскихъ получилъ аннинскую ленту. Но когда въ 1838 г., государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ открылись разныя злоупотребленія и упущенія со стороны главноуправлявшаго краемъ барона Розена, то монаршій гнѣвъ палъ и на начальника его штаба: Вальховскаго смѣстили—бригаднымъ коман-

диромъ куда-то въ Западныя губерніи; а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ и подъ начало къ ненавидѣвшему его князю Варшавскому, то нашелся вынужденнымъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, совсѣмъ оставить службу. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ деревнѣ въ Харьковской губерніи рядомъ съ другимъ нашимъ товарищемъ, отставнымъ полковникомъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ, и умеръ тутъ въ 1841 г., оставивъ послѣ себя одну только дочь [1]).

— Исторія графа Сильвестра Францовича Брогліо была собственно такова: по возстановленіи Бурбоновъ, ему, правда, прислали фамильный орденъ Лиліи, который онъ и носилъ въ лицейскомъ мундирѣ, но изъ лицея онъ никогда не уѣзжалъ и оставался съ нами до общаго выпуска, при которомъ вышелъ офицеромъ арміи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію, но пэромъ никогда не былъ и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того умеръ: ибо никто съ тѣхъ поръ ничего о немъ не слыхалъ. Впрочемъ, личность нашего графа не имѣла ничего интереснаго. Крайне ограниченный въ способностяхъ, притомъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣвша.

— Исключенный изъ лицея, въ самые еще первые годы, за греческіе вкусы былъ Константинъ Гурьевъ, который служилъ послѣ въ дипломаціи и уже очень давно какъ умеръ.

— Публика при выпускныхъ нашихъ экзаменахъ состояла только изъ профессоровъ лицея и кой-какихъ царскосельскихъ жителей второй руки. Даже изъ родителей или родственниковъ нашихъ почти никого тутъ не было. Окончательный экзаменъ нашъ вполнѣ соотвѣтствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда какой-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ расписаніи, или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже *послѣдняго* въ жизни своей урока. Посѣтители же вопросовъ не задавали, по той простой причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые и были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей фиктивной премудрости, или сами, какъ напримѣръ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ.

— По тогдашнему положенію, чину 10-го класса при выпускѣ соотвѣтствовало званіе арміи офицера, а въ гвардію удостоены были только тѣ, которые равнялись успѣхами и поведеніемъ съ получившими 9-й классъ. Ниже 10-го класса никто у насъ выпущенъ не былъ въ противоположность теперешнему порядку.

— Императоръ Александръ, привѣтствовавшій насъ при вступленіи

---

[1]) Очеркъ біографій Вальховскаго см. выше, стр. 95. *Ред.*

въ лицей, сопроводилъ и при выпускѣ, но уже не съ царскою фамиліею, не съ многочисленнымъ, какъ при открытіи, дворомъ, а одинъ, въ присутствіи лишь преемника графа Разумовскаго, князя А. Н. Голицына. Каждый изъ насъ былъ представленъ царю поименно, и онъ изъ своихъ рукъ роздалъ намъ медали и похвальные листы. Бѣднѣйшимъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ дано было единовременное денежное вспомоществованіе въ различныхъ размѣрахъ, всѣмъ же назначено жалованье: титулярнымъ совѣтникамъ по 800 руб., коллежскимъ секретарямъ по 700, разумѣется, ассигнаціями, впредь до поступленія на штатныя мѣста съ высшими окладами. Пушкинъ получалъ его, какъ и всѣ, и получалъ, вѣроятно, очень долго, потому что никогда не занималъ штатнаго мѣста.

Директору нашему смертельно хотѣлось, чтобы государь прослушалъ нашу прощальную пѣснь—эту священную тризну разлуки и обѣтовъ нашей будущей жизни, лучшее что́ написали Дельвигъ и Теперъ. Но его желаніе не исполнилось: государь удалился, и мы пропѣли наши „Шесть лѣтъ“ передъ самими собою, потому что и Голицынъ ушелъ вслѣдъ за государемъ. Настоящій выпускъ былъ на другой день, т. е. 10-го іюня. Я оставилъ Царское Село невступно 17-ти лѣтъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ прегромкимъ аттестатомъ, въ которомъ только на половину было правды. Двое или трое были еще моложе меня, но большая часть вышла 20-ти, нѣкоторые и далеко за 20 лѣтъ. Многимъ, послѣ профессоровъ, пришлось еще брать уроки у учителей. Иныхъ не научилъ даже и опытъ жизни, и они остались тѣми же дѣтьми лицеистами, хотя безъ волосъ и безъ зубовъ.

— Во время нашей бытности въ лицеѣ не было еще никакого лицейскаго сада, и отведенное послѣ подъ него мѣсто занято было церковною оградою, въ которой дико росло нѣсколько березъ и куда никогда не ступала наша нога; слѣдственно и памяти тутъ ни чьей не могло быть. Genio loci, au génie du lieu, была просто фантастическая надпись, придуманная романтическимъ Энгельгардтомъ, въ честь невидимаго духа-покровителя этихъ рощей, какого-нибудь воображаемаго Фавна: при чемъ никому и въ мысль не приходилъ Пушкинъ. Лучшее тому доказательство—подобная же надпись, красовавшаяся на подобной же пирамидѣ въ саду при домѣ, который имѣлъ Энгельгардтъ въ Царскомъ Селѣ, задолго еще до назначенія своего директоромъ лицея, когда имени Пушкина не зналъ никто въ мірѣ, кромѣ его товарищей.

II.

Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ [1]).

1. Докладная записка дежурнаго генерала Потапова Дибичу, 4-го апрѣля 1826 года.

Поэма Пушкина *Цыганы* куплена книгопродавцемъ Иваномъ Сленинымъ и рукопись отослана теперь обратно къ сочинителю для какихъ-то перемѣнъ. Печататься онъ будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ типографіи министерства просвѣщенія.

Комиссіонеромъ Пушкина по сему предмету надворный совѣтникъ Плетневъ, учитель исторіи въ Военно-Сиротскомъ Домѣ, что за Обуховымъ мостомъ, и тамъ живущій.

О трагедіи *Борисъ Годуновъ* неизвѣстно, когда выйдетъ въ свѣтъ.

2. Записка С.-Петербургскаго генералъ-губернатора П. В. Кутузова 16-го апрѣля 1826 года.

Учитель исторіи въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ и россійской словесности въ Пажескомъ корпусѣ, надворный совѣтникъ Плетневъ въ 1810 году поступилъ изъ духовнаго званія въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ студентомъ. Въ 1814 г. опредѣленъ учителемъ въ Военно-Сиротскій Домъ и съ сего времени продолжаетъ въ ономъ службу съ отличнымъ усердіемъ. Онъ женатъ, имѣетъ отъ роду 33 года; поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго, живетъ скромно.

Что касается до поемы (sic) г. Пушкина *Цыганы*, то рукопись оной была составлена слѣдующимъ образомъ: служащій въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія родной братъ Пушкина, при свиданіи съ нимъ, читалъ сію поему, выучилъ оную наизустъ; потомъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, написалъ ее съ памяти и отдалъ книгопродавцу Сленину для напечатанія, а сей отослалъ уже оную къ автору для поправки стиховъ и смысла, но рукопись еще обратно не получена.

Относительно трагедіи *Борисъ Годуновъ* извѣстно, что Пушкинъ писалъ къ Жуковскому, что оная не прежде имъ выдана будетъ въ свѣтъ, какъ по снятіи съ него запрещенія выѣзжать въ столицу.

Г. Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ, а

[1]) За сообщеніе этихъ любопытныхъ документовъ я обязанъ уважаемому изслѣдователю въ области новой русской исторіи, недавно избранному въ члены Академіи Наукъ, Н. Ѳ. Дубровину.

знакомъ съ нимъ какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаетъ по комиссіи на продажу напечатанныя его сочиненія, и вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему.

3. Письмо Дибича къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, отъ 23-го апрѣля 1826 года.

По докладу моему отношенія вашего превосходительства, что надворный совѣтникъ Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ и знакомъ съ нимъ только какъ литераторъ, Государю Императору угодно было повелѣть мнѣ, за всѣмъ тѣмъ, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, усугубить возможное стараніе узнать достовѣрно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и чтобъ ваше превосходительство изволили приказать имѣть за нимъ ближайшій надзоръ.

III.

Изъ переписки между товарищами Пушкина.

Къ числу товарищей Пушкина, сдѣлавшихъ, какъ говорится, блестящую карьеру, принадлежалъ Сергѣй Григ. Ломоносовъ. Поступивъ на службу въ „иностранную коллегію", онъ скоро получилъ мѣсто секретаря нашего посольства въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ впослѣдствіи самъ достигъ званія посланника, а, окончательно занялъ тотъ же постъ въ Нидерландахъ.

1. Письмо Серг. Григ. Ломоносова къ Комовскому изъ Вашингтона, отъ іюня 1820 г. (получено 30 августа).

Сегодня получилъ я, любезный Комовскій, дружеское письмо твое отъ 2-го марта, на которое спѣшу отвѣчать наскоро. Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше, судьбою. Дай Богъ всѣмъ лицейскимъ счастья: благополучіе одного простирается на всѣхъ. Я не могу жаловаться на судьбу свою, доволенъ совершенно своимъ начальникомъ, который способствуетъ, сколько ему возможно, сдѣлать пребываніе мое въ здѣшнемъ краѣ пріятнымъ и полезнымъ. Съ другой стороны имѣю случай удовлетворить природное любопытство и пріобрѣсть новыя идеи отъ обозрѣнія всего здѣсь достопамятнаго. Съ декабря мѣсяца жилъ я въ Вашингтонѣ, и хотя соскучился въ ономъ отъ недостатка хорошаго общества и лишенія всѣхъ удовольствій изобилующихъ въ городахъ европейскихъ, но имѣлъ случай изслѣдовать ходъ здѣшняго правительства, о которомъ трудно имѣть ясное понятіе, не видѣвши онаго съ близи. Красны бубны за горами! Пред-

ставительный образъ правленія имѣетъ болѣе неудобностей, нежели полагаютъ сочинители конституцій, которыя вошли въ такую моду въ Европѣ. Что́ хорошо на бумагѣ или по теоріи,—трудно, часто невозможно въ исполненіи.

Ты желаешь имѣть извѣстія о здѣшнихъ ученыхъ обществахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ. На досугѣ постараюсь собрать надлежащія свѣдѣнія и удовлетворить твоему любопытству. Скажу тебѣ вообще, что богоугодныя заведенія довольно въ хорошемъ состояніи, особенно сличая оныя съ нашими. Но замѣчено, что преступники наслаждаются въ тюрьмахъ слишкомъ хорошимъ содержаніемъ. Заключеніе не служитъ имъ наказаніемъ и многіе празднолюбцы находятъ свой расчетъ проводить время въ смирительныхъ домахъ, гдѣ они на всемъ готовомъ. Отъ сего мягкосердія происходятъ пагубнѣйшія слѣдствія. Заключеніе, вмѣсто того, чтобы исправить нравственность преступниковъ, поощряетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Извѣстно, что со времени введенія въ Соединенныхъ Штатахъ сей системы мягкосердія число преступленій увеличилось невѣроятнымъ образомъ.

Прощай, любезный другъ: спѣшу, какъ ты видишь. Въ другой разъ на свободѣ побесѣдую съ тобой. Поклонись всѣмъ лицейскимъ, и не забудь напомнить обо мнѣ въ Царскомъ [1]). Поклонись любезнѣйшему Сергѣю Гавриловичу [2]).

Весь твой

С. Ломоносовъ.

Ты у меня просилъ бездѣлицу на память: посылаю тебѣ медаль Вашингтона. Не пишу къ Матюшкину за недостаткомъ времени.

2. Письмо Кюхельбекера къ Комовскому, отъ 17-го февраля 1823 г. изъ села Закупа.

Другъ мой, Сергѣй Дмитріевичъ! Твое милое письмо отъ 1-го февраля меня очень обрадовало, хотя ты и называешь планы мои планами сумасбродной мечтательности. Ты ихъ не знаешь: итакъ не суди о томъ, чего не знаешь; самого меня ты помнишь только прежняго; я во многомъ, многомъ перемѣнился. Но ссориться, любезный мой, за одно или два выраженія слишкомъ жесткія отнюдь не стану съ тобою, потому что люблю тебя и вижу, что и ты принимаешь во мнѣ нелицемѣрное участіе. Помни только, добрый Комовскій, audiatur et altera pars—особенно pars infelix.—Pour votre second reproche que je suis l'ami de tout le monde, ma foi!—какъ говаривалъ товарищъ нашъ Тырковъ—ma foi! я никогда не полагалъ, чтобъ *я* могъ заслужить упрекъ сей. Но еще разъ: не хочу и не стану ссориться съ тобою.—Благодарю

[1]) Т. е. Энгельгардту и его семейству.

[2]) Лицейскому гувернеру и учителю рисованія Чирикову.

тебя отъ всей души за письмо твое и за дружескій совѣтъ служить въ Москвѣ при такомъ начальникѣ, каковъ князь Голицынъ. Но comment faire?—Caput atro carbone notatum, безъ связей, безъ всякихъ знакомствъ, въ Москвѣ, безъ денегъ! Егоръ Антоновичъ писалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ другое мѣсто, которое, конечно, также трудно получить, но не невозможно. Впрочемъ и твое письмо для меня можетъ быть полезнымъ: если не удастся о чемъ Энгельгардтъ для меня старается, поѣду на удачу въ Москву: авось судьба перестанетъ меня преслѣдовать! Мысль же къ тому будетъ подана мнѣ тобою, и твоему сердцу, конечно, будетъ пріятно, если ты будешь первою отдаленною причиною перемѣны моего жребія!—Что говоришь ты мнѣ о женитьбѣ, сильно, другъ мой, на меня подѣйствовало: вѣрь, и мнѣ наскучила бурная, дикая жизнь, которую велъ доселѣ по необходимости. Тѣмъ болѣе, что скажу тебѣ искренно, сердце мое не свободно, и я любимъ—въ первый разъ—любимъ взаимно. Mais cela vous ne direz pas à mes parents: je ne veux pas que cette nouvelle leur cause de nouvelles inquiétudes.

Твое письмо милый мой Сергѣй Дмитріевичъ, я перешлю Энгельгардту: онъ взялся устроить мое счастіе: и послѣ отеческаго письма, которое писалъ онъ ко мнѣ, не хочу имѣть для него никакой тайны. Пусть онъ судитъ о твоемъ проектѣ и рѣшитъ между нимъ и собственнымъ. Но надѣюсь, что ты похлопочешь, чтобъ онъ мнѣ обратно переслалъ твое братское посланіе: оно для меня слишкомъ дорого и не хочу потерять его. Обнимаю и цѣлую тебя.

Вѣрный другъ и товарищъ твой

Вильгельмъ.

NB. Получили ли вы въ С.-Петребургѣ мою трагедію [1]) и что объ ней говоритъ Дельвигъ? Напиши мнѣ это, сдѣлай милость!

IV.

Письмо княгини Е. Н. Мещерской о смерти Пушкина [2]).

Nous avons tous été si douloureusement atterrés de la catastrophe sanglante qui a terminé la glorieuse carrière de Pouchkine, que pendant une dizaine ou une quinzaine de jours, à la lettre, *мы не могли опомниться*, et nos têtes comme nos coeurs ne pouvaient s'ouvrir à autre chose qu'à l'idée des tortures morales qui ont précédé cette fin tragique, et aux senti-

[1]) *Шекспировы духи*. См. *Соч. Пушк.* VII стр. 166 и 168.

[2]) Письмо это писано вскорѣ послѣ рокового событія покойною княгинею Ек. Ник. Мещерской (дочерью Н. М. Карамзина). Оно было сообщено мнѣ ею самою въ 60-хъ годахъ.

ments d'admiration, d'attendrissement et de douleur dont la mort si belle, si calme, si chrétienne et si poétique de Pouchkine a rempli l'âme de tous ses amis. Depuis le jour de mon arrivée ici, j'ai été frappée constamment de son état fiévreux et de l'espèce de contraction qui crispait sa physionomie et tout son être dès qu'il se trouvait en présence de son meurtrier actuel. Le contact continuel d'un monde malveillant, avide de scandale et de caquets, prodigue de commérages injurieux et de propos blessants joint aux assiduités doublement coupables de Dantès depuis qu'il avait acheté l'impunité de ses torts passés par son incompréhensible mariage avec la belle-soeur de Pouchkine, toute cette grêle de dards lancés contre une organisation de feu, une âme loyale, fière, passionnée, a allumé un incendie que le vil sang de son ennemi ou son noble sang à lui pouvaient seuls éteindre. Sa conduite pendant ce duel fatal et jusqu'à son dernier soupir a èté héroïque au dire même du Français qui a sevri de second à Dantès, et qui, en racontant cette affaire, a ajouté: „Pouchkine seul s'est montré sublime pendant le duel, il a fait preuve d'un calme et d'un courage surhumains". Rapporté mourant chez lui, il n'a pas douté un instant de sa fin prochaine, et au milieu des plus atroces tortures physiques (qui ont fait frissonner même la vieille et insensible expérience d'Arendt), il n'a pensé qu'a sa femme et à la douleur qu'il lui causait. Entre chaque reprise de souffrances aigües, il l'appelait, la consolait, il lui répétait qu'elle était innocente de sa mort, et que jamais un instant il ne lui avait retiré ni sa confiance ni son amour. Il a rempli ses devoirs de chrétien avec une onction et une profondeur de sentiment qui ont édifié jusqu'à son vieux confesseur, qui a répondu à quelqu'un qui l'interrogeait à ce sujet: *Я старъ, мнѣ уже не долго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ.* En prenant congé de ses amis, qui tous entouraient son lit en sanglotant, il a dit: *Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?* On a fait tout de suite chercher Mme Карамзинъ, qui est arrivée au bout de quelques instants. En la voyant il lui a dit d'une voix faible, mais distincte: *Благословите меня,* et comme elle le bénissait de loin, il lui a fait signe d'approcher, il a baisé sa main. Il a demandé ses quatre enfants, qu'il a bénis l'un après l'autre; enfin, dix minutes avant d'avoir rendu le dernier soupir, comme il sentait le froid de la mort pénétrer peu à peu ses membres, il a dit: *Все кончено,* et comme on n'avait pas compris ce qu'il voulait dire, un de ses amis lui a demandé: *Что кончено?—Жизнь кончена,* a-t-il répondu avec une voix claire et distincte. Quelques instants après, sa tête s'est penchée, ses yeux se sont fermés, et son dernier souffle s'est exhalé sans effort et sans contraction. Lorsque ses amis et sa malheureuse femme se sont précipités sur son corps sans vie, ils ont été frappés de l'expression auguste et solennele de sa physionomie. Un sourire de bonheur et d'inef-

*

fable sérénité errait encore sur ses lèvres, et sur son front siégeait le calme de la douce gravité d'une espérance sublime réalisée. Pendant les trois jours que son corps a été exposé à la maison, une foule de tous les âges et de toutes les conditions roulait sans interruption ses flots bigarrés jusqu'au pied de son cercueil. Femmes, vieillards, enfants, écoliers, hommes du peuple, les uns vêtus de *тулупы*, les autres même de haillons, venaient saluer les restes du poëte chéri de la nation. C'était touchant à voir ces hommages plébéiens, tandis que nos salons dorés et nos boudoirs parfumés ont à peine donné une pensée ou un regret à sa courte et brillante carrière. Quelques-uns même ont retenti d'injurieuses epithètes et d'imprécations à la mémoire d'une gloire nationale et d'un mari victime de son honneur et sublime de courage, pour vanter la conduite chevaleresque d'un vil séducteur et d'un aventurier *à trois patries* et *à deux noms*. Allez, après cela, attacher du prix à l'opinion publique, ou au moins à l'opinion de notre société—elle jette de la boue à ce qui devrait faire sa gloire et s'exalte sur un amas de crotte qui finira par l'éclabousser. J'ai été tout ce temps tous les jours chez la femme, d'abord parce que j'éprouvais une espèce de douceur à rendre cet hommage à la mémoire de Pouchkine, et puis parce qu'en effet le sort de cette jeune femme, à force d'être douloureux, mérite toutes les sympathies. Au fond, elle n'a été coupable que d'une excessive légèreté et d'une fatale sécurité ou insouciance, qui lui faisait fermer les yeux aux combats et aux tortures auxquels son pauvre mari était en proie. Elle n'a jamais failli à l'honneur, mais sans s'en douter elle a déchiré longuement, éternellement l'âme susceptible et bouillante de Pouchkine: maintenant que le malheur a dessillé ses yeux, elle ne le sent que trop, et ses remords sont quelque fois déchirants. Dieu veuille que ses souffrances actuelles soient un baptême régénérateur et expiatoire pour son âme. En somme, elle n'a fait que ce que font tous les jours beaucoup de nos dames brillantes, qui n'en sont pas moins bien accueillies pour cela; mais elle a mis moins d'art qu'elles à dissimuler la coquetterie, et surtout elle n'a pas su comprendre que son mari était d'une autre trempe que les faibles et complaisants maris de ces dames.

Переводъ:

„Мы были такъ жестоко потрясены кровавымъ событіемъ, положившимъ конецъ славному поприщу Пушкина, что дней десять или недѣли двѣ буквально не могли опомниться и ни умомъ, ни сердцемъ не были доступны ничему, кромѣ мысли о нравственныхъ мукахъ, предшествовавшихъ катастрофѣ,—кромѣ чувствъ удивленія, грусти и скорби, которыя эта прекрасная, тихая, христіанская и поэтическая кончина внушала всѣмъ друзьямъ Пушкина. Съ самаго моего пріѣзда я была поражена лихорадочнымъ его состояніемъ и какими-то судорожными

движеніями, которыя начинались въ его лицѣ и во всемъ тѣлѣ при появленіи будущаго его убійцы. Необходимость безпрерывно вращаться въ неблаговолящемъ свѣтѣ, жадномъ до всякихъ скандаловъ и пересудовъ, щедромъ на обидныя сплетни и на язвительные толки; затѣмъ вдвойнѣ преступное ухаживанье Дантеса послѣ того, какъ онъ достигъ безнаказанности своего прежняго поведенія непонятною женитьбой на невѣсткѣ Пушкина—вся эта туча стрѣлъ, направленныхъ противъ огненной организаціи, противъ честной, гордой и страстной его души произвела такой пожаръ, который могъ быть потушенъ только подлою кровью врага его или же собственною его благородною кровью. Во все время роковой дуэли и до послѣдняго вздоха онъ велъ себя геройски по свидѣтельству самого француза, бывшаго секундантомъ Дантеса и который, разсказывая про это дѣло, говорилъ: „Одинъ Пушкинъ былъ на этой дуэли изумительно высокъ, онъ выказалъ не человѣческое спокойствіе и мужество". Когда его привезли домой умирающимъ, онъ ни на минуту не усомнился въ неминуемости близкой смерти и посреди самыхъ ужасныхъ физическихъ страданій (заставившихъ содрогнуться даже привычнаго къ подобнымъ сценамъ Арендта), Пушкинъ думалъ только о женѣ и о томъ, что̀ она должна была чувствовать по его винѣ. Въ каждомъ промежуткѣ между приступами мучительной боли онъ ее призывалъ, старался утѣшить, повторялъ, что считаетъ ее неповинною въ своей смерти и что никогда ни на минуту не лишалъ ее своего довѣрія и любви. Онъ исполнилъ долгъ христіанина съ такимъ благоговѣніемъ и такимъ глубокимъ чувствомъ, что даже престарѣлый духовникъ его былъ тронутъ и на чей-то вопросъ по этому поводу отвѣчалъ: „Я старъ, мнѣ уже не долго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ".

„Прощаясь съ друзьями, которые рыдая стояли у его одра, онъ спросилъ: „Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?" Тотчасъ же послали за Е. А. Карамзиной, которая черезъ нѣсколько минутъ и пріѣхала. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ слабымъ, но явственнымъ голосомъ: „Благословите меня"; когда же она благословила его издали, онъ зна̀комъ попросилъ ее подойти и поцѣловалъ ея руку. Потомъ онъ потребовалъ четверыхъ дѣтей своихъ и благословилъ одного за другимъ; наконецъ, минутъ за десять до неизбѣжнаго исхода, чувствуя распространявшійся по членамъ его холодъ смерти, онъ сказалъ: „Все кончено". Не разслышавъ этихъ словъ, кто-то спросилъ: „Что кончено?" — „Жизнь кончена", отвѣчалъ онъ совершенно внятно и ясно. Черезъ нѣсколько минутъ голова его опустилась, глаза сомкнулись и послѣдній вздохъ вылетѣлъ свободно, безъ всякаго судорожнаго напряженія. Когда друзья и несчастная жена устремились къ бездыханному тѣлу, ихъ поразило величавое и торжественное выраженіе лица его. На устахъ

сіяла улыбка, какъ будто отблескъ несказаннаго спокойствія, на челѣ отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды. Въ теченіе трехъ дней, въ которые тѣло его оставалось въ домѣ, множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія безпрерывно тѣснилось пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху любимаго народнаго поэта. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть на эти плебейскія почести, тогда какъ въ нашихъ позолоченныхъ салонахъ и раздушенныхъ будуарахъ едва ли кто-нибудь думалъ и сожалѣлъ о краткости его блестящаго поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славнаго поэта и несчастнаго супруга, съ изумительнымъ мужествомъ принесшаго свою жизнь въ жертву чести, и въ то же время раздавались похвалы рыцарскому поведенію гнуснаго обольстителя и проходимца, у котораго было *три отечества* и *два имени.* Можно ли послѣ этого придавать цѣну общественному мнѣнію или, по крайней мѣрѣ, мнѣнію нашего общества, бросающаго грязью въ то, что составляетъ его славу, и восхищающагося слякотью, которая его же запачкаетъ своими брызгами. Я все это время была каждый день у жены покойнаго, во-первыхъ потому, что мнѣ было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторыхъ, потому что печальная судьба этой молодой женщины въ полной мѣрѣ заслуживаетъ участія. Собственно говоря, она виновна только въ чрезмѣрномъ легкомысліи, въ роковой самоувѣренности и безпечности, при которыхъ она не замѣчала той борьбы и тѣхъ мученій, какія выносилъ ея мужъ. Она никогда не измѣняла чести, но она медленно, ежеминутно терзала воспріимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполнѣ все это чувствуетъ и совѣсть иногда страшно ее мучитъ. Дай Богъ, чтобы нынѣшнія страданія послужили для души ея источникомъ возрожденія и искупительною жертвой. Въ сущности она сдѣлала только то, что ежедневно дѣлаютъ многія изъ нашихъ блистательныхъ дамъ, которыхъ однакожъ изъ-за этого принимаютъ не хуже прежняго; но она не такъ искусно умѣла скрыть свое кокетство, и, что́ еще важнѣе, она не поняла, что ея мужъ былъ иначе созданъ, чѣмъ слабые и снисходительные мужья этихъ дамъ".

V.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ
(Я. К. Грота).

1.

Царское Село [1]).

(1860).

Какъ чуденъ ты, пріютъ царей,
Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
И ихъ озеръ и лебедей
Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
Но отчего жъ души моей
Знакомый видъ не услаждаетъ
И весь твой блескъ волшебный въ ней
Одно унынье пробуждаетъ?
Брожу съ невольною тоской
Я по тропамъ уединеннымъ,
Когда-то славною стопой
Екатерины освященнымъ.
Стоите вы на зло годамъ,
Столпы, воздвигнутые ею
Во славу доблестнымъ вождямъ;
Предъ вами я благоговѣю,
Но мыслью грустною смущенъ:
Ищу, гдѣ памятникъ тотъ славный,
Который былъ сооруженъ,
Другою волею державной, —
Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
Который здѣсь задумалъ мирно
Екатерины кроткій внукъ,
Своей имперіи обширной
Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
Подъ кровомъ самаго престола,
Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
Невѣдѣнья и произвола.
Гдѣ жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ лицей?
Тамъ въ тишинѣ, вблизи къ природѣ
Семья веселая друзей
Росла и зрѣла на свободѣ.

---

[1]) Напечатано въ *Русской Бесѣдѣ* 1860 г.

Какъ дружно мы, рука съ рукой,
Шли къ предназначенной намъ цѣли!
Какой любовію святой
Мы всѣ къ прекрасному горѣли!
Какъ вѣрный сынъ родной земли
Хранитъ отцовскія сказанья,
Мы какъ святыню берегли
Лицея милыя преданья,
И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
Сіялъ намъ образъ величавый:
То былъ безсмертный нашъ поэтъ
Въ лучахъ своей грядущей славы.
Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
Онъ росъ какъ богатырь народный
Не по годамъ, а по часамъ,
А съ нимъ и стихъ его свободный.
Подъ сѣнью тѣхъ садовъ густыхъ,
Надъ тѣми свѣтлыми водами
Впервые чудный этотъ стихъ
Пропѣтъ былъ вѣщими устами.
Казалось, тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
Прошелъ когда-то вдохновенный,
Не исчезалъ горячій слѣдъ,
Его ногой напечатлѣнный,
И въ тайномъ шорохѣ аллей
Еще жило какъ будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его ребяческаго смѣха.
И что же? Тамъ, гдѣ цвѣлъ лицей
И жизнію кипѣлъ когда-то,
Гдѣ намъ давно-минувшихъ дней
Воспоминанье было свято, —
Теперь и пусто и мертво:
Въ родныхъ стѣнахъ не сохранилось
Отъ жизни прежней ничего.
Тѣнь Александра омрачилась!
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Забытый храмъ стоитъ уныло
Безъ алтаря и безъ жрецовъ,
Какъ бы скорбя о томъ, что *было!*

2.

Памяти Пушкина.

(Въ день пятидесятилѣтія лицея, 19 октября 1861 года) [1].

Живемъ мы, дюжинные люди,
А генія давно ужъ нѣтъ,
И рвется тяжкій вздохъ изъ груди
При мысли о тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ
И руку бъ ты пожалъ ему!

Но многіе ль на зовъ лицея
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлися въ память дней былыхъ?

О сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ жизненный потокъ!

И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого изъ насъ
Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ навѣки гласъ?

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснію заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ.

О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный
И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра
Мы видимъ мыслей суматоху,
Недостаетъ его пера!

---

[1]) Авторъ занималъ въ то время каѳедру русской словесности въ Александровскомъ лицеѣ.— Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г.

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ разсѣять блажь и хмель;

Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеймить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка —
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но своенравенъ пылкій геній,
И страсть, источникъ огневой
Мятежныхъ сердца треволненій,
Грозила Пушкину бѣдой:

Властитель вдохновенный слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара рокового
Какъ дубъ, сраженный молньей, палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный лицей:
Онъ былъ, какъ ты, недолговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь пируетъ
Въ другихъ стѣнахъ; но помнитъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ, и младой!

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда,
Чтобъ скука съ праздностью и лѣнью
Ему осталася чужда;

Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла!

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

---

1. Эта статья первоначально появилась въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1887 г.; самая же рѣчь, читанная мною въ лицеѣ, напечатана вмѣстѣ съ рѣчами гг. Жданова и Гаевскаго, въ лицейской брошюрѣ: *Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина*, Спб. 1887 г.

2. Въ то время Фотій Петр. Калиничъ былъ, собственно говоря, гувернеромъ въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ училъ чистописанію и въ лицеѣ.

3. Выражаясь точнѣе, Пешель былъ родомъ словакъ изъ Моравіи. Это происхожденіе отражалось въ его русской рѣчи: вмѣсто *кто*, напр., онъ всегда говорилъ *кдо*.

— Слѣдовало бы по настоящему писать: *Вольховскій*.

6. О числѣ воспитанниковъ, поступившихъ въ лицей изъ московскаго университетскаго пансіона, а равно объ изданіи *Утренней Зари*, точнѣйшее свѣдѣніе см. на стр. 31—32.

7. Впрочемъ, еще моложе Пушкина былъ баронъ Корфъ, родившійся 11 сентября 1800 г.; по словамъ же самого Модеста Андреевича, и онъ былъ не самымъ младшимъ.

20. Первоначально я, въ лицейской моей рѣчи (см. брошюру: *29 января 1887 года* и проч.), отнесъ было къ кн. Горчакову стихи:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,

согласно съ указаніемъ г. Ефремова въ глазуновскомъ изданіи Пушкина, но въ изданіи лит. фонда правдоподобнѣе объясненіе г. Морозова, что они относятся къ гр. Брольо. Едва ли могъ Пушкинъ назвать Горчакова повѣсою, тогда какъ это названіе очень шло къ Брольо, который сиживалъ послѣднимъ въ классѣ, какъ упомянуто въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ пьесы: *19-ое октября* (см. выше стр. 145).

Въ обращеніи къ Яковлеву, въ *Пирующихъ студентахъ*, третій стихъ:

„Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ“

требуетъ нѣкотораго объясненія.

По чтенію Анненкова, Геннади и г. Ефремова, онъ напечатанъ въ такомъ видѣ:

„Съ тобой *тостуюсь* безъ чиновъ“.

Въ изданіи же литературнаго фонда читаемъ:

„Съ тобой *тасуюсь* безъ чиновъ".

Разность эта произошла отъ того, что въ автографѣ, который недавно воспроизведенъ при брошюрѣ *29 января 1887*, изданной Александровскимъ лицеемъ, подчеркнутое слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походитъ на *о*, чѣмъ на *а;* а такъ какъ сло́ва *тосуюсь* нѣтъ, то и пришлось отгадывать, что́ хотѣлъ сказать поэтъ. Сло́ва *тостуюсь* также нѣтъ, но оно можетъ быть образовано, и въ значеніи *пью* съ кѣмъ-нибудь *тостъ*, или *чокаюсь*, было бы здѣсь умѣстно; слово *тасоваться* есть, но оно обыкновенно употребляется только въ примѣненіи къ картамъ: карта *затасовалась, колода истасовалась* (см. словарь Даля). Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ взаимнаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ, предоставляю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ карточной терминологіи.

21. Передъ отъѣздомъ въ Москву на открытіе памятника Пушкину, именно 8-го мая 1880 г., я посѣтилъ князя Горчакова. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; я засталъ его въ полулежачемъ положеніи на кушеткѣ или длинномъ креслѣ; ноги его и нижняя часть туловища были окутаны одѣяломъ. Онъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища, и, прочитавъ на память большую часть посланія его „Пускай, не знаясь съ Аполлономъ", распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину. Между прочимъ онъ говорилъ, что былъ для нашего поэта тѣмъ же, чѣмъ la cuisinière de Molière для славнаго комика, который ничего не выпускалъ въ свѣтъ не посовѣтовавшись съ нею; что онъ, князь, когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать дурную поэму, разорвавъ три пѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ одной сцены *Бориса Годунова* слово *слюни*, которое тотъ хотѣлъ употребить изъ подражанія Шекспиру; что во время ссылки Пушкина въ Михайловское князь за него поручился псковскому губернатору [1]... Перейдя потомъ къ политикѣ, онъ коснулся послѣдней турецкой войны и упомянулъ, что вовсе не хотѣлъ ея. Прощаясь со мной,

---

[1]) Чтеніе *Бориса Годунова* и поручительство кн. Горчакова должны быть отнесены, конечно, къ тому времени, когда онъ случайно посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ, именно къ сентябрю 1825 года. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 24 сентября поэтъ говорилъ: „Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны". Но въ стихотвореніи: *19 октября* Пушкинъ великодушно забылъ холодность этого свиданія и помянулъ его прекрасною строфой, посвященной знатному товарищу (см. выше, стр. 150).

онъ поручилъ мнѣ передать лицеистамъ, которые будутъ присутствовать при открытіи памятника его знаменитому товарищу, ка́къ сочувствуетъ онъ оконченному такъ благополучно дѣлу и какъ ему жаль, что онъ лишенъ возможности принять участіе въ торжествѣ.

Отъ кн. Горчакова отправился я къ лицейскому товарищу его Комовскому, который хворалъ уже давно. Теперь онъ далъ мнѣ то же порученіе; оно было исполнено мною въ краткой рѣчи на обѣдѣ, данномъ московскою Думою.

Князь Горчаковъ и Комовскій были послѣдніе лицеисты перваго курса. Матюшкинъ умеръ въ 1872 г., графъ Корфъ въ 1876, Комовскій въ 1880, князь Горчаковъ въ 1883, — первые три въ Петербургѣ, послѣдній въ Ниццѣ.

Изъ воспитанниковъ втораго выпуска (1820) давно уже не было никого въ живыхъ.

Изъ третьяго курса (1823) послѣднимъ былъ Д. Н. Замятнинъ. На долю его выпалъ странный жребій умереть въ самый день 19 октября (1883) почти за обѣдомъ. Мы только-что встали изъ-за стола, когда онъ, сидя на диванѣ и разговаривая съ однимъ изъ товарищей (А. И. Крузенштерномъ), внезапно и незамѣтно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему:
Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?

24. По разсказу Матюшкина, Галичъ обыкновенно привозилъ съ собою на урокъ какую-нибудь полезную книгу, заставлялъ при себѣ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ.

27. Въ стихѣ: „И къ Лиліи куплетъ“ заключается намекъ на стихотвореніе Дельвига *къ Лилеѣ*, напечатанное въ *Росс. Музеумѣ*, ч. I, стр. 266.

28. Замѣчаніе, что посланіе *Моему Аристарху* напечатано рядомъ съ посланіемъ къ Жуковскому, относится къ изданію Анненкова.

36. В. П. Гаевскій напечаталъ не три, а четыре статьи о Дельвигѣ.

— Когда я въ началѣ 1874 г. готовилъ для *Складчины* свою статью *Первенцы Лицея*, то я обращался за справками къ графу Корфу и между прочимъ просилъ его просмотрѣть составленный И. Я. Селезневымъ Очеркъ исторія лицея. Вотъ главныя изъ замѣчаній, которыя М. А. Корфъ сообщилъ мнѣ на эту книгу:

„Стр. 142, 143. Упоминаемый здѣсь молодой, но дѣйствительно даровитый (столько же, сколько и безобразный) живописецъ и литографъ былъ Лангеръ (2-го курса), уже давно умершій.

„Стр. 152. Старшій возрастъ никогда и ни въ чемъ не руководилъ младшимъ. При Энгельгардтѣ и даже прежде намъ не запрещалось заниматься въ нашихъ каморкахъ и въ другіе свободные часы, а въ управленіе Фролова мы тамъ и курили. Въ наше время у каждаго воспитанника былъ, въ тѣхъ же каморкахъ, и свой отдѣльный умывальникъ.

„Стр. 157. Не помню, чтобы въ наше время отводился комунибудь особый столъ въ *классѣ*, но въ *столовой* это случалось по временамъ, хотя тоже не часто.

„Стр. 165. Несправедливо, будто бы ни одинъ воспитанникъ не подвергался исключенію за проступки. Въ самые первые наши годы былъ исключенъ Гурьевъ, и насъ до конца оставалось и было выпущено всего 29.

„Стр. 169. Бакунинъ былъ не Алексѣй, а Александръ (Павловичъ).

„Стр. 174. Въ наше время никакихъ баракъ при лицеѣ не было и не предполагалось".

Въ письмѣ, при которомъ графъ Корфъ доставилъ мнѣ эти замѣчанія, онъ слѣдующимъ образомъ отозвался о книгѣ г. Селезнева: „Въ ней, при всей офиціальности тона и нѣкоторыхъ недостаткахъ редакціи, есть много дѣльнаго".

37. Доказательствомъ, какъ измѣнился взглядъ Кошанскаго на авторство лицеистовъ, можетъ служить слѣдующая записка, при которой онъ въ 1827 году возвратилъ намъ (воспитанникамъ 6-го курса) переданный ему на просмотръ нашъ рукописный журналъ *Лицейскій Цвѣтникъ:*

„Хвала и честь пѣвцамъ лицея! Мечты юности возвращаютъ младость и старцу. Я чувствовалъ это, читая Лицейскій Цвѣтникъ, вспоминалъ былое, сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ — и мнѣ казалось, что слышу первыя пѣсни лицея, звуки родины, голосъ праотцевъ, воскресшій въ любезныхъ потомкахъ, и самъ становился моложе годами 18-ю.

„Друзья-поэты! Лицей есть храмъ Весны, въ которомъ не гаснетъ огонь поэзіи святой; онъ горитъ невидимо, и его питаетъ добрый геній (Genius loci) [1]). Кто молодъ и чувствителенъ, тому непростительно не быть поэтомъ.

„Благодаря за удовольствіе, винюсь, что имѣлъ слабость продлить его и упустилъ первый случай возвратить Цвѣтникъ. Теперь печатаю пакетъ въ ожиданіи первой и вѣрной руки, которая приметъ его отъ меня и доставитъ въ вѣрныя руки.

38. Не надо забывать, что статья эта писана за шесть лѣтъ передъ открытіемъ памятника Пушкину.

---

[1]) Намекъ на поставленный въ лицейскомъ саду памятникъ съ этою надписью.

41. Журналъ *Вѣстникъ* представляетъ самое эмбріоническое начало своихъ послѣдователей въ томъ же родѣ. Онъ весь или, по крайней мѣрѣ, дошедшая до насъ часть его, заключается въ листѣ грубой бумаги, на которомъ разными почерками и самымъ безграмотнымъ языкомъ написано нѣсколько замѣтокъ соединившихся для ребяческаго предпріятія товарищей. Очевидно, что все это относится къ самой первой порѣ пребыванія молодыхъ людей въ лицеѣ.

48. Еще нѣсколько подробностей о журналѣ *Лицейскій Мудрецъ*. Всѣ статьи въ немъ, не исключая и предувѣдомленія „къ читателямъ", написаны въ юмористическомъ тонѣ. Въ такомъ же родѣ и стихи, между которыми впрочемъ мало удачныхъ; это почти все посланія, эпиграммы, эпитафіи, шарады. Въ *Смѣси*, въ формѣ письма къ другу, разсказана ссора воспитанниковъ въ видѣ *борьбы двухъ монархій*; въ именахъ ихъ легко узнать фамиліи Кюхельбекера и Мясоѣдова. „Тебѣ извѣстно, говорится тутъ, что въ сосѣдствѣ у насъ находится длинная полоса земли, называемая *Бехелькюкеріада,* производящая великій торгъ мерзѣйшими стихами и, что́ еще страшнѣе, имѣющая страшнѣйшую артиллерію. Въ сосѣдствѣ сей монархіи находилось государство, называемое *Осло-Доясомѣвъ*, которое извѣстно по значительному торгу лорнетами, цѣпочками и проч. Послѣдняя монархія, желая унизить первую, напала съ великимъ крикомъ на провинцію Бехелькюкеріады, но зато сія послѣдняя отмстила ужаснѣйшимъ образомъ: она преслѣдовала непріятеля и, не смотря на всѣ усилія королевства *Рейема* [т. е. гувернера Мейера], разбила его совершенно при мѣстечкахъ *Щекѣ*, *Спинѣ* и проч. и проч. Казалось, что сими пораженіями война кончилась; но въ книгѣ судебъ было написано, что еще должны были трепетать и зубы и ребра... Снова начались сраженія, но по большей части они кончились въ пользу королевства Осло-Доясомѣва... Наконецъ вся Индія пришла въ движеніе, и съ трудомъ укротили бѣшенство сихъ двухъ монархій, столь долго возмущающихъ спокойствіе Индіи. Присовокупляю при семъ рисунокъ, въ которомъ каждая монархія является съ своими атрибутами".

Въ статейкѣ *Демонъ метроманіи и стихотворецъ Гезель*, въ видѣ разговора, осмѣивается Кюхельбекеръ и его страсть писать баллады, при чемъ выставляется его дурной русскій выговоръ:

„*Демонъ*. Слушай меня прилежнѣе.

„*Гезель*. Что ты хочешь?

„*Демонъ*. Я привезъ на хвосту тебѣ письмо изъ Дерпта: тамъ пишутъ, что студенты выжгли стекломъ глаза твоему собрату по стихамъ".

Подъ заглавіемъ *Лицейскія древности* приведена выписка, въ которой гувернеръ Мейеръ жалуется на Дельвига и Данзаса за то, что первый за столомъ бросилъ большой кусокъ хлѣба въ тарелку послѣдняго, и когда наставникъ вмѣшался въ ихъ ссору, то они оба обошлись съ нимъ грубо.

Въ *Исповѣди* Мясожорова (т. е. Мясоѣдова), найденной въ бумагахъ умершаго священника, этотъ воспитанникъ представленъ глупымъ говоруномъ, любящимъ болтать по-французски, и ему приписанъ стихъ, приводимый въ извѣстномъ анекдотѣ:

„Блеснулъ на западѣ румяный царь природы":

на что будто бы священникъ возражаетъ: „Ошибка, ошибка: на востокѣ, а не на западѣ": востекаю — orior.

Стихи вообще плохи; но и между ними иное любопытно, напр. сатирическая пьеса подъ заглавіемъ *Мудрецъ*, которая такъ начинается:

На каѳедрѣ, надъ красными столами,
Вы кипу книгъ не видите ль, друзья?
Печально чуть скрипитъ огромная доска,
И карты грустно воютъ надъ стѣнами;
На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, друзья: могила
Прахъ мудреца навѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!

Главное содержаніе стиховъ, какъ и прозы, — шутки надъ товарищами и наставниками; многое тутъ пошло и вовсе не остро, иное забавно.

Вотъ, напримѣръ, басня о двухъ ослахъ, изъ которыхъ одинъ, поднявшись на гору, хвалится этимъ, а другой, оставшись внизу, отвѣчаетъ ему:

Нѣтъ, оба мы ослы;
Вся разница лишь та межъ нами,
Что ты вскарабкался на высоты,
А я стою спокойно подъ горами.
Мой другъ, и межъ людьми увидишь то же ты:
Иной министръ, иной торгашъ гусиный,
Но часто умъ у нихъ одинъ — ослиный.

На это эпиграмма:

Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куды! но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно напишетъ лучше всѣхъ!

Любимою мишенью эпиграммъ служитъ докторъ Пешель. Разные современные случаи, возбуждавшіе толки и разсказы, составляютъ содержаніе нѣсколькихъ попытокъ въ эпическомъ родѣ, напр. *На смерть Ситникова* (сумасшедшаго купца), или *Сазоновіада* (по поводу убійствъ, совершенныхъ дядькою Сазоновымъ).

51—52 и 77. Лицейскій Благородный пансіонъ былъ первоначально единственнымъ разсадникомъ будущихъ лицеистовъ. Въ этомъ пансіонѣ и я прошелъ три низшіе класса. Въ январѣ 1823 г., когда мнѣ только что минуло десять лѣтъ, я былъ отвезенъ туда моею матерью. У меня до сихъ поръ живо сохраняется въ памяти впечатлѣніе, произведенное на меня тихимъ, пустыннымъ городкомъ. По въѣздѣ въ Царское дорога проходила подъ обоими такъ называемыми Капризами, т. е. арками съ фантастическими башенками въ китайскомъ вкусѣ, соединяющими два обширные царскіе сада. По обѣ стороны дороги величественно тянулись покрытыя снѣгомъ деревья и аллеи съ изящными бесѣдками и мостиками. Мы прежде всего посѣтили Е. А. Энгельгардта, который жилъ въ директорскомъ домѣ противъ зданія лицея: онъ помогъ матери моей помѣстить меня въ пансіонъ на казенный счетъ, и это послужило поводомъ къ нашему посѣщенію. Энгельгардтъ обласкалъ и ободрилъ меня, насколько можно было ободрить мальчика, который въ первый разъ покидалъ родительскій домъ, и вдругъ долженъ былъ очутиться посреди совершенно чуждыхъ ему людей. Оттуда мы поѣхали въ Софію, нынче составляющую одно цѣлое съ Царскимъ, но тогда особый городокъ, построенный Екатериною II съ тайною мечтою объ осуществленіи Греческаго проекта, на что намекаютъ находящійся тутъ Софійскій соборъ и рядъ зданій, стоящихъ въ видѣ декораціи и напоминающихъ Константинополь, а противъ нихъ въ дворцовомъ саду, высится руина, изображающая собою паденіе Оттоманской Порты. Въ этомъ-то городкѣ, со стороны Царскаго Села, были и два большія рядомъ стоящія зданія лицейскаго пансіона съ обширнымъ полемъ, которымъ воспитанники могли пользоваться въ часы отдыха. Этотъ пансіонъ существовалъ до 1829 г., когда былъ закрытъ послѣ посѣщенія его императоромъ Николаемъ, который остался очень недоволенъ видомъ воспитанниковъ. Пріѣхавъ прямо оттуда вмѣстѣ съ императрицей въ лицей, онъ, входя въ нашъ классъ, обратился къ ея величеству и громко произнесъ: „Regardez ces jeunes gens: comme ils ont bonne mine en comparaison des pensionnaires!“ У насъ шелъ тогда урокъ нѣмецкой литературы; профессоръ Олива только что написалъ на доскѣ крупными буквами: Aufklärung überhaupt. Государь, ставъ передъ доской, громогласно прочелъ эти слова и велѣлъ

намъ сѣсть, положивъ руку мнѣ на плечо (такъ какъ я занималъ крайнюю скамью близъ входа), и нѣсколько минутъ, въ самомъ ясномъ настроеніи духа, присутствовалъ при урокѣ. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было, какъ я уже замѣтилъ, закрытіе пансіона: вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было тогда же выпустить изъ нашего курса тѣхъ воспитанниковъ, которые желали поступить въ военную службу, съ тѣмъ, чтобы впредь всѣ выходили только въ службу гражданскую. На этомъ основаніи, въ 1829 г., и вышли изъ младшаго курса лицея товарищи мои: Гардеръ, Соллогубъ и графъ Ожаровскій, а на мѣсто ихъ поступили: Комовскій (братъ Сергѣя), графъ Коновницынъ и Похвисневъ. Послѣ нашего выпуска, въ 1832, характеръ стараго лицея совершенно измѣнился, вслѣдствіе увеличенія числа воспитанниковъ до 120 и замѣны двухъ курсовъ четырьмя классами, съ переводомъ изъ одного въ другой, чрезъ каждые полтора года, не всѣхъ къ нему принадлежащихъ (какъ было при существованіи двухъ курсовъ), а только достойныхъ повышенія. Нынѣ лицей состоитъ уже, подобно существовавшему до 1829 г. лицейскому пансіону, изъ шести классовъ.

53. У внука Энгельгардта барона Ѳ. Ром. Остенъ-Сакена, хранится большая алфавитная книга in-folio въ кожаномъ переплетѣ, въ которую знаменитый директоръ лицея, передъ разлукою съ воспитанниками первыхъ трехъ выпусковъ, просилъ ихъ вписывать ему на память что́ кому вздумается. Почти всѣ выражаютъ тутъ болѣе или менѣе краснорѣчиво свою благодарность Егору Антоновичу за его отеческія попеченія, а супругѣ его и всему семейству за радушіе и ласки. Нѣкоторые прощаются въ стихахъ, иные пишутъ по-французски, иные — напр. Матюшкинъ, — по-нѣмецки [1]). Есть и такіе, которые заносятъ только свое имя и фамилію.

Первая изъ страницъ на букву П начинается слѣдующими строками Пушкина, которыя передаю со всею точностью:

„Приятно мнѣ думать что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между имянами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицеѣ небыло неблагодарныхъ.

Александръ Пушкинъ“.

Чтобы дать понятіе объ общемъ характерѣ прочихъ замѣтокъ, выпишу то, что далѣе слѣдуетъ на той же страницѣ:

---

[1]) Онъ родился въ Штутгартѣ (см. выше, стр. 74). Подъ его подписью, внизу страницы, нарисованъ акварелью корабль съ распущенными парусами.

„Оставляя *Лицей*, сей гостепріимный кровъ, гдѣ, среди тишины и безпечности, наслаждался молодою жизнію, я спѣшу изъявить живое, непритворное чувство благодарности за ваши обо мнѣ незабвенныя попеченія. — Благодарность есть память сердца. — Мелькнутъ два, три мѣсяца, и питомцы Лицея будутъ разбросаны судьбою по всѣмъ дорогамъ міра; но будьте увѣрены, Егоръ Антоновичъ, что мы, подобно Іудеямъ, станемъ душою всегда стремиться къ своему *Іерусалиму* и среди шума откровенной Дружбы, и въ волненіи гордыхъ думъ!! — —

1820, 24 маія. И. Познякъ".

„Николай Пащенко.

1823 года
27 ноября".

Эта послѣдняя подпись принадлежитъ воспитаннику третьяго курса: зимой 1823 года Энгельгардтъ прощался съ лицеистами по случаю увольненія его отъ должности директора (см. выше, стр. 99).

За сообщеніе мнѣ этого интереснаго альбома приношу мою благодарность многоуважаемому Ѳедору Романовичу, отецъ котораго былъ женатъ на дочери Егора Антоновича.

60. О посѣщеніи Пушкинымъ Лицея и о встрѣчахъ своихъ съ П. авторъ этой книжки такъ разсказываетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ (см. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ", стр. 20—21). *Ред.* „Къ Пушкину я чувствовалъ съ самаго лицея настоящее благоговѣніе. Въ то время, какъ я былъ еще въ младшемъ курсѣ, весною 28-го или 29-года [1]), онъ однажды навѣстилъ насъ. Мы слѣдовали за нимъ тѣсною толпой, ловя каждое слово его. Пушкинъ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоцѣнностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да и почти не слышалъ: я такъ былъ пораженъ самымъ его появленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ по всегдашней своей застѣнчивости шелъ позади другихъ. Вскорѣ послѣ выпуска, изучая англійскій языкъ, сошелся я съ Пушкинымъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона, куда я любилъ ходить какъ въ особый міръ, полный для меня тайнаго очарованія. Увидя

---

[1]) Это посѣщеніе Я. К. въ статьѣ о Лицеѣ относитъ къ 1831 г., но кажется вѣрнѣе эта дата, и именно 1828 г., ибо весной 1829 г. П. не было въ Петербургѣ.

*

Пушкина, я забылъ свою собственную цѣль и весь превратился во вниманіе: онъ требовалъ книгъ, относящихся къ біографіи Шекспира, и говоря по-русски, разспрашивалъ о нихъ книгопродавца. Какъ интересны казались мнѣ эти книги и какъ хотѣлось подойти къ Пушкину и отрекомендовать себя какъ лицейскаго, уже принимавшаго его въ лицеѣ! Но на это не стало у меня духа. Въ другой разъ, когда я проводилъ лѣто на Карповкѣ у барона Корфа, Пушкинъ, жившій на Каменномъ Островѣ и часто ходившій туда изъ города пѣшкомъ, шелъ мимо сада, когда я стоялъ у калитки. Онъ взглянулъ на меня и я, повинуясь невольному движенію, снялъ передъ нимъ почтительно шляпу. Онъ учтиво отдалъ мнѣ поклонъ и скоро скрылся изъ моихъ глазъ. Вотъ три главныя мои встрѣчи съ Пушкинымъ. Еще видывалъ я его въ Царскомъ Селѣ, когда онъ въ 1831 году, живя тамъ съ молодою и прекрасною женою, гулялъ по воспѣтымъ имъ аллеямъ; встрѣчалъ я его и въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, но тѣ три встрѣчи были болѣе непосредственны и всего живѣе запечатлѣлись у меня въ памяти. Сколько разъ я жалѣлъ, по кончинѣ Пушкина, что не воспользовался ни одною изъ нихъ для ближайшаго съ нимъ знакомства!“

70. По словамъ покойнаго Н. М. Орлова, услуга, которую меньшой изъ братьевъ Раевскихъ оказалъ Пушкину, состояла, вѣроятно, въ ссудѣ ему денегъ для уплаты карточнаго долга. Много разсказывала мнѣ Кат. Ник. Орлова объ отцѣ своемъ Ник. Ник. Раевскомъ и о своемъ мужѣ Мих. Ѳедор. Орловѣ. Сообщу здѣсь то, что было записано мною съ ея словъ. Вѣроятно, тутъ найдутся неточности, но тѣмъ не менѣе ея разсказъ не можетъ быть лишенъ интереса, хотя бы только какъ матеріалъ для вполнѣ удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Н. Н. родился въ 1771 г. во время московской чумы. Мать его была сестра А. Н. Самойлова, женатаго на сестрѣ Потемкина. Н. Н. былъ еще ребенкомъ, когда умеръ его отецъ и вдова вышла замужъ за Давыдова. Молодой Раевскій, записанный Потемкинымъ въ казаки, участвовалъ въ второй турецкой войнѣ. Онъ былъ очень добрый христіанинъ, хотя и рѣдко ходилъ въ церковь; по своей добротѣ и великодушію онъ на своемъ вѣку простилъ много оскорбленій. Образованіе свое почерпнулъ онъ преимущественно изъ чтенія. Первою книгой, произведшей на него сильное впечатлѣніе, былъ *Эмиль* Руссо; впослѣдствіи и прочіе извѣстнѣйшіе писатели того времени были имъ прочитаны. У него была хорошая библіотека. Извѣстно, что онъ въ 12-мъ году взялъ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ въ походъ. Въ сраженіи при Дашковѣ у младшаго была прострѣлена пола сюртука. „А знаешь

ли, спросилъ его отецъ, для чего я бралъ васъ съ собою?" — Чтобы вмѣстѣ умереть, отвѣчалъ мальчикъ. (О достовѣрности этого анекдота см. впрочемъ разсказъ самого Раевскаго въ *Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова*, Спб. 1887, т. II, стр. 328).

Сынъ его Александръ Ник. отличался удивительною проницательностью: года за два до событій 1848 г., онъ предсказалъ судьбу Людовика Филиппа и ходъ послѣдующей исторіи Франціи.

Мужъ Катерины Николаевны, Михаилъ Ѳед. Орловъ, участвовалъ, при Аустерлицѣ, въ истребленіи французскаго отряда и за это дѣло былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры. Разсказъ, будто онъ заплакалъ, узнавъ объ исходѣ всего сраженія, не имѣетъ основанія. Въ 1812 г. онъ состоялъ при Толлѣ; при занятіи одной позиціи между Смоленскомъ и Бородиномъ, когда приказано было только задержать непріятеля, чтобы Багратіонъ могъ соединиться съ главной арміей, Орловъ въ выборѣ мѣста поступилъ противъ предписанія Барклая. Барклай сдѣлалъ ему замѣчаніе, но Орловъ смѣло отвѣчалъ, что по его мнѣнію такъ лучше. Барклай спросилъ его фамилію и не только не разсердился, но съ этихъ поръ сталъ оказывать ему особенное довѣріе. Затѣмъ Орловъ овладѣлъ Вереей и получилъ Георгія, занялъ Дрезденъ, взялъ штурмомъ Магдебургъ, а въ лейпцигскомъ сраженіи спасъ два австрійскіе баталіона и за это былъ награжденъ титломъ австрійскаго барона.

Впослѣдствіи, въ 16-й дивизіи на югѣ Россіи происходили безпорядки; въ нее ссылали провинившихся, и потому неудивительно, что изъ нея безпрестанно случались побѣги въ Турцію, къ некрасовцамъ. Для возстановленія порядка въ эту дивизію былъ назначенъ Орловъ. Онъ началъ съ того, что перемѣнилъ обращеніе съ солдатами, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія, ввелъ взаимное обученіе: въ короткое время число дезертировъ значительно уменьшилось. Но этимъ онъ надѣлалъ себѣ враговъ; главнымъ изъ нихъ былъ Сабанѣевъ, сынъ котораго былъ имъ удаленъ за несогласный съ новыми мѣрами образъ дѣйствій. Началась сабанѣевская исторія, и Орловъ пострадалъ (см. П. И. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 52).

Преданіе о татарахъ, разсказывавшихъ будто бы о соловьѣ, который прилеталъ въ Юрзуфъ пѣть съ Пушкинымъ и исчезъ послѣ его смерти, по словамъ Катерины Николаевны, не можетъ имѣть основанія уже потому, что татары Пушкина не видали.

70. Относительно взглядовъ графа Корфа на Пушкина см. подстрочное примѣчаніе, помѣщенное мною при запискѣ Модеста Андреевича.

90. Слухи о предположеніи перевести лицей въ Петербургъ стали часто возобновляться, особенно со вступленія на престолъ императора Николая. Участіе двухъ лицеистовъ въ заговорѣ 14-го декабря бросало нѣкоторую тѣнь на это заведеніе, и причину вреднаго будто бы направленія его видѣли въ исключительномъ и изолированномъ его положеніи. Въ мое время молва о переводѣ лицея очень тревожила воспитанниковъ, которые всѣ дорожили его стариной. По временамъ на мраморной доскѣ Genio loci [1]) появлялись писанныя карандашомъ предостереженія, напр.:

Лицей! твое паденье близко:
Не падай слишкомъ низко!

Наконецъ въ 1844 году давно предсказываемое перемѣщеніе лицея состоялось. До сихъ поръ еще положительно не разслѣдованы причины этого событія. Современники его разсказываютъ, что ближайшій поводъ подалъ занимавшій много лѣтъ должность управляющаго Царскимъ Селомъ генералъ Захаржевскій, который давно недолюбливалъ лицеистовъ. Говорятъ, что послѣ крещенія покойнаго государя наслѣдника Николая Александровича, Захаржевскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что для всѣхъ приглашенныхъ лицъ высочайшаго Двора недостало мѣста въ дворцовыхъ зданіяхъ, и представилъ, что на будущее время необходимо расширить помѣщенія на такіе торжественные случаи, а для этого нельзя обойтись безъ флигеля, занимаемаго лицеемъ. Главный начальникъ этого заведенія, великій князь Михаилъ Павловичъ, въ то время отсутствовалъ и дѣло уладилось безъ затрудненій: въ зданіи лицея были устроены комнаты для пріема лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору.

70. Отмѣченный Илличевскимъ характеръ отношеній между лицеистами 1-го курса и ихъ наставниками наглядно обрисовывается слѣдующимъ письмомъ гувернера Чирикова къ воспитаннику Комовскому, отъ 6-го сентября 1814 года. Чириковъ въ то время находился въ Петербургѣ для лѣченія глазъ.

„Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

„Встревоженный вашимъ письмомъ, полученнымъ мною 26 августа, я поспѣшилъ на другой день къ вашимъ родителямъ, нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ и вручилъ отъ васъ письмо, писан-

---

[1]) Это былъ дерновый памятникъ кубической формы, поставленный, какъ гласило преданіе, Энгельгардтомъ еще при 1-мъ курсѣ, и считавшійся какъ бы палладіумомъ лицея. На бѣлой мраморной доскѣ читалась вырѣзанная позолоченными буквами надпись Genio loci (см. выше, стр. 283).

ное вами 10-го августа, котораго, по причинѣ безвыходнаго пребыванія моего въ горницѣ, прежде вручить имъ не могъ. Батюшка вашъ увѣдомилъ меня, что въ прошедшее воскресенье былъ въ лицеѣ, что вы находитесь здоровы и пр. и пр. Мнѣ весьма жаль, что никакого не получаю извѣстія въ разсужденіи моего здѣсь долгаго пребыванія, т. е. мнѣ бы хотѣлось знать не гнѣвается ли на меня Степанъ Степановичъ [1]) и какого онъ о мнѣ по сему обстоятельству мнѣнія... даже и Комочикъ [2]) меня о семъ при всей своей откровенности до сего времени не увѣдомилъ.

„Я время провождаю здѣсь въ большой скукѣ: заниматься ничѣмъ не могу, словомъ, я бы крайне желалъ поскорѣе оставить Петербургъ и возвратиться къ моей должности. Глаза мои слава Богу лучше, но все слабы и я думаю, что и по пріѣздѣ моемъ въ лицей, не вдругъ примусь я за труды.

„Въ минуты, въ кои съ вами я бесѣдую, бесѣдую также съ Фотіемъ Петровичемъ [3]) и Алексѣемъ Николаевичемъ [4]) и минуты сіи для меня весьма пріятны, говоримъ о васъ и пр. и пр. Но извините, мы идемъ всѣ трое въ Академію Художествъ смотрѣть различныя произведенія любителей художествъ. Жаль, весьма жаль, что васъ съ нами нѣтъ. Прощайте.

„Увѣдомьте Ѳедора Ѳедоровича [5]), что я нигдѣ не нашелъ такого ножа, какой ему угоденъ: всѣ тѣ кои я видѣлъ у Курапцова и у прочихъ продавцовъ, всѣ тѣ, повторяю, ножи безъ шилъ, и я съ прискорбіемъ возвратился домой.

„Кланяйтесь пожалуйте отъ меня любезнымъ вашимъ товарищамъ кн. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову, Арк. Ив. Мартынову, Матюшкину и пр.—Илличевскому, Пущину и Малиновскому и пр. скажите или лучше извините меня предъ ними что я никому изъ нихъ особенно не писалъ: мнѣ по слабости глазъ моихъ опасно.

„Съ любовію къ вамъ пребываю
вашъ усердный Чириковъ.

„P. S. На будущей недѣлѣ я буду имѣть удовольствіе васъ лично видѣть и потому вамъ надобности нѣтъ въ адресѣ“.

Тѣмъ же характеромъ отличались и въ мое время отношенія Чирикова къ воспитанникамъ. Передъ нашимъ выпускомъ (1832), не помню уже по какому поводу, вздумалось ему выучить насъ

---

[1]) Фроловъ, инспекторъ, исправлявшій временно должность директора.
[2]) Т. е. самъ Комовскій.
[3]) Калиничемъ, учителемъ чистописанія и гувернеромъ.
[4]) Иконниковымъ, тогда уже вышедшимъ изъ Лицея. *Ред.*
[5]) Матюшкина.

пѣть хоромъ разныя старинныя аріи, особенно изъ оперы Екатерины II: *Горе-богатырь*, которая славилась въ дни его молодости. Много было смѣху, когда мы вслѣдъ за нимъ съ большою энергіей затягивали такія пѣсенки изъ этой оперы, какъ напр.:

На иноходцѣ ѣду буромъ
Въ пушистой шапочкѣ своей.—
А я тащуся на кауромъ
Вослѣдъ за милостью твоей.

Сладимъ пѣсенку въ дорогу
Нашей смѣлости въ подмогу,
Чтобъ въ насъ храбрость не уныла
И горячность не остыла...

С. Д. Комовскій не занималъ особенно виднаго мѣста въ кругу лицеистовъ 1-го курса, но изъ добрыхъ его отношеній къ товарищамъ, обнаруживающихся въ его перепискѣ съ ними, можно заключить, что это былъ человѣкъ вполнѣ достойный уваженія. Сохранившаяся о немъ лицейская аттестація гласитъ: „Благонравенъ, искрененъ, чувствителенъ, вѣжливъ, ревнителенъ къ своей пользѣ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ. Любопытство, чистота, опрятность, бережливость и насмѣшливость суть особенныя его свойства".

Пушкинъ въ своихъ стихахъ только разъ упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, именно въ строфѣ, которая повидимому предназначалась въ пьесу: *19-е октября* (1825), но не вошла въ составъ ея:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой!

Подъ копіей этихъ стиховъ замѣтка Комовскаго: „Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъофицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ".

Карьера Комовскаго по выходѣ изъ лицея была очень скромная. Сначала онъ служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а потомъ занималъ въ Смольномъ монастырѣ секретарскую должность, которою кажется и кончилось его служебное поприще.

Оставивъ ее еще въ 50-хъ годахъ, онъ прожилъ много лѣтъ въ отставкѣ и умеръ 8-го іюля 1880 года.

На лицейскомъ обѣдѣ 1875 года и потомъ незадолго передъ смертію онъ передалъ мнѣ небольшое собраніе бумагъ, относящихся къ старинѣ царскосельскаго лицея. Тутъ я нашелъ между прочимъ тетрадку дневника, веденнаго имъ въ годы воспитанія. Въ этихъ запискахъ онъ является молодымъ человѣкомъ очень добросовѣстнымъ, набожнымъ, искренно стремящимся къ самоусовершенствованію. Мы знаемъ, что въ лицеѣ этого времени не онъ одинъ велъ записки: до насъ дошли остатки подобныхъ замѣтокъ, которыя набрасывалъ Пушкинъ; изъ записокъ Матюшкина приведены мною въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 76) отрывки. Обычность этого занятія у первыхъ лицеистовъ заставляетъ думать, что мысль о немъ была внушена имъ кѣмъ-нибудь изъ ихъ наставниковъ,—можетъ быть, Малиновскимъ, Куницынымъ, Пилецкимъ или Энгельгардтомъ?

Приведенная выше аттестація о Комовскомъ заимствована мною изъ списка, на которомъ его рукою переписаны также аттестаціи нѣкоторымъ изъ его товарищей съ отмѣткою „Изъ записокъ наставника Чачкова [1]), 30 сентября 1813 года". Вотъ эти отзывы:

Князь А. Горчаковъ: „благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ; любитъ крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ; отличительныя свойства его: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей, великодушіе".

Баронъ М. Корфъ: „скрытенъ, самолюбивъ и самонадѣянъ, вѣжливъ, кротокъ, усерденъ, опрятенъ и прилеженъ" [2]).

Ѳ. Матюшкинъ: „вспыльчивъ, откровененъ, весьма чувствителенъ, вѣжливъ, усерденъ, признателенъ, опрятенъ, бережливъ и весьма прилеженъ".

И. Малиновскій: „добросердеченъ и отъ вспыльчивости всѣми мѣрами старается воздерживаться, скроменъ, бережливъ, вѣжливъ, опрятенъ и весьма любитъ чтеніе".

99. А. Пушкинъ: „легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи [3]).

---

[1]) Вас. Вас. Чачковъ былъ въ 1814 году короткое время инспекторомъ лицея.—На самомъ дѣлѣ подлинная аттестація подписана гувернеромъ Чириковымъ См. Шляпкинъ. Къ біографіи А. С. Пушкина, Спб. 1899, стр. 22. *Ред.*

[2]) Ср. выше стр. 87.

[3]) Въ „Историч. очеркѣ лицея" г. Селезнева (прилож., стр. 14) эта аттестація, равно какъ и помѣщенная выше о Пушкинѣ, приписана *(правильно)* гувернеру Чирикову.—См. другія аттестаціи о Пушкинѣ въ названн. брошюрѣ Шляпкина, стр. 15—25. *Ред.*

74. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни Матюшкина я встрѣтился съ нимъ у графа Корфа въ Царскомъ Селѣ. Послѣ обѣда онъ пошелъ со мной гулять по старому саду и, передавъ мнѣ многое изъ своихъ воспоминаній, между прочимъ показалъ мѣсто *розоваго поля*, упомянутаго мною здѣсь на стр. 33. Передъ выпускомъ изъ лицея онъ составилъ два сборника: въ одну тетрадь переписалъ всѣ ненапечатанныя стихи лицейскихъ товарищей, въ другую—помѣщенныя въ разныхъ журналахъ. Эти двѣ тетради, вмѣстѣ съ другими лицейскими бумагами (архивомъ перваго курса), хранились у Яковлева. За нѣсколько дней до 14-го декабря Пущинъ выпросилъ у него и взялъ къ себѣ на домъ сколько могъ забрать. Дней черезъ десять, при обыскѣ квартиры Пущина, всѣ эти бумаги были отобраны и остались, какъ думалъ Матюшкинъ, въ архивѣ судной комиссіи.

Въ лицеѣ Пушкинъ былъ всего дружнѣе съ Пущинымъ и Малиновскимъ; послѣ лицея—съ Матюшкинымъ и Яковлевымъ. Въ ноябрѣ 1836 г., Пушкинъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ былъ у Яковлева, въ день его рожденія; еще тутъ былъ князь Эристовъ, воспитанникъ второго курса, и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большомъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо, и говоритъ: „Посмотрите, какую мерзость я получилъ“ [1]). Яковлевъ (директоръ типографіи II-го Отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи) тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что эта бумага голландскаго посольства.

По разсказу Матюшкина, Дантесъ былъ сынъ сестры Гекерена и Голландскаго короля, усыновленный богатымъ дядей. Гекеренъ не могъ простить Пушкину, что онъ такъ круто повернулъ женитьбу Дантеса на своей свояченицѣ. Это было такъ: Пушкинъ, возвратясь откуда-то домой, находитъ Дантеса у ногъ своей жены. Дантесъ, увидя его, поспѣшно всталъ. На вопросъ Пушкина, что это значитъ, Дантесъ отвѣчаетъ, что онъ умолялъ Наталью Николаевну уговорить сестру свою итти за него. На это Пушкинъ сухо замѣтилъ, что тутъ не о чемъ умолять, что ничего нѣтъ

---

[1]) Вотъ его содержаніе: „Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des *Cocus*, réunis en Grand Chapitre sous la présidence du vénérable Grand Maître de l'Ordre S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité M. Al. Pouchkine coadjuteur du Grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre“. Подписано: „Le secrétaire perpétuel C-te J. B.“.

легче: онъ звонитъ, приказываетъ вошедшему человѣку позвать Катерину Николаевну и говоритъ ей: „Voilà M. Dantès qui demande ta main, согласна ли ты?“ Затѣмъ Пушкинъ прибавляетъ, что онъ тотчасъ же испроситъ на этотъ бракъ разрѣшеніе императрицы (К. Н. была фрейлина), ѣдетъ во дворецъ и привозитъ это разрѣшеніе.

Изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній Матюшкинъ передавалъ мнѣ между прочимъ, что одною изъ главныхъ причинъ ускореннаго выпуска лицеистовъ перваго курса былъ извѣстный эпизодъ встрѣчи Пушкина, въ дворцовомъ коридорѣ, съ княжною Волконскою, которую онъ принялъ за горничную [1]). Узнавъ объ этой шалости, государь прогнѣвался и замѣтилъ Энгельгардту, что лицеисты черезчуръ много себѣ позволяютъ и что надо скорѣй ихъ выпустить.

76. Имя лицейскаго учителя музыки написано Матюшкинымъ невѣрно: его звали Tepper de Ferguson. См. выше въ приложеніяхъ замѣтку о немъ графа Корфа и ниже разсказъ Плетнева.

76. Приводимъ текстъ пѣсни „*Шесть лѣтъ*“ (бар. Дельвига) едва ли извѣстный большинству читателей. *Ред.*

Шесть лѣтъ промчались какъ мечтанье
Въ объятьяхъ сладкой тишины
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: „Шествуйте сыны!“
Тебѣ нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посвятилъ.
Прими жь теперь—не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благости твоей!
Шесть лѣтъ промчалось и т. д.
О Матерь, вняли мы призванье;
Кипитъ въ груди млодая кровь!
Одно лишь есть у насъ желанье—
Всегда хранить къ тебѣ любовь.
Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла, кровь и трудъ;
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо Правды въ судъ!

---

[1]) Разсказъ объ этомъ см. въ „Запискахъ И. И. Пущина“ въ *Атенеѣ* 1859 г № 8, стр. 520—521.

Шесть лѣтъ промчались и т. д.

Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други нашихъ рѣзвыхъ лѣтъ,
Мы не забудимъ наставленій
Плодъ Вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытныхъ удержитъ умъ

Прощайте, братья! руку въ руку,
Обнимемтесь въ послѣдніи разъ.
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила [1]) насъ.
Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой;
Храните, о друзья! храните
Ту жь дружбу съ тою же душой,
То жь къ правдѣ пылкое стремленье
Ту жь юную ко славѣ кровь;
Въ несчастьѣ гордое терпѣнье,
А въ счастьѣ всѣмъ равно любовь

Шесть лѣтъ промчалось и т. д.

Прощайте братья! руку въ руку,
Обнимемтесь въ послѣдній разъ
И поклянемся мы разлуку
Провесть какъ разлученья часъ!

81. По отпечатаніи примѣчанія къ статьѣ „Лицейскія годовщины", въ бумагахъ моихъ отыскались и стихи, написанные при праздновании 19-го октября 1822 и 1824 гг.

Къ первому относится весьма плохой экспромтъ Илличевскаго въ трехъ куплетахъ, изъ которыхъ выписываю только средній немного лучше другихъ удавшійся:

Здѣсь всѣ мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаріи степей,
Такъ нынѣ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей.

На другой страницѣ полулиста написанъ карандашомъ, рукою Яковлева, экспромтъ Дельвига по поводу этихъ стиховъ:

---

[1]) Въ автографѣ Матюшкина: *съединила.*

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокалъ.
Ура, друзья! въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.
Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы *Мудреца*,
Дай Богъ, чтобъ такъ же сохранили
Мы скотобратскія сердца [1]).

Куплеты на 19-е октября 1824 г. сочинены Дельвигомъ же, и переписаны на особой четвертушкѣ опять Яковлевымъ:

Семь лѣтъ пролетѣли, но, Дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.
Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай!

83. Въ протоколѣ 1831 г. написанномъ рукою Яковлева, въ замѣчаніи, что „Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры"—вмѣсто послѣднихъ трехъ словъ было ранѣе написано, а потомъ замарано: „не хотѣлъ до 19 октября увидѣться съ кѣмъ либо изъ лицейскихъ товарищей 1-го выпуска". *Ред.*

83. Съ 60-хъ годовъ на праздновавіи лицейской годовщины собирались обѣдать остававшіяся въ живыхъ наличные воспитанники первыхъ семи курсовъ (такъ какъ 7-й былъ послѣднимъ, при которомъ еще сохранились первоначальные лицейскіе порядки). Въ этихъ обѣдахъ участвовали также немногіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лицейскаго пансіона. Въ качествѣ гостей приглашались пережившіе своихъ товарищей лицеисты 1-го курса: Корфъ и Матюшкинъ, а позднѣе и Комовскій. Въ 1872 году на такомъ обѣдѣ зашла рѣчь о нумерахъ комнатъ, которыя въ лицеѣ принадлежали товарищамъ Пушкина. Никто не помнилъ ихъ. На другой день Комовскій написалъ о томъ Малиновскому, спрашивая, не поможетъ ли въ этомъ случаѣ его память. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 19 ноября изъ села Каменки (Харьк. губ.): „Насъ въ лицеѣ было 30, вскорѣ стало 29, а нумеровъ было 50, и вотъ, сколько припомню, какъ ихъ занимали: № 6 Юдинъ, 7 Малиновскій, 8 Корфъ, 9 Ржев-

1) Объясненіе этого выраженія см. выше, стр. 82.

скій, 10 Стевенъ, 11 Вальховскій, 12 Матюшкинъ, 13 Пущинъ 14 Пушкинъ, 15 Саврасовъ, 16 Гревеницъ, 17 Илличевскій, 18 Масловъ, 19 Корниловъ, 20 Ломоносовъ,—всѣ они ко дворцу, а въ ограду [1]): 29 Данзасъ, 30 Горчаковъ, 31 Брольо, 32 Тырковъ, 33 Дельвигъ, 34 Мартыновъ, 35 Комовскій, 36 Костенскій, 37 Есаковъ, 38 Кюхельбекеръ, 39 Яковлевъ, 40 Гурьевъ [2]), 41 Мясоѣдовъ, 42 Бакунинъ, 43 Корсаковъ. Этихъ (т. е. послѣднихъ) нумеровъ, за давностью шестьдесятъ-одного года, не помню. Потомъ насъ перемѣстили, когда изъ пансіона перевели во 2-й курсъ двадцать одного ученика, и только помню, что № 1 былъ мой. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо отъ 20 октября о нумерахъ: такъ и вижу ихъ надъ дверьми и на лѣвой сторонѣ воротника шинелей на квадратной тряпочкѣ чернилами.

„А помнишь ли ты, что въ двѣнадцатомъ году мы 26 августа представляли ратниковъ съ вывороченными шинелями и пѣли:

Мы монарха прославляемъ,
Счастья нашего творца,
Въ день сей славный величаемъ
Покровителя-отца!
Славься, Александръ, на тронѣ,
Славься, добрый государь!

„Какой ты христіанской души человѣкъ, а еще столичный: помнишь усопшихъ! Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ четырехъ Богомъ хранимыхъ. Мой сынъ передастъ тебѣ лично, насколько ты мнѣ, 77-ми лѣтнему, отрада. Надо бы намъ съ тобою съѣхаться: чего-то бы мы не расшевелили изъ старины! а не слѣдовало бы, по пословицѣ: „не выноси сора изъ избы", передавать иное въ журналы печатью; помнится, было въ какомъ-то нумерѣ послѣднихъ годовъ Современника не подлежащее.

„Прости, мой другъ, долженъ кончить: ѣду надавить всѣ пружины къ преодолѣнію неправды, хотя въ чужомъ дѣлѣ; эта страсть съ офицерства росла во мнѣ съ годами. Уже поднялъ два дѣла туда — къ вамъ.

„Сейчасъ поручилъ составить списокъ нуждающимся крестьянамъ, а нищихъ у насъ нѣтъ, и раздамъ имъ изъ собираемаго капитала, при отпискѣ имъ отъ каждаго робера въ ералашъ по 4; играемъ по ¼ коп.; за карты новыя вычитается, а игранныя долго намъ служатъ. Заведи-ка и ты это: съ міру по ниткѣ,

---

[1]) Т. е. въ лицейскій садъ, окруженный оградой.
[2]) Въ подлинномъ письмѣ при этомъ нумерѣ имя пропущено.

бѣдному рубаха. И больные приняты въ уваженіе, сторонніе не исключаются изъ помощи, а въ особенности переселенцы, живущіе на большой дорогѣ. Храни тебя Богъ.

„Тебѣ признательный

Иванъ Малиновскій".

83. Записка Яковлева о предложеніи Энгельгардта соединить три курса для празднованія 19-го октября была сообщена и графу Корфу. Отвѣтъ его былъ совершенно противоположенъ пушкинскому. Вотъ что онъ писалъ: „Во 1-хъ, совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, что *нѣтъ причины* отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ, и во 2-хъ, долженъ сознаться, что это будетъ вѣрно несравненно *веселѣе:* всѣ мы люди знакомые; веселиться одинъ другому не будемъ мѣшать; аппетита другъ у друга не отнимемъ; лицейскія воспоминанія между нами всѣми могутъ быть также живы и *громки*, а о другомъ, постороннемъ, едва ли тутъ кто и затѣетъ говорить, да кажется, и лѣта наши ужъ не тѣ, чтобы опасаться имѣть при нашемъ разговорѣ свидѣтелей. Между тѣмъ, какъ насъ будетъ гораздо больше, то при томъ же взносѣ мы можемъ чѣмъ-нибудь приправить нашъ праздникъ и придать ему побольше поэзіи: напримѣръ, позвать къ обѣду музыку. Я бы даже пригласилъ и старожиловъ нашихъ: Кайданова, Пешеля, Чирикова. Итакъ, я съ моей стороны совершенно согласенъ съ предложеніемъ Энгельгардта; но какъ тутъ дѣло не въ моемъ личномъ, а въ *общемъ* мнѣніи, то кажется, всего бы лучше собрать голоса и рѣшить большинствомъ, которому я охотно повинуюсь, хотя бы оно было и противно моему убѣжденію. Такъ я завтра скажу и Егору Антоновичу.

„Пятница. № 8".

86. Въ 1841 году графъ Корфъ писалъ Яковлеву: „Въ воскресенье, 26-го октября, въ четыре часа, Энгельгардтъ устраиваетъ годичный лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ острову, на углу 3-й линіи и Большого проспекта, въ домѣ Юнкера". Самъ Егоръ Антоновичъ жилъ, помнится, во 2-й линіи.

100. Объ участіи, какое принималъ А. И. Тургеневъ въ помѣщеніи Пушкина въ лицей, свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Сергѣя Львовича къ кн. Вяземскому (оно печатается по принадлежащему мнѣ подлиннику, безъ всякихъ измѣненій):

„Любезнѣйшій князь Петръ Андреевичъ! Я бы желалъ чтобы въ заключеніи записокъ біографическихъ о покойномъ Александрѣ сказано было что Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ Лицѣй и что чрезъ 25-ть

лѣтъ онъ же проводилъ тѣло его на послѣднѣе жилище. Да узнаетъ Россія что она Тургеневу обязана любимымъ ею Поэтомъ! Чувство непоколебимой благодарности побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ. — Нѣтъ сомнѣнія что въ Лицеѣ, гдѣ онъ въ товарищахъ встрѣтилъ нѣсколько соперниковъ, соревнованіе способствовало къ развитію огромнаго его таланта. Вотъ что я писалъ Александру Ивановичу и потомъ къ вамъ, но письмо мое въ то время, не знаю почему до васъ не дошло. — Благодарю еще разъ княгиню за 29-е число.

„Весь и всегда вашъ

„1-го февраля
1838 г. С. Пушкинъ".

103. По разсказу покойнаго Арк. Ос. Россета, императоръ Николай, на аудіенціи, данной Пушкину въ Москвѣ, спросилъ его между прочимъ: „Что же ты теперь пишешь?" — Почти ничего, В. В.: цензура очень строга. — „Зачѣмъ же ты пишешь такое, чего не пропускаетъ цензура?" — Цензора не пропускаютъ и самыхъ невинныхъ вещей: они дѣйствуютъ крайне неразсудительно. — „Ну, такъ я самъ буду твоимъ цензоромъ, сказалъ государь: присылай мнѣ все, что напишешь".

106. Даже и по смерти Пушкина нерасположеніе къ нему графа Уварова не угасло. Это обнаружилось въ одномъ, въ сущности ничтожномъ случаѣ, который касался меня. Въ первые дни послѣ кончины поэта я выразилъ свои чувства въ небольшомъ стихотвореніи. Оно было слабо, и безъ этого случая, о немъ не стоило бы и упоминать. Но въ то время мнѣ казалось, что его надо напечатать въ *Сѣверной Пчелѣ*, и Гречъ представилъ мои стихи на одобреніе графа Бенкендорфа. Дня черезъ два служившій при графѣ, по родству съ нимъ, лицейскій товарищъ мой П. И. Миллеръ (умершій въ прошломъ году) прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

„Спѣшу увѣдомить тебя, что графъ позволилъ напечатать стихи твои въ Сѣверной Пчелѣ. Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, и въ подкрѣпленіе словъ барона (М. А. Корфа) я со своей стороны далъ самый лестный отзывъ о моемъ старомъ и добромъ братѣ по лицею. Спасибо тебѣ за Дань Пушкину; она вылилась прямо изъ души. — Вмѣстѣ съ симъ я пишу Гречу, чтобы напечаталъ твои экзаметры въ своей газетѣ — и ты вѣроятно завтра или послѣ завтра прочтешь ихъ въ томъ же совершенно видѣ, въ какомъ они вылились изъ-подъ пера".

Не тутъ-то было. Долго не видя стиховъ своихъ въ печати, я наконецъ лично обратился къ Гречу съ вопросомъ о причинѣ того. Гречъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не могъ напечатать ихъ

безъ разрѣшенія министра просвѣщенія; графъ же Уваровъ не призналъ возможнымъ дать на то свое согласіе, такъ какъ въ концѣ моихъ экзаметровъ упоминалось о *юной Россіи*. Для объясненія этого надо припомнить, что въ то время въ конституціонной Франціи, на которую наше правительство смотрѣло косо, было въ ходу выраженіе: la jeune France.

Это стихотвореніе *„Дань Пушкину“* (посвящено лицейскимъ товарищамъ) напечатано по смерти автора въ кн. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ“, Спб. 1895, стр. 75, а потому будетъ кстати привести его здѣсь:

Вотъ онъ, друзья, нашъ пѣвецъ бездыханенъ, недвиженъ и блѣденъ,
Сжаты навѣки уста, потрясавшіе словомъ намъ душу;
Смолкнулъ плѣнительный голосъ, широкую Русь облетавшій,
Голосъ, коему съ дѣтства привыкли внимать мы съ улыбкой.
Ахъ! и не онъ ли впервые поэзіи жаръ пробудилъ въ насъ?
Помните-ль, братья, тѣ дни, какъ за тихой оградой Лицея,
Тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣлъ вдохновенный Каменами отрокъ,
Съ жаждой прекраснаго въ сердцѣ пѣсни его повторялись?
Помните-ль, какъ ослѣпляясь громкой судьбою поэта,
Силъ не измѣривъ своихъ, мечтали порой мы о славѣ?
Помните-ль, какъ онъ однажды, вѣрный завѣтному чувству,
Дѣдовскимъ ларамъ притекъ поклониться межъ внуковъ веселыхъ?
Мнилось, самъ богъ пѣснопѣнья съ горнихъ высотъ посѣтилъ насъ...
Други, его уже нѣтъ! Молодого, кипящаго жизнью,
Полнаго замысловъ пылкихъ Смерть удержала въ стремленьи!
Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы
Въ гробъ онъ уноситъ съ собой! Для чего же ты, Смерть, ненасытно
Цвѣтъ человѣчества косишь? Но безотвѣтна могила —
И передъ нами лежитъ облеченный саваномъ Пушкинъ.
Муза уныло склонилась надъ прахомъ его и рыдаетъ,
Вѣтвь кипариса сплетая съ лавромъ надъ тихой главою.
Жизни обманчивый сонъ ужъ болѣ его не тревожитъ;
Жаркая кровь ужъ остыла; вмѣстилище мысли могучей —
Бренный сосудъ разрушёнъ; но утѣшимся, мысль намъ осталась;
Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣлѣли.
Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,
Взглядъ самобытный на міръ, — на призывы природы свой откликъ,—

Все завѣщалъ намъ поэтъ — и почилъ. Съ какою любовью
Юноши, дѣвы и старцы, влекомые генія силой,
Дань воздаютъ удивленья передъ гробницею ранней!
Миръ же тебѣ, о нашъ бардъ, за таинственной гранію Стикса,
Тамъ, гдѣ давно по тебѣ воздыхалъ, сиротѣя, Державинъ.
Дивныя тѣни! ликуйте-жъ вмѣстѣ о юной Россіи,
Вами прославленной въ гимнахъ, васъ прославляющей нынѣ!

113. Господствующимъ свойствомъ характера Пушкина была правдивость. И въ художественномъ творчествѣ истина лежитъ въ въ основѣ красоты всѣхъ его произведеній, въ описаніи природы, въ изображеніи характеровъ, страстей и всѣхъ движеній души. Вспомнимъ, какъ добродушно самъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ смѣялся надъ тѣми уклоненіями отъ жизненной правды, которыя встрѣчаются въ его раннихъ сочиненіяхъ. Въ своихъ запискахъ онъ напримѣръ разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Ал. Раевскимъ забавлялся надъ неудачнымъ характеромъ Кавказскаго плѣнника. Онъ сочувствовалъ также Раевскому, когда тотъ хохоталъ надъ стихами *Бахчисарайскаго Фонтана:*

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, и т. д.

Въ жизни Пушкина извѣстны два случая, въ которыхъ всего ярче выразилась его честная и смѣлая правдивость: 1) когда онъ въ кабинетѣ Милорадовича, по собственному вызову, написалъ всѣ тѣ изъ своихъ стихотвореній, за которыя ему угрожала отвѣтственность, и 2) когда на вопросъ императора Николая, былъ ли бы онъ 14-го декабря съ мятежниками, если бъ находился въ Петербургѣ, онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою пріязнь съ виновными.

Замѣчательна была также находчивость Пушкина въ затруднительныхъ случаяхъ. Когда въ разговорѣ о стихотвореніи *На выздоровленіе Лукулла* Бенкендорфъ хотѣлъ отъ него добиться, на кого оно написано, то онъ отвѣчалъ: „На васъ", и видя недоумѣніе усмѣхнувшагося графа, прибавилъ: „Вы не вѣрите? отчего же другой увѣренъ, что это на него?"

Въ талантѣ и во всемъ существѣ Пушкина отличительную черту составляло то невольное обаяніе, которое онъ производилъ своими стихами и личностью. Въ его поэзіи всегда чувствовалась какая-то особенная прелесть, заключающаяся сколько

въ самомъ духѣ ея, столько же и въ его выразительномъ, точномъ и гармоническомъ языкѣ.

Вся жизнь его отмѣчена печатью необыкновенности. Еще будучи въ лицеѣ, онъ какъ своими стихами, такъ и проказами заставлялъ говорить о себѣ далеко внѣ стѣнъ заведенія. По выпускѣ вокругъ него образовалась толпа молодыхъ поклонниковъ: въ *Евгеніи Онѣгинѣ* онъ самъ говоритъ о своей музѣ:

...молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась.

И позднѣе онъ былъ постоянно предметомъ пристальнаго вниманія безчисленныхъ почитателей: каждое событіе въ его жизни, каждое новое стихотвореніе его возбуждали любопытство и толки. Такой же интересъ еще и нынче представляетъ его біографія: всякій вновь раскрытый въ ней фактъ, всякій новый слѣдъ его дѣятельности цѣнятся высоко.

Покойный Анненковъ замѣтилъ, что Пушкинъ въ поэзіи своей тщательно избѣгалъ выражать то, что прямо и непосредственно относилось къ его житейскимъ обстоятельствамъ, и обладалъ умѣніемъ идеализировать дѣйствительность, придавать ей подъ покровомъ искусства поэтическую прелесть. Вѣрность этого замѣчанія неоспорима, но надо согласиться, что и въ самой личности Пушкина было много способнаго сильно приковывать къ себѣ вниманіе людей, было что-то высшее, рѣзко выступавшее изъ пошлости вседневной житейской прозы.

Дѣйствія его, отношенія, рѣчи легко принимали характеръ страстности. Удивительно острый и блестящій умъ, соединенный съ чародѣйскою властью надъ словомъ, поражалъ всякаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Бесѣда его становилась въ высшей степени оживленною и увлекательною, какъ скоро сердце его было сколько-нибудь затронуто, и оттого-то Пушкинъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на женщинъ, которыя ему нравились и съ которыми онъ, по собственному его выраженію, *кокетничалъ* въ разговорѣ. Съ другой стороны онъ тѣми же свойствами своими, живостью, находчивостью въ выраженіяхъ, колкою насмѣшкой наживалъ себѣ враговъ.

Все это вмѣстѣ и привело Пушкина къ той роковой развязкѣ, которая такъ рано положила конецъ его блестящему и шумному существованію.

166. Въ полемикѣ, происходившей по поводу избранія Москвы мѣстомъ для сооруженія памятника, ратовавшіе въ пользу Петербурга утверждали, что Пушкинъ любилъ этотъ городъ гораздо болѣе, чѣмъ Москву, которой будто бы положительно не сочув-

ствовалъ. Иногда онъ дѣйствительно бранилъ и Москву; такъ напримѣръ 11-го іюня 1834 г. онъ писалъ женѣ: „Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга" (*Соч.* VII № 388). Но чаще онъ въ той же перепискѣ очень рѣзко выражаетъ нерасположеніе къ Петербургу. Вотъ нѣсколько такихъ выходокъ его: „Что это: у васъ? Потопъ? Ништо проклятому Петербургу" (по поводу наводненія 1824 г., № 79). — „Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости" (№ 376). — „Плюнуть на Петербургъ" (№ 381). — „Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ?" (№ 384). — „Подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу!" (№ 389).

222. Не ко времени ли составленія этихъ замѣтокъ гр. Корфа относится и слѣдующая записка его къ Яковлеву:

„Любезному нашему старостѣ лицейской годовщины, ex officio ближе всѣхъ должны извѣстны быть разныя подробности, относящіяся до нашихъ товарищей, живыхъ и отшедшихъ къ Богу. Въ этомъ предположеніи № 8 адресуетъ его превосходительству, для нѣкоторыхъ соображеній, — при которыхъ впрочемъ вовсе нѣтъ никакой arrière-pensée — нѣсколько вопросовъ, отмѣченныхъ на приложенной бумажкѣ. Разрѣшеніемъ ихъ будетъ оказана большая польза моей слабѣющей памяти, а слѣдственно и лицу преданнѣйшаго № 8".

„Пятница.

Самыхъ вопросовъ при запискѣ не сохранилось.

237. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, братъ котораго принадлежалъ къ числу воспитанниковъ 1-го курса и который приписывалъ себѣ составленіе проекта лицейскаго устава, оставилъ записки, напечатанныя въ 1871 году въ журналѣ *Заря*. Любопытны въ нихъ его воспоминанія о роли, какую онъ игралъ въ дѣлѣ основанія и открытія лицея. Вотъ что онъ разсказываетъ по поводу поѣздки своей въ Царское Село и Павловскъ, кажется въ 1829 году:

„Завидѣвъ зданіе лицея, я тотчасъ привелъ себѣ на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнѣйшаго и просвѣщеннаго министра графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ препорученіяхъ. Государю императору желательно было образовать въ лицеѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего его величество изволилъ начертать

главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи черты, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Графъ Алексѣй Кирилловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ [1]), и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было государю императору и удостоено высочайшаго его утвержденія 12-го августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе включено въ грамоту, дарованную лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазетъ съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати; приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ высочайшему подписанію, коего она удостоена въ 22-й день сентября 1811 года. Между тѣмъ какъ приготовлялась сія грамота и строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостію испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ сіе заведеніе, въ присутствіи министра, директора лицея статскаго совѣтника Василія Малиновскаго и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ. По приготовленіи такимъ образомъ всего къ открытію лицея, оно совершилось октября 20-го дня [2]) 1811 года въ присутствіи государя императора, государынь императрицъ, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, великой княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ императорскаго двора, господъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ изволили тогда путешествовать въ чужихъ краяхъ.

„Открытіе лицея происходило слѣдующимъ образомъ: По совершеніи, въ присутствіи августѣйшей императорской фамиліи, въ придворной церкви божественной литургіи духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія лицея въ сопровожденіи императорской фамиліи и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, также чиновниковъ и воспитанниковъ лицея. По окончаніи сего обряда, когда ихъ величества и ихъ высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастіе изъ грамоты, которую по обѣ стороны меня дер-

---

[1]) Это противорѣчитъ тому, что говоритъ гр. Корфъ со словъ Сперанскаго (см. выше, стр. 222).

[2]) Обмолвка; слѣдуетъ читать: 19-го октября.

жали два адъюнктъ-профессора, прочесть вступленіе главы объ устройствѣ и правахъ лицея и заключеніе грамоты. Потомъ министръ народнаго просвѣщенія, принявъ отъ меня грамоту, вручилъ оную директору лицея, для оставленія навсегда въ семъ заведеніи. По принятіи грамоты директоръ Малиновскій произнесъ сочиненную мною, приличную сему случаю, рѣчь [1]). За симъ секретарь конференціи и профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ лицей, потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное; каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по наименованіи его, представленъ былъ государю императору г. министромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего государь императоръ со всею императорскою фамиліею и прочими знаменитыми особами изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда ихъ величества пошли осматривать покои, государь цесаревичъ, идучи позади императорской фамиліи и неся въ одной рукѣ шаль великой княжны Анны Павловны, другою взявъ меня

---

[1]) Я помѣщаю оную здѣсь, какъ свою собственность:

„Всемилостивѣйшій государь! Въ семъ градѣ премудрѣйшая изъ монархинь среди весеннихъ и лѣтнихъ красотъ природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи. Въ обиталищѣ семъ ваше императорское величество поучались управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ наукъ для отличнѣйшаго юношества вашей державы. Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущихъ успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ дарованіяхъ и въ благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благорастворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпитъ и душевныя въ величіи чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мысленныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ августѣйшаго внука ея, пріосѣненіе сего храма наукъ его покровительствомъ воскрылятъ младые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ отечества и вѣрныхъ служителей престола монаршаго.

„Такъ, всемилостивѣйшій государь, попеченіемъ вашего величества здѣсь все соединено къ образованію юношества для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія.

„Но не менѣе того счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ вашимъ величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да ваше императорское величество и все отечество возрадуется о плодахъ его“. *И. М.*

подъ руку, удостоилъ счастія итти со мною. Я уже сказалъ, что старики живутъ въ воспоминаніяхъ, а потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ великимъ княземъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было ему видѣть при открытіи лицея дѣйствующимъ лицомъ и меня, подчиненнаго его высочеству по совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, цесаревичъ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: „Ты вездѣ!“ Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, онъ спросилъ: „Что ты здѣсь значишь?“ Я отвѣчалъ, что министру угодно было, чтобы я, какъ директоръ департамента, прочелъ грамоту. „А эти профессора откуда?“ — „Всѣ изъ педагогическаго института“. — „Всѣ твои!“ Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ. „Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденія?“ — „Куницынъ“. — „Хорошо читалъ“. — „Онъ былъ первый студентъ въ Педагогическомъ институтѣ“. — „И мой Талызинъ хорошъ“. — „И онъ, ваше высочество, былъ изъ отличныхъ студентовъ“.

„Изъ столовой государь съ императрицей и великими князьями г. министромъ препровождены были въ ту комнату, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ завтракъ; ибо государь императоръ по-утру, до открытія лицея, изволилъ прислать съ отказомъ, что ихъ величества и ихъ высочества обѣдать не будутъ, потому что въ тотъ день былъ у ихъ величествъ фамильный столъ. Прочіе же всѣ посѣтители угощены были богатѣйшимъ столомъ, стоившимъ г. министру одиннадцать тысячъ рублей! Таковы угощенія русскихъ бояръ! Ученіе въ семъ заведеніи началось на другой же день. Какъ, по постановленію онаго, положено чрезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытанія и притомъ сторонними лицами, то министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, посылалъ меня около того времени, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; на сей конецъ, съ позволенія его, я бралъ съ собою профессоровъ педагогическаго института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. министра, я часто и неожиданно ѣздилъ для сего въ лицей одинъ и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи; большею же частію занималъ ихъ россійскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ, и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ. Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особливою охотою, имѣя въ виду только одну пользу воспитанниковъ. Дѣйствительность

сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессоры выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ гг. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Пущинъ, Илличевскій, Малиновскій" [1]) и проч.

238. Имя Теппера Фергюсона упоминается часто, когда рѣчь идетъ о бытѣ перваго курса лицеистовъ. Въ семействѣ этого лица произошелъ печальный случай, о которомъ Плетневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ (1846 г.), разсказываетъ:

„Іозефинѣ Вельго (Welho), воспитывавшейся у Теппера, я давалъ уроки, самъ еще бывши въ институтѣ, по желанію моего директора Е. А. Энгельгардта [2]). Это было золотое время: мнѣ было лѣтъ 20, а ей 16. Мы оставались всегда только двое въ прелестной ея комнатѣ и безпрестанно краснѣли, не понимая сами отъ чего. Она черезъ мѣсяцъ послѣ того какъ я сталъ учить ее, начала́ уже порядочно понимать „Письма русскаго путешественника", не знавши, прежде моихъ уроковъ, почти ни слова по-русски. Она была удивительное созданіе по красотѣ души, сердца и тѣла. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы она нѣкогда принадлежала кому-нибудь изъ смертныхъ. Тепперъ поѣхалъ въ Парижъ. Разъ ея мать пошла гулять. Іозефина забыла перчатки свои. Она жила въ верхнемъ этажѣ. Прибѣжавши въ комнату, она выглянула въ окно, чтобы посмотрѣть, не ушла ли уже мать ея на улицу. Перевѣсившись за окно, она упала оттуда и тутъ же умерла. Я и теперь не могу вспомнить о ней безъ сердечнаго трепета и участія. Она для меня облекла въ поэзію самое прозаическое ремесло... До сихъ поръ этотъ домъ вѣетъ для меня поэзіею (это домъ Вебера въ Малой Морской) Тепперъ, женившійся на старшей сестрѣ Іозефины, былъ музыкантъ и училъ великую княжну Анну Павловну. Его отецъ былъ богатѣйшій банкиръ въ Польшѣ, гдѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ погибъ въ одну изъ тамошнихъ революцій. Тогда сынъ его, путешествовавшій какъ какой-нибудь лордъ по Европѣ, вдругъ въ Вѣнѣ публиковалъ себя подъ скромнымъ именемъ учителя музыки, съ которымъ и въ Петербургъ переѣхалъ. Это былъ вдохновенный старикъ [3]).

242. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ М. А. Корфомъ о М. С. Пилецкомъ-Урбановичѣ приводимъ здѣсь письмо о немъ директора лицея Малиновскаго къ директору департамента Нар.

---

[1]) Графъ Корфъ, дѣйствительно, подтвердилъ это показаніе И. И. Мартынова своимъ свидѣтельствомъ: см. его записку, стр. 267.

[2]) Т. е. директора Педагогическаго института, въ которомъ Энгельгардтъ занималъ эту должность прежде назначенія директоромъ царскосельскаго лицея.

[3]) См. *„Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ"*, т. II, стр. 693.

Просв. И. И. Мартынову, сообщеніемъ намъ копіи съ котораго мы обязаны любезности академика Л. Н. Майкова. *Ред.*

„Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ! Предъ открытіемъ лицея просилъ я васъ употребить ходатайство за г-на Пилецкаго; послѣ того на опытѣ и болѣе онъ доказалъ, сколько заслуживаетъ моей просьбы неусыпнымъ стараніемъ о воспитанникахъ. Онъ мнѣ правая рука, и потому всемѣрно укрѣпить ее желаю, и ваше превосходительство меня собственно одолжите, вспомогая ему въ полученіи чина. Онъ не прошелъ экзамена по исторіи, и поелику отлучаться трудно, то не замѣнитъ ли сей экзаменъ приложенный атестатъ Шлецера, какъ не въ примѣръ другимъ иностраннымъ профессорамъ человѣка славнаго и россійскаго чиновника и кавалера? По полученіи же вашего атестата тотчасъ сдѣлаю я о г-нѣ Пилецкомъ формальное представленіе его сіятельству господину министру. Итакъ, отъ васъ главнѣйшимъ образомъ зависитъ сіе производство; а впрочемъ увѣренъ я, что г-нъ Пилецкій экзаменъ выдержитъ, — только бѣда въ отлучкѣ его до Петербурга: онъ здѣсь ежечасно въ надзорѣ за дѣтьми, и даже гувернеры требуютъ его просвѣщеннѣйшаго руководства.

Полагаясь на ваше снисхожденіе къ моей просьбѣ, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорный слуга Василій Малиновскій.

Сарское Село.
11 ноября 1811."

243. Непріятныя послѣдствія перваго знакомства съ табакомъ не помѣшали графу Корфу сдѣлаться позднѣе однимъ изъ самыхъ страстныхъ курильщиковъ. Онъ постоянно курилъ крѣпкій турецкій табакъ изъ длиннаго черешневаго чубука, съ которымъ рѣдко разставался, не покидая его и тогда, когда работалъ стоя у своего высокаго пюпитра; иногда же онъ употреблялъ и кальянъ. По отзыву врачей, двойная привычка неумѣреннаго куренія и стоянія во время работы отозвалась въ старости очень вредно на его здоровьи: голова и ноги сравнительно рано у него ослабѣли. Страдая издавна безсонницей, онъ даже и ночью нерѣдко прибѣгалъ къ трубкѣ, когда, въ послѣдніе годы жизни, хлоралъ отказывалъ въ помощи.

243. Недавно праздникъ, о которомъ говоритъ графъ Корфъ и къ которому Пушкинъ написалъ извѣстные стихи *Принцу Оранскому*, былъ подробно описанъ, по новымъ источникамъ, въ *Русскомъ Архивѣ* (1887, № 7), съ приведеніемъ и неизвѣстныхъ до сихъ

поръ драматическихъ сценъ, сочиненныхъ къ этому празднику К. Н. Батюшковымъ по вызову того же Нелединскаго-Мелецкаго, который уговорилъ Пушкина написать названное стихотвореніе.

253. По показанію И. И. Пущина, графъ Брольо, сдѣлавшись филелленомъ, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Греціи и былъ убитъ тамъ въ 1829 году (*Атеней* 1859, кн. 8, стр. 521). Кстати замѣтимъ, что фамилія его пишется Broglio, но произносится *Брольо*.

Замѣтка издателя объ остаткахъ лицейскаго архива I-го курса.

Въ статьяхъ настоящаго изданія авторъ много разъ говоритъ о матеріалахъ, которые ему удалось постепенно собрать, преимущественно отъ первенцевъ Лицея—товарищей Пушкина, и которые и послужили ему однимъ изъ главныхъ источниковъ для составленія ряда біографическихъ очерковъ и характеристикъ, относящихся къ пушкинскому Лицею, и для внесенія нѣкоторыхъ новыхъ чертъ и подробностей въ исторію лицейскаго воспитанія самого великаго писателя.

Главная часть этихъ *остатковъ лицейскаго архива 1-го курса*, какъ выразился объ этихъ драгоцѣнныхъ бумагахъ ихъ обладатель (см. выше, стр. 28), достались покойному академику отъ Ф. Ф. Матюшкина, остальное отъ С. Д. Комовскаго, графа М. А. Корфа, а также родственниковъ нѣкоторыхъ другихъ товарищей поэта (напр., Малиновскаго и Пущина). О содержаніи этихъ лицейскихъ бумагъ и автографовъ читатель знаетъ изъ статей настоящаго Сборника. Перечислять ихъ здѣсь мы не станемъ. Чтобы судить объ интересѣ этого небольшого собранія достаточно назвать такіе документы, какъ письма Илличевскаго къ Фуссу, черновыя тетради и записки Матюшкина и Комовскаго, лицейскіе литературн. журналы „Вѣстникъ“ и „Лицейскій Мудрецъ“, автографы нѣкоторыхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, а также писанные имъ протоколы празднованія лицейскихъ годовщинъ (19 окт.), стихотворные опыты другихъ лицейскихъ поэтовъ 1-го курса, письма первенцевъ лицея другъ къ другу и проч. Кое-какіе матеріалы, упоминаемые Я. К. Гротомъ въ его статьяхъ, не нашлись въ его бумагахъ. Но значительная ихъ часть сохранилась, и мы имѣемъ въ виду еще разъ вернуться къ этимъ любопытнымъ рукописямъ, чтобы дополнить уже изданное и извлечь изъ нихъ что

еще можетъ имѣть цѣну и представить интересъ для характеристики той школьной и товарищеской среды, тѣхъ условій и той обстановки, въ которой суждено было развиваться и зрѣть геніальной натурѣ нашего поэта. Это кажется намъ тѣмъ необходимѣе, что нѣкоторыя (впрочемъ немногія) бумаги были, кажется, получены Я. К. уже послѣ составленія имъ этой книжки. Быть можетъ, въ семейныхъ архивахъ потомковъ лицейскихъ первенцевъ отыскались бы еще какія-либо рукописныя воспоминанія о лицейской старинѣ, за сообщеніе каковыхъ мы были бы крайне признательны въ виду только-что высказаннаго намѣренія еще заняться этой стариной.

Нѣкоторые изъ пушкинскихъ автографовъ, собранныхъ покойнымъ отцомъ моимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рукописными достопримѣчательностями (къ Пушкину относящимися), были переплетены имъ въ особую тетрадь, которую онъ въ 1880 г., въ дни открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, предоставлялъ устроителямъ Пушкинской выставки. Въ бумагахъ его сохранилось препроводительное письмо, въ которомъ перечислено все данное имъ на эту выставку. Вотъ что сказано въ немъ объ упомянутой тетради: „Листовая переплетенная тетрадь, состоящая изъ 34-хъ почти исключительно рукописныхъ листковъ, изъ которыхъ большую часть составляютъ автографы Пушкина. Первый изъ нихъ, стихотвореніе: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* найденъ мною въ тетрадяхъ Державина и очевидно былъ поднесенъ авторомъ маститому поэту на знаменитомъ лицейскомъ экзаменѣ въ началѣ 1815 года. Всѣ остальные получены мною въ даръ отъ Ф. Ф. Матюшкина за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины въ 1872 году, а ему они достались въ наслѣдство отъ М. Л. Яковлева, усерднаго собирателя всякихъ воспоминаній и документовъ первоначальнаго лицея. Печатный текстъ стихотворенія „19-го октября“ (1825 г.) изданъ мною много лѣтъ тому назадъ въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія И. А. Н. совершенно сходно съ автографомъ, подареннымъ Александровскому Лицею Яковлевымъ же. Находящіяся въ началѣ тетради два изображенія: фотографическій портретъ Е. А. Энгельгардта и видъ части лицейскаго сада подарены мнѣ покойнымъ барономъ Искулемъ, умершимъ въ 1879 году“.

Считаемъ умѣстнымъ помѣстить здѣсь и болѣе подробное описаніе этой любопытной тетради автографовъ; его составленіемъ и сообщеніемъ намъ обязаны мы Л. Н. Майкову, который пользовался ею для I тома академическаго изданія сочиненій Пушкина.

К. Г.

„Собраніе автографовъ Пушкина изъ лицейскихъ бумагъ, принадлежащихъ Я. Гроту“ переплетено въ одну тетрадь размѣромъ въ листъ писчей бумаги и состоитъ изъ 34 нумерованныхъ листовъ. Въ это собраніе вошли также слѣдующіе два рисунка, наклеенные на листѣ бѣлаго картона:

1) фотографическій снимокъ съ портрета директора лицея Е. А. Энгельгардта и
2) акварельный рисунокъ, изображающій лицейскій садъ въ Царскомъ Селѣ съ бесѣдкой, носившей названіе „Грибка“. (Снимокъ съ него прилагается къ I-му тому Академическаго изданія сочиненій Пушкина).

Лл. 1—4 об. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ (1814 г.). Набѣло переписанный автографъ, поднесенный на экзаменѣ Державину авторомъ 8-го января 1815 г. На 4 листкахъ бѣлой бумаги въ большую 4-ку. Изъ № 9 Державинскихъ тетрадей.

Лл. 5—6 об. „Мое завѣщанье (Друзьямъ)“ (1815 г.). На двухъ листкахъ синей бумаги въ 4-ку.

Лл. 7—8. „Къ молодой вдовѣ“ (1816 г.). Черновой набросокъ съ многочисленными собственноручными поправками. Передѣланная часть стихотворенія переписана тутъ же (на 8 листкѣ) А. Д. Илличевскимъ. На двухъ листкахъ синей бумаги въ 4-ку съ водянымъ знакомъ „1814“.

Л. 9. „Боже, царя храни!“ (1816 г.). Со 2-го куплета:

„Тамъ громкой славою...

Вся піеса съ собственноручными поправками. На синей бумагѣ въ 4-ку.

Л. 9 об. Черновой набросокъ одного куплета къ „Боже царя храни!“ незаконченный и не напечатанный.

Лл. 10—11. „Наслажденіе“ (1816 г.). На двухъ листахъ синей бумаги въ 4-ку съ водянымъ знакомъ „1814“.

Лл. 12—13 об. „Къ Жуковскому“ (1817 г.). Съ подписью „Арзамазецъ“. На синей бумагѣ въ листъ съ водяными знаками „М. О. Ф. Е. 1814“.

Лл. 14—16. „Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго **іійшій**“, то-есть, А. Д. Илличевскаго. На листкахъ синеватой бумаги въ 8-ку. Здѣсь заключаются слѣдующія стихотворенія: а) „Надпись къ бесѣдкѣ“ Пушкина (1816 г.), автографъ; б) На Кюхельбекера, эпиграмма Пушкина (1816 г.), автографъ; в) рукою А. Д. Илличевскаго два стиха:

Ты знаешь: этого урода
Не могъ и не хотѣлъ никто нарисовать.

г) „Завѣщаніе“ Пушкина (1816 г.), рукою А. Д. Илличевскаго; д) „Другое завѣщаніе“, писано рукою А. Д. Илличевскаго; е) „Къ ней“; Пушкина (181 г.), автографъ; ж) „Слеза“, Пушкина (1815 г.), автографъ.

Лл. 17—18. „Couplets“ (1817 г.), автографъ. На двухъ листкахъ синей бумаги въ 4-ку.

Лл. 19—19 об. „A. Mr. Pouchkin“, отвѣтъ въ стихахъ г-жи Смитъ, урожденной Charon la-Rose, на предыдущее стихотвореніе. На листкѣ синей бумаги въ 4-ку.

Лл. 20—21. Подлинникъ письма къ А. Пушкину его дяди В. Л. Пушкина изъ Москвы отъ 17-го апрѣля 1816 г. На почтовой бумагѣ въ 8-ку. Напечатано въ статьѣ Я. К. Грота „Царскосельскій Лицей“, см. выше, стр. 47.

Лл. 22—23 об. Протоколы лицейскихъ годовщинъ 19-го октября:
1) 1828 г., писанный Пушкинымъ, съ подписями: бар. Дельвига (Тосенька), Илличевскаго (Олесенька), Яковлева (Паясъ-Комикъ), Корфа (Дьячокъ-морданъ), Стевена (Шведъ), Тыркова (Кирпичный брусъ), Комовскаго (Лиса) и Пушкина (Французъ). Напечатанъ въ пересказѣ у Грота въ ст. „Лицейскія годовщины“, см. выше, стр. 82.

Л. 23 об. 2) 1831 г., писанный М. Л. Яковлевымъ, съ подписями: Корфа (Дьячокъ-морданъ), Комовскаго (Лиса-смола), Илличевскаго (Олесенька и Коробка (?), Корнилова (Сибирякъ), Стевена (Шведъ), Данзаса (осада Данцига) и Яковлева (Паясъ, 200, NN.).
На двухъ листахъ бѣлой бумаги въ большую 4-ку. Извлеченіе напечатано у Грота тамъ же, стр. 83.

Лл. 24—24 об. Протоколъ лицейской годовщины 19-го октября 1836 г., писанный Пушкинымъ и М. Л. Яковлевымъ, съ подписями: Юдина, Мясоѣдова, Гревеница, Яковлева, Мартынова, Корфа, Пушкина, Илличевскаго, Комовскаго, Стевена и Данзаса. Напечатанъ тамъ же, стр. 84—85.

Лл. 25—26. „Лицейская годовщина 1836“, стихотвореніе Пушкина напечатанное отдѣльно на 3-хъ нумерованныхъ страницахъ вскорѣ послѣ празднованія, но безъ конца, до стиха:

На рубежѣ Европы бодро сталъ...

Л. 27. Протоколъ 40-й годовщины лицея въ 1851 году, съ подписями: Яковлева, Комовскаго, Маслова, Матюшкина, Данзаса, Корфа и Корнилова. На той же бѣлой писчей бумагѣ въ листъ, что и протоколъ 19-го октября 1836 г., съ водяными знаками: „Б. У. 1835“ Тутъ же (л. 27) рисунокъ карандашомъ, съ надписью: „Камарашъ, лиц. экономъ“.

Лл. 28—29 об. Текстъ стихотворенія Пушкина „19-е октября“ (1825 г.), напечатанный Я. К. Гротомъ съ автографа въ VI т. „Извѣстій Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“ (1857 г.), ст. 329—336 и перепечатанный въ настоящей книжкѣ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, см. выше, стр. 142—154.

Л. 30. Записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву, въ 1834 г., по поводу изданія „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (автографъ). На листкѣ бѣлой бумаги въ 4-ку съ водяными буквами „Ф. К. Н. Г“.

Л. 31. Записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву отъ 19-го октября 1834 г. по поводу празднованія лицейской годовщины (автографъ). На листкѣ бѣлой бумаги въ 4-ку. Напечатана въ настоящемъ изданіи, стр. 83.

Л. 32. Записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву, 1836 г., съ эпиграммой на Смирдина (автографъ). На листкѣ бѣлой бумаги въ 4-ку съ водянымъ знакомъ „1829“.

Лл. 33—33 об. Записка Пушкина къ М. Л. Яковлеву, 1836 г., о празднованіи лицейской годовщины (автографъ). На листкѣ бѣлой бумаги въ большую 8-ку, съ водяными знаками „А. Г. 1834“. Напечатана въ наст. изд., стр. 84.

Л. 34. Письмо Е. А. Энгельгардта къ М. Л. Яковлеву отъ 16-го октября 1838 г., по поводу празднованія лицейской годовщины (автографъ). Напечатано тамъ же, стр. 85—86.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ [1]).

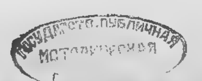
[1]) Въ виду отдѣльной пагинаціи въ сборникѣ статей о Пушкинѣ, цифры страницъ къ нимъ относящіяся печатаются въ обоихъ указателяхъ для отличія курсивомъ.

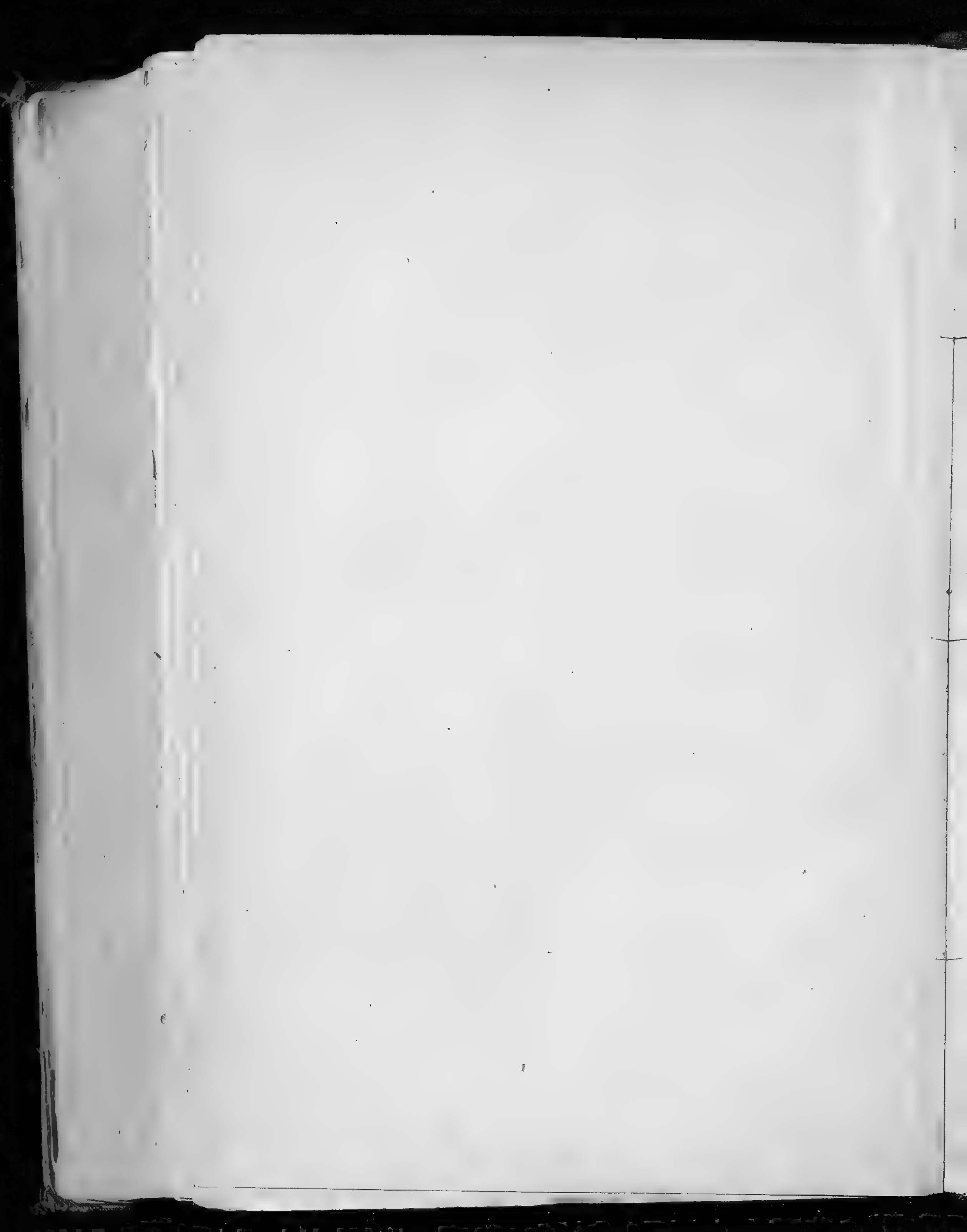
Ред.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ [1]).

---

[1]) Курсивомъ печатаются названія литературныхъ произведеній, статей, книгъ и изданій. Цифры курсивомъ означаютъ страницы въ отд. о Пушкинѣ. *Ред.*

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Должно читать.*
28	9	сверху	Ломоноса	Ломоносова
29	19	"	Адодуровъ	Ададуровъ
51	3	"	Малгебра	Малгерба
146	18	"	Коченовскій	Каченовскій
157	2	"	Заводовскій	Завадовскій
189	5	снизу	Висковатаго	Висковатова
215	8	сверху	Хмѣльницкій	Хмельницкій
304	11	"	Франіци	Франціи
454	10	снизу	Карниловъ	Корниловъ
461	7	"	втиши кабинета	въ тиши кабинета
173	12	"	И. Д. Гончаровъ	И. А. Гончаровъ

